

Н.С.ХРУЩЕВ
ВОСПОМИНАНИЯ

КНИГА ТРЕТЬЯ

Н.С.ХРУЩЕВ

**ВРЕМЯ
ЛЮДИ
ВЛАСТЬ**

МОСКОВСКИЕ НОВОСТИ
ИНФОРМАЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКАЯ КОМПАНИЯ

1999 г.

УДК 882 (08)
ББК 66.3 (2 Рос) 8
X 95

Охраняется законом РФ об авторском праве.
Воспроизведение всей книги или любой ее части за-
прещается без письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона будут преследо-
ваться в судебном порядке.

Хрущев Н.С.

X 95 **Время. Люди. Власть.** (Воспоминания в 4-х кн.).

М.: Информационно-издательская компания «МОСКОВСКИЕ НОВОСТИ»,
1999. — 704 с.: илл.

ISBN 5-900036-06-5(кн.3)

ISBN 5-900036-04-9

Воспоминания принадлежат видному политическому деятелю СССР, за-
нимавшему в течение десятилетий ведущие партийные и государственные
посты в Москве, на Украине и в СССР. Период с 1953 по 1964 г. в истории
СССР связан непосредственно с личностью первого секретаря ЦК и предсе-
дателя Совета Министров СССР Н.С.Хрущева. Много лет работавший со Ста-
линым, хорошо знавший его, он первым решительно пошел на вскрытие
тоталитаризма, разоблачение культа личности Сталина и его последствий,
стремясь обновить коммунизм как идею. Н.С.Хрущев стал очевидцем и уча-
стником ряда крупных исторических событий, встречался со многими пре-
зидентами и другими видными деятелями США, Китая, Великобритании,
Франции, Германии, Индии, Египта, Польши, Венгрии, Болгарии и др., о чем
интересно рассказывает в своих воспоминаниях.

ББК 66.3 (2 Рос) 8

В книге использованы фотографии из РГА кинофотодокументов,
Московского государственного архива документов
на специальных носителях,
фотохроники ИТАР-ТАСС, архива семьи Хрущевых,
фотоархива П.М. Кримермана и ряда зарубежных агентств.

ISBN 5-900036-06-5(кн.3)
ISBN 5-900036-04-9
ББК 66.3 (2 Рос) 8

© ИИК «Московские новости», 1999 г.
© Н.С.Хрущев, текст, 1999 г.
© Р.Аджубей, В.Евреинов, С.Хрущев
(правообладатели), 1999 г.
© Составление, документы,
примечания, комментарий.
© Г.Максименков, оформление.

ВВЕДЕНИЕ

Н.С. Хрущев и те, кто связал с ним свою судьбу, вряд ли представляли размах действий, которые вызовет доклад «О культе личности и его последствиях» на XX съезде КПСС. Одними из первых свое несогласие с решениями съезда высказали руководители компартии Китая, и в первую очередь Мао Цзэдун. Спустя полгода, в августе 1956 года, он сделал заявление о своем неприятии этих решений А.И.Микояну, руководителю делегации КПСС на VIII съезде КПК.

В те дни, когда работал съезд КПК, вдруг стало известно, что, воспользовавшись критикой Сталина, ряд членов и секретарей ЦК Трудовой партии Кореи повели атаку на Ким Ир Сена. По решению Москвы и Пекина в Пхеньян с китайского аэродрома срочно двумя самолетами вылетели с интервалом в один час делегация КПК и большая часть делегации КПСС на съезде КПК в составе А.И. Микояна, Б.Н. Пономарева и Н.А. Мухитдинова.

В Польше еще до разоблачения культа Сталина в партийной верхушке шли споры и предпринимались попытки устранения наиболее вопиющих проявлений силовых структур. Было упразднено министерство безопасности, выпущены на свободу политзаключенные, в том числе бывший генеральный секретарь ПРП Владислав Гомулка. Доклад Н.С.Хрущева и информация о XX съезде КПСС пришли в Польшу одновременно с известием о смерти в Москве лидера ПОРП Б.Берута, человека с репутацией сталиниста. Прибывший на похороны во главе делегации Хрущев принял участие и в работе VI пленума ЦК ПОРП.

Этот пленум принял решение ознакомить партийные организации с докладом Н.С.Хрущева. Реакция на него оказалась очень острой и неожиданной. В ряде горкомов ПОРП стали обсуждать вопросы о правомерности пребывания советских войск в Польше, о расстреле поляков в Катыни. В Быдгоще, Гданьске и Торуне с новой силой вспыхнули дискуссии о важности, цене польско-советских отношений. Спустя месяц, на следующем пленуме ЦК ПОРП, уже раздавались голоса с требованием о восстановлении В.Гомулки в партии и снятии с него прежних обвинений.

Происходившие в Польше события, достигнув границ Венгрии, получили сильную поддержку и там. Президиум ЦК КПСС срочно направил в Будапешт Микояна. Вместе с послом в Венгрии Ю.В.Андроповым он провел ряд консультаций, поддерживая кандидатуру Яноша Кадара на пост первого секретаря ЦК ВПТ. Однако большинство членов ЦК не

приняли Кадара, избрав Э.Герэ, соратника Ракоши. Я.Кадар стал вторым секретарем. Напряженность спала.

В то же самое время в Польше события уже выходили за рамки «дозволенного». Политические изменения приобретали лавинообразный характер. В.Гомулка стал членом политбюро ЦК ПОРП, вошел в состав комиссии по подготовке нового пленума. На приглашение прибыть в Москву на консультации реакции не последовало. И тогда 19 октября на военном аэродроме приземлился самолет с Хрущевым, Булганиным и Микояном на борту. Острые споры, балансировавшие на грани политического разрыва и громкого скандала, закончились тем, что Гомулка заверил советскую сторону в приверженности Польши Варшавскому договору.

Эти польские события нашли горячую поддержку в Венгрии, где в середине октября на улицы венгерских городов вышли массы студентов. В руководстве страны берут верх то одни, то другие политические силы. В Москве обеспокоены, и в Будапешт, где уже находился председатель КГБ И.А. Серов и его сотрудники, отправляются Микоян и Суслов. Они ежедневно информируют оттуда Президиум ЦК КПСС о разворачивающихся действиях «контрреволюционеров».

Венгерская «контрреволюция» грозила Варшавскому договору и СЭВу непредсказуемыми последствиями. В Москве решили применить войска, «оказать братскую помощь венгерскому народу...» Ранним утром 4 ноября войска начали действовать. За короткое время основные очаги сопротивления были ликвидированы. Кроме подавления восстания, «наведение порядка» в Венгрии преследовало еще одну цель — упразднить рожденные революцией органы власти в Будапеште и в провинции.

Венгерский кризис нанес немалый вред антисталинизму. Он сказался также на внутрипартийной борьбе в руководстве КПСС, ослабив, хотя и временно, положение Хрущева и усилив критику антисталинского курса КПСС. Применение армии в решении политических вопросов способствовало формированию антихрущевской оппозиции, предпринявшей спустя год после венгерской демократической революции открытое выступление в июле 1957 года...

В шестой части книги, озаглавленной «Третий мир», Н.С.Хрущев с некоторой грустью вспоминает о том, что никогда не слышал от Сталина каких-либо рассуждений о странах Ближнего и Среднего Востока, об Индии, Индонезии и их роли в мировой политике. И, может быть, поэтому, а скорее, из-за того, что мир все больше и больше распадался на две противоположные системы, он приложил максимум усилий и внес огромный вклад в сближение СССР с Востоком. С помощью многих тогдашних структур, куда входили эксперты МИДа, востоковеды ряда институтов, партийные и государственные деятели, Хрущев проделывал огромную работу по привлечению стран Востока на сторону СССР. Начатое в то время культурное и экономическое сближение с этими государствами, о чем идет речь в воспоминаниях, и сейчас плодотворно сказывается на мировом политическом климате.

ВОСПОМИНАНИЯ

Часть V

СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ СОДРУЖЕСТВО

ПО СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМУ ПУТИ

Поделюсь некоторыми мыслями относительно стран, вошедших в социалистический лагерь. Сначала расскажу об отдельных наблюдениях насчет того, как Сталин строил отношения с ними. Он делал все, что было в его силах, чтобы эти страны развивались по социалистическому пути. В этом нет сомнений. То была его мечта, и он не жалел усилий для того, чтобы подталкивать страны в направлении построения социализма. Он хотел также, чтобы страны народной демократии были в дружбе с советским народом. Но дружбу он понимал односторонне, стремясь, чтобы они обязательно и во всем следовали в фарватере советской политики, особенно при контактах с Западом и в Организации Объединенных Наций.

После смерти Сталина мы стремились к тому же. Такая политика нам казалась правильной, поскольку она связана с общей платформой построения социализма и коммунизма. Тут все силы в борьбе против капиталистического мира должны быть приложены к одной точке. Но Сталин был Сталиным. Осуществления правильно поставленных целей он добивался своими, сталинскими, варварскими средствами. Чистка, которая в послевоенные годы проводилась в странах народной демократии, велась именно под этим углом зрения. Доносчики и советники, которые работали там, чтобы указать, кого принести в жертву, собирали какие-то предварительные данные. А ведь всегда о каждом человеке узнать можно то, что очень хочешь узнать, и в зависимости от установки собирать такие сведения, которые будут рисовать данного человека в определенном свете и придавать его действиям желаемые политические оттенки. Этого Сталину было достаточно, чтобы считать такого человека недругом Советского Союза и «врагом народа». В результате там летели головы, как в свое время в

СССР и в нашей партии. Та же политика проводилась касательно не только широкого круга лиц, но и в отношении коммунистического руководства стран народной демократии.

С руководителями этих стран Сталин строил контакты на основе абсолютного их подчинения и не терпел ни особых мнений, ни простых возражений. Если в беседе по любому вопросу человек настаивал на своей точке зрения, это его раздражало и порождало сомнения в искренности такого человека, подвергались сомнению его коммунистическая убежденность, его преданность марксистско-ленинскому учению. Отсюда оставался один шаг до его гибели. Вместе с тем Сталин очень заботился о развитии экономики стран народной демократии и помогал им, чем только СССР мог. Например, строительство крупного металлургического завода в Польше было задумано и начато при Сталине¹. Я помню, как Берут ставил этот вопрос. Тогда в Москве все вместе выбирали место для завода и решили, что следует построить его в районе Кракова, древней столицы Польского государства, но почти без промышленности. Учитывали большую историческую ценность и притягательность Кракова для польского народа. Берут обосновывал так: надо построить завод недалеко от Кракова и тем самым создать там новый пролетарский центр как опору партии при строительстве социализма в Польше. Это было разумное предложение со стороны Берута, Сталин отнесся к нему с пониманием, и полякам была оказана помощь в строительстве завода. Сейчас он успешно работает.

В 1946 г. СССР имел очень мало ресурсов для удовлетворения потребностей советского народа в хлебе. На Украине был буквально голод, отмечались даже отдельные случаи людоедства. И в то же самое время Сталин оказывал щедрую помощь хлебом Польше, хотя Польша не терпела такой нужды, как отдельные районы Советского Союза, особенно Украина. Помню, как тогда Ванда Василевская ездила в Варшаву, где у нее жила мать, и по возвращении с возмущением рассказывала, как поляки ругают СССР за то, что наряду с поставками пшеницы мы поставили им рожь. Поляки не привыкли есть ржаной хлеб. Она-то видела, как мы на Украине жили в то время, как люди мерли от голода. Помощь народным демократиям преследовала и рекламные цели (Сталин был очень щепетильным в этом отношении): дескать, СССР имеет неисчерпаемые возможности. Все это делалось для того, чтобы привязать к себе и закрепить за собой страны народной демократии, включая их руководство.

Тут во мне действуют смешанные чувства. Основная направ-

ленность той политики была хорошая: надо было действительно сделать все, чтобы укрепить дружбу между нашими народами и между их руководителями. Но какими средствами? Вот главное. Все хорошо в меру. Любое злоупотребление недопустимо, даже если преследуются правильные цели. Подобные действия наносят непоправимый вред. Так оно и оказалось: и в Чехословакии, и в Венгрии, и в Болгарии, и в Румынии были казнены невиновые люди, которые потеряли свои головы в результате политической линии и характера Сталина. Какие дружеские отношения были у нас с Югославией! Как уважал (и заслуженно уважал) Сталин Иосипа Тито. Но достаточно было югославам возразить нам в каких-то вопросах и высказать свое мнение, как это уже посчиталось крамолой, после чего наши отношения не только оказались испорченными, но и стали враждебными. В СССР перестали признавать заслуги югославского народа под руководством Коммунистической партии и ее вождя Тито, боровшегося против Гитлера. Лидеры Югославии превратились в «палачей» и «предателей». Мы стали доказывать, что никакого там социализма не строится, хотя социалистические принципы, заложенные в период расцвета дружбы Югославии и Советского Союза, не были нарушены, а, наоборот, продолжали укрепляться. Однако раз это делается без согласования со Сталиным и проявляется непослушание, то там уже не коммунисты и не друзья СССР, а враги. Такая нетерпимость Сталина ко всякой самостоятельности до невозможности портила любые отношения, и если бы Сталин пожил подольше, то не знаю, к чему бы мы пришли и во что бы это вылилось и у нас, и у соседей.

Тогда уже постепенно назревало ухудшение отношений с Китаем. Сталин как коммунист относился к новому Китаю правильно, и мы делали все, что было в наших силах, помогая Китаю на завершающем этапе борьбы с Чан Кайши. Когда Япония была разгромлена и разоружена ее Квантунская армия, то все трофейное оружие мы передали коммунистам Китая, формируя условия для разгрома войск Чан Кайши. Передали им много и нашего собственного оружия, тем более что война кончилась, а у нас оружия имелось в избытке. Но Сталин относился с недоверием к Мао Цзэдуну. Его недоверие проявлялось и у нас, его бывших сотрудников, и мы стали настороженно смотреть на Китай, особенно после нашей поездки туда. Тем не менее Сталин и сам не раз давал в свое время повод к плохому отношению со стороны Китая к Советскому Союзу. Нельзя было так поступать! Китай — независимая, богатая и древняя страна. Ее коммунисты

боролись много лет против реакционных сил и теперь победили. И вдруг — стать в подчинение Советскому Союзу и вывернуться наизнанку в угоду Сталину? Требовать этого было очень нехорошо, даже если мы, что-то забирая, расплачивались по нормальному курсу валюты.

Решать, какими товарами, каким сырьем и в каком количестве можно делиться с братскими странами, а что оставить себе для внутреннего потребления или даже реализации на капиталистическом рынке, — внутреннее дело каждого государства. Надо с пониманием относиться к запросам братских стран, а не только стараться наживаться самому или наносить оскорбление другой стране и ее руководству. Сталин же с этим абсолютно не считался. Что его левая нога захочет, то и делал. Когда я однажды попытался сказать ему, что лучше действовать помягче, он гаркнул на меня, сверкнув глазами. Как это я — и вдруг его, самого Сталина, осмеливаюсь поправлять в таком принципиальном политическом вопросе! Он, вождь и теоретик, ошибается, а Хрущев его поправляет? Однако, когда он получил от Мао Цзэдуна ответную телеграмму по одному из подобных дел и зачитал ее нам (там Мао отвечал, что если дадите нам средства, то мы сами сделаем необходимое и потом будем поставлять вам), он оборвал разговор с членами Политбюро, ни на кого не взглянув. Получилось, что Мао поступил согласно моему предупреждению.

Строить в такой манере отношения со странами народной демократии было нельзя. Что же, Сталин не понимал, как он оскорбляет достоинство других и что такие поступки не способствуют укреплению нашего единства и выставляют нас в плохом свете в глазах руководителей братских стран? Понять ему это ничего не стоило. Но он не умел и не хотел сдерживать свои желания, любую прихоть. Дескать, все должно быть исполнено беспрекословно. Иначе дружба тут же превращалась во врагов, а наши отношения поворачивались вспять. В экономической плоскости Сталин пользовался тут методами сильного против слабого. Так бывает в лагере капитализма. Но такое совершенно недопустимо в социалистических условиях. Каждая страна должна развиваться и в духовном, и в экономическом плане как независимая. И вовсе необязательно все у них должно существовать, как у нас, как было сделано при Сталине. Зато в его устах все сталинское тут же превращалось в ленинское. Получалось, что несогласные становятся врагами ленинизма. Подобные личностные наслоения никак не способствовали нашему сплочению.

Затем для координации развития экономики народных демок-

ратий и СССР был создан Совет Экономической Взаимопомощи². СЭВ — организация очень полезная и необходимая социалистическим странам как штаб по координации точек соприкосновения экономики каждой страны в ходе их развития на национальной, но социалистической основе. Взаимная помощь социалистических стран должна оказываться на принципах независимости и уважения суверенитета. Если так строить экономические отношения через СЭВ, получится просто необходимая и полезная организация. Мне думается, что после смерти Сталина мы таких принципов придерживались всегда. Не то было раньше. Когда Сталин приказал заключить договор о поставке угля Польшей Советскому Союзу, он установил цену, какую захотел. Подписали договор от нас — Микоян, от Польши — Циранкевич, а потом Советскому Союзу вышло боком: пришлось отдать недоплату, которая возникла из расчетов по ценам ниже цен мирового рынка. Не говорю уж о скверном политическом и моральном эффекте в результате неправильного подхода Сталина к экономическим взаимоотношениям между братскими странами.

То же получилось между нами и Румынией. Румыны, когда наши отношения стали портиться, просто не могли спокойно произносить слово «Соврум» (Советско-румынское общество). Это было у них ругательное слово. Такие смешанные общества мы ликвидировали после смерти Сталина по нашей инициативе еще до того, как соседи начали высказывать недовольство. Я потом румынским лидерам говорил: что же вы сейчас нас упрекаете, если мы сами предложили ликвидировать такие неравноправные отношения? И когда после смерти Сталина у нас стали складываться дружеские отношения с народами Африки и Азии, которые освободились от колониального гнета, то с ними мы уже не стали строить экономические отношения по образцу «Соврума». Действовали теперь на равноправной, экономической основе. Помню, когда мы с индийцами договаривались о строительстве у них Бхилайского металлургического комбината, нам потребовалось больших усилий доказать, что СССР вовсе не следует брать все работы по строительству на себя: мы дадим кредит и техническое руководство, а Индия пусть сама строит комбинат. То есть мы не хотели выступать там в качестве подрядчика, потому что иначе нам пришлось бы нанимать рабочую силу, вести с нею расчеты, а это вызвало бы неизбежные конфликты между нами и рабочими, которые работали как бы на нас.

Той же линии придерживались мы и в других странах, где по их просьбе мы осуществляли какие-то работы. Имелось много

объектов, которые сооружались по нашим планам, нашим чертежам и за счет наших кредитов. Но суверенность молодых государств мы старались теперь оберегать и возлагали и строительство, и руководство работами на местные кадры. Те доказывали нам, что у них нет опыта, нет инженеров, что они не сумеют. Мы отвечали, что техническую ответственность берем на себя, а вы беритесь за дело, назначайте своих людей, и если станете придерживаться наших рекомендаций, то мы отвечаем за итог сооружения и за полное техническое обеспечение. Считаю, что это очень важный элемент во взаимоотношениях между странами. Соблюдение суверенности, уважение местного быта, культуры и сложившихся традиций имеют большое, а порой решающее значение для формирования хороших отношений. Не надо быть страной, которая опекает. Конечно, создание социалистического содружества — дело новое. Практического опыта когда-то и у нас не было. Но я абсолютно убежден, что если бы мы начали сейчас как бы с нуля строить в СССР социализм, то многого сейчас не делали бы из того, что делали в сталинские времена.

Поэтому другие страны, которые позже нас приступили к строительству социализма, имеют право учесть и положительное, и отрицательное из нашего опыта. Положительное надо использовать, но порой далеко не в такой революционной форме, как это произошло у нас, а переработать и приспособить ко времени и к условиям, в которых мероприятие сейчас проводится. Все отрицательное должно быть отвергнуто и отброшено. Это не только не должно нас коробить или обижать, а наоборот, мы сами обязаны предостеречь наших друзей, чтобы они не повторяли наших ошибок. Некоторые чистоплюи станут говорить, что у нас не было серьезных ошибок, но это вранье. В целом же СЭВ показал свою жизнеспособность и необходимость координировать планы развития хозяйства не через случайные, эпизодические торговые контакты, какие существуют с любыми странами, а через постоянный координирующий орган. В нем более глубоко изучаются тенденции развития экономики каждой страны и сопрягаются интересы братских стран через совместную разработку планов сотрудничества на длительный период. Наличие же огромных ресурсов в СССР, облегчая в целом общее дело, иногда порождает обстановку, каковой некоторые пользуются, чтобы, увы, получить от нас больше, чем СССР получает от них. Ведь нам требуется очень многое, так что никакая братская страна не сможет удовлетворить наши запросы.

И вот к нам приходят за помощью: «С точки зрения ваших огромных ресурсов что стоит вам помочь? У нас сложилось такое

тяжелое положение...». И СССР вынужден, скрепя сердце и отрывая от себя, оказывать содействие. Конечно, это не благотворительность. Тут все оплачивается, но иной раз очень неравноценно, даже такими товарами, в которых мы и не нуждаемся. Правда, на рынке и такие товары потом находят потребителя. Тут не бросовые товары. Однако эти товары мы без особых усилий можем производить и у себя. Любой грамотный экономист, который посмотрит списки поставок в СССР по линии СЭВ, найдет там много ненужного. Например, согласно крупным заказам, поставляем мы машинное оборудование, в оплату получаем ширпотреб. Тоже ценность, но мы могли бы спокойно обойтись и без нее. То есть СССР не извлекает сейчас особой выгоды от СЭВ. Органы пропаганды капиталистических стран обвиняют нас в эксплуатации других стран, входящих в СЭВ. Это глупость, они меряют все на свой аршин. Наоборот, прочие страны, входящие в СЭВ, но менее мощные, чем Советский Союз, гораздо больше выгадывают от такого сотрудничества. Кроме того, сотрудничество через СЭВ приносит не только экономическую выгоду, а и политическую. Укрепляются дружеские отношения, братские страны развиваются равномернее, повышают свою обороноспособность, растут условия, полезные для мирного сосуществования, для возрастающего удовлетворения потребностей своего народа. Потом СЭВ был дополнен в военной сфере Варшавским договором³. Этот оборонный союз социалистических стран возник в результате «холодной войны». «Холодной войны», навязанной Советскому Союзу и социалистическим странам Западом. Поджег факел «холодной войны» Черчилль.

После окончания войны он приложил руку к ухудшению отношений между бывшими союзниками. Это было, конечно, не просто его желание. Черчилль — наиболее яростный противник нового социалистического строя, противник коммунизма, и он все делал, чтобы защитить капиталистический мир, организовать его и противопоставить социализму. Он стремился, как говорится, держать под уздцы социалистические страны, чтобы они не только не могли бы развиваться и процветать, но хотел все сделать, чтобы отбросить социализм назад, сменить его базу, оторвать от Советского Союза его союзников. Эти и прочие формулировки довольно широко употреблялись противниками социализма со стороны западных политиков. Особенно рьяными нашими противниками были Черчилль и Даллес, но и другие не меньше проявляли энергии в этом направлении.

Страны Запада, капиталистический мир, создали временную

организацию НАТО⁴, направленную против Советского Союза и других социалистических стран.

Это сильнейшая военная организация капиталистических стран, чье существование наносило большой ущерб странам социализма. Социалистические страны, а в первую голову Советский Союз, были подвержены блокаде, с нами западный мир почти не торговал. Особенно мы нуждались в получении промышленного оборудования и приборов. Нам их не продавали, да и сейчас на многие из них еще не снят запрет в ряде капиталистических стран, прежде всего в США. Противники быстро наращивали вооруженные силы НАТО. На первых порах Западная Германия не входила в состав НАТО, но впоследствии не только вошла, но и занимает там сейчас после США доминирующее положение, ибо обладает самой мощной промышленностью в Западной Европе и могучей армией. Это опасно, ибо доныне шовинистские и реваншистские настроения кладутся в основу пропаганды против стран социализма, и все это опирается на большую военную силу. Именно создавшееся тогда положение и заставило нас действовать.

После смерти Сталина главным нашим достижением в повышении обороноспособности явилось, как я считаю, бурное развитие промышленности. К тому же мы более правильно оценили направления в развитии вооружений и стали более разумно вкладывать капиталы в производство оружия. Поставили задачу создать обширный подводный военно-морской флот. Его стержень — подводные лодки с атомными двигателями и ракетной техникой, оснащенные ядерным вооружением. Развернули межконтинентальные ракеты и ракеты среднего радиуса действия до 4 тыс. км как стратегическое оружие. Создали армейское тактическое оружие нового качества. Проведенные мероприятия подняли нашу военную мощь. Не случайно американский президент, покойный ныне Кеннеди, правильно оценил новое соотношение сил и взял курс на переговоры с СССР. Это был умный президент. Он стал искать возможность смягчить отношения между Советским Союзом и США. До него американская пропаганда основывалась на тезисе, что США превосходят все социалистические страны в военном отношении и поэтому могут навязывать и диктовать им свои условия. Но Кеннеди заявил, что, конечно, хотя США и могут уничтожить СССР дважды, но СССР может уничтожить нас, а другого раза не потребуются. Заявление Кеннеди заставило каждого здравомыслящего американца взвесить его слова. Теперь США должны были пере-

страивать свое понимание мощи Советского Союза, понять необходимость и неизбежность изменения курса, определявшего прежде их военным превосходством, и настроиться если и не на дружбу с нами, то, во всяком случае, на недопустимость доводить наши отношения до кипения, с тем чтобы наши страны потом не обожглись. Такое, более трезвое понимание сложившегося соотношения сил лидерами США я считаю нашей большой победой, после которой основой наших отношений могла стать лишь политика мирного сосуществования, политика разрядки. И если разумно вести линию мирного сосуществования и держать вооруженные силы на определенном уровне, то можно будет избежать новой мировой войны.

Как вообще избежать войны, пока противостоят друг другу капиталистический и социалистический лагеря, если мир разделен на антагонистические группировки? В таких условиях абсолютных гарантий мира нельзя добиться и необходимо сдерживать потенциального агрессора, который должен быть уверен, что если он попытается навязать войну, то может быть разгромлен. Это будет действовать на него отрезвляюще. Карибский кризис, который мы пережили, был классическим примером в этом отношении. Уже после гибели Кеннеди новый президент США Джонсон⁵ сообщил в Москву по каналам, которые мы заимели еще при жизни Кеннеди, что ему наша обоюдная договоренность известна и он будет ее придерживаться. Надо отдать ему должное, руководство США соблюдало обещание, которое взял на себя Кеннеди. Возвращаясь к созданию Варшавского пакта, скажу, что министром иностранных дел СССР был тогда Молотов. Когда мы окончательно договорились о создании такой организации, Президиум ЦК КПСС поручил ему подготовить соответствующие предложения. Прошел какой-то срок, предложения были представлены на рассмотрение руководству партии и правительству. Стало ясно, что требуются существенные исправления.

Молотов представил список стран, которые войдут в Варшавский пакт. Там не было ни Албании, ни ГДР. Тогда я спросил: «Почему эти страны не включены?» Молотов еще руководствовался понятиями времен Сталина. Сталин же ожидал, что вот-вот может разразиться новая мировая война. В его время вокруг Москвы были расположены зенитные батареи и на постоянном дежурстве у пушек были выложены снаряды. То была моментальная готовность, когда в любой момент дается команда открыть огонь. США уже имели атомные бомбы, а мы только что создали свое первое термоядерное устройство и обладали незначительным количе-

ством атомных бомб. Средств же их доставки на дальнее расстояние при Сталине вообще не существовало. Не имелось такой дальней бомбардировочной авиации, которая смогла бы доставать территорию США, тем более ракет дальнего действия, а имелись только ракеты ближнего боя. Эта ситуация давила на Сталина, и он правильно понимал, что нужно не дать втянуть СССР в мировую войну. Молотов же — тень Сталина в понимании проблем международной политики.

Но хотя к 1955 году прошел небольшой срок после смерти Сталина, в вооружении нашей армии произошли качественные изменения. Ситуация изменилась. А на мой вопрос Молотов ответил так: «Албания далеко от нас и нам недоступна, наши границы не соприкасаются, она является соседкой Югославии, и мы только через Югославию можем иметь с албанцами сухопутный контакт». В ту пору наши отношения с Югославией были испорчены. Молотов же вообще считал Югославию не социалистической и враждебной страной. Поэтому он и разъяснял: «Зачем нам втягивать Албанию? На нее могут напасть, она лежит под боком у сильных противников, мы же оказать ей помощь не сумеем. Ну, я и считаю, что не нужно в договор включать Албанию». «А ГДР?». «Что же, мы из-за ГДР станем воевать с Западом?». Такой ответ меня поразил. И я сказал: «Видишь ли, Вячеслав Михайлович (а у нас с ним были тогда хорошие отношения), если мы создадим военную организацию, в которую войдут все братские страны без ГДР и Албании, это окажется для западных противников сигналом: вот оставляем вам, грубо говоря, Албанию и ГДР, а когда вам их забрать, выбор остается за вами. Подобный шаг именно так будет расценен. Он станет разжигать аппетит у западных реваншистов, так делать нельзя». То был не спор, а просто изучение обстановки, выяснение возможностей, при которых лучше создастся оборонительный союз. И Молотов согласился: «Да, верно, я этих обстоятельств не учел, давайте включим в проект договора Албанию и ГДР».

Структура Варшавского пакта хорошо известна. Каждая страна, входящая в него, выделила определенное количество войск, которые подчиняются Главному командованию Варшавского пакта. При главнокомандующем создан штаб. Когда мы обсуждали, кого им назначить, все высказались за то, чтобы им стал военачальник от Советского Союза. Тут и спора не возникло. Каждый правильно понимал, что у нас самая мощная армия и самая могучая военная промышленность. Ядерным оружием среди социалистических стран владеет пока только СССР. Да и

опыт войны у нас самый большой. Мы окончили школу, обучение в которой стоило нам в 20 миллионов жизней наших соотечественников. Было условлено, что министры обороны стран, входящих в Варшавскую организацию, являются заместителями Главнокомандующего. Создавая этот пакт, мы хотели оказать давление на Запад и показать, что с социалистическими странами нельзя разговаривать языком силы, такие времена давно прошли. Если вы создали военный пакт НАТО, то мы в ответ создаем военную Организацию Варшавского договора. Вот две главные силы в мире, которые сейчас противостоят одна другой.

Однако мы не прекращали своей борьбы за разрядку и мирное сосуществование, подчеркивая, что создали Организацию Варшавского договора в оборонительных целях и только в ответ на создание НАТО. Предлагали много раз (и в беседах с государственными деятелями Запада, и в официальных документах) ликвидировать наш Варшавский пакт при условии, если Запад ликвидирует НАТО. Полагаю очень разумным, если бы наши противники стали нашими партнерами и мы достигли бы договоренности о ликвидации всех военных пактов. Мы еще тогда предлагали договориться о взаимном разоружении, если и не об абсолютном, то хотя бы о равномерном сокращении вооруженных сил. Предлагали также ликвидировать военные базы на территории третьих государств. Между прочим, СССР свои военные базы, которые имел в Финляндии и в Китае, ликвидировал в одностороннем порядке. Мы хотели тем самым продемонстрировать свою добрую волю и увлечь за собой другие страны, показать добрый пример Западу. Но они не последовали нашему примеру и продолжали наращивать военную мощь. Это по-прежнему вынуждает нас иметь вооруженные силы на соответствующем уровне.

Вспоминаю такой эпизод. Когда я был с визитом в США, меня президент пригласил провести несколько дней в Кэмп-Дэвиде. По нашей терминологии, это дача президента. Он назвал ее именем своего внука. Там мы вели вольные беседы, смотрели кино, гуляли в парке и обменивались мнениями. Нужно сказать, президент Эйзенхауэр в личной беседе, при личных контактах показал себя очень добродушным человеком и хорошим собеседником.

Во время одной из прогулок он как-то сказал мне: «Хотел бы спросить вас, господин Хрущев. Вот у меня порой возникают такие трудности. Приходят ко мне военные и говорят: «Нам нужно на такое-то мероприятие столько-то миллиардов долларов». А я смот-

рю на них и отвечаю: «Нет денег». Что в таких случаях отвечаете вы? Мои генералы давят на меня: «Господин президент, если вы не дадите нам денег и мы не будем иметь этого вооружения, то предупредим, что СССР уже занимается этой проблемой или вообще успел сделать подобное (они говорят по-разному), так что наши вооруженные силы уступают советским». Я его спросил: «И что же вы потом отвечаете?» «Даю им, приходится давать». Я сказал ему: «Господин президент, я сталкиваюсь с теми же трудностями. Ко мне как к председателю Совета Министров СССР приходит министр обороны и говорит: надо столько-то миллионов. Я тоже развожу руками: это невозможно, нет таких денег, СССР имеет большие потребности, нужны крупные суммы для развития экономики и средств потребления, дать вам столько не можем». А он мне в ответ: «Если Вы не дадите, то предупреждаю, что военное ведомство США уже получило кредиты и производит идентичные работы, возникнут условия, при которых мы резко будем уступать США по вооружению». Что тут можно сделать? Приходится и мне соглашаться». Тут Эйзенхауэр предложил: «Давайте договоримся, что ни вы, ни я в будущем не станем давать деньги на такие проекты. Зачем нам сталкиваться лбами?» Я ему: «Это наша мечта. Мы всегда хотели этого и если бы смогли договориться по данному вопросу, то как облегченно вздохнули бы все народы».

Поговорили мы с ним, кино посмотрели, поужинали. А потом не раз возвращались к тому же вопросу, но так и не сдвинулись с места. Я верю, что Эйзенхауэр искренне заявлял, что хотел бы договориться. И я искренне ему отвечал. Но тогда наши позиции были противоположны до такой степени, что не возникли условия для соглашения. Мы стояли на классовых, пролетарских позициях социалистического строительства, а США — могучая капиталистическая страна, преследовала иные цели и взяла на себя обязанности мирового жандарма. В конце концов я сказал Эйзенхауэру: «Давайте договоримся на такой основе: главной целью будем считать взаимное разоружение, а главным принципом наших отношений — невмешательство в дела других стран». То были не переговоры, а вольная беседа, но очень важная. Мы затронули важнейший вопрос, но, к сожалению, тогда не созрели еще условия для его разрешения. Вскоре же наши отношения вообще обострились до невероятного накала.

Сейчас сложились другие условия. Они объясняются тем, что соотношение вооружений и экономик СССР и США изменились в нашу пользу. Это дает нам больше возможностей для проведения наступательной линии в вопросах разоружения и мирного сосу-

ществования. А когда возникали НАТО и Варшавский пакт, существовало иное соотношение сил: Запад многократно превосходил нас и экономически, и в военном отношении, что и вынудило нас пойти на организацию Варшавского договора.

¹ Завод в Новой Гуте близ Кракова, который впоследствии производил стали и чугуна больше, чем все 15 прежних заводов, входивших в верхнесилезскую группу.

² СЭВ как межправительственная экономическая организация был образован на совещании представителей Болгарии, Венгрии, Польши, Румынии, СССР и Чехословакии 5 — 8 января 1949 года. В феврале 1949 года в него вступила Албания, в сентябре 1950 года — ГДР, в июне 1962 года — Монголия, в июле 1972 года — Куба. Его высшим органом была сессия, главным повседневным органом — секретариат в Москве. Позднее возникли постоянные комиссии по отдельным проблемам (с 1956 г.) и Исполнительный комитет (с 1962 г.).

³ Варшавский договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи был подписан 14 мая 1955 года Албанией, Болгарией, Венгрией, ГДР, Польшей, Румынией, СССР и Чехословакией на Варшавском совещании по обеспечению мира и безопасности в Европе. Вступил в силу 5 июня 1955 года. Его члены образовали командование Объединенными вооруженными силами с Главкомандующим от СССР, Штабом ОВС и начштаба тоже от СССР, с местопребыванием в Москве. Консультации и рассмотрение общих вопросов осуществлял Политический консультативный комитет. Позднее возникли Комитет министров обороны и Военный совет ОВС (с 1969 г.).

⁴ Организация Североатлантического договора (аббревиатура английского названия — НАТО) была образована в Вашингтоне 4 апреля 1949 года. США, Великобританией, Францией, Бельгией, Нидерландами, Люксембургом, Канадой, Италией, Португалией, Норвегией, Данией и Исландией. В 1952 году к ней присоединились Греция и Турция, в 1955 году — ФРГ, в 1982 году — Испания. Высший орган — сессия Совета НАТО. Штаб-квартира находится в Бельгии.

⁵ ДЖОНСОН Л. (1908 — 1973) был в 1961 — 1963 гг. вице-президентом и в 1963 — 1969 гг. 36-м президентом США.

МАО ЦЗЭДУН

Сейчас 1967 год, и в Китае окончательно побеждают сторонники Мао. А ведь еще 2 — 3 года назад кричали, что это невозможно, что хунвэйбины не победят. Ныне же там всю развер-

нулась «культурная революция». Я же тогда говорил: «Чепуха!» Конечно, маоисты победят. Армия у них сильная, морали там никакой не соблюдается, законы никакие не признаются. Если не слушаешь, то голову оторвут. А они ведь делают это артистически: собирают на площадях тысячи людей и душат несогласных. Что это, политика? Даже нельзя сказать, что это такое. Варварская политика. Нечто неопределяемое, но тут реальные факты, и ничего не поделаешь, такие там сложились условия жизни.

Лю Шаоци — умнейший человек, он не сдается, он не согласен с политикой Мао Цзэдуна и как-то борется против него. К тому же у него очень много сторонников. Но они реальной силы не имеют. Так что Лю Шаоци существует не потому, что у него есть сторонники, которые не выдают его Мао Цзэдуну. Нет, Мао может задушить Лю без особых усилий. Но это вызовет гнев масс, которым Лю хорошо известен. Это Мао знает и борется сейчас не против Лю как человека, а как против носителя определенной системы политических взглядов хочет изолировать его политически.

Култ личности Мао — сложное явление. С культом мы сталкивались и сталкиваемся не только в Китае. Сколько уже веков твердят: «Господи помилуй, Господи помилуй!» Это помогало? Кому? Обычно не помогало, но священники убедили нас, и народ верил в бога. То же самое и тут. Между прочим, Мао начинали перевозить и у нас. Например, такой факт. Я тогда еще работал в составе советского руководства. Узнал, что наши военные напечатали труды Мао по военным вопросам. Вызвал я маршала Малиновского и говорю: «Товарищ Малиновский, Ваше ведомство печатает Мао. Советская Армия разбила первоклассную германскую армию, лучшей армии у наших противников не было. А Мао воевал в Китае 20 или даже 25 лет, и все это время он и его враги друг другу ковыряли задницу штыками и ножами. Теперь Вы печатаете «военные труды» Мао. Для чего? Учиться нам по этим трудам, как воевать в будущем? Какая часть тела принимала такое решение?» Это произошло пять лет тому назад. Умные вообще-то люди решали дело, но вырешили глупость, да они и сами были согласны, что совершили глупость. А сейчас, наверное, эти книги лежат на складе, а может быть, просто сожгли их.

Хочу еще немного остановиться на «личностях». Год или полтора назад, как мне говорили, распространялось в СССР мнение, что это я поссорил Китай с СССР. Спорить не буду, поскольку история сама показала цену подобным заявлениям. Но меня удивило, огорчило и разозлило, что такую глупость повторял Юдин, то

есть человек, который был советским послом в Китае во время начала советско-китайского конфликта. Поэтому — несколько слов о Юдине. Он высказывается в том смысле, что я раздражил Мао, и тот превратился в антисоветского человека. Если бы он мне лично сказал это, я бы документально доказал, что внешнее начало нашего конфликта с Мао было заложено самим Юдиным. И если переходить на столь низкопробную дискуссию по данному вопросу, то могу с большим основанием говорить, что там, где появится Юдин, у нас с любой страной возникнет конфликт. Вот поехал Юдин в Югославию, и мы разругались с Тито. Послали Юдина в Китай, и мы разругались с Китаем. Тут вовсе не простое совпадение.

Я в свое время к Юдину относился с уважением. Как он попал в Китай? Мао прислал письмо Сталину, в котором просил его, чтобы тот порекомендовал ему советского марксиста-философа: пусть он приедет в Китай, потому что Мао хочет отредактировать свои выступления и чтобы образованный человек помог привести их в надлежащий вид, дабы не было допущено каких-либо ошибок в марксистской философии. Выбор пал на Юдина. Его и послали. Юдин работал там душа в душу с Мао. Мао даже приезжал к нему в посольство чаще, чем Юдин к Мао. Так говорил Юдин, да так оно и происходило. Даже Сталина несколько беспокоило, что Юдин как-то неуважительно поступает по отношению к Мао.

Все шло хорошо. И вдруг мы получаем от Юдина длинную шифровку, где Юдин описывает невероятные вещи, которые он услышал от Мао в адрес Советского Союза, нашей компартии, а также лично Юдина. Если раньше складывалось впечатление, что Мао вроде бы пресмыкался перед Юдиным, то после этой телеграммы стало видно, что Мао вообще не уважает Юдина. У нас сложилось мнение, что Юдину надо оттуда убираться. Юдин как посол слаб. Когда личные отношения Мао и Юдина были дружеско-братские, тот был полезен. А чисто посольская работа от Юдина, на кой черт она нам нужна? Пусть дипломаты занимаются ею. Когда у него такой конфликт с Мао, то он и как посол — тоже не посол, а на философской основе у него получился полный разрыв с Мао. И мы его тогда отзывали в СССР.

Когда же мы поехали в Китай в 1954 г. и провели несколько бесед с Мао, я потом сказал товарищам: «С Китаем у нас конфликт неизбежен». Такой вывод я сделал из реплик Мао и из обстановки, созданной вокруг нас. Она была азиатская: вежливая до приторности, предупредительная до невозможности, но неиск-

рения. Мы любезно обнимались и целовались с Мао, плавали вместе в бассейне, болтали по разным вопросам, душа в душу проводили все время. Но это выглядело до приторности слащаво и противно. Отдельные же вопросы, которые возникали и вставали перед нами, настораживали нас. А самое главное, я почувствовал и еще тогда сказал об этом всем товарищам, что Мао не сможет примириться с тем, чтобы существовала какая-нибудь другая компартия, а не китайская, которая бы даже в какой-то степени верховодила в мировом коммунистическом движении. Он не потерпит этого.

Если бы Сталин прожил еще немного, тот же конфликт разразился бы раньше и получился бы полный разрыв между СССР и Китаем. Политика — это вообще игра. И Мао проводил свою политику, вел свою игру. Ее особенность заключалась в азиатских методах, в лести и коварстве. После XX съезда КПСС Мао говорил: «Товарищ Хрущев открыл нам глаза, сказал правду, и мы перестраиваемся». Сам Мао опубликовал это высказывание, а потом грянул конфликт. Мао объявил, что идея мирного сосуществования — буржуазно-пацифистская точка зрения. Затем китайцы стали говорить, что при социализме распределение благ по количеству и качеству вложенного труда — буржуазный лозунг. Понимались обвинения, что мы плетемся в хвосте у буржуазии. Тут уж встали принципиальные вопросы направления дальнейшего развития страны. Мы не могли идти за Китаем. А теперь философ Юдин все сваливает на личности. Он меня удивляет. Я его считал умным человеком.

Таковы были расхождения. Однако если мы говорим о Мао, то это одно дело, и совсем другое, если мы говорим о Китае в целом. Если мы начнем поносить китайский народ, то окажемся на националистических позициях. Национализм — это если мы начнем считать, что какая-то нация имеет особые права и преимущества. Это нацизм. Поэтому мы и сейчас искренне верим, что китайцы — наши братья, такие же люди, как мы. И если обманутая китайская молодежь нападает на наше посольство, это еще не значит, что нам надо ненавидеть китайский народ. Молодежь — еще не вся нация. Мы же марксисты! Должны понимать, что есть и иная молодежь. Ведь не весь Китай был на той площади, и не все, кто был на той площади и кричал, согласны с подобным. Вот в чем дело! Сколько сейчас китайцев, которые сами оплакивают то, что у них получилось? В Китае развернулась сильная борьба, китайцы убивают друг друга. Вот у нас Сталин расстрелял сотни тысяч граждан. Мы, члены партии, от-

вечаем за это, но нельзя же сейчас считать, что такое делала вся партия. Имело место злоупотребление властью Сталиным, а сейчас то же самое повторяет у себя Мао.

Приведу еще несколько фактов из истории наших взаимоотношений с Китаем. Сталин довольно критически относился к Мао Цзэдуну. Он называл его, и с марксистской точки зрения правильно называл, каким-то пещерным марксистом. Действительно, когда Мао победно шествовал по стране, коммунисты подступили к Шанхаю. Но потом они остановились и не занимают его. Сталин спрашивал у Мао: «Почему не берете Шанхай?» Тот отвечает: «Там шесть миллионов населения. Если займем, надо их кормить. А чем их кормить?» И это марксист? Мао опирается на крестьян, а не на рабочий класс. Рабочий Шанхай он игнорирует, не хочет его принимать и не хочет на него опираться. Сталин его не раз критиковал с классической марксистской позиции и был прав. Но факт остается фактом. Мао, опираясь на крестьян, добился у себя победы. Тут не чудо, а поправка к историческому материализму: пришел к власти, опираясь на крестьян! Значит, правда истории — за ним. Только не марксистская правда. Ведь победы бывают и временными, и вообще с разными результатами. Это из истории тоже видно.

Или другой конкретный случай. При Сталине СССР заключил договор с Китаем о совместной эксплуатации недр Синьцзяна. Когда китайские коммунисты воевали против Чан Кайши и Чан Кайши не имел возможности контролировать эту провинцию, мы там довольно крепко обосновались. Основное население там не китайцы, а уйгуры, и у нас с ними сложились хорошие отношения. Я не помню, что мы там добывали, кажется свинец. Когда заканчивалась война и Китайская компартия победила, Мао Цзэдун стал проявлять нервозность и настороженность: как мы поведем себя в Синьцзяне.

Сталин тогда послал Микояна в распоряжение коммунистических войск, и Мао Цзэдуну через Микояна было заявлено, что из Синьцзяна мы уходим. Это было правильно сделано. Однако взамен мы предложили Китаю создать смешанное общество по эксплуатации природных богатств Синьцзяна. Естественно, с нашими капиталовложениями, нашей техникой, а рабочей силой — из местного населения. Вся продукция шла в Советский Союз. Этим были посеяны семена недоверия. То была ошибка, даже оскорбление китайцев. В Китае раньше сидели французы, сидели англичане, сидели американцы, а теперь советские люди тоже туда влезут. Это же немыслимое дело! Сталин то же самое проделал в

Польше, в ГДР, в Болгарии, в Чехословакии, в Румынии. Мы потом ликвидировали все смешанные общества такого рода.

Третий случай. Работники нашего посольства сообщили, что Китай начал добычу золота и алмазов и скрывает эту добычу, оставляет все у себя, не поставляет нам. Я помню, какой переполох устроил Сталин.

Сталин обзванивал всех нас и спрашивал: кто знает, в каком районе Китая разрабатываются золото или алмазы? Мы-то не такие были знатоки, каждый ответил, что не знает. Он поднял ночью на ноги наших торговых работников, людей, которые ездят в Китай и, по-моему, даже ученых, у которых потребовал справку: где, в каких районах Китая, какие полезные ископаемые добываются.

Сталин даже послал телеграмму на этот счет в наше посольство в Китае с требованием тщательно разобраться и доложить. Сталин хотел нажать на Китай, потребовать отдать все нам.

Это невозможное дело. Мы потом сидели у него на даче за обеденным столом переглядывались, шутили потихоньку.

Берия говорит: «А ты знаешь, кому это известно? Артисту Козловскому. Он поет: «Не счесть алмазов в каменных пещерах...» Между прочим, Берия лично подзуживал Сталина, что, мол, в Китае имеются крупнейшие природные богатства, а Мао их скрывает; раз мы ему даем кредиты, нужно заставить его, чтобы он поставлял нам сокровища из своих недр. Вот Сталин и заинтересовался.

В тот же период произошел и другой аналогичный случай. Возник вопрос о получении из Китая натурального каучука. В Китае на острове Хайнань произрастает гевея, которая дает натуральный каучук. Я подал мысль выяснить у Мао, в каком районе Китая можно завести плантацию каучуковых деревьев. Развить бы это дело, дать Китаю кредит, технику и освободиться всем нам от зависимости по каучуку от капиталистических стран. Но Сталин все повернул по-иному.

Пошла телеграмма Мао Цзэдуну с просьбой предоставить нам территорию, где бы мы могли разводить эти деревья, перерабатывать сырье и получать каучук.

Я тогда хотел удержать Сталина от этого шага:

— Товарищ Сталин, не следует в такой форме писать Мао Цзэдуну, это похоже на то, что мы концессию хотим иметь. Китай имел раньше много территорий, занятых иностранцами под концессии и колонии. Наш шаг будет плохо расценен.

Как он на меня сверкнул глазами! Как это я посмел его, Сталина, поправлять. Вопрос концессий — принципиальный, полити-

ческий вопрос, а он вождь, он теоретик, и вдруг ошибается — и Хрущев его поправляет. Он никаких поправок не терпел, тем более в такой щепетильной и острой области.

Послал он телеграмму Мао Цзэдуну и надеялся, что тот сейчас же ответит согласием. Получили мы очень быстро ответ. Помню, тогда Сталин собрал нас, это было не заседание, а надо было какие-то телеграммы разобрать, переброситься по разным вопросам, с тем чтобы следом пойти в кино, а после кино отправиться поесть.

Маршал Жуков написал в своих воспоминаниях, что когда он бывал у Сталина, то ел только кашу гречневую и отварное мясо, одним словом, питался диким медом и акридами. Я это не могу подтвердить. Были у Сталина на каком-то этапе и довольно демократические блюда, я сам ел с ним когда-то русскую похлебку. Но это были времена довоенные и ранние военные. Во время войны и после войны такому продукту, как каша гречневая, там уже места не было. Гречневая каша до революции считалась среди шахтеров едой солдатской и арестантской. Она была самая дешевая. Это говорю, хотя я сам гречневую кашу люблю и сейчас с удовольствием ее кушаю. Но не об этом речь. Это я так, мимоходом опровергаю писанину, которая написана в книге Жукова и написана не Жуковым. Жукова я всегда считал очень принципиальным человеком, не способным на такое, видимо, Жуков стал теперь не тем Жуковым, каким он был перед войной и во время войны.

Итак, получил Сталин ответную телеграмму и зачитал ее нам. Мао Цзэдун ответил: дайте нам деньги и мы сами сделаем для Вас то, что Вы хотите и будем Вам поставлять каучук.

Когда Сталин прочел китайский ответ, он ни на кого не глянул. Все присутствовали при нашем с ним разговоре и помнили, что я его предостерегал и предупреждал, что это обидит Мао Цзэдуна. Вот Сталин и получил щелчок по носу.

Тем не менее дело получило какое-то развитие, и мы заключили договор. Но потом оказалось, что район, где могут произрастать каучуконосы, невелик, и наши потребности покрыть не сумеет. Так все и заглохло.

Как-то Сталину понравились ананасовые консервы. Он тут же стал диктовать телеграмму в адрес Мао. Маленков выполнял функции писаря: «Пиши, чтобы они дали нам в аренду территорию, где могут произрастать ананасы. (Они растут на юге Китая, в районе Кантона или на острове Хайнань) и предоставили место для строительства фабрики ананасовых консервов».

Я снова говорю: «Товарищ Сталин, они только еще пришли к

власти, и там имеется столько фабрик разных чужих государств. А тут появится еще и наша, от социалистического государства. Это обидит Мао». Он на меня взглянул недобро, рассердился, гаркнул... И это уже во второй раз за короткое время.

Послали телеграмму. Через день или два получаем ответ от Мао: «Мы согласны. Если вас интересуют ананасовые консервы, дайте нам кредит, мы построим фабрику и будем поставлять вам всю ее продукцию в счет погашения кредита». Пока Сталин читал телеграмму, я молчал, но уже все слышали, как я его предупреждал. Закончив читать, Сталин рассвирепел и выругался. Конечно, им было обидно. Такого рода телеграмм ни за моей подписью, ни за подписью членов нашего правительства потом никогда не было. Ничего обидного для Китая мы не делали вплоть до тех пор, пока китайцы сами не стали нас распинать. А уж если так, то и я не Христос.

Когда уже в мое время разгорелся конфликт, газеты Китая стали помещать статьи о том, что Владивосток — это китайская территория и что русские отобрали его у Китая: исторически когда-то китайцы там господствовали, а затем якобы наши цари туда пролезли. Затем стали вести разговор о наших общих границах, и они прислали нам свою карту. Мы даже не могли спокойно смотреть на эту карту, такое там было нарисовано ими!

Сейчас у некоторых людей проскальзывает мнение, что Мао — дурак, выживший из ума. Неверно! Он умный человек. Он наш противник, но умный человек. Какое-то время он нас просто обманывал. Талейран сказал, что язык дипломату дан для того, чтобы скрывать свои мысли. Дипломатия — это политика. Вот, например, де Голль: умный человек или глупый? Ведь его когда-то некоторые считали идиотом. А это очень умный человек, только наш противник по взглядам и ведет себя как представитель своего класса, но не глупый, а умный. А Мао — националист, неглупый человек, у него имеется своя точка зрения. Мы не согласны с нею, и я действительно нетерпимо относился к ней. Если прочесть мой доклад на XXI съезде партии, то там многие рассуждения были посвящены китайским вопросам, хотя я не упоминал при этом о Китае. Мы отвергали его положения.

Когда китайцы выступили со своими лозунгами, их пропаганда свободно расходилась в нашей Сибири. Узнав, я сказал: «Прекратить это дело! Вы думаете, что положения уравнительного характера у нас не найдут почвы? Вы ошибаетесь. Уравнительные лозунги очень соблазнительны. Но нам надо отвечать по существу, а не только запрещать».

Между прочим, одно их мероприятие я поддерживаю. Мао отменил в армии погоны. Считаю, что это разумный шаг, а неразумным был наш шаг, когда мы надели погоны, нашили лампасы. На кой черт нам это? Мы гражданскую войну выиграли без погон. Мой тогдашний ранг был комиссарским, и я ходил без погон. Красноармейцы признавали и своего комиссара, и своего командира, и мы разбили врагов без погон. А сейчас вырядились, как какие-то канарейки.

Мао буквально распирало нетерпеливое желание мирового господства. Сначала в Китае, потом во всей Азии. А дальше? В Китае 700 миллионов жителей, в Малайзии половина населения — китайцы и в других странах Азии их немало. Вообще очень интересными были с точки зрения понимания китайского национализма беседы «невинного характера» за чаем.

Мао как-то спросил: «Сколько раз различные завоеватели завоевывали Китай?» И сам ответил: «Ни один. Но китайцы всех их ассимилировали». Вот его прицел на будущее: подумаешь, у вас там 250 миллионов граждан, а у нас — 700. Потом он затеял разговор о самобытности Китая. Поводом послужило то обстоятельство, что в китайском языке нет иностранных слов. Мао похвалялся: «Весь мир употребляет слово «электричество». Взяли его у англичан и повторяют. А у нас имеется свое слово». Меня просто трясло от всего этого бахвальства.

Прошло два года со времени моей диктовки о Мао Цзэдуне, и я чувствую потребность снова вернуться к китайской теме. Сейчас наступил 1969 год.

Китай, как говорится, далеко от нас. Но Китай и близок к нам. Он граничит с СССР, и на большом протяжении мы имеем общую границу. То есть тот же Китай — наш ближайший сосед. Однако сравнительно далекий сосед, если помнить, что общего у нас с Китаем (я говорю только о среде, в которой я лично вращался) было мало. До революции люди моего круга знали китайцев лишь по картинкам и мало что читали о Китае. С китайцами мы встречались главным образом, когда они разносили всякие товары. В Донбассе, например, они продавали чесучу. Вот по таким контактам мы и составляли себе представление о Китае. Правда, русско-японская война заставила нас ближе соприкоснуться с ними. Впрочем, мнения русских солдат о китайцах были самыми различными.

После Октябрьской революции советское правительство установило контакты с Китаем, с вождем Китайской революции Сунь Ятсеном. Когда в 20-е годы в Китае началась гражданская война,

Сунь проводил прогрессивную политику и стоял на позиции дружбы с Советским Союзом. Симпатии советских людей были на его стороне. Наши газеты прививали читателям симпатии к китайскому народу, к его борьбе за освобождение от империалистической зависимости. Потом к руководству в Китае пришел Чан Кайши. Он порвал связи с Коммунистической партией, началась война гоминьдановцев против нее. Симпатии нашего народа были на стороне советских районов Китая. Всеми своими помыслами мы жили как бы вместе с китайским народом, который вел борьбу против угнетателей¹.

Помню такой эпизод, наверное, в 1926 или 1927 году. Я тогда заведовал орготделом Окружного комитета партии в Юзовке. Ко мне пришел мой знакомый Ахтырский, который очень хорошо себя проявил во время гражданской войны. Это была довольно громкая фамилия, ее обладатель командовал бронепоездом. Так и назывался его бронепоезд — «Ахтырский». Очень храбрый человек, но в политическом отношении полукоммунист-полуанархист. Вот пришел он в окружном, как всегда, пьяный и обратился ко мне: «Давай срочно путевку, еду в Китай, буду воевать против Чан Кайши. Скорее давай, чтобы мне не опоздать и принять участие в наступлении на Шанхай». Я ему сказал, что и без него китайские коммунисты справятся и возьмут Шанхай. Этот эпизод свидетельствует, какое настроение было в нашем народе.

Еще некоторые наблюдения времен гражданской войны. Я тогда не встречался непосредственно с китайскими добровольцами, сражавшимися за советскую власть. В воинских частях, в которых я служил, китайцев не было. Но вообще на нашем фронте китайские отряды имелись. Красноармейцы говорили, что китайцы ведут в бою себя очень хорошо, причем шутили насчет того, что китайский боец, дескать, действует так: давай кушать — машинка работает, не давай хлеба — машинка не работает. Одним словом, меня кормят, и я буду стрелять. Они действительно были бесстрашными в бою, а также отличными товарищами. Среди трудящихся были популярными имена организаторов борьбы против Чан Кайши, особенно Чжу Дэ², который командовал армией китайских коммунистов. Было известно также имя Гао Гана³. Но упоминали и Чжан Цзолина⁴, контрреволюционера, который рассматривался у нас как ставленник японского империализма и враг рабочего класса. Мелькали и другие имена противников коммунистов — У Пейфу⁵ и иных. Многих я сейчас уже забыл.

Из числа коммунистических лидеров Китая я хорошо знал

представителя компартии Китая в Коминтерне, очень популярного среди московских рабочих и часто выступавшего на митингах. Когда мы обращались к нему с просьбой приехать на какой-либо завод, он никогда не отказывал. Да он и сейчас еще живет в Москве, всегда оставаясь нашим другом. Независимо от того, какую позицию занимают сегодняшние лидеры КНР, он продолжает сохранять дружеские отношения с нашей коммунистической партией и нашим народом. Это товарищ Ван Мин⁶ — прекрасный коммунист. Правда, в 20 — 30-е годы мне не приходилось заниматься китайскими вопросами, и я не знал ни структуры Компартии Китая, ни ряда ее руководителей. Помню, что довольно часто они упоминались в нашей печати, но их фамилии я сейчас не могу припомнить. Однако о Мао Цзэду⁷ я тогда ни разу не слышал.

После нападения Японии на Китай у нас установились довольно тесные связи с Чан Кайши, несмотря на то, что он враждебно относился к Компартии Китая. Сталин поддерживал Чан Кайши, видя в нем прогрессивную силу, ведущую борьбу против японского империализма и за освобождение Китая. Считаю, что это была правильная позиция. Нужно было его поддерживать, потому что его разгром означал бы усиление Японии, усиление нашего общего врага, который на Дальнем Востоке являлся нашим врагом номер один. Позже, когда я встречался с Мао Цзэдуном, он упрекал Сталина за то, что Сталин вел такую линию в отношении Чан Кайши. Но ведь Сталин не содействовал внутренней политике Чан Кайши и помогал ему, поскольку тот вел борьбу против Японии, что нам было выгодно.

Аналогичную политику проводил, например, Черчилль, который поддерживал Советский Союз во время второй мировой войны, хотя оставался нашим политическим врагом. Он был таковым с первого дня рождения Советского государства и остался им до самой своей смерти. Но Черчилль — разумный политик, который считал полезным, когда началась борьба с Гитлером не на жизнь, а на смерть, объединить усилия Англии и СССР. Это не значит, что Черчилль в какой-то степени принял советскую власть и желал сделать что-то доброе советскому народу. Вовсе нет! Его толкнули на союз с нами сложившаяся в мире ситуация и соображения выгоды для собственной страны. Исходя из этого же принципа, Советский Союз поддерживал Чан Кайши.

На нашей границе с Китаем во время второй мировой войны было спокойно. Я говорю о том участке границы, который контролировался Чан Кайши. На участке же, куда уже вышли японцы,

напряженность все время возрастала, часто возникали различные конфликты. Японцы постоянно нас «прощупывали». Когда они после первых своих побед на Тихоокеанском театре военных действий стали терпеть поражения, ситуация на континенте начала постепенно складываться в пользу Китая. Его армия, в свою очередь, стала одерживать отдельные победы, потому что Японии было уже не до Китая. После разгрома гитлеровской Германии и ее сателлитов Советский Союз спустя три месяца включился в войну против Японии. Наши Вооруженные Силы успешно сыграли свою роль на завершающем этапе разгрома Японии. По договоренности с союзниками мы тогда освободили Маньчжурию и северную половину Кореи и тогда же обрели возможность более действенно помогать Китаю, включая широкое содействие материальными ресурсами и вооружением.

Когда вторая мировая война завершилась, СССР больше стал заниматься вопросами Китая. Мы решили оказать прямую помощь Мао Цзэдуну и Народно-Освободительной армии в борьбе за государственную власть. В результате разгрома Японии ее Квантунская армия, сложив оружие, оставила нам огромное количество трофеев. Значительная их часть, особенно боевая техника, была передана китайским коммунистам. У нас имелась договоренность насчет этого оружия с союзниками в том смысле, что мы не имели права передавать его ни одной из воюющих в Китае группировок. Поэтому его надо было передать Мао так, чтобы не создалось впечатления, что мы нарушили обязательства. И вот мы его куда-то завозили, люди Мао якобы «похищали» его и вооружали свою армию. К тому времени они уже создали крупные силы, оснащенные и трофейным японским оружием.

Впервые я лично услышал о действиях Мао, когда во время войны А. И. Микоян как наш полпред ездил в Яньань⁸ на встречу с Мао. Сталин хотел выяснить нужды китайских коммунистов для организации им помощи. Помнится, после возвращения Микояна Сталин обсуждал проблемы Китая в тесном кругу собравшихся за обедом и несколько недоумевал: «Что за человек Мао Цзэдун? У него какие-то особые, крестьянские взгляды, он вроде бы боится рабочих и обособляет свою армию от горожан». Особенное недоумение вызвало у нас поведение Мао, когда его армия, успешно продвигаясь на юг, подошла к Шанхаю и несколько недель не вступала в него. Я уже упоминал, что ответил нам Мао по этому поводу, связав линию своего поведения с невозможностью прокормить шесть миллионов шанхайцев. Сталин возмущался:

«Что это за марксист? Он считает себя марксистом, но не идет на помощь шанхайским рабочим, ответственность за судьбу которых не хочет брать на себя».

В ту пору я работал еще на Украине и мог узнавать в деталях, что происходит в Китае и что мы делаем для Китая, только от Сталина, когда приезжал в Москву. Когда же китайские коммунисты одержали в 1949 г. победу, меня как раз перевели в Москву, где я стал первым секретарем областного и городского комитетов партии и одновременно секретарем ЦК ВКП(б). Теперь я все время общался со Сталиным и поэтому оказался в курсе вопросов, которые касались Китая. Ведь без Сталина никто у нас такие вопросы не только не решал, но и вообще ими никак не занимался. Не думаю, что я относительно Китая знал все. Основные вопросы Сталин решал с Молотовым. Но мне было известно, что Советский Союз все шире оказывал помощь Мао Цзэдуну, чтобы закрепить его завоевания. Победу коммунисты одержали там в открытой вооруженной борьбе. США помогали организовывать контрфронт, так что гражданская война продолжалась в Китае длительное время после разгрома японцев. Коммунисты нуждались в нашей помощи и получали ее прежде всего оружием.

¹ Ко времени Октябрьской революции в России жили и трудились примерно 250 тысяч китайцев. С 1917 г. они стали формировать революционные военные отряды китайских интернационалистов. Их штаб с 1918 г. находился в Москве. Добровольцев для них поставляли с декабря 1918 г. Союз китайских рабочих в России и с июня 1920 г. — Центральное оргбюро китайских коммунистических организаций в Советской России.

² ЧЖУ ДЭ (1886-1976) — член КПК с 1922 г., член ЦК КПК и его Политбюро с 1934 г., главнокомандующий Китайской Красной Армией в 1931 — 1937 гг., командующий 8-й армией в 1937 — 1945 гг., главнокомандующий Народно-Освободительной армией Китая в 1945 — 1954 гг., заместитель председателя КНР в 1954 — 1959 гг., председатель Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей с 1959 г., член Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК в 1956 — 1969 гг., и с 1973 г.

³ ГАО ГАН (1891-1955) — член КПК с 1926 г., член ЦК КПК и его Политбюро с 1945 г., секретарь Северо-Восточного бюро ЦК КПК и председатель народного правительства Маньчжурии (Северо-Восточного Китая).

⁴ ЧЖАН ЦЗОЛИНЬ (1876-1928) — офицер японской армии во время русско-японской войны, с 1911 г. — военный губернатор Маньчжурии и с 1922 г. — ее самостоятельный правитель, в 1926 г. захватил Пекин, организовывал погромы коммунистов и содействовал эмигрантам-белогвардейцам. Изменив прояпонской ориентации, стал жертвой террористического взрыва.

⁵ У ПЭЙФУ (1878-1939) — китайский милитарист, в 1920 — 1924 гг. фактически

ки руководивший политикой пекинского правительства и воевавший с Народно-Революционной армией до 1927 г., под конец жизни — монах.

⁶ ВАН МИН (Чэнь Шаоюй. 1904-1974) — член КПК с 1925 г., генеральный секретарь ее ЦК в 1931 г., затем член его Политбюро и секретарь ЦК в 1931 — 1945 гг., член ЦК до 1969 г., член Президиума Исполкома Коминтерна в 1932 — 1943 гг.

⁷ МАО ЦЗЭДУН (1893-1976) стал членом Политбюро ЦК КПК в 1933 г., членом Секретариата в 1935 г., а председателем ЦК КПК — в 1943 г.

⁸ ЯНЬАНЬ (Фуши) — город в китайской провинции Шэньси, в пещерных горных жилищах возле которого размещался в 1936 — 1947 гг. ЦК КПК.

ДРУЖБА С КИТАЕМ ПОСЛЕ ПОБЕДЫ НАРОДНОЙ РЕВОЛЮЦИИ*

Первый приезд Мао Цзэдуна в Советский Союз был приурочен к 70-летию Сталина. Как раз к этому дню я возвратился с Украины в Москву на новую постоянную работу. Сталин сказал мне: «Сдавайте дела на Украине и обязательно приезжайте к моему 70-летию». Так я и сделал. Мне не пришлось присутствовать при беседах, которые вел Сталин с Мао один на один либо вместе с Молотовым. Сколько состоялось таких встреч и как они протекали, мне сейчас трудно сказать. Но после этих встреч Сталин ни разу не был в восторге от Мао и не особенно лестно отзывался о нем. Однако за обедом в честь Мао Сталин проявил большое гостеприимство. Он любил такие обеды и любил блеснуть гостеприимством, своим вниманием к гостю. Если хотел, то умел делать это особенно хорошо. На том обеде я был. Обед и сопутствующая беседа протекали в непринужденной обстановке.

Мне было приятно видеть, что вроде бы складываются добрые отношения с новым Китаем. У нас все этого хотели. Правда, во время визита Мао имел место один неприятный инцидент. После обеда и дружеской беседы, которая велась за обедом, Сталин несколько дней вообще не встречался с Мао. А раз сам не встречался и никому другому не поручил, то и никто из нас к Мао не ходил. Тут Мао стал проявлять недовольство, что сидит взаперти в отве-

* Начиная с этой и заканчивая главой «Об Албании», Н.С. Хрущев записывал воспоминания на магнитофонную ленту в 1969 году.

денной ему резиденции, что ему ничего не показывают, что с ним никто не встречается, и заявил, что если так будет продолжаться, то он уедет. Доложили Сталину, что Мао проявляет недовольство. Тогда опять встретились с ним за обедом на даче у Сталина. Сталин теперь все делал, чтобы удовлетворить просьбы Мао, наладить хорошие отношения и показать, что находится всецело на его стороне.

Уехал Мао. Полномочным представителем советского правительства в Китае по экономическим делам был тогда железнодорожник по профессии¹. Прежде он работал в Маньчжурии, восстанавливая там дороги после изгнания японцев, потом стал советником при Мао Цзэдуне. Сталин считал его доверенным человеком. В скором времени тот начал сообщать в своих донесениях, что наблюдаются плохие настроения в отношении СССР, а особенно проявляется такое недовольство у Лю Шаоци, Чжоу Эньлая и ряда других руководителей страны. Аналогичные сведения посылал нам и Гао Ган еще до приезда Мао в Москву. Гао был тогда уполномоченным Политбюро ЦК китайской компартии и одновременно уполномоченным пекинского правительства в Маньчжурии, как бы ее наместником. У него сложились очень хорошие отношения с нашим представителем. Гао ничего не говорил о позиции лично Мао, но зато и не говорил, что Мао предпринимает что-либо в отношении тех лиц, которые выражают явное недовольство нами. Гао приводил в подтверждение наличия такого недовольства много фактов.

Вот один из них. Проходил какой-то китайский праздник. Состоялся парад. Когда по площади ехали войска, вооруженные нашими танками, то китайские военные злились, что, дескать, русские дали им старые танки. Да, это было правильно. Те танки не были новыми, тогда у нас самих не имелось столько новых танков, чтобы мы могли дать их Китаю. СССР только что закончил войну, восстанавливал промышленность, производство танков сокращалось. Иначе и быть не могло. Так что я не вижу оснований для обиды на нас. Конечно, танки были старые, но еще вполне боеспособные. Но такие высказывания подогревали настроение недовольства нами, и все ставилось в строку Советскому Союзу.

Сталин, желая расположить Мао в нашу пользу, во время его визита демонстрировал, что относится к нему по-дружески и доверяет ему. Поэтому Сталин, взяв документы, полученные от нашего представителя в Маньчжурии с записью бесед с Гао Ганом, просто передал их Мао. Я-то, да и другие члены Политбюро, с

кем мы обменивались мнениями, не сомневались, что Гао сообщал нам чистую правду. Какие он преследовал цели, не знаю, но в любом случае выступал с дружеских к СССР позиций. И вот Сталин отдал эти документы! Если искать какие-то исторические параллели, получается что-то вроде доноса царю Петру Кочубея² на гетмана Мазепу. Тогда Петр вернул этот донос самому Мазепе, чтобы расположить его к себе и показать, что не верит в его измену. А Мазепа казнил Кочубея и стал помогать Карлу XII в походе на Россию. Этот эпизод ярко описан Пушкиным в поэме «Полтава». Как Мазепа поступил с Кочубеем, казнив его, так и Мао отнесся к Гао Гану. Сначала посадил его под домашний арест. Потом нам сообщили, что Гао «отравился». Маловероятно. Скорее всего, его там задушили либо отравили. На это Мао был способен, но на это был способен и Сталин. В данном отношении у них были родственные души и методы они использовали одни и те же. В дальнейшем это подтвердилось в еще большей степени.

А пока мы лишились человека, который демонстрировал свою близость к нам и подтверждал это конкретным делом, информируя нас о ситуации в китайском руководстве и его отношении к СССР. Это было очень ценно. И вместо того, чтобы поддержать Гао. Сталин предал его. Полагаю, что Сталин поступил так по следующим мотивам. Сталин — человек, который никому не верил. Сам себе не верил. Он считал, что рано или поздно тот факт, что секретные сведения, которые поступают к нам, передает именно Гао, станет известен Мао Цзэдуну. Тогда Сталин попал бы в щекотливое положение: вроде бы инспирировал оппозицию к пекинскому правительству. Поэтому Сталин и воспользовался возможностью продемонстрировать, что полностью доверяет Мао и, следовательно, не хочет получать информацию от человека, выступающего против китайского руководства. Хотя лично Гао никогда не говорил нам о своем отношении непосредственно к Мао, но для ряда китайцев оно не являлось тайной.

Помню, наши люди в Китае сообщили как-то, что в одном городе состоялась молодежная вечеринка. Когда ее участники перепились, молодежь стала враждебно и демонстративно высказываться в наш адрес: «Возьмите к себе своего Гао. Это ваш человек, а не наш». Это имело место еще в то время, когда он являлся членом Политбюро ЦК КПК. Следовательно, уже тогда Гао находился в некоторой изоляции, и о его нелояльности к «советской» политике Политбюро ЦК КПК там было известно. Это тоже надо иметь в виду. Возможно, Сталин, предавая Гао, считал, что,

мол, все равно тот разоблачен. Таково мое заключение. Я же лично подобных рассуждений от Сталина не слышал. Но никакими другими причинами не могу объяснить, почему Сталин взял да и передал Мао упомянутые документы. Мы, члены Политбюро ЦК ВКП(б), признаться, возмущались поступком Сталина. А Гао Ган был загублен.

Что касается пребывания Мао в Москве, то я видел, что Сталин проявлял неискреннюю вежливость. Чувствовалось какое-то его высокомерие в отношении Мао. Мао вовсе не глупый человек, сразу это понял, и это его раздражало, хотя сам Мао никакого недовольства внешне не проявил, за исключением вышеописанного случая.

Когда у нас с Китаем разгорелись споры, Мао в беседах со мной говорил, что Сталин не только не оказывал ему поддержки, но, напротив, предпринимал такие шаги в отношении Чан Кайши, которые противоречили интересам компартии Китая. А некоторые действия, вроде создания смешанных обществ, вообще порождали антисоветские и антирусские настроения в новом Китае. К сожалению, допускались и другие поступки, наносившие большой вред укреплению нашей дружбы с соседними социалистическими странами. Например, считаю безумством и вероломством то, что Сталин домогался, чтобы все валютные товары и сырье, которые приобретали или добывали Северная Корея и Китай, поступали в Советский Союз. Естественно, каждая страна должна иметь свою валюту, с тем чтобы выйти на рынки капиталистического мира. Ведь СССР не все может дать им. Мы сами вынуждены были изыскивать валютные средства за счет добычи золота или экспорта валютных товаров на Запад, чтобы выручить ту валюту, на которую можно будет купить товары, нами не производимые.

Такие же нужды были и у Китая, и у всех социалистических стран вообще. С этим надо считаться и строить свою политику, учитывая их интересы. Но Сталин был тут глухим, он не понимал и не хотел понимать этого, особенно после того, как разбили Гитлера. Он считал, что как Александр I после разгрома Наполеона законодательствовал в Европе, так и он теперь может законодательствовать. То было преувеличение собственных возможностей и игнорирование интересов друзей. А такая политика их обижала, оскорбляла и сеяла семена враждебности в отношениях с СССР. Мне помнятся различные эпизоды взаимоотношений с Китаем, в которых наши необдуманные действия омрачили нашу дружбу, хотя никаких объективных причин к тому не имелось.

С другой стороны, иногда сам Мао Цзэдун не только проявлял уважение к Сталину, но и доходил до какого-то самоуничижения. Так, он обратился к Сталину с просьбой порекомендовать человека, который помог бы ему в редактировании его речей и статей периода гражданской войны. Эти материалы Мао хотел теперь издать и попросил прислать к нему человека, марксистски образованного, который не только помог бы ему при редактировании, но не позволил допустить какие-либо ошибки в теории. Сталину было приятно такое признание его авторитета, выраженное в этой просьбе. Думаю, что Мао поступил так, исходя из своих соображений, чтобы создать у Сталина иллюзию, что готов его глазами рассматривать вопросы теории и практики марксизма и не претендует на какую-то собственную точку зрения в деле строительства социализма в Китае. Но это противоречило всему тому, что выявилось потом в ходе дальнейшей истории Китая.

Китайцы выдвигали также большие просьбы насчет помощи вооружением, поставок оборудования, строительства заводов. И здесь Советский Союз оказывал огромную помощь Китаю. Я не могу сейчас назвать конкретно денежную сумму, в которую она обошлась. Но речь шла о металлургических заводах, автомобильном, тракторном и по производству современного вооружения. Под все это мы давали кредиты, пересылали чертежи, оказывали другую помощь, фактически бесплатную. Даже документация передавалась не на коммерческой, а на дружеской основе. В Китай посылались наши военные инструкторы по всем родам войск: летчики, артиллеристы, танкисты. Я считал, что это полезно и нам, и Китаю. Мы рассматривали укрепление Китая как упрочение социалистического лагеря и обеспечение наших восточных границ. Тут интересы у нас с Китаем были общими, и мы относились к его просьбам, как к собственным нуждам, и шли навстречу настолько, насколько имели материальные возможности удовлетворить все просьбы.

На Востоке не только интересы Советского Союза и Китая, но и Кореической Народно-Демократической Республики очень тесно переплетались. К Северной Корее СССР также относился с большим вниманием и оказывал ей всевозможную помощь и в создании армии, и в налаживании народного хозяйства. Одним словом, мы делали все для того, чтобы Северная Корея экономически развивалась быстрее, чем Южная, и тем самым служила бы притягательной стороной для народа Южной Кореи. Когда Северная Корея вступила в войну с Южной, то здесь Северная Корея, Китай и Советский Союз еще прочнее связались в

один узелок, потому что победа Южной Кореи явилась бы победой США над Северной Кореей, что угрожало и Китаю, и Советскому Союзу. Наши симпатии были целиком и полностью на стороне Северной Кореи, на стороне властей, которые возглавлялись Ким Ир Сеном.

Много лет мы придерживались той точки зрения, что инициатива нападения принадлежала в той войне Южной Корее. А сейчас я считаю, что версию, которая была создана, нет нужды поправлять, потому что это было бы выгодно только нашим противникам. Но, если не детализировать версию, истина окажется такая: то была инициатива Ким Ир Сена, которая поддерживалась и Сталиным, и всеми нами. Мы как коммунисты сочувствовали корейскому народу, хотели помочь ему свергнуть иго капитализма и установить во всей стране народную власть. После смерти Сталина война какое-то время еще продолжалась. У нас давно созрела мысль найти возможности ее прекращения. Мы предприняли шаги по дипломатическим каналам и начали прощупывать американцев: как они отнесутся к прекращению огня? Американцы откликнулись позитивно, и начались переговоры. Потом была создана смешанная комиссия в составе корейцев, китайцев и американцев для непосредственных переговоров между сторонами, находившимися в состоянии войны. Переговоры длились долго, но в конце концов была достигнута договоренность. Войска остались на тех рубежах, на которых они прекратили военные действия, то есть примерно по той 38-й параллели, по которой была установлена после разгрома Японии демаркационная линия между войсками СССР и США.

С Китаем в то время у нас были хорошие отношения, во всяком случае внешне. Говорю — внешне, потому что, как мы потом узнали, внутренне Мао не признавал нас за равноправных союзников и таил великодержавные поползновения. Мы же оказывали Китаю солидную помощь. Китайские рабочие проходили у нас практику, обучались на автомобильном, тракторном и других заводах, которые строились с нашей помощью в Китае. Наши инженеры и рабочие трудились в Китае и напрямую участвовали в этом строительстве. Китайские граждане относились к нам на первых порах очень хорошо, а мы делали все для того, чтобы братские отношения укреплялись. Мы считали, что народы Советского Союза и Китая — братья и что это полезно не только нам, но и международному коммунистическому движению.

Еще по предложению Сталина мы дали очень много оружия китайской Народно-Освободительной армии: артиллерию, танки

и пулеметы, винтовки и автоматы, самолеты. Китайцы получали то оружие, которым в основном была вооружена тогда Советская Армия. Правда, она по отдельным видам боевой техники уже переходила на новое вооружение. Ведь всегда и во время войны, и тем более после войны в процессе строительства вооруженных сил одни виды вооружения снимаются с производства, другие вводятся. Какой же общий принцип действовал у нас в отношениях с Китаем? По мере совершенствования оружия мы вооружали этим оружием свою армию, потом предлагали его Китаю для перевооружения его Народно-Освободительной армии. Мы считали, что такой подход является основой братских взаимоотношений, были заинтересованы, чтобы Китай был силен, а его армия находилась на современном уровне развития. Прилагая все усилия для повышения боеспособности собственной армии, мы в той же мере были заинтересованы в повышении боеспособности китайской армии.

До нас доходили слухи о том, что в Китае имеются силы, которые враждебно относятся к Советскому Союзу. Мы получали сведения, что в китайских газетах пишется о том, что китайцы недовольны границами с Советским Союзом, претендуют на Владивосток и пр. Они рассказывали читателям, что русские цари силой установили существующую границу и навязали ее Китаю; употребляли также другие выражения недружественного характера по отношению к СССР. Я, конечно, не защищаю царей. Но границы, которые сложились у СССР, перешли к нему в наследство от бывших границ, и мы всегда считали, что тут законные советские территории. Ведь и в других социалистических странах новые, революционные правительства стали наследниками бывших правителей и считали своей всю национальную территорию в тех же границах, которые они получили от свергнутых властей.

Полагаю, что такой подход разумен и правилен. Если поставить сейчас вопрос о пересмотре границ и искать какие-то исторические давности, когда границы были иными, то можно зайти очень далеко. Это не приведет к укреплению дружеских отношений между нашими странами, а, наоборот, рассорит нас. Кроме того, для настоящего коммуниста-интернационалиста, который должен видеть дальше национальных границ, этот вопрос вообще не имеет значения в деле конечной мировой победы революционного движения и в рамках марксистско-ленинской философии.

Мы говорили об этом в Пекине. Они отвечали: не обращайтесь внимания, у нас имеется много партий, и каждая партия обладает

своей печатью. Там встречаются и враждебные высказывания представителей буржуазно-помещичьего класса, но они не являются точкой зрения нашего руководства. Мы этим удовлетворялись, хотя и хотели, чтобы была в открытую опубликована точка зрения китайского руководства. Но этого так и не было сделано. Прямых таких требований мы не высказывали, а просто верили на слово китайским руководителям.

Деловые же контакты у нас главным образом поддерживались с Чжоу Энлаем. Чжоу довольно часто приезжал к нам, с ним обсуждали мы все вопросы. С ним же предварительно договаривались о прекращении войны в Корее, вырабатывая общую тактику поведения. Часто Чжоу приезжал в СССР по тем или другим вопросам экономического характера, в том числе для заключения договоров о поставке в Китай оборудования и по прочим нуждам, которые имел Китай. С Чжоу у нас сложились очень хорошие отношения. Мы относились к нему с большим уважением. Он оказался деловым человеком, и с ним легко было разговаривать, легко находить взаимовыгодные решения. Мы считали, что у нас вообще сложились с Китаем хорошие деловые отношения. Чжоу являлся в то время премьером и министром иностранных дел. Поэтому вопросы дипломатических отношений Советского Союза с Китаем тоже решались с ним.

Я уже говорил, что мы осуществляли Китаю большие поставки, строили там заводы. Хотел бы специально остановиться на этом вопросе, потому что, когда я оказался уже на положении пенсионера, разные люди, встречаясь со мной, изъявляют тревогу, что мы оказываем слишком большую помощь другим странам и тем самым раздаем богатства Советского Союза. Да, мы помогаем нашим друзьям, например Китаю. Но Китай платил нам, как платят и прочие страны, которые мы поддерживаем. Какая же это помощь, скажут, если взамен платят? Вроде бы это торговля. Не совсем так! Конечно, торговля, раз идет оплата. Помощь же заключается в том, что мы поставляем в кредит оборудование, которое устанавливается тоже при нашем содействии, строим заводы и обучаем рабочих, затем даем все, что нужно для организации производства. Такая страна сразу получает возможность производить металл, оборудование.

Конечно, если рассматривать отношения, которые складываются в капиталистическом мире, то там любая фирма прикидывает, что ей выгодно, и только. Выгоднее ли ей продать оборудование? Или выгоднее не продавать оборудование, а продавать продукцию, которая выпускается на этом оборудовании? Чаще всего

делается последнее³. Мы же, желая укрепить экономику дружеской страны и способствовать поднятию жизненного уровня ее населения, поставляем и оборудование, и целые заводы. Мало того, оборудование поставляем по льготным ценам. Например, капиталисты дают кредиты из 5% — 7% годовых, а мы давали из 2,5% или 2%. Это большие льготы. Поэтому мы вправе говорить, что оказываем именно помощь братским странам.

К тому же времени, середине 50-х годов, относятся переговоры с Китаем, которые закончились заключением договора о статусе Порт-Артура⁴ и Дальнего. Здесь наши позиции были вполне правильно определены. Мы исходили из того, что Порт-Артур — исконно китайская территория, а мы там будем находиться до тех пор, пока это отвечает интересам как Китайской Народной Республики, так и Советского Союза. Наши усилия были направлены против возможного общего врага, хотя ранее и разгромленного, Японии. К тому же конкретно в то время сложились новые условия, когда нарастала угроза со стороны США, которые фактически организовали войну против народной власти на юге Китая и поэтому могли угрожать Китайской Народной Республике со стороны Японии.

Мы затратили много сил и средств для приведения в надлежащий вид крепости Порт-Артур, заново вооружили ее и держали там довольно солидный гарнизон. Все это позднее мы передали Китаю. Кроме того, отказались от своих прав на Китайскую Восточную железную дорогу в Маньчжурии. По-моему, такое решение было правильным: мы не хотели порождать конфликт, не хотели иметь собственности на территории другого социалистического государства. И мы покончили с этим вопросом, передав ее Китаю. Но, видимо, этот факт их не совсем удовлетворил. Мао желал большего.

После смерти Сталина мы ликвидировали все неравноправные договоры, а также совместное общество по эксплуатации Синьцзяна, договорились о передаче Китаю Порт-Артура и эвакуации оттуда наших войск. По последнему вопросу долго велись предварительные переговоры. Решение задерживали не мы, а китайская сторона, хотя нам это было понятно. Китай опасался США, пока шла война в Корее. Американцы повернули ее ход в пользу Южной Кореи, и в Пекине возникли опасения: не совершат ли они агрессивных акций и против Китая? Войск у США в Южной Корее было достаточно, поэтому передачу Порт-Артура в те годы китайцы не только не форсировали, но и сдерживали.

В 1954 г. было решено направить в Пекин на празднование

5-летия КНР нашу партийно-правительственную делегацию. Ее по решению ЦК КПСС и Совета Министров СССР возглавил я. Состав делегации был большим и представительным: Булганин, Микоян, Шверник, Фурцева, Шелепин, Насриддинова, другие лица. Выезд делегации приурочили к годовщине победы народной революции и установлению власти трудящихся в Китае — 1 октября. И вот мы прибыли в Китай. Встречали нас очень радушно. Да и мы были очень рады побывать на китайской земле, встретиться и побеседовать с руководителями ее народа. Особых вопросов к Пекину у нас не было, кроме общих проблем обороны. Чтобы обеспечить оборону, надо было и дальше способствовать развитию экономики, особенно индустрии в Китае, С нашей стороны имелась только одна просьба к китайскому правительству. Мы считали, что дело представляет взаимный интерес и в какой-то степени явится помощью Китаю. Там существовала большая безработица, мы хотели какое-то количество китайских рабочих привлечь для разработки богатств Сибири, прежде всего на лесоразработки.

Точно не помню сейчас, о каком количестве людей шла речь. Нам требовалось около 1 млн. человек, а может быть, и больше. Таковой была общая потребность, согласно заявкам отраслевых министерств. Действовало мнение, что у нас налицо нехватка рабочей силы. Эта точка зрения оказалась неправильной и была потом пересмотрена. Выяснилось, что у нас рабочей силы хватает, даже с излишком. Просто мы плохо используем рабочую силу, поэтому проявляется нечто вроде дефицита. Главным образом, дефицит ощущался в Сибири. Это и понятно. Чтобы разрабатывать богатства Сибири, надо привлекать рабочих из европейской части СССР, потому что в Сибири слишком слабая плотность населения. Я на этом задерживаюсь, чтобы показать затем, как реагировал на нашу просьбу Мао Цзэдун.

Собрались мы для очередного чаепития. В Китае я не замечал злоупотребления спиртными напитками. Даже когда мы собирались за обедом, то пили вино в умеренном количестве и без всякого принуждения, не то, что у Сталина, когда каждый пил не сколько хотел, а сколько Сталин хотел влить отравы в его организм. Мао в этом отношении резко отличался от Сталина, и я не могу сказать, чтобы он лично проявлял какую-то склонность к питейным делам. Пили вообще преимущественно чай. Во время заседания его подавали в чашке с крышкой (по китайской традиции). Как только выпьешь, приносят следующую. Если не успевал выпить, чай забирали и ставили новый. Спустя некоторое время

— опять то же. Периодически приносили теплое, распаренное махровое полотенце. Им китайцы вытирают голову и лицо, освежаются. Мы к такой церемонии не привыкли, но пользовались ею ради уважения к хозяевам.

Чай подавали в таком большом количестве! Я не привык пить столько жидкости и от чая отказывался. Тем более подавали зеленый чай, а я его не люблю. Булганин же любил чай и добросовестно выполнял церемонию, зато потом лишился сна. Врач его осмотрел и спросил: «Вы пили зеленый чай? Много?» — «Да, много». — «Если Вы и дальше будете пить его в таком количестве, то еще хуже станете спать. Вам надо сократить потребление чая. Чай содержит тонизирующие вещества, которые лишают человека сна». Булганин перестал пить чай и опять вошел, как он мне сказал, в норму.

Как же Мао реагировал на нашу просьбу о рабочей силе? Надо знать Мао! Ходил он спокойно, медлительно, вроде как медведь, вразвалочку. Он глянул на меня, опустил глаза, опять поднял их и спокойно, тихим голосом, начал говорить: «На Китай все смотрят как на резерв рабочей силы. Все считают, что у нас много безработных, что мы слаборазвитая страна, и поэтому китайцев можно привлекать на всякие там неквалифицированные работы как дешевую рабочую силу. Но в Китае считается оскорбительным такое отношение к китайскому народу. Ваши требования (вот как он это поднес) могут создать для нас трудности и породить в Китае неправильное понимание в отношении Советского Союза. Получается, что СССР тоже смотрит на Китай как на поставщика грубой рабочей силы. Так смотрели на нас западные капиталистические страны».

Нам было очень неприятно выслушивать это, особенно такое сравнение. Мы-то искренне, по-братски относились к Китаю и пришли, как говорится, с открытой душой. Думали, что такое предложение выгодно Китаю, что он заинтересован временно избавиться от лишних ртов. Китайцы смогут сами зарабатывать на хлеб. Таким образом, это будет выгодно и тем, кто станет работать у нас, и Китаю, потому что он тоже будет получать какие-то выплаты за работы в Сибири. Мы условились, что я поведу переговоры от советской делегации. Поэтому я и ответил: «Товарищ Мао Цзэдун, мы не хотим создавать для вас трудности. Мы считали, что это предложение и в ваших интересах. Если оно создает вам трудности, то мы не настаиваем на своем предложении и обойдемся собственными силами».

На этом разговор закончился. После заседания у Мао собра-

лись мы в своей резиденции и решили: раз наша просьба создает трудности для китайских товарищей, нам не стоит проявлять упорство, мы сами внутренними силами справимся с задачей разработки богатств Сибири. Так мы отказались от постановки этого вопроса и более к нему не возвращались. Но когда после поездки по Китаю мы вернулись в Пекин, к нам обратилась уже китайская сторона: что же вы не ставите вопрос о рабочей силе? Мы разъясняли, что отказались от своего предложения, получив такой ответ от товарища Мао Цзэдуна. Тут Пекин обратился к нам официально, заявив, что китайская сторона высказала лишь свои соображения, но тем не менее, с пониманием относясь к нуждам Советского Союза, готова нам помочь. Раз инициативу проявили китайцы, мы согласились возобновить переговоры и заключили соответствующий договор, который был подписан обеими сторонами. В нем зафиксирован объем поступления рабочей силы из Китая и разработаны условия оплаты. Мы пошли на заключение договора потому, что раньше сами проявили инициативу, а теперь уже Пекин поднял этот вопрос. Нам неудобно было отступить, пришлось бы давать какие-то объяснения, что могло ухудшить наши отношения.

Мы обусловили на первых порах получение 200 тыс. рабочих, и китайцы стали приезжать к нам. Однако из бесед, которые мы провели в Пекине, а особенно в связи с их постановкой вопроса о привлечении рабочей силы из Китая в Сибирь мы поняли, что поступили так зря. Мы выслушали обширную лекцию Мао Цзэдуна по истории Китая, а также о Чингисхане и других завоевателях, которые приходили в Китай; о том, что более стойкой оказалась китайская нация, которая ассимилировала всех завоевателей, приходивших в Китай. Очень многое было сказано о превосходстве китайской нации в сравнении с другими. То, что рассказал нам про это Мао Цзэдун, было интересно послушать, но мы сделали для себя вывод, что Мао относится к другим нациям свысока. У меня сложилось мнение, что при дальнейшем развитии отношений Китая с Советским Союзом могут встретиться трудности, что Мао наделен националистическими мыслями и считает китайцев превосходящими все другие нации.

Мы отметили такое личное качество Мао, что он никого не считает равным себе; значит, сможет дружить только с теми, кто будет признавать его превосходство и подчиняться ему не юридически, а в смысле понимания проблем, стоящих перед странами и перед партиями. Мне казалось, что Мао не сумеет примириться с условиями, необходимыми для здоровых отношений между со-

циалистическими странами, когда каждая страна и каждая правящая партия занимают равноправное место. А он претендует на гегемонию в мировом коммунистическом движении!

После возвращения в СССР мы откровенно обменялись мнениями по этому вопросу в Президиуме ЦК КПСС. Наше сообщение вызвало тревогу. Докладывал я как глава делегации. Мое мнение сводилось к тому, что в наших отношениях с Китаем заложены опасные перспективы, а причина тому — высокомерие, проявляемое Мао при оценке роли Китая в мировой истории и собственной роли в истории китайского народа и коммунистического движения. Выдвижение на первый план собственной персоны угрожает трениями между нашими странами, а может быть, даже и больше, чем трениями. Поэтому (и со мною все согласились) мы должны сделать все, чтобы этого не допустить и строить свои отношения так, чтобы не вызывать не только каких-либо подозрений, но и вообще не вскармливать отрицательных, националистических бацилл, которые носит в своем организме Мао. Мы решили также приложить все силы к тому, чтобы не нарушать братских отношений Китая с СССР и сделать все возможное для их укрепления.

Однако у меня лично сложилось мнение, что этого будет трудно достичь или даже невозможно, потому что Мао не согласится занять равное другим положение в коллективном руководстве мировым коммунистическим движением и потребует признать свою гегемонию. По таким вопросам бывает невозможно договориться. Тут все зависит от личных качеств, от того, как относится к себе какой-нибудь руководитель, в каком направлении он прилагает свои усилия. Если добиваться не физического подчинения, а утверждения ведущего положения путем проявления более глубокого понимания хода истории и развития политики, вырабатываемой коллективом коммунистических партий — тут другое дело! Но нет, я чувствовал, что Мао безоговорочно определил себя в вожди мирового коммунистического движения. А это было опасно.

Другие наши беседы в Пекине касались напрямую вопросов мирового коммунистического движения. Мы считали целесообразным осуществить какое-то «разделение труда» по связи с компартиями несоциалистических стран. Так как КПК добилась победы в Китае, то мы полагали, что лучше всего, чтобы именно она установила более тесные связи с братскими компартиями стран Азии и Африки. Кроме того, по уровню развития промышленности и жизненному уровню населения Китай стоял ближе к народам

таких стран, как Индия, Пакистан, Индонезия. Мы-то имели в виду в первую голову как раз эти страны. А хотели оставить за собой укрепление связей с коммунистическими партиями Запада, в первую очередь европейскими и в США.

Когда мы высказали эти соображения китайским товарищам, Мао возразил: «Нет, это невозможно. В коммунистическом движении ведущая роль должна принадлежать Коммунистической партии Советского Союза. У нее богатый опыт, у нее был Ленин, в КПСС созданы кадры, которые глубже понимают марксистско-ленинскую теорию, а мы без Советского Союза никак не можем браться за такое большое дело. Мы ведь и сами смотрим на Советский Союз, учимся у него. Должен быть единый центр руководства, в Москве». Когда я слушал всевозможные доводы Мао насчет признания ведущей роли СССР и КПСС, то не мог отделаться от мысли, что это все на словах. А думает Мао совсем о другом, готовя соответствующую почву для себя. Это меня очень огорчало, я чувствовал, что когда-то настанет время трений, а может быть, и более чем трений, между нашими партиями, между нашими странами. Заявляю еще раз: это было для меня сильным огорчением. Но и мы не могли прятать голову в песок, как страусы, а смотрели такой опасности прямо в лицо, а с другой стороны, дали себе слово сделать все, чтобы заглушить такие ростки, изжить их и добиться самых лучших, братских отношений между нашими партиями, между нашими странами.

Когда мы вернулись в СССР, то решили глубже изучить собственные возможности. После смерти Сталина мы почувствовали большую ответственность за судьбу страны. Эта ответственность заставила нас глубже вникать в хозяйственные вопросы, особенно в вопросы планирования. Мы убедились, что мнение о нехватке у нас рабочей силы было неверным: в СССР имеются даже излишки рабочей силы, просто их неправильно используют. Поэтому для нас отпала необходимость в таком количестве рабочих, которое мы просили у Китая. К нам уже приехала первая их очередь, а далее мы не проявляли инициативы в этом вопросе. Казалось, такой поворот должен был импонировать Пекину и взглядам Мао, которые он нам высказал. Не тут-то было! Китайцы сами стали нам напоминать: «Что же вы, мол, договор подписали, а рабочих не берете? Стесняетесь, что ли? Мы готовы оказать вам братскую помощь».

Мы стали разъяснять им положение вещей, а при встрече с Мао я извинился за то, что мы ранее зависили свои пожелания в получении рабочей силы, которая на деле сейчас нам не требует-

ся в таком количестве. Пришлось сказать, что в результате новой политики, которую мы сейчас проводим после смерти Сталина, у нас выявились новые возможности высвобождения рабочей силы, и дай нам Бог хотя бы ее задействовать, а не то что приглашать. Действительно, у нас в Москве сейчас скрытой безработицы на сотни тысяч людей. Они все при деле, но при каком деле? Если его не будет, так никто и не заметит, что его нет. В любом учреждении сейчас сократите на 30% персонал, и работа не страдает.

Закончилась эта эпопея так: по окончании соглашения с китайскими рабочими они возвращались домой, а мы уже не восстанавливали прежнего их количества за счет вновь прибывающих из Китая. Постепенно у нас сложилось единое мнение, что таким способом китайцы хотят внедриться на наш Дальний Восток. Я еще раз напоминаю об интересном маневре Мао: сначала он сказал, что наше предложение обидно, оскорбительно для китайского народа, а потом сам начал настаивать, чтобы мы взяли побольше людей, а если нужно, то они еще добавят.

Сложилось мнение, что Пекин хочет переселить к нам как можно больше людей для «оказания помощи» в разработке богатств Сибири, с тем чтобы внедриться в экономику Сибири и ассимилировать ее небольшое русское население. В результате Сибирь этнически станет китайской. Когда потом наши отношения испортились, они дошли бы в таком случае вообще до крайнего предела, поскольку Китай уже тогда предъявил претензии на наш Дальний Восток. Прямо это не высказывалось. Но, безусловно, подразумевалось бы, что и на Сибирь претендовать Китай имеет не меньше оснований, чем Советский Союз. Это вытекало из их взглядов на советско-китайскую границу, из их высказываний в печати, из бесед между нашими людьми и китайцами как на высшем уровне, так и в массах.

Так появились первые признаки наших разногласий и первая тревога у нас насчет отношений с Китаем. В короткое время эти признаки проявления китайского национализма переросли в оголтелый, захватнический национализм, сопровождаемый культом Мао. Жизнь, к нашему сожалению, подтвердила наши прежние опасения.

На одной из взаимных встреч в 1954 году мы поставили вопрос об эвакуации советских войск из Порт-Артура. Мы хотели при этом передать Китаю все недвижимое имущество, за исключением тяжелого вооружения, которое мы там только что поставили. Мао возразил, стоит ли сейчас это делать? Он опасается, что США

могут воспользоваться уходом наших войск из Порт-Артура и напасть в этом районе на Китай. Я высказал наши соображения: «Сомневаемся, товарищ Мао Цзэдун, что США сделают это. Более того, я уверен, что они этого не сделают. Правда, никакого ручательства быть не может, потому что США проводят агрессивную политику: только что закончилась война в Корее. Однако мы выводим войска во Владивосток. Это рядом. Если произойдет вражеское нападение, мы, конечно, придем вам на помощь». В конце концов Мао согласился: «Ну, раз Вы считаете, что США нападать не будут, мы не станем возражать против вывода ваших войск».

Так мы договорились и поручили нашим представителям приступить к оформлению договора о выводе советских войск из Порт-Артура. Спустя какое-то время (а мы часто встречались) Чжоу Энълай опять поднял тот же вопрос: «Мы бы хотели, чтобы в Порт-Артуре осталось ваше артиллерийское вооружение». Мы согласились оставить им вооружение, но за плату. Чжоу же настаивал на том, что Китай хочет получить вооружение бесплатно. Это был неприятный вопрос, и мне отвечать на него было не совсем легко, но я вынужден был ответить: «Извиняюсь, но хотел бы, чтобы вы меня правильно поняли. Это очень дорогое оружие, и мы вам продаем его по заниженной цене. Мы бы хотели, чтобы это вооружение передавалось вам на тех условиях, которые мы предложили. Мы еще не оправились после разорительной войны с Германией. У нас разорено хозяйство, народ живет плохо. Поэтому мы просили бы, чтобы вы не настаивали и согласились с нами. Поймите нас правильно!» На этом разговор кончился. Пекин настаивать не стал.

Я вспоминаю, не заглядывая в документы. Поэтому отдельные детали могут быть не совсем точными, но за общую точность приводимых фактов я ручаюсь.

Китайцы подняли также вопрос о строительстве железной дороги и заявили, что дорога к ним через Улан-Батор представляет для них мало интереса. Я и сейчас не совсем понимаю, почему. Раньше мы грузы везли через Дальний Восток, дорога в Пекин через Улан-Батор намного сокращает путь. Но китайцы прямо заявили, что хотели бы иметь дорогу, которая пройдет через их районы, богатые залежами минерального сырья, и выйдет к нашей границе примерно в районе Алма-Аты. Мы не возражали: если это выгодно для вас, то мы все сделаем со своей стороны, чтобы обеспечить постройку такой дороги. Потом работала соответствующая комиссия. Договорились, что китайцы на своей территории будут прокладывать дорогу своими силами к нашей границе, мы

же на своей территории проложим путь к границе с Китаем в районе Алма-Аты.

Началось строительство. Китайцы шли со своей стороны, мы — со своей. У нас был отрезок пути короче, рельеф не столь тяжелый, кадры и техника сильнее. Поэтому мы быстрее подошли к границе, а китайцев пока и в отдалении не было видно. Когда в следующий раз их представители приехали к нам, они уже начали работу конкретно и вкусили, как говорится, от самого плода — познали прокладку дороги и почувствовали, что орешек крепок, что его надо разгрызть, имея хорошие зубы. Тогда они вновь подняли тот же вопрос через Чжоу. Все не очень приятные для нас вопросы они обычно поручали Чжоу Эньлаю. Во-первых, он премьер; во-вторых, более дипломатичен.

Чжоу спросил: «Как вы посмотрите на то, чтобы взять на себя прокладку отрезка железной дороги и на нашей территории?» Это прозвучало для нас неожиданно. Мы, однако, сразу поняли, что это означает. Во что это обойдется, пока нам было неизвестно. Предполагали, что окажется очень дорогим удовольствием. Дорогу следовало вести через горы, овраги, ущелья. Там надо было навести столько мостов, столько проложить тоннелей, и не счесть! Это было бы очень накладно. Неприятная обязанность отвечать на такой вопрос друзьям опять выпала на меня. И я сказал, что весьма извиняюсь, но сейчас такое нам не под силу. Даже свои задачи мы решаем с большим напряжением и принять на себя обязанность по постройке железной дороги на территории Китая просто не можем. Ведь подразумевалось, что строительство должно вестись не только нашими силами, но и за наш счет. Таким образом сей вопрос отпал. Дорога осталось недостроенной.

Видимо, подобного рода вопросы, которые нам подбрасывали, а мы от их решения отказывались, падали, как камни, на весы нашей дружбы, на ту чашу, которая, опускаясь, не способствовала укреплению дружеских отношений. Возникал груз, который отяжелял наши отношения. Однако дружба дружбой, а служба службой. Каждое правительство и каждый представитель правительства должен служить своей стране. Поэтому подобные инциденты не должны бы в принципе ухудшать отношения между странами. Да и не в этом заключалась главная причина ссоры, но все это в конце концов тоже способствовало ухудшению отношений.

Теперь о том, как китайцы реагировали на решения XX съезда КПСС и разоблачение злоупотреблений Сталина. От КПК на XX съезде присутствовала делегация во главе с Лю Шаоци и, кажет-

ся, Чжоу Эньлаем. Они понимали мотивы, которыми мы руководствовались, и поддерживали нас. Уже после съезда Мао и другие китайские руководители неоднократно выступали в поддержку его решений, и первое время у нас с Китаем продолжали сохраняться хорошие отношения, несмотря на то, что мы обнажили преступления, совершенные Сталиным. Сейчас Мао не соглашается, он осуждает решения XX съезда партии и берет себе дела Сталина на вооружение. Те методы, которыми Мао сейчас пользуется при расправе с оппозицией, не имеют ничего общего с диктатурой пролетариата. Это диктатура личности. Так в свое время поступал Сталин, когда уничтожал членов ЦК партии, руководителей центральных, краевых, областных, городских, районных, заводских организаций и просто рядовых коммунистов.

Не припоминаю каких-то особых трений, которые складывались в отношениях с Китаем в первые годы моей работы после смерти Сталина. Наши взаимоотношения протекали более или менее нормально, как и с компартиями других стран. И я бы даже сказал, что они были несколько теплее, потому что Китай для нас оставался каким-то экзотическим государством, угнетенным ранее империализмом, и к нему издавна возникло любовное отношение: и к народу, и к его руководителям. Ухудшение отношений нарастало постепенно. Но это было ощутимо.

Тут началась война на Ближнем Востоке. Англия, Франция и Израиль в октябре 1956 года развернули войну против Египта. Их агрессия совпала с печальными событиями в Венгрии, трениями с Польшей. В столь сложной международной обстановке у нас возникла потребность в более тесных контактах с Китаем. И мы обратились к Пекину с просьбой, чтобы кто-либо из китайского руководства приехал в Москву. Мы хотели посоветоваться и выработать общую линию в отношениях с Польшей и Венгрией.

В Венгрии события развивались бурно, там уже начались расправы с коммунистами, в них стреляли, их вешали, громили партийные комитеты. Ракоши⁵ попросил нас помочь ему уехать из его страны. Мы послали ему самолет, и он прилетел в СССР. После отстранения Ракоши от руководства лидером венгерских коммунистов стал Герэ. Мы ему доверяли, он был, безусловно, хорошим коммунистом и нашим другом. Но Герэ там никто не слушал, все нити управления страной сходились к Имре Надю⁶. Надь почему-то был очень враждебно настроен к Советскому Союзу, хотя он жил у нас в эмиграции и работал в Коминтерне, Ракоши объяснял нам это тем, что тот всегда занимал крайне правые позиции, хотя все-таки считался коммунистом и тоже входил в руко-

водство Венгерской компартии⁷ и потом Венгерской партии трудящихся.

Итак, к нам прилетел товарищ Лю Шаоци. Кажется, входили в китайскую делегацию Дэн Сяопин⁸ и Кан Шэн. Ныне Дэн Сяопин оказался в опале, и я ничего не знаю о его судьбе, а Кан Шэн к нам очень плохо относится, он в руководстве Китая является наиболее враждебно настроенным человеком в отношении СССР и КПСС. Лю Шаоци приятный человек, с ним можно по-человечески рассматривать вопросы и решать их. Президиум ЦК партии уполномочил меня вести переговоры. С нашей стороны в состав делегации входил еще Пономарев⁹. Мы вели беседу всю ночь напролет, обсуждали ход событий, рассматривали варианты, думали, что же нам предпринять?

Вопрос стоял остро: предпринять ли нам в Венгрии военную акцию или же нет? Если нет, то какие к тому имеются основания, ведь контрреволюция бушует в полной мере, в Будапешт уже приехали из Вены эмигранты и захватывают руководство страной в свои руки. В самом Будапеште находились в то время Микоян¹⁰ и Суслов. Они нам сообщали, что там идет стрельба, развернулось сражение. В других районах страны этого не наблюдалось, там было спокойнее и никаких особых проявлений вражды в отношении СССР и венгерских коммунистических руководителей не ощущалось.

При обсуждении с Лю Шаоци сложной ситуации, которая сложилась в Венгрии, у нас чувствовалось абсолютное доверие друг к другу: одной делегации к другой и одной партии к другой. Мы в процессе беседы приходили то к тому, то к другому решению, изменяли их несколько раз за ночь. Лю сейчас же связывался с Мао, передавал ему нашу точку зрения. И, как правило, мы получали согласие с такой точкой зрения. Несмотря на то, что она менялась, Мао соглашался с противоречащими одно другому решениями, которые мы тут вырабатывали, заседаая, если можно так сказать, как бы в смешанной советско-китайской комиссии по венгерскому вопросу. Закончили мы ночь решением не применять силу в Венгрии и дать возможность развиваться событиям самим по себе. Мы хотели верить, что внутренних сил окажется там достаточно, чтобы взять верх, восстановить порядок и не позволить контрреволюции захватить власть. За ночь мнение менялось несколько раз: то Советский Союз, то Китай предлагал применить войска, а в другой раз — наоборот. Однако, несмотря на все наши колебания и споры, отношение делегаций друг к другу было очень хорошим, основанным на полном доверии и искренности.

Заседали мы на даче Сталина, в Липках, где жила китайская делегация. Уехали домой уже утром, так и решив: советские войска в ход не пускать. И тут же утром получили сообщение из Будапешта, что контрреволюция начала буквально погром: коммунистов вешают за ноги, особенно чекистов и партийных руководителей; идет жестокая, зверская расправа. Собрались члены Президиума ЦК партии, еще раз все обсудили и решили применить силу. Но с Китаем мы уже договорились, что не будем применять силу, и Лю передал это в Пекин. Было бы нехорошо с нашей стороны, договорившись об одном, делать обратное. Лю должен был улетать в Китай вечером того же дня. И мы договорились с ним, что мы приедем на Внуковский аэродром пораньше и проведем там еще одну общую беседу. Сказали, что хотели бы вернуться к тому вопросу, по которому просидели всю ночь.

Приехали мы, по-моему, в полном составе членов Президиума ЦК, прибыла и делегация Китая. В отдельной комнате мы и провели беседу, объяснив причины изменения нашей точки зрения. Лю согласился, что другого выхода, видимо, нет, придется пойти на крайние меры. Он выразил уверенность в том, что братские коммунистические партии и венгерский народ поймут, что это была вынужденная акция, в интересах рабочего класса, в интересах прогрессивных сил. Ведь трудно даже было представить себе возможные последствия утверждения контрреволюции в Венгрии.

Китайцы улетели. Мы были очень довольны их визитом и не усматривали никаких разногласий в отношениях между нашими партиями. После наведения порядка в Венгрии в Москву прилетел Чжоу Эньлай. Отсюда он полетел в Варшаву, в Будапешт, а потом, по-моему, в Белград. После ликвидации мятежа контрреволюции в Венгрии у нас опять ухудшились отношения с Югославией, хотя касательно применения силы югославские товарищи, а в первую голову товарищ Тито, были полностью с нами согласны и одобряли такую акцию. Мы ведь к ним специально летали туда с Маленковым и советовались, применять нам силу или нет.

Мы были очень довольны прибытием Чжоу Эньлая. У нас обострились отношения с Польшей, а у Китая этого не было. И мы рассматривали Китай как доброго посредника, который может смягчить обостренные отношения между компартиями СССР, Польши и Венгрии. Хотя не все было благополучно и с Югославией, но мы считали, что надо не идти путем ухудшения отношений, а изыскивать пути их нормализации и установления братских связей между компартиями наших стран. Чжоу приехал в СССР с хорошим настроением. Но я бы сказал, что проявился уже какой-то

сквознячок, вроде бы ощущались какие-то щели, сквозь которые дуло. Может быть, это был результат обостренности нашего восприятия? Ни в чем конкретно это не проявлялось, просто мы чувствовали холодок в интонациях. Чжоу, попросту говоря, более независимо высказывал теперь свои суждения, нежели раньше.

Мы к этому относились с пониманием. Ведь вина за ухудшение отношений с Польшей и Венгрией ложилась на Сталина, значит, и на нас. Сталин породил такие отношения, и они должны были когда-то прорваться, не могли пройти бесследно. Теперь мы расплачивались за прежние кровавые дела, которые он учинил в руководстве Польши и Венгрии. Мы нуждались в правильном понимании нашей позиции, позиции осуждения методов насилия, осуждения поступков Сталина, хотели восстановить нормальные, братские отношения с нашими друзьями и на равноправной основе хотели строить наши отношения на базе уважения к народам всех стран и к руководству их коммунистических партий.

Отношения должны были нормализоваться именно на новой основе, потому что прежде Сталин считал себя персоной, которая отдает распоряжения, изрекает законы в коммунистическом движении, а остальные должны качать головами, как болванчики, смотреть ему в рот и только повторять: «Да, да, гениально. Полностью согласны». Тогда большего не требовалось. Но теперь нужны были другие отношения. Если создавать равноправие, следовательно, надо научиться выслушивать неприятные замечания, понять обиду на методы, которые применял Сталин. Все это и легло на наши плечи. Прокисшую похлебку, сваренную Сталиным, приходилось расхлебывать после его смерти.

Китай сыграл здесь положительную роль. Но мы чувствовали себя не совсем хорошо и видели, что китайские руководители несколько по-другому стали вести себя в беседах при обсуждении наших общих вопросов. Зато быстро шла нормализация отношений с Польшей. Здесь проявилась огромная заслуга товарищей Гомулки, Циранкевича¹¹, Спыхальского и других, которые пришли в польское руководство. После подавления контрреволюции в Венгрии там тоже довольно быстро стало нормализоваться положение. Венгерские товарищи с большим пониманием отнеслись к применению нами военной силы для устранения контрреволюции, а ведь там проявилась контрреволюция в чистейшем виде. Однако некоторые затруднения наметились в других братских партиях. Отдельные члены компартий Франции, Италии и ряда других не поняли сути дела и публично осуждали наши действия в Венгрии. Особенно тяжело переживали происходящее литера-

торы и остальные представители интеллигенции. С Югославией у нас тоже пошел процесс нормализации отношений. И мы, и югославы со своей стороны все делали для этого.

¹ КОВАЛЕВ И.В. (род. в 1901 г.) — нарком (министр) путей сообщения СССР в 1944 — 1948 гг., затем советник при народном правительстве северо-восточного Китая и советник при Центральном народном правительственном совете в Пекине, прозванный там «советником двух вождей».

² КОЧУБЕЙ В.Л. (1640 — 1708) — генеральный писарь с 1687 г. и генеральный судья с 1699 г. в Гетманском уряде Левобережной (российской) Украины. Неоднократно предупреждал Петра I о тайных переговорах гетмана И.С. Мазепы (1644 — 1709) с польским королем Станиславом Лещинским и шведским королем Карлом XII, после чего бежал в Россию, но был выдан царем Мазепе и казнен.

³ Смешанные общества — форма организации акционерных компаний, в которых выступают партнерами частный капитал и государство либо несколько государств, совместно эксплуатирующих предприятия в каких-то отраслях экономики или при добыче природных ресурсов.

⁴ ПОРТ-АРТУР (Люйшунь) — город и порт на Ляодунском полуострове Китая, вместе с г. Дальний (Далянь) образует основную часть административного района Люйда. С 1898 г. арендовался Россией и был соединен железнодорожной линией с Харбином. После русско-японской войны 1904 — 1905 гг. отошел к Японии, которая по окончании арендного срока в 1923 г. отказалась возвратить его Китаю. Освобожден Красной Армией 23 августа 1945 г., по советско-китайским соглашениям 1945, 1950 и 1952 гг. совместно использовался СССР и Китаем как военная база. В мае 1955 г. безвозмездно передан Китайской Народной Республике.

⁵ РАКОШИ М. (1892 — 1971) возглавлял ЦК Венгерской партии трудящихся, в июле 1956 г. был освобожден от всех должностей и покинул Венгрию. Герэ Э., сменивший его на посту первого секретаря ЦК ВПТ, занимал его по октябрь 1956 г., когда началось восстание и первым секретарем был избран Я. Кадар (1912 — 1989).

⁶ НАДЬ И. (1896 — 1958) — глава правительства Венгрии в 1953 — 1955 гг. и в октябре — ноябре 1956 г. Осужден по обвинению в предательстве родины и казнен, в 1989 г. посмертно реабилитирован.

⁷ Коммунистическая партия Венгрии (1918 — 1943). Венгерская коммунистическая партия (1944 — 1948). Венгерская партия трудящихся (1948 — 1956). Затем называлась Венгерской социалистической рабочей партией (до октября 1989 года).

⁸ ДЭН СЯОПИН (1904 — 1997) — член КПК с 1924 г., член ее ЦК в 1945 — 1966, 1973 — 1976 и 1977 — 1987 гг., член его Политбюро в 1955 — 1966 гг., 1974 — 1976 и 1977 — 1987 гг., в 1956 — 1966 гг. — Генеральный секретарь ЦК КПК, заместитель главы правительства, в 1952 — 1966 гг., в 1975 — 1982 гг. — заместитель председателя ЦК КПК, в 1978 — 1983 гг. — председатель Всекитайского комитета народного политического консультативного совета, в 1975 — 1980 гг. — начальник Генерального штаба, председатель Центральной комиссии совет-

ников КПК, в 1982 — 1987 гг., Военного совета ЦК КПК — в 1981 — 1989 гг. и Центрального военного совета КНР — в 1983 — 1990 гг. Кан Шэн одно время возглавлял при Мао Цзэду органы государственной безопасности, входил в руководство страны.

⁹ ПОНОМАРЕВ Б.Н. (1905 — 1990) в описываемое время являлся членом ЦК КПСС и заведующим его отделом.

¹⁰ МИКОЯН А.И. (1895 — 1978) в указанное время был первым заместителем председателя Совета Министров СССР и членом Президиума ЦК КПСС; М.А. Суслов (1902 — 1982) — членом Президиума и секретарем ЦК КПСС.

¹¹ ЦИРАНКЕВИЧ Ю. (1911 — 1989) был тогда членом Политбюро ЦК ПОРП и председателем Совета Министров ПНР.

ПОВОРОТ В ОТНОШЕНИЯХ С КИТАЕМ

В сложившейся к 1957 г. обстановке назрел вопрос созыва международного совещания коммунистических и рабочих партий. Стали вести подготовку. Договорились приурочить совещание к празднованию 40-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. Была создана комиссия, которая готовила предварительные документы. Наступило время, и встретились мы в Москве.

Компартия Китая прислала очень солидную делегацию. Ее возглавлял сам Мао Цзэдун, а в состав делегации входили, по-моему, Лю Шаоци, Чжоу Эньлай, Дэн Сяопин, Кан Шэн и другие. Входила в нее и жена Сунь Ятсена Сун Цинлин. Признаюсь, мы были несколько озадачены этим, потому что я и тогда не знал, и сейчас не знаю, являлась ли она членом компартии. Мы-то полагали, что она беспартийная. Правда, она очень прогрессивный человек и в течение многих лет в ходе борьбы китайского народа против реакции всегда занимала коммунистические позиции. Нас особенно не беспокоило, является ли она формально членом компартии или не имеет партийного билета. Ведь по своим убеждениям она была близким к коммунистам человеком. Сун Цинлин вела себя по отношению к нам тоже хорошо, по-товарищески, по-братски.

Работа совещания в целом протекала на высоком идейном и политическом уровне. Особых разногласий между делегациями не возникало. Данное совещание представителей братских партий было самым широким и со времен Коминтерна. В Москву прибыли посланцы 80 с лишним партий. Мы обсуждали

международное положение, возможности предотвращения мировой войны. Ракетно-ядерная война вообще всегда оставалась темой таких совещаний. Если разразится мировая война, не знаю, удастся ли воюющим сторонам удержаться на применении средств обычного, классического вооружения, или события перерастут в ракетно-ядерную войну. Ведь ту сторону, которая станет терпеть поражение, но имеет у себя резервы ядерно-ракетного оружия, трудно будет удержать от его применения: для своего спасения она захочет нажать «на все кнопки». Ну, пока что это вопрос будущего. Не хочу сейчас пророчествовать и говорю о прошлом.

Мао выступил на этом совещании по вопросам войны. Речь его носила примерно такой характер: войны не следует бояться. И не следует бояться ни атомных бомб, ни ракетного оружия. Какой бы такая война ни была, мы, социалистические страны, все равно победим. Говоря конкретно о Китае, он заявил: «Если империализм навяжет нам войну, а у нас сейчас 600 миллионов человек, и мы потеряем из них 300 миллионов, так что же, это ведь война, пройдут годы, мы вырастим новых людей и восстановим численность населения». Вот в такой грубой форме он все это и сказал. После его слов наступило гробовое молчание. Никто не был подготовлен к такому подходу к мировой войне. Все думали, наоборот, о том, какие изыскать возможности, чтобы избежать ее. Главной темой служила именно борьба против мировой войны, за мирное сосуществование. И вдруг Мао выступает с лозунгом, что войны не надо бояться, она принесет нам победу, а если окажутся потери, так на то и война!

После этого заседания делегации начали обмениваться впечатлениями. Помню, как товарищ Новотный¹ сказал: «Товарищ Мао Цзэдун говорит, что из 600 миллионов человек они готовы потерять 300 миллионов. А как нам быть? У нас 12 миллионов. Мы тогда потеряем всех, и некому будет восстанавливать численность нашего населения». Гомулка² реагировал еще более резко. Однако критика со стороны представителей братских партий не произвела на Мао ни малейшего впечатления. Пока такая линия еще не стала постоянной нормой его поведения. Но уже чувствовалось, что он ставит себя выше остальных. Иногда же он позволял себе вещи, вообще недопустимые, и делал все это, не обращая ни на кого внимания. Так, однажды он сидел рядом с своей женой Цзян Цин³ и все время с ней заигрывал, говорил непристойности и сам хохотал, и она смеялась. Вряд ли нужно было допускать такое поведение вообще, тем более на серьезном заседании. Это тоже го-

ворило о том, что Мао себя не хочет сдерживать и ведет себя, не считаясь с окружающими.

Югославия тоже прислала свою делегацию, ее возглавлял Кардель; Ранкович⁴ также входил в ее состав. Он очень хорошо, по-дружески относился к нам, да и мы со своей стороны относились к нему с полным доверием. Но, когда мы стали согласовывать заключительный документ совещания, югославы поставили вопрос об изменении некоторых формулировок. Мы считали, что это невозможно. Другие компартии поддержали нас, заявив, что декларацию нужно принять в тех формулировках, как это было уже записано и отработано членами комиссии из представителей братских партий. Тогда югославы сказали, что они такого документа не подпишут. Нам ничего не оставалось, как подписать его без Югославии. Мы долго ухаживали за ее делегацией, уговаривали, доказывали необходимость подписать декларацию в таком виде, в каком она была подготовлена комиссией, но югославы остались неумолимы. У меня сложилось даже впечатление, что они нарочно придрались и настаивали на изменении формулировок потому, что просто не были еще готовы полностью нормализовать отношения с братскими партиями и подписать совместный международный документ. Подписав его, они как бы теряли свое лидерство среди так называемых «третьих стран», которые занимали особую, промежуточную позицию между империалистическими державами и социалистическими государствами. У меня, во всяком случае, сложилось именно такое мнение, потому что никакого разумного основания не подписывать текст у югославов вроде бы не существовало.

Мы обсуждали этот вопрос с китайцами, и Мао тоже сказал: «Ну, что же, не хотят, их дело. Давайте подпишем без них». И мы подписали декларацию, не став обострять отношения с югославской делегацией. Мы все же надеялись, что впоследствии югославы присоединятся к общему документу, и делали все со своей стороны, чтобы нормализовать отношения с Югославией, строя их на базе братства и доверия. А наши беседы с китайской делегацией и лично с Мао были самыми дружескими, я бы даже сказал — интимно дружескими. Однако потом выяснилось, что со стороны китайцев это была игра. Когда у нас все же улучшились отношения с Югославией, кто-то из югославских товарищей рассказал, что, когда они беседовали во время совещания с Мао, он довольно пренебрежительно отзывался о нас. С нами он обсуждал вопрос, как уговорить югославов подписать совместное заявление, а им прямо заявил: «Что же, ну не подпишете вы заявление, дело

ваше. Собственно говоря, тут никакой трагедии нет. Только наши хозяева, представители КПСС, немножко понервничают. А потом успокоятся». Одним словом, за нашей спиной Пекин провоцировал югославскую делегацию не присоединяться к общему документу и подал ей руку ободрения, чего мы тогда не знали.

При обсуждении текста декларации возникли разногласия, хотя уже другие, и с китайцами. Тогда они казались нам незначительными. Но, как показали дальнейшие события, имели под собой глубокую основу. При подготовке проекта декларации наша делегация по поручению Президиума ЦК КПСС внесла предложение исключить из текста все упоминания о лидерстве КПСС в мировом коммунистическом движении. Я считал, что после разоблачения ошибок Сталина подобные положения, да еще записанные в международной декларации, могут быть восприняты как попытка возвращения к сталинским методам руководства коммунистическим движением, попытка возвращения нашей партии к тому, чтобы утвердить гегемонию над другими братскими партиями. Это могло быть воспринято как стремление пересмотреть новые взаимоотношения коммунистических партий разных стран, основывавшиеся теперь на принципах равноправного сотрудничества.

Почти все представители братских партий правильно поняли наше предложение и согласились с ним. Неожиданно стали возражать как раз китайцы. Они заявили, что КПСС реально возглавляет мировое коммунистическое движение и что это должно быть отмечено в документах совещания; необходимо иметь лидера, который направлял бы политику всех коммунистических и рабочих партий в борьбе против империализма. Мы не смогли согласиться с этим, тем более что предполагали (а последующие события подтвердили наше мнение), что это делается неспроста. Если все другие партии признают за собой роль лидера, то лидера можно ведь и заменить. Сегодня — один, завтра — другой. Мы считали, что китайцы готовят себе почву для будущих притязаний на такую роль. Поэтому мы поблагодарили китайских товарищей за признание заслуг КПСС перед мировым коммунистическим движением, но твердо сказали, что выступаем против подобной записи. Другие партии вновь согласились с нами. На этом обсуждение текста закончилось. Однако данный инцидент свидетельствует о том, что нынешняя политика КПК не возникла вдруг и на пустом месте, а исподволь готовилась ею уже давно.

Во время работы совещания у нас состоялись встречи со многими делегациями или даже со всеми. Много беседовал я с Мао и

его товарищами, которые с ним прибыли. Эти беседы выглядели как самые дружественные и приятные. Мао, между прочим, при личных встречах давал характеристики членам Политбюро ЦК КПК. Меня его характеристики насторожили. О большинстве своих товарищей он говорил в мрачных тонах или даже, я бы сказал, грязно. Он все красил в черный цвет. О Лю Шаоци я сейчас не могу дословно повторить сказанное им: Мао отзывался о нем очень плохо, приводя какие-то «факты» в доказательство. Чжоу Эньлаю он тоже дал отрицательную характеристику. Даже о старом товарище Чжу Дэ⁵ говорил гадости. Казалось бы, Чжу Дэ — больше воин, чем политик, к тому же хороший воин, беззаветно сражавшийся за дело рабочих и крестьян Китая и оказавшийся хорошим коммунистом. Но нет! Столь же плохо характеризовал Мао и всех других, кроме Дэн Сяопина, который уже тогда был генеральным секретарем ЦК Компартии Китая. Мао показал на него: «Вот этот маленький (мы с Мао беседовали во время приема, сидя отдельно) — очень умный человек, очень перспективен». И он на все лады расхваливал мне Дэна как будущего руководителя всего Китая и его компартии.

Дэна я почти не знал до той встречи. До победы Китайской революции его имя не фигурировало у нас в газетах. Зато имя Чжу Дэ гремело с самого начала гражданской войны в Китае. Полковник Чжу перешел на сторону коммунистической партии и возглавил вооруженную борьбу против Чан Кайши. Он одним из первых старых кадровых офицеров китайской буржуазной армии поднял знамя борьбы за дело народа. Я помнил и имя Гао Гана, тоже представителя прежней боевой гвардии, которая воевала за идеи коммунистической партии. Конечно, в то время уже не было Гао Гана, и о нем не могла идти речь во время нашего совещания. А Мао задним числом характеризовал его как самого плохого человека. Когда он давал такие характеристики людям из своего окружения, то невольно я сравнивал его со Сталиным.

Сталин тоже характеризовал таким же образом всех близких. Не знаю, кого он выделял в лучшую сторону. Причем он не только давал скверные характеристики, но и физически уничтожал тех людей, с которыми работал. Из тех, с кем он оставался рядом после смерти Ленина, большинства уже не было в живых. Тут сквозили нотки, сближающие Мао со Сталиным. Я увидел здесь какое-то родство их душ, правда, далекое. Тогда я не мог себе и представить, какими красками расцветится потом характер Мао и к какой трагедии он приведет свой народ.

Мао спрашивал меня, как идут у нас дела. Я ему рассказывал,

что дела у нас идут хорошо, работаем мы дружно. Но сказал также, что среди наших товарищей поговаривают, что следует заметить товарища Булганина и передвинуть его на другой пост, а председателем Совета Министров выдвинуть нового человека, поскольку товарищи не удовлетворены работой Булганина. Я это сказал ему потому, что считал: будет нехорошо, если после отъезда Мао у нас начнутся какие-то перестановки, о которых мы его не проинформировали. Он мог подумать, что мы что-то скрываем. И я ему рассказал откровенно и искренне о наших внутрипартийных вопросах, об отношениях среди членов руководства. «Кого же у вас думают выдвинуть взамен?» «Мы еще ничего не решили. Но я, хотя еще и не твердо, буду предлагать товарища Косыгина»⁶. «А кто такой Косыгин?» Я ему рассказал о Косыгине. «Вы меня познакомьте с ним!» Я познакомил их, и они удалились поговорить в какой-то уголок. Мне было приятно, что Мао хочет познакомиться с человеком, который станет возглавлять правительство СССР. Я расценил это как желание и в дальнейшем укреплять хорошие отношения между нашими государствами и нашими партиями.

Совещание закончилось. Китайцы уехали. Но много раз после него с официальными визитами или инкогнито к нам приезжал Чжоу Эньлай. И всегда его приезды оказывались приятными. Мы хорошо сошлись с ним, сами очень хорошо к нему относились, и эти встречи доставляли нам радость. Он информировал нас о положении дел в Китае, и мы были довольны, что все у них идет как надо. К тому времени в Китае закончилась коллективизация деревни. Она прошла успешно, и мы были просто в восторге от этого. Когда я лично, бывало, думал о перестройке сельского хозяйства на социалистический лад, то заранее представлял себе те невероятные трудности, которые ждут каждого, кто возьмется за такое дело. Я-то знал, как тяжело проходила она у нас. Китай же был еще более бедной и разоренной страной, чем Россия, не имел почти никакой техники, везде господствовал ручной труд с сохой и лопатой. Не каждое тамошнее хозяйство имело плуг. Как проводить коллективизацию в таких условиях?

Ленин говорил, что объединение крестьян в кооперативы возможно только на базе механизации: если бы у нас было 100 тысяч тракторов, писал он, то крестьянин сказал бы, что он выступает за коммунию. В Китае же не только тракторов, керосина и кадров, а даже плугов почти не имелось. Но, несмотря на большие трудности, китайцы справились с коллективизацией. Видимо, это объяснялось небольшой их требовательностью: они довольство-

вались малым, и, когда объединяли свои нищенские средства производства, это сразу дало им возможность лучше обрабатывать землю и больше извлекать выгод из вложенного труда, лучше обеспечивать крестьян. Мы радовались этому успеху Компартии Китая.

Я уже говорил о китайской промышленности. С нашей помощью они строили тракторный и автомобильный заводы, оборонные заводы по производству артиллерии, вооружения, самолетов. Мы гордились этим, и нам было приятно оказывать помощь Китаю, а Китай, соответственно, платил нам вниманием и дружбой. Так что внешне отношения были предельно хорошими. При встречах членов руководства мы говорили буквально обо всем, и хорошем, и плохом, что встречалось у нас, ничего не скрывая. Много шутили, смеялись.

Помню, когда были мы в Китае и ездили по стране, то видели примитивную организацию земляных работ, основанную на ручном труде, без механизации. Китайцы стояли цепью и передавали из рук в руки корзины, наполненные землей. Получился своеобразный конвейер. Некоторые тащили корзинки на плечах или спине. Наши доморощенные остряки придумали (не знаю, кому из наших принадлежит авторство этого выражения), что перед нами китайский шагающий экскаватор. Довольно метко, я бы сказал, брошено было сравнение. Как-то за общим обедом мы много шутили, а китайцы любят шутки и сами были часто их инициаторами. Тут я им и рассказал, как, на наш взгляд, в Китае работают эти шагающие экскаваторы. Они хохотали. Но я потом подумал: как бы это не обидело их, ведь китайцы очень обидчивы. Нет, они правильно поняли шутку и не обиделись. Или же обиделись, но не подали вида. Они хорошо умеют маскироваться, это тоже их особенность. Умеют носить на лице маску, которая не выражает их истинного отношения к делу, их чувств.

В 1958 г. китайцы обратились к нам с просьбой оказать им помощь оружием, так как они хотят провести новую военную операцию против Чан Кайши. Они попросили авиацию прикрытия, дальнобойную и береговую артиллерию, что-то еще. Мы все это дали им. Думали, что они замышляют что-то решительное по ликвидации Чан Кайши. Мы их тогда не только не сдерживали, а, напротив, считали такие действия правильными, помогающими объединению Китая. И они начали проводить свою операцию. Конкретно она вылилась в нападение на два прибрежных острова⁷, которые примыкали к берегам континентального Китая. Эта операция оказалась не из легких. Долгое время велась

перестрелка, причем американцы активно помогали Чан Кайши. Однако перевес был на стороне сил Китайской Народной Республики. Мы, конечно, были всемерно заинтересованы в их победе, все наши симпатии были на стороне Мао. Надо было ликвидировать очаги чанкайшистов на этих двух островах, которые могли послужить трамплином для высадки десанта в континентальном Китае. Тогда Чан Кайши еще мечтал об этом, а американцы, по нашим сведениям, подталкивали его к нападению на континентальный Китай.

Каково же было наше удивление, когда мы увидели, что стрелка склоняется в пользу КНР и эти острова можно занять, а Мао прекратил наступление. Бои затихли, и операция ничем не завершилась. Потом, при встрече с Чжоу Эньлаем, когда он как-то приехал к нам, мы его спросили: «Почему вы тогда так поступили?» «А,— говорит,— мы это сделали сознательно». «То есть как сознательно? Вы же не захватили островов, а ведь начинали операцию с тем, чтобы занять их? В чем же состоит ваша сознательность, и какая польза от такой вашей акции?» «А мы хотели показать наши возможности, но не хотели, чтобы Чан Кайши ушел от нас далеко. Мы желаем, чтобы он оставался в радиусе досягаемости наших военных возможностей. Мы можем ведь не только авиацией ударить по этим островам, но и достать их береговой артиллерией. Если бы мы заняли острова, то силы Чана оказались бы от нас на таком расстоянии, что мы были бы лишены возможности беспокоить его военными средствами в нужное для нас время». «Какая же тут выгода? Иметь острова, занятые противником у своих берегов, и ждать его десантной операции. Такая близость дает ведь лучшие возможности именно противнику?»

Но Пекин доказывал свое. Так мы и не поняли, почему там отказались от завершения операции. Зачем же тогда они нанесли большой ущерб островам? Они сильно побили их, с одного из них Чан Кайши эвакуировал даже свои войска. Надо было лишь занять опустевший остров. Мне и сейчас непонятно, почему не была окончена операция, на которую затратили много средств. Еще когда она готовилась, мы считали, что, может быть, необходимо помочь Китаю более активно? И предложили перебросить к ним нашу истребительную авиацию, дивизию самолетов или сколько понадобится. Они на это предложение вдруг реагировали очень нервно и дали нам понять, что такое предложение их обидело, оскорбило: им такой помощи не надо! Мы не стали навязываться. Мы-то думали о содействии, раз они сами прежде обратились к нам. Дали им самолеты, артиллерию, послали своих

авиационных инструкторов, а также генералов в качестве советников. Но когда от присылки наших соединений они отказались, мы почувствовали, что это было ими плохо расценено, хотя мы не преследовали никаких иных целей, кроме желания помочь другу и брату в укреплении его государственных границ и в объединении страны. Мы ведь всегда поддерживали стремление Китайской Народной Республики, направленное на ликвидацию чанкайшистского правительства, присоединение прибрежных островов и включение Тайваня в состав КНР.

Когда проводилась эта операция, те два острова маячили на страницах мировой печати. Имели место и другие примечательные эпизоды, которые раскрывали нам истинное лицо Пекина в смысле дружеских отношений с нами. Над Китаем шли воздушные бои. Авиация Чан Кайши имела на вооружении американские самолеты с ракетами класса «воздух — воздух». Какие-то ракеты, пущенные чанкайшистами по самолетам Китайской Народной Республики, отказывали и потом падали на землю. Некоторые из них сохранились в довольно хорошем состоянии. Наши советники знали это и докладывали о том нам. Естественно, нас интересовали военные новинки США, особенно все, относящееся к ракетному делу. То были довольно маленькие ракеты «сайд-индер»⁸, но весьма сложные по устройству.

Тут у нас появилась очередная возможность познакомиться с американской техникой. Как говорится, американцы сами послали нам свои образцы через Китай. И мы обратились к китайцам, написав им, что знаем: ими захвачены такие-то ракеты, и мы хотели бы их изучить, а тем самым использовать потом американскую технику в наших общих интересах... Ответа нет. Проходит какое-то время, мы напоминаем. Ответа вновь не дают. Мы были удивлены: как же так? Мы дали Китаю все — нашу секретную военную технику, чертежи, технологические карты производства, образцы, напрямую вооружаем китайцев, а здесь попало трофейное оружие, которое они захватили в боях с Чан Кайши, и нам его не дают? Москве это было просто непонятно. Стали мы проявлять настойчивость. Тут они ответили, что сами сейчас изучают эту ракету, а так как у них есть всего один экземпляр, то дать его нам не могут. Вот когда изучат, то сами обменяются с нами информацией.

Мы не могли согласиться с этим. Ракетная техника сложна, а Китай еще не находился на таком уровне технического развития, чтобы быстро и грамотно справиться с изучением новой ракеты. Мы считали, что больше к тому подготовлены, потому что у нас

уже и строились такие ракеты, и состояли на вооружении, так что американский образец был нужен нам для сравнения. Ожидали, конечно, что американцы могли придумать что-то новое, интересное, что можно было бы позаимствовать для нашей армии. Кроме того, такой ответ нас очень задел и обидел по существу. Полагаю, что каждый человек на нашем месте реагировал бы точно так же. Оно и понятно: мы от Китая ничего не держим в секрете, все им даем, помогаем и оборудованием, и советниками, и монтажниками, и инженерами, и конструкторами, делимся по-братски чуть ли не последним куском хлеба, а здесь они получили трофейное оружие и не хотят его нам дать!

Но делать нечего: оружие-то находится у них. И мы решили оказать на китайцев некоторое давление. В то время мы готовили для отправки им документацию на производство баллистических ракет среднего радиуса действия, и они нас очень торопили с поставками. Мы дали указание нашим военным советникам выразить при переговорах свое неудовольствие и, как бы лично от себя, в частном порядке, сказать, что мы-то поставляем Китаю нашу новейшую технику, а они не хотят дать нам даже трофейную ракету, это нас обижает. Советники должны были намекнуть, что у нас возникают «технические трудности» при передаче документации на производство ракет и что, возможно, мы не сумеем уложиться в оговоренные сроки. Мы были убеждены, что такой разговор дойдет до ушей тех, кому следует услышать. Действительно, в скором времени мы получили от китайцев согласие на передачу нам ракеты. Ее передали нашим советникам для отправки в Москву. Тут проявилась со стороны Пекина какая-то неразумная игра в секретность. Она, конечно, наложила некий отпечаток на наши отношения. Я сказал бы, что это подействовало на нас отрезвляюще: брат — братом, а денежки, как гласит русская пословица, врозь!

Получили мы эту ракету, и она поступила в научно-исследовательский институт неподалеку от Москвы. Наши конструкторы вскоре доложили, что ракета интересна и что мне следовало бы посмотреть на нее. Я поехал в этот институт. Мне продемонстрировали сборку и разборку ракеты. Она оказалась весьма интересной с точки зрения ее эксплуатации в условиях войсковых частей. Ее было легко собирать и разбирать при помощи одного только ключа. Наши ракеты были не хуже, но менее технологичны, более сложны при сборке, а по весу — тяжелее. По боевым же качествам наши ракеты не уступали американским. Но мы все же посчитали, что американская ракета сделана лучше. Именно так, вполне

объективно, докладывали наши инженеры-конструкторы. И мы решили начать производство такой же ракеты с небольшими изменениями.

О ее изучении мне часто докладывали потом конструкторы. Я тогда довольно много занимался военной техникой, потому что вопрос вооружений стоял остро: мы полагали, что отстаем от США. Надо было наверстывать упущенное, главным образом в ракетах и в авиации, вооруженной ракетами. Противник, окруживший нас военными базами, обладал сильной бомбардировочной авиацией, и нам были жизненно необходимы истребительная авиация, вооруженная ракетами класса «воздух — воздух», и ракеты класса «земля — воздух» для обороны. Следовало как можно быстрее и лучше решить эти вопросы, чтобы вооружиться на случай неожиданного возникновения военной ситуации. Затем мне сообщили, что китайцы не отдали нам чувствительных элементов тепловой головки самонаведения, по размерам очень маленьких, в виде пуговицы. Без них ракета не являлась полноценной. Мы вновь запросили китайцев, но они нам ответили, что отдали все. Мы не стали более настаивать. Или они утеряти детали, когда собирали и разбирали ракету, или не дали умышленно. Наши научно-исследовательские институты потом сами решили эту проблему, хотя потребовалось очень много времени, пока мы раскрыли технические секреты. И вот мне доложили, что задача решена.

Осадок от дела с этой ракетой лег на наши мозги и отравил наши чувства. Раньше мы буквально детскими глазами смотрели на наши отношения с китайскими братьями. Радовались, что у нас с ними такие хорошие контакты. Китай стал социалистической страной. Это сразу изменило соотношение сил в мире. Ведь Китай — это Китай! Главное, огромная континентальная держава, расположенная у наших границ. Теперь вся социалистическая система складывалась в едином лагере со сплошными границами, что представляло довольно большую силу. Образовались два мировых лагеря: капиталистический и социалистический. Постепенно наша идеология, наша марксистско-ленинская теория побеждали и закреплялись в головах людей. И вот произошел такой инцидент, который заставил нас призадуматься. Наши отношения продолжали развиваться в духе дружбы. Но стал назревать и конфликт. Наши пути начали расходиться. В тот момент в Китае явно обозначилось направление, которое сильно повлияло на прежнюю искренность наших взаимоотношений.

Мао поднял вопрос о «большом скачке»⁹. Могут сказать, что

«большой скачок» — внутреннее дело Китая. Верно, но если придерживаться истинно дружеских отношений, сложившихся между социалистическими странами с такими тесными экономическими связями, то было бы полезно обменяться мнениями и заслушать точку зрения всех братских стран. Могут возникнуть особые мнения у отдельной страны или группы стран. Однако в любом случае надо хотя бы информировать друг друга. Мы считали, что такой метод укрепляет взаимное доверие и создает лучшие отношения между нашими государствами и партиями. И вдруг мы о «большом скачке» узнаем через органы печати.

Когда о чем-то узнаешь через печать, то замысел авторов не всегда раскрывается. Смысла лозунга «большого скачка» мы не понимали. Потом опять же из печати мы узнали о «малой металлургии»¹⁰, то есть о решении строить в Китае маленькие домашние доменные печи. Это была какая-то буквально эпидемия. Отдельные коллективы или даже просто материально обеспеченные люди строили себе доменные печи. Никто не задумывался насчет качества такого чугуна и о том, сколько он будет стоить. Нечего было и думать о выпуске пригодного для промышленности металла в столь примитивных условиях. Уж и не знаю, к какому давнему веку относится такая металлургия. Нам казалось, что все это как-то несерьезно: и «малая металлургия», и «большой скачок». Мне рассказывали, что даже вдова Сунь Ятсена возле своего дома построила доменную печь. Не знаю, получала ли она чугун из нее. О ней рассказали мне люди, которые были ее гостями и перед которыми она похвалялась своей печью.

Появился в Китае лозунг: за несколько лет догнать Англию по выплавке металла, а потом догнать и перегнать в этом США. Мы, читая такие лозунги, не могли к ним относиться всерьез, потому что знали, что такое невозможно. Невозможно же в примитивных условиях решить столь сложную задачу, хотя и очень заманчиво. Китай тогда находился на сравнительно низком техническом и экономическом уровне развития. Даже мы, ставя такую задачу перед СССР, не называли конкретных сроков. У нас действовал сугубо общий лозунг: догнать и перегнать Америку как самую развитую капиталистическую страну. Но мы тоже еще находились на такой стадии развития, что называть сроки, когда это совершится, не осмеливались. Потом в КНР началась организация коммун. Китайцы стали объединять всех крестьян, обобществляя даже средства потребления и бытовые вещи. Это совершенно невозможное дело, которое может привести к тяжелым последствиям.

Вообще в Китае люди на придумывание лозунгов довольно

способны и могут такие лозунги хорошо подать населению. К нам поступали китайские газеты, наши люди читали их, и мы стали получать сведения, что и советские газеты в районах, пограничных с Китаем, тоже ставят вопросы перенятия опыта братского китайского народа в строительстве коммун. Появились даже предложения взять на вооружение «большой скачок». Нас это, надо признаться, испугало. Мы уже не могли сохранять долее нейтралитет по данному вопросу и были вынуждены высказать свою точку зрения насчет применения такого лозунга в советских условиях, считая, что он нам абсолютно не подходит...

В Китай поехал тогда Вылко Червенков, один из лидеров Болгарской компартии. Он не разбирался в данном деле и, приехав из Китая, разразился потоком нелепых статей в болгарской печати. Мы увидели, что Болгария тоже берет на вооружение лозунг коммун и «большого скачка». Эти идеи стали там практически претворяться в жизнь. В чем же это выразилось? Болгары начали укрупнять колхозы до невероятных размеров и вкладывать средства в тяжелую промышленность, себе не по карману. Через тех болгарских друзей, которые смотрели на это критически, мы получали тревожную информацию, свидетельствовавшую о том, что могут иметь место очень печальные последствия.

Мы вынуждены были пригласить к себе болгарских друзей и в ходе беседы высказать свою точку зрения. Заявили, что считаем применение китайских методов в условиях европейских и других социалистических стран Запада нереальным, что это к добру не приведет и вызовет большие сложности. Конкретно о самой Болгарии мы сказали так: «Товарищи! Вы знаете, какие у нас с вами хорошие и братские отношения. И мы хотели бы, чтобы они такими сохранялись вечно. (А отношения у нас с Болгарией, действительно, были такими, что и желать лучшего нельзя.) Мы считали своим долгом предупредить вас, что если вы и дальше станете подражать Китаю в «большом скачке» и не по своим средствам развернете строительство, то тем самым поставите свою экономику в угрожающее положение. Сейчас вы вынуждены делать большие заказы в капиталистическом лагере. Придут сроки платежей, а у вас возможностей к оплате своих векселей не окажется. Мы полагаем, что вы обратитесь тогда к нам с просьбой о займе, мы же окажемся в затруднении оказать вам такую помощь. Это может поставить вашу экономику в очень тяжелое положение.

Теперь — вопрос о сельском хозяйстве. Сельское хозяйство Болгарии ведется на высоком культурном уровне. У вас не просто там полеводство или животноводство, нет, вы развиваете отрас-

левое огородничество, садоводство, осуществляете промышленную посадку роз, стали европейскими поставщиками овощей. Гигантомания в сельском хозяйстве приведет к краху, сделает хозяйства неуправляемыми и экономически нерентабельными. Обобществление же личных хозяйств просто отпугнет крестьян от коллективов, расплачиваться потом придется многие годы. Этот сложный вопрос надо решать постепенно и с большой осторожностью».

Я сам был большой поклонник болгар, просто преклонялся перед ними как овощеводами. Детство и юность я провел в Донбассе, который питался овощами болгар. Из Болгарии к нам приезжали люди, арендовали землю и занимались огородничеством. Это были замечательные огородники. Работали, правда, на их огородах не сами болгары, а украинцы, но владельцы были хорошими организаторами и буквально заваливали рынок всевозможными овощами, очень дешевыми и всегда свежими. Бывало, рано утром приезжал болгарин на арбе, запряженной парой коней, и нараспев обращался к женщинам-шахтеркам: «Бабень, миленькая бабень! Вставайте, зелени покупайте!» Женщины просыпались, выскакивали из домов. Возчик останавливал свою арбу, начиналась торговля. Он по именам знал всех покупательниц, да и они, обращаясь к нему, тоже называли его по имени.

Когда я стал взрослым и заимел велосипед, то часто после работы переодевался, садился на него и ехал в поле к болгарам. А там любовался плодами их трудов: замечательными помидорами, баклажанами. Я уж не говорю о капусте, огурцах и прочем. Особенно привлекало меня просто поэтическое поле баклажанов. Приедешь, глянешь на ряды синеньких баклажанов: висят огромные кувшинообразные плоды, блестят своими сине-фиолетовыми боками. Так что болгар я давно знал и с уважением относился к ним, как отношусь и сейчас. Правда, когда они теперь поставляют в СССР помидоры, я иной раз в шутку говорю своим близким: «Болгары нам присылают помидоры как братья, но сами таких помидоров не едят». Почему? Потому что они невкусные: срывают их рано, и они созревают не на корню. Такой помидор тоже красен, но нет у него того вкуса, которым обладает плод, созревший на плантации. Ну, это я несколько отвлекся.

Итак, высказали мы болгарам свои соображения. Они реагировали болезненно. Тогда мы сказали: «Мы не добиваемся, чтобы вы с нами согласились, а только хотели предупредить, что если вы будете обращаться к нам за золотым кредитом, то, поскольку мы золота сейчас в резерве не имеем, оказать помощь вам не

сможем. Как вы будете выходить из тяжелого финансового положения, когда наступит время платежей, думайте сами». На этом мы расстались. Правда, болгары предприняли кое-какие меры: провели разукрупнение коллективных хозяйств и пр. Но, конечно, всего, что они сделали, исправить полностью было нельзя, они не смогли вернуться к прежним организационным формам в деревне, и у них все-таки остались многие укрупненные сельские кооперативы.

Вот я упомянул: «укрупненные». Не случайно. Люди, которые со мной работали, знают мою точку зрения на данный вопрос. В Советском Союзе именно я был инициатором укрупнения колхозов. На этой почве у меня возникли и радости, и неприятности. Я считал, что колхозы, которые у нас имели небольшие угодья и с малым количеством рабочей силы, не обладали перспективой. У них нельзя было использовать высокопроизводительную технику. Поэтому такие колхозы следовало перестраивать на другой основе, чтобы перевести их на более современную техническую базу, что и было нами сделано в свое время. Правда, мы тоже не обошлись без гигантомании, и это оказалось для нас накладно. Тут уже мой недосмотр. Увлекаясь, многие люди не могут порою реально соразмерить, что такое — крупное, что такое — крупнейшее, а что такое — мелкое хозяйство.

А вот китайцы чуть ли не целые провинции загнали в один колхоз. Только назвали его не колхозом, а коммуной¹¹. Получилось нечто вроде нашего района или даже побольше. Возникла неуправляемая хозяйственная единица, которая не могла быть рентабельной. Хочу закончить освещение вопроса, как применение китайского опыта повлияло на наших друзей-болгар. Спустя полгода они обратились к нам за помощью, когда использовали все предоставленные им кредиты, даже краткосрочный. А краткосрочные кредиты — самые дорогие, по ним платят чуть ли не 15% годовых (при 5 — 7% долгосрочных). Банки в таких случаях жеждерствуют. Все-таки пришлось нам вынуть кое-что из наших резервов и положить на стол друзьям, чтобы не допустить опротестования их векселей, по которым следовало платить. Получилась буквально кража. Вот как экономика ударила по тем, кто неоправданно увлекся в подражании китайцам.

Сами же китайцы решили этот вопрос очень просто. Там была волевая бесконтрольность, не опиравшаяся ни на какие хозяйственные и научные основы, не изученная заранее и непродуманная. Несмотря на кажущуюся очевидность дела, мы считали, что нам надо разъяснять несостоятельность опасного лозунга о ком-

мунах. Тем более, как я уже говорил, у нас к тому возникла прямая причина, потому что ряд областных и краевых комитетов Сибири стал брать на вооружение китайский лозунг, выступать с пропагандой его в печати и растолковывать, как можно его применить в наших условиях.

В то время мы готовили решения XXI съезда партии по вопросу о семилетнем плане развития народного хозяйства и решили в отчетном докладе осветить данный вопрос, не ссылаясь прямо на Китай, но разобрать его по составным элементам. Как раз я был докладчиком от ЦК партии на XXI съезде по проблемам развития нашей экономики на предстоявшие семь лет. Попутно разобрал и «большой скачок». Тем самым мы сделали прививку нашим партийным руководителям от слепого подражания, показали, что оно может больно ударить по СССР и нанесет непоправимый ущерб нашей экономике, следовательно, и нашей политике. Ведь политика очень зависима от экономики, поэтому надо внимательно следить за тем и другим, чтобы не допустить ничего, что может оказаться вредным для развития страны.

Китайцы присутствовали на XXI съезде КПСС. И когда они слышали мои слова и прочли текст доклада, им уже не надо было дополнительно разъяснять, что мы относимся отрицательно к «большому скачку». Это обстоятельство тоже, видимо, не послужило им поощрением для углубления наших дружеских отношений, а наоборот — охладило их. Мы разошлись здесь по коренному вопросу развития. Теперь, естественно, мы уже публично стали высказываться критически относительно мероприятий, которые развернулись в Китае. Еще до «большого скачка» там широко публиковался (об этом трубили во все трубы) лозунг «Пусть расцветут сто цветов». Когда мы познакомились с ним и изучили возможные его последствия, то не могли его ни понять, ни принять. Что это такое — пусть расцветут сто цветов? Каждый крестьянин знает, что одни цветы надо поддерживать и культивировать, а какие-то другие уничтожать, потому что, когда сорняки расцветут и дадут плоды, они окажутся горькими или вредными для здоровья и посевов. Такой лозунг для нас неприемлем.

Наши пропагандисты поставили перед ЦК партии вопрос: как быть? Мы должны выразить наше отношение, советские люди читают газеты, и такой лозунг уже гуляет по советской стране. Тогда была дана установка для печати и пропагандистов специально не затрагивать данный вопрос, а обходить его. Ведь этот лозунг выдвинут китайцами для внутреннего потребления, поэтому, может быть, для них он имеет некое значение, а в наших усло-

виях он не подходит, и мы его не принимаем. Конечно, нам было ясно, что китайцы сразу поймут нашу линию: раз у нас не пропагандируется их лозунг, стало быть, мы его не поддерживаем. И хотя он не осуждается и не отвергается, каждому ясно, что мы выступаем против него.

Во время одной из наших встреч (то ли это было в Москве, то ли когда я летал в Китай) Мао сам поднял данный вопрос: «Как вы относитесь к лозунгу «Пусть расцветут сто цветов?»¹². Я ответил, что такой лозунг нам непонятен, поэтому нам трудно применить его у себя, у нас его могут неправильно истолковать, и он не принесет пользы. «Да, — говорит, — мы понимаем ваше положение. Но у нас этот лозунг основан на изучении древних авторов». И стал приводить мне какие-то примеры из древней литературы, где впервые встречается призыв «Пусть расцветают сто цветов». Мао понял, что мы не разделяем его точки зрения, и это опять же не способствовало укреплению наших добрых отношений. В ходе того разговора мы легонько наступили Мао на мозоль, слегка дав понять, что он может выдумывать у себя любые лозунги и бросать их в печать, но далеко не всякие лозунги приемлемы для нас. Мао считал себя божественного происхождения, а своего бога он сам себе выдумал. Поэтому то, что он преподносит, все, дескать, во благо человечеству. Естественно, наша реакция охлаждала дружеские отношения или хотя бы способствовала такому охлаждению. Однако он, как умный человек, делал вид, что ему не обидно: каждой партии вольно брать на вооружение только то, что ей полезно, и не брать того, что ее не устраивает.

«Большой скачок», организация коммун и прочие мероприятия, которые были начаты Мао, стали приносить свои отрицательные плоды. Экономика Китая ухудшалась. До претворения в жизнь этих лозунгов мы радовались тому, как быстро Китай поднимался, наращивались достижения его хозяйства, улучшался быт людей и рос уровень их жизни. Но «большим скачком» вся промышленность была дезорганизована. В первую очередь пострадали технические нормы, ибо китайцы заявили, что это лишь буржуазные выдумки. Например, для станка, который они купили в Советском Союзе, предельная норма выпуска изделий была точно установлена, а они увеличили ее в несколько раз. Возникло перенапряжение оборудования, станки изнашивались. Наступил период дезорганизации промышленности, появилась анархия, стало не хватать сырья, портилось оборудование. В Китае создавалось тяжелое положение. Инженеров, которые придерживались технических норм, основанных на научных знаниях, обвиняли,

что они буржуазные подголоски, вредители и т. п., и переводили их на работу простыми рабочими.

Через посольство мы получили запрос, что к нам хотел бы приехать Чжоу Эньлай; какова наша позиция? Мы сейчас же ответили, что будем очень рады принять его. Прилетел он. И какой же вопрос поставил перед нами? О тяжелом положении в китайской металлургии. Сказал, что Пекин просит нас прислать экономических советников. Там уже работали наши советники. Каких еще других советников можем мы дать кроме тех, которые имелись? Туда уже были посланы квалифицированные люди, в том числе в области черной металлургии. А Чжоу попросил прислать еще более квалифицированных людей, которые изучили бы вместе с ними сложившееся положение и помогли сделать должные выводы. Мы посовещались и решили рекомендовать туда товарища Засядько¹³ — заместителя председателя Совета Министров СССР по проблемам металлургии и угледобычи. Сам он инженер-угольщик, из шахтеров. Я хорошо знал его по работе на Украине, где он руководил крупнейшим угольным управлением в Сталинской области. Очень хороший работник, но с одним недостатком: он сильно пил и, выпив, не владел собой.

Послали мы Засядько в Китай. Он, безусловно, принес там пользу, ибо был прямым и, можно сказать, даже резким человеком. Пробыл у них несколько недель. Вернувшись, докладывал о результатах поездки. Я спросил: «Что же вы там увидели, товарищ Засядько? И что рекомендовали китайским братьям?» «Да что там рекомендовать (голос у него грубоватый был), товарищ Хрущев, они сами во всем виноваты, сами дезорганизовали деятельность всей черной металлургии. Приехал я на Аньшаньский¹⁴ металлургический завод, все там запущено». И начал приводить конкретные примеры работы доменного, мартеновского и других цехов этого предприятия. «А кто там управляющий?» «Управляющий такой-то. Я познакомился с ним, и оказалось, что это по образованию ветеринарный врач».

Когда я встретился с Чжоу Эньлаем, который попросил меня рассказать о сложившемся впечатлении, я его спросил: «Товарищ Чжоу Эньлай, где те инженеры-металлурги, которые учились у нас и окончили институты? Говорят, что они у вас работают на селе, проходят так называемую боевую закалку. А металлургическим заводом у вас управляет человек, который не имеет никакого понятия о металлургии. Если бы у вас не имелось специалистов, такое было бы понятно. У нас тоже в первые годы после революции случалось всякое. Но сейчас вы можете свободно подбирать лю-

дей, соответствующих по квалификации делу, на которое они назначаются». Чжоу ничего вразумительного не сумел ответить. Я видел, что он и сам понимает допущенную глупость. Но ведь не он ее выдумал и не он в силах ликвидировать ее.

В других отраслях китайской промышленности тоже создалась неразбериха. Наши специалисты и даже простые рабочие, которые посылались туда налаживать пусковые предприятия, построенные с нашей помощью, стали нам сообщать о невероятных вещах: приходим мы с работы домой, все наши вещи перевернуты, чемоданы подверглись обыску. Обращаемся за разъяснениями, нам заявляют, что такого просто не может быть, видимо, сами не заперли дверей, все отрицают. Ну, тут возникло уже не недоразумение, а недоверие. Что они искали? И что могли найти в чемоданах инженеров или рабочих? Что там могло лежать? Сами не знают, что искали.

Рассказали о таком случае. Наши инженеры помогали китайцам овладеть эксплуатацией ракет и собирали их для передачи китайцам, а по окончании сборки уходили домой. На завтра видят, что ракета разобрана. Спрашивают: «Кто разобрал ее? Ее не должны были разбирать без нас. Это ведь наши ракеты, мы их сдаем вам». Никто ничего внятно объяснить не смог. Видимо, китайцы решили что-то проверить ночью, подсмотреть секреты (хотя неясно, для чего: ведь мы им передаем все эти ракеты) и для этого разобрали ракету. Однако у них не хватило знаний снова собрать ее. Много еще возникло инцидентов, основанных на недоверии и неуважении к нашим специалистам. Потом начались грубые оскорбления, особенно со стороны выпивших китайцев.

Они обвиняли наших людей, что те — «предельщики». Знакомая нам терминология! В былые годы, на каком-то этапе развития СССР, у нас тоже ходило такое ругательное слово. Не знаю, насколько оно вообще было разумным. Видимо, и у нас оно было необоснованным и отражало недоверие к инженерно-техническому персоналу. Тогда была сильно развита подозрительность в отношении буржуазных специалистов. Мы ломали их нормы, но не всегда разумно, хотя иной раз поступали правильно. Однако китайцам такого метода уже не рекомендовали. Они сами пришли к нему, повторяя нас. Это их дело. Но все-таки мы им говорили, что такое ведение дела не принесет хороших плодов.

Примерно тогда или немного раньше мы получили тревожную телеграмму от нашего посла из Пекина. В ней говорилось о резком недовольстве китайского руководства действиями Советского Союза. Послом там был Юдин. Сам он философ, и его послали

в Китай с особым поручением. Он поехал туда именно как ученый, когда Мао Цзэдун обратился к Сталину с просьбой помочь ему привести в порядок его литературные труды: речи, статьи и пр., так как он хочет их издать. Пусть грамотный марксист просмотрит их и поможет в редактировании этих текстов, с тем чтобы не допустить каких-либо теоретических ошибок. Так и был послан Юдин. Мао всегда считал себя философом, очень любил философские темы и навязывал их всем смертным, с которыми беседовал. Поэтому Сталин решил послать Юдина, чтобы посол мог вести с Мао разговоры на общеполитические темы и одновременно оказался способен помочь ему в редактировании его трудов с подготовкой их к печати.

И при Сталине, и после смерти Сталина мы получали от Юдина телеграммы, в которых он восторженно сообщал о Мао: живут они душа в душу, причем даже не Юдин ездит к Мао, а Мао сам приезжает к Юдину и просиживает у него ночи напролет, занимаясь не столько редактированием, сколько ведя беседы на вольные темы. Юдин просто захлебывался от восторга, описывая эти беседы. Мы радовались этому, потому что, чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало. Нам было приятно, что Мао наладил хорошие контакты с нашим послом. Мы считали, что это свидетельствует о взаимном доверии и способствует еще большему улучшению наших отношений.

В тот же период наши военные обратились в ЦК партии с предложением направить просьбу китайскому правительству разрешить Советскому Союзу построить на юге Китая радиостанцию, которая могла бы поддерживать связь с нашими подводными лодками, патрулирующими в Тихом океане. Мы обсудили вопрос и пришли к выводу, что это предложение окажется в общих интересах социалистического лагеря. Как раз тогда мы развернули большое строительство подводных лодок на дизельных двигателях и уже приступили к созданию лодок с атомными двигателями. Естественно, нам нужна была прочная связь с подводным флотом, который будет действовать в Тихом океане.

Военные, безусловно, были правы, выбрав подходящую точку, из которой можно было бы наладить такую связь. Но теперь я полагаю, что мы тогда погорячились, преувеличив интернациональные интересы коммунистических партий и социалистических стран. Мы-то считали, что и наш флот, и китайский, и вообще все военные средства социалистических стран служат одной цели: быть готовыми к отпору, если империализм навязывает войну. Подводные лодки должны были действовать не только в интере-

сах СССР, но также в интересах Китая и всех братских стран. Поэтому мы полагали, что в строительстве радиостанции Китай заинтересован не меньше, чем мы.

Почему мы хотели сами строить радиостанцию? По тому времени китайцам трудно было бы построить сложное сооружение и в нужные сроки. Военные нажимали на нас, чтобы побыстрее начать строительство. Однако мы недоучли национальные чувства китайского руководства. Мао был задет нашим предложением, было затронуто его национальное чувство, затронут суверенитет Китая. Он считал, видимо, что таким способом мы как-то внедряемся в Китай, и очень бурно отреагировал на наше предложение, хотя сам раньше обращался к нам с просьбой помочь Китаю построить ракетные подводные лодки. СССР направил туда всю документацию. Китайцы выбрали нужную площадку и с помощью наших специалистов развернули строительство таких подлодок. Мы рассматривали это как само собой разумеющееся дело: в общих интересах надо создавать защитные средства и осуществлять эту работу общими усилиями.

Возникали и другие вопросы подобного же характера, когда мы вдруг получили от Юдина тревожную телеграмму. Мы посоветовались, и Президиум ЦК КПСС решил, что я должен вылететь в Пекин. Мы известили китайских товарищей и получили от них ответ, что нас примут. Это было в июле 1958 года. Со мной полетели, кажется, маршал Малиновский, потому что должны были обсуждаться военные вопросы, и заместитель министра иностранных дел СССР Кузнецов. Летели мы туда инкогнито, без объявления о поездке в печати.

В Пекине на аэродроме нас встречали Мао Цзэдун, Дэн Сяопин, другие руководители Китая. Разместили нас в доме для почетных гостей. Большую часть времени мы проводили у бассейна. Там соорудили навес, где купался Мао и мы вместе с ним. Мы, конечно, не могли соревноваться с ним в плавании на дальность. Ведь Мао «побил» какой-то рекорд, как сообщили в китайской печати. Но о нем мы узнали позже, однако и тогда, сразу же, мы как пловцы «подняли руки» и сдались Мао, признав его первенство. Обычно мы лежали, как тюлени, на теплом песочке или на ковре и беседовали. Потом лезли в воду. Опять вылезали и грелись на солнышке. Беседы протекали у нас в довольно спокойном, дружеском тоне, несмотря на те резкие высказывания Мао, которые были изложены Юдиным в его телеграмме.

Насчет радиостанции Мао сказал: «Мы не можем принять ваше предложение. Китай столько лет все рассматривают как несусе-

ренное государство. Это нарушает наш престиж, бьет по нашей суверенности». Я извинялся, как только мог: «Мы ни в коей степени не хотим нарушать ваш суверенитет или вмешиваться в ваши дела, внедряться в экономику Китая, вообще делать что-либо такое, что нанесет ущерб суверенности Китайской Республики». «В таком случае предоставьте нам кредит, а мы построим вам радиостанцию». Я ему: «Так это самое лучшее. Пожалуйста, вот вам наше техническое руководство, наши чертежи, наши кредиты, наши поставки оборудования. Одним словом, дадим все, чтобы поскорее соорудить радиостанцию. Стройте!» «Хорошо, — сказал Мао, — мы согласны».

Казалось бы, мы быстро решили вопрос к обоюдному удовлетворению. Задача, которая ставилась нашими военными, будет выполнена. На деле оказалось все не так. Строительство никак не начиналось, китайцами выдвигались все новые и новые условия, они искали всякие зацепки для проволоочки. А после ухудшения наших отношений этот вопрос вообще был снят с повестки дня.

Приступили мы в бассейне к обсуждению и другого вопроса, и тоже о подводном флоте.

Согласно подписанному ранее договору, наши самолеты могли пользоваться аэродромами Китая. Теперь наши моряки поставили задачу о заходе ими в какие-то порты Китая для заправки наших подводных лодок и отдыха экипажей. Берег-то Китая большой, а мы, Советский Союз, находимся как бы на краю его берега, так что военные моряки и тут преследовали свои сугубо деловые цели. Однако китайцы опять выдвинули возражения престижного характера. Мао резко возражал. Я ему: «Товарищ Мао Цзэдун, я вообще тут не понимаю вас, это ведь в наших общих интересах». «Нет, мы с этим согласиться не можем, это затрагивает наш суверенитет, мы тоже создаем свой подводный флот». «Ну, что мы можем сказать? Если говорить о суверенитете, то давайте действовать на основе взаимности. К примеру, если вы хотите иметь свой подводный флот в Северном Ледовитом океане, то мы вам, пожалуйста, предоставим базу на нашей территории, а взамен будем иметь базу наших подводных лодок на берегу Тихого океана, на китайской территории». «Нет, мы и с этим не согласны. Вооруженные силы всех государств должны быть расположены только на собственной территории. Ваше предложение оскорбляет и задает нас, мы не можем с ним согласиться». «Ладно, если так смотрите на дело, мы не хотим настаивать и обойдемся теми возможностями, которые у нас имеются. Станем укреплять дальневосточный флот. Мы хотим его

перевозоружить и значительно усилить, чтобы наш подводный флот был могучей силой на Тихом океане».

Опять мы затронули чувствительные струны государства, на территории которого долгое время господствовали чужеземные завоеватели. После этого я стал лучше понимать, чем руководствовался Мао в нашем разговоре. Да и вообще зря, видимо, обратились мы к Китаю с таким предложением. Если бы мы заранее знали, что возникнет такая реакция, то ни при каких бы условиях не вылезли с этим предложением, не стали бы создавать для себя трудностей и не обратились бы к Мао с просьбой. Но сделанного не вернешь. Я понимаю, что в подобных вопросах необходима большая щепетильность. Теперь-то я это обстоятельство особенно хорошо понимаю. Нельзя ущемлять национальное достоинство любой страны и любой нации. Существует суверенитет. Поступить ли суверенитетом? Об этом можно говорить лишь при полном обоюдном согласии, да и то по возможности лучше избегать этого, если нет крайней необходимости, например, опасности войны для договаривающихся сторон. Вообще вопросы суверенитета еще долгое время будут являться предметом разногласий в мире и наносить при их неожиданном всплытии чувствительный ущерб взаимному пониманию между отдельными государствами.

Со своей стороны Мао, тоже однажды у бассейна, затеял беседу такого характера: «Товарищ Хрущев, давайте подсчитаем сейчас соотношение сил империализма и социализма. Я занялся арифметикой и вычислил: Китай имеет около 700 миллионов населения, следовательно, сможет сформировать столько-то армейских дивизий. Советский Союз имеет 200 миллионов и сможет сформировать столько-то дивизий». Да, существуют известные нормативы, и его арифметика была более или менее правильной. Он прикинул обычным способом, сколько смогут поставить под ружье все социалистические страны. Затем начал считать, сколько дивизий смогут выставить США, Англия, Франция, прочие натовские страны. Получилось несравненно меньше. «Вот, — говорит, — каково соотношение сил. Поэтому чего нам бояться?»

Такие рассуждения соответствовали его прежней точке зрения, высказанной на международном совещании братских партий в 1957 г., когда Мао заявил, что для Китая потеря 300 млн. человек, то есть половины населения, никакой трагедии не представляет. А теперь он опять подбросил тот же вопрос, подкрепляя подсчетами свой тезис, что войны нам не надо бояться. Он прямо не

говорил, что вообще не нужно вести борьбу за мир. Но если поразмыслить, то его аргументация сводилась именно к этому. Мао ставил во главу угла не вопрос о мирном сосуществовании, а вопрос подготовки к войне с целью разбить в ней наших противников, какие бы большие потери она ни принесла социалистическим странам.

Я сказал ему: «Товарищ Мао Цзэдун, то, что вы подсчитали, всем известно. Но надо также иметь в виду, что арифметический подсчет был бы справедлив, если бы мы жили в другое время, когда войны велись врукопашную или холодным оружием: пиками, штыками. Раньше было так, что у кого больше дубинок, тот и с перевесом. Теперь же мы живем в иное время. Когда пулемет только-только появился, он сразу несколько уравнивал силы; их соотношение затем менялось в пользу той армии, которая имела пулеметы в большем количестве. Когда затем появились танки и самолеты, соотношение сил вообще совершенно изменилось, и побеждал уже не тот, у кого больше населения, а тот, кто обладал лучшей военной промышленностью и мог обеспечить себя новым вооружением. Теперь мы имеем ракеты и ядерное оружие. Мировая война окажется ракетно-ядерной, а ракетно-ядерная война уравнивает все шансы. Одна бомба разметет несколько дивизий. Так что количество дивизий — это сейчас не признак силы, а, грубо говоря, человеческое убойное мясо. Поэтому мы иначе подходим к вопросам войны и не измеряем соотношение сил численностью населения.

Мы сейчас ускоренно развиваем нашу промышленность, особенно атомную и ракетную, с тем чтобы СССР не был застигнут врасплох. Мы должны иметь достаточное количество таких новейших средств, которыми, безусловно, противник будет вооружен. Наш вероятный противник — высокоорганизованный, с очень мощной промышленностью и обладающий высоким техническим уровнем». «Нет, я все-таки считаю, что вы ошибаетесь. В соотношении сил решающей по-прежнему является численность населения». В данном вопросе никакими средствами не удалось нам прийти к общему мнению. Он высказывал свою точку зрения, я — свою. Далее мы не стали повторяться, потому что это ни к чему бы не привело.

Мао затронул и еще одну проблему. В свое время мы опубликовали в печати заявление министра обороны СССР Жукова. Международная ситуация потребовала тогда от нас заявления во имя защиты социалистических стран. Мы подготовили такое заявление и поручили товарищу Жукову выступить с ним. Идея за-

явления заключалась в предупреждении империалистического лагеря насчет того, что если он нападет на одну из социалистических стран, то Советский Союз не останется нейтральным, а нанесет ответный удар по агрессору всеми возможными средствами, которыми располагают наши Вооруженные силы. Мао, сославшись теперь на выступление Жукова, сказал, что считает это выступление неправильным. Я спросил его, почему? Это ведь была не личная точка зрения Жукова, а мнение нашего Центрального Комитета партии. Как раз тогда сложились напряженные отношения между Китаем и США. «Наша твердая позиция сдержит империалистов. Они будут знать, что нападение на одного из наших союзников, Китай ли это будет или Албания, не останется безнаказанным. Причем заявление Жукова касалось тогда прежде всего Германской Демократической Республики, которая граничит с капиталистическим миром».

«Неверно, — говорит Мао, — это не так». И начал развивать свою точку зрения, которая сводилась к следующему: «Если нападут на Китай, вы не ввязывайтесь в войну. Мы будем сами воевать, хоть 10, хоть 20 лет. У нас народу много, и мы имеем обширную территорию. Если противник ввяжется в войну с нами, то он из нее добром не выйдет. Мы сами справимся и разобьем его. Ни одной стране не удастся победить нас. Японцы воевали с Китаем многие годы, а что от их агрессии осталось? Враги разрушат нашу экономику? Ну и пусть. Самое важное, чтобы был сохранен Советский Союз. Если СССР останется и будет развиваться дальше как социалистическая страна, то все потом встанет на свои места. Китай расправится с противником и с вашей помощью восстановит свою экономику. Поэтому вообще не надо подвергать опасности войны с империалистическим лагерем Советский Союз». Вот как он повернул: вроде бы Китай готов принести себя в жертву, чтобы первая социалистическая страна мира, Советский Союз, сохранила себя.

Я говорю: «Если мы будем так относиться к своему интернациональному долгу и предоставим каждой стране опираться только на свои силы, то противник поодиночке расправится с нами. Такая позиция поощряет агрессию, а не сдерживает. Поэтому мы считаем, что наше заявление следовало сделать, и мы будем придерживаться его в своей политике. Это формулировка не министра обороны, а нашего правительства, нашего Центрального Комитета партии». «Неверная формулировка», — отвечает Мао. На этом обсуждение проблемы закончилось, каждый остался при своем мнении. При следующей встрече продолжалась беседа на

военные темы. Здесь она носила другой характер, и высказывания Мао, я бы сказал, стали противоположными. Тем не менее они имели общие корни с предыдущими:

«Я думал о нашем прошлом разговоре и пришел к выводу, что если состоится нападение на Советский Союз, то я рекомендовал бы вам не давать отпора». Я сразу насторожился: как? Происходит нападение империалистических держав на СССР, а мы им не должны давать отпор? «И что же получится?» «Вы постепенно отходите, отступайте год, два, три. Растягивайте коммуникации своего противника и тем самым будете ослаблять его. Потом мы общими силами набросимся на него и разобьем». Я сказал ему: «Даже не знаю, как вам ответить. Для нас совершенно немыслимо такое понимание дела. Год отходить? Да год вообще вряд ли будет продолжаться следующая мировая война. Она окажется скоротечной». Мао продолжил: «Но вы же отступали до Сталинграда? Вы целых два года отступали, так почему же теперь вы не сможете отступать три года? Если тогда вы отступили до Сталинграда, то теперь отступите до Урала, до Сибири, а дальше в вашем тылу стоит Китай. Мы используем свои ресурсы, свою территорию и, безусловно, разобьем противника». Я ответил: «Нет, мы придерживаемся другой позиции, позиции немедленного отпора, и в случае агрессии такой отпор будет дан всеми средствами, которыми мы располагаем. Мы сейчас обладаем большими силами, большими техническими возможностями и с каждым годом наращаем их. Неизбежность ответного удара заставит противника не раз подумать, прежде чем решиться на агрессию против нас. А может быть, агрессия будет вообще исключена». «Нет, — говорит он опять, — я считаю этот тезис неправильным».

Позднее я много раздумывал, на чем основаны его взгляды? Не знаю, как можно охарактеризовать подобные позиции и рассуждения. У меня вызывало удивление, как это Мао может так мыслить, и я не мог дать себе ответа. Если предположить, что это с его стороны провокация, то не думаю, чтобы Мао пошел на столь грубую и глупую провокацию. Не такие уж мы наивные. Он никак не мог допустить, что мы согласимся. Если же он сам верил в здравость своих рассуждений насчет военной стратегии, то трудно предположить, что умный человек в состоянии так мыслить. Это для меня и сейчас остается сплошной загадкой. Так я и не знаю, что там было — недомыслие или провокация? Однако такой разговор состоялся, и я полностью отвечаю за точность передачи мною выражений Мао и моих ответов, без всякого утри-

рования, без всякого передергивания. Боже упаси, зачем? У нас и так достаточно забот с Китаем, и я не хотел бы их увеличивать. Наоборот!

В такой обстановке недалекие люди могут сказать: «Мы много сделали для Китая, а он встал на путь вражды с Советским Союзом». Что же, но в этом виноваты не мы. Даже при той ситуации, которая сейчас сложилась у Советского Союза с Китаем и, казалось бы, наглядно доказывает, что не следовало бы нести таких затрат, я считаю нашу политику правильной. Мы так действовали, чтобы поднять экономику Китая и укрепить ее на пути строительства социализма. Мы искренне помогали, с тем чтобы наш друг также развивался, строил свое хозяйство и укреплял свою независимость, как это сделали мы после Октябрьской революции. Но получили обратное. Все возможно ожидать от людей. Мао Цзэдун, безусловно, проводит неправильную политику. Но я глубоко уверен, что наша дружба оставила глубокий след в сознании китайского народа. Как говорится, Мао Цзэдуну приходят и уходят, а народ Китая остается. Придет время, когда не будет Мао Цзэдуна, не будет и его последователей, а то здоровое, полезное семя, которое посеяно нами в Китае, прорастет и будет развиваться. Так что это не брошенные затраты, не бросовые материальные средства, которыми Советский Союз поступился в пользу китайского народа.

Когда-нибудь я помру, и если человек может думать после смерти, то я думал бы о том счастливым времени, когда опять восстановятся братские отношения между народами Советского Союза и Китая, вообще между всеми народами социалистических стран.

¹ НОВОТНЫЙ А. (1904 — 1975) — в ту пору первый секретарь ЦК КПЧ и президент Чехословакии.

² ГОМУЛКА В. (1905 — 1982) — был тогда первым секретарем ЦК Польской объединенной рабочей партии.

³ ЦЗЯН ЦИН впервые вышла на широкую политическую арену летом 1964 г. Бывшая шанхайская актриса, жена Мао Цзэдуна, она выступила инициатором реформы китайского театра. В дальнейшем стала одним из лидеров Группы по делам культурной революции, организатором бесчинств хунвэйбинов и цзаофаней (молодежных отрядов и рабочих отрядов) в ходе «Великой пролетарской культурной революции» 1966 — 1976 гг. В 80-е годы была отстранена от партийных и государственных постов, осуждена за злоупотребления властью, скончалась в заключении.

⁴ КАРДЕЛЬ Э. (1910 — 1979) — являлся тогда членом Исполкома, секрета-

риата Исполкома и Президиума ЦК Союза коммунистов Югославии; РАНКО-ВИЧ А. (род. 1909) — был заместителем председателя Союзного исполнительного вече, членом ЦК СКЮ.

⁵ Чжу Дэ стал командиром полка в 1911 г., когда вступил в суньятсеновский гоминьдан и участвовал в свержении китайской монархии. Коммунистом он стал в 1922 г., когда учился в Германии. А широкую известность в СССР приобрел в 1927 г., после того как Уханьское правительство капитулировало перед Чан Кайши и в Наньчане вспыхнуло коммунистическое восстание против реакционеров. Будучи членом ревкома восставших, Чжу принял на себя командование 9-м корпусом войск и стал активно участвовать в походах Китайской Красной Армии, в 1931 г. был избран в составе советского правительства Китая наркомом по военным и морским делам.

⁶ КОСЫГИН А.Н. (1904 — 1980) — в 1957 г. занимал пост заместителя председателя Совета Министров СССР, потом первого заместителя и одновременно являлся первым заместителем председателя Государственной экономической комиссии Совмина СССР, был кандидатом в члены Президиума ЦК КПСС.

⁷ Речь идет о наиболее крупных из 64 скалистых Пескадорских островов (Пэнхуледао) в Тайваньском проливе.

⁸ «Сайдуиндер» модели AIM-IXL со стартовой массой 84 кг и дальностью полета 18 километров.

⁹ «Большой скачок» 1958 — 1960 гг. Преследовал цель не позднее чем через 7 лет превратить Китай в «великое индустриальное государство», основываясь на «седлообразной теории развития» страны: скачок — закрепление достигнутого при спаде — большой скачок.

¹⁰ В августе 1958 г. на расширенном совещании Политбюро ЦК КПК в Бэйдайхэ было решено добиться кустарными способами, в домашних доменных и сталеплавильных печах, резкого роста производства чугуна и стали. В 1962 г. вместо намеченной ранее выплавки стали на уровне 10 — 12 млн. тонн предполагалось получить 80 — 100 млн. тонн.

¹¹ На том же совещании было принято решение о создании народных коммун (26 тысяч, в среднем по 20 тыс. человек в каждой) с обобщественными крестьянской собственностью, приусадебными участками, трудом, средствами производства, и уравнительным распределением доходов, и с военизированным бытом.

¹² Идеологический курс «Пусть расцветают 100 цветов, пусть соперничают 100 школ» был выдвинут в мае 1956 года. Но уже в 1957 г. Мао Цзэдун заявил, что расцветать могут только «благоухающие цветы», а «ядовитые травы» надо выпалывать.

¹³ ЗАСЯДЬКО А.Ф. (1910 — 1963) — с 1949 г. министр угольной промышленности СССР, работал зампредсовмина в 1958 — 1962 гг.

¹⁴ Крупнейший металлургический комбинат Китая, охватывающий железорудные предприятия, обоганительную и агломерационную фабрики, доменно-мартеновский металлургический завод, прокатное производство, коксохимический и магнезитовый заводы, производство огнеупоров, а также заводы кислотный и горнорудного оборудования. Начат строительством в 1916 г. японцами, в 1931 г. развернут в комбинат, с 1953 г. подвергался реконструкции при активном советском содействии.

ДАЛЬНЕЙШЕЕ УХУДШЕНИЕ ОТНОШЕНИЙ С КИТАЕМ

В 1959 г. президент США Эйзенхауэр пригласил меня прибыть в Вашингтон с официальным визитом. Мы приняли приглашение, и той же осенью я вылетел в Вашингтон. Между тем наши отношения с Китаем все ухудшались и ухудшались, но разногласия еще не вышли за рамки внутренних переговоров между руководством двух стран и пока не выносились в печать. И вдруг Китай начал агрессивные действия против Индии. У нас с Индией существовали наилучшие отношения. Мы высоко ценили руководителя индийских народов, главу правительства господина Неру и его соратников, которые придерживались курса на укрепление дружеских отношений с СССР.

Наша делегация побывала в Индии, мы познакомились с этой страной. Конечно, короткого визита было явно недостаточно, чтобы как следует ознакомиться с такой великой державой, как Индия, и ее народами. Но все же мы получили более конкретное представление об этой замечательной стране, чем до нашей поездки. А главное, получше узнали Неру и его соратников.

Китайцы в принципе тоже дружественно относились к Индии. Они проявили совместную инициативу при созыве Бандунгской конференции. На ней большую роль сыграл Чжоу Эньлай. Выработанная там декларация импонировала нашему, советскому, пониманию сложившейся обстановки в мире призывом к мирному сосуществованию и сулила надежды, в частности, на укрепление дружеских связей Китая с Индией. По международным вопросам у них складывалась общая точка зрения. Ничто как будто бы не предвещало нарушения их дружбы. Мы радовались этому и сами тоже стремились идти в том же направлении, укрепляя контакты с обеими странами. А после нашей поездки в Индию наши контакты с Неру стали еще больше укрепляться.

Неру тоже приезжал в СССР и произвел на нас очень хорошее впечатление. Конечно, он был не коммунистом, а буржуазно-либеральным деятелем и демократом, обладавшим собственными политическими взглядами. Мы понимали, что хотя он не марксист и не сторонник советской государственной системы, однако хочет добра своему народу и устройства жизни Индии на демократических основах. Тогда о социализме он говорил еще довольно глухо, и нам трудно было понять, какой вообще социализм он имеет в виду. Ведь термин «социализм» довольно затаскан. Его на вооружение брал даже Гитлер. Пока не было ясно, в каком стратегическом направлении станет развиваться Индия. Мы счи-

тали, что нам надо проявить терпение и не форсировать эту тему в ходе бесед. Пусть жизнь сама заставит Неру встать на правильную позицию, которая устраивала бы запросы народных масс. Конечно, мы всемерно содействовали на практике тому, чтобы Индия стала именно на социалистический путь развития. К тому же у нас сложились хорошие отношения с Коммунистической партией Индии, которую тогда возглавлял товарищ Гхош¹.

Но вот возник индийско-китайский конфликт². Потом он развернулся очень широко, с участием больших военных сил, взаимными потерями и захватами спорной территории. В китайской печати поносили Неру как противника социализма и как врага Китая номер один. Китайцы умеют это подать публично, чтобы приковать внимание к тому, кого они осуждают. Мы не разделяли их точку зрения, а наша печать проявляла сдержанность, заняв такую позицию: дескать, разразился неожиданный конфликт между народами дружественной нам Индии и братского Китая. Именно такие употреблялись слова: дружественная Индия и братский Китай. Мы показывали тем самым, что Китай нам ближе. Так ведь по существу и было: Китай действительно стоял ближе к нам по идеологии, по целям развития в сторону социализма и коммунизма. Индия таких целей во времена Неру не провозглашала. Поэтому соответственно мы и разделяли словесно две страны.

Бои в районе их границы нарастали. Мое возвращение в Москву из Вашингтона как раз совпало с национальными торжествами по случаю 10-летнего юбилея провозглашения КНР. Туда должна была отправиться наша делегация. Члены Президиума ЦК КПСС высказались в том смысле, что возглавить ее должен я. Имелось в виду, что при намечавшемся быстром ухудшении наших отношений с Китаем, если не поехать туда мне как лицу, занимающему самое высокое положение в нашей партии, Пекин может расценить это как принижение роли государственного праздника и места Китая в международном коммунистическом движении. «Поэтому, — сказали мне товарищи, — несмотря на то, что Вы только что вернулись из Вашингтона, придется Вам набраться сил и полететь в Китай, чтобы представлять там советскую страну и ее коммунистическую партию, а заодно (это-то и было главным) провести с его руководством соответствующие беседы».

Война на границе Индии бушевала, нам обязательно нужно было высказать свое отношение к происходящим там событиям. В Москве было опубликовано заявление ТАСС, в котором говорилось, что мы сожалеем о военном конфликте между братским Китаем и дружественной Индией и надеемся, что с той и другой сто-

роны будут приложены усилия к прекращению военных действий и восстановлению прежних отношений. Когда я появился в Пекине, китайские руководители внешне проявляли ко мне всяческое внимание. Но я чувствовал, что их раздражает недовольство политической линией СССР и моей лично. Начались наши встречи. Китайцы всегда отводили в ходе беседы роль основного оппонента какому-то одному лицу, то есть не все разговаривали со мною, иные сидели молча. Мао обычно не брал на себя неприятных разговоров и поручал вести их кому-либо еще. Так, в свое время о выделении средств СССР на строительство железной дороги через Синьцзян с нами говорил Чжоу Эньлай. Ему же Мао поручил вести переговоры о бесплатной передаче Китаю артиллерии Порт-Артура. Чжоу вел беседы очень вежливо, в утонченной дипломатической манере, никогда не допускал грубых слов в отношении не только собеседников, но и третьих лиц.

Иначе держал себя Чэнь И, министр иностранных дел. Не знаю, то ли это была его характерная особенность, или же ему это требовалось по политическим соображениям, но он проявлял себя как острый в выражениях, грубый по манере держать себя и угловатый в поведении человек. Такой вывод о нем я сделал на основе конкретного разговора с Чэнь И по проблеме индийско-китайского конфликта. Вот в какой форме протекал наш разговор. «Почему, — сразу сказал он, — вы опубликовали заявление такого содержания через ТАСС? Ведь Неру — это такой, сякой» (и начал всячески поносить его). Сейчас не смогу восстановить бранный лексикон министра. Да этого и не нужно. Чэнь И допускал всевозможные унижительные выражения, вплоть до личных оскорблений Неру. Давая ему политическую характеристику, он заявил, что Неру — самый отъявленный враг социализма и агент американского империализма; что дальнейшего прогрессивного развития Индии не произойдет, пока не будет оттуда изгнан или даже уничтожен Неру.

Конечно, мы никак не могли согласиться с такой оценкой социальной роли Неру и его личности. Я доказывал, что у нас другая точка зрения, что мы иначе относимся к господину Неру и считаем, что из всех буржуазных деятелей Индии он как раз самый прогрессивный человек, который проводит антиимпериалистическую политику и не заключал никаких антинародных договоров с США, в то время как сосед Индии Пакистан заключил с США военный союз. Поэтому у нас нет оснований отталкивать от себя Неру. Наоборот, нам нужно укреплять позиции Неру в Индии, потому что если там будет свергнут Неру, то к власти придут реакционные силы, которые могут повернуть политику Индии в сторону сбли-

жения с империализмом, а это невыгодно и СССР, и Китаю. Я сказал также, что мы не понимаем причин нынешнего военного конфликта двух стран: районы, за которые идет война, слабо населены, лежат высоко в горах и вообще неизвестно, представляют ли они какую-либо ценность. Вопрос о них следует решать мирным способом.

Далее я приводил различные примеры решения пограничных вопросов с несоциалистическими странами, окружающими Советский Союз, еще во времена Ленина. Так, Ленин быстро решил пограничный спор с Турцией³, уступив ей довольно обширные территории, которые занимали русские войска после первой мировой войны. Эти районы населены армянами. У Армении на ее знамени герб с изображением горы Арарат, а Арарат сейчас находится на турецкой территории. Турки даже предъявляли нам претензии, почему это Армения изобразила на своем гербе Арарат: это притязания на турецкую территорию? Туркам ответили: а почему они на своем знамени изображают полумесяц? Ведь месяц даже наполовину не принадлежит Турции. Вы что же, хотите подчинить себе Вселенную и избрали поэтому эмблемой Луну? Спор иссяк, Стамбул снял свои претензии. Потом я привел и другие примеры. Как раз в то время мы закончили переговоры об уточнении границы с Ираном⁴, опять пошли на значительные уступки и разрешили территориальный спор на базе взаимности, сняв, к нашей радости, дискуссию, которая длилась в течение многих лет. «Зачем же Китаю нужно вести войну по пограничным вопросам? Мы этого не понимаем».

Но Чэнь И, как заведенный, вновь и вновь твердил: «Неру, Неру, Неру! Индия проводит империалистическую политику! Китайцы будут вести войну, пока не разгромят армию Индии...» Мы были очень обеспокоены таким заявлением. Нужно также вспомнить, что перед тем произошли неприятные для Китая события в Тибете. Там вспыхнуло восстание⁵. Силы китайцев в Тибете были сначала небольшими, а тибетцы хорошо проявили себя в ходе борьбы и даже временно захватили власть. Индия заняла тогда антикитайскую и протибетскую позицию. Она хотя и не прямо, но довольно явно выражала симпатии тибетцам. Я говорил китайским товарищам, что следует отнестись к этому факту терпимо и с пониманием. Ведь Неру политически трудно поддерживать Китай в тибетском деле. Надо иметь в виду, что Тибет граничит с Индией, которой более выгоден независимый Тибет, слабая страна, не представляющая никакой угрозы для Индии. Китайский же Тибет мозолит ей глаза.

Хотя мы были целиком на стороне Китая, но я апеллировал к разуму Пекина, призывал понять, что Неру не коммунист и не сочувствует нашим конечным стремлениям, поэтому трудно себе представить, что он окажется на стороне Китая в его борьбе против восставших тибетцев. Но тщетно, со мною не соглашались. Так шли переговоры. А как встречали нашу делегацию? Тут полностью проявился «восточный стиль». Встреча была очень любезной, беседы за обедом тоже самые любезные. Переговоры же проходили в большой напряженности и даже с обостренностью, что, однако, не отразилось на проводах. Провожать нас на аэродром приехали и Мао Цзэдун, и Лю Шаоци, и Чжоу Эньлай, и Чжу Дэ, и Чэнь И. На аэродроме Чэнь И продолжил свои нападки на Индию и Неру, советских руководителей они тогда еще не трогали. Остальные присутствовавшие практически молчали, только изредка вставляли реплики. Пару раз в поддержку Чэнь И высказался Мао. Разговор велся резче, чем прежде, Чэнь И уже не выбирал выражений.

Как же в дальнейшем развивались военные действия Китая против Индии? Китайская армия была лучше вооружена и более дисциплинирована, прошла недавно серьезную школу войны. Ничего этого не было у индийцев. Естественно, они терпели довольно крупные поражения. Как конкретно протекали там боевые действия и чем закончились, я сейчас не стану говорить, это известно из газет, да и я тоже пользовался практически почти теми же сведениями, что и вся мировая общественность. Хочу остановиться в этой связи только на одном еще аспекте. Военный конфликт породил большие трудности для индийской передовой общественности, поставил в тяжелое положение Компартию Индии, которая по проблеме отношения к войне с Китаем просто раскололась. Большинство партии пошло за Гхошем, который стоял за оборону отечества и поддерживал действия Неру, но часть довольно хороших коммунистов, членов ЦК партии, которых я лично знал и с уважением относился к ним, заняла прокитайскую позицию, высказываясь за поражение индийской армии. Пекин же развил энергичную агитационную кампанию против большинства КПИ, тем самым против КПСС, которая занимала сходную позицию прекращения войны без чьей-либо победы или конечного поражения. В конце концов война так и закончилась.

В скором времени возник вопрос и о нашей границе с Китаем. Там существовала граница, установленная еще до победы Китайской революции 1949 г., и мы ее строго придерживались. Со стороны Китая граница сначала не охранялась, а с нашей стороны

находились пограничные войска. Правда, у нас охрана этой границы тоже была довольно условной. Китайские скотоводы часто перегоняли свой скот через границу для выпаса на советской территории. Они это делали издавна. А мы никогда не заявляли каких-либо претензий или тем более протестов по данному поводу. Кажется, существовала даже некая договоренность о том, что в каких-то местах китайские граждане могут пасти свой скот на нашей приграничной территории. К этому же вопросу тесно примыкает проблема взаимоотношений Китая с Монголией. На ней я тоже хотел бы остановиться. Эта проблема была поставлена на одной из встреч представителей Советского Союза и Китая. Китайскую сторону возглавлял Мао Цзэдун, а вопрос нам задал Чжоу Эньлай. Мы, естественно, понимали, что Чжоу говорит то, что ему продиктовал Мао.

Чжоу поставил вопрос якобы дипломатично: «Как вы смотрите на то, чтобы Монголия вошла в состав Китайского государства?» Я ему возразил: «Вы ставите вопрос, на который очень трудно ответить. Он касается Монгольской Народной Республики и Китая. Поэтому вам следовало адресоваться к монгольским товарищам. Нас это не касается, мы здесь третья сторона». Видимо, китайцы предвидели такой ответ, ибо Чжоу тут же сказал: «Хорошо. А каково Ваше личное мнение? Что Вы сами думаете на этот счет?» Отвечаю: «Наше отношение к делу зависит от того, как посмотрит на него Улан-Батор. Но думается, что вряд ли такое предложение обрадует монголов. Уж сколько лет МНР существует как независимое государство, имеет свое правительство, армию, парламент. Для них сейчас войти в состав Китая — значит попросту лишиться независимости. Вряд ли это может им улыбаться. Кроме того, сейчас Монголия накануне вступления в Организацию Объединенных Наций. Многие страны имеют с ней дипломатические отношения. И всего этого Монголия должна лишиться? Зачем? Полагаю, что ваше предложение создаст трудности для руководителей Монголии. Но за них вообще-то я говорить не хочу, ибо не знаю, что они скажут». На этом данный вопрос был исчерпан, больше к нему китайцы не возвращались.

Когда наши отношения с Китаем еще более ухудшились, Пекин предъявил нам ряд территориальных претензий, а также обвинил нас в захвате территорий европейских социалистических стран. Китайцы вытащили из-под спуда вопрос о том, что Советский Союз, дескать, опять присоединил к себе земли, которые входили в состав России до первой мировой войны, то есть часть Польши, Бессарабию и прибалтийские государства. Одним сло-

вом, советское правительство проводит, как китайцы потом изощрялись по радио, внешнюю политику царского правительства, политику захвата чужих земель.

Считаю, что на этот счет было дано достаточно разумных разъяснений со стороны советского правительства. Его политика была абсолютно правильной. Если сейчас аннулировать исторически сложившиеся границы, не признавая законности обладания территориями, которые перешли по наследству от императорских, царских или королевских правительств к социалистическим правительствам наших братских стран, и начать отыскивать этнические границы, влезая в места расселения народов в далеком прошлом, то мы запутаемся, перессоримся и все-таки вряд ли сумеем разумно решить эту проблему. Ведь целые народы, которые сейчас имеют свои государства, должны будут лишиться своих территорий, потому что они пришли сюда и расселились на земле, которая их далеким предкам не принадлежала. Когда-то и откуда-то пришли все эти люди, теперь тут живут. Так не выгонять же их сейчас на Луну? Эта теория пересмотра границ несостоятельна, не преследует разумных целей и витаскивается на свет, чтобы рассорить народы, замутить воду и в мутной воде вылавливать жертвы для проведения агрессивной политики в отношении братских социалистических стран. Это порочная линия. К сожалению, Китай продолжает ее проводить.

Монголия сама решила уточнить свою границу с Китаем. Это тоже сложный вопрос, потому что монгольская земля состоит из двух частей. На территории МНР монголы создали свое независимое государство, а другая часть монголов осталась жить в границах Китая. Та земля называется Внутренней Монголией, поскольку она находится внутри, между МНР и немонгольской территорией Китая. Как тут проводить границу? Здесь будет трудно искать этнические или исторические межи, потому что нынешняя граница разрезала по-живому тело монгольского народа и древнюю территорию Монгольского государства. Итак, Монголия обменялась с Китаем картами, начались переговоры. Прямо нужно сказать, что я был приятно поражен тем, как быстро решались спорные вопросы, причем китайцы не особенно упорствовали в пользу своих первоначальных предложений. Вскоре обе стороны пришли к обоюдному соглашению и наметили уточненные границы, которые устраивали и Монгольскую Народную Республику, и Китай. Они подписали на этот счет договор и установили ту твердую границу, которую официально признали оба государства.

Тот же вопрос возник и у нас. К этому времени китайская пе-

чать начала ставить под сомнение давно установившуюся советско-китайскую границу. В беседах с нашими советниками пекинское руководство просто враждебно заявило, что русские захватили у Китая Дальний Восток и другие прилегающие территории. Мы хотели ликвидировать подобные разговоры раз и навсегда, договорившись с Пекином по всем пограничным вопросам. Между нами возникли некоторые недоразумения относительно границы по реке Уссури и другим рекам. Как известно, реки со временем меняют свои русла, образуя острова. Согласно договору, который был подписан с Китаем царским правительством, граница проходила по китайскому берегу реки, а не по фарватеру, как это обычно принято в международной практике. Таким образом, если образовывались новые острова, то они считались российскими. Правда, на некоторых островах мы признавали де-факто интересы китайского населения. Оно там собирало дрова, пасло скот. Мы по-братски, с пониманием относились к таким бытовым нуждам, и наши пограничники как бы «спустя рукава» взирали в этих случаях на нарушение границы.

Потом положение обострилось. Китайцы стали обстреливать наши пограничные катера. Имели место столкновения наших пограничников с китайскими «крестьянами», о которых пограничное начальство докладывало, что это были вовсе не крестьяне, а китайские пограничники, переодетые в гражданскую одежду. Они, что называется, брали наших «за грудки» и угрожали им оружием. Наши же пограничники, нужно отдать им должное, вели себя очень дисциплинированно и строго выполняли инструкции: ни при каких условиях не позволять спровоцировать себя на вооруженный конфликт. Поэтому кончались эти столкновения вначале почти мирно: люди трясли друг друга за одежду, обрывая пуговицы, а иногда даже доходило до мордобоя, но оружие в ход не пускалось.

Мы официально обратились в Пекин: «Давайте договоримся. Зачем нам сталкивать наших пограничников в ожидании возникновения крупного конфликта, который будет вреден для обеих стран?» Не помню, как долго велась переписка, но Китай ответил согласием на встречу. Мы организовали правительственную комиссию и предложили Китаю выбрать место встречи. Китайцы предложили, чтобы встреча состоялась на их территории, мы согласились. Развернулись переговоры. Сначала Пекин в устной форме изложил свои территориальные претензии. Они требовали отдать Китаю Владивосток и довольно обширную территорию советских среднеазиатских республик. Мы, конечно, никак не мог-

ли такого принять или хотя бы взять за основу для ведения переговоров. Наша сторона представила свое объяснение дела и толкование сложившихся границ. В результате договорились, что обе стороны представляют свои карты с предложениями об изменении существующих границ. У нас уже была подработана такая карта, правительство рассмотрело ее и поручило уполномоченному лицу передать ее в Пекин. Китайцы тоже передали свой вариант.

Когда мы взглянули на китайскую карту, то там уже не значилась в качестве китайского Владивосток, эта претензия была молчком снята. Но были обозначены какие-то острова на пограничных реках, на которые претендовал Китай, а главным являлось требование, чтобы граница по рекам проходила не по китайскому берегу, а по фарватеру. Мы с этим согласились, потому что в мировой практике чаще всего проводят границы именно по фарватеру пограничной реки. Вообще при решении спорных вопросов с Китаем мы старались опираться на мировую практику. В итоге мы согласились на передачу Китаю большинства тех островов, на которые он претендовал, после чего между нами не осталось практически спорных вопросов по границе, разделяющей Китай и СССР, за исключением единственного: Пекин настаивал, чтобы китайские пароходы могли пользоваться основным руслом Амура в районе Хабаровска; по старому же договору с Россией⁶ они имели право плавать только по прилегающей к китайскому берегу протоке. Теперь Пекин требовал права ходить буквально у стен Хабаровска. Мы хотели сохранить старое соглашение, потому что наши отношения были напряженными, и мы не желали подпускать недружелюбно настроенных людей к такому важному пункту. Китайцы с нами не согласились, и этот параграф остался вне договоренности.

Касательно линии остальной границы (а она превышает в длину две тысячи километров, причем сухопутная во многих местах тянется по горам, где бродят только охотники) мы, рассмотрев все претензии Китая, предложили нашей делегации придерживаться средней позиции. Спорные участки были небольшими и не представляли особой ценности ни для нас, ни, на наш взгляд, для Китая. Вот мы и хотели, применив линейку, просто разрезать их пополам: где-то нам поступиться в пользу Китая, а где-то срезать выступы в нашу пользу. В таком случае получилась бы не буквальная компенсация, а спрямление границы. Конечно, по линейке на местности границу не проведешь, потому что граница существует не для птиц, которые перелетают ее. Граница в идеа-

ле должна проходить по местам, доступным для пограничников, так что разделительную линию следовало, конечно, уточнить конкретно уже на местности. Мы исходили из того, что лучше из-за пустяков не дразнить гусей, а прийти к полюбовному соглашению. Нам казалось, что здесь, как говорится, кладется плюс на минус: уступка за наш счет в одном случае и уступка с китайской стороны — в другом случае. Мы надеялись, что теперь будет найдено общее решение, не наносящее ущерба ни престижу, ни основной территории обеих сторон.

Наша делегация изложила такую позицию советского правительства. Но Пекин не принял наших предложений и настаивал на том, чтобы все вопросы были решены только так, как указано на китайской карте. Главным препятствием к подписанию договора о границах теперь служил уже не отказ китайцев принять наши предложения, а другое. В конце концов мы были готовы пойти на принятие их новых предложений, чтобы навсегда закрыть спорные вопросы. Главное заключалось в том, что Пекин требовал признать в тексте договора, что советско-китайская граница была установлена на неравноправных условиях, когда Китай был слаб и царское правительство навязало ему силой такую границу, какая была выгодна России. Требование зафиксировать в договоре, что граница сложилась на неравноправной основе, совершенно неприемлемо для любого суверенного государства. Ведь прежние русско-китайские договоры были подписаны той и другой стороной, одни — столетиями, другие — десятилетиями ранее. Если согласиться с Пекином, то надо отказаться от всех территорий, полученных ранее Россией, и китайской справедливости ради отдать неравноправные приобретения. Пекином вопрос был поставлен дыбом, да и сейчас он стоит таким же образом.

Когда мы увидели, что договориться не удастся и нам могут предъявить новые претензии, мы честно и прямо заявили, что территория, на которую претендует Китай, никогда исторически не была китайской. Когда-то Китай имел там своих людей, которые, опираясь на насилие, собирали дань с местного населения, и поэтому Пекин теперь считает эти земли китайскими. Но жили-то там и живут вовсе не китайцы, а казахи, таджики, киргизы, другие среднеазиатские, сибирские и дальневосточные народы. В Приморье китайцы имели лишь отдельные поселения, пытаясь колонизировать этот край. Главным образом то были охотники и торговцы. Они пользовались теми же правами, что и русские, которые проникли туда позже и постепенно экономически вытеснили китайцев, а политическое присоединение Приморья к России

произошло давно⁷. Любая попытка пересматривать сейчас исторически сложившиеся границы, подвергать их сомнению и пытаться их переделывать безнадежна и не вызовет улучшения отношений между государствами. Нельзя решать никакие споры между государствами на такой основе.

Наша делегация вернулась из Китая без договоренности. Следующее заседание должно было состояться в СССР. Наше правительство рассмотрело все, что требовалось, и дало соответствующие указания нашей делегации. Ее возглавлял командующий погранвойсками СССР⁸. На меня он производил хорошее впечатление как спокойный и разумный человек. С полным пониманием дела он мог вести предстоявшие переговоры. Затем мы обратились к Китаю, чтобы узнать, когда делегации сумеют встретиться. Но Пекин вообще нам не ответил. До конца моей государственной и партийной деятельности СССР так и не получил ответа. Как развиваются соответствующие события сейчас, я знаю только по газетам. Из них видно, что советская позиция ясна и принципиально ни в чем не изменилась, а правительство СССР проводит в этом вопросе ту же линию, которую проводило при мне.

Добавлю, что наиболее скользким вопросом оставалась проблема Памира. Статус Памира не был предусмотрен никакими договорами между царским правительством и Китаем. Вот и возникла проблема. Мы дали директиву нашей делегации разъяснить, что Памир исторически заселен таджиками и по праву должен принадлежать им. Никаких китайцев там нет сейчас и не было раньше. Значит, о чем вдруг возникла речь? Граница там должна оставаться такой, как она исторически сложилась. Как отреагировали китайцы на это разъяснение, я не могу сказать, потому что в мою бытность главой правительства наших встреч больше не было.

Сейчас нашей делегацией, которую возглавляет Кузнецов⁹, опять ведутся переговоры. Как они протекают и какие претензии предъявляются Пекином, не знаю. А по высказываниям китайской печати видно, что Пекин продолжает недружественную в отношении СССР политику, как и прежде, когда я возглавлял советское правительство. Очень жаль! Но я верю, что придет все-таки время (хотя мне и неизвестно, когда придет), и китайские руководители поймут необходимость сплочения социалистических стран и коммунистических партий в интересах своих народов, борьбы за мир, за социализм на Земле. Тогда на разумной основе ликвидируется конфликт, и обе стороны начнут делать все, чтобы укрепить общую дружбу, двигаться совме-

стными усилиями к цели, которая была поставлена Марксом и Лениным, к коммунизму.

Говоря об истории наших отношений с Китаем, я касался главным образом государственных вопросов. Но межгосударственные споры не могли не затрагивать и межпартийных вопросов. Хотел бы привести в этой связи некоторые факты, характеризующие развитие отношений КПК с КПСС, другими братскими партиями. Если после Бандунгской конференции Китай выступал в едином ряду борцов за мир, за мирное сосуществование стран с различными социальными системами, то со временем стал обособлять свою политику и, в конце концов, дошел до того, что начал подрывать само это движение. Как известно, в борьбе за мир участвуют люди разных социальных слоев, разных религий, различного имущественного положения. Они объединились во имя одного стремления — обеспечить мир между народами. В своей деятельности я неотступно следовал этому положению и насколько хватало сил пропагандировал его, верил и сейчас верю, что такая политика соответствует интересам народов как социалистических, так и капиталистических стран.

Китай еще в 50-е годы начал постепенно торпедировать это движение, не соглашался с тезисом мирного сосуществования, заявляя, что оно ведет к буржуазному пацифизму и ослабляет революционные порывы народов изменить состояние дел в мире; что только резко активные действия против капитализма могут способствовать переходу к социализму; что надо гораздо интенсивнее вести революционную работу, не отвлекаясь на борьбу за мир, которая разоружает и ослабляет народные массы. Пекин выступал и против участия в этом движении представителей буржуазии, заявляя, что союз с ними есть предательство интересов рабочего класса. Мы же считаем неразумным ослаблять столь важное движение, отталкивая от себя людей, которые верят нам и делают все для того, чтобы обеспечить мир на Земле. Например, Сайрус Итон¹⁰ — крупнейший капиталист, металлургический магнат, но разумный человек, который искренне выступает за мир, за мирное сосуществование между США и Советским Союзом. Зачем нам отталкивать его? Потому что он капиталист? Глупость. Многие религиозные деятели, занимающие высокое положение, также стоят на позиции мирного сосуществования. И мы тоже считали неразумным отталкивать их от себя.

В связи с этим хочу напомнить о замечательном человеке, французском канонике Кире¹¹. Сейчас он уже умер. Когда я ездил во Францию, то беседовал с ним. Этот человек в свое время мно-

гое сделал для организации борьбы патриотов против фашистских оккупантов, потом до конца своей жизни был предан делу борьбы за мир. Как можно отталкивать таких людей? Наоборот, надо мобилизовать все эти силы, чтобы они работали в том же направлении, что и коммунисты, и боролись за обеспечение мира на Земле, за лучшее социальное переустройство. Революционные же преобразования и изменение социально-политического строя — это внутренний вопрос каждой страны, и его решения нужно добиваться не путем войны, а путем организации рабочего класса, который в союзе с крестьянством и интеллигенцией будет стремиться к победе марксистско-ленинских идей переустройства общества. Мы этому и служили.

Пекин же все делал, чтобы подорвать единство в борьбе за мир, сколачивал фракционные группировки, создавал всяческие трудности на заседаниях мирных представителей разных стран, срывал принятие единых решений. Внутри Китая тоже велась большая работа по дискредитации политики СССР в целом, советских специалистов в Китае в частности. В результате возникли условия, в которых наши специалисты не могли уже нормально там работать. Им не доверяли, над ними буквально издевались. И мы решили, что дальнейшее пребывание наших специалистов в Китае не способствует улучшению отношений между нашими странами. Мы-то преследовали цель оказать всемерную экономическую помощь развитию науки и техники Китая, а это все теперь оборачивалось против нас: нарочито порочили наши технические предложения, наши станки, наше оборудование. В Китае трудилось довольно много наших людей. Им были созданы невыносимые условия жизни и работы. Поэтому перед нами встал вопрос, как быть? Ведь мы, даже в ущерб самому советскому государству, посылали туда лучших специалистов и отличных рабочих, лишая себя самого хорошего, что было подготовлено в отечественной промышленности и сельском хозяйстве. А теперь вместо того, чтобы ценить нашу дружескую помощь, прежние друзья оборачивали это против нас, дискредитировали нас и оскорбляли наших товарищей.

В принятии решения об отзыве специалистов сыграл свою роль и такой случай. В то время возникли разногласия Китая с Северным Вьетнамом¹². Китайцы после этого отозвали оттуда всех своих специалистов. А теперь мы оказались в положении, когда пребывание наших людей в Китае не достигало той цели, во имя которой их туда послали. Исчез иной выход из ситуации, кроме возвращения этих людей на Родину. Когда же мы их отозвали,

китайцы начали громко возмущаться и разыгрывать роль перед коммунистами братских партий, что, вот, мол, СССР пошел на такую акцию и лишил Китай помощи. На такую пропаганду в Пекине имеются умельцы. Но, безусловно, и я это подчеркиваю всегда, когда я говорю «китайцы», это ни в какой степени не относится к народу в целом. Китайцы в своей массе дружелюбные и очень трудолюбивые люди, заслуживающие большого уважения. Сказанное относится только к клике Мао Цзэдуна. Это он направлял такую политику против нас, и прежде всего именно он несет ответственность за разрыв с нами. Ни Компартия Китая в целом, ни тем более китайский народ не повинны в том и сами страдают от безрассудной политики.

На первом этапе наших разногласий Пекин вел борьбу против нас так, что она еще не выходила за рамки межпартийных отношений и внутренних контактов, материалы о ней не попадали на страницы широкой печати. Хотя такую масштабную работу, которую они повели против нас, конечно, нельзя было скрыть, и о ней зачирикали воробьи на всех крышах. Заграница трубила в антисоветские трубы, что уже близок разрыв Китая с СССР, что разгорается их ссора. Это радовало противников марксистско-ленинской политики, и у них к тому появились весомые основания. К моменту начала открытой дискуссии в печати мы обнаружили, что на китайские позиции перешло руководство Албании. Как это произошло? Как раз в то время, когда наши отношения все больше накалялись, в Китай отправилась албанская делегация. Мы считали, что такие поездки в принципе всегда полезны. Мы тоже с удовольствием ездили в Китай и готовы были повторять деловые поездки. Визиты представителей всех братских партий мы рассматривали как полезный способ установления личных контактов, служащих укреплению взаимопонимания, с тем чтобы держать общее марксистско-ленинское оружие отточенным, в боевом состоянии.

Но оказалось, что та поездка албанской делегации преследовала другую цель. Мы буквально остолбенели, узнав, какие беседы с нею вели китайцы. Они проводились в конфиденциальном порядке, однако когда делегация проезжала через Москву, к товарищу Андропову пришла член Политбюро Албанской партии труда Лири Белишева, которая придерживалась позиции дружбы с Советским Союзом и была возмущена прошедшими переговорами. Эта стойкая коммунистка прошла ранее суровую школу борьбы с итальянскими фашистами, испытала застенки тюрем. Ей в тюрьме выбили один глаз. Очень преданный делу коммунизма

человек. Она, как и другие — настоящие албанские коммунисты, была сторонницей дружбы с Советским Союзом и рассказала товарищески о состоявшихся в Пекине беседах, будучи потрясена их антисоветской направленностью. Она сообщила, что инициаторами бесед были китайцы, но албанцы охотно откликнулись и восприняли антисоветские тезисы Пекина.

Мы же проявили тогда большую наивность. В то время председатель Совета Министров Албании Мехмет Шеху лечился у нас в больнице. К нему поехал, кажется, Андропов, который заведовал отделом ЦК КПСС, занимаясь связями с коммунистическими партиями социалистических стран, и сказал ему, что мы получили такую-то информацию, и даже сообщил, кто нас проинформировал. Мы-то считали, что Мехмет Шеху и Энвер Ходжа — наши настоящие друзья, подлинные коммунисты, и не сомневались, что это известие поразит их так же, как нас. Думали, что они не разделяют таких взглядов, но глубоко ошиблись. Как только наш человек вышел от Шеху, тот сейчас же скинул с себя больничную одежду и улетел в Албанию. Там развернулась буквально погоня за людьми, которые стояли на позициях дружбы с Советским Союзом. Их объявили врагами Албанской партии труда, врагами своей Родины. А Лири Белишеву, коммунистку, которая приходила к нам, вывели из состава Политбюро и даже исключили, кажется, из рядов партии. Кончилось тем, что ее вообще арестовали и, как я думаю, физически ликвидировали. Албанские лидеры повели себя как настоящие звери. Они жестоко расправились со всеми неугодными людьми. У них были созданы пресловутые тройки, которые возглавлял Балуку. Те выносили приговоры и сами приводили их в исполнение.

Когда мы узнали, что творится в Албании, чаша нашего терпения переполнилась, и мы решили, что надо принимать какие-то меры. Но об этом я расскажу дальше. Китайцы же развернули свою пропаганду в нашей стране. Их студенты стали распространять в учебных заведениях антисоветскую литературу, листовки, пытались организовывать антисоветские демонстрации на улицах и площадях. Наши студенты, которые учились в Китае на основе межгосударственного обмена, терпели всяческие издевательства и практически не могли заниматься. Мы решили их отозвать и, в свою очередь, предложили выехать из нашей страны китайским студентам: попросили Пекин забрать тех людей, которые недостойно ведут себя в Советском Союзе. Когда эти лица возвращались в Китай, то на конечной железнодорожной станции перед Монголией устроили безобразную демонстрацию.

Даже неприлично говорить о том, что они проделывали: снимали штаны и гадили на перроне и в вокзале. Не знаю даже, как называть такую демонстрацию. Это просто свинство! И делали это «культурные люди». Но не потому, что не понимали, что такое неприличие. Они хорошо все знали, а поступали так именно потому, что это было неприлично, устроив своеобразную выходку против нас.

Конечно, подобные акции нельзя было скрыть от общественности, считая их недоразумением и дожидаясь, пока все нормализуется. Наши отношения с Пекином накалились до предела. Скажу, что еще во времена добрых контактов мы подписали соглашение о сотрудничестве в области атомной энергии, в том числе о передаче Китаю секретов технологии производства атомного оружия. Мы вообще давали Китаю все. У нас от него не было секретов, а их ученые, инженеры и конструкторы, которые занимались атомными делами, работали рука об руку с нашими атомщиками. Когда Китай попросил у нас атомную бомбу, мы поручили своим ученым принять его представителей и обучить их, как ее делать. Наши ученые предложили сделать для них подходящую модель. Я не могу тут разъяснять, что это была за модель и почему ее нужно было делать. Существует понятие государственной тайны. Достаточно упоминания. И, действительно, изготовлена была модель атомной бомбы небольшой мощности.

Как раз к моменту резкого ухудшения наших отношений завершилось обучение соответствующих китайских специалистов, а модель была уже упакована. Министр атомной промышленности СССР (должность называлась — министр среднего машиностроения¹³) доложил, что все готово, включая решение об отправке модели, и люди приготовились отправлять ее. Оставалось дать сигнал! Мы собрались на совещание Президиума ЦК КПСС. Нам было очень трудно решить, как быть: мы знали, что Китай использует все против нас, если мы нарушим договор и не отправим модель бомбы. С другой стороны, нас так поносят, предъявляют нам немыслимые территориальные претензии, а мы в это время, как послушные рабы, будем снабжать их атомной бомбой? И мы решили не посылать ее. Как только мы так сделали, китайцы тотчас это использовали, конечно, чтобы восстановить братские партии против КПСС: жаловались, что Советский Союз не делится с Китаем своими оборонными достижениями и не хочет оказывать помощь Китаю. Конечно, то была ложь, потому что все современное вооружение, которое имел Китай, было изготовлено

по образцам, полученным из СССР, и при нашем полном содействии. Он узнал всю технологию производства любых видов вооружения: стрелкового, артиллерийского, танкового, ракетного, авиационного, морского. Вообще все, о чем просил Пекин, мы сейчас же давали ему, включая лучшие образцы.

В тот период наше идеологическое противоборство еще велось по закрытым каналам или в иносказательной форме, но Пекин и здесь считал дозволенными любые методы. Единственное, чего тогда не позволяли себе ни Китай, ни Советский Союз: мы не выходили в печать и не затрагивали персон, руководителей государства и партии. Однако когда я уже находился в отставке, то я читал в газетах и слушал по радио бранные речи китайцев и в свой адрес, и в адрес нового руководства Советского Союза. Столь хлесткую брань нечасто услышишь и от классовых врагов. Мало сказать, что то были «недружественные» заявления. То были враждебные призывы к свержению советской власти в СССР. Не буду, впрочем, об этом говорить, потому что данному явлению уделяется достаточно внимания в нашей печати.

Вот так, к сожалению, сложились наши отношения. К большому огорчению для настоящих, искренних коммунистов. Я лично тоже очень огорчен, что произошло именно так. Я душою верил и хотел верить Китаю, радовался его победам, с восхищением следил за борьбой за свое освобождение, которую вел народ Китая под знаменем коммунистической партии. Да мы все радовались, когда китайские товарищи одержали победу, полагая, что это огромная победа всех революционных сил. К сожалению, сейчас наши усилия разъединены, а следовательно, ослаблен и социалистический лагерь. Но хочу верить, убежден, что это продлится недолго. Компартия Китая найдет в себе здоровые элементы, которые преодолечат болезнь, поразившую ее.

Увы, то, что ныне происходит в Компартии Китая, в какой-то степени повторяет то, что Сталин в свое время проделал с нашей коммунистической партией. Он тоже прикрывался тем, что борется за революцию, за социализм и против врагов народа. Но кто были эти «враги народа»? Лучшие люди коммунистической партии, кадры, которые создавали саму партию вместе с Лениным и под его руководством работали в подполье и в первые годы советской власти. И этих-то людей объявили врагами народа. Сейчас их реабилитировали. Правда, их доброе имя еще не восстановлено полностью, и к ним не относятся у нас с тем вниманием, какого требуют история и справедливость. Но процесс в данном направлении идет неумолимо, правда победит. На XX съезде

партии было проявлено мужество, мы сказали слово правды. Но сейчас важнее будущее, чем прошлое.

Надо очень внимательно следить, чтобы подобное сталинским действиям не повторилось в будущем, что в общем-то не исключено. Должны быть приняты специальные меры, которые оберегали бы народ от возможности установления диктатуры в стране. Главное — наличие демократии, высокий культурный и моральный уровень членов партии и всего народа. В этом случае народ сам сумеет защитить себя от тирании и от злоупотреблений властью.

То, что происходит в Китае, очень похоже на то, что происходило ранее у нас. Мао Цзэдун, как говорится, закусил удила, набрал силу после победы над Чан Кайши и утвердился у власти, а теперь стал расправляться с теми, вместе с кем шел к победе. Для истребления партийных кадров он взял именно то оружие, которым пользовался Сталин, хотя такие методы уже были разоблачены и заклеены на XX и XXII съездах КПСС. Мао одобрял наши решения, много говорил в этом духе, а затем выдумал «культурную революцию». При чем тут культура? Однако вопрос состоит не в том, под каким конкретно лозунгом ведут честных людей на плаху, а в том, что это делается во имя утверждения власти одной личности. У нас был Сталин, в Китае — Мао. Такая же опасность грозит всем братским странам и может повториться в любой коммунистической партии. Гарантий неповторения никаких нет. Никакие слова не смогут преградить нашествие тирании. Только сама партия, сам народ, если он сознает свою ответственность перед историей и уважает человеческое достоинство, причем не только в коллективе, но и каждого отдельного его члена, сумеют поставить преграду диктатуре. Иначе нельзя противостоять диктатуре одной личности, воспитать коллективное мышление во имя интересов народа и торжества марксизма-ленинизма.

Бросив лозунг «Пусть расцветают сто цветов», Мао открыл шлюзы для свободного высказывания любых мнений и устно, и в печати, и в партии, в народе. По существу то была хорошо продуманная злостная провокация. Он вызвал людей на откровенность, а потом начал истребление тех, чьи мысли считал вредными. В таких случаях всегда прикрываются тем, что борются с вредными идеями. Но кто определяет эту полезность или вредность? Сам Мао. Поэтому каждый, кто ему перечил, становился вредным для нового строя. У нас Сталин самых достойных людей обратил во «врагов народа». А тот же народ, который вчера им аплодировал, сегодня требовал их казни и одобрял злоупотребления властью, не требуя никаких доказательств правоты таких поступков. Ста-

лин нашел людей, которые подтасовывали дела, выдумывали факты и пускали их в оборот. Буквально теми же методами действует сейчас Мао.

Интересна метаморфоза его поведения по отношению к личности Сталина. После смерти Сталина, когда мы встречались с Мао, он очень нелестно отзывался о нем, обвинял его в том, что Сталин не понимал сущности Китайской революции и недооценивал возможности народа. Мне-то очень трудно было понять взгляды Мао на рабочий класс. В войне против Чан Кайши Мао больше опирался на крестьянство и вообще считал, что крестьяне более революционны, чем рабочий класс. За это Сталин критиковал Мао. А последний называл конкретные факты, ссылаясь на письма Сталина к Чан Кайши и к нему, из которых вытекало, что особенно вредную роль для Китая играл Коминтерн, действовавший по указке Сталина, потому что Коминтерн находился в Москве и делал все, что рекомендовал Сталин. Мао возмущался, что ему советовали в свое время не особенно задирать с Чан Кайши, постараться установить с ним контакт и объединить усилия в борьбе против японского агрессора. Видимо, такое имело место. Видна и историческая логика в этих рекомендациях, потому что главная опасность Китаю тогда грозила со стороны Японии, и надо было объединить усилия для отпора интервенту. Это не означало — слить силы. Надо было временно перенести центр тяжести на отражение нашествия врага.

Представителем Китая в Коминтерне был тогда Ван Мин. Он и сейчас здоровствует. Я всегда с уважением относился к товарищу Вану. Думаю, что он правильно понимал революционный процесс в Китае и был среди тех, кто вырабатывал верные директивы. Мао, направляя ранее острие своей критики против Сталина, имел в виду и Ван Мина, считая, что тот неправильно понимал обстановку в Китае и неверно действовал, когда возглавлял в начале 30-х годов Компартию Китая. В его словах чувствовалось, что Мао ищет оправдание свержению Ван Мина. Сейчас товарищ Ван, видимо, потерял бы голову, если бы оказался доступен Мао Цзэдуну. Сразу после победы революции Мао не захотел пачкать руки кровью Вана. К нему проявили внимание, избрали заочно в ЦК КПК, но порекомендовали не возвращаться в Китай, и он поселился в Москве. Однако потом дело изменилось. Мы располагаем сведениями, что неоднократно предпринимались попытки умертвить Ван Мина. Ему присылали отравленные продукты из Китая. А он всегда пробовал их сначала на кошках. Кошки подышали. Кто мог быть заинтересован в этом деле? Только Мао. У него

есть некий мясник, вроде Берии у Сталина, — Кан Шэн. При возможностях, которыми обладают Кан и Мао, не так уж трудно подобрать ключи для убийства любого человека. Но Ван Мин проявлял осторожность и, зная повадки своих «друзей», действовал предусмотрительно и избежал преждевременной смерти.

Однако почему Мао сначала был любезен с руководством СССР, которое сложилось после смерти Сталина, а потом повернул на 180°? Почему вначале все время повторял, что является другом Коммунистической партии Советского Союза, а затем отказался от своих слов? Почему сначала он поддерживал нас, когда мы осудили Сталина, а потом стал превозносить его? В основе такого поведения лежит мания величия. Ее проявления мы заметили еще тогда, когда советская делегация впервые приехала в Китай. Мао страдал той же болезнью, которой болел всю свою жизнь Сталин. Сталин никого не признавал равным себе. Людей, которые работали около него, он рассматривал как мебель, которая необходима, чтобы есть на ней, сидеть и спать. Когда мебель, по его мнению, немножко изнашивалась, он ее спокойно менял.

То же самое делает сейчас Мао. На первых порах после смерти Сталина он хотел взять нас лаской и рассыпался в любезностях, хвалил за решения XX съезда КПСС, говорил, что мы проявили мудрость, разоблачив сталинские злоупотребления властью. Когда же увидел, что лаской нас не купить, что мы имеем свою твердую точку зрения, желая проводить строго марксистско-ленинскую политику, как мы ее понимаем, и когда он уже убедился, что никакими средствами не сумеет повлиять на нас, сделав нас ручными, чтобы утвердить свою гегемонию и через нашу партию распространить ее на все международное коммунистическое движение, он потерял былую надежду и начал искать другие способы показать свою гениальность и превосходство над окружающими.

Вот тут-то он и выдумал «большой скачок» и коммуны. Хотел продемонстрировать особые китайские методы построения социализма, маоистский стиль руководства, чтобы решить в кратчайший срок задачу, поставленную Лениным: перегнать капиталистический мир в производстве продукции на душу населения и сделать мир социализма непобедимым. Мао полагал, что Китай догонит за несколько лет Англию, а потом примется за США и попутно превзойдет успехи, которые достигнуты народами Советского Союза. Он хотел добиться этого с меньшими затратами и в кратчайшее время. До «большого скачка» и коммун Китай очень быстро набирал силы. Я восхищался этим. Имелся хороший эта-

лон для сопоставления: Индия. Китай резко выделялся в сравнении с нею. Вот выгодный аргумент: до победы народной власти в Китае обе эти страны находились почти на одном уровне развития, причем Индия имела даже лучшую индустриальную базу. А затем жизненный уровень в Китае поднимался быстрее. Вот вам и преимущество социалистического строя!

Когда же Китай зашагал «большими скачками» и Мао решил через «малую металлургию» явить миру китайское чудо, перегнав высокоразвитые капиталистические страны за какие-то годы, и когда он разорил народ, создав коммуны, а затем превратил коммуны в полувоенные поселения, то китайское хозяйство было дезорганизовано, и начался упадок и в промышленности, и в сельском хозяйстве. Тут нужно было бы признать свои ошибки. Но разве могли Сталин или Мао признаваться в собственных ошибках? Сталин, даже когда допустил грубейшие ошибки при коллективизации сельского хозяйства, нарушив принцип добровольности вступления в колхозы, выступил вдруг с письмом «Головокружение от успехов». То было удивительное вероломство. Но мы признали верность лозунга «Головокружение от успехов», и он вошел в историю. Однако какое же может быть истинное головокружение от успехов, которых не было? Тут не успехи, а провал! Надо было назвать все своим именем и поправить дело. Но Сталин не смог так поступить, а свалил вину на кадры, которые сначала полетели со своих постов, а потом потеряли свои головы. Мао действовал такими же способами, когда начал «культурную революцию». Эта революция — в действительности контрреволюция. Мне трудно объяснить, как она трактовалась в КПК и для народа, а в чем конкретно проявилась, это знает каждый китаец.

Уничтожая партийные кадры и интеллигенцию, ломая все, чтобы привести страну к состоянию, когда мог быть признан богом (уже не вождем, а богом), Мао напоминал мне, в частности, как у нас, бывало, на заседаниях при упоминании имени Сталина все вставали с мест и аплодировали, как в церкви крестятся, упоминая Господа. Те же действия, только у нас это было чем-то вроде физкультурных занятий на собраниях: встал, поаплодировал, сел. Мао сделал проще: приказал отпечатать выдержки из своих речей, объявил их заповедями и заставил всех зубрить эти цитаты как идиотов. И люди тупели не то от страха, не то от зубрежки. Это было видно даже в кинокадрах по телевизору. Немыслимое дело — такое унижение человеческого достоинства! Я слышал как-то по радио, как хирурга заставляли перед операцией твердить из-

речения Мао. Разве это допустимо в XX веке, когда человеческая нога уже ступила на Луну? В наше ли время верить в такие заклинания, наделяя одного человека сверхъестественными силами? Как можно говорить, что операция прошла удачно потому, что хирург зубрил изречения Мао и перед тем, как что-то сделать, заглянул в цитатник, узнать, что тот сказал?

Неслыханную вещь учинил Мао, когда свою жену, в прошлом актрису, объявил главным идеологом и руководителем культурной жизни Китая. Не знаю, какими там она наделена достоинствами. Как актриса, может быть, и хороша. О таких людях судачат по-разному: одни говорят, что она талантлива, другие — что ничего талантливого у нее нет, что она просто нравилась Мао и только в этом заключались ее достоинства, а слава пришла к ней потом. Истинное же положение деятелей культуры — композиторов, писателей, ученых, преподавателей, всей интеллигенции — непрекращающееся, неслыханное, невозможное унижение. Там творятся огромные злоупотребления. Но народ терпит. Из среды китайской молодежи выдвинуты отряды, которые наводят «порядок» в учебных заведениях, устанавливая, как преподавать и как трактовать основы науки, посредством палки и таким способом внедряя «культурную революцию».

Как-то, крутя настройку радио, я набрел на китайскую передачу на русском языке. Послушал немного, и мне стало противно, потому что повторялось одно и то же: какая-то девушка говорила на плохом русском языке, затем парень ругал нас. Мне показалось, что голоса их мне знакомы. Может быть, когда я был в Китае или Мао приезжал к нам, они были переводчиками? Я допускаю это, потому что, когда включал Китай, всегда сразу же узнавал их голоса. Потом перестал слушать, потому что мне стало неприятно. Эти китайские передачи заключаются в однообразном повторении, как молитвы, маоистских изречений с попутными восхвалениями Мао. Вновь говорю: к сожалению, мы прошли тот же путь во времена Сталина. На партийных и общих собраниях без конца все твердили: «Сталин, Сталин, отец родной!» И я это твердил, не являясь исключением. Тем более мне сейчас противно все это слушать, быть свидетелем повторения этого маоистами буквально в той же форме.

Хочу сказать несколько слов о других китайских руководителях, с которыми мне приходилось сталкиваться. Лю Шаоци: он наиболее импонировал мне как человек. С ним было приятно разговаривать. Когда я беседовал с ним, то чувствовал, что у нас одинаковый стиль мышления, что мы понимаем друг друга с по-

луслова, хотя и разговариваем через переводчика. С докладом товарища Лю на VIII съезде КПК и изложением задач, которые тогда стояли перед китайским народом и компартией, мы полностью были согласны. Лю смотрел на факты теми же глазами и так же понимал их, как мы. Но потом Лю стал выступать против нас. Впервые это произошло, когда он вел беседу с албанцами. Думаю, что он делал это под нажимом. Жизнь подтвердила мои подозрения: ведь и сам Лю пал жертвой «культурной революции». Сейчас он там — жертва № 1, хотя был самым влиятельным лицом после Мао и, полагаю, наиболее разумным руководителем.

Чжоу Энлай: его мы ставили на второе место после Лю Шао-ци. Сейчас он занимает вредную позицию, служа какой-то подпоркой в кровавых делах, которые творит Мао. Но в свое время, когда мы с ним встречались, товарищ Чжоу проявил себя приятным собеседником, человеком, понимающим проблемы экономики и хорошо разбирающимся в политике. Правда, о сельском хозяйстве мы с ним почти не говорили, но задачи промышленности он понимал отлично.

Чжу Дэ: он, по-моему, конкретными вопросами повседневной жизни уже не занимался, а занимал примерно такое же положение, как у нас прежде Михаил Иванович Калинин. Не знаю, какую практическую работу выполнял Калинин при Ленине. Но при Сталине он номинально подписывал все указы, а реально в государственных делах участвовал редко. Вводили его иной раз в состав какой-нибудь комиссии, но с его мнением мало считались. Обидно было смотреть на это, просто даже жалко Михаила Ивановича. Это был по-народному мудрый человек, представитель трудящихся, хорошо знавший нужды и рабочих, и крестьян. Потому-то Ленин и выдвинул его на роль юридического главы государства. Примерно такой же пост занимает в Китае Чжу Дэ. Когда я встречался и беседовал с ним, то он на меня производил доброе впечатление, и мне казалось, что существует большое сходство даже в характерах Чжу и Калинина.

Чэнь И¹⁴: я его знал очень мало. Говорили, что он как бывший командарм в военном деле способный человек. Сейчас его положение там тоже несколько подвешено. Не знаю, какое фактически он занимает место, потому что и он подвергался атакам со стороны оголтелых хунвэйбинов и других опричников Мао.

Дэн Сяопин: он на меня производил весьма сильное впечатление. И не потому, что являлся одним из самых молодых в китайском руководстве. Даже Мао в свое время давал ему блестящую

характеристику, называя его будущим вождем, и говорил, что это лучший из его соратников, главная растущая сила. Когда же мы встречались с Дэном в Советском Союзе, а также на съезде Румынской компартии в 1960 году, где у нас состоялся предварительный обмен мнениями насчет необходимости созыва Международного совещания коммунистических и рабочих партий, то Дэн, естественно, в ту пору вынужден был занимать неправильную позицию, представляя не интересы Компартии Китая, а точку зрения Мао.

Кан Шэн: не знаю, что о нем сказать доброго. Это просто топор, китайский Малюта Скуратов¹⁵. Такие функции он выполнял раньше и выполняет сейчас у Мао.

Пэн Чжэнь¹⁶: бывший руководитель пекинского горкома компартии, из рабочих. Умный человек. Он нравился мне, хотя я с ним вел большой спор по поводу созыва Международного совещания коммунистических и рабочих партий. Он, конечно, тоже занимал маоистскую позицию. Но, когда мы с ним спорили, иной раз на его лице можно было прочесть тревогу, заметить задумчивость, и он вызывал у меня сочувствие. Казалось, он сам нуждался в сочувствии, что-то глубоко переживая. Может быть, уже тогда началась его внутренняя трагедия? Он ведь видел, куда ведет страну Мао, но не решался на какие-то действия и слепо выполнял директивы. Однако это уже был раздвоившийся человек. Чем кончилась его карьера, ныне известно всем: снят со всех постов, и я не знаю, жив ли он, а если жив, то где обитает и как влачит свое существование.

Пэн Дэхуай: я с ним встречался не один раз. Он производил впечатление настоящего коммуниста, марксистски подготовленного человека. Таким он и оказался на деле.

Теперь выскажу некоторые дополнительные соображения о причинах событий, происшедших в Китае, и об их влиянии на другие страны и на международное коммунистическое, рабочее и национально-освободительное движение. Я в своей политической жизни многое повидал. И сейчас, оценивая то, что совершалось на моих глазах, раздумываю: почему все-таки это могло произойти? Такой анализ необходим. Тут требуются теоретики-политэкономы, философы и историки. Много материала следует переварить, всесторонне рассмотреть и не побояться сделать выводы на будущее. Эти выводы сами просятся на бумагу. Возможно, люди, которые живут в наше время, еще такого не скажут. Но, уверен, родятся люди (или уже родились), которые, когда они политически вырастут и разберутся в вопросах былого, скажут свое

слово. Желательно, чтобы если и не мое поколение, то хотя бы следующее, которое сейчас находится в физически цветущем состоянии, осуществило это.

Что же случилось с Китаем? Сложный вопрос. Такое развитие событий возникло еще у нас после смерти Ленина, а особенно после того, как Сталин укрепился, набрал силу, почувствовал, что его никто и ничто не ограничивает и что он может начать расправу с инакомыслящими. Вначале он это делал, как мы привыкли выражаться, партийными методами, без очевидных репрессий. Но сейчас даже такие методы должны быть рассмотрены под новым углом зрения. Что делать, если точки зрения среди руководства страны расходятся? До каких пределов они вообще могут расходиться? Возможно ли в принципе такое расхождение, различные точки зрения в руководстве той или иной партии, в том числе коммунистической? Да, причем не только возможны, но неизбежны, потому что нет даже двух капель воды, абсолютно похожих одна на другую. Ничто в мире и в природе не повторяется, все рождается и развивается с какой-то своей индивидуальностью. А в больших партиях, в больших обществах, вроде наших, невозможно заранее предвидеть, что такие-то позиции будут абсолютно правильны, другие неправильны. Это было бы глупо. Точка зрения вырабатывается у человека в процессе его жизни, в его общении с другими людьми, в ходе его участия в строительстве нового общества и экономики.

Говоря о Китае, хочу в качестве примера привести нашу историю, которую лучше знаю и которая мне ближе. Нашей коммунистической партии выпала честь первой поднять знамя победной социалистической революции. Ленин сделал это с большим успехом, потому что революция у нас вначале прошла почти бескровной. Нельзя судить, как совершалась Октябрьская революция, по кинофильмам, хотя бы их и делали выдающиеся кинорежиссеры. Когда я видел на экране, как шел штурм Зимнего дворца, то улыбался. Ведь такого штурма вообще не было. Я-то жил в то время, читал тогдашние газеты. Ни в одной из них такого описания штурма, какой показан в фильме, не было, потому что Временное правительство давно потеряло влияние на общество, само себя изжило, а охрана Зимнего дворца быстро капитулировала, как только ей предъявили требование сложить оружие. Знаменитый Антонов-Овсеенко¹⁷ просто вошел с сопровождающими во дворец и выполнил данное ему поручение арестовать правительство.

Из истории известно, как Зиновьев и Каменев выступили с отказом от восстания. Зачем я сейчас останавливаюсь на этом фак-

те? Напоминаю о нем только для того, чтобы отметить стиль поведения Ленина. Казалось бы, после такого их выступления ни Зиновьеву, ни Каменеву нет возврата в руководство большевистской партии. Однако нет, когда революция победила, Ленин привлек их к работе, они были членами Политбюро и долго занимали ключевые посты в партии и государстве. Даже после всего случившегося остались людьми, лично близкими к Ленину. Если бы Ленин пришел к выводу, что оба они себя изжили и, совершив политическую ошибку, не заслуживают доверия, разве оставил бы он Зиновьева руководителем Петрограда, когда советское правительство уехало в Москву? А когда был создан Коминтерн, Ленин предложил избрать Зиновьева председателем.

Теперь Каменев. Он стал заместителем Ленина как главы правительства и председателем Моссовета. Тогда были две важнейшие парторганизации: петроградская и московская. И обе эти организации, а также параллельные им государственные учреждения возглавляли люди, которые проявляли политическую неустойчивость. Однако им не отказали в доверии. Если бы не имелось доверия, разве Ленин мог бы пойти на это? Тут проявилась его человеческая мудрость, его понимание свойств людей. Да, люди не смогли сразу найти правильную точку зрения, верно проанализировать ход событий, отсюда и их колебания. Но он верил в их личную честность, их преданность делу революции и поручил им занимать высокие посты¹⁸.

Если бы, к примеру, тогда во главе партии стоял не Ленин, а Сталин, что было бы тогда? Репрессии начались бы гораздо раньше. А Зиновьева и Каменева расстреляли бы одними из первых, нежели потом, то есть тогда, когда их лишили жизни за то, что на XIV съезде партии они выступили с особой позицией, против диктатуры Сталина. Не стану разбирать сейчас, по каким вопросам расходились сталинцы и сторонники Зиновьева. Вопрос тут не в расхождениях и не в их степени. Возможны разные мнения, ибо только среди дураков не может быть никаких расхождений. Мыслящие люди, творческие люди всегда могут иметь разные подходы к тому или иному вопросу даже в теории, а уж о практике и говорить нечего. В практике всегда возникает много путей решения проблемы. И если кто-либо занимает особую позицию, это вовсе не значит, что он враг социализма, рабочего класса и народа, как нарочито формулировал это Сталин.

Точки зрения вообще могут разойтись настолько, что люди станут личными врагами. Но надо полностью переродиться, чтобы предать дело, которому посвятил всю жизнь. А те, о ком я говорю, не

перерождались. Это только Сталин, стремясь укрепить свою личную власть, назвал их выродками и погубил таких выдающихся деятелей, как Зиновьев, Каменев, Бухарин, Рыков, Радек, Сырцов, Ломинадзе, многих других. Да, у них имелись личные недостатки, порою даже крупные, но изменниками делу социализма они никогда не были. Некоторые умники скажут, что Ломинадзе сам застрелился. Да, сам. Но он уже понимал, что, если он не покончит с собой, его все равно устроят. А разве не то же самое наблюдается в Китае? Не знаю, в каких конкретных формах выражается этот процесс сейчас: в виде ли ссылок, заключения в тюрьму либо общественной изоляции бывших руководителей китайского народа. Не знаю также, что произошло с Лю Шаоци, с другими видными деятелями Коммунистической партии Китая. Тут много возможностей. Сталин тоже действовал разнообразно: арестовывал, казнил, ссылал, объявлял честных людей «врагами народа».

В былые времена самодержавие устраивало порою гражданскую казнь¹⁹. Ее осуществили, например, над Чернышевским. Мао часто использует метод казни, несколько похожий на тот, который применялся царизмом или инквизицией, когда на людей надевали дурацкие колпаки, а на грудь вешали оскорбительные надписи, выставляли несчастных на площадях и организовывали над ними глумление. Ужасно, как могут быть люди доведены до столь дикого состояния. А ведь в Китае это проделывают студенты, молодежь. Я уж не говорю о грубом применении вооруженной силы там, где это требовалось для достижения целей, поставленных Мао. И происходит все это под флагом борьбы за интересы трудового народа. Чудовищно, но факт! Во имя народа истребляют его лучших представителей да еще вещают, что опираются при этом на марксистско-ленинскую теорию, на идею диктатуры рабочего класса, ведя борьбу за построение социалистического общества. Самые высокие идеалы, за которые люди шли на казнь, в ссылку и на казнь, подставляют в качестве оправдания варварских бесчинств.

Как все это могло случиться? К сожалению, глубоко и серьезно этим сейчас никто не занимается, отделяются поверхностными публикациями. Между тем мы столкнулись уже в международном масштабе с таким явлением, которое трудно было себе раньше представить: диктатура пролетариата обернулась не против классовых врагов, а против лучших представителей самого рабочего класса, тех людей, которые завоевали авторитет в народе, участвуя в революционной борьбе. Это страшное дело. Если рассуждать по-обыкательски, то встает вопрос: кому верить? Но еще хуже другое. Такая политика отбрасывает человечество от идеалов социализма,

что может иметь исключительное историческое значение для будущего, для судьбы мирового социализма. Борцы за народное дело, участвуя в этом движении в разных странах, спросят: а что ждет нас потом? Куда девались те герои, кто осуществил Октябрьскую революцию и строил советскую власть? Где ныне ваш Крыленко, первый командующий войсками большевистского государства? Его нет! А где Антонов-Овсеенко, человек, которому Ленин поручил арестовать Временное правительство? Как закончил он свой жизненный путь, а вместе с ним многие другие, кто играл, допустим, небольшую роль при создании советского государства, но выдвинулся потом? Вот Петерс²⁰, безупречный в личном плане большевик. И он погиб как «враг народа». Постоянно при воспоминаниях о том времени у меня срываются с языка такие имена, как Чубарь, Постышев, Косиор. И они канули в вечность как отщепенцы, хотя заслуживали совсем иного.

Прослеживается печальная закономерность: из диктатуры пролетариата чуть ли не всюду рождается диктатура личности над трудящимися классами, над завоевавшей победу партией и даже над своими соратниками. Полагаю, что тех, кто признал абсолютную непререкаемость авторитета Мао, постигнет та же судьба, которая постигла сейчас многих его соратников. История мстит насильникам. Сталин начал массовые репрессии с организации убийства Кирова, которое он объявил трагедией партии. Партия, естественно, переживала эту трагедию: враги народа убили Кирова. Теперь каждому абсолютно ясно, что смерть Кирова нужна была для того, чтобы в обстановке всеобщего страха создать условия непререкаемости сталинского авторитета и убрать тех людей, которые вместе с Лениным прошли великий путь борьбы и могли помешать Сталину стать единоличным вождем. Принципиального отличия здесь от того, что совершается в Китае, я не вижу.

Неизбежно возникает проблема того, кому и чему служит коммунистическая партия, централизованная, дисциплинированная, спаянная единым порывом. Такая партия может служить инструментом перестройки общественной жизни на основах социализма. Но ее организационная система позволяет также кому-то одному использовать ее ради злоупотреблений властью. Мне кажется, что если бы Ленин продолжил свою жизнь, то он что-то предложил бы, с тем чтобы исключить такую возможность. Но это лишь догадки. Сегодня мы сами обязаны добиваться этого. Иначе получается лотерея: попадет ли в вожди добросовестный человек, терпимо относящийся к мнениям других членов коллектива, или такой, каким оказался Сталин. Ленин успел предложить создать Центральную контрольную комис-

сию²¹, а спорные вопросы, которые возникают внутри партийных органов, решать на общих заседаниях Центрального Комитета партии и ЦКК. Однако после Ленина эти органы утратили прежнее значение. И в ЦК, и в ЦКК были подобраны люди, которые делали все, как им указывал Сталин, и смотрели сталинскими глазами на события, понимая их так, как ему было угодно. Такое же положение возникло ныне и в Китае. Возможно такое и в других социалистических странах. Значит, подобных мер недостаточно. Необходим более действенный контроль снизу над вождями, то есть подлинная демократия.

Выше я упоминал покойного философа Юдина. Мне рассказывали, уже когда я находился в отставке, что Юдин на каком-то собрании, делая доклад о Китае, излагал, отчего у нас ухудшились и дошли до столь скверного состояния отношения с Китаем. И он заявил, что виноват в этом персонально Хрущев. Хрущев неуважительно относился к Мао Цзэдуну, поэтому и создались такие отношения. Прозвучало публично такое позорное объяснение, данное человеком, который занимал ведущее у нас положение как философ и долгое время заведовал отделом в ЦК партии. Надо ведь посмотреть глубже, а не сводить все к воле и поступкам только одного человека. Конечно, персона лидера играет в истории огромную роль. Это мы хорошо знаем. Персона Сталина, например, сыграла пагубную роль. Но в описываемом случае, если говорить о личностях, то неплохо было бы Юдину оглянуться и на себя. Именно он стал первой ласточкой в печальном повороте в наших отношениях с Китаем. Тогда было еще далеко до любых размолвок, которые потом возникли у советских руководителей с Мао. Для нас те сообщения Юдина о его спорах с Мао прозвучали как гром среди ясного неба.

Главное заключалось в том, что Мао претендует на мировую гегемонию. Он сам искал повод начать борьбу с нами и он же ее начал. Поэтому дело не в Хрущеве. Не было бы Хрущева, оказался у нас Иванов, Петров, Сидоров, — это не имело никакого значения. Мао все равно устремился бы к своей цели. И опять встает та же проблема: как гарантировать народ, в данном случае китайский, от злоупотреблений со стороны вождя? Неужели никто так и не задумается над этим? Что же в таком случае ожидает нас в будущем?

Этими мыслями закончу свои воспоминания о Китае.

²¹ ГХОШ А.К. (1909 — 1962) — один из организаторов Коммунистической партии Индии в 1925 г., член ее ЦК с 1933 г., член Политбюро ЦК в 1936 — 1943 гг. и с 1950 г., генеральный секретарь ЦК с 1951 г., с 1958 г. генеральный секретарь Национального совета и член Центрального исполнительного комитета КПИ.

² Он вспыхнул в сентябре 1959 г., резко обострился в октябре — ноябре 1962 г., а впоследствии неоднократно возникал вновь.

³ 16 марта 1921 г. в Москве был подписан советско-турецкий договор о дружбе и братстве, согласно которому к Турции отошли районы Карса, Ардагана и Артвина.

⁴ 2 декабря 1954 г. в Тегеране состоялось подписание советско-иранского соглашения об урегулировании пограничных и финансовых вопросов с установлением новой линии государственной границы на участках Атрек, Серахс, Эдды-Эвляр, Деман и Мугань. Демаркация и редемаркация всей линии этой границы произведены смешанной советско-иранской комиссией в августе 1955 — апреле 1957 годов.

⁵ Тибетское государство как суверенное существует с VII в. В XVIII веке оно было включено в состав Цинской династии Китая с сохранением правительства Далай-ламы, социально-экономического, политического и духовного (религиозного) уклада жизни страны. В ходе Синьхайской революции 1911 — 1913 гг. цинские войска и чиновники были изгнаны из Тибета. С 1913 по 1950 г. Тибет являлся самостоятельным государством с теократической политической системой. В 1949 г. китайские войска вторглись на территорию Тибета и оккупировали его. 23.05.1951 г. обеими сторонами было заключено соглашение о мероприятиях по мирному освобождению Тибета, однако Китай продолжал наращивать свое военное присутствие, проводил мероприятия, коренным образом разрушавшие национальный и духовный уклад жизни тибетцев. Это привело к восстанию 1959 г., которое потерпело поражение и вынудило главу государства Далай-ламу XIV эмигрировать в Индию вместе со значительной частью тибетского населения (в основном — священнослужители ламы). Об этом восстании и говорится в книге Н.С. Хрущева. С 1965 г. Китай объявил Тибет автономным районом КНР. До настоящего времени правительство Китая проводит политику ассимиляции.

⁶ Нерчинский договор был подписан в 1689 г., Кяхтинский — в 1727 г., Айгунский — в 1858 г., Тяньцзиньский трактат — тоже в 1858 г., Пекинский договор — в 1860 г., Петербургский договор — в 1881 году.

⁷ Приморский край СССР, охватывающий Приморье, в 1938 г. выделился из Дальневосточного края, который включал в себя ранее район от р. Уссури до Японского моря — прежний Уссурийский край, признанный вплоть до корейской границы владением России по русско-китайскому Пекинскому договору 1860 года.

⁸ Начальником советских погранвойск был тогда генерал-полковник П.И. Зырянов.

⁹ Являвшийся в 1953 г. советским послом в Китае, В.В. Кузнецов в описываемое время был 1-м заместителем министра иностранных дел СССР.

¹⁰ ИТОН С. (1883 — 1979) — один из лидеров Кливлендской группы финансистов и промышленников США и один из инициаторов международных Пагуошских конференций (с 1957 г.) ученых, выступающих за мир, международную безопасность и научное сотрудничество. Лауреат Международной Ленинской премии в 1960 году.

¹¹ КИР Ф.А. (1876 — 1963) — участник движения французского Сопротивления во II мировой войне, публицист, мэр г. Дижон, депутат Национального собрания, член епископального совета по управлению духовной епархией, активный деятель движения за мир и безопасность в Европе.

¹² Эти разногласия определились на Совещании представителей коммунистических и рабочих партий в Москве (ноябрь 1960 г.), «Заявление» которого вьетнамская делегация подписала, в отличие от китайской, без оговорок, а также на Женевском совещании по урегулированию лаосского вопроса (с 16 мая 1961 г. по 23 июля 1962 г.), где китайская делегация определила особую позицию, и в ходе вьетнамо-китайских контактов в начале 1960-х годов, когда Пекин поднял вопрос о судьбе районов Северного Вьетнама, временно входивших некогда в состав китайских владений: со 111 г. до н.э. (Аулак и Намвьет), с 603 г. н.э. (Вансуан) и с 1407 г. (Северный Дайвьет).

¹³ СЛАВСКИЙ Е.П. (род. в 1898 г.), занимавший эту должность в 1957 — 1963 и 1965 — 1986 гг., ранее инженер и директор ряда заводов, член ЦК КПСС в 1961 — 1990 гг., лауреат Ленинской премии в 1980 г.

¹⁴ ЧЭНЬ И действовал как командарм во время II мировой войны. В начале 1941 г. чанкайшисты нанесли удар севернее р. Янцзы по созданной коммунистами Новой 4-й народно-революционной армии и пленили ее командующего Е ТИНА. Вместо него ЦК КПК назначил командующим ЧЭНЬ И.

¹⁵ СКУРАТОВ-БЕЛЬСКИЙ Г.Л. по прозвищу Малюта (уб. в 1573 г.) — думный дворянин, глава опричного кровавого террора при царе Иване IV, внушавший ужас всей России.

¹⁶ ПЭН ЧЖЭНЬ (род. в 1902 г.) — член КПК с 1923 г., в 1945 — 1966 и 1979 — 1987 гг. член ЦК КПК и его Политбюро, с 1949 г. первый секретарь горкома КПК и мэр Пекина, член Секретариата ЦК КПК, в 1954 — 1966 и с 1979 г. заместитель председателя Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей и его председатель в 1983 — 1988 гг.

¹⁷ АНТОНОВ-ОВСЕНКО В.А. (1883 — 1938) — видный советский государственный деятель, военачальник, юрист и дипломат; необоснованно репрессирован. Во время Октябрьской революции руководил взятием Зимнего дворца и арестом Временного правительства.

¹⁸ Имеется в виду эпизод от 18(31) октября 1917 г., когда петроградская газета «Новая жизнь» опубликовала письмо Каменева и Зиновьева, в котором они выражали несогласие с решением большевистского ЦК начать в ближайшее время восстание против Временного правительства, тем самым выдав срок проведения готовившегося большевиками восстания в Петербурге (Петрограде).

¹⁹ ГРАЖДАНСКАЯ КАЗНЬ: в России XVIII — XIX вв. вид позорного наказания для дворян. Осужденного привязывали к позорному столбу и ломали шпагу над его головой в знак лишения всех прав состояния: чинов, сословных привилегий, прав собственности, родительских и др.

Такому виду гражданской казни 12 — 13.07.1826 г. были подвергнуты декабристы, а 31.05.1863 г. — Н.Г. Чернышевский (в Петербурге, на Мытной площади) перед отправкой в Вилуйскую ссылку в Сибирь.

²⁰ ПЕТЕРС Я.Х. (1886 — 1938) — член РСДРП с 1904 г., один из активных участников Октябрьской революции и гражданской войны, видный чекист, с 1923 г. член Центральной контрольной комиссии. Необоснованно репрессирован.

²¹ ЦКК являлась высшим контрольным органом РКП(б) и ВКП(б) в 1920 — 1934 гг., затем была преобразована в Комиссию партийного контроля.

ХО ШИ МИН

Умер товарищ Хо Ши Мин. Сегодня эту печальную новость передали по радио. Из всех людей, кого я встречал за время своей политической деятельности, Хо Ши Мин произвел на меня особое впечатление. Говорят, когда-то жили святые апостолы. Хо Ши Мин похож на этих святых апостолов. Только он был апостолом революции. Впервые я встретился с ним еще при жизни Сталина. Тогда он прилетел к нам прямо из джунглей, и Сталин беседовал с ним в нашем присутствии. Я не буду перечислять всех, кто там присутствовал, а хотел бы сказать лишь о своем впечатлении. Его взгляд светился какой-то искренностью и чистотой. Это была искренность неподкупного коммуниста, идейно преданного своему делу. Это был воистину святой человек.

Он рассказывал нам, как пробирался через джунгли и сколько дней шел пешком, пока вышел на китайскую границу, откуда перешел в Советский Союз. Когда он рассказывал о борьбе, ведшейся под его руководством во Вьетнаме, то во время беседы он смотрел какими-то особенными глазами на Сталина и на всех советских руководителей, которые присутствовали там. Я бы сказал, что в его взгляде была даже какая-то детская наивность. Он подкупал своей искренностью, честностью, убежденностью в правоте коммунистического дела. Каждое его слово подчеркивало, что коммунисты являются братьями по классу и, следовательно, разговор между ними должен быть самым искренним и самым честным.

Хо Ши Мин¹ поставил вопросы оказания материальной помощи вьетнамцам вооружением. Он был благодарен за все, что можно будет получить от Советского Союза для борьбы, которую проводил Вьетнам против французских оккупантов. Мне он очень понравился. Поэтому меня сильно обижала та характеристика, которую дал ему Сталин после беседы. Мы не обменивались мнениями, но я видел, что и другие чувствуют то же самое и не согласны со Сталиным, с его высказываниями. А тот издевательски говорил о Хо Ши Мине и употреблял всякие обидные, оскорбительные слова. В его речах не чувствовалось искренности, нам же хотелось, чтобы она была проявлена Сталиным как вождем мирового коммунистического движения по отношению к такому коммунисту, как Хо Ши Мин, который в тяжелейших условиях сумел организовать коммунистическое движение в своей стране, поднял народ на восстание и вот уже сколько лет успешно борется за освобождение Родины. Перед этим человеком можно было благоговеть, выразить ему признательность за его беззаветное служе-

ние коммунистическому делу, которому он отдавал все свои силы и возможности.

Во время одной из бесед Хо достал из портфеля советский журнал (кажется, «СССР на стройке») и попросил Сталина расписаться на нем. Во Франции гоняются за автографами, Хо тоже не был свободен от этого. Да ему, конечно, было соблазнительно приехать во Вьетнам и показать автограф Сталина. Не знаю, что случилось. Видимо, проявилась та же болезнь Сталина — его недоверчивость, мнительность. Он дал потом задание чекистам изъять этот журнал: дескать, он проявил неосторожность и расписался на обложке. Никаких трудов это не стоило — перерыть все вверх дном в помещении, где жил Хо, и вернуть журнал. Потом Сталин шутил: «Вот он хватится, а журнала нет». Уж не знаю, сказал ли кому-либо Хо о том, что пропал журнал, или не сказал. Но я представлял себе, с каким чувством он открыл чемодан, а в нем не оказалось столь драгоценного для него журнала. Можно себе представить, каким ядом это влилось в душу такого искреннего человека, каким был товарищ Хо.

Во время того визита было принято решение о признании нами Демократической Республики Вьетнам². Позднее Сталин часто возвращался к этому вопросу и сожалел: «Поторопились, не надо было их признавать, рано мы их признали». Это свидетельствовало о том, что Сталин не верил в возможность победы движения, которое было поднято товарищем Хо во Вьетнаме. Но дело было сделано, и обвинять некого. Помню еще такой досадный случай. Хо очень хотел, чтобы было официально объявлено о его прибытии в Москву. Он сказал об этом Сталину. Я при этом не присутствовал, а только слышал о том со слов Сталина. Сталин говорил нам потом, что Хо хотел, чтобы он был принят официально в качестве представителя Вьетнама. «Но я ему ответил, что упущен момент. Вы уже находитесь в Москве, прибыли сюда инкогнито, как объявлять?» На это Хо ответил: «Давайте сделаем так. Дайте мне самолет, я поднимусь в воздух, будет проведена соответствующая подготовка, а когда я приземлюсь, мне будет устроена встреча, соответствующая рангу главы государства». Сталин хохотал, издеваясь: «Ишь, чего захотел, чего захотел...» Да, Сталин не верил в возможность победы партизан во Вьетнаме.

Как-то уже после своего отъезда Хо письменно обратился к нам с просьбой, чтобы ему прислали хинин, потому что его народ очень страдает от малярии. У нас было организовано производство хинина в промышленных масштабах. Сталин расщедрился и

говорит: «Послать ему полтонны». Полтонны? И это — людям, которые своими телами устлали землю в борьбе против иностранных захватчиков? Мы переглядывались и возмущались: «Как не стыдно проявлять такую даже не жадность, а уж и не знаем, что...» Видимо, Сталин не понимал, чего стоят полтонны хинина в сравнении с тем, что платит Хо в борьбе за общее коммунистическое дело.

Впоследствии я много раз встречался с товарищем Хо. Говоря о нем, хотел бы вспомнить нашу работу в период подготовки Женевского совещания по Вьетнаму в 1954 году³. В тот период у нас существовали самые лучшие отношения с Вьетнамом и такие же хорошие отношения с Коммунистической партией Китая. На подготовительном совещании в Москве Китай был представлен Чжоу Энляем, а Вьетнам — президентом Хо Ши Мином и премьер-министром Фам Ван Донгом⁴. Мы сообща отработывали нашу позицию для Женевского совещания и разбирались в обстановке, которая сложилась во Вьетнаме. Положение было очень тяжелым, освободительное движение находилось на грани краха, партизаны нуждались в соглашении с нами, чтобы сохранить те завоевания, которых добился вьетнамский народ в борьбе против оккупантов. Ханой был в руках французов, и партизаны на него не претендовали. Другие города и провинции тоже контролировались французами. Если взять карту, на которой было бы отражено наше требование номер один, то она запестрела бы островами внутри Северного Вьетнама, где в случае выполнения наших требований продолжались бы оставаться французские оккупанты.

После одного из совещаний в Екатерининском зале Кремля подошел ко мне Чжоу, взял меня за пуговицу, отвел в угол и говорит: «Товарищ Хо сказал мне, что положение у них безнадежное. И если они не добьются прекращения огня в ближайшее время, то не смогут противостоять французским войскам. Поэтому они решили отходить к китайской границе с тем, чтобы Китай двинул свои войска, как он сделал раньше в Северной Корее, и помог вьетнамскому народу выбить французов из Вьетнама». Затем Чжоу добавил, что они не смогут сделать это, так как потеряли в Корее много людей, и эта война дорого им стоила. Поэтому ввязаться сейчас в новую войну они не в состоянии и согласиться с просьбой Хо не могут. Тут я обратился с просьбой к товарищу Чжоу: «Борьба идет очень жестокая, вьетнамцы хорошо дерутся, французы несут большие потери. Поэтому не надо говорить Хо Ши Мину, что вы не окажете им помощи, если они будут отходить

под ударами французов к вашей границе. Пусть это станет святой ложью. Пусть вьетнамцы верят, что им помогут, это будет дополнительным источником сопротивления вьетнамских партизан французским оккупантам». Чжоу согласился не говорить товарищу Хо, что Китай не вступит в войну с французами на вьетнамской территории.

Свершилось буквально чудо. Когда делегации приехали в Женеву, вьетнамские партизаны одержали крупнейшую победу и заняли крепость Дьен Бьен Фу⁵. На первом же заседании Мендес-Франс⁶, который тогда возглавлял французское правительство, предложил разграничить силы Франции и Вьетнама по 17-й параллели. Признаться, когда нам сообщили эту новость из Женевы, мы ахнули от удовольствия, мы такого не ожидали. Это был максимум, на который мы претендовали. И мы дали указания нашим представителям в Женеве потребовать перенести демаркационную линию южнее, на 15-ю параллель, но предупредили, что это — для торга, а принять надо будет предложение Мендес-Франса и, таким образом, закрепить завоевания коммунистов Вьетнама. Соответствующий договор был подписан.

Нужно отдать должное Мендес-Франсу. Он трезво и правильно оценил ситуацию, которая сложилась. У партизан во Вьетнаме имелись свои трудности. Но не меньше трудностей было и у французской армии. Это оказалось разумным шагом, который положил конец войне французов во Вьетнаме. Франция вышла из войны и эвакуировала свои войска. Все было бы хорошо, если бы выполнялись Женевские соглашения. Через два года должны были пройти всеобщие выборы во Вьетнаме, и мы не сомневались, что Хо Ши Мин, то есть коммунисты и все прогрессивные силы страны одержат победу. Но тут опять появился злобещий Даллес, и США навязали Вьетнаму новую кровопролитную войну, которая продолжается до сих пор⁷. Об этом я не буду сейчас говорить, потому что все это освещается в печати. Политическим деятелям хорошо известна эта история. Однако в связи с тяжелым для меня сообщением о смерти подлинного коммуниста, видного деятеля международного коммунистического движения товарища Хо Ши Мина хотел бы рассказать о сложном положении Вьетнама в связи с его конфликтом с Китаем.

Помню, когда проходило Совещание коммунистических и рабочих партий в Москве в 1960 г., Китай был представлен там Лю Шаоци. Китайцы выступили против нас. Особенно оголтело вел себя Энвер Ходжа как агент Мао. После его выступления говорила товарищ Ибаррури⁸, с возмущением отозвавшаяся о Ход-

же. Она его сравнила с собакой, кусающей руку, кормящую ее хлебом. На завершающей стадии совещания был отработан совместный документ, проводилось его согласование по отдельным пунктам. Китайцы отказались подписать декларацию. Все согласовали, но по одному пункту китайцы заупрямились, а мы тоже не могли пойти им навстречу, потому что вопрос был принципиального характера. Тогда подошел ко мне Хо и говорит: «Товарищ Хрущев, надо уступить им». «Как уступить? Это же вопрос принципиальный». «Товарищ Хрущев, Китай — большая страна, там большая коммунистическая партия, надо им уступить, нельзя допустить раскола. Надо, чтобы китайцы вместе со всеми подписали документ, который будет иметь большое международное значение». Я говорю: «Товарищ Хо Ши Мин, наша делегация и наша партия все силы прилагают к тому, чтобы сохранить единство в коммунистическом движении и правильно оценивают значение Коммунистической партии Китая. Мы сделаем все, чтобы Китай остался вместе с братскими компартиями. Но вы поймите, что мы не можем в принципиальных вопросах согласиться с позицией, которую занимают китайцы: она противоречит коммунистическому миропониманию. А если вспомнить, что Китай — большая страна, а КПК — большая партия, то можно сказать, что и мы тоже не маленькая страна и у нас не маленькая коммунистическая партия. Кроме того, все коммунистические партии равны, должны пользоваться равными правами и равными возможностями. Наши устремления должны быть подчинены одной цели, победе коммунистического движения». Он согласился с таким доводом, но сказал: «Для нас это вдвойне трудно, ведь мы с китайцами соседи». И от меня он, видимо, пошел к китайцам. После длительных переговоров наших представителей с китайцами мы все же нашли общую формулу, и Китай согласился подписать документ.

Поэтому я был очень огорчен, когда позднее китайцы пошли на открытый разрыв с Коммунистической партией Советского Союза и другими братскими партиями. Китай имеет сильное влияние во Вьетнаме. Там налицо большая прослойка китайского населения. Даже ключевые позиции в руководстве Компартии Вьетнама занимали прокитайские люди. Поэтому они повели там работу против Советского Союза, против нашей политики в то самое время, когда мы делали все, чтобы помочь Вьетнаму. А прокитайские элементы во Вьетнаме делали все, чтобы поссорить нас, оттолкнуть Вьетнам от Советского Союза и рассорить наши партии.

После того как Пекин фактически порвал с нами всякие деловые и политические отношения и делал все, что только было в его силах, против нас, он стал навязывать свою точку зрения и Вьетнаму. К сожалению, Вьетнамская партия трудящихся пошла на поводу у Китая. Это нам очень обидно. Мы искренне ничего не жалели, оказывая помощь Вьетнаму, а Вьетнам потом делал все в угоду Китаю против нас и против интересов самого себя. Почему сейчас я вспомнил об этих горьких пилюлях прошлого? Из сообщений в печати (а других сведений я не имею) можно сделать вывод, что все идет хорошо: приезжают делегации вьетнамского народа и Вьетнамской партии трудящихся, делегации наших журналистов ездят во Вьетнам, освещают борьбу вьетнамского народа, показывают ее по телевизору и в кино. Но кое-какие сведения, которые доходят до меня, гласят, что в сущности не все обстоит так гладко, как это рекламируется в печати, по радио и телевидению.

Говорят, что вьетнамцы проявляют незаслуженную сдержанность в отношении к советским людям. И это — несмотря на признание всей мировой печатью, всеми врагами коммунизма, что Вьетнам оказывает сопротивление американцам главным образом потому, что опирается на помощь со стороны Советского Союза. Следовательно, существуют еще во Вьетнаме и во Вьетнамской партии трудящихся, в ее руководстве и правительстве какие-то прокитайские силы. Внешне между нами развиваются дружеские отношения и взаимопонимание. Но не является ли это данью, которая, может быть, даже по совету Китая отдается вьетнамским руководством, чтобы не лишиться помощи Советского Союза?

Я допускаю такую возможность, хотя хотелось бы, чтобы этого не было. Хотелось бы верить в иное, но думаю, что Китай из своих лап не выпустит Вьетнам, а прокитайские силы там всегда были очень большие. В то время, когда я занимал место в руководстве Коммунистической партии Советского Союза и в правительстве, основным сторонником Китая называли Генерального секретаря ЦК Вьетнамской партии трудящихся Ле Зуана⁹. Доклады, которые мы получали и от посла, и от людей, которые выезжали во Вьетнам, позволяли сделать вывод, что фактически Хо Ши Мина отстранили от руководства, ссылаясь на то, что он стар. Его обвинили в том, что он питает особое отношение к Советскому Союзу, не может реально разобраться в ситуации, которая сложилась сейчас, недооценивает роль Китая. Одним словом, я уже тогда, обладая такой информацией, понимал, что товарищ Хо фактически не

принимает участия в решении важнейших вопросов коммунистического движения во Вьетнаме.

Сейчас, с его смертью, эти бациллы могут ожить с новой силой. Это было бы плохим памятником Хо Ши Мину. Сколько сил он затратил, сколько вложил ума в дело революции, в укрепление дружбы с Советским Союзом! Сейчас еще, конечно, до победы там не так близко, но все-таки свет победы над американским империализмом уже брезжит, уже виден. Поэтому надо не ослаблять усилий и мобилизовать все на завершение борьбы вьетнамского народа. А ведь это борьба не только вьетнамского народа. Вьетнамцы проливают кровь и жертвуют собой в интересах мирового коммунистического движения. Будет ли проявлено достаточное понимание нас руководителями Вьетнама, которые остались там после смерти Хо Ши Мина, покажет время. Сейчас, когда разгорелась жесточайшая борьба между Вьетнамом и американскими агрессорами, даже эти прокитайские элементы поняли необходимость дружбы с Советским Союзом, и верность позиции Хо Ши Мина обозначилась лучше. Если после его смерти опять там будет проводиться Ле Зуаном линия, как в те времена, о которых я говорил, то будет нанесен большой ущерб коммунистическому движению и, в первую голову, непоправимый ущерб самим коммунистам Вьетнама, вьетнамскому народу в его борьбе за независимость и социализм во Вьетнаме.

После смерти Хо Ши Мина много было произнесено речей и еще больше написано статей о нем в газетах и журналах. Видимо, и дальше будут писать о Хо Ши Мине люди разных политических направлений, разного миропонимания, разных взглядов. Я же хочу сейчас поделиться впечатлениями о прочитанном и услышанном, попытаться высказать некоторые соображения относительно перспектив развития взаимоотношений между Вьетнамом и Советским Союзом. Какие это будут отношения? Как станут строиться отношения не только с капиталистическими странами, но и с теми коммунистическими партиями, которые разошлись взглядами с Мао? Какие возникнут отношения руководства Вьетнамской партии трудящихся и вьетнамского народа с Китаем? Это сейчас многих волнует. Вряд ли кто сумеет предсказать, как начнут развиваться события. Какие-то их проблески заметны, но надо быть осторожным, потому что все течет, все меняется. Были же когда-то безупречные отношения у Советского Союза с Китайской Народной Республикой, были хорошие отношения и с самим Мао. А теперь все изменилось. То же — и с Вьетнамом. Наши отношения были хорошими, и если они потом ухудшились, то это

была вина не Коммунистической партии Советского Союза, а, как я считаю, результат влияния Мао.

Основные документы, которые дают возможность прогнозировать, гадать о будущем, — так называемое Завещание Хо Ши Мина и речь Ле Зуана на его похоронах. Я прочел оба документа дважды. Я даже принуждал себя внимательно прочесть, чтобы правильно разобраться и понять, как будут развиваться отношения между Советским Союзом и Вьетнамом. Так называемое Завещание не вселяет в меня хороших перспектив. Не знаю, насколько точен документ, названный Завещанием. Если это подлинное Завещание, то насколько полностью оно опубликовано и не подверглось ли редактированию или даже исправлениям после смерти Хо? Это покрыто мраком неизвестности. Почему во мне закрались сомнения? Зная товарища Хо и его отношение к Советскому Союзу, я удивлен, что он в своем Завещании даже не назвал нашу страну. У него нет там слов «Советский Союз», нет слов «Коммунистическая партия Советского Союза». Он абстрактно обращается к народам, к компартиям, призывает всех к единству. Но Хо был умным человеком и понимал, что такое отвлеченное обращение без адреса не способствует объединению и сплочению компартий. Это не в его духе. Поэтому думаю, что, когда этот документ составлялся, на Хо оказывали давление. Не говорю, что стояли над его душой. Нет, он учитывал обстановку, которая сложилась. Следовательно, этот документ не столько сориентирован на будущее, сколько на настоящее.

Когда у нас испортились отношения с Китаем, Вьетнам вначале колебался. Но Хо занимал дружескую позицию в отношении нашей компартии и нашего народа. Однако в результате линии, которую начал проводить Ле Зуан, произошло отстранение Хо Ши Мина от руководства, и я убежден, что его положение в политическом руководстве потом не восстановилось. Все дальнейшее время Хо Ши Мин оставался как бы иконой компартии, а народ в своем большинстве не знал об истинном положении вещей. Если принять эту гипотезу, то станет понятным содержание Завещания. Оно составлено в прокитайском духе, хотя там Китай и не назван. Достаточно было не назвать Советский Союз, не говорить о тех симпатиях, которые питали и питают народы Советского Союза к героической борьбе вьетнамского народа.

В Завещании ничего не говорится и о той огромной бескорыстной помощи, которую оказывает Советский Союз Вьетнаму. А ведь эта помощь — решающая, потому что в условиях современной войны, которую ведет Вьетнам с таким богатым и сильным агрессивным государством, каким являются США, невозможно

бороться без нашей помощи. Получить более или менее равнозначное американскому вооружение можно, только опираясь на Советский Союз. Правильно сделали вьетнамцы, когда перестроили свою политику. Я говорю «перестроили». Да, они ее не изменили, но перестроили, учитывая необходимость продолжения войны. Чтобы добиться победы, надо иметь соответствующее вооружение, а это вооружение они получают только от Советского Союза. Китай это дать им сегодня не может.

Если с учетом этих обстоятельств вновь проанализировать Завещание, то оно соответствует положению «Богу молись, но и черта не гневи». Поэтому я считаю, что оно составлено в прокитайском духе. Может быть, под влиянием Чжоу Энляя немедленно после смерти Хо Ши Мина этот документ подвергся редактированию и опубликован не подлинник, а выдержки из него? В политике известны, к сожалению, такие случаи. Речь Ле Зуана, которую я внимательно прочел, тоже построена в духе Завещания. Это еще больше подтверждает мою догадку. Все направлено на то, чтобы не лишиться материальной помощи со стороны Советского Союза и других коммунистических партий. Но, получая ее, не противоречить Китаю. Китай понимает сейчас необходимость для Вьетнама проводить политику дружбы со всеми братскими народами. В острейшей борьбе, которая там сейчас ведется, нет другого выхода. Но нужно иметь в виду, а я абсолютно в этом убежден, что такая политика проводится больше в интересах Китая, чем самого Вьетнама.

Как же дальше будут развиваться наши отношения? Повторяю, очень трудно сейчас сказать определенно. Все меняется. Однако можно предвидеть, что, пока продолжается война Вьетнама с США, будет проводиться политика, которая проводилась и при жизни Хо Ши Мина. Но, зная, что Ле Зуан до мозга костей прокитайский человек, я не думаю, что он сможет повернуться на 180 градусов и стать просоветским человеком. В отношении него это исключено. Следовательно, он будет прикрываться маской дружбы. Но надо помнить, что дружба вынуждена учитывать сложившиеся обстоятельства. Как только война закончится и американцы будут выброшены из Вьетнама (а я желаю, чтобы как можно скорее наступил этот день), будет сброшена и маска, и Ле Зуан опять предстанет перед Компартией Советского Союза в прокитайском обличье.

Полагаю, что нам придется перетерпеть очень горькие явления, которые будут проявлены в отношении нашего народа и нашей партии. Вьетнам поставит в отношениях с Советским Союзом такие же условия, как и Китай, то есть изгонит наших людей, за

исключением небольшого числа лиц. Видимо, сейчас сохранился какой-то наш дипломатический штат в Пекине. Так будет и с Ханом. Хочу, чтобы этого не случилось, но не хочу и проявить слепоту. Я видел и знаю их политику. Со смертью Хо Ши Мина там развязаны руки для проведения антисоветской политики. Высказывая свои мысли, желаю добрым словом еще раз помянуть своего друга и товарища по борьбе за коммунистическое дело, апостола коммунистического движения, незабвенного и дорогого друга товарища Хо Ши Мина.

¹ ХО ШИ МИН (1890 — 1969) — член Французской компартии с 1920 г., руководитель Коммунистической партии Индокитая с 1930 г. и председатель ЦК Партии трудящихся Вьетнама с 1951 г., президент Вьетнама с 1946 г., в 1946 — 1955 гг. премьер-министр Вьетнама.

² Демократическая Республика Вьетнам была провозглашена 2 сентября 1945 г. Советский Союз официально признал ее 30 января 1950 г.

³ Женевское совещание министров иностранных дел СССР, КНР, Великобритании, США и Франции по Индокитаю (26 апреля — 21 июля 1954 г.).

⁴ ФАМ ВАН ДОНГ (род. в 1906 г.) — член Коммунистической партии Индокитая с 1930 г., в 1955 — 1976 гг. премьер-министр ДРВ, в 1976 — 1981 гг. премьер-министр Вьетнама, затем председатель Совета Министров Вьетнама, член Политбюро ЦК КПВ в 1951 — 1986 гг.

⁵ Вьетнамская народная армия разбила французские войска у Дьен Бьен Фу (Северо-Западный Вьетнам) в мае 1954 года.

⁶ МЕНДЕС-ФРАНС П. (1907 — 1982) являлся министром иностранных дел Франции в 1954 г. и премьер-министром в 1954 — 1955 гг.

⁷ Она вспыхнула в 1964 г. и официально длилась до января 1973 г., но воссоединение Вьетнама было завершено в июле 1976 года.

⁸ ИБАРРУРИ Д. (1895 — 1989) являлась в 1942 — 1959 гг. генеральным секретарем, а с 1959 г. — председателем Компартии Испании.

⁹ ЛЕ ЗУАН (1907 — 1986). С 1960 г. был первым секретарем (с 1976 г. генеральным секретарем) Партии трудящихся Вьетнама.

ОБ АЛБАНИИ

Хочу теперь остановиться на наших отношениях с албанским правительством и с Албанской партией труда¹. Во времена Сталина у нас не существовало никаких трений в отношениях между Советским Союзом и Албанией, между нашей компартией

и Партией труда. Они были такими, какими и должны быть между социалистическими странами. СССР все делал для того, чтобы помочь Албанскому государству окрепнуть после разгрома гитлеровских полчищ и изгнания итальянских вооруженных сил с его территории. Албанский народ объединил тогда свои усилия с югославами, и они вели совместную борьбу против общего врага — гитлеровской Германии и фашистской Италии. Как мне рассказывал товарищ Тито, Коммунистическая партия Югославии оказывала большую помощь албанскому народу в организации борьбы против фашистов. Это естественно, потому что Коммунистическая партия Югославии была лучше организована и имела более богатые революционные традиции. Коммунистическая партия Албании, как она тогда называлась, была слабее и нуждалась в поддержке, которую ей и оказывали югославские товарищи. Тито рассказывал, как он посылал своего соратника Вукмановича-Темпо² в Албанию, где тот занимался организацией Партии труда.

Когда еще имели место самые хорошие отношения между Советским Союзом и Югославией, а Тито³ у Сталина пользовался абсолютным доверием, помню, как при мне Сталин продиктовал телеграмму Тито, где говорилось, что дальнейшие взаимоотношения с Албанией должны исходить из того, что Албания будет входить в состав Балканской федерации. Такая телеграмма была послана. Конечно, в Албании об этом ничего не знали. Сталин вынашивал идею создания Балканской федерации и часто высказывался на эту тему в нашем кругу. Для будущего правительства Балканской федерации даже начали строить дворец около Белграда. Когда я был в Югославии, то видел это место. Там возвели довольно много железобетонных конструкций, но потом все забросили. Включение Албании в состав Югославского государства не противоречило идее Сталина о создании федерации балканских стран. Когда же прервались дружеские отношения с Югославией и Сталин возненавидел Тито, идея Балканской федерации была похоронена.

Я не все знал о том, что послужило поводом к ухудшению отношений между Югославией и Советским Союзом, но кое-что мне было известно. Сталин рассылал нам некоторые телеграммы, получаемые от советского посла Юдина в Югославии. В этих телеграммах Юдин рисовал в националистическом свете деятельность Тито и все делал для того, чтобы показать, что это не дружеская страна, что Компартия Югославии под руководством Тито ведет подрывную работу против нашей коммунистической

партии. В чем конкретно Юдин обвинял югославов, я сейчас не помню. Тогда я работал на Украине и мало занимался международными вопросами, потому что был как бы изолирован от этих дел и не получал соответствующих документов. Хотя я являлся членом ЦК Политбюро ВКП(б), документов, которые должны были бы мне присылаться, не поступало. Тут господствовал Сталин. Он скажет — всем разослать, тогда и пошлют, а если не скажет, то ничего и никому не рассылали.

После смерти Сталина нам остались в наследство наихудшие отношения с Югославией. Мы стали думать, как этот вопрос решить. И я сказал бы, что в этом вопросе именно я проявил инициативу. Почему? Я всегда восторгался деятельностью югославских партизан. Югославские партизаны в борьбе с фашизмом проявили себя едва ли не лучше всех других. Это общеизвестно и должно быть общепризнанно. Они создали армию, которая имела свое централизованное командование и вела успешную борьбу с немцами, освободила довольно значительные территории, на которых был создан партизанский край. Кроме того, еще до войны я слышал о деятельности Тито. Это был коммунист, хорошо известный в Коминтерне. Как бывший военнослужащий австро-венгерской армии он попал в русский плен и прошел свою первую политическую школу во время Октябрьской революции. Вследствие этого я и питал к нему симпатии, хотя лично с ним мало встречался.

Встречался же я с Тито тоже у Сталина. Я находился как-то в Москве, когда Сталин сказал, что приедет югославская делегация. Сказал он это с симпатией и с радостным ожиданием: вот они приедут! Но я не дождался приезда этой делегации и вернулся в Киев. Потом Сталин мне позвонил и сказал, что Тито будет возвращаться домой проездом через Киев, и попросил: «Вы там поухаживайте за Тито и другими товарищами. Они хорошие друзья». Я так и сделал. Приехали Тито, Кардель⁴, Джилас⁵ и другие. Мы сделали все, что было нужно: показали им город, его окрестности, поехали в колхозы, были в театре, проводили беседы. Беседовали мы, конечно, о жизни Украины, о деятельности Центрального Комитета КП(б)У, а других вопросов не касались.

Мы жили тогда идеей, что когда будут возникать новые социалистические страны, то одновременно должно оформляться какое-то их руководство не только по политическим и партийным вопросам, но и по вопросам экономики: что-то вроде международных Советов рабочих депутатов для всемирного союза таких республик. На этом мы все были воспитаны. Поэтому мы с такой

любовью и доверием относились к каждому народу, вступившему на путь строительства социализма, тем более к их коммунистическим партиям. Каждому народу мы делали то же, что и себе, считая, что в объединении всех наших материально-технических, научных и партийных кадров заключена наша сила в борьбе против мирового капитализма. Я считал, что это является свидетельством хорошего внутреннего содержания людей, которые стояли на коммунистических позициях.

Когда же произошел разрыв, все сразу переменялось. Сталин готовил чуть ли не нападение на Югославию. Помню, однажды мне доложил министр госбезопасности Украины, что производится секретная отправка большого количества людей на Балканы из Одессы. Их отправляли каким-то кораблем, наверное, в Болгарию. Люди, которые были причастны к организации их отправки, докладывали мне, что образованы воинские соединения, и хотя те уезжают в гражданских костюмах, но в чемоданах у них лежат военная форма и оружие. Мне сообщили, что готовится некий удар по Югославии. Почему он не состоялся, не могу сказать. Более того, от самого-то Сталина я вообще не слышал об этом, а докладывали мне исполнители его воли, которые занимались организацией отправки и посадкой тех людей на корабли. Настроение у них было агрессивное: «Дадут им наши! Вот они уже отправляются и вскоре начнут действовать». В их словах не было никакого сожаления о происходящем.

Почему я сейчас заостряю внимание на Югославии, хотя собрался говорить об Албании? Потому что эти вопросы взаимосвязаны. Почему именно я проявил интерес к улучшению отношений с Югославией, а не кто-либо другой? Человеку, немного смыслящему политически и знающему те времена, это должно быть ясно. Когда у нас ухудшились отношения с Югославией, я находился на Украине и, хотя входил в руководящее ядро ВКП(б), был свободен от всей этой югославской «скверны». Не могли же проявить такую инициативу Молотов, Суслов, Ворошилов и другие? Они в то время слишком близки были к Сталину. Я бы сказал тут, не столько близки к Сталину, сколько близко около Сталина: вся антиюгославская политика, которую вел Сталин, проходила через их руки, и они были непосредственными ее исполнителями, особенно Молотов. Молотов в этих вопросах являлся правой рукой Сталина.

Эти люди были приучены Сталиным мыслить с позиций великодержавного шовинизма и подходили с этой меркой ко всем коммунистическим партиям, в том числе, конечно, и к югославс-

кой. Поэтому они не понимали необходимости улучшения наших отношений и ликвидации конфликта с Югославией, они вообще не хотели поднимать этот вопрос. Когда же я поднял его, то больше всего понимания и поддержки встретил со стороны Анастаса Ивановича Микояна. Он считал, что надо предпринять такие шаги. Молотов, Ворошилов, Суслов не соглашались со мной. Им застилал глаза туман: как это мы, великая страна, победившая гитлеровскую Германию, пойдем на поклон к какой-то Югославии?

К тому времени уже сами наши брехуны, соврав однажды и много раз повторяя потом свою ложь, начали верить в собственную выдумку, что Югославия — капиталистическое государство, у которого нет ничего социалистического; что она стала на позицию предательства социализма и связана с империализмом. Интересно, что такой же аргументацией пользуется сейчас Китай, критикуя нашу страну. В Пекине заявляют, что Советский Союз заключил тайный союз с империалистами США, и тому подобные прочие глупости. К сожалению, подобные же вещи 20 лет назад и мы говорили о Югославии. Все это выдумал Сталин, а журналисты подхватили. Было испорчено много бумаги и чернил. На всех нас давил груз прошлого, и не так-то легко было пойти тогда сразу на новый шаг.

Поэтому я предложил: «Товарищи, давайте создадим комиссию из ученых и поручим ей изучить, какого типа сейчас Югославское государство — капиталистическое или социалистическое? Если капиталистическое, то какие элементы свидетельствуют, что это именно не социалистическое государство?» Не припоминаю сейчас всех, кто входил в ту комиссию, но хорошо помню, что в нее входил главный редактор «Правды» Шепилов⁶. Комиссия вынуждена была признать, что Югославию никак нельзя считать капиталистическим государством и что в государственном устройстве Югославии присутствуют все элементы социалистического уклада: нет частной собственности на средства производства, нет частной собственности на банки, все это принадлежит народу. Торговля в основном тоже находится в руках государства. Не решена была только проблема сельского хозяйства: колхозов там почти не существовало, и господствовали единоличные хозяйства. Однако такое положение имелось и в других странах, которые встали на путь строительства социализма, так что Югославия в этом отношении почти ничем не выделялась среди таких стран, как Румыния, Венгрия, Болгария, Чехословакия, Польша. Я уж не говорю о Германской Демократической Республике.

Из всех стран, которые встали на путь строительства социализма, наиболее визгливую антиюгославскую политику проводила Албания. В известное время это нравилось в СССР и поощрялось. Но когда мы решились предпринять шаги к нормализации советско-югославских отношений, чтобы самим проложить первым путь к сплочению, к консолидации революционных сил, нам уже вредила такая албанская позиция. Перед тем как предпринять конкретные шаги по нормализации советско-югославских отношений, мы посоветовались с братскими коммунистическими партиями. Не помню сейчас, кто и как реагировал, но большинство согласилось с нами. А мы добивались этого очень настойчиво. Исключение составила Албания. Руководители Албанского государства и Партии труда очень плохо встретили наши предложения и стали доказывать, что югославы — безнадёжные люди, что они не коммунисты. Все это высказывалось со злобным присвистом. Особенно возмущался Энвер Ходжа⁷. У него резкий характер, и когда он говорит о том, что ему не нравится, у него лицо просто передергивается и он чуть ли не скрежещет зубами.

Мы же спокойно доказывали, что надо с пониманием и мудростью относиться к тому, как складываются международные отношения; что нормализация будет полезна и Албании, и Югославии, и всему социалистическому лагерю. Зачем нам такое разобщение? Надо иметь в виду, что в Югославии живет много албанцев, и хотя социалистические страны тоже подтасовывают иной раз статистические данные, когда это выгодно, но Тито потом говорил мне, что в Югославии албанцев больше, чем в самой Албании⁸. Я в этом ничего плохого, собственно, и не вижу, особенно при наличии дружбы между государствами. Албания была вынуждена согласиться с нами, но не потому, что мы их убедили, а потому, что другого выхода у нее не было.

Советская делегация поехала в Югославию (о чем я буду говорить особо), и мы нормализовали наши отношения. Правда, и после нормализации они протекали неровно: были объятия, было и охлаждение. Но, во всяком случае, того, что случилось при Сталине, больше не повторялось. Мы стремились к укреплению наших добрых отношений и делали шаги, способствующие объединению наших усилий как в политике, так и в экономике. Это вызвало еще большее негодование у Албании. В те времена мы относились к этому как бы с позиции старшего товарища: ну, что делать, если они не понимают? Подрастут и поймут, ничего тревожного здесь, собственно говоря, нет. Мы разъясняли нашу позицию, чтобы албанцы поняли нас как можно лучше.

С Албанией же мы строили не просто братские отношения. Ведь братские отношения — это отношения на равной ноге. А здесь с точки зрения оказания помощи возникли отношения старшего к младшему. Мы очень много средств затрачивали на содействие Албании. Другим странам мы оказывали помощь в порядке предоставления льготных кредитов, а Албании шла помощь на другой основе, главным образом путем дарственных. Албанскую армию мы вообще целиком взяли на свое содержание: давали ей обмундирование, питание, боеприпасы, вооружение, и все это бесплатно.

Почему? К тому имелись свои причины, и любой здравомыслящий человек, который разбирается в обстановке, в которой мы тогда жили, поймет и найдет полное оправдание таким нашим действиям. Надо иметь в виду, что в то время уже был создан Североатлантический пакт. Албания занимала хорошее стратегическое положение на Средиземном море, и ее мы рассматривали как базу социалистических стран на этом море. Поэтому вставала дилемма: иметь ли нам там, грубо говоря, свои войска или же создать в Албании собственную сильную армию? Естественно, Албания могла содержать лишь небольшое количество войск, и они не производили бы никакого впечатления на противника. Собственного вооружения она практически не производила, видимо, только винтовки. Поэтому мы решили помочь материально созданию по возможности многочисленной албанской армии, но, конечно, не настолько, чтобы это было обременительно для экономики Албании. Это должна была быть армия, которая могла бы производить грозное впечатление, будучи вооружена современными боевыми средствами. Поэтому она получила танки, артиллерию, новое стрелковое вооружение. Я уж не говорю об обмундировании и питании. Если бы Албания из своего бюджета выделяла средства на обеспечение армии, то у нее бы не осталось денег на другие нужды: развитие экономики, индустриализацию страны, на социалистическую перестройку. И мы с пониманием относились к нуждам Албании.

Когда после войны стали вновь обостряться отношения СССР с капиталистическими странами, мы уже не исключали возможности военного конфликта. Со своих позиций Албания серьезно угрожала бы действиям натовского военного блока на Средиземном море. Поэтому мы договорились тогда с албанцами о том, чтобы завести у них подводный флот. Мы так делали в интересах всех социалистических стран. Было решено разместить там 12 подводных лодок. Знаете, довольно крепкий кулак — 12 подло-

док в Средиземном море. С таким кулаком наши противники вынуждены были бы считаться. Эти подводные лодки мы тоже хотели передать Албании. Наши моряки выехали к ним со всеми надводными и ремонтными средствами, должны были обучить и, по мере создания албанских команд для подводных лодок, передавать им эти подлодки. Данный шаг свидетельствует о том, с каким доверием и, я бы сказал, с какой любовью относились мы к албанским друзьям. Албанские делегации во главе с Энвером Ходжей и Мехметом Шеху приезжали к нам несколько раз. Между нами сложились наилучшие отношения, я не говорю уже о простом албанском народе.

Албанцы много раз просили нас прислать к ним делегацию от нашей партии и правительства на высшем уровне. Было решено, что я возглавлю такую делегацию. В 1959 году мы отправились в Албанию. Перед тем как выехать мы проинформировали албанских друзей, что не хотели бы, чтобы в нашем присутствии публично велась какая-либо критика Югославии и ее руководства. В то время Албания сохраняла очень обостренные отношения с Югославией и вела с ней словесную дуэль в печати. Я считал, что это наносило вред. Поэтому мы посоветовались между собой и сообщили Энверу Ходже, что не хотели бы, чтобы во время пребывания нашей делегации в Албании продолжался этот спор в печати между Албанией и Югославией. Мы предупреждали, чтобы нас не втягивали в такую дискуссию и на митингах. Мы вообще не хотели, чтобы на митингах албанские товарищи поднимали этот вопрос и тем самым вынуждали нас как-то реагировать. Естественно, мы не могли поддерживать такую дуэль, да еще на высшем уровне представителей двух стран. Это никак бы не послужило шагом к улучшению наших отношений с Югославией и могло быть воспринято как объявление идеологической и политической войны между нашими народами, между нашими государствами. Мы же не хотели этого и попросили албанцев учесть наши пожелания.

Во время нашего визита на митингах и других собраниях албанцы воздерживались от критики Югославии. Но заметно было, как это им трудно дается. В беседах же закрытого характера албанцы убеждали нас, что с югославами не может быть примирения, что югославы не коммунисты, а такие-сякие и прочие. Мы с ними не могли согласиться, хотя и не все поддерживали из того, что происходило в Югославии. Мы даже высказывали такое мнение публично, но у себя дома, и не хотели делать это в Албании. Согласиться же, что они не коммунисты, что Югославия не социа-

листическая страна, мы вообще не могли. То был уже пройденный этап в нашем миропонимании. По конкретным вопросам мы еще перебрасывались иногда перебранкой, но считали, что в своей основе они коммунисты, хотя и по-своему трактуют отдельные теоретические и практические положения.

Во время нашего пребывания в Албании албанцы вели себя как друзья, и между нами не возникало никаких шероховатостей. О Югославии они на митингах, как я уже отметил, ничего не говорили и, таким образом, не ставили нас в положение людей, которые должны либо отмалчиваться, либо вступать с ними в спор. А мы не хотели ни того, ни другого. Мы провели там несколько дней, побывали в их столице Тиране и в других городах, в селах, в портах. Везде встречали невероятно радужное отношение к Советскому Союзу, к нашему народу, к нашей партии как со стороны трудящихся Албании, так и со стороны Ходжи и Шеху. Я не видел никаких грозowych туч или, как говорят украинцы, никакой хмары, которая заслоняла бы солнце дружбы, под которым мы хотели наслаждаться жизнью и строить дальше братские отношения между Советским Союзом и Албанией. Между нами не возникало противоречий.

Если говорить о нас, то нам особенно не на что было претендовать: Албания слишком бедна, и у них не имелось ничего, что могло бы интересовать нас в смысле ресурсов. Наши экономические отношения строились исключительно в интересах Албании. Даже то мизерное количество нефти, которое Албания стала добывать с нашей помощью, мы же у нее и покупали. Ее нефть настолько низкого качества, что ее невозможно сбывать на капиталистическом рынке, и мы вынуждены были получать эту нефть в счет оплаты наших поставок и придумывать, как ее использовать в нашем хозяйстве. Мы это делали, потому что если бы мы ее не взяли, то никто бы ее не купил. А это значило отказаться от добычи нефти в Албании. Затем мы дали албанцам тракторы. Территория у них небольшая, пахотных земель немного. Но мы хотели помочь перестроить албанское хозяйство на современном уровне, сделать из Албании как бы жемчужину, которая притягивала бы к ней мусульманский мир, особенно Ближний Восток и Африку, притягивала бы к коммунизму. Вот, собственно, каковы были наши намерения и какую политику мы там проводили.

Мы предложили Албании построить мощную радиостанцию, что преследовало пропагандистские цели. Эту радиостанцию мы хотели использовать в целях пропаганды наших идей, нашей по-

литики, политики всех коммунистических партий, наших общих целей в борьбе за социализм и коммунизм. Мы строили большой морской порт в Албании. Одним словом, давали все, в чем нуждалась Албания, и все делали для того, чтобы сделать ее достойным партнером в социалистическом содружестве, чтобы Албания стала наглядным примером для стран, освобождающихся от колониального гнета, и демонстрировала преимущества социалистической системы.

Беседы с албанскими лидерами проходили в дружеской атмосфере. Я уж не говорю о встречах с народом. Народ выражал большие чувства дружбы и благодарности к нашей делегации и через нас к Советскому Союзу, к нашей политике. Народ правильно оценивал нашу помощь, а она была заметна везде и всюду. Все новое, что там было сделано, осуществлялось с нашей помощью, по нашим кредитам, нашими специалистами и рабочими. Это всем было видно, и народ очень высоко ценил эту помощь и наше дружеское отношение к его нуждам. Албания — маленькая страна. Но ее маленький народ живет в интересном географическом месте, где переплетаются различные противоречия Европы, и противников у него много.

В беседах, которые мы вели, албанцы часто поднимали вопрос о греках. У них имелись какие-то территориальные споры, сейчас не помню, в чем они конкретно выражались. При желании всегда можно найти способ поддерживать отношения с соседом в состоянии спора, потому что ни одна граница не проходит так, чтобы она всех удовлетворяла, и кто-то всегда имеет возможность претендовать на ее исправление. Руководствуясь разумом, надо контролировать эти желания, подавлять их, относиться серьезно и с пониманием к своим соседям, создавать условия жизни в дружбе и мире с ними. Это возможно только при взаимном стремлении. Если такого взаимного стремления нет и одна страна хочет, а другая этого не хочет и не признает существующих границ, то, как бы ни хотелось жить в дружбе и мире, этого, к сожалению, не получается.

На албанских границах было спокойно. Албано-югославская граница не вызывала у нас никакой тревоги. Мы верили, что югославы ничего не замышляют против албанцев. Не знаю, насколько искренни были албанцы. Но мне казалось, что они с пониманием относятся к пограничному вопросу, хотя граница с Югославией их и не устраивала. В беседах они говорили, что очень много албанцев живет на территории Югославского государства. Но это были как бы исторические рассказы, без всяких претензий и на-

меков, что они что-то замышляют и хотят, чтобы мы поддерживали их. Такого разговора албанцы не поднимали, хотя и не были удовлетворены. Они считали, что албанцы в Югославии страдают, что их там угнетают. Эти внутренние вопросы касались только Албании и Югославии. Югославы полагают, что албанцы в Югославии пользуются всеми правами ее народов. Думаю, что так оно и есть.

Другой эпизод, связанный с границей. Не помню, в каком году министр иностранных дел или другой общественный деятель Греции приезжал в Советский Союз. Я его тоже принимал. Албанцы — очень мнительные люди. У них сложилось впечатление, что мы ведем с греками переговоры об изменении греко-албанской границы в пользу Греции. Конечно, такого вопроса не поднимал никакой грек, и вполне разумно, потому что мы стояли на позициях защиты интересов Албании. Надо же вообразить себе, будто мы могли вести какие-то переговоры с греками, которые нанесли бы территориальный ущерб Албании! Глупость, просто недомыслие, плод больного воображения! Но, к сожалению, такие мысли албанцы высказывали кому-то из наших людей. А когда потом между нами обострились отношения, то они уже официально и вполне прямо говорили, что мы сговаривались с греками отторгнуть от Албании какие-то территории в пользу Греции. Бред сумасшедшего! Как отторгнуть? Если бы даже греки высказывали такие претензии и какой-то сумасшедший на нашем месте согласился с ними, то подобные вопросы ведь не решаются без войны. А кто бы стал воевать? Что, мы воевали бы за греков с Албанией? Просто бред! Но этот бред, к сожалению, высказывался албанцами.

Конечно, во время нашего визита эти вопросы еще не возникали. Их просто как бы не было. Одним словом, пребывание нашей делегации в Албании проходило приятно. Беседы, которые мы вели, были исключительно дружескими, и мы вернулись домой в хорошем настроении и с хорошим мнением об их достижениях. Успехи у албанцев на самом деле были большие. Мы этому радовались: маленький народ энергично перестраивал свое хозяйство, хотя очень, очень бедно выглядели албанские крестьяне. Бедность, примитивность царили там везде. Но это не вина албанского народа и не вина Албанской партии труда. Так сложилось исторически, и надо было много потрудиться, чтобы изжить нищету и поднять жизненный уровень народа. Мы как раз стояли на этих позициях и оказывали всемерную помощь Албании.

На XX съезде КПСС мы доложили о тех извращениях, злоупотреблениях и несправедливых казнях, которые были совершены Сталиным. Мы, естественно, искренне стояли на позициях демократизации нашей жизни, хотя и не все стояли, как потом выяснилось. Некоторые хотели повернуть колесо истории вспять, при тормозить разоблачение Сталина. Тут я говорю о многих товарищах, с которыми находился в одном коллективе. Но мы взяли путь на демократизацию общественной жизни Советского Союза. Многие другие коммунистические партии подражали нам. Кто-то искренне разделял нашу точку зрения, кое-кто соглашался под давлением общественности, как партийной, так и беспартийной. Шел процесс демократизации общественной жизни.

Все эти проблемы бурно обсуждались на партийных собраниях в странах Восточной Европы. В Албании же дело приняло особый оборот. Мне рассказывали тогда наши сотрудники посольства в Тиране, что очень страстно проходило собрание партийного актива Тираны. Это собрание тянулось несколько дней, и Энвер Ходжа удержался буквально на волоске. Его резко критиковали и даже ставили вопрос о том, чтобы заменить Ходжу, Шеху, Бекира Балуку⁹, всю эту тройку. Не помню, кто еще подвергся критике из партийных руководящих кадров на партактиве в Тиране. А обращаю внимание на этот факт потому, что он имел, видимо, решающее значение для дальнейшего развития отношений между Коммунистической партией Советского Союза и Албанской партией труда, между нашими государствами.

Все-таки Ходжа выплыл. И он, и Шеху, и Балуку остались в руководстве. Но это происшествие смертельно напугало их. Кроме того, они были вообще потрясены. Они-то считали себя вождями, непререкаемыми авторитетами. И как это люди посмели возвысить голос на активе и потрясти их авторитет? И не то что потрясли, а буквально чуть ли не стряхнули их с руководящих постов. Когда Мао Цзэдун стал проводить антисоветскую политику, линию, направленную на разрыв с Коммунистической партией Советского Союза, то не надо быть, как говорится, умным, чтобы понять, что его союзницей в этой политике могла стать Албания. Мао пригласил в Китай делегацию Албанской партии труда. Ее возглавил Мехмет Шеху. Я уже попутно говорил об этом и буду, видимо, повторяться, но ничего не поделаешь, потому что наша деятельность переплеталась.

В свое время мы сами критиковали югославов, наделяли их нехорошими эпитетами, что они, дескать, ревизионисты, отступники от марксистско-ленинской теории и прочее. Я сейчас не буду

вдаваться в разбор этих вопросов, это для меня уже пройденный этап. Потом развивались между нами разные отношения, случались и обострения. В целом же в нашем отношении к Югославии победила дружба, и к концу моей деятельности у меня установились наилучшие отношения с товарищем Тито и другими деятелями Компартии Югославии. Я относился к ним с большим уважением. Но китайцы решили использовать нашу критику Югославии, а потом наше примирение, которое переросло в дружбу между нашими партиями и между руководством Советского Союза и Югославии. Китайцы ловко поддерживали албанскую критику Югославии как борьбу с ревизионистами, борьбу с Тито в качестве носителя всяких антисоциалистических и антикоммунистических бацилл, с которым не может быть никакой дружбы.

Эти семена упали на подготовленную почву. Тут и не потребовалось особых усилий со стороны китайцев, потому что албанцы сами искали, кто бы их поддержал. Китай — огромная страна с большим населением и с большим будущим. Им, как говорится, и карты в руки, рассуждали албанские руководители; тут-то они и возьмут реванш. Но они, полагаю, недалекие и ограниченные люди. Только поэтому они стали политику определять арифметикой. Не требовалось особых знаний математики, достаточно было иметь представление о четырех арифметических действиях, чтобы определить, какое население у Китая и какое — у других социалистических стран. Все социалистические страны не имели в совокупности столько народу, сколько один Китай. Следовательно, он пуп Земли. Так, видимо, определили свою линию Ходжа и Шеху. Они полностью объединились с Китаем в борьбе против Советского Союза, против Коммунистической партии Советского Союза.

Вот в связи с этим я и обращаю внимание на то, что партийный актив Тираны, где решалась судьба Ходжи, выступил тогда против него. Албанские лидеры восприняли охотно антисоветскую политику, которую провозгласил Мао. Им не надо было навязывать ее, они сами были подготовлены к ней не хуже, чем китайцы, исходя из опасной ситуации, которая сложилась для них после XX съезда КПСС. Они понимали, в чем заключалась суть осуждения культа личности, осуждения единовластия, осуждения антидемократических норм жизни и в партии, и в стране. Это напугало албанских лидеров, да и не только их.

Некоторые другие тоже встревожились: демократия, конечно, хороша, но в демократических условиях удержаться у власти, не оглядываясь на народ и не прислушиваясь к тем, кем руководишь, —

трудная задача. Тут требуется большой ум, требуется умение понимать задачи, которые стоят перед страной, умение слушать тех, кем ты руководишь. Надо всегда чувствовать свою зависимость от масс: ты находишься в руководстве, но не потому, что хочешь руководить. Надо, чтобы ты понимал, что можешь руководить лишь при условии, что этого хотят те, которыми ты руководишь. А это возможно только при одном условии: что руководитель будет плоть от плоти и кровь от крови своего народа, своей партии, станет исходить из интересов народа, а не личных, эгоистических, тщеславных устремлений, обладает нужными знаниями, скромностью и умением жить в коллективе, вести работу, которая соответствовала бы тому общественному и политическому положению, которое ты занимаешь волею партии. Ты не над партией! Нет, ты слуга партии и можешь оставаться на этом посту, только пока партия поддерживает тебя и довольна тобой, твоей деятельностью.

Все это не соответствовало практической деятельности Ходжи, Шеху и Балуку. Когда между нами обострились отношения и переросли потом во враждебные, к нам приходили некоторые албанские товарищи и буквально лили слезы, рассказывали, какое положение возникло в их стране и куда сейчас они отброшены. Мне рассказывал Тито, что прежде первым секретарем Компартии Албании был очень хороший товарищ. Югославы его знали и поддерживали. Сам он из рабочих. Собственно говоря, это он был организатором Коммунистической партии Албании¹⁰. Но Ходжа, Балуку и Шеху устроили против него заговор. Рассказывали, что Шеху лично задушил этого человека. Вскоре нам стали известны и другие жуткие случаи: кого там задушили, кого как-то иначе тайно убили. У них сложилась такая система: если кто-нибудь проштрафился, а это определяли Ходжа, Шеху и Балуку, то они втроем выносили приговор. Достаточно было им троим согласиться, что сей человек вреден, и они находили способ, как тайно его уничтожить. Этот человек быстро исчезал.

Все это было очень похоже на систему, которую ввел Сталин. Он тоже так делал через Берию и через других подобных лиц. Таким способом и было уничтожено Сталиным много достойных людей. Вот какое положение сложилось в Албании. Вызывалось оно боязнью демократизации страны, боязнью демократизации общественной и партийной жизни. А этот путь я считаю неизбежным. Именно из-за этого у нас произошел разрыв. Как развивался этот разрыв по этапам? Прежде всего, мы узнали, что албанцы ведут с китайцами переговоры, направленные против КПСС и других братских партий. Иных фактов у нас раньше не было.

В то время из Китая ехала через Советский Союз албанская делегация. В наш ЦК пришла албанка, член Политбюро Лири Белишова, честнейший человек. Думаю, что сейчас они задушили ее, беднягу. Гестапо ее не задушило, а свои «братья» справились и задушили за то, что она как искренний коммунист пришла к нам в ЦК и рассказала, о чем китайцы беседовали с албанцами и как албанцы соглашались с китайцами. Мы же по наивности своей, как только узнали об этом, побежали к Шеху, который лежал тогда у нас в больнице, все ему рассказали и спросили, как это могло случиться, что в Китае велась такая беседа? Шеху буквально вскочил с больничной постели и сейчас же улетел в Албанию.

Окончательный разрыв оформился, когда в Бухаресте проходил очередной съезд Румынской коммунистической партии¹¹. Мы решили собраться там и обменяться мнениями по международным вопросам, включая вопросы отношений между коммунистическими партиями и более конкретно складывающиеся между другими компартиями и Компартией Китая. Я говорю здесь не только о КПСС и КПК. Нет, этот вопрос касался и других братских партий. Когда мы собрались, то совершенно неожиданно для меня албанцы открыто выступили против нас и в поддержку Китая. Не помню сейчас фамилии представителя Албанской партии труда на съезде в Бухаресте. Но я его спросил: «В чем дело?» Он ответил: «Товарищ Хрущев, я сам ничего не понимаю. Но я получил директиву поддерживать китайцев». Мы думали, что еще не все потеряно, и хотели сделать все, чтобы восстановить наши дружеские отношения с албанцами. Однако, несмотря на наши усилия, это ни к чему не привело.

А когда в 1960 г. в Кремле собрались на международное совещание все коммунистические и другие братские партии¹², Ходжа выступил с антисоветской обвинительной речью. Он показывал клыки больше, чем сами китайцы. Тогда очень хорошо выступила Долорес Ибаррури, старейший революционер, человек, преданнейший коммунистическому движению. Она сказала: «Как это так? Выступление Ходжи подобно тому, как пес, которому подают хлеб, бросается и кусает руку подающего». Это было очень метко сказано.

Так что конфликт с Албанией произошел по сугубо принципиальным вопросам. Албанские лидеры с их методами тайных и явных убийств создали партию, которая держится лишь на страхе. Они не смогли принять решений XX съезда КПСС. Поэтому в борьбе против Коммунистической партии Советского Союза они, как и

китайцы, подняли на щит имя Сталина. Сталин — вот идеал! Сталин — это марксист, это ленинец, а все остальные — ревизионисты. То есть ревизионист тот, кто высказывается против тайных и явных убийств, тот, кто выступает за демократизацию жизни партии и страны. Албанским лидерам оказалось не по пути с такими людьми. Это, конечно, истинная трагедия албанского народа. Никто, никакой здравомыслящий человек не мог предположить, что такое руководство сумеет пользоваться доверием и уважением своего народа, своей партии. Они же оказались вынужденными терпеть. Ведь никуда не денешься! Точно так же было у нас при Сталине: Сталин вел истребление руководящих кадров партии, это стоило нам тысяч голов честных людей, а все кричали: «Да здравствует Сталин! Сталин — лучший друг народа, Сталин — отец народа!»

Ходжу, видимо, пока так не называют: он еще молод по возрасту, но он хочет этого. По его пониманию, этого можно добиться, только держа партию и народ в страхе, подчинив его себе путем угроз и насилий. Такую же политику проводит Мао. Сейчас иной раз включишь радио и слушаешь. Вот говорит Китай, а вот говорит Тирана. Языки разные, но суть одна. Их лидеры исходят из одной концепции, что народ — навоз, а вожди — гении. Поэтому у них не вожди для народа, а наоборот, народ для вождей. Еще когда я встречался и беседовал с Мао во времена наших самых лучших отношений, то во многом никак не мог его понять. Тогда я относил его позицию к каким-то особенностям китайского мышления, к историческим особенностям китайской нации. Схемы одних его рассуждений были для меня слишком упрощенными, в другой же раз он пускался в очень сложные рассуждения. Я уже упоминал как-то о лозунге «Пусть расцветают сто цветов», то есть пусть развиваются все направления культуры. Теперь каждому ясно, что это была провокация. Этот лозунг был выброшен для того, чтобы вызвать людей на откровение, а потом расправиться с теми «цветами», которые неуютны по запаху или по цвету.

Или же другой лозунг, который был тоже высказан Мао и подхвачен Ходжей: «Не бояться империализма, империализм — это бумажный тигр», то есть тигр, который не опасен. Нам это было непонятно. Такой лозунг был выдвинут еще тогда, когда у нас сохранялись хорошие отношения. Мы не могли в ту пору пренебрегать этим лозунгом, должны были считаться с ним, потому что его выдвинул наш друг Мао, вождь китайского народа. С лозунгом «бумажный тигр» носились долгое время, но сейчас они что-то

затихли и не повторяют его. Не знаю, отбросили его или же, используя, перешли к другим лозунгам. Это же невероятно: американский империализм — бумажный тигр? Ведь тигр — довольно опасный хищник, а США — это не бумажка.

Когда я уже находился в отставке, то слышал раз по радио об интервью, которое дал Чэнь И¹³ какому-то американскому писателю. Тот поставил вопрос прямо: мол, основываясь на высказываниях Мао, США считают, что вы хотите развязать войну. Правда ли это? Чэнь И ответил: «Нет, мы не хотим войны и будем воевать только в случае, если состоится прямое нападение на территорию Китайской Народной Республики». Это меня тогда просто резануло. Ведь это был недвусмысленный призыв к американскому империализму о нападении на Северный Вьетнам. Так и получилось: американцы правильно поняли Мао и развязали войну с Северным Вьетнамом. Китай же не вмешался в эту войну, его солдаты не защищали Вьетнам. Хотя и «бумажный тигр», но они знали, что такой тигр может схватить за горло. Подобное провокационное заявление ободрило американских агрессоров и подтолкнуло их к прямому нападению на Северный Вьетнам.

Такой же позиции придерживался Ходжа. Собственно, что еще можно тут сказать об Албании? Когда сегодня говоришь — Албания, нельзя не говорить о Китае. Политика Албании — это отражение политики, которую ведет на Западе Китай. Или возьмем еще один лозунг Мао: «Ветер с Востока побеждает ветер с Запада». Казалось бы, сугубо климатическое или географическое понятие. Но он запугивал всех Китаем: ведь восточные ветры могут дуть с большой силой.

Расскажу и еще об одном эпизоде нашего конфликта с Албанией. Как я уже говорил, мы дали ей 12 подводных лодок. Когда же отношения обострились, мы решили вернуть себе все подводные лодки и то сопутствующее оборудование, которое им давалось. Албанцы воспротивились этому. На трех, кажется, подводных лодках команды были уже полностью албанскими, на одной или двух — смешанными. Нам удалось вывести девять не то восемь подводных лодок, а три или четыре остались в Албании, мы не смогли их вывести. Но мы ожидали даже агрессивных акций со стороны албанцев и когда выводили подводные лодки, то наши военные корабли, не помню сколько, маячили у берегов Албании на случай чего-либо. Если бы албанские власти силой стали удерживать наши подводные лодки, то корабли должны были припугнуть их.

Тут, собственно, произошел уже полный разрыв с Албанией.

Не знаю, выиграли ли от этого албанцы. Думаю, что проиграли: мы прекратили оказывать им помощь, все оборвали. Мне неизвестно, какие трудности создались тогда в Албании, но слухи у нас шли такие, что китайцы решили взять помощь им на себя. Они потом оказывали помощь, но я не знаю, в тех ли размерах, как мы. Думаю, что вряд ли, потому что в самом Китае сложились в то время очень тяжелые условия. Правда, удельный вес потребностей Албании по сравнению с китайскими очень небольшой, так что китайцы могли что-то сделать. Сейчас я не сумею даже приблизительно что-то сказать, потому что наше посольство в Албании было изолировано, и албанцы перестали к нам туда приходить. Таких людей уничтожали. Мы лишились возможности получать какую-либо информацию.

Ну, и как быть дальше? Считаю, что надо приложить все усилия к тому, чтобы конфликт, в котором сейчас находятся КПСС и другие коммунистические партии с китайской, сужался и рассасывался. Следует добиться такого положения, чтобы коммунистическое движение стало монолитным и единым. Это должно быть поставлено главной целью. Надо все сделать для того, чтобы смягчить наши отношения и затем превратить их в дружеские. Это будет в интересах народов Советского Союза, в интересах всех миролюбивых народов, в интересах китайского народа, в интересах борьбы за мир, за мирное сосуществование. Китайские лидеры много раз поносили Советский Союз, КПСС за лозунг мирного сосуществования. Однако, когда буржуазные журналисты прижимали Мао вопросам, он сам повторял, что Китай тоже стоит на позициях мирного сосуществования. Бандунгская декларация была принята с участием Китая, а она свидетельствует о том, что автор этой декларации стоял на позициях мирного сосуществования¹⁴. Но китайцев не всегда поймешь. Как говорится, не попадешь в него толкачом в ступе: то они высказываются за мирное сосуществование, то против. Албания же плетется в хвосте у Китая.

¹ Албанская партия труда до 1948 г. именовалась Коммунистической партией Албании.

² ВУКМАНОВИЧ-ТЕМПО С. (род. в 1912 г.) — член Компартии Югославии с 1933 г., один из организаторов освободительной антифашистской борьбы в Боснии, Македонии и Албании, заместитель министра народной обороны в 1945 — 1948 гг., народный герой Югославии.

³ БРОЗ ТИТО И. (1892 — 1980) — президент Югославии с 1953 г., председа-

тель президиума Социалистической Федеративной Республики Югославии с 1971 г., маршал с 1943 г., был членом социал-демократической партии Хорватии и Словении с 1910 г., в 1915 г. попал в русский плен, с 1920 г. член Компартии Югославии, член ее ЦК и Политбюро ЦК с 1934 г., в 1940 — 1966 гг. ее генеральный секретарь, потом председатель Союза коммунистов Югославии, верховный главнокомандующий Народно-освободительной армией Югославии в 1941 — 1945 гг., в 1946 — 1953 гг. председатель Совета министров Федеративной Народной Республики Югославии и в 1953 — 1963 гг. председатель ее Союзного исполнительного веча, в 1945 — 1963 гг. председатель Социалистического союза трудового народа Югославии. В Коминтерне (о чем упоминается в тексте) он работал в 1935 — 1936 гг., находясь в Москве.

⁴ КАРДЕЛЬ Э. (1910 — 1979) — член Компартии Югославии с 1928 г., ее ЦК с 1937 г. и Политбюро ЦК с 1938 г., в 1945 и 1946 — 1963 гг. был заместителем главы правительства, в 1958 — 1966 гг. секретарь ЦК СКЮ, в 1953 — 1960 гг. генеральный секретарь Социалистического союза трудового народа Югославии, в 1963 — 1967 гг. председатель Союзной скупщины Югославии.

⁵ ДЖИЛАС М. (род. в 1911 г.) — член КПЮ с 1932 г. и ее ЦК с 1938 г., генерал-лейтенант, после 1945 г. руководил агитационно-пропагандистской работой в ЦК КПЮ. Выступал против сталинской и титовской моделей построения социализма, против тоталитаризма. В 1954 г. был исключен из ЦК КПЮ, подвергался репрессиям.

⁶ ШЕПИЛОВ Д.Т. (1905 — 1990) — член ВКП(б) с 1926 г., с 1935 г. на партийной работе, с 1945 г. генерал-майор, потом на журналистской работе, главный редактор газеты «Правда» в 1952 — 1956 гг., секретарь ЦК КПСС в 1955 — 1957 гг., в 1956 — 1957 гг. министр иностранных дел СССР, затем на административной и научной работе, член ЦК КПСС в 1952 — 1957 гг. и кандидат в члены его Президиума в 1956 — 1957 гг.

⁷ ХОДЖА Э. (1908 — 1985) — член Компартии Албании и ее ЦК с 1941 г., в 1943 — 1948 гг. генеральный секретарь ее ЦК, в 1948 — 1954 гг. генеральный секретарь и затем первый секретарь ЦК Албанской партии труда, в 1946 — 1954 гг. глава правительства Албании, с 1976 г. главнокомандующий ее вооруженными силами и председатель Совета обороны.

⁸ В годы, о которых идет речь, из 2,5 млн. албанцев в самой Албании проживало свыше 1 млн. чел. и около 900 тыс. в Югославии.

⁹ В описываемое время М. ШЕХУ являлся членом Политбюро ЦК АПТ и председателем Совета министров Народной Республики Албании, генерал-лейтенант Б.БАЛУКУ — членом Политбюро ЦК АПТ и министром народной обороны.

¹⁰ В данном случае не вполне ясно, кого Н.С.Хрущев имел в виду: Кочи ДЗОДЖЕ или Панди КРИСТО. Вероятно, первого, ибо именно он был выходцем из рабочих, основателем Компартии Албании в 1941 г. и ее организационным секретарем. Затем он являлся заместителем председателя Антифашистского веча народного освобождения, с 1946 г. возглавлял Демократический фронт Албании. За сотрудничество с Югославией и в ходе личной борьбы за власть смещен с руководящих должностей в 1948 г. и осужден в мае 1949 года.

¹¹ Румынская компартия в то время называлась Румынская рабочая партия. Речь идет о ее VIII съезде (20 — 25 июня 1960 г.). Одновременно 24

июня в Бухаресте состоялась встреча прибывших туда представителей коммунистических и рабочих партий социалистических стран.

¹² Совещание представителей коммунистических и рабочих партий (Москва, ноябрь 1960 г.).

¹³ ЧЭНЬ И (1901 — 1972) с 1958 г. был министром иностранных дел Китайской Народной Республики.

¹⁴ «Декларация о содействии всеобщему миру и сотрудничеству», в которой охарактеризованы 5 принципов мирного сосуществования (взаимное уважение территориальной целостности и суверенитета, ненападение, невмешательство во внутренние дела друг друга, равенство и взаимная выгода, мирное сосуществование), была принята на Бандунгской конференции 29 стран Азии и Африки (18 — 24 апреля 1955 г.).

ЮГОСЛАВСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Товарища Тито я до второй мировой войны не знал лично. Он был известен мне лишь заочно как работник Коминтерна. Но я ведь был далек от Коминтерна. Как-то после войны в разговоре со мной Мануильский хорошо отзывался о Тито, он его близко знал. Я услышал по-настоящему о Броз Тито, когда загремела слава о партизанах Югославии, которые повели активную борьбу против гитлеровцев. Регулярно появлялись соответствующие сообщения в нашей печати. В них давалась высокая оценка партизанам и действиям Тито. Полагаю, что на меня не обидится ни одна коммунистическая партия в мире, если скажу, что самое сильное всенародное движение партизан возникло на раннем этапе войны именно в Югославии. Первенство и массовость югославского партизанского движения неоспоримы. Следует отдать должное югославскому народу и его компартии.

Я познакомился с Тито уже после войны, когда он посещал Москву. Сталин тоже много говорил о Тито, и только хорошее. Тито произвел на него сильное впечатление, и он отдавал должное Тито как крупному организатору партизанского движения. В Киев как-то позвонил Сталин и сказал, что в СССР гостит Тито с товарищами Карделем, Джиласом и другими: «Они возвращаются к себе на родину, поездом следуют через Киев, организуйте им хорошую встречу, поухаживайте за ними и расположите Тито к себе». «Все будет сделано», — отвечаю. Мы проявили русское и украинское гостеприимство. Разместили гостей, правда, неважно,

у нас тогда еще не было восстановлено порушенное войной хозяйство. Но сделали все, что могли, и они остались довольны.

Тито захотел поехать в колхоз. Хотя колхозы тоже были еще бедными и показать нам особенно было нечего, Тито и там остался доволен. Потом мы пригласили их в оперу. Тито чувствовал себя там размягченно, вел теплую беседу, восхищался хорошей игрой актеров и их голосами. Не скрою, что мы тогда все мерили на свой аршин и считали, что на каком-то этапе произойдет объединение всех стран в мировой Союз советских республик. Поэтому нам особенно хотелось показать Тито успехи Советской Украины. Продемонстрировать, что Югославия только выиграет от объединения усилий с нами. В ходе этих контактов Тито понравился мне: живой и простой человек. И Кардель тоже понравился. Сейчас мы даем другую оценку Джиласу, но тогда и он произвел очень хорошее впечатление не только на нас, но и на Сталина: умный, подвижный человек с чувством юмора. Помню, как в театре, во время антракта, он рассказывал всякие анекдоты. Например: «В одном городе тяжело жили корова, собака и осел. Они решили перебраться в горы, поселились в пещере. Спустя какое-то время заскучали. Хоть они в городе и голодали, но их тянуло посмотреть, что же там делается? Погадали и решили послать собаку, у нее ноги хорошие, ей легко добежать. Собака быстро вернулась. Ее спрашивают: — «Ну, что там делается?» — Она отвечает: — «Плохо, но жить можно. Правда, я опять сбежала. Как же я, собака, могу жить в городе, если там запрещено гавкать?» — Опять они втроем бродили в горах. Спустя какое-то время решили послать на разведку корову. Она не гавкает, может, ей понравится жить в городе? Через небольшое время корова вернулась. — «Ну, как?» — «Невозможно жить. Как только пришла в город, все бросились на меня, хватают за вымя, сосут, тянут и никто не кормит. Еле-еле я удрала, чуть все соски не оторвали». — Через еще какое-то время послали в город осла. Потом прибежал он назад. — «Ну, как?» — «Невозможно жить. Пришел я в город, а там выборы, хотели меня избрать в парламент. Еле удрал».

Тут Тито посмотрел строго на Джиласа и говорит: «Ты что же рассказываешь такие анекдоты? Что же мы в парламент ослов выбираем?». Он тоже сказал это в шутку, и все дружно смеялись. Нам анекдот понравился. Думаю, что Джилас сам его сочинил. Я рассказал эту историю, чтобы показать, какая сложилась у нас непринужденная обстановка. Когда я приехал в Москву, то рассказал обо всем Сталину. Сталин остался очень доволен тем, что

на Тито Украина произвела хорошее впечатление. Он был уверен, что у Югославии с Советским Союзом сложатся братские отношения. Однако спустя некоторое время была разослана членам Политбюро информация о Югославии. Наш посол философ, академик Юдин* подробно расписывал какое-то заседание Политбюро ЦК Компартии Югославии, на котором отпускали всяческие остроты в адрес СССР, наших офицеров и наших инженеров, которые были посланы в Югославию для оказания ей помощи¹. Выражения приводились очень неуважительные, даже оскорбительные. Документ был довольно большим и весь состоял из таких реплик и замечаний. Потом стали поступать из Белграда новые донесения. В них давались характеристики разным людям и описывались различные точки зрения, но одной направленности — против СССР. Там поносили советских граждан, издевались над нами, считали недостаточно культурными, какими-то полудикарями, азиатами, а в это слово вкладывался определенный смысл: нам противопоставлялись югославы как европейцы, люди западной, более высокой культуры.

Все это пересказывалось в лицах: такой-то говорил то-то, такой-то говорил это. Одни говорили против Советского Союза, другие — за. Некоторые разговоры происходили даже при встречах в советском посольстве, куда ходило много разных людей, стоявших на различных позициях. Многие из таких людей были нашими друзьями. За дружбу с нами их исключали из КПЮ, некоторые даже поплатились жизнью. Конфликт с СССР постепенно набрал такую силу, что там начали арестовывать людей уже не потому, что они наши друзья, а потому, что они выступают против линии руководства КПЮ. Это понятно. Если правительство Югославии стало на позицию конфронтации с СССР, а наши друзья боролись за сохранение дружеских отношений с нами, то к ним и применялись репрессивные меры.

С каждым донесением нашего посла Юдина³ отношения между Югославией и Советским Союзом все больше обострялись, обстановка все больше нагнеталась. Какими выражениями он

* Автор ошибается. П.Ф.Юдин не был послом в Югославии. В 1947 — 1953 годах он работал шеф-редактором газеты «За прочный мир, за народную демократию!» и, естественно, находился в гуще событий, разворачивавшихся вокруг Югославии. Откуда поступала эта информация? Были ли это донесения посла или сообщения шеф-редактора, нам неизвестно. Упоминание автором в данном контексте фамилии Юдина не случайно, о его негативной роли в конфликте с Югославией Н.С. Хрущев говорил не раз. Его титул в данном случае не имеет принципиального значения, но послом он не был².

пользовался в своих шифровках, я сейчас, через столько времени, просто не помню. Когда-то они станут достоянием историков, будут доступны.

Сейчас я думаю, что наш посол Юдин был необъективен, очень придирчив к югославам и проявил недостаточно понимания их взглядов. Надо было не командовать, не рассматривать себя как комиссара Сталина в Югославии, а по-доброму относиться к братской компартии и братскому народу, строить отношения с ними на взаимном доверии и взаимном уважении, а не на основе командования и диктата. Югославы — люди с достоинством, они диктата не терпят, тем более те, кто вел такую славную партизанскую борьбу и выдержал ее с честью. А наш посол общался с ними, используя окрик. Это вполне понятно, его хозяин Сталин хотел, чтобы руководители братских стран смотрели ему в рот и глотали все, независимо от того, в каком виде подавалась собеседнику пища. Но Тито оказался иным. Югославы были не таковы. Так что Сталин сам дал им повод для недовольства. Если бы Сталин одернул сидевшего в Белграде указчиком Юдина, то, возможно, многое повернулось бы иначе.

Дело кончилось тем, что Советский Союз отозвал всех, кто был послан для оказания помощи Югославии, в том числе военных. Огромное количество людей! Мне говорили потом и Тито, и Ранкович, и Кардель, что когда они получили сообщение об отзыве советских людей, то в Белграде наступил траур. И простые люди, и руководители страны были страшно огорчены и не могли понять, чем это вызвано, зачем совершается шаг, который ведет к разрыву. Такое решение оказалось для них полной неожиданностью. Когда они мне рассказывали об этом, то всю вину валили именно на Юдина. Уверяли меня, что даже фамилия Юдин происходит от имени Иуда. Юдин сыграл в отношении Югославии, по их мнению, роль Иуды-предателя, все сделав, чтобы добиться разрыва отношений между СССР и Югославией. В таком заключении тоже было много субъективности. Зачем Юдину нужно было ставить перед собой такую цель? Он был послан в дружественную страну выполнять иные функции. Конечно, от него лично многое зависело, вот тут его субъективизм мог сыграть нехорошую роль. Тому или иному факту можно придать любую направленность, дать любое толкование.

Но ведь поручения давал Сталин, а Юдин выполнял их.

Сталин же в то время, грубо выражаясь, настолько задрал нос, что земли под собой не чуял. Самым главным для него было то, что наша армия теперь самая мощная в мире. Он еще мог счи-

таться с США и их союзниками. Но считаться с Югославией? С Польшей или другими подобными странами? Тут он требовал полного подчинения. В Польше неподчинения не могло случиться: там у власти оказались люди иного характера. Кроме того, там стояли наши войска. Такое же положение было в Румынии и Венгрии. Не такое буквально, но тоже подчиненное положение занимала Чехословакия. Иначе сложилась судьба Югославии. Мы помогли ей в освобождении Белграда, но югославы уже сами имели в то время сильную и хорошо организованную армию, которая успешно вела борьбу с гитлеровскими войсками. В этой стране следовало разговаривать с ее народом по-другому.

Думаю, что югославы искренне хотели дружеских отношений с нами. Сталин сам оттолкнул их, а себя он вел так, как будто среди людей, которые его окружали, вообще не находил себе равных. Считал, что все должны боготворить его и исполнять любые его капризы. Если кто-либо проявлял какую-то самостоятельность, то это могло привести к печальным последствиям. Этот деспот многократно показал, на какие гадости и зверства он способен, и во всех случаях без исключений считал, что если человек не согласен с ним, то его нужно устранить любыми способами. Когда однажды я приехал в Москву, Сталин рассказывал о документах, полученных им от Юдина, и об обстановке, которая якобы сложилась в Югославии: «Вот, — поднял он руку и отделил мизинец от других пальцев, — шевельну мизинцем, и не будет Тито». Такое «шевеление» и стало его главной целью в отношениях с Югославией. Он не искал каких-либо путей к согласию, хотя и мог предотвратить разрыв, потому что Тито — это все же не Мао Цзэдун. Я верю Тито и другим югославам, которые рассказывали, как они буквально плакали, когда от них уезжали советские люди.

Потом на страницы нашей печати были вынесены заголовки, где Тито и Ранкович изображались в самых невероятных позах на карикатурах⁴. Ранкович как министр внутренних дел, выполняя волю Тито, тоже, видимо, допускал необоснованные расправы. Пошла перебранка между двумя социалистическими странами и двумя коммунистическими партиями. Сталин обвинил Тито в том, что он не коммунист, а Коммунистическая партия Югославии отреклась от социалистических идей. Югославию обвиняли во всяких грехах: что она идет по пути реставрации капитализма и прочих. Но когда Сталин увидел, что внутренние силы в Югославии, на которые он надеялся опереться, намереваясь любыми средствами расправиться с Тито, недостаточно сильны, и попытался

убрать Тито с дороги другими средствами, то это тоже не вышло. Засылка туда наших агентов не имела успеха.

Антиюгославских совещаний проводилось два. Одно, кажется, проходило в Праге, там докладчиком был, помнится, Маленков; второе — в Бухаресте, там докладчиком был Деж. Я знаю из разговоров в окружении Сталина, что Дежа просто использовали. Доклад был составлен у нас, а писали его Суслов и Маленков. Зачитан же доклад был Дежем для того, чтобы показать, что не только КПСС и СССР, но и страна, которая только что стала на путь социалистического строительства, тоже выступает против Югославии. После смерти Сталина Деж об этом мне сам рассказывал. Только в 1955 г. в наших отношениях с Югославией наметился поворот. Мы составили делегацию для поездки в Югославию, чтобы попытаться восстановить прежние контакты и ликвидировать искусственно созданную напряженность между нашими странами.

Прежде чем решить вопрос, у нас проходили довольно острые обсуждения. Вопрос зрел долго, пока наконец не решили попытаться установить контакты и ликвидировать созданные Сталиным напряженность и враждебность между Советским Союзом и Югославией.

Главными оппонентами у меня оказались Молотов, Ворошилов и Суслов. Шепилов занимал позицию, которая не увеличивала возможность правильного понимания дел. Оно и понятно: он долгое время был редактором газеты «Правда» и немало пописывал на эту тему со сталинских позиций. Поэтому ему было трудно сразу правильно и объективно подойти к решению вопроса.

Микоян выступал за восстановление добрых отношений. Маленков занимал свою обычную позицию, высматривая, где большинство, чтобы потом к нему присоединиться и не прогадать. В этом было его несчастье. В острых вопросах он всегда занимал позицию с оглядкой: как бы чего не вышло. У него имелось больше гадания, чем желания отыскать истину. Расхожим аргументом в СССР служила фраза: «Как же можно? Они ведь скатились на позиции капитализма. Их экономика поглощена американским монополистическим капиталом. Восстановлены частные банки. Существует частная собственность на промышленность» и т. д. Полагаю, что мы тогда настолько оторвались от реальности, что сами стали верить в эти глупости. Есть такой анекдот. Шел по деревне мулла. Его спрашивают: «Откуда вы идете?» «С того конца деревни». «А что там нового?» «Там дают бесплатно плов». Люди побежали туда. Теперь их самих мулла спрашива-

ет: «Куда бежите?» «Там бесплатно дают плов». И мулла побегал вместе с толпой.

На этот анекдот было похоже наше отношение к Югославии. Сами выдумали и сами поверили. Я предложил создать комиссию, привлечь в нее партийных работников и экономистов, собрать нужные данные и проанализировать по элементам, является ли Югославское государство социалистическим или уже стало капиталистическим. На такой вопрос нельзя отвечать с волевых позиций: мне так хочется. Понятия о стране складываются из наличия в ней определенных экономических и социальных элементов. В комиссию входил и Шепилов. Нам доложили, что нет никаких оснований считать Югославию капиталистической: средства производства находятся в руках государства, крупная торговля — тоже, крестьянство пользуется частной собственностью, но есть в деревне и коллективные хозяйства. Банки находятся в руках государства. Государственная власть опирается на диктатуру рабочего класса, а само государство — социалистического типа. Все обвинения, служившие основой для конфликта, отпали. Все обрушилось, как карточный домик. И тогда мы решили восстановить контакт с Югославией.

Так как в конфликт были ранее втянуты другие коммунистические партии и социалистические государства, то нам надо было согласовать с ними свои действия. Мы обратились с письмом к братским партиям и социалистическим государствам, и в западном мире. Точно помню, что мы обращались к коммунистам и Англии, и Франции, и Финляндии. Отовсюду получили ответы с согласием. Меня поставили во главе делегации как первого секретаря ЦК КПСС. Мы обратились к Югославии с просьбой принять нас. Югославские товарищи ответили согласием. Прилетели мы туда. Нас встретили, как положено встречать иностранную делегацию такого ранга, хотя особых братских чувств хозяева не проявляли. Были заметны настороженность и сдержанность и в народе, и в руководстве. Первым перед собравшимися на аэродроме выступил Тито. Потом предложили микрофон мне. Мое выступление было заранее отработано в коллективе как мнение руководства ЦК КПСС. Тито сказал: «Переводить не надо. У нас все знают русский язык». Думаю, что и это было проявлением настороженности. Югославы ведь не все знают русский язык. Тито не хотел, чтобы сразу была переведена вся моя речь. Вот я, хотя и знаю украинский язык, но когда оратор говорит быстро, не успеваю переводить сам для себя с украинского на русский. А украинский ближе мне, чем русский югославам.

Я, признаться, был несколько разочарован таким приемом. Ведь в нашей стране группировки, выступавшие против восстановления добрых отношений, были довольно сильными, и холодный прием в Белграде мог быть расценен как враждебное недружелюбие и отбросить нас назад. Но что делать?.. Нас разместили, показали нам Белград. На следующий день начался подробный обмен мнениями. Мы изложили югославским товарищам свое понимание ситуации. Встреча состоялась по нашей инициативе, и мы должны были выступить первыми. Еще когда я поднял в Президиуме ЦК вопрос о восстановлении отношений с Югославией, раздавались голоса с предложением пригласить оттуда товарищей на переговоры в Москву. Но я возразил, считая, что югославы не поедут. Ведь именно по нашей инициативе произошел разрыв отношений. И мы первыми стали публично нападать на югославов, а уж потом югославы начали отвечать тем же. Если Югославия, размышлял я, рискнет прислать к нам делегацию и не добьется согласования позиций, то тогда это будет выглядеть так, что Югославия пришла к нам с поклоном, а мы его не приняли. Югославы, остерегаясь такого, не поедут первыми. Нужно именно нам, большой стране и большой партии, проявить инициативу. Если даже мы не договоримся, то это окажется полезным для дальнейшего примирения. Я был абсолютно убежден, что мы добьемся взаимопонимания.

Итак, мы изложили свою позицию. Каков был ее недостаток? Мы тогда еще не раскрыли злоупотреблений Сталина. XX съезд КПСС был впереди. А в 1955 г. мы просто не созрели для того, чтобы выговорить слова, правильно характеризующие положение дел, создавшееся в партии при Сталине. Наоборот, старались обелить Сталина, насколько это было возможно. Его авторитет был еще высок. А все наши невзгоды валили на Ежова, а главным образом на Берия. Это в малой степени соответствовало действительности. Не Ежов, не Берия выдумали Сталина и вложили ему топор в руки, чтобы рубить головы. Сталин выдумал Ежова и Берия и превратил их в орудие произвола.

Кто из них лучше? Я думаю, можно сказать — оба подлецы. Более оборотистый, я бы сказал, человек, который мог показать даже человеческое великодушие, даже сочувствие к жертве, а потом задушить ее — Берия. Ежов более прямой человек.

Тогда мы все валили на них. Доказывали. Внутри нашей партии, в печати мы занимали такую же позицию, ее же теперь излагали югославам. Я впервые услышал откровенную характеристику Сталина именно от югославов. Она меня тогда покороби-

ла. Я вступил в спор. Главными нападающими были Попович⁵ и Кардель. Попович особенно резко расшатывал нашу позицию, которая основывалась на утверждении, что Сталин не знал о тво-римых преступлениях. Попович утверждал, что Сталин был глав-ным убийцей и сам все организовал. Не кто-либо подвел Сталина, после чего он стал жертвой обмана. Нет, именно он был главным организатором бойни.

Подспудно я сам это понимал, но настолько еще был подавлен авторитетом Сталина, что был не в состоянии назвать вещи свои-ми именами. У меня существовала раздвоенность сознания. Мы тогда имя Сталина яростно защищали и вступили в словесную драку с югославами. Затем они выразили согласие поговорить о восстановлении наших отношений. Потом организовали нам по-ездки по стране, а кое-где и митинги. Народ проявлял сдержан-ность. При поездках по улицам было видно, что люди не стихий-но вышли встречать диковинку, приехавшую из Советского Союза, а что все организовано. Порою слышны были выкрики недруже-ственного характера, раздавались упреки. Главным же образом мы слышали: «Да здравствует Тито!». В целом югославы реши-лись на нормализацию отношений. То было не полное восстанов-ление нормальных отношений. Но другого мы сразу и не могли ожидать после столь большого напряжения, которое чуть ли не привело к войне между социалистическими странами. Момен-тально достичь полного доверия, как только мы сели за стол вы-пить по рюмке вина, оказалось невозможно. Югославы согласи-лись начать заново строить дружеские отношения. Свою позицию проявили и в конкретных делах: показали нам различные пред-приятия, показали могилы наших солдат, которые отдали жизнь в борьбе против Гитлера за освобождение Югославии. Они с дос-тоинством относились к памяти наших воинов. Памятники были в хорошем состоянии, имелись плиты с именами погибших.

Договорились о возобновлении работы наших посольств в Белграде и в Москве. Восстановились и экономические отноше-ния. При Сталине они были прерваны, никаких экономических от-ношений не существовало, но оставалась большая задолжен-ность Югославии Советскому Союзу, которая складывалась из поставок оборудования и в связи с поставками Югославии наше-го вооружения. Теперь все в полной стоимости было предъявле-но Югославии к оплате. Югославия же не имела возможности за-платить такой долг и попросила нас списать долги. Мы не настаи-вали на уплате, а они не делали твердого заявления, что не упла-тят, просто ссылались на свои трудности. Кроме того, югославы

аргументировали тем, что часть долгов образовалась в результате войны против общего врага. У меня появилось сочувствие к их проблемам, но сами мы вопрос решить не могли, он требовал коллективного обсуждения. И мы сказали: «Мы изучим, из чего сумма долгов сложилась и при каких обстоятельствах, тогда и выскажем свое мнение по этому вопросу». Нам ежедневно привозили почту из Советского Союза. У нас тогда летал тихоход ИЛ-12. Из Москвы до Белграда лететь нужно было много часов, с дозаправкой в Будапеште. Мы попросили разрешения у Югославии выделить нам аэродром, который мог бы принимать самолет-бомбардировщик ТУ-16, чтобы оперативнее получать почту. Этот бомбардировщик по тем временам оценивался как лучший в мире. Правда, дальность полета у него была только европейского радиуса действия. Позднее на базе ТУ-16 был создан пассажирский самолет ТУ-104.

Югославы согласились. Прилетел наш самолет. Он произвел на них очень сильное впечатление. Не стану отрицать, что мы воспользовались этим самолетом, чтобы возбудить заинтересованность Югославии. Хотели продемонстрировать, что СССР располагает мощной армией и современным вооружением, в том числе авиационным. Югославы нас поняли. До моих ушей доходило (информировали наши агенты), что они восприняли это как демонстрацию военной мощи. Мы дали возможность увидеть, что наш новый самолет соответствует самому передовому уровню развития науки и техники. Постепенно встречи и беседы, продолжавшиеся ежедневно, становились теплее. Лед, который замораживал наши отношения, таял. Колкостей в разговорах стало меньше, беседы приобретали товарищеский характер. Однако сохранялась некоторая настороженность и у них, и у нас. Больше других понимание дела проявил товарищ Тито. И не только как глава делегации. Конечно, он имел больше возможностей выбирать время для ответных реплик. Видимо, у них было намечено распределение ролей при переговорах: кто и какими аргументами должен пользоваться с тем, чтобы свалить на нас вину за создавшиеся отношения. Не на нас персонально, а на Сталина. Тут они были правы. Мы тоже исходили из этих позиций, когда ставили задачу нормализации отношений. Но, повторяю, внутренне еще не были подготовлены к тому целиком, духовно не освободились еще от рабской зависимости, в которой находились у Сталина.

Югославия же на меня произвела хорошее впечатление. Очень понравился ее народ. Я не придавал при этом особого значения

критическим репликам в наш адрес и славословию в адрес Тито. Мы-то знали технику такого дела: специально выделяли людей в определенных местах и отработывали, кто будет выкрикивать: «Отец родной! Ура Сталину!» и прочее. Все разрабатывалось по сценарию партийного руководства. Если нужно было проявить негодование по ходу доклада против мирового империализма, то тоже все распределялось: кто сделает и в какой форме. Особенно часто разыгрывались такие спектакли, когда в 20-е годы велась борьба против оппозиции. Хотя многие тогда были искренни, но постепенно театральщина стала преобладать. Я сам был участником таких дел и выполнял эту роль. Тогда мы верили, что Сталин отражает интересы народа, и совершали все из честных побуждений. Свой опыт я переносил и на Югославию, считая, что и там все разыграно по сценарию, разработанному руководством.

Народ мне понравился, но его бедность бросалась в глаза. Мы сами были не богаты, однако югославы были еще беднее. Это тоже нас не удивляло, мы с сочувствием относились к ним, понимали, что страна оставалась пока крестьянской, а многолетняя война оказалась разорительной. Орудия производства в сельском хозяйстве были примитивными, тракторов почти не имелось. Тито говорил: «Нам помогали капиталисты на разорительных условиях, а деньги одалживали под высокие проценты». Сильное впечатление на меня произвел своей непосредственностью и человеческой натуральностью Вукманович-Темпо. Он очень резко выступал против нас, но думаю, что его не надо было настраивать, резкость была в его характере. Когда все немного поостыли, он рассказал, как ездил в США вести переговоры о получении кредитов. Тогда в Югославии сложились тяжелейшие условия, возник голод из-за неурожая в месяцы самых острых отношений с СССР. США предложили в ответ кабальные условия, там думали, что нет другого выхода, как только принять их предложения. Выдвигались и условия политического характера, такие, которые отбрасывали Югославию на капиталистические позиции. «Мы умрем, но этих условий не примем, — рассказывал Вукманович. — Я хлопнул дверью и ушел. Тогда американцы опять вступили со мной в переговоры и все-таки дали нам кое-что, видимо, боясь, что их отказ лишит возможности оторвать Югославию от социалистического лагеря».

Но Темпо ругал и меня, а на одном заседании допустил такие резкости, что я тут же вынужден был парировать: «Если ставить задачу обострения отношений с какой-либо страной, то лучшего кандидата, чем товарищ Вукманович, для выполнения этой роли

нельзя подобрать». Тито взглянул на меня и засмеялся. Это уже потом мы с Вукмановичем сошлись поближе. Я очень уважал этого человека и считал его настоящим коммунистом. А грубоватость его оправдывалась суровыми условиями, в которых находилась Югославия. Впоследствии он стал терять свое положение. Какую сейчас играет он роль в государстве и в партии, не знаю, но независимо от этого я сохранил к нему хорошее отношение. Темпо выступал как защитник чести и достоинства своей страны и своей партии.

В конце встречи составили совместное заявление. В нем еще не были сняты вопросы, с которых нужно было бы начинать, чтобы обеспечить восстановление братских отношений. Но мы уже сняли шероховатости и препятствия для создания нормальных отношений. Декларация, которую мы тогда приняли, явилась исходной для восстановления дружбы⁶. Что было положено в основу? Невмешательство во внутренние дела и признание за каждой партией, за каждым народом самостоятельности, возможности проявлять свою волю без вмешательства и без давления извне. На этом они настаивали, и мы согласились, искренне считая, что строить отношения надо на доверии, а не на базе зависимости. А может ли у нас быть разное понимание каких-то вопросов? Это даже внутри одной партии бывает. Ленин такое допускал. Проводились дискуссии с целью прихода к общему мнению. Не всегда в результате дискуссии вырабатывалось общее мнение, тогда признавали то, что поддерживалось большинством. И это становилось партийной линией, которой все должны были придерживаться. Тем более возможны разные точки зрения во взаимоотношениях между народами и между странами. Без взаимного понимания, без взаимного уважения и без взаимного невмешательства во внутренние дела партий и государств нельзя поддерживать нормальные отношения. Но мы тогда же договорились и об общих взглядах на принципиальные политические вопросы, проблемы теории и практики. Ведь не может быть уступок в сугубо принципиальных вопросах марксистско-ленинского учения. Тут для нас основа основ.

По возвращении в Москву мы доложили, как проходила встреча, какие вопросы кого волновали, какое у нас сложилось впечатление о Югославии. Все пришли к мнению, что Югославия является страной, которая стала на путь строительства социализма. Она переживает большие экономические трудности, но упорно добивается своего и твердо стоит на марксистско-ленинских позициях. Народ там сплоченный, партия тоже сплоченная. В интересах

международного коммунистического движения нужно срочно ликвидировать негодное достояние, оставшееся нам в наследство после смерти Сталина. С нашим заключением согласились все члены Президиума ЦК. Потом мы поставили вопрос на пленуме ЦК и проинформировали братские партии. В письме, которое разослали братским компартиям, оставили кое-какую страховочную лазейку: вдруг у нас далее не выйдет? Эта формулировка потом стала известна Тито, что опять ухудшило наши отношения. Но главное заключалось не в той формулировке, ибо наши отношения разрушились из-за венгерских событий 1956 года.

Вернусь к формулировке страховочного порядка, которую мы записали в информационном письме, разосланном братским компартиям. Американцы достали письмо у венгров и подбросили его югославам. Вот так получилось.

Югославам было интересно получить от кого бы то ни было информацию, а американцам было выгодно такую информацию дать. Она отвечала политике Соединенных Штатов, направленной на разъединение социалистических стран и, таким образом, достижение сформулированной Даллесом цели, — отбросить социализм в Европе к границам Советского Союза, ликвидировать социалистические начала, на которых строилось общество в восточноевропейских странах.

Мы обсудили в Москве экономические вопросы, которые поставили югославы, и решили списать им часть долгов, что создавало хорошую основу для развития дальнейших связей. Югославы попросили у нас и кредит на довольно большую сумму. На кредитные средства они хотели построить металлургический завод с поставкой нашего оборудования. Мы кредит дали при условии поставки оборудования в счет кредита. Мы были довольны, довольны были и югославы. Я еще расскажу, как потом развернулись события в Польше и в Венгрии и как реагировал Тито.

Он нас даже несколько удивил своей поддержкой. Мы считали, что он занимает хорошую позицию, партийную позицию. Она еще раз укрепляла и подтверждала наше мнение о том, что Тито коммунист и принципиальный человек. Однако, когда развернулись события в Будапеште, югославы приложили свою руку к обострению наших отношений с Венгрией, поддержали силы, которые вели работу против Советского Союза, против нашей партии. Здесь сложилось довольно сложное положение. Как сами венгры, так и югославы вели борьбу против Ракоши, а Ракоши по указанию Сталина очень много плохого наделал в Венгрии. Расправы, казни, аресты, репрессии проводились по указанию Сталина,

по указанию его советников, присланных к Ракоши. Я уже об этом говорил, Ракоши был дубинкой Сталина против Югославии. Естественно, что югославы «горели» ненавистью, нетерпимостью и враждебностью к Ракоши. Когда авторитет Ракоши пошатнулся и против него повели работу коммунисты Венгрии, то здесь уже югославы приложили свои усилия в поддержку этих сил. Так слились усилия антиракошинских сил внутри Венгерской компартии с югославами. Так как мы раньше поддерживали Ракоши, то эти силы выступали и против нас. Так мы опять столкнулись с Тито. Здесь столкновение уже было публичным. Я раза два выступал против Югославии, против Тито, против его политики. Они, соответственно, нам платили той же монетой.

Товарищ Тито имел претензии на особую роль Югославии. Он, видимо, обольщался надеждой ослабить влияние КПСС на братские коммунистические партии и усилить влияние КПЮ. Кое-чего он добился. Тогда в лице Тольятти выступили итальянские коммунисты. Они не четко поддерживали политику СССР, Тольятти говорил об особой роли Югославии в коммунистическом движении, сформулировав тезис насчет возможности разных путей к достижению единой цели. Эта формулировка была в принципе правильной, она не противоречила марксистско-ленинскому учению, но в той перепалке, которая велась, казалась направленной против КПСС. Не думаю, что Тольятти хотел того. Но она давала повод выступить силам, которые стремились ослабить роль КПСС. А югославы попытались на этой основе усилить свою роль. Естественно, когда бьются две силы, то одна ослабевает, а другая усиливается. Правда, чаще всего бывает, что ослабевают обе стороны: они стараются вскрыть недостатки других и взаимно снижают свой авторитет в массах.

Спустя некоторое время уже Тито обратился к нам с предложением встретиться и опять восстановить хорошие отношения. Он предложил встречу на нейтральной территории: на корабле, плывущем по Дунаю, на границе между Румынией и Югославией. Мы согласились. Решили встретиться инкогнито, без опубликования материалов в печати. Но потом Тито предложил: «Давайте встретимся открыто и объявим об этом в печати». Местом встречи он избрал Бухарест. Мы вновь согласились. Состоялась беседа. Мы объяснились, хорошие отношения восстановились. Что значит — восстановились? Легко сделать заявление... Настоящие хорошие отношения восстанавливаются медленнее, чем это заявляется после встречи. В результате обострения отношений мы отказались от соглашения насчет кредита. Другие мероприятия тоже

были приостановлены. Нарушилось многое, что служило укреплению отношений между нашими странами.

У нас не было никаких причин конфликтовать с Югославией. После смерти Сталина мы не претендовали на гегемонию и придерживались принципов невмешательства во внутренние дела Югославии.

С другой стороны, в борьбе антагонистических сил на международной арене, капиталистических стран против стран социализма Югославия заняла особую позицию, как она назвала, неприсоединения к блокам. Это не всегда импонировало нашей политике, раздражало нас. Бывают случаи, когда такая позиция и возмущает. Эта искра у нас осталась незагашенной еще и потому, что Югославия отказалась войти в Варшавский Договор, хотя мы ей предлагали. Все европейские социалистические страны объединились в этом Договоре, а Югославия не вошла в него. Югославия занимала особую позицию и в торговле с Западом. Она заключалась в том, что Запад давал ей кредиты и разрешал фирмам Соединенных Штатов, Великобритании и других стран торговать, тогда как с Советским Союзом и другими социалистическими странами вести торговлю запрещалось.

Это не то чтобы раздражало, но давало повод брюзжать, — мол, империалисты из-за прекрасных глаз подарков никогда не делают. Если с нами запрещают торговать, а с Югославией эта торговля поддерживается, то, следовательно, Америка и Югославия имеют какие-то особые отношения. Много было недоброжелателей у нас в отношении Югославии. Их обвинения высасывались из пальца. А здесь политика была для нас совершенно иной. Империалистическим силам было и сейчас выгодно разъединять усилия стран социализма, направленные против капитализма. Они хотят нашу монолитность расщепить и в интересах этой политики делают все им доступное.

Естественно, когда капиталисты при контактах с социалистическими странами выделяли Югославию, а с другими не поддерживали нужной торговли, это вызывало раздражение. Нам некоторые изделия, особенно станочное оборудование и приборы, выгодно было бы купить напрямую в США. Но они нам не продавали, а Югославии продавали. Если бы с нами США торговали так же, как с Югославией, мы остались бы очень довольны. Зачем же нам переносить свой гнев на Югославию, которая пользуется теми же возможностями, которые и мы бы хотели иметь? Я лично здесь не видел причин для недовольства. У Болгарии с Югославией были испорчены отношения из-за территориальных споров.

Они имеют границу, которая разделяет македонскую народность. Часть ее живет в Болгарии, часть — в Югославии. Болгары претендуют на всех македонцев, считая их болгарами. Значит, их земля должна входить в Болгарское государство. Когда мы встречались с болгарскими товарищами, то критиковали их взгляды, разъясняли, что это незачинно. Нельзя сейчас поднимать вопрос о пересмотре границ между социалистическими странами. Тогда возникнут непреодолимые проблемы, которые будут не спланивать, а разъединять нас. Обострится спор между Болгарией и Румынией из-за Добруджи, между Югославией и Венгрией из-за Воеводины, между Венгрией и Румынией из-за Трансильвании. Тут такие дебри, в которые не следует забираться. Ничего реального все равно не получится, а только рассоримся и потеряем добрые отношения между социалистическими странами.

Югославы имели основание думать, что болгары выступали при поддержке со стороны СССР. Ведь наилучшие отношения у СССР именно с Болгарией. Считаю, что их надо оберегать и укреплять, но в данном случае болгары заняли неправильную позицию. Когда румыны и югославы решили строить гидроэлектростанцию у Железных Ворот на Дунае, болгары захотели вклиниться в это строительство. Я высказал болгарским товарищам свое мнение: их претензии ни на чем не основываются. Там болгарской территории нет. Если бы в результате строительства как-то затрагивалась Болгария, затоплялась или еще как-либо... Но тут никакого ущерба! Болгары приводили доводы, что они придунайская страна и поэтому претендуют на часть электроэнергии от этого гидроузла. Я тогда сказал болгарам: «Если бы, например, мы нечто подобное строили в Советском Союзе, то никогда не признали бы никаких претензий».

Болгары же официально поставили этот вопрос. Такие претензии очень обидели румынских и югославских товарищей.

Когда румынам мы разъяснили свою точку зрения, то румынские товарищи удивились.

Деж посмотрел на меня:

— Как вы сказали?

Я повторил.

Они были приятно удивлены, потому что считали, что болгары поступают так с нашего согласия, а может быть, и по нашему совету. Так вопросы, которые исходили не от нас, тоже создавали условия недоверия к политике Советского Союза в отношении к Югославии.

Но, как бы ни складывались наши отношения, они продвига-

лись в сторону улучшения. Просто эти отношения в разные периоды были разной степени теплоты. И все же жизнь брала свое. Мы приглашали югославов во главе с Тито посещать Советский Союз, и он неоднократно приезжал. Однажды мы пригласили его в Крым, а там несколько дней вместе отдыхали и охотились. Охота — древний способ общения. Но не она главное: ведется обсуждение вопросов, возникающих между двумя странами. Так же мы использовали встречу в Крыму. Она прошла по-дружески.

Югославы также приглашали нас. Я несколько раз возглавлял советские делегации при поездках в Югославию. Там встречи тоже были очень теплыми. Мы посещали заводы, в том числе судостроительный, на котором в свое время строили корабли для СССР. Да и сейчас, как я вижу, у югославских судостроителей большинство заказов из СССР. В один из приездов, в 1963 году, югославские товарищи предложили нам посетить тракторный завод на окраине Белграда. Я охотно согласился. Всеми миру известно, что Югославия претендовала на новый шаг в создании форм перехода от капитализма к социализму. Их формы руководства экономикой были более демократичны, чем наши, за счет привлечения общественности к управлению народным хозяйством: рабочих, служащих и ученых. Мы ранее выступали против. Теперь я захотел сам разобраться в деле, понять, в чем новые формы выражаются, насколько они правильны, могут ли быть использованы в наших условиях. На том заводе я добивался ответа на вопрос, как устанавливается план — годовой или пятилетний? Мне разъясняли. Выступили директор, представители профсоюзов, партийной организации. Но я так и не уловил их особенностей. У меня сложилось впечатление, что тут бутафорное прикрытие участием общественности, план же в основном устанавливает правительство и оно же контролирует его выполнение.

Тогда я прямо поставил этот вопрос. Югославские товарищи наполовину согласились со мной. Тем не менее продолжали доказывать, что югославские формы хозяйствования более привлекательные для народа, ибо руководит хозяйством не бюрократическая верхушка, как в СССР, а народ. В какой-то степени эти рассуждения заслуживают внимания. У нас ведь, кроме производственных совещаний, на предприятиях ничего такого не было, а производственные совещания носят сугубо совещательный характер и не могут обязать дирекцию отчитываться или отвечать за ведение дел перед производственным коллективом. Но я считаю, что централизованное руководство хозяйством в годы, когда я работал, было правильным. Только в последнее время я почувствовал не-

обходимость перемен: поставить дирекцию в зависимость от работающих на предприятии, более активно привлекать к разработке плана трудящихся. Полагаю, что в будущем это обязательно сойдется. И к контролю за выполнением плана трудящиеся тоже должны привлекаться более активно. Значит, полезное зерно в югославских формах хозяйствования существовало, что отрицать не следовало. Правда, мы публично тогда это не заявляли и критиковали югославов за отказ от органа, выполняющего функции Госплана как центрального планирующего учреждения. Раз все планируется через государство и уничтожены рыночные отношения, существующие в капиталистическом мире, то должен иметься и какой-то орган, который заменяет стихию плановостью.

Югославы разрешили своим предприятиям выход на рынок непосредственно. Те даже имеют право выходить на Запад с предложением о продаже своей продукции. Мы этого не понимали. Более чем не понимали! А раз не понимали, то были не согласны и критиковали их позицию. Югославы утверждали, что раскрепощают предприятия от бюрократических условий и создают лучшую базу для всестороннего развития экономики и удовлетворения спроса потребителя. Но это не всегда так. Однажды я беседовал с Тито в одной из наших совместных поездок, и он мне сказал: «Мы сейчас видим и отрицательные явления. Думаю, что у нас есть люди, занимающие руководящие посты на предприятиях и имеющие личные текущие счета в банках капиталистических стран. Они воруют». Там развернули кампанию борьбы против явлений, о которых Тито говорил мне. Создалась ситуация, когда югославы не получали почтой присылаемые с Запада товары. Не знаю, какие там существуют способы анонимного посылания товаров и по предъявлении какого документа можно получить такую посылку. Но дело запуталось. Тито говорил, что такие товары остались на таможне, особенно автомашины и другие ценные средства индивидуального потребления.

Тут, конечно, поиски нового. Но не все в жизни из югославского опыта оправдалось. Однако нельзя и отрицать все, над чем работали югославы. Кое-чего положительного они добились. Надо было нам спокойно относиться к этому и использовать то, что оправдалось жизнью. У нас же все проходило при взаимных обвинениях и упреках. Каждый претендовал на знание истины. Только то, что он делает, есть марксизм-ленинизм, а остальное — оппортунизм, капитализм и прочее. Считаю, что тут и та, и другая сторона занимали не всегда правильные позиции. Побуждения

то были хорошие, хотели найти истину. Между тем в вопросах практического строительства социализма организационных форм может быть очень много. Претендовать на единственно верный патент неправильно, а упорствовать при этом глупо. Касается это и политики.

В свое время Сталин имел в виду создать Балканскую социалистическую федерацию. Я работал тогда на Украине и деталей не знаю. Предполагалось, что возглавлять ее будет Димитров. В нее войдут Югославия, Болгария, Албания. Это были не только разговоры: наступила и следующая стадия развития идеи. Димитров выступил с докладом о создании такой федерации, под нее подводилась и материальная база. На окраине Белграда, на берегу Дуная, было заложено здание для правительства федерации. Рассчитывали, что Югославия и Болгария сыграют руководящую роль при создании федерации. Когда же Сталин повернул линию против Югославии, то все развалилось. Стройка заросла бурьяном, остался один железобетонный остов. Вот судьба еще одной нестандартной идеи.

Когда я посещал Югославию, то много ездил по стране, видел жизнь народа, посещал предприятия. Я узнавал много интересного. Однажды посетил строительство завода по производству химических волокон. Оборудование, очень интересное, было куплено в США. Завершение этого строительства обещало многое. Тито рассказывал, что в 1963 г. они получили 70 млн. долларов дохода от туризма. Для таких стран, как Италия, Швейцария, Швеция, эта сумма мизерна. Они получают от туризма больше. Но для нас то была весомая сумма. Тито рассказывал: «Мы строим гостиницы для туристов, соорудили ряд новых дорог. Происходит мобилизация средств ради привлечения валюты, которая нам необходима для торговли с капиталистическим миром». Это вызвало хорошую зависть у меня, и я стал расспрашивать: «Как вы этого достигаете?». Ответ: «В первую очередь строим дороги, потом гостиницы и рестораны. Чтобы обеспечить хорошее обслуживание туристов с Запада, посылаем своих людей в капиталистические страны учиться приему посетителей, приготовлению пищи и гостиничному обслуживанию».

Я посещал их туристские гостиницы. Они блистали чистотой, новизной, хорошим обслуживанием посетителей. Югославия — одно из красивейших мест в Европе. Пока я сам не побывал там, мне казалось, что наши Крым и Кавказское побережье являются мировым шедевром. Когда же посмотрел на Дубровник и другие замечательные места в Югославии, то понял, что нам следует про-

являть некоторую скромность. Я спросил Тито: «А как вы решаете вопросы, возникающие при пересечении границы таким количеством западных туристов, приезжающих на автомобилях? У нас поставлены к тому бюрократические рогатки. Не всякий турист захочет преодолевать их». Он рассмеялся: «Мы решили так. Шпионы не всегда ездят через границу на машинах. Они попадают к нам разными путями, а чаще всего прилетают с комфортом на самолетах. Борьба со шпионажем должна вестись разными средствами, а здесь мы установили свободный проезд. Охрана на границе проводит минимум проверок, практически к нам приезжают и уезжают совершенно свободно. Оформление занимает буквально минуты».

Когда я вернулся домой, то докладывал об их практике и предложил, чтобы наши товарищи воспользовались опытом Югославии. Мы приняли большую программу строительства гостиниц для туристов, стремились привлечь к делу новых людей. Наша страна имеет много прелестей для туристов: Сибирь с ее красотами и охотой на разнообразного зверя, Крым, белые ночи на Севере, разнообразные климатические условия, экзотика Средней Азии... Да сколько у нас своих достопримечательностей, которые при хорошей организации должны привлечь огромное количество туристов! Но прежде всего нужны гостиницы и кадры, которые могли бы принимать и обслуживать туристов. Я попросил Тито: «Хотел бы, чтобы вы разрешили прислать к вам наших людей позаимствовать такой опыт». Тито ответил: «Пожалуйста, все, что вас интересует, для вас открыто. Мы охотно вам все покажем и обо всем расскажем. Каких мы у себя туристов принимаем? Это не богатч, это не крупный капиталист, который прожигает деньги, к нам ездит трудовой народ, особенно рабочие. Очень много туристов приезжают на своих машинах из Западной Германии и из других стран тоже. У нас — турист средней обеспеченности, он не привозит больших капиталов, которые может тут оставить. Но он приезжает, пользуется нашими услугами, оплачивает их, и уже это нам выгодно. Он оставляет здесь валюту, которая нужна для торговли».

Впоследствии я не имел возможности контролировать, как пошли дела, ибо находился в отставке. Но по печати я вижу, что кое-что и у нас построено. Еще за много лет до отставки я поставил вопрос о том, как использовать золотой уголок — Пицунду. Там исключительные условия для привлечения отдыхающих. И я предложил построить там многие учреждения для отдыха. Там имеются к тому замечательные условия. Когда мы отдыхали в

Пицунде вместе с Микояном, то пешком обошли весь мыс: видели хороший лес, подходящий берег, близкие горы. Можно поехать оттуда на голубое озеро Рица. Близок такой центр, как столица Абхазии Сухуми. Рядом же Новый Афон и Гагра. Все учреждения мы создавали там для советских отдыхающих. Сейчас не знаю, какое направление делу дано. А тогда мы имели в виду, что человек будет приезжать для кратковременного пребывания, один или с семьей, получать там номер, отдыхать и ехать дальше.

Эти места отдыха проектировал архитектор Посохин⁷. Он мне импонировал своим конструктивно-художественным вкусом. Сначала он спроектировал невысокие здания, потом мы решили поднять этажность, поскольку это экономически более обоснованно. Хотелось, чтобы построек было поменьше, но более емких. Планировали первую очередь комплекса на пять тысяч человек с последующим развитием одновременного приема до десяти тысяч отдыхающих. Проект предусматривал водяное и паровое отопление. Потом решили построить дома на электрическом обогреве, что будет более экономично и более культурно. Как там все сделано, сейчас не могу сказать. Строили же чересчур долго. Но если построили хорошо, то возникнет прямо-таки жемчужина Кавказского побережья.

С каждым годом Югославия набирала все больше сил, что было видно и по тому, как развивалась ее экономика. Это же стало заметно и внешне: появились красивые здания, улицы теперь были в хорошем состоянии, народ стал одеваться приличнее. У нас модницы часто гоняются за туристами, которые прибывают из-за границы, и около гостиниц, где они размещаются, кланчат, вымогают и упрашивают продать им что-либо. В Югославии таких безделушек и товаров достаточно. И я спросил Тито: «Как вы разрешаете этот вопрос? К вам ведь приезжает много туристов. Мы у себя наблюдаем позорную картину, когда наши люди перекупают или выпрашивают вещи у иностранцев». «А мы делаем так. Когда появляется мода на какие-то предметы туалета, то покупаем соответствующую фабрику и стараемся производить эти товары у себя, удовлетворяя внутренний спрос за счет собственного производства». Нам это не так легко сделать. Пока фабрику построишь, у потребителя могут измениться вкусы, он станет гоняться уже за другими вещами. А покупать фабрики мы тоже не всегда в состоянии. Когда я делился впечатлениями о Югославии с товарищами, то предлагал покончить с нашим позором. Мы должны предугадывать, как меняется мода, и заранее производить нужные потребительские товары. Люди были бы довольны.

Нельзя рассматривать модниц и модников как чуждых лиц, с которыми не следует считаться или навязывать им: «На тебе, Боже, что мне не гоже!». Мы живем в другое, не сталинское время. Во времена моей молодости вкусы были не ахти как развиты. Но за модой всегда гонялась молодежь. Модники имелись и тогда и будут всегда. Можно ли в условиях СССР справиться с такой задачей? Безусловно. У нас огромные возможности. Со временем некоторые заводы будем покупать за границей. Но и самим надо шевелить мозгами, предвидя изменения моды и запросов потребителя, приспособливаться к их удовлетворению.

Интересная у меня состоялась беседа с Тито и относительно сельского хозяйства. Он высказывался так: «Когда у нас произошел разрыв с СССР, то, чтобы нас не упрекали в отступничестве от социализма, мы приняли даже административные меры, чтобы завершить коллективизацию. Осуществили это с нажимом, но добились успеха по линии количества. Однако оказались в тяжелом положении по линии производства продуктов сельского хозяйства и удовлетворения запросов городского населения. Тогда мы отказались от коллективизации и сейчас считаем главным создание не колхозов, а госхозов». Образовался довольно высокий процент земель, на которых созданы государственные сельскохозяйственные предприятия зернового, огородного, молочного и мясного направлений. Тито продолжал: «У нас мало-земелье, и мы покупаем землю для государства у крестьян. Большинство крестьян у нас одновременно и рабочие. Поэтому мы покупаем землю у этих рабочих, которые как бы раздваиваются: работают и на предприятии, и в сельском хозяйстве. Они охотно продают землю, а на ней мы создаем госхозы, по-советски — совхозы».

Полагаю, что это тоже социалистический путь развития деревни. Если говорить о кооперировании крестьян, то такую же примерно позицию занимал в Польше Гомулка. Мы его обвиняли в «антиколхозной политике», но Польша так и не пошла нашим путем при кооперировании крестьянства. Я считаю ленинский путь кооперирования крестьянства в принципе правильным. Но если бы сейчас начинать вновь проводить кооперирование, то так, как это провел Сталин, делать нельзя ни в коем случае. Слишком большие были издержки, и долгое время шло топтание на месте. Еще и сейчас не выправилось должным образом производство сельскохозяйственных продуктов в СССР. Не хватает картошки, овощей. Страна переживает острый недостаток мяса, яиц, птицы. Только молока, кажется, в достатке. У нас налицо плохая органи-

зация производства. Но, видимо, есть и другие причины, сдерживающие его развитие.

По газетам сейчас мне трудно разобраться, в чем дело. Когда идут сев, уборка урожая и заготовка овощей, то газеты и радио переполнены сообщениями о выполнении и перевыполнении планов в два-три раза. Спрашивается, где же эти продукты? В магазинах их нет. Я уж не говорю о выборе разных продуктов, об ассортименте. Тут уж не до выбора, не до жиру, быть бы живу. Люди покупают то, что есть в магазине, а не то, что хотели бы купить. А в провинции совсем плохи дела. Мы тогда критиковали Югославию за то, что она не проводит кооперирование деревни по-нашему, и критиковали Польшу, но не публично, а во внутренних собеседованиях. Недавно поляки приезжали ко мне в гости. Они говорят: «У нас есть любые сельскохозяйственные продукты и сколько угодно». Поляки же импортируют в СССР картофель. Так кто же оказался прав? Возможно, югославы и поляки. После смерти Сталина мы сильно корректировали сельскохозяйственную политику. На целинных землях, например, сначала шли по шаблону, стараясь переселить туда колхозников. Это вызывало страшные трудности. Поднять семью с насиженного места, оторвать от могил предков и переселить за тысячи километров украинца, русского и белоруса нелегко. Это потребовало невероятных усилий и больших материальных затрат. Тогда мы призвали молодежь и стали там для молодых строить дома, кредитовать их, помогать им самим в строительстве. Это значительно облегчило наше положение, особенно когда все узнали, что на целинных землях не будут создавать колхозы как искусственную организацию из переселенцев. Получается нерентабельное хозяйство. Выгоднее создавать совхозы.

И мы пошли по линии создания совхозов. На целинных землях колхоз — редкое явление. Там главным образом функционируют совхозы, у них самый дешевый хлеб. Говорю о времени, когда я находился в руководстве. Как мы дошли до такого решения? Как-то я поехал на целину. Я и раньше частенько выезжал туда, разъезжал по областям, знакомился с работой колхозов и совхозов. В одной из областей встретился с агрономом МТС, человеком уже пожилым, опытным, знающим сельское хозяйство. Он обратился ко мне с вопросом: «Товарищ Хрущев, я работаю агрономом в МТС, мы обслуживаем колхозы. Хотел бы вам рассказать, из чего складывается работа МТС и из чего — работа колхозов. Зона МТС, в которой я работаю агрономом, — зерновое хозяйство. У нас нет других видов растений, животноводства тоже почти нет. МТС все поля вспахивает и засеивает, потом все скашивает и обмолачивает. Тут я прихожу к председателю колхо-

за и спрашиваю, какое количество зерна ему причитается, хотя и сам знаю, сколько причитается зерна, а спрашиваю фактически, куда мне развозить это зерно? Я не понимаю, зачем мы раздаем зерно». Правительство тогда этот вопрос обсудило и резко изменило направление дела. Такие колхозы — одна видимость. И мы организовали совхозы. Та машинно-тракторная станция уже была совхозом. На землях, которые она обрабатывала, она и преобразовалась в совхоз. Колхозники же числились, но фактически не работали в колхозах, за исключением трактористов. Но и трактористы, и комбайнеры тоже работали в МТС. Я даже не знаю, что там делали пресловутые колхозники в колхозе, где все работы производились через МТС. И мы превратили колхозы в совхозы, что в условиях целинных земель оказалось более прогрессивной формой ведения хозяйства.

Чистое поле. Людей нет. Мы привлекаем их как работников МТС, строим им дома, другие обслуживающие учреждения, создаем предприятие по производству сельскохозяйственной продукции. Там, где уже имеется крестьянство, процесс более сложен. Есть и другой путь, который избрал Гомулка для Польши. Там тоже держат курс на госхозы, но создают сельскохозяйственные кружки — товарищества в качестве первичной производственной ячейки. У них имеются машины, которые на договорных условиях обрабатывают землю. Получилось вроде того, что у нас называли товариществами по обработке земли (ТОЗ). А поляки их называли сельскохозяйственными кружками. Главная их функция — закупка излишков сельскохозяйственных продуктов у крестьян и продажа по договорам государственным предприятиям. Дела там идут неплохо. Да и экономически это выгодно, потому что сельское хозяйство Польши находится на хорошем уровне. Поляки сейчас обеспечивают свои потребности полностью, даже в зерне, уж и не говорю о сахаре или картофеле.

У меня не раз бывали дружеские беседы закрытого характера с Гомулкой, когда он обращался к нам с просьбой продать им зерно. И мы продавали его Польше. Но они его скармливали свиньям и получали бекон для экспорта. А на хлеб пускали собственное зерно. Правда, югославы у нас зерно при мне не покупали и не просили. В последний раз я беседовал с Тито летом 1964 года, когда он возвращался из Финляндии. Я выезжал ему навстречу в Ленинград. У нас состоялись дружеские беседы, чему я очень радовался. Думаю, что югославские товарищи постепенно сами приходят к выводу о необходимости централизованного планирования народного хозяйства. Иначе невозможно его сбалансировать. Тогда надо будет обращаться к рынку, и возникнут не социалистические отношения, а элементы капитализма.

Впрочем, считаю, что есть много возможностей и разнообразных путей строительства социализма. Создавать какой-то единый шаблон, единую модель для всех стран невозможно и глупо. Не менее глупо называть все, что к этой модели не подходит, антисоциализмом. Надо проявлять терпимость и предоставить возможность каждой стране и партии выбирать свой путь, исходя из местных условий: исторических, экономических, этнических и прочих. Лишь бы основные средства производства принадлежали государству и оно опиралось на диктатуру пролетариата. Вот основные условия! На меня хорошее впечатление производил и народ Югославии. Но в рядах ее коммунистов имели место некоторые искания, которые ослабляли устои партийной дисциплины. В беседах со мной Тито об этом говорил. Теперь, на положении пенсионера, я читаю, как он, выступая, предупреждает, что иной раз движение там идет такое, которое может расшатать партию. Каждая партия должна оберегать единство своих рядов. Какую роль во всем этом играют сам Тито, Вукманович, Попович, Ранкович, не знаю.

Товарищ Тито показал себя коммунистом во время войны, когда организовал партизанские отряды и боролся против гитлеровского нашествия. Он также показал себя коммунистом в мирном строительстве социализма в Югославии.

Могут мне возразить:

— А как же вы неоднократно выступали с его критикой?

Да, я выступал с критикой товарища Тито. Я и сейчас бы не отказался от принятой тогда критики позиции Югославии.

Тем не менее, я тогда считал и сейчас считаю, что в своей основе Тито как руководитель заслуживает признания и уважения.

О других руководителях Югославской компартии Ранкович. Я не знаю, что с ним случилось, в чем его обвинили и в каком положении он сейчас находится. Я могу судить о Ранковиче, с которым я встречался, когда приезжал в Югославию, о Ранковиче, который приезжал в нашу страну на совещания коммунистических партий. Он тогда представлял Коммунистическую партию Югославии, и мне с ним всегда было приятно встречаться. Он всегда давал понять, что он ближе других к пониманию нашей политики. Он с уважением относился к нашей партии, к нашему народу, к нашей действительности. Повторяю, не знаю, в чем его сейчас обвиняют, но этот человек был выдвинут жизнью и прошел все испытания. Могу только повторить: я относился к нему с уважением.

Попович. Он на меня производил тоже хорошее впечатление. Очень откровенный человек, очень горячий, прошел проверку войной. Он командовал, кажется, дивизией. В беседах иной раз мы вступали с ним в перепалку, это неизбежно между людьми, занимающими принципиальные позиции. Это не означает столкновения врагов. Нет, тут желание разобраться, найти позицию, которая послужила бы основой для соглашения.

Вукманович. Я о нем уже говорил. Я не знаю, какой он сейчас занимает пост. Не слышно о нем в печати. Я не сомневался, что он предан делу коммунизма и, несмотря на горячность, достоин уважения. Я с уважением к нему относился, особенно за его прямоту и откровенность. Иной раз он мог высказаться так резко, что неприятно было слушать, но надо считаться с другими мнениями. Человек высказывает свои взгляды, и если эти точки зрения приходят в столкновение с другими мнениями, то надо отыскивать общую точку зрения, общие позиции.

Добавлю кое-что о позиции югославских коммунистов на Международных совещаниях братских партий в Москве в 1957 и 1960 годах. Там они присутствовали в качестве наблюдателей, участвуя в обсуждении разных вопросов, но итоговый документ не подписали. Это нас раздражало. Я такую позицию не понимал, но мы ничего не могли поделать. Югославские товарищи не хотели брать на себя никаких обязательств. Думаю, что здесь проявлялось то положение, в котором оказалась их страна. Когда мы беседовали об этом с Ранковичем, он заявил: «Мы сейчас не можем изменить свою позицию. В современном международном положении мы хотим оставаться неприсоединившимися, вне любых блоков». То есть они хотели представлять страны, как бы промежуточные между капиталистическим и социалистическим мирами или освобождающиеся от колониального гнета. Тут они хотели стать лидерами.

Потом я узнал о встречах югославских делегатов с Мао Цзэдуном. Мао им сказал: «Не подписали? Ничего страшного. Правда, хозяева немножко нервничают, но все перемелется и нормализуется, вы не огорчайтесь». Китайская же компартия подписала итоговый документ, и в беседах с нами ее представители агрессивно высказывались в адрес представителей Югославии. Получилось, что на деле Китай как бы заигрывал с Компартией Югославии: мол, КПСС слишком придирчиво относится к вам, а китайцы более либеральны. Вот вам пример, как споры аргументируются принципиальностью! Какая тут принципиальность? Ведь за единый документ мы боролись вместе с Китаем, и он же одобряет партию, которая его не подписала. Правда, прошли те времена,

когда Коминтерн выступал в роли дирекции международного коммунистического движения и издавал положения, обязательные для всех компартий. Сейчас такого нет и быть не может. Надо с большей терпимостью относиться к позициям разных партий. Но это не значит, что допустимо выходить за пределы принципиальности. Тогда не останется и коммунистического движения.

С Югославией у нас было больше общего, чем различий, особенно по принципиальным вопросам. Расходились мы порой в вопросах практического строительства, это допустимо и с этим надо считаться.

¹ Информацию в советское посольство поставлял член Политбюро ЦК КПЮ С.ЖУЙОВИЧ.

² В период хороших отношений с новой Югославией (1945 — 1946) советским послом в ней был И.В. САДЧИКОВ (род. 1906 г.), впоследствии посол в Иране, ответственный сотрудник центрального аппарата МИД СССР и директор Московского отделения Международного бюро труда. В 1946 — 1949 гг. послом был А.И. ЛАВРЕНТЬЕВ (1904 — 1984), перед этим — нарком иностранных дел РСФСР, а впоследствии заместитель министра иностранных дел СССР, посол в Чехословакии, Румынии, Иране и ответственный сотрудник центрального аппарата МИД СССР. За ним в Белграде временным поверенным в делах до 1953 г. был Г.П. ШНЮКОВ. В 1953 — 1955 гг. пост посла занимал В.А. ВАЛЬКОВ (1904 — 1972), перед этим — посол в Нидерландах и ответственный сотрудник МИД СССР, а впоследствии — вновь в МИД и на научной работе. В 1955 — 1957 гг. Н.П. ФИРЮБИН (1908 — 1983), перед этим — посол в Чехословакии, а впоследствии заместитель министра иностранных дел СССР, в 1957 — 1960 гг. И.К. ЗАМЧЕВСКИЙ (1909 — 1979), раньше и позже посольской работы — ответственный сотрудник МИД СССР. В 1960 — 1962 гг. А.А. ЕПИШЕВ (1908 — 1990), перед этим — посол в Румынии, впоследствии начальник Главного политического управления СА и ВМФ. В 1962 — 1967 гг. А.М. ПУЗАНОВ (род. в 1906 г.), до этого — посол в КНДР, впоследствии посол в Болгарии и Афганистане.

³ П.Ф. ЮДИН отвечал за ряд направлений деятельности Коминформа (Информационного бюро коммунистических и рабочих партий, 1947 — 1956), заседавшего в Белграде, и постоянно бывал там как главный редактор его газеты «За прочный мир, за народную демократию!».

⁴ Официальные публикации в СССР по югославскому вопросу как резолюции Коминформа были помещены за числами 29 июня 1948 г. и 29 ноября 1949 г.

⁵ ПОПОВИЧ К. — югославский общественный деятель, публицист, генерал, до 1953 г. начальник штаба югославской армии, в описываемое время министр иностранных дел, в дальнейшем — вице-президент СФРЮ.

⁶ Декларация по итогам переговоров с 27 мая по 2 июня между правительственными делегациями СССР и СФРЮ была принята 2 июня 1955 г.

⁷ ПОСОХИН М.В. (1910 — 1989) — главный архитектор Москвы в 1960 —

1982 гг., народный архитектор СССР с 1970 г., председатель Комитета по гражданскому строительству и архитектуре при Госстрое СССР и зам. председателя Госстроя в 1963 — 1967 гг. Построенные частично по его проектам здания в Пицунде, о чем здесь говорится: пансионат на три тысячи мест с семью высотными корпусами вдоль морского берега и пр.

ПРОБЛЕМЫ ГЕРМАНИИ

Общими усилиями союзных держав гитлеровская Германия была разбита. В результате образовались новые границы, затем появилась Германская Демократическая Республика, правда, уже после того, как западные страны, бывшие наши союзники, образовали Германскую Федеральную Республику (потом ее у нас называли Федеративная Республика Германии). Судя по разговорам, которые я слышал в окружении Сталина, после разгрома Германии он не задавался целью создания в Германии демократической республики. На первых порах Сталин, да и другие руководители ВКП(б) предполагали, что в Германии возродится сильная коммунистическая партия, весь рабочий класс объединится вокруг нее, и она займет достойное место при строительстве новой Германии. Эти надежды не оправдались. Реакционными силам Германии удалось воспрепятствовать такой ее судьбе, и коммунистическая партия ни в одной оккупационной зоне не сумела восстановить то влияние, которым она обладала до прихода Гитлера к власти. Видимо, она много потеряла своих членов и в руководстве тоже лишилась сильных кадров. Конечно, США, Англия и Франция стали прилагать усилия к тому, чтобы Германия осталась капиталистической и не превратилась в союзника СССР. К нашему сожалению, им этого удалось добиться, прежде всего в западных зонах страны. К чему я это говорю?

Когда я был с визитом во Франции и мы беседовали с де Голлем, я настаивал на кардинальном решении германского вопроса. Де Голль мне тогда сказал: «Сейчас не надо объединять Германию. Я некогда предлагал даже разделить Германию на несколько государств, но господин Сталин меня не поддержал». У Сталина на то имелись свои соображения. Что касается текущей политики, то де Голль торжественно пообещал: «Господин Хру-

щев, заявляю вам, что Франция никогда не будет воевать с Россией. Но и вы со своей стороны не добивайтесь изменения существующего положения. Давайте будем трезво смотреть на сложившуюся ситуацию. Пусть ГДР живет в составе Варшавского объединения, а Западная Германия — в составе НАТО». Таким образом он стремился не нарушать баланс сил, сложившийся после войны.

Непосредственно после разгрома Германии и Потсдамских соглашений практической линии Сталина в германском вопросе я не чувствовал. Мне не ясно, имел ли он какие-то серьезные намерения создать социалистическое государство в зоне, оккупированной нашими войсками. Не случайно из нее все, что заслуживало внимания, вывозилось в СССР по репарациям. Потом ГДР тоже еще долго выплачивала репарации — ту долю, которая причиталась ей на основе Потсдамских соглашений, это довольно значительные величины. Я знаю положение нашей страны после войны и те потери, которые мы понесли в результате вражеского нашествия, нашу бедность, нищету, голод. У нас продукты и товары выдавались по карточкам, и далеко не все можно было приобрести. Были кошмарные условия жизни, трудно сейчас себе даже представить, в каких условиях оказался наш народ. А ведь требовалось прилагать усилия и для возрождения Родины, и для продолжения строительства социализма.

Однако раз мы начали вести борьбу за душу немецкого народа, прежде всего за душу рабочего класса, то вопросы его материального обеспечения и роста благосостояния имели большое значение и для нас. Мы же, беря репарации, демонтировали оборудование в Восточной зоне оккупации и вывозили его в Советский Союз. Иной раз вывозили совсем разломанное: некоторые машины еще могли быть использованы на месте, но, когда мы их демонтировали и перевезли к себе, где-то поставили, пользы не было. Много у нас имелось такого оборудования, особенно металлических каркасов для предприятий в Сибири. При сибирских морозах многие такие сооружения просто рухнули.

Быстро сложились неравные условия для немцев ГДР и ФРГ. В последней почти ничего не демонтировалось, и западные немцы с благословения союзников нам репараций почти не выплачивали.

Более того, США усиленно помогали возрождению хозяйства в западных зонах оккупации. Западные страны предоставили ФРГ крупные кредиты, оказали ей содействие поставкой оборудования, предметов потребления. В этих условиях нам

очень трудно было создать более привлекательные условия для восточных немцев.

В результате Западная Германия добилась лучших результатов. Коммунистическая партия в ФРГ слабо набирала силу, влияние ее было ограниченным. Успешно восстановились зато другие партии, не только социал-демократическая и буржуазные, но и более правые. Весь их аппарат пропаганды был направлен против Советского Союза, ГДР, коммунистических партий в ГДР и ФРГ. Затем Западный Берлин превратился в камень преткновения. Нарушились былые взаимоотношения союзников по борьбе против гитлеризма. Запад через Западный Берлин начал проводить подрывную работу в ГДР. Это удавалось довольно легко, потому что и там, и там немцы, вопрос о языке, культуре и внешних национальных признаках при засылке агентов не существовал. К тому же имелись свободный проезд и свободное общение между Западным и Восточным Берлином — границы не было. ГДР тоже обладала возможностью посылать своих агентов в ФРГ, но в большей степени этим пользовались с западной стороны.

Встал вопрос: как вести борьбу против западного влияния? Самый нормальный и правильный метод борьбы — сражение за умы людей уровнем развития культуры, политической линией и созданием более благоприятных условий жизни, чтобы люди имели возможность сделать свободный выбор. Но в тех условиях реально свободного выбора не было. Западная Германия — богатая, с большим промышленным потенциалом, сырьевыми ресурсами и производственными мощностями довела. К тому же она опиралась на промышленность и финансы других стран Запада, включая не разоренные войною США. Запад задался целью превратить Западный Берлин в зеркало хорошей жизни, в витрину капиталистического мира, с тем чтобы привлекать к себе людей из Восточной Германии и вовлекать их в борьбу против социалистических мероприятий, проводимых в ГДР. Казалось бы, тут дозволенное средство. Каждый человек имеет возможность выбора по своим убеждениям, идет борьба за умы. Однако фактического равенства не существовало. СССР сам нуждался тогда в самом необходимом. Требовалось восстановить разрушенные города и села, машиностроительные и металлургические заводы, шахты, уничтоженное жилье. Ураган войны подорвал нашу экономику. Поэтому мы не могли вступить в соревнование на равных, противопоставить свои материальные ресурсы ресурсам Запада.

Западная Германия стала более привлекательной, чем ГДР,

особенно для инженеров, врачей, преподавателей, высококвалифицированных рабочих. Они частично потянулись в ФРГ. Другие просто ехали к своим прежним хозяевам, бежавшим на Запад, а за собой потянули более мелких сошек. Условия жизни в ГДР ухудшались. Сталин решил оборвать этот поток, установив блокаду Западного Берлина на сухопутных средствах сообщения. Он хотел «нажать» на Запад, создать единый Берлин и закрыть границы Восточной Германии. Когда был прекращен доступ в Западный Берлин с запада, это привело к большому обострению обстановки. Запад мобилизовал все свои силы. США создали «воздушный мост», авиацией завозя все для поддержания прежнего уровня жизни в Западном Берлине. Там ограничений не возникло.

Отношения между бывшими союзниками накалились. Сталин не исключал того, что противостояние может вылиться в военный конфликт. Советская Армия была приведена в боевое состояние. В любую секунду, получив приказ «Огонь!», зенитная артиллерия вокруг Москвы была готова к отпору воздушного противника. Тогда же Сталин убоялся вдруг того, что на Болгарию готовится нападение со стороны Турции. Были срочно вызваны болгарские руководители для форсирования контрподготовки. Военные планировали, какие мероприятия следует срочно предпринять. Сталин тогда чувствовал себя не совсем уверенно и не считал, что если развяжется конфликт, то мы сможем справиться со всеми трудностями. Вопрос стоял не о наступательных операциях против Запада, а об оборонительных на границе Советского Союза с Турцией. Холодная война в эфире и в печати велась полным ходом. Все не щадили для нее ни сил, ни средств.

Потом Сталин, убедившись в действенности «воздушного моста», решил прозондировать возможность ведения переговоров для ликвидации конфликта из-за Западного Берлина. Запад согласился. По дипломатическим каналам были выделены особополномоченные. Они подписали соглашение, и блокада была снята. После смерти Сталина, когда мы стали заниматься проблемой Западного Берлина, выяснилось, что условия, которые были записаны в новом соглашении, оказались для нас тяжелее, чем Потсдамские. Запад сумел, используя напряжение, навязать условия, которые были более благоприятны ФРГ, чем ГДР. К тому времени ГДР уже вступила на путь строительства социализма. Раскол Германии усилился.

Несомненно, историческое значение марксистско-ленинского учения и возможности, которые это учение предоставляло и предоставляет для всех стран мира, для трудового народа, понимает

передовая часть общества, передовая часть рабочего класса и интеллигенции, но, к сожалению, на каком-то этапе вопрос идеологии решается «брюхом», глядя на витрины магазинов, цены и заработную плату. Тут мы не имели возможности тягаться с Западом, тем более с Западным Берлином, куда капитализм просто бросал подачки, чтобы резко противопоставить материальную обеспеченность западных берлинцев восточным.

Впервые мы резко столкнулись с этими трудностями в июне 1953 г., когда в Берлине и других городах ГДР возникли волнения¹. Мы были вынуждены использовать танковые войска. Оружие в ход не пускалось, но боевая техника стояла на улицах. После этого на Западе в открытую заговорили о том, что политика правительства Восточной Германии проводится в опоре на Вооруженные Силы СССР. В какой-то степени это, безусловно, отражало сложившееся положение. Но не полностью. Были, например, лидеры партий в ГДР, оказавшиеся во время тех событий на Западе. Однако они не захотели воспользоваться моментом и вернулись в ГДР. Коалиция Социалистической единой партии Германии с другими партиями продолжала действовать. Было отрадно, что и другие партии в ГДР пользуются доверием народа. Какая-то часть немцев вела, опираясь на западную пропаганду, борьбу против социализма в ГДР, но усилия этих людей не имели успеха, и их акции провалились.

Мне приходилось несколько раз бывать в Восточной Германии. Я ездил по ее городам, бывал на предприятиях, в сельских местностях и госхозах. Признаться, меня приятно поразило теплое отношение немцев к нашей стране. В первый приезд в 1955 году мы ехали на автомашинах с Вальтером Ульбрихтом² и другими товарищами с аэродрома. На улицах Берлина было очень много народа. Я, признаться, такого и не ожидал. После кровопролитной войны, которая прошла между нашими народами, я считал, немцы долго не смогут ее забыть. Хотя виновником был Гитлер, но Гитлера уже нет, а страдания достались народу, он понес жертвы. Думаю, что в каждом доме там имелись потери. Я исключал какую-то антисоветскую демонстрацию, открытую враждебность, но встречу молчанием и холодными взглядами считал неизбежной. Однако увидел другую картину. Немцы встречали нас радушно и, я бы сказал, искренне. На меня смотрели люди с приятными открытыми улыбками. Встречались и колкие взгляды из-под бровей, но таких было мало. Это меня обрадовало. Значит, у нас могут наладиться добрые отношения, и они могут перерасти в дружеские.

В другой раз мы ездили по стране вместе с Гротеволем³. Это было летом, в августе 1957 года. Мы встречались с крестьянами на полях, побывали и на химическом предприятии. В клубе собралось человек 100. Докладывал о продукции завода инженер. Мне Ульбрихт говорил, что это талантливый человек, хорошо настроенный и честно работающий в социалистической Германии. Когда официальные переговоры кончились, а мы сидели за столиками, начались разговоры на вольные темы. Пользуясь такой возможностью, немцы задавали всяческие вопросы нашей стороне, в то время оккупантам. Подняли и такой вопрос: какова перспектива развития ГДР и создания единого немецкого государства? У интеллигенции ГДР были сильны устремления на национальное объединение. Люди, которые ставили эти вопросы, не считались с социально-политическими условиями разных систем: Западная Германия развивалась в капиталистических условиях, Восточная Германия приняла решение о строительстве основ социализма. Социальную проблему эти люди затушевывали, а на первый план выдвигали национальную, ставя целью создать единое германское государство.

Мы, и я в том числе, разъясняли, что воссоединение двух Германий — наша главная цель. Только на какой основе? Если бы можно было добиться объединения на социалистической основе, то не только не возникло бы возражений, а наоборот, нами все силы были бы приложены к тому, чтобы сделать это как можно быстрее. Однако руководители Западной Германии стояли на противоположных позициях и добивались объединения на капиталистической основе. Поэтому надо взвесить, кто и что потеряет при таком объединении. Помню в этой связи другое собрание, на котором присутствовали и женщины, не работавшие на данном предприятии, но жители того же города. Мои слова их огорчили. Видимо, они не особенно были привязаны к строительству социализма и боялись, что граница на длительный период или навечно разделит Германию. Все они имели своих родственников и знакомых в Западной Германии и понимали, что наступит время, когда возникнут условия, которые не позволят им общаться. И все же значительная часть присутствовавших нас поддержала. Конечно, я понимал, что на собрании были главным образом активисты СЕПГ, так что эта реакция не вызвала во мне особого удивления.

Товарищ Ульбрихт предложил: «Давай пригласим и людей из Западного Берлина на беседу». Тогда четких границ между двумя Берлинами еще не было, собраться не составляло труда. Су-

ществовали связи с общественностью Западного Берлина, вечером собралось человек 100. Мы организовали кофе, было и пиво. Как обычно на немецких собраниях, желающие курили. Пришли люди интеллигентного труда и рабочие, очень много социал-демократов. Завязалась беседа. Там я почувствовал признание ими прогрессивного начала, идущего от наличия ГДР. Социал-демократы говорили, что она прокладывает новый путь всему немецкому народу. Одна старая женщина высказалась так: «Я социал-демократка с такого-то года, столько-то лет в партии, и я рада, что дожила до времени, когда осуществляются наши идеи на немецкой земле, на территории Германии строится социализм. Поэтому, хотя мы живем в Западном Берлине, мы приложим все усилия для успешного развития социализма в ГДР».

Помню и еще один мой визит в ГДР. Тогда я возглавлял советскую делегацию, посетившую в марте 1959 года Лейпцигскую ярмарку, кстати, отлично организованную. Присутствовали не только фирмы социалистического мира, но и из западных стран. Ярмарка производила сильное впечатление, была богатой. Потом в городе состоялся митинг. Да, митинги мы научились проводить хорошо, но было приятно, что на том митинге произносились слова о признании прогрессивного начала, идущего от ГДР и СССР. Вскоре товарищ Ульбрихт вновь предложил встретиться с социал-демократами и беспартийными рабочими Западного Берлина. Нас пригласили в большое помещение клуба. Собрание было хорошо организовано. Фраза каждого оратора сейчас же переводилась и поступала к слушателям через наушники. Выступали рабочие, включая, социал-демократов. Все они горячо поддерживали Германскую Демократическую Республику. Мне это очень понравилось. Думаю, что среди них были и противники социалистического строительства в Германии, но эти не выступали. Условия ведения собрания были вполне демократичны, так что они тоже могли бы выступить, но я контрречей тогда не слышал.

Я и сейчас понимаю, и тогда понимал, что большинство населения в Западной Германии стоит на капиталистических позициях. Это отражается и в малочисленности Коммунистической партии Германии⁴. Даже в легальных условиях существования она на выборах собирает ничтожное количество голосов. Все свидетельствует там о том, что капитализм цепко держит умы людей и хорошо может вести их за собой. Тем не менее, наши встречи показали, что в Германии прогрессивные силы постепенно возрастают. По-моему, товарищи в ГДР коллективизацию хорошо провели. Ее проведение в немецких условиях — очень сложная

политическая операция. Немецкое сельское хозяйство всегда было на высоком уровне, и крестьянину-немцу трудно переварить линию на кооперирование хозяйств. А властям трудно доказать ему необходимость отказа от личного хозяйства и перехода на социалистические рельсы. Несмотря на социальные трудности и национальные особенности, немецкие товарищи, я бы сказал, блестяще справились с этим делом. Сравним его с проведением коллективизации сельского хозяйства в Советском Союзе. У нас она сопровождалась арестами кулаков и другим административным нажимом. У немцев ссылая кулаков было некуда, да они и не выслали никого и никуда. Немецкие крестьяне сами постепенно пошли в кооперативы, которые стали хорошо работать⁵.

Политическое положение в Европе оставалось нестабильным. Это передавалось и ГДР. Любое колебание температуры мировой политической атмосферы прежде всего сказывалось там, где сосредоточены противоречия сторон. А это в первую очередь — Западная Германия и Восточная Германия. Они служили своего рода термометром. Мы искренне хотели добиться заключения мирного договора с Германией и считали, что можно достигнуть этой цели. Решили разработать и предложить такие условия подписания договора, которые закрепили бы создавшееся фактическое положение. Если Потсдамские соглашения по Германии принимались как временные, то теперь предстояло выработать постоянные. Они должны были закрепить статус-кво, чтобы капиталистическая часть Германии и социалистическая были обе признаны самостоятельными. Западный же Берлин пусть существует отдельно, на особом статусе вольного города.

Я форсировал разработку этого вопроса, переговорил лично с товарищем Ульбрихтом. Но, когда я ему изложил свои предложения и условия заключения мирного договора с западными державами, он отнесся к ним скептически, особенно к предложению о вольном городе. Я ответил, что и сам считаю, что это очень сложное условие и что, возможно, при мирных переговорах оно не будет принято, однако другого предложения у нас нет. Мы же не можем уступить и отказаться от своих завоеваний, создавая на капиталистической основе единую Германию. А другая сторона социализм не примет. Надо рассуждать реально и принимать создавшиеся условия, разумно подойти к решению вопроса и вместе с Западом принять окончательное решение. Ульбрихт ответил: «Имелся прецедент. Данциг был когда-то вольным городом, и что из этого вышло?» Я ему: «Теперь должно выйти! Многого пока не получится. Может быть, мы не добы-

емся полного согласия от наших бывших западных союзников на своих условиях. Но надо искать взаимоприемлемую разумную основу. Мы должны гарантировать независимость Западного Берлина, записать это в договоре и заручиться согласием ООН. Пусть Западный Берлин станет нейтральным городом с социально-политическими условиями, зависящими от желания его жителей. Должно гарантироваться полное невмешательство во внутренние дела вольного города и с той, и с другой стороны». Западный Берлин живет подачками Западной Германии и США, его жители не имеют возможности сами существовать и поддерживать должный экономический уровень. Мы предложили взять на себя обязательства давать заказы, которые бы выполнялись промышленностью Западного Берлина. Эти средства обеспечили бы высокий жизненный уровень живущих в Западном Берлине. Кроме того, мы предлагали перенести штаб Объединенных Наций из США в Западный Берлин. В результате Западный Берлин получил бы большой источник дохода, кроме того, он получил бы политическую страховку. Нас обвиняли, что мы стремимся ликвидировать самостоятельность Западного Берлина. Этим предложением мы хотели доказать, что этой цели не преследуем. Таким образом, мы предлагали связать Западный Берлин с Объединенными Нациями, и мы как члены ООН должны были бы уважать и придерживаться принятых на себя обязательств. Подискутировав, мы пришли к согласию.

После этого мы предложили совместно министерствам иностранных дел СССР и ГДР разработать конкретные предложения. Главное мы взяли на себя, но считали, что будет лучше, если разработкой именно конкретных предложений займутся немецкие товарищи. Они чувствуют местную специфику. Мы были заинтересованы в том, чтобы немцы не только одобряли наши предложения, но и сами участвовали в их разработке. Затем мы разослали наши предложения США, Франции, Англии, послали и в Западную Германию, предложили их обсудить⁶. Запад не согласился с нашими предложениями, отверг их. Ничего у нас конкретного так и не получилось, не удалось создать более стабильное положение в центре Европы. Западный Берлин остался источником трений и обострений между странами социализма и странами капитализма. Таким образом, мина замедленного действия, заложенная в Западном Берлине, способна принести неприятности не только нашим странам, но и привести к мировому пожару. Тут сказалась неразумная политика наших партнеров. К сожалению, никакие наши доводы не повлияли на них, и они все-таки сохра-

нили Западный Берлин в таком положении, в каком он сейчас находится⁷. Когда сработает эта мина, никто сказать не может, но последствия могут быть довольно тяжелыми.

Мы тогда стали думать, как же быть дальше? Вероятно, надо проявлять больше активности. Назначив срок встречи по германской проблеме, мы заявили, что если некоторые страны не захотят начать переговоры о Германии, то мы будем вести переговоры с теми, кто заинтересован в решении проблемы и хочет решить спор, доставшийся в наследство от второй мировой войны. Нами была проявлена очень большая активность через печать и телевидение. Однако по всему заранее было видно, что западные страны на решение проблемы не пойдут. Тогда мы, стремясь нажать на них, пригрозили, что если Западом не будет подписан мирный договор с Восточной Германией, то его подпишут только социалистические страны и все другие, заинтересованные в решении проблемы. Тогда изменится и статус Восточной Германии, а вопросы доступа в Западный Берлин будут решаться впредь Германской Демократической Республикой. Это, конечно, создавало бы трудности для западных держав. Получалась опять блокада. Правда, мы говорили, что более блокаду мы не будем организовывать и гарантируем доступ в Западный Берлин и из Западного Берлина. Но хотели, чтобы условия доступа в Западный Берлин были бы обсуждены и выработаны всеми заинтересованными сторонами, включая условия перемещения по территории ГДР. Следовательно, страна, которая захочет иметь связь с Западным Берлином, должна войти в дипломатические отношения с ГДР и договориться об условиях доступа в Западный Берлин.

Сразу же Англия, Франция и США выступили с заявлением о неприемлемости наших предложений и предупредили, что будут отстаивать свои права, вытекающие из Потсдамских соглашений⁸. К тому времени Западная Германия уже набрала большую экономическую мощь, входила в состав НАТО, создала многочисленные вооруженные силы. Конечно, они ни в коей мере не могли равняться с нашими, тем не менее, свершившиеся перемены надо было учитывать, ибо ФРГ стала самым сильным в Европе государством, обогнав и Францию, и Англию и играя заметную роль в экономике и политике Западной Европы. Экономический подъем в ФРГ тогда называли «немецким чудом». В печати приписывали это чудо Людвигу Эрхарду⁹, который одно время возглавлял правительство ФРГ и много занимался ее экономикой. Заработная плата рабочих там существенно возросла по сравнению с зарплатой в ГДР и других социалистических странах. В За-

падную Германию потянулись рабочие из Италии, Югославии, Турции, прочих стран. Конечно, потянулись туда люди и из ГДР, особенно наиболее квалифицированные. Стала бежать интеллигенция. Ушло много врачей, студентов и просто абитуриентов, окончивших средние школы. В ГДР они получили образование, а в ФРГ — работу. Перебежало немало инженеров.

Экономика ГДР тоже находилась на подъеме, но она не могла соревноваться с экономикой ФРГ. Образовавшееся в связи с этим тяжелое положение все более обострялось. В этих условиях продолжалась борьба за мирный договор с двумя Германиями. Когда пришел назначенный нами срок заключения договора, мы поняли, что ничего из этого не получится. Мы стремились создать крепкие основы мирного сосуществования, а дело шло, возможно, даже к военному конфликту. Я лично не ожидал вооруженного столкновения, хотя бы и в случае одностороннего подписания мирного договора с ГДР. Но у нас никаких спорных вопросов с ГДР не существовало в силу единого понимания путей развития. К тому же обе стороны находились в рамках Организации Варшавского договора. Поэтому не было смысла односторонне подписывать мирный договор, если мы не хотели обострить отношения с Западом до крайности. Посоветовавшись, мы отложили подписание договора на неопределенное время.

Немецкие товарищи поставили вопрос о большой нехватке рабочей силы. Ворота в Западный Берлин были открыты. Стали уходить и крестьяне, в госхозах дисциплина ослабла, они начали хуже работать. Это раскачивало позиции Ульбрихта. Когда мы повстречались с ним, я почувствовал, что у него появилась неуверенность в будущем. Чтобы как-то разрешить проблему, он поставил вопрос о выделении ему рабочей силы из СССР. Тогда я спросил его: «Хорошо, Вальтер, каких ты хочешь получить рабочих? Квалифицированной рабочей силы у нас не так много. Сами нуждаемся в ней. Да и вряд ли ГДР она нужна». «Нет, — говорит, — нам необходимы подсобные рабочие». «Вальтер, пойми наше положение, — возразил я. — Мы провели тяжелую войну с фашистами, которые разгромили наши промышленные центры, города и села, дошли до Сталинграда и Северного Кавказа, мы понесли огромные потери, а теперь победители будут чистить нужники в Германии? Это заденет самолюбие наших людей. На это мы пойти не сможем». «Да, — согласился Ульбрихт, — я понимаю, что для СССР это будет трудно». «Нет, не просто трудно, а невозможно. Надо искать другой вариант».

Мы посидели и разошлись, ничего не решив. Договорились

хорошенько еще подумать, как быть. Я долго искал выход. Самый простой выход и для нас самый приятный — экономическое опережение Западной Германии: добиться более высокой производительности труда, высокой доходности, высоких заработков в ГДР. Это сделает жизнь в ней более привлекательной и окажется здоровой основой соревнования двух систем. К сожалению, такие условия соревнования тогда не получились. Нужно время. Тот же вопрос стоит и сейчас. Еще и сейчас мы не можем, к сожалению, сказать, что опережаем на всех участках капиталистический мир. Мы развиваемся, но прогрессирует и капитализм.

Требовалось быстрое и конкретное решение. Раз мы не можем решить вопрос о соревновании в экономике, то остается путь политической инициативы. Появилась необходимость создать государственное регулирование перемещения людей из ГДР и в ГДР. Даже мирный договор в этом плане немного бы нам дал. Ведь в проекте мирного договора, подготовленном нами, оговаривался статус Берлина как вольного города. А это означало открытие его ворот. Получалось, что Западная Германия сама будет регулировать миграцию, разрешать или не разрешать въезд гражданам ГДР в Западный Берлин, а из Западного Берлина — в ФРГ. Едиными правами станут пользоваться все немцы. На плечи Ульбрихта¹⁰ легла тяжелая ноша. Если бы все продолжалось, как прежде, то я и не знаю, чем бы это могло закончиться!

Другие страны имели свои границы, свои законы и вольны были решать как внутренние, так и внешние дела в интересах своей страны. Германская Демократическая Республика не имела таких прав, не имела возможности решать свои внутренние вопросы, а имела под боком более экономически сильного противника. Тем более что это те же немцы, только живущие в Западной Германии, тот же язык, та же культура.

У некоторых товарищей бывает короткая память. Такие могут сказать, что я сгущаю краски. Нет, не сгущаю! Постепенно у меня созрела мысль, как закрыть лазейку в Западный Берлин. Действует соглашение о том, что можно свободно въезжать и выезжать в любую зону Берлина. А он был разделен на четыре сектора с четырьмя комендантами: французским, английским, американским и советским. Я и сам однажды воспользовался правом проезда, когда в 1946 г. побывал в Западном Берлине, нигде не останавливаясь и не выходя из машины: заглянул лично через ее окно в лицо капиталистического мира. Что же делать? Звоню нашему послу Первухину, прошу его взять карту Берлина, изучить ее и отметить, как конкретно проходит граница между ГДР и Запад-

ным Берлином, после чего прислать мне, соблюдая строгую секретность. И вот получил я карту (в то время я отдыхал на Кавказе), но малопонятную. Пришлось просить другую, у наших военных, подготовленную в штабе советских войск в Берлине, с приложением мнения Ульбрихта. Ульбрихт полностью согласился с идеей прочного размежевания двух Берлинов и обрадовался ей. Я уже рассказывал об этом раньше, когда говорил о встрече с президентом Кеннеди в Вене.

Затем я уточнил места, где можно будет установить контрольные ворота, и вызвал к себе на юг специалистов из Министерства иностранных дел. Я нередко приглашал к себе во время отдыха различных специалистов, когда нужно было обменяться мнениями по каким-то вопросам или подготовить документы. Пригласил, в частности, Громыко и его заместителя, который вел дела по Германии. Им был тогда Семенов¹¹. Он хорошо разбирался в тамошней ситуации. Разработали мы необходимые предложения, и я вернулся в Москву. Потом мы их обсудили на закрытом заседании Президиума ЦК КПСС. Иных мнений не возникло, поскольку к тому времени из ГДР ушла в ФРГ масса народу, около миллиона, если не больше. Очень чувствительны были потери. Ушли, как говорится, самые сливки. Старики и неквалифицированные рабочие не уходили никуда. Я не говорю о коммунистах. У них главной была идейная сторона. Я говорю о людях, которые принимали решение не на основе своего политического умозрения, а основываясь на экономических выгодах сегодняшнего дня. А таких людей было немало. К сожалению, немало их и сейчас. Даже в Советском Союзе такие люди сейчас бы тоже нашлись.

В августе 1961 года на совещании секретарей ЦК братских коммунистических партий и председателей Советов Министров стран — участниц Варшавского договора в Москве мы изложили проблему, как понимали ее. Все согласилось с нами и высказали восторженную уверенность в том, что мы успешно проведем мероприятие, а западные страны проглотят этого ежа, хотя мы явно шли на нарушение порядков, установленных Потсдамскими соглашениями. Но имелась и аргументация, которая давала нам право рассчитывать на понимание наших действий широкими кругами западной общественности: наши действия производились в интересах укрепления мира, они не нарушали создавшихся границ, военные лица западных держав сохраняли право проезда через контрольные ворота на территорию ГДР и в восточный сектор Берлина. Только перемещения гражданского населения отныне контролировались по нашему и ГДР усмотрению. Однако в соот-

ветствующих параграфах Потсдамских соглашений не упоминалось о гражданском населении и говорилось лишь о правах держав-победительниц, а этих прав мы не нарушали. Разрешение перехода границы населению ГДР и Западного Берлина есть составная часть государственного суверенитета и требует рассмотрения обычным путем, как принято в мировой дипломатической практике. Мы и тут ничего нового не внесли, а только распространили это на ГДР. Западные страны ее еще официально не признали, хотя и вели с ней торговлю уже много лет. Поэтому мы полагали, что все у нас пройдет гладко. Возможно обострение, но до военного конфликта не дойдет.

Мы разработали тактику. Я ее предложил. На меня и тогда вешали собак за эту акцию. Но я и сейчас считаю свои действия правильными и горжусь этим. Я горжусь, так как эта акция была направлена на обеспечение и укрепление отношений мирного сосуществования, на укрепление позиций социалистической Германской Демократической Республики. Согласно плану, восточные немцы должны были подготовить воинские части у границы, отобрав туда лучших солдат. Это граница особенная, граница в городе. В конфликт на границе входили немцы против немцев. Мы не хотели, чтобы на границе стояли советские войска. Это функции самих немцев. К тому времени большинство функций, которые ранее осуществлял Советский Союз как оккупационная держава, мы передали Германской Демократической Республике, в том числе охрану границ. Западные немцы тоже сами охраняли свои границы.

Наши войска стояли и стоят сейчас в тылу. И здесь мы предложили, чтобы границу заняли немцы. За немцами должна была стоять цепочка советских войск в полном вооружении. Пусть Запад видит, что хотя немцы стоят довольно жиденькой цепочкой и разорвать ее не представляет больших усилий, но тогда вступят войска Советского Союза.

На местах контрольно-пропускных пунктов мы заранее подготовились к быстрому перекрытию, сделав временные преграды для проезда с пропусками для представителей западных держав. У шлагбаума становился наш офицер, и они проезжали без задержки. Как только мы все сделали, наш комендант известил союзников о новых порядках, установленных на границе ГДР.

Мы ожидали с некоторой тревогой, как все пройдет. 13 августа 1961 г. — для меня памятная дата. Дело прокрутилось очень гладко. Представители западных держав пересекали границу беспрепятственно, однако мы условились, что ГДР будет контролировать

их поездки и госбезопасность ГДР станет наблюдать, по каким делам и зачем они приехали. Это, конечно, было неприятно для наших бывших союзников, но они ведь тоже нам делали неприятности: не пошли на подписание мирного договора, упорствуют, хотя Западный Берлин по большому счету им не нужен.

Более того, проводят в Западном Берлине незаконные собрания и заседания бундестага ФРГ. Это политическая демонстрация, демонстрация претензий де-факто на Западный Берлин и включение его в состав ФРГ, демонстрация против стран — участниц Варшавского договора. Так что долг платежом красен.

Мы ожидали, что пройдет день, другой, третий и положение стабилизируется. Запад вынужден будет признать новое положение на границе. Естественно, был большой шум. Западные газеты и радио запугивали нас, требовали отбросить наши войска и прочее. Но мы были уверены, что это лишь словесная война, что у Запада нет оснований доводить дело до настоящей войны. К тому же мы в то время располагали уже такими вооруженными силами, которые приводили к раздумьям наших противников, пожалуй они решать спорные вопросы путем войны. У нас имелись атомные и водородные бомбы, ракеты разного действия, в том числе и межконтинентальные. Мы выросли из школьных штанишек, и если воспользоваться аргументацией угроз, то обладали возможностью противопоставить Западу свои угрозы. Запад это понимал и держался в рамках именно словесной войны. И мы равным образом отвечали через печать.

Установление контроля на границе ГДР благоприятно сказалось на ее экономике и на политической стороне дела. ГДР обрела огромную выгоду от того, что ранее Западный Берлин пользовался коммунальными услугами фирм в Восточном Берлине, а теперь за это понадобилось платить. Кроме того, жители Западного Берлина покупали ранее целый ряд продуктов в Восточном Берлине, где они были дешевле, в первую очередь мясо, масло, овощи. Потери ГДР исчислялись прежде десятками миллионов марок. Теперь же сразу уменьшился спрос, потому что со снабжения как бы было снято население Западного Берлина. Там народу жило больше, чем в Восточном, а продукты ГДР шли только для населения Восточного Берлина. ГДР испытала экономическое облегчение. Установление границы по-хорошему подействовало и на сознание людей, укрепило в них уверенность, что социалистическое строительство в ГДР есть не временное явление, как вещала пропаганда Запада. Немцы вообще любят порядок, и вот они увидели, что правительство ГДР заботится о контроле над грани-

цей, укреплении трудовой дисциплины, упрочении своего государства.

Случались инциденты. Возникали попытки перехода из ГДР на Запад. Некоторые инциденты имели неприятный исход. Но граница есть граница, и пограничники, когда она нарушалась, применяли соответствующие средства. Другая трудность заключалась в том, что рабочие, которые трудились в Западном Берлине, а проживали в Восточном, оказались без работы. Но так как в них Восточная Германия нуждалась, то с этим легко справились, предоставив им возможность работать в Восточном Берлине. Не помню точно, как решился вопрос с общим метрополитеном. Прежде он действовал на всех подземных трассах Берлина. Знаю лишь, что и с этой проблемой правительство ГДР справилось. Так был установлен новый порядок, которому все должны были подчиняться.

Отдельно скажу о воздушных сообщениях. Вначале самолеты западных стран свободно пользовались аэродромом на территории ГДР. Когда был установлен контроль над использованием аэродромом, западные державы избежали его, перейдя на использование аэродромов Западного Берлина. В воздухе тоже случались неприятные инциденты. Еще при жизни Сталина западные самолеты не раз нарушали воздушные границы СССР. Наши истребители облетом требовали приземления этих самолетов, а те, которые отказались подчиниться, сбивались. Возникла перепалка в печати и даже в дипломатических нотах. Я считаю, что мы правильно проявили твердость, заставив западные державы считаться с нами и уважать суверенитет СССР. После смерти Сталина тоже имели место несколько случаев нарушения наших воздушных границ, и опять самолеты-нарушители сбивались. Американцы сделали правильный вывод и запретили своим летчикам перелетать границу ГДР. Этот приказ был опубликован в открытой печати.

Границы СССР они вновь стали нарушать, когда у них появился самолет У-2, летавший на высоте, недоступной ни для нашей зенитной артиллерии, ни для наших истребителей. Тут они летали и до Киева, и дальше. То были разведывательные полеты. Мы заявляли несколько раз протесты, но потом прекратили протестовать, ибо это не давало никаких результатов, а, наоборот, поощряло их: они в протестах видели наше бессилие и, пользуясь своей безнаказанностью, издевательски отвечали нам, что никаких таких полетов вовсе не было. И мы не могли предъявить доказательства, потому что раз не сбили, то нечем и доказывать. И над

Чехословакией тоже летали самолеты из Западной Германии, но не разведывательные высотные У-2, а те, которые оставались в пределах досягаемости зенитной артиллерии. И мы приказали открывать огонь. Потом и там полеты прекратились. Был также случай, когда какой-то самолет английской авиакомпании, нарушив границу, оказался над территорией Болгарии. Он был пассажирским. Болгары сбили его, возник крупный инцидент. Но болгары были правы, говоря, что им неизвестно, пассажирский ли самолет или нет. Летит без предупреждения, попал в чужую зону, ему предложили посадку, он не соглашается. Тут страна, которая оберегает свое воздушное пространство, имеет право открыть огонь. К сожалению, там погибло много людей. Самолет, видимо, залетел случайно, направляясь в Турцию. Однако это не болгарская вина, а вина летчика, который утратил ориентировку и не подчинился международным правилам.

Я говорю это к тому, что западные державы вообще вели себя нагло. Там, где они чувствовали, что наглость ненаказуема и нам ее не пресечь, они не считались с нашим суверенитетом и не щадили нашего самолюбия. А мы были вынуждены проглатывать горькие пилюли, которые нам преподносили, главным образом США. Но даже когда усилился контроль на границах ГДР, мы не снимали своих предложений о заключении мирного договора с Германией. При этом давались все гарантии сохранения внутреннего устройства и свободной жизни в Западном Берлине как вольном городе. Мы продолжали настаивать на своих предложениях. Запад их отвергал и требовал снятия заграждений на границах.

Какие контрмеры они могли предпринять? Мы не исключали и насильственных. Пустят бульдозеры, снесут рогатки... Сразу же после установления контроля некоторые грузовые автомашины прорывались оттуда на полном ходу, проскакивая кордоны и снося заграждения. Чтобы такого не повторялось, были возведены солидные укрепления. Акция по их разрушению имела бы серьезные последствия. И в американской печати стали появляться материалы, содержавшие зерно здравого понимания сложившихся условий: предупреждали, что путем угроз ничего не добьешься, а применение силы может привести к серьезным последствиям, вряд ли целесообразно идти на риск военного столкновения. Некоторые западные авторы, поскольку они все это связывали с моим именем, писали так: Хрущев добивался заключения мирного договора. Запад отказался, и в результате установления контроля на границе ГДР Восток получил все, чего хотел, и даже

больше, чем мог бы получить, если бы был подписан мирный договор. И это абсолютно правильно. Поэтому мы были морально удовлетворены, создав те условия, которыми должно пользоваться государство, обладающее суверенными правами.

Критики из рядов буржуазного общества могут сказать, что тут поддерживается суверенитет установлением закрытых границ, а не в результате свободного выбора людей. То есть способ принуждения жить в том раю, из которого человек уйти хочет, но не может, потому что границы охраняются войсками. Да, я понимаю, что здесь наш недостаток. Но считаю, что временный недостаток. Мы очень хотим создать свободный переход через границу в любом направлении, но при каких обстоятельствах? При диктатуре рабочего класса абсолютной свободы не может существовать. Да и в других странах, которые кичатся полной свободой, если разобраться, такой свободы тоже нет. Но мы бы как раз хотели создать такие условия, если бы у нас к тому имелись материальные возможности, потому что любой человек не должен чувствовать моральную скованность, угнетенность и несвободу. Требуется развитое понимание идеи человеческой свободы. Большинство же народа пока оценивает свободу или несвободу по тому, сколько, чего и почем он может купить. К сожалению, пока на этой основе мы соревноваться с Западом не можем.

Некоторые наши умники-коммунисты скажут, что тут принижаясь наши достижения. Давайте трезво смотреть на вещи! Если бы мы располагали большими материальными возможностями и обеспечили бы удовлетворение материальных потребностей людей, то, безусловно, они от добра не искали бы добра. Моя мечта — выработать условия, при которых ГДР стала бы для западного мира окном социализма, привлекающим к себе в моральном, политическом и материальном отношении. Я говорю, конечно, о трудовом люде, а не о капиталистах. К сожалению, мы еще не накопили таких возможностей и приходится кормить людей обещаниями. Но это будет, я в этом уверен, хотя, видимо, не скоро. А пока СССР шел к XXII съезду КПСС. У нас был установлен срок подписания мирного договора с Германией. Мы предупредили Запад, что если он откажется, то мы сами заключим мирный договор с ГДР и будем исходить из его условий и в вопросах суверенитета ГДР, и в процедуре доступа в Западный Берлин.

Граница хорошо прикрывалась, охранялась и контролировалась, но мы не прекращали борьбы, старались убедить своих бывших союзников по войне против гитлеровской Германии подписать мирный договор. Убеждали их в выгоде этого шага для

обеих сторон в деле создания нормальных отношений между государствами. Мы поддерживали межгерманскую торговлю, культурный обмен, туристские поездки и прочее. Все то, что характеризует нормальные отношения между суверенными странами, тем более между соседями. Одновременно не отказывались от нажима. Правда, нажим выражался только в наших публичных заявлениях через прессу, радио и прочие средства массовой информации.

Так, 29 июня 1961 г. Госсовет ГДР обратился с соответствующим предложением к ФРГ, 6 июля то же самое сделала Народная палата ГДР. 13 августа на границе с Западным Берлином поднялись заграждения. Осенью Гротеволь послал канцлеру Аденауэру новые предложения о нормальных отношениях между двумя немецкими государствами.

В то время в Белом доме США уже сидел президент Кеннеди. Он решил продемонстрировать силу и послал подкрепление своим войскам в Западный Берлин. Мы правильно поняли, что тут демонстрация, из которой совершенно не вытекает, что Запад хочет начать войну. Пока что западная печать поднимала акцию Кеннеди на щит. Заработала против нас вся пропагандистская машина Запада. Мы не испугались и разработали ответные меры. Я о них рассказывал раньше. Тем временем шел наш партсъезд. Как раз во время его заседания маршал Конев доложил мне, что американцы прекратили угрожать нам на границе с Западным Берлином. Так закончилась ничем пугательная акция со стороны Запада, в которой хотели прощупать нас под дулами орудий. Когда там увидели, что мы готовы принять вызов, они отвели свои войска.

Тогда мы через журналистов и через негласных агентов сами решили прощупать Запад. Многие из агентов живут под видом журналистов или людей с иными мандатами, а фактически выполняют тайные поручения. Эти люди есть и у Запада, и у нас. По таким каналам мы и получили мнение Запада: давайте считать спор законченным, пусть все останется, как есть. Затем данное мнение стало высказываться и западной печатью. Взаимные обвинения смягчились. Это тоже была большая наша победа, выигранная без выстрелов, путем дуэли лишь через средства пропаганды.

Какое-то время спустя в Москву приехал Ульбрихт вместе с министром иностранных дел Винцером¹². Он начал беседу со мной с предложения отказаться от заказов СССР на сооружение рыболовных кораблей в ГДР, мотивируя тем, что это невыгодно:

предприятия работают себе в убыток. Мысль была правильная, имевшая под собой экономические основания. Ульбрихт предложил перейти на изготовление для нас другой продукции. В его тоне я чувствовал раздражение: обвинение нас в том, что мы платим меньше, чем реально эти заказы стоят для ГДР. Я ответил, что мы платим ту цену, которая дает возможность не только рентабельно работать, но и иметь прибыль. Доказательство: такие же корабли изготавливают для нас ФРГ, другие государства. Они принимают наши заказы с удовольствием. Но ведь капиталисты не станут работать, если заказ нерентабелен. Мы бы тоже такой заказ не приняли, потому что нельзя вести работу, которая несет убытки предприятию и государству. Почему ФРГ с удовольствием приняла наш заказ и готова принять дополнительный? А вам он убыточен. Этого не может быть. Ищите иные причины. Если же вы ликвидируете налаженное поточное производство, то на другое производство, которое вы станете осваивать, потребуется много затрат, а будет ли оно прибыльным, еще не известно. Впрочем, дело ваше, можете поступать, как хотите, но думаю, что это ошибка.

Одно из обстоятельств данного дела заключалось в том, что после установления контроля на границе Западного Берлина многие рабочие, ранее трудившиеся там, перешли работать на предприятия ГДР и показывали высокую производительность труда. Когда рабочие ГДР увидели это, то стали угрожать им, поносить их за хорошую работу, так как тем самым заставляли и их выполнять такие же нормы, обеспечивать более высокую производительность труда. А я спросил Ульбрихта: так ли это? Он растерялся: «Да, это так». «Вот в чем и заключается вопрос, а не в том, что один заказ вы перемените на другой. И новый заказ при той же производительности труда окажется для вас убыточным. Надо прямо сказать рабочим: если у вас будет производительность труда значительно ниже, чем у рабочих Западной Германии, то это приведет к краху, и вы не сможете конкурировать с Западом и даже с иными социалистическими странами.

Тут результаты низкой организации труда и низкой производительности труда, и мы вам помочь не можем, устанавливая высокие цены и платя премии только потому, что вы являетесь социалистическим государством. Как же мы будем соревноваться с капиталистическим миром, если сами признаем, что производительность труда в социалистических странах ниже, чем в капиталистических? Если мы хотим, чтобы наши народы имели жизненный уровень более высокий, чем в капиталистическом

мире, то другого пути у нас нет. Чтобы хорошо жить, надо хорошо работать. Без этого мы обрекаем себя на катастрофу». Ульбрихт понял меня и уехал. Правда, на какое-то количество головных кораблей мы все же повысили цену, но условились, что на последующие корабли она останется такой, как договаривались.

Социалистический строй может победить в мире при условии, что им будет достигнута более высокая производительность труда, чем при капиталистическом строе. Если же этого мы не добьемся, то не сможем обеспечить жизненный уровень, который обеспечивается старым капиталистическим способом производства. Этот вопрос стоит перед всеми социалистическими странами, а не только перед Германской Демократической Республикой.

Наша производительность труда сейчас ниже, чем в ФРГ, Франции, Англии, США, Японии. Мы бьемся над этим столько лет, имеем такие просторы, такие ресурсы и никак не можем создать нужных запасов. Наши государственные запасы находятся все время на грани истощения в результате различных причин. Вот факт, который нельзя отрицать. Конечно, влияют и люди на ход производства. Тем не менее, при людях с разным развитием на обширных пространствах Советского Союза можно создать устойчивое производство сельскохозяйственных продуктов, даже при недостаточно умных директивах свыше. Если бы у нас имелась на соответствующем уровне организация производства в колхозах и совхозах, то и глупые указания сверху не привели бы к бедственным последствиям. Они бы просто не выполнялись руководителями производства.

К сожалению, когда я сейчас читаю газеты, то постоянно вижу, что уменьшается поголовье скота, снижается производительность труда. Вот только что я прочел, как идут дела в одном из районов Кировоградской области: в магазинах покупатель с трудом получает продукты питания, большие затруднения возникают с мясом. Москва сейчас является привилегированным городом, а в других городах трудно или вообще нельзя получить нужные продукты. Вопрос о производительности труда для социалистических стран остается проблемой из проблем. Нельзя увлечь за собой народ только рассуждениями о марксистско-ленинском учении. Если государство и общественная система не дают людям материальных и культурных благ больше, чем их обеспечивает капиталистический мир, бесполезно звать людей к коммунизму.

Яркий пример Соединенные Штаты Америки. Сколько лет ведется гнусная война против вьетнамского народа. И ее ведет Америка, где абсолютное большинство избирателей рабочие, трудовой народ. Абсолютное большинство. Самое высокое развитие капитализма и

концентрация капитала в Соединенных Штатах Америки. Я не располагаю сейчас данными, но казалось бы при этих условиях, разделение на эксплуататоров и эксплуатируемых должно происходить в самой резкой форме. Но мы этого не наблюдаем. И такое положение не только в Соединенных Штатах. Такое же положение в Англии, во Франции и других высокоразвитых капиталистических европейских странах. Я не говорю о слаборазвитых странах, где коммунисты получают недостаточное признание. При голосовании в такой стране, как Англия, а это высокоразвитая капиталистическая страна, коммунистическая партия не может обеспечить себе в парламенте даже одного своего представителя. Это говорит о том, что нам есть над чем подумать, приложить усилия для того, чтобы самое прогрессивное марксистско-ленинское учение и социалистическая система обеспечили лучшие условия жизни для трудового народа. Однако прошло уже более пятидесяти лет. Тем не менее, на основе нашего прогрессивного марксистско-ленинского учения рабочий класс на выборах, парламентским путем, ни в одной стране не победил.

Это вопрос, над которым нужно задуматься. Конечно, если сказать нашим философам, нашим экономистам, нашим теоретикам, то они найдут тысячу аргументов, тысячу доводов.

В восточных странах рабочий класс пришел к власти в результате разгрома гитлеровской Германии, при содействии Советского Союза. Это Польша, Венгрия, Румыния, Болгария, в какой-то степени Югославия. Та же революция свершилась и в Албании. Там победил социализм и там и сейчас строят экономику и жизнь народа на социалистической основе.

В других странах, куда Советская Армия не дошла после разгрома немцев, опять укрепился капитализм. Какой же путь правильный? Путь войны, победы войск социалистических стран и установления нового социалистического строя? На этих позициях стоят одни китайцы. Или же путь мирного существования? А это, значит, и соревнования. Социализм должен показать свою привлекательность во всех сферах деятельности и жизни трудового народа. Это удовлетворение всех материальных и культурных благ, в которых нуждается человек.

Сейчас же статистики начнут оперировать выкладками и доказывать, что Советский Союз и советский народ добился огромных преимуществ в сравнении с условиями, в которых мы жили до первой мировой войны. Об этом нечего и говорить, с каждым годом мы прогрессируем, наращиваем мощности производства и решаем вопросы культурного обслуживания и удовлетворения материальными благами, но, тем не менее, сейчас не являемся

«витриной», в которую бы поглядел житель капиталистических стран и увидел бы для себя привлекательный пример, захотел бы объединить усилия и добиться тех же результатов, то есть установления социалистического строя в странах капитализма.

Поэтому борьба за повышение производительности труда, более эффективное ведение производства в социалистических странах с целью накопления необходимых материальных средств для удовлетворения сполна потребностей народа, создания наглядных преимуществ социалистического производства и социалистического общества перед капиталистическим обществом, создания условий для победы нашего марксистско-ленинского учения на всем земном шаре — это вопрос вопросов. Он решается прежде всего организацией производства, ростом производительности труда.

¹ 17 июня 1953 г.

² УЛЬБРИХТ В. (1893 — 1973) — являлся в ту пору Генеральным секретарем ЦК СЕПГ (1950 — 1953) и первым секретарем (1953 — 1971), далее — почетным председателем СЕПГ.

³ ГРОТЕВОЛЬ О. (1894 — 1964) — социал-демократ с 1912 г., председатель Центрального правления Социал-демократической партии Германии с 1945 г., с 1946 г. — член его Секретариата, с 1949 г. — член Политбюро ЦК Социалистической единой партии Германии, в 1946 — 1954 гг. — один из двух председателей СЕПГ, премьер-министр ГДР с 1949 г.

⁴ КПГ возникла 1 января 1919 г. Ее члены в Восточной Германии вошли в 1946 г. в СЕПГ. В Западной Германии КПГ вновь оформилась организационно в 1948 г., а в 1956 г. была запрещена. Германская коммунистическая партия вместо нее была основана там в 1968 году.

⁵ Рекомендации приступить к широкому созданию кооперативов в ГДР дала III конференция СЕПГ в марте 1956 г. Возникали кооперативы разного типа. Производственное кооперирование крестьян в ГДР было завершено в 1966 г., хотя об этом завершении объявили ранее.

⁶ 10 марта 1952 г. СССР обратился к правительствам западных держав с нотой об основах мирного договора с Германией. 15 августа 1953 г. СССР направил западным державам ноту о созыве мирной конференции для заключения германского мирного договора, создания Временного всегерманского правительства и проведения свободных выборов в Германии.

⁷ 25 января — 18 февраля 1954 г. в Берлине на совещании министров иностранных дел СССР, США, Англии и Франции западные державы отклонили советские предложения.

⁸ Речь идет о той части соглашений, в которой предусматривались основные направления общей политики держав-победительниц в отношении Германии, рассматривавшейся как «единое экономическое и политическое целое».

⁹ ЭРХАРД Л. (1897 — 1977) — председатель Христианско-демократического союза в 1966 — 1967 гг., федеральный канцлер ФРГ в 1963 — 1966 гг.

¹⁰ Оставаясь лидером СЕПГ, он стал в 1960 г. председателем Государственного совета ГДР.

¹¹ СЕМЕНОВ В.С. (род. в 1911 г.) — ответственный сотрудник Центрального аппарата МИД СССР, много лет имевший отношение к германским делам: в 1940 — 1941 гг. — советник полпредства в Берлине; в 1945 — 1946 гг. — заместитель политического советника и до 1949 г. политический советник советской военной администрации в Восточной Германии; до 1953 г. — политический советник Советской контрольной комиссии в Германии; до 1954 г. — Верховный комиссар СССР в Германии и посол в ГДР; до 1978 г. — заместитель министра иностранных дел СССР; далее — посол в ФРГ до 1986 года.

¹² ВИНЦЕР О. (1902 — 1975) — начальник канцелярии президента ГДР в 1949 — 1956 гг., далее — заместитель министра иностранных дел и с 1959 г. первый его заместитель, в 1965 — 1975 гг. министр иностранных дел.

ПОЛЬСКИЙ СОСЕД

С поляками у нас особые отношения. Мы лучше знаем друг друга, больше общались. В свое время польское государство было разьединено Россией, Пруссией и Австрией. Большая часть польского населения вошла в состав Российской империи. Представители польского народа работали на предприятиях по всей России, и русским рабочим часто приходилось контактировать с ними. Я до революции тоже нередко встречался с поляками, когда работал на машиностроительном заводе Боссе возле Юзовки и на руднике шахты Успенская там же. Можно сказать, соприкасался с ними с детства. Поляки, как и всякий другой народ: есть среди них хорошие люди, есть и плохие. Многие из моих друзей были поляками, и я дружил с ними.

На заводе во время однодневной забастовки (в связи с расстрелом рабочих на Ленских приисках весной 1912 г.) одним из ее руководителей был поляк, слесарь Чернявский. Его очень уважали товарищи, но не только за общественную активность: он работал очень квалифицированно. Сразу же после забастовки его стали преследовать власти, он быстро рассчитался и уехал, так что больше я с ним не встречался. Помню и еще одного поляка, тоже слесаря, Леонида Боровского, замечательного молодого человека, веселого и приятного.

В принципе отношения между русскими рабочими и польскими всегда оставались товарищескими, да иначе и быть не могло. Трудились мы на одного хозяина, условия работы были для всех одинаковыми, почвы для раздоров не возникало. А национальный вопрос? Нет, такого вопроса я в нашей среде по отношению к полякам просто не слышал и не чувствовал, ничего подобного не замечал в годы детства и юности. После Октябрьской революции я попал на работу в Киев. Там тоже соприкасался с поляками. На Украине вообще всегда было много польского населения, и в Киевской губернии, и в Житомирской, и в других. Но и там никаких польско-русских коллизий национального порядка, порождаемых на бытовой почве какими-либо разногласиями, или даже недоразумений среди рабочих не возникало.

После революции я знал в Киеве редактора газеты, поляка Скарбека. В свое время он заведовал польским отделом ЦК КП(б)У в Харькове, а потом, кажется, работал в Москве, в отделе пропаганды. Это был очень уважаемый товарищ, честный коммунист. Я тогда заведовал отделом Киевского окружкома партии, меня касались кадровые вопросы. Если мы подбирали кадры, не смотрели на национальность: поляк, еврей, русский, украинец либо еще кто-то. Такого вопроса не было, люди подбирались только по деловым качествам. Конечно, направляя товарища на ту или другую должность, мы учитывали национальность и владение языком. На Украине ведь живет большинство украинцев, так что украинцам отдавалось предпочтение при назначении на такие должности, где владение родным языком и знание местного быта имели определенное значение. Но это в порядке вещей, так как раз и должно быть. Скарбек редактировал не польскоязычную газету. Был он подготовленным человеком, и дело у него шло нормально.

Однажды в Киеве на мою долю выпало поближе соприкоснуться с поляками. В конце 20-х годов Пилсудский¹ решил созвать всемирный съезд поляков. В то время у нас отношения с Польшей были крайне плохими. Мы помнили, что в 1920 г. Пилсудский воевал против Советской России и потом проводил враждебную политику в отношении СССР. Поэтому нам был закрыт доступ к настоящему общению с Польшей и вообще с поляками за пределами наших границ. Но мы хотели, чтобы представители польского населения в СССР тоже получили мандаты на этот съезд в Варшаве, где смогли бы подать голос от имени советских поляков.

Была создана комиссия, в нее включили и меня, русского, но заведующего отделом окружкома партии. Комиссия подбирала

кадры, изучала людей, кого из них можно было бы послать в Варшаву. Следовало учитывать также, чтобы они получили мандаты и не были бы задержаны на границе польским государством. В комиссию входил и Скарбек, а возглавлял ее Криницкий², известный поляк-большевик, который тогда заведовал отделом агитации и пропаганды ЦК ВКП(б). Впоследствии я неоднократно встречался с Криницким и с огромным уважением относился к нему. К сожалению, он трагически погиб, как и многие другие. Кажется, его направили в Саратов секретарем крайкома партии, и во время сталинской мясорубки он был арестован и расстрелян. В ходе работы комиссии мы внимательно обсуждали разные кандидатуры, но наша работа не принесла успеха, потому что Пилсудский никогда из советских поляков не впустил в Варшаву.

Когда началось истребление Сталиным кадров партийных и советских работников, погибли³ в числе других не только Скарбек и Криницкий, а и множество прочих поляков вообще. Узнав, что арестован и уничтожен Скарбек, я очень переживал. Он казался мне очень порядочным человеком. Меня также огорчало, что я вместе с ним ряд лет проработал в окружном партийном комитете Киева, а в названной комиссии общался буквально каждый день и высоко ценил его. Теперь же оказалось, что Скарбек — враг народа! Когда я узнал, что Криницкий арестован, то растерялся: что же это такое и как могло случиться? Товарищ Криницкий вдруг оказался предателем!

Это теперь всем известно, какими они были «врагами народа». А мне тогда, в ответ на мои вопросы, объяснили, что Скарбек — агент Пилсудского. Я знал, что Скарбек в свое время перешел нелегально советско-польскую границу; бывший пэпээсовец, он стал у нас активным деятелем ВКП(б). Говорили же так: он перешел границу по заданию Пилсудского, чтобы втереться в доверие и шпионить в пользу панской Польши. Конечно, в жизни и такие случаи бывали. Разведки подобным приемом не раз пользовались, если создавалась возможность. Теоретически и Скарбек мог быть агентом, невероятного тут ничего не было, и я отнесся к объяснению с доверием. Зато проявлял недовольство собственным поведением: каким я оказался недалёковидным, если столь высоко ценил вражеского агента.

Когда я потом работал в Москве, то познакомился здесь с еще одним поляком, бывшим соратником Дзержинского Реденсом. Он был уполномоченным ОГПУ по Московской области. Рабочий-электрик, до революции работавший на заводе в Каменском (позднее — Днепродзержинск), он трудился на фабрикантов, ко-

торые тоже были поляками. У меня сложились хорошие отношения с Реденсом, и я к нему относился с почтением, хотя, с моей точки зрения, он вовсе не был свободен от недостатков. Но ведь таких людей мало, которые вообще были бы лишены недостатков. В политическом же аспекте я имел к Реденсу полное доверие. Он был женат на сестре жены Сталина, Анне Аллилуевой. Не раз за семейным обедом у Сталина я сидел рядом с Реденсом. Вся семья Сталина в ту пору собиралась на таких обедах. Реденс кончил так же, как многие другие люди: был арестован и выслан, позднее же — казнен. Его жена Анна сильно переживала гибель мужа и от горя лишилась рассудка. То была большая трагедия в семье Аллилуевых. Надежды Сергеевны уже в живых тогда не было, она погибла раньше.

Так перебираю я в своей памяти различные встречи с поляками, с которыми мне приходилось общаться, работать и дружить, и вспоминаю о них с теплым чувством, а одновременно с содроганием думаю о периоде, когда Сталин поднял «бдительность», которая тысячам людей стоила жизней. Были ли вообще польские агенты засланы к нам Пилсудским? Наверное, да. А другими разведками? Безусловно, потому что разведки всегда засылают к другим своих агентов. Но в том-то и состоит мудрость государственного деятеля, чтобы он не смешивал честных людей с агентами. Иначе получится так, как, увы, получилось у нас. В результате мы оголили свой общественный фронт, и лучшие люди, которые заслуженно выдвинулись во время революции и после нее, заняли командное положение в партии, армии, государстве и хозяйстве, были истреблены, в первую голову — поляки.

Они расплачивались за неумную политику главы польского государства Пилсудского, врага советской власти. Когда в 1936, 1937, 1938 годах развернулась настоящая «погоня за ведьмами», поляку трудно было где-то удержаться, а о выдвижении на руководящие посты не могло быть и речи. Все поляки были взяты в СССР под подозрение. Эти настроения подогревались еще и тем, что по мере ухудшения международной обстановки руководители Польши углубляли свою антисоветскую линию.

Та же политика продолжалась после смерти Пилсудского. Как-то позвонил мне в Киев Сталин и предупредил: «Вы обратите большее внимание на границу с Польшей, я бы вам посоветовал почаще туда выезжать самому». Вторично он позвонил, чтобы обратить мое внимание на Каменец-Подольский: «По сведениям, которыми располагает наша разведка, поляки готовятся захватить Каменец-Подольский и через него развернуть наступление по на-

правлению к Черному морю». Насколько это было реально? Следовало ли тому верить? Трудно сказать. Сейчас очевидна сомнительность, если не невероятность таких планов. Никаких реальных возможностей у Польши к тому не было. Сталин вообще сохранял самое острое недоверие к Польше. Отчасти оно было обоснованным и подтвердилось фактами, когда началась вторая мировая война.

Однако свое недоверие к руководителям буржуазно-помещичьей Польши Сталин направлял против любого поляка. Ему представлялось, что эти люди только и думают, какой бы и где нанести вред нашему государству. Когда началась расправа с «врагами народа», атмосфера накалилась до того, что представители Компартии Польши в Коминтерне все были арестованы и уничтожены, а решением Исполкома Коминтерна ее вообще распустили. Тогда я работал первым секретарем Московского комитета партии и помню, как после ареста очередной группы всем известных политических деятелей у нас прокатывалась волна митингов в их осуждение. Поляки классифицировались как агенты Пилсудского, чьи усилия постоянно направлены на подрывную деятельность против СССР.

Каждый поляк — «враг наш», он заслан Пилсудским, появился клич. Как когда-то черносотенцы кричали: «Бей жидов, спасай Россию!», так теперь призывали: «Бей поляков, спасай Советский Союз!».

Когда не стало поляков, взялись за тех, кто представлял какой-то интерес, занимал видное положение. Однажды я приехал на заседание Политбюро. Мы сидели и подпирали плечами стенку с Ежовым. Сталин вошел в зал и сразу же направился к нам. Подошел, ткнул меня пальцем в плечо и спросил:

— Ваша фамилия?

— Товарищ Сталин, я всегда Хрущевым был.

— Нет, Вы не Хрущев... — Он всегда резко так говорил. — Вы не Хрущев. — И назвал какую-то польскую фамилию.

— Что Вы, товарищ Сталин, мать моя еще жива... Завод стоит, где я провел детство и работал... Моя родина Калиновка в Курской области... Проверить можно, кто я такой...

— Это говорит Ежов, — ответил Сталин.

Ежов стал отрицать. Сталин сейчас же в свидетели позвал Маленкова. Он сослался, что Маленков ему рассказал о подозрениях Ежова, что Хрущев не Хрущев, а поляк. Тот тоже стал отрицать. Вот такой оборот приняло дело, начали повсюду искать поляков. А если поляков не находили, то из русских делали поляков.

На Украине, где я стал работать с 1938 г., поляки трудились, как все советские люди. Рабочие и крестьяне жили своей повседневной жизнью и честно трудились независимо от национальности. Между тем СССР двигался к войне. После подписания в 1939 г. договоров с Гитлером мы приблизились непосредственно к военным действиям в Польше. Еще в августе Гитлер через Риббентропа передал Сталину, что немцы начнут в Польше наступление 1 сентября. В Москве решили, что Красная Армия тоже должна начать военные действия по захвату территорий, которые, согласно договору от 23 августа, вошли в сферу влияния Советского Союза. Области Западной Украины, «входившие в состав польского государства, отходили к УССР, Западной Белоруссии — к БССР. Шла тогда речь и о судьбах Литвы, Латвии, Эстонии, Финляндии, но я сейчас говорю именно о поляках.

1 сентября с немецкого удара по Польше началась вторая мировая война. Мы подготовили свои военные силы на границе с Польшей, но они еще не были введены в дело. Я узнал от Сталина, что Гитлер через посла в Москве напоминал ему: «Что же вы ничего не предпринимаете, как мы условились?». Сталин отвечал, что мы еще не подготовились. Начали мы действовать 17 сентября. Командовал войсками в Западном походе Тимошенко. Я находился там же, в войсках. Наступавшей кавалерийской дивизией на Тарнополь командовал хороший генерал, я его фамилию не припомню, он потом отличился во время войны. Боевой был человек, сам из шахтеров. Ночью, перед началом боевых действий, он доложил мне, через сколько часов он окажется в Тарнополе. Так и получилось. Что касается военных действий, то я бы сказал, что так их можно называть лишь условно. Красная Армия двигалась, не встречая никакого сопротивления, даже от польских пограничников. Когда мы с Тимошенко вечером приехали в Тарнополь, наша кавалерия находилась уже там.

Впервые в жизни я оказался за границей. Народа на улицах не было видно, хотя в Тарнополе преобладали украинцы. Только у самой границы жили так называемые осадники — поляки, занимавшие места, откуда искусственно выселяли украинцев, чтобы освободить земли для осадников, то есть тех поляков, которые должны были являться как бы стражей на границе с УССР. К нашим войскам они не проявляли никакой враждебности: у тамошних поляков не встречалось фанатизма, и они не кидались в бой против советских людей.

На львовском направлении армией командовал генерал Голиков. Я поехал к нему. Свой полевой командный пункт Голиков раз-

местил под скирдой соломы. Я подъехал к нему, он доложил мне, что послали командующего артиллерией Киевского военного округа генерала Яковлева для переговоров с немецким командованием по вопросу занятия нашими войсками Львова. Пал выбор на него, потому что он знал немецкий язык, не в совершенстве, но мог объясниться.

Хороший был генерал. Во время войны он занимался артиллерийским вооружением и хорошо работал. Правда, это его не спасло. Уже после войны Сталин его все-таки посадил в тюрьму.

Немцы и мы одновременно вплотную подошли к Львову. По договору Львов входил в нашу зону, отходил к Советскому Союзу. Однако немцы рвались туда, видимо, хотели пограбить.

Яковлев возвратился и доложил, что командование немецкой армии согласилось с нами, и мы можем занять Львов, а немцы же не будут вводить свои войска в город.

Мы заняли Львов и непосредственно соприкоснулись с польским населением. Население вокруг Львова было украинским, но во Львове в абсолютном большинстве жили поляки.

Бурное было время. Военные действия закончились. Правда, если говорить о советской стороне, то части нашей армии, собственно, военных действий там не вели. Мы вышли на границу, которая была определена по договоренности с немцами.

Если говорить о удовлетворении национальных чаяний украинской интеллигенции, то они видели границу еще западнее. Украинцы связывали понятие своей границы на западе Украины с линией Керзона, а новая граница проходила восточнее ее.

Таким образом, обвинения Советского Союза, что он оккупировал территорию Польши, не совсем верны. Наши войска заняли территорию, которая исторически и по своему составу населения этнически относилась к Украине. Все сельское население за небольшим исключением было украинским.

Это было для меня самое лучшее и самое счастливое время. Мы праздновали воссоединение украинских и белорусских земель в едином советском государстве. У людей было праздничное настроение, мы проводили совещания, конференции, съезды — развернулась бурная политическая деятельность. Большой был подъем на Украине и особенно торжественно восприняла воссоединение западных областей украинская интеллигенция.

В то время я как секретарь Центрального Комитета КП(б)У практически переселился во Львов и занимался работой в западных областях. В Киеве появлялся редко.

Мы пригласили представителей украинской интеллигенции,

главным образом писателей, приехать во Львов, с тем чтобы наладить работу с интеллигенцией во Львове. Львов стал центром западных областей Украины, и все совещания по вновь присоединившимся областям Украины проводились во Львове. Во Львове осталось много польского населения и польской интеллигенции. В том числе та часть интеллигенции, которая под ударами немцев, отступая на Восток, пришла во Львов. С отступавшими поляками пришла и Ванда Львовна Василевская.

Разные поляки были тогда во Львове. И разное было их отношение к нашей стране. Нам было нелегко. Факт оставался фактом — нами был подписан договор с Риббентропом. Завертелась машина пропаганды против Советского Союза, главным обвинением было, что мы, коммунистическая партия, пошли на сговор с фашистами.

Трудно было, очень трудно было отвечать на, казалось бы, очень легкий вопрос. Трудности заключались не в сути дела, а в форме. Потому что, по сути дела, ничего не могло быть общего у коммунистической партии с фашистами и, следовательно, по существу, никакого договора не могло быть, но формально этот договор был, и им определялась новая граница. Все это стало достоянием общественности, когда была разгромлена Германия и немецкие архивы попали в руки американцев.

Основная трудность заключалась в том, что мы не могли сказать о том, что это был маневр, что другого выхода у нас не было. Мы вынуждены были пойти на это, по вине той же Польши, по вине той же французской буржуазии, по вине буржуазной Великобритании, которые не хотели объединить усилия с Советским Союзом против фашистской Германии. Этого мы сказать не могли полякам, это мы даже у себя на Украине не могли сказать.

Однако не только эти трудности возникли во Львове. Поляки особенно остро переживали, что они лишились государственности, Польша оккупирована, Варшава разгромлена. Но мы опять не могли говорить полным голосом, не могли занять позицию, вытекающую из нашего миропонимания, из нашей идеологии. Открытую пропаганду против Гитлера, против гитлеровской политики, против немецких и итальянских фашистов мы вели до заключения договора. А теперь не могли ничего сказать, потому что они стали нашими союзниками. Я бы сказал сложилось буквально трагическое положение для наших пропагандистов.

В то время в украинской партийной среде поляков почти не было. А если и были, то они не занимали какого-нибудь видного положения в партии. Всех таких людей уничтожил Сталин.

Когда я приехал во Львов, мне сказали, что есть такая писательница Ванда Львовна Василевская — человек решительный, реально оценивает обстановку и на нее можно положиться. Меня заверили, что она нас поймет и пойдет вместе с нами.

Она должна была вот-вот прибыть во Львов. Я ждал Ванду Львовну, чтобы вместе с ней начать работу по организации польской интеллигенции во Львове. Мы хотели удержать их от антисоветской деятельности, сделать нашими союзниками в борьбе за нормализацию условий жизни. В других районах Западной Украины, заселенных украинцами, мы опирались на украинцев и в поляках не нуждались. Положение осложнялось еще и тем, что западные украинцы были очень настроены против поляков, которые были господствующей нацией и вели неразумную политику и притеснения украинского населения. Настроение, особенно среди украинской интеллигенции, было антипольским.

Мы не хотели усиления раздоров. Так уж сложилось исторически: много веков Польша и украинцы воевали между собой. Всем известны времена Богдана Хмельницкого, который вел активно войну против поляков. Потом под его руководством Украина вошла в состав Российского государства.

Наконец появилась Ванда Львовна. С ней мы легко договорились по всем вопросам. Она поняла наши объяснения, в каких условиях был заключен договор с немцами и почему мы двинули свои войска в восточные районы Польши.

Относительно договора говорил с ней не я, а приехавшие со мной украинские писатели, главным образом Корнейчук и Микола Платонович Бажан. Эти люди были наиболее активны и близки мне. Через них я делал установки по нашей пропаганде и нашей политике среди польского творческого актива, который стал группироваться вокруг нас.

Ванда Львовна и сама как писательница с большой симпатией относилась и к белорусской, и украинской бедноте. Это отражено в ее литературных произведениях. Она сидела в польской тюрьме за защиту прав западных украинцев и белоруссов. Ее книги я и сейчас вспоминаю с удовольствием.

Я сейчас фамилии других польских товарищей в памяти не удержал, в то время к нам пришла одна Ванда Львовна, позднее появились и другие, бежавшие из Варшавы польские интеллигенты. К нам они относились по-разному, некоторые довольно недружелюбно, а некоторые откровенно пьянствовали. Ванда Львовна же сразу включилась в работу и быстро стала вожаком польской интеллигенции во Львове.

Хотя Коммунистическая партия Польши и была распущена Коминтерном, но низовые партийные организации работали. Может быть, они не были извещены, а может быть, просто игнорировали этот роспуск. Гомулка много позже мне рассказывал, что он работал в то время в Драгобыче и считал себя членом партии. Я не знаю, в каком составе там была партийная организация и была ли вообще. Наверное, отдельные лица считали себя коммунистами, и такие, как Гомулка, были. Завадский, который стал председателем Государственного Совета в Польше, рассказывал, что он сидел в Драгобычской тюрьме как коммунист. Среди коммунистов, членов бывшей Польской компартии, было много и рабочих, и интеллигенции. Они хотели вступить в партию, но об этом не было и речи.

Там была еще Коммунистическая партия Захидной Украины, то есть Западной Украины, которой руководил Центральный Комитет КП(б)У из Киева. Бывших ее членов нам разрешили принимать в партию в индивидуальном порядке. Мы кое-кого принимали и не могли их не принимать, потому что мы видели, что это честные люди, которые представили нам доказательства своей работы в подполье. Они нам были нужны. Они лучше знали местные условия. Таким образом, мы приступили к созданию партийной организации.

Как удар обухом по голове, прозвучала для меня весть, что нашими чекистами убит муж Василевской. То было случайное убийство, как мне честно признались. Но я очень огорчился. Он был пэпэсовец, сам из рабочих, хотя и менее активный, чем его супруга. Тут же возник вопрос: как это отразится на отношении Василевской к нам? Не подумает ли она, что мы устранили его по каким-то политическим соображениям? Мало ли что может прийти в голову человеку при такой трагедии. И я сказал своим украинцам Бажану и Корнейчуку: разъясните Ванде Львовне по-честному, как все произошло, ничего не скрывая.

А произошло вот что. Чекисты хотели арестовать какого-то жильца в доме, где жила Василевская во Львове, но этажом выше, и спутали квартиру. Постучались случайно в другую. Муж Василевской открыл дверь и тут же был застрелен. Я потом спрашивал: «Зачем же был произведен выстрел? Ну, произошла ошибка, постучали не в ту дверь, но человек ведь ее открыл, с ним можно было объясниться?». Отвечали, что чекистам показалось, что открывавший дверь был вооружен и сам намеревался стрелять. Конечно, это трусливый акт. Никакого оружия у него не имелось, стрелять он, следовательно, не мог. Убили человека, и все...

Мы правдиво рассказали об этом Ванде Львовне и просили правильно нас понять. Василевская поверила, что здесь не было злого умысла, и, не снижая активности, продолжала работать в дружественном к нам направлении. У меня сохранялись с нею наилучшие отношения на протяжении всей ее жизни.

Не скрою, не все встречи с поляками во Львове носили радостный характер. Очень трудно им было понять нашу политику, в результате которой они лишились государственности и потеряли родной для себя Львов, где польская интеллигенция занимала все ведущие позиции. Поляки господствовали везде: в коммунальном хозяйстве, в университете, техникумах, школах. Одним словом, все главные командные позиции во Львове были исключительно в руках поляков. Поэтому когда мы соприкоснулись с организацией служб городского хозяйства, то мы имели дело с польской администрацией. Во Львове и рабочими, главным образом, были поляки. Поляки даже на черные работы не допускали украинцев. Украинцы нам говорили:

— Нас даже не принимали на работу по мощению улиц во Львове.

Если поляки и не высказывались против нас, таили свое недовольство сложившимся положением, то по глазам можно было прочесть, о чем они думают, печать траура лежала на их лицах.

Печальные эпизоды остались у меня в памяти.

Запомнился случай с польской оперной певицей Вандой Бандровской. Ванда Бандровская, довольно известная среди оперных артистов, оказалась во Львове. Наши за ней стали ухаживать, предложили ей на выбор работу в Оперном театре, Киевском или Одесском. Пока мы вели с ней переговоры, она поддавалась влиянию немецких агентов, которых было полно во Львове. Тогда было достигнуто соглашение об обмене людьми, которые оказались на территории, оккупированной нашими и немецкими войсками. Украинцы могли вернуться в зону, занятую советскими войсками, и, наоборот, поляки из Львова и других восточных районов бывшей Польши могли бы возвратиться в Польшу.

Немцы прислали своих людей, они вели агитацию за возвращение беженцев. Генерал Серов тогда работал во Львове. Он пришел ко мне огорченный и говорит:

— Знаете, Никита Сергеевич, Ванда Бандровская уже в Кракове, она перешла границу по фальшивым документам. Немцы передали по радио, что Ванда Бандровская прибыла в Краков и выступила перед офицерами немецкой армии.

Списки возвращавшихся согласовывались с нашими людьми,

с чекистами, и Ванды Бандровской в них не было, но она ушла. Тогда это было нетрудно — тысячи людей уходили и приходили, проверка велась поверхностно.

Такое отношение польского интеллигента к немцам — врагам польского народа вызвало у меня и сожаление, и возмущение, но ничего не сделаешь.

Я тогда выслушивал и более горькие сообщения того же Серова. Он меня информировал, что идет регистрация, стоят огромные очереди желающих выехать на территорию Польши, занятую немецкими войсками, очередь в большинстве из беженцев с западных территорий, евреев. Они стоят и умоляют, чтобы их включили в списки, чтобы они могли вернуться в оккупированные немцами районы. Дают взятки гестаповцам.

Несчастный еврей, который имел в Варшаве или еще где-то на западе домик или портняжную мастерскую, ремесленник, отдает гестаповцам последние остатки, которые он взял при отступлении. Те делают ему одолжение — вносят его в списки, и он еще благодарит за то, что его внесли в списки. Эти люди шли на верную гибель. Немцы их уничтожили, как уничтожили евреев на территории Германии. Но мы ничего не могли сделать. Мы не могли вести правдивую пропаганду, связанную договором Риббентропа — Молотова, но самое ужасное, что эти люди нас бы и не слушали, они были одержимы одним желанием вернуться, вернуться к своему очагу, вернуться домой. Они не задумывались, что этот дом станет для них могилой, что возвращение домой обрекло их на верную смерть. Видимо, все эти несчастные погибли.

Никаких жертв во Львове среди советских людей в результате какого-либо сопротивления поляков не было, если не считать случая, когда погиб корреспондент какой-то газеты в результате паники. Он проснулся ночью, услышал шум на улице, открыл окно, свесил голову, чтобы разобраться, в чем там дело, и был убит нашими же людьми по недоразумению. Советские охранники посчитали, что он, возможно, снайпер, выбирающий цель. Вооруженная борьба развернулась позже, но и ту начали не поляки, а украинские националисты-бандеровцы.

Степан Бандера⁴, сын священника из западноукраинского города Станислава, в то время был студентом Политехнического института и входил в террористическую украинскую организацию, которая осуществляла террор против польских властей. Он стоял на позициях независимой, самостоятельной Украины. То была одновременно и антипольская, и антисоветская организация. Бандеру судили за покушение на польского министра и пригово-

рили к тюремному заключению. Наши и немецкие войска выпустили многих заключенных на свободу, и Бандера вернулся к прежней деятельности, теперь уже антисоветской, впоследствии при содействии немцев. Его люди причинили нам много вреда и горя, мы понесли много жертв в борьбе с бандеровцами.

После смерти мужа Василевская спустя некоторое время подружилась с Корнейчуком, и они стали вести совместную жизнь. Корнейчук порвал со своей прежней женой, сестрой известного украинского писателя Натана Рыбака, его ближайшего друга. Получилась семейная трагедия в квадрате. Василевская же крепко приковалась к Корнейчуку цепью любви, и эта связь оказалась более прочной и неизменной. Еще одним пришельцем к нам с «той стороны» был Гомулка, он не переходил демаркационную линию, а работал в Дрогобыче. Оттуда его мобилизовали в Киев, где он трудился на строительстве железнодорожного тоннеля под Днепром. Там же работали и другие вольнонаемные поляки, если понимать тут это слово в том смысле, что не их вольно наняли, а их волю наняли. Впрочем, там же работали и украинцы, все на общих основаниях и с единой оплатой, без какой-либо дискриминации в отношении денег.

Перед войной Сталин выдвинул задачу: построить более надежную, устойчивую к бомбежке железнодорожную переправу через Днепр. Для этого было решено построить два тоннеля: один — южнее Киева, а другой — севернее. Он считал, что эта железная дорога не будет разрушена в случае войны с немцами.

Гомулка, когда много позже рассказывал мне об этом периоде своей жизни, шутил, не жаловался.

22 июня 1941 года грянула война.

Что такое эвакуация в то время? Вообразить невозможно. Нужно было видеть своими глазами условия эвакуации: из Восточной Украины спасался кто как может, это было бегство. Наступление немцев развивалось активно, и Львов с первых дней войны находился под непрерывными ударами немецкой авиации. В особенно тяжелом положении оказались семьи военнослужащих, наших генералов и офицеров. Оттуда бежали кто как мог.

Местные жители в массе своей не эвакуировались ни из Львова, ни из других городов Западной Украины. Они поддались националистической пропаганде и, несмотря на всю нашу агитацию, митинги и разъяснения, занимали враждебные позиции. С нами отступало какое-то количество людей, но это были единицы, а не массовая эвакуация.

В 1941 и 1942 годах у нас не возникало особых вопросов, свя-

занных с Польшей. Не до того нам было. Только в переломном для хода войны в начале 1943 г. у нас стали думать по-настоящему об использовании польских воинских частей на советско-германском фронте.

Правда, первая, неудачная попытка формирования польских частей под командованием польского генерала Андерса была сделана раньше, в 1942 году. Он, кажется, командовал кавалерией в Польше и оказался у нас в плену. Когда из поляков, находившихся в Советском Союзе, была сформирована польская армия, генерал Андерс отказался сражаться против Гитлера на территории Советского Союза, и его войска перебросили через Иран в Африку, где они воевали на стороне англичан.

В 1943 году, по крайней мере, я услышал об этом на завершающем этапе Сталинградской битвы.

Во второй раз началось формирование польских войск под руководством генерала польской армии Берлинга, находящегося в Советском Союзе. Ради этого его привезли из Сибири, где он сидел в лагере.

Когда началось формирование польских частей, мы задумались о политической и патриотической работе среди польских солдат, то снова всплыла фамилия Ванды Львовны Василевской. Думаю, что это был результат моих неоднократных бесед со Сталиным, в которых я с восхищением рассказывал о Ванде Львовне, о ее политических достоинствах, о ее патриотизме, о ее верности коммунистическим идеям.

Новая воинская часть формировалась под лозунгами Союза польских патриотов, который возглавлялся Вандой Львовной Василевской.

В то время роль Василевской как пропагандиста и политического организатора была очень велика. Василевская выезжала в польские части, и она уже воспринималась руководителем зародившейся польской правительственной ячейки на территории Советского Союза. Мне было приятно, что эта роль поручена Ванде Львовне. Я ее очень уважал, верил в ее искренность и политический разум.

С польскими товарищами, которые входили в состав Польского комитета национального освобождения (ПКНО) и занимались формированием польской армии, я несколько раз встречался в Москве у Сталина, а потом в Киеве. Никаких серьезных вопросов они передо мной не ставили. В то время все, что нужно было полякам, в первую очередь вооружение и снаряжение, шло в централизованном порядке, не через меня, а через командование

тыла Красной Армии, генерала Хрулева. Формирование польских частей в то время происходило в городе Сумы на Украине.

Было решено: польская армия будет действовать на участке 1-го Белорусского фронта генерала Рокоссовского, замечательного коммуниста и прекрасного военачальника. Левый фланг 1-го Белорусского фронта находился на территории Украины в районе Луцка. Там сосредоточилась 1-я Польская армия генерала Берлинга. Тогда я с ним познакомился и установил хорошие отношения. Сталин мне советовал установить личные контакты. Я с Берлингом неоднократно встречался в Киеве, часто звонил ему по телефону, интересовался, как у них идут дела. В расположении его войск я никогда не был.

Одна встреча мне особенно запомнилась. Произошла она в середине 1944 года. Сталин очень ухаживал за Берлингом и за командованием польской армии.

Берлинг пожаловался Сталину, что украинцы плохо относятся к польской армии. В это время польскую армию передвинули к границе Польши. Сталин приказал разобраться.

Сначала в Киев приехал Маленков, а через день должен был прибыть Булганин (в то время представителем Советского Союза при польском правительстве был Булганин Николай Александрович). Сталин его освободил от обязанностей члена Военного Совета Западного фронта и назначил особым уполномоченным.

Я предложил Маленкову:

— Надо поехать встретить Булганина.

— Не стоит, — ответил Маленков, — приедет сам. Пошли кого-нибудь и его привезут.

Я попал в неловкое положение. Мне хотелось выразить уважение Булганину. У меня были дружеские отношения с ним. С другой стороны, мне не хотелось ставить в неловкое положение Маленкова: он отказался ехать. Почему же Маленков, который тоже дружил с Булганиным, в то время когда я был секретарем Московского областного и городского партийных комитетов Москвы, проявил такое недружелюбие? Потом мне стало ясно, в чем дело.

В 1943 году было предпринято несколько наступлений Западного фронта, где Булганин был членом Военного Совета, против немцев, и эти наступления не имели успеха. Сталин возмутился и назначил комиссию для проверки причины провала наступлений Западного фронта. Комиссию эту возглавил Маленков. Она провела следствие.

Обвинили штаб Западного фронта в неумении управлять вой-

сками и плохом использовании материальных средств. Командовал тогда этим фронтом Соколовский, милый человек и, безусловно, знающий военное дело, а Булганин был членом Военного Совета. Я не могу сказать об административных, распорядительных свойствах Соколовского, но как штабного человека я его очень высоко ценил.

При освобождении Соколовского и Булганина от должностей я не помню, наложили ли на них какое-то взыскание? Маленков мне говорил, что им записали, кажется, выговор, но что-то не твердо у меня сохранилось в памяти. Маленков зная, что он «наградил» Булганина, соответственно строил свои отношения. Я не верил в объективность расследования и в компетентность Маленкова. Я знаю, что Маленков, как только приехал, то следствие вел так, как ему сказал Сталин. А Сталин, видимо, рвал и метал против Булганина. Следовательно, Маленкову надо было приехать на место и составить соответствующую записку.

Приехал Булганин, а с ним Берлинг. Тогда я узнал, в чем дело. Маленков мне сообщил, что он тоже приехал по этому же делу как главное лицо.

Я спросил Берлинга:

— В чем выражается плохое отношение украинцев к вашей армии?

— Ну, — говорит, — украинцы постоянно выражают недовольство.

Я спросил:

— В чем это проявляется? Видимо, ваши солдаты их грабили? Армия всегда берет у крестьян. Потом, может быть, коней выпасали на посевах крестьян? Естественно, они будут выражать недовольство.

Кроме того, вам надо иметь в виду, что западные области Украины долго находились в составе польского государства. Польское правительство вело неразумную национальную политику, дискриминировало украинцев, притесняло их. Поэтому они поляков не жалуют. Тому история свидетель, сколько веков украинцы воевали против Польши? Еще со времен Богдана Хмельницкого.

Он почувствовал себя неловко и ответил:

— Знаете, я сам не ожидал такого поворота и этого не хотел. Я, собственно, никаких претензий не имею. Видимо, я необдуманно сказал Сталину. Как солдат я сам понимаю, что такие инциденты всегда бывают между войсками и гражданским населением.

Я очень хорошо относился к Берлингу. Я его знал и ценил как

политическую фигуру и командующего польской армией, которая будет действовать вместе с советскими войсками. Я хотел укрепить наши отношения и расположить его к нам. Я ему часто посылал посылочки: какие-то украинские деликатесы, икру, которую получал из Москвы.

Заседание комиссии закончилось обедом, и солидным обедом, с напитками, как положено для высоких представителей комиссии. Маленков был тогда почти не пьющий. Но Украина должна была проявить хлебосольство, и оно было проявлено. На этом наша встреча и разбор дела закончились. Булганин улетел с Берлингом, а Маленков через какое-то время вернулся в Москву. Так произошло мое знакомство с командующим польской армией.

В 1944 году, как мне помнится, какие-то польские антифашисты перешли линию фронта, и я их принимал у себя, на Украине, устроил им обед. Сталин мне поручил оказать им помощь и содействие.

В том же, 1944 году Красная Армия заняла часть польской территории, в том числе город Люблин. Люблин — это большой город, когда-то он был столицей Польши. Появился в нашем расположении и генерал (генеральское звание ему было присвоено еще во времена Пилсудского) Роля Жимерский. Хотя, как мне рассказывали, он в те годы сидел в тюрьме. Ему Пилсудский почему-то не доверял. Я не знаю, в чем было дело, я не уточнял, но мне говорили, что якобы его обвиняли в том, что он является агентом Советского Союза. Этот человек был нашим другом. Умный человек, с опытом. Я считаю, что доверие ему оказывали заслуженно. Я твердо сейчас не помню, кто продолжал возглавлять комитет (Берут или Василевская) — верховную власть Польши, которой было подчинено все, в том числе и армия, которой командовал генерал Берлинг.

Стали формировать правительственные органы Польши. Для расположения правительственных органов они избрали Люблин. Это правильно, так как территория — польская, бывшая столица Польши. Там же обосновался и Булганин.

В то же время, чтобы как-то смягчить осадок, отложившийся в польских душах после подписания договора Молотовым и Риббентропом, Сталин вновь пересмотрел границу между Украиной и Польшей, Белоруссией и Польшей. Это решение получило свое подтверждение на Ялтинской конференции.

О новом решении этого вопроса я узнал во время сообщения об этом польским руководителям. Холм с сельскими районами отходил к Польше. Эти районы полностью, за исключением неболь-

шого меньшинства польского населения, были заселены украинцами. Опять значительное количество украинцев отходило в состав польского государства.

Новыми границами, которые определил Сталин, украинцы были недовольны. Это недовольство внешне не проявлялось, но между собой много говорили, что это украинские земли, и даже по Версальскому договору, определившему линию Керзона, они отходили к Украине. Поляки в 20-е годы нарушили эту линию и продвинулись значительно дальше на восток. Даже граница 1939 года больше соответствовала национальным интересам украинцев, чем та линия, которую установили после войны.

Украинцы роптали. Опроса украинцев, конечно, не было, но интеллигенция, на которую опирался и Центральный Комитет Украины, и правительство, отражала чаяния своей нации. Она болезненно переживала и высказывала мне свое недовольство.

Своим решением Сталин поставил меня как председателя Совета народных комиссаров Украины и секретаря Центрального Комитета в пикантное положение. В 1939 году воссоединение было торжественно отпраздновано и в Киеве, и в Москве, потом утверждено на сессии Верховного Совета. Национальные интересы украинцев были удовлетворены. Впервые в истории украинского народа Украина была воссоединена, а теперь приходилось отступать. Но что я мог поделать, так решил Сталин.

Я думаю, что Сталин так поступил, чтобы как-то смягчить воспоминания о пилуле, которую он преподнес полякам договором, подписанным Молотовым и Риббентропом, договором о разделе Польши. Теперь Сталин проявил «понимание и добрую волю», уступил часть украинской территории Польше. Когда я встречался с поляками и обменивался с ними мнениями, то поляки тоже выражали недовольство границей, они считали, что граница должна была быть перенесена еще восточнее.

Я считаю, это непреодолимый спор. Если вдуматься, то и в интересах Польши, и в интересах Советского Союза установить добрые, братские отношения между нашими странами. Поэтому уступка, которую сделал Сталин, политически оправдывалась тем, что как-то сглаживала горький осадок у поляков, оставшийся от 1939 года. Она создавала хорошие предпосылки для взаимопонимания и дружбы между нашими народами.

Вопрос с украинским населением, живущим на польской границе, Сталин решил просто: предложить им переехать на Украину. Поляки это приветствовали. Им это было выгодно. Польское население, жившее на Украине, если желало, могло переехать в

Польшу, поляки соглашались их принять. Желающих было достаточно.

Такие же условия были обговорены Польшей и в отношении белорусской границы и белорусского населения.

Сталин сказал о таком решении мне и Пономаренко, который тогда был председателем Совета народных комиссаров Белоруссии и секретарем Центрального Комитета Коммунистической партии Белоруссии. Мы должны были войти в контакт с польским временным правительством, провести переговоры и создать условия обмена населением. Этот вопрос был уже не дискуссионным, а решенным. Мы получили указания.

По телефону мы договорились с товарищем Пономаренко о дне поездки в Люблин. Нас встречал Булганин. Я прилетел из Киева, а Пономаренко — из Минска. Мы привезли с собой консультантов, которые должны были присутствовать при переговорах. Поляки нас встретили очень хорошо. Практически все вопросы решались быстро, без проблем.

Уполномоченным правительства советской Украины при правительстве новой Польши был назначен Подгорный. Он в то время работал в украинском министерстве пищевой промышленности. Реализация договоренностей шла через него.

Я помню обед, данный правительством Польши в честь представителей Украины и Белоруссии. На обеде роль тамады выполнял Роля Жимерский. Он показал все свое генеральское превосходство над остальными. Он был очень весел и хорошо вел стол. Произвело впечатление на всех присутствующих еще и то, что он знал манеры высшего общества.

Остальные присутствующие были простыми людьми, пользовались своей терминологией. Когда украинцы поднимали бокалы, то говорили: «Будь мо, будь мо!» — «Будем здоровы!». И примерно такая же застольная терминология была у белоруссов, а его тост оформлялся цветистой фразой. Он демонстрировал свои познания в этикете высшего польского общества. Потом был организован большой обед с привлечением широких кругов сложившегося нового польского руководства. Состоялось совещание представителей польского крестьянства.

Я присутствовал на совещании и беседовал с польскими крестьянами. Крестьяне как крестьяне, они были рады своему освобождению.

Там я познакомился с Витасом. Это известная в Польше фамилия. Старший брат, старый польский политический деятель, к тому времени уже умер. Младшего брата привлекли к работе

Польского комитета. Он был вожаком польских крестьян, конечно, зажиточных, стоял на позициях кулацкого хозяйства. И сам Витас был довольно-таки зажиточным человеком, не помещиком, но кулаком.

Дело было в августе, и я решил угостить польских крестьян украинским деликатесом. Позвонил я в Киев и попросил доставить попутным самолетом в Люблин арбузов и дынь. Арбузы и дыни в Польше не росли, и этого продукта крестьяне не знали. Угощение произвело хорошее впечатление, но произошел смешной казус. Витас очень боялся колхозов, боялся, что мы будем навязывать их силой. Когда подали нам дыни, а привезли дыни сорта «колхозница» — это некрупные плоды, но очень ароматные и вкусные.

я спросил:

— Как вам, господин Витас, нравится наша колхозница?

Я не знаю, как он понял, но он переспросил:

— Это колхозница? Дыня?

Я говорю:

— Да, колхозница.

— А почему она не красная?

Он, видимо, хотел меня как-то уколоть, смысл его остроты я не понял. Он как-то по-другому понял, решил, что я вкладываю особый смысл, называя дыню «колхозницей». Я всегда чувствовал, что этот человек стоял в оппозиции по вопросу перестройки сельского хозяйства на колхозных началах, хотя в то время этот вопрос не только не стоял, но мы даже и не заикались о колхозах. Вообще я не вел разговоров о политическом устройстве Польши после изгнания немцев, это считалось внутренним вопросом Польши, и он должен быть решен после освобождения всей территории.

Мне не поручали вести эти переговоры, и я не вмешивался в эти дела.

Тогда у меня не очень сложились хорошие отношения со всеми поляками, хотя были люди там политически разные.

Особенно мне нравился, я не говорю о Ванде Львовне, Болеслав Берут — чистый, искренний, обаятельный и одновременно разумный человек. С ним легко было не только вести переговоры, но и просто беседовать. Хорошее впечатление производил Роля Жимерский, в сравнении с другими был это человек высокой культуры, в какой-то степени с аристократическими манерами, дело иметь с ним было приятно.

Осубка-Моравский, безусловно, придерживался буржуазных взглядов на будущий строй польского государства, по своим на-

строениям он настоящий пэпээсовец, я не скажу, что пилсудчик, но пэпээсовец. У нас тогда бытовало понятие «пилсудчик» — польский фашист. Он был пэпээсовец, выступал против марксистско-ленинского учения. На меня Осубка-Моравский производил впечатление, не выгодное для него.

Я уже упоминал, что в то время советское правительство в Люблине представлял Булганин. Это облегчило мою миссию. С Булганиным мне было легко общаться, мы хорошо понимали друг друга. Булганин мне рассказывал, как идут дела, давал характеристику людям.

Я помню тогда нам сообщили, что в немецком концлагере около Люблина (я не помню сейчас, как это место называлось) открыли могилы людей, убитых немцами. Там были сделаны печи, где сжигали трупы, но не всех сжигали, видимо, не справлялись печи. Открыли огромные рвы, заполненные трупами убитых.

Я предложил:

— Давай, Николай Александрович, поедем посмотрим.

Когда мы приехали, работы еще велись, откапывали ров. Ужасная картина. Вскрывали небольшой слой земли, а ниже лежали полуразложившиеся трупы. Зловоние было невозможное. Булганин не смог терпеть, сбежал. Я вытерпел, потому что мне хотелось хорошенько разузнать, познакомиться с этим нечеловеческим зверством, которое совершили немцы. Да и перед врачами и рабочими мне было несколько неудобно предстать изнеженным белоручкой, не выносящим трупного запаха.

Там стояло много печей с остатками не до конца сгоревших костей. Нам показали камеру, оборудованную под баню, в которой умерщвляли узников газом. Нам рассказали, что людей гнали сюда вроде как мыться, а когда они заполняли зал, то дверь закрывалась, помещение наполнялось газом, и все люди умирали. Тогда трупы извлекали и сжигали в печах.

Потом повели нас в длинный дощатый барак. В этом бараке открылась ужасная картина: он был заполнен огромным количеством женских волос. Видимо, перед казнью у женщин срезали косы, связывали в пучки и складывали сюда, как все равно делали в деревне заготовители щетины.

Оттуда мы перешли в другое отделение, наполненное обувью. Обувь там была всяких размеров: мужские и женские ботинки и туфли. Тоже огромное количество, и все разложено с немецкой аккуратностью.

До нашего посещения там побывало много наших людей, и этот немецкий порядок был уже несколько нарушен. Впечатление

очень тяжелое, ясно было, что обувь эта осталась от тех несчастных, которых во рвах откапывали наши саперы.

Эта картина была не для людей со слабыми нервами. Варварство немцев вызывало еще большее негодование против фашизма, против Гитлера, которые совершили эти зверства.

Недалеко от Люблина расположен древний город Холм (иначе Хелм). Мы с Николаем Александровичем Булганиным решили поехать в этот город, посмотреть его. Почему я хотел туда поехать? В этом городе в гимназии училась Нина Петровна, моя жена. Она мне рассказывала о нем. Город Холм до первой мировой войны входил в состав Российского государства. Мне хотелось посмотреть, что это за город, что там за люди живут.

Мы посетили очень старый, я не помню, какого века, православный собор. Нас сопровождал священнослужитель, я не знаю, в каком он был звании, но человек старше среднего возраста. Он нам рассказывал о соборе, я сейчас не помню содержания его рассказа, но я запомнил его лицо и его глаза. С такой грустью, с такой болью он нам рассказывал историю храма. Его грусть была вызвана тем, что Холм отходит к Польской Республике.

Священник нам выплакивал:

— Смотрите, это же русский храм, он построен русскими. Теперь мы лишимся его, его снова переделают под костел.

Он начал рассказывать, что уже бывало в истории, когда этот храм переделали под костел. Потом возвращались русские, опять восстанавливали православный храм. Он буквально слезы лил. Мы слушали его, но не стали разговаривать на эту тему. Что мы могли поделать? Осмотрели собор и уехали.

Зимой 1945 года наши войска наконец заняли Варшаву. И тогда же я вплотную занялся польскими делами, организуя помощь восстановлению Варшавы. Сталин сказал мне: «Вот наши войска освободили Варшаву, и поляки потребовали к себе Микиту» (так он обращался ко мне, когда был в хорошем расположении духа).

Потом он перешел на деловой тон.

— У вас, — говорит, — накопился большой опыт восстановления разрушенных городов. Вы на Украине уже много сделали по восстановлению хозяйства. Сейчас освободили Варшаву. Мне докладывают, что там нет воды, нет электричества, не работает канализация. Улицы завалены щебнем. Одним словом, Варшава лежит в развалинах. А новые польские руководители — люди неопытные, никогда они ничем не управляли и нуждаются в помощи. Поэтому вы поезжайте туда и помогите нашим товарищам полякам восстановить разрушенное городское хозяйство Варшавы.

Мне признаться было очень приятно слушать эти слова. Я был очень доволен таким поручением и был уверен, что смогу помочь полякам. Я знал по опыту: при любых разрушениях можно восстановить хозяйство, получить минимально нужное количество электрической энергии, восстановить водопровод и канализацию, хлебопечение и другие отрасли коммунального хозяйства, без которых жизнь в городе невозможна.

— Хорошо, — ответил я, — выеду немедленно, но разрешите мне взять специалистов из Москвы, а может быть, затребовать кое-каких инженеров из Киева, надо сразу иметь под рукой специалистов, которые занялись бы электричеством, канализацией и транспортом.

— Берите кого хотите. Вы знаете московских инженеров-коммунальщиков и киевских. Это ваше дело.

Я сформировал бригаду специалистов и выехал в Варшаву. Мне было очень приятно помочь польским друзьям, но мне, не скрою, хотелось взглянуть на разрушенную немцами Варшаву, встретиться с людьми, пережившими восстание, поговорить с ними.

Прибыли мы в Варшаву. Мне сказали, что новое польское правительство располагается на правом берегу Вислы, в предместье Варшавы, оно называлось Прагой, там остались неразрушенные строения. На левом же берегу основной город находился в руинах, все там было разрушено.

Первым делом я встретился с Берутом, президентом, Осубка-Моравским, премьер-министром, и Спыхальским, мэром Варшавы.

Познакомили меня с польским архитектором, я забыл его фамилию, он разработал первые соображения по восстановлению Варшавы, показывал мне кое-какие наброски.

В этот мой приезд Берут познакомил меня с Берманом.

Главным помощником я взял с собой Андрея Евгеньевича Страментова. Я Страментова уважал и хорошо знал. Это подготовленный человек, прекрасно знавший городское хозяйство, особенно дорожное строительство. А здесь мне еще очень требовались его пробивная энергия и его организаторские способности. Страментову я поручил возглавить бригаду специалистов, которую мы составили из московских инженеров-коммунального хозяйства. Первым делом они должны были обследовать остатки коммунального хозяйства Варшавы и определить, что можно восстановить и в какие сроки.

Работа была очень тяжелая. Коммуникации Варшавы скрывались под горами щебня и битого кирпича. Я поднимался на само-

лете, осматривал Варшаву с воздуха: это была какая-то груда развалин, а не город. Я не знаю более образного слова, чем руины, но никакое слово не может дать представление о тех разрушениях, которые я увидел, о состоянии города Варшавы в те дни. Это был не город, а горы щебенки.

Я наблюдал такую картину: лежит куча щебня, а смотришь, из-под этой кучи выходят люди. Оказывается, дом разрушен, но осталось подвальное помещение. Люди как-то расчистили вход и превратили это подвальное помещение в жилье.

Наши специалисты докладывали мне каждый день о проделанной работе. Мои посланцы по энергетике, водопроводу и канализации — это нас интересовало прежде всего — пришли в радужном настроении.

— Знаете, — говорят, — на электростанции турбины не разрушены, их можно восстановить. Здание разбито, надо расчистить. Как только здание приведем в порядок, можно будет запустить турбины и получить ток. Электроэнергии получим столько, что потребителей не хватит.

Я обрадованно шутил с товарищем Берутом:

— Товарищ Берут, нельзя ли от вас за услуги, которые мы вам оказываем, получить немного электроэнергии, у нас на Украине ее не хватает.

Это шутки. У них ее тоже не хватит, как только начнет работать городское хозяйство. Первым делом следовало наладить освещение, потом пустить насосную станцию, чтобы создать хотя бы элементарные городские условия для живущих в Варшаве людей.

Берут мне отвечал:

— Пожалуйста, за работу будем платить по затраченному труду.

Когда мы запустили турбины, я доложил Сталину, и он мне сказал:

— Вы оттуда не выезжайте, пока не создадите хотя бы минимальных условий нормальной жизни, не восстановите необходимые агрегаты для обслуживания населения Варшавы. В Киеве пока обойдутся без вас, там есть ваши люди и дело налажено. Пусть они без вас поработают, а вы в Варшаве поработайте.

Мы радовались, что водопровод скоро будет пущен, насосы исправны; если были какие-то поломки, то они будут быстро восстановлены. Стали восстанавливать водопроводную сеть. Она где-то была разрушена снарядами, а где-то разорвало морозом водопроводные трубы разводящих сетей, но главные подземные коммуникации были в исправном состоянии или требовали для восстановления небольших усилий. Канализа-

ция тоже оказалась исправной. Все стали вводить в строй. Половина Варшавы получила электричество, водопровод и канализацию. С пекарней было проще: дали воинские походные пекарни. Они удовлетворяли потребности небольшого населения Варшавы, потому что люди после разгрома Варшавы Гитлером расползлись по провинции. Варшавяне начали расчищать город.

В какой-то праздничный день, видимо, в воскресенье, руководители Варшавы организовали воскресник по уборке и расчистке улиц.

Мне товарищ Берут предложил принять участие в воскреснике: «Давайте символически поработаем», — и с хитрецей посмотрел на меня, он всегда говорил с улыбочкой.

Я согласился с готовностью.

Мы взяли лопаты, главным орудием производства в тех условиях была лопата, и пошли на какую-то улицу. Народу вышло относительно много. Улицы заполнились народом: кто с лопатами, кто с носилками, одни грузили, другие относили. Одним словом, работали. Тут же, конечно, крутились и киношники. Они зафиксировали для истории, какой была Варшава. Сейчас Варшаву восстановили, и она превратилась в красивый современный город.

Мне захотелось побывать в Лодзи. Я много слышал о Лодзи, это был пролетарский центр, рабочие Лодзи имели богатые революционные традиции.

Я спросил товарища Берута:

— Как вы смотрите, если бы я съездил в Лодзь?

— О, это хорошо, пожалуйста.

Тут вмешался Осубка-Моравский:

— Я бы с удовольствием тоже поехал с вами. Вы не возражаете?

— Буду рад.

Поехали. Дорога в Лодзь клинкерная, неразрушенная. Погода стояла солнечная. Приехали в Лодзь. Проехали по улицам, осмотрели город. Город находился в хорошем состоянии, больших разрушений не было. Опустился вечер, мы намеривались заночевать в Лодзи, а утром возвратиться в Варшаву.

Нас разместили в гостинице. Гостиница была обставлена богато, видимо, когда-то это была роскошная гостиница, но и в то время, когда нас в ней разместили, она выглядела тоже хорошо. Только страдали мы от холода. Отопление не действовало, и мы вынуждены были укрываться всем, что у нас было.

Сели мы за ужин. Ужинали мы в ресторане тем, что с собой

привезли: селедочка у нас была и кое-какие другие продукты. Ресторан, по нашим понятиям, роскошный. К нам с Осубкой-Моравским пришли лодзинские руководители. Когда ужин был в разгаре появился Роля Жимерский. Он с нами не ехал, не знаю, был ли по делам в Лодзи или где-нибудь в окрестностях. Своим появлением он сразу внес оживление в наш ужин. Человеком он был очень общительным, с веселым нравом, приятным, умным собеседником.

Пужинали. Лодзинские руководители рассказывали о своих делах. На меня они произвели очень хорошее впечатление, люди умные и болеющие за свое дело. Они делали все, что было в их силах, чтобы скорее восстановить свой город. По-моему, никакие предприятия в Лодзи не работали, и город был полупустынный. Оживления на городских улицах я не видел. Люди ходили, понунав голову, снабжение, видимо, было плохое. В общем, так выглядели все города, которые освобождались от гитлеровской оккупации.

На следующий день мы вернулись в Варшаву.

После возвращения из Лодзи товарищ Берут мне больше рассказал о товарище Гомулке, который в то время занимал пост секретаря Центрального Комитета.

— Сейчас он болен и лежит у себя на квартире, поэтому хорошо было бы, если бы вы смогли к нему заехать, — сказал Берут.

Я ответил, что с удовольствием навещу Гомулку, мне самому очень хотелось познакомиться с ним. Я поехал к нему на квартиру. Встретила меня женщина — жена товарища Гомулки, по-моему, она в тот момент занималась стиркой. Квартира Гомулки выглядела мрачной, плохо освещенной, стены и потолок закопчены. Видимо, отапливалась она печуркой, «буржуйкой», как мы ее называли в гражданскую войну.

Гомулка меня встретил приветливо, он был на ногах, не в постели. Лицо его было перевязано какой-то широкой черной лентой, выглядел он довольно экстравагантно.

Мы приступили к беседе. Он рассказал о положении дел в Польше и дал свои оценки. Не помню, сколько времени я у него провел, но я остался очень доволен и встречей, и беседой. Гомулка на меня произвел очень хорошее впечатление.

По возвращении из Варшавы я заехал в Москву и рассказал Сталину о проделанном. Кроме того, оставил записку, где подробно описал, в каком состоянии увидел Варшаву, что именно мы сделали, какое впечатление на меня произвели различные люди. Уделил много внимания встрече с Гомулкой, который был для нас

фактически новой личностью. Сталина очень интересовало, что он за человек. О Гомулке я высказал только положительное. И не об одном Гомулке, но и о других польских политических деятелях. Однако с ними Сталин встречался и раньше, а вот Гомулка был для него человеком новым.

Товарищ Берут на меня произвел особо теплое впечатление. Но я почувствовал его главный недостаток — мягкость. Он показался мне не совсем организованным человеком, не чувствовалось у него организаторской жилки. Его же мягкость, его человечность и безусловная убежденность коммуниста и такой человеческий подход к людям располагали к нему. Эти качества я чувствовал. И на всем протяжении короткой общественной жизни товарища Берута как руководителя Польши они проявлялись при обсуждении вопросов, которые возникали между нашими государствами.

Сейчас, когда я в отставке, раз в год, по пути из Варшавы в Тбилиси, приезжает дочь Берута, Кристина, и останавливается у нас. Она вышла замуж за архитектора и живет в Грузии. Мы с Ниной Петровной принимаем ее, и эти встречи напоминают нам о хороших временах, когда был жив ее отец и наш друг.

После освобождения Варшавы участие Ванды Львовны в руководстве Польским комитетом стало не столь активным. Она жила в Киеве и только наезжала в Варшаву или Люблин. Я забегая несколько вперед, но когда Польша была полностью освобождена (я часто встречался с Корнейчуком и Вандой Львовной, они бывали у меня на квартире, мы дружили, я любил беседовать с Вандой Львовной, ее было очень приятно слушать), я высказал ей сожаление:

— Скоро, Ванда Львовна, мы будем с вами реже встречаться.

— Почему? — удивилась она.

— В связи с вашими обязанностями. Вам, видимо, придется переехать в Варшаву. Естественно, реже вы будете приезжать в Киев.

— Нет! — Она была человек резкий. — Нет, не-е-т. Я туда не поеду.

Так растянуто, но твердо произнесла: «Нет!». Она сказала, что поедет на постоянное жительство в Варшаву только тогда, когда Польша станет республикой Советского Союза. До этого ей делать там нечего. Я с ней не согласился, высказал свое мнение, но она оставалась непреклонной.

Я думаю, дело не в том, что Польша не становилась республикой Советского Союза, а причины были более житейские. Она не

хотела оставить Корнейчука, не хотела уезжать от него на долгое время. Каким бы упрощенным не казалось такое толкование, но думаю, что это обстоятельство имело большое значение в определении места жительства Ванды Василевской после освобождения польской территории от вражеских войск.

Так и случилось. После полного разгрома и капитуляции немецкой армии Ванда Львовна не уехала в Польшу. У нее сохранились очень хорошие отношения с Берутом и с другими руководителями народной Польши, хотя жить она продолжала в Киеве.

Отношения к Ванде Львовне Василевской в Польше были неровные. Берут к ней относился с очень большим уважением и симпатией, но со стороны товарища Гомулки я этого не почувствовал. Очень хорошо к ней относились товарищи Берман, Минц и другие. Она же отзывалась о польском руководстве критически. Эта ее критическая струнка, по-моему, отражала какие-то недомолвки с Гомулкой. Конкретно я сейчас не могу вспомнить, в чем это выражалось, да я, собственно, и не спрашивал; это ко мне не относилось. Я не хотел прокладывать борозды раскола, но в моем уме фиксировалось какое-то их взаимное недоверие.

Ванда Львовна частенько ездила в Варшаву, там осталась ее престарелая мать, которую она очень любила и с большой теплотой рассказывала о ней. Конечно, она встречалась и как политический деятель, и как писательница со своими друзьями, приводила свои впечатления о новой Польше.

Берут был для Ванды Василевской уважаемым человеком, она очень уважала Циранкевича. Она мне очень много рассказывала о Циранкевиче. Тогда Циранкевич только что вернулся в Польшу, он на Западе находился в концентрационном лагере. Она тепло о нем отзывалась, говорила, что он очень интересный и честный молодой человек, на которого можно положиться.

Она была знакома с Циранкевичем и до войны. Он был пэпэз-совец и работал среди пэпэзсовской молодежи.

Молодой, энергичный, способный, умный человек, перспективный политический деятель Польши.

Впоследствии Осубка-Моравский был заменен на посту председателя Совета Министров Польской Республики товарищем Циранкевичем. Безусловно, это было согласовано со Сталиным. Я познакомился с товарищем Циранкевичем позже. Не помню, при жизни Сталина или после его смерти. Циранкевич на меня производил хорошее впечатление. Я к нему всегда относился с вниманием и уважением, и сейчас это отношение сохранилось. Правда, его положение было незавидным. Со стороны коммунистов, став-

ших вождями польского государства, к нему не было абсолютно-го политического доверия. Всегда вокруг него была настороженность. Некоторые высказывались прямо:

— Неизвестно, кто он такой? Эта личность несколько загадочная.

Он представитель пэпээсовской части в объединенном руководстве, его появление — результат политической комбинации, с тем чтобы привлечь людей. ППС была сильная и многочисленная партия.

О товарище Циранкевиче ходили всякие слухи, но, слава Богу, уже после смерти Сталина. Если бы это было при Сталине, то кончилось бы для него плохо. Циранкевич любил, как мне он сам говорил, водить машину, ездил без шофера. Он умело и быстро ездил. Это тоже вызывало всякие разговоры. Одни говорили, что он ездит, потому что у него очень плохие отношения с женой, поэтому... Это я слышал даже от товарища Гомулки. Но товарищ Гомулка его высоко ценил и считал необходимым его присутствие в руководстве.

Кроме того, судачили, что фамилия его не Циранкевич, что он не поляк, а еврей. Циранкевич — это исправленная еврейская фамилия. Его отец имел какое-то торговое дело или мелкое предприятие. Одним словом, эта кандидатура появилась в результате соглашения, в результате комбинаций, и, видимо, товарищ Циранкевич, как умный человек, все понимал. Это накладывало отпечаток на его личность, он больше молчал и высказывался, лишь когда чувствовал необходимость. Свое мнение он выражал четко: я никогда не слышал, чтобы сказанное им не соответствовало обсуждаемому вопросу.

Я считаю, что Ванда Львовна тогда правильно характеризовала товарища Циранкевича, я тоже всегда был и остаюсь высокого мнения об этом человеке. Ванда Львовна хорошо относилась к Берману, он тоже только что появился на польской политической арене. До этого я Бермана совсем не знал, слышал только, что он работал в Коминтерне. Он один из немногих, кто остался жив после чистки 1937 — 1938 годов.

Потом приехал в Варшаву Минц. Минц — польский коммунист, тоже живший в Советском Союзе. И о нем Ванда Львовна была высокого мнения.

Я со своей стороны тоже высоко ценил Бермана и Минца. У них были разные направления деятельности. Берман — партийный политический деятель и большой организатор, а Минц был экономистом. Минц стал душой в составлении экономических

планов развития Польской Республики, сыграл в этом большую роль.

Зимой 1945 г. я по вызову Сталина приехал в Москву. Там я познакомился с лидером эмигрантского польского правительства в Лондоне Миколайчиком.

Миколайчик, ярый антисоветчик и антикоммунист, возглавлял польское эмигрантское правительство в Лондоне.

Черчилль его приглубил. Правительство Миколайчика имело свои вооруженные силы на польской территории. Им приказывалось не оказывать содействия советским войскам, а сохранить свои силы, свое вооружение на будущее, на предстоящую борьбу.

Тогда было два польских правительства, одно — в Лондоне и другое — в Люблине. Я не участвовал в переговорах с Миколайчиком.

Миколайчика западные страны продвигали в польские премьеры, добивались, чтобы его в этой ипостаси признал Советский Союз. Миколайчик рассматривался Западом, как якорь, который удержал бы Польшу на буржуазных позициях в фарватере политики Запада. Эта была политика дальнего прицела. Мы же, вполне естественно, были против Миколайчика, хотели, чтобы Польша стала социалистической, чтобы Польша стала другом Советского Союза, чтобы на наших восточных границах возникло дружеское государство. Мы столько усилий затратили, столько жертв принесли в этой войне и, естественно, хотели защитить свои интересы. Прежде всего нас интересовало, какое будет правительство в соседней Польше и какую политику оно будет проводить.

В своих воспоминаниях я хотел бы коснуться освобождения Варшавы. Когда наши войска вышли на Вислу и подошли вплотную к Варшаве, там вспыхнуло восстание под руководством генерала Бур-Комаровского. Восстание было подготовлено польским правительством, находившимся в Лондоне. Видимо, имелось в виду, что если советские войска вступят в Варшаву, то правительство, которое находилось в Лондоне, сразу же вернется, и, таким образом, будет создано буржуазное правительство во главе с Миколайчиком. Но независимо от этого у нас сложились неблагоприятные условия для наступления на город. Чтобы подготовиться к форсированию реки, надо иметь время, чтобы подтянуть войска, сделать соответствующую подготовительную работу. По тем временам Висла считалась крупной естественной преградой. Брать Варшаву в лоб, форсируя Вислу, было трудно. Такие атаки несут большие жертвы в войсках. Лучше всего организовать фланговый удар. Наши войска уже занимали плацдармы на юге

от Варшавы. Нашим левым флангам предполагалось нанести удар, и принудить немецкие войска уйти из Варшавы, и освободить Варшаву без особых жертв. На это требовалось время.

Немцы подавили варшавское восстание, взяли повстанцев в плен и сразу расстреляли. Захватили в плен и Бур-Комаровского. Сейчас трудно что-либо сказать, что это за фигура. Немцы, захватывая пленных, особенно генералов и людей, которые поднимали восстания на оккупированных территориях, не щадили их. Бур-Комаровский был взят в плен и остался в живых. После войны он проводил антипольскую, антисоциалистическую политику.

Война шла к концу. Я уже не помню, когда Миколайчик возвратился в Варшаву из Лондона, наверное, еще до окончания войны. Сталин был вынужден считаться с союзниками. Черчилль нажимал на Сталина, настаивал, что Миколайчик является другом Советского Союза. В письмах Сталину он писал о неправильном отношении к Миколайчику, что он с уважением относится и к Сталину, и к нашему государству, и на него вполне можно положиться как на главу польского государства. Он выполнял эту роль в изгнании, и ему только оставалось переехать в Варшаву и занять место премьер-министра Польши.

Сталин тогда написал Черчиллю, что пройдут выборы, и тогда вопрос будет решен. После разгрома немцев пришло время выборов. Миколайчик и другие буржуазные деятели Польши были выставлены кандидатами.

В деревне влияние Миколайчика было очень высоко, да и не только в деревнях. Польша тогда еще сохраняла следы руководства Пилсудского, пэпэсовского руководства. Многие люди были настроены против Советского Союза из-за подписания договора Риббентропа — Молотова. Это оставило нехороший след. Выборы проходили сложно. Поляки умеют остро и метко шутить по текущим политическим моментам. На выборах абсолютное большинство получили кандидаты от Объединенной рабочей партии и Крестьянской партии. Поляки говорили так: «Цой то есть за шкатулка (это урна избирательная)? Опускаешь Миколайчика, а вытаскиваешь Гомулку?»

Тут и рифма получились и острый политический смысл. Следовательно, польская интеллигенция, а я считаю, что это она сочиняла, не верила в объективность выборов, считала, что результаты были подтасованы коммунистами.

Запад, конечно, тоже считал, что выборы не прошли объективно. Однако, так или иначе, но Миколайчик получил меньшинство. Политика левых сил стала проводиться более направленно. Ми-

колайчик занял какое-то место в правительстве, конечно, не ведущее. Когда он увидел, что Польша твердо встала на социалистическую основу, то сбежал и вернулся в Лондон.

Бегство Миколайчика было признанием провала его политической платформы. Он увидел, что польский народ в большинстве своем после колебаний, особенно рабочий класс, занял твердую позицию на переустройство страны.

После войны я часто встречался с польскими товарищами, когда Берут, Гомулка, Осубка-Моравский и другие приезжали в Москву. Если и я находился там, то Сталин всегда приглашал меня к их приезду, потому что среди многих вопросов, которые поднимали польские руководители, затрагивались интересы Украины. Сталин, не желая вступать в пререкания с польскими руководителями, подбрасывал мне все неприятные ответы на их претензии. Я то с удовольствием встречался с поляками, но вовсе без удовольствия знакомился с их претензиями, потому что не всегда мог согласиться с их просьбами. Неприятно отказывать людям, которых ты уважаешь. Мне была отведена как бы роль блюстителя интересов советской Украины. Когда поляки ставили очередной такой вопрос, Сталин сейчас же отвечал им: «Это касается Украины, вот пусть Хрущев и решает. От него все зависит, с ним и договаривайтесь». А сам смотрит на меня и ожидает (а я по интонации чувствую, чего он ожидает), чтобы я дал отказ. Я старался отказывать в вежливой форме, не желая отталкивать друзей от Советского Союза.

Несколько раз Берут при мне ставил вопрос перед Сталиным о Львове. Потом, когда понял, что Сталин все равно укажет на Хрущева, начал сразу обращаться ко мне: «Товарищ Хрущев, — говорил он своим милым, мягким, располагающим голосом, — уступите нам Львов. У вас есть такая огромная страна, как Украина, а для нас Львов — большой город, он много лет был в составе польского государства, и население там польское, и наша интеллигенция тесно связана со Львовом. Львовяне драматически переживают, что они теперь отошли к Украине. Кое-кто уже перебрался оттуда в Польшу». Я ему: «Товарищ Берут, поймите, что сделать это никак нельзя. Я знаю, много лет Львов находился в составе Австро-Венгерской империи. Населен он действительно поляками. Но и вы знаете, что вокруг него население сплошь украинское. Ведь Львов был заселен поляками искусственно; началось это после первой мировой войны, для вытеснения оттуда украинцев. Ваши претензии не имеют основания. Товарищ Берут, так нельзя. Вы знаете, Пилсудский считал, что Киев должен вхо-

дить в состав польского государства и обосновывал это исторически: тем, что границы Польши проходили по Днепру. Поляки не снимали до самой войны лозунг, что Польша должна подчинить себе земли от моря до моря. Мало ли какие желания были. А если украинцев спросить, то некоторые могли фантазировать: может быть, и Краков взять?»

Он удивился:

— Ну что вы?

Я улыбнулся:

— Вот так же и я вам могу ответить. Что вы? Вы же претендуете на Львов.

Разговор велся с улыбочками. Я уж и не знаю, насколько серьезно Берут надеялся, что можно будет договориться насчет возвращения Львова. Зато при беседах с поляками на другие темы Сталин умел их приласкать, занимая позицию ухаживания, чтобы они забыли о 1939 годе.

Гомулка обычно приезжал в составе польской делегации вместе с Берутом, а на Сталина он производил странное впечатление. Сталин часто после отъезда польских товарищей говорил мне: «Не понимаю я Гомулки. Вы посмотрите на него: когда ведешь с ним беседу, он буквально смотрит мне в рот и в блокнот карандашом записывает каждое слово». Но я чувствовал, что в принципе Гомулка нравится Сталину именно этим.

С другой стороны, запись Гомулкой беседы он мог расценивать как действия агента империализма, что он это делает по заданию иностранной разведки, чтобы информировать своих хозяев.

Полной противоположностью Гомулке был Берут. Он держал себя более свободно, относился к Сталину с уважением, внимательно, но без таких подбροстрастных проявлений, как у Гомулки. Сталин к нему хорошо относился, но до конца не доверял. Не раз в нашем кругу он спрашивал о Беруте:

— Как Берут? Где он был во время оккупации? Как он скрывался? Кто у него жена и чем занимается? Как он сошелся с ней в подполье?

Особенно его интересовали жены руководителей. Он считал, что через жен разведки вербуют коммунистов. А раз задается вопрос, значит, недалеко до беды. Сразу последует поручение советникам при Беруте: разведать и доказать, что это враг народа или чей-то агент, — это одно и то же. К сожалению, очень много этой подлости было.

К моему большому удовлетворению, такого с Берутом не произошло.

Запомнился мне еще такой разговор с Берутом. Во Львове имелась художественная панорама, наподобие Севастопольской или Бородинской. На ней польские художники запечатлели сражение поляков с русскими в ходе восстания под руководством Костюшко. Это полотно было, по-моему, хорошо написано, но я не знаток живописи, и я не могу достаточно умело оценивать его с этой точки зрения. Знаю только, что оно производило сильное впечатление на зрителей. Изображен там был такой эпизод: польские солдаты ведут пленного русского генерала, соответствующее веселое настроение было изображено на лицах солдат, и в их походке, и в манере держать себя. Картина эта была явно антирусской направленности и вызывала сильные эмоции у зрителей. Поэтому мы, освободив Львов, закрыли доступ посетителям к панораме. То восстание произошло против царского самодержавия. Дело прошлое, а сейчас картина вызывала недружелюбные чувства к русскому народу и советской власти. Возникла ненужная аналогия, наносящая вред дружбе народов Советского Союза и Польши. Именно поэтому мы закрыли панораму.

Вдруг Берут поднял этот вопрос: «Та панорама в Круглой башне цела?». Я ему: «Безусловно цела. Она была снята со стен еще до войны и хранится на складе. Мне сообщали после освобождения Львова, что она сохранилась, правда, в очень плохом состоянии, потому что, видимо, находилась в сырости и пострадала. Однако ее можно отреставрировать». «Мы просим вас отдать ее нам». «С удовольствием, нам она не нужна, вряд ли мы когда-нибудь откроем для посетителей эту панораму. Ее экспозиция служила бы не на пользу нашим отношениям, не способствовала бы укреплению дружбы между нашими народами. Но как вы станете ее использовать? Если выставите панораму в Польше, она будет возбуждать националистические и антирусские чувства, что не в наших и не в ваших интересах. Мы-то должны сейчас делать все, чтобы сгладить исторически сложившиеся враждебные отношения между нашими странами. Нам обоим не следует напоминать, что поляки занимали Москву и что русские цари делили с австрийскими и прусскими владыками Польшу. Много было горечи в отношениях между нашими народами, надо ее сглаживать».

Но Сталин поддержал Берута: «Ничего страшного, есть же у нас опера «Иван Сусанин». При вашей постановке вопроса и ее надо запретить как антипольскую». Пришлось мне согласиться. Мы передали панораму польским товарищам. Недавно к нам приезжала Вероника Гостыньская, наш старый товарищ. Она спросила меня: «Правду ли рассказывал Осубка-Моравский, что когда

Берут поставил вопрос об этой панораме, то вы возражали против передачи ее полякам?». Пришлось мне признаться, что правда, и объяснить, почему я возражал.

Я и сейчас считаю, что поступал правильно. И события последнего времени только подтверждают мою правоту. В 1968 году в Варшаве поставили спектакль на историческую тему по поэме Мицкевича «Пан Тадеуш», воспевавший освободительную борьбу польских повстанцев против царского самодержавия. Спектакль шел под аккомпанемент антирусских выкриков и возгласов. Со сцены звучал призыв к борьбе против оккупантов. В спектакле тоже была историческая правда, но в настоящих условиях произошло совершенно неожиданное для руководства Коммунистической партии Польши толкование истории.

Гнев зрителей переносился из того времени в наше, так что всему произведению придавалась направленность не против царей, а против Советского Союза. Такие настроения имели свои последствия. Ведь все происходило в те времена, когда вновь наметились сложные события в руководстве Польши. Оно запретило данный спектакль. То есть спустя столько лет сомнения, которые я высказал ранее Беруту, подтвердились. Спектакль «Пан Тадеуш» охлаждал у польской общественности чувства братской дружбы между народами Польши и СССР, а у части населения вызывал даже возмущение, призывавшее к активным действиям. Во время спектакля происходили демонстрации в зрительном зале, поляки солидаризировались с идеями спектакля, направленными против царизма, но переносимыми в сегодняшнюю действительность.

Добавлю еще несколько слов о Василевской, очень интересной личности. Тот факт, что она пошла с трудовым народом и в своих произведениях описывала жизнь крестьян Западной Белоруссии и Западной Украины, то есть восточных областей Польши, еще в довоенное время, характеризует ее с положительной стороны и вопреки ее происхождению. Ее отец — близкий соратник Пилсудского. Ходили слухи, что Ванда Львовна — крестная дочь Пилсудского. Василевский был министром в правительстве Пилсудского. Мать Ванды Львовны, кажется, была воспитанницей института благородных девиц в Петербурге. И вот Ванда Львовна, тоже благородная девица, избрала путь борьбы вместе с трудовым народом. Раньше она состояла в одной партии с Пилсудским — ППС. Потом стала коммунисткой, вступив в ряды ВКП(б). И стала хорошим и честным коммунистом. К нам ее привели идейность и миропонимание, а не какие-то меркантильные, материальные интересы.

Василевская была человеком острым и прямым. Она иной раз говорила Сталину такие вещи, которые ему вовсе не нравились, но она говорила. Мне она импонировала своей прямоотой, неподкупностью. Даже ее угловатость, резкость в обращении подкупали искренностью чувства. Это была принципиальная женщина, не терпевшая сделок с совестью. У нее осталась в СССР дочь. К сожалению, не имею сейчас возможности узнать о ней что-либо, тем более установить с ней какие-то контакты.

Сталин благоволил к полякам. Чем могли, тем и помогали. Порой Сталин это делал в ущерб Советскому Союзу. Я имею в виду страшный голод на Украине в 1946 — 1947 годы в результате бедственного неурожая 1946 года: Украина сдала добросовестно хлеб, все что могла, но план все-таки не выполнила. У колхозов и колхозников остались пустые закрома. Начался голод, отмечались проявления людоедства, не один и не два случая.

А в это время хлеб, который был взят с Украины, посылался в Польшу. На Украине не было отрицательного настроя к Польше, потому что население не знало этого. Это знал узкий круг людей. Ванда Львовна Василевская, вернувшись из Варшавы, посмотрев, как живут варшавяне, рассказывала мне:

— Я посмотрела: они едят белый хлеб, ругают советское правительство, что мало дает белого хлеба, вместо белого хлеба присылает черный, а поляки черный хлеб никогда не ели.

Украинский хлеб посылается в Польшу, а тут люди пухнут с голоду и мрут.

Ну в этом обвинить польское руководство и население нельзя. Они обращались с просьбой, им давали — они брали. О том, что происходило на Украине, они, безусловно, не знали. Да этого не знали и в нашей стране, этого не знают и сейчас. Кто мог знать? Знал это я, как первый секретарь Центрального Комитета и председатель Совета Министров, знал это Сталин, знал кое-кто еще. В результате того, что я ставил эти вопросы и настаивал, я сам попал в опалу. В ответ на мое прямое обращение к Москве ввести карточную систему и общественное питание для крестьян, иначе они не смогут работать, получил резкое осуждение за то, что позволил себе написать «клеветническую» бумагу. Весной 1947 года, когда надо было выходить в поле, в Москве вынуждены были признать мою правоту. Мы организовали общественное питание, потому что крестьяне буквально валились от ветра. А сколько их умерло!

Наши взаимоотношения с Польшей после разгрома гитлеровской Германии развивались на хорошей основе. Но вре-

мя шло, и начали возникать трудности. Я узнал, что там появились политические силы, которые проявляют недовольство Гомулкой. Произошло это после того, как у нас испортились отношения с Югославией. Из-за чего конкретно возникли разногласия внутри польского руководства, не могу сказать. Могу лишь судить о том по обрывкам разговоров со Сталиным на эту тему, которые отложились в моей памяти. Если, когда я приезжал в Москву, возникал разговор о Польше, то Сталин высказывал свои соображения на данный счет. Я не был свидетелем того, как решалась судьба Гомулки, когда встал вопрос о его аресте. Но мне это было непонятно, и я сожалел о случившемся, потому что с уважением относился к Гомулке. Прежнее мнение о нем, которое сложилось у меня при первой встрече с ним в Варшаве, не изменилось. Я всегда рассматривал Гомулку как одного из самых достойных руководителей Польши, влиятельного и полезного человека. Однако внутри Польши настроения против Гомулки продолжали расширяться.

Одно из обвинений звучало так: он поддерживает югославов, нигде не выступая с резкой критикой Тито. Более того, как раз перед разрывом с югославами Гомулка ездил в Белград, возглавив польскую делегацию. Гомулке приписывали, что он сочувствует политике, которую проводит Тито. Имею в виду проведение Югославией независимой линии в сфере экономических реформ. Организация экономики в Югославии строилась не согласно методам и формам, принятым в Советском Союзе. Несмотря на заявления югославских руководителей везде и всюду, что они стоят на позициях марксизма-ленинизма и прилагают все усилия к строительству социализма в своей стране, Сталин толковал происшедшее по-другому, и были мобилизованы все научные силы СССР, были открыты все журнальные и газетные страницы для того, чтобы доказать обратное. Югославов называли ренегатами, союзниками капиталистических стран. Все это оказалось ложью. Но рикошетом ударило по Гомулке.

Сначала об этом пока только шептались. Заговорили также, что Гомулка выступает против коллективизации. Это в какой-то степени было верным. Еще и сейчас Польша выделяется из всех социалистических стран своей особой политикой в деревне. Там преобладают кооперативы типа сельскохозяйственных кружков. У нас подобные коллективы в 20-е годы называли ТОЗы, то есть товарищества по обработке земли. В них крестьяне остаются владельцами земли и индивидуальных средств производства. Подобные взгляды Гомулки Сталин считал преступлением. Ведь он лик-

видировал ТОЗы и ввел колхозы. Наконец, еще одно обвинение: Гомулка проявлял антисемитизм. Тут я как раз полагаю, что такое обвинение вовсе не порочило Гомулку в глазах Сталина. Сталин сам был сильно подвержен антисемитизму. Не случайно честные евреи, которые работали вместе с Лениным, были потом уничтожены. Конечно, их уничтожали вместе с русскими и другими, тут у Сталина был полный интернационализм.

Однако публично Сталин ревниво оберегал чистоту своих риз и внимательно следил, чтобы не дать повод к обвинению его в антисемитизме. Любой человек, сказавший такое о Сталине, если бы он находился на достигаемом расстоянии, был бы немедленно уничтожен. В чем же состояли поступки Гомулки, которые расценивались как антисемитские? Сам я никогда ничего похожего от Гомулки не слышал. Уже позже, когда я стал чаще встречаться с ним и у нас сложились дружеские отношения, мы обменивались мнениями по данному вопросу. Оказалось, что он проявлял желание изменить состав Политбюро Польской объединенной рабочей партии, как стала она называться после слияния компартии с социалистами. В составе Политбюро имелась довольно солидная группа лиц еврейской национальности, что вызывало какую-то реакцию со стороны рядовых поляков. Я с пониманием отношусь к тревоге, которую проявил в этой связи Гомулка. Ведь данный факт в конце концов вызвал недовольство шовинистски настроенных людей, что и проявилось потом в резких общественных выступлениях. Так случилось и в Польше, и в Венгрии, где тоже в составе руководства имелся значительный процент лиц еврейской национальности.

Однако люди, против которых выступил Гомулка, были заслуженные, проверенные коммунисты и очень способные руководители. Взять хотя бы Бермана или Минца. Они как бы подавляли других членов Политбюро своим превосходством организаторов и образованных людей, прошедших хорошую марксистско-ленинскую школу.

Берман был влиятельным человеком, умным и опытным политиком. Он имел очень большое влияние на Берута. Сам он не выпирал своей фигуры, а действовал через Берута. Я даже думаю, что без его совета Берут не предпринимал ни одного политического шага. Минц занимался вопросами экономики, был человек заслуженный, уважаемый. Он был главным лицом, который определял экономические планы.

Может быть, слово «зависть» не совсем уместное. Но сложившееся там положение вызвало отрицательную реакцию иных чле-

нов руководящего состава ПОРП. Кадрами в ЦК ПОРП занимался Замбровский, способный человек, но проводивший неразумную политику их расстановки, без учета национального фактора.

Замбровский — старый политический деятель коммунистической партии. Во время гитлеровской оккупации был в подполье. Его обвиняли, что он имел сионистские наклонности, не прямо выраженные. Он как коммунист не мог быть сионистом, но особое отношение к товарищам еврейской национальности проявлял. Иной раз и у нас на человека бросали незаслуженное обвинение в сионизме. Сионизм и антисемитизм — это родные братья.

Замбровского обвиняли в том, что он как еврей покровительствовал еврейским товарищам. Он заведовал кадрами в Центральном Комитете. Поэтому, как говорится, ему и карты в руки. Он продвигал при равных условиях на решающие участки — политические и экономические — в большей степени евреев, чем поляков.

Его мотивировка часто была обоснованной: он выдвигал более развитых, лучше подготовленных. Но такие действия получали политическую окраску в глазах сугубо польской части коммунистов, которые тоже хотели активно участвовать в работе и занимать ключевые позиции в руководстве своей страной. Здесь же они вроде бы оттиралась, что сгущало атмосферу и порождало глухое недовольство. Именно эти настроения улавливал и отражал Гомулка.

Над его головой нависал арест. Считалось, что домогаются удержания Гомулки главным образом Берман и Минц, хотя это было не так. Сталин при мне рассуждал вслух, что вот поляки хотят арестовать Гомулку, но «не понимаю, — говорил он, — почему они хотят его арестовать, какие к тому имеются данные». Личных бесед, которые с ним вел Берут, я не знаю. Сталин имя Берута конкретно не называл. В конце концов Гомулка был арестован. Уже потом Сталин сказал, что ему позвонил Берут и внес такое предложение. Сталин ему ответил: «Решайте сами, как находите нужным». Гомулка был изолирован и находился в особых условиях, не в обычной тюрьме, а в каком-то замке. Затем широко распространились аресты его сторонников. Оказались арестованными Спыхальский, Совиньский, Клишко, многие другие. Я называю здесь лишь крупные персоны, но и в нижестоящем руководстве сторонники Гомулки тоже были арестованы.

Получилось, что в польском руководстве были разгромлены в основном кадры польской национальности. Это создало совершенно ненормальное положение в ПОРП. Когда Сталин умер, я

неоднократно спрашивал Берута: «Согласно каким обвинениям вы держите в тюрьме Гомулку?» Берут был добродушным человеком с мягким характером, он обычно улыбался и отвечал так: «Я и сам не могу толком объяснить это». «Но если вы считаете, что сами того не знаете, то и освободите!». Однако сохранялись какие-то силы, которые давили на него, или у него имелись скрытые соображения. У меня в результате сложилось впечатление, что давили на него те же Берман, Минц и Замбровский. Я тогда окончательно утвердился во мнении, что последний не совсем правильно понимает национальный вопрос и злоупотребляет доверием, которое ему оказывали.

В то время в Польше преобладали руководящие кадры еврейской национальности. Замбровский не понимал, что, выдвигая преимущественно еврейские кадры, злоупотребляя их количеством по сравнению с поляками, он порождает злостный и самый опасный антисемитизм. Никакой антисемит не сможет сделать большего зла, чем еврей, который, занимаясь кадрами, выдвигает еврейские кадры в ущерб кадрам ведущей национальности государства, в котором они живут. Так это дело и тянулось. Берут не освободил упомянутых заключенных, хотя и не приводил убедительных доводов в пользу того, что эти люди посажены «по заслугам».

Берут был мягким человеком, поддавался влиянию, и Гомулка продолжал находиться в тюрьме.

Отдыхая в Крыму с товарищем Берутом, я в спокойной обстановке говорил ему:

— Гомулка сидит в тюрьме, а до нас доходят слухи, что в Польше есть силы, которые недовольны национальным составом высшего руководящего органа в партии и в правительстве. Определяют политику в значительной степени товарищи не польской, а еврейской национальности, хотя это люди достойные и не вызывают сомнения. Что касалось Бермана и Минца, то эти две фамилии у меня никакого сомнения не вызывали. Сейчас я не знаю, какое положение они занимают, но я и сейчас считаю, что это честнейшие и преданные деятели коммунистического движения, много сделавшие после разгрома немцев для создания польского государства социалистического уклада.

На это Берут со свойственной его характеру улыбкой посмотрел на меня и ответил:

— Товарищ Хрущев, вы знаете, как мне тяжело. Я сам понимаю, что это вызывает недовольство, но ведь Берман — умный человек.

Все наши документы по политическим вопросам редактирует Берман, а по экономическим вопросам — Минц. Речи, которые я произношу, тоже подвергаются их редакции. Я нуждаюсь в таких помощниках. Вы сами говорите, что это честные люди.

— Это верно, но это может породить семена антисемитизма. Потом вы встретитесь с трудностями, — парировал я.

Настаивать я не мог и не хотел. Все осталось по-старому.

Потом Берут умер. Произошло это сразу после XX съезда КПСС. Он заболел, находясь у нас, и умер в Москве. В Польшу был доставлен гроб с его телом. Меня выделили поехать с делегацией от КПСС для участия в похоронах. Я уважал Берута, несмотря на то, что он занял в этом деле такую скверную линию. Похороны были грандиозные. Люди были опечалены, удручены, ходили в слезах. Это проявление чувств я считаю искренним, потому что Берут, чистопородный поляк, импонировал полякам как разумный, внимательный и доступный человек. После его похорон встал вопрос, кого выдвинуть на пост первого секретаря ЦК ПОРП. Меня поляки попросили, чтобы я пока не уезжал в Москву. Честно говоря, я тоже хотел на месте дожидаться решения вопроса. Для СССР было далеко не безразлично, кто окажется в польском руководстве.

На заседаниях польского Политбюро я не присутствовал, ибо не хотел давать повод для обвинения, что Хрущев оказывает какое-то давление. И все равно потом широко гуляло мнение, будто я влиял на польских товарищей. Повторяю, я вовсе не был на заседаниях, где решался вопрос о новом руководстве: ни на пленарных, ни на иных.

Поляки решили разделить посты главы партии и главы государства, раньше их совмещал Берут. На место первого секретаря ЦК ПОРП претендовали два человека Охаб и Завадский. Мы не вмешивались, хотя, не скрою, мне больше импонировал Завадский. После бурного обсуждения члены ЦК остановились на Охабе.

Меня проинформировали, что выдвигают на пост первого секретаря товарища Охаба⁵. Гомулка тогда еще находился в заключении. У нас не имелось никаких возражений против Охаба. То был товарищ, проверенный в борьбе, прошедший польскую тюрьму и настоящий коммунист. Жена у него тоже активная коммунистка, но я меньше был знаком с ней. Разгорелась большая борьба вокруг поста секретаря ЦК ПОРП по кадрам, но так как у прежнего, товарища Замбровского, имелись хорошие связи с секретарями воеводских комитетов ПОРП, то они встали за него горой, и ему вновь были поручены кадровые вопросы, как и при

Беруте. Однако для него не осталось секретом, что Москва не поддерживает его кандидатуры, в результате чего его сторонники развили бешеную работу против нас, особенно против меня.

Я не скрывал своего мнения, открыто говорил, что надо на этот пост выдвинуть такого же достойного коммуниста польской национальности, с тем чтобы снять обвинения, которые бытовали среди польских коммунистов: что, мол, кругом расставлены евреи, а пробиться польским кадрам на руководящие посты в партии почти невозможно.

Председателем Государственного Совета, то есть президентом, стал Александр Завадский⁶.

В кандидатуре Охаба нас ничто не беспокоило, он был нашим другом и правильно понимал смысл этой дружбы. Но когда я возвратился в Москву, то узнал, что борьба в польском руководстве не затихает.

Видимо, товарищи были неудовлетворены и считали, что после смерти Берута ничего не изменилось в национальном составе руководства. Коммунисты польской и еврейской национальностей продолжали скрытую борьбу, открыто они нигде не выступали, но каждый проводил, насколько мог, работу внутри партии. Это самое плохое, когда такое раздирает партию. Потом дело осложнилось тем, что в Польше, как в других братских странах, да и во всем мире, начал интенсивно обсуждаться вопрос о культе личности Сталина и связанных с ним злоупотреблениях. Главный вопрос, который тогда волновал партию, — на каком основании была распущена Коммунистическая партия Польши перед войной. Об этом говорилось на XX съезде КПСС. Берут получил копию доклада, который я там зачитал. Затем эта секретная копия попала в руки людей, которые хотели нанести нам вред, может быть, это были и прямые агенты капиталистических стран, сейчас трудно сказать. Одним словом, мой доклад был размножен и получил широкое распространение за пределами Польши, его широко использовала буржуазная пресса.

В Польше сложилась трудная обстановка: мой доклад на съезде, смерть Берута, последовавшая за ней борьба внутри ПОРП сильно взбудоражили польскую общественность, особенно интеллигенцию и молодежь. События нарастали. Охав оказался недостаточно авторитетным руководителем, не пользовавшимся уважением у партийной и непартийной общественности. С его мнением мало считались. Между тем, еще будучи на похоронах Берута, я опять поднял вопрос о Гомулке и Спыхальском и спросил всех членов Политбюро, как они относятся к нашему мнению,

что следует освободить Гомулку? Все в один голос доказывали мне, что это делать нельзя, больше всех горячились Охаб и Замбровский.

На таких же позициях стоял Завадский и Циранкевич, я уже не говорю о Бермане и Минце. Одним словом, все руководство считало, что освобождать Гомулку они не имеют оснований и не имеют желания. Я был искренне огорчен. Но я ничего не мог поделать, ведь требовать мы не имели права.

Дальше — больше: у Охаба возникло желание вывести Циранкевича из состава руководства. Я доказывал, насколько мог, что нельзя этого делать, надо помнить, что их объединенная партия сложилась, главным образом, из двух партий: коммунистической и пэпээсовской. Товарищ Циранкевич представлял ППС, и, если его устранить, это приведет к развалу коалиции. Организационно может все останется по-старому, но большую часть Объединенной рабочей партии Польши вы восстановите против себя. Мне доказывали, что он слаб как руководитель.

Я убеждал их:

— Товарищи, вы же должны понять, что он себя ведет так, потому что не чувствует поддержки, вот и получается, вроде он проявляет нерешительность. Если бы товарищ Циранкевич имел возможность возглавить и реально занять первое место в правительстве при условии поддержки в партии и в народе, вы бы увидели, какие способности он проявил бы. Если вы его удалите, будет нанесен большой ущерб коммунистическим партиям всех социалистических стран. Социал-демократические лидеры Запада тогда говорили, что коммунисты пошли на конъюнктурное объединение с социал-демократами, а когда они укрепятся, то выбросят из власти лидеров социал-демократических партий.

Если бы Польша «выбросила» Циранкевича, то это пагубно отразилось бы и на Германской Демократической Республике. Там Отто Гротеволь, лидер социал-демократов, тоже возглавлял правительство. Аналогичная ситуация была и в других социалистических странах. Мы заглядывали вперед и видели, что в рабочем движении должно создаваться что-то типа левого фронта, объединения левых сил. И сейчас в некоторых странах при выборах в парламент объединяют усилия коммунисты и социал-демократы и получают довольно положительные политические результаты. Это был вопрос принципиальный, и он относился не только к Польше.

Однако вернусь к проблеме Гомулки. Спустя некоторое время польские товарищи приехали к нам на отдых в Крым. Там я опять

затронул в разговоре с Охабом вопрос о Гомулке. Он продолжал стоять на прежней позиции, но никаких доводов за то, чтобы Гомулку продолжать содержать в заключении, не привел и лишь доказывал, что его освобождение создаст трудности в их руководстве.

Между тем в самой ПОРП нарастало мнение, что Гомулка находится в изоляции без вины. Разъяснения польского руководства по этому вопросу, которые оно давало партии, уже не производили никакого впечатления. Но волнение было подспудным и еще не выплеснулось на поверхность, потому что все главные газеты находились под руководством тех людей, которые выступали против Гомулки.

Волна протестов набирала мощь, особенно среди студенчества и интеллигенции. Ширилось движение за освобождение Гомулки.

Я пытался время от времени от имени советского руководства протолкнуть освобождение Гомулки. В то время в Польше уже складывалась неприятная ситуация: враждебные нам силы объединились под лозунгами освобождения Гомулки. Новое руководство, если хотело сохранить свой авторитет, должно было освободить Гомулку. Но они не осознавали происходившего, проводили старую, порочную линию, продолжали держать Гомулку в тюрьме. Наконец, не по своей воле, а под давлением извне они выпустили Гомулку из тюрьмы.

Первые недели после своего освобождения Гомулка болел и нигде не показывался. В то время Охаб с польской делегацией ездил в Китай, а по дороге остановился в Москве, где я с ним побеседовал. Предложил ему сказать Гомулке: пусть приедет к нам отдохнуть в Крыму, мы создадим ему условия. Охаб возразил, что не следует этого делать, и уклонялся от разговора. Я не настаивал.

То, что освободили Гомулку, нас радовало. Но форма, которую приняло это освобождение, нас беспокоила. Оно произошло не просто под давлением его сторонников, но и под антисоветским флагом: распространилось мнение, что Гомулку арестовали по нашему требованию, хотя никаких оснований к такому предположению не имелось.

Тем временем напряженность в Польше нарастала. Прошли демонстрации, все бурлило. Бурлило на антисоветской ноте. Демонстранты требовали вывода советских войск из Польши, предъявляли и иные требования.

Неожиданно мы получили известие, что в Варшаве собрался

пленум ЦК ПОРП, идет бурное заседание. Гомулка участвовал в работе пленума, там развернулась борьба за власть.

Мы узнали, что на пленуме ЦК ПОРП обсуждается вопрос об освобождении от должности Охаба и выдвижении Гомулки. Шел горячий спор и по другим вопросам. Это нас беспокоило, особенно освобождение от должности Охаба, хотя мы вовсе не возражали против Гомулки. Подобное решение ЦК ПОРП мы рассматривали как акцию, направленную против нас: люди, которые доказывали нам необходимость держать его в заключении, сейчас создают впечатление, будто они только теперь получили возможность освободить его и выдвинуть на руководящий пост.

Я позвонил в Варшаву, разговаривал с Охабом, спросил, верна ли информация, полученная нами через советское посольство. Он подтвердил. Тогда я спросил: правда ли, что в Польше стал бурно проявляться антисоветизм и что приход Гомулки к власти осуществляется при опоре на антисоветские силы? Тут же добавил, что мы хотели бы приехать в Варшаву и поговорить с вами на месте. Охаб: «Нам нужно посоветоваться, дайте нам время». Потом уже он позвонил и сказал: «Просим вас не приезжать, пока не закончится у нас заседание ЦК». Казалось бы, ответ правильный, если относиться к собеседнику с доверием. Но в то время у нас уже доверие к Охабу исчезло. Лучше всего, конечно, нам было бы не появляться там. Но теперь мы именно за этим и хотели приехать, чтобы оказать соответствующее давление. Отказ же Охаба еще больше возбудил наши подозрения, что там нарастают антисоветские настроения, которые могут вылиться в такие действия, когда исправить положение будет уже трудно.

Пришлось сказать Охабу, что мы все-таки хотим приехать. Открыто заявили ему, что Польша имеет для нас большое стратегическое значение. С Германией нет мирного договора. В Польше располагаются наши войска на основании Потсдамских соглашений 1945 года. Они охраняют коммуникации через польскую территорию. Твердо сказали Охабу, что приедем в Варшаву. Составили делегацию. В нее вошли я, Микоян, Булганин. Полетели. Когда мы приземлились, на аэродроме нас встречали Охаб, Гомулка, Циранкевич и другие товарищи. Встреча была необычно холодной. Мы прилетели очень возбужденные, и я, едва поздоровался, сразу же на аэродроме высказал недовольство происходящим: «Почему все идет под антисоветским знаменем? Чем это вызвано?» Мы-то всегда стояли за освобождение Гомулки и не сопротивлялись тому, чтобы Гомулка вернулся к руководству. Когда я беседо-

вал в Москве с Охабом, то предлагал, чтобы Гомулка отдохнул в Крыму, мы с ним поговорим, он подлечится, а тем временем мы разъясним нашу позицию.

Лично я думаю, что мои слова тогда насторожили Охаба в том смысле, что он мог подумать, будто мы хотим его снять с поста и посадить на его место Гомулку. Мы в целом не были противниками Охаба, но он показал себя слабым руководителем, Гомулка был лучшей заменой. Мы больше ценили Гомулку. Наверное, Охаб это чувствовал.

В ответ на мою тираду Охаб только махнул рукой, указал на Гомулку: «С ним теперь разговаривайте, его избрали первым секретарем ЦК».

Нам отвели дворец Бельведер, приезжая в Польшу мы в нем обычно останавливались. Дворец расположен в живописной местности и весьма вместительный. Дворец в свое время занимал наместник русского царя в Польше, брат Николая I, Константин. Мы только, как говорится, зашли, поставили чемоданы и уехали в ЦК ПОРП. Начиналось заседание.

Заседание Президиума Объединенной рабочей партии Польши проходило очень бурно и в нашем присутствии. Мы тоже подавали реплики, которые не смягчили напряжения, а еще больше подливали масла в огонь. Правда, все, кто высказывался, говорили о сохранении дружеских отношений с СССР. Особенно на меня сильное впечатление произвел товарищ Завадский. При всех сложностях он оставался нашим самым ближайшим другом. Так он и умер, оставив глубокий след в памяти как верный друг Советского Союза.

Товарищ Гомулка к нему относился без уважения, это мне было понятно. Завадский занимал не последнее место в руководстве, поэтому Гомулка понимал, что в его аресте был виноват не только Берут.

Особую позицию на том заседании занял Циранкевич. Он тоже высказывался за сохранение дружеских отношений, но выражал это как-то по-особому. Он полностью ориентировался на Гомулку и осуждал прежнее руководство, в котором сам состоял, но руководящей роли не играл, не имел влияния.

В общем, беседа проходила очень бурно. Прямо стоял вопрос: за Советы поляки или против? Разговор шел грубый, без дипломатии. Мы предъявили свои претензии и требовали объяснения действий, которые были направлены против СССР.

Войском Польским командовал Маршал Советского Союза Рокоссовский. Он считался у них просоветским человеком. Да так

оно и было. Сам поляк, он больше был советским человеком, чем польским. Выдвинули его министром обороны Польши по просьбе Берута. Сталин при мне предложил Рокоссовскому занять пост министра обороны Польши. Тот категорически отказывался: «Я воин Советской Армии, в Польшу ехать я не хочу». Сталин стал его уговаривать. Наконец, договорились, что Рокоссовский получит польское подданство, но сохранит и советское гражданство, и звание Маршала Советского Союза. Только на этих условиях он согласился уехать и принял там пост министра. Поляки присвоили ему звание Маршала Польши.

В перерыве заседания, во время обеда, мы получили информацию от Рокоссовского, что войска, подчиненные Министерству внутренних дел Польши, приведены в боевую готовность и стянуты к Варшаве. «За мной, — говорил он, — установлена слежка, я и шагу не могу сделать, чтобы это не стало известно министру внутренних дел».

Нужно было иметь в виду, что министр сидел вместе с Гомулкой в тюрьме и, естественно, был целиком на его стороне. Слова Рокоссовского еще больше возбудили наши подозрения. Уже звучали открытые требования выслать Рокоссовского назад, в СССР, так как ему нельзя доверять, он проводит антипольскую политику.

Министр внутренних дел направлял все акции против Советского Союза. Это конкретно выражалось и в приведении польских воинских частей в боевую готовность, и в слежке за Рокоссовским, и в бешеной травле советских специалистов в Польше. Вот на такой волне приходил Гомулка к руководству. А антисоветская толна и у нас создала соответствующее настроение, хотя мы и считали, что это все-таки накипь, которая образовалась в результате прежней, неправильной политики Сталина. Тут и разгром Польской коммунистической партии до войны, и другие наши шаги после войны, которые задевали национальное самлюбие польского народа. При Сталине были приняты некоторые решения в ущерб экономике польского государства. Все это сейчас всплыло, и ко всему этому добавлялся антисемитизм. Мы считали, что расцветший антисемитизм — явление временное.

Сложнее была проблема пребывания наших войск в Польше. Мы решили защищать это пребывание. Оно вытекало из Потсдамского соглашения и, следовательно, было освящено авторитетом международного права. Необходимость присутствия наших войск в Польше определялась железнодорожными и шоссейными коммуникациями, которые связали страну с нашими войсками в Германии.

Я спросил Рокоссовского: «Как поведут себя войска?». «Сейчас польские войска не все послушают моего приказа, хотя есть части (он назвал их), которые выполняют мой приказ». А приказ он отдаст только тогда, когда мы ему скажем, какой именно нужен. «Я, гражданин Советского Союза, считаю, что надо принять резкие меры против антисоветских сил, которые пробиваются к руководству. Кроме того, жизненно важно сохранить коммуникации с Германией через Польшу». Реально советские воинские силы в Польше были невелики. С нами в Варшаву приехал маршал Конев, который в то время был Главнокомандующим войсками стран Варшавского пакта и казался нам необходимым в Варшаве. Через Конева мы приказали привести наши войска в Польше в боевую готовность. Потом дополнительно приказали подтянуть танковую дивизию к Варшаве. Конев доложил, что войска снялись и танковая дивизия уже движется в направлении Варшавы.

Продолжалось между тем бурное, нервное заседание. Мы резко спорим с поляками. Вижу, Гомулка нервно встал. Направился ко мне. Сел на место. Потом опять встал. Его глаза выражали не враждебность, а сильную взволнованность. Я его в таком виде никогда больше не видел. Наконец, он подошел ко мне и нервно произнес: «Товарищ Хрущев, на Варшаву движется русская танковая дивизия. Я очень прошу вас дать приказ не вводить ее в город. Вообще было бы лучше, если она не приблизится к Варшаве, потому что я боюсь, что произойдет нечто непоправимое». Гомулка экспансивный человек, у него даже пена на губах появилась. Выражения он употреблял крайне резкие. Мы стали отнекиваться, дескать, нет ничего подобного. Я решил не говорить ему, что одновременно с приказом Коневу двинуть на Варшаву советские войска соответствующие указания получил и Рокоссовский, который предпринимал какие-то шаги в тех польских войсках, на которые он мог положиться. Спустя некоторое время Гомулка вновь поставил тот же вопрос. Он успел перепроверить свою информацию: ему докладывал министр внутренних дел, который следил за передвижениями наших войск.

Оставались среди поляков люди, которые и в столь сложной обстановке не теряли здравого рассудка, сохраняли холодную голову. Председателем Госсовета был хороший наш друг, много лет просидевший в польских тюрьмах, Завадский. У него жена тоже старая коммунистка, тоже прошедшая через тюрьмы и тоже наш друг. Как и ее муж, она резко выступала против тех, кто стоял на антисоветских позициях. Завадский нас проинформировал, что

ведется антисоветская агитация среди рабочих Варшавы, что некоторые заводы вооружаются, министр внутренних дел раздает оружие. Варшава готовится сопротивляться нашим войскам. Ситуация складывается тяжелая. А мы в ней оказались пленниками, потому что Варшава находится под руководством сил, занявших антисоветскую позицию. Продолжалось заседание. Взял слово Гомулка. Он говорил горячо и произнес слова, которыми подкупил меня: «Товарищ Хрущев, прошу вас остановить движение советских войск. Вы думаете, что только вы нуждаетесь в дружбе с польским народом? Я как поляк и коммунист клянусь, что Польша больше нуждается в дружбе с русскими, чем русские в дружбе с поляками. Разве мы не понимаем, что без вас мы не сможем просуществовать как независимое государство? Все будет у нас в порядке, и вы не допустите, чтобы советские войска вошли в Варшаву, потому что тогда будет сверхтрудно контролировать события».

Был объявлен перерыв в заседании. Мы собрались отдельно своей делегацией и обсудили ситуацию вместе с Рокоссовским. Я теперь проникся особым доверием к Гомулке, хотя я и раньше доверял ему. Несмотря на его вспыльчивость, в его словах звучала искренность. И я сказал: «Я Гомулке верю как коммунисту. Ему трудно, сразу он всего не сделает, но постепенно, если мы выразим ему доверие, отведем наши войска и дадим ему время, он сумеет справиться с силами, которые стоят сейчас на неверных позициях. Конечно, есть и классовые враги среди этих людей. Они хотят рассорить наши народы. Заметив щель, начали в нее забивать клинья. Но я считаю, что надо поддержать Гомулку». Все согласились. Мы отдали Коневу приказ остановить продвижение советских войск к Варшаве. Потом объясняли полякам, что наши войска вообще не двигались к Варшаве, а проводили военный маневр, по выполнении которого остановились в пункте, назначенном им согласно плану маневров. Конечно, никто не поверил нашим объяснениям, но все были довольны, что войска остановились.

Тут и Гомулка успокоился: ему сразу же доложили, что наши войска никуда не движутся. Обстановка разрядилась. Поляки поняли, что можно договориться. Думаю, что ввод наших войск в Варшаву действительно мог стать непоправимым явлением и породил бы такие сложности, что трудно даже представить себе, куда мы могли зайти. Считаю, что положение спас Гомулка, когда столь убедительно высказал свои соображения. Остальное оказалось второстепенным делом.

Выдвижение Гомулки на пост первого секретаря у нас не вызвало возражений, и наше дальнейшее пребывание в Польше тоже не казалось необходимостью. Мы распрощались и улетели домой. Абсолютной уверенности в исходе дела у нас тогда не было, но я верил словам Гомулки и сейчас не раскаиваюсь. Это доверие потом оправдалось. В той истории очень активную роль сыграл вышеупомянутый секретарь ЦК ПОРП по кадрам Замбровский. Особенно активно вел себя его сын, не то литератор, не то сотрудник их Академии наук. Мне говорили, что он выпустил даже специальную брошюру, в которой поносил Советский Союз и КПСС. Моей персоне там досталось на орехи. Я к чему это вспомнил? Замбровский всегда считался человеком Берута, который посадил Гомулку в тюрьму. Гомулка оказался жертвой Берута. А тут он стал активным сторонником Гомулки в борьбе за власть. Проявилась полная его беспринципность.

Шло время. Антисоветчина в Польше продолжалась. Мы понимали, что одним взмахом руки все это остановить нельзя. Необходимо время, чтобы у людей создалось доверие к нам, и те, кто заблуждался, убедились бы на деле, что мы являемся друзьями польского народа, что наша дружба обеспечивает Польше безопасность и неприкосновенность западных земель. Если бы немцы остались один на один с поляками, то не было бы и речи об удержании поляками этих территорий. Гомулка сам говорил: «Наша интеллигенция больше всего боится немцев. Они составляют угрозу для Польши, особенно если будет что-то нарушено в наших дружеских отношениях с СССР».

Поэтому там у политически мыслящих людей сложилось двойственное психологическое состояние: с одной стороны, они не были довольны нашими действиями, с другой — понимали, что, опираясь на дружбу с нами, могут удержать границы, полученные в результате разгрома Гитлера. Параллельно возник вопрос, для меня совершенно неожиданный. Оказалось, что в свое время был заключен договор о поставке Польшей угля в СССР по заниженным ценам. Накопилась огромная сумма, которую недополучила Польша, если исходить из мировых цен. Мы стали разбираться. Действительно, все подтвердилось. С польской стороны договор был подписан Циранкевичем как председателем Совета Министров, с нашей стороны — Микояном. И мы пригласили поляков, чтобы выправить дело.

Я спросил Микояна: «Как же так получилось?». «Сталин дал такое указание». «А польская сторона?». «А что польская сторона? — отвечает ее представитель. — Мы подписали текст на тех

условиях, которые нам назвала русская сторона». «Так что же вы нас обвиняете? — говорю ему. — Я, например, хоть и член Президиума ЦК, первый раз слышу об этом договоре». Однако факт остался фактом. Пришлось согласиться доплатить разницу и исправить договор так, чтобы торговля шла далее на основе сложившихся мировых цен. Доплата вылилась для нас в огромную сумму. После новой беседы с Микояном я понял, в чем дело. Поляки получили благодаря нам от Германии Силезию, богатую углем. Сталин считал, что уголь оттуда — в какой-то степени плата за кровь, которая была пролита при освобождении Польши. Но такие рассуждения носят эмоциональный характер и юридической силы не имеют. Когда же там накопилась антисоветская пена, этот факт был преподнесен как грабеж, как эксплуатация Польши Советским Союзом. Проводилась параллель с действиями империалистов в колониях. Шел зловонный запах. Мы не стали упорствовать, признали претензии польской стороны правильными и выразили готовность компенсировать их материальные потери.

Постепенно нормализовались наши отношения с Польшей, антисоветчина там стала утихать. Нужно отдать должное Гомулке, он положил ей конец. У него положение оказалось выгодным: пострадавшее лицо, сидел несколько лет, как гласила молва, по требованию Сталина. Теперь он начал доказывать необходимость укрепления польско-советской дружбы, объясняя, сколь она выгодна полякам.

Прошло немного времени. К нам приехали польские товарищи. Мы их пригласили, чтобы продемонстрировать внешнему миру, что наши отношения нормализуются, и надежды врагов провалились. Но было у них и важное дело. В Польше сложилось тяжелое экономическое положение, и они вновь нуждались в нашей помощи. В период смутного времени они хватали кредиты и не думали, что по этим кредитам нужно в срок платить. А откуда эти платежи изыскать? Одним словом, они пришли к нам.

Мы не стали полякам в глаза колоть вчерашним днем. Тот вчерашний день и нам был неприятен.

У нас имелись свои трудности, но мы не хотели своего брата и товарища оставить в беде. Изыскали какие-то возможности и пришли к ним на помощь. Это еще больше расположило к нам новое польское руководство и Гомулку. Несмотря на подпорченные отношения, мы все-таки подходили с классовых позиций. Классовые и государственные интересы требовали оказания помощи. Так закладывались основы наших дальнейших братских связей.

И антисоветчина стихала. Но не была ликвидирована, как показали потом дальнейшие события, когда антисоветские настроения вновь проявились, а именно: при постановке в 1968 году спектакля по поэме Мицкевича «Пан Тадеуш». Инсценировку сделал современный автор. В спектакле подчеркивалась антирусская направленность событий. Во времена Мицкевича часть русской прогрессивной интеллигенции стояла на стороне восставших поляков. В наше же время антирусские слова, прозвучавшие в театре, возбудили очередную волну антисоветских настроений. Сначала они расшатывали государственные устои новой Польши, потом эти же веяния перекинулись и в Чехословакию. Я уже упоминал об этом.

Если говорить в целом об экономических отношениях СССР со странами социализма, то по идее они построены на равноправии, так что никто не должен страдать. Если же скрупулезно разбираться в затратах, которые несет та или другая страна, то, безусловно, СССР больше всех других стран, входящих в Варшавский блок, делает вклад в оборону. Надо только посчитать, сколько стоит нам содержание наших ракет? А сколько стоят нам атомные заводы? Содержание огромной армии? Эта армия является сдерживающим фактором, на который опираются все социалистические страны. Затраты на нее далеко не пропорциональны, если с точки зрения идеальной справедливости разложить их на души населения во всех социалистических странах.

Даже не знаю, во сколько раз мы, советские люди, больше платим за содержание таких вооруженных сил! Но если СССР все еще держит войска в Венгрии и в Польше, то я полагаю, что с точки зрения обороны теперь в этом отпала необходимость. Зачем нам давать врагам повод колоть глаза? Следует вывести наши войска, чтобы все братские страны чувствовали, что идут социалистическим путем по своему убеждению, а не по принуждению со стороны СССР. Хотя умные люди подобным измышлениям и не верят, но всегда найдутся те, кто еще склонен доверять пропаганде, которая ведется со стороны империалистических держав.

К моему изумлению, Гомулка резко возражал против предложения о выводе наших войск, сделанного в 1957 г., и стал доказывать необходимость и полезность их пребывания на территории Польши. Я был удивлен. Ведь помнил, как поляки поносили нас в 1956 г., когда всех собак вешали на Советский Союз, называли нас оккупантами, кричали: «Русские убирайтесь домой!» — и потребовали, чтобы Рокоссовский⁷ был отозван. Рокоссовский отбыл в СССР, его проводили с почестями, вручили ему орден, а Гомулка

мне сказал: «Поймите, при современном положении вещей у нас нет доверия к Рокоссовскому. Лучше ему вернуться в Советский Союз». А теперь тот же Гомулка не хочет и слышать о выводе советских войск из Польши. Даже с точки зрения совместной военной стратегии социалистических стран пребывание наших войск на территории Польши не вызывалось военной необходимостью, а содержание их обходилось нам очень дорого.

Довольствие каждой дивизии в Польше или в Венгрии стоило вдвое дороже, чем затраты на советской земле. С этим тоже надо было считаться. Тем более что мы тогда искали любую возможность для экономии на вооружениях. Я выяснил, что мы очень много платим в бюджет тех государств, в которых находятся наши войска. Вот почему Гомулка возражал: в интересах польского бюджета. А мне он заявил: «Тут политика, а политические выгоды не измеряются количеством материальных затрат». Добавлю, что за содержание войск стран Запада на территории ФРГ платит в основном сама ФРГ. То есть там дело обстоит наоборот.

Как пенсионер я сейчас никакого влияния на ход событий не оказываю. Но, с точки зрения гражданина СССР и бывшего государственного и политического деятеля, могу думать, что надо поровному разложить бремя содержания Объединенных вооруженных сил, которое несут страны социализма. Будет справедливо, если при равных общественных условиях у этих стран существовали бы и равные нагрузки. СССР — самая богатая из социалистических стран по сырьевым ресурсам, количеству населения и валовой мощи промышленности. Все наши цифры по сравнению с уровнем 1913 г. танцуют и радуют душу. Но если разложить показатели на душу населения, то наши богатства окажутся меньше, чем в других странах. По потреблению на душу населения растительных жиров, мяса и сливочного масла мы занимаем далеко не первое место. Когда я еще работал, то знал, что мы не выдерживали никакого сравнения с ГДР, где жители потребляют, например, мяса в полтора раза больше. Чехословакия живет чуть хуже, чем ГДР, но значительно лучше, чем СССР. И в Венгрии потребление на сколько-то выше, чем у нас, и в Польше тоже. Меньше советского человека, который вынес главную тяжесть борьбы за социалистический строй, не получил в награду в виде потребительских товаров никто!

Это я говорю к тому, что польские товарищи не имели никаких резонов обвинять наших людей, что мы проводим дискриминационную политику и пользуемся благами, созданными за счет труда польского народа, в ущерб полякам и к выгоде себе. Наобо-

рот! Мне часто приходилось разговаривать с товарищем Гомулкой по таким вопросам, и почти каждый год поляки предлагали запланировать поставку определенного количества нашего зерна в Польшу. А у нас самих зерновых продуктов не доставало. И не только поляки: к нам обращались с такими же просьбами и Болгария, и Венгрия. Единственный раз в мою бытность в руководстве обратились румыны, как правило, они экспортировали зернопродукты.

Я-то знал, для чего конкретно полякам нужно зерно, и сказал Гомулке: «Почему вы хотите, чтобы мы поставляли зерно, если в Польше землеобеспеченность на душу населения лучше, чем в других социалистических странах? Вы имеете возможность полностью обеспечить себя зерном. По сведениям, которыми я располагаю, наше зерно идет для откорма свиней». Польша готовила хорошие свинопродукты, ее ветчина и другие деликатесы пользуются славой даже на рынке США. Я это мастерство сам оценивал. Верно, польские продукты вкусны. «Тут дело в валюте, — заявил я начистоту. — Вы отбираете у нас хлеб, который нам самим нужен. Когда у нас случился неурожай 1963 г., мы даже были вынуждены покупать хлеб за границей, платили за него золотом. А вы настаиваете, чтобы СССР поставлял в Польшу зерно на откорм свиней, которых затем Польша экспортирует в США и получает за это доллары и золото. Мы золото добываем из земли, а вы — с помощью нашего зерна». Гомулка признался в моей правоте, но настаивал на сохранении этой практики.

Вставали и другие вопросы. Чаще всего Гомулка просил увеличить поставки высококачественной железной руды. Хотя нам самим руды не хватало, приходилось идти навстречу. То же самое происходило с поставками нефти. Естественно, нефть выгоднее угля. Но добывали мы ее мало, приходилось отрываться от себя, делиться.

Особенно неприятно было то, что просьбы повторялись почти каждый год. Мы их предупреждали, что рассматриваем дополнительные заявки последний раз и на следующий год просим самостоятельно выходить из положения, за счет собственных ресурсов. Но ничего не действовало.

Вот вам иллюстрация к тому, что мы от дружбы с Польшей материальных благ не имели, однако ничего не делали, что нарушило бы гармонию ее хозяйственной деятельности. Ведь наша дружба была искренней, основанной на лозунге «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». И мы ему следовали в ущерб нашей экономике. В порядке защиты поляков скажу, что, конечно, они не могут забыть ни разделов своей страны с участием России, ни

антипольского сговора 1939 года. Ну а потом? Мы понесли в войну страшные потери, мы оказались главной силой, которая освободила Польшу от фашизма, и мы же теперь несем основную тяжесть экономического бремени. Конечно, с Польшей у нас пока что не такие отношения, как между республиками СССР. Тут у нас общие ресурсы, они создаются трудом всего советского народа, и распределение благ происходит на общих основаниях. С поляками другой счет: налицо два независимых государства. Но мы же все-таки братские народы, плечом к плечу идущие по пути, указанному Марксом и Лениным! Думаю, что все перемелется.

Между социалистическими странами всегда существовали контакты, позволяющие взаимовыгодно кооперировать труд и капиталы на коммерческой основе. Гомулка как раз смело шел на такую кооперацию. И Чехословакия при Новотном приветствовала соглашения, распределявшие прибыль между участниками вложения капиталов соответственно вкладу каждой страны. Болгары стояли на такой же позиции. С венгерским руководством у меня на этот счет никогда не возникало никаких разногласий, все спокойно решалось экономистами и финансистами. Полагаю, что это правильно.

Только Румыния очень ревностно относилась к своей экономической независимости, боялась любой кооперации, даже той, которая ей коммерчески выгодна.

Я думаю, если каждая страна — участница СЭВ не будет рассматривать своего партнера как равноправного, а условия — взаимовыгодными, то рано или поздно это обязательно обернется обратной стороной. Вместо того чтобы укреплять взаимные отношения, они могут рассыпаться. Тому пример — Польша. Когда Советский Союз вынудил Польшу поставлять уголь, за который мы платили ниже мировых цен, то в Польше ситуация начала накаляться, и там зазвучали враждебные голоса.

Надо с открытой душой подходить к кооперированию наших материальных, технических и научных средств, и так, чтобы было выгодно всем.

Вспоминаю в данной связи и такой эпизод. В Польше при нашей материальной помощи, с нашим оборудованием и под нашим техническим руководством был возведен крупнейший металлургический завод в Новой Гуте. Антисоветские элементы критиковали нас: русские навязали строительство, а нам он не нужен. Гомулка же справедливо доказывал, что металлургический завод действует в польских интересах. Польша не потребляет сама всю производимую сталь и продает ее за границей, выручая валюту.

Там мы по-братски поступились материальными ресурсами в пользу Польши. Когда же наши отношения нормализовались и люди пришли там в здравое сознание, то сами признавались, что прежняя критика была глупостью, которую использовали враги, хотевшие поссорить СССР с народом Польши.

Границы. Этот вопрос всегда болезнен.

Я помню, как определялись западные границы Польши с Германией, они прошли по Одеру — Нейсе. Тогда все радовались, считали, что Польша получает выгодные границы на Западе. Поляки обосновывали исторически, что когда-то эти земли принадлежали Польше. Я полякам верил, хотя сам я этих источников не видел, но у меня было одно желание, чтобы границы Польши были бы подальше отодвинуты на Запад. Мое внимание как-то привлекло расположение города Щецина. Он находится в дельте Одера, на левом берегу Одера. Я спросил Сталина:

— Устанавливаются границы по Одеру, а вот Щецин... Он куда отходит?

Сталин проявил интерес. Я ему рассказал, как географически расположен этот город.

Потом я узнал, что Щецин включен в состав польского государства. Почему тогда Сталин прямо высказался? Видимо, он не был уверен, сможет ли это сделать. Много позже, когда я был в Польше, товарищ Гомулка предложил поехать в Щецин. Западные земли неохотно заселялись поляками. Они не хотели оставлять своих земель, на которых жили до войны, несмотря на то, что на Западе были хорошие условия и земли были хорошие. Поляки не были уверены, что эти территории останутся за Польшей. Щецин стоял полупустым, туда люди шли неохотно. Принимали меня торжественно: встречи, митинги, выступали польские товарищи, я выступал. Потом объявили о присвоении мне звания Почетного гражданина города Щецина. Со мной это заранее не согласовали. Я ломал голову, почему они так поступили, предварительно меня не уведомили. Потом я пришел к заключению, по-моему, правильному, и спросил Гомулку:

— Присвоив мне звание Почетного гражданина Щецина, вы сделали меня заложником? Этим вы хотели подтвердить, что город остается за Польшей и польская нога твердо стоит на этих землях? Моя должность председателя Совета Министров должна сыграть роль гаранта?

Гомулка посмотрел на меня и улыбнулся: он сказал, что они сделали это просто из уважения... Явно он не подтвердил, но и не

отрицал, что такое подсознательное желание у них было. На восточных границах Польши дело обстояло иначе.

После того как западные украинские земли отошли польскому государству со всем населением, украинцы не спешили переселяться в Советский Союз. Там веками жили их предки. Они начали борьбу. Эта была борьба и против советской Украины, и против Польши. Поляки были вынуждены принять вооруженные меры против них. Началась кровавая война, она унесла много жизней. Потом польские товарищи решили всех украинцев, которые жили в этих районах и вели себя агрессивно в отношении польского государства, переселить на западные земли. Это тоже говорит о том, что поляки сами не хотели переселяться туда.

Земли на востоке охотно заселялись польским населением. Они были уверены, что Советский Союз не изменит своего решения, и поэтому земли, которые определялись границей на востоке Польши, граничащей с Советским Союзом, считали навечно польскими.

Поляки считали, что границу следует подвинуть еще дальше на восток, они были недовольны. Недовольны были и украинцы. Я уже говорил об этом.

Ну, так уж сложилось, и сейчас это не тема для обсуждения, плюс на минус, как говорится, среди друзей. Изменения в границе не ослабляют нашу государственность, ни общесоюзную, ни республиканскую. И Белоруссия, и Украина давно уже кончили говорить о своих границах.

Возьмем, к примеру, границу Российской Федерации и Белоруссии или Украины. Проезжая по дорогам, не все знают, даже если нет столба с надписью, где граница России с Украиной. При братских отношениях граница не имеет никакого значения ни политического, ни экономического, потому что все пользуются общими благами.

Добавлю еще пару слов о последних печальных событиях, происшедших в Польше.

Соревнуясь с капитализмом, мы не можем отставать в производстве продуктов питания. Наше отставание в какой-то степени является подтверждением преимуществ капиталистического способа производства над социалистическим. Это дает противникам социализма возможность бросать камешки в наш огород. Да, они имеют к тому основания, мы действительно отстаем.

Далеко ходить не надо. Из-за этого, собственно, и произошло восстание в Данциге и других прибалтийских городах Польши. В результате недостатка продуктов и других предметов потребления произошел конфликт, вернее восстание. Толчком к нему послужи-

ло повышение цен. Там руководители оторвались от масс, потеряли связи с народом, потеряли чувство меры. Повышая так резко цены, следовало ожидать тех событий, которые произошли. Хотя о людях, которые тогда стояли у руководства, я ничего плохого сказать не могу, а тех, которые пришли сейчас, я вообще знаю мало. Я очень уважал и уважаю Герека, считаю его хорошим коммунистом и честнейшим человеком. Также и товарища Лукашевича. Но и Гомулка тоже был не менее предан идеям коммунизма, как и другие: Лога-Совиньский, Спыхальский. Да и вся их группа, потерпевшая крах. Они — не случайные люди. Эти люди прошли закалку, прошли отбор в борьбе с гитлеровским нашествием на Польшу. И они такое допустили. Но это другой вопрос.

¹ ПИЛСУДСКИЙ Ю. (1867 — 1935) — участник студенческих волнений 1885 года в Харьковском университете, с 1887 г. — народоволец, в 1888 — 1892 гг. — в ссылке, основатель газеты «Рабочий» (1894 г.), руководитель с 1905 г. боевых террористических групп и с 1907 г. революционной фракции Польской социалистической партии, в 1914 — 1917 гг. командовал польским легионом в составе австро-венгерской армии, с июля 1917 г. находился в германском заключении, в 1918 — 1922 гг. начальник польского государства, маршал, в 1919 — 1920 гг. организатор польской антисоветской интервенции; с 1926 г. — глава «санационного» режима, в 1926 — 1928 гг. и в 1930 г. — премьер-министр.

² КРИНИЦКИЙ А.И. — член РСДРП(б) с 1915 г.

³ В 1938 году.

⁴ БАНДЕРА С.А., — происходил из села Старый Угрынов, Станиславского воеводства. Обучался в Стрыйской гимназии, стал членом войсковой группы бывшего петлюровского полковника КОНОВАЛЬЦА Е.; с 1929 г. — член Организации украинских националистов. Далее учился в львовском Политехническом институте. В 1939 г. освобожден немцами из польской тюрьмы, где отбывал пожизненное заключение за покушение на министра внутренних дел. 6 июля 1941 г. приветствовал германские войска, вступившие во Львов, но в августе опять попал в тюрьму за то, что полученные им в 1940 г. от немецких агентов деньги на антисоветскую пропаганду истратил на другие цели. Потом возглавил националистическую деятельность во временно оккупированных фашистами областях Украины. С 1944 г. направляет выступления Украинской повстанческой армии против советских войск. Зимой 1945 г. вывезен фашистами в Германию, где жил после войны под именем ПОППЕЛЬ С. Убит советским агентом в ФРГ.

⁵ ОХАБ Э. (род. в 1906 г.) — член КПП с 1929 г., участник обороны Варшавы 1939 г. Заместитель командующего 1-й армии Войска Польского. С 1944 г. — член ЦК ППР, с 1948 г. — кандидат в члены Политбюро ЦК ПОРП, в 1950 — 1956 гг. секретарь ЦК ПОРП, с 1954 г. — член Политбюро, с марта 1956 г. — первый секретарь ЦК ПОРП, с января 1957 г. — министр сельского хозяйства, в 1959 — 1964 гг. — секретарь ЦК ПОРП, в 1964 — 1968 гг. — председатель Государственного Совета ПНР.

⁶ ЗАВАДСКИЙ А. (1899 — 1964) — член КПП с 1923 г., заместитель главнокомандующего Войска Польского в 1944 — 1945 гг., член Политбюро ЦК ППР с 1944 г. и Политбюро ЦК ПОРП с 1948 г., заместитель председателя Совета Министров с 1949 г., председатель Государственного Совета ПНР в 1952 — 1964 гг.

⁷ РОКОССОВСКИЙ К.К. был министром обороны Польши в 1949 — 1956 гг.

ВЕНГЕРСКИЙ СОСЕД

Доклад на закрытом заседании XX съезда КПСС о культе личности и злоупотреблениях Сталина особенно болезненно отозвался в Польше и Венгрии. Это и неудивительно. Партия венгерских коммунистов тоже была сильно потрепана. Расстреляли Бела Куна, организатора Компартии Венгрии¹. Многих других товарищей, которые работали в Коминтерне, подвергли репрессиям. После разгрома гитлеровской Германии к руководству венгерскими коммунистами пришел Ракоши². Ракоши — честный человек, заслуживающий доверия и даже уважения, несмотря на ряд своих недостатков. Недостатки имеются у каждого человека. Он был верен коммунистическим идеалам, много лет просидел в венгерской тюрьме, потом его обменяли, и он выехал в СССР.

Я встречался с Ракоши, работая в Киеве, он побывал там. Я его принимал и беседу с ним имел. Когда он в 1945 г. опять уехал в Венгрию³, то начал вести ту же работу, что и другие коммунисты в странах народной демократии.

Нас международная реакция упрекает, что мы в странах, которые оккупировали после разгрома Германии, насаждали коммунизм. Это верно, но такое же обвинение можно бросить и западным капиталистическим странам. Наиболее наглядный пример: они буквально развязали гражданскую войну в Греции. Кто ее организатор? Запад. Персонально Черчилль. Черчилль в своих воспоминаниях описывает, как он в танке ездил в Салониках и наблюдал английские войска, чинившие расправу над греческими патриотами-демократами. В разной форме реакция Италии и Франции в укреплении капиталистического строя тоже, безусловно, опиралась на войска Соединенных Штатов Америки.

Так что, это не обвинение? Мы не отрицаем, что как коммунисты содействовали прогрессивным силам. Во главе прогрессивных

сил стояли коммунистические партии этих стран. Мы все делали, чтобы поддержать прогрессивные начала в странах, которые оккупировали. Потом они создали свои правительства и оформились как независимые страны с независимыми национальными правительствами.

Как глава компартии Ракоши провел объединение с другими прогрессивными политическими силами Венгрии. К сожалению, он оказался причастен к истреблению честных кадров. Правда, в первые послевоенные годы он сопротивлялся Сталину. Когда Сталин называл имена очередных врагов народа, среди которых были члены ВКП, Ракоши не соглашался с ним, доказывал, что они честные люди и что он им верит. Но Сталин сразу же направил во все братские партии своих советников, в основном чекистов. Многие из них уже «отличились» в СССР кровавыми методами расправы с кем попало. Попали такие советники и в Венгрию. Любой агент должен оправдать свое существование, показав свою работу. А в чем заключается работа агента такого рода? В том, чтобы найти врагов народа и показать Сталину свою проницательность, умение раскрывать врагов, оправдывать свое назначение и материальное положение, которое обеспечивалось очень хорошо по сравнению с доходами других трудовых и общественных прослоек.

Когда Ракоши приезжал в Москву, то уже не он докладывал Сталину о врагах народа в Венгрии, а Сталин указывал ему: вот такой-то делает то-то, а вы не видите, вы слепец, слепой погубит дело и себя погубит. Ракоши защищался. Раз это было при мне. Присутствовали все члены Политбюро ЦК ВКП(б), но мы ничего не могли промолвить. Ведь все разведывательные данные о странах народной демократии докладывались Сталину, а уж он определял, что нужно и чего не нужно знать членам Политбюро.

Сталин верил Ракоши? Верил и не верил, сеял и семена сомнения. Это было свойственно Сталину.

Я слышал от Сталина:

— Ракоши всегда приезжает в Советский Союз, когда я в отпуске. Он узнает, что я на Кавказе, и приезжает туда отдыхать. Следовательно, он имеет каких-то секретных информаторов.

Глупое предположение. И Ракоши, и все другие знали, когда Сталин уезжает в отпуск. Ему ничего не стоило позвонить тому же Поскребышеву в секретариат Сталина и узнать, где отдыхает Сталин.

Надь Имре тогда тоже пользовался доверием у Сталина. Он коммунист с 1919 года, выдвинулся еще во время революции

1919 года, совершенной под руководством Бела Куна. Он занимал руководящее положение и в правительстве, и в Венгерской компартии.

Герэ — человек другого склада характера. Ему больше импонировала теоретическая работа, политвоспитание масс, политпросвещение. Он был наиболее подготовлен теоретически, и по складу характера он тяготел к кабинетной работе. Герэ, я считаю, заслуживал уважения и доверия. Я не знаю, где он сейчас и жив ли он. По-моему, он жив, и живет где-то в Советском Союзе. Я ничего о Герэ плохого не могу сказать. Только хорошее.

Кадар⁴ казался молодым человеком по сравнению с кадрами сталинского периода. Он выдвинулся уже после Венгерской революции 1919 года. Он продукт подпольной работы Венгерской коммунистической партии. После разгрома революции Кадар какое-то время возглавлял Коммунистическую партию Венгрии. Потом компартия была распущена. Он был секретарем Центрального Комитета, и решение о роспуске принималось с его участием. Сам Кадар попал в тюрьму. Его арестовала венгерская реакция. После разгрома немцев Кадара выдвинули в правительство, где он занимал пост министра внутренних дел. Когда начался погром, среди других попал в мясорубку и Кадар. Его тоже арестовали. То было дело рук Фаркаша. Этот давний член компартии оказался человеком типа Бери: карьерист и с заскоками ненормального, садист какой-то. Мне потом рассказывали, с какими издевательствами он вел допросы честных людей. Мало того, он и своего сына вовлек в эту кровавую круговерть, сделал и из него палача. Фаркаш стал просто пугалом в Венгрии. Все эти издевательства испытал на себе и Кадар.

Кадар никогда к этому не возвращался, а я его не спрашивал. Мне тоже не хотелось беречь его еще не зарубцевавшиеся раны. Просто чудо, что тогда секира Фаркаша миновала Ференца Мюнниха⁵.

Мюнниха я знал с 1930 года. Когда я учился в Промышленной академии и меня призвали на военную переподготовку в московскую Пролетарскую дивизию, я встретился там с ним. Он работал во внешнеторговой организации, неся функции партийного характера. В дивизии мы с ним жили в одной палатке, служили в одном взводе, ели из одного котелка. Этот веселый человек, бывший офицер австро-венгерской армии, знал много солдатских анекдотов и был отличным рассказчиком перед сном. Он казался мне хорошим товарищем. Ракоши же испытывал к нему какое-то недоверие. Чтобы избавиться от него в Венгрии, он с конца 40-х

годов постоянно отправлял его куда-нибудь послом. Так он попал вновь и в Советский Союз. Это была своеобразная почетная ссылка. Когда я встречался с ним во время официальных приемов, то чувствовал, что он сильно переживает оторванность от родины.

Вернусь к 1956 г. Если в Польше тогда развернулась борьба в партийной верхушке, то в Венгрии в нее была вовлечена еще и столичная парторганизация. Здесь столкновения были острее, чем в Польше. Стали освобождать политических заключенных. Освободили Кадара и тут же избрали его секретарем Будапештской городской парторганизации. Тем временем обострились отношения между Ракоши и Имре Надем⁶. Они давно враждовали, а мы из Москвы всячески пытались их примирить. Ракоши обвинял Надя в принадлежности к правым и считал его перерожденцем, а не коммунистом. Однажды они вместе приехали в Советский Союз. Ракоши выступал с обвинениями Надя по вопросу коллективизации в Венгрии, а Надь возражал ему не просто резко, а даже зло, и у него сверкали слезы на глазах. Ракоши же вновь бросал ему обвинения политического характера. Но Сталин Надя не арестовывал. Говорили, потому, что в СССР Надь помогал ему громить коминтерновские кадры. Я не исключаю, что он тогда был агентом НКВД и слыл у Сталина своим человеком. А пока что в их стране события нарастали сверхбыстро. ЦК ВПТ и Ракоши потеряли влияние. Ракоши уже не только не мог давать какие-нибудь указания или как-то влиять на деятельность коммунистов, но его имя вообще приобрело там оттенок чего-то скверного. В Будапеште нарушилась нормальная жизнь. Начали постреливать, главным образом по венгерским чекистам. Те несли серьезные потери. Потом развернулись демонстрации. Это движение возглавил Надь. Люди требовали: «Надя Имре к руководству! Долой Ракоши!»

Ракоши струсил и обратился к нам по телефону с просьбой прислать срочно самолет, чтобы вывезти его из Будапешта; он опасался, что над ним будет учинена расправа. И мы помогли ему. ЦК ВПТ возглавил Эрне Герэ. В Будапеште разразилась такая заваруха, что и Герэ не смог с нею справиться. Его не признали как народного руководителя и рассматривали как соратника Ракоши. Их обвиняли в зверствах, несправедливых арестах и казнях, в других грехах. Конечно, главную ответственность за них несут советские чекисты, псевдосоветники, и Фаркаш со своими людьми. Вскоре Герэ тоже был вынужден подать в отставку. К руководству пришел Надь. У нас еще теплилась надежда, что он сохранит коммунистическое лидерство в стране, раз он сам коммунист.

Однако теперь этот человек шел за толпой, опираясь главным образом на незрелую молодежь. Большую активность проявляли гимназисты, как докладывали мне из Будапешта наши люди. Туда ездили Микоян, Суслов, другие наши видные работники. Анастас Иванович говорил: «Пришел я к Надю. Начали беседу. Вдруг влетает группа молодых мальчиков, гимназистов, все вооруженные, докладывают Надю, что они делают то-то и будут делать то-то. Потом приходили и другие такого же рода молодцы». Вскоре мы увидели, что под руководством Надя там свирепствует антисоветчина. Звучали лозунги: «Долой Советы!», «Долой Советскую Армию!», «Русские, вон из Венгрии!». Усилилась стрельба на улицах. Наши войска не участвовали пока ни на чьей стороне, мы хотели держать нейтралитет. Внутренние вопросы, касающиеся венгерского народа, пусть решаются собственными силами. Но затем стали постреливать и в наших людей. Обстановка накалялась. Советским послом в Венгрии был тогда Андропов⁷. С посольскими делами он справлялся хорошо и отлично разбирался в событиях. Он докладывал нам обо всем со знанием местной обстановки и давал полезные советы, вытекавшие из сложившейся ситуации.

В те дни, после нашей поездки в Варшаву, ситуация в Польше стабилизировалась, главным образом благодаря позиции, занятой товарищем Гомулкой. Но разразилась настоящая война на Среднем Востоке, вокруг Суэцкого канала.

Москва должна была реагировать на англо-франко-израильскую агрессию против Египта. А в Будапеште развернулась кровавая бойня. К мальчикам присоединились и другие, включая рабочих. Возникли вооруженные отряды, пошли бои с применением артиллерии, особенно зенитной. Видимо, восставшие разграбили воинские склады. Совершенно в стороне от событий стояло крестьянство. Оно продолжало повседневную работу, несмотря на антиколхозные призывы Имре Надя.

Надь потребовал от нас вывести советские войска из Венгрии. Но ведь существовал Варшавский договор. Мы считали, что такой шаг может предпринять лишь законное правительство, а приход к власти Надя произошел в результате путча. Парламент этого вопроса не обсуждал, и мы считали, что это требование не имеет законной силы. В Будапеште развернулась охота за партийным активом, и особенно за чекистами. Громили партийные комитеты и чекистские органы. Людей убивали, вешали за ноги, совершали прочие дикие казни. Чтобы не осложнять обстановки, мы вывели наши войска из столицы. Частично они разместили их на военном

аэродроме. Но другие наши люди и посол находились в Будапеште, и от них мы знали, что там происходит.

Президиум ЦК КПСС пришел к заключению, что нам непросто соблюдать нейтралитет и не оказать помощи в борьбе с контрреволюцией, которая стала проявлять себя по многим линиям. Вернулась в страну белая эмиграция, самолетами прямо из Вены прибывала в Будапешт. Страны НАТО тоже вклинились, способствуя гражданской войне, чтобы ликвидировать революционные завоевания и вернуть Венгрию на капиталистические рельсы. Чтобы решить на месте, что предпринять конкретно, Микоян и Суслов снова улетели в Будапешт. День они проводили в городе, а ночевали в расположении наших войск на военном аэродроме.

Мы хотели быть правильно понятыми, мы не преследовали эгоистических целей, стремились действовать в духе пролетарского интернационализма. В связи с такой позицией мы считали необходимым проконсультироваться с братскими странами и партиями, в первую очередь с Китайской компартией.

Мы обратились к Мао Цзэдуну с просьбой, чтобы кто-либо, кого они найдут возможным прислать, приехал бы к нам для разговоров по вопросу о событиях в Венгрии. Без нашей поддержки там будет пролито много пролетарской крови. Китайцы быстро откликнулись. Прилетел Лю Шаоци, с ним Дэн Сяопин и Кан Шень. С нашей стороны на переговоры выдвинули меня и Пономарева. Не помню, кто еще входил в делегацию Коммунистической партии Советского Союза.

Мы заседали на бывшей сталинской даче, в так называемых Липках. Сейчас там дом отдыха. Просидели всю ночь. Взвешивали всесторонне все «за» и «против» применения вооруженных сил. Попеременно мы занимали противоположные позиции: то Лю Шаоци предлагал: давайте выждем, рабочий класс Венгрии окрепнет, поймет, что восстание контрреволюционно, и справится сам. Мы соглашались с ним. Затем снова начинали обсуждать, и возникали сомнения: есть опасность, что сейчас уже будет трудно рабочему классу справиться с ситуацией в Будапеште. Частично он сам вовлечен в контрреволюцию, особенно молодежь. Поэтому следует оказать помощь, тем более наши войска стоят в районе Будапешта. Опять и опять мы обсуждали и приходили к выводу, что надо оказать помощь.

Я не помню, сколько раз менялись наши позиции. Каждый раз, когда мы приходили к общему решению, независимо от того, надо или не надо применять вооруженные силы, Лю Шаоци консульти-

ровался с Мао Цзэдуном. Мао Цзэдун одобрял и ту, и другую позицию. Кончили мы ночное заседание на том, что вооруженную силу не применять. Я уехал домой. Лю Шаоци с делегацией остались на месте. Бывшая сталинская дача была отведена под резиденцию китайской делегации.

Я приехал домой к утру. По-настоящему спать не мог: Будапешт гвоздем сидел в голове и не давал уснуть. То был исторический момент: какое нам принять решение? Двинуть советские войска и раздавить контрреволюцию или ожидать, когда внутренние силы справятся с нею сами? Могло случиться, что контрреволюция временно одержит верх, тогда прольется много пролетарской крови. А если через Венгрию НАТО внедрится в расположение социалистических стран, то тяжело будет и всем нам. Было над чем призадуматься. Мы, конечно, понимали, что произошло восстание и что правительство, созданное в результате этого восстания, не получило мандата от народа. Ну, а дальше? Утром еще раз собрались обсудить вопрос на заседании Президиума ЦК КПСС.

Я доложил, как шло обсуждение с китайской делегацией, как менялись наши позиции и что в конце концов мы пришли к мнению не применять воинской силы. Тут же я напомнил, какие могут быть последствия, если мы вовремя не подадим руку помощи венгерскому рабочему классу, и укрепятся контрреволюционные элементы. Они сейчас уже начинают контролировать правительство, возглавляемое Имре Надем. Надь Имре, хоть и коммунист, но уже не говорит от имени коммунистов, а вещает от собственного имени. Вокруг него вертятся эмигранты, которые бежали из страны после установления в Венгрии социалистических порядков, а теперь вернулись. Это говорит о направлении развития событий, если победит контрреволюция. Мы обсуждали долго. В конце концов решили, что будет непростительно, если мы не окажем помощь венгерскому рабочему классу, решили использовать наши войска, подать руку помощи рабочему классу Венгрии.

Вызвали маршала Конева как Главнокомандующего силами Варшавского пакта. Спросили: сколько потребуется ему времени, чтобы навести порядок в Венгрии? Он попросил трое суток. И получил задание: «Готовьтесь. А когда начинать, узнаете дополнительно». После этого полным составом Президиума мы выехали на аэродром и сообщили китайским товарищам о новом мнении. Споров не возникло. Лю Шаоци сказал, что, если в Пекине подумают по-другому, он нас известит. Китайцы улетели. А мы надумали еще проконсультироваться и с другими социалистическими

странами, прежде всего с Польшей. Там ситуация была ненамного лучше, но до вооруженной борьбы дело не дошло, положение стабилизировалось. Договорились встретиться с польскими товарищами у границы на советской территории на следующий день. От нас Президиум назначил для встречи меня, Молотова и Маленкова. На приграничном аэродроме в районе Бреста с советской стороны нам отвели какое-то помещение. Вскоре сюда же прибыли Гомулка и Циранкевич. А также мы сговорились с чехословацкими, румынскими и болгарскими товарищами, что в тот же день, только позднее, мы прибудем в Бухарест, и просили, чтобы делегации из Чехословакии и Болгарии прибыли туда же для обмена мнениями по венгерскому вопросу.

Изложили мы свою точку зрения товарищам Гомулке и Циранкевичу. Они выслушали молча. Я задал вопрос: «Как быть?» Гомулка высказался в том смысле, что, хотя ситуация очень сложная, все-таки применять вооруженную силу не следует. «А что же тогда нам делать? Надь требует вывода советских войск из Венгрии». «Нет, войска не выводить». «Ну, а дальше? Идет истребление актива коммунистов Венгрии. Убивают, вешают. Наши войска должны наблюдать?». «И все-таки, — говорит Гомулка, — полагаем, что и войска выводить не следует, и пускать их в дело тоже не следует. Надо дать возможность правительству, занявшему контрреволюционные позиции, разоблачить себя. Тогда венгерский рабочий класс сам свергнет его». «А какое на это потребуется время?» Так и не пришли к общему мнению.

Распрощались. Они сейчас же уехали в Варшаву. А мы условились еще раньше, что Молотов возвращается в Москву и извещает Президиум ЦК о позиции польских товарищей, а мы с Маленковым летим в Бухарест, где будет совещание представителей четырех коммунистических партий. Из Бухареста мы собирались лететь в Югославию, чтобы проконсультироваться и с руководством югославских коммунистов. Это было тем более важно, что вначале югославы активно поддерживали Надя, были как бы его советчиками в борьбе против Ракоши... В Бухаресте уже находились представители Чехословакии во главе с Новотным и Болгарии во главе с Живковым. От румынских товарищей участвовал в беседе товарищ Деж с коллегами.

Изложили мы положение дел, которое сложилось в Будапеште, и как мы понимаем перспективы. Много нам доказывать не пришлось, потому что все товарищи были осведомлены не хуже нас. Их послы в Будапеште тоже информировали свои правительства. Кроме того, жители некоторых приграничных районов Вен-

грии стали искать контакты с жителями приграничных районов Чехословакии и Румынии, чтобы опереться на них. А кое-кто просил оружия. В Бухаресте все единодушно и без колебаний поддерживали нас: надо немедленно действовать. Перед нами поставили вопрос румыны и болгары: они хотят своими воинскими частями участвовать в оказании помощи революционным венграм. Но мы возразили, что никто не должен в этом участвовать, кроме советских войск в Венгрии. Их достаточно. Они находятся там в соответствии с международными соглашениями, подведшими итоги второй мировой войны, и обязаны поддерживать порядок.

Участия других не требуется. Я пошутил: «Румыны рвутся в бой. Этот путь румынам знаком: они в 1919 г. участвовали в разгроме Венгерской революции, а теперь хотят разгромить контрреволюцию». Нам пожелали успеха и призвали не медлить.

В тот же день вечером мы вылетели в Югославию. Летели на ИЛ-14. Погода была отвратительной. Внизу горы, кругом ночь. Начался ураган, сверкают молнии. Я не спал, сидя у окна самолета. Раньше я много летал, всю войну пользовался самолетом, но в такой переплет никогда еще не попадал. Самолетом управлял опытный летчик, генерал Цыбин, однако и ему было трудно. Впереди летел наш разведывательный самолет, тоже пассажирский, в какой-то степени освещавший нам дорогу и сообщавший, какая там небесная обстановка. Но с ним мы вскоре связь потеряли и должны были сами как-то ориентироваться по местности. На аэродроме, где мы должны были приземлиться, оборудования не имелось: то был примитивный аэродром военного времени, и наш самолет не имел радиолокационного оборудования. Только мастерство Цыбина позволило благополучно приземлиться. Узнали, что предыдущего нашего самолета тут нет. Где же он? Мы очень обеспокоились за судьбу экипажа.

Нас ожидал автомобиль. Мы поехали к пристани, чтобы попасть на остров Бриони, где жил Тито, туда надо было добираться на катере. Из-за болтанки в самолете Маленков превратился в живой труп. Его вообще очень укачивало, даже при езде в автомобиле по ровной дороге. А тут на море — сильная волна. Сели мы в маленький катер, Маленков лег и глаза закрыл. Я уже стал беспокоиться за него. Но выбора у нас не было. Тут некогда сидеть у моря и ждать хорошей погоды. Наконец добрались до острова. На пристани ожидал Тито. Он принял нас радушно, обнялись мы, расцеловались, хотя прежде у нас были натянутые отношения, да и теперь все больше натягивались по мере хода событий в Венгрии. Ведь мы имели несовпадающие позиции по вен-

герскому вопросу. Приехали мы в резиденцию Тито, рассказали ему, зачем приехали, и поставили перед ним тот же вопрос.

Я, признаться, ожидал, что нам придется выдержать еще более сложную атаку со стороны Тито, нежели от Гомулки. Но мы были неожиданно и приятно поражены. Тито сказал: «Абсолютно правильно, надо немедленно пустить в дело войска и разгромить контрреволюцию». После чего стал горячо доказывать необходимость такого мероприятия. И весь наш заряд, который мы готовили для него, остался неиспользованным. При нашей беседе присутствовал и Ранкович⁸. Заговорили мы о венгерском руководстве. Сами не знали, кто же сможет возглавить правительство. Поинтересовались мнением Тито. Тот взглянул на Ранковича: «А ну-ка, говори!». Ранкович достал записную книжку и назвал фамилию некоего венгра: «Вот бы хорошо ввести его в состав Временного революционного правительства, это очень активный человек». Отвечаю: «Согласно докладам наших людей в Будапеште, эту фамилию носит самый заядлый наш враг, который целиком и полностью стоит на позициях Надя. Он-то и является одним из организаторов кровопролития». Ранкович называет другую фамилию. Я ему: «И этот таков же, судя по нашей информации».

Тут Ранкович спрятал свою книжечку. Его слова еще больше подтвердили наше прежнее мнение, что когда Надя вел борьбу против Ракоши, то югославы были не только его опорой, но и добрыми помощниками, тем самым одними из организаторов контрреволюционных событий. Но в чем же теперь дело? Почему они заняли совершенно противоположную позицию?

Дело заключалось в том, что югославские товарищи были очень недовольны Ракоши, хотели его отстранения и делали ставку на Надя. А когда увидели, что стрелка в Венгрии склоняется к реставрации капитализма и, следовательно, они получают в соседней контрреволюционную, буржуазную Венгрию, то испугались. Тем более, что в самой Югославии жило полмиллиона венгров. Все это создало бы большие трудности югославскому социалистическому государству. Его лидеры увидели, что их намерения будут перехлестнуты контрреволюционными событиями, когда верх в Будапеште стали брать не югославские друзья, а приезжие эмигранты с Запада, которые, вернувшись, развернули свою работу. Они уже потирали руки, считая, что вопрос решен в их пользу. Вот почему югославские товарищи теперь стали не только нас поддерживать, но даже одобрять и подталкивать.

Тито задал вопрос: «А кто-нибудь еще из социалистических стран будет участвовать в этом?». Отвечаю: «Мы договорились,

что более никто». «Вот это хорошо, это правильно, ни в коем случае другие социалистические государства не должны принимать участия в деле. СССР — великая держава, его войска уже находятся в Венгрии на законном основании, они и окажут помощь венгерскому рабочему классу». И тут я рассказал товарищу Тито, как мы недавно шутили в адрес Дежа. Потом сказал: «Сейчас нам хорошо бы отдохнуть, потому что рано утром нам надо возвращаться в Москву». «Нет, — возразил Тито, — отдохните день-два, потом улетите». И спросил: «А когда вы начнете действовать?». Отвечаю: «Мы окончательного решения не приняли, но где-то в ближайшее время». Я не хотел называть конкретный день, хотя перед отлетом мы дали задание Коневу закончить подготовку за три дня. К тому времени два дня уже были израсходованы, так что на следующий день советские войска должны были начать действовать. Мы поблагодарили Тито и сказали, что срочно возвращаемся в Москву. Тито, конечно, понял, что день выступления назначен, но просто мы не хотим ему сказать. Так оно и было, ведь мы считали, что раз югославы не участвуют напрямую, то и знать им не надо. Чем меньше людей будут знать, хотя бы и наших, тем лучше. Неожданная утечка информации дорого обойдется.

Я спросил Тито: «Как вы посмотрите, если правительство возглавит Мюнних?». Он в первую мировую войну был в российском плену вместе с Тито. Они повстречались в 1917 году. По мгновенной реакции я понял, что Тито плохо относится к Мюнниху. Не знаю, по каким причинам. Тогда я продолжил: «Нам советуют также насчет Кадара». «Вот это, — обрадовался Тито, — правильно. Я его знаю как очень хорошего коммуниста, честного и серьезного человека». Я заметил: «И наши люди так же говорят. Он был секретарем Будапештского горкома партии и в таком качестве посещал Советский Союз. Сам я с ним не встречался, но другие наши люди очень высокого о нем мнения как о принципиальном человеке, заслуживающем доверия». Называли мы тогда и другие фамилии, но сейчас они уже ни к чему.

В это время Надь уже сформировал свое правительство, и Кадар вошел в руководство как пострадавший от Ракоши. Занял в нем видный пост и Мюнних. Между тем, еще когда мы вылетали из Москвы, то сообщили Андропову, чтобы он передал, что мы приглашаем в Москву Мюнниха и Кадара. Иногда они приезжали на военный аэродром под Будапештом, где стояли наши войска, и ночевали там, считая, что так безопаснее. О том, что они отправились в Москву, мы узнали в Бухаресте. А пока я сказал Тито: «Поспать бы нам немножко...». «Нет, — ответил он, — давайте не

будем ложиться спать, потерпите, поговорим всю ночь. Не так уж много осталось до утра, я хотел бы провести с вами эти часы». «Ладно», — согласился я. Решил, что слегка вздремнем в самолете, а сейчас будем крепиться и обойдемся без сна. Поинтересовался у Тито: «Чего вы сидите на острове? Случайно какой-нибудь бомбардировщик обронит сюда бомбу, и вашей дачи не останется, и вас вместе с нею. Все может быть, в Египте война, англичане и французы знают о ваших добрых отношениях с Насером, это вам ничего хорошего не сулит». Ранкович добавляет: «Да я ему уже столько лет твержу, что надо жить в Белграде, а он не хочет». Тито возразил: «Но я болен, мне нужны морские ванны». У него был радикулит, не то ишиас, поэтому он и был привязан к морю.

Стали мы обмениваться мнениями о событиях на Ближнем Востоке, и я увидел, что Тито очень встревожен сложившимся там положением. Его беспокоила обстановка, создававшаяся близ Югославии, и он тревожился также за судьбу Насера. Мы дружески беседовали, досидели до рассвета, и Тито говорил: «Провожу вас, сам отвезу». Посадил нас в машину, сел за руль, и мы поехали на пристань. По-дружески распрощались, расцеловались, он пожелал нам доброго пути, и на катере мы вернулись к аэродрому. Прилетели в Москву. Тогда еще самолеты были тихоходными. Добрались до советской столицы только во второй половине дня, ближе к вечеру.

Сейчас же собрались члены Президиума ЦК КПСС, и прямо с аэродрома мы поехали в Кремль. Вместе с Маленковым доложили о результатах братских переговоров. Молотов еще раньше сообщил о разговоре на границе. Подтвердилось, что большинство за то, что надо срочно и решительно действовать. Тут же приступили к формированию состава Временного революционного правительства в Венгрии, советуясь с Кадаром и Мюннихом.

Резко выступил против Кадара Молотов. Он считал, что его нельзя выдвигать на пост руководителя Венгерской партии трудящихся. Если Молотов в чем-то был убежден, то говорил резко и даже несколько злобно, отбивая несогласных. Допустил оскорбительное выражение в адрес Кадара (правда, самого Кадара при этом не было). А основывалось у Молотова все на том, что Кадар продолжал себя рассматривать членом руководства во главе с Надем, теперь же, после того как он пробыл в Москве двое суток, пока мы с Маленковым отсутствовали, начал проявлять беспокойство и порывался вернуться в Будапешт. Да, я понимал Молотова: как можно выдвигать такого человека, если он сам себя рассматривает членом того руководства, против которого готовится удар?

Он ведь должен возглавить борьбу против действующего правительства. «Я голосую за Мюнниха», — настаивал Молотов.

«Я тоже выступаю за Мюнниха, — ответил я, — тем более, что хорошо его знаю, это старый коммунист, но он не годится на пост первого секретаря ЦК, он может быть председателем Совета Министров, но не способен играть главную роль в партии, ибо не обладает нужными качествами. Кадар справится лучше!». И предложил поставить Кадара первым секретарем, а Мюнниха — председателем Совета Министров. Эта комбинация мне представлялась наилучшей. «Давайте пригласим их обоих», — говорю. Пригласили их в Кремль.

Мы им тут же напрямую сказали, что в Венгрии началась контрреволюция, что против нее необходимо выступить войсками. Это — единственная возможность восстановить нормальное положение и ликвидировать восстание, которое бушует в Будапеште. Я внимательно смотрел на Кадара. Он слушал молча. Пришла его очередь говорить: «Да, — согласился он, — вы правы, чтобы стабилизировать положение, сейчас требуется ваша помощь». Ну, а Надь? Всем было ясно, что это — переходное лицо, тот порог, за которым стоят открытые и оголтелые контрреволюционные силы. Они пока держали на своем знамени имя Надя, прикрывались им как коммунистом, а сами вели антикоммунистическую работу. Только в Будапеште проявлялась активность, другие районы страны оставались в пассивном состоянии.

Мюнних тоже выразил свою поддержку действиям с помощью советских войск. И Кадар, и Мюнних высказали уверенность, что народ Венгрии в целом поддержит подавление контрреволюции. Начали мы формировать правительство. Этим занимались главным образом Кадар и Мюнних, они знали людей. Когда сформировали, проинформировали нас. При этом они исходили из идеи широкого привлечения как членов партии, так и беспартийных, включая даже людей, занимавших не совсем четкую позицию во время восстания. Полагаю, что они поступали правильно, проявив глубокое понимание настроений народа и причин, вызвавших взрыв. Они видели, что восстание не было направлено против перестройки Венгерского государства и против социалистических позиций. Люди поднялись против Ракоши и тех злоупотреблений, которые были допущены при нем. Я-то лично считаю, что Ракоши не был главным виновником, хотя и злоупотреблял властью.

Активное участие в формировании правительства принимал Антал Апро, хороший товарищ и честный коммунист, занимавшийся проблемами планирования. Он прилетел вместе с Када-

ром и Мюннихом. Были там и другие люди, сейчас улетучились из памяти их фамилии. Кадар, Мюнних, Апро с товарищами подготовили обращение к рабочему классу, крестьянству, интеллигенции, всему венгерскому народу с призывом правильно понять необходимость свержения правительства Надя и восстановления социалистических начал. Составили также обращение к Советскому правительству с просьбой оказать военную помощь в подавлении контрреволюции...

Могут сказать: приехал в Москву Кадар, там слепили промосковское правительство, и все! Но такой же мяч можно бросить назад, в сторону тех, кто помогал участникам восстания и Надю.

Его поддерживали империалистические круги всего мира, прежде всего Соединенные Штаты Америки. Под чьим покровительством они орудовали и расправлялись с людьми? На чьих самолетах из Вены прилетали агенты буржуазных стран, возвращалась реакционная венгерская иммиграция?

Кто им помогал? Я прямо заявляю: конечно, существуют и покровительство, и симпатии, и оказание помощи. И та, и другая стороны всегда поддерживают те силы, которые ей импонируют.

Да, Советский Союз поддерживает все революционные силы. Мы делаем это, исходя из своих интернациональных обязанностей, ведем борьбу под лозунгом «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» и называем своим долгом оказывать помощь, когда к нам за ней обращаются и если мы считаем возможным оказать такую помощь. Так же поступают враги коммунизма, и тайно, и открыто, в зависимости от ситуации. Нормально это или ненормально? Думаю, что нормально. Существует классовая борьба. Стоит вопрос: кто — кого? Если мы выступаем против экспорта революции, то и против экспорта контрреволюции. На одном из митингов я говорил так: «Мы заплатили свой долг венгерскому народу. В 1849 г., когда была совершена революция в Венгрии, по просьбе австрийского правительства царь Николай I бросил свои полки на ее подавление. Была восстановлена власть Австрийской монархии, эти действия стали позором для России. Теперь, когда контрреволюция начала расправляться с венгерским рабочим классом и с его авангардом — коммунистической партией, трудящиеся Советского Союза подали руку помощи трудовому народу Венгрии. Мы считаем свою миссию прогрессивной в отличие от акции, совершенной Николаем I».

Предъявлять какие-то претензии к враждебным коммунизму силам неразумно. Общество делится на две стороны, на два класса: один из них эксплуатирует рабочий класс и трудовое крестьянство. Эти классы антагонистичны. Тут используется всякая воз-

возможность. Мы в буржуазных странах тоже стремимся приобрести большее влияние на массы, внедрить нашу идеологию, направить развитие общества по пути строительства социализма, по пути установления рабоче-крестьянской власти. Так же и противник действует против нас. Пользуются всяким нашим упущением, выискивают, где только имеется возможность отбросить нас и закрепить капиталистическое влияние в большем количестве стран. Идет борьба: кто кого! Буржуазия считает, что она себя еще не изжила и что она должна господствовать вечно.

Мы — коммунисты, марксисты-ленинцы, верим в свою теорию, верим в свою идеологию, убеждены в том, что «владыкой мира будет труд», что победа за рабочим классом. Но эта победа сама по себе не придет. Этой победы надо добиваться в борьбе. Возможно мирное сосуществование различных государственных систем, но мирного сосуществования в идеологии быть не может. Это было бы предательством народов со стороны марксистско-ленинских партий. Я убежден, мы победим!

Когда-то я допустил неосторожное выражение в отношении Америки, сказав, что мы закопаем врагов революции. Вражеская пропаганда подняла мои слова на щит: мол, Хрущев, советские люди хотят закопать народы Соединенных Штатов Америки. Так они использовали в своих целях брошенную мной фразу. На пресс-конференции, когда мне ставили этот вопрос, я разъяснял: мы никого не будем закапывать, а враждебный буржуазный класс закопает сам рабочий класс Соединенных Штатов. Это внутренний вопрос каждой страны, люди сами решают, по какому пути им идти и какими методами добиваться победы.

Революционное рабоче-крестьянское правительство Венгрии не сразу разместилось в Будапеште. Сначала они поехали в Ужгород. Оттуда новое правительство обратилось по радио к населению, зачитало свою платформу и призвало народ поддержать ее. Развернулся новый этап борьбы. Из Ужгорода они переехали в один из венгерских городов. Еще до выступления основных сил все аэродромы Венгрии без сопротивления были захвачены советскими войсками. Только Будапешт еще не контролировался новыми силами. Крестьяне в большинстве не были задеты волнениями. Промышленные центры колебались. В каждом из них часть коммунистов твердо поддерживала социалистический строй, хотя и не все. Нужно заранее отбить нападки тех, которые хотели бы втолковать, что это было восстание против социализма, против марксистско-ленинского учения. Нет! Так формулируют только враги социализма. Но это неправильно!

Дальнейший ход событий подтвердил наши надежды. Контр-революция в Венгрии была ликвидирована.

Когда мы принимали решение о применении военной силы в Венгрии, среди нас не было Микояна и Суслова. Они находились в Венгрии и вернулись ночью, перед тем, как мы с Маленковым и Молотовым собрались лететь на встречу с польскими товарищами. Микоян, с которым я жил рядом, узнал, что мы готовимся ехать, позвонил мне и сказал, что хотел бы встретиться. Мы встретились в последнюю минуту, я уже оделся, чтобы ехать на аэродром.

Я ему рассказал о нашем решении. Он стал возражать, боясь, что тем самым мы подорвем репутацию нашего государства и нашей партии, высказывался против применения вооруженной силы. «Решение уже состоялось, — ответил я. — И я тоже проголосовал за!». «Но нас там не было», — заволновался Микоян. «Вас не было, потому что вы отсутствовали в Москве. Мы не имели возможности ожидать вас». «Требую собраться заново», — не соглашался он. «Сроки намечены, ничего нельзя изменить, весь наш план нарушится, а мы с Молотовым и Маленковым должны вылететь немедленно. Я считаю, что решение принято правильное, а ты ошибаешься». Анастас Иванович разнервничался и даже пригрозил, что не ручается за последствия и в знак протеста может что-либо над собой учинить. «Это было бы большой глупостью, — сказал я ему, — но я верю в твое благоразумие. Ты поймешь правильность нашего решения». На том и расстались. С Сусловым я тогда не беседовал.

Порядок в Венгрии был наведен быстро, за исключением Будапешта. Там к борьбе подключились офицеры венгерской армии, началось организованное военное сопротивление. В дома втащили пушки, простреливали из них улицы, создали оборонительные очаги. Но и там бои продолжались не более трех суток. Можно было бы и раньше все завершить, грубо сломив сопротивление. Но тогда пришлось бы применять более разрушительные средства, а мы не хотели разрушать город, как в 1945 году. Новое правительство стало действовать, собирать сторонников. Мы командировали в Будапешт Маленкова. Требовалось установить связь нового руководства с нашей армией. Командовал войсками в Венгрии генерал Казаков⁹.

Он правильно понял задачу и умело поддерживал спокойствие в стране. Ведь прежняя венгерская армия, собственно говоря, уже не существовала; следовательно, функции обеспечения порядка должна была взять на себя наша армия. Казаков, между прочим,

выставил заслон на границе с Австрией, чтобы прекратить использование этой границы враждебными социалистической Венгрии силами. Ситуация стала стабилизироваться. Партия трудящихся переименовалась и называлась теперь социалистической рабочей. К сожалению, не все люди, привлеченные в состав правительства и в руководство партии, действовали слаженно.

Сейчас историки, наверное, уже все разложили по полочкам. Ныне нет нужды выпячивать все разногласия тех дней. Но тогда не все правильно разобрались в происходившем. Контрреволюцию порою называли революцией. Ведь если восстание было революционным, то как именовать тогда правительство, которое подавило революционный взрыв? Многие запутались в трех соснах. Мы в Москве регулярно получали венгерские газеты. В ряде них продолжалось освещение событий с неправильных позиций. Говорилось, что русские выступили против прогрессивных сил. Я позвонил Маленкову: «Ты знаком с тем, как недавние события освещаются в венгерских газетах?» — спросил я его. «Да, слежу». — отвечает. «Чего же ты допускаешь такое и не разъясняешь, что под такими лозунгами нельзя добиться нормализации обстановки в Венгрии? — надавил я на него. — Если дается лозунг, что это была революция против Ракоши, то как называть действия, направленные против Надя?». «А что я могу поделать, — оправдывался Маленков. — Я им говорил, да они не соглашаются». «Тут — основной вопрос, — наседаю я. — Они не согласны, так как не понимают дело до конца. С этим мириться нельзя. Считаю, что ты проявляешь недостаточно активности и настойчивости». «Нет, я все делаю, что могу, но они не согласны, я же беседовал с новым руководством». Тогда Президиум ЦК КПСС высказался за то, чтобы я вылетел в Будапешт.

Я очень надеялся на Мюнниха. Недоумевал, как же он, старый волк, который прошел революцию, может не понимать таких вещей? Сколько лет он прожил в Советском Союзе; казалось бы, должен быть подготовлен к правильному пониманию событий... Встретили меня на аэродроме. Я попросил проехать по улицам Будапешта, который плохо знал. Я был там в 1946 г., и мне город очень понравился: живописный, красивый, с хорошей застройкой и хорошей архитектурой. Дунай — настоящее украшение Будапешта, как и бассейны, наполненные горячей минеральной водой, бьющей из расположенных под городом источников.

Город не особенно пострадал. Только отдельные дома были побиты, несли на себе следы обстрела. Замусорен зато очень, давно не убирался. Думаю, город мог пострадать больше, потому

что восставшие применяли зенитную артиллерию, что вызвало с нашей стороны ответный артиллерийский огонь по домам, где засели контрреволюционные силы».

Начались беседы. Мы собрались в каком-то слабо освещенном помещении. Не знаю, почему. Видимо, сказывалось модернистское влияние. На Западе при таком освещении, даже при свечах, проводятся торжественные обеды. Я останавливаюсь на этом, потому что отчетливо помню недостаточно освещенный зал. Собрались там все новое венгерское руководство. Пообедали. Венгры угостили нас своим прекрасным гуляшом. Вино у них тоже замечательное. Одновременно мы вели деловые политические разговоры. Я товарища Кадара знал еще очень мало. Поэтому свою критику направлял по адресу товарища Мюнниха. Делал так потому, что мы с ним когда-то были буквально друзьями. И я был уверен: он правильно поймет, что, критикуя его, я тем самым обращаюсь к другим руководителям венгерского революционного правительства и партийного руководства. «Как же, товарищ Ференц, вы допустили такие события?» — спросил я. «Вы же знаете, что я был послом Венгрии в Москве и за Ракоши не отвечаю», — коротко ответил он. Это было правильно. Тогда я поднял вопрос насчет газет. «Я, товарищ Хрущев, газетами не занимаюсь», — снова не стал вдаваться в существо дела Мюнних.

Тут поднялся другой товарищ, высокий парень с хорошей шевелюрой, редактор газеты, о которой шла речь, он и потом остался в руководстве. Считаю, что он честный коммунист. Он открыто и честно защищал свою позицию, но не понимал тогда глубинной сути проблемы. А я думал, сколько же им насолил Ракоши! Любой глас против Ракоши считался гласом революции. В этом и состояла трагедия, в этом заключалось несчастье Венгрии. Там многие действовали на основе такой упрощенной схемы. Ее взяли на вооружение и газеты, которые вновь твердили, что у них произошла революция против Ракоши. «Дорогие товарищи, — заговорил я, — поймите же, что выступаете против себя. Как же под таким лозунгом можно спланировать вокруг себя людей? Если правильно толковать этот лозунг, то произошла революция, следовательно, Надь возглавлял революционное правительство. Тогда вы — чье правительство? Происходит дезориентация народа, рабочего класса, коммунистов. Надо правильно сориентировать людей, сказать, что имела место контрреволюция. Потому что если не контрреволюция, так разве можно было применять нам оружие? Под какими лозунгами проходило восстание? Под антисоциалистическими. Фактически Надь превратился в ширму,

которой прикрывались заядлые контрреволюционеры, возвращавшаяся из эмиграции реакция. Надо самим правильно понимать события и верно разъяснять людям, организовывать их под вашим руководством».

Довольно долго я говорил. Но венгерские товарищи очень упорно сопротивлялись моему мнению. Достойные и очень уважаемые люди, они не разобрались в происшедшем, почему и не могли объяснить все верно тем, которые не только понимали неправильно, но пользовались таким неверным лозунгом. В конце концов и с большим трудом мы пришли к согласию. А одному из присутствовавших, редактору ведущей газеты, они сами пригрозили, что если он и его газета будут настаивать на своем, то его придется заменить и назначить другого редактора. На него угрозы не подействовали, он человек принципиальный. Однако, видимо, он сам осознал свою ошибку. И его газета, и некоторые другие органы печати начали освещать события иначе, называя вещи своими именами: произошла контрреволюция; теперь к руководству пришло революционное правительство, которое ведет борьбу как против остатков контрреволюционного движения под руководством Надя, так и против ракошианских извращений коммунистической линии.

Много венгров, истинных коммунистов, твердо отстаивавших свои убеждения, погибло. Попадая в руки к врагам, они не отрекались от марксистско-ленинского учения. А Надь, когда он правил, пытался привлечь людей к себе или принудить их под тем либо другим видом выступить перед микрофоном, чтобы они сделали заявления и высказали свое отношение к событиям в его вкусе. Он стремился вырвать у них признание себя как руководителя и требовал заклеить время Ракоши и Герэ. Некоторые, к сожалению, выступали: одни — от страха, другие просто не разобрались в происходящем. Кадар рассказывал мне о таком случае. Иштван Доби¹⁰, который выполнял функции президента и умер года три тому назад, бывший крестьянин-батрак, был приглашен Надем к выступлению по радио. Доби был очень популярен среди беднейших крестьян. Он участвовал в движении батраков еще при буржуазном строе, известный человек, близкий к коммунистам, но без партийного билета. «Некоторым коммунистам, — рассказывал Кадар, — услышав, как реагировал этот беспартийный, отвергший предложение Надя, следовало бы покраснеть. Он себя держал лучше, чем некоторые коммунисты». Солдаты уже повели его на расстрел. И только советские войска отбили Доби в последний момент. Это просто везение судьбы, что он остался жив.

Надь скрылся. Потом выяснили, что он укрылся в посольстве Югославии. И не только он, а многие из его руководства. На этой почве опять произошло охлаждение в наших отношениях с югославским руководством. Венгерские товарищи потребовали, чтобы укрывшихся передали в руки властей. Югославы сильно сопротивлялись. А пока шло время, и шло оно на пользу революционному правительству. В конце концов югославы вынуждены были освободиться от тех, кто засел в их посольстве. Их там скопилось так много, что создалась большая скученность, и посол просто не имел возможности содержать их долее. Югославы настаивали, чтобы были даны заверения насчет безопасности Надя. Венгерские товарищи не пошли на это. Его арестовали, как только он был доставлен на свою квартиру. И правильно сделали! Кадар обратился к нам и к румынам с просьбой, чтобы временно, пока они в Венгрии не сумеют разобраться с делами и не нормализуется положение в Будапеште, разместить Надя за пределами Венгрии. Его доставили на самолете в Бухарест, и он находился там какое-то время.

ЦК ВСРП под руководством Кадара обратился к ЦК КПСС с просьбой оказать помощь кадрами, прежде всего советниками в горной промышленности, так как была дезорганизована добыча угля. Чтобы восстанавливать промышленность и обеспечить ее развитие, срочно требовалось топливо. С угля начиналось возрождение экономики страны. Мы послали к ним опытных людей из Донбасса, партийных и профсоюзных работников, которые помогли быстро восстановить работу угольных шахт. наших комсомольских руководителей Кадар просил помочь в организации молодежи, чьи кадры скомпрометировали себя: одни приняли участие в контрреволюционном мятеже, другие оказались дезориентированными и вели себя пассивно, утратив доверие со стороны рабочих. Нужно было оказать помощь в обучении свежих людей. Потом Кадар, когда разговаривал со мной, в шутку называл советников «полковники», профсоюзников — «майоры», комсомольцев — «лейтенанты». Вообще он человек с чувством юмора.

В венгерских высших кругах наблюдалось изрядное замешательство. Многих затронули аресты, и не только на самом верху, но и ниже. Поэтому люди осторожно прислушивались к новостям: очень свежей еще оставалась память о Ракоши. Всегда, когда страна переживает такое потрясение, это сказывается болезненно. Венгерская армия тоже оказалась деморализованной. Она не участвовала в контрреволюции, но отдельные офицеры поддались на агитацию. Небольшое число, но зато выступали актив-

но. Да и после разгрома контрреволюции некоторые лица еще долго колебались. Новое правительство потребовало, чтобы люди определили свое политическое отношение к событиям и дали бы заверения, что будут честно служить народу и выполнять решения правительства. Некоторые офицеры отказались от принятия присяги, тем самым автоматически произошло очищение армии от элементов, которые не полностью принимали социалистическое строительство. Армия стала по численности меньше, но по качеству более организованной и сильной.

Несмотря на вопли буржуазной прессы, на обвинения СССР в том, что мы подавили революцию, жизнь быстро входила в колею. Советская Армия вернулась в казармы. Мы дали строгое указание не вмешиваться во внутренние дела Венгрии, в функции ее правительства и партийного руководства. Когда я приехал в Венгрию, то собрал там наш командный состав и разъяснял правильную линию, рекомендуя, каким должно быть поведение наших воинских частей, прежде всего командиров. Солдаты ведь находятся в казармах, но офицеры пользуются большей свободой передвижения. Мы обратились к офицерам с просьбой не мозолить глаза венграм, особенно в первое время после ликвидации мятежа, не появляться на улицах, чтобы не давать пищу для агитации врагам.

А СССР тем временем срочно занялся помощью Египту, ликвидацией военной акции Великобритании, Франции и Израиля. Предложили Эйзенхауэру, чтобы США вместе с СССР выступили против тройственной агрессии. Одновременно составили письма в адрес премьер-министра Великобритании Идена, премьер-министра Франции Молле и премьер-министра Израиля Бен-Гуриона, предупредив их, что есть страны, которые могут встать в поддержку Египта и оказать ему помощь, даже не посылая своих войск, поэтому мы предлагаем немедленно прекратить агрессию. Говорят, что Ги Молле в те дни не уезжал из своего кабинета домой ночевать, а когда получил наше послание, то в спальном белье побежал к телефону звонить Идену. В штанах ли он поднимал трубку или без, сути дела не меняет. Главное, что через 22 часа после получения нашего предупреждения агрессия была прервана.

Когда создалось критическое положение в Польше и Венгрии, породившее для нас трудности, дипломаты Англии и Франции не первого ранга, встречаясь с сотрудниками наших посольств в своих столицах за чашкой кофе, высказывали такую мысль: «Мы с пониманием относимся к сложностям, которые возникли у вас в Польше и Венгрии. А вот у нас трудности с Египтом. Давайте

негласно договоримся: вы своими средствами ликвидируете свои трудности, но не мешайте и нам». Видите, как империалисты хотели воспользоваться событиями, чтобы лишить нас возможности подняться в защиту египетского народа против колонизаторов. Но мы быстро справились со сложностями, развязав себе руки. И наш голос в защиту Египта оказался настолько мощным, что вынудил прекратить агрессию. Мы были рады, что у Идена и Ги Молле хватило мужества оборвать войну, которая и для Советского Союза стала своеобразной исторической вехой. Раньше считалось, что тот регион принадлежит Англии. Недаром, когда король Египта Фарук обратился к Сталину с просьбой дать оружие для борьбы против Англии, Сталин отказал, высказав мнение, что там сфера влияния Великобритании и нам нечего совать туда нос. Мы же публично выступили против агрессоров, сами пригрозив им и заявив, что не можем оставаться безучастными и нейтральными. Теперь с нами на Ближнем Востоке стали считаться.

Возвращаясь к Венгрии. Весной 1957 г. я выехал туда по приглашению правительства и ЦК ВСРП. Было уже тепло. Когда я приехал, Кадар сказал, что на площади организуется митинг. Неподалеку оттуда размещалось посольство США. В нем долго проживал кардинал Миндсенти, глава католической церкви Венгрии, занимавший враждебную позицию в отношении социализма. Он представлял самое реакционное крыло контрреволюционных сил, которые действовали в 1956 году. Поэтому мы особое значение придавали этому митингу, не сомневаясь, что и Миндсенти, и американский посол будут наблюдать за ним и, может быть, слушать речи. Хотя им было достаточно агентов, которые присутствовали на митинге и записывали все, что там говорилось. С другой стороны, митинг привлекал всеобщее внимание еще и тем, что, когда стало известно, что я выезжаю в Венгрию, американские журналисты раструбили, что Хрущев носа на улицу не высунет. Если же станет расхаживать по улицам, как он имеет привычку делать, приезжая в другие страны, то это может выйти ему боком: венгры ему не простят применения воинской силы.

Венгерские товарищи открыли митинг. Я там был и выступил. В своей речи упрекал рабочих Венгрии и интеллигенцию за то, что они допустили контрреволюционный мятеж. Особенно адресовался, конечно, к рабочему классу.

На общегородской митинг собралось очень много народу. Кадар показал мне на балкон американского посольства: там стоял посол, а рядом — Миндсенти. «Товарищ Кадар, давайте, когда

закончится митинг, сойдем с трибуны и пойдем в толпу», — сказал я. «Народу слишком много», — заколебался он. «Вот и хорошо, что много, пусть американцы посмотрят: они говорили, что Хрущев носа не высунет на улицы Будапешта. Так пусть увидят, как Хрущев и Кадар прямо с трибуны сошли в толпу и смешались с ней. Это будет полезно для прояснения тумана в головах недоброжелателей, для промывки мозгов». Так мы и поступили. Кончился митинг — мы сошли с трибуны и пошли прямо через газон. Это произвело хорошее впечатление и отрезвляюще подействовало на тех журналистов, которые разжигали враждебность, стремясь посорить СССР с Венгрией. Мы преподали славный урок врагам социализма.

Потом состоялось собрание на крупном заводе. И там я тоже держал речь перед собравшимися, доказывал правильность наших действий. Многие венгры, выступившие на митингах, выражали благодарность СССР и Советской Армии за то, что они выполнили интернациональный долг и помогли ликвидировать контрреволюционный мятеж, порожденный злоупотреблениями властью со стороны сталинистов. Сталин допустил злодеяния в Советском Союзе, а потом через своих советников ту же политику стал проводить и в Венгрии. Могут сказать: «Ну и что же? Подобрали нужных ораторов». Но если судить не по словам, а по выражениям лиц, то будет видно, что митинги проходили с большим подъемом собравшихся. Люди одобряли мероприятия, которые проводились новым руководством Венгрии.

Затем мы с Кадаром поехали в шахтерский район Венгрии, к угольщикам¹¹. Кадар когда-то работал там партийным руководителем в подполье во время войны, там его и арестовали. Теперь там состоялся большой митинг, но уже особый. Рабочие-шахтеры всегда проявляли большую революционность, и я, выступая, ссылаясь на это и упрекал их. Говорил и о своем прошлом: «Мне, как бывшему шахтеру, стыдно за вас, за своих братьев-шахтеров Венгрии, которые не разобрались в деле и не возвысили своего голоса против контрреволюции». Шахтеры не принимали активного участия в мятеже, но и не выступили активно против, были деморализованы. В ответ выступали многие шахтеры и извинялись, каялись, что допустили такой политический промах.

Потом мы поехали на место строительства металлургического завода на Дунае на наши кредиты и с поставкой нашего оборудования. Тогда этот город называли Сталинварош, потом он стал именоваться уже без имени Сталина¹². Митинг в нем на открытой площади тоже прошел блестяще. А мы, где бы ни собирался ми-

тинг, разоблачали происки контрреволюции, мирового империализма, попытавшегося реставрировать капитализм в Венгрии; говорили о том, что действия, предпринятые под руководством нового правительства и ЦК ВСРП, возглавленного товарищем Кадаром, — в интересах социализма, в интересах рабочего класса, крестьянства и трудовой интеллигенции. Наши слова находили одобрение у слушателей.

Кадар попросил меня встретиться и с представителями интеллигенции. Беседа с ними подтвердила, что интеллигенция с разбором относится к необходимости проведенных мероприятий: в среде интеллигенции мы находили тогда меньше понимания. Однако тучи, собравшиеся над Венгрией, постепенно рассеивались. Когда положение стабилизировалось, венгерские товарищи договорились с румынскими и вернули Надя к себе в страну. Состоялся судебный процесс над ним. Надь был осужден и лично заплатил за жертвы, вызванные осенним путчем. В результате этого у нас вновь охладились отношения с Югославией. Я очень сожалел о том, но ничего не мог поделать. Я не обвиняю югославов в том, будто они пытались способствовать реставрации капитализма в Венгрии. Нет, это глупость. Югославы хотели сбросить руководство Ракоши, чтобы новое руководство установило бы с ними дружеские, добрососедские отношения. Кроме того, Тито с товарищами претендовали на вполне определенную ведущую роль в коммунистическом движении после разоблачения злодеяний Сталина. Я так считал, во всяком случае.

Конечно, когда реакционные силы, преследуя свои цели, хотели восстановить капитализм в Венгрии, здесь были затронуты и интересы Югославии как социалистического государства и как соседа Венгрии. Поэтому, когда мы сказали, что хотим предпринять вооруженную акцию против контрреволюции, Тито, не задумываясь, поддержал нас. Налицо противоречивость в позиции югославов, но это факт.

Вот как я оценивал тогда происшедшее. И сейчас, уже доживая свой век пенсионером, я считаю, что наши действия были приняты правильно, в интересах революционного движения, в интересах коммунистического движения, в интересах борьбы против реакции, за социализм, за коммунизм!

В Венгрии советских войск оставалось теперь немного. Когда мы стали заниматься сокращением нашей армии (а мы сократили ее почти вдвое по сравнению с тем, какой она была при Сталине), то уменьшили количество войск и в Венгрии. Потом мы пришли к заключению, что можно вообще вывести войска из Польши и Вен-

грии. И вывели оттуда «особое оружие». А в Чехословакии, Румынии и Болгарии у нас не имелось войск. Таким образом, в прежнем качестве у нас оставались войска только в ГДР. Каждому ясно, почему.

А насчет Венгрии я специально говорил с Кадаром: «Товарищ Кадар, вы не задумывались насчет пребывания наших войск в Венгрии? Мы считали бы возможным вывести их. Как вы решите, так мы и сделаем». «Товарищ Хрущев, решайте сами, — ответил он. — Одно вам могу сказать: никаких разговоров у нас сейчас в отношении пребывания ваших войск нет. Нет негативных настроений. Венгров беспокоит другое: как бы вы не вернули нам Ракоши». Ракоши в то время жил в СССР. Существовали ли у них какие-то люди, которые симпатизировали Ракоши и сожалели о его падении? Да, особенно в партии. Не знаю, насколько они многочисленны, но имелись. Вот и в Советском Союзе то же самое: мы осудили культ Сталина, а есть ли в КПСС люди, которые подают голос за него? К сожалению, есть. Живут еще на свете рабы, живут и его прислужники, и трусы, и иные: «Ну и что же, — говорят они, — что столько-то миллионов он расстрелял и посадил в лагерь, зато твердо руководил страной».

Да, есть люди, которые считают, что управлять — это значит хлестать и хлестать, а может быть, даже захлестывать. И в Венгрии тоже такие люди были. К счастью, абсолютное большинство венгерского народа стояло за то, чтобы не вернулось ни то, что происходило при Ракоши, ни сам Ракоши.

Наши войска располагались в Венгрии на границе с Австрией. «А где еще стоят ваши войска?» — спросил меня Кадар. «В Польше и Германии, — ответил я. — О выводе их из ГДР не может идти и речи. Вывести их оттуда можно только на основе соглашения с нашими бывшими партнерами по войне против гитлеровской Германии, иначе говоря — с нашими антиподами. Такую акцию можно будет предпринять только после создания в мире положения, исключающего возможность новой мировой войны». «А как относятся поляки к идее вывода?». «С поляками я еще не говорил, — отвечаю. — Мы хотели сначала с вами поговорить, а уж потом с поляками».

С польским руководством мы на эту тему тоже порассуждали. Я беседовал о том с Гомулкой, и мы довольно основательно сократили свои войска в Польше, почти наполовину. Могли бы и целиком вывести их оттуда. Тем более, что развились средства транспорта, и в случае военной нужды мы могли с их помощью быстро перебросить войска, куда нужно. Содержание войск за

границей СССР имеет и негативное политическое значение: мы ведь не хотим, чтобы о нас говорили, что мы не доверяем братским народам, считающимся нашими союзниками. Дело — в идее социализма. Поляки, венгры и другие строят социализм в собственных интересах. В нем заключается главная привлекательная сила. Так что дело не в страхе перед войсками СССР. Под угрозой страха нельзя гнать в рай. Люди сами должны искать путь к лучшему будущему. И они пойдут по такому пути. Этот путь не простой, а сложный, но единственно правильный. Наконец, полезно было бы вернуть домой наши войска и по экономическим соображениям. Их содержание за границей обходилось очень дорого. Наконец, их вывод оздоровит положение и укрепит позиции коммунистов Польши и Венгрии. Перестанут кивать на то, что там стоят советские войска и в результате народы вынуждены терпеть существующую власть. Вот мы и хотели отнять такой козырь пропаганды у врагов.

Когда я высказал все это Гомулке, он стал возражать. Оказалось, что Польше экономически выгодно получать от нас валюту за пребывание там советских войск. Но с другими поляками я на эту тему не говорил. Раз Гомулка столь определенно выразил свое несогласие, вопрос отпал, и мы не стали его форсировать, не хотели оказывать давление ни в какую сторону, создавая шероховатости в наших отношениях с польским руководством. Попутно вспомнил об обстоятельствах вывода наших войск из Румынии. Однажды вскоре после смерти Сталина мы беседовали на данную тему с румынскими товарищами. Тогда военным министром Румынии, кажется, был Боднэраш. Он очень хорошо относился к Советскому Союзу, старый коммунист, прошедший румынские тюрьмы. Мы к нему испытывали абсолютное доверие. «Как вы отреагируете, если мы попросим вывести советские войска из Румынии?» — неожиданно поднял он вопрос. Я тогда отреагировал болезненно, даже погорячился. Мы еще находились под влиянием идей, навешанных сталинской политикой. Разговор происходил до 1956 г., то есть до того, как мы разобрались во всех злоупотреблениях властью, допущенных Сталиным, и пока еще преклонялись перед всем сталинским. Но спустя некоторое время вернулись к поставленному вопросу и вывели из Румынии свои войска.

¹ С ноября 1918 г. — Коммунистическая партия Венгрии, с сентября 1944 г. — Венгерская коммунистическая партия, с июня 1948 г. (после объединения с

Социал-демократической партией) — Венгерская партия трудящихся, с ноября 1956 г. — Венгерская социалистическая рабочая партия, с октября 1989 г. — Венгерская социалистическая партия.

² РАКОШИ М. (1892 — 1971) — социал-демократ с 1910 г., участник первой мировой войны, военнопленный в России с 1914 г., член КПВ с 1918 г., зам.-наркома торговли в Советской Венгрии, в 1925 — 1940 гг. сидел в венгерской тюрьме, Генеральный секретарь ЦК КПВ с 1945 г. и ЦК ВПТ с 1948 г., в 1952 — 1953 гг. председатель Совета Министров, в июле 1956 г. освобожден от партийных должностей, в августе 1962 г. исключен из ВСРП.

³ С ноября 1918 г. — Венгерская республика, с марта 1919 г. — Венгерская Советская республика, с августа 1919 г. — Венгерская регентская республика, с февраля 1946 г. — Венгерская республика, с августа 1949 г. — Венгерская народная республика, с октября 1989 г. — Венгерская республика.

⁴ КАДАР Я. (1912 — 1989) — член КПВ с 1931 г., член ее ЦК с 1942 г., секретарь ее ЦК с 1943 г., и член Политбюро с 1945 г., в 1946 — 1948 гг. заместитель Генерального секретаря ЦК ВКП и до 1951 г. зам.генсека ВПТ, с 1956 г. первый секретарь и с 1985 г. Генеральный секретарь ЦК ВСРП, с 1988 г. председатель ВСРП. Был главой правительства в 1956 — 1958 и 1961 — 1965 гг.

⁵ МЮННИХ Ф. (1886 — 1967) — участник первой мировой войны, с 1915 г. военнопленный в России, с 1917 г. член РСДРП(б), с 1918 г. член КПВ, участник национально-революционной войны в Испании (комбриг О.ФЛАТТЕР) и Великой Отечественной войны, с 1946 г. начальник управления полиции Будапешта, с 1949 г. посланник и посол Венгрии в Финляндии, Болгарии, СССР (1954 — 1956) и Югославии, зам.председателя СМ в 1956 — 1957 гг., первый зам.председателя СМ в 1957 — 1958 гг. и председатель Совета Министров в 1958 — 1961 гг., государственный министр до 1965 г. Член ЦК ВСРП с 1956 г. и член Политбюро в 1957 — 1965 гг.

⁶ НАДЬ И. (1896 — 1958) — член КПВ с 1919 г., видный работник Коминтерна, был председателем Совета Министров Венгрии в 1953 — 1955 и октябре — ноябре 1956 года. Осужден за участие в борьбе против народно-демократического строя и казнен. В 1989 г. посмертно реабилитирован.

⁷ АНДРОПОВ Ю.В. был послом СССР в Венгрии в 1953 — 1957 гг.

⁸ РАНКОВИЧ А. был в то время членом руководства Союза коммунистов Югославии.

⁹ Генерал армии М.И.КАЗАКОВ командовал тогда войсками Южной группы войск в рамках Объединенных Вооруженных Сил стран — участниц Варшавского договора.

¹⁰ ДОБИ И. (1898 — 1968) — один из деятелей Венгерской Советской республики 1919 г., участник антифашистского Сопротивления, председатель Партии мелких сельских хозяев в 1947 — 1959 гг., председатель Совета Министров в 1948 — 1952 гг., президент Венгрии в 1952 — 1967 гг., член ЦК ВСРП с 1959 г.

¹¹ Шахты Мечекского угольного района в Юго-Западной Венгрии.

¹² Дунайварош — город с металлургическим комбинатом на базе мечекских коксующихся углей. В 1957 г. там действовали 2 доменные печи, 2 мартена, силовая энергетическая установка, заводы огнеупорного кирпича, коксования, обогатительный и агломерационный.

ЧЕХОСЛОВАЦКИЙ СОСЕД

С чехами я впервые столкнулся в 1915 г., когда трудился слесарем на электростанции Пастуховского рудника около Юзовки. На руднике работали главным образом военнопленные из австро-венгерской армии, по своему национальному составу очень пестрые: среди них были чехи, словенцы, венгры, итальянцы, немцы. Помню Вельмана, австрийского немца, унтер-офицера. Военнопленные жили довольно свободно, так же, как русские рабочие. Их разместили в больших общежитиях, которые шахтеры называют балаганами. Мне как слесарю порой требовались подсобники. В зависимости от того, какая работа выполнялась, инженер Фролов выделял нужное их число, чаще всего военнопленных. Почти постоянно со мной работал пленный венгр Альберт Поп, крестьянин из Трансильвании, хороший и приятный человек. Поп говорил, что Вельман (объяснялись мы мимикой и отдельными словами) — плохой человек, что он все записывает, а когда они вернутся в Австро-Венгрию, он будет докладывать это начальству. Одним словом, выполнял шпионские функции.

Там была территория Войска Донского, поэтому полицейскую охрану несли казаки. Они находились возле балагана, вооруженные револьвером и шашкой, и вели какой-то учет, довольно примитивный и нестрогий, потому что пленные уходили совершенно свободно за поселок погулять в поле. Приходили назад, тоже когда хотели. Время сна и отдыха не было нормировано. Имели место случаи, когда я уходил из поселка на Пастуховку к своим родным, а в квартире оставался военнопленный, который ночевал у меня и сторожил дом, чтобы не обворовали. Он мог не ночевать у себя по две-три ночи, в зависимости от того, сколько дней меня не было. Я уходил за 25 верст от дома, когда посещал родителей. Отец работал тогда на шахте Успенская. Идти в воскресенье — слишком далеко: ведь пешком придется проделать туда и обратно путь в 50 верст. Поэтому такое посещение я мог себе позволить, только если не работал подряд три дня: в Пасху и на Рождество, большие праздники, в которые не работали порой и по пять дней.

Чехов у нас среди военнопленных было мало, всего двое. Они со мной работали не постоянно. То были интеллигентные люди с каким-то техническим образованием, резко выделявшиеся своей внешностью, аккуратностью и собранностью. Я с большим уважением относился к ним. С ними мне было и легче беседовать, потому что чешский язык — тоже славянский. Если мы вели бесе-

ду не спеша и с расстановкой, то понимали друг друга. Говорили не только о работе. В ней то, что нужно сделать, помогая мне, они видели сами. В чем должна заключаться их работа, эти умные, культурные люди понимали. Беседы шли о войне, и говорили главным образом чехи. Они сдались в плен сами, не были захвачены в плен, а использовали возможность перехода на сторону России. Я знаю подобное и по второй мировой войне, когда встречался с небольшим числом чехов, которые служили в армии Гитлера. Помню, например, случай, когда на Южном фронте чех сам перешел к нам. Наши военные доложили мне, что взяли пленного. Когда же его привели, он мне рассказал, что решил перейти к нам, воспользовавшись ночной темнотой, с пулеметом в руках, и еле-еле нашел наших, чтобы сдаться в плен. Потом мы шутили, как иной раз «берут в плен», а пленный сам ищет, кому бы сдаться. А в боевых условиях докладывают, что, дескать, рискуя жизнью, захватили пленного.

Те два чеха, пленные с 1915 г., рассказывали о народном движении в Чехии, о славянофильстве, сильно развитом там. Еще тогда называли мне имя Масарика¹. Они очень нравились мне, и я любил приглашать их к себе домой, угощать чаем с вареньем. Потом, чтобы ответить на мою любезность, они предложили: «Господин Хрущев, если желаете, мы можем организовать занятия на дому и обучить вас техническому черчению». Я как слесарь нуждался в этом, то была моя мечта, и ответил, что с удовольствием воспользуюсь их любезностью. Они дали мне несколько уроков, но в течение короткого времени, ибо вскоре их куда-то ушли, когда стали собирать пленных чехов в воинские части для организации особого корпуса². Так я потерял связь с ними, но они оставили добрый след в моей памяти. Эти люди называли себя нашими братьями и говорили, что не хотят воевать с нами, а желают жить в дружбе. Правда, то был разговор общего характера, далекий от понимания интернационального классового братства и основывавшийся на идее всеславянской близости.

Должен сознаться, что прежде о славянофилах я ничего не слышал, хотя к этому времени уже был читателем пролетарских газет. Первое мое приобщение к чтению социал-демократических изданий произошло, когда я работал учеником на машиностроительном заводе Боссе. Сначала стал читать большевистскую «Звезду», потом большевистскую «Правду». Затем и лично общался с социал-демократами, но скорее на базе понимания необходимости объединения рабочих против фабрикантов. В теоретических основах марксистского учения я разбирался слабо. В

1922 г. меня хотели назначить управляющим рудниками, но я отказался, так как просил уездный партийный комитет послать меня учиться на рабочий факультет в Юзовке. Чтобы добиться желаемого, мне пришлось затратить много усилий. Секретарем укома был у нас будущий заместитель председателя Совета Министров СССР Авраамий Павлович Завенягин. У меня сложились с ним приятельские отношения, и в конце концов я его уговорил и был освобожден от выполнения решения укома РКП (б) принять дела управляющего рудниками Щегловского куста, где когда-то работал. Там я в 1914 г. трудился на шахте Горшкова, названной «Альберт» по имени его сына, а в 1915 г. перешел за четыре версты от нее на электростанцию рудников шахты Пастухова.

В годы гражданской войны я по газетам узнал, что организованы чешские воинские соединения. Их использовали враги Советской власти против Красной Армии³. Но на фронте я с ними не сталкивался, а детали о них прочитал в книге Фурманова «Чапаев»⁴. Однако ряд чешских интернационалистов поддержал нашу революцию. Следующая моя встреча с представителями чешского народа напрямую состоялась в 1935 г., когда я работал секретарем Московского городского и областного партийных комитетов. Тогда в Москве собрался VII конгресс Коминтерна. Я являлся одним из делегатов от ВКП (б) на этом конгрессе. Когда его заседания закончились, состоялось решение ЦК партии о том, что Московская парторганизация устроит обед для членов конгресса. Я был хозяином стола, своеобразным тамадой и знакомился с делегатами — представителями братских компартий.

Там впервые познакомился с Готвальдом⁵. До того я знал о нем по сведениям печати, но лично не встречался. В помощь мне для руководства столом я предложил избрать помощника тамады, который обладал бы, во-первых, качествами коммуниста, то есть умел постоять за себя и своих товарищей; во-вторых, чтобы хорошо знал присутствующих — участников обеда. И предложил самую лучшую, как я считал, кандидатуру — Дмитрия Захаровича Мануильского⁶. Все зааплодировали, приняв эту кандидатуру. Мануильский был очень остроумным человеком, и я попросил его сесть рядом со мной, чтобы передать ему бразды правления. Когда мы с ним впоследствии вместе работали на Украине, где он был министром иностранных дел УССР, то он часто напоминал мне об этом эпизоде. Дмитрия Захаровича я всегда вспоминаю с теплым чувством. Он любил выпить, но в меру, и я никогда его не видел не только пьяным, но даже хмельным.

Вот за тем столом к нам подошел Кашен⁷, которого я знал лишь

заочно, и мы познакомились. Они с Мануильским обнялись и расцеловались, причем Кашен что-то доказывал, и видно было, что это смущает Мануильского. Оказалось, француз немножко выпил лишнего и убеждал всех, что Мануильский является отцом Коммунистической партии Франции. Полагаю, что в этом заключалась большая доля правды, потому что Дмитрий Захарович долго жил эмигрантом во Франции, в совершенстве владел французским языком и, выполняя потом поручения Коминтерна, приложил свои способности при организации КПФ.

Но лучше всех из присутствовавших зарубежных коммунистов я знал товарища Тольятти⁸. Он часто выступал со статьями в нашей печати и с докладами в Московской городской парторганизации. Там же, как уже упоминал, я познакомился с Готвальдом и его женой. Она произвела на нас немного странное впечатление. Мы все тогда жили аскетически. Это выражалось и в одежде, и в манере держаться. А она пришла в дамских украшениях и, на наш взгляд, была подвержена мелкобуржуазному влиянию. Готвальд же пользовался высоким уважением и имел солидный авторитет.

Напрямую встала передо мной чехословацкая проблема в 1938 г., когда я был членом Военного совета Киевского Особого военного округа. У СССР существовал договор с Чехословакией, согласно которому мы были обязаны оказать ей военную помощь при условии помощи ей со стороны Франции. Когда нависла германская угроза над Чехословакией, мы получили приказ вывести из казарм войска и в боевой готовности продвигнуться к польской границе, в направлении Львова. То был самый короткий путь до Чехословакии, через Южную Польшу. Кончилось дело тем, что в Мюнхене французы и англичане предали Чехословакию, и вскоре Гитлер без войны присоединил ее к своему рейху. Польша же тогда категорически отказалась пропустить наши войска через свою территорию, тем более участвовать в совместных с СССР действиях против агрессора. То была любезность польского правительства германскому: министр иностранных дел Польши ездил в Берлин, а из Берлина фашистские руководители приезжали в Польшу, демонстрируя дружбу между Польшей и Германией. Тактика германских фашистов — бить жертвы поочередно — проводилась в жизнь довольно искусно. Первой жертвой пала Судетская область Чехословакии, населенная большим количеством немцев. Затем пала и вся Чехословакия. Вскоре такой же участи подверглась и Польша.

Наши люди побывали в Праге после оккупации ее немцами и рассказывали о своих впечатлениях. Чехи ходили, как осенние

мухи: глаз от земли не могли оторвать: такой переживали они траур. Конечно, наши им сочувствовали, понимая бедствие Чехии. Словакия же была выделена в отдельное государство как союзник гитлеровской Германии. А спустя 5 лет я бок о бок воевал вместе с чехами на общем фронте, когда в составе Красной Армии сражался чехословацкий отдельный батальон под командованием полковника Свободы. Он отличился под Харьковом, в деревне Соколово. После освобождения Харькова мы с генералом Ватутиным приехали к чехословакам. Из батальона формировалась бригада, полковника Свободу вызвали в Москву, и мы без него поговорили с командным составом воинской части и познакомились с ее бойцами.

На меня эта бригада производила хорошее впечатление. Там было, в частности, много людей, в совершенстве знавших украинский язык, ибо они являлись выходцами из Закарпатья, которое перед второй мировой войной входило в состав Чехословацкого государства, а коммунисты Закарпатской Руси числились в составе Коммунистической партии Чехословакии. Несколько позже я познакомился и со Свободой. Согласно Конституции, в воинских частях Чехословакии запрещалось создавать политические партии, и коммунистическая организация в той бригаде находилась как бы на нелегальном положении. Оно было такого порядка: Свобода вызывал руководителя парторганизации, рассказывал о задаче, стоящей перед частью, и говорил, какую политработу нужно провести среди ее воинов. Так что фактически парторганизация работала в открытую. Да иначе не могло и быть. Ведь эта бригада вместе с нашими войсками участвовала в боях против гитлеровцев и на советской земле. Конкретно на моих глазах бригада, затем 1-й Чехословацкий армейский корпус во главе со Свободой отличились при наступлении на Украине в 1943 г. при освобождении Киева и далее в Предкарпатье.

Когда наш фронт перевалил через Карпатские горы, освобождая Закарпатскую Русь, в ней руководил общественными делами Иван Иванович Туряница⁹, из местных украинцев, рьяно проводивший линию на воссоединение Закарпатья с УССР. На встрече с партактивом Закарпатской области, в ту пору независимой республики, которая уже не признавала чехословацкое государственное руководство, но еще не была в составе Советской Украины, я познакомился с чехами-коммунистами, прибывшими на собрание и тоже настаивавшими, чтобы Закарпатье включили в состав Украины. Потом так и свершилось, но решалось это уже в Москве, где договаривались с эмигрантским руко-

водством Чехословакии. Когда было сформировано новое правительство Чехословакии, оно уезжало к себе через Киев. Я принимал его там и содействовал ему в проезде через территорию Советского Союза на освобожденную нашими войсками землю Чехословацкого государства.

Тогда послом Чехословакии в СССР был Фирлингер¹⁰, из социал-демократов, позднее ставший коммунистом. Он понимал необходимость укрепления прочной дружбы с Советским Союзом. Не знаю его личную судьбу после событий 1968 г. в Чехословакии, но я считал его честным и порядочным человеком. Хотя помню и такой неприятный эпизод: Сталин выражал недоверие к нему. Основание для Сталина очень убедительное: женой Фирлингера являлась француженка. У меня лично не существовало никакого сомнения относительно ее политической честности, но тогда это висело над нею угрозой. Сталин ее пощадил, ее не арестовали; соответственно не был скомпрометирован и Фирлингер, но встречи с ее участием оставляли из-за сталинских подозрений определенный осадок. Готвальда я знал не очень хорошо. Правда, однажды я встречался с ним в Крыму. Мне позвонил Сталин. Чувствовалось, что он пребывает в хорошем настроении. Он пригласил меня (а значит, приказал) приехать в Крым: «Приезжайте, как только сумеете, здесь Готвальд, а он никак без вас не может жить и требует, чтобы вы обязательно приехали». На следующий день я был в Крыму, Сталин жил там в царском Ливадийском дворце, где в 1945 г. проходила Ялтинская встреча между ним, Рузвельтом и Черчиллем. В этом же дворце поселился Готвальд. И меня разместили там. Огромный дворец имел и «свитский» дом, для размещения свиты царя, когда он приезжал в Ялту.

Наши беседы велись главным образом за обедами. Присутствовала и жена Готвальда. Беседы носили характер как случайный, так и целенаправленно политический. Сталин не мог удержаться от того, чтобы не споить людей, которые вместе с ним обедают. Спаивал он и Готвальда, но тот и сам имел склонность к вину. Тут Сталину не требовалось больших трудов. Наоборот, надо было удерживать Готвальда, беречь его здоровье. Его жена, очень крупная внешне женщина, знала эту слабость мужа, да и сама любила выпить. Поэтому часто, когда Сталин наливал, она, считая рюмку лишней для ее мужа, заявляла: «Разрешите, товарищ Сталин, я выпью за него и за себя». Тут начинались в этой связи шутки-прибаутки, но это не освобождало Готвальда от следующего «захода», и он часто напивался больше, чем следовало

бы. Видимо, организм его был уже ослабленным, и он довольно легко поддавался опьянению.

Из бесед, которые заслуживают здесь внимания, помню такую. Готвальд поставил перед Сталиным следующий вопрос: «Почему ваши люди в Чехословакии воруют технические секреты? Тащат все, что только можно стащить. Мы ведь это видим, и это нас обижает, оскорбляет. У нас от вас нет секретов. Если вы нуждаетесь в каких-либо технических новинках или проектах, то скажите, мы все дадим сами, это будет куда лучше. Мы, товарищ Сталин, не только секреты от вас не хотим сохранять, а вообще согласны немедленно войти в состав СССР. Давайте заключим договор о вхождении Чехословакии в состав Советского Союза». Сталин сразу же отверг это предложение. Он категорически возразил и, я считаю, сделал правильно. Что касается технических секретов (а такое имело место), то особенно и не отрицал, отговаривался: «Да, все возможно, все возможно».

В другой раз Сталин стал меня спрашивать: «Правильно ли говорит Готвальд, что у них получают урожай сахарной свеклы по 250 — 300 центнеров с гектара, а на Украине до войны урожай был по 150 — 160 центнеров в среднем?». «Да, верно, товарищ Сталин». Для него это оказалось совершенно новой информацией, он не понимал, как такое возможно. Я пояснил: «Не только в Чехословакии, но и в Польше урожай сахарной свеклы значительно выше, чем на Украине. Наши агрономы сообщали, что в Чехословакии и Польше нет злостного вредителя-долгоносика, который пожирает посевы сахарной свеклы. Кроме того, Польша и Чехословакия лучше увлажняются в летнюю пору, чем свеклосеющие районы Украины. Их посевы имели небольшие площади, а хозяйства были единоличными и лучше обрабатывались, лучше удобрялись. Мне неизвестно, насколько больше у них минеральных удобрений под сахарную свеклу, что тоже имеет значение, но органику в виде навоза они широко кладут под посевы».

Главное же заключалось в качестве обработки. У нас в колхозах, где есть хорошие звенья, как у Марии Демченко¹¹, тоже получали по 500 центнеров с гектара. Баснословные урожаи по тому времени! Эти люди были награждены орденами Ленина за свой героический труд, но такие урожаи оставались у нас единичными. Сталин был огорчен таким известием, он очень хотел продемонстрировать Готвальду преимущества социалистического ведения хозяйства и колхозного строя. Где там этим чехам до нас? Поэтому он велел мне вести диспут по вопросу сельского хозяйства с

Готвальдом. Однако я сразу ему заявил, что по такому вопросу диспут не может состояться, так как знаю, что чехи ведут хозяйство на более высоком уровне и, в частности, урожаи сахарной свеклы у них значительно выше, чем у нас.

Когда мы потом встретились за столом и обменялись мнениями на этот счет, Готвальд весь сиял оттого, что он оказался прав и сказал Сталину правду. Тем более, что у нас самые высокие урожаи сахарной свеклы собирались на Украине, а в РСФСР, за исключением Кубани, — вполтину ниже.

В то время сталинская метла репрессий уже прошла по многим братским странам, но пока еще не затронула вплотную Чехословакию. Сталин направил свое недовольство в эту сторону, заявил Готвальду: «А как у вас обстоит дело с чисткой? У вас, наверное, плохо работают чекисты, так что вы не видите своих врагов?» Готвальд смело ответил: «Товарищ Сталин, у нас в партии нет предателей, и я объясню, почему. Наша партия была сильна до войны. В капиталистической Чехословакии она оставалась легальной, так что врагам не было особой необходимости засылать в нее свою агентуру, они и так все знали: собрания проходили открыто, парторбота велась открыто, так что и друзья, и враги знали буквально о всех шагах компартии». Этот ответ страшно разоблачил Сталина, и в отсутствие Готвальда он сказал в нашем кругу: «Какой слепой котенок этот Готвальд, не понимает, что внутри партии не может не быть врагов!».

Конечно, враги существовали, но Готвальд считал, что это классовые враги, то есть достаточно той классовой борьбы, которая проводилась в Чехословакии. Она успешно приведет к победе рабочего класса. Однако Сталин предложил Готвальду взять наших советников-чекистов, сказав, что у них есть должный опыт и они помогут в разоблачении затаившихся врагов. Готвальд согласился с предложением, да и не мог не согласиться, иначе несогласие означало бы вызвать полное к себе недоверие у Сталина, что было бы еще хуже. Советники были посланы. В других странах они уже крепко «поработали» над уничтожением честных кадров. И вскоре начали поступать в Москву «материалы» на отдельных руководителей Чехословакии. Поступили доносы на Сланского¹² и ряд других товарищей. Сланского я лично не знал, но мне было известно, что он как Генеральный секретарь ЦК КПЧ пользовался доверием и уважением и в партии, и в народе. И вдруг из него сделали «врага народа».

Получив такие данные, Сталин торжествовал: он был прав, а Готвальд, который доказывал Сталину, что у них нет врагов наро-

да, оказался действительно котенком, который не чувствовал, как у него под носом проводили вражескую работу. Тут Готвальд сдался, и в Чехословакии тоже заработала мясорубка наподобие нашей предвоенной. Вскоре Сталин умер.

На похороны Сталина приехала делегация чехословацкого правительства во главе с Готвальдом. На этих похоронах он сильно простудился, заболел и вскоре умер. На его похороны от нас поехал Булганин как министр обороны СССР. Кончина Готвальда породила в нас тревогу. Ведь он являлся главной фигурой в дружественных отношениях наших партий и наших государств. Готвальду мы верили и считали, что это надежная связка. Его преемником в качестве президента назвали Антонина Запотоцкого¹³, старого коммуниста, из бывших социал-демократов, проверенного человека, не вызывавшего никакого сомнения. Зато нас смущал министр обороны Чепичка¹⁴, сменивший на этом посту Свободу в 1950 году. Он был женат на дочери Готвальда, чем ловко пользовался. Имел юридическое образование. Когда он был назначен министром обороны (это было еще при жизни Сталина), то стал проявлять сверхактивность. Сталин относился к нему с доверием.

Чепичка был «пробивным» человеком, с хорошо подвешенным языком, умел ловко доложить, провести полезную беседу и произвести соответствующее впечатление на собеседника. А генерал Свобода был освобожден от прежнего поста заместителя главы правительства. Когда же в Чехословакии после смерти Сталина и Готвальда пришло новое руководство, мы по справедливости начали относиться к Чепичке просто как к карьеристу. Полагали, что больше всего его прельщают военная форма и положение министра. Мы высказали свое мнение пражскому руководству. На X съезд КПЧ была послана советская делегация. Ее предложили возглавить мне, и я, присутствуя на заседаниях съезда, заметил, сколь весомым авторитетом пользуется Чепичка в Политбюро.

Еще при подготовке к визиту мы обсуждали вопросы, с которыми наша делегация могла столкнуться в Чехословакии, и я высказал пожелание встретиться с генералом Свободой, так как полагал, что он незаслуженно находится в опале и работает где-то кем-то вроде бухгалтера. Его можно использовать гораздо лучше, это крупный военачальник. Следует вновь поднять его авторитет и вернуть его к активной деятельности в государстве. Мне было бы просто неудобно и стыдно, приехав в Чехословакию, не встретиться с человеком, который воевал в составе нашего 1-го Украинского фронта, где я был членом Военного совета, а он —

моим подчиненным, и вдруг я забыл его? А вел он себя достойно, был награжден орденом Ленина, так что не встретиться с ним для меня было бы неприлично. Со мной согласились мои коллеги, и мне был дан соответствующий наказ с поручением заехать к нему, пожать руку, вручить ему наши подарки национального характера — икру и тому подобные сувениры.

Новым партийным лидером в Чехословакии стал товарищ Новотный, прежний первый секретарь Пражского партийного комитета. С ним я прежде не был лично знаком. Он занял тот пост генсека, который до своего ареста занимал Сланский. Контакты у меня складывались хорошие, как и с министром внутренних дел Баракком¹⁵, который был большим другом Советского Союза. Потом и он был арестован¹⁶, и его осудили, когда Новотный¹⁷ уже находился в составе руководства. Я, признаться, очень жалел Барака, но ничего не мог сказать в его защиту, потому что на суде приводились такие факты, которые нельзя было игнорировать. Кроме того, мы старались осторожно относиться к вопросам внутренней политики каждой компартии. Поэтому если нас о чем-то информировали, а мы не были согласны, то хотя иной раз и высказывали свои сомнения, однако, чаще всего обходили эти вопросы.

А пока что я сказал чехословацким друзьям, что хочу встретиться с генералом Свободой, спросил, не имеют ли они чего-либо против встречи, и начал доказывать, что мне неприлично с ним не встретиться, не нанести ему визит. Мое пожелание было встречено довольно энергичным протестом, а энергия была направлена на доказательство того, что Свобода не заслуживает политического доверия и не заслужил другого отношения к себе. Какие же это были доводы? С большим «пристрастием» в отношении Свободы вел себя Чепичка. Но его горячность для меня не была доказательством. Понятно, что воскрешение авторитета Свободы как военного профессионала, воевавшего в составе советских войск против гитлеровской Германии, могло угрожать положению, которое занимал Чепичка. Однако Новотный и Запотоцкий тоже горячо выступили против Свободы. Один из их аргументов состоял в том, что во время переворота 1948 г., когда чехословацкая буржуазия хотела освободиться от влияния коммунистической партии, а рабочий класс, наоборот, сверг прежнее правительство, министром обороны был Свобода, так и оставшийся доверенным человеком президента Бенеша¹⁸, не воспринявшим устремления компартии.

Тогда я сказал: «Относиться к делу надо более хладнокровно,

видимо, все вы недостаточно поработали над тем, чтобы приблизить Свободу к себе. Я ставлю в крупную заслугу Свободе тот факт, что он не двинул армию против коммунистического переворота, следовательно, не поддержал буржуазное правительство и президента. Даже если он проявил какие-то колебания, то ничего не сделал и во вред перевороту, который проходил под руководством коммунистической партии. Поэтому надо его не изолировать, а, наоборот, приблизить, сделав из него своего союзника, который участвовал бы в строительстве социализма под руководством коммунистической партии». Когда Чепичка, Новотный и другие опять стали резко возражать и я увидел, что они парируют мои слова, то добавил: «Это ваш внутренний вопрос, я ничего не могу вам навязывать, но просил бы с пониманием отнестись к моей личной просьбе: я хочу поехать к Свободе, пожать ему руку и передать подарок от себя и Советского Союза в знак признательности за его участие в войне с нашим общим врагом». Тут они не возражали, но отнеслись к идее довольно холодно. Это мне было неприятно, но все же я поехал.

Мне дали провожатого, и мы отправились куда-то на окраину Праги или за пределы города. Из небольшого домика вышел человек в штатском — Свобода, вместе с женой и девушкой-подростком. Я сердечно поздоровался, пожал ему руку, преподнес заготовленный сувенир, но, учитывая отношение руководства Чехословакии к моей поездке, в дом к нему не заходил. Все это мне было горько и обидно видеть и слышать. У меня не было достаточного доверия к словам его антагонистов, и я считал, что здесь ими проявляется непонимание. Вместо того, чтобы вернуть такого человека в состав руководства, они его отталкивали. Впоследствии Свобода вступил в коммунистическую партию, оставил бухгалтерскую работу и стал заниматься добровольными военными обществами. Видимо, здесь сыграло роль мое обращение к руководству Чехословакии, мои аргументы в пользу Свободы¹⁹.

Вернусь к уже упоминавшемуся разговору с Готвальдом в Крыму. Сталин тогда поднял вопрос о том, не следует ли ввести наши войска в Чехословакию. Какая тому была причина? Разгорелась холодная война. Хорошие отношения с нашими союзниками, которые были созданы в результате совместных действий против гитлеровской Германии, разрушились. Президент США Трумэн не обладал истинно государственным умом, а по отношению к СССР проводил злобную политику. О его личных качествах может свидетельствовать тот факт, что он дал пощечину журналисту, который критиковал его дочь как плохую певицу. И это — президент?

Его страна позволяла себе тогда недопустимое. Самолеты США, нарушая границу, залетали на территорию СССР, а уж о Чехословакии и говорить нечего: они летали там каждый день, особенно над ее западными границами. Поэтому у Сталина возникла тревога, что войска США могут вторгнуться на территорию Чехословакии и восстановить буржуазное правительство, которое было свергнуто в 1948 году. Вот что толкало Сталина на ввод войск во все страны народной демократии. Они уже располагались в Польше, Венгрии и Румынии, но их не было в Болгарии и Чехословакии.

Готвальд на идею Сталина отреагировал очень правильно: «Товарищ Сталин, ни в коем случае нельзя вводить войска СССР в Чехословакию, потому что это испортит всю «кашу» и создаст невероятные трудности для нашей коммунистической партии. Сейчас отношение к Советскому Союзу у чехов и словаков очень хорошее. Если будут введены войска, возникнет новое положение: мы как бы перестанем являться независимым государством. Ранее мы зависели от немцев, будучи в составе Австро-Венгрии и Германии. И опять утрата свободы? Я очень прошу не делать этого. Вот если будут нарушены американцами наши границы, тогда другой вопрос. Пока же этого нет, прошу войска не вводить». И Сталин согласился. Он тогда прощупывал, как станет реагировать Готвальд. А у него самого твердое решение еще не созрело, поэтому он ничего и не предпринял. Я полагаю, что это был правильный поступок, иначе советско-чехословацкой дружбе мог бы прийти конец.

Вплоть до кончины Сталина он данного вопроса вновь не поднимал. А мы с 1953 г. и во время моего руководства СССР — и подавно, ни при президенте Запотоцком, ни когда его сменил на посту президента Новотный. Председателем Совета Министров Чехословакии был Широкий²⁰. Новотный говорил мне, что Широкий недоволен этим. Кажется, у них действовала договоренность между чехами и словаками, что один срок президентский пост будет занимать чех, а следующий срок — словак. Когда президентом был Готвальд, его воспринимали в таком качестве и чехи, и словаки. Затем президентом стал чех Запотоцкий. После Запотоцкого на данный пост претендовал словак Широкий. Но руководство, посоветовавшись в присутствии Широкого, опять выдвинуло чеха. Широкий же стал председателем Совета Министров. Я ответил Новотному, что тут — их внутреннее дело. Кроме того, Новотный информировал нас о том, что Широкий находился в союзной Гитлеру Словакии в годы войны как коммунист на неле-

гальном положении, потом был арестован гестапо, сидел в тюрьме, бежал оттуда. У них складывалось в этой связи какое-то политическое недоверие к Широкому. Но я считаю, что если смотреть на любого человека предвзято как на неразоблаченного врага и думать, что он бежал с помощью гестапо ради внедрения в подпольное движение, то при желании можно отыскать любые «подтверждающие» данные. Если же относиться с доверием друг к другу, то с такой позиции я ничего плохого не замечал за товарищем Широкиным.

Но и Новотному у нас не было оснований выражать недоверие, тем более что он высказывал не только собственное мнение, а и мнение какого-то круга людей в руководстве КПЧ. Говорю это к тому, чтобы уточнить атмосферу, которая создавалась вокруг Широкого, когда тот рассчитывал, что будет выдвинут в президенты. Может быть, он как-то проявлял недовольство, и это особенно повлияло на занявшего президентское кресло чеха Новотного. Тут сложный вопрос, над которым я тогда особенно и не задумывался, считал его внутренним для этой страны. Не это ли обстоятельство сказалось все же, когда вскоре Широкого освободили от обязанностей главы правительства и на его место выдвинули Ленарта?²¹ Правда, тоже словака. Позже Ленарт стал первым секретарем ЦК Компартии Словакии. Это молодой человек, лично я его не знал, но у нас в аппарате ЦК КПСС его знали, так как он учился в Москве. Мы, естественно, ничего не имели против него, нам он нравился, и мы считали его способным политиком, подающим большие надежды.

Теперь хочу рассказать о беседе, которая произошла у меня с Новотным после XX съезда КПСС. Она произвела на меня удручающее впечатление. В ходе XX съезда все узнали, что Сталин злоупотреблял властью. Но мы еще так трепетали перед его былым авторитетом, что в полный голос не могли осудить его зверства, действуя вразрез русской поговорке, что черного кобеля не отмоешь добела. Теперь уже нет сомнений, что это был черный кобель, а мы все-таки хотели его как-то отмывать, убеждали себя, что его черт попутал, а таким чертом был то Ягода, то Ежов, то Берия. Так нельзя поступать. О большой внутренней борьбе в связи с докладом на XX съезде я рассказывал. Главными оппонентами были Молотов, Каганович, Ворошилов. Ворошилова теперь с почестями похоронили, и городу Луганску²², одно время Ворошиловграду, возвратили его имя. Сколько людей погибло в результате деятельности этого человека, а сколько миллионов загублено во время войны при участии и по вине наркома Ворошилова.

Теперь он вернул себе титул первого маршала. Бывает так. Это тоже я считаю результатом того, что мы еще не освободились от трепета перед Сталиным, не набрались мужества называть вещи своими именами.

Подобные преступления нельзя прощать! Прощение — это как бы благословение: одних преступников прощаешь, тем самым других потенциальных преступников благословляешь на новые преступления.

Итак, когда по поручению ЦК КПСС мы проводили беседы с представителями коммунистических партий братских стран, то подробно разъясняли им свое понимание прошлого, как и что вскрылось, вручили им все материалы XX съезда. Польские товарищи «помогли» нам: в Польше, образно говоря, продавался на базаре по рублю за экземпляр текст моего доклада на закрытом заседании съезда о злоупотреблениях Сталина. Потом быстро узнали этот текст люди и в других странах. Когда я беседовал с Новотным, меня поразила его реакция: он востро отреагировал: «Нет, товарищ Хрущев, у нас было не так, у нас все происходило по законам, имелось полное юридическое обоснование арестов и суровых приговоров». Я ответил: «Товарищ Новотный, мы рекомендуем вам посмотреть еще раз, так как уже имеем опыт. Мы тоже думали, что все делается по закону, что аресты и казни обоснованны и что те люди действительно были врагами народа. Сейчас наши юристы заглянули в их дела, на базе которых совершались суды и казни, и выяснилось, что тех людей нельзя было даже арестовывать или просто задерживать».

«Нет, у нас не так!» — говорил Новотный. «Ну, смотрите, вы же казнили Генерального секретаря ЦК КПЧ Сланского и других. Я хорошо помню, как Сталин доказывал Готвальду, что у вас тоже есть враги народа, потому что даже в Советском Союзе много врагов. Готвальд отвечал, что у вас врагов нет. Потом Сталин послал чекистов-советников, которые быстро нашли врагов». «Нет, не сталинское это указание», — опять твердил Новотный. И я повторил: «Товарищ Новотный, это ваш внутренний вопрос. Я только советую вам по поручению нашего руководства еще раз все посмотреть. Почему мы даем такой совет? Потому что пройдет какое-то время, и данный вопрос опять встанет. Будут подняты документы, и все обернется против вас. Если вы хотите, чтобы правда восторжествовала, то лучше проявите инициативу сейчас. Посмотрите все документы, и если тогда были необоснованные аресты и приговоры, надо об этом честно сказать партии и народу. Я не

знаю, кто у вас виноват в злодеяниях, но вам лично лучше взять инициативу в свои руки. Вам тоже придется пережить реакцию людей в связи с тяжелыми событиями прошлого, зато вы проявите инициативу в реабилитации. Если этого не сделать, то настанет время, когда от вас потребуют ответа и вы окажетесь в другом положении».

Я ему повторил то, что я доказывал Молотову, Ворошилову, Кагановичу и другим во время XX съезда. Я приводил те же аргументы. Тогда Ворошилов возразил мне:

— Нас потянут к ответу.

Я ответил:

— Да, потянут к ответу. Все может быть. Но давайте мы искренне, честно признаемся в том, что мы знали, а что не знали. Тогда другое будет отношение в партии и в народе. Мы рассказали людям обо всем, что тогда знали.

В Чехословакии 50-х годов так и не сделали должных выводов, хотя во всех других братских странах прошла реабилитация безвинно пострадавших. Лидеры Чехословакии единственные остались на старых позициях. На сталинских позициях, если формулировать грубо. Сталинскими советниками были найдены «враги». В результате сфабрикованных материалов люди были арестованы и казнены. И эти решения остались в силе. Новотный не понял ответственности, не понял значения и необходимости восстановления человеческой справедливости и политической чистоты. Новотный не принял нужного решения. И теперь уже всем известно, чем это кончилось для Чехословакии в 1968 г. и позднее. Я это предвидел: иначе и не могло кончиться. Очень сожалею, что товарищ Новотный тогда не послушался моего совета. Сошел с политической арены и Широкий. Во всяком случае, по органам печати я сейчас не могу ничего узнать о нем.

Потом на главную арену вышел Гусак²³. Что я знал о нем? Ничего. Припоминаю смутно, что в каком-то разговоре Новотный упоминал его фамилию, рассказывая о том, что в Словакии многие люди настроены националистически, что словаки вообще большие националисты и с ними очень трудно договариваться. Дескать, Гусак тоже вел упорную и активную националистическую пропаганду и организационную работу против руководства тогдашней Чехословакии. Так ли это? Впрочем, словацкий национализм не мешал любви к СССР. То же относилось в мое время и к чехам.

Как-то летом был я в Чехословакии на одном из крупнейших заводов. Мы с Новотным шли по литейному цеху. Обстановка ли-

тейного цеха мне хорошо знакома по работе в юности на машиностроительном заводе: там тишина, рабочие, согнувшись, готовят формы к заливке. Когда мы проходили мимо, поднимается вдруг человек и бежит к своему ящику для хранения личных вещей. Оказывается, рядом был закопан кувшин с пивом. Он бежит с кувшином назад и преподносит мне пиво, традиционный национальный напиток немцев и чехов, без пива там ничего не делается, его приносят даже на работу и пьют вместо воды. У нас бы это считалось пьянством, там — нет. Я отпил немного (ведь чешское пиво — лучшее в мире), поблагодарил рабочего. Да и другие формы проявления доброго отношения к нам можно было встретить всюду, особенно в деревне.

Проезжая по улицам, можно было оценить отношение к нам: дружеские лица и дружеские взгляды. Человек сразу выдает себя, свое настроение своим лицом и глазами. Да и как иначе себя вести в отношении Советского Союза, который столько сделал для Чехословакии. Народ очень хорошо знал, как вел себя Советский Союз в 1938 году при угрозе утери независимости и захвата Гитлером чешского государства. Они знали, что мы активно предлагали Франции начать военные действия, если будут предприняты шаги по оккупации страны. Французы отказались. В Чехословакии знают, что мы просили Польшу пропустить наши войска. Мы вывели свои войска к польской границе и были намерены пробиться через польскую территорию и оказать помощь Чехословакии независимо от той позиции, которая была у Польши. На завершающем этапе войны, когда советские войска разгромили гитлеровские войска и заняли Берлин, Прага еще не была освобождена. Над ней нависла угроза уничтожения, пражский пролетариат восстал. Он один на один сражался с гитлеровскими войсками, это были неравные силы. Они обратились за братской помощью к Советскому Союзу, и маршал Конев получил приказ двинуть танковые войска из Германии для оказания помощи. Помощь была оказана. Прага сохранилась и навсегда освобождена советскими войсками от оккупации. Все это народ хорошо знал, помнил, ценил, и свою оценку он выражал в добром отношении к Советскому Союзу и его народам.

Я должен сказать, что мы часто вели себя довольно неуклюже, хотя и искренне. Мы никаких корыстных целей в этой дружбе не преследовали. Я говорю о времени после смерти Сталина. Мы все делали для развития их экономики. Сейчас всем известно, что развивать и поднимать экономику в любой стране мож-

но только в результате широкого и глубокого развития науки, техники, изобретательства. Если другие страны имеют богатые природные ресурсы или же обширные поля, на которых можно базировать развитие хозяйственной экономики и обеспечивать подъем жизненного уровня народа, то Чехословакия не располагает этим. У нее нет и богатых природных залежей. Велась разработка урана, но, по-моему, она затухала. В Чехословакии самое плотное население, поэтому она не только не могла экспортировать сельскохозяйственные продукты, но даже вынуждена была их закупать. Одним словом, чехи могли полагаться только на свой ум, на организацию производства. Путем развития торговли они могли держать жизненный уровень своего народа на высоте. Это вполне возможно для чехословаков — людей с высокой культурой.

В Чехословакии потребительские товары, а также машины были лучше товаров других соцстран. Когда подчас возникал вопрос о покупке какой-то машины в Чехословакии, то там мы ее осуществляли в порядке товарообмена, на капиталистическом же рынке — за счет продажи каких-то своих изделий, чаще всего сырья, дававшего валюту. Это более тяжелые условия, поэтому мы и обращались к Чехословакии. У нее иной раз складывалась такая обстановка, что самой нужно было продать товары на капиталистическом рынке, чтобы выручить валюту для закупки таких потребительских товаров, которые нельзя было приобрести на социалистическом рынке. Намечалось столкновение интересов заказчика, покупателя и поставщика, когда чехословаки решали дело в пользу продажи изделия на капиталистическом рынке. Так поступали во всех социалистических странах, но я слышал порою слова обиды: «Чехи — это торговцы, коммерсанты, они не нам продали, а за границу». То же самое говорили о румынах.

Я, насколько мне удавалось, всегда старался разъяснять, что это не определяется ни дружеским отношением, ни уважением к какой-то стране, а диктуется условиями, в которых живет Чехословакия. Надо понимать, что пока она без выхода на капиталистический торговый рынок не может удовлетворять своих запросов. Через свой рынок мы ее тоже не всем можем обеспечить. «Надо бережно относиться к Чехословакии и не замыкать ее только на торговые отношения с социалистическими странами. Следует без ревности относиться к такой политике руководителей Чехословацкого государства. Пока жизненный уровень в Чехословакии выше, чем в СССР. Но так сложилось исторически. Следу-

ет держать линию не на понижение ее жизненного уровня за счет истощения чехословацких ресурсов, а, наоборот, на повышение за счет развития своей экономики. Это будет поднимать жизненный уровень всех народов социалистических стран. Задача — идти не к обнищанию, а к богатству, к более высокому жизненному уровню за счет поднятия экономики тех стран, которые имеют пока невысокий жизненный уровень. Что такое — высокий или невысокий уровень? Это понятие относительное. Человек, который живет обеспеченно, хочет иметь еще большую обеспеченность. Это нормально», — говорил я.

Помню, как Чехословакии был нанесен большой ущерб китайской политикой. Она нуждалась в заказах. Когда Китай стал на путь индустриализации, он давал большую загрузку чехословацкой промышленности, и это чехи оценивали хорошо, им это было выгодно. Но после выдуманного Мао Цзэдуном «большого скачка» Китай отказался вдруг от заказов, которые сделал ранее Чехословакии. Из-за отказа от некоторых заказов, как мне рассказывал Новотный, у них мог наступить общий крах. Заводы ничего не поставляют, следовательно, люди не получают зарплату, нарушается весь процесс производства. Поэтому Новотный прилетел немедленно в Москву, чтобы посоветоваться, как быть.

Обсудив создавшееся положение, мы поручили Госплану СССР вместе с работниками Госплана Чехословакии посмотреть: если что-то чехи не смогут продать на западном рынке, то что из этих заказов может быть принято нами для удовлетворения наших потребностей. Мы тогда очень многое взяли на себя. Некоторые их агрегаты и машины были близки к завершению либо уже завершены, некоторые находились на разных стадиях производства. Иные «китайские» заказы были уникальные, которые мы нигде не могли использовать. На западном рынке чехословацкое государство тоже не могло их реализовать, потому что они изготавливались по особому заказу Китая. Это создало трудное экономическое положение в Чехословакии. Мне кажется, что нет положения, из которого нельзя было бы найти выход. Но выход не всегда бывает хорошим по экономической целесообразности. Со стороны Мао то был враждебный акт. Партнеры так не поступают. Но его ничто и ни к чему не обязывало. Он стал вести разнузданную политику, в которой все средства хороши.

Видимо, и наша линия тоже иной раз, особенно в органах печати, наносила удары по чести и самолюбию чехов и словаков. Читаешь в газете и слушаешь по радио, что в Чехословакии вы-

пускают такую-то машину, которая была сконструирована с помощью СССР. Часто слышишь также сообщения, что в Чехословакии что-то разрабатывают с помощью Советского Союза. Но почти отсутствуют сообщения о том, а что разрабатываем и производим мы с помощью чехословацких друзей? Нет сообщений, которые компенсировали бы такую односторонность. Чехи, конечно, ничего нам не говорили, но надо было понимать, что они оскорблены недооценкой их технической мысли. Между тем хорошо известно, что чехи — хорошие ученые, инженеры и экономисты. Они раньше нас создали в ряде оборонных отраслей отличное вооружение, и мы пользовались их мыслью и трудами. И вдруг — такое высокомерие, которое ничем не оправдано и ранит в самые болезненные места.

У нас с этим не считались. Это старокупеческий подход: если ты богат и силен, то можешь поворачиваться спиной, не оглядываясь, и наступать партнеру на больную мозоль. Какое это имеет значение? Убирай свою ногу, поворачивайся побыстрее! Я всегда переживаю, когда, особенно в передачах радиостанции «Маяк», делаются безответственные заявления, пусть и не сознательно, а от небрежного отношения к друзьям. Обиды накапливаются и могут испортить отношения между нашими народами.

Я и сейчас не понимаю, как мы могли дойти до такого состояния отношений с Чехословакией? Дойти до событий 1968 года? Никак не могу согласиться с тем, что чехословаки поддались империалистической пропаганде и хотели вернуться к капиталистическому способу производства. Не верю! Это противоречит всем моим понятиям о прогрессивности марксистско-ленинского учения. Поспешные выводы делают те, кто считает, что недовольство коснулось широких масс. Вот и произошло вторжение наших войск в Чехословакию. А потом началось возрождение сталинских обычаев. Наблюдал я по телевизору спортивные игры, проводимые в Чехословакии. Перед показом высотных прыжков на лыжах состоялся митинг. На него собрались тысячи людей. Официальный докладчик по заведенному трафарету начал отвешивать словесные поклоны руководителям страны. Зачем это нужно? На спортивном зрелище начали дело с упоминания о Гусаке, после чего — жалкие хлопки в ладоши. Видно было, что собравшаяся публика его не уважает. А когда дошла очередь до Свободы, то реакция была более дружной. Раз уж был допущен ввод войск в Чехословакию, то разум требовал вывести их оттуда поскорее. Только так можно сделать братский народ действительным другом. Конечно, можно

держат там войска и путем давления исключить проявление какого-либо сопротивления.

Но большинство людей наши действия расценивают, как неуважение суверенитета государства и соответственно строят свое отношение. Думаю, этому не требуется особых доказательств. Этот митинг многое показал. Пребывание наших войск в Чехословакии не базируется на Потсдамском соглашении, как в Польше или ГДР. Я считаю, что тут была проявлена поспешность, неразумность. Этот вопрос я сейчас не разбираю. История его разберет. Хотя сейчас толкуется, что это было неизбежно, необходимо и даже полезно. Что это улучшает и закрепляет дружбу между нашими народами. Ну, тут можно понимать по-разному. Я принадлежу к той категории людей, которые считают, что дружба крепится не на основе оккупации страны. Хотя бы даже оформленной каким-нибудь договором постфактум.

В связи с этим я снова вспомнил слова товарища Готвальда. Он был умный человек. Он понимал настроения чехов и словаков, и, когда однажды зашел разговор о возможности ввода войск в Чехословакию, доказал Сталину, что этого делать нельзя, что этим будет нанесен ущерб нашей дружбе. И сейчас, через столько лет, нельзя не оценить правильность предостережения товарища Готвальда. Оно и на сегодня является правильным. Думаю, все перемелется, как говорится, и мука будет, и чехословацкий народ будет идти в ногу с народами социалистических стран, и прежде всего с советским народом. Наш народ и наша партия являются искренними друзьями Коммунистической партии Чехословакии и чехословацкого народа. Цель у нас единая: братское содружество всех народов, которые борются за социализм, борются за коммунизм.

¹ МАСАРИК Т. (1850 — 1937) — философ и политик, в 1900 — 1920 гг. — лидер либеральной Чешской народной, а затем Прогрессивной реалистической партии, президент Чехословакии в 1918 — 1935 гг.

² Он формировался в 1914 — 1918 гг. из чехов — подданных Австро-Венгрии и России с дислокацией на Украине (вплоть до Брестского мира в марте 1918 г.) для использования в войне против Четверного союза.

³ Мятеж чехословацкого корпуса в эшелонах от Пензы до Владивостока, начавшийся 25 мая 1918 г.

⁴ Роман Фурманова Д.А. «Чапаев» (1923).

⁵ ГОТВАЛЬД К. был тогда Генеральным секретарем ЦК Компартии Чехословакии и секретарем Исполкома Коминтерна.

⁶ В то время Мануильский Д.З. являлся секретарем и членом Президиума Исполкома Коминтерна.

⁷ КАШЕН М. — один из основателей Компартии Франции, в 1935 г. был членом Президиума ИККИ.

⁸ ТОЛЪЯТТИ П. Являлся в 1935 г. Генеральным секретарем Итальянской компартии, членом Секретариата и Президиума ИККИ.

⁹ В те месяцы председатель Народного совета и секретарь ЦК Компартии Закарпатской Украины.

¹⁰ ФИРЛИНГЕР З. (1891 — 1976) — посланник Чехословакии в Нидерландах, Румынии, США, Швейцарии, Австрии, в 1928 — 1932 гг. — представитель Чехословакии в Лиге Наций, в 1937 — 1939 гг. — посланник и в 1942 — 1945 гг. — посол в СССР. Потом был председателем правительства Национального фронта чехов и словаков, заместителем главы правительства с 1946 г., председателем Национального собрания с 1953 г., председателем ЦК Союза чехословацко-советской дружбы (1964 — 1969). Член Президиума ЦК КПЧ в 1948 — 1966 гг.

¹¹ ДЕМЧЕНКО М.С. (род. в 1912 г.) — с 1930 г. — звеньевая колхоза им. Коминтерна Городищенского р-на Черкасской обл., инициатор массового движения «пятисотниц» за получение высоких урожаев сахарной свеклы (не ниже 500 ц с га), с 1945 г. — агроном колхоза им. Васильева Дымарского р-на Киевской обл., с 1965 г. на пенсии.

¹² СЛАНСКИЙ Р. (1901 — 1952) — член КПЧ с 1921 г., член ее ЦК с 1929 г., в 1944 г. — один из руководителей антифашистского Словацкого национально-го восстания, в 1945 — 1951 гг. — Генеральный секретарь КПЧ, необоснованно обвинен и репрессирован, посмертно реабилитирован.

¹³ ЗАПОТОЦКИЙ А. (1884 — 1957) — член социал-демократической партии с 1900 г. и КПЧ с 1921 г., в 1922 — 1929 гг. — секретарь ЦК КПЧ и член Политбюро в 1925 — 1938 и с 1945 г., с 1928 г. член Исполкома Профинтерна, с 1935 г. — кандидат в члены ИККИ, в 1939 — 1945 гг. сидел в фашистских застенках, далее до 1948 г. — зам. председателя правительства и его председатель до 1953 г., потом президент.

¹⁴ ЧЕПИЧКА А. (1910 — 1990).

¹⁵ БАРАК Р. (род. в 1915 г.) — министр внутренних дел Чехословакии в 1953 — 1961 гг.

¹⁶ В июне 1954 г.

¹⁷ НОВОТНЫЙ А. был им в 1945 — 1953 гг., а первым секретарем ЦК КПЧ стал в сентябре 1953 г.

¹⁸ БЕНЕШ Э. (1884 — 1948) был президентом страны в 1935 — 1938 и с 1946 года, а с 1940 г. являлся президентом в эмиграции.

¹⁹ В 1968 — 1975 гг. он был президентом Чехословакии.

²⁰ ШИРОКИЙ В. (1902 — 1971) — член КПЧ с 1921 г., ее ЦК в 1929 — 1963 гг. и президиума ЦК КПЧ в 1948 — 1963 гг. В 1950 — 1953 гг. — министр иностранных дел, в 1945 — 1953 гг. — заместитель главы правительства, в 1953 — 1963 гг. глава правительства.

²¹ ЛЕНАРТ Й. был главой правительства в 1963 — 1968 гг.

²² Луганск назывался Ворошиловградом в 1935 — 1958 и 1970 — 1991 гг.

²³ ГУСАК Г. (1913 — 1990) — член КПЧ с 1933 г., глава правительства Словакии в 1946 — 1950 гг. и зам. главы правительства Чехословакии в апреле — августе 1968 г., первый секретарь ЦК КП Словакии в 1968 — 1969 гг., первый секретарь ЦК КПЧ с 1969 г. и генеральный секретарь в 1971 — 1987 гг., президент в 1975 — 1989 гг., в 1990 г. был исключен из КПЧ.

РУМЫНСКИЙ СОСЕД

Отношения у СССР с Румынией до второй мировой войны были плохими. Во-первых, мы имели претензии к Румынии относительно Бессарабии, которую она аннексировала после Октябрьской революции, когда у нас еще не было новой армии. Позднее отношения осложнились дополнительно, потому что она стала прибежищем белогвардейских банд. Затем махновцы перешли румынскую границу и остались в Румынии, а сам Махно через Румынию, Польшу и Германию перебрался во Францию, где и умер. Мне трудно объяснить антисоветскую задиристость Румынии. Когда я работал секретарем ЦК Компартии Украины (с 1938 до 1949 г.), то знал сложную ситуацию на румынской границе и сам иной раз наезжал туда. Она проходила по Днестру. Меня предупреждали, что часто случаются провокационные выстрелы по нашим пограничникам, так что у границы нельзя показываться. В 1940 г. мы заняли Бессарабию и населенную украинцами Северную Буковину. Это был еще один шаг в воссоединении украинских земель.

Мы вышли на старую границу царской России, на р. Прут. Тогда мне частенько приходилось проезжать из Черновцов в Станислав (потом Ивано-Франковск) вдоль пограничной реки Черный Черемыш. С нашей стороны был виден лагерь с румынскими солдатами. Однажды оттуда открыли огонь, хотя и не по моей машине, но в моем направлении: машина забуксовала, и, пока мы возились с ней, их офицер, видимо, подумал, что мы ведем какое-то наблюдение за чужой стороной и в порядке предупреждения приказал открыть огонь. Он просто хотел припугнуть нас, чтобы мы поскорее уехали.

Мы никогда на провокации не отвечали и со своей стороны ничего аналогичного себе не позволяли. Хотели добрых отношений с румынским соседом, как и со всеми другими странами. Но после занятия нами Бессарабии и Северной Буковины, то есть меньше чем за год до начала Великой Отечественной войны, появилась некая разнузданность со стороны профашистского правительства. Главенствовавший в Румынии генерал Антонеску дружил с Гитлером. Согласно двум советско-германским договорам 1939 г. Бессарабия, Буковина, Литва, Латвия, Эстония и Финляндия входили в область наших интересов, в сферу нашей политики. Если этот шаг квалифицировать на политическом языке, то произошло втягивание Советского Союза в провокацию. Гитлер хотел обмануть Сталина, дав ему свои обещания, и позволить

даже занять названные территории. А сам готовился к разгрому СССР. Поэтому Бессарабию он уступил нам для того, чтобы заручиться поддержкой Румынии, которая стала бы в войне на его сторону. Когда мы заняли Бессарабию, Молдавская АССР входила в состав УССР, ее столицей был Тирасполь — красивый, беленький, чистенький городок на самом берегу Днестра. Встал вопрос о том, чтобы Молдавская автономия стала бы союзной республикой. У меня созрела такая мысль, я доложил о ней Сталину и предложил создать союзную республику Молдавию со столицей в Кишиневе. Такое решение приняли. Молдавская ССР сейчас является одной из союзных республик СССР, ее экономика и культура успешно развиваются. Я не раз бывал в Молдавии и всегда восхищался успехами молдавского народа, очень трудолюбивого, прекрасно работающего на полях и предприятиях.

Как Гитлер и предполагал, Румыния стала его союзницей и воевала с 1941 г. против нас. Во время войны, будучи членом Военного совета Юго-Западного направления (Юго-Западный и Южный фронты), я не раз встречался с пленными, попавшими к нам на юге, и даже допрашивал их. В 1942 г. там воевали немецкие войска, итальянские и румынские. Самое большое соприкосновение войск Сталинградского фронта было именно с румынскими, которые занимали позиции на правом фланге сталинградской группировки гитлеровских войск, то есть на нашем левом фланге, в районе озера Цаца. В том районе позже была успешно проведена операция по окружению с юга сталинградской группировки немецких войск. Оставшиеся в живых были захвачены в плен во главе с их командующим фельдмаршалом Паулюсом. Там было много румын, главный удар нашего наступления проходил как раз по расположению румынских войск. Воевали они плохо, и их сопротивление было быстро сломлено. Считаю, что это не из-за каких-то особых национальных качеств румынского солдата, а потому, что румыны не знали толком, зачем они участвуют в этой войне, за что сражаются. Им не за что было драться. Тем не менее их солдат погибло там много и много было захвачено в плен.

Когда мы в 1944 г. подошли к Бессарабии и завязались бои на ее территории, а затем подошли вплотную к Румынии, стало видно, что стрелка весов победы резко склонилась к нам. Это еще сильнее уменьшило сопротивляемость румынских войск. В Румынии произошел переворот. В нем участвовал молодой король Михай¹. Георгиу-Деж² вспоминал, что тогда он сидел в тюрьме вместе со своими товарищами, и его однажды повезли в Бухарестский дворец на переговоры о создании нового правительства с

участием коммунистов. В Румынии сложилось такое положение, что симпатии народа сместились влево, авторитет компартии вырос, и король посчитал, что в создаваемом заново правительстве должны участвовать коммунисты. Рассказываю здесь о том, что впоследствии не единожды слышал от Дежа. Гитлеровцы стали бомбить Бухарест, но тут на территорию Румынии вступили наши войска, и она повернула против Германии, начав воевать вместе с нами.

Вопрос о том, пойдет ли она социалистическим путем, тогда не ставился. В ней существовали буржуазные порядки. Вскоре главой правительства стал Петру Гроза³, очень богатый человек, помещик, но с прогрессивными идеями. Он начал проводить политику сближения с Советским Союзом, потом стал нашим другом. Кончилась война. Правительство пока оставалось королевским. Советский Союз наградил короля Михая орденом «Победа». Награждение явилось данью за поворот в политике. Во всяком случае, Михай хотел дружеских отношений с нами. Я это знал по донесениям, с которыми знакомился. Нашим комендантом Бухареста был тогда генерал Желтов⁴. Недавно я его слушал по телевидению. Это старый кадровый политработник Советской Армии. Он рассказывал о своих беседах с Михаем, главным образом во время охоты. Желтов даже подружился с королем и участвовал в его развлечениях. А далее события развивались под руководством коммунистической партии. Она оказывала все большее влияние на народ. Король спокойно, хотя и без желания, уехал из Румынии с разрешения нового руководства. Деж вспоминал: «Мы ему сказали, что он может взять с собой все, что считает нужным, и выехать за пределы своего государства». На этом королевская власть в Румынии кончилась. Затем Румыния объявила себя страной, которая будет строить социализм.

Деж одно время являлся в новом правительстве министром путей сообщения. Секретарем ЦК компартии была Анна Паукер⁵. Я с ней лично не встречался, но слышал о ней много хорошего от Мануильского, который знал ее по Коминтерну и высоко ценил как хорошо подготовленного человека. Он вообще считал, что среди коммунистов Румынии она наиболее подготовлена в теоретическом отношении и что на нее можно положиться как на человека, твердо стоящего на марксистско-ленинских позициях. В состав руководства КПР входил и Лука⁶. Я встречался с ним раньше, когда он, работая в черновицком подполье, стал нашим гражданином в 1940 г. и мы поручили ему заниматься там партийной работой. Когда спустя год мы отступали, Лука отступал вместе с нашими

войсками. Когда же мы опять освободили эту территорию, Лука вновь какое-то время работал в Черновцах, а затем, при формировании коммунистического руководства, его как члена КПР, который сидел в тюрьме вместе с другими видными товарищами, пригласили в Бухарест.

Еще при жизни Сталина я встречался с Петру Гроза. Он производил хорошее впечатление на Сталина, и тот симпатизировал ему. Это был уже немолодой и довольно оригинальный человек, не коммунист, но прогрессивный лидер. После войны он сам отказался от своей прежней собственности в пользу государства и раздал свою землю крестьянам. Хочу рассказать здесь о том, как Гроза осенью 1951 г. решил отдохнуть в Сочи. В то время там отдыхал Сталин. Я не хотел туда ехать, но Сталин меня буквально потянул за собой. И Ворошилов находился там. Но он в ту пору уже никаким особым влиянием у Сталина или даже просто уважением не пользовался, а приехал туда сам, по старой памяти. За ним осталась прежняя дача с тех пор, когда он был наркомом обороны, он ее и строил. Она называлась «Холодный ручей», построена была с большими претензиями, по планировке несколько смахивая на Ливадийский царский дворец.

Я заранее знал, что туда приедет Гроза. Сталину это было приятно, что он неоднократно и подчеркивал за обедом. Все его ожидали. Я занимал дачу, по тем временам довольно скромную. Рядом жил Ворошилов. Сталин к прибытию Гроза тоже переехал в Гагры на «Холодную речку», где стояла хорошая дача: не один дом, а несколько. Сейчас там размещается дом отдыха. Вдруг звонит мне Сталин: «Вы где разместились?». Я сказал. «Да это же паршивая дача». Я говорю: «Нет, что вы, она очень хорошая и вполне меня устраивает, а нравится мне тем, что стоит у самого синего моря. А мы тут вдвоем с женой» (дети учились и поэтому оставались в Москве). «Я предлагаю переехать сейчас же со своими членами на мою дачу №1, в Сочи. Она гораздо лучше» (я знал это, ибо бывал у Сталина не раз и ночевал, а порою по несколько суток проживал там). Я поблагодарил и отказался: «Зачем мне это? Да и далеко она от моря» (находилась в горах). «Вы всегда можете поехать, когда нужно, на машине к морю. Я предлагаю переехать. Чего вы живете в вашей задрипанной даче?». На этом разговор окончился, я передал его Нине Петровне. И ей, и мне вовсе не хотелось переезжать. Мы тут себя хорошо чувствовали. Домик уютный, нас он вполне устраивал. Я стал думать, почему столь настойчиво Сталин предлагает мне свою дачу, которая, конечно, ни в какое сравнение не идет с моей? Если я туда не пере-

еду, это может быть им плохо расценено: на любезность ответил отказом. Потом мне будет очень трудно объясняться со Сталиным. А по-человечески он понимать никак не желал. Пришлось предложить жене: «Ладно, давай укладывать чемоданы, поедем туда».

Так мы и сделали, вызвали машину, взяли чемоданы и уехали. Это заняло минут 30. Разместились на новой даче. Она называлась «сталинская дача №1». Но я отказался все же от дома, в котором жил Сталин, и поселился рядом, в доме для приезжих, тоже большом и роскошном.

Разместились мы, переночевали. Назавтра звонит Ворошилов: «Ты где?». «На даче №1». «А я переехал на твою. Что за дача такая паршивая? Тут и муравьи, и вообще черт его знает, что за условия!». «А зачем ты переехал ко мне с хорошей дачи?». «Сталин позвонил и порекомендовал немедленно занять твою». Только тут мне стало ясно, почему Сталин так упорно настаивал. Ему нужно было освободить роскошную дачу Ворошилова для Грозы. Теперь я понял сталинскую комбинацию. Он хотел произвести впечатление на Грозу и создать ему лучшие условия для отдыха. Конечно, проще было бы предложить Ворошилову сразу переехать на сталинскую дачу, Ворошилов был бы в восторге. Но тогда он попал уже в опалу у Сталина, и такое оказалось бы в какой-то степени возвращением милости. Сталин проделал более унижительную для Ворошилова перестановку, чем самолюбие последнего было уязвлено в высшей степени. С Грозой в тот раз я встретился мельком на обеде у Сталина. Позже с Грозой я встретился вновь после смерти Сталина, в Китае, на праздновании какого-то юбилея. Гроза возглавлял румынскую делегацию. Там тоже произошла довольно беглая встреча.

Вскоре после войны началось выявление «врагов народа» в братских странах. Румыния тоже попала в этот водоворот. Арестовали Луку. Из него, бывшего рабочего, сделали «агента вражеской разведки». Напечатали даже какие-то книжонки в доказательство того, что он был разведчиком. У меня нет никакого доверия к тому обвинению. Настоящих доказательств добыть было нельзя, сфабриковать можно. Так потерял голову Лука. Была арестована и Паукер. Это стало большим потрясением для Дмитрия Захаровича Мануильского. «Честнейший человек! — говорил он мне. — Сама жизнь определила, на какой стороне ей стоять, и она твердо заняла позицию рабочего класса». Анна попала в тюрьму, потом была освобождена, но уже после смерти Сталина. Она заболела раком, и ей делали операцию. Бедная женщина, перенесшая не

только физические страдания, а и моральные, в конце жизни была лишена партийного доверия. Я слышал при встрече с румынскими товарищами, как Деж разносил ее в пух и прах: якобы она не настоящий коммунист, преувеличивала свои способности и свою роль в румынском революционном движении, и прочее.

Еще среди румынского руководства видное положение занимали Киву Стойка, Апостол и Николае Чаушеску. Все эти люди прошли школу тюрьмы. Чаушеску сейчас президент и Генеральный секретарь Коммунистической партии Румынии. Деж рассказывал, что Чаушеску сидел с ним в тюрьме. Чаушеску тогда возглавлял комсомол Румынии и был хорошим, стойким коммунистом. Он занимал хорошее положение, и Деж к нему питал особое уважение и доверие.

Из старшего поколения коммунистов в румынском руководстве был Боднэраш⁷. Он тоже прошел школу тюрьмы. После смерти Сталина, когда я начал встречаться с представителями братских партий, в том числе румынскими, Боднэраш занимал пост, кажется, министра обороны. Производил он хорошее впечатление, лучше других говорил по-русски, и мне с ним легко было общаться без переводчика. Припоминаю, что он говорил по-русски даже без заметного акцента. Отношения у нас с румынским руководством складывались хорошие. Румыния больше других братских стран отстала в экономическом отношении и ходила в бедных, с ориентацией на сельское хозяйство. Однако она имела большие богатства: нефть, газ, запасы ценной древесины, причем последнюю экспортировала. Румыния занимает прекрасную в географическом отношении территорию и обладает плодородными землями. Поэтому она производит сельскохозяйственной продукции больше ее внутренних потребностей, что тоже превратилось в довольно солидную статью получения валюты и стало условием развития иных сфер экономики. Она превратилась в крепкое государство социалистического типа. Как и мы, румынские товарищи вступили на путь кооперирования крестьянских хозяйств. Все шло успешно. Правда, у них тоже случались волнения, происходили восстания в отдельных деревнях, но с этим там справились. Кооперированные хозяйства начали толково работать. А мы со своей стороны помогали им организацией производства тракторов, созданием механической базы ведения сельского хозяйства, содействовали и в налаживании производства автомобилей, выпуска паровозов и тепловозов, в становлении нефтеперерабатывающих заводов и металлургических. Одним словом, во всем, в чем нуждалась новая Румыния и что ей оказывалось не

под силу, мы предоставляли свою помощь: поставляли оборудование и технику, посылали специалистов и советников.

Там действовало, как я уже рассказывал, «Соврум» — советско-румынское общество, занимавшееся, в частности, добычей урановой руды. Какие-то прежние немецкие заводы тоже вошли в это объединение. Оно ущемляло румын, и мы после смерти Сталина ликвидировали это общество. Если о нем заходила речь, Деж с какой-то озлобленностью твердил, как проклятие: «Соврум, Соврум!» Такие смешанные общества мы ликвидировали во всех братских странах, поняв, что они являются мозолью на чужой ноге и оскорбляют национальные чувства, внося разброд в наш лагерь. Кроме того, мы провели специальную беседу с румынским руководством насчет незаконных арестов и расстрелов, имевших место при Сталине. Деж реагировал сдержанно и до конца наших встреч стоял на той позиции, что арестовывали правильно. Особое внимание румынское руководство уделило своей национальной однородности, стремясь убрать оттуда людей другого происхождения. Паукер была еврейкой, в Луке текла украинская кровь. Единственным нерумыном в их Политбюро был в мое время венгр из Трансильвании, очень хороший товарищ, приятель Дежа. Видимо, именно поэтому он остался в руководстве. В Трансильвании живет много венгров, и он как бы представлял в руководстве Трансильванию. Официально это, конечно, нигде не говорилось, тут лишь мои предположения. Но ни о ком из них не могу сказать ничего плохого и считаю, что все они достойны уважения.

В первые годы после смерти Сталина мы часто приглашали в Москву руководителей братских стран, чтобы побеседовать с ними на ту или иную закрытую тему. Абсолютным доверием тогда пользовался у нас Молотов, и именно ему как старейшему члену Президиума ЦК партии мы поручали проводить беседы. Однако он держал себя свысока, не на равной ноге, и «инструктировал» представителей других компартий, а они должны были слушать, что им говорят, и делать то, что велят. Это их обижало и оскорбляло, и, когда Молотов выбыл из состава нашего руководства, Деж не раз о нем раздражительно вспоминал. Что касается меня, то я никогда не набивался в гости и бывал в Румынии только по приглашению хозяев. Мы заранее договаривались, когда мне приехать и какие вопросы хозяев заинтересуют. Однако и из Москвы в другую страну никакой мой выезд не мог состояться без особого на то решения руководства. Однажды мы как раз беседовали таким образом, и вдруг товарищ Боднэраш поднял вопрос, к которому я не был готов и никогда даже над ним не задумы-

вался: «Как вы, товарищ Хрущев, считаете, не следовало бы вывести советские войска из Румынии?». Меня это ошорошило. Никто из нас в то время и не думал об этом. Наоборот, полагали, что раз продолжается холодная война и мы не были уверены в ненападении империалистических держав, то ослаблять общие границы и создавать в них бреши ни к чему. Мы были столь далеки от высказанной мысли, что, наоборот, думали лишь об усилении обороны. Внесенное предложение, с нашей точки зрения, ослабляло социалистические позиции, потому что, в частности, оголялся большой участок берега Черного моря. Насколько помню, я реагировал обостренно: «Как так? Зачем? Это ведь могут использовать наши противники». Он отвечал: «Какие там противники? Наша граница проходит всюду по рубежам социалистических стран, вторжение к нам вообще невозможно без вторжения в другие братские страны». «Ну, а Черное море? Турция? Через Турцию-то могут вторгнуться туда, куда определит НАТО?». «Но ведь СССР тут же, рядом». «Да, рядом, однако придется все-таки затратить какое-то время на переброску войск, а сейчас наши дивизии уже стоят там и нацелены на Черное море. Если высадят десант, наши войска сразу же вступят в бой». «Мы, собственно, хотели, поставив этот вопрос, узнать ваше мнение». «Вот я и говорю только свое мнение. Не знаю, как отнесутся к этому мои товарищи. Мы обмениваемся точками зрения, но я считаю, что сейчас для этого еще не созрели необходимые условия».

Впрочем, вряд ли я тогда произнес слова «не созрели». Скорее в то время мое понимание дел стабилизировалось в понимании лишь того, что надо укреплять оборону, а укрепление обороны связано с неременным пребыванием наших войск в братских странах. И потом мы вообще перестали разговаривать на данную тему. Румынские коллеги не настаивали. Узнав наше мнение, решили оставить все, как есть. Только потом Деж как-то спросил меня: «А знаете ли вы, почему тогда мы подняли вопрос о выводе ваших войск?». «Нет, — отвечаю, — не знаю». «Однажды, когда мы приезжали в Москву на беседу, Молотов набросился на нас и начал разносить в пух и прах. Допускал жуткие выражения. Сказал, что мы держимся только в результате помощи нам русского народа и лишь благодаря советским войскам: «Если их не будет, вы и неделю у себя не просидите». Нас это оскорбило, мы уверены, что находимся в руководстве не в результате присутствия чужих войск, а вследствие доверия к нам румынского народа. Мы хотели убедить вас именно в этом, почему и предложили вывести ваши войска. Абсолютно уверены, что и после того, как ваши вой-

ска будут выведены, наше положение останется столь же прочным, поскольку мы держимся не на ваших танках, а на народном доверии». Мы-то, конечно, не совсем правильно поняли раньше их предложение, полагая, что оно преследует цель освободиться от нашего влияния и что налицо недопонимание империалистической угрозы против стран социализма.

Не помню, сколько прошло времени, однако разговор с румынами прочно засел в моей голове, особенно после новой беседы с Дежем. И я не раз возвращался мыслями к той же проблеме. Кажется, Деж был человеком искренним и не хитрил со мной. Его обида меня беспокоила, и я продолжал размышлять. Постепенно мы укрепляли свое положение в мире, более уверенно ощущали свою силу. На окружающий нас капиталистический мир взирали уже не так, как Сталин. Он всегда боялся капиталистического окружения и все время жил в ожидании войны. Мы тоже не забывали о капиталистическом окружении, но сознавали, что наша мощь выросла, у нас появились ракеты, атомные и водородные бомбы. Страны социализма набрали экономическую и военную мощь. Наши Вооруженные Силы могли конкурировать с вооруженными силами любых стран, и с нами вынуждены были все считаться. Эта мощь подкрепляла политику мирного сосуществования, единственно возможную и единственно правильную в переходный период человечества к социализму.

Пока еще силы социализма уступают силам капитализма. В последнее время появились новые силы, не входящие в военные блоки. Это неприсоединившиеся страны. Они довольно многочисленны. Предстоит борьба за них. Это резерв. Тем, на чьей стороне они приложат свои усилия, будет в значительной мере определяться переход всех стран мира к строительству социализма.

После длительных раздумий у меня созрело мнение, что румынские товарищи правы. Надо пойти им навстречу и вывести войска. Их там было не так уж и много: несколько дивизий. В целом в западных районах СССР мы имели гораздо больше. Помимо вышеупомянутых доводов имелся еще и тот, что если мы выведем из Румынии войска и расположим их где-нибудь в Молдавии или Измаильской области, то по существу мало что изменится в случае нападения врагов на Румынию. Расстояния там небольшие, если понадобится прийти румынам на помощь, то для преодоления тех расстояний потребуется немного времени. У нас имелась сильная авиация, ракетноносцы в воздухе и на море, ракеты ближнего боя, неплохие военно-морские средства, так что соваться противнику с десантом было бы непросто. Тут не пахло

легкой прогулкой, и противнику пришлось бы серьезно задуматься, прежде чем решиться на такую акцию. А наше политическое доверие румынам было бы хорошо расценено ими, стало бы демонстрацией партнерства на равной ноге и хорошим аргументом в нашей пропаганде против стран, имеющих свои войска на территории других государств. Мы тогда как раз выдвигали лозунг увода всех иностранных войск в национальные границы. Еще и сейчас этот лозунг довольно силен, и за его реализацию нужно бороться. А как бороться, если некий политик проповедует полезность разрядки международного положения, войска же из страны этого оратора находятся на территории других стран? Репутация оратора будет подмочена, к его пропаганде не возникнет никакого доверия. По всем этим соображениям я и считал, что вывод наших войск из Румынии будет полезен.

Я поставил этот вопрос в нашем руководстве, предложил обмениваться мнениями и вернуться к теме беседы, которую я имел прежде с румынскими товарищами. Мы пригласили министра обороны СССР, спросили о его точке зрения. Однако еще до постановки вопроса в Президиуме ЦК я с ним обменялся мнениями, и он со мной согласился. Теперь на совещании министр Малиновский подтвердил, что вывод войск не ослабит наших военных позиций. Кроме того, мы получим некоторое материальное облегчение, потому что содержание войск за границей обходится вдвое дороже, чем на собственной территории. Там мы и решили дело, о чем объявили румынам. Они, конечно, были очень довольны. Восторжествовали и их идея, и понимание того, что мы с доверием и уважением относимся к ним.

Правда, потом наши отношения ухудшились. Но улучшать отношения с помощью ввода или пребывания войск на территории страны, не метод. Наоборот, создавая видимость хороших отношений, внутри это служит зарядом замедленного действия, который когда-то срабатывает против добрых отношений между странами.

Тогда же, вслед за выводом наших войск отношения с Румынией продолжали развиваться в особенно благоприятных условиях, с учетом взаимной помощи. Но это только говорится «взаимопомощь», а на деле больше помогали мы. Взаимная помощь состояла в том, что наши интересы в международном плане переплетались.

В вопросах же внутренней политики каждая страна сама занималась своими делами и развивала экономику, чтобы поднять жизненный уровень народа. Продолжая сотрудничать на эконо-

мическом поприще, мы и тут оказывали всевозможную поддержку Румынии. Она ответно платила нам товарами и сырьем, самую ценную часть которого составляла урановая руда. Мы расплачивались за нее по мировым ценам, но если принимать во внимание спрос на урановую руду в мире и тот факт, что она имела оборонное значение, то можно считать это существенной помощью нам со стороны румынских друзей.

Правда, у этого вопроса есть и другая сторона. Конечно, поставки урановой руды шли в оплату наших поставок. Кроме того, ее использовали для создания ядерного оружия, что было в интересах как СССР, так и Румынии, а также всех других стран социализма. Я бы сказал даже — в интересах всех прогрессивных людей на Земле, кто стоял и стоит на позиции мирного сосуществования и прилагает усилия, чтобы избежать войны. Я много раз приезжал в Румынию и на официальные встречи, и для кратковременного отдыха, и деловых бесед. Неплохо познакомился с природой и жизнью страны. На меня она производила яркое впечатление: прекрасный климат, хорошая почва, высокие урожаи. А вспомнить Карпатские горы! Там прекрасная охота, множество зверья. Самым ценным из охотничьих угодий было медвежье. В этих горах много медведей. Но главное, конечно, не красивые виды и не отличная охота, а то, как трудился народ. Румыния очень ровно развивала сельское хозяйство, получая излишки сельскохозяйственных продуктов, экспортировала пшеницу и кукурузу. Если к сему добавить такие традиционные экспортные товары, как нефть и лес, тоже очень ценные, станет ясно, почему ее экономика развивалась успешно и почему она имела хороший платежный баланс.

Некоторые другие социалистические страны обижались на Румынию, обвиняя в национальной ограниченности. Главное обвинение состояло в том, что румыны, пользуясь высокой землеобеспеченностью на душу населения и обладая излишками сельскохозяйственной продукции, не шли на то, чтобы давать эту продукцию другим социалистическим странам в оплату поставок их товаров. Румыния предпочитала продавать сельскохозяйственную продукцию капиталистическим странам. Эти обвинения я понимал, но не всегда с ними соглашался. Румынии, как и всем другим странам, нужна валюта. Если она распродаст излишки братским странам, то на капиталистический рынок уже не сможет выйти, следовательно, не сумеет купить оборудование и приборы, в которых нуждается ее экономика. Ведь она не сможет удовлетворить все свои запросы за счет производства в социалистических странах, а валюты у

нее не станет. Тут сложный вопрос, и надо трезво подходить к его оценке, не давать разыгрываться чувствам, надо учитывать интересы партнера. Вспоминаю в этой связи о претензиях Болгарии к Румынии и Югославии, когда те вели переговоры о строительстве гидроэлектростанции у Железных Ворот на Дунае⁸. Болгария в строительстве не участвовала, однако претендовала на часть электроэнергии, вырабатываемой этим сооружением, для нужд своего хозяйства. Румыны и югославы реагировали плохо: были недовольны, и в то же время им было неприятно выражать свое недовольство, почему они и не ответили болгарам ни отрицательно, ни положительно, а просто дули губы, как говорят в народе.

Я заметил, что они тогда обиделись и на нас, и сделал отсюда вывод, что румыны, видимо, думали, что претензии, которые предъявляла Болгария, согласованы с СССР, который поддерживает их, хотя нигде о том не упоминает. Спустя значительное время мы в очередной раз беседовали с румынскими товарищами. Тогда у нас уже начали портиться отношения, мы же не хотели, чтобы они и дальше ухудшались. Был затронут вопрос о претензиях Болгарии. Мы разъяснили, что вовсе не разделяем болгарской точки зрения, а наоборот, рекомендовали болгарским товарищам, с которыми у нас всегда были наилучшие отношения, чтобы они с пониманием отнеслись к нежеланию Румынии и Югославии удовлетворить их запросы. Мы считали, что тут беспредметные претензии, которые не могут быть приняты во внимание, потому что территория, на которой возводится плотина, и само сооружение никакого ущерба Болгарии не наносят. Следовательно, не требуется и какой-то компенсации. Болгарские претензии выглядят вмешательством во внутренние дела других государств. Нет никаких оснований требовать, чтобы Болгарии тут что-то дали и поделились с нею благами, если болгары не участвовали в работах. После этого болгарские товарищи более не настаивали на своих требованиях, и данный вопрос потом не возникал. Румыны очень внимательно выслушали нас, когда мы им об этом рассказали, и Деж пристально посмотрел на меня: «А когда вы говорили это болгарам?». Я ответил. Повторил, что в ответ на болгарские предложения заявил, что такие претензии могут только ухудшить братские отношения. Деж замолчал, и далее мы обсуждать эту проблему не стали.

Однако с течением времени отношения между Советским Союзом и Румынией все более ухудшались. Нам сообщили, что румыны на закрытых партийных собраниях осуждают нас, всячески

высказываются против Советского Союза. Сейчас конкретно и не помню, в чем нас обвиняли. Затем неблагоприятное отношение к нашей стране стало выражаться в перемене названий улиц. Некоторые улицы в Бухаресте носили имена русских, причем вовсе не политических деятелей нашего времени. Их переименовывали. Между тем мы делали буквально все, чтобы не задеть национальных чувств соседей и не нанести им экономического ущерба. Если рассматривать наши хозяйственные взаимоотношения, то они функционировали в пользу Румынии. Наши техническая помощь, проекты, научная информация шли им бесплатно, а поставки товаров производились в кредит с минимальным процентом румынской оплаты и в значительно более длительные сроки, чем вообще принято в мире. Кажется, СССР предоставлял кредит на строительство предприятий в Румынии из расчета под 2,5 процента. Если бы мы капиталы, которые давали в кредит Румынии, использовали внутри СССР, а избыток продукции заводов, построенных на эти капиталы, продавали Румынии, то выручили бы значительно больше. Однако тут были бы уже не братские отношения между социалистическими странами, а такие, какие существуют между капиталистическими странами. Если в торговле между собой социалистические страны и рассчитываются порой по мировым ценам, то мы считали, что здесь, наоборот, должны оказывать помощь румынскому народу.

Казалось бы, такая линия должна импонировать румынам. Но этого не получалось, и мы были огорчены, поэтому решили еще раз встретиться, выслушать румынскую сторону и откровенно поговорить. Хотелось, чтобы нам честно сказали, чем там недовольны и что необходимо для устранения помех нормальному развитию и укреплению братских отношений. Мне поручили возглавить делегацию КПСС, направлявшуюся на очередной съезд Румынской рабочей партии летом 1960 года⁹. Съезд проходил в то время, когда Компартия Китая начала открытую полемику с нами. Мы хотели провести там предварительное совещание братских компартий, обменявшись мнениями по актуальным вопросам. Удалось организовать такую встречу. То было не официальное совещание, а именно обмен мнениями по острым, наболевшим вопросам, выдвинутым в основном китайцами. В ту пору РПП разделяла в них нашу точку зрения, и у нас не было в этой плоскости каких-либо разногласий. На совещании выяснилось, что Албания заняла прокитайскую позицию и выступила против нас. Я спросил ее представителя, чем это объясняется. Мне ответили, что выполняют директиву своего руководства.

Сказано откровенно. Но для меня было недостаточно такого разъяснения. Прояснилось все потом, хотя и сейчас, если меня допрашивать с пристрастием, скажу, что не понимаю до конца, почему Албанская партия труда решила пойти вместе с китайцами против КПСС. Вразумительных объяснений дать не могу. Полагаю, что вразумительных объяснений не смогла бы дать и сама АПТ. На совещании в Бухаресте все остальные, кроме представителей АПТ и КПК, проявили единодушие и заняли общую позицию, вытекавшую из решений Международного совещания коммунистических и рабочих партий 1957 г. в Москве. Однако мы твердо знали, что румыны внутри своей партии ведут «разъяснительную» работу против Советского Союза и КПСС. Тогда мы написали официальное письмо румынским товарищам, в котором просили их обдумать те вопросы, которые, с их точки зрения, мешают нашим братским отношениям, с тем чтобы ликвидировать разногласия. Мы искренне заявили, что не понимаем, чем вызывается недружелюбное отношение к СССР. Приводили там, наряду с иными, и такие аргументы: исторически сложилось так, что мы являемся соседями; если мы друг другу не нравимся, то никто себе соседей не выбирал, так что соседям лучше жить в дружбе и мире; мы не хотим, чтобы наши отношения портились, а хотим, чтобы они улучшались; мы жили рядом с Румынией, когда ею управлял король; жили рядом, когда она проводила враждебную нам политику Антонеску; хотим, чтобы наши отношения оставались братскими, и делаем все возможное, чтобы они оставались самыми теплыми; поэтому призываем вас со своей стороны делать то же самое, что и мы. Но румыны в ответ никаких вразумительных контраргументов не привели. Тогда мы решили еще раз поехать в Румынию и на месте разобраться во всем.

В рамках СЭВ и двусторонних отношений при наших контактах с Румынией, как и с другими социалистическими странами, взаимные интересы в основном сталкивались при разработке планов. Каждая страна высказывала пожелания получить от другой что-то для себя, и не всегда такие просьбы удовлетворялись. Не сказал бы, что это разрасталось в конфликт. Но большинство стран выставляло свои пожелания (не хочу употреблять слово «претензии», потому что претензии никто не имел права предъявлять, мы не должники) с целью получить от нас больше, чем мы имели возможность дать. Неудовлетворение нами их пожеланий оставляло в них осадок, который потом мог перерасти в недоброжелательство. Румынские товарищи согла-

сились на встречу, и мы решили образовать для нее обширную делегацию. Включили людей, соприкасавшихся по различным экономическим и политическим вопросам с деятелями Румынии. Возглавить делегацию поручили мне. Среди других в состав делегации входили Косыгин, Лесечко¹⁰ как председатель Исполкома СЭВ, Андропов¹¹ из аппарата ЦК КПСС. Выехали мы в Румынию. С ее стороны присутствовало все руководство. Они находились на своей территории и как хозяева принимали нас. Встреча состоялась за городом, в очень хорошем местечке, минутах в 30 езды от Бухареста. Когда я приезжал к ним, меня всегда там размещали. Рядом озеро, лес и прекрасный луг — наилучшие румынские красоты. Первую беседу провели за богато уставленным столом.

Сразу отмечу, что по принципиальным вопросам у нас выявилось единство. В ходе беседы я напомнил румынским товарищам, что и мы испытали однажды огорчения в связи с отказом, который получили от них. Как-то на Украине не оказалось достаточного количества ядохимикатов для борьбы со свекловичным долгоносиком. Румыния таковые производила. Мы обратились к ней с просьбой выделить некоторое их количество дополнительно к тому, что мы закупили. Румыния ответила, что может выделить просимое при условии, если мы заплатим валютой либо валютными товарами, которые они потом могли бы продать на международном рынке, чтобы выручить валюту. Мы согласились, но такой ответ задел наше самолюбие. Ведь мы поставляли Румынии много валютных материалов и никогда не требовали взамен валютной компенсации, получая в обмен обычные товары, которые можно было приобрести на любом рынке. Деж, выслушав меня, сейчас же повернулся к Мауреру¹², запросив у него подтверждения дела. Ему подтвердили мой рассказ. Лесечко и Косыгин в деталях припомнили эту историю: те товары, которые попросили румыны за ядохимикаты, были у нас тоже запланированы для продажи на международном рынке для выручки валюты, чтобы расплатиться по нашим заказам на капиталистическом рынке. И я сказал, что привел сей пример, чтобы показать нашим друзьям, что такие случаи происходили и по инициативе румынских представителей. «В торговле все бывает. Давайте договоримся, товарищ Деж, чтобы не случалось впредь раздоров в наших отношениях и не давать повода к раздорам. Все взаимные поставки валютных товаров, валютного сырья и изделий выделим в отдельную графу, чтобы заранее противопоставить с обеих сторон равноценные това-

ры. Тогда не возникнет никаких недоразумений». Деж ответил: «Хорошо, мы согласны».

Казалось, он был удовлетворен моими словами. Но в разговор включился председатель Госплана Румынии, знающий дело хороший экономист. Он возразил: «Прошу такого решения не принимать». И с улыбкой смотрит на меня. Спрашиваю его: «Почему? Тем самым будут созданы равноправные условия, не станет причин для обид». «Это верно, товарищ Хрущев, но (обращаясь уже к Дежу) нам это невыгодно, поскольку мы сейчас получаем много валютных товаров от СССР, а расплачиваемся с ним товарами другого характера». Я настаивал: «Получаются взаимные претензии, это порождает недоразумения. Чтобы такого впредь не было, давайте договоримся и выделим все валютные расчеты». Теперь отвечал снова Деж: «Товарищ Хрущев, прошу вас не настаивать на этом, потому что Румынии такая торговля очень невыгодна». «Верно, — говорю, — я понимаю вас. Сколько мы вам меди поставляем? А сами покупаем ее на капиталистическом рынке и платим золотом. Вы же расплачиваетесь с нами ящичной тарой». Действительно, Румыния поставляла нам ящичную тару. Это определялось близостью Румынии к Молдавии, которой требовалось много ящиков под фрукты и овощи. Ради удобства их транспортировки нам за границей делали ящики, а мы за ящики платили валютой, то есть за щепки! И я продолжал: «В новых условиях мы делать это уже не будем. Пусть наши хозяйственники находят другой выход, у нас такие возможности есть, станем делать бумажную тару или поставлять свой лес. У нас тоже Карпаты рядом. Украина сможет поставлять Молдавии ящичную тару». Румынские товарищи стали просить не устанавливать такого порядка паритетной торговли. И я предложил: «Хорошо, давайте торговать по-старому, но тогда спрашивается, какие же остаются еще претензии? Что нас сейчас разделяет? Что способствует обособлению, которое мы замечаем со стороны румынских товарищей?». Вразумительного мы ничего не услышали.

В дальнейшем Румыния продолжала политику своего обособления внутри социалистического лагеря, что проявлялось в разных сторонах жизни. Приведу хотя бы такой пример: наши девушки, которые вышли замуж за румынских студентов, учившихся у нас, стали возвращаться в СССР, так как их мужья разводились с ними, ибо вокруг них создавалась нетерпимая атмосфера. Случались и другие неприятные факты бытового свойства, не говоря уже о политике. Как и раньше, внутри страны румыны про-

должали вести агитацию против Советского Союза. Вскоре их делегация поехала в Китай (а мы уже не ездили в Китай, нас туда больше не приглашали) и на обратном пути остановились отдохнуть в нашей стране. Мы с Микояном отдыхали в Пицунде и пригласили румын провести с нами несколько дней. Тем самым имели возможность выслушать их и обменяться мнениями.

Получилась оживленная беседа. Они рассказывали о положении в Китае, и мы поняли из их слов, что румыны в целом не разделяют китайской точки зрения. Они говорили: «Китайцы пытались восстановить нас против вас. Дескать, СССР забрал у нас Бессарабию, у Польши забрал ее восточные земли, проводит неправильную политику. Но мы не слушали их, потому что нам Бессарабия не нужна».

Сказанное сильно задело мой слух. Я не стал продолжать разговор на скользкую тему, но задумался. Отчего румынские товарищи вдруг нам это сказали? Причем довольно мягко в отношении Китая, не осудив категорически пекинскую точку зрения? Я чувствовал осадок: может быть, их все же обижает то, что Бессарабия вернулась в состав Советского государства? Она еще до революции входила в состав России и была отторгнута Румынией в 1918 году. Тогда Красная Армия была слабой. Советская Россия не имела возможности защитить все свои границы. Так что в 1940 г. произошло не отторжение части Румынии в пользу СССР, а возвращение этой территории домой с восстановлением прежних границ. Если рассматривать дело исторически, то левобережная Молдавия вообще никогда не входила в состав Румынского государства. Намек на Бессарабию остался единственной шероховатостью во время нашей встречи в Пицунде. Мы встречались много раз и позже. Внешне сохранялись хорошие отношения. Однако я не замечал в них прежней теплоты и откровенности. Наблюдалась вежливость, но какая-то искусственная, а не братское радушие. Наши посольские работники тоже докладывали о том же.

Я и сейчас не могу объяснить, чем все это было вызвано. Мы, признаться, решили тогда, что, возможно, виной тому Маурер. Лично к нему у меня не было никаких претензий. Он вежливый, воспитанный человек, с ним всегда приятно побеседовать и в деловой, и в непринужденной обстановке. Мы вместе с ним неоднократно охотились. Это прекрасный охотник, меткий стрелок и хороший товарищ в походе. Кое-кого смущало его происхождение: не пролетарий, а потомственный интеллигент. Он имел сильное влияние на Дежа. Они дружили с тех времен,

когда, будучи адвокатом, Маурер на суде защищал Дежа. Но такой факт тоже говорит в пользу Маурера: в королевской Румынии взялся защищать коммуниста! Однако, может быть, у него сохранились какие-то пережитки националистического характера? И он, получив высокий пост в Румынии, стал оказывать вредное влияние на наши отношения? Сплошные домыслы. Никаких конкретных фактов у меня не было и нет сейчас. Тут какое-то горестное недоразумение, которое наносит ущерб нашим отношениям.

В последующее время огромный вес в политике Румынии приобрел Чаушеску¹³. Но я ничего не могу сказать о нем, кроме того, что это молодой и неглупый человек, который тоже прошел школу классовой борьбы. Видимо, он — не случайный человек в руководстве Румынии. Сейчас, находясь в отставке, я наблюдаю за политикой Румынии, и не все мне в ней понятно, некоторые ее международные шаги не находят толкового объяснения.

В вопросах обороны Румыния занимала обособленную позицию, не всегда выполняла планы, которые разрабатывались странами Варшавского договора, по которым каждая страна брала на себя обязательства иметь определенное количество войск и вооружений. Соответственно распределялись заказы на изготовление этого вооружения.

Я помню такой факт: по планам Варшавского договора Румыния должна была приобрести некоторое количество танков, которые ею были заказаны в Чехословакии. Когда Чехословакия выполнила заказ, а Румыния должна была их выкупить, то она платить отказалась. Почему я это помню? Потому, что товарищ Новотный¹⁴ трагически взывал к нам: «Мы затратили деньги, мы торговлей живем, а Румыния не принимает танки, не компенсирует наши затраты».

Я не помню, какое потом решение приняла Румыния, но это уже было нарушение определенного договорного порядка, и такие нарушения недопустимы. Если тыходишь в содружество Варшавского договора, и военные интересы требуют создания определенного уровня вооружений, и если то или другое государство само не может производить эти вооружения, то заказ распределяется между другими странами. Этот заказ надо рассматривать как свой заказ, поэтому ты должен получить его и расплатиться.

Имели место и другие подобные факты. Маршал Гречко докладывал мне, когда командовал Объединенными Вооруженными Силами стран — членов Варшавского договора, что на совещаниях

штабных работников министр обороны Румынии вел себя неподобающе, и Гречко вынужден был призвать его к порядку как старший по званию. Ведь министры обороны стран — участниц договора — являются заместителями Главнокомандующего. Однако все такие инциденты были отголосками глубинных процессов, которые разъедали наши братские отношения. Корни их остались мне неизвестны, да и сейчас я их не знаю. Думаю, что время все перемелет. Ведь интересы всех социалистических стран едины. К сожалению, в воспоминаниях о румынском соседе я так и не сумел раскрыть то главное, что хотел: объяснить возникновения трещин в наших отношениях. Они и поныне не зарубцевались, а отношения так и остались холодными, если не хуже.

Какое-то время после моего перехода на положение пенсионера я в своих раздумьях приписывал это охлаждение себе, считал, что оно может быть вызвано влиянием моих личных качеств, недостатков. Однако вот скоро уже будет лет шесть, как я вне политики, а отношения не только не улучшились, а ухудшились. Значит, тут дело не в личностях, а есть какие-то еще причины, которые разъединяют наши страны и наши партии. Их, к сожалению, я не мог и не могу назвать.

¹ МИХАЙ (род. в 1921 г.) был королем Румынии в 1927 — 1930 (правил Регентский совет) и в 1940 — 1947 гг. После отречения от престола эмигрировал.

² В ту пору Г.ГЕОРГИУ-ДЕЖ, будущий Генеральный секретарь ЦК Компартии Румынии, был членом ее ЦК.

³ ГРОЗА П. (1884 — 1958) — создатель в 1933 г. демократической крестьянской организации «Фронт земледельцев», председатель в 1945 — 1947 гг. коалиционного правительства и председатель Совета Министров в 1947 — 1952 гг., затем президент Великого национального собрания.

⁴ В ту пору генерал-полковник А.С.ЖЕЛТОВ являлся членом военного совета 3-го Украинского фронта.

⁵ ПАУКЕР А. (1893 — 1960) — член Компартии Румынии с 1921 г., член ее ЦК с 1922 г., с 1935 г. — Секретариата ЦК, с 1941 г. представитель КПр при Исполкоме Коминтерна, в 1943 — 1944 гг. — руководитель ее Заграничного бюро, в 1945 — 1952 гг. — член Политбюро и секретарь ЦК РРП, одновременно в 1947 — 1952 гг. — министр иностранных дел.

⁶ ЛУКА В., министр внутренних дел, впоследствии (вместе с Паукер) необоснованно обвиненный в антипартийной деятельности.

⁷ БОДНЭРАШ Э., член Политбюро ЦК Румынской рабочей партии (до 1943 г. — Компартия Румынии, с 1965 г. — Румынская компартия).

⁸ Теснина дунайской долины ниже г. Оршоа длиной 15 км, где с 1964 г. Югославией и Румынией при советском содействии строилась судоходная

система (с 1898 г. там действовал обводной канал) и ГЭС мощностью 2,1 млн. киловатт.

⁹ VIII съезд РРП состоялся в Бухаресте 20 — 25 июня 1960 г. Его главная идея: Румыния создала экономическую базу социализма и вступила в период завершения его строительства.

¹⁰ ЛЕСЕЧКО М.А. (1909 — 1984) — первый зам.председателя Госплана СССР с 1958 г., заместитель председателя Совета Министров СССР в 1962 — 1980 гг. и одновременно постоянный представитель СССР в СЭВ в 1961 — 1977 гг., член ЦК КПСС в 1961 — 1981 гг.

¹¹ АНДРОПОВ Ю.В. тогда заведовал отделом ЦК КПСС.

¹² МАУРЕР И.Г. (род. в 1902 г.), член КПр с 1936 г. и член ее ЦК с 1948 г., был в 1957 — 1958 гг. министром иностранных дел, в 1958 — 1961 гг. председателем Президиума Великого национального собрания Румынии, затем председателем Совета Министров. С 1960 г. — член Политбюро ЦК РРП, с 1965 г. член исполкома и Постоянного президиума ЦК РКП.

¹³ ЧАУШЕСКУ Н. (1918 — 1989) — член КПр с 1933 г., член ее ЦК с 1948 г. и член Политбюро с 1955 г., Генеральный секретарь РКП с 1965 г., председатель Государственного совета в 1967 — 1974 гг., затем президент. Расстрелян за тяжкие преступления против народа и государства.

¹⁴ НОВОТНЫЙ А. (1904 — 1975) был первым секретарем ЦК Компартии Чехословакии в 1953 — 1968 гг. и президентом страны в 1957 — 1968 гг.

Часть VI

ОКНО В ТРЕТИЙ МИР

ПО ИНДИИ

Что мы знали об Индии? Говорю здесь о себе и Булганине. Пожалуй, очень мало. Читая газеты, следили за деятельностью Неру. Проводимую им политику рассматривали во времена Сталина как нечто, близкое к пацифизму. Учение Ганди о непротивлении злу и другие его толстовские высказывания в том же духе нас не привлекали. Мы ценили благородство души Ганди, но не понимали его. В современном мире добиться свободы такими средствами невозможно. Неру был его ближайшим другом, и мы не отделяли в личном плане Неру от Ганди. В политике цели, которые ставил перед собой Ганди, преследовал потом Неру. Но, когда они добились ухода Англии из Индии, это уже прозвучало по-другому. Теперь волей-неволей мы должны были более чутко прислушиваться к вождям индийского народа.

Наши знания об Индии были, честно говоря, не только поверхностны, но просто примитивны. Я лично черпал часть знаний об Индии, не смейтесь, из арии индийского гостя в опере Римского-Корсакова «Садко»: «Не счесть алмазов в каменных пещерах...». Знал, что там теплая страна, теплое море, не счесть богатств: животный мир — нечто сказочное. Джунгли... Само это слово производило большое впечатление, гораздо большее, чем сейчас, когда мы сами увидели их и конкретно представили себе, что это такое. Вовсе не столь экзотично!

Конечно, о богатейшей древней культуре Индии мы имели некоторое представление, но тоже довольно отдаленное. В беседах членов Политбюро со Сталиным много раз поднимался вопрос о наших отношениях с Индией, но Сталин относился к Индии без особого внимания, причем незаслуженно. Такая страна должна была бы привлечь его внимание. Он ее недооценивал и, видимо, событий в ней толком не понимал. Впервые Сталин обратил при-

стальное внимание на Индию после того, как Индия в 1947 г. обрела независимость¹. Сам же Неру тогда предпочитал иметь дело напрямую не с СССР, а с Китаем, Индонезией, Пакистаном, Бирмой. Хотя Китай вскоре оказался под руководством коммунистической партии, но все-таки существовали еще какие-то надежды у некоторых политических деятелей разных стран на то, что путь строительства нового общества в Китае будет не вполне социалистическим. Правда, в Пекине определенно заявляли, что они коммунисты и пойдут по пути строительства социализма.

Но, видимо, это вовсе не отпугивало Неру в тот период его политической деятельности.

Я не приписываю Неру таких взглядов. Тут просто мои умозаключения. Вскоре в Индии побывал Тито. Он туда приплыл на корабле, а на обратном пути гостил в Каире. Тито первым из всех руководителей социалистических стран Европы проложил путь в Индию. Но к Тито отношение в Индии тоже было другое. Тито ведь был тогда противником Сталина, а мы ему приклеивали ярлык антикоммуниста: он, дескать, продался врагам, перекинулся на сторону американского империализма, отказался от строительства социализма. Писали о нем всякую небылицу.

Из сообщений, которые попадали в советские газеты, вытекало, что направленность развития Индии — капиталистическая. Ничто не свидетельствовало о строительстве там социализма. Это нас отталкивало.

С другой стороны, у Неру имелось устремление создать демократическое государство.

Мы не понимали, почему он терпимо относится к англичанам, своим вчерашним поработителям. В индийской армии остались служить английские офицеры, кое-где служили английские чиновники. Это нас настораживало. Как говорится, русская душа такова: пить, так уж пить; гулять, так уж гулять; а если бороться, так до победы. Индийские руководители вели борьбу другими методами. Тем не менее благие намерения, которые проявлялись в политике правительства Неру, завоевывали у нас если и не симпатии, то какое-то расположение. Безусловно, индийский народ пользовался в СССР особым уважением хотя бы потому, что был ранее угнетаем колонизаторами и добился теперь освобождения. Но его руководство как-то не располагало нас к себе. Конечно, нам не очень импонировало, когда Неру, Чжоу Эньлай и Сукарно, представители трех великих азиатских стран, собрались в Индонезии в Бандунге и выработали совместную платформу — Бандунгскую декларацию. Она сводилась к тому, что надо стремиться к

мирному сосуществованию, прилагать усилия, чтобы избежать войны. Эта платформа была опубликована в наших газетах. Сталин ее прочитал и одобрил. Я помню, как-то в непринужденной беседе, когда Сталин находился в хорошем расположении духа, он как бы мельком вспомнил об этой декларации:

— Декларация неплохая. Если бы нам предложили, то мы бы охотно подписали ее.

Умирает Сталин. Мы без него к самостоятельному ведению внешней политики еще были не готовы. В последние годы жизни он проявлял большое недовольство нами, говорил, что мы погибнем, нас империалисты передушат, что мы просто сосунки. И после смерти Сталина мы оказались как бы выброшенными на безлюдный остров. В дипломатических связях с капиталистическими государствами личного опыта не имели, кроме Молотова. Только Молотов был приобщен к контактам с представителями капиталистических государств. Но он тогда уже не пользовался среди нас непререкаемым авторитетом и не мог единолично определять характер отношений СССР с капиталистическими государствами. Мы хотели теперь сами быть «с усами», а не только слушать предложения Министерства иностранных дел, и узнавать от них конкретное существо международных проблем. Молотов оставался для нас авторитетом, но таким, который полностью нас уже не удовлетворял. Нам требовалось лично посмотреть своими глазами и пощупать своими руками, чтобы правильнее определять наши контакты с капиталистическим миром, к которому мы относились с сугубо классовых позиций: были готовы к борьбе, к защите Родины. Это мы хорошо усвоили, пройдя большую историческую школу. А теперь надо было устанавливать тесные контакты, считаясь не только с теорией, но и со сложившейся действительностью. Мы живем в капиталистическом окружении, но нам нужно иметь контакты и как-то ладить с этим миром, строить и экономические, и дипломатические отношения. А как? Если кто из нас ранее за границей и бывал, то кроме Молотова только Микоян, но и его поездки были кратковременными. Он имел о загранице представлений больше, чем мы, потому что никто из нас в глаза практически не видел живого «америкэна», так в пьесе Иванова «Бронепоезд 14-69» партизаны обращались к пленному американцу.

Мы не буквально, но в чем-то были похожи на этих партизан в знании своих противников. Конечно, мы их видели, мы встречались с Эйзенхауэром, встречались с Иденом, мы встречались с де Голлем. Де Голль приезжал к нам после войны. Но именно

видели, и все эти контакты мы рассматривали со своих особых, предвзятых позиций недоверия, с позиций возможной неизбежности новой войны. Теперь мы хотели большего.

Дипломатические отношения СССР с Индией были установлены еще при жизни Сталина. Кто был у нас первым послом Индии? Кажется, Радхакришнан, худощавый человек, уже в летах. После смерти Прасада² он стал президентом Индии. Он был наш хороший друг, умный человек. Радхакришнан имел ученую степень по философии. У меня остались очень хорошие впечатления от бесед, которые я имел с ним в Индии, и позже, когда он приезжал к нам. По-моему, он одно время возглавлял организацию борцов за мир и по общественным делам заглядывал в нашу страну.

В годы моей руководящей деятельности послом Индии, которого я очень уважал и сейчас уважаю, был очень хороший, порядочный человек Кришна Менон³. Он делал все для того, чтобы мы получше узнали Индию, и примером своего поведения душевно располагал нас к Индии и к ее народу. Я много имел с ним контактов, бесед и всегда оставался доволен этими встречами с чрезвычайно симпатичным, приятным и умным человеком. Этот верный сын своего народа умел строить деловые отношения с правительством той страны, в которой пребывал послом. Замечательная у него была и супруга. Она оставила у меня и всех моих товарищей по тому времени наилучшие воспоминания. Мы не раз встречались с ней во время дипломатических приемов.

Наступил 1954 год. После смерти Сталина мы успели заключить с Индией только торговое соглашение. И тут приехал в нашу страну с официальным визитом премьер-министр Индии Неру⁴. Его сопровождала дочь, позднее тоже премьер-министр, Индира Ганди. Неру мы показали все, что только он хотел посмотреть. Да мы и сами были заинтересованы в том. Пусть увидит все, как есть, без прикрас. Естественно, мы хотели, чтобы он увидел лучшее и имел бы хорошее впечатление о советской стране. Поглядел, как мы, руководствуясь марксистско-ленинской теорией, претворяем ее на практике в жизнь; каких достигли результатов в строительстве социализма. Мы ведь имели возможность конкретно ему это продемонстрировать. И Неру объехал значительную часть СССР: и Среднюю Азию, и другие места. У меня сложилось впечатление, что он высоко ценил наши успехи.

Имели мы с ним и беседы. Они протекали превосходно. Неру сумел оставить о себе доброе впечатление и проявлял при любых контактах незаурядный ум. Но расстались мы все-таки каждый при своем мнении о желательных путях развития наших

стран, так что прежнее наше отношение к Неру в принципе не изменилось. Мы, как и раньше, относились к нему с большим уважением и высоко ценили его, но считали, что это человек особого склада, особой культуры и особых взглядов, что по существу дела верно. Ведь он не был марксистом. Путь развития к лучшему, который он избрал для своей страны, очень длительный, и неизвестно, к чему он может привести. И тогда, и позже, прямо этого не говоря, но фактически поступая так, мы противопоставляли этому пути успехи, которых добился народный Китай. То есть для всей Азии, включая Индию, примером должен быть Китай, который за короткое время достиг очень многого. Индийцы и сами чувствовали, что Китай их опережает. Мы-то хотели, чтобы Индия развивала тяжелую промышленность и поднимала жизненный уровень народа, но не такими методами и не такой политикой, которые провозглашал Неру, потому что это окажется недостижимым и на много лет обрежет народ Индии на нищенское существование.

Внешне наши беседы с Неру проходили гладко, он хвалил советские успехи, но относительно того, что наш опыт может быть в какой-то степени перенесен в условия Индии, ни разу не заговорил и даже не давал нам повода думать, что он этого вообще хотел. Мы тоже о том не заикались, чтобы не навязывать ему свое мировоззрение.

Затем Неру пригласил правительственную делегацию СССР в Индию. В январе 1955 года мы выехали в Индию⁵.

Когда мы туда прибыли, стояла зима, но для нас там царило жаркое лето. Индия есть Индия. Это не средняя полоса СССР и даже не Сочи. В различных провинциях Индии существуют разные оттенки ее жаркого климата и влажности, но по нашим стандартам там сплошная жара.

В приглашении от Неру было сказано, что к себе они приглашают председателя Совета Министров СССР Булганина и члена Президиума Верховного Совета СССР Хрущева. Мы приняли приглашение с удовольствием. Нам хотелось побывать в Индии, познакомиться с ее народом, увидеть его культуру и повседневную жизнь. Делегация в целом была составлена довольно солидная. Были там и мидовцы, и представители среднеазиатских республик. Мы хотели продемонстрировать индийцам советских людей разных национальностей, вероисповедания и культуры.

Решили лететь самолетом. Самолеты тогда у нас имелись не самые лучшие. Остановились на ИЛ-14, новой машине, двухмоторной и самой грузоподъемной. Теперь-то мы знаем, что это был

вчерашний день пассажирской авиации. Тут мы ничем не могли похвастать, потому что отстали от Запада, но иного у нас не было. Летели через Ташкент, там заправлялись, а оттуда, уже без посадки, попали в Дели. Рассчитали время, обусловленное индийским правительством. Летела официальная делегация, были положены всяческие государственные церемонии, и следовало прибыть в известное время, чтобы не нарушать заготовленных церемоний.

В Дели первая же встреча с Индией произвела на меня невероятное впечатление. Русскому человеку трудно себе представить, с чем мы встретились: очень теплый климат, внешне до черноты смуглые люди, бесконечное разнообразие одежд по стоимости и по нарядности. Одни выглядели нищенски, другие рядом с ними роскошно одеты. Богатые расцветки и фасоны верхнего платья всех видов. Производят яркое впечатление на зрителя мужские головные уборы (белые, зеленые) и заплетенные косичками бороды. Все это было для нас сказочным и казалось каким-то спектаклем, театральным зрелищем.

Встреча тоже оказалась невероятной: самое доброжелательное, горячее, дружеское, братское отношение к приезжим. Ни в одной иной стране мы не видели такого ни со стороны народа, ни со стороны премьер-министра. Поехали мы в отведенную советской делегации резиденцию — президентский дворец, который ранее занимал британский губернатор — королевский наместник в Индии. Президентом Индии был тогда Прасад, пожилой человек мрачного вида. Его внешняя мрачность как бы отражала внутреннее содержание: мы получили информацию, что он очень неприязненно относился к нашей делегации; говорили, что он был недоволен тем, что нас разместили в президентском дворце. Во-первых, мы коммунисты; во-вторых, он был весьма религиозный человек, не ел говядины, и передавали такие его слова: «Поселили русских, они загадят мой дворец, будут есть там говядину, уж не говоря о распитии спиртных напитков». Я видел, как некоторые индусы употребляли алкогольные напитки, но это было исключением. Видимо, у части индусов имелось своеобразное представление о русских, которые, дескать, обязательно сосут водку. Вот Прасад и выражал беспокойство. Нам он, конечно, ничего о том не говорил, когда мы нанесли ему визит: нас принял соответственно, но все встречи с ним оставались официальными и подчеркнуто сухими. Совсем иначе мы встречались с Неру.

Приехали мы в резиденцию президента, сооруженную ранее для вице-короля Индии. Все там сделано великолепно и фундаментально, площадь перед дворцом тоже замечательная. Вокруг анг-

лийская система газонов, зеленых, подстриженных. Все в городе дышало жизнью и производило сильное впечатление. Это был Новый Дели. В Старом Дели я не побывал, так как туда нас не повезли. Но люди, которые обслуживали нас, рассказывали, что если взглянуть на Старый Дели, то только тогда можно лучше представить себе повседневную жизнь индийского народа. Ведь мы тесно общались прежде всего с представителями правительства, с известной общественностью, с интеллигенцией, то есть с лицами довольно высокого уровня и по культуре, и по развитию, и даже по одежде. По ним невозможно представить себе то бедственное положение, в котором находились широкие народные массы.

Было заранее обусловлено, сколько дней мы пробудем в Индии. Соответственно была разработана программа нашего пребывания. Нам были запланированы для посещения города Калькутта, Бомбей и Мадрас; парламент с правом выступить в нем, строительство гидростанции, угольный бассейн, машиностроительный завод. Потом нам предложили побывать в джунглях и даже покататься на слонах. Мы согласились, ведь это экзотика. Может быть, и не следовало нам взбираться на слонов, но мы-то считали, что Индия без слонов и слоны без Индии просто немыслимы. А отказаться от любезного предложения индийского руководства — значит продемонстрировать пренебрежение к местным традициям, что показалось бы невежливым или даже в какой-то степени оскорбительным. Мы этого не хотели. Да и что стоило нам взобраться? Подставили лесенку, залезли мы на слона и проехали на нем сколько-то там метров. Это и была символическая прогулка в джунглях.

Был предусмотрен также ряд встреч и митингов или, как у них называется, гражданских приемов. Сначала там выступали хозяева, потом предоставлялась возможность выступить гостям. После официальных бесед, которые мы провели в Дели с Неру и членами его правительства, мы пустились в поездку по стране. В поездке нас сопровождал отвечавший за нашу безопасность Серов⁶. Он установил контакт с министром внутренних дел Индии и забирался в такие уголки, куда нас не только не приглашали, но и не следовало приглашать. Серов рассказывал, что есть места, где скапливаются бездомные и голодные, где каждое утро выволакивают из закутков десятками мертвецов и вывозят для захоронения. Так что нельзя было судить об Индии только по приемам и по людям, с которыми встречаешься. Существовала и другая Индия, живущая в трущобах и умирающая тоже в них. Как бы две Индии, и одна на другую не похожие.

Отношения у нас с Неру сложились доверительные. Между прочим, даже Неру полагал, что русские без спиртных напитков вообще не могут жить. Поэтому он решил «проявить внимание», создав нам, так сказать, привычные условия пребывания. Нам передали от его имени, что поскольку индусы спиртных напитков не употребляют, то на обедах будут выставлены только прохладительные напитки и соки, но для тех из нас, кто пожелает, сбоку будет находиться комната (нам ее специально показали) с закусками, фруктами и любыми алкогольными напитками, от водки и коньяка до шампанского. Когда мы захотим, то можем войти туда и пользоваться всем по своему усмотрению. Мы в ответ поблагодарили и сказали: «Можете эту комнату закрыть, мы туда заходить не будем и с большим удовольствием принимаем ваши порядки». Мне они особенно пришлись по душе, и я обратился к Неру с такими словами: «То, что вы не пьете спиртных напитков, это более чем разумно. Здесь такой жаркий климат, да еще если выпить что-то спиртное, независимо от количества, то и не знаю, как можно будет это выдержать». Никто из нас, конечно, потом не прокладывал тропу в эту комнату. Я запретил всем даже заглядывать туда. Но президента Прасада мы все же огорчили, потому что ели говядину, осквернив его дворец запретным мясом.

Среди индусов очень много вегетарианцев. Нас предупредили, что на столах можно увидеть красные розочки. Они кладутся около прибора вегетарианца, и те лица, которые подают кушанья, учитывают это, принося только растительную пищу. Потому такой обычай мы наблюдали во всех городах, где давались обеды в нашу честь. Я не помню, подавали ли этим лицам хотя бы рыбу. Менон, о котором я уже упоминал, был очень строг в смысле национальных традиций. Он, живя в СССР, даже черную икру не ел, раз она добыта из живого организма. Не помню в связи с этим, как он относился к яйцам. Правда, большинство вегетарианцев, с которыми я там сталкивался, были людьми обеспеченными, которые могли себе позволить выбор кушаний. Это не те, кто рубил уголь или добывал руду. Когда организм истощается тяжким трудом, то для восстановления сил необходима белковая пища. Однако мне неизвестно, имелись ли среди индусов вегетарианцы, занимавшиеся тяжелым физическим трудом. Как все знают, граф Лев Толстой тоже стал под старость вегетарианцем. Русские рабочие в начале века злословили: «Граф, конечно, может себе позволить обходиться без мяса». Действительно, он, если хотел, покупал, допустим, 20 сортов сыра. А взять рабочего? Если он не купит фунт мяса (фунт мяса в мое время стоил 15 коп.), то за вегета-

рианские продукты ему пришлось бы заплатить более высокую сумму. Это, так сказать, отвлечение от темы рассказа в социально-классовом аспекте.

Когда после завершения протокольных встреч и бесед с официальными лицами мы поехали по Индии, то нам создали наилучшие условия, и мы успели посмотреть все, что нам хотели показать. Но я так говорю не потому, что от нас что-то хотели утаить, а потому, что мы не знали ничего об Индии, так что у нас никаких особых пожеланий и не возникало: мы с удовольствием знакомились со всем подряд. Тут мы полностью полагались на соображения премьеры Неру.

Из города в город мы перелетали самолетом, а по территории того или иного штата ездили на автомашине. Меня поразили низкий уровень развития земледелия, просто невероятный, намного ниже того, который я помнил по своей деревне, да и по деревням других губерний царской России. Там встречались плуг и борона, а помещики имели паровые молотильные машины. В Индии мы увидели буйвола, редко пару буйволов, и какую-то соху. Индеец, буквально царапая землю, ползает по ней вслед за буйволом — и это называется обработкой земли.

Наблюдал я сбор урожая риса. Урожай был неплохой. Видимо, за счет того, что они сажают рис в воду. Поэтому, когда они ковыряют землю, а потом вручную высаживают рассаду, вступают в силу климатические условия: много тепла, воды, света, вот и получается неплохой урожай. По густоте стояния колосков было видно, что урожай получался сносный. Как шла уборка? Я кое-где сам брал орудие производства в руки и пробовал косить (не рис, конечно), желая показать, что мы, советские люди труда, знаем, что такое труд, и умеем обращаться с косой. Это на них производило очень большое впечатление. Косить долго я уже не мог, но, конечно, знал, с какой стороны взять косу и как получше размахнуться. Хотя я и рабочий, но какое-то время жил в деревне и художественно пробовал косить, даже никогда не будучи косарем. Общее же впечатление о сельском хозяйстве Индии у меня сложилось ужасное.

Побывали мы на машиностроительных заводах. Они отвечали современным требованиям техники. Это мне было понятно. Капиталисты знают производство, а конкуренция заставляет их использовать только то оборудование, которое требуется, чтобы получить прибыль на вложенный в дело капитал. Показали нам также строительство гидроэлектростанции.

Гидроэлектростанция строилась на базе техники, которая была ниже

нашей, хотя строительство вела английская фирма. Объяснения давал инженер-англичанин. Мы вели строительство ГЭС на более высоком уровне, не говоря уже о мощности самих ГЭС. Там на самом деле велись ирригационные работы и создавалась плотина для сбора воды, а в нее попутно была вмонтирована гидротурбина.

В этом штате премьер-министром был мусульманин, и религиозная принадлежность чиновников накладывала особый отпечаток на организацию управления штатом. В Индии религиозные предрассудки очень сильны. Когда мы беседовали с тамошними руководителями, то остро почувствовали, что они мусульмане. Правда, я не встречал там мусульман, которые неуважительно относились бы к Неру. Он владел симпатиями людей, во всех штатах, за исключением Бомбея. В Бомбее хозяйничал Десай⁷. С ним уже тогда у Неру имелись трудности. Десай проводил реакционную политику и претендовал на высокое положение в центральном правительстве Индии.

Приехали мы в Мадрас. Город очень чистенький, как вообще большинство приморских городов, к тому же весь зеленый, с массой южных растений и фруктовых деревьев. Все это нас очаровывало, мы окунулись в сказочный мир. Единственное, что нас отрезвляло: роскошь с одной стороны и дикая нищета — с другой. Столь резкое расслоение в Индии сразу бросалось в глаза. Да, там построили много заводов, какая-то часть людей стала жить лучше, но в миллионы граждан этой стране находятся в полуголом состоянии.

Врезался мне в память один из митингов, организованный на окраине города. Мы с Булганиным ехали туда в открытой машине и попали под проливной дождь. Вода была не холодная, но нас крепко промочило. При движении острый сквозняк продул нас, Николай Александрович простудился. Мы подшучивали над ним: простудиться в Индии — на это надо иметь особое везение! Человек с севера — и не перенес дождя на юге Индии! Ехали мы туда вместе с губернатором. Губернаторские посты занимала, главным образом, бывшая знать — магараджи. Такого толстого человека, как он, я еще не встречал. В автомобиле места едва-едва хватало для него одного, а мы должны были сидеть втроем. Губернатор посадил нас по краям, в глубине сиденья, а сам пристроился посередине между нами на корточках. Мы и над этим долго потом подшучивали, когда вспоминали о встрече с таким «необъятным» человеком.

Все митинги проходили однообразно. Говорили хозяева, по-

том предоставлялось слово нам. Выступали с речью Булганин, или я, либо другие советские ораторы. Все речи носили дружественный, приветственный характер. После митинга местные власти концерты на открытом воздухе. Мы видели и слышали певцов, танцоров, рассказчиков. Их экзотические одежды, манеры танца и пения тоже были для нас в новинку. Ни я, ни Булганин раньше совершенно не встречали таких форм танцев и пения. Иногда нам показывали акробатические номера. Все производило на нас сильное впечатление, но, откровенно говоря, мы плохо разбирались в подспудном смысле показываемого, отягощенного индийской символикой, и поэтому сильно уставали. В Мадрасе на концерте около меня сидел один из местных лидеров, который впоследствии организовывал партию на религиозной, реакционной основе. Он, как мне рассказывали, был прежде большим другом «отца нации» Ганди. Сам ходил в каких-то трусах без рубашки. Цвет кожи у него желтый, он высох, как ящерица, весь худющий, кости резко обозначены под кожей, лицо аскетическое, изможденное. Этот аскет все время говорил со мной, не давая возможности следить за концертом и получать удовольствие, и даже спросил меня: «Вы очень хотите слушать и смотреть?» Я понял, что он хотел меня отвлечь, а мне неудобно сказать ему правду: не мешай, дескать. И я ответил: «Охотно вас слушаю».

Тут он стал повествовать о своем понимании путей будущего развития Индии. Много рассказывал и о себе. Оказывается, он занимал видное религиозное положение во время, когда Индия была колонией Англии, а потом являлся генерал-губернатором страны в переходный период, когда Великобритания решила уйти из Индии и предоставить ей независимость. Он доказывал мне, что Индия не должна в развитии экономики брать пример с СССР, что в Индии нельзя строить крупные заводы, что вообще индустриализация не для Индии. По его мнению, если в многонаселенной Индии будут возведены крупные заводы с механизацией и автоматизацией, то масса тружеников пополнит армию безработных, нищета возрастет. Он сохранял идеал Ганди: все производство — это прялка. На национальном знамени имеется изображение ножной прялки; только ремесленный труд есть база прогресса Индии. Мне неизвестно, знаком ли он был с научной политэкономией. Конечно, Карла Маркса он не «нюхал», да и «нюхать» не хотел, этот запах для него был совершенно невыносимым.

Полагаю, что он навязал мне эту беседу как раз из-за митинга в Мадрасе, где я выступал попеременно с Булганиным. Я там

говорил о нашей индустриализации, о преимуществах тяжелой промышленности. Премьер-министр штата тоже был его сторонником, и после того как я выступил, этот премьер выступил вторично. Из перевода для меня его речи я понял, что он, не называя меня лично и не вступая в прямую полемику, спорил со мной, доказывая, что Индия должна идти своим путем, через ремесленные мастерские и ручной труд. Он тоже напирал на то, что у них много населения, а механизация еще больше увеличит незанятость трудящихся. Это совершенно ложное направление мыслей имело в Индии немало сторонников.

Однако на всех митингах главной темой мы брали все же осуждение колониальной системы и агрессивных сил, которые проводили и еще проводят колониальную политику. Указывали на то, что бедственное положение, в котором находится индийский народ, есть результат многолетнего его пребывания под колониальным гнетом, результат грабежа его монополиями, которые за счет народа строили свое благополучие. Эти идеи очень хорошо встречались везде и повсюду. Как только мы начинали об этом говорить, народ бурно нас приветствовал.

Антиколониальная направленность наших выступлений была не отвлеченной, а направлялась конкретно против британских колонизаторов. Мне казалось, что Неру и Индира Ганди не одобряли такой резкой направленности, но нам они ничего не говорили и не указывали на то, что мы вроде бы злоупотребляем их гостеприимством, проводя свои идеи. Но это чувствовалось. Тем не менее мы сохраняли прежнюю нацеленность своих выступлений, и людям это нравилось. Мы выступали как коммунисты. Заодно скажу, что авторитет СССР в Индии был очень высок. Согласно намеченному плану мы должны были поехать в Бомбей, крупный портовый город. Там тогда проходили межплеменные волнения с человеческими жертвами, дело доходило до схваток и драк. Нам разъяснили обстановку в Бомбее, но попросили не менять маршрута. Неру считал, что нам полезно там побывать. То, что там неспокойно, внутренний вопрос, а Неру считал, что обе борющиеся стороны станут нас приветствовать самым радушным образом, так что наш приезд поспособствует умиротворению людей и прекращению волнений. И мы полетели в Бомбей.

Когда мы там с аэродрома ехали на машинах в отведенную для нас резиденцию, то столько народу вышло нас встречать, что все улицы были забиты. Мы буквально продирались сквозь толпы. На машины, в которых мы ехали, прыгали люди, становились на подножки, тянулись к нам руками, чтобы притронуться к нашей

одежде. Кончилось это тем, что гроздь повисших на машине людей раздавила ее, и она вышла из строя. Нас и тут сопровождал Серов, который командовал охраной вместе с лицом, уполномоченным от Индии. Неру этого уполномоченного взял к себе в семью еще мальчиком и воспитывал его. Очень хороший был парень. Как нам сообщал Серов, у них сложились самые лучшие, доверительные отношения. Тот парень пробрался к нам, скача по крышам автомашин, и порекомендовал: «Впереди нас полицейская машина и с решеткой. Это единственная возможность проехать в резиденцию, другого ничего нет. Думаю, вы правильно поймете и извините нас, что мы делаем такое предложение, оно в целях вашей же безопасности». Мы так и поступили, и толпа потеряла нас из виду. Люди все время искали нас, заглядывали в окна автомашин и наконец увидели, что мы едем в полицейском автомобиле. Все бросились к нему, но опоздали, так как мы уже обогнали тех, кто ехал впереди. А лица, встречавшие нас, растерялись, ибо не могли себе представить, что столь высокопоставленная делегация приедет в машине с железными решетками на окнах.

Итак, мы благополучно добрались до резиденции. Духота и жарища стояли невыносимые. Нам посоветовали лечь в ванну, наполненную холодной водой. Но она только потому называлась холодной, что не была специально подогрета. А мы торопились на прием. Его в нашу честь устроили руководители штата во главе с местным премьером Десаем и губернатором. Нам сообщили, что снаружи все забито, люди сидят на улицах, площадях, тротуарах, пробиться невозможно. Они выкрикивали лозунг дружбы: «Хинди, руси, бхай, бхай!» (Индийцы и русские — братья). Всю ночь они просидели там, а их крики мы слышали в нашем дворце. Прием пришлось отменить. Хотя мы этим были огорчены, зато получили возможность по-настоящему отдохнуть. К утру народ рассеялся, и мы приступили к выполнению намеченной программы. В моей памяти сохранился великолепный бомбейский морской аквариум. Конечно, осмотрели мы и город, проехали по его окрестностям. Но не ходили, а осматривали все из машины.

Затем туда прилетел Неру и предложил нам съездить на молочную буйволовую ферму, поскольку такой формы хозяйства у нас нет. На ферме организовали дегустацию молока. В СССР на юге есть буйволы, но это главным образом рабочий скот с низкими удоями. А в Бомбее получали приличные удои. Молоко 7%-й жирности, это просто невероятно! Пить его в натуре даже не-

сколько неприятно, слишком оно приторное и жирное. Там механическим способом обезжиривали его, снижая жирность до 3%, тогда оно становилось на наш вкус привычным. Состоялась обстоятельная беседа с губернатором, человеком среднего возраста. Она проходила вчетвером: трое наших и он, переводчик имелся только с нашей стороны. Губернатор нам продемонстрировал, что он прогрессивный человек, с симпатией относящийся к СССР, хотя он и не был коммунистом, а принадлежал к партии Неру.

Зато премьер-министр штата Десай относился к нам враждебно, вообще был против нашего приглашения в Бомбей. Мы с ним тоже встречались, но разговоры носили чисто формальный характер. Позднее я с Десаем еще раз встречался, он оставался верен себе, своим реакционным взглядам. До сих пор лидером оппозиции тем реформам, которые старается проводить нынешний премьер-министр Индии Индира Ганди, является Десай. Мы с ним друг друга хорошо понимали, но наши позиции были абсолютно противоположными. Он твердо стоял на линии проамериканской политики и считал, что Индия должна развиваться по классической капиталистической схеме. Губернатор, я уже о нем рассказывал, занимал другую позицию. Естественно, мы к нему отнеслись с большей симпатией. На митингах и в Бомбее, и везде нас встречали с огромным подъемом. Народ в нашем лице приветствовал Советский Союз, выражая нам самые горячие чувства.

Затем с нами повели разговор о поездке в Кашмир. Когда составлялась программа, то в нее сразу хотели внести посещение Кашмира, но мы попросили не делать этого, потому что из-за Кашмира возникло военное столкновение с Пакистаном. В Кашмире преобладало мусульманское население, и Пакистан настаивал на том, что Кашмир должен войти в его состав. Часть Кашмира в результате военных действий так и осталась в Пакистане. Мы не хотели своим присутствием осложнять отношения между Индией и Пакистаном, не хотели и связывать себя с претензиями Индии, считая, что нам лучше занять нейтральную позицию. Пусть они сами решают свои спорные вопросы. Индусы обратились с особо подчеркнутой просьбой поддержать их позицию, что нам вовсе не импонировало. Но не хотелось огорчать Неру своим отказом. Наши симпатии были на его стороне, на стороне Индии, хотя бы потому, что Индия занимала разумную позицию в международных вопросах, не входила ни в какие блоки, с симпатией относилась к Советскому Союзу.

Пакистан занимал противоположную позицию, вошел в воен-

ный блок СЕАТО. Эта военная организация была направлена, прежде всего, против Советского Союза. Нам, собственно, было выгоднее поддерживать Индию, укреплять с ней дружеские отношения. С Пакистаном у нас никаких дружеских отношений не было. Мы верили, что в потенции как бы заложены семена дружбы, но они глушатся реакционными силами и не прорастают. Они когда-то должны прорасти, и отношения с Пакистаном, его народами станут такими дружескими, как и с индийским народом. Пока же этого не было. Мы посоветовались и решили согласиться, удовлетворить просьбу Неру и посетить Кашмир.. Это произошло на последнем этапе нашего знакомства с Индией.

Перед Кашмиром мы посетили штат Кералу. Там коммунисты вскоре создали свое правительство. Правда, оно продержалось недолго. Вторично коммунистическое правительство там было образовано, когда я уже находился на пенсии. Одним словом, в том штате коммунисты были сильны. Сколько насчитывалось членов компартии в том или ином штате, по реакции на митингах разобрать было невозможно. Всюду выражались явные симпатии к Советскому Союзу независимо от того, каково было соотношение политических сил при выборах правительства каждого штата. Даже в Бомбее, где премьером был Десай, народ обласкал нас теплотой дружелюбия. А от Кералы остались в памяти бесконечные пальмы в виде промышленных насаждений. С них собирали кокосовые плоды. Нам показали, как это делается. Люди ловко карабкаются на деревья, ноги связаны веревкой, ступни как бы присасываются к стволам. Потом с вершин сбрасываются плоды.

Там же нам показали и чайные плантации. Какой-то капиталист среднего масштаба пригласил нас к себе. Мы осмотрели его плантацию, сбор, сушку и переработку чая. Я и раньше видел, как это делается в Грузии. То, что мы увидели здесь, производило жалкое впечатление, все делалось вручную (а у нас уже имелись машины, которые срезали верхушку с чайных кустов), затем листья сбрасывались в кучу на земле. Я пошутил: «Если бы советские люди, которые пьют индийский чай, видели, как его заготавливают, они, видимо, утратили бы аппетит». Да, у нас на чайных плантациях более строгие санитарные условия. Там этого не было. Но хозяин принял нас очень любезно, угостил своим чаем и фруктами.

В том же штате мы наблюдали огромное количество обезьян. Когда мы ехали по дороге, то обезьяны, уже приученные туристами, выстраивались на обочине. Как только машина останавливалась, они мчались к ней, привыкнув к тому, что туристы их

угощают, и всматривались в человека, ожидая получить дар. Еще больше обезьян облепило древний храм, огромное колоколообразное помещение, считавшееся в Индии дворцом обезьян. Обезьяны у индусов священные животные и пользуются покровительством. Миллионы этих животных превратились в бедствие для сельского хозяйства, руша кукурузу, уничтожая плоды. Но рука у индуса не поднимается против обезьяны.

В Керале мы посетили нашего уважаемого соотечественника, крупного художника Святослава Рериха. Его отец тоже был известным художником, выставка их картин состоялась в Москве. Я посетил ее среди прочих. Рерих много лет живет в Индии, и жена у него индуска, он осел там крепко. Когда мы с ним встретились и я на него глянул, то поразился: лицо его имело огромное сходство с лицом Николая II, и борода подстрижена так же, и рост тот же. Я сужу по портретам, к которым привык еще в дореволюционные времена. Тогда в каждой школе и в учебниках имелись царские портреты. Сам Рерих оказался чрезвычайно приятным и мирным по духу человеком.

Незаметно настало время лететь в Кашмир. Путь туда лежал с юга через всю Индию на север, поближе к Афганистану. С Афганистаном Кашмир не граничит, потому что территория Пакистана отделяет Индию от Афганистана. Но у нас не хватило заправки долететь сразу до Кашмира, пришлось сделать остановку по дороге. На месте приземления нас встретил местный магараджа. Тут никакого митинга не было. Разместили нас в богатейшем дворце. Магараджа устроил в нашу честь ужин, затем пригласил на концерт. Музыканты — не то его бывшие рабы, не то крепостные. Он оставался над ними владыкой вплоть до изгнания англичан. Жена у него была француженка. Он нас с ней познакомил. Ее вид вызывал жалость: она производила впечатление чем-то скованного человека и держалась не как хозяйка, ощущалась ее внутренняя угнетенность. Но с нами она была очень любезна. У меня возникло новое чувство, что она к нам апеллирует. В материальном-то отношении у нее не имелось ограничений, она жила в роскоши, но духовно чувствовала себя угнетенной. Нам рассказывали, что этот магараджа имел еще несколько жен. Когда мы сидели вечером на веранде, отдыхая, нам показали далеко в горах (еле-еле можно было рассмотреть это сооружение) дворец, в котором была заточена его первая жена.

Магараджа познакомил нас со своим сыном, молодым человеком, офицером индийской армии, который служил при президенте страны адъютантом. Так оказывали честь выходцам из знатных

родов. Магараджа — человек рослый, статный и красивый, лет сорока пяти, хороший наездник и спортсмен. Он организовал в нашу честь спортивные соревнования. Я впервые увидел подобные состязания на конях: в руках каждого наездника палка с сеткой на конце, которой надо захватить мяч и, проскакав через все поле, доставить его к воротам. Нам рассказали, что, когда англичане еще господствовали в Индии, магараджа лично участвовал в этих играх, являясь капитаном в своей команде. Когда они выезжали в Англию на состязания, он упал там с коня и сломал руку. Теперь мы наблюдали эту игру. Отец и сын попали в разные команды. Кони у них замечательные, носились по полю, как вихрь. Коней меняли каждые пятнадцать минут, иначе они не выдерживали темпа. Соревнование прошло благополучно, без жертв. А вечером магараджа спросил нас с Булганиным: «Вы охотники?». Я ему: «Занимаемся охотой у себя дома». Он загорелся: «Хотите, я организую охоту на тигров?». Мы поблагодарили его за внимание, но ответили, что не располагаем временем. А он не успокаивался: «Ну, останьтесь еще на сутки!» Я признаюсь, что мне, хотя и было любопытно, не хотелось создавать плохую рекламу для СССР и для себя: приехали, дескать, охотиться на тигров.

Оттуда мы вылетели в Кашмир. Там встреча нас населением была грандиозной: оно в основном мусульманское, премьер-министр тоже мусульманин. Губернатор — очень красивый человек юного возраста, сын бывшего магараджи. Нам организовали плавание на больших лодках по большому озеру, красочно обставленное. Что касается внешнего вида граждан, то у нас сложилось тягостное впечатление: люди одеты бедно, одежды серее, чем на юге. Может быть, так нам казалось, потому что на юге жарко и можно носить легкие платья. Вся молодежь более ярко одета, особенно женщины. А здесь холоднее, бывают заморозки, люди должны одеваться теплее. Но сквозь их одежды просвечивала бедность, говоря откровенно — нищета. Зато отношение к нам было замечательное. Делалось все, чтобы только расположить нас к себе. Фамилии местных жителей часто созвучны с узбекскими. Мы приглашали их посетить Узбекистан. Гостить у них хорошо, потому что не подают алкогольных напитков. Прочее угощение очень вкусное, особенно люля-кебаб, сильно наперченный и с острыми приправами, но хорошо приготовленный.

Когда начался традиционный митинг, мы использовали такие заранее подготовленные речи, в которые были вставлены фразы, направленные в пользу Индии, а не Пакистана, то есть выступали с позиции принадлежности этого штата именно к Индии, с позиции

индусов. Когда мы прилетели в этот штат, то там уже находилась Индира Ганди. Ее прилет туда мы расценивали как знак особого к нам уважения. Она ведь представляла своего отца.

Свои речи мы и согласовывали с ней. Наши выступления транслировались. Ганди очень высоко оценила нашу позицию в поддержку политики Индии в споре с Пакистаном. Спустя какое-то время она сказала нам, что позвонил ее отец, но не из Дели, а из другого места, передавал нам привет и выразил большое удовлетворение нашим выступлением. Мы тоже были этим довольны, хотя знали, что Пакистану это не понравится. Но у нас с Пакистаном не имелось прямых контактов, существовали самые плохие отношения. Мы-то хотели их улучшения и все делали для того, но Пакистан вступил в военные организации, направленные против нас⁸. И тут уж ничего мы поделать не смогли: сами пакистанцы не приняли нашу руку дружбы.

А наша позиция солидарности с индусами в их споре с Пакистаном еще больше содействовала укреплению дружеских отношений между Советским Союзом и Индией. Думаю, что эта линия СССР была правильной, хотя меня всегда беспокоило, чтобы она не шла во вред нашим будущим отношениям с Пакистаном. Мы верили, что настанет время, Пакистан правильно оценит нашу политику и поймет, что ему надо дружить не с США, а с СССР, потому что только он будет оказывать народам, освободившимся от колониального гнета, бескорыстную помощь. Именно это делается сейчас в отношении Индии. Если же говорить о сугубо внешних признаках страны, то Кашмир уже не коренная Индия. Говорю так условно: это Индия и географически, и по государственным границам, штат индийского государства. Но по своей природе и по виду людей он совсем другой. Более северная природа и растительность. Я видел яблоки и груши, многое иное, что произрастает у нас даже в средней полосе России. Правда, боюсь тут ошибиться, потому что слишком мало я там находился и мало что успел рассмотреть.

Очень много интересного встретили мы в Индии, действительно в стране чудес. Замечательный народ, хотя и предельно бедный. А природа! А памятники старины, памятники искусства, архитектуры! Все это было для нас ново, поражало и восхищало. Достаточно сказать о такой жемчужине искусства, как дворец-мавзолей одного из правителей Индии Тадж-Махал⁹. Все туристы обязательно посещают это место, любуются белокаменным сооружением, в котором и камня не чувствуется, ибо материал отличается особой белизной. Напротив сооружения расположен водоем. Ког-

да займешь определенную точку возле него, то увидишь сказочное отражение дворца в воде. Мне подарили точную копию этого памятника, сделанную из алебаstra. Я, любуясь им, думал: некогда, в каком-то там веке, возведено оно и доныне свидетельствует о высокой культуре индийского народа. Но, с другой стороны, когда смотришь на окружавшую нас нищету, возникает мысль, что правители, которые трудовых людей не считали за людей и заставляли их возводить себе дворцы и мавзолеи, обрекая их умирать от тяжести труда. Владыки не считались с народом, им нужны были только рабочие руки, и они выжимали все соки из своих подданных. Сейчас эти сооружения являются гордостью Индии, памятниками ее искусства. Но они же повествуют зрителям о рабском труде: сколько же людей было замучено, чтобы возвести такие сооружения?

Когда мы окончили осмотр усыпальницы, журналисты, сейчас же окружив нас, стали выпрашивать о впечатлениях. Я сказал им о своей раздвоенности, о том, что у меня возникли два чувства: восхищение и преклонение перед теми, кто создал чудо искусства, и неприятие того, как эти люди растрачивали человеческую энергию не на пользу другим, а для увековечивания самих себя или своих близких, в данном случае — жены бывшего владыки. Несколько в стороне им же возведен огромный и богачейший дворец. Когда его сын свергнул отца и захватил власть, то заточил его в этом дворце. Там имелась точка для обзора, какое-то отверстие, откуда тот на старости лет мог на удалении из заточения любоваться своим сооружением, чудом искусства. Нас тоже провели туда. Да, все оттуда было видно, но какая же тут радость для создателя? Здесь удел для медленного затухания жизни: ведь человек, по велению которого был сооружен мавзолей, не мог подойти к нему. Это придавало его существованию в заключении еще больше горечи.

Когда мы ездили по стране, то в пути нам попадались памятники, которые были поставлены колонизаторами в честь их побед и захватов различных территорий Индии. Все это были какие-то военные, морские или сухопутные командующие, либо представители британской короны. И все эти памятники как-то уживались рядом. Индусы — удивительные люди, их терпение невероятно. Как можно, на наш взгляд, мириться с памятниками, которые свидетельствуют об утрате независимости и угнетении страны британскими колонизаторами? Мы у себя после революции почти все старые памятники сбросили. Некоторые только оставили с соответствующими надписями, как память о былых угнетателях.

Правда, и такие некоторые памятники разрушили, которые вовсе не следовало бы разрушать. Под горячую руку в Севастополе развалили памятник адмиралу Нахимову, а потом во время Великой Отечественной войны, был учрежден орден Нахимова! Все, конечно, может случиться, когда совершается такой глубокий социальный переворот, каким был Октябрь 1917 года. Тут, воистину, лес рубят — щепки летят. Нахимов-то был адмиралом, а почти все адмиралы и генералы старого времени своей деятельностью служили укреплению самодержавия, которое народ свергнул. Это уже потом оценили исторические заслуги Нахимова при обороне Севастополя и учредили орден его имени.

Тут я бы сказал, что Сталин сделал это конъюнктурно. Он тогда поднял на щит Суворова и Кутузова, Ушакова и Нахимова, портреты их повсюду вывесил. Когда я как-то приехал в Москву, то был поражен. Из какого склада он их извлек? Пыли въелось в них столько, что нельзя было ее ни стряхнуть, ни смыть. Эти портреты представляли собой музейную редкость. Но Сталину требовалось наглядное воздействие на людей, которые к нему приходят. А как только кончилась война, портреты исчезли со стен и остались только на груди воинов, удостоенных наград за умение и храбрость в войне против Гитлера...

Завершал наше пребывание в Индии опять митинг. Неру назвал его приемом в честь СССР от имени народа Индии. На огромной красивой площади были сооружены трибуны. Народу собралось — яблоку негде упасть. Люди стояли так плотно, что раскачивались всей грудой, потому что задние напирали, чтобы продвинуться поближе к трибуне, и толпа колыхалась, как морская волна. Я опасался, что могут быть человеческие жертвы. Неру, его правительство и гости заняли свои места. Неру по радио обратился к присутствующим с просьбой, чтобы все уселись. Он тоже боялся, что спокойствия в толпе не будет, задние начнут напирать на передних и люди подушат друг друга. Народ стал садиться на землю. Подошла Индира Ганди и прошептала что-то на ухо отцу. Он снова обратился к собравшимся: «Я старый человек, думал, что удобнее всем сесть, но дочь напомнила, что при исполнении гимнов надо обязательно стоять. Прошу вас опять подняться и выслушать гимны стоя». Народ поднялся, выслушал гимны Индии и СССР, после чего Неру вновь предложил всем усесться. Наступило спокойствие. Сидящие не могли напирать, будучи прикованы к своему месту. И этот митинг произвел грандиозное впечатление. Публика восторженно реагировала на все речи, особенно тогда, когда говорилось о друж-

бе между нашими народами. И тут, и повсеместно в Индии звучала фраза: «Хинди, руси, бхай, бхай!»

По результатам наших бесед Неру казался мне осторожным политиком, неторопливым, сдержанным. Он производил впечатление лица, которое хочет все видеть, все слышать, но воздерживаться от высказывания своего мнения по болезненным вопросам. Нас-то прежде всего интересовало то, как он относится к социалистическому строю. Неру же окончательно не высказывался ни за какой строй и был, пожалуй, кем-то вроде демократа.

И тем не менее, я думаю, Неру, обладая таким большим умом, рано или поздно придет к выводу, что единственно правильный путь — это путь строительства социализма. Только этим путем можно вывести страну, свой народ из нищенского положения. Я считал: надо проявить терпение, потому что даже косвенно навязывая свое понимание государственного устройства, мы встретили бы сопротивление. Сам же он все больше и больше склонялся к социализму, начал высказываться все определеннее. К сожалению, смерть прекратила его деятельность. Мы потеряли очень большого друга Советского Союза.

Еще раз мы побывали в Индии, когда возвращались весной 1960 г. из Индонезии. Неру предложил нам остановиться в Калькутте. Эта встреча, как и прежние, была очень теплой. Состоялся традиционный огромный митинг, уже под вечер. Выступили с речами руководители штата. Я тоже выступал. В памяти отложилась неизменная атмосфера дружбы с СССР, стремление к миру во всем мире. Во время митинга было выпущено в воздух невероятное количество голубей как символ мира. После того, как художник Пикассо написал своего знаменитого голубя, этот голубь присутствует на знаменах борцов за обеспечение мирного сосуществования людей на Земле. Вечерело. Калькуттские голуби кружились над массой людей и садились куда попало. Один голубь сел мне на руку. Шел митинг, а он пристроился себе и смирно сидел. Потом по этому поводу было много шуток, фотографии и кинооператоры не могли себе отказать в удовольствии запечатлеть такой эпизод. В дальнейшем на митингах во всех странах, где я бывал и высказывался за обеспечение мирного сосуществования, говорили: «Голубь знал, на чью руку сесть: на руку Хрущева».

Наши беседы в Калькутте не выделялись ничем особым из прежних бесед 1955 года с руководителями других штатов: приятные встречи и приятные разговоры. В местном правительстве лидером был немолодой человек очень крупного роста, по образованию врач, очень влиятельный в обществе. В самом городе Каль-

кутте руководящее положение занимала тоже немолодая и очень умная женщина, которая подчеркнуто хорошо относилась к Советскому Союзу. Правда, согласно информации, поступившей к нам, доктор более настороженно относился к СССР, а сам лично находился в оппозиции к Неру, но при встрече с нами ничем этого не выражал. Наоборот, подчеркивал свои симпатии к политике нашей страны. В населении города Калькутты налицо большая прослойка рабочих, заметнее, чем в других городах. Но и местное население более бедное. В силу тяги к советским рабочим встреча нашей делегации была тут наиболее радушной, люди бурно выражали свои чувства. В Калькутте вот уже несколько лет левые получают на выборах большинство. Увы, коммунистическая партия там расколота: одни коммунисты называют себя марксистами, другие — просто членами Коммунистической партии Индии¹⁰. Тут проявилось влияние линии, которую, вопреки здравому смыслу проводят Коммунистическая партия Китая и Мао Цзэдун, добившийся этого раскола. Он организационно был закреплён после вооруженного нападения Китая на Индию. Но в 1960 г. это проявлялось еще в сравнительно небольшой степени.

Повторяю, что мне очень понравились индийские традиции приема гостей. Очередной прием в нашу честь был организован в большом парке, где повсюду были расставлены накрытые столы. Самое главное для меня опять заключалось в том, что из напитков подавались только соки, а на закуску — фрукты. Обратное тому, что мы видим у себя, где, как говорят, без водки нет веселья. Тут тоже было весело, играла музыка, люди ходили, сидели или стояли группками и беседовали. Возникло хорошее настроение, дружеское, теплое и приятное. У нас все происходило бы шумно и с выкриками. Тоже было бы весело, но попадались бы и подвыпившие люди. В Индии это невозможно. Там никто в такой ситуации не теряет своего достоинства и владеет собой.

¹ В апреле 1947 года.

² Р. ПРАСАД (1884 — 1963) — один из лидеров партии Индийский национальный конгресс, в 1950 — 1962 гг. был президентом Индии.

³ К.П.Ш. МЕНОН (1898 — 1982) — с 1947 г. посол Индии в Китае, с 1948 г. секретарь по иностранным делам, в 1952 — 1961 гг. посол в СССР (одновременно в Польше и Венгрии), с 1965 г. президент Индийско-советского культурного общества, с 1970 г. член Всемирного Совета Мира, с 1980 г. посол в Египте.

⁴ Визит проходил с 7 по 23 июня 1955 года.

⁵ Визит в Индию состоялся с 18 ноября по 14 декабря 1955 г.

⁶ Генерал армии СЕРОВ И.А. являлся председателем Комитета госбезопасности при Совмине СССР в 1954 — 1958 гг.

⁷ М. ДЕСАЙ, будущий премьер-министр Индии.

⁸ Имеется в виду СЕАТО и СЕНТО.

⁹ Речь идет о Шах-Джахане (1592 — 1666), правившем империей Великих Моголов в 1627 — 1658 гг. и соорудившем в Агре Тадж-Махал, и о его сыне Аурангзебе (1618 — 1707), правившем империей с 1658 года.

¹⁰ КПИ основана в 1925 году. Официальный раскол, наметившийся в 1962 г., существует с 1964 г., когда параллельная партия назвала себя КПИ (марксистская).

В БИРМЕ

Точно сейчас не помню, состоялось ли приглашение посетить Бирму до нашего вылета в Индию в 1955 году, или же мы его получили, уже находясь там. Тогда во главе правительства стоял У Ну¹. Он раньше побывал в СССР. Это духовное по прежней своей жизни лицо, очень религиозный человек, договорился с нами о пятидневном пребывании советской делегации в Бирме.

О Бирме* мы знали еще меньше, чем об Индии.

Гражданская война в Китае на время второй мировой войны по взаимной договоренности была прекращена. Усилия китайцев, как коммунистов, так и Чан Кайши, были направлены против Японии. Когда Япония была разгромлена, то опять каждая сторона заняла свой полюс: коммунисты стали вести борьбу против Чан Кайши, Чан Кайши вел борьбу против коммунистов. Американцы, как известно, активно поддерживали Чан Кайши.

Тыловые американские базы располагались на территории Бирмы. С них оказывалась помощь Чан Кайши на юге, когда коммунисты оттеснили их с востока. В этой связи у нас в печати фигурировала территория Бирмы, но какой там строй и что представляет собой Бирма? Дипломаты, конечно, сведения собирали, но в печати эти вопросы не освещались, и Сталин о них ничего не говорил. Я думаю, он сам мало что знал об этой стране.

Завершив процедурные вопросы, положенные для проводов нашей делегации в Индии, мы условились, что вылетим в Дели, а оттуда направимся через Калькутту в Бирму. Калькутта оста-

* Нынешнее название — Союз Мьянма.

вила во мне хороший след. В Бирме нас также приняли торжественно, с воинскими почестями. Эта страна, в свою очередь, произвела на нас впечатление сказочного уголка земного шара: столь богатая природа, буквально страна чудес! В природе Бирмы и Индии много общего. Собственно, так и должно быть, это соседние южные страны. Конечно, одежда бирманцев несколько отличается от индийской, но, такая же пестрая, особенно у женщин.

Однако внутреннее положение здесь существенно отличалось от индийского. Во время боевых действий во второй мировой войне Бирма была захвачена и оккупирована японцами. Часть бирманцев оказывала сопротивление и сражалась против Японии. В Бирме сложилось сильное левое течение, которое возглавлялось Коммунистической партией Бирмы. Оно достигло больших успехов. Когда была разгромлена Япония, то коммунисты пришли к руководству. Во главе страны стал Аун Сан, их лидер². Потом местные военные осуществили переворот, захватили руководителей освободительного движения и уничтожили их. Так они подавили мощное движение КПБ³ и левое движение вообще, но в народе остались глубокие симпатии к их деятелям. Были даже сооружены памятники в честь погибших лидеров страны, в том числе Аун Сану.

Тогда коммунисты ушли в горы и джунгли, организовали партизанские отряды и повели настоящую войну против правительственных войск. После разгрома Японии они имели за собой абсолютное большинство народных масс, их приглашали в правительство, но они отказались, так как хотели иметь свое правительство. Этого-то они и добились, ведя войну. Теперь для нас сложилась интересная ситуация: правительство страны пригласило к себе в гости коммунистов — представителей СССР, а коммунисты Бирмы находились в подполье и вели боевые действия против правительственных войск. Поэтому мы чувствовали двойственное к себе отношение и официальную настороженность. Руководство страны правильно понимало, что наш приезд может подогреть выступления подпольщиков. Так оно, видимо, и было.

Народ нас принимал восторженно, где бы мы ни появлялись, с дружелюбием выражая свои чувства к представителям СССР. Правительство там было коалиционное. У Ну лично представлял верхушку национальной патриотической буржуазии и буддистов. В Бирме главное вероисповедание — буддизм, люди сильно привержены этой вере, поэтому У Ну чувствовал себя довольно креп-

ко в правительственном седле. В коалицию входили также лидеры социалистов, в том числе У Ба Све⁴, военный министр. У Ба Све с пониманием относился к политике СССР и, следовательно, с добрым чувством к нашей делегации, а премьер У Ну — с недоверием, даже плохо.

Нам предложили ознакомительную поездку по стране и сначала повезли на север. В посольстве нас предупредили, что там действуют сильные коммунистические отряды. Имелась одна своеобразная особенность этой антиправительственной борьбы, связанная с расколом КПБ на партии «белого флага» и «красного флага»⁵. И те, и другие называли себя коммунистами. Мы имели контакт и поддерживали то течение, которое выступало под белым флагом. Посол нас информировал, что во главе этого течения находятся разумные люди. Район боевых действий мы бегло осмотрели, а когда приехали ночевать, то нам предложили расположиться в воинском гарнизоне. Это были военные казармы. Затем армейские офицеры, пригласили нас на ужин. Отношение к себе мы чувствовали хорошее, но все же испытывали недоверие, потому что среди офицеров имелись люди разных политических взглядов. Нас специально предупредили, чтобы мы проявляли осторожность. Под спальню нам отвели барак, освобожденный от солдат. Ночью в прохладном помещении мы согревались только топкой дров — спать было холодно. Утром, когда встали и вышли из барака, увидели на стенах иней и изморозь на траве. А на юге Бирмы мы изнывали от жары и испарины, там очень большая влажность. Эти контрасты отражались и на бирманской растительности.

Во время нашего пребывания на севере все оставалось спокойным. О столкновениях не было слышно. Нас разместили в гарнизоне, от которого партизанские отряды находились на значительном удалении. Не думаю, что наше пребывание там их как-то сдерживало. Просто они не в состоянии атаковать именно это расположение войск. Да и местный гарнизон был сильнее. Мы пребывали в районе, который назывался Шанским национальным государством. Шаны — это местная народность. У Ба Све представлял ее интересы. Бирма — многонациональная страна со множеством этнических групп. Монолитности и сплоченности между ними пока нет, они ведут борьбу за выход из Бирманского союза и создание независимых государств.

В столице шанов нам устроили не просто хороший, а оригинальный прием. Такого я даже не мог себе никогда представить. На их территории имеются огромные озера, поросшие тропической

растительностью, но с большими плесами чистой воды. На одном из озер мы увидели плавучие постройки. На них жило огромное количество людей. Снимал наше пребывание в сооружениях Роман Кармен⁶, отличный оператор и режиссер. Все его кинокадры сохранились. Я бы с удовольствием на них посмотрел и сейчас, для освежения памяти. Там было одновременно приятное пребывание и красивое зрелище. Организовали соревнование спортсменов на больших узких челнах между мужскими и отдельно женскими командами на скорость. Позднее такой же вид гребли я видел и в некоторых кинофильмах: гребцы стоят двумя рядами в лодке, верхнюю часть весла держат одной рукой, а нижнюю другой и так гребут. Одновременно делают усилие ногой, совершая все ритмично и в такт, причем развивают довольно большую скорость.

Затем в нашу честь устроили военный парад. Принимал его У Ба Све. Мы говорили там соответствующие речи: о дружбе и о наших контактах, которые надо укреплять. СССР искренне хотел этого. Думаю, что и сейчас наша страна желает того же. Когда мимо нас проходили воинские части, мы изучали глазами их вооружение. Танков мы не видели, но по площади ехали броневики, видимо, доставшиеся им от японцев или англичан. Машины были допотопные, оружие тоже устаревшее. Все вооружение производило впечатление отсталости и непригодности. Однако в условиях действий против партизан даже эти средства были мощными по сравнению с теми, которыми располагали партизаны. У Ба Све вел тогда с нами переговоры о продаже ему современного оружия, но мы на это не могли пойти, иначе получилась бы помощь в расправе над партизанами.

Столица Бирмы Рангун производила оригинальное впечатление: там имелись и современные постройки и, наряду с ними, буквально шалаши, сделанные из бамбука снаружи и внутри. Приготовление пищи люди занимались тут же, возле шалаша. Грязь царила невероятная, люди выглядели оборванцами. А с другой стороны, аристократия и интеллигенция были одеты весьма нарядно. Естественно, социальный раскол в обществе предоставлял большие возможности коммунистам для их пропаганды и борьбы. В такой обстановке У Ну всячески маневрировал. У него имелись какие-то собственные торговые предприятия, но, являясь политическим и религиозным деятелем, он представлял все так, что служит только Будде. Предприятия принадлежат, дескать, его жене. Эта властная женщина действительно вела довольно умело торговые дела. О размере капитала, которым владели У Ну

с женой, ничего сейчас не могу сказать, просто не знаю. Тогда мне докладывали об этом, но я позабыл.

Сильное впечатление произвели на меня пагоды. Они сохранились с древних времен и очень красивы по архитектурно-художественному исполнению, богато убраны, украшения обработаны листовым золотом, все это как бы горит на солнце. При входе в пагоду нам с Булганиным предложили снять обувь. Устав от ходьбы, мы потом сели возле пагоды и долго любовались ею. Тут же нас окружили журналисты, которые вообще не отступали от нас ни на шаг, начали буквально вести допрос: «Что мы думаем? Как и что понимаем? Какое впечатление на нас производит Бирма?» и прочее. Все это потом подробно описывалось в газетах. Журналисты старались задавать как можно более каверзные вопросы, но мы их успешно парировали, разъясняя свое понимание местной действительности.

Как-то рано утром, в ходе поездки по Рангуну, встретили множество монахов, которые сновали во всех направлениях. На них были длинные балахоны желтого цвета, сами — без головного убора, с обритыми головами и обязательно что-то несли: какие-то узлы, чаши, горшки. Нам объяснили, что они ходят по домам, а люди готовят им пищу. Это считается там особой благодатью — кормить монахов. Но это не нищие, ходящие с протянутой рукой. Принято считать, что их обязаны кормить, причем не последним куском, а лучшим, особенно в состоятельных домах, да и пища была не такой, какой пользовались бедняки. В Бирме на каждом шагу, куда ни повернешься, обязательно увидишь буддийского монаха. Мы шутили, что это особая армия господина У Ну.

Нам организовали прогулку по реке на небольшом корабле. Рекою мы вышли к морю. Вели беседы и одновременно любовались красотами природы. Когда нам подали холодное пиво, я глянул на этикетку — оказалось чешское. Я был удивлен. Уже в то время чехи умелой торговлей продвинули свое пиво до Бирмы. Мне было приятно выпить отличное пиво наших друзей, единственный напиток хмельного содержания, который я встретил в Бирме. Прием состоялся под открытым небом, под деревьями типа нашей чинары. Деревья очень мощные, между ними размещалась масса столиков. Нам показали народные танцы и пение, очень мелодичное. Отношение к нам было подчеркнуто хорошим. Чувствовалось, что У Ну, противник коммунистов, понимает необходимость установления с СССР контактов и развития дружеских отношений. Бирма нуждалась в технике, в постройке учебных заведений. Правительство обратилось к нам с соответствующей

просьбой, и мы оказали ему помощь, возвели там вуз, в котором готовились инженерные кадры. Его мы построили за свой счет, в виде дара народу Бирмы.

Студенты пригласили нас выступить перед ними. Нас предупредили, что часть студентов относится к СССР враждебно, и некоторые посольские работники выразили сомнение: стоит ли ехать? Могут быть выходки хулиганского порядка, могут даже побить. Я посоветовался с Булганиным, с другими товарищами, которые входили в состав нашей делегации, и мы решили, что нехорошо отказываться, это произвело бы дурное впечатление. «Ничего, — сказал я, — там есть и наши сторонники, даже коммунисты, наше посещение окажется им поддержкой». Поехали. Студенты встретили нас на улице дружественными кликами. Зашли в зал. Выступали представители разных направлений, включая тех, которые не питали к нам добрых чувств. Большинство приветствовало Советский Союз, дело социализма и восхищалось нашими успехами. Между собой мы условились, что выступать буду я. Подготовиться к данному выступлению заранее было трудно, потому что требовалась нестандартная речь: предполагается диспут в виде вопросов и ответов, выступления же могли состояться совершенно неожиданные, при которых не попросишь: «Дайте мне время, я подумаю и отвечу».

В первые годы революции, когда мы сталкивались с врагами советской власти, часто проводились аналогичные митинги. Мне приходилось бывать на них. Там тоже надо отвечать сразу, экспромтом реагируя и на дружеские выступления, и на враждебные. Чего же бояться теперь? Действительно, я услышал много колких вопросов, но спокойно отвечал. Ответы воспринимались присутствующими дружно, и это меня ободряло. Так мы достигли полного успеха. Сторонники сотрудничества с СССР выразили свое отношение к нам в приветствиях и горячей положительной реакцией на мое выступление. Да, я считаю это политической победой, потому что состоялся не просто организованный митинг, а стихийный, к тому же студенты были различной социально-политической принадлежности, включая значительную прослойку лиц из богатых семей. Беднота там почти не имела возможности послать детей в высшее учебное заведение. Несмотря на такой состав собрания, большинство нас поддержало. Была принята даже соответствующая резолюция, и все это подробно описывалось в печати. Буржуазные журналисты пристрастны, заподозрить их в утаивании от общественности какой-либо неприязни к нам нельзя, но и такие журналисты ничего скверного не смогли

сказать. А те лица, которые ожидали инцидентов, были разочарованы. Как раз перед нашим приездом в Бирму в этом же институте было организовано выступление ряда иностранных гостей, которое закончилось большим скандалом. Нам предрекали, что и мы напоремся на идентичную неприятность, но этого, к огорчению наших противников, не случилось.

Нам предложили осмотреть лицо столицы — базар. Правда, опять предупреждали, что базар есть именно базар: там все может произойти. Но мы все-таки пошли туда, посмотрели на него и лучше представили себе страну. Ведь на базар стекается беднота, которая жизненно нуждается в нем, и мы увидели, что собой представляют составляющие ее классы. Там мы встретились с таким экзотическим явлением: женщина средних лет, сидевшая на корточках, перед которой в корзине извивались кобры, и она им наигрывала на дудочке. Вокруг скопилось много зевак, видимо европейских туристов. Нам рассказали, что раньше с этими кобрами работал ее муж, но год назад был ужален змеей и умер. После смерти мужа за его профессию взялась жена, таким опасным ремеслом зарабатывая себе на кусок хлеба. Работу с кобрами мы видели и в Индии. Однажды Неру пригласил нас к себе на завтрак в собственный дом, чистенький и беленький. Принимали нас в гостиной, где сразу было видно, что тут жилье очень обеспеченного человека. Завтракали мы в небольшом саду с тропическими растениями и цветущим кустарником. Завтракали втроем: Булганин, я и Неру. Затем нам представили мужа Индиры Ганди, владельца типографии. Беседа шла о различных вопросах, касавшихся наших стран, более всего международных, главным образом, как избежать войны.

Затем Неру обратился к людям, обслуживавшим нас, и вскоре пришел факир с корзиной. Улыбаясь, нам представили его как человека, владеющего диковинками. Тот расположился на земле, раскрыл корзину, извлек оттуда пару кобр, началось представление. Он играл на дудочке, а кобры занимали угрожающие позы. Факир буквально подставил змее губы и нос, демонстрируя, что не боится ее. Потом я прочитал кое-что о работе факиров. Некоторые авторы сообщали, что кобре удаляют ядовитые зубы, поэтому она и становится безопасной. Тем не менее, на нас искусство факира произвело большое впечатление. Неру, желая преподнести нам еще немного экзотики, показал маленького ручного медведя, вегетарианца, питавшегося только листьями. Когда его принесли, он сразу полез на дерево. Я тогда сделал вывод, что Неру любит животных.

Сравнивая его с У Ну, скажу, что и глава Бирмы произвел на нас хорошее впечатление, ибо придерживался демократических форм устройства государства. Но у нас не возникло каких-либо иллюзий, что он будет содействовать развитию Бирмы на пути социалистических реформ. Это был человек, который поддерживался капиталистами, да и сам был убежден, что капитализм больше устраивает его народ. Религиозный же его фанатизм, говоря грубо, подмачивался тем прибыльным предприятием, которое было якобы собственностью его жены. Так что в лице господина У Ну капитал и Будда тесно переплетались. Но мы сознательно шли с ним на контакты, старались установить разносторонние экономические связи с Бирмой. Позже, когда он обратился к нам с просьбой о предоставлении более широкой экономической помощи, мы и на это пошли, считая, что, рано или поздно, там придут к власти новые люди, а посеянные нами добрые семена произрастут и дадут свои плоды. Мы не ошиблись. Сейчас СССР как раз пожинает плоды того времени. Наши добрые дела, в том числе, строительство высшего учебного заведения, готовившего инженеров, строительство больницы, отзывались в сердцах бирманского народа.

Зимой 1960 года по пути в Индонезию я вновь посетил Бирму, теперь по приглашению генерала Не Вина⁷, который стал главой правительства. У премьера У Ну возникли большие трудности, он не справлялся с делами. Внутри страны по-прежнему были сильные развиты сепаратистские тенденции. Бирма состоит из нескольких народностей, и все они требовали независимости, и У Ну предложил Не Вину возглавить правительство, с тем чтобы военный человек успокоил оппозицию, а он сам пока что подготовится к очередным выборам. У Ну надеялся вернуться к руководству. Мы приняли предложение генерала и остановились в Рангуне, но ненадолго, на день с небольшим. Состоялась встреча с Не Вином — в его доме. Материальная обстановка свидетельствовала, что генерал — человек среднего достатка. Он показал себя умницей, хорошо разбирающимся в политических вопросах, детально рассказывал нам об истории сопротивления бирманцев во время японской оккупации. Не Вин принимал активное участие в этой борьбе и хорошо отзывался о своих боевых товарищах-коммунистах. Некоторых из них он называл своими ближайшими друзьями. Показывал нам, что с пониманием относится к коммунистической партии, которая после второй мировой войны демонстративно ушла в джунгли, чтобы завоевать расположение всего бирманского народа, но заняла неправильную позицию, сама

себя изолировав. Связь из леса у нее с городами слабая, нет возможности развернуть широкую работу в массах. Лучше бы ей легализоваться и действовать в открытую.

Не Вин, рассказывая о положении, которое сложилось в государстве, дал верную характеристику и У Ну, считая, что его политика была неправильной. Сам он высказался за социалистическое развитие Бирмы. Его высказывания оказались очень близкими моим взглядам, и мне приятно было слушать его. Этот человек, если бы и впредь остался у власти, направил бы Бирму по лучшему пути. Раньше я не раз беседовал с У Ну. С чем сравнить беседы с ними? Разговор с Не Вином ощущался мною как выход из затхлой атмосферы погребца на свежий воздух. Как приятно вдохнуть кислород, так же приятно мне было слушать Не Вина. И все же полного доверия к нему у меня не сложилось. Может быть, он только тактически высказывает такие соображения, а внутренне замышляет другое?

Приятное впечатление произвела на меня его жена, общительная, остроумная и образованная женщина. Она много рассказывала о Бирме и высказала пожелание побывать в Москве будучи большой любительницей театрального искусства, особенно балета. «Я, — говорила она, — и читала, и слышала о нем, теперь хотелось бы увидеть его непосредственно». Я ей в ответ: «Это зависит и от вас, и от вашего супруга. Вы всегда можете приехать и посетить все наши театры». «Когда же лучше всего?» — «А в сезон, когда работают наши театры». «Тут, — возразила она, — возникает противоречие, потому что тогда у вас зима, а здесь другой климатический пояс, нам будет трудно согласовать сроки». Я улыбнулся: «За наслаждение, которое вы получите от балета, придется пострадать от нашего климата». Эта семья была совершенно не похожа на семью У Ну, чья супруга — торговка по поведению и по занятиям. А тут — совсем другая женщина, образованная, с широким кругозором, начитанный и приятный человек.

Когда я вернулся домой, то рассказал руководству СССР о Не Вине. У нас раньше было о нем совершенно иное представление, которое основывалось на том, что армия вела войну с партизанами-коммунистами. Значит, генерал — реакционер. Не Вина, действительно, нелегко понять. Он возглавляет бирманскую армию, сражающуюся с компартией, и он же ратует за социализм. Я высказался за то, чтобы получше изучить ситуацию в Бирме и установить более тесные контакты с Не Вином. В любом случае нам следовало сблизиться с этим человеком. Мы подозревали, что, возможно, он хочет парализовать нашу политическую активность

в Бирме, а сам преследует реакционные цели; его разговоры — лишь маскировка.

Прошли в Бирме очередные выборы. Победила опять партия, которую возглавлял У Ну. Направление политической линии правительства осталось прежним: маневрирование между социалистическими странами и империалистической Америкой. По существу же проводилась реакционная политика, богатства страны эксплуатировались иностранными фирмами. Бирма очень богата. Там есть нефть, цветные металлы, масса других руд, золото, различные редкие ископаемые, дорогая древесина. Ее сельское хозяйство основано на благоприятном климате и больших земельных площадях. Она экспортирует рис, с которым у нее затоваривание. Когда мы стали строить дружеские отношения с Бирмой, то обязались покупать у нее рис в обмен на наши товары. Потом рис мы продавали Китаю или Индонезии, а у них покупали те товары, в которых нуждался СССР.

Теперь в Бирме внутренняя политика осталась в принципе той же, так что и силы, которые действовали против правительства, сохранились. В результате создались еще бóльшие трудности. Некоторые провинции в открытую угрожают выходом из Бирманского союза. Затем произошел еще один военный переворот. У Ну и его соратники были арестованы. Вся власть перешла к армии. Не Вин снова стал главой государства. Наше отношение к перевороту было сдержанным. Мы какое-то время выжидали, стремясь разобраться, как себя на деле покажет Не Вин. Зато очень быстро это правительство было признано Китаем. По-моему, в Рангун вылетел даже Чжоу Эньлай. Мы несколько были озадачены, отчего это Пекин проявил такую торопливость? Шло время, наше посольство докладывало о направлении деятельности Не Вина. Пока все шло так, как мне при былых встречах рассказывал нам генерал. И Москва изменила свое отношение к перевороту, признав новую власть в Бирме. Наши отношения улучшались и стали лучше тех, что были при У Ну, превратились в дружеские. Не Вин начал претворять свои мысли в конкретные дела.

Сейчас я слежу за происходящим только по газетным сообщениям и по радио. Поэтому конкретных фактов о деятельности того или иного правительства у меня нет. Вижу лишь, что не одни декларации Не Вина, а и реальные поступки свидетельствуют о трезвом направлении его политики.

Он так же, как и президент Египта Насер, объявил, что руководствуется в развитии своего государства и экономики социалистическими идеями.

Что касается нашей прежней осторожности, то мы ему никак не мешали. Напротив, продолжали помогать кредитами, строительством нужных государству объектов⁸, дипломатической поддержкой и общественной (через печать).

Я читал в газетах, что Не Вин освободил из тюрьмы У Ну и членов его правительства.

Господин У Ну сейчас обивает американские пороги, мобилируя эмигрантские силы на борьбу против существующего правительства. Насколько реальны надежды У Ну? Мои симпатии находятся на стороне Не Вина, а не У Ну, который впрягся в телегу США.

Если правительство и генерал Не Вин продолжают правильную политику, будут опираться на марксистско-ленинское учение, то влияние Не Вина окрепнет, и народ его поддержит.

¹ Премьером Бирмы У НУ являлся в декабре 1947 — июне 1956 и — с перерывами — в апреле 1957 — марте 1962 гг. Его визит в СССР состоялся в октябре 1955 года. Ответный визит приходился на февраль 1960 года.

² В августе 1944 г. возникла Антифашистская лига народной свободы. Герой освободительной борьбы и президент АЛНС АУН САН (1915 — 1947) был вместе со своими соратниками убит террористами.

³ КПБ появилась 15 августа 1939 г. В сентябре 1942 г. она стала образовывать подпольные антияпонские группы, в августе 1944 г. вошла в единый антиимпериалистический фронт, спустя год вышла из подполья. В феврале 1946 г. в ней произошел раскол, отделилась группа ТАКИН СО (Компартия красного флага). В октябре 1946 г. КПБ была исключена из АЛНС. В марте 1948 г. развернулись репрессии против КПБ, началась гражданская война.

⁴ У БА СВЕ — один из основателей Социалистической партии Бирмы, генеральный секретарь АЛНС в 1947 — 1952 гг., вице-президент в 1952 г. и президент в 1958 — 1963 гг. В 1956 — 1957 гг. премьер-министр. Министром в правительстве У НУ он являлся в 1952 — 1953 гг.

⁵ Белый цвет на повязках отличал ее приверженцев от красноповязочников, а в принципе белый цвет в Бирме считается символом благородства.

⁶ Р.Л. КАРМЕН (1906 — 1978) — кинодокументалист, народный артист СССР.

⁷ НЕ ВИН (ШУ МАУН) — один из соратников АУН САНА. В 1950 — 1972 гг. главнокомандующий вооруженными силами Бирмы, в 1958 — 1960 гг. премьер-министр, в 1962 — 1974 гг. председатель Революционного совета и Революционного правительства, в 1974 — 181 гг. президент, в 1971 — 1988 гг. председатель Исполкома ЦК Партии бирманской социалистической программы.

⁸ В 1959 — 1961 гг. были построены по проекту советского архитектора П.Г. СТЕНЮШИНА Технологический институт и тогда же по проекту В.С. АНДРЕЕВА и К.Д. КИСЛОВОЙ, гостиница «Инья-Лейк», а также госпиталь. Первое обширное соглашение об экономическом сотрудничестве СССР и Бирмы было подписано еще 17 января 1957 года.

ОТ ИНДИИ К АФГАНИСТАНУ, ИРАНУ И ВНОВЬ К ИНДИИ

На обратном пути из Индии в Советский Союз мы получили приглашение от правительства и короля Афганистана остановиться на несколько дней в Кабуле для бесед¹. Мы охотно приняли это предложение, так как Афганистан нас очень интересовал. За Афганистаном ухаживали США. Они давали ему кредиты, брали на себя проведение дорожных работ, возводили какие-то сооружения и предлагали свои услуги относительно разработки естественных богатств. Одним словом, все было направлено на то, чтобы вовлечь Афганистан в их блок. Это нас беспокоило, потому что каждому, даже неискушенному политику, ясно, что Афганистан не представляет интереса как военная сила для империалистов. Он им интересен как сосед СССР. Было бы выгодно использовать его территорию для размещения военных баз, нацеленных на СССР. Наша граница с Афганистаном составляет около 2000 километров. Если бы Афганистан предоставил свою территорию под военные объекты США, это вызвало бы у нас серьезное беспокойство. Англия сюда свой нос уже не совала. Функции международного жандарма выполнял американский империализм. Поэтому мы хотели, чтобы Афганистан установил с нами дружеские отношения и с доверием относился к нашей политике. Мы против Афганистана не замыслили ничего агрессивного, не собирались вмешиваться в его дела².

Получив приглашение, мы посчитали, что оно может в какой-то степени содействовать осуществлению наших желаний. Во время посещения Индии действовала такая традиция: сначала давался концерт в нашу честь, потом выступали и наши артисты, которые приезжали сразу с нами либо позже нас. У нас в этом плане было чем похвастаться, и такие концерты производили везде очень хорошее впечатление. Мы хотели то же самое сделать и в Афганистане. Поэтому на второй день после нашего приземления в Кабуле туда прилетели из Индии наши артисты и мы решили, что если в нашу честь будет организован концерт, то и мы со своей стороны предложим выступление наших артистов. Наши артисты дали концерт, но местные власти заранее нас предупредили, что они возражают против артисток как женщин, и сказали: «Дело ваше, но мы хотели предупредить, что это произведет плохое впечатление на зрителей и оставит в них неприятный осадок на долгое время, а некоторые круги афганской общественности перестанут посещать ваше посольство». И мы отказались от сво-

ей затеи: зачем нам лишние хлопоты? Мы ведь хотели расположить к себе афганскую общественность, ее социальную верхушку. Рабочие не имеют возможности бывать на приемах. Мы дорожили добрыми связями с общественностью, с правительственными и королевскими кругами.

Мы провели беседы с премьер-министром Афганистана, дядей короля, Даудом. Мы его так называли для простоты, а у него было более сложное имя. Министр иностранных дел тоже был королевским дядей. И тот, и другой — умные люди среднего возраста. С ними было приятно и полезно вести беседу. Потом нам сказали, что нас хочет принять король. Да и мы желали познакомиться с ним. Беседа была короткой. Мы рассказали о своих впечатлениях об Индии, о внутреннем положении СССР, главным образом о нашей экономике. Разговор велся в теплых тонах, однако мы чувствовали, что король не раскрывается и держит себя в определенных рамках. Распрощавшись с ним, мы затем продолжали беседы с правительством. У нас имелся ряд вопросов, которые там обсуждались: установление более тесных контактов, сооружение дороги от аэродрома до Кабула, о чем нас попросили. Аэродром строили американцы. Нам показали военный колледж, в котором учились сын короля и сам король. После очередного собеседования мы согласились построить хлебозавод в Кабуле. Мы полагали, что лед в какой-то степени тронулся и взаимное доверие, зародившееся ранее, продолжает укрепляться.

Возникла мысль проявить особое внимание к улучшению положения населения Афганистана, которое было бедственным. Настоящей промышленности почти не имелось, жилые здания в столице производили жалкое впечатление, народ одевался так просто, что дальше некуда. СССР предложил Афганистану довольно солидную по тому времени сумму, хотя и сам не располагал излишками валюты, а, наоборот, нуждался в ней. Кабульские власти отказались принять валюту, а потом через людей, к которым мы относились с доверием, разъяснили, почему не могут принять этот дар: они не хотели стать зависимым государством: подарок связывал бы им руки, они благодарны, но принять не желают. Мы твердо знали, что США домогаются заключения договора о расположении там своих военных баз, пугая Афганистан тем, что СССР что-то замышляет против него. Это нас весьма беспокоило. Сумма, которую мы предложили Кабулу, была для нашей экономики очень существенной, и все же мы действовали, по-моему, правильно. Если бы Афганистан пошел на уступки США и вступил в их военный блок, как это сделал Пакистан, то это обошлось бы

нам потом во много, много раз дороже; мы вынуждены были бы создавать укрепления и принимать другие меры для обороны наших границ, а самое главное — имели бы близ нашей территории военные базы США.

В те несколько дней, что мы пробыли в Кабуле, нам организовали национальные соревнования. У нас такие же соревнования проводятся в Средней Азии, называются они «козлодранием». Всадники на лошадях разбиваются на две группы, им намечаются круги, одна сторона должна схватить тушу, и суметь бросить в чужой круг, что и считается выигрышем. Кони были горячие, всадники тоже. Нам рассказывали, что нередко случаются человеческие жертвы: если всадник будет сбит с коня и упадет под ноги лошадей, это может кончиться его увечьем или гибелью. Народу собралась масса, специально были возведены трибуны с навесом, приехало правительство с королем во главе, «козлодрание» протекало с видимым напряжением. Для меня эта игра была новостью. Я никогда ее не видел раньше, а увидев, посчитал грубой. Затем в нашу честь было организовано еще одно соревнование — игра с мячом на конях. Там тоже хватало опасности, зато больше спортивности. И в этой игре случались увечья. Нам рассказывали еще во время визита в Индию, как в ходе подобного же соревнования, проводившегося в Лондоне, участвовавший в игре магараджа сломал себе ногу.

Афганцы внимательно следили за ходом игрищ и бурно реагировали на происходящее, их лица сияли, глаза сверкали. Когда я однажды присутствовал на каком-то празднике в Киргизии, то встретился с идентичным соревнованием, которое является общим увлечением киргизов, таджиков и узбеков. Там наблюдался такой же азарт, как в Афганистане. В Кабуле я впервые увидел женщин под паранджой. Они производили тяжелое впечатление. Идет какой-то истукан с очертаниями человека, на него надет мешок, перед глазами висит черный квадрат — сетка из конского волоса. Через эту густую сетку женщина смотрит и дышит. Когда мы проезжали по городу, то видели много таких фигур. Иногда при встрече некоторые женщины приподнимали паранджу, видимо, стремясь получше рассмотреть русских. Это могли позволить себе, как нам объяснили, только старые женщины, а для девушек или молодых женщин такое совершенно исключено. Конечно, бывали случаи, когда они рисковали жизнью, нарушая сей обычай.

В ходе собеседований и король, и премьер-министр, и министр иностранных дел подчеркивали, что когда афганский народ вое-

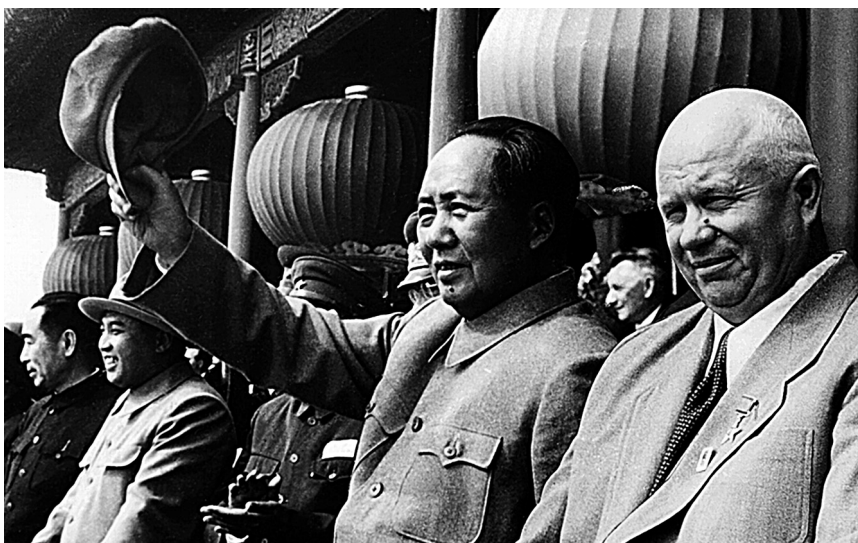
Н.С.Хрущев и Мао Цзэдун на Пекинском аэродроме.

1954 год. Н.С.Хрущев, Н.А.Булганин, А.И.Микоян, Н.М.Шверник и другие прибыли в Пекин на празднование 5-й годовщины Народной революции в Китае. На трибуне — посол СССР в КНР П.Ф.Юдин.

Мао Цзэдун, Н.С.Хрущев, Н.А.Булганин, А.И. Микоян на приеме в Пекине. 1954 год.

Н.С.Хрущев, Мао Цзэдун, Ким Ир Сен на праздничной трибуне 1 октября 1959 года — в десятую годовщину образования Китайской Народной Республики.

В аэропорту Тираны Н.С.Хрущева встретил первый секретарь ЦК Албанской партии труда Энвер Ходжа. 1959 год. Через два года Албания пойдет на разрыв дипломатических отношений с СССР.

Дружеское рукопожатие с президентом ФНРЮ Иосипом Броз Тито.

Н.С.Хрущев и Иосип Броз Тито на отдыхе в Югославии.

Н.С.Хрущев, Иосип Броз Тито с супругой Йованкой в аэропорту перед поездкой по стране.

Н.С.Хрущев и первый секретарь ЦК СЕПГ Вальтер Ульбрихт на одном из заводов. Июль 1963 года.

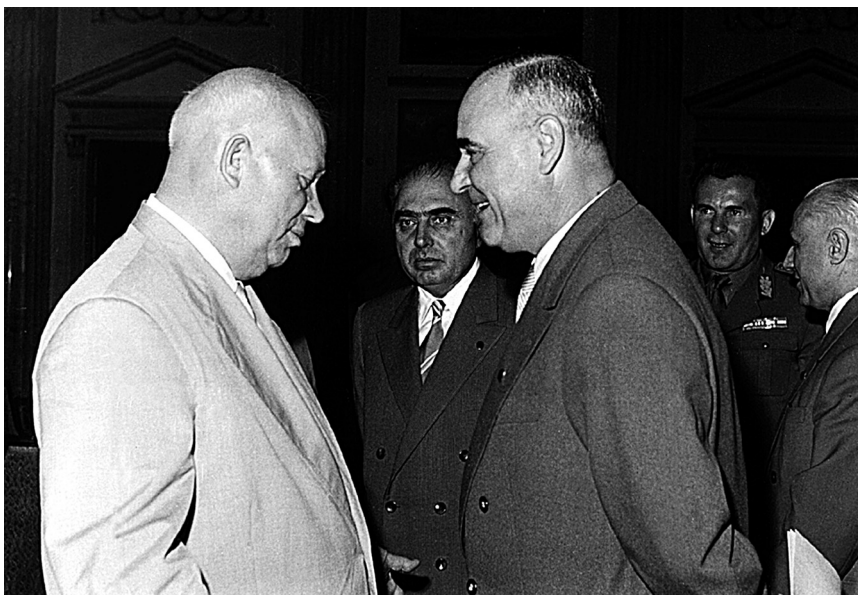
Н.С.Хрущев и первый секретарь ЦК ПОРП Владислав Гомулка во время пребывания Хрущева в ПНР.

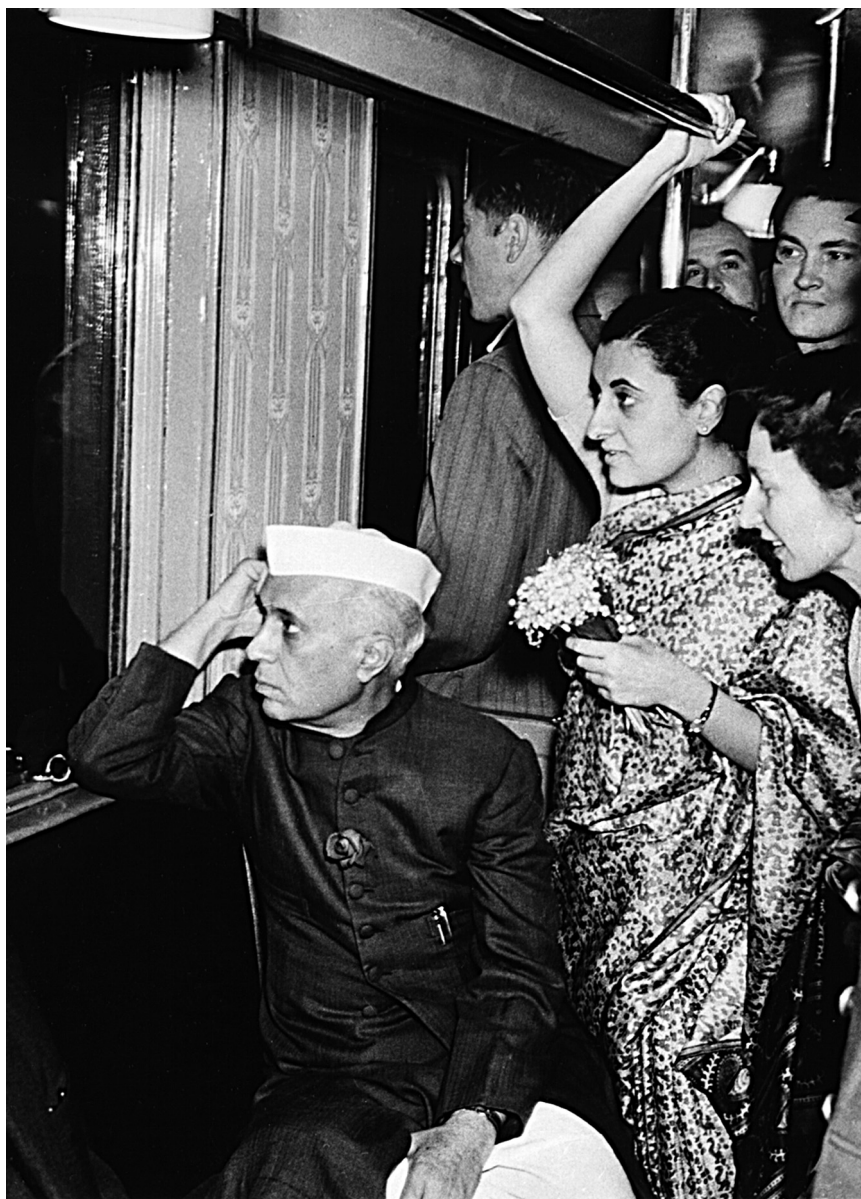
Теплая встреча советской партийно-правительственной делегации во главе с Н.С.Хрущевым в столице Польской Народной Республики Варшаве.

Н.С.Хрущев, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко и первый секретарь ЦК Венгерской социалистической рабочей партии Янош Кадар на берегу Дуная в Будапеште.

На приеме в Бухаресте Н.С.Хрущев и генеральный секретарь ЦК Румынской компартии Георге Георгиу-Деж.

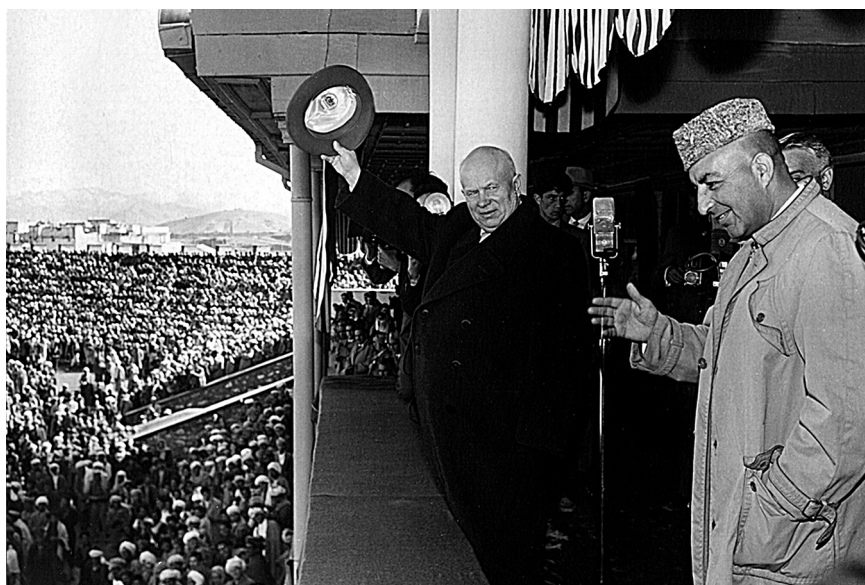
Премьер-министр Индии Джавахарлал Неру с дочерью Индирой Ганди в вагоне Московского метрополитена.

1955 год. Н.С.Хрущев и премьер-министр Бирмы У Ну в Рангуне.

1960 год. Н.С.Хрущев и король Афганистана Мухаммед Захир шах обходят строй почетного караула в Кабуле.

Н.С.Хрущев и премьер-министр Афганистана Мухаммед Дауд на стадионе во время митинга.

Первый секретарь ЦК КПСС Н.С.Хрущев, председатель Президиума Верховного Совета СССР К.Е.Ворошилов, президент Индонезии Сукарно и председатель Совета Министров СССР Н.А.Булганин.

1960 год. Н.С.Хрущев и президент Индонезии Сукарно на приеме в Джакарте.

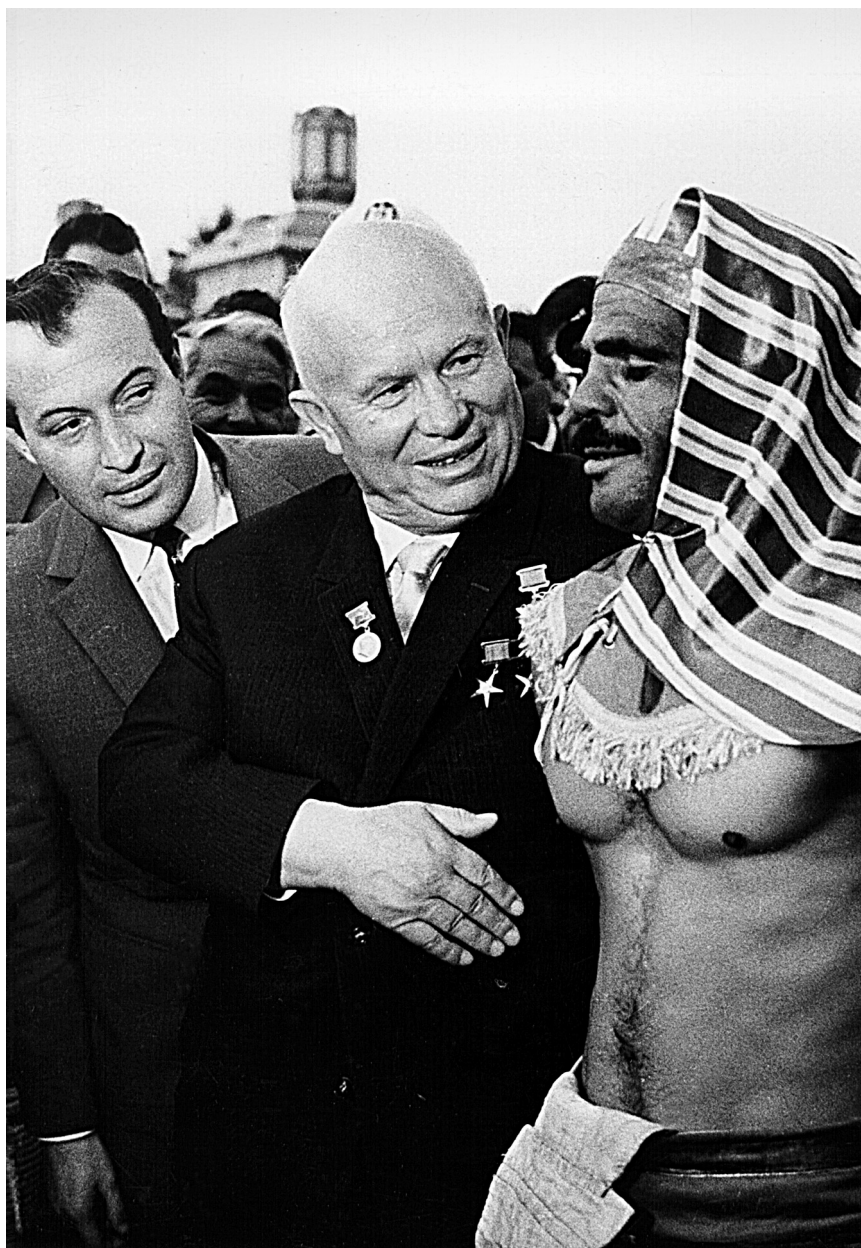
1960 год. Во время посещения острова Бали (Индонезия) Н.С.Хрущеву преподнесли традиционный индонезийский венок из живых цветов.

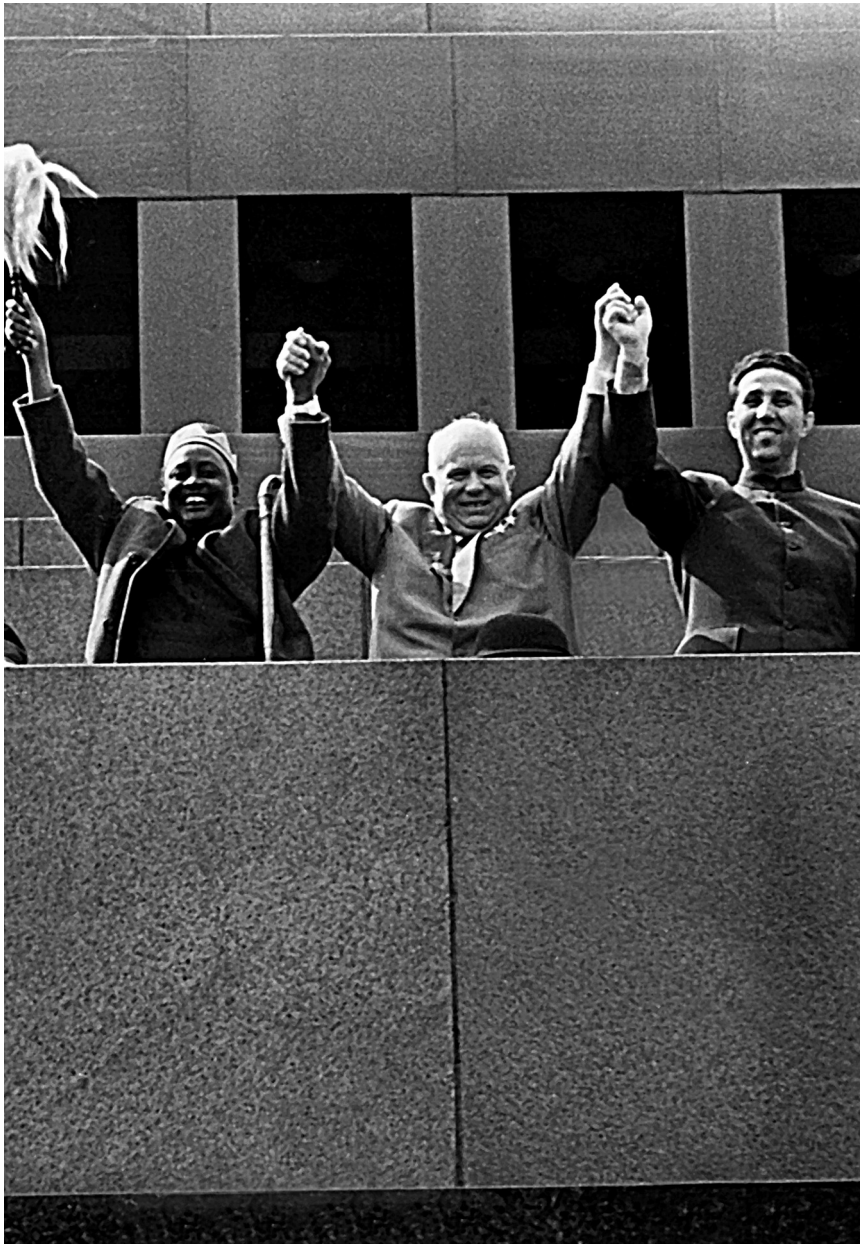
Май 1964 года. Во дворце Кубба в Каире проходили переговоры Н.С.Хрущева с президентом Объединенной Арабской Республики Гамаль Абдель Насером и вице-президентом ОАР Абдель Хакимом Амером.

Во время визита в ОАР Н.С.Хрущев в сопровождении Г.А.Насера и вице-президента ОАР Анвара Садата посетили один из промышленных объектов, соорудавшихся при техническом содействии Советского Союза.

Во время посещения древнеегипетских пирамид и сфинкса в долине Нила Н.С.Хрущева познакомили с участником популярного аттракциона по скоростному «скалолазанию» на вершину пирамиды. Этот человек проделал путь к вершине меньше чем за минуту и получил подарок советского лидера — часы с руки.

Н.С.Хрущев, президент Алжирской Народно-Демократической Республики Ахмед Бен Белла и лидер одного из африканских национально-освободительных движений Одингга Одингга на трибуне мавзолея В.И.Ленина во время праздничной демонстрации 1 мая 1964 года.

вал с англичанами за свою независимость и отстоял ее, то на их стороне в борьбе против колонизаторов выступал СССР. Первой страной, которая признала свободное правительство Афганистана, тоже был СССР³. С другой стороны, первым иностранным правительством, которое признало Советскую Россию, являлось правительство Афганистана. Так у нас издавна сложились дружеские отношения, хотя каждая сторона понимала по-своему ситуацию, которая имела место в другой стране. Афганцы часто ссылались на то, что Ленин относился к ним с должным пониманием, и чтли память великого человека, который подал руку помощи народам Афганистана в самое критическое для них время. Советская помощь оставила глубокий след. Мы теперь этим воспользовались и говорили, что являемся почитателями и наследниками дела Ленина, проводим политику, которая вытекает из его учения, продолжаем его линию в отношении Афганистана и впредь будем ей следовать.

Мои впечатления о Кабуле: холод (стояла зима), некоторая подавленность высотой, на которой он расположен. Особенно тяжело переносил ее Булганин. Он еле ноги волочил и все время лежал, если только согласно протоколу не надо было куда-нибудь ехать. У меня тоже возникло пониженное настроение, но я не потерял работоспособности. Видимо, имел большую природную сопротивляемость. Дворец, в котором нас разместили, роскошный, окруженный большим парком. Мне запомнились в нем родные тополя, приспособившиеся к суровому климату. Сказывалась высота над уровнем моря, потому что в принципе это же юг, и там произрастает хлопок. Более мягкий климат внизу, в долинах.

По возвращении домой мы доложили в ЦК КПСС о своей поездке. Констатировали, что она была полезной, состоялись хорошие встречи и в Индии, и в Бирме, и в Афганистане. Все были довольны результатами поездки. Условились, что следует продолжать ленинскую политику мирного сосуществования и делать со своей стороны все возможное для укрепления дружеских отношений с нашими соседями⁴. Хотя Индия не являлась непосредственным соседом СССР, и она проводила свою особую политику, не участвуя в военных блоках США, что нас привлекало и прельщало, поэтому в отношениях с ней надо было прилагать все усилия, чтобы завоевать еще большее ее доверие. То же касалось Бирмы.

Потом к нам вновь приезжал Неру и другие азиатские государственные деятели, а наша представительная правительственная делегация, которую возглавлял председатель Президиума Верхов-

ного Совета СССР Ворошилов, отправилась, в свою очередь, в Индию. В состав делегации входила, в частности, товарищ Фурцева⁵.

На нее мы возложили особые полномочия приглядывать за Ворошиловым. В то время здоровье Ворошилова находилось в таком состоянии, что он не совсем хорошо разбирался в обстановке и был не в состоянии держать себя соответственно рангу. Характер его стал таков, что он мог, сам не желая того, нарушить наши хорошие отношения с Индией. Началось с протокольного конфликта. Ворошилов наметил себе очень большую свиту, и индийское правительство попросило сократить ее, так как создавались трудности с размещением. Мы пожурили Ворошилова и это дело уладили.

По возвращении домой Фурцева рассказала о новом происшествии в Калькутте. Встреча прошла на должном уровне и соответствовала рангу гостей. Ворошилову предложили такую согласованную заранее программу: посещение исторических мест, памятников, парков, различных учреждений, которые хотели показать нашей делегации. Глава нашей делегации вскипел: «Что вы мне голову будете морочить? Подсовываете всякую чепуху, которую я должен посетить, зачем это мне? Я приехал из Советского Союза и хотел бы, чтобы мне показали ваш рабочий класс, заводы и фабрики. Вот что меня интересует!» Все были смущены. Руководители Индии и данного штата были бы не прочь показать просимое, но дело заключалось в том, что в Индии превалирует частная собственность, и поэтому для того, чтобы попасть на завод, надо сначала заслужить расположение его владельца, иначе никакое правительство, центральное либо местное, не сможет привести туда своих гостей, не согласовав визита с владельцем.

Это напомнило мне анекдот, который некогда гулял у нас. Советский гражданин приехал в Прагу, столицу тогда еще капиталистической Чехословакии, увидел огромный дом и спросил: «Кому этот дом принадлежит?» — «Это дом Бати». — «Бати?» — «Да». — «А раньше кому он принадлежал?» — «И раньше он принадлежал Бате, и сейчас тоже». Вот характерная черта. У советских уже выработался такой рефлекс: «У-у-у, какое сооружение, кому же это раньше принадлежало?» Сразу отвечали, что до революции владельцем был князь такой-то, граф такой-то, капиталист такой-то. Но у нас их давно нет, а за рубежом есть, о чем приходится помнить. В калькуттскую ситуацию вмешался Неру, эластичный человек и к тому же премьер-министр. Он договорился с кем надо, и владельцы каких-то заводов согласились показать свои предприятия гостям. Когда делегация возвратилась, мы Ворошилова

довольно основательно критиковали, разъясняя элементарную разницу между Советским Союзом и Индией. Вообще та поездка произвела впечатление на индийских граждан своей представительностью, но контакты с Неру, с которым Ворошилов повздорил, нам ничего доброго не прибавили, а если подбавили, то скорее ложку дегтя в бочку меда. Фурцева, находясь в Индии, давала Ворошилову товарищеские советы, а он проявлял по отношению к ней большую несдержанность, и потом в Москве набросился на нее, будучи недоволен тем, что мы ее поддерживали, сказав, что она занимала правильную позицию. После нашего с Булганиным визита индийцы обратились за помощью в строительстве металлургического завода. Мы имели сведения, что они обратились с той же просьбой к Англии и ФРГ, желая построить сразу три металлургических завода. Мы выделили им кредиты, договорились о стоимости мероприятия и подписали соответствующий договор. Когда был разработан наш проект завода, его решили строить в Бхилаи. Из-за недостаточной квалификации их инженеров, которые не смогли самостоятельно изучить наш проект, индийское руководство пожелало провести консультацию в Англии, а проект, созданный англичанами, дать для консультации в СССР. Довольно оригинальный метод проверки, но мы ничего не имели против, так как были уверены, что наш проект отвечает современному уровню металлургического производства. Индийское правительство боялось обидеть нас своим недоверием, но мы даже хотели, чтобы англичане, являясь давними специалистами металлургического дела, прислали свое заключение о нашем проекте.

В пору моего детства и юности англичане пользовались в России большим авторитетом как знатоки металлургии. В Юзовке владельцем металлургического завода был Юз. Вскоре после революции этот завод называли именем Сталина. В мое время знаменитую «Дубинушку» пели с такими словами: «Англичанин-мудрец, чтоб работе помочь, изобрел за машиной машину. А наш русский мужик, коль работать невмочь, то затащит родную дубину». Правда, позже эта песня обрела другие слова: «За годами года проходили чредой, изменялась родная картина, и дубина с сохой отошли на покой, их сменила родная машина. Эй, машинушка, легче, эй, железная, сама пойдет». То есть Англия постепенно теряла свое мировое техническое значение. Когда я работал в Донбассе в 1913 г. на шахте, принадлежавшей французской компании, англичане арендовали там один участок по разработке малого угольного пласта. Малый пласт самый тяжелый, и англичане применили машинную выемку угля, а также отбойные

молотки. Они первыми внедрили врубовую машину. Впрочем, и сейчас Англия занимает ведущее положение в ряде технических отраслей производства, и мы вынуждены вести переговоры о закупках у нее современного оборудования.

Итак, мы передали свой проект англичанам, они его изучили, дали заключение и доложили правительству Индии. Из Дели нам сообщили, что английское заключение оказалось очень лестным для нас. Англичане, собственно говоря, никаких замечаний не сделали, сказали, что проект отвечает всем нормам современного металлургического производства. Зато наши инженеры в английском проекте нашли многое, что надо было бы подправить. Так как с ФРГ официальных отношений у нас еще не налажилось, то правительство Индии не просило нас передать свой проект немцам, а немецкий проект — нам. Развернулось негласное соревнование. Мы выбрали для Бхилаи хороших руководителей дела, администраторов, инженеров и даже рабочих, они выехали в Индию. Индия, как и другие иностранные державы, хотела, чтобы мы построили завод на договорных началах. Мы отказались, исходя из того, что не желаем быть работодателями и сталкиваться с рабочими, так как обязательно возникают трудовые конфликты. Конфликты внутри государства возможны, но мы не хотели конфликта индийских рабочих с представителями СССР, чтобы не запятнать нашу политику в глазах пролетариата.

Немцы приступили к работе раньше нас, и мы получали информацию, что они идут впереди. Мы же со своей стороны предпринимали все усилия к тому, чтобы раньше их построить металлургический завод, раньше дать чугун и сталь. Я лично следил за ходом строительства. Наконец, мне доложили, что мы начали выравнивать график, ликвидируя отставание. Я очень уважал товарища Дымшица⁶, который был назначен руководителем данного строительства. Я его знал по работе на юге, когда после Великой Отечественной войны он восстанавливал металлургические заводы Украины. Работая тогда в Запорожье, Дымшиц проявил большие организаторские способности и первым ввел новый способ восстановления доменных печей: на земле изготавливали целиком секции домны, потом кранами поднимали для клепки или сварки прямо на месте. Одну доменную печь, которая там уцелела (остальные были разрушены фашистами), но устарела, оттащили в сторону, а новую надвинули. Так мы выиграли что-то около года во времени. Теперь я его вызвал, рассказал о строительстве в Индии и попросил оказать помощь в Бхилаи.

Дымшиц уехал туда и организовал работу так, что мы вошли в

график. Он лично докладывал Неру о ходе строительства и произвел на него очень хорошее впечатление. Нам это было выгодно. Мы успели закончить свой завод несколько раньше немцев, сдали его хозяевам, и он пошел с первого запуска, без сучка и задоринки⁷. Правда, произошел несчастный случай, который нельзя было предвидеть. Среди прочих там работал один наш хороший инженер, успешно ведший дело. К нему сложилось позитивное отношение со стороны правительства Индии. В выходной день он поехал на охоту со своим сыном-подростком, выстрелил, утка упала, он полез доставать ее из болота, и тина его засосала. Это для всех стало большим огорчением. Когда индийцы получили первые чугун и сталь, наш авторитет там резко вырос. Наладка оборудования прошла гладко, наши агрегаты работали без особых к тому усилий, что не всегда бывает, если смонтированное оборудование сразу берет рабочий темп. Немцы же не уложились в график, хотя раньше начали, но они имели долгие простои в процессе наладки.

Не хотел бы тут создавать впечатление, как иной раз у нас делается, что мы уже держим бога за бороду, и что все, нами сделанное, есть наилучшее. Нет, к сожалению, далеко не так. Еще и сейчас мы основательно отстаем в ряде технических отраслей и проблем от мирового уровня. Это огорчает меня ныне и огорчало в былые времена. Я, уже будучи пенсионером, переживаю и болею за нашу страну, за то, что мы еще не набрали должной силы. А пора ведь. Прошло 52 года с тех пор, как рабочий класс Советской России победил, а мы все еще догоняем, догоняем капиталистов и никак догнать не можем. Этот, как мы его называем, гнилой капитализм не раз преподносит нам такие уроки, что мы от изумления рты раскрываем. Я очень хотел бы, чтобы, наоборот, мы в такое положение ставили бы своих противников. Говорю это к тому, что немцы, конечно, тоже признанные металлурги, немецкая техника вовсе не ниже нашей. Полагаю, что тут сказался тот факт, что мы больше строили, и если допускали раньше ошибки, то на них учились, при повторении схожего строительства этих ошибок избегая. Но отсюда не вытекает, что мы должны принимать других и зазнаваться, особенно перед немцами, англичанами, американцами, бельгийцами — искусными металлургами и химиками.

Много рабочих и инженеров из Индии приезжало в СССР пройти стажировку, поработать на заводах, включая металлургические в Запорожье. Это тоже сближало наши народы, мы лучше друг друга узнали. Индийцы получили высокую квалификацию, а потом

на своих заводах становились на положенное место на вахту и прекрасно справлялись с работой. Они всегда знали, что мы от них никаких секретов не держим, наши люди с раскрытой душой делились своими знаниями и опытом. Это очень важно, потому что капиталистические фирмы считают все свое — производственным секретом. Когда же мы охотно делились своими знаниями, это производило сильное впечатление на тех, кого мы обучали. Они понимали, что мы искренне хотим помочь Индии избавиться от колониального наследия в виде нищеты и отсталости.

Мощность Бхилайского завода составляла сначала свыше миллиона тонн стали в год⁸. Как только это строительство было завершено, правительство Индии вступило с нами в переговоры о доведении его мощности до двух миллионов тонн. Мы приняли предложение и приступили к новой работе. Когда я посетил Бхилаи в 1960 г. по пути в Индонезию, то вместе с Неру и индийским министром промышленности осмотрел завод. В местном поселке я заночевал и успел поговорить с рабочими. Если в первые мои встречи с индийцами в 1955 г. я на все смотрел глазами туриста-северянина и воспринимал людей и природу Индии как экзотику, наполненную чудесами, то на новом этапе мы встретились просто как друзья, делавшие общее дело и успешно завершившие его. Я был очень доволен этим. Тогда же мы приняли решение оказать помощь Индии в организации государственного сельскохозяйственного предприятия крупного масштаба вроде нашего совхоза, для чего мы предложили Неру в подарок необходимое количество тракторов, комбайнов, сеялок и других сельскохозяйственных машин. Он с благодарностью принял дар. Затем для консультации мы послали туда инженеров и агрономов.

Вот сейчас я нахожусь на пенсии, и мне порою приходится слышать, что мы осуществляли неразумные акции, разбазаривая народные средства при организации совхозов или чего-то иного в Египте и в Индии. Не знаю, то ли таким людям не разъяснили дело, то ли специально им подбрасывали вредные мысли. Тут налицо глубокое заблуждение. Возьмем простой пример: друзья, работающие на одном заводе, ходят друг к другу в гости, при этом один издерживается, покупает угощение, потом другой приглашает его с ответным визитом к себе и делает то же. Если взять их семейные бюджеты и издержки, то они выше в процентном отношении к бюджету по реальной стоимости, чем поставки в виде машин, осуществлявшихся нашим государством. Но зачем нам это нужно? Там друзья СССР, мы хотим закрепить дружеские отношения, упрочить мирное сосуществование. Между государ-

ствами, чтобы сложились мирные отношения, поступают так же, как в личных отношениях. Если государства дружат, они тоже проявляют какое-то взаимное внимание, приглашают граждан в гости, делают друг другу материальные подношения, но обычно не потребительского характера, а производственного. Тем самым демонстрируют возможности, которыми обладают, и воздействуют на сознание граждан другой страны. Такой метод поведения всегда себя оправдывал и будет оправдывать.

С точки зрения издержек, которые понес СССР, делая мизерные подарки, они себя окупали, упрочив дружеские отношения с Индией. И при посещении там упомянутого совхоза я испытал большое удовлетворение, увидев крупное хозяйство с полями, обрабатываемыми современными машинами. Отличный пример для всего сельского хозяйства Индии. Туда съезжались люди посмотреть на новинку. Самая лучшая пропаганда теории — живой пример. Мы успешно пропагандировали социалистический способ ведения сельского хозяйства на основе крупной механизации. Таковы были наши побуждения, и мы были благодарны, когда Неру принял дар. Ведь не каждый его принимал. В Афганистане валюту у нас не взяли, хотя мы никак не обуславливали способ ее употребления. Там отказались от дара не потому, что были богаты, а потому, что нам еще не доверяли. Старались, конечно, понять наши побуждения, зная, что мы и сами не столь уж богаты и тем не менее предлагаем довольно большой подарок. В чем дело?

Наш жест они отвели, вежливо поблагодарив и отказавшись. Нам было вовсе не приятно встретить отказ, то есть проявление недоверия. Мы постарались взвесить, чем это вызвано, какая акция может последовать с их стороны. Ожидали, что после этого у них начнется заметное сближение с США, которое приведет к усилению американского влияния в Афганистане, получению там каких-то концессий или созданию военных баз. Это вызвало бы огромные ответные затраты со стороны СССР, чего мы не хотели. Вот чем мы руководствовались, когда предлагали свою помощь. Да, она предлагалась безвозмездно, но это оказалось бы во много раз выгоднее. Не говорю уже о дружественной стороне дела, когда, приобретая друзей, мы тоже увеличиваем свое могущество, завоевывая на свою сторону все больше и больше умов, что сокращает возможности врагов использовать наших соседей против нас.

Спросят: а что же для нас сделала другая сторона? Другая сторона не имела тогда возможности что-либо сделать для нас, а могла только благодарить. Так, в Индии ее возможность свелась к угощению плодами и соком манго. Я в первый раз встретился с этим

замечательным продуктом. Неру всегда любил смотреть, как мы расправлялись с диковинным фруктом. Не смейтесь, там сложная операция, которая накапливается опытом. Неру говорил: «Смотрите, как я буду есть, у нас уже выработалась традиция, вот и вы так делайте». Индира Ганди, тоже находившаяся за столом, рассказывала, что в Индии бытует мнение, будто манго лучше всего есть, сидя в ванной, чтобы сразу мыть руки, ибо плод очень сочен и сладок. Самая ценная награда, которую мы получали взамен, — понимание и доверие со стороны индийского народа и Неру.

Американцы на оказание помощи тратили и сейчас тратят миллиарды долларов. Их помощь тоже выражается в виде подарков, то есть каких-то полезных сооружений. При этом они всегда преследуют свои цели. Это капиталистическая страна, поэтому никаких подарков они просто так не сделают, если не смогут извлечь какой-то пользы. Делая подарки в виде концессии на разработку какого-нибудь сырья или на организацию какого-то производства на территории этого государства, они извлекают огромные прибыли. Наряду с этим, они укрепляют военное влияние в этой стране.

Мы руководствуемся учением великого Ленина и питаем братские чувства к народам всех стран. Предлагая помощь, мы не преследуем извлечения каких-либо материальных выгод, или подчинение этого народа. Мы хотим лишь завоевать его дружеские симпатии, объединить наши общие усилия в борьбе за обеспечение мира и процветание народов, а внутреннее устройство каждого государства — это дело каждого народа. Хотя мы, конечно, все делаем для того, чтобы ускорить понимание прогрессивности нашего общества, созданного на основе учения Карла Маркса, Энгельса и Ленина. При этом необходимо проявлять терпение. Я опять повторяю — это сугубо внутренний вопрос.

Наконец, попозже у нас сложились хорошие отношения и с Афганистаном. Они и сейчас таковы. Спустя какое-то время Афганистан не стал ожидать, когда мы ему предложим очередную помощь, и сам начал проявлять инициативу, обращаясь к нам с просьбами. Понадобилось провести дорогу сквозь горы с пробитием туннеля. Эта работа была сделана. Там нет железных дорог, шоссейные дороги — главные артерии, которые связывают провинции и по которым течет экономическая кровь в организме страны. Значение дорог для них колоссально. Наша новостройка протянулась на несколько сот километров от советской Кушки на юг, в сторону Пакистана, и оттуда с ответвлением к Кабулу. Дорога, сооруженная нами, приобрела большое экономическое и стратегическое значение, хотя СССР она дорого стоила.

Эта дорога дает возможность Афганистану перебрасывать грузы и войска, если понадобится, к границе с Пакистаном. По ней в принципе могли бы перебрасываться и наши войска в глубь Афганистана. Если бы Ираном была навязана нам война, то этой дорогой могли бы воспользоваться и мы. Нам было нелегко завоевать такое доверие у короля и правительства Афганистана, убедить их, что мы не злоупотребим их доверием и строим эту дорогу в мирных целях. Одновременно мы обезопасили на том участке свою границу. Афганистан нам не угрожал, но его территорию, если бы у нас не сложилось дружеских отношений, могли использовать наши противники. Я много раз встречался с руководителями Афганистана. Его король в конце концов согласился приехать на отдых в Крым. Мы его и раньше приглашали, но он находил вежливые формы отказа, а отдыхать ездил во Францию. В Крыму мы с ним ходили на охоту. Правда, ничего не отыскивали, не было охотничьей поры. Походили просто с тем, чтобы поразвлечь гостя и показать наши крымские красоты, а также охотничье хозяйство: оленей, муфлонов, всяческую дичь. После своей отставки я из сообщений печати вижу, что Афганистан по-прежнему питает к нам доверие.

В беседах с королем и правительством Афганистана я рассказывал и о наших успехах при разведке нефти и газа на границе Афганистана: «Видимо, и у вас есть эти богатства, они имеют большое значение для развития экономики. Надо провести разведку недр на нефть, газ и другие полезные ископаемые. Почему залегание богатств должно проходить только по границе и не может распространяться на вашу территорию? Естественно, они есть и у вас, надо только их достать». Собеседники смотрели мне в глаза, но проявляли сначала сдержанность. Потом предложили нам по договорным обязательствам провести разведку недр. Мы нашли там большие залежи газа. Сейчас этот газ афганцы предложили нам в уплату за геологические работы и поставки, которые мы производим для промышленности Афганистана.

Конечно, ограниченные люди могут возразить:

— Зачем это делать? Мы могли бы эти средства затратить на нужды нашего народа.

Это правильные рассуждения, но тогда следует проводить иную политику, держа в нищете своего соседа. А это долго не может продолжаться, наши отношения начали бы охлаждаться и могли превратиться во враждебные. Американские капиталисты предложили бы Афганистану разработку недр. Они извлекали бы пользу для себя, и Афганистан получал бы какую-то пользу,

а мы получали бы только вред. Афганские руководители и народ настраивались бы против Советского Союза, враждебные силы на территории Афганистана направляли бы его политику против нас. В конце концов кончилось бы сооружением на территории соседа военных баз. Чтобы парализовать военную угрозу, пришлось бы нам затратить во много раз больше средств, чем мы дали Афганистану в качестве даров.

Вот как надо понимать дела по-государственному и не крохоборничать. Следует авансом нести затраты на то, что в будущем даст огромные прибыли, и материальные, и в виде дружбы.

Как складывались наши отношения с Ираном? Это был очень сложный процесс. Своими корнями он уходил в царское время. Тогда Россия пыталась устанавливать свое господство в Персии, навязывая ей свою волю. Русские оккупационные войска стояли в Персии. Некогда России эта политика стоила жизни ее замечательного драматурга Грибоедова, который был послом в Тегеране. Во время Великой Отечественной войны отец нынешнего шаха⁹ проводил прогерманскую политику, поэтому СССР, договорившись с Англией, вынужден был вновь оккупировать Иран, разделив его территорию надвое. Это тоже наложило свой отпечаток на наши отношения, хотя мы преследовали цель лишь обезопасить свою границу с юга. Всегда страна, вводящая свои войска на территорию другой страны, даже давая какие-то обязательства или объяснения, рискует утратить ее дружбу. Вот и оставался недобрый след, о котором помнил ныне правящий шах-иншах¹⁰. После второй мировой войны мы начали выводить из Ирана свои войска, но их вывод был замедлен Сталиным. Потом развернулась гражданская война в иранском Азербайджане. Шах Ирана понимал, что она организована нами, да и партизаны были снабжены нашим оружием. В конце концов правительственные войска подавили это движение, часть партизан ушла через нашу границу. Это оставило новый недобрый осадок на наших отношениях.

Используя ситуацию, США стали создавать там военные базы против нас¹¹. Шах говорил, что этого нет, но мы не верили. Твердой границы с Ираном у нас не имелось, действовала демаркационная линия, которая оспаривалась. Мы пригласили шаха для беседы на этот счет, договорились об установлении твердой границы, подписали протокол и географическую карту¹². Предложили начать работы по сооружению гидроэлектростанции на реке, которая служит границей между Советским Союзом и Ираном¹³. Наши предложения шах принял не сразу. Теперь я читаю, что такие работы ведутся. Эти воды станут приносить пользу как СССР,

так и Ирану, потому что будут использованы для полива земель, выращивания хлопка и фруктов. Люди сами решат, что им выгоднее выращивать.

Позволю себе повториться, это очень важно. Чтобы заложить доверие, приходится идти на материальные издержки. Они с лихвой окупятся, когда возникнут доверительные и дружеские, а может быть, и союзнические отношения.

Лучше понести полезные издержки, особенно в виде подарков на организацию производства у своего соседа, чем потом нести затраты на военные сооружения, которые никому ничего не дают. Они могут принести только смерть и соседу, и своему народу. А на укрепление мирных отношений денег жалеть не следует, потому что, как говорится, от добра можно ожидать добра со стороны своего соседа. Мы сейчас пожинаем положительные плоды тех затрат на укрепление наших дружеских отношений с пограничными странами: обеспечение безопасности границ в виде гарантий, что наши соседи не будут использованы нашим противником против нас.

Сейчас мне приятно читать в газетах заявление шаха Ирана о дружественной политике в отношении нашей страны. Его надо было, если грубо говорить, заработать, на деле доказать нашу мирную политику. Даже шах, который очень неприязненно относился к нам, в последнем заявлении, сделанном месяц тому назад, сказал, что граница Ирана с Советским Союзом — это граница с дружественным государством и что у Ирана сейчас самые лучшие дружеские отношения с Советским Союзом. Советский Союз оказывает Ирану помощь экономическую, техническую и прочую.

Я сегодня по радио слышал, что уже в этом году заканчивается строительство плотины на пограничной реке. Это тоже выражение дружеских отношений, потому что построить такие сооружения на границе, когда отношения неустойчивы, невозможно.

Могут сказать: «Мы много сделали для Китая, а он встал на путь вражды с Советским Союзом». Что же, бывает, но в этом виноваты не мы. Даже при той ситуации, которая сейчас сложилась у Советского Союза с Китаем, и, казалось бы, при наличии наглядных доказательств, что не следовало бы нести таких затрат, я считаю нашу политику правильной. Мы так действовали, чтобы поднять экономику Китая и укрепить ее на пути строительства социализма. Мы искренне помогали, с тем чтобы наш друг развивался, строил свое хозяйство и укреплял свою независимость, как это сделали мы после Октябрьской революции. Но получили обратное. Все возможно ожидать от людей. Мао Цзэдун, безусловно,

проводит неправильную политику. Но я глубоко уверен, наша дружба оставила глубокий след в сознании китайского народа. Как говорится, мао цзэдуны приходят и уходят, а народ Китая остается. Придет время, когда не будет Мао Цзэдуна, не будет и его последователей, а то здоровое, полезное семя, которое посеяно нами в Китае, прорастет и будет развиваться.

В 1959 году Китай начал военные действия против Индии, чем поставил нас в тяжелое положение¹⁴. Мы заявляли, что у нас с Китаем братские отношения, что мы стоим на общих позициях социалистического строительства. А что может больше сближать народы, чем общие цели в борьбе за лучшее будущее? Но лучшее будущее — не за счет других народов! Мы своей политикой делаем все, чтобы поднять жизненный уровень народов СССР не в ущерб соседям. И всем другим желаем того же. И вдруг — такая война! Нам надо выбирать... Индию мы считали дружественной страной и ее народу желали того же, чего желали себе. Китаем же был поставлен вопрос ребром. СССР требовалось безоговорочно определить свою позицию. Если поддержать Индию, то выступим против братского Китая. Индия — капиталистическая страна, которая и не заявляла о том, что будет строить социализм, а Китай — социалистическое государство. Если мы не поддержим Китай, то разъединим наши усилия в борьбе за прогрессивное будущее. Если нам вести нейтральную политику, то нейтралитет обернется фактически против нас, ибо нанесет ущерб Китаю, социалистическому лагерю в целом. Возникло множество сложных вопросов, и пришлось мобилизовать все наши возможности, чтобы занять правильную позицию.

Сразу же после моего возвращения из США мне надо было отправиться на торжества в Пекине по случаю 10-й годовщины Китайской революции 1949 года. День празднования — 1 октября. В ту пору в наших отношениях с Китаем уже возникло критическое положение, и если бы делегацию возглавил не я, то в Пекине могли бы подумать, что мы встали на путь охлаждения отношений. Поэтому советская делегация была возглавлена Первым секретарем ЦК КПСС и председателем Совета Министров СССР (посты, которые я тогда занимал). И мне пришлось прямо с корабля отправиться на бал: только что прилетев из Америки, вновь садиться на воздушный корабль для отлета в Пекин. Никакого энтузиазма я не испытывал. Чувствовал, что нам придется там очень даже не просто. Знал, что для приема советской делегации все будет сделано сугубо формально. Внутренней теплоты, которая между нами ощущалась раньше, не ожидал. Мао повернул свою

политику на 180 градусов, претендовал на роль вождя международного коммунистического движения. Эта эгоистическая позиция толкнула его выступить против КПСС и других братских компартий. А с индо-китайской границы поступали сообщения о жертвах с обеих сторон. Я слабо верил, что можно будет добиться чего-то путного, и настроение перед торжеством у меня было не радостное.

В ходе конфликта больше потерь несла индийская армия, имевшая меньше военного опыта и худшее оружие. Китайские коммунисты не одно десятилетие вели войну против Чан Кайши и других внутренних и внешних врагов. В китайской армии выработались навыки, сложились кадры, каждый солдат был в военном отношении хорошо подготовлен. Как прозвучит в этой атмосфере советский голос? Пришлось опубликовать Заявление ТАСС, в котором содержалось сожаление по поводу возникшего конфликта между двумя великими народами: нашим братом и другом — китайским народом, и нашим другом, к которому мы относимся с уважением и симпатией, — индийским народом. Мы там не проводили разбора: кто прав, а кто виноват. Иначе пришлось бы кого-то осудить, назвав его агрессором. Да и у нас самих не было особенной ясности. Подробностей дела мы не знали и даже не до конца понимали, чем конфликт вызван. Мы хотели просто высказать свое мнение миролюбивой страны, выразив надежду, что Индия и Китай приложат все усилия, чтобы прекратить войну и восстановить добрые отношения.

Составляя такое Заявление, мы заранее понимали, что в Пекине не воспримут его разумно. Ведь начал-то бои Китай. Индия тогда была слишком слаба и не могла начать военные действия, понимая, что будет обречена на провал. Никакой разумный человек такого не сделает, а мы считали Неру разумным и уж вовсе не воинственным человеком. Когда я прибыл в Пекин, китайцы организовали соответствующую встречу согласно процедуре. Но ход во взглядах и речах ни от кого не ускользнул. Налицо был спектакль без той искренности, которая имела место на аналогичном торжестве в 1954 году. В ходе беседований Пекин выразил свое недовольство нашим Заявлением: «Почему вы сделали Заявление в такой форме и такого содержания? Оно проиндийское и направлено против Китая». Я разъяснил нашу позицию. Но китайские лидеры напустились на Неру, именую его и империалистом, и агентом США, и злодеем. Каких только эпитетов они не придумывали тогда, награждая ими Неру!

Мы с ними не могли согласиться, и я спросил: «Чего вы хотите?

Война идет за какие-то пограничные кусочки. Если граница проходит неправильно, то ее нужно просто исправить. Но для этого существуют дипломатические средства». Мне ответили, что предпринимались попытки, но ничего не вышло. Но я не отступал: «Районы, где сейчас спорят оружием, — малообжитые места в горах, обеим сторонам малопригодные. Имеются ли там чьи-то жизненные интересы? Зачем проявлять нетерпимость к существующей границе, которая сложилась бог знает когда?». «Нет, нет, там важные участки, мы не можем поступиться ими, это китайская земля, захваченная еще англичанами, когда Англия господствовала в Индии, а Индия была ее колонией». «А сколько лет тому назад велась последняя война между Индией и Китаем? Я не знаю этого, помогите мне разобраться». Никто не сумел мне ответить. «Так почему сейчас, когда Индия освободилась от колониального гнета и стала независимым государством, а Китай тоже освободился от эксплуататоров и иностранного угнетения, которое нес на своих плечах, спор должен решаться путем войны? Неру, действительно, буржуазный деятель, но среди всех буржуазных деятелей он наиболее разумен и проводит разумную политику, придерживаясь нейтралитета, невмешательства во внутренние дела других государств и невступления в военные блоки».

Выслушав вновь прежние слова, я продолжал: «Допустим, что вам путем войны удастся отстранить Неру от руководства. Вы ожидаете, что новое правительство Индии станет лучше относиться к социалистическим странам, в том числе к Китаю? Я не ожидаю. Если Неру будет отстранен от руководства, то придет человек, который начнет проводить вообще антисоциалистическую и антидемократическую политику, направленную на сближение с США. Переход же Индии на социалистические рельсы — это внутренний вопрос индийского народа. Зачем вам война? Этим вы настраиваете людей мира против социалистических стран. Потом к вашей же политике станут относиться с недоверием и скажут: «Вот как меркантильно они поступают. Индия — самая миролюбивая страна, ее политика основывалась на идее непротравления злу, если ее саму не затрагивали».

Хотя Неру был не совсем такой человек. Я видел и знаю, какие он принимал активные вооруженные меры против зла, когда у них произошли пограничные конфликты с Пакистаном. Но политика, которую проводил Неру, импонировала нам.

И опять в ответ я выслушал ругательные эпитеты в адрес Неру и Индии. Китайцы сказали, что будут проливать кровь, сколько понадобится, и не уступят ни клочка своей территории.

Кончились празднества, настал день моего отлета. На аэродром меня приехали провожать все пекинские лидеры. Там опять состоялась беседа, с умом организованная и нацеленная на наступление уже против СССР. Агрессивную беседу от китайской стороны поручили вести Чэнь И, министру иностранных дел. Остальные молчали, изредка подавая реплики. С тех пор утекло немало лет. Время — лучший испытатель верности любой позиции. Оно подтвердило разумность советской линии тех лет. Я теперь очень доволен тем, что мы тогда проявили мужество и не отступили, выдержали трудное испытание при выборе точки опоры в определении правильной политики.

Задолго до конфликта с Китаем Индия начала с нами переговоры о продаже ей лицензии, чертежей и технологии на производство истребителей МиГ-21. Этот самолет уже ни для кого не являлся секретом. Его мы к тому времени продавали Египту и Югославии. А после начала конфликта встал вопрос, что ответить Индии насчет самолетов? Китай, конечно, раздувает дело, чтобы закричать, что мы держим сторону Индии в военном конфликте, помогая ей вооружением. Мы долго мучились. Знали, что и в Индии шла борьба: одни боролись за то, чтобы принять к производству МиГ-21, другие выступали против этого и предлагали приобрести американский самолет. США соглашались предоставить необходимые чертежи и технологию.

Что для нас значит не продать МиГ-21 Индии? Оттолкнуть ее. А потом побудить к покупке лицензии в Америке. Индия связала бы себя в производстве современных самолетов-истребителей с американской авиационной промышленностью. Взвесив все, мы решили, что индо-китайский конфликт временный, наступит день отрезвления у Мао, конфликт будет прекращен и забыт. Китайцы умеют, когда хотят, повернуться лицом в нужном направлении и на нужное количество градусов, чтобы сгладить прежнее. И мы решили выполнить свои обещания, оформили договор и отгрузили в Дели несколько самолетов. Применение их в войне не могло иметь какого-либо значения: в Индии не существовало еще кадров, которые могли бы быстро овладеть этими самолетами. Это была покупка на будущее. Лицензию мы передали не секретно, а объявили об этом. Конечно, Китай сразу использовал сообщение для пропаганды среди других коммунистических партий. Но мы дали нужные разъяснения, и абсолютное большинство партий нас поняло правильно. Иначе СССР пришлось бы приспосабливаться к маоистскому Китаю.

Могут сказать: «Хрущев рассказывает об Индии, а примешал сюда Китай». Да, жизнь и политика так переплетены. Трудно говорить об одной стране, не затрагивая другие страны и взаимоотношения с ними. Возвращаясь к Индии, скажу, что мы проводили справедливую линию, направленную на дружбу с Индией. То же касается и Ирана, Турции, даже Пакистана. Пакистан долго не понимал нашей политики и неправильно ее оценивал. Он жил под давлением сил, которые ориентировались на США. Но потом оценил нашу миролюбивую политику. Советские инженеры и геологи, которые выехали в Пакистан, нашли там нефть, газ, другие полезные ископаемые. Это создает исходные условия для прогресса экономики Пакистана. Вопрос наших расхождений — он остается, но решаться должен не путем войны.

¹ Этот визит состоялся 2 — 5 марта 1960 года. Королем Афганистана с 1933 г. являлся МУХАММЕД ЗАХИР-ШАХ (1933 — 1973, род. в 1914 г.), премьер-министром — ДАУД А.МУХАММЕД (1908 — 1978, глава правительства в 1953 — 1963 гг., в 1973 — 1977 гг. глава государства, далее президент).

² На основе ряда соглашений, заключенных с 1955 г., в Афганистане уже были возведены или строились Джангалакский авторемонтный завод, плотина и ГЭС в Наглу, Джелалабадский оросительный канал, автострада Кандагар — Герат — Кушка, автомобильная магистраль Шерхан — Кабул через хребет Гиндукуш и пр.

³ Речь идет о провозглашении 28 февраля 1919 г. АМАНУЛЛОЙ-ХАНОМ независимости Афганистана, признании Афганистана Советской Россией в марте и установлении двусторонних дипломатических отношений в апреле — мае; о третьей англо-афганской войне в мае — августе 1919 г. и фактической поддержке афганцев Красной Армией, разбившей в Закаспийском крае английских интервентов. Официально советско-афганские отношения были определены договором от 28 февраля 1921 года.

⁴ Председатель Президиума Верховного Совета СССР ВОРОШИЛОВ К.Е. побывал в Индии в конце 1960 г.

⁵ ФУРЦЕВА Е.А. была тогда министром культуры СССР.

⁶ ДЫМШИЦ В.Э. (род. в 1910 г.) — видный участник строительства Кузнецкого, Мариупольского, Криворожского, Магнитогорского, Запорожского металлургических заводов, в 1950 — 1953 гг. зам. министра строительства предприятий тяжелой индустрии СССР, с 1954 г. зам.министра строительства предприятий металлургической и химической промышленности, с 1957 г. главный инженер стройки в Бхилаи, с 1959 г. первый зам.председателя и с 1962 г. председатель Госплана и Совнархоза СССР, с 1965 г. председатель Госкомитета Совмина СССР по материально-техническому снабжению, в 1976 — 1985 гг. зам. Предсовмина СССР, Герой Социалистического Труда с 1980 г.

⁷ Все три завода — советский в Бхилайнагаре, британский в Дургапуре, немецкий в Роуркале — начали полную выдачу продукции с конца 1950-х годов.

⁸ Позднее она выросла до 2,5 млн. т стали в год.

⁹ РЕЗА-ШАХ (отрекся от престола 16 сентября 1941 г.).

¹⁰ МОХАММЕД РЕЗА ПЕХЛЕВИ (1919 — 1980), в 1979 г. изгнанный из Ирана.

¹¹ Военное соглашение между Ираном и США было подписано 23 мая 1950 года.

¹² Визит шаха в СССР состоялся с 25 июня по 13 июля 1956 года.

¹³ Серия советско-иранских соглашений той поры: от 2 декабря 1954 г. (урегулирование пограничных и финансовых вопросов), июль 1956 г. (безвозмездная передача Ирану советских прав и имущества в совместном акционерном обществе «Кевир-Хурман»), 16 апреля 1957 г. (взаимные поставки и транзит товаров), 11 августа 1957 г. (проектирование использования вод пограничных рек Аракс и Атрек). В феврале 1959 г. иранское правительство М.Эгбала (1957 — 1960) прервало дальнейшие переговоры двух стран.

¹⁴ Начало китайско-индийского пограничного конфликта приходится на сентябрь 1959 года.

ОБ ИНДОНЕЗИИ

Об Индонезии мы знали очень мало и не проявляли к ней особого интереса. За многолетнее общение со Сталиным я не помню ни одного разговора, ни единого хотя бы его упоминания об Индонезии. К ней он не проявлял никакого интереса, и я не могу сказать, что конкретно знал Сталин об этой стране. О народах, проживающих в ней, ничего и никогда в советском руководстве при мне не говорилось. Впервые об Индонезии мы заговорили на уровне Президиума ЦК КПСС во время подписания Бандунгской декларации в 1955 году. Тогда Индонезия привлекала к себе внимание всего мира, а фамилия ее президента Сукарно¹ стала регулярно появляться в нашей печати. Как известно, руководство СССР читало не только свои газеты, но и ТАССовские сводки, выдержки из сообщений газет со всего мира. Сначала нам по традиции давали ежедневно объемистый пакет, да такой, что мы его весь и осилить не могли. Поэтому я попросил помощников отбирать материалы, выделяя то, что считалось интересным и важным. Но тут был и минус, поскольку материалы просеивались помощниками, и они стали как бы судьями, решая, что я должен читать, а что не заслуживает моего внимания. Порой у членов руководства и их помощников оказывались разные оценки материала, который отсеивался и к нам не посту-

пал. В результате я вернулся к старой практике, сам читая все сводки ТАСС и оттуда узнавая необходимое мне. Касалось это и Индонезии.

Дипломатические отношения с ней были установлены еще при жизни Сталина². Постепенно судьба Индонезии привлекла наше пристальное внимание, и мы стали проявлять к ней постоянный интерес. Она этого заслуживала, как заслуживает и сейчас: огромная многонациональная страна, рабросанная на массу островов, с населением свыше 100 млн. человек, богатая и очень красивая. Ее народы еще заставят говорить о себе и проявят себя на новом пути, несмотря на жестокое поражение, которое было нанесено их левым силам в 1965 году.

Где-то после XX съезда КПСС к нам впервые приехал президент Сукарно³. Мы его встретили с должными почестями. Он произвел на нас впечатление образованного человека и, главное, умного. Ведь понятия образованный и умный не всегда совмещаются. Я встречал многих образованных, но не очень умных людей, а также наоборот, не получивших систематического образования, зато блиставших своим умом. Сукарно же имел и образование, и ум. У нас сразу установились с ним хорошие отношения, нам он понравился. Президент изложил принципы своей политики, нацеленной на нейтралитет вне военных блоков. Еще до нас Индонезия наладила нормальные отношения с Югославией. Да и по своему характеру Сукарно тяготел к Тито. Югославия менее жестко, чем остальные страны, строившие социализм, проводила марксистско-ленинскую политику, вольностей там было больше. Поэтому линия Тито больше импонировала Сукарно, чем наша. Я-то сейчас считаю, что мы правильно следовали марксистско-ленинскому учению, придерживаясь строго классовой позиции. Конечно, немалое в нашей политике оказалось наносным, хотя и объявлялось марксистско-ленинским, а на самом деле было навязано сталинским мышлением и не соответствовало истине жизни. Если говорить об учении основоположников научного социализма, то на практике оно как раз и проводилось в СССР не по-ленински, а по-сталински, с извращениями.

У нас установились с Индонезией связи, постепенно она стала обращаться к нам за экономической помощью⁴. В начале 1960 г. Сукарно пригласил правительственную делегацию СССР посетить его страну. Мы желали этого и приняли предложение⁵. Правительственную делегацию составлял ряд членов Президиума ЦК КПСС, возглавлять ее поручили мне. Меня, как всегда, сопро-

вождал министр иностранных дел Громыко, а также ряд других лиц. Мы отправились туда на самолете ИЛ-18 через Индию и Бирму с приземлением на острове Ява. Встречу нам устроили пышную, соответствующую и нашему рангу, и сложившимся традициям. На улицы вышла масса народа. И сразу же Индонезия своей природной красотой и человеческой теплотой произвела на нас сильнейшее впечатление. Климатическая же теплота подействовала одуряюще.

Когда после всех церемоний, встреч и речей нас привезли в отведенный нам дворец, бывшую резиденцию представителя Нидерландов и королевского наместника, мы с ног до головы обливались потом, духота стояла невозможная. Спасали нас в помещении только вентиляторы. Они обдували человека в спальне над кроватью и вертелись в столовой над столом, разгоняя застойный воздух. Это облегчало существование, и все равно нам было очень тяжело, особенно ночью. Спать просто невозможно. К тому же налетало множество moskitov, от которых спящих защищали сетки.

Еще до визита мы заключили двусторонние соглашения о поставке советского оборудования, кредитовали разработку месторождений олова и других ископаемых. Сукарно также обратился к нам с просьбой построить в столице страны Джакарте стадион на много тысяч зрителей. Строили его наши специалисты по советским проектам. Сукарно пригласил нас посетить это строительство. Я только потом понял, что он хотел, чтобы общественность знала, что президент в этом мероприятии принимает самое большое участие, прежде всего как его инициатор. Он вместе со мной производил там какую-то символическую работу: мы дергали за шнур, приводивший в действие паровой молот, который забивал сваи. Все это происходило несколько театрально, но такой уж был у него характер. Например, когда он попросил СССР построить в столице грандиозный и весьма дорогой стадион, я удивился, полагая, что это неразумная трата денег.

Индонезия была еще отсталой страной; настоящая промышленность только начинала развиваться; жила она за счет эксплуатации природных богатств и экспорта сырья. И вдруг — в первую очередь — стадион! «Зачем он вам нужен?» — спросил я Сукарно. «Митинги проводить», — ответил он. Театральщина была плохой его чертой. Из числа известных мне руководителей государств он выделялся этим более всех. Неру, например, был совершенно другим человеком. Конечно, руководителям страны приходится выступать на митингах. Но у Сукарно проявлялась тут какая-то

особая слабость: он вообще любил собирать народ, ему беспрестанно нужна была аудитория, следовательно, необходима сцена. Тот стадион, в конце концов, мы построили.

Внутреннее положение в Индонезии оставалось трудным. Коммунистическая партия, очень большая по численности, была не закалена и не сплочена. Ее члены жаждали лучшего и пошли за коммунистическими лозунгами, но не знали, как претворить их в жизнь. Тем не менее она заставляла с собой считаться, проводила своих представителей в парламент и в правительство. Лидером ее был Айдит⁶, еще молодой человек, преданный передовым идеям. Он не щадил своей жизни, защищая интересы трудового народа. Другие руководители КПИ тоже производили на меня хорошее впечатление. Смелые, преданные марксистско-ленинским идеям люди и неплохие организаторы. Они по-своему все делали для того, чтобы Индонезия пошла по пути строительства социализма.

В стране имелась мощная прослойка обеспеченных людей, включая выходцев из Нидерландов. Поражал контраст между нищетой простонародья и роскошными дворцами былой знати. В них потом поселились руководители новой Индонезии. Не знаю, какой собственностью они владели, но разодеты были удивительно, особенно женщины. Их образ жизни никак не соответствовал экономическому уровню развития страны, и они крайне резко выделялись на общем фоне. Однако лидеры КПИ держали себя более достойно, чем и завоевывали симпатии трудового народа.

Огромной силой в стране обладали военные. Среди них выделялся генерал Насутион, в то время начальник штаба индонезийской армии. Какое он производил на меня впечатление? Сравнительно молодой человек, внешне красивый и холерный, несомненно умный. С ним было интересно беседовать. Я встречался с ним много раз, и не только в Индонезии, а и в Москве. Он приезжал в СССР с целью заключить договор об оказании Индонезии военной помощи и продаже ей оружия. Насутион был там весьма влиятельным человеком, но, к сожалению, больше тяготел к американцам и не только не являлся коммунистом, но и прослыл противником КПИ. Конечно, свою антипатию к коммунистам он перед нами не демонстрировал, зато служил главной опорой тем реакционным силам, которые ориентировались на развитие капитализма.

Мы продали Индонезии, причем не за полную стоимость, а по договорной цене, несколько эсминцев, подводных лодок, торпедных катеров и катеров, вооруженных ракетами. На последнем при мне этапе наших взаимоотношений мы продали Индонезии «Ор-

джоникидзе», хороший крейсер послевоенной постройки. На нем мы с Булганиным в 1956 году ходили с визитом в Англию.

Подводные лодки мы поставляли не старые, но снятые с производства, однако сохранявшиеся у нас на вооружении. К тому времени СССР шагнул в строительстве подводного флота далеко вперед. Затем мы продали Индонезии много истребителей и несколько бомбардировщиков ТУ-16, в том числе ракетноносцев, по тому времени очень хороших самолетов. На военных учениях в Черном море я наблюдал, как с таких ракетноносцев поражали корабли-мишени. Действуют они так: не доходя до цели, пилот выпускает ракету и направляет ее, ведя ее лучом, затем самолет разворачивается и уходит, а ракета далее самонаводится на цель. На наших учениях ракетноносцы метко поражали мишени.

Во время пребывания нашей делегации в Индонезии на ряде ее островов местные вооруженные отряды вели борьбу против правительства. В их рядах были и проамериканские силы, оружие они получали от США, о чем мы знали от нашей разведки. Насутион тоже помогал им, но тайно. Что значит, помогал? Вооружение он, видимо, не мог туда доставить, однако поддерживал с ними связь и оказывал им содействие, хотя бы информацией, снабжая сведениями о готовящихся против них действиях правительственных войск. При мне правительственные войска во время одной из операций против восставших захватили американского агента. Насутион содействовал его освобождению. На него нажали американцы. Он имел связь с американской разведкой, о чем мы знали из донесений нашей разведки.

Сукарно был человеком очень мобильным и больше времени проводил за границей, чем в собственной стране. Когда реакционные силы, во главе которых стоял Насутион, подготавливали государственный переворот со свержением Сукарно, он находился в Японии. Из Японии он прилетел к нам и при личной беседе я спросил его: «Известно ли вам, что по требованию американской разведки решающую роль в освобождении агента США сыграл Насутион?» Сукарно испытующе посмотрел на меня, сделал паузу, а потом неожиданно ответил: «Да, я об этом знаю, то было наше общее решение». Но у меня сложилось впечатление, что он сказал неправду, посчитав, наверное, что лучше ему сказать, будто он знал об этом, и тем самым не уронить своего достоинства. Какой был смысл для Сукарно освобождать того человека? Чтобы он продолжил борьбу против государственной системы, которая существовала при Сукарно? Впрочем, президент поблагодарил меня за известие и настоятельно просил и

в будущем информировать его о такого рода вещах. И мы его часто информировали.

Сукарно поднял вопрос о реальном присоединении Западного Ириана к Индонезии и развил для этого бурную деятельность. Мы полагали, что он, стремясь включить эту территорию в состав Индонезии, поступает правильно. Начался затяжной спор. Сукарно нуждался в помощи, именно тогда он и купил у нас крейсер, а также другое морское оружие. Накал борьбы в Индонезии все увеличивался. Сукарно готовился даже военными средствами присоединить Западный Ириан. А когда он поглубже познакомился с процессом подготовки к войне, то обратился к СССР с просьбой помочь ему советниками, обучить его людей овладеть подводными лодками, ракетноносцами, торпедными катерами, эсминцами. Там квалифицированных специалистов еще не было. Мы публично заявили о своей поддержке Сукарно в его борьбе за освобождение всей страны, пошли ему навстречу и послали туда специалистов, включая офицеров, которые фактически командовали подводными лодками, а наши летчики летали на ТУ-16.

Конфликт продолжался там длительное время. В те месяцы приехал к нам министр иностранных дел Индонезии Субандрио⁷, который ранее долгое время был послом в Москве. Очень милый и симпатичный человек. Его в посольстве затем, хотя и не сразу, сменил Адам Малик, которого у нас считали (нас так информировали) стоящим на стороне реакционных сил. Он выступал против сближения с Советским Союзом и за капиталистическое развитие Индонезии. Субандрио занимал прогрессивную позицию и являлся другом СССР. Он не был коммунистом, но, как нам казалось, сочувствовал им, слыл близким человеком и чуть ли не правой рукой Сукарно. Пользовался полным его доверием. С ним рука об руку Сукарно намеревался перестраивать Индонезию.

Я бы не сказал, что Индонезия тогда приняла решение строить социализм. Нет. Сукарно занимал достаточно гибкую позицию и хотя высказывался в принципе за социализм, но за какой социализм, трудно было разобраться. Конечно, он выступал против реакции и придерживался принципов более демократического устройства государства, в чем не было сомнений. КПИ действовала легально. Он привлекал ее людей к управлению государством. Мы по-доброму оценивали политику Сукарно и уважали его, хотя со многими чертами его характера не мирились. Так, он был совершенно не сдержан в отношении к женщинам. Это — его заметная слабость. Тут я не открываю какого-то секрета. Газеты тех лет пестрили сообщениями о его любовных приключениях. Данную

сторону его поведения мы осуждали, но ведь нелегко перебороть человеческие слабости. Мы не понимали, как умный человек, занимающий такой пост, мог позволять себе подобные бытовые выходки? Они дискредитировали его в международных кругах и в своей стране тоже. Мне разъясняли, что мусульмане на это смотрят сквозь пальцы. Не знаю, не знаю...

У Субандрио была замечательная жена. Во время официальных приемов она иногда пела русские песни, причем хорошо. Эта пара, посол и его супруга, пользовались большим уважением со стороны руководства СССР.

Все у нас считали их друзьями. В разгар обострения вокруг Западного Ириана Субандрио уже как министр иностранных дел и доверенное лицо Сукарно приехал к нам.

Я охотно его принял. Субандрио говорил по-русски, и мы с ним беседовали без индонезийского переводчика, ведя самые доверительные беседы. Присутствовал наш переводчик, но только для записи беседы. Мы обсуждали посылку туда военных специалистов. Голландцы сосредоточили значительные военные силы в этом районе. Они заявляли, что не отдадут Ириан и будут за него воевать.

«Каков шанс, что удастся договориться?» — спросил я Субандрио. «Небольшой». «Если голландцы не проявят трезвости ума и вступят в военные действия, — сказал я, — то эта война послужит в какой-то степени учебным полем для наших летчиков, управляющих ракетноносцами. Посмотрим, как сработают наши ракеты». Я позволил себе подобные слова, потому что разговор проходил строго конфиденциально. Да, мы выступали на стороне Индонезии в ее борьбе против колонизаторов. Мы всегда выступали против колонизаторов и сейчас остаемся на тех же позициях до тех пор, пока существует открытый или замаскированный колониализм. Это вытекает из наших убеждений, и здесь я никакого особого секрета не выдаю. Помню, что даже во время произнесения самых острых высказываний Субандрио неизменно мило улыбался.

Из Москвы он улетел в США. Там он, неожиданно для нас, рассказал в Госдепартаменте о беседе со мной во всех подробностях. Я был ошарашен. Сукарно надеется, что Субандрио — его человек, а он на деле оказался человеком США! Мы, узнав об этом происшествии, сообщили о нем Сукарно. Но, как и при случае с Насутионом, президент никак не реагировал, остался невозмутимым и заявил что-то успокаивающее, прося меня не придавать делу особого значения. После такого его ответа у меня сложилось впечатление, что министр иностранных дел информировал руко-

водство США с ведома, а возможно, и по совету Сукарно. Я доныне это допускаю. Ведь Сукарно был человеком себе на уме. Какие цели он реально преследовал? Возможно, хотел через США нажать на Нидерланды? Оба этих государства были союзниками по НАТО, хотя США в открытую не симпатизировали Нидерландам, не желая такими авансами портить себе международную репутацию. А пока что Сукарно через посла просил прислать ему грамотных штабных офицеров, чтобы разработать план боевых действий на случай, если придется пускать оружие в ход. Мы пошли на это и послали туда своих людей. То есть Сукарно балансировал, используя и нас, и США для достижения поставленных целей. Это свидетельствует о том, что он умел строить различные комбинации. Однако такие его действия обижали нас, он-то нас не обо всем информировал, и мы многого не знали.

Практически получилось так, что голландцы были проинформированы о военных средствах, которые получила Индонезия. Сукарно демонстрировал, что они надежны и могут быть эффективно применены. Действительно, США после этого посоветовали Нидерландам пойти на переговоры.

Вашингтон нажал на Амстердам, и Нидерланды после переговоров согласилась передать Западный Ириан⁸ Индонезии. Предварительно на Новой Гвинее провели опрос, и жители ее западной части высказались за присоединение к Индонезии. Надобность применять оружие отпала. Мы были очень довольны. А наши люди, обучив индонезийских военных, благополучно вернулись домой.

Почему же США заняли такую позицию? Как союзники Нидерландов они в случае помощи им выглядели бы агрессорами, чего не хотели и, оберегая чистоту своих риз, не стали пятнать их открытой поддержкой колонизаторской политики. Наш же авторитет в глазах индонезийцев вырос. Мы опять проявили себя искренними друзьями народов, борющихся за свою независимость, и оказали помощь Индонезии не на словах, а на деле.

Еще несколько слов о Субандрио, о его двойственности, склонности к маневрированию. Когда в Индонезии разыгралась драма 1965 г., Субандрио арестовали, осудили и приговорили к смертной казни. Не знаю, казнили ли его, но мне было неловко читать о том, сколь недостойно он вел себя на суде, вымаливая себе жизнь. Рассчитывая на снисхождение суда, он рассказывал, как, будучи министром иностранных дел, информировал о секретных правительственных решениях оппозиционную мусульманскую партию⁹. Тогда Сукарно с ней расправился, и она ушла в подполье. Следова-

тельно, наша информация о том, что министр иностранных дел Индонезии ведет двойную политику, была правильной.

В начале 60-х годов при нашей поддержке Индонезия достигла своих целей на Новой Гвинее. Затем Сукарно начал борьбу за полное вхождение острова Калимантан (бывший Борнео) в Индонезию, включая северную его часть. При образовании Малайзии¹⁰ два района Калимантана отошли к ней. Сукарно развил бурную деятельность. Мы его поддерживали в печати, но сверх того ничего не предпринимали. До переворота 1965 г. Сукарно свою борьбу за Калимантан не сумел завершить.

Отдельно расскажу о природе Индонезии. Она сказочна. Особое впечатление на меня произвела изумрудная зелень в Богоре, где находилась резиденция президента. Во времена колониализма расположенный там большой и роскошный дворец¹¹ принадлежал голландскому губернатору. От Джакарты до Богора всего километров 50. Дорога туда живописная, постоянно проезжаешь мимо колоритных базаров, где прямо на земле разложены огромные лотки с ворохами всевозможных фруктов. Наши люди таких фруктов не только не едали, но и не видали. Богорский дворец — из белого камня. Внутреннее расположение комнат типично дворцовое. Его архитекторы умело действовали: здание производит сильное впечатление и с фасада, и внутренним убранством. Перед дворцом раскинулся широкий зеленый луг, подстриженный в английский стиль.

Увидев его, я вспомнил свое детство в Курской губернии. Весной, когда крестьяне отмечали Пасху, вокруг все так же зеленело. Мне навсегда запомнилась радость весны, приход которой всякий человек в наших краях переживает после окончания зимы. Такие же чувства вызвал во мне тот луг, а рядом — небольшое озеро. При въезде на территорию Богорского дворца я увидел подвешенные к веткам дерева большие черные предметы. «Что это?» — спросил я. Оказалось, то были летающие лисицы, к вечеру они улетают. Эти животные типа летучей мыши живут стаями. Перед сумерками отдельные особи срываются с веток, делая как бы облет. Потом вся стая разом поднимается в воздух, как наши грачи, кружит вокруг места дневки и устремляется на кормежку. Эти ночные зверьки утром возвращаются, а питаются они фруктами, что является истинным бедствием для крестьян, владеющих фруктовыми деревьями.

Богорский дворец располагался на окраине огромного дремучего леса. Я заходил в него, но недалеко. Лес произвел на меня мрачное впечатление: солнце не проникает сквозь кроны, внизу

сырость, стволы деревьев покрыты мхом, с листьев падают капли. В лесу я увидел на цепи двух орангутанов, привыкших к своему жалкому положению и сидевших смирно, с грустным видом. «Зачем вы их приковали? Это производит плохое впечатление», — сказал я Сукарно. Он промолчал.

Во время поездки я особенно страдал от климата. Я уже говорил об этом. Все липнет к телу, все влажное, дышать тяжело. Но с другой стороны, мне было очень интересно все это увидеть, все это созерцать. Мы наблюдали тропические ливни. Ливень разражался как шквал, возникал занавес из водяных струй. Тропический дождь продолжался около часа, потом он прекращался. Выходило из-за туч яркое солнце, образовавшиеся на зеленой траве-мураве капельки воды искрились под его лучами. Раз после ливня на поляне перед дворцом в Богоре появились несколько десятков ланей. Они паслись на этой траве. Очень красивое зрелище.

Неподалеку от дворца расположены богатый зоологический музей и ботанический сад. Их создатель — немец, проработавший там много лет. И музей, и сад, и вся страна поражали воображение разнообразием бабочек неописуемых расцветок и размеров. Когда заходит солнце, появляются армады новых, вечерних бабочек, еще больших размеров.

Мой сын Сережа, увлекающийся коллекционированием бабочек, всегда просил меня привозить ему интересные экземпляры из разных стран, в которые мне доводилось попадать. Я переадресовывал его просьбы своим охранникам, а те, конечно, обращались к местной охране. В Индонезии те и другие вместе гонялись за бабочками. Ловить их трудно, а уметь умертвить и засушить еще сложнее, здесь требуются навык и знания. Но Сергей оставался доволен. Когда Сукарно узнал, что мой сын увлекается ловлей бабочек, он сам стал бегать, смеясь, и ловить их. Этот веселый человек умел пошутить. Видя, как президент гоняется за бабочками для сына Хрущева, окружающие посмеивались над ним.

Сукарно устроил нам поездку в зоопарк. Он хотел показать могучих драконов, сохранившихся на всей Земле только на одном из мелких индонезийских островов. Они несколько похожи на ящеров допотопного периода. В зоопарке обитали эти ящеры, человекообразные обезьяны, другие редкие животные. Ящеры размещались на большой площадке, обнесенной глубоким рвом. Когда стоишь на дорожке, рва не видно и создается впечатление, что ящеры живут на свободе. Им бросили тушу убитого животного. Эти пресмыкающиеся с мощным туловищем и длинным хвостом рвали ее и пожирали. Картина была не из приятных. Вообще

же их можно увидеть только тогда, когда они, изголодавшись, приходят за пищей. Потом, уже дома, я трижды смотрел кинокартину французского режиссера, выезжавшего в Индонезию, где он снимал ящеров на воле, для чего в качестве приманки убили буйвола, устроили засаду и замаскировались.

Но не менее сильное впечатление, чем красоты Индонезии, произвела на меня нищета ее народа. При всем том, что верхушка общества жила в роскоши и довольстве.

Президентом в нашу честь организовывались обеды, куда приглашались представители различных слоев общества, включая гражданских, военных и партийных лидеров. Всегда бывал там товарищ Айдит. Президент не только считался с ним, но и относился к нему с уважением. На обедах нам предлагались экзотические блюда с неимоверно богатым ассортиментом фруктов, и сладких, и кисло-сладких, но нам совершенно незнакомых. Один фрукт, дуриан, запомнился особо. Размерами он сантиметров в 20, с толстой кожурой, утыканной иголками. Внутри плода — бледно-желтая мякоть. Когда подали этот фрукт, хозяева стали переговариваться между собой и, улыбаясь, поглядывать на меня. Я понял, что готовится какая-то шутка. Я взял ложку, зачерпнул мякоть дуриана и поднес ко рту. Тотчас почувствовал отталкивающий запах гнилого мяса. Президент же настаивал, чтобы я откусал плод, и впервые назвал меня при этом товарищем Хрущевым. Он сам ел с удовольствием, и мне показалось неприличным отказываться. Пришлось съесть. На вкус дуриан все же терпим, если зажать нос, чтобы избавиться от запаха. А местные мужчины и дамы ели его с аппетитом, для них дуриан был деликатесом. Потом они шутили на тему, как иностранцы без привычки пробуют дуриан. Готовят дуриан так: разрезают кожуру, после чего возникает самый сильный запах, разделявают, раскладывают кусками на блюде и выдерживают на воздухе. Дурной запах постепенно улетучивается, так что нам подали фрукт уже несколько подвыветрившимся.

Когда же дома я читал книгу об Индонезии, то узнал, что индонезийцы буквально охотятся за деревьями, на которых растут плоды дуриана. Иногда происходят сражения между жителями разных селений за обладание таким деревом. Я усомнился в правдивости рассказа и позже спросил Айдита, так ли это. Тот улыбнулся: «Нет, этот автор — шутник. Действительно, у нас разыскивают в лесу деревья дуриана, все они на учете. И какая-то борьба за то, кто первым снимет плоды, встречается, однако никаких боищ не бывает». Не я один попал в дурианную ловушку. Самолеты между Москвой и Джакартой летали регулярно через день.

Мне захотелось удивить своих друзей дома, и я попросил охрану отправить набор экзотических фруктов членам Президиума ЦК КПСС. Послали многое, в том числе дуриан. Так как самолет летел через Индию и Афганистан, то я послал такие же наборы фруктов для Неру и короля Афганистана. «Ну, и какое осталось у вас впечатление от индонезийских фруктов?» — спросил я потом на обратном пути. И Неру, и король ответили, что один из фруктов оказался испорченным. Описали его, так и есть, дуриан. Они его выбросили. В Индонезии растут, между прочим, и мандарины, но яблок там нет. У тамошних мандаринов более крупные плоды, чем у наших, зато они менее вкусны. Грузинские же вкуснее, хотя и мельче.

Интересно устроен человек. Находясь в Индонезии, я все время чувствовал себя, как в предбаннике, неприятно парило, белье прилипало к телу. Но Сукарно, естественно, испарения не докучали. Как-то мы вместе летели самолетом. Когда поднялись в воздух, появилась прохлада. Я сразу почувствовал родную стихию, стало легче дышать. Взглянул на президента и увидел, что всю теплую одежду, какая у него была, он натянул на себя, лег на кушетку, накрылся с головой и буквально дрожал. Я спросил Сукарно, что с ним? «Удивляюсь, как вы терпите такой холод? Скоро ли мы приземлимся?» — ответил он. Вот что значит привычка к своему климату.

Проезжая по дорогам Индонезии, я обратил внимание на технологию возделывания риса на холмах. Веками крестьяне накапливали трудовой опыт, делали площадки и превращали холмы в террасы. Ежедневные обильные осадки наполняют чеки водой. Сначала крестьяне выращивают там рис, потом туда же запускают мальков и выращивают рыбу, далее пускают утят на откорм и получают утиное мясо. Так с одной площади снимают рис, рыбу и птичье мясо. Это разумное использование земли. Но в то время, когда я имел дело с Сукарно, Индонезия себя рисом не обеспечивала и закупала его в Бирме.

В Богоре Сукарно предложил мне: «Проедемся? Вы посмотрите на наше житье-бытье в небольшом городишке, там вы увидите некоторые национальные обряды». Я согласился. Жду. Время выезда, назначенное президентом, давно прошло. Наконец он пришел, и мы поехали. Только в пути я понял, в чем причина опоздания. Оказывается, Сукарно захотел, чтобы на всем протяжении дороги в населенных пунктах нас встречали толпы народа. Его люди собирали их, и отъезд затянулся. Мне было очень не по себе. Меня корбило это, но и я раб сложившейся традиции. У нас

в СССР издавна отработана такая же схема действий. А лучше было бы, если бы собирались на встречу только желающие. В Индонезии людей собрать труднее, организаций с дисциплиной, которая сложилась у нас, нет. Поэтому Сукарно и волновался, он хотел показать товар лицом, продемонстрировать, как стар и млад выходят на улицы. Было ли главным для него показать, как они встречают представителя советской страны Хрущева? Я думаю, что он хотел мне продемонстрировать, как встречают президента Индонезии Сукарно.

Тем не менее, когда мы проезжали, шеренги были довольно жиденькими. В отдельных местах учителя вывели школьников. И лишь в деревнях народу собиралось побольше. Мне не хотелось обидеть президента, хотя я порывался выразить ему сочувствие в связи с отсутствием желательной массы встречальщиков.

Во время этой поездки мы не выходили из машины, и на индонезийские деревни я глядел из нее. Их жилища — сараи из бамбука. На полу видны настилы, тоже из бамбука, висит какое-то тряпье. Люди носят неряшливо пошитые и заношенные одежды, весь верх открыт, прикрываются они только ниже пояса, груди открытые. Очень неприятная, некрасивая картина. Стоят женщины, держат на руках грудных детишек. Ребенок сосет грудь уже немолодой женщины. Это не те женщины, о которых мне почему-то вспомнились строки: «Элен имела пышную грудь, и она производила впечатление на молодежь»... Здесь грудь вызвала сожаление. Очень грустная картина.

Деревня произвела на меня очень жалкое впечатление. Видно, что народ жил очень бедно. Бедно одетые люди, а жилье примитивное. Выручало их лишь то, что там тепло, так что они нуждались главным образом в крыше от дождя и солнца.

Приехали мы в небольшой городишко к дому с огромной террасой. Там уже расставили сиденья и расписали, где и кому занимать какое место. Отдельно указали места президента и мое. Мне пояснили, что мы увидим процессию. Этот обычай существует только там. Процессия изображает весь жизненный путь человека. Я в детстве видел лубочные картины такого характера. Их печатал в Москве книгоиздатель Сытин, тот самый, который всю свою жизнь посвятил книгам. Его типография выпускала дешевые лубки. Крестьяне и рабочие, желая как-то украсить свое жилье, покупали их. В юности и я являлся таким покупателем «художественных» произведений. На нашем руднике у многих в домах висели картинки с изображением жизненного пути человека от рождения до смерти.

Тут то же самое было показано в виде шествия: впереди шла группа людей с младенцами, потом — женитьба, далее — люди в зрелом возрасте. Одним словом, жизнь, разбитая по этапам. Участники процессии шли группами, каждая художественно представляла отдельный этап. Эти люди были хорошо и красочно одеты. Не знаю, надели ли они театральные костюмы или просто являлись обеспеченными. Мы, сидя, любовались красочным зрелищем. Процессию сопровождали музыканты. Когда проходили мимо красивые девушки, Сукарно заговорщически улыбнулся: «Какая из них больше других вам нравится?». «Да все нравятся. Красивые девушки и хорошо одеты». «Нет, — настаивал президент, — может быть, вот эта?» И показал на одну из них. Я постарался прекратить обсуждение данной темы. «Ну, если эта вам нравится, то и мне тоже, но и другие не меньше». И замолчал. Президент же пустился в обсуждение физических достоинств девушек, что доставляло ему видимое удовольствие.

В Богоре мы провели двое суток, затем отбыли в Джакарту. Там происходили официальные и неофициальные беседы и приемы.

Планом предусматривалась поездка в город Бандунг, по имени которого названа знаменитая декларация 1955 года. Мне Мао Цзэдун говорил, что ее написали китайцы, а конкретно — Чжоу Эньлай. Хороший получился документ.

Из Бандунга мы перелетели на остров Бали, туда, где обычно отдыхает правительство.

Перед приземлением Сукарно меня предупредил: «Вы атеист. Но прошу вас проявить терпение. Согласно местным традициям нас будут приветствовать священнослужители. Тут живут люди двух верований, поэтому одновременно будут звучать два приветствия. Они прочитают молитвы и совершат определенный ритуал, встретят нас поклонами и жестикуляцией рук. Если вы согласитесь участвовать в церемонии, это произведет хорошее впечатление на народ. Будет это полезно и для меня». Я ответил, что мне интересно взглянуть на такую церемонию.

Приземлились. Поехали на автомашинах. Нас встретила толпа. Началась названная процедура. Отслужили что-то вроде молебна. Сначала один служитель монотонно бормотал что-то, затем другой. Так у нас в лесу весною во время брачных игр бормочут тетерева-косачи. Священнослужители говорили попеременно, и я уже еле терпел. Асфальт на площадке был настолько раскален, что я ощущал себя стоящим на сковородке, приходилось переступать с ноги на ногу, мне жгло подошвы. А они все бормочут. Я посмотрел на Сукарно, он молчит. Может быть, при-

вык? Или ботинки заранее надел на толстой подошве? Не выдержав, я тихонько обратился к переводчику: «Нельзя ли сократить?». Он перевел для Сукарно столь же тихо, чтобы никто не услышал. Сукарно подал знак, и постепенно бормотание прекратилось. Священнослужители вроде бы благословили нас, а мы любезно попрощались с ними.

Резиденция находилась на возвышенности, более прохладный климат действительно располагал к отдыху. Расположились и тут же отправились на прогулку. Хозяин показывал окрестности очень красивые: парк, а внизу под горой была система прудов. К ним можно было только пройти, но не проехать. Пруды опоясывались дорожками, при желании в одном из них разрешалось купаться. Там уже плавали люди. Обед у нас был не общим: каждый ел в комнате у себя. На следующий день во дворе наших домиков расположились ремесленники, работавшие по дереву, кости и металлу. Искуснейшие мастера демонстрировали нам замечательные изделия с инкрустацией. Скульптуры были выполнены своеобразно и казались непривычными на наш глаз: пропорции смещены, вытянуты вверх. Мастера-деревообделочники использовали красное дерево, которым богата Индонезия, фигурки из него точеные, красиво отделанные. Покупателей набралось довольно много, наши тоже приобретали.

На следующий день мы снова гуляли у прудов. В одном из них купалась обнаженная молодая женщина с ребенком. Президент упорно вел нас именно к этому пруду. «Да ведь там нагая женщина», — сказал я ему. Он ответил, что на Бали это не имеет значения. Мы подошли, он заговорил с нею, и она, держа ребенка на руках, направилась к нему. Мы пошли дальше, а он остался. Женщина подала президенту ребенка, он подержал на руках, пошутил с ним, и она вернулась к купальной процедуре. Я рискнул заметить ему, что у нас подобное поведение считается неприличным. «Да видели ли вы, как она без всякого смущения вышла и подала мне ребенка, а потом снова ушла?» — проговорил Сукарно.

Президент, любя праздничное общество, обожал танцевать. И любил также, чтобы танцевали все присутствующие. Так он поступал в Богоре и так же продолжал вести себя на Бали. Я человек абсолютно не танцующий, даже в молодости никогда не увлекался танцами, просто не умел. В молодости вообще был очень стеснительным, хотя мне нравилось смотреть, как танцуют другие. В принципе я был бы не прочь принять участие в невинных развлечениях Сукарно, но кроме группового танца, который прежде

знали в Донбассе шахтеры и мастеровые, я не умел ничего другого. Там становились в круг, брались за руки и топтались, вроде как в болгарском коло. Это умели делать все. Примерно такие же однообразные танцы, но до упаду, танцевал и Сукарно, обычно после ужина. Сначала устраивался концерт с исполнением национальных музыкальных произведений, проходили сольные выступления. Затем все танцевали. Так прошел первый вечер, разошлись очень поздно.

На второй вечер после ужина президент снова устроил то же самое. Когда перешли к танцам, я стал прощаться, сказав, что очень устал. «Как? — изумился Сукарно. — Это невозможно, девушки обидятся, сделайте мне одолжение». Он столь же обожал танцы, как и женщин. Порою просто не владел собою. Я все же ушел, некоторые из наших остались. Тут танцором номер один стал Громыко. Утром мне рассказали, до которого часа длились танцы. К тому времени я уже выспался. Сукарно, как бы оказывая внимание гостю, сам больше всех увлекался этим. Ему очень нравилась такая обстановка. Он танцевал по очереди со всеми молодыми женщинами, держался вежливо, и им, наверное, было приятно, что сам президент уделяет им внимание. Он по ходу дела еще и шутил, и вел остроумную беседу.

Нашу делегацию сопровождали два врача. Один из них — специалист по уху, горлу и носу. Мы предполагали, что в такую жару возможны простуды. У нас уже имелся печальный опыт во время поездки по Индии. Вторым врачом был начальник 4-го Главного управления Минздрава СССР Марков, хороший товарищ и отличный врач. Это он предложил мне на всякий случай взять с собой второго лекаря, после того, как я предложил ему поехать с нами. На Бали сопровождавших нас лиц мы разделили на две группы. Одна половина жила с нами, другую разместили на берегу моря. Там тоже хорошие условия, но менее прохладно. Однажды во время завтрака я заметил, что у Сукарно разыгрался насморк. «Господин президент, с нами приехала женщина-отоларинголог, очень красивая, поселили ее у берега моря, отличный специалист, она легко вас вылечит» (я решил и дело сказать, и пошутить, зная его слабость). Гляжу, к обеду наша врачиха уже переместилась в верхний лагерь, а Маркова отправили к той группе. Помещений-то не хватало, разместить всех вместе было нелегко. После ужина опять состоялось культурное мероприятие, как у нас принято называть. И врачиху пригласили. Она действительно была красива и умела хорошо танцевать. Конечно, сразу же привлекла внимание президента, и он с ней оттанцевал. «Как вам

понравился президент?» — на следующее утро спросил я ее. Она улыбнулась с хитрецей и ответила, что он веселый человек.

Мы побывали на еще одном острове. Местную администрацию возглавлял отпрыск старой династии, сохранившей командное положение. Он имел звание генерала и занимал пост губернатора. Коммунисты меня информировали, что этот человек не пользуется их политическим доверием. Гостеприимство он, впрочем, проявил такое же, как и люди в других местах. Сукарно его охарактеризовал, как и коммунисты, но добавил, что генерал честен, и ему доверяют.

Запланировали мы и посещение колледжа. На митинге в колледже молодежь приняла меня очень тепло. Я завершил свое выступление объявлением о том, что советское правительство приняло решение об организации для народов, освободившихся от колониальной зависимости, специального университета в Москве. Он и сейчас существует, носит имя Патриса Лумумбы, ставшего символом непримиримой борьбы с колонизаторами.

Обсуждая вопрос о создании такого высшего учебного заведения, мы исходили из того, что США, Англия и Франция для своих бывших колоний готовили соответствующие кадры. Они организовали учебные заведения, куда принимали молодежь согласно определенным принципам. Иногда предпочитали детей состоятельных людей, иногда — специально отбирали способных студентов и давали им государственные стипендии. Так они выучили обширные кадры, на которые потом и опирались, проводя колониальную политику. Мы же считали, что для проведения антиколониальной политики тоже надо создавать кадры специалистов, а заодно приобщить их к советской культуре, коммунистическому мировоззрению, нашему пониманию общественной жизни. Закончив обучение, эти студенты должны были стать подготовленными людьми не только по своей специальности, но и в области общественных наук. В завершение своей речи в колледже я зачитал постановление советского правительства об организации такого учебного заведения в Москве. Это была торжественная минута. И профессура, и молодежь горячо, дружно и долго демонстрировали свое восхищение этим решением. Сейчас у нас это учебное заведение процветает, называясь Университетом дружбы народов.

Истекал срок нашего пребывания, мы собирались к отъезду. На прощальном митинге выступил Сукарно. Он умел хорошо говорить, слыл искусным оратором, его речи звучали ярко. С нашей стороны выступил я.

Сейчас, встречаясь с людьми, я порой слышу упреки, что мы зря тратим деньги на этих людей, на это обучение. Я разъяснял тогда и сейчас утверждаю, что решение было правильным и необходимым, а издержки закономерны.

Так что такие расходы на распространение марксистско-ленинского учения я считаю оправданными. Мы увеличиваем влияние нашего государства на выбор направления развития общества в этих странах, особенно недавно освободившихся от колониальной зависимости. Наши затраты окупятся не в виде платы за учебу, а значительно большим — доверием к нашей стране и партии. Я убежден, все страны пойдут по нашему пути, будут опираться на марксистско-ленинское учение. А подготовка кадров требует затрат.

Чем больше подготовленных и образованных людей обретут знание марксистско-ленинского учения, тем лучше. Часть их станет общественными деятелями в своих государствах. Такие примеры мы уже имеем. Мы встречаемся с людьми, окончившими у нас институты или университеты и занимающими видные положения в своих странах.

Запомнился мне курьезный случай, происшедший на официальном обеде в Джакарте. Айдит попросил меня: «Хорошо бы поднять тост во здравие генерала, который командует воздушными силами. Это поднимет его влияние». Генерал был или коммунистом, или вроде того. Я засомневался: может быть, не следует этого делать? Но потом уступил настоянию Айдита. И при произнесении тостов попросил слова, что не являлось чем-то необычным, однако все же привлекло повышенное внимание. И я предложил тост за генерала такого-то, сейчас его фамилию не помню. Все поаплодировали и выпили. Немедленно в ответ Сукарно предложил тост за генерала Насутиона. Тут я почувствовал, что президент как-то настороженно воспринял мой тост. Это меня убедило, что я был прав в первоначальных сомнениях. Но что поделаешь, я так поступил по просьбе Айдита. В той ситуации я еще отчетливее увидел, как Сукарно ухаживал за Насутионом. Была заметна тревога на лице президента. Своим тостом Сукарно хотел, частично нейтрализовав мой тост, подчеркнуть значимость Насутиона.

Отношения СССР с Индонезией складывались как наилучшие: мы развивали экономическое сотрудничество, помогали оружием, посылали туда свои командные кадры, а командиры индонезийской армии приезжали к нам на стажировку. Тем не менее лично Насутион (да и не он один) вызывал у нас политические сомнения. Нас беспокоило то, что этот друг Запада был влиятельным человеком в вооруженных силах. Сукарно, беседуя со мной, ут-

верждал, что Насутион не только честен, но и религиозен; через религию на него можно влиять, и постепенно он пойдет по демократическому пути.

Я беседовал с Насутионом неоднократно. Каждый из нас вел себя соответственно своему положению и с соблюдением взаимного уважения. В нем не было заметно даже намек на какое-то демонстративное поведение, он не проявлял неприязни ни к чему в СССР, умел держать себя и не давал повода почувствовать его неприязнь. А она, безусловно, имела место. Он контактировал и с нашими военными. Они хорошо относились к Насутиону, хотя от наших разведывательных органов мы получали информацию, что Насутион связан с американской разведкой. В командном составе вооруженных сил Индонезии служило много коммунистов и еще больше сочувствующих. Среди них Насутион при всей своей значимости вроде бы терялся. А в целом мы полагали, что в Индонезии события развиваются в правильном направлении. Если Индонезия станет на путь строительства социализма, это оказалось бы нашим общим огромным завоеванием, а сама она превратилась бы в мощную опору борьбы против мирового империализма.

Империалистический лагерь понимал это не хуже нас и делал все для дискриминации КПИ и президента Сукарно, который продолжал владеть помыслами народа, и его влияние оставалось очень высоким. Все там шло хорошо, пока маоистский Китай не начал проводить свою особую линию. Когда наши разногласия были обнародованы, их начали использовать классовые враги. Мы сожалели о том, но ничего не могли поделать. На Международном совещании коммунистических и рабочих партий 1960 г. в Москве Айдит выступил со свойственной ему обтекаемостью и эластичностью. Он ничего не сказал против позиции КПСС, но он не выступил и против пекинской позиции. Его эластичность приносила в жертву принципы. Впрочем, от Компартии Индонезии мы другого не могли ожидать, потому что в ней имелась большая прослойка китайцев. Через них компартия Китая оказывала немалое влияние. Правда, индонезийцы иногда по-своему выражали протест против засилья китайских торговцев, громя их лавки. Мы сожалели о выступлениях такого рода, хотя и знали, что китайские торговцы в Индонезии внимательно прислушиваются к голосу Пекина, даже не будучи пролетариями. Пекин влиял на китайское население не только в Индонезии, но и в Сингапуре, Малайзии, других азиатских странах.

В руководстве компартии Индонезии тоже имелись люди китайской национальности. До разногласий СССР с Китаем нацио-

нального вопроса там не существовало. А тут Китай начал как бы прощупывать тамошние настроения. Выявилось, что часть членов Политбюро ЦК КПИ стала на пекинские позиции. Правда, открыто против СССР и КПСС они не выступали, но и нашу политику не поддерживали. Теперь Айдит тоже занял нечеткую позицию, явно склоняясь к китайцам. Это меня удивляло, и я думаю, что с его стороны это была какая-то вынужденная позиция. Я беседовал с ним уже в самый последний период своей деятельности. Кроме него присутствовали еще три представителя КПИ, а со мною были Пономарев и Андропов. Айдит отмалчивался, а я аргументировал линию КПСС, сравнивая ее с китайской и доказывая несостоятельность последней. Айдит все молчал, и я чувствовал, что у него нет выхода. Вскоре он через Китай уехал к себе на родину. Потом я узнал, что в Пекине он не устоял при встрече с Мао, и тот перетянул его к себе. Китайцы взяли его в обработку. Потом они в своих газетах открыто доказывали, что он стоит на пропекинских позициях. После разгрома руководства КПИ в 1965 г. Айдит находился в подполье, затем его арестовали, судили и расстреляли. Нужно отдать должное этому человеку: он заблуждался, но искренне. На суде вел себя умно и умер достойно. Когда компартия Индонезии организовала выступление с целью захвата власти, в советской прессе проскальзывало, что, послушавшись Мао Цзэдуна, КПИ попала в тяжелейшее положение. Для меня же это выступление КПИ оказалось абсолютно неожиданным. Я никогда не думал, что оно может произойти в такой форме, без учета конкретной ситуации, которая сложилась тогда в Индонезии. Погибли десятки тысяч коммунистов и вообще прогрессивных людей, работавших в профсоюзах и в других организациях под руководством КПИ. Потерпела крушение крупнейшая в капиталистическом лагере компартия. Вот что значит поддаваться авантюристическим лозунгам.

¹ СУКАРНО (1901 — 1970) — один из основателей Национальной партии Индонезии в 1927 г., затем ее председатель, президент страны в 1945 — 1967 гг.

² 26 января — 3 февраля 1950 года. Спустя почти четыре года страны обменялись посольствами.

³ В августе — сентябре 1956 года.

⁴ Первое советско-индонезийское торговое соглашение было подписано 12 августа 1956 г. в Джакарте, а 15 сентября там же подписано Генеральное соглашение об экономическом и техническом сотрудничестве. 5 февраля 1958 г. парламент Индонезии одобрил законопроект о получении советского кредита в 100 млн. долларов. Второе генеральное соглашение подписано в Богоре 28 февраля 1960 г.

⁵ Визит состоялся с 18 февраля по 1 марта 1960 года.

⁶ АЙДИТ Д.П. (1923 — 1965) — член КПИ с 1943 г., генеральный секретарь ее ЦК в 1954 — 1959 гг. и затем председатель ЦК КПИ. Погиб после восстания левых 30 сентября 1965 г.

⁷ СУБАНДРИО — посол Индонезии в СССР в 1954 — 1956 гг. А.МАЛИК (1917 — 1984) — посол Индонезии в СССР и одновременно в Польше в 1959 — 1962 гг., затем министр торговли, министр координации, заместитель премьер-министра, министр иностранных дел, председатель Народно-консультативного конгресса, в 1978 — 1983 гг. вице-президент.

⁸ Западная часть о.Новая Гвинея (Западный Ириан) была официально включена в Нидерландское королевство в феврале 1952 г., с чем Индонезия не согласилась. В 1962 г. индонезийские вооруженные силы начали там боевые действия, и 15 августа было подписано соглашение в Нью-Йорке об отказе Нидерландов от Западного Ириана, а 1 мая 1963 г. он вошел в состав Индонезии.

⁹ Машуми (запрещена президентским декретом в августе 1960 г.).

¹⁰ Федерация Малайзия образована в 1963 г. из Малайской Федерации, Сингапура (отделился в 1965 г.), а также Сабаха и Серавака на Калимантане. Вне нее и Индонезии остался на Калимантане султанат Бруней.

¹¹ Создан в Бейтензоре (Богор) в 1817 году.

О ЕГИПТЕ

Хочу рассказать о Египте: как складывались наши отношения с Египетским государством и с его новым руководством после революции, которую совершили молодые офицеры армии, возглавленные Насером и Амером¹. Еще король Египта Фарук² обращался к Сталину с просьбой продать оружие, которое он хотел приобрести для борьбы против колониальных британских войск, расположенных в Египте. Сталин отказал. Не помню, какой был дан ответ, но нам в своем кругу он сказал: «Нет, нам не стоит совать нос в эти дела, Египет — это сфера влияния Великобритании». Когда нашелся какой-то повод (возможно, день рождения?), Сталин велел послать английской королеве в подарок соболю накидку. Это я говорю к тому, как мы тогда относились к Египту. Это не значит, что мы не хотели ему помочь. Наоборот, всемерно хотели, чтобы египетский народ как можно раньше освободился от колониальной зависимости, так как это было не только в интересах египетского народа, но и в интересах советского народа и вообще всего прогрессивного человечества. Просто Сталин

считал, что еще не пришло должное время, хотя мы могли поставить Египту оружие. Думаю, что Фарук имел в виду получить его секретно. Однако какой может быть секрет при поставке оружия в страну, где расположены английские войска? Такой секрет сейчас же станет известен англичанам.

После первого переворота, который совершили там армейские офицеры, Насер и Амер не заняли ведущего положения. Возглавлял правительство какой-то генерал, который придерживался не-прогрессивных, с нашей точки зрения, взглядов и, видимо, стоял за то, чтобы изгнать англичан, но сохранить в стране капиталистические устои. Сейчас не помню, сколько длился переходный период. Затем молодые офицеры³ свергли и этого главу государства. Во главе Египта стал Насер. Сначала политиком, которую он проводил, он тоже не давал и намека, что будет изменять в Египте социально-политический строй. Так что первое время после нового переворота и прихода к власти полковника Насера мы не могли определить, какого же направления во внешней и внутренней политике станет придерживаться его правительство, и склонялись к тому, что там, видимо, произошел один из тех военных переворотов, к которым все уже привыкли. В результате ничего особенного мы не ожидали. Да у нас и другого выбора не оставалось, кроме как ожидать и смотреть, что за направление будет взято новым руководством Египта.

Спустя какое-то время после второго переворота к нам опять обратились египтяне с просьбой оказать им помощь оружием. Они намеревались предпринять серьезные меры, с тем чтобы вытеснить английские войска из Египта, для чего надо было иметь сильную армию. Мы решили оказать нужную помощь. Она была оказана на коммерческой основе, но по льготной цене. То есть мы продали им оружие, главным образом стрелковое и артиллерийское. Египтяне вели свою политику с достоинством, активнее стали действовать против англичан и требовать их ухода. Англичане поняли, что у них нет другого выхода, что придется с пониманием отнестись к национальным требованиям египтян, и согласились на вывод своих войск. Британские войска ушли. Это придало нам уверенности, и мы с большим вниманием стали относиться к запросам египетского правительства. Стало проявляться и уважение к нему: там теперь не какое-то очередное правительство, пришедшее к власти в результате чисто военного переворота, а то, которое защищает национальные интересы народа. Значит, оно заслуживает поддержки в борьбе против колонизаторов.

Тем не менее определить политику и этого правительства опять было очень трудно. Какие социально-политические цели преследует оно? На какой основе думает развивать и укреплять свое государство? Крупные капиталы и банки не были затронуты при перевороте. По-видимому, к власти пришло буржуазное правительство. Но в наших интересах поддерживать и такое руководство, ибо его политика направлена против колониального господства и ослабляла Англию на Ближнем Востоке. Это было в интересах СССР, и мы поддерживали линию Насера. У Тито сложились наилучшие отношения с Египтом. Кажется, когда Тито ездил в Индию, он проследовал на корабле через Суэцкий канал и побывал в Египте. Югославы много писали тогда о новой политике Египта и о египетском руководстве; отмечали его прогрессивность; говорили, что оно заслуживает помощи. У нас в то время еще не наладились заново хорошие отношения с Югославией, хотя они уже улучшались. Когда я встретился с Тито во время его визита в Советский Союз, то мы обменивались мнениями по международным вопросам. Затрагивали и Египет. Тито очень лестно отзывался о политике Насера.

Я ему ответил: «Мне непонятны его выступления, трудно разобраться, чего он хочет. Выступает за то, чтобы создать прогрессивный строй. Но как? Буржуазию он не трогает, банки не трогает. Нам пока трудно оценить, что это за политика, какие цели ставятся перед страной». Тито же доказывал: «Насер еще очень молодой человек, политически неопытный. К тому же военный человек. У него хорошие намерения, но он пока не нашел твердой точки опоры. Надо его где-то сдерживать, а где-то поддерживать. Он хочет хорошего для своего народа. С ним можно договариваться, можно оказывать на него полезное для коммунистического движения влияние, тем самым полезное и для народа Египта». То есть проявлялось желание влиять на Насера не в эгоистических интересах, а с тем, чтобы тесно переплести интересы тех, кто хочет влиять на него и интересы народа. Тут взаимные интересы. Вопрос о социализме — это не вопрос одного народа. Социализм приносит желанные плоды всем народам. Тут не заговор одной стороны против другой, а желание одной стороны поделиться своим опытом и оказать влияние на другую, чтобы она переняла опыт в собственных интересах.

Осенью 1956 года на Ближнем Востоке разразилась война. Международный банк отказал Египту в кредитах на строительство Асуанской плотины. А они уже были обещаны. Тогда Насер национализировал Суэцкий канал. Компания по управлению Суэцким

каналом в ответ отозвала всех своих специалистов и другой технический персонал. Насер обратился к СССР с просьбой оказать помощь своими техническими специалистами. Мы послали туда своих лоцманов и других специалистов, которые требовались для нормальной эксплуатации Суэцкого канала.

Капиталистический мир, а особенно Франция и Англия, считали, что Насер не справится, в результате они получают возможность оказывать давление на правительство Египта. Они быстро увидели, что Насер не будет идти в фарватере политики капиталистического мира, претендует на самостоятельность в деле развития египетского народа.

Тогда у нас с Насером были довольно сложные отношения. Мы оказывали Египту помощь как народу, борющемуся за свою независимость за освобождение от колонизаторов. Мы продавали им вооружение и всемерно содействовали их продвижению вперед. Но были у нас и большие разногласия в вопросах политической и идеологической линии. Насер стоял на позициях особого египетского пути. Я думаю, здесь немалым было влияние товарища Тито, который тоже объявил свой особый путь развития социализма в Югославии. Египетская же формулировка была нам совсем непонятна. Но нам было хорошо понятно, что коммунисты, которые выявлялись Насером, все сидели в тюрьме. Коммунистическая партия была в подполье. С точки зрения нашей коммунистической идеологии он проводил антикоммунистическую, реакционную политику. Нельзя сказать, что мы в Насере видели того, в ком, по нашему мнению, нуждался египетский народ, но мы считали, что в то время более прогрессивного человека там не было. Он мог возглавить борьбу против колонизаторов, он — национальный герой из военных. Он пока не осознал, не выработал, каким путем будет развиваться Египет, какая цель будет поставлена. О научном социализме не было и речи, проскальзывали слова о каком-то национальном социализме. Я это говорю к тому, что у нас тогда с Насером не было взаимопонимания политического и идеологического характеров. Однако мы считали, что для нас полезно, чтобы Египет утвердился как независимое государство, вышедшее из фарватера империалистических держав Франции и Англии. Напряженность быстро нарастала. В конце лета 1956 года Англия стала перебрасывать авиацию на Кипр и на другие острова в Средиземном море. Стало видно, что готовится война. Мы все-таки думали, что Англия и Франция не пойдут в открытую и не объявят войну Египту. Но, к сожалению, как раз это и случилось.

Франция, Англия и Израиль напали на Египет. Я сейчас не пом-

ню, какого-то было числа. Это были последние дни октября. Грянула война. Египет упорно защищался, но силы были неравными и в экономике, и в вооружении. Франция и Англия имели большой опыт и военные кадры, которые прошли большую войну против гитлеровской Германии. Опыт египетской армии ограничивался стычками кавалерии на верблюдах. Главным оружием были винтовка, автомат и пулемет.

Мы очень встревожились. Боялись, что Египет потерпит поражение, и это укрепит положение реакции на Ближнем Востоке.

Ирак тогда возглавлялся реакционным проанглийским правительством. Сирия занимала другую позицию, но тоже была далека от нас. У нас особых контактов с Сирией еще не было, но уже намечалось улучшение в отношениях. Мы понимали, что это будет зависеть от того, как станут развиваться события в Египте, в самой сильной, самой крупной среди арабских республик.

Мы собрались в Президиуме ЦК обсудить, какую нам занять позицию в этом конфликте. Когда мы с Булганиным весной 1956 года были в Англии, в беседах с премьер-министром Иденом и Ллойдом, министром иностранных дел Великобритании, мы все время старались внушить им, что Ближний Восток, Египет близок к нам, и если там разразится война, то нам трудно будет удержаться от того, чтобы не принять участия в конфликте. Мы призывали их, что хорошо бы договориться об обеспечении мира на Ближнем Востоке.

Больше всего мы опасались вторжения в Египет иностранных войск Англии и Франции. Их интересы особенно затрагивались политическим развитием страны под руководством Насера, проводившего независимую внешнюю политику, политику в интересах Египта, а не в интересах бывших колонизаторов. Я уже не говорю об Израиле. И вот теперь война против Египта разворачивалась полным ходом.

Как только мы ликвидировали мятеж в Венгрии, перед нами встала задача оказания помощи египетскому правительству, президенту Насеру. К тому времени создались большие трудности для правительства Египта. Мы хотели поскорее прекратить войну. Я позвонил Молотову.

— Вячеслав Михайлович, я считаю, что нам сейчас следует обратиться с посланием к президенту Соединенных Штатов Эйзенхауэру и предложить совместные действия против агрессивных сил, напавших на Египет, — сказал я ему.

— Ты считаешь, что Эйзенхауэр пойдет на соглашение с нами против Англии, Франции и Израиля? — возразил мне Молотов.

— Безусловно, не пойдет, — поддержал я его. — Но мы тогда сорвем маску с правительства Соединенных Штатов и с президента Эйзенхауэра. Они выступают в печати, осуждают нападение Франции, Англии и Израиля на Египет. А, как говорится, «Васька слушает, да ест». Война идет, и, безусловно, существует негласное согласование позиций. Одни с оружием в руках ликвидируют прогрессивное правительство президента Насера, а американское правительство в лице президента выступает якобы с осуждением агрессивной акции. Если бы они осуждали всерьез, если бы Соединенные Штаты протестовали полным голосом, и Франция, Англия, Израиль поверили бы, что голос звучит действительно серьезно, что предупреждения могут перерасти в угрозу, то, конечно, правительства агрессоров посчитались бы с этим. А так просто распределены роли в спектакле, где разыгрывается ликвидация египетского революционного правительства. Своим предложением мы поставим президента США в затруднительное положение.

— Да, ты прав, — согласился Молотов. — Давай обсудим. Это будет полезная акция.

После совета с Молотовым я поставил вопрос на Президиуме ЦК. Сейчас же обзвонил всех его членов и попросил собраться в Кремле для обсуждения срочного вопроса о наших акциях против войны в Египте.

Собрались. Подготовили соответствующий документ. В послании президенту Соединенных Штатов мы предлагали объединить наши усилия против агрессии под флагом Объединенных Наций. Я обращаю внимание: под флагом Объединенных Наций. Нас проинформировали, что, когда президент Соединенных Штатов получил наше послание, он даже журналистам заявил: «Это невысказано. Русские предлагают нам, Соединенным Штатам, вместе с ними выступить против Великобритании, Франции и Израиля. Это невысказано».

Мы сами считали, что для Соединенных Штатов это невысказано. Они не могли вместе с нами выступить против агрессоров, против своих союзников. Мы хотели сорвать с них маску миротворцев, борцов за справедливость, борцов против агрессии. Борцов на словах, а не на деле. Именно в этой роли выступал президент Соединенных Штатов Америки господин Эйзенхауэр. Мы показали, кто на словах, а кто на деле против агрессии. Через какое-то время после вручения послания президенту мы опубликовали его текст в печати. Одновременно мы составили письма в адрес премьер-министра Великобритании Идена, в адрес пре-

мьер-министра Франции Ги Молле, а также в адрес премьер-министра Израиля Бен Гуриона. Мы их предупредили, что, нападая на Египет, агрессоры рассчитывали, что он значительно слабее их и не имеет такой армии, не имеет такого оружия, как они. Однако есть страны, которые могут встать на защиту Египта и оказать ему помощь, даже не посылая своих войск. Одним словом, мы сделали намек на ракеты. Поэтому мы предлагали прекратить военную агрессию против Египта.

Нам спустя некоторое время, осведомленные люди рассказывали, как проходил процесс согласования действий Ги Молле и Идена. Насколько это правильно, я полагаюсь на тех, кто меня информировал. Говорят, что Ги Молле в это время не уезжал из Совета министров ночевать домой. Когда он получил наше послание, то буквально без штанов, в спальном белье подбежал к телефону звонить Идену.

В штанах ли он поднимал трубку или в кальсонах, сути не меняет. Главное, что через 22 часа после получения нашего предупреждения, серьезного предупреждения, а не китайского, которые уже насчитываются тысячами, агрессия была прекращена.

Таким образом, цель, которая ставилась агрессорами, — сломить сопротивление Египта, ликвидировать правительство, которое проводит независимую политику в интересах Египта и других арабских народов, борющихся против колониального рабства, сорвалась. Это была большая победа Советского Союза, победа его авторитета и его мощи. Франция и Англия, эти две великие державы, вынуждены были считаться с нами. Я не беру во внимание Израиль.

Нам передавали, что к моменту отправки наших посланий в египетском правительстве создалось критическое положение. В Египте тогда еще имелись большие силы, желавшие свержения Насера. Они выступали против радикальной политики, которую тогда начал проводить Насер.

В арабской печати раздавались критические голоса в наш адрес: мол, Советский Союз не принимает мер и не подает руку помощи арабскому народу, подвергшемуся нападению. Резко вырос авторитет Эйзенхауэра, особенно после того, как он публично сделал заявление с осуждением агрессии и потребовал ее прекращения.

Разница-то состояла в том, что когда Эйзенхауэр выступил с осуждением, то агрессивная акция продолжалась. Правительства Англии и Франции понимали, что это тактическая уловка президента Эйзенхауэра, которая не будет иметь никаких последствий.

Когда же мы выступили со своим заявлением, то это была уже не игра на публику, а разговор всерьез. Правительства агрессоров сделали правильный вывод. Это была большая победа прогрессивных сил всех стран мира. Очень высоко поднялся авторитет Советского Союза и не только среди египетского народа, но и в других странах, которые освободились от колониальной зависимости или же вели борьбу за свое освобождение.

Я хотел бы еще добавить следующее. Когда создалось критическое положение в Польше и Венгрии, где антисоветские элементы поносили нашу партию и советский народ, что, конечно, создало для нас трудности, то дипломаты Англии и Франции, не первого ранга, встречаясь с сотрудниками наших посольств в своих столицах за чашкой кофе или за бокалом вина, высказывали такие мысли: «Ну, что же, мы с пониманием относимся к трудностям, которые у вас возникли в Польше и Венгрии. А у нас трудности с Египтом. Давайте негласно договоримся: вы своими средствами ликвидируете свои трудности, но не мешайте и нам».

Видите, как империалисты хотели воспользоваться нашими трудностями и лишить нас возможности поднять голос в защиту борьбы египетского народа против колонизаторов, которые хотели вернуть свое господство в бывших колониях.

Но мы быстро справились со своими трудностями. Я уже говорил, как мы это сделали. В Польше большую роль сыграло новое руководство в лице товарищей Гомулки и Циранкевича. Мы справились с трудностями и в Венгрии. Таким образом мы развязали себе руки и сейчас же подали голос в помощь египетскому народу. Этот голос оказался настолько мощным, что вынудил прекратить агрессию.

Мы были очень рады, что у Идена и Ги Молле хватило мужества прекратить войну.

Война Англии, Франции и Израиля против Египта в 1956 году для Советского Союза стала исторической вехой.

Мы не преследовали эгоистичных, меркантильных интересов Советского Союза. Мы не хотели заменить Англию в Египте или в других арабских странах. Нет! Мы хотели помочь колониальным народам освободиться из-под рабской зависимости. Это ленинская политика, реально внедрявшаяся в практику нашей дипломатии. Египет после этого еще больше сблизился с Советским Союзом, еще больше проникся доверием и уважением к нашей политике, к нашей советской социалистической системе.

Мы многое приобрели ранее того, когда наше вмешательство в пользу Египта при нападении на него Франции, Англии и Изра-

ия высоко подняло авторитет СССР в арабском мире, особенно в египетском народе. Насер говорил тогда много лестного в отношении политики советского правительства. Мы помогали искренне, без всяких условий, с идейных позиций оказывая помощь, с тем, чтобы все колониальные народы смогли завоевать независимость. Наша акция основывалась на гуманных, а не на каких-либо меркантильных интересах.

Сам СССР ни в чем не нуждался. В том числе в богатствах Объединенной Арабской Республики. У нас есть почти все, что они у себя производят или добывают. У нас есть и нефть, и рис, и прочее, чем богат Ближний Восток. Мы вообще более богатая страна. Если у нас чего-то недостает, так некоторых изделий, которые мы стараемся приобрести в других странах не путем войны или каких-то махинаций, а на торговой основе, как практикуется среди всех цивилизованных народов. Что имел в виду Насер, когда заявлял, что война с трехсторонним агрессором была прекращена в результате помощи Советского Союза? Повторю, во-первых, наше обращение к Эйзенхауэру с идеей слить под флагом ООН военные усилия СССР и США против агрессоров, напавших на Египет, было политическим ходом. Мы-то понимали, что Эйзенхауэр не захочет объединяться с нами против своих союзников по НАТО, но хотели сорвать тот покров миротворца, который он напялил на себя, и показать истинное лицо политического деятеля, придерживающегося тех же позиций, что и агрессор. А почему, когда война прекратилась и положение нормализовалось, Израиль отступил с занятых им территорий? Он тогда вместе с французами и англичанами захватил обширные земли. Когда англичане и французы вывели свои войска, Израиль тоже отвел свои. Видимо, имелось соглашение между этими тремя державами. И второе обстоятельство: мы поставили вопрос в ООН и добились осуждения агрессии, а сами заявили публично о наборе наших добровольцев в египетскую армию: танкистов, летчиков, артиллеристов, других военных специалистов.

Да, мы хотели оказать Египту реальную поддержку, послав туда людей, которые в совершенстве владели современным оружием. Это тоже подтолкнуло Израиль к пониманию необходимости отвода войск и освобождению территорий, захваченных в результате тройственного нападения на Египет. Считаю, что этот факт оказался очень существенным для нашей политики, и мы правильно его использовали, поставив условие Израилю: если он не послушается рекомендаций ООН, то столкнется с такой военной силой

Египта, в составе войск которого могут быть и наши добровольцы. Это тоже весьма высоко было оценено египетским народом и Насером. Вот о чем он говорил в своих выступлениях. Но после нормализации положения выявилось различное понимание принципов переустройства Египетского государства. Мы видели непоследовательность Насера. Тито же говорил, что тот просто не понимает некоторых вещей, однако ему надо по-прежнему помогать.

В своих выступлениях, мне думается, под влиянием Тито, Насер стал высказываться о возможности строительства социализма в Египте. Он имел своеобразные понятия о социализме. Тут мы его опять не могли понять и считали, что либо он не разбирается в теории, либо умышленно путает. Ведь при определенных условиях слово «социализм» может стать расхожим понятием. Даже Гитлер свою партию назвал национал-социалистской. А какой у него был «социализм», знает весь мир. Поэтому мы с осторожностью относились к людям, которые брали на вооружение слово «социализм», но конкретно не разъясняли, как они его понимают, как думают им пользоваться, какими путями хотят его достичь. Мы считали, что возможно, Насер вводит в заблуждение свой народ, начав пропагандировать какой-то особый путь, путь арабского социализма. Из-за этих разногласий произошло некоторое, к счастью, кратковременное, охлаждение в наших отношениях.

Теперь насчет победы Египта: если раньше, до размолвки, Насер объяснял ее нашим вмешательством, то после обострения, которое у нас наметилось, стал говорить, что Египет победил потому, что помог Аллах. Когда у нас восстановились дружеские отношения, я ему намекал порой: кто же помог? Мы или Аллах? Он улыбался. Ведь на Аллаха все можно свалить — и помощь, и успех, и провал. Как русские валят на своего Бога, так и египтяне валят на Аллаха.

В СССР еще какое-то время после победы 1956 года проявляли к Насеру настороженность, но одновременно поддерживали его и предложили ему в достаточном количестве оружие. Продавали Египту морское вооружение, торпедные катера и даже самолеты. Все вооружение — стрелковое, артиллерийское, танки, авиацию, морские военные корабли — продавали в количествах, в которых нуждался Насер.

К тому времени у нас уже установились хорошие отношения с правительством Сирии. Но мы поддерживали и Коммунистическую партию в Сирии, самую сильную в арабских странах. Возглавлял ее очень опытный лидер Багдаш⁴. В Сирии довольно уверенным

было демократическое движение в целом. Оно оказывало давление на правительство, стараясь вырвать социально-политические уступки для своего народа. Буржуазия Сирии была в большой тревоге, видя, как набирает силу компартия, оказывающая влияние на общественность страны. Правые круги начали искать возможность избавиться от коммунистического воздействия и удержать страну в рамках капитализма. Вдруг (для нас — вдруг) возник вопрос об объединении Египта с Сирией в одно государство.

В их печати развернулась пропаганда в пользу слияния. И в Египте, и в Сирии действовали довольно большие силы за объединение. Мы же в нем не видели прогресса: Сирия была буржуазно-демократической страной с легальной компартией, в ней установился парламентский строй французского типа. Там для прогрессивных группировок условия были лучше, чем в Египте. В Египте же никакой демократии не существовало. Правила полковники, возглавляемые Насером. Партии функционировали только буржуазные или мусульманские, реакционного характера. Поэтому мы не поддерживали идею слияния и создания Объединенной Арабской Республики. Возможно, Насер копировал Советский Союз, имея в виду возможность вхождения в ОАР любой страны на равноправных началах? Не знаю.

Итак, Объединенная Арабская Республика, в которую все арабские страны смогут вступить, чтобы создать единое и великое Арабское государство? Насер имел в виду, что Египет станет руководящей силой при объединении. Видимо, когда-нибудь позднее ОАР сможет стать прогрессивным явлением. Но в те времена, когда Египетская коммунистическая партия не существовала, а коммунисты находились в подполье или сидели в тюрьмах, и народ не пользовался никакими демократическими правами, когда установилась военная диктатура, то такой строй не обещал Сирии ничего хорошего. В печати советские руководители не выступали против политики Насера, не желая отталкивать его, но и не поддерживали. Зато поддерживали Багдаша, а Багдаш вел, насколько хватало сил у Сирийской компартии, борьбу против объединения с Египтом.

Когда произошел военный переворот в Багдаде и к власти пришел генерал Касем⁵, мы приветствовали переворот, потому что в Ираке ранее был крайне реакционный и террористический режим. Давно пора было покончить с ним. Касем добился довольно легкой победы. Он командовал дивизией, и, когда она проходила через Багдад, он походя сверг правительство диктатора Нури Саида⁶, агента британского империализма. Король был убит.

Победила революция. Правильнее это называть переворотом. Сначала Касем принял прогрессивное направление. Легализовалась Иракская коммунистическая партия⁷, за ней и другие прогрессивные течения. Мы всемерно поддерживали Касема и официально признавали, что там началась революционная ломка прежнего общественного строя.

В момент совершения переворота в Багдаде Насер отдыхал в Югославии. Из Белграда поступила телеграмма от Тито с просьбой Насера принять его в СССР инкогнито. Мы ответили положительно.

К тому времени свершилось образование ОАР. Сирия попала под руководство Насера, демократические условия в ней были ликвидированы. Компартия попала в трудное положение. Сирию стали стричь под египетскую социально-политическую «гребенку». Мы, конечно, не поддерживали этого, выступали против. Наша позиция обижала Насера и не располагала его к нам. Вполне понятно. Он правильно понимал, что мы поддерживаем коммунистов Сирии, которые борются против Египта, против Насера.

Насер прилетел в Москву⁸. Наше руководство предварительно обменялось мнениями по всем вопросам, которые могли быть затронуты, и определило свое отношение к ним. С Насером поручили встретиться мне, один на один. Присутствовали, естественно, люди из МИДа, переводчики и стенографистки. То было мое первое личное знакомство с Насером. Он произвел на меня хорошее впечатление: молодой человек, собранный, умный, с располагающей улыбкой. Он понравился мне, если говорить о сугубо личном впечатлении. Встретились мы за городом, в Ново-Огареве. Вместе с Насером был его будущий посол в Москве Галеб⁹, очень интересный и заслуживающий уважения человек. Он хорошо знал русский язык и служил Насеру переводчиком. У меня имелся наш переводчик, так что наладился полный контакт. Приступили к обмену мнениями. Я начал говорить об объединении Сирии с Египтом, критикуя его. Насер стал доказывать полезность объединения. Но у нас фигурировали доказательства того, что объединение ничего хорошего Сирии не даст, следовательно, никаких положительных результатов не будет и для Египта, что объединение носит искусственный характер. Насер вел себя во время беседы уверенно, а порою, я бы сказал, проявлял даже агрессивность. «Что же вы поддерживаете Багдаша? Вы хотите, чтобы Багдаш руководил нами? Этого мы не потерпим, это просто невозможно».

Насер сводил дело к тому, что Багдаш выступает против объединения, а мы поддерживаем Багдаша, и в этом заключается

ошибка. Говорил, что мы не разбираемся в арабских вопросах и стоим на ложном пути, смотрим на объединение не собственными глазами, а глазами Багдаша, который исходит из узко политических позиций. Затем Насер дал понять, что это только начало. Объединение будет разрастаться. Я в ответ говорил, что сильный Египет нас не беспокоит. Наоборот, мы довольны. Все, что в наших силах, делаем и будем делать, чтобы Египет укреплялся, как и весь арабский мир. Мы в принципе с одобрением относились к идее единого арабского государства. Нас его возникновение не испугает. Не в том дело. «Мы хотим дружить с вами, — сказал я, — и сплачивать наши усилия в борьбе против реакционных сил. Зачем нам выступать против объединения арабских стран? Если же мы сейчас, в конкретных условиях, такое объединение не поддерживаем, то исходим из своих взглядов, считая, что вы ошиблись, когда пошли на него. Да и сейчас ошибаетесь, если думаете, что извлечете какие-то особые выгоды для Египта. Наоборот, такое объединение ослабляет ваши позиции».

Насер с моими доводами не соглашался, не понимал меня. Я привел ему такой пример: «Господин президент, у вас коммунисты в подполье, их руководство сидит в тюрьмах, а в Сирии коммунисты пользуются свободой. У вас нет и не было настоящего парламентского строя, а сирийцы привыкли к парламенту. Там есть партии, есть парламент, люди публично высказывают свою позицию и голосуют за нее. Там существует буржуазная демократия. Из арабских стран Сирия самая демократическая страна. Сейчас вы ее фактически лишили парламента. Если номинально он и остался, то реально вы взяли решение всех вопросов на себя. Разве такой шаг будет укреплять ваш союз? Нет, это временное явление. Начнется борьба, и в этой борьбе вы потерпите поражение. Кроме того, жизненный уровень в Сирии значительно выше, чем в Египте. Теперь вы объединились, и материальные ресурсы тоже объединяются. Кто выигрывает? Выигрывает Египет, проигрывает Сирия. Она экспортировала пшеницу, теперь экспортировать не будет. Ведь Египет потребляет больше, чем производит. Следовательно, все излишки пойдут Египту, Сирия лишится валюты, необходимой для развития экономики. Опять пострадает Сирия. Вы поспешили и потом пожалеете о своем решении. Оно вам, как у русских говорят, выйдет боком».

«Нет, — возражает, — не согласен. Вы не разбираетесь в арабских делах». Потом выдвинул новый довод: «Если уж говорить по-честному, то не я хотел объединения, сирийцы сами нас подталкивали, они форсировали это объединение, а мы пошли на

него». Тут я согласился: «Это верно. Мы понимали, что главной силой, которая форсировала объединение, а может быть, и инициативу проявила в этом вопросе, была сирийская буржуазия. Почему она это сделала? Потому, что в Сирии нарастала революция, укреплялись демократические силы. Коммунисты все больше овладевали общественным мнением. Поэтому правые круги дрожали перед такой перспективой и настолько перепугались, что увидели спасение себя и своих капиталов в объединении с Египтом. Вашими руками они хотят подавить прогрессивные силы Сирии, соглашаясь при этом пойти на какой-то ущерб для себя лично. Они считали, что в основном выиграют, сохранив свою собственность, банки, капиталы и буржуазный строй, который, по их мнению, находился под угрозой. Одним им не справиться с прогрессивными силами внутри Сирии. Вот их замысел. Мы же полагаем, что позиция, которую занимает Багдаш, прогрессивна. Естественно, мы на его стороне. Вы потом пожалеете об объединении, ОАР развалится».

Мы просидели там целый день, обедали на свежем воздухе возле Москвы-реки. Условия там очень хорошие, погода стояла чудесная, отличный подмосковный летний день. Несмотря на острую полемику, нами не было проявлено страстей, которые могли бы обострить личные отношения. Каждый из нас держался в рамках, чтобы не нарушить дружеского характера беседы. Происходил не диспут, а анализ положения дел на Ближнем Востоке. Велся разбор обоюдных высказываний, делалась попытка правильного анализа событий и определения дальнейшей политической линии. Мы оба остались каждый при своем мнении. Да другого и быть тогда не могло. В личном же плане пребывание у нас президента ОАР произвело хорошее впечатление на меня и на других товарищей, с которыми он встречался. Но никаких официальных приемов не было, приехал он инкогнито.

Потом Насер забеспокоился: «Мне нужно возвращаться. Такие события в Ираке! Я сейчас же лечу в Югославию и оттуда морем плыву в Александрию». Я высказал ему свои соображения: «Господин президент, не советую вам возвращаться через Средиземное море. Переворот, совершенный в Ираке, создал в том регионе возбужденное состояние, США и Англия приводят в боевое состояние свои воинские части и флот, возникла напряженность. Вы не пользуетесь симпатиями в западных странах, потопить в море ваш корабль ничего не стоит. Доказать, по какой причине затонул корабль, на котором находился президент ОАР, будет невозможно. Да и как доказывать? Вы поплывете на невооружен-

ной яхте, да если бы она была и вооруженной, это положения не меняет. Там шныряют подводные лодки, курсируют самолеты. При желании отделаться от президента более удобного случая даже ожидать нечего. Советую лететь самолетом через Баку, Иран и Ирак в Сирию». Он согласился.

У нас были тогда неплохие отношения с Ираном. Поэтому воздушным пространством Ирана мы могли воспользоваться, но об этом надо было договариваться специально. «Думаю, — сказал я Насеру, — что шах Ирана не откажет. Когда он был у нас, мы чувствовали, что он проявляет интерес к улучшению наших отношений. Мы же всегда стояли на позициях добрых отношений с Ираном, как и с другими соседями». Когда Насер согласился с моим планом отлета на нашем самолете, мы попросили у Тегерана разрешения пропустить советский самолет, хотя, конечно, не сказали, что на нем полетит президент Египта. Быстро получили разрешение на пролет. Насер отбыл, и в скором времени пришло сообщение, что он благополучно прибыл в Сирию. А из беседы с ним я понял, что переворот в Ираке был неожиданностью для него. Для нас он тоже оказался совершенно неожиданным. У нас имелись какие-то сведения о Касеме. Говорили, что он входил даже в какие-то контакты с коммунистами, но это были мимолетные и непостоянные контакты. Для нас он оставался неизвестным лицом.

Египет же эти события очень взволновали. Возможно, Насер питал надежду, что сможет установить с новой властью в Багдаде более тесные связи и что Ирак будет следовать за Египтом. Вполне понятное желание, но такие расчеты не оправдались, как не оправдались и наши расчеты касательно Ирака. Мы надеялись, что в Ираке тоже победят прогрессивные силы, что Касем проявит социальную мудрость в выборе прогрессивного пути для своего народа. Однако он оказался человеком неопределенного политического направления, каким-то неровным. Правда, это уже другой вопрос, на котором я останавливаться не буду.

Наши отношения неуклонно улучшались, несмотря на отдельные обострения, особенно по вопросу объединения Египта с Сирией, в результате чего была загнана в подполье Сирийская коммунистическая партия. Когда она критиковала Насера, то он свой гнев переносил на нас, для чего, конечно, имелись основания. Мы не предпринимали решительных шагов в пользу СКП, но идейно были на ее стороне и поддерживали ее через печать. Это раздражало Насера, и он соответственно реагировал в своих контр-выступлениях.

Давняя мечта египетского народа — полнее использовать реку Нил, ее гидроресурсы в своем сельском хозяйстве, а попутно заставить Нил крутить турбины и получать электрический ток. Когда Насер пришел к власти, этот вопрос стал в Египте интенсивно муссироваться. Была достигнута договоренность с банками, и Египту обещали кредиты для постройки плотины на Ниле. Египтяне обольщали себя, что смогут реализовать мечту, которую лелеяли веками, с помощью США. Потом то обстоятельство, что Египет вырвался из фарватера политики США и Англии, ударило по империалистам, и однажды было объявлено, что банки отказывают в обещанных Египту кредитах. Это взорвало, так сказать, Насера, и он объявил о национализации Суэцкого канала. Политическая температура подскочила вверх, ситуацию потянуло к международной напряженности. Обслуживающий персонал на Суэцком канале — лоцманы, инженерные служащие и другие — Запад отозвал. Египет оказался без кадров. Запад считал, что Египет себя дискредитирует, не справится с трудностями и канал перестанет действовать. Это создаст для Египта дополнительные финансовые и политические трудности.

Существовал международный порядок пользования Суэцким каналом. Египетское правительство обратилось к нам с просьбой оказать помощь. Мы сейчас же дали своих лоцманов, инженеров и других специалистов, чтобы египтянам как можно безболезненнее освоить управление каналом. Все получилось хорошо. Но политический накал страстей был невероятный. Именно необдуманная политика США, политика с позиции силы, даллесовская линия нажима помогли нам сблизиться с Египтом, а Египту — легче разобраться в том, кто его враги и кто — друзья. СССР, хотя наша печать порою и выступала с какими-то критическими замечаниями, неизменно в трудные для Египта минуты становился на его сторону и поддерживал справедливую борьбу против колонизаторов и за укрепление независимости. Стали к нам приезжать египетские делегации. Приехали и военные во главе с главнокомандующим Амером. Мы вновь оказали им помощь, в которой они нуждались. Египтяне довольно основательно укрепились нашим вооружением.

Затем египтяне стали обращаться к нам с просьбой помочь им построить Асуанскую плотину на Ниле¹⁰. Мы сначала отказывались. Думаю, что это Тито посоветовал им обратиться с просьбой к СССР. И не просто с просьбой, а с убедительной просьбой, с дружеским нажимом. Почему я так полагаю? Как-то мы, встретившись с Тито, беседовали о Египте. Он стоял горой за На-

сера, всегда доказывал, что ему надо помогать. Тут он был абсолютно прав. Жизнь и история подтвердили верность его рассуждений. И сейчас мы имеем наилучшие отношения с Египтом. Это в интересах и Египта, и Советского Союза, и всех прогрессивных сил. Вначале переговоры о плотине велись с нашими посольскими работниками в Египте. Потом к нам приехали Насер и Амер. Последний (я и сейчас переживаю) трагично кончил свою жизнь, совершив самоубийство после катастрофы, которую потерпела египетская армия в 1967 году. Он как главнокомандующий нес главную ответственность за нее. В какой степени персонально он был виновен в катастрофическом поражении, мне трудно судить. Амер производил впечатление порядочного человека, преданного делу Египта, понимал необходимость братских отношений египетского народа с народами СССР. Это на меня действовало подкупающе. Я относился к нему с доверием, он подходил к дружбе между нашими народами не конъюнктурно, а искренне верил в то, что дружба с СССР — в интересах египетского народа, поднятия его экономики, культуры и благосостояния.

Амер, когда приезжал в СССР, всегда просил о встрече со мной. Согласно решениям ЦК партии я с ним встречался, выслушивал его и высказывал наши соображения. Однажды он настойчиво, а он умел проявить настойчивость, хотя и без назойливости, стал убеждать меня, что СССР очень выгодно, если появится сильный Египет. Потом подошел к главному: «У нас сейчас слабая экономика, без Асуанской плотины поднять ее нельзя. Слаба энергетика, Асуанская плотина даст возможность на треть увеличить поливные земли». Я отвечал, что согласен, но потребуются большие капиталовложения, а это нам пока не под силу. Затем мы обменялись мнениями у себя в руководстве. Как нам поступить? Мы поручили нашим экономистам проработать вопрос, изучить имеющиеся предложения. Наши очень долго изучали, потом доложили, сколько это может стоить и за какое время мы сумеем построить Асуанскую плотину. Показали, что такая сделка не только политически, но и экономически может быть для нас выгодной. Надо, конечно, понимать некоторую условность этой выгоды: она будет в том, что мы укрепим друга, его экономику, закрепим дружеские отношения между нами. Тут экономика перерастает в политику. К тому же затраченные деньги — не бросовые, они возвратятся в виде поставок. Египтяне могли поставлять длинноволокнистый хлопок, рис, другие товары. Так что наши затраты — не подарок, а кредит, который реально будет оплачен. Кроме того, мы получали дополнительную оплату в виде доверия к нам всех

арабов и других слаборазвитых народов, особенно в Африке. Будет ясно, что на СССР можно опереться, он бескорыстен, с пониманием относится к нуждам народов, которые освобождаются от колониальной зависимости. Тут не экономическая составляющая была для нас главной, а политическая.

Сплошь и рядом политический интерес бывает важнее экономического. Укрепление арабских стран ослабляет враждебный нам лагерь. Если мы не будем бороться за укрепление наших связей с освобождающимися народами, то империализм станет искать каждую щель, чтобы пролезть в нее и закрепить все за собой. Тогда нам противопоставятся более обширные территории и силы. Это вынудит нас больше тратить на содержание армии и флота. Вот как оборачивается дело. Вроде бы мы сначала экономически проигрываем, но если глубже изучить дело, то мы не только не проигрываем, а получаем выигрыш. Поэтому когда мы всесторонне обсудили ситуацию и взвесили доступное, то решили, что можем построить Асуанскую плотину, и согласились с египетским предложением.

Так мы подписали договор с Египтом о строительстве Асуанской плотины. Когда повели переговоры, то Египет настаивал, чтобы мы взяли на себя работы как подрядчик: столько-то работы стоят, в такие-то сроки выполняются, потом он начинает расплачиваться за капиталовложения и компенсировать наши затраты. Мы отказались от такой формы договора на том основании, что если мы возьмем на себя роль подрядчика, нам придется нанимать египетскую рабочую силу. Мы выступим и в качестве администраторов. Могут возникнуть (да и всегда возникают) конфликты между подрядчиком и наемной рабочей силой. Вместо того, чтобы выглядеть другом египетского народа, станем как бы его эксплуататорами. То, что мы строим для них за наши средства, — одна сторона дела. Но с теми людьми, которые у нас работают, мы сталкиваемся уже в другом качестве: не как страна, которая дала кредиты, а как сторона, которая ведет работы на подрядных условиях, нанимая рабочую силу. Конфликты будут возникать именно с населением Египта. Мы этого не хотели и отказывались от такой формы проведения работ всюду, где давали кредиты. Так было и с Индией, когда мы подрядились построить для них металлургический завод в Бхилаи и другие предприятия. Такую же политику мы проводили и раньше. По-моему, она проводится и сейчас. Это единственно правильная и разумная линия.

Итак, мы сказали: беритесь строить сами, а техническое руководство будет полностью за нами, и оборудование наше, и про-

ект будет разработан нашими специалистами. Его доложат вашему правительству. Вы сами его рассмотрите и утвердите. Так шаг за шагом наши отношения с Египтом улучшались и начали перерастать в дружеские. Заключение договора о строительстве Асуанской плотины все перевернуло. Египетское руководство стало правильно понимать нашу политику, дружественную в отношении всех стран, которые выходят на дорогу борьбы за освобождение или, уже освободившись от колонизаторов, перестраивают хозяйство на новых основах. Имею в виду здесь и социалистический путь развития, и несоциалистический. Мы уверены, что все люди рано или поздно поймут необходимость, полезность и прогрессивность социалистического пути. Но мы знали, что надо проявлять терпение и не навязывать своих идей строительства социалистического общества. Нужно дать возможность людям самим сделать выбор, с тем чтобы они видели, что сами сделали выбор, и правильный выбор. Тогда они будут бороться за создание новой системы, за ее укрепление и развитие.

Нашими инженерами был создан проект плотины. А наши специалисты — самые опытные в мире касательно гидростроительства. Это объясняется тем, что за короткий отрезок времени в СССР инженерами и учеными были построены грандиозные гидроэлектростанции с мощными гидротурбинами, накоплен большой опыт. На основе такой практики наши инженеры и ученые сумели прийти к наиболее прогрессивным техническим решениям. Когда советские инженеры взяли имевшиеся проекты строительства Асуанской гидроплотины и изучили их, то увидели, что можно найти более толковые решения с более экономичным способом строительства, создать более рациональные и экономически более эффективные условия эксплуатации гидроузла.

Египетские руководители поставили вопрос о поездке советской делегации в Египет для ознакомления с условиями строительства на месте и установления более тесных отношений между инженерами и рабочим персоналом. Руководители делегаций, приезжавших из Египта, говорили, чтобы я лично возглавил делегацию Советского Союза. Тем самым они стремились завязать более прочные взаимоотношения, преследуя цели и получения экономической помощи, и поддержки политики, которую проводит египетское правительство. У меня, не скрою, имелось очень большое желание побывать в Египте, посмотреть своими глазами на сказочную страну с древней культурой. Меня приглашали приехать к моменту закладки строительства Асуанской плотины, но я не имел такой возможности, поблагодарил за внимание

и приглашение. Всегда, когда его делали вновь, отвечал в полушутливом тоне: «Как вы меня приглашаете, когда у вас коммунисты сидят в тюрьмах? Коммунисты не имеют права на легальное существование в Египте. Мы знаем их руководство: знаем, что многие его члены и другие представители прогрессивных движений находятся в заключении. И я не хочу подвергать себя такой же опасности, не хочу составить им компанию, хотя это хорошие компаньоны. Мы уважаем вас, но уважаем и коммунистов, которых вы держите в тюрьме. А я как коммунист не хочу увеличить тюремное население Египта». Амер в ответ улыбался: «Нет, у вас не совсем правильная информация». Он и другие египетские руководители доказывали, что, мол, их коммунисты — не такие, как в Советском Союзе. Поэтому они вынуждены их сажать в интересах своего народа и государства. Такие доводы я слышал не только от египетских лидеров. Но я отвечал: «Нет, таких сказок мы уже наслушались вдоволь».

Руководители всех государств, где коммунисты сидели в тюрьмах или же находились в глубоком подполье, утверждали, что у них не такие коммунисты, как в СССР. Помню, как во время гражданской войны мне приходилось беседовать с некоторыми интеллигентами после так называемого ущемления буржуазии, которое мы провели в 1920 г. в Екатеринодаре под руководством товарища Фурманова¹¹. Он был тогда начальником местного политуправления и возглавлял проведение названной кампании. В доме, где я жил, хозяева были очень хорошие люди, но имели неправильное представление о социализме, революции и коммунистах. Они не одобряли происходившего на Кубани. Один тамошний шахтер говорил: «Мы за московских коммунистов, потому что они не такие, как екатеринодарские». Мы горячо спорили. Так что аргументы, которые выдвигали египетские руководители, для меня не были новыми.

Время шло. Работы развернулись. Асуанская плотина и новые фабрики успешно строились. Мы кредитовали строительство производства лечебных препаратов, металлургического завода, еще каких-то предприятий. Не мы там строили, строил Египет, а мы кредитовали строительство, вели техническое руководство, наши инженеры фактически руководили этим строительством. Это все больше укрепляло доверие руководителей Египта к нашему государству. Египетское руководство сложилось из офицеров. Тамошние офицеры — выходцы не из рабочего класса, а скорее из рядов средней буржуазии. Они имели имущественное положение, которое позволяло им получить и общее, и военное образование. В их

составе были, конечно, люди разного социального положения и материального обеспечения. Поэтому внутри у них тоже не существовало социального монолита. По-разному члены руководства относились и к нам. Так было везде, во всех странах мира. Когда идет революционный процесс, то он протекает болезненно.

А сейчас? Только что закончилась гражданская война, которая тянулась в Нигерии два с половиною года¹². Возникла она в результате того, что страна освободилась от колониальной зависимости, но руководство в Нигерии сложилось немонолитное, его члены подвергались различному влиянию и преследовали разные интересы. Столь же разношерстное по составу руководство было на первых порах и в Египте. Сейчас оно уже сцементировалось, потому что прошло много времени и некоторые элементы отсеялись или их отсекали, а на их месте выросли новые силы. Вначале там говорили об арабском социализме, потом некоторые стали говорить о научном социализме. Но строительство Асуанской плотины сблизило нас не только с руководством, а и с египетским народом. Приехали наши инженеры и рабочие ведущих профессий, которые вплотную столкнулись с египетскими инженерами, техниками и рабочими. Египетские рабочие — это бывшие крестьяне. Наши обучали их и работали вместе с ними, на одних и тех же машинах. Всем создавались равные условия, а это сближает, больше располагает друг к другу, возникает доверие между людьми.

Строительство плотины подвигалось к завершению первого этапа: перекрытию русла. Это основной этап строительства, потом идут наращивание плотины и монтаж гидротурбин. Тут египтяне стали проявлять настойчивость, чтобы я, наконец, приехал к ним, на их торжество. Для них ведь Асуанская плотина — нечто особое, священная мечта народа. Однако я опять отказывался, говоря о неправильной политике, которую там проводили в отношении прогрессивных сил страны. Когда я разговаривал с послом Галебом, который обращался ко мне с приглашением, и повторял свои доводы, то этот умный человек понимал меня. Затем состоялось образование ОАР. Я спрашивал Галеба: «Как у вас прошло объединение с Сирией?» «Да, — говорит, — прошло так, как вы и предсказывали. Мощные силы поднялись вскоре на борьбу за выход Сирии из ОАР». В то время маршал Амер находился в Сирии и был задержан или попал под домашний арест. Потом они его отпустили.

Провал объединения Египта с Сирией еще больше повысил наш авторитет в глазах руководителей Египта. Случилось как раз так, как мы предупреждали. Существует письмо, которое мы послали Насеру. И в некоторые другие страны тоже его послали, что-

бы ознакомить кого надо с нашим пониманием вопроса. Сначала мы изложили все в ходе беседы, которую я проводил с Насером, а записывал тогда Галеб. В письме мы это подтвердили. Послали текст Насеру, а президенту Ирака зачитали. Познакомили и других арабских лидеров. Мы-то искренне были на их стороне и делали все, что в наших силах, чтобы укреплять режим, который создан в Египте. Терпимо относились к тому, с чем были не согласны в их внутренней политике, считая, что это временно, что они поймут свои ошибки и сами в них убедятся. Поэтому мы и критиковали их, и давали им кредиты, и всячески помогали.

Наступило время торжеств в связи с перекрытием русла Нила. Египтяне приглашали меня не только на праздник перекрытия русла, но и отдохнуть у них, ознакомиться с Египтом. Ну и, конечно, провести полезные беседы. Они утверждали, что у них буквально лишь несколько коммунистов еще находятся в тюрьме, но президент обещает, что к нашему приезду все они будут освобождены. Мы согласились на такую поездку. Она состоялась в мае 1964 года. Меня сопровождали министр иностранных дел Громыко, заместитель министра обороны Гречко¹³, другие товарищи. Гречко поехал в ожидании, что будут поставлены военные вопросы. Громыко был необходим при решении общих проблем международной политики. Встреча соответствовала моему рангу и нашим отношениям. Беседы, которые состоялись во время нашего там пребывания, были дружественными. Мы ознакомились с городами страны, с объектами, которые были возведены при нашем содействии и уже работали, давая продукцию. Это очень подняло наш авторитет. Мы построили завод по изготовлению лекарств. Египтяне раньше платили за лекарства огромные деньги, покупая их в Англии. А тут сами стали выпускать лекарства. Они подешевели, создались лучшие возможности для рядовых людей. В Египте жители очень бедные, малообеспеченные, цены особенно били по их карману. Теперь там стали задешево удовлетворять запросы больных.

Ездили мы и на другие заводы. Везде народ с большой симпатией встречал нас, выражая свою радость. Ведь мы оказываем помощь в строительстве предприятий. Кроме того, тысячи людей получили работу. Настал день перекрытия русла Нила. Мы с Насером поехали на Асуанскую плотину. Поездка произвела на меня очень хорошее впечатление. Насер был лидером, его авторитет был колоссален, встречали его повсюду с энтузиазмом и возгласами «Насер! Насер! Насер!». Я-то знаю, как такое делается. Иной раз искусственно формируются нужные толпы. И в Египте тоже,

видимо, так поступали. Но я видел и неподдельный энтузиазм народа в адрес своих руководителей, а главным образом в адрес Насера. К нашему приезду в Асуан туда же прибыл президент Алжирской республики Бен Белла¹⁴, приехали премьер-министр Йемена¹⁵, президент Иракской республики Ареф¹⁶.

С Арефом у нас сложились плохие отношения. Мы считали его человеком непрогрессивного направления, да и лично неприятным. С ним трудно было разговаривать. Насер дал торжественный обед для своих гостей. Как раз перед этим поступило известие, что Ареф учинил расправу с прогрессивными силами Ирака. И я заметил Насеру: «Очень неприятно. По нашим сведениям, Ареф арестовал или уничтожил многих людей. Даже сидеть рядом с таким человеком противно». Распределение мест за президентским столом складывалось так, что я сидел рядом с Арефом. Насер возразил: «Думаю, что ваша информация неверна. Не считаю, что Ареф так поступил, тем более в момент, когда сам находится в Египте в качестве моего гостя и должен встретиться с вами. Он очень хотел с вами встретиться и установить более тесные отношения с Советским Союзом». Я ему: «Сомневаюсь. Согласно его политической линии и выступлениям, подобное просто незаметно». «Сейчас узнаю», — заторопился Насер. Спустя какое-то время говорит мне: «Ареф божился, что такого он не делал, это вымыслы буржуазной прессы. Ничего этого не было, враки. Я верю ему, потому что он весьма религиозный человек: он все свое время, выражаясь фигурально, стоит на коленях, бьет поклоны и молится Аллаху, обращаясь к нему со всевозможными просьбами. Ареф врать не может, я уверяю вас».

Обед прошел торжественно, а затем я беседовал с Арефом, который сам поднял тот же вопрос: «Информация, которую вы получили, неверна. Она, видимо, сообщается лицами, которые хотят, чтобы не улучшились отношения Ирака и Советского Союза. Я такого не делал, и я этого никогда не сделаю». Я ему: «Очень рад, что вы так заявляете и что этого не произошло. Но мы получили такую информацию. Возможно, информация была неточна». Наилучшее впечатление произвел на меня Бен Белла: культурный, образованный человек, разбирающийся в вопросах строительства социализма и в марксизме. Он стоял на позициях построения научного социализма и сам говорил, что нет другого истинного социализма кроме научного, марксистского. Очень он понравился мне и своей внутренней политикой. Алжирская коммунистическая партия, правда, находилась на нелегальном положении, но это было достаточно условное нелегальное положение,

ибо жила она свободно, в открытую располагался ЦК АКП. Все видные деятели компартии были народу известны. Мне рассказывали сами алжирские коммунисты, что Бен Белла приглашал влиятельных лиц из АКП и говорил: «Что вам нужно? Занимайте посты в профсоюзах, включайтесь в дела просвещения, культуры, экономики. Везде, где нужны культурные люди и где вы можете быть полезными, подключайтесь к этому. Нет никаких препятствий к внедрению вас в государственный аппарат и в общественные организации. Правительство ничего не станет предпринимать против вас».

На перекрытие (а там обставили все грандиозно) собралось огромное количество народа. Министр, который непосредственно отвечал за строительство Асуанской плотины, произнес рапорт. Потом состоялся пуск. Насер сказал мне: «Прошу вас, так как хотя плотина-то наша, но вы ее строите, давайте вместе нажмем кнопку взрыва перемычки, направляющей воду по новому руслу через туннели». Это была честь для меня. Я поблагодарил за нее и с удовольствием согласился. Мы вместе нажали кнопку, раздался взрыв, вода хлынула по новому направлению. Потом говорили, что какие-то два человека задержались в туннеле, и их смыло. Утверждали также, что они были спасены. Но кто знает, так ли это было? Имела место непредусмотрительность. Возможно, и провокация. Но торжество не было омрачено. Надо было видеть (передать это словами я не могу), как светились торжеством лица, как искрились глаза у арабов, когда они смотрели на мощные потоки нильской воды. Прокладывался путь к завершению плотины и монтажу энергетических агрегатов, которые станут работать на новый порядок в Египте, на египетский народ.

Меня предупредили, что в Асуане особенно сухой климат. Там дождь выпадает раз в несколько лет. Поэтому Асуан обладает специфическими лечебными свойствами. Сказали, чтобы я приготовился к таким условиям. А что тут готовиться? Приехали мы туда и сразу вроде бы залезли в духовку. Спасения нет нигде, солнце жжет, только помещение, в котором я разместился, было хорошим, с искусственным охлаждением воздуха. Решил я принять холодный душ. Но это только называется «холодный»: вода нагрета солнцем, и даже, когда нальешь в ванну воды и погружаешься в нее, не чувствуешь охлаждения тела. А я хотел немного прийти в себя до вечера, когда был назначен митинг. Перед митингом состоялось собрание наших специалистов и рабочих. У них имелся свой клуб, и они пригласили меня для выступления. Я с радостью согласился, побеседовал с ними, рассказал о поло-

жении дел в СССР. И положение дел в стране было в целом хорошим, и настроение у наших людей тоже было очень хорошее.

Вечером, при заходе солнца, собрался митинг. Днем людям невозможно было сидеть на открытом воздухе и выслушивать речи ораторов. Выступил Насер. Он говорил о социализме, который они строят и будут строить далее. Насер отошел от обычного своего стандарта, который ранее повторял много раз, — насчет арабского социализма, и говорил теперь о научном социализме, хотя и не сослался на Маркса и Ленина. Это, собственно говоря, одно и то же. Но я думаю, что в то время ему еще нелегко было сразу перестроиться не только в силу своего внутреннего понимания социализма, а и потому, что он, видимо, учитывал настроение некоторых своих противников и, главным образом, союзников, которые еще не дошли до такого понимания. В любом случае, его речь была шагом вперед, и мне было приятно его слушать.

У меня тоже была подготовлена небольшая речь, и я выступил. Слушатели меня встретили по-доброму. Потом выступил Бен Белла, который произнес очень хорошую речь. За ним говорил Ареф. Мне невозможно было согласиться с его речью. В политическом отношении она была путаной. Ареф говорил только об «арабском социализме» и очень много об Аллахе. Его выступление заметно отличалось от того, что произнесли Насер и Бен Белла. Зато речь президента Йемена Ас-Саляля ничем не выделялась и была построена, как передовица газеты. Она не вызвала энтузиазма у слушателей, но и не было сказано ничего такого, против чего следовало бы возражать. Учитывая взгляды Ас-Саляля (он был не коммунистом, а военным человеком, полковником), требовать от него чего-то особенного было незачем. Деятель без особых претензий, он демонстрировал, однако, что искренне хочет установления дружеских отношений с СССР. Мы в ответ поддерживали его, оказывая Йемену военную и техническую помощь. Тогда йеменцы строили морской причал. В их республике не существовало крупных сооружений, помимо морского причала. Внутреннее положение властей оставалось непрочным, так что их президенту было не до строительных объектов. Он вел войну против эль-Бадр¹⁷. Эль-Бадр — интересная личность, весьма оригинальный человек. Я с ним встречался пару раз, когда он был еще наследным принцем.

На митинге я сидел рядом с Бен Беллой. Когда выступал Ареф, Бен Белла все время поворачивался в мою сторону и смеялся, демонстрируя, что не согласен с некоторыми высказываниями оратора. Под конец речи, когда окончательно выяснилось ее со-

держание, Бен Белла начал меня уговаривать еще раз выступить. Я ему: «Это неприлично, я уже выступал, мне было дано слово, и я использовал предоставленную мне возможность, сказав все, что нужно было сказать. Сейчас у меня нет заготовки. И будет плохо расценено, если я предъявлю вдруг кому-то какие-то претензии, большие, чем положено гостю». «Нет, что вы, — начал он меня уговаривать, — поверьте, ваше выступление будет хорошо воспринято, и нестрашно, что у вас нет текста, я уверен, что вы найдете, что сказать: и вы скажете полезное и Арефу, и слушателям». Я-то, когда отказывался, имел в виду и Насера: ему будет неприятно. Поэтому ответил: «Чего сейчас вступать в спор и открывать дискуссию с Арефом? Это неприлично делать на митинге в гостях у президента ОАР». Тут вмешался Насер, услышавший меня: «И я советую вам выступить. Вступайте в полемику, не называя лично Арефа, но выскажите свою точку зрения. Она будет полезна и для других слушателей. Иначе сложится впечатление, что вроде бы мы с ним во всем согласны». Тут я пошел навстречу: «Ладно, я выскажу свою точку зрения, вы-то ее знаете, поэтому не будьте ко мне в претензии, раз настаиваете, чтобы я выступил».

Дали мне вновь слово. Я стал говорить о научном социализме. У Арефа прослушивалась примерно такая структура речи: мы арабы, поэтому идем в социализм арабским путем. С такой точкой зрения я боролся, еще когда вел ранее дискуссию с Насером. Теперь для Насера это был уже пройденный этап, а Ареф то же самое повторял: дескать, мы верны арабскому народу, не разделяя его на классы и рассматривая арабов как единое целое. Вот я и затронул данную тему в своем выступлении: «Некоторые тут говорят об арабском народе в целом. Я хотел бы поставить в этой связи такой вопрос: арабский народ, как и все народы, обладает не единой, монолитной, а сложной структурой. Есть арабы-капиталисты, есть арабы-помещики, есть арабы-крестьяне, есть арабы-рабочие. За интересы каких именно арабов борются такие ораторы? Арабы-крестьяне хотят получить помещичью землю, а помещик не хочет отдавать ее; он хочет, чтобы крестьяне работали на него и на его земле. Рабочие-арабы трудятся на арабов-капиталистов, а арабы-капиталисты хотят, чтобы арабы-рабочие трудились как можно больше, чтобы как можно длиннее был рабочий день, чтобы трудящиеся получали как можно меньше, но побольше прибыли получали капиталисты. Рабочие-арабы хотят своего: чтобы меньше длился рабочий день и была побольше заработная плата. Так за каких арабов выступают все же такие ораторы? За рабочих и крестьян? Или за помещиков и капиталис-

тов?» И другие, элементарные для марксистов, доводы я приводил тогда. Все они понятны простым людям, все доходчивы. Кому было нужно понять, поняли, что я полемизировал с Арефом.

Конечно, во мне возникли некоторые сомнения: как поймут меня рабочие и служащие на митинге? Среди рабочих плотины абсолютное большинство составляли неграмотные, которых воспитывали именно в арефовском понимании арабского социализма. Уже это для них стало прогрессом. Всем было понятно, что надо защищать арабов. Ведь много лет Египет оставался под пятой британских колонизаторов, затем арабские народы повели борьбу против Израиля, который захватил их земли. Поэтому у них и выработалось такое понимание дела: когда говорят об интересах арабов, то острое направлено против внешнего врага. Внутренние вопросы классовой борьбы затушевывались или подчас полностью скрывались. Компартии в арабских странах находились в подполье или же были в своем большинстве слабыми. Если обнажить классовый состав арабского общества, то как поймут это рабочие? Выявилось, что египтяне очень внимательно слушали меня, а наш переводчик хорошо переводил мои фразы, и их принимали бурным одобрением. Когда я закончил, слушатели очень страстно проявили это свое отношение к выступлению. Бен Белла остался доволен: «Очень здорово получилось». Насер тоже похвалил.

Думаю, что Насер тут проявлял вежливость, он хвалил меня как хозяин гостя. Но Бен Белла, действительно, понимал все правильно. Он-то и был инициатором дела, толкнувшим меня на выступление, и у меня не возникло сомнений, что он говорил мне именно то, что думал. Вскоре митинг закрылся. Ну, а Ареф? Он тоже все понял. Я считал его ограниченным человеком. Но тут не нужно было иметь семь пядей во лбу, чтобы догадаться, что мое выступление полемизировало именно с его речью. Однако он являлся президентом Ирака, и к нему благосклонно относились и Насер, и Бен Белла. Когда я указывал им на его недостатки, они соглашались. Бен Белла высказался довольно откровенно: «Товарищ Хрущев, Ареф идет вместе с нами и никуда от нас не уйдет, останется с нами до конца. Мы должны его поддерживать, даже если он пока не все понимает. Наступит время, и он поймет. Другого-то, лучше него, там пока нет. Он выступает за арабское единство, как он его понимает. Но в любом случае он за единство с нами, и нам не надо его отталкивать, будем его поддерживать. Без него туда придут другие люди, которые станут проводить иную политику». Я ответил: «Действительно, лучше проявить терпение, ничего пока не поделаешь». В сказке о Коньке-Горбунке¹⁸

есть такие слова: «Коли глупым ты родился, завсегда отец бранился». Приходится иметь дело с таким человеком, каков он есть. И мы тогда втроем договорились более терпимо относиться к Арефу. Я успокоил Насера и Бен Беллу, сказав, что согласен с ними, что не надо делать булавочных уколов, которые могли бы Арефа раздражать или охлаждать; что мы станем его поддерживать.

Когда я возвратился в Москву, то мы и у себя, обменявшись мнениями, решили последовать совету Бен Беллы. Передали нашей печати и братским компартиям, что следует избрать такую тактику, которая толкала бы Арефа в правильном направлении и одновременно считалась с его сегодняшними взглядами. Это была не принципиальная уступка с нашей стороны, а наоборот, попытка мобилизовать силы. На митинге в Асуане советские люди, которые знали арабский язык, рассказывали мне: «Арабы очень внимательно слушали и исключительно хорошо восприняли ваше выступление». Какой-то наш специалист ездил с арабским шофером. Этот шофер, сидя в машине, слушал все речи, в том числе и обе мои, и высказался: «Я впервые в жизни встретил такое толкование арабского единства. Сказано было откровенно и очень правильно. Действительно, и мы, арабы, имеем разные интересы». То классовое расчленение, о котором я говорил там довольно резко, для нас — азбучно, а для арабов — нечто новое. Никто у них так вопрос не ставил, особенно из руководящих кадров. Наверное, так говорили коммунисты, но они были в подполье. Они в народной толще еще не имели массы последователей. Марксистские идеи не выплескивались на простых людей. Я остался доволен тем, что смог посеять семена правильного понимания структуры общества: оно является классовым, и классы имеют свои интересы, которые противоречат друг другу.

Согласно плану пребывания в гостях у Насера, была предусмотрена поездка на Красное море. Там нас ждали корабли, на которых мы будем жить несколько дней. Насер говорил, что любители ловить рыбу могут делать это, там рыбы много, а мы пока побеседуем между собой и проведем общую беседу с представителями других арабских государств. Повторюсь, что присутствовали представители Йемена, Алжира и Ирака. Сирия после разрыва союза с Египтом не хотела присутствовать. Поехали мы на море. На кораблях оказалось немного свежее, чем в песках Асуана. Морским воздухом все-таки дышалось легче. Рыболовы принялись за свою забаву, а представители государств провели время за беседами. Беседы были полезны: они уточняли и выясняли наши точки зрения.

При обмене мнениями мы находили больше точек соприкосновения и больше взаимопонимания, нежели вопросов, которые требовали еще доработки и созревания: вопросы международного характера, внутреннего строительства, единства тех стран, которые стоят на позициях борьбы с колониализмом, неоколониализмом и за мирное сосуществование. Главная проблема внутреннего характера — о путях развития: какой путь избрать — буржуазный или социалистический? Насер выступал за путь научного социализма. Если же Ареф говорил об арабском социализме, так это не потому, что он противопоставлял свою точку зрения точке зрения Насера. Нет, Насер являлся для него абсолютным авторитетом. Просто то, что стало ясно Насеру, еще не дозрело в голове Арефа.

Я не говорю о Бен Белле, который из них ближе всех стоял к нам, марксистам. Хотя он не высказывался открыто за марксизм-ленинизм, но фактически в своей деятельности руководствовался этим учением, однако знал, что должен как-то дать своему народу созреть, подойти к правильному пониманию марксистско-ленинского учения. Нельзя отрывать от собственного народа, чтобы не противопоставить себя ему и не позволить классовым врагам использовать невежество неграмотных людей. Сейчас не знаю, в каком положении находится Бен Белла. Когда его свергли (я узнал об этом из газет), то посчитал, что произошла большая потеря для стран социализма и коммунистического движения. Я полагал, что в потенции он — коммунист. Политика, которую он проводил, стратегически не противоречила коммунистической. Тактически же он вел ее разумно.

Красное море — теплое море, но я не купался. Другие наши товарищи купались и ловили рыбу. Внешне, по берегам, это море похоже на Каспийское, так же окружено песками. Вид и со стороны берегов, и с моря довольно унылый: пустыня и барханы. Пришло нам время покинуть море и снова лететь в Асуан. Оттуда мы продолжили свой путь по Египту: посетили одну из древних столиц Египетского царства Луксор — с богатейшими историческими памятниками, которые теперь срочно требовалось спасать, потому что их затопляла вода нового водохранилища. Пребывание там было кратким, но насыщенным. Вид на Нил с борта самолета таков: тянется река узкой полоской, вид довольно грустный, только на небольшом пространстве вправо или влево от Нила можно увидеть зеленую растительность, все остальное — безжизненная пустыня. Это и из географии известно, но тут возникает особое ощущение, когда пустыню наблюдаешь с воздуха: вот она, рукой

подать, полоска зелени, край жизни, а дальше — безводный простор и смерть.

Когда мы беседовали с Насером и с вице-президентом Амером, они рассказывали мне о воинской подготовке в Египте. Оказывается, они готовили специальные отряды, которые могли бы существовать в пустыне с питанием на подножном корму: ели ящериц, змей и им подобных. Получалось, что и в пустыне человек может продержаться довольно долго, если его хорошо обучить.

Завершали визит мы там, где он начался, посещением Александрии. Там располагались организации, разрабатывавшие проекты освоения плодородных земель, возникающих в результате создания Асуанской плотины. Это огромные площади. Добавлялась целая треть к уже освоенным землям. Для Египта очень весомо! Ведь надо помнить, что тут поливные земли высокой ценности. Урожай снимают дважды, а по некоторым культурам и трижды в год.

Собственно говоря, что такое — год? У них чередуются периоды тепла и безморозного холода. Вообще-то там холода не бывает. Зато земля там в столь большой цене, что Асуанская плотина приобрела небывалое значение для египетского народа. Расширялись посевные площади, создавались лучшие условия обеспечения страны продовольствием и техническими культурами вроде хлопка. Осматривая окрестности Александрии, мы ехали с Насером в одной машине, ему вдруг стало дурно, глаза у него закатились, он откинулся на спинку сиденья. Остановили машину. У меня это вызвало большую тревогу. Когда ему стало лучше, он сказал, что плохо себя чувствует, испытывает головокружение и ехать дальше не может. Извинился, пересел в другую машину и вернулся в Александрию. Нам же с Амером предложил, чтобы мы продолжили прежний маршрут.

Мы посетили один из новых сельскохозяйственных районов. Там нас встретили планировщики и архитекторы, которые разрабатывали план застройки населенных пунктов. Принцип у них действовал такой: идти по старой дорожке. То есть землю, которую они получают в результате сооружения Асуанской плотины, нарезать участками мелким хозяевам и вести дело с той же техникой, что существует сейчас и существовала тысячи лет назад. Ходит буйвол, за ним погонщик. Животное крутит колесо, оно вычерпывает воду и по желобам подает на рисовые поля. Точнее — на маленькие клочки земли. Встречались и такие миниатюрные хозяйства, которые человек поливал вообще вручную. И постройки там соответствующие. Зрелище ужасное, люди живут буквально

но в норах, как сурки. В результате нищенского положения в деревнях Насер даже не предложил мне заехать в какой-нибудь населенный пункт для осмотра хозяйства. Мы в основном ехали по дороге, и мне показывали: а вон там живут люди. Всюду встречалась масса обездоленных. Непрогрессивное начало освоения новых площадей было заложено уже в самой основе. Но я не высказывал своих впечатлений, а слушал и смотрел. Однако когда слушаешь и смотришь, то сравниваешь.

И я сравнивал с нашими среднеазиатскими республиками. На лицо — большое сходство в условиях ведения сельского хозяйства. Поливное, как на Ниле, хозяйство имеет место и в Узбекистане, и в Туркменистане, и в Таджикистане. Там тоже живут, главным образом, на поливных землях. Без полива ничего не получишь. Имею в виду их главные культуры: хлопок, рис, фрукты. Если убрать полив, все опять превратится в пустыню. У нас велись широким фронтом механизированные работы по нивелировке площадей и прокладке каналов. А в Египте все это было им недоступно и неизвестно, не говоря уже о нашем размахе. И когда я увидел, как они думают осваивать свои земли, то стал критически относиться к их планам. Долго колебался: стоит ли высказывать Насеру свои сомнения? Не хотел дать повод подумать, что я толкаю их на какие-то радикальные меры, вроде коллективизации или к другим крупным формам ведения сельского хозяйства.

Вернулись в Александрию, где жили несколько дней. Обедали в отведенном мне дворце, в роскошных палатах. Вечером Насер пригласил меня к себе, выражаясь по-нашему, на дачу. Довольно-таки приличную и большую. Он имел возможность в дачном зале принимать добрый десяток лиц. Там мы и собрались, но без Амера. Тут я все-таки не утерпел. Как гласит поговорка, «не терпится мастеровому». Меня глодала внутренняя потребность высказать свои соображения, объяснив ему, что мои слова ни в какой степени не являются рекомендациями и никого ни к чему не обязывают. Когда мы оставались наедине, я ему говорил «товарищ». «Товарищ Насер, у меня возникли некоторые мысли, только я колеблюсь, говорить вам о них или же нет». Он глядел вопросительно своими ясными глазами с подкупающим, теплым выражением лица. Он мне очень нравился, да и сейчас я испытываю к нему большую симпатию. «О чем же вы думали?» Я ему: «О землях, которые в стране готовятся к освоению. Хотел спросить: как вы намереваетесь поступить?». «Разделим их. У нас много безземельных людей, нужда колоссальная».

Это для меня не ново. Я хорошо знал, что у них больше рабо-

чих рук, чем неба, а тем более земли. Крестьяне нуждались в увеличении своих наделов; многие ждали, когда получат землю в результате возведения Асуанской плотины. Отвечаю: «Конечно, это большое дело, богатство страны возрастет. Но вы разрешите мне высказать свои соображения? И прошу заранее, поймите правильно и не обижайтесь, что, мол, гость ведет себя навязчиво. То, что я скажу, ни к чему не обязывает. Ваше дело, как в дальнейшем вы станете относиться к тому, что я высказал». «Пожалуйста, я вас слушаю». «Я бы на вашем месте не дробил землю, а создал государственные хозяйства вроде тех, которые мы в советских условиях называем совхозами, то есть государственные сельскохозяйственные предприятия. У нас имеется большой опыт. В Узбекистане, Туркмении, Таджикистане мы создали такие хозяйства, поэтому имеем возможность заключить, какова рентабельность, как окупаются вложенные в них средства». Тут я по памяти оперировал укрупненными цифрами.

«Расскажу, как делают у нас. Сейчас мы как раз ведем большие работы в Голодной степи. Там вопрос освоения земель зависит только от капиталовложений и количества воды. Мы отказались создавать на этих землях колхозы и сразу создаем совхозы, строим поселки городского типа со всеми коммунальными удобствами и службами — школами, детскими яслями, детскими садами. Одним словом, возводим все, что нужно для живущих там и работающих людей. Это требует, конечно, больших капиталовложений. Но опыт, который мы имеем, показывает, что достаточно трех хороших урожаев, чтобы окупить затраты. А хорошие урожаи на поливных землях зависят только от качества их обработки и от умения обрабатывать землю. Можно получать, как минимум, 30 центнеров хлопка с гектара, а можно и больше. Лучшие хозяйства у нас получают больше. Если оценить урожаи не в сырцовом хлопке, а в изделиях из него, то, как сообщают наши экономисты, капиталовложения окупаются буквально за полтора — два с половиной урожая на новых землях. Пусть у вас получится — за четыре. Все равно, за четыре года вы окупите все капиталовложения и начнете получать огромные накопления. Если бы вы создали госхозы, получился бы буквально печатный станок, который бы печатал вам деньги. Кроме того, вы создали бы рабочие места для большой группы населения, привлекая ее в качестве рабочей силы для госхозов. Повысили бы и ее культуру, и ее квалификацию. Их заработок оказался бы тоже на должном уровне. Завертелась бы работа не так, как сейчас, когда осел крутит колесо и поливает уголья. Вы не обижайтесь, я видел такое еще в учеб-

нике о Египте старого времени. Там на картинках был изображен этот же способ орошения».

Отношения у нас с Насером были хорошие, и я позволял себе допускать вольности, считая, что он все правильно поймет и не обидится. «Это способ полива, какой был в Египте при Рамсесе I. А теперь такой же при Насере I. Прошли целые тысячелетия. И что изменилось? Ничего. Потому что в основе лежит мелкое хозяйство при отсутствии техники. На маленьком кусочке земли человек не может поставить насос, не может применить хлопкоуборочную машину, сеялку. Туда даже заехать нельзя и развернуться негде, все вытопчется. Поэтому я считаю, что вы закладываете непрогрессивные условия ведения сельского хозяйства. Если вы разделите и раздадите всю новую землю, то крестьянин, конечно, станет вас боготворить за доброе дело, но вы не сможете применить технику. Заложите сразу то, из-за чего превратитесь буквально в раба своей земли, где все основывается на ручном труде. Лишите себя доходов, не сможете распоряжаться теми доходами, которые будут получать крестьяне, должны будете пользоваться системой налогов.

Малая производительность труда: в результате — малые доходы для государства, следовательно, малые доходы и для народа. Если бы вы согласились с моей точкой зрения, то вам бы надо только снарядить авторитетную правительственную делегацию, которая приедет к нам в Узбекистан, Таджикистан, Туркменистан и посмотрит на наши новые хозяйства, увидит наши проекты, нашу технику, сооружения по распределению воды и прочее. Там все сделано на современном уровне. Эффективно работают все хозяйства, где сидят разумные руководители. Теперь можете поступить так: вы меня не слышали, я вам ничего не говорил, никто и ни перед кем ничем не обязан».

Он внимательно выслушал меня и сказал: «Нам это не подойдет. Во-первых, у нас нет кадров. Во-вторых, такая коррупция, что установить контроль будет невозможно. Хозяйства станут убыточными». «Дело ваше. Я высказал только свои соображения, а вам решать, вы лучше знаете свою страну и свой народ. Как вы решите, это меня не касается и не обижает. Вы лучше знаете, что здесь полезно, а что вредно. А насчет того, что нет кадров, и насчет коррупции... У нас тоже воруют. И у вас будут воровать. Но даже при ворах, которые неизбежны, раз есть возможность сбывать товар и получать дополнительные доходы, вы будете извлекать больше пользы для народа и для своего бюджета. Повторяю, возникнет монетный двор. Вы получите миллионы и миллионы.

А кадры возьмите из армии. Пошлите часть офицеров в Советский Союз, они поработают год — два, а пока вы подготовитесь к приему большой воды от Асуанской плотины, у вас появятся обученные кадры. Они получат теоретические агрономические знания и пройдут практическую школу. Можно обучить и рабочих-трактористов, которые научатся водить тракторы, управлять сеялками и хлопкоуборочными комбайнами. Мы можем предоставить свой полигон, чтобы вы могли там обучать своих людей. Это дело постепенное и наживное. Сразу у вас, видимо, не пойдет. Ну и что же? Опыт досоветского времени ничем не отличается от опыта феллахов, которые на буйволах посредством крутки поливают воду. Узбеки, таджики и туркмены пользовались таким же способом. Когда же мы приступили к строительству крупных колхозов и совхозов, появилась другая организация работ, другие поля, другие способы полива.

Раньше мы осуществляли нивелировку площадей, выравнивая их, и строили земляные каналы. Это приводило к сильной утечке воды. Складывалось нерентабельное хозяйство, требовались большие работы по исправлению ирригационной системы, каждый сезон ремонтировались каналы, восстанавливались земляные насыпи. Но когда я был во Франции и слетал к границе Испании, то увидел там поливное хозяйство, которое меня очаровало. Там сделали железобетонные лотки, разводящие воду. Нет утечки воды, не надо делать насыпи, что очень трудоемко. Нивелировка для распределения воды тоже упрощается. Лотки стоят на подставках, остается только придать нужный наклон и рассчитать, сколько и из какой точки подать воды и в какое время. Все это поддается расчету. Изготовление лотков механизировано, налажен монтаж. Мы послали туда своих инженеров, они воспользовались любезностью французов и изучили их опыт. Сейчас мы его применяем у себя. Считаю, что эта система очень эффективна и легко может быть внедрена в египетских условиях.

Многое другое египтяне смогут тоже увидеть, если приедут к нам. Они поднимут бухгалтерские книги, весь учет — к их услугам. Все сумеете проверить на полях и потом взвесить, выгодно это или нет. Если выгодно, то делайте. Если нет, отбросьте. Но то, что невыгодно нам, я бы никогда не посмел советовать другим. Кооперативный план был предложен Лениным и потом подтвержден жизнью. Там, где проводилось кооперирование крестьян и разумно создавались совхозы на деловой основе, с подбором хороших кадров, они себя оправдали. А сколько у нас разговоровывалось? Сколько у нас убыточных совхозов? Сколько загублен-

ных колхозов? Сколько было погублено людей в результате бестолкового проведения коллективизации? Но это уже другой вопрос, вопрос истории и анализа допущенных ошибок или извращений при кооперировании. Он к вам не относится. Вы сейчас возьмете сразу все лучшее, что накоплено опытом советского народа». Тут Насер стал более внимательно слушать меня и задавать разные вопросы. Он сказал: «В такое-то время я за вами заеду, поедем к нам, там соберется все египетское руководство, мы побеседуем». «Пожалуйста, я пообедаю и буду вас ждать».

В Египте пребывание было приятно мне и тем, что мусульмане не пьют спиртного, хотя не все верующие придерживаются рекомендаций пророка. В Египте и на обедах, и на торжествах, и в семейных условиях мы пили только соки, причем замечательные и разнообразные, из различных фруктов, приятные и утоляющие жажду. При тамошней жаре это единственное спасение. Хочу выразить признательность пророку, который рекомендовал не пить спиртных напитков.

У меня стал многолетней привычкой режим, при котором мне на обед хватало 20 минут. Когда я обедал один, то никогда не пользовался спиртными напитками, даже в годы юности. Пообедал и опять готов вступить в строй... Дождался я назначенного часа, приехал Насер вместе с Амером. Как-то Насер сказал мне один на один: «Товарищ Хрущев, я и Амер — одно лицо. Что можно говорить мне, говорите и Амеру, что Амеру, то и мне. Мы близкие друзья». Я это видел воочию. Они даже жили рядом. И их семьи были тоже, как одна семья. И дети их дружили между собой. Я радовался, что два таких друга являются ведущими лидерами в новом деле переустройства египетской экономики и политики.

Когда мы уселись в машину, Насер улыбнулся и сказал: «Товарищ Хрущев, я подумал о нашем разговоре и рассказал Амеру. Мы обменялись мнениями, и хочу сказать, что вы сделали очень соблазнительное, заманчивое для нас предложение». Тут вступил в разговор Амер: «Я считаю, что именно таким путем надо организовывать хозяйство. Это единственно прогрессивный путь». Я ему: «Если вы считаете мое предложение прогрессивным и если оно полезно Египту, то я буду рад, испытывая моральное удовлетворение, что в какой-то степени оправдал затраты на поездку к вам, присоветовал доброе дело. Это буквально историческое дело! Если у вас сейчас заложат мелкое, частное поливное хозяйство, то Египту не совершить революции в сельском хозяйстве. Ваши владеющие землей крестьяне ведут хозяйство технически примитивно. Перестройте и укрупните хозяйства, объедините их.

Я-то знаю, чего стоит провести коллективизацию. Потребуется невероятные усилия. Зато если создать на новых землях совхозы и они станут хорошим примером, то на каком-то этапе будет возможно приступить к перестройке частных мелких хозяйств. Последнее я сейчас и не упоминаю, потому что коллективизация сопряжена с невероятными трудностями. Вам будет еще сложнее, чем нам. Поэтому правильнее установить на новых землях тот порядок, который вы сами считаете разумным. Если же повторять то, что сложилось исторически, то сами себя накажете, лишите возможности иметь резервы капитала в интересах государства для развития сельского хозяйства, тяжелой промышленности, промышленности средств производства и средств потребления». Оба слушателя признали сказанное справедливым.

В Александрии Насер проинформировал собравшихся о нашей беседе и стал доказывать, что если провести мои мысли в жизнь, то будет большая выгода и помощь Египту, а развитие сельского хозяйства пойдет в правильном направлении. Возникнет возможность организовать производство на высоком уровне, с применением современной техники и минеральных удобрений. Причем я видел, что он не повторяет буквально мои слова, а говорит с личной убежденностью в том, что это единственно правильный путь и им надо воспользоваться. Для достройки Асуанской плотины потребуются еще годы, но и для подготовительных работ по освоению новых земель тоже потребуются годы. Все совпадает.

Тут же они начали обсуждать конкретные вопросы: кого послать во главе делегации в Узбекистан, чтобы на месте изучить опыт, который следует перенести на новые земли? Главой делегации назвали премьер-министра Али Сабри. Он являлся ближайшим другом Насера, они были знакомы еще до переворота. Вместе с ним решили направить к нам агрономов, бухгалтеров и других, кто разобрался бы в экономической эффективности государственных хозяйств. Договорились все взвесить и подсчитать, чтобы решение было принято не на основе интуиции, а после глубокой технической и экономической проработок. Никакого скептицизма я не заметил. Может быть, кое-кто и выражал сомнения в глубине души, но открытых таких высказываний не было.

Почему я полагаю, что «может быть»? Ведь какая это ломка для хозяйственного уклада, сложившегося тысячелетиями! Надо также иметь в виду то, какие надежды возлагал простой народ на получение земли после постройки плотины. Вода — источник существования людей. Заранее велась пропаганда, была создана

республиканская организация, которая конкретно занималась разработкой дела, вовлекала в нее массу людей, причем самых активных: архитекторов, агрономов, экономистов. Не такое это легкое дело сразу повернуть на 180 градусов от индивидуально-го раздела земли по клочкам и обобществлению. Там, правда, не получалось обобществления, потому что земля сразу являлась государственной. Но все равно большая ломка, в какой-то степени принятие социалистической системы хозяйства. Не все люди в их руководстве были подготовлены для такого шага, так что сомнения законны. Но надо бы проявить терпение, разъяснить людям экономическую выгоду. Прежде всего именно экономическую выгоду. Но она повлечет за собой и политическую ломку.

Уже после того, как я перешел на пенсию, то из газет узнал, что египетская делегация приехала в Советский Союз, возглавлял ее премьер-министр. Мне было приятно читать, что мой совет действовал и после того, как я перестал занимать высокое положение. Это свидетельствовало о том, что Насер лично убедился в правильности моего совета. Как дальше станет развиваться хозяйство на новых землях в Египте, не могу сказать. Из наших газет я ничего не смог выудить. В сообщениях нашей печати вообще разобраться невозможно. Я только читал подтверждения тому, что в результате ввода Асуанской плотины получен способ увеличить обрабатываемые земли дополнительно на треть, так что цифра о количестве приращиваемых земель подтвердилась, но организационные формы их использования мне неизвестны.

Когда еще мы обсуждали в Египте сельскохозяйственные проблемы, у нас родилась мысль — создать там на каком-то количестве гектаров образцовое хозяйство, укомплектовать его современной техникой, дать ему техническое и агрономическое руководство. Такое хозяйство будет служить конкретным примером социалистического образа ведения дел в условиях Египта. Не помню, на какой площади рекомендовалось создать такое хозяйство, но для СССР это была посильная экономическая помощь. Мы составили свои предложения и послали их оттуда в Москву, разъяснив, чем они вызваны, сказали, чтобы у нас обсудили этот вопрос и подготовили решение. Такие же показательные совхозы за наш счет мы организовали в Китае и Индии. В Индии они сыграли особенно большую роль в пропаганде нашей техники и социалистического способа производства. Там возникло крупное хозяйство. Индийцы сами постепенно расширили его и стали обучать свои кадры на новой основе. Правда, в капиталистических условиях оно оставалось капиталистическим предприятием,

потому что основные средства производства находились в частных руках. Но, во всяком случае, мы продемонстрировали прогрессивное направление обработки земли. И в Индии, и в Египте земля обрабатывалась деревянной сохой, крестьянин лазил в грязи. У нас это можно увидеть уже только на картинках. Для людей же старшего поколения есть что и с чем сравнивать.

Когда из Москвы был быстро получен ответ и мы сообщили руководству Египта о нашем даре, Насер расплылся в улыбке, глаза у него засверкали от удовольствия. Вскоре я оказался не у дел, и осуществлять наблюдение за реализацией этой идеи мне уже не довелось. До меня доходили слухи, что некоторые люди доньше не понимают значения нашего примера помощи странам, приглаждающимся к социалистическому порядку ведения хозяйства. Оказание помощи — это не только внедрение социалистических начал, что тоже имеет большое значение, но и конкретная помощь нашим друзьям, которые видят, что социалистические страны не только на словах, но и на деле помогают слаборазвитым странам скорее поднять свою экономику и жизненный уровень. Порою говорят, что, мол, Хрущев поехал туда, всех одарил, разбазаривает государственные средства. Думаю, что такие рассуждения исходят от людей, которые сами же и принимали эти решения, потому что я единолично, без разрешения правительства и ЦК партии, ничего не делал и сделать не мог. Вонючий слушок пущен же в конъюнктурных целях, или проявляется недопонимание важного политического акта. Но так как на сей крючок могут попасться люди с ограниченным политическим развитием, хотел бы еще раз высказать по этому поводу свои соображения.

Безвозмездная дарственная помощь другим странам имеет большие последствия, и не только политические, когда мы приобретаем друзей, а и материальные. Вспоминаю, как мы впервые побывали в Афганистане по приглашению его короля и правительства. Возглавлял нашу делегацию Булганин. Беседуя, мы почувствовали озабоченность короля отсталостью своей страны в культуре и в экономике. Афганцы метались, ища выход. Мы видели, как американцы «ухаживали» за Афганистаном. США — богатая страна, имеет возможность вложить свои средства в такие отрасли и сооружения, которые очень наглядны и эффективны. Эффективны не только в экономическом, но и в политическом отношении.

В то время США обкладывали нас своими военными базами, создали военную организацию СЕАТО¹⁹, в которую вошел Пакистан. Индия в нее не вошла, поэтому янки обхаживали и Индию,

где имеются довольно сильные консервативные элементы, выступавшие против Советского Союза. Но правительство Индии возглавлял прогрессивный политик, покойный ныне Неру, который твердо стоял на позициях неприсоединения к военным блокам. В Афганистане янки брались проводить дорожные работы за свой счет. Что за этим кроется? Конечно, не благотворительная цель, не сочувствие нуждающимся людям, не желание оказать помощь бедному. Так почти не бывало и редко бывает. Используя тяжелое экономическое положение страны и оказав ей эффективную помощь, США желали навязать свои политические условия. Даже не прикрываясь фиговым листком, намеревались создать там ракетную базу. Представьте себе, что США сумели бы навязать Афганистану свои условия экономической помощи, взамен получив согласие на создание военной базы...

Мы со своей стороны тоже предложили Афганистану помощь, одновременно с США. Выделили ему какую-то сумму в валюте, хотя ее у нас было и не так уж много, но хотели показать свое расположение к Афганистану. Важно, чтобы Афганистан учел наши интересы и не разрешил США использовать свою территорию для создания военных баз. Но афганцы вежливо поблагодарили нас и отказались. Мы были и удивлены, и огорчены. Что это значит? Они же наши соседи. Почему отказались? Король нам ничего не объяснял. Но я думаю, что он не хотел получать безвозмездную помощь, чтобы не связывать себе руки. Мог подумать, что Советский Союз захочет вслед за своей помощью внедриться в Афганистан, сначала пришлет своих людей вроде специалистов, потом приедут пропагандисты. Жди переворота или каких-то других акций, направленных против существующего правительства. Мы проглотили эту пилюлю. Вот вам конкретный пример того, что безвозмездная помощь имеет не только экономическое, но и политическое значение, хотя мы старались внедрить в сознание руководителей Афганистана, что не преследуем политических целей.

Шло время. Оно само проверяло нашу политику на конкретных фактах. Приехали в Афганистан наши специалисты, занимались они непосредственно делом, которое им было поручено, — техническими и экономическими вопросами. Складывалось и укреплялось доверие к ним. Поняв, что наши представители не ведут пропаганды, афганцы стали сами проявлять интерес и обращаться к нам с просьбами. Мы построили им хлебозавод, аэродром, учебное заведение, взялись строить дорогу от нашей границы до Кабула. Она имела большое политическое и стратегичес-

кое значение, проходя невдалеке от афганской границы. По мере наших сил и возможностей мы продолжали помогать Афганистану. Конечно, мы несли материальные издержки.

Капиталы, которые мы отдавали Афганистану, для нас не были лишними. Мы нашли бы им применение и в своей стране. Поэтому кое-кто может сказать, что это был неразумный поступок. Но он неразумен только с точки зрения неразумных людей. Если бы Афганистан не стал нашим другом и туда внедрились бы американцы, что получилось бы? Они поставили бы там базу! Сколько затем нам потребовалось бы капиталовложений для своих контрбаз в Средней Азии?! То, что мы потратили на безвозмездную помощь Афганистану, капля в море по сравнению с этими затратами. Вот как надо рассматривать безвозмездную материальную помощь! Вот на что идут средства, которые мы отрываем от своих нужд и отдаем соседям, чтобы расположить их к себе и укрепить добрые взаимоотношения.

Так что надо смотреть, как говорил Козьма Прутков²⁰, в корень. Исходя из сугубо внешних впечатлений о деле, можно обвинить правительство в разбазаривании народных средств. А если посмотреть в корень, то получится в конечном счете экономия народных средств. Нет таких средств, которые оказались бы слишком велики для завоевания дружбы соседних народов. Самое ценное, если сосед относится к соседу с доверием и не разрешает врагам своего соседа создавать военные базы на его территории. Вот как надо это понимать. В меньшей степени мы готовы были пойти тогда на такие затраты и для Ирана. Но тут мы получили информацию, что Иран поддался уговорам США. Мы чувствовали, что в Иране колеблются. Приезжал к нам их шах-ин-шах²¹. Он произвел впечатление умного человека, волевого и властного, знающего, чего хочет. У нас имелись спорные пограничные вопросы, не существовало твердой границы, зафиксированной в договорах. Разграничительная линия не удовлетворяла ни ту, ни другую сторону. Эти вопросы мы быстро решили во время визита шаха. Тогда же подняли вопрос о сооружении плотин на пограничной реке при взаимном разделении затрат, что было бы полезно и для Ирана, и для Советского Союза²². Уже находясь на пенсии, я узнал, что такой договор в конце концов заключен. Иран, наконец, понял взаимную экономическую и политическую выгоду. Мы очень не хотели, чтобы Иран стал плацдармом США против СССР, и поэтому во время переговоров и в переписке с шахом критиковали его за то, что он предоставил военные базы самолетам США. Хотя шах-ин-шах заверял нас, что такого дого-

вора у них нет, мы относились к его словам с недоверием. А недоверие, в свою очередь, порождало большие затраты для укрепления нашей границы.

А если бы Египет стал плацдармом США? В свое время они уже имели там свою военную базу. Имеют свои базы американцы в Ливии и Тунисе. После революционного переворота египтяне потребовали ликвидации чужих баз.

Руководство Египта понимает, что такая политика пойдет во вред египетскому народу, и отказалось идти в фарватере империалистических стран, хочет проводить независимую политику, политику неприсоединения к блокам. Этот термин придуман в Югославии и имеет свой смысл. Я предпочитаю иметь в мире больше стран, не присоединившихся к блокам, чем стран в составе военных блоков, направленных против СССР. Сейчас у нас существуют дружеские отношения с арабскими странами, и не только с Египтом. Это нам очень выгодно. Материальные затраты на наш дар — капля в море при в сравнении с материальными ресурсами, которые Советский Союз затрачивает на оборону. Чем больше друзей будет на наших границах, тем лучше. Если они проводят политику мирного сосуществования и не позволяют империалистическим странам создавать на своих территориях военные базы, направленные против социалистических стран, то тут и дураку понятно, что наши затраты окупаются сторицей и материально, и политически.

В случае военного конфликта глупая экономия может обернуться большой кровью. Если разразится военная катастрофа, то мы заплатим именно кровью за былую близорукость. Вот чем я руководствовался, когда предлагал преподнести в дар дружественному египетскому народу оборудование для сельскохозяйственного производства. У русского народа сложилась хорошая традиция, я помню ее с детства. Бывало, если хозяйка идет в гости в другую деревню, то она никогда не пойдет с пустыми руками, обязательно завяжет в узелок лепешку, пирог или яицек. У нас в Курской губернии больше пекли пироги. Это очень хорошая традиция. Так и тут. Речь шла не о разбазаривании, а, наоборот, о сбережении наших средств. Конечно, все надо делать с умом и знать меру, иначе за счет раздачи народных средств можно прослыть добреньким дядюшкой. Считаю, что наша политика была разумной и полностью окупилась.

Во время пребывания в Египте мы обсуждали и военные проблемы. Я сам не разговаривал с военными. Военные училища и военные объекты посещал Гречко. А я военных баз не посещал,

чтобы это не явилось плохой демонстрацией. Зачем дразнить гусей? Египтяне просили о помощи, чтобы мы дали им современное оружие в большом количестве и на льготных условиях. О безвозмездных поставках речи не велось, хотя и такие пожелания нам можно было бы оправдать. В принципе договорились о поставках нашего вооружения на льготных условиях. Тут во время переговоров я выступал в роли скряги, не откликнулся на все их просьбы. «Мы же к войне против агрессора готовимся, — упрекал Насер меня. — И в ваших интересах защитить Египет, сохранить его таким, какой он есть». Да, это разумно.

Война 1956 года, навязанная Египту Францией, Англией и Израилем, преследовала цели сменить египетское руководство, посадить проанглийских, профранцузских лидеров и тем самым обеспечить свои экономические и политические выгоды в этом географическом узле. Суэцкий канал, Ближний Восток, — каждому понятна исключительная важность этого района. Собственно, и война 1967 года преследовала те же цели. Америка не жалеет средств: на деньги, которые даются американскими монополистами, США поставляют Израилю вооружение. Это, собственно, тоже дар. Дар, направленный против Египта и против стран социализма.

Мы дали Египту новые ракетные и торпедные катера, согласились продать им самолеты МиГ-21 (раньше мы МиГ-21 не продавали). Договорились и о другом вооружении, самом передовом. Конечно, оно было передовым тогда, но вооружение быстро меняется. Что сегодня передовое, завтра оказывается устаревшим. Ведь научная конструкторская мысль работает непрерывно, обновляет и совершенствует средства уничтожения человека. Люди и на той, и на другой стороне делают все, чтобы усовершенствовать средства самоистребления. А это воистину самоистребление: мы стоим стеной против НАТО, НАТО — против нас. И социалистические страны вынуждены тратить на оборону средства, не приносящие дивидендов для экономики. Пока существуют две антагонистические системы, капиталистическая и социалистическая, это, вероятно, неизбежно.

При переговорах по военным проблемам я вновь страдал от жары. Нам, людям сравнительного Севера, попавшим в их климатическую среду, без привычки трудно даже спать. Но такой климат является и предпосылкой богатства. Когда в детстве я изучал в церковно-приходской школе Закон Божий, в той книге говорилось о рае. Если исходить из ее картинок и из рассказов попа, создавалось впечатление, что в Египте или в Индонезии находят-

ся земной рай. Это впечатление складывается благодаря богатству природы: разнообразная зелень, необычайные птицы. Все вокруг сказочно и необычайно красиво. Понравилось нам в Египте и зрелище, открывающееся глазам с вышки, сооруженной для обозрения Каира. Наверху площадка с вращающимся рестораном. Можно пить кофе и обозревать окрестности. Я впервые посетил такое техническое сооружение. Позже побывал на Останкинской башне, любовался Москвой и ее окрестностями. Тоже очень впечатляющее зрелище.

Еще одно, так сказать, попутное замечание. В Египет мы следовали на пассажирском корабле «Армения». Прошли Босфор, Дарданеллы, проплыли мимо греческих островов. Когда проплывали возле Стамбула и других турецких городов, то вспоминали, как Ленин установил с Турцией добрые отношения, которые после второй мировой войны испортил Сталин²³. Он повел непродуманную политику в отношении Турции и через грузинскую печать предъявил ей территориальные претензии. Турция «шарахнулась» от нас и попала в объятия США, предоставила им свою территорию для военных баз. Это нам дорого обошлось, да и сейчас стоит немало. Вот еще один результат неразумного правления Сталина. Только теперь мы вновь начали налаживать с Турцией добрые отношения, и я вижу, как уменьшается недоверие и укрепляется дружба. Это полезно и для Турции, и для Советского Союза.

¹ Имеется в виду политический кризис в Совете руководства революцией, выявившийся в феврале — апреле 1954 г. и завершившийся победой сторонников НАСЕРА, выступившего за расширение революционных преобразований

Г.А. НАСЕР (АБД-АН-НАСИР, 1918 — 1970 гг.) — основатель в египетской армии организации «Свободные офицеры», которая возглавила 23 июля 1952 г. антиимпериалистическую и антифеодальную революцию в Египте, заместитель председателя и потом председатель Совета руководства революцией, в 1952 — 1954 гг. зам. премьер-министра и министр внутренних дел, до 1956 г. (с перерывом) премьер-министр, с ноября 1954 г. и.о. президента, с 1956 г. президент и главнокомандующий вооруженными силами, с 1963 г. председатель Арабского социалистического союза. А.-А.-Х. АМЕР был вице-президентом.

² ФАРУК был королем Египта в 1936 — 1952 гг. (до свершения революции).

³ Речь идет об организации «Свободные офицеры», когда новым королем стал АХМЕД ФУАД II (до 1953 г.), при котором страной правил Регентский совет во главе с генералом М. НАГИБОМ. Затем НАГИБ до ноября 1954 г. был президентом. Премьер-министрами в послереволюционное время являлись А. МАХИР-ПАША (1952), М. НАГИБ (1952-1954), НАСЕР (до 1956 г.), затем премьерство возобновилось с 1964 г. (А. САБРИ).

⁴ Х. БАГДАШ (род. в 1912 г.) — член Сирийской коммунистической партии с 1930 г., генеральный секретарь ее ЦК (в 1948 — 1958 гг. ЦК Компартии Сирии и Ливана) с 1937 г., с 1986 г. лидер одной из групп СКП (лидер другой — Ю.ФЕЙСАЛ).

⁵ А.К. КАСЕМ (1914 — 1963) — премьер-министр, министр обороны и главнокомандующий вооруженными силами Иракской республики с июля 1958 до февраля 1963 г., когда был расстрелян.

⁶ Н. САИД (1888 — 1958) — премьер-министр Ирака в 1930 — 1958 гг. (с перерывами). Июльская революция 1958 г. в Ираке привела к гибели и его, и короля ФЕЙСАЛА II.

⁷ Иракская компартия, возникшая в 1934 г., действовала в подполье до революции 1958 г., а затем с февраля 1960 г.

⁸ 1 февраля 1958 г.

⁹ М.М. ГАЛЕБ (род. в 1922 г.) был сотрудником посольства Египта в СССР в 1953 — 1957 гг. и послом в 1961 — 1971 гг. Когда НАСЕР в 1958 г. прилетел в Москву, ГАЛЕБ являлся начальником политической канцелярии президента.

¹⁰ Старая Асуанская плотина у 1-го нильского порога была построена в 1898 — 1902 гг. и потом неоднократно реконструировалась. В 1960 г. рядом с ней была пущена гидроэлектростанция. Новая плотина, высотная («Ас-Садд-аль-Али»), в 6 км южнее старой, имела юридической основой советско-египетские соглашения от 27 декабря 1958 г. и 27 августа 1960 г. Ее первая очередь была завершена в мае 1964 г. На ней трудились 30 тыс. египтян и 2 тыс. советских специалистов.

¹¹ Будущий писатель ФУРМАНОВ Д.А. (1891 — 1926). В 1920 г. он был заведующим политотделом 9-й армии на Северном Кавказе.

¹² Война 1967 — 1970 гг. между основной частью Нигерии и отделившейся от нее на востоке Республикой Биафра.

¹³ Маршал Советского Союза А.А. ГРЕЧКО, заместитель министра обороны СССР, являлся одновременно (1960 — 1967) главнокомандующим Объединенными Вооруженными Силами государств — участников Варшавского договора.

¹⁴ А. БЕН БЕЛЛА (род. в 1919 г.) — один из лидеров освободительного движения в Алжире, с 1958 г. зам. председателя Временного правительства Алжирской республики, его председатель с 1962 г., президент в 1963 — 1965 гг.

¹⁵ Премьер-министр, он же затем президент Йемена маршал А. АС-САЛЯЛЬ.

¹⁶ После военного переворота в Ираке 8 февраля 1963 г. президентом стал А.-А.-С. АРЕФ, а премьер-министром А.Х. БЕКР. 18 ноября 1963 г. АРЕФ осуществил новый военный переворот, упрочив власть. Премьер-министром стал Т.Яхья.

¹⁷ Король Йемена с 19 по 26 сентября 1962 г. М. ЭЛЬ-БФДР, свергнутый затем с трона и бежавший в Саудовскую Аравию, откуда предпринимал попытки реставрировать монархию.

¹⁸ Сказка (1834 г.) писателя П.П. ЕРШОВА.

¹⁹ Организация договора Юго-Восточной Азии (английская аббревиатура — СЕАТО) — военно-политический блок США, Англии, Франции, Австралии, Новой Зеландии, Таиланда, Пакистана и Филиппин, созданный 8 сентября 1954 г. и вступивший в силу 19 февраля 1955 г. Существовал до 1977 года.

²⁰ Коллективный псевдоним группы русских писателей, под которым

в 1859 — 1863 гг. публиковались литературные пародии, политические сатиры и бытовые афоризмы.

²¹ МОХАММЕД РЕЗА ПЕХЛЕВИ (1919 — 1980), шахиншах Ирана в 1941 — 1979 гг.

²² Соглашения от 13 января 1966 г., 23 октября 1966 г. и 22 июня 1968 г. (создание гидроэнергетического узла на р. Аракс и пр.).

²³ Советско-турецкий договор о дружбе и нейтралитете от 17 декабря 1925 г. (вступил в силу 29 апреля 1926 г.) был объявлен в Москве 16 марта 1945 г. утрачивающим свою силу и спустя 6 месяцев денонсирован.

ШЕСТИДНЕВНАЯ ВОЙНА НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ*

Сегодня 1 августа 1967 года. С арабскими странами мне пришлось «возиться» очень много, особенно после 1956 г., когда мы спасли Египет во время Суэцкого кризиса. Это очень важный район мира, ему уделяли большое внимание, потому что многие руководители арабских стран — люди молодые, неопытные, не прошедшие серьезную школу политической борьбы. Поэтому они часто совершают грубейшие ошибки, попадают в неприятные положения, а потом сами не знают, как из них выкрутиться. Взять хотя бы объединение Сирии с Египтом, образование Объединенной Арабской Республики¹. Это была явная ошибка. Когда Насер приезжал к нам, я с ним беседовал по этому вопросу целый день. Мы высказывались против такого объединения, и он прилетел в Москву побеседовать со мной. Я же ему прямо сказал: «Мы против этого». Он говорит: «Сирия сама проявила соответствующий интерес». Я добавил: «Это кончится для вас плохо». Но он никак не мог понять, почему.

Что же я ему сказал? «Вы поймите, сирийские арабы воспитаны на французской культуре, их строй более демократичен, и они более обеспечены; жизненный уровень у них несравненно выше, чем в Египте. Сирийцы привыкли к демократическим условиям жизни, у них много партий, там легальная компартия, там социалисты. Это настоящая классическая буржуазная страна с нормальным парламентом. В парламенте они выражают доверие или недоверие правительству и меняют его. У них сложились буржуаз-

* Эта запись воспоминаний сделана в 1967 г. и 1971 годах.

ные традиции. В Египте ничего этого нет. Египет пока что — бедная страна, с низким уровнем жизни народа. Никакого настоящего парламента у вас не было и пока нет. Никаких разных партий у вас тоже фактически нет, и вы не думаете их заводить. Сейчас сирийцы проявляют интерес к объединению, но почему? Они напуганы коммунистической партией, ее силой и хотят вашими руками задушить демократию. Однако это временное явление. Вот когда вы поживете вместе и когда сирийцы почувствуют, что такое ваш режим, они восстанут против вас, они не смогут смириться с египетскими порядками». «Ну, знаете...» «Что же, я только предупреждаю, что Сирия уйдет от вас или сбросит ваш режим».

Так потом и вышло. Два года они прожили вместе, а затем Амера арестовали домашним арестом и выслали из Сирии к чертовой матери². Свидетелем нашей беседы был египетский посол в СССР Галеб, умный человек. Когда получился провал, он сам говорил мне: «У меня все записано, все так получилось, как вы предупреждали».

Я в 1964 году был гостем Насера, присутствовал на завершении строительства Асуанской плотины. У нас сложились самые лучшие доверительные отношения с президентом Насером. Я ему откровенно высказал свою точку зрения:

— Вы что, хотите войны? Вы хотите уничтожения Израиля? — спросил я. — Это неправильно. Неправильно. К тому же Израиль для вас очень трудный орех. Имейте в виду, Израиль численно меньше, чем Египет, но у них другая культура. В израильской армии служат подготовленные люди, знающие современное оружие лучше, чем ваши люди. К тому же вы поставите себя в положение, когда не встретите сочувствия в других странах и поставите в двусмысленное положение Советский Союз. Мы в Объединенных Нациях голосовали за образование Израиля. Мы, правда, голосовали с оговорками, так как наша партия никогда не сочувствовала сионизму, она вела борьбу с сионистами внутри нашей страны, еще до революции и после революции. Мы не сочувствуем этой буржуазно-реакционной партии. Но дело не в этом. Существует израильское государство, и с этим нельзя не считаться.

Не надо ввязываться в войну. Не нужно проводить политику, преследующую цель уничтожения Израиля. Израиль существует. Израиль должен существовать. Он признан Объединенными Нациями, и поэтому ставить перед собой такую цель неразумно.

Следовало другими средствами добиваться признания прав арабов, живущих в составе израильского государства. Они должны стать равноправными. Насер тогда со мной согласился.

— Я, — ответил он, — не хочу войны. Я понимаю всю ответственность.

Если я порой выступаю с подобными речами, то делаю это вынужденно, отдаю дань настроениям народа.

Я его понимаю. Конечно, Израиль ведет реакционную и завоевательную политику в отношении Египта. Надо вооружаться с тем, чтобы дать отпор, если произойдет нападение, но самим ввязываться в войну не следует. А теперь — так называемая шестидневная война. Тоже ошибка, и грубейшая. Арабы давно хотят уничтожить Израиль. Это в какой-то степени понятно, их согнали с собственной земли. Подобные действия всегда возбуждают ненависть между народами. Не хочу касаться моральной стороны дела. Но уж если воевать, то подготовься и действуй наверняка. А так осрамиться — уму непостижимо! Теперь-то арабы везде кричат о своем миролюбии, что они жертвы. Я не имею возможности пользоваться другой информацией, кроме радио и газет, но и из них видно, как реально развивались события.

Приезжает военная делегация ОАР в Москву: «Шу-шу, ша-ша, шо-шо». Сговорились. Уезжают. Отбывает затем наша военная делегация в Египет: «То-то, та-та». Тоже уезжает. Прибывает к нам сирийская правительственная и военная делегация. Разговаривают, поднимают тосты. Уезжают. По каким вопросам говорили? Ясно. А теперь обвиняют Израиль: «Вот он, сукин сын, такой-сякой». Как же он это сделал? Египет потребовал от ООН, чтобы она вывела свои войска, которые разделяли египтян и израильтян. Кто требовал? Насер. У Тан³ удовлетворил его просьбу. Для чего обычно удаляются нейтральные войска? Чтобы они не помешали начать войну. Кто этого требовал? Насер. Следовательно, кто захотел начать войну? Насер. Он закрывает Акабский залив, где ходили израильские суда. Зачем? Для конфликта. Значит, у него все вроде было готово.

Потом начинают рассказывать сказки, что там их офицеры к бабам ходили и поэтому их армию застали врасплох. Все офицеры ходят к бабам во всех странах, и нельзя на это списывать поражение. Не в этом дело! Это басня для несведущих людей, хотя она имеет тысячелетнюю давность. Да, военные оторваны от дома, от женщин, и что ты ни делай, они все равно будут бегать на сторону. Как-то у нас во время войны Сталин сказал: «Давайте мобилизовывать девушек, столовые организуем для офицеров, и прочее».

Сказал не случайно. Это ведь почти то же, что американцы сейчас под другим видом организуют для себя в Южном Вьетнаме. И не в этом главное. Это мелочь, и я не хочу на нее отвлекаться.

Тут вопросы бытовые, отношения между мужем и женой, а не между государствами. Но туда ездили наши инструктора, обучали их. Арабские офицеры у нас в военных академиях тоже обучались, мы их готовили. А потом объясняют: «Все в отпуск уехали». Это же объяснение для дураков. Как так? Если я потребовал удаления войск ООН, закрыл залив, веду кампанию в печати для подготовки к войне — и я же отпускаю своих офицеров, летчиков и танкистов в отпуск? Никакой идиот этого не сделает. А почему их разбили? Потому, что они просрали, и другого аргумента тут нет. А теперь валят на то, что в отпуск уехал какой-то офицер или расстройство желудка было у него.

Главная причина победы Израиля заключается в том, что он имеет более высокую культуру, лучшую дисциплину в армии, его офицеры обладают боевым опытом и отлично подготовлены. Ведь там собрались очень хорошие специалисты из многих стран. Я, например, высоко оцениваю их генерала Даяна⁴ как военного. Молодец! Я в шутку говорил, что если бы я был премьером, а он находился в Советском Союзе, то я бы его сразу назначил нашим министром обороны. Он этого достоин. Евреи — нация, рассеянная по всему миру. Поэтому и получилось, что их офицеры лучше обучены, и солдаты тоже лучше обучены, и танкисты, и летчики. А фанатизм? Ну, это не главное. Фанатизм бывает разный. Если фанатику спустить штаны и несколько раз выпороть, то этот фанатик будет бежать без оглядки, чтобы его в третий раз не выпороли. Дело в том, что израильтяне просто лучше организованы, лучше владеют оружием и более сознательно его используют.

Египтянам с ними трудно тягаться, и они за это заплатились, бедняги. Они, грубо говоря, верблюдом могли управлять, они владели винтовкой, а тут их пересадили на танки. У нас тоже в свое время кавалерия пересаживалась на танки. Для этого требуется серьезная подготовка. Немаловажной является военная культура и боевая закалка. Египтяне собственное оружие как следует не использовали. Если бы в их армии имелись кадры, способные владеть нашим оружием, то они могли бы потягаться с израильтянами, и, может быть, им удалось бы выстоять.

Я все-таки не советовал бы подвергать себя такому риску: выстоять или не выстоять.

Я просто не могу понять, как такое могло случиться. Как мы могли допустить такое. Я повторяю, что Советский Союз несет большую долю ответственности за происшедшее. При наших возможностях оказывать влияние мы могли удержать Насера от вой-

ны. Мы имели возможность дать добрый совет президенту Насеру не проявлять воинственного пыла, когда он потребовал отозвать войска Объединенных Наций. Не надо было закрывать пролив, которым пользовался Израиль.

Одним словом, не следовало накалять атмосферу. Атмосфера и так была предвоенной. Я так ее понимал. Войну начал Израиль, он напал, но напал упреждая, когда обе стороны уже были приведены в мобилизационное состояние. Он упредил и легко добился разгрома войск Египта.

Это было просчетом наших военных. Наши военные неправильно оценили обстановку, они некритически подошли к определению возможности одержания победы Египтом. Я считаю, что не нужно было бы вообще воевать во всех случаях.

Поражение произошло в результате неправильной оценки обстановки сил, неправильной политики, недоучета сил Израиля. Здесь все определяют кадры, занимающиеся военными делами, и дипломаты. Но главным образом, военные, потому что не за дипломатами, а за военными оказалось последнее слово.

Несмотря на то вооружение, которое арабы имели к 1967 году, через одиннадцать лет после нападения Англии, Франции, Израиля в 1956 году они потерпели поражение. Тогда мы блестяще, я бы сказал, да, блестяще (я повторяю и не стесняюсь, не играю в скромность), блестяще справились с положением, подали руку помощи Египту, вынудили агрессоров прекратить войну. А через одиннадцать лет, когда наша мощь так возросла, никакого сравнения не имела с тем, что мы имели одиннадцать лет назад, вышел такой конфуз. С самого начала наша страна повела себя неправильно, неправильно тем, что допустила эту войну. Позволила арабам спровоцировать Израиль, пойти ва-банк, начать войну. Она кончилась для Израиля победой. Затем в процессе примирения мы тоже повели себя неправильно. Не использовали нашей мощи, не потребовали, когда прекратился огонь, немедленного отвода войск с захваченной территории.

Но я считаю, что война обернется в конце концов против Израиля. Я в этом не сомневаюсь. Ведь шведы били Петра под Нарвой⁵, чем кончилось? Так что Израиль, хоть и не знаю, когда, но будет разбит, я в этом не сомневаюсь. Понимают ли это в самом Израиле? Нет, не понимают. Они опьянены победой, их военные передачи агрессивны, вызывающи. Самое лучшее, самое разумное было бы Израилю, разбив арабов, сейчас же отвести свои войска на исходные позиции. Они поразили бы весь мир и завоевали бы, уж и не знаю, сколько симпатий.

Вот я — тот человек, который жестоко критикует Сталина. Но я вам скажу, что Сталин был умнейший человек. Мы начали войну с финнами в 1939 году. Официально пишут, что финны на нас напали. Да финнам это и не снилось! Мы на них напали, я это точно знаю. Мы хотели тогда, чтобы Финляндия стала советской. Но когда финны дали нам по морде, и крепко дали, Сталин пошел на мир. Карельский перешеек мы взяли, и он сразу же подписал договор. Финны отвоевали свою независимость упорной борьбой, и Сталин тоже не стал упорствовать. А когда финны во время войны с Германией двинулись с Гитлером против нас, Сталин все-таки опять пошел потом на мирный договор с ними, хотя обстановка была такая: еще немножко повоевать, и можно было всю Финляндию завоевать. Но он не пошел на это. Почему? Считаю, что в этом проявилась разумность Сталина. Он хотел этим актом положить начало разложению германской коалиции: раз русские не захотели завоевать Финляндию, то они не захотят, стало быть, завоевывать Венгрию, Румынию и другие союзные Германии страны. Это толкало союзников Гитлера на мир с нами. Так оно и получилось. Вышли из войны Болгария, Румыния, Венгрия.

Вот этого-то Израиль и не понимает. Сегодня ты стоишь на берегу Суэцкого канала, а завтра потеряешь Тель-Авив. Вот в чем дело! Сейчас Объединенные Нации записали решение, что Израиль должен освободить захваченные территории. Но не освобождает, тянет. Ну, что арабам делать? Арабам придется опять готовиться к войне. Если бы я возглавлял какое-то арабское государство и получил оружие, то потом, может быть, за три дня расколотил бы Израиль. Это вполне возможно. Ведь если выйти на старые границы, которые существовали до шестидневной войны, то оттуда хороший бегун побежит с утра, а обедать будет в Тель-Авиве. Эта страна простреливается из конца в конец. Это ведь не Советский Союз. Немцы шли, шли, до Сталинграда дошли, а там еще надо идти сколько-то тысяч километров. А в Израиле? На велосипеде человек утром с одной границы выедет, а к вечеру приедет на другую.

Задают вопрос, будем ли мы содействовать арабам, если они захотят уничтожить Израиль? Теперь арабы прошли школу войны. Напомню о таком разговоре. Когда-то Молотов рассказывал мне об этом, а потом и Черчилль напоминал. Когда во время войны Молотов в первый раз прилетел в Лондон, его принимал Черчилль. А Черчилль — и умница, и большой нахал. Он и говорит: «Господин Молотов, вот на этом месте, где вы сидите, я в 1918 г. принимал Савинкова⁶, беседовал с ним об организации нашего

десанта в Архангельске. В общем-то вы мне сейчас должны за это сказать спасибо. Я обучил вас воевать. Мы организовали интервенцию, но вы неплохо воевали и выбросили нас вон, а теперь хорошо воюете. Это — моя школа».

Арабы тоже прошли такую школу. Все-таки нельзя забывать, что Израиль живет в окружении мусульманского мира, который весь симпатизирует арабам. Евреев там горсточка. Поэтому я считаю, что Израиль не имеет перспектив удержать завоеванные территории. А он пытается их удержать, цепляется за Синайский полуостров. Полуостров, видимо, представляет большую ценность, там есть газ и нефть и, видимо, будет еще более ценным. Раньше эти пустыни не представляли ценности, раз там ничего не росло, а теперь их недра дороже растительного мира. Однако, несмотря на ценность недр Синая, политика проводится сейчас Израилем неразумная. Победа вскружила ему голову, и поэтому он не может трезво оценить свое положение в мире. Очень опасная ситуация. Сейчас самое разумное — вывести войска в обмен на признание арабами израильского государства. Упорство Израиля обернется против него самого. Это уже не от ума, а от глупости.

Что арабам делать при этом? Собираться с силами, как в свое время сделал Петр I, и сделать «Полтаву»⁷. Говорят, что арабы — это не русские. Но тогда и русские были не шведами. Шведская армия тогда была лучшей в Европе, а Петр ее разбил, хотя не существовало более хорошей армии, чем шведская. И все же эта армия была разбита «лапотниками». Надо иметь в виду, что за арабов стоит Советский Союз. Значит, у них наша техника, наши советники, им доступны наши школы. А арабы ведь не глупее евреев. Все люди имеют равные возможности, надо только умело их использовать. Сегодня евреи более развиты, но это вопрос времени. Если взять первые годы нашей революции, то у нас в составе партийного актива евреи тогда составляли очень высокий процент. И это было вполне понятно, потому что они были более грамотные люди. Теперь же этого нет. Почему? Русские подтянулись. Ничто не вечно под луной!

¹ В 1958 г. Египет и Сирия образовали Объединенную Арабскую Республику. После выхода Сирии из ОАР в 1961 г. Египет сохранял название ОАР до 1971 г., когда принял название Арабской Республики Египет.

² 28 сентября 1961 г. сирийские армейские офицеры совершили политический переворот, приведший к выходу Сирии из ОАР. Вице-президент ОАР, главнокомандующий ее вооруженными силами, маршал АМЕР с 1959 г. руководил всеми членами Исполнительного совета Сирийского района ОАР

и обладал чрезвычайными полномочиями, олицетворяя собой, таким образом, египетское правление в Сирии.

³ У ТАН (1909 — 1974) — исполняющий обязанности генерального секретаря (1961 — 1962 гг.) и генеральный секретарь (1962 — 1971 гг.) Организации Объединенных Наций.

⁴ М.ДАЯН (род. в 1915 г.) — участник борьбы антифашистов в 1941 г. с петэновцами во французской Сирии, командующий группами израильских войск на сирийском и иерусалимском фронтах во время арабо-израильской войны 1948 — 1949 гг., начальник генерального штаба Израиля в 1953 — 1958 г. (в 1956 г. руководил боевыми действиями в Синайской операции), министр обороны в 1967 — 1974 гг.

⁵ Имеется в виду поражение под Нарвой 19 (30) ноября 1700 г. русских войск от армии шведского короля Карла XII в Северной войне (1700 — 1721 гг.).

⁶ САВИНКОВ Б.В. (1879 — 1925) — политический деятель, публицист, писатель, один из руководителей «Боевой организации» партии эсеров в 1903 — 1917 гг., товарищ военного министра Временного правительства в 1917 г., входил в 1918 г. в состав Русского политического совещания в Париже, по поручению которого участвовал в переговорах с правительствами стран Антанты. Еще в начале 1918 г. он впервые встретился с У.Черчиллем (в то время — министр военного снабжения) как лидер «Союза защиты родины и свободы», поддерживаемого финансами стран Атланты, для уточнения деталей английской интервенции на советском Севере. В Архангельске ее десант высадился 2 августа 1918 г. Организатор многих террористических актов.

⁷ То есть повторить Полтавскую битву 26 июня (8 июля) 1709 г., в которой русская армия во главе с Петром I разгромила шведскую армию во главе с Карлом XII.

ОТ СИРИИ ДО ЙЕМЕНА*

Хочу теперь рассказать о наших отношениях с некоторыми арабскими странами помимо Египта. Они улучшились после 1956 г., когда СССР своим вмешательством остановил военные действия Англии, Франции и Израиля против Египта. Наш авторитет в арабском мире сразу возрос: одобрялась наша миролюбивая политика, направленная в защиту слаборазвитых народов и стран, освобождающихся из-под колониального гнета и становящихся на путь независимости. В частности, у нас складывались очень и очень хорошие отношения с Сирией. Сирийское правительство проводило самостоятельную политику и, правильно понимая нас, охотно

* Эта запись воспоминаний сделана Н. С. Хрущевым в 1970 г.

шло на сближение с СССР. Представители Сирии неоднократно приезжали в Советский Союз, и наши делегации выезжали в Сирию. Были подписаны некоторые соглашения об оказании Сирии помощи. Из достоверных источников посредством разведки нам стало известно, что США собираются организовать вторжение в Сирию, используя Турцию, а частично Ирак и Иран. Какие конкретно силы предполагалось привлечь со стороны двух последних, мы не узнали. Но Даллес добился их согласия на участие в агрессии, если не хватит турецких сил. Мы получили в свои руки подробный план не только вторжения, но и его подготовки, причем данные сведения не вызвали у нас сомнений. Стало известно и время начала вторжения. Мы знали, какими силами располагала Турция, где и как она сосредоточила их, сколько пехотных и танковых дивизий и какая артиллерия будут участвовать в этом деле.

План был рассчитан на молниеносный удар, с тем чтобы одним броском как можно скорее достигнуть Дамаска, занять его и ликвидировать независимый режим Сирийского государства. Преследовало ли это вторжение цель присоединения Сирии к Турции? Вряд ли. Речь шла о свержении прогрессивной власти в Сирии, чтобы поставить страну в фарватер политики стран НАТО. Тогда мы вместе с Сирией разработали свой план. Он должен был воздействовать на наших соседей Иран и Турцию, чтобы удерживать их от агрессии. В СССР объявили о проведении военных маневров на границе с Ираном в Туркменистане. Затем мы начали демонстрацию военных сил на кавказской границе с Турцией. Потом договорились с Болгарией и организовали такую же демонстрацию на болгаро-турецкой границе, причем болгары объявили, что будут проводить маневры с участием Военно-Воздушных Сил СССР. На каждый становившийся нам известным шаг Турции в подготовке к войне против Сирии мы совершали ответные шаги, о которых широко оповещали через печать. А когда наступил срок вторжений в Сирию, мы послали в районы, где проходили наши военные учения, своих боевых маршалов: на иранскую границу отправился Маршал Советского Союза Мерецков, на турецкую границу — Маршал Советского Союза Гречко, а в Болгарии уже находился маршал авиации Скрипко.

Время двигалось к часу «Х». Зная заранее все стадии подготовки вторжения, мы соответственно наметили такие же стадии подготовки наших войск, вернее — нарочитой демонстрации их подготовки. Турция продолжала наращивать силы вторжения, и мы делали ответные шаги, о чем публиковали сообщения в печати. Пошло как бы своеобразное соревнование. Пока что по плану, разра-

ботанному Пентагоном, оставалась еще пара шагов. Но мы были очень хорошо осведомлены о том, что происходило в Турции. Наши люди четко информировали Москву. Накануне часа «X» мы заявили, что окажем военную помощь Сирии. Тут США предложили Турции приостановить подготовку, а затем и вовсе отменили приготовления к вторжению. Мы обрадовались такому повороту дела, поскольку совсем не хотели тогда войны, даже локальной, и демонстрировали готовность лишь для приостановки агрессии. Еще какое-то время мы находились настороже, не будучи уверенными, что вторжение отменено окончательно. Выжидая, мы затем узнали, что турецкие войска отведены от границы с Сирией.

Советское руководство торжествовало в связи с тем, что удалось без выстрела остановить руку империалистов, которая занесла меч над Сирийской республикой, и предотвратить кровопролитие. Кроме того, это свидетельствовало о нашем возросшем могуществе, с которым вынуждены были считаться даже такие оголтелые проводники политики империализма, как Джон Фостер Даллес.

Вообще мистер Даллес постоянно стремился тогда к ухудшению отношений капиталистического мира с СССР и прилагал много усилий к тому, чтобы изолировать все социалистические страны от остального мира, мешал торговле, культурным связям, всячески вредил нам. В его понимании большую роль играла политика окружения социалистического лагеря и блокады любых контактов. Даже туристов к нам не пускали. Однажды наших шахматистов не пустили в США. На международный конгресс поваров туда должна была поехать наша делегация пищевиков, ее тоже не пустили. Одним словом, Даллес закрывал все щели, останавливая общение нашего народа с народами других стран. Того же он хотел добиться на Ближнем Востоке, но ничего не смог поделать. Мы прорвали там блокаду в 1956 г., установили добрые отношения с Египтом. Империалисты хотели жестоко наказать Сирию, преподав урок и Египту, и Ливану. Я не говорю здесь об Ираке, где функционировало в те месяцы весьма реакционное правительство, возглавлявшееся ставленником британского империализма и верным псом колонизаторов Нури Саидом.

Мы отпраздновали бескровную победу. Когда убедились, что угроза для Сирии миновала, сейчас же объявили через печать, что наши военные маневры закончились и что командующие, задействованные там, вернулись к исполнению прежних обязанностей. Чем характерна та наша операция? Мы, удержав агрессоров, одновременно подали руку помощи Сирии, не допустили ликвидации

Сирийской республики, и всего этого добились без войны. Это означало рубеж нового этапа советской внешней политики, когда мы могли добиваться желаемых результатов иными способами, нежели раньше. Я тогда много занимался международными делами, и мне было отрадно, что Даллес, который сформулировал и проводил политику США с позиции силы, отступил. Он хотел вести внешнюю политику «балансирования на грани войны», но до намеченной им грани, когда почувствовал реальную возможность ответного удара, переступить ее так и не решился. Из чего вовсе не вытекает, что мы впредь должны делать неправильный вывод, избрав такую же политику. На грани ведь можно не удержаться. Не ты один определяешь, где проходит эта грань. Легко можно сползти с нее и увязнуть в кровопролитии. Тем не менее, в момент «военной игры» мы показали свое умение, владея собственной силой, и угрожать, и не зарываться. Теперь наш авторитет в арабском мире, а особенно в Сирии, еще более возрос. Сирийско-советские отношения стали не просто теплыми, а дружескими.

Свершившиеся события подогрели испуг сирийской буржуазии и помещиков, и они бросились в объятия к Египту с предложением создать Объединенную Арабскую Республику, чтобы опереться на реакционные силы в Египте и не дать возможности прогрессивным силам, группировавшимся вокруг Сирийской коммунистической партии, разворачивать далее процесс демократизации страны. Чем это кончилось, я уже рассказывал, когда говорил о наших отношениях с Египтом и его президентом Насером. Очередное столкновение с США на Ближнем Востоке произошло, когда совершился переворот 1958 г. в Ираке. Мы приветствовали его, потому что было ликвидировано реакционнейшее правительство империалистического холуя Саида, ненависть к которому в арабском мире была повсеместной, так что новый лидер Ирака Касем всего одной дивизией сумел справиться со всеми теми кругами, на которые опирался Саид. Сообщалось, что он переоделся в женскую одежду с чадрой и хотел скрыться, но какой-то солдат узнал его, заметив под длинным балахоном сапоги, и застрелил его.

После того как в мае 1958 г. началось восстание ливанцев против реакционного режима в их стране, американцы в июле приняли в Ливане высадку своих войск. Тут мы снова организовали ответные шаги, уже не только военного, а общественно-демонстративного характера. Организовали протесты во всех странах мира, где только могли это сделать. Перенесли вопрос в Организацию Объединенных Наций, добились там соответствующих решений и вынудили американцев эвакуировать свои войска из Ли-

вана. Так победила еще одна международная демонстрация в защиту мира на Земле и в пользу освободительного движения. Общими усилиями демократических сил мира удалось сдержать колонизаторов. Иракская революция тоже одержала победу. Наша активная политическая линия еще больше повысила авторитет СССР, и не только в арабском мире, но и среди всех народов, борющихся за независимость.

Затем острие событий перекинулось в Йемен. К нам еще раньше приезжал оттуда наследный принц эль-Бадр. Он просил оружия для борьбы с англичанами, и мы ему помогли. Это произошло в 1955 году, еще до поездки советской делегации в Англию.

С эль-Бадром я встречался. Что он собой представлял? Какое производил впечатление? Впервые мы познакомились в Москве. Ко мне в кабинет вошел пропорционально сложенный человек огромного роста, красивый мужчина, широкий в плечах. От бесед, которые я с ним проводил, осталось хорошее впечатление: он выказал себя разумным человеком, понимавшим интересы своей страны. Беседы наши велись прежде всего о том, как оказать ему помощь вооружением для изгнания англичан и освобождения королевства от колониалистов. Мы ему в этом сочувствовали и, как я уже говорил, дали оружие. Эль-Бадр рассказывал мне и о том, как он подавил восстание, организованное внутренними силами против его отца: в его отсутствие был совершен переворот, столицу город Сану восставшие не сумели захватить, но обложили ее; эль-Бадр вернулся, при содействии соседних правителей разгромил восставших и восстановил прежний порядок. Мне трудно было определить свое отношение к его акции. Да от меня этого и не требовалось. Ведь хрен редьки не слаще, как говорят в народе. Тот строй, который представлял его отец как имам — глава йеменских мусульман и как король — глава светской власти, был оплотом крайне реакционной политики. Но у меня сложилось впечатление, что сын уже по-другому смотрел на правление государством. Однако таких разговоров с ним я не вел, а только слушал его.

Конечно, нам было выгоднее, чтобы существовал независимый от Англии Йемен. Поэтому мы и оказывали ему помощь. Касалась она не только поставок оружия. Принц просил нас оказать и экономическое содействие — построить морской порт: «У нас сейчас нет подходящего порта, — объяснял он. — Когда англичане изгнали нас из Адена, мы остались без крупных морских причалов. Сейчас к Йемену подходят корабли, останавливаются на удалении от берега, а все грузы с корабля, в том числе и пассажиров, доставляют на лодках, потом их носят на плечах».

СССР построил в Йемене порт в Ходейде на Красном море. Эль-Бадр казался человеком с юмором, довольно веселого нрава и, видимо, не очень религиозным. Он рассказал, что приехал к нам не один, а с каким-то особо доверенным человеком его отца, которого послали приглядывать за сыном и удерживать от каких-либо ненужных поступков. Этот информатор наблюдал за принцем, а потом все докладывал королю. И эль-Бадр развеселился: «Какой там соглядатай? Этот мулла? Мы живем с ним в гостинице «Москва». Наши номера расположены рядом. Однажды ко мне заходит официант и приносит вино. Я удивленно посмотрел на него и сказал: «Простите, тут какая-то ошибка». Официант ушел, а я сообразил, что мой соглядатай, видимо, заказал себе вино. Мусульмане вина пить не должны, а он-то особенно, потому что представляет нашу религию. Я решил к нему наведаться. Зашел в его номер без стука и застал такую картину: он, опрокинув бутылку, пил вино из горлышка. Когда же увидел, что я стою перед ним, то растерялся. Смотрит растеряннo и молчит. Тут я ему сказал: «Что же вы делаете? Аллах это не разрешает, вы нарушаете заветы пророка». Мулла возразил: «Пророк прямо ничего не запрещал насчет вина». «Так если пророк прямо не сказал, то вы хотя бы взяли бокал, налили туда и выпили, как обычные люди, а то сосете из горлышка, ведь это неприлично». Рассказывая это, принц смеялся: вот, мол, какие у меня наставники.

Принц показался мне тем человеком, который, как можно было надеяться, придя к власти, изменит к лучшему общественный строй Йемена. Отец его, согласно информации нашего посла, был очень болен. Опасная личность, религиозный фанатик, самодур, способный на все .

Он был жестоким и очень реакционным человеком. Там существовали кое-где средневековые условия жизни, сохранялось даже рабство. Чувствовалось, что эль-Бадр тоже ждет смерти отца и возможности занять королевский трон. Он открыто высмеивал нынешнее положение в его стране, тем самым показывая мне, что хочет ввести новые порядки, хотя прямых разговоров на этот счет у нас не было. Эль-Бадр стал относиться к нам с особым доверием, и мы продолжали оказывать Йемену помощь. Когда умер король Йемена имам Ахмед, принц вззошел на престол. Принцам порою свойственно проводить либеральную политику, но затем, обретя трон, они следовали той политике, против которой ранее выступали сами, пока трон занимал их отец.

Однако эль-Бадр правил крайне недолго. Начальник охраны королевского дворца полковник Ас-Салаль сверг его, эль-Бадр

случайно спасся. Долгое время считали, что он погиб и погребен под развалинами дворца. Оказалось, что он, переодевшись в женское платье и закрыв лицо паранджой, успел бежать и с помощью Саудовской Аравии организовал длительную борьбу с новым правительством.

О перевороте против эль-Бадра мы сначала ничего не знали. Только когда переворот свершился, вмешался президент Египта Насер, решивший оказать помощь силам, восставшим против реакционного режима. Насер хотел перебросить несколько воинских частей из ОАР в Йемен, но у него не было самолетов. Мы продали ОАР несколько военно-транспортных «Антоновых», очень хороших самолетов, еще и сейчас не утративших своей ценности. Но в Египте не оказалось и подходящих летчиков. Насер обратился к нам с просьбой оказать и эту помощь. Мы откликнулись на его призыв и срочно снарядили самолеты с нашими экипажами. Теперь Египет сумел поддержать Йемен и перебросил туда воинские части, которые стали опорой нового правительства, образованного в результате переворота. Эти войска находились в Йемене долгое время, вплоть до очередной войны с Израилем. Однако выяснилось, что у Насера нет военной авиации, необходимой для операций против королевских войск, набранных в соседних странах, где арабские князьки, боясь за свое благополучие, хотели вернуть королю Йемена его трон. Мы продали Насеру отличные бомбардировщики ТУ-16. Летчиков у него опять не оказалось, и вновь он обратился к нам с просьбой откомандировать наших летчиков. То были добровольцы. Без оглашения дела в печати они выехали в Египет, а оттуда перебрались в Йемен и действовали против сил, наступавших на войска нового правительства. Наступавшие были разгромлены.

Братская помощь восставшему народу Йемена дополнительно подняла высокий в арабском мире авторитет Советского Союза. На этих примерах другие народы увидели, что СССР не на словах, а на деле выступает за прогресс, а когда появляется нужда в помощи, то эту помощь оказывает быстро и решительно. С другой стороны, те же события продемонстрировали нараставшую слабость империализма. Он был уже не всесилен, а желаний имел больше, чем возможностей. Отныне политический перевес все более склонялся на сторону социалистических государств и их духовных союзников во всем мире. Империализм был вынужден не совершать необдуманных шагов, которые могли бы втянуть его во всеохватную войну. А мы вовсе не стремились создавать конфликты и лишь старались парализовать реакционно-агрессивные силы.

Когда умер Даллес, я в кругу своих друзей или встречаясь с друзьями из других стран, говорил: «Общеизвестная молва о Даллесе правильна. Он заслужил славу агрессивного человека, который буквально дышал ненавистью к коммунизму и прогрессу. Но мы еще можем потом пожалеть, что Даллес умер. Да, он был нашим врагом и все делал против нас. Но мы можем похвалить его за то, что он обладал достаточной трезвостью ума, чувствовал ту грань войны, о которой говорил в своих выступлениях, и старался ее никогда не переступать». Во время событий в Йемене Даллеса уже не было в живых. Но и там США не переступили грань.

С Йеменской Арабской Республикой, сменившей Йеменское королевство, мы установили добрые отношения, а ОАР даже заключила с ней союз. Империалисты только тогда считаются с протестами, когда конкретно видят, что общественно-политическое давление может перерасти в военное и они будут поставлены перед конкретным выбором войны или мира. Именно таким путем мы добились отступления агрессивных сил и сохранения независимости упомянутыми странами. Наряду с проведением такой политики мы, насколько это было в наших силах, старались оказать влияние на руководителей арабов, с тем чтобы они с большим пониманием относились к своему соседу Израилю и не стремились путем новой войны изменить уже сложившиеся там границы. Помню в данной связи свою последнюю беседу с Насером в 1964 году. Он тогда согласился со мной и выразил понимание нашей точки зрения, однако пояснил: «У нас сейчас сложная обстановка в арабском мире. Слишком чувствительны раны, нанесенные арабам при создании израильского государства: арабов изгнали с их земель, и сейчас изгнанники находятся в очень тяжелом экономическом и моральном положении. Я вынужден поддерживать их дух и время от времени резко выступать против политики, которую проводит Израиль».

Я Насера тоже понимал. Это была с его стороны абсолютно правильная политика. Но сейчас не могу понять, что же там случилось? Непонятно, почему летом 1967 г. Египет потребовал вывода войск ООН, которые находились на границе между Египтом и Израилем? Ведь эти силы сдерживали агрессивные действия Израиля, для того они и были поставлены, чтобы нейтрализовать агрессора и исключить столкновения на границе, создав условия, устраняющие военные конфликты. И мне неясно, какие цели преследовал Египет, когда он потребовал от У Тана вывода этих войск. А зачем Египет закрыл в Красном море морской путь, которым пользовался Израиль? Именно данные мероприятия были испол-

зованы Израилем в качестве причин для начала военных действий против Египта. Если Египет сам готовился к такой войне, а только так и можно расценить его шаги, то почему он тогда не создал мобилизационную готовность своей армии? Ведь за шесть дней были разгромлены силы всех арабских государств, которые приняли участие в военных действиях: Египта, Иордании и Сирии. По материалам нашей печати ни в чем нельзя разобраться. А ныне сложились гораздо более трудные условия для Египта, чем прежде.

Я очень сожалею о том, но что могу поделать? Только лишь выразить сожаление. Мучаюсь душою и не могу понять, как же это допустили? Сравниваю с тем, как вел себя СССР в 1956 г., когда мы были в несколько раз слабее, чем в 1967 году. Почему мы тогда смогли оказать эффективную помощь Египту, чтобы отбросить войска Англии, Франции и Израиля и заставить их отойти на старые границы? Почему нам не удалось это же в 1967 г., когда мы невероятно выросли в своей военной мощи? Сейчас, когда столько лет прошло, ожидать от Израиля благоразумных шагов без нажима на него вряд ли стоит, Израиль хочет, чтобы существующее положение сохранилось навечно, и в пропагандистских целях ставит свои условия: вести переговоры напрямую с Египтом, тогда найдем способ договориться. Это означает раскол в арабском мире. И мне досадно глядеть на нашу как бы немощь в данном случае, вспоминая об успехах СССР при обороне Египта, Сирии, Йемена от империалистов.

ОТНОШЕНИЯ С АФРИКАНСКИМИ СТРАНАМИ

Меня порою спрашивают, как строились наши отношения с африканскими странами и на чем они основывались в то время, когда я занимал высокое положение в правительстве и в партии? Нелегкий вопрос. Не знаю, как удастся мне его изложить, но с удовольствием запишу относящиеся к нему воспоминания. Практически речь идет о том, как мы относились к освободительному движению. Наше отношение вытекает из учения Ленина, который не только изложил теорию и тактику борьбы рабочего класса против капитализма, но и на деле осуществил ее в Октябрьской революции, которая подняла знамя борьбы за

освобождение всех угнетенных, не только рабочего класса, а целых наций. Начался процесс освобождения народов от колониального гнета. Стала рушиться колониальная система.

После второй мировой войны Великобритания вынуждена была предоставить независимость Индии и Пакистану. Затем Франция пришла к необходимости предоставить возможность колониальным народам высказаться, Хотят ли они остаться в составе Французского сообщества или же проголосуют за самостоятельность. Первой из ее колоний путем такого голосования получила независимость Гвинея. Конечно, судьбу Гвинеи определила не одна добрая воля президента Франции де Голля. Там велась активная борьба за освобождение. Но когда де Голль пришел к власти, он выдвинул тезис, что если какая-либо африканская страна проголосует за выход из Французского сообщества, Франция это признает.

Гвинея первой вступила на этот путь. Реакция де Голля людям, которые следили за печатью, известна. Он отозвал оттуда не только всех чиновников, но и специалистов. Этим они хотели вызвать в Гвинее крах, считая, что она не справится, а может быть, надеялись даже на ее возвращение в сообщество. Руководителем Гвинеи стал сын своего народа Секу Туре¹. Мы считали своим долгом помочь ему, зная, как в первые дни независимости страна нуждается в помощи. И мы протянули такую руку помощи, как только руководство Гвинеи обратилось к нам с соответствующей просьбой: послали специалистов, помогли материально. Начали там с печатания новых денег². Гвинейцы не имели должного опыта и не знали, как это делается. Так мы пришли на помощь первому из африканских государств, которое после второй мировой войны обрело независимость в результате долголетней борьбы против колонизаторов³.

Потом Секу Туре приезжал к нам, и мы познакомились с ним лично, стали называть его товарищем. Очень хорошую характеристику дал ему Торез, который знал его по профсоюзной работе. Туре был одним из лидеров профсоюзного движения, а Торез имел связь с профсоюзами Африки. Туре произвел на нас впечатление образованного человека, понимающего суть классовой борьбы и борьбы за национальную независимость. Тут у нас с ним возникло полное взаимопонимание. Но нас, включая и меня (а я вел с ним переговоры от имени советского правительства), насторожило несколько неуважительное его отношение к Французской коммунистической партии и лично к Торезу как ее лидеру.

Мы-то относились к Торезу с большим уважением. Я и сейчас

сохраняю такое отношение к этому замечательному французу, моему коллеге по работе в угольной промышленности, тоже шахтеру. Меня такое отношение Туре к нему не только насторожило, но и задело. Как же можно говорить развязным тоном о Французской компартии и ее лидере, когда она делала буквально все для того, чтобы помочь борьбе гвинейского народа за независимость? Однако так было. Потом к нашим первым впечатлениям добавились другие, еще более горькие.

Гвинейцы вновь обратились к нам за помощью, когда хотели построить (или достроить) аэродром, который мог бы принимать самые тяжелые самолеты. Мы опять охотно послали им своих специалистов и материалы. Тем не менее, когда разразился Карибский кризис, который мог привести нас к столкновению с США, правительство Секу Туре лишило нас возможности летать на Кубу через Гвинею и не дало разрешения садиться в его стране нашим самолетам, которые нуждались хотя бы в одной заправке по пути за океан. Если бы мы получили возможность заправляться в Гвинее, это бы нас выручило. Но нам отказали, ссылаясь на то, что «по техническим условиям» советский самолет не может быть принят на новом аэродроме. Спрашивается, кто лучше знает технические условия аэродрома, правительство Гвинеи или наши специалисты, которые строили его? Естественно, у нас не было доверия к таким мотивам, и мы рассматривали это как акцию в пользу США и против СССР, который всей душой стоял и стоит на стороне борющихся за независимость, включая народ Гвинеи.

С Туре я имел две или три встречи. В беседах со мной он занимал, повторяюсь, непонятную нам позицию в отношении Французской компартии, а потом это же проявилось и в отношении к СССР. Мы-то считали, что Гвинея должна была занять единую позицию с социалистическими странами в борьбе против империализма. Но этого не произошло. Потом появились и другие огорчения. Наше посольство сообщило, что гвинейские руководители занялись личным обогащением, что брат Секу Туре обзаводится крупной собственностью.

Одним словом, события в Гвинее не приносили нам удовлетворения, не давали уверенности, что эта страна пойдет по пути строительства социализма и станет нашим союзником в борьбе с империализмом. Ну что ж, социально-политическая направленность преобразований зависит от самого народа, народ сам выбирает свой путь. Но когда руководители занимаются личным обогащением, это никак нельзя объяснить волей народа. Наоборот, это делается за счет народа. Некоторые люди хотят прежде

всего строить личное благополучие и обзаводиться частной собственностью, которая потом служит им привеском, определяющим социальную позицию.

Так в наших отношениях наметилась трещина, а затем наступил чуть ли не разрыв из-за какой-то, собственно говоря, глупости: одна наша преподавательница, находившаяся в Гвинее, отказалась вернуться в Советский Союз. Видимо, советские органы, которые занимались этим вопросом, проявили бюрократическую ретивость, с тем чтобы ее как-то оттуда вернуть. Узнав об этом, я возмутился и разъяснил им: «Какое это имеет значение? Если та женщина хочет остаться в Гвинее, пусть себе остается. Может быть, она нашла себе там достойного мужчину? Пожалуйста, пусть остается». Тем не менее, по данному вопросу разгорелась дипломатическая перепалка. Гвинейцы во главе с Туре расценили шаги наших органов как оскорбление. Наша позиция порождала в них некую ассоциацию с колониализмом: белые выступают против брака с черным человеком.

Ну зачем нам нужно было так биться за свою преподавательницу, которая хочет остаться в африканской стране? Воистину глупость! Не знаю, чем эта история закончилась, но думал тогда и сейчас думаю, что она кого-то полюбила, потому и приняла решение остаться там. Тут ведь дело личное, мы вообще должны смотреть свободнее на такие вопросы. Для нас вопрос о том, белый человек, черный или желтый, не имеет значения. Главное — душа человека, его классовая позиция, его принадлежность к тому или другому лагерю, вот основное в оценке человека, а не цвет кожи. Конечно, конфликты такого рода, которые возникали, мы старались как-то приглушить, полагая, что рано или поздно гвинейские руководители осознают неправильность своего понимания отдельных поступков или, может быть, даже наших ошибок, и в конце концов мы сойдемся на общей позиции борьбы против колонизаторов.

С большим вниманием и сочувствием относились мы к освободительной борьбе алжирского народа. Алжирские арабы, как и египетские, ряд лет вели героическую борьбу против французских колонизаторов. Мы им оказывали помощь всем, чем могли. Посылали туда и оружие, хотя это было сложно осуществить. Французские империалисты делали тогда все, лишь бы оружие не попадало к алжирцам. Приходилось посылать его через Марокко или через другие страны. В результате долголетней революционной вооруженной борьбы алжирского народа за свою независимость он все же победил⁴. Сформировалось пра-

вительство Алжирской республики. Затем ее президентом стал достойный сын алжирского народа Бен Белла. Я с ним встречался не единожды в Советском Союзе. Последняя наша встреча состоялась в Египте, когда я там находился с государственным визитом.

Бен Белла производил на меня наилучшее впечатление. Другие африканские руководители, даже выдвинутые народом, нетвердо становились на почву научного социализма. Нельзя сказать, будто они не знали, что такое социализм. Большинство из них были людьми образованными. Но они колебались. Президент же Алжира сразу сказал, что его страна станет развиваться и строить свою жизнь на основе научного социализма. Не какого-то там иного, суррогатного, вроде «арабского социализма». Были в ходу и другие такого же рода «социализмы». Нет, Бен Белла принял формулу именно научного социализма, хотя и с учетом особенностей, в которых приходилось приступать к строительству новой общественной жизни в Алжире.

К сожалению, спустя какое-то время там был совершен переворот⁵, который возглавлял министр обороны Бумедьен⁶, ставший позднее главой правительства. В перевороте участвовала часть членов революционного правительства. Мне неизвестна судьба Бен Беллы, этого замечательного человека. Он нравился нам за правильное понимание им дела и правильное руководство народом в борьбе за построение нового общества. Сейчас промелькнуло в печати сообщение, будто его мать встречалась с ним: он жив, здоров, но обречен на бездеятельность. А ведь он еще молодой человек и мог бы сделать очень многое. Он был крупным политическим деятелем, отличался трезвостью ума, умением видеть перспективу, твердо стоял на позициях научного социализма.

Как-то один из представителей Алжирской компартии⁷ рассказывал мне о своей беседе с Бен Беллой и относительно ситуации вокруг компартии после победы независимости. Компартия находилась по-прежнему на нелегальном положении. Это объяснялось тем, что, когда Фронт национального освобождения готовился к вооруженному выступлению, коммунисты выступили против, ибо не верили в победу. Сначала секретарь Алжирской компартии высказался за вооруженное восстание и сам вошел в ряды ФНО, но потом на каком-то этапе событий АКП решила, что вооруженная борьба не будет иметь успеха, что для нее еще не созрели условия. Кроме того, национальная буржуазия была там настроена против марксистско-ленинской теории и коммунистов. Так или иначе, партия осталась на нелегальном положении.

«Вы внедряйтесь в государственные организации, существующие в Алжире, — как мне рассказывали, говорил коммунистам Бен Белла, — в профсоюзы, в другие общественные организации, но не как члены своей партии, а как люди, достойные занять тот или иной пост». Мы, со своей стороны, тоже рекомендовали коммунистам Алжира пользоваться всеми возможностями такого рода, желая, чтобы партия влилась в ряды ФНО и заняла затем в нем ведущее положение. Когда же Бен Белла и его соратники объявили, что они стоят на позициях научного социализма, каких-то идейных разногласий у них с компартией уже не возникало, хотя отдельные спорные проблемы оставались.

При нашей встрече в Египте Бен Белла по-прежнему занимал самую приемлемую для нас позицию, безоговорочно высказываясь за научный социализм, и, самое главное, хорошо его понимал. У других представителей арабов было шатание в этом вопросе, и они высказывались нечетко. Пожалуй, все, кроме Насера. Насер на митинге в Асуане тоже заявил, что во внутренней политике будет следовать научному социализму. А внешняя политика арабов уже определилась: они занимали твердые позиции, выступая против мировой войны, за мирное сосуществование, за добрые отношения с Советским Союзом и другими социалистическими странами.

Сейчас из материалов печати я вижу, что алжирский лидер Бумедьен, совершивший переворот, проводит в принципе ту же политику, которую проводил его предшественник: сохраняются и развиваются дружеские отношения с Советским Союзом, с другими социалистическими странами. Позиции в международных вопросах Алжир занимает те же, что и раньше. Я лично Бумедьена не знаю, с ним не встречался, хотя читал, что он человек в руководстве не случайный, находился в рядах борцов с французскими оккупантами. Так что с точки зрения участия в революционной борьбе он достойный человек. Правда, еще до совершенного им переворота некоторые члены алжирского правительства говорили нам, что он якобы человек реакционный, способный на путч. Бумедьен несколько раз приезжал к нам и встречался, в частности, с нашими военными.

Несколько раз виделся я с президентом Ганы Кваме Нкрумой⁸. Это очень интересный человек, располагавший собеседника к себе, умный, образованный, но по вопросу социально-политической направленности развития Ганы высказывавшийся сдержанно. Постепенно он все больше и больше проникался доверием к Советскому Союзу, к его руководству. Из личных бесед можно

было заключить, что он пошел бы в дальнейшем, когда внутренние условия в Гане созреют, на декларацию о выборе Ганой социалистического пути. Но официально о научном социализме он открыто никогда не говорил.

Нас беспокоил тот факт, что Нкрума — английский воспитанник, получивший в Англии высшее образование. После завоевания Ганой независимости в ее армии все офицеры были английскими. Какая же это независимость, если бывшие колонизаторы держат в своих руках командный состав армии? Мы в осторожной форме указывали Нкруме на то, что подобная ситуация в стране сдерживает его. Потом реакционные офицеры, действительно, сыграли свою роль, свергнув передовой режим в Гане.

Я несколько раз беседовал с Нкрумой на эту тему, убеждая его, что при командирах армии, состоящих из английских офицеров, всегда наличествует угроза со стороны западных капиталистических стран. Уже в последнее время Нкрума обратился к нам с просьбой выделить в качестве консультантов наших офицеров, чтобы он ввел их в личную охрану президента. Кажется, мы ему таких людей успели послать, но не помню, сколько. Конечно, горстка людей не сумела бы обеспечить стабильность государства. Армия осталась под воздействием тех же офицеров. Это создало благоприятные условия для антидемократических и капиталистических сил. Они добились своего: изменили положение в стране, и новое, военное правительство начало ликвидировать те демократические институты, которые были созданы под руководством Нкрумы. Гана твердо стала на капиталистический путь развития.

Помню приезд Нкрумы в Советский Союз. В то время мы с Микояном отдыхали в Крыму. Нкрума прибыл к нам с женой, арабкой из Египта. У нас состоялись приятные беседы с ним. Переворот был совершен тоже во время его поездки, но пути в Китай⁹. Он летел на нашем самолете и вынужден был, узнав о событиях на родине, возвратиться, но вернуться в Гану не смог, так как ему было запрещено. Из СССР он вылетел в Гвинею. Тут президенту Гвинеи нужно отдать должное: Секу Туре принял его по-братски и даже провозгласил вице-президентом Гвинеи, создав для него высокое общественное положение. А в Гане донныне правительство проводит прозападный курс. Некоторые попытки вернуться к прежнему курсу не увенчались успехом.

Теперь скажу о Мали¹⁰. После завоевания независимости к руководству в Мали пришли прогрессивные силы. Президентом страны стал Модибо Кейта. Тоже очень интересный человек, ум-

ный политик, внешне огромный. Помнится, как после его выступления на митинге в Москве мы с ним обнялись. Я почувствовал, что попал в объятия медведя. Потом я видел заснятую тогда фотографию, и она всегда вызывала у меня улыбку. Кейта по объему, весу и росту — просто великан. Когда был у нас, то он довольно громко (а потом и в своей стране) заявлял, что Мали станет развиваться по пути научного социализма и что это единственно правильный путь для его республики.

К сожалению, внутри страны ему не удалось создать для себя прочное положение и обезвредить антисоциалистические силы. Там тоже был совершен переворот, Кейту отстранили от власти. Не знаю, где он сейчас находится и жив ли. Он был очень хорошим нашим другом. В данное время мне неизвестно, какую социальную позицию занимает правительство Мали. Вижу лишь, что антисоциалистическую, а значит, и антисоветскую. Если бы оно занимало другую позицию, тогда не появилось бы причин для свержения такого прогрессивного президента.

Несмотря на то, что в Гане и Мали демократические силы потерпели поражение, а их прогрессивные руководители были свергнуты, я как коммунист глубоко уверен, что все-таки и там правда восторжествует, что вырастут новые силы, которые пойдут верной дорогой, используя марксистско-ленинскую теорию и опыт социалистических стран, где эта теория применяется на практике.

После завоевания независимости народами Сомали¹¹ у нас с этой страной тоже сложились хорошие отношения. К нам приезжала оттуда правительственная делегация, и мы решили оказывать Сомали, как и другим, всемерную помощь. Когда сомалийцы попросили у нас оружие, мы предоставили его на льготных условиях. Севернее Сомали располагалась Эритрея, прежняя итальянская колония, потом попавшая под контроль англичан. Когда подошел срок получения ею независимости, у сомалийцев разгорелся аппетит. Сомалийская республика захотела, чтобы Эритрея вошла в ее состав, поскольку там тоже живут сомалийцы — тот же народ, разделенный колонизаторами. Эфиопия же стремилась включить Эритрею в свой состав и тоже доказывала исторические права на нее.

Когда мы дали оружие правительству Сомали, это обеспокоило Эфиопию. Ее император Хайле Селассие I¹² обратился к нам с просьбой не вооружать Сомали и с пониманием отнестись к доказательствам о принадлежности Эритреи к Эфиопии. Для нас сложилось довольно деликатное положение: с одной стороны, мы сочувствовали новому правительству Сомали; с другой стороны,

у нас были очень хорошие, исторически дружественные отношения с Эфиопией. Мы не хотели сталкивать эти две страны, и нам пришлось проявлять дипломатическую гибкость. Из материалов печати я узнал, что недавно в Сомали произошел военный переворот¹³, там пришло к власти довольно прогрессивное руководство, заявившее, что оно будет строить политику на основе научного социализма и проводить курс на дружбу с СССР. Как теперь обстоит дело с Эфиопией? Конечно, возникли новые сложности.

В то время, когда я входил в советское руководство, установились хорошие отношения с Марокко. Я встречался с наследным принцем, потом ставшим королем Хасаном II¹⁴, во время своей поездки на сессию Генеральной Ассамблеи ООН. Я возглавлял тогда советскую делегацию, а он прибыл как представитель главы государства Марокко. У нас с ним состоялась краткая беседа, которая потом имела хорошие последствия. В Марокко пригласили нашу официальную делегацию, ее возглавлял председатель Президиума Верховного Совета СССР Брежнев, который был принят покойным ныне королем Мухаммедом.

Эти контакты содействовали укреплению наших добрых отношений. Мы с симпатией относились к молодому государству Марокко. Следует отметить, что после завоевания независимости Алжиром Марокко предъявило ему свои претензии на некоторые пограничные районы. Создалось впечатление, что между ними может развернуться вооруженный конфликт. Наши симпатии оставались больше на стороне Алжира, но для нас их спор все же породил трудности. К общему удовлетворению, вооруженного конфликта не произошло, вопросы разрешили дипломатическим путем.

Марокко при Хасане II стало проводить особую политику. Оно придерживается монархических политических взглядов, стоит на капиталистическом пути развития, оставаясь подлинно независимой страной, освободившейся от колонизаторов. Хотя оно занимает эту особую позицию, однако в борьбе арабских народов против Израиля сочувствует общеарабской линии, конкретно в этой борьбе не принимая непосредственного участия, что, видимо, отражает личные симпатии короля. Нам надо строить дружественные отношения с Марокко. Правители не вечны, а их страны остаются... Мы бы хотели, конечно, чтобы и в Марокко победил социалистический строй. А пока пусть там правит король. Дальнейшее покажет история.

Мы придерживаемся политики невмешательства во внутренние дела других стран, и тому подтверждение — наши хорошие отношения с освободившимися странами, которые придерживаются

капиталистической ориентации. У нас хорошие отношения с нашими соседями-королевствами, например, с Афганистаном. Основы были заложены в первые годы создания независимого афганского государства еще Лениным. Он установил дипломатические отношения и признал это государство. При Сталине они пребывали в замороженном состоянии. Только после смерти Сталина мы добились изменения положения, наши отношения стали самыми теплыми, дружескими. Я очень доволен, что в то время, когда я был в составе руководства, мы добились коренного перелома.

Октябрьская революция, разгром гитлеровской Германии и особенно успехи Советского Союза после второй мировой войны, прогресс в развитии промышленности, науке, в космосе привлекает все большее внимание в мире к научному социализму, к социалистическому пути развития. Народы, освобождающиеся от колониального гнета, все больше и больше убеждаются, что единственно правильный выбор — это покончить с капиталистической системой и переходить на новый, социалистический путь. Социализм теоретически обоснован Марксом, Энгельсом и Лениным и на практике осуществляется Советским Союзом и другими социалистическими странами. Видимо, рано или поздно все народы встанут на этот путь, ибо он единственно правильный путь для трудового народа: для рабочего класса, трудового крестьянства и трудовой интеллигенции.

¹ А.С.ТУРЕ (1922 — 1984) — генеральный секретарь Демократической партии Гвинеи с 1947 г. и президент Гвинеи с 1958 года.

² Гвинея вышла из финансовой зоны французского франка в 1960 г., введя национальную валюту — гвинейский франк.

³ Гвинейская республика была провозглашена 2 октября 1958 года (согласно результатам референдума от 28 сентября).

⁴ Франция признала независимость Алжирской республики после того, как 1 июня 1962 г. большинство ее граждан во время референдума высказалось за независимость.

⁵ Армия отстранила А. БЕН БЕЛЛУ от руководства 19 июня 1965 года. Власть захватил Революционный совет во главе с полковником Х.БУМЕДЬЕНОМ. В июле им было сформировано новое правительство.

⁶ Полковник (с 1957 г.) Х.БУМЕДЬЕН (1932 — 1978) был активным участником национально-демократической революции, с 1962 г. — министр национальной обороны, в 1963 — 1965 гг. первый заместитель председателя Совета министров, с 1965 г. председатель Революционного совета и Совета министров, с декабря 1976 г. президент.

⁷ С 1920 г. существовали алжирские секции в составе Французской компартии. В 1936 г. Алжирская компартия провозглашена как самостоятельная.

С 1955 г. находилась в подполье и после провозглашения Алжирской республики не была легализована. С 1964 г. ее члены стали вступать в ряды партии Фронта национального освобождения Алжира. Возродилась в 1968 г. как Партия социалистического авангарда Алжира.

⁸ К. НКРУМА (1909 — 1972) — основатель в 1949 г. Народной партии конвента Золотого Берега, в 1952 — 1957 гг. возглавлял его правительство, затем до 1960 г. был премьер-министром Республики Ганы и до 1966 г. ее президентом. Смещен с должности в результате военного переворота.

⁹ 26 февраля 1966 г., когда К. НКМА находился на пути в Ханой, высшие офицеры захватили власть, распустив Народную партию конвента и запретив политическую деятельность. После этого в Гане произошел еще ряд военных переворотов.

¹⁰ 22 сентября 1960 г. прежняя Суданская республика была провозглашена независимой Республикой Мали и вышла из Французского сообщества. М.КЕЙТА (1915 — 1977) был в 1947 — 1968 гг. генеральным секретарем партии Суданский союз и в 1960 — 1968 гг. президентом и главой правительства Республики Мали. Отстранен от власти в результате военного переворота.

¹¹ 26 июня 1960 г. получил независимость британский Сомалиленд, 1 июля 1960 г. — итальянское Сомали, после чего они объединились в Сомалийскую республику.

¹² ТЭФЭРИ МЭКОННЫН (1892 — 1975), после коронации — ХАЙЛЕ СЕЛАСИЕ I, император Эфиопии в 1930 — 1974 гг. Свергнут антифеодальной революцией.

¹³ 15 октября 1969 г. президент Сомалийской республики А.А.ШЕРМАРК был убит. А 21 октября армейские офицеры во главе с М.С.БАРРЕ захватили власть, которая перешла к Верховному революционному совету. Президентом стал БАРРЕ.

¹⁴ ХАСАН II (род. в 1929 г.) — король Марокко и одновременно в 1961 — 1963, 1965 — 1967 гг. глава правительства.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ВАРИАНТЫ МАГНИТОФОННЫХ ЗАПИСЕЙ*

Часть V

СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ СОДРУЖЕСТВО

К ГЛАВЕ «ПО СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМУ ПУТИ»

Тем не менее Сталин и сам давал повод к плохому отношению со стороны Китая к Советскому Союзу. К примеру, создание смешанного общества по эксплуатации недр Синьцзяна. Тут надо было проявить чуткость со стороны Сталина. Когда китайские коммунисты воевали против Чан Кайши и Чан Кайши не имел возможность контролировать эту провинцию, мы там довольно крепко обосновались. Основное население там не китайцы, а уйгуры, и у нас с ними сложились хорошие отношения. Я не помню, что мы там добывали, кажется, свинец. Когда заканчивалась война и Китайская компартия победила, Мао Цзэдун стал проявлять нервозность и настороженность: как мы поведем себя в Синьцзяне.

Сталин тогда послал Микояна в расположение коммунистических войск, и Мао Цзэдуну через Микояна было заявлено, что из Синьцзяна мы уходим. Это было правильно сделано. Однако взамен мы предложили Китаю создать смешанное общество по эксплуатации природных богатств Синьцзяна. Естественно, с нашими капиталовложениями, нашей техникой, а рабочей силой, набиравшейся из местного населения. Вся продукция шла в Советский Союз. Этим были посеяны семена недоверия. Китай победил, а мы влезли туда как колонизаторы. Это оскорбляло достоинство китайцев, портило наши отношения.

Затем работники нашего посольства сообщили, что Китай начал добычу золота и алмазов и скрывает эту добычу, оставляет все у себя, а не поставляет нам. Я помню какой переполох устроил Сталин. Он поднял ночью на ноги наших торговых работников, людей, которые ездят в Ки-

* В приложении дается распечатка вариантов магнитофонных записей воспоминаний Н.С. Хрущева. Автор воспоминаний по разным причинам прерывал работу над ними. Начиная снова работать, записывая воспоминания на магнитофон, он допускал повторы. Но в этих вариантах магнитофонных записей есть и отличительные оценки тех или иных событий, и новые факты, и некоторые дополнительные сведения к тому, что легло в основу воспоминаний. В этом и заключается их ценность.

тай, и, по-моему, даже ученых, у которых потребовал справку: где, в каких районах Китая, какие полезные ископаемые добываются. Сталин хотел нажать на Китай, потребовать отдать все нам.

Это невозможное дело. Мы сидели у него на даче за обеденным столом, переглядывались. Сталин развил бешеную активность, мы же понимали, что это неправильно и приведет к ухудшению наших отношений с Китаем. Помню, я сидел рядом с Берия и мы перебрасывались фразами. Берия пошутил:

— Надо Козловского спросить. Он все время поет: «Не счесть алмазов в каменных...». Следовательно, знает, где в теплом море находятся богатства. Может быть, он знает и где в Китае алмазные россыпи.

Сталин даже послал телеграмму на этот счет в наше посольство в Китае с требованием тщательно разобраться и доложить.

Был такой памятный случай. Мы разговаривали у Сталина. Из Китая тогда получили консервированные фрукты и их подали к столу. У Сталина возникла мысль: почему бы нам не организовать консервное производство по переработке ананасов. В общем-то разумное желание, но как он решил реализовать это дело. Он предложил китайцам предоставить нам в аренду территорию, где могут произрастать ананасы. Они растут на юге Китая, в районе Кантона или острове Хайнань. Получаем в ответ телеграмму от Мао Цзэдуна: если Вы хотите получать ананасные консервы, дайте нам кредит, мы разведем плантации, построим фабрику, будем сами перерабатывать ананасы в консервы и Вам продавать.

Разумно? Абсолютно разумно, но это одновременно протест против популяризации Сталина. Такие взаимоотношения нетерпимы вообще, а тем более нетерпимы между социалистическими странами.

В тот же период произошел и другой аналогичный случай. Возник вопрос о получении из Китая натурального каучука. В Китае на острове Хайнань произрастает гевея, которая дает натуральный каучук. Тоже пошла телеграмма Мао Цзэдуну с просьбой предоставить нам территорию, где бы мы могли разводить эти деревья, перерабатывать сырье и получать каучук.

Я тогда Сталина хотел удержать от этого шага:

— Товарищ Сталин, не следует в такой форме писать Мао Цзэдуну, это похоже на то, что мы концессию хотим иметь. Китай имел раньше много территорий, занятых иностранцами под концессии и колонии. Наш шаг будет плохо расценен.

Как он на меня гаркнул, сверкнув глазами! Как это я смог его, Сталина, поправлять в таком вопросе. Вопрос концессий — принципиальный, политический вопрос, а он вождь, он теоретик, и вдруг ошибается и Хрущев его поправляет. Он никаких поправок не терпел, тем более в такой щепетильной и острой области.

Послал он телеграмму Мао Цзэдуну и надеялся, что тот сейчас же ответит согласием. Получили мы очень быстро ответ. Помню, тогда Сталин собрал нас, это было не заседание, а надо было какие-то телеграммы

разобрать, переброситься по разным вопросам с тем, чтобы следом пойти в кино, а после кино отправиться поесть.

Маршал Жуков написал в своих воспоминаниях, что когда он бывал у Сталина, то ел только кашу гречневую и отварное мясо, — одним словом, питался диким медом и акридами. Я это не могу подтвердить. Были у Сталина на каком-то этапе и довольно демократические блюда, я сам ел с ним когда-то русскую похлебку. Но это были времена довоенные, и ранние довоенные. Во время войны и после войны такому продукту, как каша гречневая, там уже места не было. Гречневая каша до революции считалась среди шахтеров едой солдатской и арестантской. Она была самая дешевая. Это говорю, хотя я сам гречневую кашу люблю и сейчас с удовольствием ее кушаю. Но не об этом речь. Это я так, мимоходом, опровергаю писанину, которая написана в книге Жукова и написана не Жуковым. Жукова я всегда считал очень принципиальным человеком, не способным на такое. Видимо, Жуков стал теперь не тем Жуковым, каким он был перед войной и во время войны.

Итак, получил Сталин ответную телеграмму и зачитал ее нам. Мао Цзэдун ответил так же, как и в случае с консервным заводом по переработке ананасов: дайте нам деньги и мы сами сделаем для Вас то, что Вы хотите, будем Вам поставлять каучук.

Когда Сталин прочел китайский ответ, он ни на кого не глянул. Все присутствовали при нашем с ним разговоре и помнили, что я его предостерегал и предупреждал, что это обидит Мао Цзэдуна. Вот Сталин и получил щелчок по носу. Так Сталин строил отношения между странами народной демократии, между новыми социалистическими странами.

К ГЛАВЕ «ДРУЖБА С КИТАЕМ ПОСЛЕ ПОБЕДЫ НАРОДНОЙ РЕВОЛЮЦИИ»

Во время поездки Микояна в Китай, в конце войны против гоминьдана, встал вопрос о Синьцзяне. В этой провинции Китая реально правили наши люди, и не было секретом, что оттуда мы оказывали заметную помощь китайским коммунистам. Но одно дело, когда Китаем управлял Чан Кайши, и совсем другое создалось положение, когда победил Мао. Данный вопрос вплотную был поставлен при визите Мао в Москву. Сталин сказал, что Синьцзян — китайская территория, что у нас нет на нее каких-либо притязаний. Мы там находились потому, что раньше это было выгодно и компартии Китая, и Советскому Союзу. Чан Кайши не имел доступа в Синьцзян. Он знал, что мы там хорошо укрепились и что он ничего реального не может там предпринять, поэтому учитывал факты.

Теперь мы сказали Мао, что уйдем из Синьцзяна. Но Сталин предложил создать там смешанное советско-китайское общество. Китайцы приняли это предложение без всяких возражений, хотя, безусловно, остались недовольны. Они думали, что Советский Союз имеет в том районе какие-то особые планы, хотя Сталин и заявил, что СССР не посягает на Синьцзян. Создание

советско-китайского общества по эксплуатации недр Синьцзяна рассматривалось в Пекине как попятное движение к независимости Китая, посягательство на его территорию, граничащую с Советским Союзом. Вообще полагая, что создание смешанных обществ было ошибкой Сталина. Это нельзя было делать ни с Китаем, ни с другими братскими странами.

Такие же смешанные общества были организованы нами ранее во всех европейских странах народной демократии. Например, в Румынии, чем румыны очень возмущались. После смерти Сталина мы ликвидировали все такие общества. Создание смешанных обществ не только затрагивало национальное самлюбие, но и посягало в какой-то степени на материальные ресурсы другого государства. Если наличие подобных обществ в Румынии или, допустим, в Венгрии можно было объяснять тем, что эти страны воевали против нас на стороне Гитлера, то в отношении Китая не имелось и таких аргументов.

Однажды мы собрались в Кремле у Сталина. Не знаю, откуда Сталин взял, что в Китае имеются большие запасы алмазов и других ценных минералов, Китай их нам не дает, не оплачивает ими наши поставки, а платит второстепенными товарами, в которых мы мало нуждаемся. Он стал тогда выяснять у знатоков Китая, правда это или нет. Он кому-то звонил. Я сидел рядом с Берия.

Берия ко мне наклонился и говорит:

— Козловскому надо звонить.

Я удивился:

— Какому Козловскому?

— Козловскому, артисту. Он же поет: «Не счесть алмазов в каменных пещерах...» Правда, он поет об Индии, но они соседи и, видимо, если он знает, где эти клады в Индии, то он может знать, где такие клады находятся в Китае.

Мы так злословили, но были огорчены этим.

Потом вдруг у Сталина появилась мысль узнать, есть ли в Китае районы, где может произрастать каучуконосные деревья. Если есть, то хорошо бы там сделать насаждения гевеи, освободиться от зависимости капиталистического мира по каучуку. Я предложил дать Китаю тракторы, сделать капиталовложения, чтобы они поставляли нам каучук в счет оплаты за поставку наших машин. Сталин схватился за эту мысль, но повернул совершенно в другую сторону. Он сейчас же продиктовал телеграмму Мао Цзэдуну, в которой просил подыскать такую территорию и выделить нам в концессию, чтобы мы сами вели там хозяйство.

Я тогда сказал:

— Тов. Сталин, китайцы, видимо, будут очень недовольны, а Мао Цзэдун в первую голову. У них там англичане, португальцы и другие страны сидят, а тут Советский Союз — социалистическая страна — тоже хочет иметь концессию.

Он на меня как гаркнул: «Что ты вмешиваешься в мои дела?» — и послал телеграмму.

Прошло очень мало времени и мы получили ответ от Мао Цзэдуна. Он писал, что они согласны с нашим предложением на таких условиях: «У нас есть остров Хайнань на юге, там растет гевея и, если Вы желаете, то дайте

технические средства, дайте кредит, мы наладим производство каучука и Вам будем его поставлять в счет оплаты ваших поставок». Прочли телеграмму Сталину. Наступила пауза. Я уже на Сталина не смотрел, знал, что Сталин не забыл, как я его предупреждал, что так нельзя делать.

Сталин проглотил эту пилюлю и написал ответ. Телеграмма была составлена в вежливой форме, с достоинством и с уважением к интересам Китая. Мы согласились с Китаем, выделили средства, дали трактора и прочее. Правда, ничего из этого не получилось. Какое-то количество тракторов мы поставили, дали какие-то кредиты, они их оплатили нам каучуком, но идея избавиться от зависимости по каучуку от капиталистических стран провалилась. Видимо, китайцы не имели рвения к разведению каучуконосов. И этот случай оставил свою зарубку у Мао Цзэдуна, а Мао Цзэдун такой же, как и Сталин, он обиды не прощает и не забывает. Из нашего желания получить концессию, видимо, Мао Цзэдун сделал вывод, что мы ведем политику, которая в какой-то степени перекликается с политикой капиталистических стран. Принимая во внимание мнительность Мао Цзэдуна, это прожигало его воображение и бесило его.

Как развивались события, приведшие к Корейской войне? Все началось с приезда в Москву корейской делегации во главе с товарищем Ким Ир Сенном. Когда они впервые приезжали, я еще работал на Украине и присутствовал при этом. Уже после их отъезда, когда я переехал в Москву, Сталин неоднократно поднимал вопросы о Северной Корее. Ким Ир Сен тогда поставил перед Сталиным вопрос о том, что созрели условия к объединению Кореи. В Южной Корее была создана обширная сеть коммунистических подпольных организаций. Ким Ир Сен заявил, что народ Южной Кореи ждет толчка, чтобы сбросить Ли Сын Мана, установить народную власть и слиться с Северной Кореей, создав единое Корейское социалистическое государство. С другой стороны, он считал, что Северная Корея сейчас способна оказать эту помощь, и требовалось только благословение Сталина.

Много лет мы придерживались точки зрения, что инициатива нападения принадлежала Южной Корее, и сейчас я считаю, что версию, которая была создана, нет нужды поправлять, потому что это было бы выгодно только нашим противникам. Но истина такова: это была инициатива тов. Ким Ир Сена, которая поддерживалась Сталиным и всеми нами. Мы, как коммунисты, сочувствовали и желали лучшего корейскому народу, в том числе и народу Южной Кореи. Мы хотели помочь им свергнуть капитализм и установить народную власть.

Во второй раз Ким Ир Сен приехал с конкретными предложениями насчет этой операции. Я не участвовал в переговорах. Они, видимо, докладывали в Генеральном штабе, где разбирали подробности операции. Я только узнал о результатах беседы. Мы собрались у Сталина на ближней даче, где был дан обед в честь Ким Ир Сена и его делегации. Там об этом разговаривали, как о решенном деле. Мы считали, что Ким Ир Сен выступит, он был абсолютно уверен в успехе, уверен, что народ поддержит, что народ ожидает этого.

Сейчас уже прошло много времени, но я считаю, что товарищ Ким Ир Сен тогда докладывал правильно, он хорошо знал обстановку в Южной Корее, у него, видимо, действительно была там создана большая коммунистическая сеть, и он знал настроения народа Южной Кореи, недовольного Ли Сын Маном. Это недовольство было вполне закономерным, потому что Ли Сын Ман был подставным лицом американского империализма, а народ хотел быть хозяином своей судьбы, хозяином своей страны. Ким Ир Сен получил то, что Сталин посчитал необходимым ему дать. Я так формулирую, потому что, видимо, Ким Ир Сен просил значительно больше. Было условлено, когда Ким Ир Сен начнет свои действия, и война началась.

Перед началом боевых действий Сталин вызвал министра обороны Булганина и дал указание отозвать всех наших советников, находящихся в действующих частях корейской армии. Меня несколько это коробило. Я думаю, что он боялся, чтобы не попался кто-либо из наших офицеров в плен, а это давало повод Америке обвинить нас, что мы участвуем в этой войне. Это было, может, и предусмотрительно сделано, но, с другой стороны, это очень ослабило Северокорейскую армию, потому что кадры у них не могли хорошо разбираться в военной обстановке, и удаление наших советников, конечно, понизило боеспособность войск и оперативность в руководстве боями.

Война началась очень успешно. Северокорейская армия быстрыми темпами продвигалась, заняла Сеул и двинулась дальше на юг. Мы уже предвкушали плоды завершения этой операции: победу правды, победу народа, победу рабочего класса и крестьянства всего корейского народа. На завершающем этапе, когда осталось буквально сбросить южнокорейцев с последнего рубежа, у Ким Ир Сена не хватило сил. Я сейчас не могу сказать, что он собой представляет — город Пусан — по численности населения и его стратегическому положению, но я думаю, что особой крепостью он не был. Просто Ким Ир Сен выдохся. В наступательных операциях он нес потери в живой силе и в технике, и в танках, у него не хватило на завершающий этап войны. Я считаю, что был бы у него еще один танковый корпус, и война бы кончилась победой, и исчез бы сейчас капиталистический нарост на теле Кореи.

Если сейчас анализировать удачи и неудачи, которые были у Ким Ир Сена в проведении этой операции, то я считаю, что, видимо, наши советники, когда готовили эту операцию, не все учли, а мы не все дали, что необходимо было дать. Здесь, конечно, виноват и Сталин, потому что надо было дать еще очень немного. Может быть, хватило бы даже одного танкового корпуса, а мы, конечно, могли этот танковый корпус дать. Да это и не танковый корпус, а техника на танковый корпус, танки, потому что танкисты-то были корейские. Они воевали, а наших солдат там не было.

Когда американцы высадили десант в Инчхоне (Чемульпо) глубоко в тылу действующей армии, которая далеко продвинулась на юг, для Северной Кореи создалось исключительно тяжелое положение. Главные ее силы были на юге и ей нечем было заслониться на участке, где высадился десант. Северокорейские войска были окружены, и я уже не помню, чем это кончилось: или же они там погибли, сдались в плен, или рассеялись. Одним словом, для Северной Кореи создалось критическое положение.

Нашим советником у Ким Ир Сена был посол Штыков, бывший второй секретарь Ленинградского обкома. Он был в звании генерал-лейтенанта, но сам партийный работник и во время войны работал на второстепенных ролях по оказанию помощи действующей армии в вопросах организации, производства, снабжения вооружением. Он, безусловно, человек дельный, инициативный, но какой-то помощи в оперативных вопросах, в руководстве армией, он, конечно, не мог оказать.

Когда в процессе проведения операции тов. Ким Ир Сен докладывал Сталину оперативные вопросы, я тогда предложил: «Товарищ Сталин, почему бы Малиновскому, командующему Дальневосточным округом, не поручить давать военные советы Ким Ир Сену. Это была бы грамотная военная помощь, и, возможно, война пойдет по-другому».

Сталин очень нервно реагировал на мое замечание и ничего не было сделано. Ким Ир Сен был предоставлен самому себе. Армия отступала. Она уже потеряла способность к сопротивлению, и Ким Ир Сен, как докладывал наш посол, находился в состоянии чрезвычайного расстройства: он плакал, говорил, что у него нет выхода, что американцы захватят Северную Корею, а он уйдет в горы, чтобы опять начать партизанскую войну, как это было, когда японцы оккупировали Корею.

Как же реагировал Сталин? Я этому был свидетелем.

Он сказал: «Ну что ж? Если Ким Ир Сену не удалось победить, мы своими войсками в войне участвовать не будем. Значит, нашими соседями на Дальнем Востоке будут американцы».

Было видно, что он уже внутренне примирился и считал это неизбежным.

Вдруг в это время китайцы подали голос. Они предложили встретиться и поговорить о положении дел в Северной Корее. Для переговоров к нам по поручению Мао Цзэдуна прилетел Чжоу Эньлай. Сталин в это время отдыхал или в Сочи, или в Гагре. Чжоу Эньлай встретился со Сталиным. После, когда Сталин приехал в Москву, он делился своими впечатлениями об этих переговорах. Китайцы заявили, что на границе с Северной Кореей они имеют резервную армию, которую они могут ввести в бой для оказания помощи Северной Корее. Армия эта насчитывала полмиллиона или больше бойцов. Я не знаю, какие конкретные условия ставились Китаем в отношении нашего участия в войне. Я думаю, что они ставились, но Сталин сказал, что мы не будем принимать участия. Тогда Чжоу Эньлай уехал в Пекин за новыми директивами, так и не договорившись, вводить ли китайские войска в Северную Корею.

Вскоре он вернулся с новыми директивами Мао Цзэдуна, продолжил переговоры со Сталиным, опять связывался с Пекином. Он заявил, что Китай двинет свои войска, что он не может примириться, чтобы американцы вышли на китайско-корейскую границу. Это действительно было неприятно для нас, а для Китая тем более. В конце концов была достигнута договоренность о том, что китайцы вводят в Корею добровольцев для оказания помощи. Таким образом, продолжалась война с участием китайских добровольцев.

Какими были наши обязательства? Сталин особых обязательств Китаю не дал. Он сказал, что мы можем оказать помощь оружием и боеприпасами и подключить нашу авиацию на охрану тыловых объектов.

Военные действия на первых порах начались довольно успешно. Китайцы были уверены, что они быстро сомнут наступающие южнокорейские и американские части и добьются победы. Я сам читал донесение командующего войсками китайских добровольцев Пын Дэхуэя. Это умный человек, опытный военный. Его очень высоко ценили, как военного. Мао Цзэдун прислал тогда телеграмму, в которой Пын Дэхуэй излагал план действий своей армии. Он ставил сроки, когда он раздается с южнокорейцами. Я читал и поражался: слишком конкретно было расписано, когда какой пункт берет, когда кого разбивает, сколько солдат противника он убивает, сколько в плен берет, и прочее. Если бы все шло, как на бумаге было расписано, то это была бы не война, а прогулка. Но жизнь опрокинула его планы. Решающего успеха он не имел и понес большие потери. Причиной тому было недостаточное вооружение китайской армии техническими средствами. Американцы были вооружены лучше и танками, и авиацией и, видимо, другими видами вооружений. Наверное, и кадры у них были лучше подготовлены.

Огромное количество войск было введено в бой под командованием Пын Дэхуэя.

Его донесения Мао Цзэдуну, которые тот пересылал Сталину, а Сталин рассылал их нам всем, производили какое-то странное впечатление. Они отличались от наших приказов времен войны, были очень многословны, и в каждом приказе была показана вся операция. Там описывалось, как она была задумана и как она завершится полным разгромом американских солдат, которые вторглись в Корею. Естественно, что желания командующего не сбывались, и война продолжалась.

Китайцы дрались хорошо, но теряли много живой силы из-за технического превосходства американцев.

Мы прикрывали авиацией плотины, аэродромы и близлежащие города. Наша авиация тогда была вооружена самолетами МИГ-15. Это наш первый массовый самолет с реактивным двигателем. Он себя хорошо показал, обладал достаточной маневренностью. На первом периоде войны мы били американцев в воздухе. Но позже американцы привезли в Корею свои новые истребители Ф-86 «Сейбр», которые не превосходили наши МИГи в скорости, но имели лучшие приборы и лучшее вооружение. В результате американцы добились превосходства в воздухе.

После смерти Сталина война продолжалась. У нас давно была мысль найти возможность прекращения этой войны. Мы приняли меры по дипломатическим каналам и начали прощупывать американцев: как они относятся к прекращению огня. Американцы откликнулись, и начались переговоры. Потом была создана смешанная комиссия из корейцев, китайцев и американцев для непосредственных переговоров сторон, находившихся в состоянии войны. Переговоры длились долго, но в конце концов была достигнута договоренность. Войска остались на тех рубежах, на которых они прекратили военные действия, когда начались переговоры. Это примерно как раз и была 38-я параллель, по которой установили после разгрома Японии демаркационную границу между войсками Советского Союза и войсками США.

Безусловно, Северная Корея имела все основания поднять свой голос и руку на защиту своих братьев-корейцев, проживающих в Южной

Корею, которые угнетались проамериканским правительством Ли Сын Мана. Они имели право проявить инициативу в воссоединении своего народа в одном Корейском государстве. Если бы американцы не вторглись, то вопрос был бы решен положительно, и Северная и Южная Корея были бы объединены в единое и, я уверен, демократическое социалистическое государство. Но американцы остались верны своим принципам мирового жандарма и ввязались в войну. Других интересов, кроме жандармских, у них не было. Они хотели сохранить реакционный строй Ли Сын Мана и поэтому вступили в войну.

Кончилась война в Корее. Это принесло какое-то успокоение и нормализацию в наших отношениях с США, которые к этому времени были очень напряжены, и нам казалось, что американцы готовятся к какой-то военной акции против нас.

С Китаем у нас возникла еще одна любопытная проблема. В начале 50-х годов перед нами встала проблема кадров для областей Сибири и Дальнего Востока. И мы решили попросить рабочую силу у китайцев. Думали, что Китай даст нам сколько угодно, и поставили этот вопрос передо Мао: «Товарищ Мао Цзэдун, мы хотели бы, чтобы нам в Сибири помогли рабочей силой братья-китайцы, у нас там мало народу». Он повел себя как купец: «Все на нас смотрят, как на рабов. Все хотят, чтобы китайцы им что-то делали. Но китайцы — не чернорабочие. Это, знаете ли, не так легко решить». И я сказал тогда своим товарищам: может быть, мы действительно не совсем тактично поступаем, обращаясь к Мао? И добавил официально: «Если у вас это вызывает трудности, мы не хотим их создавать и сами снимаем этот вопрос». Я верил ему, а он просто играл.

Проходит день, два, я не касаюсь данного вопроса: раз он сказал, что им трудно, то и мы не хотим. Тут Мао видит, что переборщил, и сам возобновил разговор. Я ему: «Вы же сказали, что Китаю это трудно?» «Да, но для братского народа мы можем что-то сделать». Тут стало видно, как он набивает цену, полагая, что у нас безвыходное положение. «Ну, если можете, то пожалуйста!» — «А сколько рабочих хотите?» Не помню сейчас, сколько мы написали: миллион или поменьше. Мао нам: «Что вы! Один только Шанхай даст вам два миллиона, там безработица, есть нечего». «Нет, — отвечаем, — мы не сможем занять такое количество людей. Да и помещений у нас не хватит». Подписали соглашение. А когда вернулись в Москву, я подумал и говорю товарищам: «Вы заметили, как Мао охотно согласился дать людей, причем в Сибирь? Как вы думаете, почему? Помните, он говорил насчет ассимиляции. Так вот, он хочет заселить Сибирь китайцами, тут и воевать не надо. Это политика дальнего прицела. Мы должны проявить осторожность: пригласить китайцев легко, а выгнать их будет очень трудно. Можно пригласить гостей, да потом такие гости выгонят хозяев. Мы можем потерять Сибирь, Владивосток, и это на китайском языке будет называться ассимиляцией».

Подумали мы, подумали, разобрались в своем хозяйстве, и у нас выявились такие резервы, что оказалось, что у нас не только нет нехватки в

рабочих, а имеются излишки и в Белоруссии, и в других местах. И мы тогда свернули прежнюю кампанию. Но к нам уже тысяч 200 китайцев приехало.

В период наших хороших взаимоотношений с Китаем они из нас тянули все, что могли. В 1954 г. мы были еще нищие, жрать было нечего, в ряде мест голодали. Но когда мы приехали в Пекин, Чжоу Эньлай поднял такой вопрос: «Может быть, вы подарите нам университет?» Я ответил: «Мы бедны. Мы в принципе, может быть, богаче вас, но война только что закончилась, и, к сожалению, пока не можем». А буквально перед этим мы отдали им Порт-Артур с Дальним — и все бесплатно. Много, очень много средств вложили мы в Китай. Построили дорогу из Улан-Батора в Пекин. Не монголы же ее строили. Это мы строили в Монголии, а Китай на своей территории. Однако когда мы разговаривали с Мао в 1957 г., он сказал: «Эта дорога нас мало интересует. Нас вот какая дорога интересует». И показал на карте линию от Пекина через горы к Казахстану. Я сказал: «Вы лучше нас знаете свою территорию. Мы-то считали, что ближе всего через Улан-Батор, но согласны связаться с вами и через это направление. Ведите дорогу по своей территории, а мы проведем по своей до самой границы. Там и соединимся».

Еще раз встречаемся, Чжоу Эньлай поднимает вопрос: «Может быть, вы и на нашей территории постройте?» Мы глянули по карте: там такие провалы, горы, реки. Кто же будет строить? Очень трудно. Отвечаем: «Нет, давайте лучше каждый на своей территории». Причем это вроде бы понравилось Мао. А если бы я сказал: «Да, построим за свои деньги» — что тогда? Начали строить. Они опять поднимали прежний вопрос в процессе строительства. Однако мы вновь сказали: «Ведь договорились же: каждый на своей территории». В результате мы дошли до границы, а они не дошли.

К ГЛАВЕ «ПОВОРОТ В ОТНОШЕНИЯХ С КИТАЕМ»

А что выделявали китайцы, когда у нас с ними еще сохранялись приличные отношения? Пошла у них война с чанкайшистами за паршивые прибрежные острова. Мы Пекину поставляли свое оружие, а нас интересовала трофейная американская техника. Китайцы имели несколько ракет, запущенных американцами и не взорвавшихся. Нас интересовал новый образец ракеты «воздух-воздух» «Сайдуиндер», и мы попросили китайцев дать ее нам для изучения. Пекин нам не ответил. Мы повторили свою просьбу. Пекин ответил: «Мы сами пока разбираемся». Но сравним их уровень и наш уровень военной техники! К тому же мы им все гоним и гоним секретную военную технику, ракеты, заключили договор о производстве атомной бомбы, дали ее макет, а они нам отказывают. Тогда мы придержали некоторые поставки. В Пекине забеспокоились. Я сказал нашим военным: объясните китайцам, дескать, вы от нас всем пользуетесь, а сами даже трофейную американскую ракету не хотите показать. Они поняли и сейчас же прислали эту ракету. Я съездил посмотреть на нее. Та ракета была лучше наших, но китайцы умышленно не прислали нам чувствительного элемента тепловой

головки самонаведения. Мы потом работали несколько лет, чтобы решить эту задачу. Это было примерно в 1958 году или несколько позже.

Когда Мао стал вести явно неправильную политическую линию и выдвинул лозунг «Пусть расцветают сто цветов», он при встрече со мной спрашивал: «Товарищ Хрущев, как Вы смотрите на «сто цветов»?» Я отвечаю: «Товарищ Мао Цзэдун, мы просто такого не понимаем». Конечно, мы не публиковали своего мнения по этому вопросу: «я конфликтул с Мао лично, но мы публично об этом не высказывались, хотя у нас тут было общее мнение. Даже публиковать-то по данному поводу нечего было. А Мао я сказал: «Мы этого не понимаем. Потому что цветы существуют разные: и полезные, и противные, и просто вредные». Мао согласился, что нам это не подходит. Он человек умный и сам понимал, что раз мы ничего не публикуем в данной связи, значит, мы не согласны. И вдруг Мао выдвигает новую идею: в пять лет догнать Америку. Начал у себя организовывать коммуны, создавать домны-самовары.

Потом, когда у нас появились подводные лодки дальнего плавания, то для связи с ними нам понадобилось построить радиостанцию на территории Китая. В это же время китайцы обратились к нам с просьбой дать им чертежи и научить строить подводные лодки. Тут мы им пишем насчет радиостанции и сразу получаем ответную телеграмму: «Нет!» А вскоре поступила шифровка об антисоветских настроениях в китайском руководстве. И я тогда сказал товарищам: «В соответствии с дипломатическим этикетом следующий приезд к нам — это приезд Мао Цзэдуна. Но раз сложилась такая обстановка, то, может быть, нам заранее договориться с ними о встрече, все равно — инкогнито или в открытую? Нужна личная встреча, чтобы объясниться».

После этого мы поехали в Китай летом 1958 года. Ничего та встреча уже не дала. Беседы у нас состоялись дружеские, но безрезультатные. Говорили мы с Мао и о радиостанции. Я ему: «Товарищ Мао Цзэдун, мы вам дадим кредит для постройки этой станции. Мы сначала написали вам, что мы сами построим, но, может быть, это неудачная формулировка? Нас не интересует, чья будет станция; нас интересует, чтобы наша страна имела связь с подводными лодками. Мы можем насовсем передать ее вам, лишь бы поскорее построить эту станцию. Наш флот сейчас выходит в Тихий океан, а главная наша база находится во Владивостоке. Нельзя ли также договориться, чтобы наши подводные лодки могли базироваться у вас, запрашиваться, отдыхать и прочее?» — «Нет! Не хочу даже слышать!»

«Товарищ Мао Цзэдун, страны Североатлантического пакта обеспечивают друг друга, а мы не можем договориться?» — «Нет!» Почему он так рассердился, я не знаю. Продолжаю: «Если нужно, мы дадим вам в Мурманске район, где вы сможете иметь свои подводные лодки». — «Нет! Мы не хотим. Сколько лет сидели у нас англичане и другие иностранцы, мы не согласны». Так и не дал согласия.

Взять проблему войны и мира. Когда мы с Мао в Пекине в июле 1958

года лежали в одних трусах около бассейна и рассуждали о мировых проблемах, Мао сказал мне: «Товарищ Хрущев, как Вы считаете: если сравнить военную мощь капиталистического мира и социалистического, то Китай выставит столько-то дивизий, СССР столько-то, остальные социалистические страны — сколько-то, а сколько выставят враги? Ясно, у нас будет преимущество». Я говорю: «Товарищ Мао Цзэдун, сейчас такой подсчет соотношения сил уже не годится. Когда решался вопрос кулачным боем или штыком, можно было считать, сколько у кого штыков и где перевес. Когда появился пулемет, то большее количество войск при меньшем количестве пулеметов не обязательно побеждало меньшего по количеству врага. А сейчас, когда есть атомная бомба, сколько у кого будет пушечного мяса — не указывает на фактическое соотношение сил». Он сказал, что не согласен со мной. А я разве мог с ним согласиться?

Или возьмем его заявление, когда он приезжал в 1957 г. на московское Совецание представителей коммунистических и рабочих партий. Самые любезные состоялись тогда у нас разговоры, причем откровенные. Мао говорил мне: «Товарищ Хрущев, вот маршал Жуков, выступая в газете, сказал, что если произойдет атака империалистических держав против какой-либо страны социализма, то СССР немедленно нанесет ответный удар. Это неправильно!» «Товарищ Мао Цзэдун, Жуков выступил не по своей воле, таково решение нашего ЦК партии, мы обязали высказаться министра обороны СССР. Я тоже говорил это, это советская точка зрения». У нас возникла тогда не ссора, произошла дружеская дискуссия, шло выяснение истины.

И тут же Мао мне заявил: «Я считаю, что если империалисты на нас нападут, на Китай, то СССР не надо ввязываться. Мы сами будем бороться. Лишь бы СССР сохранился, тогда все постепенно станет на свои места. Или, например, если нападут на вас, то вы тоже не отвечайте ударом». — «А как же поступать?» — «Отходите. Отступайте и год, и два, и три года». — «Куда отходить?» — «Но вы же отходили. В свое время отошли к Сталинграду, а теперь можете отходить хоть за Урал. За спиной стоим мы, Китай». — «Товарищ Мао Цзэдун, если начнется война, то сколько будет она длиться? Ведь эта война не будет похожа на предыдущую. Та война была войной авиации и танков, а сейчас состоится война ракет и атомных бомб. Окажутся ли в нашем распоряжении три года, чтобы отходить до Урала? А может быть, у нас будет только несколько дней, а потом уже будут царапаться с врагом лишь жалкие остатки? Никто не сможет сейчас это предсказать. Поэтому мы придерживаемся позиции удержания противника от ядерной войны. Если же скажем, что не будем отвечать, значит, сами призываем врага к нападению. Но мы заявляем, что ответим противнику, и тем самым удерживаем его от нападения».

К ГЛАВЕ «ДАЛЬНЕЙШЕЕ УХУДШЕНИЕ ОТНОШЕНИЙ С КИТАЕМ»

Советский Союз не жалел ничего, помогая албанцам. Нужно сказать, что эта помощь была совершенно бескорыстной, и оказывали мы ее практически бесплатно. Мы фактически содержали за свой счет Албанскую армию: бесплатно давали обмундирование, вооружение, даже продоволь-

ствие. Мы рассматривали эту армию как наш передовой отряд в Средиземноморье. Это мы делали в интересах всего социалистического лагеря, потому что Албания занимала особое географическое положение и, собственно, была изолирована от нас, особенно во время конфликта с Югославией.

Албания — маленькая страна, с небольшим населением и содержать ей солидную хорошо вооруженную армию было очень накладно и вряд ли под силу. Большую армию держать всегда слишком дорого и это могло подорвать ее экономику. Небольшая армия не сыграла бы никакой роли при нападении противника. Поэтому мы считали, что армия должна быть сильной и хорошо вооруженной, и эти соображения руководили нами, когда мы официально взяли ее содержание на свой счет.

Вдруг такая черная неблагодарность. Это нас огорошило. Мы никак не могли понять в чем дело.

К ГЛАВЕ «ЮГОСЛАВСКИЕ ПРОБЛЕМЫ»

Когда я работал в Киеве, мне докладывал министр госбезопасности, что в Одессе грузятся на корабли какие-то отряды. Он намекнул, что они отправлялись в гражданских костюмах, но это военные люди. Все они везли с собою чемоданы, он снова намекнул, что в чемоданах оружие. Куда они поехали, я не стал спрашивать. Тогда у нас был такой порядок — не спрашивать о таких вопросах, если тебе не докладывают. Но я думаю, что их, видимо, посылали в Болгарию. Сталин хотел что-то предпринять через Болгарию? Своими людьми, а может быть, объединив усилия с болгарскими. Я о болгарях ничего плохого не могу сказать, хотя все социалистические страны по зову Сталина встали на его позицию, все ополчились против Югославии. Я думал, что некоторые из них поступали так неискренне. Потом время показало, что дело обстояло действительно так.

Беда еще и в том, что Сталин тогда занимал позицию, что все советское — это лучшее, что мы во всех вопросах впереди. Все открытия принципиального, научного и технического характера у нас были совершены раньше, или в Советском Союзе, или в России, но не были использованы, а потом Запад их перехватил или перекупил. Это положение, конечно, неправильно и вредно, наносило нам большой вред. Поэтому и советские люди в капиталистических странах вели себя соответственно сталинскому пониманию.

Я уже рассказывал, как в 1948 году в Крым приехал Готвальд. Там отдыхал и Сталин. Сталин мне позвонил в Киев и сказал, что приехал Готвальд с женой и очень просит, чтобы вы немедленно приехали. Он любил ссылаться на кого-нибудь, шутил так. Вроде он здесь ни при чем.

— Хорошо. Когда приехать? — спросил я.

— Ну а когда вы можете?

— Завтра.

— Вот завтра приезжайте.

Я приехал. Беседу вели за обедом, при выпивке, и довольно солидной выпивке. Готвальд в этих вопросах слабо контролировал и регулировал свои возможности. Желания у него были большие, чем возможно-

сти. Он пьянел, но вел себя прилично, ничего не могу сказать, ничего лишнего не говорил даже в таком состоянии.

Я помню только однажды он сказал:

— Товарищ Сталин, почему присланные вами в Чехословакию люди занимаются воровством наших патентов и изобретений? Зачем это делается? Мы же все видим, это нас обижает, оскорбляет. Вы скажите, что вам нужно, мы все отдадим бесплатно. Мы не только все дадим вам бесплатно, а примите нас в Советский Союз. Мы будем там 17-й республикой. Так мы себя рассматриваем, хотим быть навечно вместе с Советским Союзом. Нет вопросов, которые бы нас разделяли. А тут патенты, изобретения... Зачем воровать? Мы вам все дадим, только скажите. Пусть не воруют, это обижает, оскорбляет наших людей.

Вот что сказал Готвальд. Я убежден, что это же делали в других странах. Иной раз делали очень глупо. По неопытности, по своему незнанию, они воровали то, что совершенно было не нужно. Я допускаю, что могли быть там и такие, которые недостойно себя вели и тем самым вызвали возмущение со стороны братских народов.

При жизни Сталина, когда он буквально кипел против Тито, у меня не возникало такого же внутреннего негодования. Я считал, что это плод болезненного состояния Сталина. Видимо, это определялось и тем, что после окончания войны мы видели, что Сталин постарел и поглупел. Я бы сказал, что он совершенно утратил всякую возможность реалистично руководить страной и партией. Столько лет не созывались ни съезд, ни пленум Центрального Комитета. При обращениях к нему с тем или другим вопросом мы не всегда встречали не то что разумное понимание или поддержку, но даже обоснованные возражения. Сталин уже утрачивал свое влияние на нас, а значит, утрачивал и уважение. Мы держались старого по инерции, да и выхода другого не было. Столько лет мы работали под руководством Сталина, провели войну, победоносно, несмотря на большие жертвы, ее окончили. Спасли страну и разбили фашизм.

Мы, собственно говоря, получили возможность сами руководить, каждый на своем участке и, грубо говоря, выкручиваться, выгораживаться в те моменты, когда требовалось получить одобрение, благословение Сталина. А это было не так легко. Порой очень трудно, а другой раз разумные предложения вообще нельзя было провести, приходилось отказываться, терпеть поражение. При рассмотрении вопроса должны соблюдаться демократические формы, а тут вообще подобных рассмотрений не было, я думаю, с 1934 года. Раньше они, возможно, и были, но кончились со смертью Кирова, его убийством. Кончилась всякая демократия.

К ГЛАВЕ «ПРОБЛЕМЫ ГЕРМАНИИ»

Германия. Война, навязанная Гитлером. Германская Демократическая Республика и Германская Федеративная Республика.

Хочу сказать несколько слов по этому вопросу.

Коммунистическая партия Советского Союза очень высоко ценила авторитет Германской коммунистической партии в период руководства ею Тельманом и Вильгельмом Пиком. После прихода к власти Гитлера наступил разгром прогрессивных сил. Прежде всего коммунистической партии. Сталин правильно не раз говорил, что Гитлеру удалось одурачить Германию, ее рабочий класс. Конечно, сохранились подпольные организации, сохранились люди, которые боролись против гитлеризма, но Гитлеру удалось увлечь германский народ и под своими лозунгами втянуть его в войну. Если бы в Германии была сильная оппозиция как когда-то, после первой мировой войны, была сильна коммунистическая партия, то, безусловно, Гитлеру не удалось бы навязать миру войну и добиться успехов. Все буквально на волоске висели. Хорошо, что Гитлер запугал западный капиталистический мир, Соединенные Штаты Америки испугались и включились во вторую мировую войну. Таким образом, удалось объединить усилия Советского Союза, Соединенных Штатов Америки, Англии и других стран.

Такой вопрос существовал, существует он и сейчас. Собственно, нарушены законные права Германской Демократической Республики. Сейчас западные страны исходят из своих прав, вытекающих из Потсдамского соглашения, но если строго разбирать, то тут требуется коррекция. Некоторые положения Потсдамского соглашения устарели. По Потсдамскому соглашению Берлин делится на четыре сектора, а Западная Германия не предусмотрена Потсдамским соглашением. Это государство существует и сейчас, оно создало правительственные учреждения в Западном Берлине. Но прав-то это правительство не имеет.

Если строго рассматривать, то Германская Демократическая Республика, основываясь на практике, которую преподает Запад, может закрыть доступ в Берлин и требовать соблюдения своих условий странами и гражданами, которые хотят получить доступ в Западный Берлин. Но здесь Запад дает одностороннее толкование: мол, Германская Демократическая Республика контролировать свои границы не имеет права, потому что это не предусмотрено Потсдамским соглашением. С другой стороны, Запад позволяет себе делать то, что тоже не предусмотрено Потсдамским соглашением.

В это время в Белом доме уже сидел президент Кеннеди. Кеннеди решил продемонстрировать силу и послал свои войска в Западный Берлин. Как я считал, для демонстрации, они назначили своим представителем в Западном Берлине Клея, он после войны возглавлял американскую администрацию в Западной Германии. Одним словом, это была демонстрация силы, мол, мы возвращаемся к конфронтации: усиливаем гарнизон Западного Берлина и возвращаем в Германию боевое военное командование.

Мы сделали из этого выводы и правильно поняли, что из этого шага со-

вершенно не вытекает, что Запад хочет начать войну. Это было бы глупо. Причин к тому не было. Укрепление охраны границ Германской Демократической Республики — не повод для начала войны. Я считал, что Кеннеди, президент Соединенных Штатов, разумный человек, этого не сделает. Но все же печать подняла его акцию на щит. Заработала против нас пропагандистская машина Запада. Тогда мы тоже решили назначить командующим нашими войсками в ГДР маршала Конева, то есть человека, который командовал там после окончания войны, «подняли перчатку» и были готовые к «дуэли».

По разведывательным каналам мы знали о практических шагах, предпринимаемых Западом. Они разрабатывали такую тактику: после усиления гарнизона в Западном Берлине они назначили день перерыва. Они приурочили этот день как раз к заседанию XXII съезда Коммунистической партии Советского Союза. Они снаряжали несколько бульдозеров с задачей силой пробиться, сломать наши заграждения, которые мы создали для контроля границы в Берлине. За бульдозерами должны идти танки, а за танками джипы с вооруженной пехотой.

Мы тогда посоветовались и разработали ответные меры. Решили сосредоточить в переулках вблизи пропускных пунктов пехотные части, ночью вывести танки, разместить их там же в переулках вблизи пропускных пунктов и ожидать действий со стороны Запада. Когда мы назначили маршала Конева, мы условились, что командующего нашими войсками в Германии генерала Якубовского мы не освобождаем. Конев как старший по званию будет распоряжаться и его указания должны выполняться, но назначение это было демонстративным, и Якубовский потом, когда Конева мы отозвали в Москву, продолжал свою службу.

Конев был на съезде партии. Это говорит о том, что мы были уверены, что никакого военного столкновения не произойдет. Как это можно, ожидать военное столкновение, а командующий сидит в Москве на съезде партии. Конев доложил нам, что вот в такой-то день, в такой-то час акция будет совершена. Мы ждали. Потом маршал Конев докладывал, что действительно вышли по направлению к границе бульдозеры. Я сейчас не помню сколько. За бульдозерами танки, за танками шли джипы с пехотой. Наши спокойно выжидали. Когда подошли бульдозеры к границе, из переулка развернулись наши танки и двинулись навстречу американцам. Бульдозеры остановились, танки остановились, но джипы обогнали бульдозеры и пересекли границу. Я уже раньше говорил, что когда мы устанавливали контроль на границе, то для войсковых машин мы не вводили особого режима пропусков. Пользовались условиями Потсдамского соглашения. Джипы с солдатами беспрепятственно проехали границу. Пограничники открыли шлагбаум: пожалуйста, можете ехать. Они преодолели какое-то расстояние и увидели наши войска, стоящие в переулках, и наши танки, вытягивающиеся из переулков по направлению к границе. Они сейчас же развернулись и возвратились в Западный Берлин. На этом движение той и другой стороны прекратилось. Бульдозеры остановились, наши танки тоже остановились. Танкисты сидели в них целую ночь. Было прохладно. Я сейчас не помню, какие это были числа, кажется, конец октября. Ночью сидеть в железных танковых коробках довольно свежо. Утром маршал Конев докладывает, что сидят в танках и американ-

ские танкисты, и наши. Танкисты, их и наши, вылезали, грелись. Поочередно. Но танки стояли с орудиями, направленными друг против друга.

Я предложил: давайте проявим инициативу, развернем свои танки и отведем их от границы. Скрывшись из виду, они должны были опять зайти в переулки и там ожидать дальнейших распоряжений.

Я думал, что как только мы отведем свои танки, сейчас же американцы отведут свои. Они проявили инициативу выхода на границу и сейчас подставляли свой бок, разворачивались для обратного хода для них морально тяжело. Вроде они отступают под угрозой, под дулами наших пушек.

Я сказал:

— Думаю, что не более 20 минут пройдет после того, как мы свои танки отведем, и сейчас же американцы тоже уйдут. Им надо время, чтобы доложить по инстанции и получить указания от высшего командования.

Маршал Конев дал распоряжение. Мы ждали. Во время заседания съезда маршал Конев подошел ко мне и доложил, что действительно так и получилось, как я предполагал. Буквально через 20 минут после того, как наши танки были отведены, американские танки тоже развернулись и ушли. Таким образом, закончилась эта последняя акция со стороны Запада, в которой они хотели нас прощупать силой, дулами орудий танков и пехоты. Когда они увидели, что мы готовы принять их вызов, что это не пройдет даром, они отвели свои войска.

Это очень важный вопрос для всего мира. Он важен и для социалистических стран. Развитие науки, развитие техники, применение всего нового в технологии и организации труда должно обеспечить соответствующую производительность труда. Это вопрос вопросов. Надо выдержать конкуренцию, чтобы выжить. Нам надо иметь более высокую производительность, чем в старой, капиталистической системе. К сожалению, мы сейчас этим похвастать не можем. Японцы нам буквально преподали чудеса. Совершенно разбитая, разоренная войной, оккупированная американцами страна заняла третье место в мире по промышленному производству. После Соединенных Штатов и Советского Союза. Третье место. Надо иметь в виду, что это страна, которая имеет значительно меньшее население. Если Америка имеет около 190 миллионов, Советский Союз, видимо, двести сорок пять миллионов, то японцев около ста миллионов. К тому же Япония маленькая страна, расположена буквально на пяточке, на островах. Не имеет собственного сырья, все ей приходится завозить, покупать, платить большие издержки на транспорте.

И несмотря на такие невыгодные для Японии географические условия, она успешно конкурирует на рынках всех стран. Даже Соединенные Штаты, которые всегда занимали первое место по производству автомобилей, потеснились, сейчас Япония внедрилась на рынки Соединенных Штатов Америки и конкурирует с их автомобильными заводами. Я уже не говорю о транзисторах, точных приборах, об изделиях широкого потребления. Здесь мировое признание в производстве этих видов товаров за Японией.

Можно также сослаться на Западную Германию. Конечно, после войны Соединенные Штаты Америки для того, чтобы укрепить капитализм в Европе (американцы правильно понимали свои классовые интересы), не пожалели средств, вкладывали туда капиталы, оказывали помощь кредитами. Сейчас Западная Германия заняла ведущее положение в мире. Она удивила и удивляет всех. Новинки во всех видах производства выдает Западная Германия, или Япония, или Соединенные Штаты Америки. Это — важнейший вопрос. Особенно он важен для Советского Союза. После того как мы в результате победы рабочего класса над капиталистическо-помещичьей Россией 52 года имеем советское государство, мы не можем сказать, что, как говорится, держим «бога за бороду» в вопросах производства, в вопросах новизны, в вопросах производительности труда. А это дает возможность врагам социализма порочить наш социалистический строй, указывать, что Советский Союз — самое мощное социалистическое государство, существует уже больше пятидесяти лет и за этот срок не набрал мощности, не поднял культуру производства, пользуется услугами капитализма, той системы, которую мы поставили задачу превзойти и победить. Победить не в военных столкновениях.

Я сослался бы в этом вопросе на беседу, которую имел в Норвегии с председателем Совета Министров Норвегии. Сейчас он в отставке, сам рабочий. Герхардсен, кажется. Я не хотел бы спутать его фамилию с фамилией бывшего немецкого канцлера Эрхарда.

Он мне тогда сказал:

— Видимо, мы потерпим поражение на следующих выборах.

— Почему? — удивился я.

— Сейчас мы имеем большинство в один голос, и этот голос принадлежит социалистической партии. В критическую для правительства минуту он голосует в поддержку правительства, хотя и принадлежит к оппозиционной партии. На следующих выборах мы, видимо, получим меньшинство.

Я говорю:

— Ну как же так? Вы сами рабочий, партия ваша рабочая и вы, я вижу, искренне хотите все делать для того, чтобы трудовому народу Норвегии жилось лучше. Надо так построить свою избирательную программу, чтобы она стала более привлекательной. У вас же абсолютное большинство голосующих не капиталисты, не помещики, а трудовой народ — рабочие, служащие.

— Да, — говорит, — это верно, но трудовой народ имеет тоже разные интересы. Некоторые рабочие имеют мощные катера, имеют другую собственность, которую мы облагаем налогами. Мы облагаем ее, конечно, в меньшей степени, чем крупных капиталистов, но облагаем. А они этого не хотят, они борются против этого и, следовательно, попадают в сети пропаганды, ведущейся против нас капиталистами. Они голосуют против нас, ожидая, что другое правительство создаст для них более льготные условия. Вы говорите, что надо выдвинуть более привлекательную

избирательную программу с тем, чтобы трудовой народ голосовал за нашу партию...

Улыбнулся, посмотрел на меня, а он умный человек, и говорит:

— Мы сделать этого не можем.

— Почему?

— Есть партия, которая имеет более радикальную программу, чем мы, но она получает голосов значительно меньше, чем мы. Радикализм не средство, которое оказало бы нам поддержку. Мы потеряем еще больше голосов.

Я не стал спрашивать, какую он партию имеет в виду, и так было ясно, что он намекает на Коммунистическую партию Норвегии. Она имела значительно меньше представителей в парламенте, чем правительственная социал-демократическая партия. И не только здесь.

Сейчас производительность труда базируется не на мускульной энергии. Когда говорится о производительности труда, надо иметь в виду: образование, наука, развитие техники, развитие химии, особенно развитие биологии. Сейчас без биологии, без познания законов биологии нельзя добиться прогресса в самых простых вещах. Особенно мы страдаем в сельском хозяйстве. Я смотрел сводку ЦСУ о производстве сельскохозяйственной продукции за 1969 год. Там показано, что мы имеем на курицу, кажется, 130 с чем-то яиц в год. Помню, когда я в 1964 году, в последний год своей деятельности, был в Венгрии, товарищ Кадар нас повез в птицеводческий совхоз. Директор докладывал, что на несушку они получают 262 яйца. Я с завистью стал выспрашивать, как вы этого добились. Товарищ Кадар улыбнулся:

— Знаете, — говорит, — это курочка не венгерская, а западногерманская. Мы вот такое количество яиц на несушку имеем только от тех курочек, которые получают из яиц, закупленных в Западной Германии.

Это вопрос биологии. Это вопрос селекции. Когда я работал, то получал информацию, что некоторые хозяйства в Соединенных Штатах Америки доводили яйценоскость, кажется, до 300 яиц. Это невероятно. Почти каждый день курицы откладывает яйцо. Почему же наша социалистическая курица уступает капиталистической? Что она стоит на позициях капитализма против социализма? Нет! Нет! У нас очень много хвастают, что у нас в научно-исследовательских институтах все новое. Сколько у нас этих «куриных профессоров», кандидатов и докторов. А наша курица значительно уступает капиталистической курице. В этом вопрос. Вопрос в науке.

Также вопрос в откорме. На откорм свиньи мы затрачиваем кормовых единиц, наверное, в два раза, если не в два с половиной больше, чем капиталистические хозяйства Соединенных Штатов Америки. Это опять наука. Это вопрос приготовления кормов, подбора необходимых элементов, которые дают большой привес. Это опять же вопрос откормочного материала и селекции свиней. Гибридизация показала отличные резуль-

таты как в растениеводстве, так и животноводстве и птицеводстве. Мы в этих вопросах отстаем, невероятно отстаем.

Если бы мы, если бы наша наука поднялась до уровня, который достигли Соединенные Штаты Америки, то, я думаю, что на таком количестве кормов, которое мы сейчас затрачиваем, можно удвоить производство продуктов животноводства: мяса, яиц, говядины и птицы и прочее.

Все это вопрос производительности труда. Это вопрос вопросов. Когда я работал, я порекомендовал украинцам поехать в Западную Германию и использовать опыт фермера Западной Германии. Фамилия его забылась. Он прислал мне хорошо сделанный кинофильм, где показывается, как он работает. Он создал утиную ферму. Утки и гуси — водоплавающие птицы. Поэтому, как говорится, «без воды и ни туды, и ни сюды». Мы считали, что если утка и гусь не будут плавать, то нельзя их содержать, не будет обеспечена жизнедеятельность. Этот немец из Западной Германии доказал обратное. Он водой пользовался для того лишь, чтобы поить эту птицу, а содержал ее в «сухопутных условиях» и получил отличные результаты. У него высокомеханизированное и высокопродуктивное хозяйство. Я сейчас припоминаю, он затрачивал что-то три килограмма кормов на килограмм привеса. Это невероятно мало по сравнению с нашими затратами кормов.

Украинцы послали к нему своих специалистов. Они там все изучили, немец добросовестно дал все рекомендации. Я не знаю, сколько это стоило, но украинцы создали свою утиную ферму. Она, видимо, и сейчас существует на озере Супой в Яготине под Киевом.

На одном из совещаний по животноводству украинцы хвастались, что Яготинская утиная ферма дает столько-то мяса и затрачивают они 5 килограммов кормов на килограмм привеса. Все аплодировали. В сравнении с нашими стандартами это большой прогресс.

— Позвольте, — говорю я, — вы ездили в Западную Германию и купили там эту утиную ферму. Фирма вас консультирует и оказывает помощь. Сколько она затрачивает на 1 килограмм привеса?

Смутился оратор и говорит:

— 3 килограмма.

Я говорю:

— Позвольте, как же так, они — три килограмма, а вы — пять. Вы работаете почти в 2 раза хуже.

Все это вопрос науки, вопрос культуры производства. Если наука находится на соответствующем уровне, а производство не подготовлено, не дошли до этого уровня люди, то появится разрыв.

У меня в памяти всплыл еще один невыгодный для нас пример.

Мы купили в Соединенных Штатах технологию производства куриного мяса. Я не помню сейчас уже названия этой фирмы. Построили фабрику в Крыму. Я бывал в этом совхозе. Там мы потерпели такое же поражение. Где американцы затрачивают 2,5 килограмма кормов на 1 кг привеса, мы затрачивали 5. Почему? Не умеем, к нашему сожалению, даже перенести к себе то, что имеется в капиталистических хозяйствах.

Это вопрос вопросов. А это все возможно. Дело наживное. Знания

дело такое — сегодня не знаем, а завтра знаем. Надо только усилить контроль. Людей надо поставить в условия, позволяющие овладеть этими знаниями и надо строго контролировать. У капиталиста контроль идет через прибыль: если ты хуже производишь или на более низком уровне ведешь производство, то потерпишь крах, конкуренты тебя «убьют», ты разоришься. У нас, в наших советских социалистических условиях, бездельники с хорошо подвешенным языком и обладающие какими-то знаниями, могут ходить по правительственным и общественным учреждениям, докладывать и получать награды. Получать не только заработную плату и премии, но и аплодисменты. Производство же у них хуже, чем могло бы вестись при современных научных знаниях и современных технологических условиях. Я немножко увлекся. Но это отвлечение объяснимо, потому что это самый большой вопрос. Сейчас у нас опять не хватает мяса. Горький анекдот дошел до моих ушей. Мне задали довольно простой вопрос:

— Может ли верблюд из Москвы дойти до Владивостока?

Ну, каждый здравомыслящий человек знает это животное, его выносливость и ответит:

— Да, может, если будет соответствующий уход за этим животным.

— Нет, тут же с улыбкой меня поправили, — нет. Вы не знаете. Не сможет он.

— Это как же не сможет?

— Не сможет, потому что его в Свердловске съедят.

Это горький анекдот, который мне горько было слушать.

Соревнование. Главное — в соревновании, в производительности труда, а отсюда и в овладении научными знаниями. Это вопрос вопросов.

К ГЛАВЕ «ПОЛЬСКИЙ СОСЕД»

О Польше. Вариант первый.

С поляками у нас особые отношения. Мы лучше друг друга знаем, больше общались. В свое время польское государство было разделено между Россией, Германией и Австро-Венгрией. Большая часть польского населения входила в состав Российской империи. Представители польского народа работали на заводах, фабриках по всей России и русским рабочим приходилось часто общаться с ними. Я тоже часто встречался с поляками и когда работал на машиностроительном заводе Боссе и Генефельда и на руднике шахты Успенская около Юзовки. Поэтому можно сказать, что с поляками я с детства соприкасался.

Что я могу сказать о народе польском? Поляки, как и всякий народ: у них есть и хорошее, и плохое. Но каждый народ представляют хорошие люди. У меня были поляки — приятели, с которыми я работал и дружил. На заводе Боссе и Генефельда во время однодневной забастовки в связи с расстрелом рабочих на Ленских приисках одним из руководителей был Чернявский, поляк. Его очень уважали среди его товарищей-рабочих. Он

работал слесарем, он был квалифицированным рабочим и все с уважением к нему относились. Однако сразу после забастовки он быстро расчитался и уехал. Больше я с ним не встречался.

Были у меня и другие товарищи-поляки. Я помню слесарем работал на том же заводе Леня Боровский, замечательный молодой человек, веселый и приятный. Так что отношения между рабочими русскими и поляками всегда были хорошими товарищескими братскими отношениями, да иначе и быть не могло. Работали мы у одного хозяина и условия нашей работы были на заводе одинаковыми. Поэтому и почвы для раздоров не было. Вопрос национальностей? Один — поляк, другие принадлежали к русским, такого вопроса я просто не слышал и не чувствовал в той среде, в которой я провел свое детство и юность.

После Октябрьской революции я работал в Киеве. Там я тоже соприкасался с поляками. На Украине всегда было много польского населения и в Киевской области, и в Житомирской области. Поэтому с поляками мы часто имели дело, но тоже никаких трудностей национального порядка, порождаемых на этой почве каких-нибудь разногласий, недопониманий, у нас не было.

Помню, в Киеве был редактором газеты Скарбек, поляк. Когда-то он заведовал польским отделом Центрального Комитета партии Украины в Харькове, а потом, по-моему, даже работал в Москве в отделе пропаганды. Это очень был уважаемый товарищ. К нему относились как к коммунисту, как к любому русскому или украинскому коммунисту. Я тогда заведовал отделом Киевского окружкома и ко мне относились вопросы работы с кадрами и подбора кадров. Когда мы подбирали кадры, то был ли это поляк, еврей или русский, или украинец, вопроса не было. Люди подбирались по деловым качествам. Конечно, направляя товарища на ту или другую работу, мы учитывали и национальность и язык. На Украине большинство украинцев и поэтому украинскому населению отдавалось предпочтение при назначении на некоторые должности, по сравнению с другими национальностями. Это я считаю в порядке вещей, так и должно было быть.

О доверии и хороших отношениях свидетельствует то, что Скарбек редактировал украинскую или русскую газету. Скарбек был подготовленный, уважаемый человек.

Помню, однажды в Киеве выпало на мою долю ближе соприкоснуться с поляками. В 1928 — 1929 годах Пилсудский решил созвать всемирный съезд, созвать поляков со всех стран мира. В то время у нас отношения с Польшей были очень плохие. Пилсудский воевал против Советской России, и в течение всего периода его жизни и деятельности, как руководителя польского государства, он проводил враждебную, неразумную политику в отношении Советского Союза и Советской Украины особенно. Поэтому для нас был закрыт доступ к общению с Польшей, с поляками за пределами наших границ. Мы же хотели, чтобы представители польского населения Советского Союза, главным образом Украины, тоже получили мандаты и были на этом съезде в Варшаве, где могли бы подать голос от имени польского населения, Советского Союза. Была со-

здана комиссия, в эту комиссию был включен и я. Я, русский человек, заведовал отделом Окружкома и был включен в нее, так как комиссия была внутренняя, она подбирала кадры, изучала, кого можно было послать и по деловым качествам, но, главное, надо было подобрать людей, которые могли получить мандаты и не были бы задержаны польским государством. В эту комиссию входил и Скарбек, а возглавлял комиссию Криницкий, известный поляк-большевик. Он работал тогда заведующим отделом агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) в Москве и ему было поручено Москвой возглавить эту комиссию. Потом я неоднократно встречался с Криницким и с уважением к нему относился. К сожалению, он трагически погиб. Он, по-моему, был послан работать в Саратов секретарем крайкома партии и во время сталинской мясорубки он был арестован и расстрелян.

В то время мы собирались, внимательно обсуждали кандидатуры, но, к сожалению, наша работа не имела успеха, потому что Пилсудский никого от польского населения Советского Союза не пустил в Польшу на съезд. Однако этот случай позволил мне непосредственно на деловой основе соприкоснуться с представителями польского народа, жившими и работавшими в Советском Союзе. Я вспоминаю эту работу с удовольствием, и навсегда у меня осталось хорошее впечатление от встреч с этими товарищами.

Когда началось истребление Сталиным кадров партийных и непартийных, погиб и Скарбек, погиб и Криницкий, погибло много русских, но особенно поляков. Когда я узнал, что арестован и уничтожен Скарбек, я очень переживал. Во-первых, я переживал, потому что он, с моей точки зрения, казался очень хорошим и порядочным человеком, а с другой стороны, меня очень огорчало: как же я с этим поляком сколько лет работал в Окружном партийном комитете Киева, в этой комиссии общался буквально каждый день, высоко ценил его, а оказалось, что Скарбек — враг народа. Когда я узнал, что и Криницкий арестован, тут еще больше растерялся, что же это такое, как же это могло случиться: Криницкого уважали, он заведовал отделом агитации и пропаганды в ЦК в Москве, потом работал секретарем в Саратове и вдруг оказался предателем, врагом народа.

Это уже теперь всем известно, какими они были «врагами народа». Это все был вымысел Сталина и пострадали они в результате сталинского подхода к кадрам, его вероломной политики и его болезненного характера, о котором указывал Ленин в своем завещании. Много тысяч, если не миллион погибло людей, точно учесть трудно, в том числе и поляки.

Потом кто-то объяснял в ответ на мои вопросы, что Скарбек оказался агентом Пилсудского. Я знал, что Скарбек перешел нелегально польскую границу и действительно был когда-то пэпэсовцем, а перейдя в Советский Союз, стал активным деятелем Коммунистической партии Советского Союза. Объясняли это так: он перешел границу по заданию Пилсудского (он был близкий человек к Пилсудскому). У него было задание втереться в доверие и шпионить в пользу панской Польши. В жизни такие случаи бывали. Разведки таким приемом всегда пользовались, если создавалась возможность. Мог и Скарбек быть агентом, и Пилсудский мог

послать его с разведывательным заданием в Советский Союз. Невероятного в этом объяснении ничего не было и я, безусловно, относился к нему с доверием. Уже тогда я проявлял недовольство собственной личностью, как я оказался человеком недалёковидным и высоко ценил того человека, который оказался агентом Пилсудского.

Когда я уже работал в Москве, я познакомился еще с одним поляком — соратник Дзержинского — Реденс был уполномоченным ЧК по Московской области. Рабочий-электрик, до революции Реденс работал на заводе в Днепродзержинске на Днестре. Владельцами этого завода были тоже поляки. У меня сложились хорошие отношения с товарищем Реденсом, я с уважением к нему относился, хотя, с моей точки зрения, он не был свободен от недостатков. Таких людей мало, которые были бы без каких-либо недостатков. Политически же я относился к нему с полным доверием и уважением.

Реденс был женат на сестре Нади Аллилуевой, жены Сталина. Сталин был с ним в родстве, и я не раз за семейным обедом у Сталина сидел рядом с Реденсом. Вся семья Сталина бывала на этих обедах. Реденс тоже кончил так же, как и все честные люди: он был арестован, он был выслан в какую-то среднеазиатскую республику. Позже он был арестован и казнен. Жена его Анна очень переживала его гибель и от горя лишилась рассудка. Это была большая трагедия для семьи Аллилуевых. Правда, в это время Надежды Сергеевны уже в живых не было, она застрелилась раньше.

Вот я перебираю в своей памяти встречи с поляками, с которыми мне приходилось общаться, а с некоторыми вместе работать и дружить, и не могу вспомнить о них без теплоты, и с содроганием вспоминается тот период, когда Сталин усилил бдительность, и эта «бдительность» стоила жизни тысячам людей.

Были ли польские агенты засланы к нам Пилсудским? Наверное, были. Были ли агенты, засланные другими разведками? Безусловно, были, потому что разведки всегда засылают к соседям своих агентов. В том-то и состоит мудрость государственного деятеля — он должен уметь не смешивать честных людей с агентами, иначе получится так, как у нас получилось. А в результате мы оголили наш фронт, и лучшие люди, которые выдвинулись во время революции и после революции, заняли командное положение в партии, в государстве, в промышленности, были истреблены, в том числе в первую голову поляки. Поляки расплачивались за неумную политику главы польского государства Пилсудского, который был заклятым врагом советского строя и советского государства.

В довоенные 1936, 1937, 1938 годы началась настоящая погоня за ведьмами. Здесь уже поляку трудно было где-либо удержаться, а о выдвижении на какие-нибудь руководящие посты не могло быть и речи. Все поляки были взяты под подозрение. Эти настроения еще подогревались тем, что по мере приближения войны руководители польского государства углубляли неразумную пагубную антисоветскую политику.

Эта неразумная политика продолжалась и после смерти Пилсудского. Я помню как-то мне позвонил Сталин и предупредил:

— Вы обратите внимание на границу с Польшей. Я бы Вам советовал туда почаще выезжать самому.

Другой раз он позвонил, чтобы обратить внимание на Каменец-Подольск.

— По сведениям, которыми наша разведка располагает, — сказал Сталин, — поляки готовятся захватить Каменец-Подольск и через Каменец-Подольск хотят развернуть наступление по направлению к Черному морю.

Насколько это было реально и насколько можно было верить этому, сказать трудно. Сейчас, когда я вспоминаю, очевидна невероятность и сомнительность таких планов. Реальных возможностей у поляков к тому не было. Видимо, Сталину так доложили, а Сталин подобным данным легко мог поверить, как я теперь сужу, критически оцениваю Сталина с позиций сегодняшнего времени. Я только этот эпизод записываю, но Сталин вообще сохранял самое обостренное и самое острое недоверие к Польше. Это недоверие к руководителям тогдашнего польского государства было обоснованным и подтвердилось фактами, когда началась война.

Однако свое недоверие к руководителям буржуазной Польши Сталин направлял против всех и вся, против любого поляка. Ему представлялось, что эти люди только и думают, какой бы и где вред нанести нашей революции, нашему государству. Когда началась чистка, как говорили тогда, расправа с «врагами народа» (теперь оказалось, что это честнейшие были люди), то атмосфера накалилась еще больше. Представители польской компартии в Коминтерне все были арестованы и уничтожены. Я сейчас уже забыл их фамилии и не хочу зря напрягать память и, видимо, я не смогу вспомнить.

Тогда я уже был секретарем Московского комитета, и помню всегда после ареста известных политических деятелей прокатывалась волна митингов в их осуждение. А поляки заслуживали особого внимания, все эти люди классифицировались как агенты Пилсудского, все усилия которых были направлены на подрывную деятельность против Советского Союза, на подрывную деятельность против Коминтерна. Потом дело дошло до того, что была распущена Коминтерном Коммунистическая партия Польши.

На Украине, где я начал работать с января 1938 года, как я уже говорил, было много польского населения и среди рабочих, и среди крестьян. Работали поляки так же, как и все советские люди. Я не могу припомнить, чтобы на Украине была какая-то межнациональная рознь между украинцами и поляками. Польские и украинские крестьяне жили в равных условиях и трудились наравне. Трудовой народ жил своей трудовой жизнью и честно трудился независимо от нации.

Мы двигались к войне. После подписания договора с Гитлером, подписания Молотовым и Риббентропом договора о ненападении мы стали приближаться непосредственно к началу военных действий в Польше. При подписании договора Гитлер через Риббентропа передал Сталину, что немцы начнут наступление 1 сентября и Красная Армия тоже должна

была начать свои военные действия по захвату тех территорий, которые по договору входили в сферу влияния Советского Союза. Области Западной Украины, входившие в состав польского государства, отходили к Украине, а западные области с белорусским населением из состава польского государства отходили в Белоруссию. Шла речь и о судьбе Литвы, Латвии, Эстонии и Финляндии, но я сейчас говорю о наших взаимоотношениях с Польшей и не касаюсь других республик.

1 сентября, как известно, немцы начали в назначенный срок войну против польского государства. Мы к тому времени подготовили свои военные силы на границе с Польшей, но они не были введены в дело. Я узнал тогда от Сталина, что Гитлер через посла напоминал:

— Что же вы, дескать, ничего не предпринимаете, как условились?

Мы отвечали, что еще не подготовились.

Начали мы действовать 17 сентября. Я был с войсками, а командовал тогда войсками Тимошенко, он был в то время командующим Киевским военным округом. Мы с ним были в войсках, которые двигались в направлении Тернополя. Помню с нами шла кавалерийская дивизия и командовал ею генерал Шербурка. Потом он отличился во время войны, хороший был боевой человек, сам из шахтеров. Ночью, перед началом боевых действий (утром он должен был выступить) он точно доложил через столько-то часов он будет в Тернополе. Так оно и было.

Начались военные действия, я бы сказал, что так их можно называть только условно. Наша армия двинулась, не встречая никакого сопротивления, даже от пограничных войск. Действительно, мы с товарищем Тимошенко к вечеру приехали в Тернополь. Наша кавалерия была уже в этом городе.

Первый раз в жизни я оказался за границей. Народу на улицах не было видно, мы проехали по городу, решили не задерживаться и возвратиться к себе в штаб. Было уже поздно. Возвращались другой дорогой, а дорогу мы не знали и проводника у нас не было. Мы ехали по карте и потратили на обратный путь много времени. Вернулись мы, когда стемнело, никаких инцидентов не было. Правда, до Тернополя, главным образом, были украинские поселения, только у самой границы жили осадники-поляки. Оттуда искусственно выселяли украинцев для того, чтобы освободить земли, на которых расселили осадников, то есть особо выделенных поляков, которые должны были быть стражами польской границы с Украиной. К нашим войскам они не проявляли никакой враждебности, у польского населения не было фанатизма, они не бросались в бой против русских людей или украинцев.

Наступление продолжалось. Я не помню сопротивления нам со стороны поляков, может быть, где-то и были случайные выстрелы, но я даже и такого не помню.

Мы подошли к Львову. На Львовском направлении армией командовал генерал Голиков. Я поехал к нему. Свой полевой командный пункт Голиков разместил под скирдой соломы. Я подъехал к нему, он доложил мне, что послали командующего артиллерией Киевского военного округа генерала Яковлева для переговоров с немецким

командованием по вопросу занятия нашими войсками Львова. Пал выбор на него, потому что он знал немецкий язык, не в совершенстве, но мог объясниться.

Хороший был генерал. Во время войны он занимался вооружением и хорошо работал. Правда, это его не спасло. Уже после войны Сталин его все-таки посадил в тюрьму.

Немцы и мы вплотную подошли к Львову. По договору Львов входил в нашу зону, отходил к Советскому Союзу. Однако и немцы рвались туда, видимо, просто хотели пограбить его.

Яковлев возвратился и доложил нам, что командование немецкой армии согласилось с нами, и мы можем войти и занять Львов, а немцы не будут вводить свои войска в город. Они хотели занять город, думая, что мы еще не подтянули своих войск с тем, чтобы парализовать всякое возможное сопротивление со стороны поляков.

Мы заняли Львов и здесь непосредственно мы соприкоснулись с польским населением. Население вокруг Львова было украинское, но во Львове абсолютное большинство были поляки. Поэтому когда мы соприкоснулись с организацией служб городского хозяйства Львова, то мы имели дело с польской администрацией. Естественно, люди были подавлены. Львов — это крупный культурный центр, там было много учебных заведений, где преподавали поляки. Во Львове рабочими, главным образом, были поляки, поляки даже на черные работы не допускали украинское население. Украинцы нам говорили:

— Нас даже не принимали на работу по мощению улиц во Львове.

Бурное было время. Военные действия закончились. Правда, если говорить о советской стороне, то части нашей армии, собственно, военных действий там не вели. Мы вышли на границу, которая была определена по договоренности с немцами.

Если говорить об удовлетворении национальных чаяний украинской интеллигенции, то эта граница осталась еще западнее. Украинцы связывали понятие своей границы на западе Украины с линией Керзона, а новая граница проходила восточнее линии Керзона.

Таким образом, обвинения Советскому Союзу, что оккупировал территорию Польши, не совсем верны, наши войска заняли территорию, которая исторически и по своему составу населения этнически относилась к Украине. Все сельское население за небольшим исключением было украинским.

Украина, украинский народ по праву гордился и праздновал воссоединение украинского народа в едином Советском украинском государстве. Большой был подъем на Украине и особенно торжественно восприняла воссоединение западных областей украинская интеллигенция.

Мы пригласили представителей украинской интеллигенции, главным образом писателей, во Львов с тем, чтобы провести соответствующую работу с украинской интеллигенцией во Львове. Львов в это время стал центром западных областей Украины и все совещания по вновь присоединившимся областям Украины проводились во Львове. Во Львове оста-

лось много польского населения и польской интеллигенции. Значительная часть интеллигенции под ударами немцев, отступая на восток, тоже пришла во Львов.

Разные поляки были тогда во Львове. И разное было их отношение к нашей стране. Нам было нелегко, факт оставался фактом — нами был подписан договор с Риббентропом. Тут завертелась машина пропаганды против Советского Союза, главным обвинением было то, что мы, коммунистическая партия, пошли на сговор с фашистами.

Трудно было, очень трудно было отвечать на, казалось бы, очень легкий вопрос. Трудности заключались не в сути дела, а в форме. Потому что, по сути дела, ничего не могло быть общего у коммунистической партии с фашистами и, следовательно, по существу, никакого договора не могло быть, но формально этот договор был и им определялась граница и другие условия. Все это стало достоянием общественности, когда была разгромлена Германия и немецкие архивы попали в руки американцев.

Трудность заключалась в том, что мы не могли полным голосом сказать о том, что это был маневр, что другого выхода у нас не было. Мы вынуждены были пойти на это по вине той же Польши, по вине той же французской буржуазии, по вине буржуазной Великобритании, которые не хотели объединить усилия вместе с Советским Союзом против фашистской Германии. Этого мы сказать не могли полным голосом полякам, это мы даже внутри у себя на Украине не могли сказать.

Однако не только эти трудности были во Львове с польским населением. Поляки особенно остро переживали траур, они лишились государственности, Польша была оккупирована, Варшава разгромлена. Но мы опять же не могли говорить полным голосом, то есть мы не могли занять тогда позицию, вытекающую из нашего миропонимания, из нашей идеологии. Мы открытую пропаганду против Гитлера, против гитлеровской политики, против фашистов немецких и итальянских вели до заключения договора. А теперь не могли этого сказать, потому что они стали нашими союзниками. Я бы сказал, было буквально трагическое положение для наших пропагандистов.

В то время в нашей украинской партийной среде поляков почти не было. А если и были, то во всяком случае они не занимали какого-нибудь видного положения в партии, потому что всех таких людей уничтожил Сталин.

Когда я был во Львове, мне сказали, что есть такая писательница Ванда Львовна Василевская — человек решительный, который реально умеет оценивать обстановку и на нее можно положиться. Меня заверили, что она нас поймет и пойдет вместе с нами. Я ждал Ванду Львовну, она должна была вот-вот прибыть во Львов, чтобы с ней встретиться, поговорить и начать работу по организации польской интеллигенции во Львове. Мы хотели удержать ее от антисоветской деятельности и сделать нашим союзником в борьбе за нормализацию условий жизни. Другие районы Западной Украины были заселены украинцами, там мы опирались на украинцев и в поляках не нуждались. Положение осложнялось

еще и тем, что западные украинцы были очень настроены против поляков, которые были господствующей нацией и вели неразумную политику притеснения украинского населения, особенно среди интеллигенции — настроение было антипольским.

Мы не хотели усиления раздоров. Так уж сложилось исторически: много веков Польша и украинцы воевали между собой. Всем известны времена Богдана Хмельницкого, который активно вел войну против поляков. Потом под его руководством Украина вошла в состав Русского государства.

Наконец, появилась Ванда Львовна. С ней мы легко договорились по всем вопросам. Она поняла наши объяснения, в каких условиях был заключен договор с немцами и почему мы двинули свои войска в восточные районы Польши. Она сама, как писательница, с большой симпатией относилась и к белорусской, и украинской бедноте. Это отражено в ее литературных произведениях. Она сидела в польской тюрьме за защиту прав западных украинцев и белорусов.

Относительно договора говорил не я с ней, а приехавшие со мной украинские писатели, главным образом, Корнейчук и Микола Платонович Бажан. Были другие, но эти люди были наиболее активны и близки мне. Через них я делал установки по нашей пропаганде и нашей политике среди польского творческого актива, который стал группироваться вокруг нас.

Я сейчас фамилии других польских товарищей в памяти не удержал, в то время к нам пришла одна Ванда Львовна, позднее были и другие польские интеллигенты, бежавшие из Варшавы. К нам они по-разному относились, некоторые довольно недружелюбно, а некоторые просто пьянствовали. Ванда Львовна же сразу включилась в работу и быстро стала организатором и вожакom польской интеллигенции во Львове.

Вот так в памяти у меня отразились самые лучшие воспоминания, это было самое лучшее и для меня самое счастливое время. Тогда мы праздновали воссоединение украинских и белорусских земель в едином советском государстве. У людей было праздничное настроение, мы проводили совещания, конференции, съезды — развернулась бурная политическая деятельность. В то время я, как секретарь Центрального Комитета КПУ, переселился во Львов и занимался, главным образом, работой в западных областях, а в Киеве появлялся редко.

И вот в это радостное время меня как обухом по голове: нашими чекистами убит муж Ванды Василевской. Это было случайное убийство, как мне честно признались. Я был очень огорчен. Он был пэпэзсовец, сам из рабочих, я не могу сказать, какая у него была политическая платформа, он, видимо, был менее активен, чем Ванда Львовна, политически был в тени. Поэтому для меня он как политическая личность совершенно в памяти не сохранился.

Меня огорчила и ненужная потеря человека, но особенно меня огорчило то, что это муж Василевской. И тут же возник вопрос: как это отразится на Василевской и на ее отношении к нам? Как она поймет этот слу-

чай? Не поймет ли она, что мы убрали его по каким-то политическим соображениям? Да мало ли, что может прийти в голову при такой трагедии. Советчиков антисоветских у нее могло быть много.

Я тогда сказал своим украинцам — Бажану и Корнейчуку: по-честному надо сказать Ванде Львовне, как все было.

Что же произошло? Как мне доложили, чекисты хотели арестовать какого-то жильца этажом выше в доме, где жила Ванда Львовна во Львове. Они спутали квартиру, постучались случайно в квартиру, где жила Ванда Львовна. На стук ответил и приоткрыл дверь муж Ванды Василевской, и он тут же был убит чекистом. Я потом спрашивал:

— Почему же был произведен выстрел? Хорошо, произошла ошибка, постучали не в ту дверь, но человек же приоткрыл дверь и с ним можно было объясниться, выяснить.

Мне объясняли, что людям, которые пришли арестовывать, показалось, что человек, приоткрывший дверь, был вооружен и намеревался сам стрелять в них. Конечно, это трусливый акт. Выяснили, никакого оружия у него не было и стрелять он, следовательно, не мог. Не знаю, что у них в глазах представилось за оружие, заставившее совершить такой преступный акт — убить человека.

Мы рассказали все Ванде Львовне и просили нас правильно понять. Мы честно, правдиво старались объяснить, как это в действительности было. Ванда Львовна с пониманием отнеслась к этому удару, она поверила, что здесь не было злого умысла. Она, не снижая своей активности, продолжала работать и продолжала сохранять дружеское к нам отношение.

Так у меня начали складываться контакты с поляками. С поляками — это слишком громко сказано, потому что я сейчас могу припомнить только фамилию Василевской. У меня сохранялись самые лучшие с ней отношения в течение всей жизни Ванды Львовны, и я был очень огорчен, когда узнал о ее смерти. Других польских товарищей я припомнить сейчас не могу, но я знал многих: мы проводили митинги, там выступали наши друзья, друзья Советского Союза. В то время шла настоящая борьба, за правильное понимание сложившихся условий, за поддержку политики Советского Союза.

Не скрою, не все встречи с поляками во Львове носили радостный характер. Очень трудно им было понять нашу политику, в результате которой они лишились государственности и потеряли родной для себя Львов, где польская интеллигенция занимала все ведущие позиции. Поляки господствовали в коммунальном хозяйстве, в университете, техникумах, школах. Одним словом, все главные командные позиции во Львове были в руках поляков.

Если поляки и не высказывались против нас, таили свое недовольство сложившимся положением, то по глазам можно было прочесть, что они и не могут нас понять: печать траура лежала на польских лицах. При встречах я читал на их лицах их настроение, и это огорчало меня, как человека.

Трудные эпизоды остались у меня в памяти, которыми я был очень

огорчен. Например, случай с польской оперной певицей Вандой Бандровской. Ванда Бандровская, как мне тогда доложили, довольно известная среди оперных артистов, оказалась во Львове. За ней стали ухаживать и предложили ей на выбор работу в оперном театре Киевском или Одесском. Пока мы вели с ней переговоры, она поддавалась влиянию немецких агентов, которых было полно во Львове. Тогда было достигнуто соглашение об обмене людьми, которые остались на территории, оккупированной нашими и немецкими войсками. Украинцы могли вернуться в зону, занятую советскими войсками, и, наоборот, поляки из Львова и других восточных районов бывшей Польши могли бы возвратиться в Польшу.

Немцы прислали своих людей, которые вели агитацию за возвращение беженцев. Как мы узнали, немцы установили контакт с Вандой Бандровской и уговорили ее вернуться на территорию Польши. Серов тогда работал во Львове. Он пришел ко мне тогда огорченный и говорит:

— Знаете, Никита Сергеевич, Ванда Бандровская уже в Кракове, она прошла границу по «фальшивым документам».

Списки возвращавшихся согласовывались с нашими людьми, с чекистами, и Ванды Бандровской там не было, но она ушла. Тогда это было трудно — тысячи людей уходили и приходили, а проверка делалась поверхностно. Как сообщил Серов, немцы передали по радио, что Ванда Бандровская прибыла в Краков и выступила перед офицерами немецкой армии.

Такое отношение польского интеллигента к врагам польского народа вызвало у меня и сожаление, и возмущение, но ничего не сделаешь.

Я выслушивал тогда более горькие сообщения того же Серова, он информировал: идет регистрация, стоят огромные очереди желающих выехать на территорию Польши, занятую немецкими войсками, в большинстве из беженцев-евреев, стоят и умоляют, чтобы их записали, чтобы они могли вернуться в оккупированные немцами районы, дают взятки гестаповцам. Эти люди шли на верную гибель. Немцы их уничтожили, как уничтожили евреев на территории Германии, но мы ничего не могли сделать.

Несчастный еврей, который имел домик или какую-нибудь портняжную мастерскую; ремесленник, последние остатки, которые он взял в отступление, он отдает гестаповцам. Те делают ему одолжение, вносят его в списки, и он еще благодарит за то, что его внесли в списки, по которым он потом будет уничтожен. Вот трагедия времени, которую мы переживали, но помочь мы ничем не могли. Мы не могли вести правдивую пропаганду, связанные договором о дружбе, но самое главное, что нас бы эти люди и не слушали, — они были одержимы одним желанием вернуться, вернуться к своему очагу, вернуться домой. Они не задумывались, что этот дом был для них могилой, появление домой обрекало их на верную смерть. Видимо, все эти несчастные погибли.

Ни при вступлении наших войск во Львов, ни после сопротивления нам поляки не оказывали и жертв среди советских людей не было, кроме одного случая. Был убит корреспондент какой-то газеты, но убит в ре-

зультате паники. Он проснулся ночью, услышав шум на улице, открыл окно, свесил голову, видимо, хотел разобраться в чем дело, и был убит. Думаю, что он был убит нашими людьми по недоразумению. Когда этот человек открыл окно и свесил голову, кто-то из наших людей, которые несли охрану, посчитал, что он с враждебной целью открыл окно, возможно, он снайпер и выбирает для себя цель.

Однако это спокойствие в городе не означало, что все поляки, оставшиеся во Львове, относились к нам дружелюбно. Нет, но они видели, что сейчас ничего не могут сделать, и, кроме того, они еще не были организованы. Позже развернулась вооруженная борьба. Львов стал городом небезопасным. Однако борьбу начали не поляки, а украинские националисты, бандеровцы.

Бандеру выпустили из тюрьмы, когда пришли наши войска. Он был посажен в тюрьму польским правительством за участие в убийстве какого-то польского министра. Мы тогда из тюрем всех политических арестованных выпустили, в том числе и Бандера вышел. Он сейчас же перекинулся к немцам и стал организатором антисоветского подполья в Западной Украине. Оно вело активную террористическую деятельность против нашего актива.

Степан Бандера, сын священника из западно-украинского города Станислава, в то время был студентом Политехнического института и входил в какую-то террористическую украинскую организацию, которая проводила террор против польских властей. Он стоял на позициях Незалежной самостийной Украины, не зависимой ни от Польши, ни от Москвы. Это была одновременно и антипольская, и антисоветская организация. Он занимал ведущее положение в этой организации, его осудили за покушение на польского министра, и он был приговорен к тюремному заключению. Отбывал он свое тюремное заключение до прихода наших войск, которые выпустили его, как и всех заключенных, на свободу. Он сразу вернулся к своей деятельности, теперь уже антисоветской деятельности под руководством и при содействии немцев. Он много вреда и горя нам принес и много жертв мы положили в борьбе против бандеровцев.

После смерти мужа Ванда Львовна через некоторое время, я думаю, что это был уже 1941 год, первые дни войны, как узнал, что Ванда Львовна сошлась с Корнейчуком, и они стали вести совместную супружескую жизнь. Корнейчук порвал со своей женой, а его женой была сестра известного украинского писателя Натана Рыбака, Рыбак был ближайшим его другом. И это была, видимо, семейная трагедия в квадрате. Они были и друзья, и родственники, но несмотря на это он все-таки порвал со своей женой и сошелся с Вандой Львовной Василевской. Василевская была уже прикована цепью любви, и эта связь оказалась очень прочной и верной и, как говорится, преданной и неизменной.

Значительно позже, после войны, когда Гомулка пришел к руководству и стал занимать то положение, какое он сейчас занимает, в дружеской беседе рассказал, что, когда мы заняли Львов, Дрогобыч, Станислав и другие украинские города, он работал в Дрогобыче. Там его застал

приход наших войск. Потом он был мобилизован и попал в Киев, где работал до самой войны на строительстве железнодорожного тоннеля под Днепром.

Перед войной Сталин выдвинул задачу: иметь более надежную железнодорожную переправу через Днепр. Для этого было решено построить два тоннеля, один южнее Киева, а другой — севернее. Он считал, что эта железная дорога не будет разрушена в случае войны с немцами. Видите, мы часто говорим о внезапном нападении немцев на Советский Союз, а за какое время вперед предвиделось, что будет нужно при нападении немцев и даже что нужно построить эти тоннели. На строительстве тоннелей работал, конечно, не один Гомулка, там работали и другие поляки, они не были военнопленными или заключенными, а вольнонаемные, но у этих вольных не было другой воли для применения своих сил, поэтому они работали там.

Гомулка, когда рассказывал об этом периоде своей жизни, шутил, а не жаловался. Там же работали не только поляки, там же работали и украинцы, и они работали на общих основаниях, и оплата была одна для всех работающих без какой-то дискриминации.

22 июня 1941 года грянула война. Что такое эвакуация в то время? Вообразить невозможно. Нужно было видеть своими глазами условия эвакуации. Спасался кто как может, это было бегство. Наступление немцев развивалось активно, и Львов с первых дней войны находился под непрерывными ударами немецкой авиации. Народ оттуда бежал кто как мог. В особенно тяжелом положении оказались семьи военнослужащих, наших генералов и офицеров.

Местные жители в массе своей не эвакуировались ни из Львова, ни из других городов Западной Украины. Они поддались националистической пропаганде и, несмотря на всю нашу агитацию, митинги и разъяснения, занимали враждебные позиции. С нами отступало какое-то количество людей, но это были единицы, а не массовая эвакуация.

В 1941 — 1942 годах у нас не возникало вопросов, связанных с Польшей. Не до того было. Это были самые тяжелые годы для советской страны. Мы вели оборону против наступающих немецких войск и далеко не всегда удачно, как, например, в 1942 году под Харьковом, о чем я раньше уже высказывал свое мнение.

Перелом произошел, когда были разгромлены немецкие войска под Сталинградом и особенно, когда мы одержали крупнейшую победу на Курской дуге. Я придаю особое значение этой победе, она являлась смертным приговором фашистской агрессии против Советского Союза. Эти бои были замыслены Гитлером в выбранном им моменте времени и месте. Он имел возможность произвести все, что он считал необходимым для приготвления и начать наступательные операции, будучи уверенным в своей победе. Однако эта операция провалилась, немецкие войска были разгромлены, и после этого мы неудержимо двинулись вперед и 6 ноября 1943 года заняли Киев. Мы продолжали наступление дальше по всему фронту.

В 1943 г. мы начали (я не знаю, кому принадлежит инициатива) ду-

мать о создании польских воинских частей на территории Советского Союза с тем, чтобы они сражались вместе с войсками Советского Союза против гитлеровской Германии, чтобы они участвовали в освобождении своей родины.

Первая неудачная попытка формирования польских частей под командованием польского генерала Андерса была сделана раньше, в 1942 году. Он, кажется, командовал кавалерией в Польше и оказался у нас в плену. Когда были сформированы польские войска, польская армия (это соединение было сформировано из поляков, находившихся на территории Советского Союза), генерал Андерс отказался сражаться против Гитлера на территории Советского Союза и его войска были переброшены через Иран в Африку, где они сражались на стороне англичан.

Во второй раз у нас началось формирование польских войск под руководством генерала польской армии Берлина, находившегося в Советском Союзе. Когда началось формирование польских частей и мы задумались о политической и патриотической работе среди польских солдат, всплыла фамилия Ванды Львовны Василевской. Думаю, что это был результат неоднократных моих бесед со Сталиным, в которых я с восхищением рассказывал о Ванде Львовне Василевской, о ее политических достоинствах, о ее патриотизме, о ее верности коммунистическим идеям.

Эта воинская часть формировалась под лозунгами Польского комитета, который возглавляла Ванда Львовна Василевская. В 1944 году некоторые польские антифашисты перешли линию фронта (я не знаю, как это удавалось), я их принимал у себя, на Украине, устраивал им обед. Мне было поручено оказание им помощи и содействия в их деятельности. Формирование польских частей в то время проходило в городе Сумы на Украине. Поэтому я и был связан с этими людьми. Сейчас я забыл их фамилии, кроме Василевской.

Тогда было решено, что польская часть будет действовать на участке 1-го Белорусского фронта генерала Рокоссовского. Левый фланг 1-го Белорусского фронта находился на территории Украины в районе Луцка, по-моему, там. Там сосредоточилась 1-я Польская армия, командовал ею генерал Берлинг. Потом я с ним познакомился и установил хорошие отношения. Сталин мне советовал установить с ним личные контакты. Я с Берлингом неоднократно встречался в Киеве, часто звонил ему по телефону, интересовался, как у них идут дела. В расположении его войск я никогда не был.

В то время роль Василевской как пропагандиста и политического организатора была очень велика. Василевская выезжала в польские части и уже считалась руководителем зародившейся польской правительственной ячейки на территории Советского Союза. Мне было приятно, что эта роль поручена Ванде Львовне. Я ее очень уважал, верил в ее искренность и политический разум.

С польскими товарищами, которые входили в состав комитета и занимались формированием польской армии, я несколько раз встречался в Киеве. Никаких серьезных вопросов они передо мной не ставили, в то время нужно было полякам, в первую очередь, вооружение и снаряже-

ние, все это шло в централизованном порядке не через меня, а через командование Советской Армии, через генерала Хрулева. И они все получали, что нужно.

В 1944 году, я тогда был членом Военного Совета 1-го Украинского фронта. Наши войска перешли польскую границу 1939 года и продвинулись довольно далеко на запад. Командовал тогда уже 1-м Украинским фронтом маршал Конев, я с ним все время поддерживал телефонную связь, а другой раз и выезжал или вылетал в расположение штаба и знакомился, как идут дела. В то время я уже непосредственно делами фронта не занимался. После освобождения Киева мне Сталин порекомендовал заняться, главным образом, Украиной. Украина была полностью освобождена, но сильно разрушена, разорена, надо было восстанавливать промышленность и сельское хозяйство, надо было обеспечивать продовольствием людей.

Однако, когда подготовили большое наступление на Сандомирском плацдарме, Конев мне позвонил и попросил приехать: готовится наступление, и я хотел бы, чтобы вы тоже присутствовали.

Я приехал, все было готово, и когда настал час открыть огонь, мы с Коневым поехали на командный пункт и наблюдали огонь артиллерийской подготовки. Когда после артиллерийской подготовки наша пехота перешла в наступление, я взял офицера-проводника и поехал на командный пункт генерала Жадова. Мне хотелось поговорить с этим генералом, я его давно лично знал, хотелось расспросить его, как наступают наши войска, как продвигается пехота и какое сопротивление она встречает. Мне было очень приятно беседовать с товарищем Жадовым, он мне тогда сказал:

— Перед моими войсками сейчас нет сопротивления, какая-то одна пушка ведет огонь на левом фланге, а артиллерийская подготовка была настолько мощной, что полностью расстроила сопротивление противника. Наши войска, как говорится, идут не кланаясь. Двигутся вперед на позиции, которые определены планом наступления.

Очень мне было приятно слышать эти слова.

Это может понять только человек, который вынес всю тяжесть первого и второго года войны, отступления. Наше физическое и моральное состояние тех лет невозможно передать. Нет слов, описывающих, как было тяжело отступать, как было тяжело смотреть на людей, которые оставались, в то время когда мы оставляли территории Украины и отступали на восток. А теперь совсем другое, здесь уже было другое настроение и по-другому светились глаза людей.

Несколько раньше наши войска освободили Люблин, древнюю столицу Польши. Я поехал туда: в Люблине расположилось новое польское правительство. В состав Польского кабинета входил и старый генерал Роля Жимерский, который во времена Пилсудского был арестован. Появились и новые люди, например, Юзеф Циранкевич, пэпэсовец, потом он стал премьер-министром Польского государства. Первым же премьер-министром был Осубка-Моравский.

В Люблине я познакомился с Витасом. Это известная в Польше фами-

лия. Старший брат, старый политический деятель. Не знаю, где он был в то время или уже умер к тому времени. Младший же брат был привлечен к работе Польского комитета. Фамилия Витаса была широко известна в Польше, особенно среди польского крестьянства. Он был вожаком польских крестьян, конечно, зажиточных, стоял на позициях кулацкого хозяйства. И сам Витас был довольно-таки зажиточный человек, не помещик, а кулак. Не знаю, сколько он земли имел, но человек он был зажиточный.

Я сейчас не помню, где я познакомился с товарищем Берутом: в Люблине или в Варшаве. Мне несколько раз приходилось вылетать по делам в Люблин. Была договоренность с польским руководством обменяться жelaющими возвратиться на Родину украинцами и поляками.

Я был в то время секретарем ЦК КП(б)У и Председателем Совета Народных Комиссаров Украины, а Пономаренко в такой же роли представлял Белоруссию. Мы с ним встретились в Люблине для переговоров с польским временным правительством.

К тому времени у нас с польскими товарищами сложились очень хорошие отношения, особенно мне нравился, я уже не говорю о Ванде Львовне, Болеслав Берут — чистый такой, искренний, обаятельный и одновременно разумный человек. С ним легко было не только вести переговоры, но просто приятно было побеседовать. Хорошее впечатление производил Роля Жимерский. В сравнении с другими был это человек высокой культуры, в какой-то степени с аристократическими манерами, но дело иметь с ним было приятно.

Помню, я собрался на какой-то крестьянский съезд на территории, освобожденной нашими войсками и войсками польской армии. Я в это время тоже прилетел в Люблин и беседовал с польскими крестьянами. Крестьяне как крестьяне, они были рады своему освобождению, изгнанию немцев. Дело было в августе, и я решил угостить польских крестьян украинским деликатесом. Позвонил я в Киев и попросил доставить попутным самолетом в Люблин арбузов и дынь. Арбузы и дыни в Польше не росли, и этого продукта крестьяне не знали. Угощение произвело хорошее впечатление, но произошел смешной казус. Витас очень боялся колхозов, боялся, что мы будем навязывать силой колхозы. Когда подали нам дыни, а привезли дыни сорта «колхозница», это некрупные плоды, но очень ароматные и вкусные.

Тогда я спросил:

— Как Вам, господин Витас, нравится наша «колхозница»?

Я не знаю, как он понял, но он переспросил:

— Это «колхозница»-дыня?

Я говорю:

— Да, «колхозница».

— А почему она не красная?

Он, видимо, хотел меня как-то уколоть, смысл его остроты я не понял. Видимо, он что-то по-другому понял, решил, что вкладываю особый смысл, называя эту дыню «колхозницей», и решил этому слову противопоставить какую-то остроту. Я всегда чувствовал, что этот человек был в

оппозиции по вопросу перестройки сельского хозяйства на колхозных началах, хотя в то время этот вопрос не только не стоял, но мы даже и не заикались о колхозах. Вообще мы не вели разговоров о политическом устройстве Польши после изгнания немцев, это считалось внутренним вопросом Польши, и он должен был быть решен после освобождения всей польской территории.

Мне не поручали вести эти переговоры и я не вмешивался в эти дела.

Тогда у нас очень хорошие сложились отношения со всеми поляками, хотя люди там были политически разные. Осубка Моравский, безусловно, придерживался буржуазных взглядов на будущий строй польского государства, с ним я не разговаривал на этот счет, но чувствовал, что по своим настроениям он настоящий пэпэсовец, я не скажу, что пилсудчик, но пэпэсовец. У нас тогда бытовало понятие — «пилсудчик» — польский фашист. А он был пэпэсовец, он выступал против марксистско-ленинского учения, я не знаю, понимал ли он что-либо в этом учении, но на меня Осубка Моравский производил впечатление, невыгодное для него.

По-моему, это было зимой 1944 — 1945 гг., когда приезжал я в Москву. Во время войны сам я по собственной инициативе почти никогда в Москву не ездил, а приезжал только тогда, когда получал вызов от Сталина. Одним словом, я приехал к Сталину, а у него обсуждались польские вопросы, и приехал из Лондона Миколайчик. Сталин познакомил меня с Миколайчиком.

Миколайчик возглавлял тогда польское эмигрантское правительство в Лондоне. Тогда было два польских правительства: в Лондоне и правительство, созданное на польской территории, освобожденной нашими войсками. Я не участвовал в переговорах, которые велись с Миколайчиком.

Миколайчика западные страны продвигали в польские премьеры и добивались, чтобы его в этой роли признал Советский Союз. Главным образом Черчилль этого добивался, это была его кандидатура. Миколайчик рассматривался Западом как якорь, который удержал бы Польшу на буржуазных позициях в фарватере политики Запада. Это была политика дальнего прицела. Мы же, вполне естественно, были против Миколайчика, мы хотели, чтобы Польша была социалистической, чтобы Польша стала другом Советского Союза, чтоб на наших восточных границах иметь дружеское государство. Мы столько усилий затратили, столько жертв принесли в этой войне и, естественно, хотели защищать свои интересы, а прежде всего нас интересовало, кто будет возглавлять правительство соседней Польши и какую политику оно будет проводить.

Зимой 1945 года наши войска заняли Варшаву.

Мне позвонил Сталин:

— Приезжайте в Москву, есть дело. Вы здесь нужны.

Я сказал:

— Хорошо.

Я выехал в Москву незамедлительно.

Нужно иметь в виду, что этот вызов 1945 года был не тот вызов, что в 1941 году, когда Сталин вызвал меня первый раз в Москву после начала

войны. Тогда наши армии потерпели поражение, Белорусский фронт был смят немцами и его командование было осуждено и расстреляно. Сталин тогда находился в подавленном состоянии, он глаза не мог поднять. Сидел как в воду опущенный, вид у него был человека, потерявшего всякую волю и всякие надежды.

Он у меня спросил тогда:

— Как дела?

Обычный, стандартный вопрос.

Я ему сказал, что дела плохие, да он и сам это знал.

Он мне сказал тогда:

— Говорили, вот русская смекалка, а где сейчас эта русская смекалка, в чем она проявляется?

Я был возмущен, я негодовал. Как же так? Следовательно, он хочет обвинить русских людей, русский народ в этом поражении. А сам-то он себя считал вождем русского народа и не только русского, а вождем всего Советского Союза. Он виновник тех поражений, какие терпит армия. Вместо того, чтобы по-честному осознать свою вину, находит аргументы для обвинения кого угодно, только не себя.

Когда я приехал в 1945 году, когда была взята Варшава и наши войска продолжали успешно продвигаться вперед и били немцев, тут же, знаете, Сталин превратился из мокрой курицы 1941 года в орла. Здесь он уже ходил, выпятив грудь. В 1941 году он еле передвигал ноги. Когда я вошел к нему, он сидел на командном пункте в метрополитене на станции у Мясницких ворот, сидел, согнувшись, скрючившись, головы не мог поднять, носом упирался в пол.

Переменилась военная ситуация, и эта перемена преобразила и внешний вид человека. Человека, который отвечал за всю страну и в первую голову за подготовку войск на случай войны против Советского Союза. Все эту войну ожидали и все считали ее неизбежной, и больше всех считал ее неизбежной сам Сталин. Почему же так плохо была подготовлена наша армия к войне? А она была не только плохо подготовлена. Нет, она была обескровлена арестами и расстрелами. Командный состав, воспитанный со времен гражданской войны, весь был уничтожен. Кадры, которые прошли войну в 1918, 1919 и 1920 гг. и потом прошли через военные школы, готовясь к будущей войне против мирового империализма.

Возвращаясь к своему рассказу. Сталин очень имел гордый вид, как говорится, весь сиял.

— Вот, — говорит, — наши войска заняли Варшаву, и поляки требуют Микиту.

Так он ко мне обращался, когда был в хорошем расположении духа.

— Требуют, чтобы Микита приехал в Варшаву.

Я уже был знаком по Люблину с польскими руководителями, об этом он, конечно, знал, потому что работу с поляками проводил по его указанию.

Потом он перешел на деловой тон.

— У Вас, — говорит, — накопился большой опыт восстановления разрушенных городов. Вы на Украине уже много сделали по восстановлению

хозяйства. Сейчас освободили Варшаву. Мне вот докладывают, что там нет воды, нет электричества, не работает канализация. Улицы завалены щебнем. Одним словом, Варшава лежит в развалинах. А новые польские руководители — люди неопытные, никогда ничем не управляли и нуждаются в помощи. Поэтому Вам нужно будет поехать туда и помочь нашим товарищам полякам восстановить разрушенное хозяйство Варшавы.

Мне признаться было очень приятно слушать эти слова. Я был очень доволен, что сделано такое поручение, и я был уверен, что я смогу помочь полякам. Я знал по опыту, что при любых разрушениях можно восстановить хозяйство, получить на первых порах нужное количество электрической энергии, восстановить водопровод и канализацию, хлебопечение и другие отрасли коммунального хозяйства, без которых жизнь в городе невозможна.

— Хорошо, — ответил я, — я выеду немедленно, но разрешите мне взять специалистов из Москвы, а может быть, затребовать из Киева кое-кого из инженеров, чтобы, приехав, сразу иметь под рукой специалистов, которые занялись бы электричеством, канализацией и транспортом. Для этого нужны специалисты.

— Берите кого хотите. Вы знаете московских инженеров-коммунальщиков и киевских. Это Ваше дело.

Я сформировал бригаду специалистов и выехал в Варшаву. Мне было очень приятно поехать помочь моим польским друзьям. Мне, не скрою, хотелось самому взглянуть на разрушенную немцами Варшаву и встретиться с людьми, пережившими восстание, поговорить с ними.

Прибыли мы в Варшаву. Мне сказали, что польское правительство расположено на правом берегу Вислы, потому что там еще остались какие-то неразрушенные строения. На левом же берегу основной город буквально находился в руинах, все было разрушено.

Первым делом я встретился с Берутом, он был тогда на положении президента, Осубка-Моравский — премьер-министр, а Спихальский тогда был мэром Варшавы, Роля Жимерский уже был в это время маршалом, военным министром.

Познакомили меня с польским архитектором (я забыл его фамилию). Он уже разрабатывал первые соображения по восстановлению Варшавы мне даже показывали кое-какие наброски.

В этот мой приезд Берут познакомил меня с Берманом и посоветовал встретиться с Гомулкой. Гомулка тогда был болен, лежал на квартире и не выходил. Вот, собственно, весь круг людей, с которыми я встретился после своего приезда.

Я взял с собой главным помощником Андрея Евгеньевича Страментова. Я Страментова уважал, хорошо знал его. Это подготовленный человек, прекрасно знавший хозяйство, особенно дорожное строительство. А здесь еще очень нужны мне были его пробивная энергия и его организаторские способности. Ему я поручил возглавить бригаду специалистов, которую мне составили из московских инженеров коммунального хозяйства. Первым делом они должны были обследовать остатки

коммунального хозяйства Варшавы и определить, что можно восстановить и в какие сроки.

Работа была очень тяжелая. Все коммуникации Варшавы скрывались под горами щебня и битого кирпича, все было разрушено. Я поднимался на самолете, осматривал Варшаву с воздуха — это была какая-то груда развалин, а не город. Я не знаю более образного слова, чем руины, но никакое слово не может дать представление о тех разрушениях, которые я увидел в те дни. Это был не город, а руины города, горы щебенки.

Наши специалисты докладывали мне каждый день о состоянии работ. Мои посланцы по энергетике, водопроводу и канализации, а это нас интересовало прежде всего, пришли в хорошем радужном настроении.

— Знаете, — говорят, — электрические турбины не разрушены и их можно восстановить. Здание разбито, надо расчистить. А как здание приведем в порядок, можно будет запустить турбины и получить ток. Электроэнергии получим столько, что на первых порах потребителей не хватит.

Я обрадованно шутил с товарищем Берутом:

— Товарищ Берут, нельзя ли от вас за услуги, которые мы вам оказываем, получить немного электроэнергии, у нас на Украине ее не хватает.

Это шутки. У них ее тоже не хватит, как только начнет работать городское хозяйство. Первым делом надобно наладить освещение, потом пустить насосную станцию, чтобы хотя бы элементарные городские условия создать для людей, живущих в Варшаве.

Берут мне отвечал:

— Пожалуйста, за работу будем платить по затраченному труду.

Когда мы запустили турбины, мне Сталин сказал:

— Вы оттуда не выезжайте, пока не создадите хотя бы минимальных условий нормальной жизни, не восстановите необходимые агрегаты для обслуживания населения Варшавы. Ничего, в Киеве пока обойдутся без Вас, там есть Ваши люди и дело там налажено. Пусть они без Вас поработают, а Вы в Варшаве поработайте.

Помню в какой-то праздничный день, видимо в воскресенье, руководители Варшавы организовали воскресник по уборке и расчистке улиц, чтобы можно было ходить и ездить.

Мне товарищ Берут предложил:

— Я хотел бы, чтобы Вы приняли участие в воскреснике. Давайте символически поработаем, — и с хитрецей посмотрел; он всегда говорил с улыбочкой.

Я ответил с готовностью:

— Пожалуйста, давайте пойдем.

Мы взяли лопаты, как и другие, потому что главным орудием производства в тех условиях была лопата. Мы пошли на какую-то улицу, народу вышло относительно много, не так много было еще жителей в Варшаве, но улицы были заполнены народом: кто с лопатами, кто с носилками, одни грузили, другие относили, — одним словом, работали. Тут, конечно, крутились и киношники. Было необходимо зафиксировать для истории, какой была Варшава. Сейчас Варшаву восстановили и она превратилась в красивый современный город.

Мне захотелось тогда побывать в Лодзи. Много слышал о Лодзи. Это был пролетарский центр, а рабочие Лодзи, имели богатые революционные традиции.

Я спросил товарища Берута:

— Как Вы смотрите, если бы я съездил в Лодзь?

— О, это хорошо, пожалуйста.

Тут вмешался Осубка-Моравский:

— Я бы с удовольствием тоже поехал с Вами. Вы не возражаете?

— Буду рад, если Вы поедете со мной.

Мы взяли машину и поехали. Дорога была клинкерная и не разрушена, погода стояла солнечная. Приехали в Лодзь. Я проехал по улицам, посмотрел город. Город находился в хорошем состоянии, больших разрушений не было. Опустился вечер, и мы должны были заночевать в Лодзи, а утром возвратиться в Варшаву.

Нас разместили в гостинице. Гостиница была богато обставлена, видимо, когда-то это была роскошная гостиница, но в то время, когда нас в ней разместили, она выглядела тоже хорошо. Только страдали мы от холода. Отопление не действовало и мы вынуждены были укрываться всем, что у нас было.

Сели мы за ужин, а ужинали мы тем, что с собой привезли: селедочка у нас была и кое-какие другие продукты. Там были мы с Осубкой-Моравским и пришли лодзинские руководители. Когда ужин был в разгаре, появился Роля Жимерский. Он с нами не ехал, не знаю, был ли в Лодзи по делам или где-нибудь в окрестностях. Своим появлением он сразу внес оживление в наш ужин. Человеком он был очень общительным, с веселым нравом, приятным, умным собеседником.

Поужинали. Лодзинские руководители рассказывали нам о своих делах. Фамилий я сейчас, к сожалению, не помню, но на меня они производили очень хорошее впечатление людей умных и болеющих за свое дело. Они делали все, что было в их силах, чтобы скорее восстановить свой город.

На следующий день мы вернулись в Варшаву.

После возвращения из Лодзи товарищ Берут мне рассказал о товарище Гомулке, который в то время занимал пост секретаря Центрального Комитета.

— Сейчас он болен и лежит у себя на квартире, поэтому хорошо было бы, если бы Вы смогли к нему заехать.

Я сказал, что с удовольствием это сделаю, мне самому очень хотелось познакомиться с ним. Я поехал к нему на квартиру. Встретила меня женщина, жена товарища Гомулки, по-моему, она занималась стиркой. Квартира, в которой жил Гомулка, была мрачной, плохо освещенной, стены и потолок были закопчены, видимо, отапливалась она печуркой, буржуйкой, как мы ее в гражданскую войну называли.

Гомулка меня встретил приветливо, он был на ногах, не в постели. Лицо его было перевязано какой-то широкой черной лентой и выглядел он довольно экстравагантно.

Мы познакомились и приступили к беседе. Он рассказал о положении

нии дел в Польше и дал свои оценки. Не знаю, сколько времени я у него провел за беседой, но я остался очень доволен и встречей, и беседой.

Гомулка на меня произвел очень выгодное впечатление, и, вернувшись из Варшавы, я написал Сталину записку о своем пребывании в Польше. Я с похвалой отзывался о Гомулке.

Кроме того, по возвращении из Варшавы, я заехал в Москву и рассказывал все Сталину при личной встрече. В записке я подробно описал, в каком состоянии я увидел Варшаву, что мы сделали и какое впечатление на меня произвели люди. Я уделил много внимания встрече с Гомулкой, так как Гомулка тогда для нас был новой личностью, никто из советского руководства с ним не встречался. Сталина очень интересовало, что он за человек. О Гомулке я мог высказать только положительное мнение, и не об одном Гомулке, но и о других польских политических деятелях. Однако с ними Сталин встречался и раньше — и с Берутом, и с Ролем Жимерским, по-моему, Осубку-Моравского Сталин тоже видел. А вот Гомулка был для него человек новый и не имел представления о секретаре Центрального Комитета Польской Компартии.

В 1944 году, когда правительство Польской Республики еще пребывало в Люблине, на положении уполномоченного от правительства Советского Союза там сидел Булганин. Это облегчало мою миссию, с Булганиным мне было легко общаться, мы хорошо понимали друг друга. Булганин мне рассказывал, как идут дела и давал характеристику людям.

Я помню, тогда нам сообщили, что в немецком концлагере около Люблина (я не помню сейчас, как это место называлось) открыли могилы людей, убитых немцами. Там были сделаны печи, где сжигали трупы, но не все сгорели, видимо, не справлялись печи. Там были отрыты огромные ямы, заполненные трупами убитых.

Я предложил:

— Давай, Николай Александрович, поедем, посмотрим.

Когда мы приехали, работы еще велись: откапывали ров. Это была ужасная картина. Вскрывали небольшой слой земли, и там лежали полуразложившиеся трупы. Зловоние было невозможное. Булганин не смог терпеть, сбежал. Я вытерпел, потому что мне хотелось хорошенько разузнать, познакомиться с этими зверствами, нечеловеческими зверствами, которое совершили немцы.

Там было много печей с остатками несгоревших костей. Нам показали камеру, оборудованную под баню, в которой умерщвляли газом. Нам рассказали, что людей гнали сюда вроде как мыться, а когда они заполняли этот зал, то дверь закрывалась, помещение наполнялось газом и все люди умирали. Тогда их извлекали и сжигали в печах.

Потом повели нас в длинный дощатый барак. В этом бараке открылась ужасная картина: он был заполнен огромным-огромным количеством женских волос, видимо, перед казнью у женщин срезали косы связывали в пучки и складывали сюда. Так, я помню, делали в деревне заготовители щетины. Так вот вроде этих дельцов, которые скупали щетину, немцы занимались заготовкой женских волос.

Затем нас повели в другое отделение, наполненное обувью. Обувь там была всяких размеров: мужские и женские ботинки и туфли. Все это огромное количество было разложено с немецкой аккуратностью.

До нашего посещения там побывало много наших людей и этот немецкий порядок был уже несколько нарушен. Впечатление очень тяжелое, ясно было, что обувь эта осталась от тех несчастных, которых во рвах откапывали наши саперы.

Эта картина была не для людей со слабыми нервами. Варварство немцев вызывало еще большее негодование против фашизма, против Гитлера, которые совершили эти зверства.

Недалеко от Люблина расположен древний город Холм. Мы с Николаем Александровичем Булганиным решили поехать в этот город, посмотреть его. Почему я еще хотел туда поехать? В этом городе в гимназии училась Нина Петровна, моя жена. Она мне рассказывала о нем. Город Холм до первой мировой войны входил в состав Российского государства, тогда это была Россия. Мне хотелось посмотреть, что это за город, что там за люди живут.

Там был, я не помню, какого века, но очень старый православный собор. Мы решили его осмотреть и попросили служителей церкви, чтобы нам показали этот собор. Нам показывал его священнослужитель, я не знаю, в каком он был звании, но человек уже старше среднего возраста. Он нам рассказывал об этом соборе. Я сейчас уже не помню содержание его рассказа, но я запомнил его лицо и его глаза. С такой грустью, с такой болью он нам рассказывал историю этого собора. Его грусть была вызвана, главным образом, тем, что Холм отходит к Польской Республике.

В Ялте была определена новая граница Польши. Это была не граница, установленная договором, подписанным Молотовым и Риббентропом, а новая, определенная после разгрома немцев. Она проходила западнее старой границы, но Холм отходил к полякам. Этот священник нам выплакивал:

— Смотрите, это же русский храм, он был построен русскими. Теперь мы лишимся его, его опять переделают под костел.

Он начал рассказывать, что это уже было в истории, когда этот храм переделали под костел. Потом при русских опять восстановили православный храм. Он буквально слезы лил. Мы слушали его, но не стали разговаривать на эту тему. Осмотрели собор и уехали.

Новыми границами, которые определил Сталин, украинцы были недовольны. Это недовольство ни в каких формах внешне не проявлялось, но между собой много говорили, что это украинские земли, и даже по Версальскому договору, определившему линию Керзона, эти земли отошли к Украине. Это потом поляки нарушили эту линию и продвинулись значительно дальше на восток. Граница 1939 года больше удовлетворяла национальные интересы украинцев, чем та линия, которая после разгрома немцев была установлена Сталиным.

Я думаю, что Сталин это сделал для того, чтобы как-то смягчить воспоминания о пилюле, которую мы преподнесли полякам договором, под-

писанным Молотовым и Риббентропом. Договором собственно о разделе Польши. Вот здесь Сталин и проявил понимание и добрую волю и уступил часть этой территории Польше. Когда я встречался с поляками и обменивался с ними мнениями, то поляки тоже выражали недовольство этой границей, но они считали, что граница должна была перенесена еще восточнее.

Я считаю, это не столь важный и непреодолимый спор. Если вдуматься, то и в интересах Польши, и в интересах Советского Союза установить хорошие и братские отношения между нашими странами. Поэтому уступка, которую сделал Сталин, политически оправдывалась тем, что как-то сглаживала горький осадок у поляков, нанесенный в 1939 году. Она создавала хорошие условия для взаимопонимания и закладывала дружбу между нашими народами.

После освобождения Варшавы участие Ванды Львовны в руководстве польским комитетом было уже не столь активным. Ванда Львовна жила в Киеве и только выезжала в Варшаву или в Люблин. Я забегаю несколько вперед, когда Польша была освобождена (я часто встречался с Корнейчуком и Вандой Львовной, они бывали у меня на квартире, мы дружили, я любил с ней беседовать, ее было очень приятно слушать) я высказал ей сожаление:

— Скоро, Ванда Львовна, мы реже с Вами будем встречаться.

— Почему, — спрашивает она.

— В связи с Вашими обязанностями. Вам, видимо, придется переехать в Варшаву. Естественно, реже Вы будете приезжать в Киев.

— Нет! — Она была человек резкий. — Нет, не-е-т. Я туда не поеду.

Так растянута, но твердо сказала, что она поедет на постоянное жительство в Варшаву только тогда, когда Польша будет республикой Советского Союза. До этого ей делать там нечего. Я с ней был не согласен. И сказал свое мнение, но она была непреклонна.

Я думаю, дело не в том, что Польша не становилась республикой Советского Союза, а причины здесь были более простые. Она не хотела оставить Корнейчука, не хотела уезжать от него на долгое время. Каким бы слишком упрощенным ни казалось такое толкование, но думаю, что это обстоятельство имело большое значение в определении места жительства Ванды Василевской после освобождения польской территории от вражеских войск.

Так и случилось. После полного разгрома и капитуляции немецкой армии Ванда Львовна так и не уехала в Польшу. У нее установились очень хорошие отношения с Берутом и с другими руководителями Народной Польши. С настороженностью или, вернее, как-то без теплоты к ней относился один Гомулка. Я не знаю, чем это было вызвано, но так было.

Берут был для Ванды Василевской уважаемым человеком, она очень уважала Циранкевича. Она очень много мне о Циранкевиче рассказывала. Тогда Циранкевич вернулся в Польшу, а он где-то на Западе находился в концентрационном лагере. Она тепло о нем отзывалась, говорила, что это очень интересный и честный молодой человек, на которого мож-

но положиться. Я считаю, что она правильно тогда характеризовала тов. Циранкевича, я тоже всегда был и остаюсь и сейчас высокого мнения об этом человеке. Ванда Львовна хорошо относилась к Берману, который только появился на польской политической арене. До этого я Бермана совсем не знал, знал только, что он работал в Коминтерне. Я думаю, что он был одним из тех польских коммунистов, кто остался в живых после чистки 1937 — 1938 гг.

Потом приехал Минц. Минц тоже польский коммунист, живший в Советском Союзе. О нем Ванда Львовна была высокого мнения.

Я со своей стороны тоже высоко ценил Бермана и Минца. У них были разные направления деятельности. Берман был партийный политический деятель и большой организатор, а Минц был экономистом. Минц был душой при составлении экономических планов Польской Республики. В развитии польской экономики он сыграл большую роль.

После войны я часто встречался с польскими товарищами. Берут, Гомулка, Осубка-Моравский и другие часто приезжали в Москву. Так совпадало, что и я в это время бывал в Москве. Сталин меня приглашал специально к их приезду, потому что среди многих вопросов, которые поднимали польские руководители перед Сталиным, часто были и затрагивающие интересы Украины. Сталин, не желая вступать в пререкания с польскими руководителями, подбрасывал эти неприятные ответы на претензии со стороны Польши к Украине мне. Я с удовольствием встречался с поляками, хотя без удовольствия отвечал на их претензии. Без удовольствия, потому что часто я не мог согласиться с их просьбами, а неприятнее всего отказывать людям, которых ты уважаешь. Мне же была отведена роль блюстителя интересов Советского Союза и Украины.

Часто, когда поляки ставили неприятный вопрос перед Сталиным, он сейчас же им в ответ:

— Это касается Украины, вот Вам Хрущев, пусть он и решает. Что я могу? Все от него зависит. С ним и договаривайтесь.

А сам смотрит на меня и ожидает, а я по интонации чувствую, да и знал Сталина к тому времени хорошо, что ожидает он, чтобы я им отказал. Вот он и следил, как я это сделаю. Я же всегда отказывал в вежливой форме, не хотел отталкивать польских руководителей от Советского Союза.

Несколько раз товарищ Берут при мне ставил вопрос перед Сталиным о Львове. Потом, когда понял, что Сталин будет указывать на Хрущева, начал прямо обращаться ко мне. А ставил Берут вопрос о Львове так:

— Товарищ Хрущев, — Берут был очень милый человек с мягким приятным характером, и голос у него был такой располагающий, приятный, мягкий, — уступите нам Львов. У Вас такая огромная страна Украина, а для нас Львов большой город, который много лет был в составе польского государства. Население там польское, наша интеллигенция очень тесно связана со Львовом. Львовяне драматически переживают, что Львов теперь отошел к Украине. Они вынуждены переехать, а часть уже переехала в Польшу.

Мне было очень трудно:

— Товарищ Берут, поймите, что этого нельзя сделать. Я знаю, что много лет Львов был в составе Австро-Венгерского государства, эти районы принадлежали до первой мировой войны Австро-Венгрии. Населен город действительно поляками, но Вы же знаете, что вокруг население чисто украинское. То же, что Львов заселен не украинцами, а поляками, было сделано поляками искусственно после первой мировой войны. Польша, получив эти территории, проводила специальную политику вытеснения украинского населения из города Львова. Нет, товарищ Берут, поймите, что этого сделать нельзя. Ваши претензии не имеют основания.

Кончалось все улыбкой и с той, и с другой стороны. Это был не диспут, а переброска фразами. Не знаю, насколько серьезно Берут надеялся, что можно договориться о возвращении Львова, думаю, он понимал, что по этому вопросу договориться невозможно. Так как он был человеком ровного мягкого характера, мне трудно было определить: он просто перебрасывается фразами или действительно надеется. Желание вернуть Львов было у польского населения, однако он не верил, что это желание можно как-то реализовать, но все-таки нет-нет да и опять он возвращается к этому вопросу. Потом снова продолжается общая беседа на разные темы. Так этот разговор о Львове и оставался неоконченным. При беседах на другие темы, а наши беседы с поляками всегда протекали на хорошем уровне, Сталин умел их приласкать. В отношении поляков занимал позицию ухаживания, старался приласкать этих людей. Мне это было приятно и я был доволен этим.

Гомулка всегда приезжал в составе делегации вместе с Берутом. На Сталина Гомулка производил странное впечатление, и Сталин часто после отъезда польских товарищей говорил:

— Не понимаю я этого Гомулку. Вы посмотрите на Гомулку: когда ведешь с ним беседу, он буквально смотрит мне в рот и в блокнот карандашом записывает каждое слово. Станный он человек.

Однако чувствовалось, что Гомулка нравится Сталину. Вообще Сталин к Гомулке и Беруту относился очень хорошо. Нравилось ему, что Гомулка с таким вниманием и любовью к нему относится. Сталинские слова были не упреком, не раздражением. Гомулка вызывал у Сталина, наоборот, особое внимание.

Запомнился мне один разговор с товарищем Берутом. Во Львове была художественная панорама. На ней польские художники запечатлели войну восставших поляков с русскими. Кажется, это было восстание под руководством Костюшко. Это художественное полотно было, по-моему, хорошо сделано, но я не знаток и не могу с художественной стороны оценивать это полотно. Знаю одно: на меня оно производило впечатление, и сильное впечатление, как на зрителя, а это главное в художественном произведении. Я помню, что там был такой эпизод: русского пленного генерала ведут польские солдаты и соответствующее настроение было на лицах и польских солдат и в их походе, в манере держать корпус и в выражении лица пленного генерала.

Картина эта имела антирусскую направленность и вызывала, конеч-

но, соответствующие чувства и эмоции у зрителя. Поэтому когда мы взяли Львов, то, естественно, закрыли доступ для зрителей к этой картине. Там было круглое такое здание, наподобие Севастопольской панорамы. Мы не хотели, чтобы эта картина вызывала антирусские настроения, хотя с пониманием относились к ее содержанию. Эта картина и не могла отражать других чувств, потому что в те времена Польша была под пятой русских царей, что, естественно, у поляков вызывало злобу, звало их на борьбу, и восстание Костюшко было прогрессивным.

Это восстание было против царского самодержавия за независимость польского государства. Но это дело уже прошло, а сейчас-то картина вызывала бы недружеские чувства к русскому народу во времена, когда русский народ самодержавие уже сверг и встал на социально-политический путь, создал советское государство, строит социализм. В этих условиях эта картина была бы националистической раной, которую националисты могли обыгрывать, настраивая поляков против русских. Все это, безусловно, нанесло бы вред отношениям между народами Советского Союза и Польши. Поэтому мы закрыли панораму.

Вдруг Берут поднимает этот вопрос:

— Как эта панорама, она у Вас цела?

Я говорю:

— Да, безусловно, цела. Она была снята со стен еще до войны и хранится где-то на складе. Мне докладывали после освобождения Львова, что она сохранилась. Правда, она в очень плохом состоянии, потому что, видимо, находилась в сырости и пострадала. Однако ее можно отреставрировать, можно восстановить.

— Мы Вас и хотели бы просить, чтобы Вы ее отдали.

Я говорю:

— Мы с удовольствием ее отдадим, нам она не нужна, вряд ли мы когда-нибудь откроем эту панораму. Ее экспозиция служила бы не на пользу нашим отношениям, не укрепляла бы дружбу между нашими народами. С этой стороны у меня никаких возражений нет, но не знаю, как Вы ее будете использовать. Если Вы выставите панораму в Польше, она будет возбуждать националистические антирусские чувства, а это не в наших и ваших интересах. Сейчас мы должны все делать, чтобы сгладить исторически сложившиеся враждебные отношения между нашими странами. Нам не надо напоминать, что Польша занимала Москву, а русские цари делили с австрийским и немецким императорами Польшу. Много было горечи между нашими народами. Правда, все это делали наши цари и дворяне, против которых восстал наш народ и сделал свой окончательный выбор. Но все-таки с националистическими чувствами надо считаться.

Сталин поддержал Берута:

— Ничего страшного. У нас есть опера «Иван Сусанин». В такой постановке и ее надо запретить, как антипольскую.

Я согласился:

— Да, верно, в общем-то и я не возражаю.

Так мы эту картину и передали польским товарищам. Я не знаю выста-

вили ли они эту картину в Польше или нет. Почему я вспомнил об этом эпизоде?

Недавно к нам заезжала Вера Гостинская, наш старый товарищ, и она спросила меня:

— Правду ли говорил Осубка-Моравский, что когда Берут поставил вопрос об этой панораме, то я возражал против ее передачи полякам?

Я посмотрел с удивлением, я уже давно забыл об этом случае. Пришлось мне признаться, что это правда:

— Правильно говорил Осубка-Моравский, я не разделял точки зрения Берута и возражал против передачи картины полякам, но в конце концов мы ее передали. Я сомневался, что польские товарищи могут выставить эту картину где-либо в Польше, а если она будет выставлена, то будет служить не тем целям, которых мы хотим достигнуть, то есть дружбе между нашими народами.

Я и сейчас считаю, что правильно оценивал обстановку. Помню, в 1968 году был поставлен спектакль польским театром по сочинениям Мицкевича, написанным во время войны польских повстанцев за освобождение своей родины против царского самодержавия. Эта поэма «Пан Тадеуш» вызывала гнев, направленный против русского царского самодержавия, а у зрителей этот гнев переносился из того времени в наше, и придавалась всему произведению направленность не против русского царя, а против Советского Союза.

И такие настроения имели свои последствия. Это происходило в те времена, когда назревал кризис и происходили сложные события в руководстве Польши. Польское руководство было вынуждено запретить этот спектакль. Так, через много лет мои сомнения, которые я высказал Беруту, подтвердились. Спектакль «Пан Тадеуш» у польской общественности вызывал не те чувства, охлаждал чувства братской дружбы между народами Польши и Советского Союза. У части населения спектакль вызывал гнев и возмущение, призывал к активным действиям. Во время спектакля происходили целые демонстрации в зрительном зале, поляки солидаризировались со словами Мицкевича, направленными против царизма, но они переносились на настоящую действительность и гнев направлялся против народов Советского Союза.

Я хотел бы еще несколько слов сказать лично о Ванде Львовне Василевской. Это очень интересная личность. То, что она пошла с трудовым народом, что она в своих произведениях описывала жизнь трудового народа и особенное внимание уделяла жизни крестьян в Западных Белоруссии и Украине, восточных областях Польши в те времена, характеризует ее с очень положительной стороны. Если взять биографию Ванды Львовны, то отец ее был ближайшим соратником и другом Пилсудского. Мне не с руки было спросить ее саму, но ходили слухи, что Ванда Львовна — крестная дочь Пилсудского. Настолько были близки Пилсудский и Василевский?

Василевский был министром в правительстве Пилсудского. Мать ее получила хорошее воспитание, кажется, она была воспитанницей института благородных девиц в Петербурге. Во всяком случае мать ее была тоже человек не трудовой. Одним словом, грубо говоря, пользуясь на-

шим политическим лексиконом того времени, Василевский был пилсудчик... Вот она — выходец из такой семьи, она избрала путь борьбы вместе с народом, с рабочим классом, с крестьянством. Она состояла в одной партии с Пилсудским — ППС. Партия социалистов, а от социализма и духа не было у Пилсудского и у его партии.

Ванда Василевская действительно была социалисткой, а потом стала коммунисткой, вступила в партию уже в Советском Союзе. И она была хорошим честным коммунистом. В партию ее привели идейность и ее миропонимание, а не какие-нибудь меркантильные, материальные интересы. Василевская была человеком острым, прямым, она другой раз говорила такие вещи Сталину, которые ему не нравились, но она говорила о них. Мне она нравилась за свою прямоту, за свою неподкупность. Даже ее угловатость, резкость в обращении подкупали своей искренностью. Она заслуживает уважения честных людей. Это была принципиальная женщина, принципиальный человек, она не терпела сделки со своей совестью. Вот такая была Ванда Львовна, замечательный человек. У нее осталась дочь. Мне очень хотелось бы когда-нибудь увидеть ее, узнать, как же она живет и в какой степени она похожа на свою мать. К сожалению, я не имею сейчас возможности узнать что-либо о ней, а тем более установить с ней какие-то контакты.

Наши взаимоотношения, я имею в виду государственные взаимоотношения с Польшей после разгрома гитлеровской Германии, развивались на хорошей дружеской основе. Но время шло и начали появляться трудности. Вдруг я узнал, что в Польше появились какие-то силы, которые проявляют недовольство Гомулкой. Я сейчас не могу вспомнить точную дату, но произошло это после того, как у нас испортились отношения с Югославией, не только испортились, а стали враждебными.

Сталин в то время не терпел никаких возражений, и не только возражений. Он никого не мог терпеть, кто проявлял свою индивидуальность в понимании того или другого вопроса. Он был нетерпим и еще раз подтверждал мнение нашего Ленина о себе, как о человеке, способном злоупотреблять властью. Тогда он решил разделаться с Тито. Он считал, что ему достаточно, как он при мне говорил и даже показал мизинец, шевельнуть мизинцем — и не станет Тито. Но он ошибся. Он шевельнул не только пальцем, а приложил довольно большие усилия, а все-таки не достиг своей цели. Народ Югославии поддерживал Тито и поддерживает его и сейчас. Я считаю, что Тито заслуживает того, чтобы народ его поддерживал. Он проявил себя как вождь югославского народа во время борьбы против оккупантов. Но я отвлекся от темы своего рассказа.

На каких конкретно вопросах возникли разногласия внутри польского руководства, я сейчас не могу точно сказать. Я могу только судить по отдельным обрывкам разговоров со Сталиным, которые отложились в моей памяти. Когда я приезжал в Москву и возникал разговор о Польше, Сталин высказывал свои соображения. Я не был свидетелем, когда Берут разговаривал со Сталиным о Гомулке и когда решалась судьба Гомулки, стоял вопрос об аресте Гомулки.

Для меня это было непонятно и я очень сожалел, продолжал с уваже-

нием относиться к Гомулке. Мнение о нем, которое сложилось у меня при первой встрече в Варшаве, не изменились. Я всегда рассматривал Гомулку как одного из достойных руководителей Коммунистической партии Польши, влиятельного и полезного человека. Но внутри Польши настроения против Гомулки продолжали расширяться.

Одно из обвинений против Гомулки было выдвинуто такое: он поддерживает югославов, он нигде не выступал с резкой критикой Тито. Более того, как раз перед разрывом с югославами, Гомулка ездил в Белград, в Югославию. Он возглавлял польскую делегацию.

Я, конечно, не помню точно, когда и зачем ездила эта делегация и как это увязывалось с советско-югославским конфликтом, но я отлично помню, что Гомулке приписывали обвинения в том, что он сочувствует Тито, сочувствует политике, которую проводит Тито. Я имею в виду проведение Югославией независимой политики в области экономических реформ. Организация экономики в Югославии строилась отлично от организационных форм, принятых в Советском Союзе. Несмотря на заявления югославских руководителей везде и всюду, что они стоят на позициях марксизма-ленинизма и что они прилагают все усилия к строительству социализма в своей стране, Сталин толковал по-другому. Были мобилизованы все научные марксистско-ленинские силы Советского Союза, открыты были журнальные и газетные страницы для того, чтобы доказать обратное.

Югославов называли ренегатами, обвиняли в том, что они отказались от марксизма-ленинизма, встали на путь капитализма, стали союзниками капиталистических стран и прежде всего Соединенных Штатов Америки. Все это оказалось ложью. После смерти Сталина мы установили контакты с Югославией и все проверили и привлекли настоящих ученых, которые занялись анализом экономического и политического строя Югославии. Они подтвердили, что экономика Югославии полностью соответствовала формам, принятым в социалистическом строительстве.

Главное обвинение Гомулке было, что он перекинулся на сторону Тито. Все об этом шептались, но нигде еще громко не говорили. Кроме того, считалось, что Гомулка выступает против коллективизации. Это в какой-то степени подтвердилось. И сейчас Польша выделяется из всех социалистических стран особой политикой по вопросам коллективизации. У них преобладают кооперативы, которые называются кружками, — это первичная форма кооперирования крестьян.

У нас их называли ТОЗы, то есть товарищества по обработке земли. В них крестьяне остаются собственниками своей земли и индивидуальных крестьянских средств производства. Так вернее, потому что у нас колхозник тоже является собственником своего имущества, что ему положено по уставу: он может иметь и корову, свиней, кур, гусей и другую птицу, но в количестве, ограниченном уставом.

А вот Гомулка стоял, да и сейчас, видимо, стоит, на отличных от нас позициях. В те времена это считалось преступлением, отступлением от марксизма-ленинизма. Одним словом, какое Сталин давал толкование кооперативному плану Ленина, только это считалось за истину. Все, что не укладывалось в это толкование, почиталось за ересь.

И третье обвинение: Гомулка проявлял антисемитизм. Я считаю, что это обвинение не порочило Гомулку в глазах Сталина, сам Сталин довольно сильно был подвержен антисемитизму. Не случайно честные евреи, которые работали вместе с Лениным, были уничтожены, правда, уничтожали их вместе с русскими, тут был полный интернационализм.

Однако публично Сталин как коммунист ревниво оберегал чистоту своих риз и внимательно следил, чтобы не дать повод по обвинению его в антисемизме. Любой человек, сказавший такое о Сталине, если бы он находился на достигаемом расстоянии, безусловно, был бы немедленно уничтожен. На деле Сталин был заядлым антисемитом. Я это знаю, делаю вывод из тех слов, которые я много раз слышал от Сталина. Он мне давал и прямые директивы о расправе с евреями в Московской организации после войны, когда я вернулся с Украины. Этот разговор был не один на один, а, как всегда, у Сталина за столом. Там всякие вопросы обсуждали. Тогда еще Берия с Маленковым злословили:

— Ну что, получил указание?

— Да, невероятные указания. Чтобы я, сын шахтера Донбасса, чей неграмотный отец из классового, видимо, побуждения не участвовал в еврейских погромах, которые проводились в 1905 г. в Юзовке, теперь должен был организовать антисемитскую кампанию! Это невероятно. Конечно, никаких избиений евреев в Московской организации мы не организовывали, как это предлагал Сталин.

А началось с того, что на одном московском авиационном заводе молодежь проявила недовольство, а зачинщиков приписали к евреям. Тут Сталин мне и говорит:

— Надо организовать отпор. Русских молодых людей вооружить палками и пусть они, у проходной, когда кончится работа, покажут этим евреям.

Эти фашистские формы борьбы применялись немцами и применяются и сейчас в капиталистических странах.

В чем же состояли поступки Гомулки, которые расценивались как антисемитские. Сам я этого от Гомулки не слышал. Уже позже, когда я довольно часто встречался с Гомулкой и у нас сложились самые дружеские отношения, мы обменивались мнениями по этому вопросу и я позже расскажу о его настроениях. Видимо, он проявлял желание изменить состав руководящего органа, Политбюро Объединенной рабочей партии. Так она стала называться после объединения компартии с ППС. В составе политбюро была довольно солидная группа еврейской национальности. Это, безусловно, вызывало какую-то реакцию со стороны польского населения. Я с пониманием отношусь к тревоге, которую проявлял Гомулка. Все это могло в конце концов вызвать недовольство и оно могло проявиться в каких-то резких выступлениях. Так впоследствии случилось и в Польше и особенно в Венгрии, где тоже в составе руководства был лишь незначительный процент лиц венгерской национальности.

Однако люди, против которых выступал Гомулка, были очень заслуженные, проверенные коммунисты и очень способные руководители. Взять хотя бы Бермана или Минца. Я считал их очень крупными

политическими деятелями, до мозга костей преданными марксистско-ленинской идее. Но они господствовали в политбюро и подавляли других, не физически, а своим превосходством организаторов, людей образованных, прошедших марксистско-ленинскую школу.

Я не знаю, может быть, слово «зависть» не совсем уместное, но во всяком случае, сложившееся положение вызывало отрицательную реакцию у других членов руководящего состава партии.

Кадрами в ЦК ПОРП занимался способный человек, — Замбровский. Но он проводил неразумную политику расстановки кадров, выдвигая на главные посты, главным образом, людей еврейской национальности. Конечно, мотивировка была обоснованной — они более развиты, более подготовлены. В какой-то степени это была правильная мотивировка, но такие действия получали политическую окраску в глазах польской части коммунистов, которые тоже хотели активно участвовать в работе и занимать ключевые позиции в руководстве своей страной. Здесь же они вроде оттирались, и вместо них выдвигались люди еврейской национальности. Все это сгущало атмосферу и порождало глухое недовольство, ропот. Эти настроения улавливал Гомулка и отражал в своих поступках.

Я говорил, что много не знал в то время и делаю умозаключения на основе фактов, которые мне стали известны позже, после смерти Сталина.

Одним словом, над головой Гомулки навис арест. Считалось тогда, что помогают устранения Гомулки, главным образом, Берман и Минц. Я уже говорил, что это преданные коммунисты, прошедшие школу коммунизма в Советском Союзе, и как к коммунистам к ним никаких претензий не было.

Я помню не один раз Сталин рассуждал вслух, что, мол, поляки хотят арестовать Гомулку, но не понимаю, говорил он, не понимаю, почему они его хотят арестовать, какие к этому имеются материалы. Это я слышал.

Разговоров, которые, видимо, с ним вел Берут, я не знаю. Сталин о них не рассказывал.

В конце концов я узнал, что Гомулка арестован. Сталин потом нам говорил, что позвонил Берут и выступил с таким предложением.

Сталин ответил:

— Смотрите, мол, сами. Решайте, как Вы находите нужным.

Они арестовали Гомулку. Гомулка был изолирован, находился в особых условиях, не в обычной тюрьме, а жил в каком-то замке. Тем не менее это все-таки была изоляция, это была тюрьма.

Затем широко распространились аресты сторонников Гомулки. Оказались арестованными Спыхальский, Лога Совинский (он профсоюзами занимался) и другие. Был арестован товарищ, который сейчас занимает фактически пост второго секретаря, очень хороший товарищ, хороший коммунист, его фамилия Клишко. Я называю крупные республиканские персоны. В нижестоящих органах сторонники Гомулки тоже были арестованы.

Таким образом, в польском руководстве начался разгром руководящих кадров польской национальности, так как арестованы в ос-

новном были поляки. Все это, конечно, создавало совершенно ненормальное положение в Польше и в Объединенной рабочей партии.

Обоснование арестов, проведенных тогда в Польше, мне было непонятно, я не могу сказать, что они были неизвестны. Сталин что-то говорил об этом со слов Берута. Больше всего говорили об аресте Гомулки, ведь он занимал ведущее положение секретаря Центрального Комитета Польской Объединенной рабочей партии.

Я уже говорил об обвинениях, которые выдвинули против него. Три обвинения. Насколько эти обвинения действительно были обоснованными, я судить в то время не мог, какие-то элементы, видимо, имели место, но не настолько, чтобы арестовывать человека. Он имел свою точку зрения на пути развития Польши.

Когда умер Сталин, я Берута несколько раз спрашивал: по каким обвинениям вы держите в тюрьме Гомулку? Берут был очень добродушным человеком с мягким характером, он смотрел на меня, улыбался и отвечал:

— Знаете, я и сам толком не могу объяснить, по каким обвинениям осудили Гомулку. Мы держим в тюрьме его так же, как Спыхальского и других.

Я лучше знал Гомулку и Спыхальского, других я тогда знал меньше. С Логой Савинским и Клишко я познакомился, когда они были освобождены и пришли к руководству. Разговоры разговорами, а дело затянулось.

Я говорил Беруту:

— Если вы считаете, что не знаете, по каким причинам они посажены, в чем их обвиняют, то освободите.

Видимо, были силы, которые давили на него и он освободить их не мог. Я считаю, что это были, главным образом, Берман, Минц и секретарь ЦК Замбровский, который занимался кадрами. У меня сложилось мнение, что он не совсем правильно понимал национальный вопрос и злоупотреблял доверием, которое ему было оказано.

В то время в Польше преобладали руководящие кадры еврейской национальности. Это давало повод обвинять его в сионизме и даже в участии в какой-то сионистской организации. Я думаю, что этого не было, но в национальном вопросе он занимал не совсем правильную позицию. Он сам не понимал того, что, выдвигая преимущественно еврейские кадры, злоупотребляя их количеством по сравнению с поляками, он порождает злостный и самый опасный антисемитизм. Никакой антисемит большего зла не может сделать, чем еврей, который занимается кадрами и выдвигает, главным образом, еврейские кадры в ущерб выдвижению кадров национальности того государства, в котором он живет: пусть это польское, венгерское, болгарское, румынское или другое какое государство.

Так это дело и тянулось. Берут не освободил заключенных, хотя сам не приводил убедительных доводов: за что эти люди посажены в тюрьму, совершили ли они какое-то преступление — партийное, идеологическое или организационное.

Потом Берут умер. Произошло это сразу после XX съезда КПСС. Бе-

руг заболел в Советском Союзе и умер в Москве. В Польшу был доставлен гроб с телом товарища Берута. Меня выделили поехать с делегацией Коммунистической партии Советского Союза в Польшу для участия в похоронах товарища Берута.

Я очень уважал товарища Берута и сейчас уважаю, несмотря на то, что он проявил такую... не хотелось бы употребить грубое слово. Но ничего не поделаешь. Берут неправильно допустил арест Гомулки. Не знаю, почему у меня такое к нему либеральное такое отношение, но я убежден, что это была не его инициатива. Он по своей мягкотелости поддался нажиму и принял такое неправильное решение.

В Польше хоронили Берута. Похороны были грандиозные. Я видел, как люди были опечалены, удручены. Многие люди были в слезах. Это проявление чувств было, я думаю, искренним, потому что Берут сам поляк и очень импонировал полякам. Он был разумным человеком: очень внимательным и доступным. Обладал товарищ Берут и другими качествами хорошего партийного работника.

После похорон встал вопрос, кого выдвинуть в руководство вместо товарища Беруга. Берут занимал тогда посты президента и первого секретаря Объединенной рабочей партии.

Меня попросили, чтобы я пока не уезжал в Москву, да и сам я хотел дожидаться, как будет решен вопрос о руководстве. Для нас, для Советского Союза, было безразлично, кто будет в польском руководстве.

Польша — наш сосед и самый сильный сосед из социалистических стран. С Польшей у нас до войны были очень плохие отношения и это маячило в нашей памяти. Мне же хотелось, чтобы Польша развивалась, как социалистическая страна, чтобы она не превратилась опять в недруга нашего. Это зависело от того, кто будет поставлен в руководстве.

На заседаниях, которые там происходили, я не присутствовал, не хотел давать повода для обвинения, что Хрущев оказывает давление. Все равно потом очень широко гуляло мнение, что я оказывал давление на наших польских товарищей. Повторяю, я не был на заседаниях, где решался вопрос о новом руководстве, ни на пленарных, ни тем более на заседаниях президиума ЦК. Меня информировали, что выдвигают на пост первого секретаря Охаба. Гомулка тогда еще сидел в тюрьме. У нас не было никаких возражений, мы к Охабу хорошо относились. Это был товарищ, проверенный в борьбе, он прошел польскую тюрьму и был настоящим коммунистом. Жена у него тоже активная коммунистка, еврейской национальности, я ее меньше знал, знаком был с ней, но как общественного политического деятеля не знал совсем.

Разгорелась большая борьба вокруг секретаря ЦК ПОРП по кадрам.* Сам он еврей, и польские товарищи ревностно к нему относились за то, что он сдерживал выдвижение польских кадров. Мы, я честно говорю, были тоже за то, чтобы его заменить. Разгорелась большая борьба, и из этой борьбы он вышел победителем. Во-первых, он старый партийный работник, прошел подполье и каких-либо обвинений политического ха-

* Речь идет о Замбровском, секретаре ЦК ПОРП по работе с кадрами.

рактера ему предъявить было невозможно. Я тоже считал его честным коммунистом. Во-первых, так как он заведовал кадрами, то у него были хорошие связи с секретарями областных комитетов партии, или, как их в Польше называют, воеводства, и они за него встали горой. Он был опять выбран на пост секретаря, и ему были поручены кадры, то есть он стал заниматься тот же пост, который занимал и при Беруте.

Однако для него не было секретом, что мы не поддерживали его кандидатуру, и его сторонники развили бешеную работу против нас, главным образом, против меня. В этом визите я представлял Коммунистическую партию Советского Союза в Варшаве, и я считал, что надо на этот пост выдвинуть такого же достойного коммуниста, но только польской национальности с тем, чтобы снять обвинения, которые бытовали среди польских коммунистов: что, мол, кругом расставлены евреи, а пробиться польским кадрам на руководящие посты в партии почти невозможно.

Вот такие события произошли сразу после смерти Берута. В памяти сейчас я удержал только фамилии преемника Берута товарища Охаба и президента Александра Завадского.

Мы считали товарища Охаба хорошей кандидатурой, его хвалили и поддерживали его товарищи. Ничего нас не беспокоило в кандидатуре Охаба. Охаб был нашим другом, другом Советского Союза, он понимал необходимость нашей дружбы, ее взаимовыгодность для польского народа, для советского народа и народов других социалистических стран.

Когда я возвратился в Москву после пленума и прихода к руководству товарища Охаба, процесс борьбы в польском руководстве не затухал. Видимо, товарищи были неудовлетворены и считали, что после смерти Берута ничего не изменилось в национальном составе руководства. Охаб пришел и существовавшее положение не изменил. Коммунисты польской и еврейской национальности вели скрытную борьбу, открыто они нигде не выступали, но каждый проводил, насколько мог, работу внутри партии. Это самое плохое, эта борьба не спланировалась, а наоборот, раздирала партию.

В 1956 г. в Польше так же, как в других социалистических странах, начал активно обсуждаться вопрос о культе личности Сталина и связанных с этим злоупотреблениях. Главный вопрос, который волновал партию, — на каком основании была распущена Коммунистическая партия Польши перед войной? Об этом говорилось на XX съезде КПСС. Берут получил копию доклада, который я зачитал на XX съезде партии. Эта секретная копия попала в руки людей, которые хотели нанести нам вред, а может быть, это были и прямые агенты капиталистических стран, сейчас трудно сказать. Одним словом, мой доклад был размножен и получил широкое распространение за пределами Польши, попал в руки буржуазных журналистов, наших классовых врагов и был широко использован буржуазной прессой. В Польше создались очень трудные условия. Происшедшие события — мой доклад на XX съезде, одновременная смерть Берута и последовавшая за ней борьба внутри Польской партии — возбудили польскую общественность, интеллигенцию и молодежь. События там нарастали. Эдвард Охаб оказался недостаточно авторитетным руководителем и у партийной и непартийной польской общественности уважением не пользовался. С его мнением, видимо, мало считались.

Когда я был на похоронах Берута, я опять поднял вопрос о Гомулке и Спыхальском. Я спросил всех членов руководства, как они относятся к нашему мнению, что следует Гомулку освободить, так как мы не видим оснований, на которых они содержат Гомулку и Спыхальского в тюрьме. Все они в один голос мне доказывали, что этого делать нельзя, и больше всего горячился Охаб.

Я ничего не мог поделать, если само польское руководство считает, что заключенных освободить нельзя, то ничего не поделаешь, требовать же мы не имели права.

Я не знаю, сколько времени прошло, но довольно продолжительное время. За этот период польские товарищи приезжали к нам на отдых в Крым, и там я опять затронул в разговоре с Охабом вопрос о Гомулке. Он продолжал стоять на тех же позициях, но никаких новых доводов за то, чтобы Гомулку содержать в тюрьме, не привел. Охаб доказывал, что освобождение Гомулки создаст трудности в руководстве, и не соглашался с нашими доводами.

К тому времени в Польской партии стало нарастать мнение о том, что Гомулка сидит в тюрьме без доказательств, преступления им совершенные, ему приписали. Разъяснения польского руководства по этому вопросу, которые они давали партии, уже не производили впечатления и никого не удовлетворяли. Нарастало мнение, что Гомулка должен быть освобожден. Но волнение это было подспудное, оно еще не выплескивалось на поверхность. На поверхность эти споры и не могли всплыть, потому что все газеты находились под руководством людей, которые стояли на позиции содержания Гомулки в тюрьме.

Неожиданно мы получили известие о том, что в Варшаве собрался пленум и идет бурное заседание. Гомулка к тому времени уже был освобожден, так же как и Спыхальский, и другие товарищи, которые были заключены в тюрьму по делу Гомулки. Гомулка участвовал в работе пленума и там шла борьба за власть.

Главное-то, что освободили Гомулку, нас радовало, мы сами стояли на этих позициях, но форма, которую приняло это освобождение, нас обеспокоила. Освобождение Гомулки произошло под давлением его сторонников. Они оказывали это давление на польское руководство под антисоветским флагом. Было распространено мнение, что Гомулку арестовали и содержали в тюрьме по нашему требованию. Совершенно никаких оснований к этому предположению не было.

Я уже говорил, что Сталин высказывал недоумение, когда польские товарищи ставили вопрос об аресте Гомулки. В конце концов он дал согласие на арест.

После освобождения из тюрьмы Гомулка где-то жил и, как нас информировали, болел, нигде не показывался. В это время товарищ Охаб с польской делегацией ездил в Китай и по дороге остановился в Москве, где я с ним беседовал. Предложил, чтобы товарищ Гомулка приехал в Советский Союз отдохнуть на юг, в Крым, где мы создали бы ему условия.

Охаб возразил, что не следует этого делать, и постарался сдержанно уклониться от этой темы. Я не настаивал.

Теперь мы узнали, что на пленуме ЦК обсуждается вопрос об осво-

бождении Охаба и выдвижении вместо Охаба Гомулки. Шел спор и по другим вопросам. Это нас беспокоило, особенно освобождение от должности Охаба. Мы не были против Гомулки, я об этом уже говорил.

Однако такое решение ЦК ПОРП мы рассматривали, как акт, направленный против нас. Гомулка приходит к руководству, а люди, которые нам доказывали необходимость его держать в тюрьме, сейчас создают впечатление, что они только теперь получили возможность освободить его и выдвинуть на руководящий пост. Я позвонил в Варшаву и разговаривал с Охабом. Я спросил, верна ли информация, полученная нами через посольство.

— Да, сейчас идет бурное заседание ЦК, и обсуждаются эти вопросы.

— В информации, которую мы получили через посольство, говорилось, что в Польше стал бурно проявляться антисоветизм, и приход Гомулки к власти происходит в опоре на антисоветские силы.

Я высказал Охабу (а мы уже по этому вопросу обменялись, как раз тут был полный состав членов Президиума ЦК КПСС), что нас очень беспокоит происходящее, несмотря на то, что мы выдвигали вопрос об освобождении Гомулки.

Я говорю:

— Мы хотели бы приехать и поговорить с Вами.

Охаб ответил:

— Мы хотим посоветоваться, дайте нам некоторое время.

Вскоре Охаб позвонил и говорит:

— Мы бы просили Вас не приезжать, пока не закончится у нас заседание Центрального Комитета.

Казалось бы, ответ правильный, если относиться к собеседнику с доверием. У нас же в это время доверия к Охабу не было. Конечно, если относиться друг к другу с доверием, то лучше всего нам было бы там не появляться с тем, чтобы не оказывать давление. Но сейчас мы за этим и хотели ехать, чтобы оказать соответствующее давление. Так как у нас возникло недоверие к Охабу, то его отказ в нашей просьбе нас еще больше возбудил, еще больше усилились подозрения, что там идет нарастание антисоветских настроений, которые могут вылиться в какие-то действия, и тогда поправить положение будет уже трудно.

Мы сказали Охабу, что все-таки хотим приехать, и открыто заявили, что Польша для нас имеет большое стратегическое значение. В то время с Германией не был заключен мирный договор и поэтому в Польше располагались наши войска на основании положений, вытекающих из Потсдамского договора. Они с нашими войсками в Германии охраняли коммуникации, проходящие через польскую территорию. Все это мы высказали Охабу и сказали, что приедем в Варшаву.

Обменялись мнениями и составили делегацию. В эту делегацию вошел я, Микоян, Булганин. Мы полетели в Польшу. Когда мы приземлились, на аэродроме нас встретили Охаб, Гомулка, Циранкевич и другие товарищи. Встреча была очень холодной.

Мы прилетели очень возбужденные, и я, едва поздоровался, сразу на аэродроме высказал недовольство происходящим.

— Почему все это проходит под антисоветским знаменем? Сейчас прорабатывают нас, советских людей. Чем это вызвано? Мы всегда стояли на позициях освобождения Гомулки, и лично я, и другие товарищи. Мы не сопротивлялись тому, чтобы Гомулка вернулся к руководству. Когда я беседовал с Охабом, то имел в виду, что придет Гомулка в Крым, мы с ним поговорим, он подлечится, а тем временем мы разясним нашу позицию в деле его освобождения.

Я думаю, что мои слова при встрече по дороге в Китай насторожили Охаба, он мог подумать, что мы хотим его свергнуть и посадить на его место Гомулку. Мы в душе не были противниками Охаба, но к тому времени он показал себя слабым руководителем, и Гомулка был лучшей заменой. Мы ценили Гомулку.

С аэродрома мы приехали в Центральный Комитет, где нас проинформировали о происходящих событиях. Беседа проходила очень бурно, я не помню уже всех вопросов, но прямо стоял вопрос: за Советы Вы или против Советов? Разговор был грубый, без дипломатии. Мы предъявляли свои претензии, требовали объяснений действий, которые, как мы считали, были направлены против Советского Союза.

Войском Польским тогда командовал маршал Рокоссовский. Маршал Рокоссовский считался советским человеком, да так оно и было. Он больше был советским, чем польским. Выдвигали его министром обороны Польши по просьбе товарища Берута. Сталин назвал Рокоссовского, это было при мне, предложил занять пост министра обороны. Тот категорически отказался:

— Я воин Советской Армии и в Польшу ехать я не хочу. Сталин стал его уговаривать и, наконец, договорились, что Рокоссовский будет Военным министром Польши и получит польское подданство, но сохранит и подданство Советского Союза и звание Маршала Советского Союза.

Поляки ему присвоили звание маршала Войска Польского. На этих условиях он согласился поехать и принял пост Военного министра. Когда мы приехали, то во время обеда получили информацию от Рокоссовского, что войска, подчиненные Министерству внутренних дел, приведены в боевую готовность и стянуты к Варшаве.

— За мной установлена слежка, и я шагу не могу сделать, чтобы это не было известно министру внутренних дел.

Эти обстоятельства еще больше возбудили наше недоверие и даже возникли подозрения, что действия поляков умышленно направлены против Советского Союза. Уже звучали открытые требования выслать Рокоссовского в Советский Союз, так как ему нельзя доверять, он не поляк и проводит антипольскую политику.

На заседании, которое проходило в нашем присутствии, все выступавшие товарищи заявляли о необходимости укрепления дружбы с Советским Союзом, но за стенами руками министра внутренних дел усилия направлялись против Советского Союза. Это конкретно выражалось и в приведении частей в боевую готовность, и в слежке за Рокоссовским, и в бешеной травле советских людей.

Вот на такой волне, собственно, и приходил Гомулка к руководству.

Антисоветская волна и у нас создала соответствующее настроение. Хотя мы считали, что это все-таки накипь, которая накопилась в результате неправильной политики, которую проводил Сталин. Тут и разгром Польской Коммунистической партии до войны, и другие наши шаги после войны, которые задевали национальное самолюбие польского народа. При Сталине были приняты некоторые решения в ущерб экономике польского государства. Все это сейчас всплыло и было обнародовано, многого я даже до этого и сам не знал, тех акций, которые были совершены Сталиным и наносили ущерб экономике Польши.

Мы отдавали себе отчет и руководствовались тем, что расцветающий антисемитизм — временное явление.

Сложнее была проблема пребывания наших войск в Польше. Правда, это право вытекает из Потсдамского соглашения и, следовательно, «освящено» авторитетом международного права. Необходимость присутствия наших войск в Польше определялась железнодорожными и шоссейными коммуникациями с нашими войсками в Германии. Мы решили защищать это право.

Ну что, решили защищать это право? Я поговорил с Рокоссовским.

— Скажите, Рокоссовский, как поведут себя войска?

Он говорит:

— Польские войска сейчас не все послушают моего приказа, но (он назвал какие-то части) есть части, которые выполняют мой приказ. А этот приказ он отдаст только лишь тогда, когда мы ему скажем, и он сделает то, что мы ему скажем, так он нам сказал.

Он сказал:

— Я, гражданин Советского Союза и я считаю, что надо принять меры против тех антисоветских сил, которые пробиваются к руководству. Жизненно важно сохранить коммуникации с Германией через польскую территорию.

Наши силы в Польше были невелики. С нами в Варшаву приехал Конев, он в то время командовал войсками Варшавского Пакта и был нам необходим. Через маршала Конева мы приказали, чтобы советские войска в Польше были приведены в боевую готовность. Через некоторое время мы приказали, чтобы танковая дивизия подтянулась к Варшаве. Конев отдал приказ и доложил, что войска снялись, а танковая дивизия движется в направлении Варшавы.

Возвращаясь к своему рассказу. Идет бурное, нервное заседание. Мы спорим с поляками. Вдруг вижу, ко мне направляется товарищ Гомулка и очень нервно заявляет:

— Товарищ Хрущев, на Варшаву движется ваша танковая дивизия. Я вас очень прошу дать приказ остановить движение и не вводить ее в город. Вообще лучше, чтобы она не подходила к Варшаве, потому что, я боюсь, будет совершенно непоправимое.

Очень нервно Гомулка и просил, и требовал. Гомулка экспансивный человек, у него пена на губах появилась. Выражения он употреблял очень резкие. Мы решили отнекиваться, что мы дали такой приказ. Я не стал ему говорить, что одновременно с приказом Коневу двинуть совет-

ские войска, соответствующие указания получил и Рокоссовский, который принимал какие-то шаги среди польских войск, на которые мог положиться.

Прошло какое-то время. Гомулка опять поставил этот вопрос. Он, видимо, перепроверил свою информацию, а ему докладывал министр внутренних дел, который следил за движением наших войск.

И в то время были среди поляков люди, которые в столь сложной обстановке не теряли здравого рассудка, имели холодную голову. Они стояли на дружеских позициях. Тогда президентом Польши был очень хороший наш друг, много лет просидевший в польской тюрьме Александр Завадский. У него жена была тоже старая коммунистка и тоже прошла тюрьму. Очень хорошая была женщина и наш друг так же, как и ее муж. Она резко выступала против тех, кто встал на антисоветские позиции.

Завадский нас информировал, что идет антисоветская агитация среди рабочих Варшавы, а некоторые заводы вооружаются; министр внутренних дел, значит, раздает оружие. Одним словом, Варшава вооружается против наших войск, которые движутся к Варшаве. Ситуация сложилась очень тяжелая.

Мы, собственно говоря, оказались пленниками, потому что Варшава находилась под руководством сил, занявших антисоветские позиции.

Опять взял слово Гомулка и этим он меня очень подкупил, он так же горячо говорил и сказал такие слова:

— Товарищ Хрущев, я вас прошу, остановите движение войск, произойдет непоправимое. Вы думаете, что только вы нуждаетесь в дружбе с польским народом. Я, как поляк и коммунист, считаю, что Польша больше нуждается в дружбе с русскими, чем русские нуждаются в дружбе с поляками. Разве мы не понимаем, что без вас мы не можем существовать как независимое государство. Все будет в порядке, не допустите, чтобы ваши войска вошли в Варшаву, потому что тогда будет трудно контролировать события.

Был объявлен перерыв. Мы собрались своей делегацией и обсудили вопрос вместе с Рокоссовским. Я проникся доверием к Гомулке. Я ему и раньше доверял. Несмотря на его вспыльчивость и резкость, в его словах была искренность. Я повторяю, я ему поверил.

Я говорю:

— Товарищи, я Гомулке верю, как коммунисту. Ему трудно, сразу он этого не сделает, но постепенно, если мы выразим доверие и отведем наши войска и дадим время Гомулке, он сможет справиться с теми силами, которые сейчас стоят на неверных позициях. Конечно, есть и классовые враги среди этих людей, которые хотят рассорить наши народы. Они, заметив щель, как говорится, в эту щель начали забивать клинья. Но я считаю, Гомулка искренне говорит, и я верю Гомулке как коммунисту.

Все согласились с этим, и мы дали Коневу приказ остановить продвижение советских войск к Варшаве. Потом мы объясняли, что эти войска и не двигались к Варшаве, а проводили свой военный маневр и,

выполнив его, остановились в том пункте, который был им назначен согласно плану маневров. Конечно, никто не поверил нашим объяснениям, но все были довольны, что войска остановились. Тут и Гомулка успокоился. Ему сразу доложили, что наши войска сейчас никуда не движутся. Обстановка разрядилась, раз мы поверили Гомулке и в результате этого отказались от ввода войск в Варшаву. Поляки поняли, что мы можем договориться. А ввод наших войск в Варшаву действительно мог быть непоправимым, это породило бы такие трудности, что трудно себе представить, куда мы могли пойти. Я считаю, что положение спас Гомулка, когда так убедительно высказал свои соображения и убедил нас. Остальное было второстепенным. Выдвижение на пост первого секретаря Гомулки у нас не вызывало возражений. Наше дальнейшее пребывание в Польше не вызывалось необходимостью. Мы распрощались и улетели домой. Конечно, у нас абсолютной уверенности не было, но я верил словам Гомулки. И сейчас я не раскаиваюсь, это доверие Гомулке оправдалось потом.

В этой истории прихода к власти Гомулки очень активную роль играл Замбровский, секретарь ЦК ПОРП по кадрам. И не только он сам, но особенно активно вел себя его сын, или литератор, или он работал тогда в Академии наук. Я его лично не встречал, но мне говорили, что он выпустил даже специальную брошюру, в которой поносил Советский Союз, Коммунистическую партию Советского Союза и моей персоне там досталось.

Я к чему это вспомнил. Он всегда считался человеком Берута, который посадил Гомулку в тюрьму, Гомулка был жертвой Берута. А тут он стал активным сторонником Гомулки в борьбе за власть. Тут видна полная беспринципность. В свое время, я считаю, он не малое влияние имел на Берута и к судьбе Гомулки приложил руку. Он, член президиума, занимался кадрами и, возможно, был одним из источников информации, на основе которой принимали решение об аресте Гомулки.

Шло время. Антисоветчина в Польше продолжалась. Мы понимали, что одним взмахом руки все это остановить нельзя, тут надо время, чтобы создалось у людей доверие к нам, чтобы люди, которые заблуждались, поняли свои заблуждения и убедились на деле, что мы являемся друзьями польского народа, и наша дружба обеспечивает мир и безопасность Польши, что Польша, опираясь на нашу дружбу, может сохранить то, что она получила в результате разгрома немцев.

Польша получила очень богатые районы, которые исторически когда-то принадлежали польскому государству. Но то история довольно давних времен, а только в результате разгрома немцев нашими войсками, они получили западные земли. Если бы немцы остались один на один с поляками, то не было бы речи об удержании поляками этих территорий.

Гомулка говорил:

— Наша интеллигенция больше всего боится немцев. Немцы представляют угрозу для Польши, как только будет что-то нарушено в наших дружеских отношениях с Советским Союзом.

Поэтому у поляков, политически мыслящих людей, сложилось слож-

ное психологическое состояние. С одной стороны, они недовольны нашими действиями, с другой стороны, понимали, что надо выправлять советско-польские отношения, чтобы эти отношения стали дружескими. Только опираясь на эти дружеские отношения, поляки могут удержать границы, полученные в результате разгрома немецкой армии.

В процессе этого конфликта возник вопрос для меня совершенно неожиданный. Оказалось, что в свое время был заключен договор о поставке Польшей угля в Советский Союз, что цены на уголь в договоре были занижены и образовалась огромная сумма, которую недополучила Польша. Мы стали разбираться: действительно все подтвердилось. С польской стороны договор был подписан Циранкевичем, как Председателем Совета Министров, а с нашей стороны — Микояном.

Мы собрались, пригласили поляков, чтобы окончательно во всем разобраться и выправить положение.

Я спрашиваю Микояна:

— Как же так?

— Сталин дал такое указание.

— А польская сторона?

— А что польская сторона? — отвечает польский представитель. — Мы подписали на тех условиях, которые назвала русская сторона.

— Так что же вы нас обвиняете? Я, например, хоть и член Президиума ЦК, первый раз слышу об этом договоре.

Однако факт остался фактом. Мы и согласились доплатить разницу, и договорились поправить договор так, чтобы торговлю вести на основе сложившихся мировых цен. Такую практику после Сталина мы установили в торговле со всеми социалистическими странами, чтобы не было дискриминации по всем видам торговли. Эта доплата вылилась в огромную сумму: поляки нам давали много угля.

Как такое было допущено Сталиным? Потом после беседы с Микояном я понял: Сталин рассуждал так, и тут была логика — наша страна, промышленность разрушены войной, мы огромные силы потратили при освобождении Польши, у нас были огромные жертвы и материальные затраты. Поляки же получили Силезский район — самый богатый угольный район в Восточной Европе. Вот Сталин и считал, что это в какой-то степени плата за те усилия, которые были приложены советским государством при освобождении Польши.

Но эти рассуждения носят эмоциональный характер и юридической силы не имеют.

Когда же накопилась антисоветчина, о которой я только что говорил, этот факт был преподнесен, как грабеж, как эксплуатация Польши Советским Союзом; проводилась параллель с действиями колонизаторов в колониях. Одним словом, запах был довольно зловонный. Мы не стали упорствовать и приводить те доводы, о которых говорил Микоян, а признали претензии польской стороны правильными и выразили готовность компенсировать материальные потери, и они были компенсированы.

Мы сняли все, что могло вызвать мысль о неправомерных отношениях, что давало хоть малейший повод думать, что мы относимся к

Польше, как к зависимому государству, пользуемся своей силой и навязываем свои условия.

Мы проявляли щепетильность не только в отношении Польши, но и в отношении всех социалистических государств. Я уже говорил, что после смерти Сталина мы ликвидировали все смешанные общества в странах народной демократии с тем, чтобы нас не могли обвинить в эксплуатации богатств этих стран, хотя экономически эти общества себя оправдывали. Теперь мы имели со всеми странами только расчеты коммерческого характера на договорных началах.

Стали нормализоваться наши отношения с Польшей, антисоветчина стала утихать. Нужно отдать должное товарищу Гомулке, он положил конец этой антисоветчине. У него положение было очень выгодное: человек он пострадавший, сидел несколько лет в тюрьме, как приписывала молва, сидел по требованию Сталина. Гомулка начал доказывать необходимость укрепления польско-советской дружбы, объяснять насколько это выгодно полякам, и антисоветчина стала затухать. В конце концов она затухла, но именно затухла, а не была ликвидирована, как показал 1968 год.

В 1968 году антисоветские настроения опять проявились при постановке спектакля по поэме Мицкевича «Пан Тадеуш». Он был поставлен в Варшаве, а инсценировка была написана современным сценаристом. В спектакле была подчеркнута антирусская направленность, понятная во времена Мицкевича. Он писал о повстанцах-поляках, которые вели борьбу против оккупационных войск царского самодержавия. Тогда русская прогрессивная интеллигенция тоже стояла на стороне восставших поляков. В наше же время антирусские слова, звучавшие в театре, как относящиеся к современности, и возбуждали антисоветские настроения, которые имели немалое распространение. Эти антисоветские настроения расшатывали государственные устои Польши. Потом эти веяния перекинулись и в Чехословакию.

Видимо, еще не все сделано для ликвидации причин, возбуждающих вот такие всплески антисоветских настроений. Но к этому надо с пониманием относиться. Я не осуждаю их сурово, потому что есть люди, которые хотят раздуть антирусские, а сейчас антисоветские настроения, значит, люди, которые стоят на противоположных позициях, не на социалистических. Они преследуют цель любыми средствами организовать борьбу против строительства социализма в Польше. И тут русский козырь, если его подать в националистической окраске действует. Как говорится, в борьбе все средства хороши.

Сейчас я считаю, что уже во время, когда я работал от дружбы с Польшей, мы каких-либо односторонних материальных выгод не имели. Наша дружба укрепляла взаимные усилия в международной политике, в вопросах борьбы за мир и противостоянию силам капитализма. Наша дружба приносит огромные выгоды всем народам, которые строят социализм и объединяют свои усилия против капитализма, против милитаризма, против войны.

Если вернуться к экономическим отношениям со странами социа-

лизма хотя в идее отношения построены на равноправии и никто не должен страдать, но если скрупулезно разобраться в затратах, которые несет та или другая страна, то, безусловно, Советский Союз больше всех стран социализма, входящих в Варшавский блок, делает вклад в оборону. Надо только посчитать, сколько стоит нам содержание наших ракет, а сколько стоят нам атомные заводы, сколько нам стоит содержание огромной армии? А эта армия является сдерживающим фактором, на который опираются все социалистические страны в борьбе за мир. Затраты на содержание этой армии, они далеко не пропорциональны, если с точки зрения идеальной справедливости разложить на душу населения, которое имеется во всех социалистических странах. Не знаю, во сколько раз больше мы, советские люди, платим за содержание наших Вооруженных Сил.

Советский Союз содержит армию в Венгрии, содержит какие-то части в Польше. Я, например, считаю, что, с точки зрения обороны Советского Союза и всех стран социализма, сейчас в этом отпала необходимость. Я уже высказывал, что я когда-то говорил товарищу Гомулке, что надо бы наши войска вывести из Польши, потому что Польша стала мощным, крепким государством, которое имеет свою хорошо вооруженную армию. Зачем нам давать повод колоть глаза, что мы держим Советскую Армию на территории Польши и тем самым якобы вынуждаем польский народ идти в фарватере советской политики. Надо вывести нашу армию, чтобы польское руководство и поляки чувствовали, что они идут социалистическим путем по своему убеждению, а не по принуждению со стороны Советского Союза. Сейчас умные люди этим измышлениям не верят, но всегда найдутся люди, которые еще склонны верить пропаганде, которая ведется в странах социализма со стороны империалистических держав.

К моему изумлению товарищ Гомулка очень резко возразил против этого предложения и стал доказывать необходимость и полезность пребывания наших войск на территории Польши. Я был удивлен, потому что в памяти я держал, как поляки поносили нас в 1956 году. Тогда всех «собак» вешали на Советский Союз и прежде всего на его армию. Тогда требовали, чтобы Рокоссовский был отозван. Рокоссовский отбыл и его проводили с почестями, орден вручили, но Гомулка сказал:

— Поймите, при современном положении у нас нет доверия к товарищу Рокоссовскому. Лучше, чтобы он вернулся в Советский Союз.

Мы высоко ценили заслуги товарища Рокоссовского в войне. По национальности он поляк, по убеждениям — коммунист, честный человек и хороший воин. Он обладал всеми качествами современного человека и современного военного деятеля. Поляки его выслали, я бы сказал, из националистических соображений. Хотя он поляк по рождению, но он не польский поляк, а поляк советский. Считали, что он проводил в Польше политику с позиций интересов Советского Союза, но это вольное толкование. Вообще-то он был хорошим поляком, но был и хорошим гражданином Советского Союза.

После разговора с Гомулкой о выводе советских войск из Польши я

стал разбираться в нашем военном ведомстве и стал ломать голову, почему же товарищ Гомулка возражает против вывода наших войск. С точки зрения выработанной совместной стратегии социалистических стран в то время пребывание наших войск на территории Польши не вызывалось военной необходимостью, содержание их нам очень дорого обходилось. Военные доложили, что содержание каждой дивизии, расположенной в Польше или в Венгрии, стоит в два раза дороже, чем затраты на содержание той же дивизии, расположенной на собственной территории. С этим надо было считаться.

Мы тогда искали все возможности для экономии расходов на вооружение. Я выяснил тогда, что мы очень много платим в бюджет тех государств, на земле которых находятся наши войска. Потому и товарищ Гомулка возражал против вывода наших войск, а когда я ему сказал, что нам это очень дорого стоит, он ответил:

— Это же политика. А политические выгоды не измеряются количеством материальных затрат.

— Это верно, но это мы тратим свои деньги. Если взять какую-то аналогию на стороне наших противников: войска других стран находятся на территории Западной Германии. Германия полностью платит за содержание этих войск или какую-то довольно весомую часть. Это освещалось в печати и на этот счет довольно большой нажим был со стороны Соединенных Штатов Америки. В результате чего Западная Германия приняла на себя часть или полностью издержки на содержание войск союзников по НАТО, расположенных на ее территории. Если подходить бухгалтерски, то мы, советские люди, несем большее бремя расходов на содержание армии, защищающей завоевания всех социалистических стран.

Я сейчас пенсионер и никакого влияния на ход событий не оказываю, но с точки зрения гражданина и бывшего государственного политического деятеля, считаю, что по-равному надо разложить бремя на содержание Вооруженных Сил, которое несут страны социализма. Я бы считал справедливым, чтобы при равных условиях у стран были и равные нагрузки. Ведь жизненный уровень у западных стран был неровный, а если посмотреть на страны социалистического лагеря? Советский Союз — самая богатая страна по сырьевым ресурсам, самая большая страна по количеству населения, богатая страна по валовой мощи промышленности. Мы сравниваем с прошлым. Все статистики от 1913 года танцуют и цифры радуют душу, мы, конечно, богаты, очень богаты. Но если разложить на душу населения, то эти наши богатства будут не больше, а меньше, чем в других странах, входящих в систему социалистического блока. По потреблению на душу населения жиров, мяса и сливочного масла мы занимаем, наверное, третье или четвертое место. Когда я работал, мне говорили, что мы не выдерживали никакого сравнения с ГДР, немцы потребляют мяса в полтора раза больше. Чехословакия живет чуть хуже, чем ГДР, но значительно лучше, чем Советский Союз. В Венгрии потребление на сколько-то больше, в Польше тоже больше. Меньше советского человека, который вынес главную тяжесть борьбы за новый социалистический строй, никто не получил награду в виде потребительских това-

ров. Румыния и Болгария, эти страны в мое время меньше, чем в СССР потребляли жиров, мяса и сливочного масла. За последние годы, пока я не нахожусь в руководстве, я не знаю, какая существует статистика, кто какое место занимает по потреблению этих видов продуктов.

Я все это к тому говорю, что польские товарищи не имели никаких оснований обвинять Советский Союз, наших людей, что мы проводим политику дискриминационную и пользуемся благами, созданными за счет труда польского народа в ущерб полякам и в пользу себе. Нет. Наоборот.

Мне часто с товарищем Гомулкой приходилось разговаривать по таким вопросам, почти каждый год польские товарищи предлагали запланировать поставку определенного количества зерна для Польши. У нас же зерна не так уж было много. И не только польские товарищи, к нам обращались с такими же просьбами и Болгария, и Венгрия даже обращались. Единственный раз в бытность моего руководства обращались румыны. Как правило, румыны сами экспортировали зерно.

Я знал, для чего полякам нужно зерно, и сказал я товарищу Гомулке:

— Послушайте, давайте разберемся. Почему вы хотите, чтобы мы вам поставляли зерно. У вас у самих хорошая землеобеспеченность на душу населения, лучше, чем в других социалистических странах. Вы имеете возможность полностью себя обеспечивать зерном. По сведениям, которыми я располагаю, свое зерно вы пускаете на потребление населением, а для откорма свиней зерно хотите получить у нас.

Польша готовит хорошие свиные продукты. Польская ветчина и другие деликатесы пользуются большой славой на рынке Соединенных Штатов Америки. Я это мастерство сам оценивал, и мне они нравятся, польские продукты, они вкусные.

— Но это вопрос валюты. Вы получаете у нас хлеб, который нам самим очень нужен. Однажды, когда был у нас неурожай 1963 года, мы даже были вынуждены покупать хлеб за границей, мы платили за это золотом. Вы же настаиваете, чтобы мы вам поставляли зерно, которое идет на откорм свиней, которых вы экспортируете в Америку и получаете за это доллары, золото. Если мы из земли золото добываем, то вы добываете доллары с помощью нашего зерна.

Гомулка выслушал меня, посмотрел на меня и улыбнулся, как заговорщик:

— Да, это вы правильно говорите. У нас ведь нет добычи золота, а у вас есть. Вы добываете золото из руды, а мы вынуждены добывать себе иностранную валюту коммерчески, чтобы приобрести за границей товары, которые мы не можем получить на рынке социалистических стран.

— Я понимаю, что это вам выгодно, и каждая страна нуждается в этом. Но вы это делаете за наш счет и в ущерб нам, нашей экономике. Ведь зерно у нас не лишнее, и мы отдаем его вам из дружеских, братских побуждений, а не для вашей наживы. Если коммерчески подходить, то мы бы не продали сейчас зерно никому, потому что мы сами нуждаемся. Кроме того, мы тоже можем научиться свое зерно превращать в бекон и продавать его и в Америке или в других странах, потребителях сельско-

хозяйственных продуктов. Но у нас к тому пока нет возможностей, а вы за наш счет, на нашем зерне проводите свои коммерческие операции.

— Верно, — говорит, — но что нам делать?

Это я диктую как иллюстрацию к тому, что мы материальных благ от дружбы с Польшей не имели и ничего не делали, что нарушало бы гармонию хозяйственной деятельности в Польше. Нет, мы этого не делали, наша дружба была искренней, она была основана на марксистско-ленинской идее, на лозунге: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Мы этому следовали, даже другой раз в ущерб нашей экономике. Я думаю, что все здравомыслящие марксисты-ленинцы и в будущем будут всегда оберегать наши братские отношения, отношения нашего советского народа с польским народом и со всеми социалистическими странами, стоящими на позициях марксистско-ленинского учения.

Я всегда старался с пониманием относиться к проявлениям национализма, которые периодически вспыхивали в Польше и приобретали подчас окраску антисоветскую. На все это надо все-таки смотреть исторически: царская Россия не раз участвовала в разделах Польши. Все это продолжалось довольно долго и, конечно, наложило отпечаток на душу польского человека.

В порядке защиты поляков я как русский человек должен сказать, что я долго работал с поляками на машиностроительном заводе, работал с поляками в шахтах — везде мы были одинаковы, пользовались одними и юридическими, и материальными правами. Для капиталиста мы были рабочей силой, он не спрашивал: русский ли я, поляк или немец. Тут уже стоял вопрос классовой борьбы, а не национальной. Под гнетом царского сапога находилась часть польского народа, но мы, русские люди, были в равных условиях, мы были тоже угнетены своими царями, своими помещиками, своими капиталистами. Поэтому мы не отвечаем за правительство, существовавшее в царские времена, и за его политику, мы свергли это правительство и перевернули вверх дном все феодально-помещичьи и капиталистические устои. В этой борьбе мы объединили свои усилия с польским и другими народами. После Октябрьской революции поляки заняли почетное место. Во времена Ленина каким уважением пользовался Феликс Дзержинский. Все это говорит, что народ Советского Союза по-братски относится к брату нашему и союзнику — польскому народу.

По-разному сейчас оценивают исторические условия в период, когда Советский Союз заключил договор с Гитлером. Но это был договор не по желанию нашему, а по принуждению.

В войне мы понесли огромные потери, потеряли двадцать миллионов человек и мы были главной силой, которая освободила Польшу.

Если все-таки вернуться к договору с гитлеровской Германией, подписанному Молотовым и Риббентропом, то здесь большая вина ложится на само польское правительство, которое вело безответственную политику, боялось Советского Союза больше немцев, а больше всего боялось своего народа. Поляки не захотели с нами заключить антигитлеровский договор, и сложилась такая ситуация, при которой был подписан этот договор с Германией. В результате Польша потеряла свою

государственность, но Советский Союз даже по этому договору не претендовал на польские территории. К Советскому Союзу отошли не польские территории, а районы, захваченные Пилсудским после Октябрьской революции. Эта территория всегда была заселена белорусским и украинским населением и раньше всегда входила в состав русского государства. По этому договору Советский Союз не приобретал новых территорий.

После разгрома гитлеровской Германии часть территории, которая отошла к Советскому Союзу в 1939 году, была возвращена Польше. После войны граница опять была изменена и была изменена в пользу Польши. Я уже говорил раньше и повторяю: некоторые украинцы проявляли, так сказать, неодобрение этой уступки. Когда Сталин соглашался на эту уступку он не спрашивал украинский народ и украинское правительство.

Ну так сложилось, и сейчас это не тема для обсуждения, «плюс» на «минус», как говорится, среди друзей. Изменения в границе не ослабляют нашу государственность — ни общесоюзную, ни республиканскую. И Белоруссия, и Украина давно уже кончили говорить об этих границах. Границы, которые существуют между братскими народами, должны быть законом.

Возьмем, например, границу Российской Федерации и Белоруссии, или Украины. Проезжая по дорогам, не все знают, даже если нет столба с надписью, где граница России с Украиной. Но при братских отношениях граница не имеет никакого значения, ни политического, ни экономического, потому что все пользуются общими благами.

Правда, с Польшей у нас другие отношения, потому что в Советском Союзе общие ресурсы создаются трудом наших народов и распределение благ происходит на общих основаниях. С поляками у нас другой счет — это два независимых государства. Но все-таки мы братские народы, которые плечом к плечу идут по пути, указанному Марксом — Энгельсом — Лениным. Все перемелется. Вглядываясь в будущее, я считаю, что товарищ Гомулка правильно понимал и правильно ставил вопрос: давайте строить наши отношения на братской основе и давайте нашу экономику кооперированно строить. Он не боялся экономической интеграции с нами. Другие очень боялись.

Например, Румыния. Она очень ревностно относилась к своей экономической независимости и боялась любой кооперации, даже той, которая была коммерчески выгодна. Капиталисты разных стран тоже часто прибегают к кооперации и строят на такой основе взаимовыгодные сделки.

Между социалистическими странами тоже существуют условия, позволяющие экономически выгодно кооперировать свои капиталы на коммерческой основе. Я считаю, что это полезно и выгодно, и к этому вопросу в мое время очень правильно подходил товарищ Гомулка — он смело шел на кооперацию.

Чехословакия, когда в руководстве был Новотный, тоже приветствовала соглашения, в которых распределялись между участниками вложения капиталов и прибыли соответственно вкладу каждой страны.

Болгары на такой же позиции стояли. С венграми у меня на этот счет никогда не возникало абсолютно никаких разногласий, все эти вопросы решались нашими экономистами и финансистами.

Я считаю это правильно. Надо по-братски с открытой душой подходить к кооперированию наших материальных, технических и научных средств, но так, чтобы в равной степени было бы выгодно для всех стран, участвующих в кооперации.

Я вспомнил в связи с этим довольно смешной, как мне кажется, эпизод. Когда было в Польше обострение общественного мнения против Советского Союза, нас критиковали, и не только критиковали, а требовали, чтобы мы удалили свои войска, критиковали за неравноправный договор по поставкам угля, то тут возникла еще одна тема. Советский Союз дал кредиты, оказал техническую помощь, изготовил оборудование, и под нашим техническим руководством был построен крупнейший металлургический завод в Новой Гуте около Кракова. Так нас критиковали и за это: русские нам навязали строительство завода, а нам не нужно это. Гомулка выступал и доказывал, что металлургический завод построен в польских интересах (и это действительно так). Однако, когда обостряются отношения, возникают обвинения в таких вещах, которые в нормальных условиях и в голову прийти не могут.

Мы в ущерб экономике Советского Союза, на наши кредиты, при нашей технической помощи построили крупнейший завод. Он и сейчас является самым крупным в Польской республике.

Я потом говорил польским товарищам:

— Вы нас критикуете за то, что мы вам помогли построить завод. В целях эксплуатации капиталисты не дают технической помощи, они лучше бы у себя построили завод такой мощности, а Польше или другим государствам продавали бы чугун и сталь. Это же выгоднее.

В те времена Польша не потребляла всю производимую сталь внутри страны и продавала ее за границей, выручала валюту. Мы по-братски поступились своими интересами в пользу Польши, и все равно нас критиковали. Когда отношения наши нормализовались и люди пришли в здравое сознание, то они признавались, что это была глупость, но эту глупость использовали враги Советского Союза и хотели нас посорить с народом Польши.

О Польше. Вариант второй

Хочу продиктовать свои воспоминания о Польше. Если говорить о Польше, то прежде всего надо сказать о поляках. В детстве мне приходилось встречаться с ними на рудниках, где я работал с отцом. Встречались интернациональные шахты, там люди всех наций были равны, все были в одинаковой степени угнетаемы и, следовательно, создавалось какое-то братское отношение. Позднее, когда я стал работать на машиностроительном заводе, там тоже работали поляки и тоже никакой национальной неприязни не было. Каждый работал на своем месте или

за верстаком, или за тисками, или у токарного станка. Был общий интерес и общие нужды, которые сплачивали людей. Когда я работал на рудниках, то с некоторыми польскими представителями я познакомился ближе. Отношения между людьми на руднике были нормальными.

После революции я встречался с поляками, но уже на другой основе и в совершенно других условиях. Когда я был секретарем Московского горкома партии, то работал вместе с Реденсом. Он — бывший рабочий Каменского, сейчас Днепродзержинского, металлургического предприятия, владельцем которого был поляк. Администрация была исключительно польской, рабочих-поляков тоже было много. Там Реденс работал электромонтером. Потом Реденс женился. Они со Сталиным были женаты на сестрах Аллилуевых. Работал Реденс уполномоченным НКВД по Московской области. Он трагически окончил свою деятельность, был расстрелян.

После революции я мало имел встреч с поляками, так как многие уехали в Польшу после получения ею независимости. Я помню одного рабочего с 31-й шахты, который купил себе лошадку (железная дорога не работала), погрузил свою семью и вещи и уехал в Польшу. Во время моей работы в Киеве в 1928 — 1929 году (я заведовал орготделом Окружного Комитета Киевского обкома партии) польского населения в городе было много. А еще больше было в области, особенно в Житомирской области и других западных областях Украины. Я имею в виду западные области до 1939 года. Это Винница, Житомир, Каменец-Подольский и частично Киевская область. Она тоже относилась к западным областям, здесь жило довольно солидное количество поляков. Среди украинского населения они были в абсолютном меньшинстве, но здесь они сконцентрировались. Видимо, это остатки еще былых времен, когда поляки владели Киевом. Они были магнатами земель западных областей Украины. История повествует о том, как Богдан Хмельницкий воевал против польских магнатов, против польской шляхты. Шляхта-то была изгнана, но некоторые поляки сохранили свою собственность до революции. Среди поляков, живущих на Украине, были довольно видные деятели коммунистической партии. Я знал поляка Скарбека. Он был редактором газеты, потом заведовал, по-моему, польским отделом ЦК Коммунистической партии Украины, то есть занимался пропагандой среди польского населения. Это был очень хороший товарищ, все к нему относились с уважением, и я его тоже уважал. Я был знаком с Криницким, который заведовал агитпропом ЦК ВКП(б). Потом, по-моему, он был секретарем обкома Саратова. Он тоже окончил жизнь трагически, был арестован и уничтожен. В те времена многие люди стали «врагами народа» и были уничтожены в результате произвола, установленного Сталиным.

Я помню свою работу с поляками в 1929 году. Пилсудский готовил Всеполюский съезд в Варшаве. Было Обращение ко всем полякам мира о том, чтобы все прислали своих представителей. Советский Союз тоже готовился послать представителей от польского населения, проживающего в нашей стране. Так как больше всего поляков проживало на Украине, в Киеве был создан специальный комитет. Я входил в тот комитет.

Криницкий был председателем. Он приезжал к нам из Москвы в Киев. Я входил в комитет как заведующий орготделом Киевского обкома партии. Товарищ Баран был представителем от агитпропа окружкома. Товарищ Скарбек был тогда, по-моему, редактором газеты. Вот такой состав был. Мы перебирали очень много фамилий и отбирали самых достойных, которые могли бы представить польское население Украины в Варшаве. Естественно, мы подбирали людей, которые могли бы выступать на Всепольском съезде с позиций наших, марксистско-ленинских. Было потрачено много сил, но Пилсудский не разрешил въезд нашим делегатам. Работая в комитете, я получил возможность познакомиться с польскими товарищами. Контакты у нас были довольно тесные и повседневные. Я впервые соприкасался и с удовольствием выслушивал и Криницкого, и Скарбека. Они лучше знали об условиях жизни в Польше и о режиме, который существовал в то время. От них я узнал об условиях жизни в Польше во времена Пилсудского.

До 1937 года, до начала истребления лучших людей партии, которые прошли суровую школу классовой борьбы под руководством Ленина, вопрос: поляк ли он, русский ли, немец или же украинец — не стоял. Главным было его социальное происхождение, а самое главное — его принадлежность к партии: являлся ли он коммунистом, встал ли под знаменем Коммунистической партии, под ленинские знамена. Это определяло, кто он таков.

На Украине после Кагановича секретарем Центрального Комитета Коммунистической партии Украины был избран товарищ Косиор Станислав Викентьевич. Я убежден — большинство членов партии не знали, что Косиор — поляк. Это я говорю к тому, что такого вопроса не стояло. Он не скрывал свою национальность, просто не было какого-то национализма, который бы вынуждал относиться с придиркой к людям. К Косиору было полное доверие. С его братьями я встречался много раз, когда работал в Донбассе. Когда я заведовал орготделом сначала Юзовского, а потом Сталинского окружного комитета, сравнительно часто приходилось встречаться с Иосифом Косиором. Он руководил Объединением «Югосталь» и не было национального вопроса, а был коммунист Косиор и этого было достаточно, чтобы к нему относились с большим уважением. Он окончил жизнь так же, как и многие в сталинские времена.

С польскими товарищами я короткое время встречался и в армии. В начале 1920 года, когда было предпринято наступление против белых войск, которые удерживали Северный Кавказ, наша 9-я стрелковая дивизия выступила в направлении Анапы. В конце марта или начале апреля мы заняли Анапу. Я был комиссаром 2-го батальона 74-го полка 9-й стрелковой дивизии 1-й бригады, а комиссаром бригады был поляк Лукашевич, очень уважаемый товарищ. Когда Пилсудский организовал наступление против Советского Союза, то поляков собрали со всех фронтов и направили в Красную Армию, которая действовала против Польши. Лукашевич также уехал, и я больше с ним не встречался. Это я говорю к тому, что не было проблемы, не было среди красноармейцев каких-либо вопросов, кто же ими руководил. Прежде всего он был коммунист и ко-

миссар бригады, и этим определялось отношение к нему как коммунистов, так и беспартийных.

После убийства Кирова, когда развернулось направленное уничтожение ведущих кадров, заработала «мясорубка», которая требовала все больше и больше жертв. Сталин давал полную нагрузку этой «мясорубке». Когда встал вопрос о руководстве на Украине, Сталин меня вызвал и сказал:

— Мы обменялись мнением и предлагаем вам поехать на Украину на пост первого секретаря Центрального Комитета Коммунистической партии Украины.

Я был удивлен, потому что в то время там был Косиор. Я сказал:

— Там же товарищ Косиор.

— Да что Косиор? Косиора мы оттуда отзываем.

И выразил явное недовольство Косиором. Я уже знал со слов Кагановича, что Косиором были недовольны. Каганович по поручению Сталина ездил и «помогал» Косиору и Постышеву «навести» порядок. А наведение порядка заключалось в арестах людей. Тогда же был распространен слух, что Косиор не справляется со своим делом.

Я доказывал, что я — не украинец, и мне будет трудно возглавлять Коммунистическую партию Украины и поэтому просил бы не посылать туда.

Сталин воскликнул:

— Ну что вы! А почему?

Я ответил:

— Украинцы требовательные люди, и мне будет трудно.

— Почему поляк мог возглавлять? Что, русский хуже поляка?

— Русский не хуже поляка, но Косиор есть Косиор, и он завоевал доверие.

— Ну что вы прикидываетесь? Поедете! Мы вам оказываем доверие, мы вас поддержим. Вас на Украине знают. Вы в Киеве работали, украинцы вас поддержат. Вы должны отбросить ваши сомнения.

Это было очень большое доверие. Я это понимал. В ответ я только сказал:

— Не знаю, справлюсь ли? Оправдаю ли доверие Центрального Комитета? Но буду стараться. Если будет оказана помощь, буду со своей стороны делать все, чтобы оправдать доверие.

И я выехал. Это было, наверное, в январе 1938 года. У меня были хорошие отношения с Косиором. До того как он стал первым секретарем ЦК Украины, он работал в подполье. Семья Косиора — выходцы из Донбасса. Там работал его отец, Станислав Викентьевич и все братья. Он в такой же степени был донбасским человеком, как и я, только польской национальности. Не знаю, кто из нас больше прожил в этом Донбассе? Он был старше меня, может быть, он и родился в Донбассе. Я-то родился в России и уже мальчишкой был завезен родителями в Донбасс, и там рос.

Когда в начале 1929 года Косиор принял дела от Кагановича, я стал

просить Центральный Комитет послать меня учиться в Промышленную академию. Мне тогда стукнуло 35 лет. Это предельный возраст, который давал возможность пойти учиться в Промышленную академию. Такой был установлен порядок, хотя много людей училось и старше сорока лет. Я считаю, что это было правильно.

Окружной комитет мне отказал, тогда я был вынужден поехать в Харьков к товарищу Косиору и попросить его рекомендовать меня в Промышленную академию. Тогда некоторые даже поговаривали, что Хрущев не хочет работать в Киеве, потому что в Центральный Комитет пришел Косиор. Это, мол, нежелание работать с Косиором, потому что Хрущев привык к Кагановичу. Я действительно очень хорошо относился к Кагановичу, и Каганович ко мне. У нас было старое знакомство. Я был знаком с Кагановичем с 1917 года, буквально с первых дней революции. В Юзовке мы встретились на митинге, где он выступал, а я был слушателем. Потом дважды я встречался с ним в 1917 году на конференциях Советов рабочих депутатов в Бахмуте. Потом наши пути разошлись. Когда Каганович вернулся на Украину секретарем Центрального Комитета Коммунистической партии и приехал к нам в Юзовку (я в это время работал секретарем райкома), мы в президиуме встретились. Тогда я сказал ему, что у него большое сходство с Кашеровичем.

Я спросил его, не был ли он Кашеровичем. У нас сразу восстановилось наше знакомство. Он убедился, что я Кашеровича знаю. Я напомнил, где мы встречались.

Он тогда говорит:

— У меня есть несколько фотографий и я думаю, что вы, наверное, тоже сфотографированы.

Я ответил, что в Бахмуте на конференции Совета рабочих депутатов в 1917 году я фотографировался со всеми участниками той конференции. Вот такой был разговор.

Я заверил товарища Косиора, что с удовольствием продолжал бы работу, но надо получить образование, и такая возможность представляется только в этом году, иначе надежды потеряны. Если меня отпустят, я смогу получить высшее образование. Косиор согласился со мной и сказал:

— Хорошо. Мы вас поддержим.

И я пошел учиться. Когда я приехал в Киев работать вместо Косиора, видимо, Сталин ему позвонил по телефону. Косиор стал меня знакомить с состоянием дел, с кадрами. Знакомство было довольно оригинальным, потому что ни в одной области ни первого секретаря, ни председателя исполкома не было. Эти люди были арестованы, многие, видимо, были уже казнены, но этого не знал ни я, ни Косиор. Раз арестован, значит, «враг народа», а остальное, какие последствия для этого человека, не касалось никого.

Я принял дела. Собрали Центральный Комитет, который принял решение освободить товарища Косиора в связи с переходом на союзную работу. Он был утвержден заместителем Молотова, то есть заместителем Председателя Совета Народных Комиссаров Союза ССР и, кажется, Председателем Комитета Госконтроля. Косиору давали очень высокий и очень ответственный пост. Избрали меня, так сказать, без слов. Как говорится, провожали

без слез и встречали без радостей. Формальное такое голосование, потому что активности в то время уже не было. Все сидели и выглядывали, как «мыши» из норы, не появится ли «коршун», не схватит ли и тем самым положит конец существованию? Самочувствие людей было подавленное. Люди были поражены, что столько «врагов народа» оказалось в организациях. Люди, которые не были арестованы, переживали: как это они допустили, как это они не чувствовали врагов, с которыми работали много лет?

Я тоже был в таком положении и тоже знаю это чувство, оно меня не оставляло, как и других.

Я начал о Польше, а говорил об Украине, и может быть, несколько «переборщил», уделив столько внимания условиям и обстановке тех времен, а также последней, как бы прощальной встрече с Косиором. Мы расстались. Потом Сталин мне сделал упрек (видимо, чекисты доложили), почему Косиор увез большой груз из Киева. Что он увез в ящиках? Я ответил:

— Откуда же я знаю? Это его вещи, личные вещи, он их увез.

— Ну как же? Вы должны были посмотреть.

— Как же я мог посмотреть? Это не входит в мои функции.

Он гневно это спрашивал. Он вообще был груб, когда ставил вопросы. Но после еще каких-то вопросов он прекратил разговор со мной на этот счет. Я чувствовал, что передвижение Косиора — это не выдвижение, а его устранение и политическое недоверие. Тогда были посеяны в умах людей семена, что Косиор не заслуживает политического доверия. Через несколько месяцев и по довольно простому сигналу (я думаю, что это было летом 1938 года) я узнал, что он арестован. Киевская радиостанция носила имя Косиора, поэтому дикторы говорили:

— Говорит станция имени Станислава Косиора.

А потом стали говорить:

— Говорит киевская станция, радиостанция Киева.

Значит, Косиора нет. Это был сигнал о том, что Косиор арестован. Таким образом, я, член Политбюро, не знал, что арестован член Центрального Комитета Косиор. Вот такие были порядки. Полный произвол. Один человек что хотел, то и делал.

Еще когда я работал в Москве, мы получали информацию о том, кого из руководства Коминтерна арестовали. Тогда арестовали огромное количество работников Коминтерна: и представителей братских коммунистических партий, и представителей Коммунистической партии Советского Союза в Коминтерне. Польских представителей, по-моему, всех арестовали и расстреляли. Тогда давалась информация, что Пилсудский подбросил нам поляков как своих агентов. Я узнал, что Скарбек был арестован в Киеве и лично признал, что являлся агентом Пилсудского. По биографии я знал, что Скарбек перешел нелегально фронт, как левый пэпэсовец, а потом стал членом Коммунистической партии Советского Союза. Точно я не знаю, кажется, уже коммунистом он перешел линию фронта. А тогда изображали, что Скарбек был ближайшим другом Пилсудского, по его поручению пере-

шел границу и втерся в доверие в Советском Союзе. Таким образом, он информировал Пилсудского, то есть выполнял функции его агента.

Я не знаю, видимо, и Криницкий погиб, когда началась охота за поляками. Когда не стало поляков, взялись за тех, кто представлял какой-то интерес и занимал видное положение. Однажды я приехал на заседание Политбюро. Мы сидели и подпирали плечами стенку с Ежовым. Сталин вошел в зал и сразу же направился к нам. Подошел, ткнул меня пальцем в плечо и спросил:

— Ваша фамилия?

— Товарищ Сталин, я всегда Хрущевым был.

— Нет, вы не Хрущев, — он всегда резко так говорил, — вы не Хрущев. И назвал какую-то польскую фамилию.

— Что Вы, товарищ Сталин, мать моя еще жива... Завод стоит, где я провел детство и работал... Моя Родина Калиновка в Курской области... Проверить можно, кто я такой...

— Это говорит Ежов.

Ежов стал отрицать. Сталин сейчас же в свидетели позвал Маленкова. Он сослался, что Маленков ему рассказал о подозрениях Ежова, что Хрущев не Хрущев, а поляк. Тот тоже отрицать. Вот такой оборот приняло дело, начали искать поляков. Когда уже поляков не стало, из русских делали поляков. Я уже рассказывал о ЧП с товарищем Задонченко. Он еврей, но скрывал это и поэтому взял себе украинскую фамилию. Потом выяснилось, что он Заёнич. Я об этом доложил Сталину. Сталин меня спросил, верю ли я Задонченко. Я сказал:

— Товарищ Сталин, я его знаю и доверяю ему, как самому себе. Это очень верный и преданный коммунист.

— Хорошо, — говорит, — тогда оберегайте его, защищайте.

Приезжаю я в ЦК, Маленков мне говорит, что Задонченко не еврей, он поляк.

— Откуда это у вас?..

— Чекисты говорят, что он поляк.

Я говорю:

— Слушайте, это же провокация. Я же знаю, он — еврей. Я знаю синагогу, где его раввин принимал, когда он родился. Мы знали, кто его мать и отец. Мать его табачница, отец был ремесленником. Остался он сиротой, родители рано умерли. Он воспитывался в Красной Армии, его какая-то часть подобрала мальчишкой.

Это говорило о том, что шла погоня за поляками. Шло истребление поляков. Доверие к полякам кончилось. Каждый поляк — «враг наш», он заслан Пилсудским, и поэтому появился клич, как когда-то «Бей жидов, спасай Россию!», а тут — «Бей поляков, спасай Советский Союз!» Глупое дело, но это было, к сожалению. Это было порождено условиями, которые создал сам Сталин. Сам в них запутался и запутал партию. Дорого это стоило нашему народу и нашей партии.

Потом я с поляками встречался в 1939 году после подписания договора Молотова и Риббентропа, то есть договора между Советским Союзом

и Германией. Было проведено разграничение, на которое выходят наши войска. Мы занимали все западные области, то есть области, населенные украинским населением Западной Украины: Львов, Дрогобыч, Станислав, теперь он Ивано-Франковск. Белорусский фронт должен выйти на соответствующие границы с тем, чтобы занять территории по Бугу. Я хорошо знаю только то, что получила Украина.

Я с поляками тогда имел много контактов, особенно у меня хорошие отношения сложились с Вандой Львовной Василевской. Она была дочерью Василевского, ближайшего друга Пилсудского. Василевский был министром в правительстве Пилсудского. Были слухи, о чем я не осмелился спросить Василевскую, что она являлась крестной дочерью Пилсудского. Это возможно, потому что они были друзьями. Но ее политическая направленность была иной. Она была пэпэсовской, но занимала левое крыло и проводила такую политику, которая привела ее к аресту. Она сидела в тюрьме в Польше. Вся ее литературная деятельность была направлена на борьбу против пилсудчины, но не против Пилсудского, против режима, который был создан, и в защиту белорусской и украинской бедноты. Она стояла на классовых позициях. Ее книги как раз написаны в те времена, когда она жила в Польше. Они пользовались уважением у наших читателей, и я их тоже читал с удовольствием.

Ванда Львовна прибыла во Львов сразу после разгрома польской армии, когда рухнуло польское государство, и немцы оккупировали Польшу. Много поляков пришло тогда во Львов и другие области, отошедшие к Советской Украине. Вся польская интеллигенция осталась во Львове. Это было трагическое время, и было очень трудно устанавливать контакты с поляками, с интеллигенцией особенно. Им надо была войти в положение, понять, чем мы руководствовались, подписывая договор. Внешне мы стали союзниками, так как заключили союз с Гитлером и провели раздел Польши. У поляков во Львове это был их главный аргумент. Тяжелое время было. Оно и для нас было тяжелым. Правда, мы радовались тому, что области с украинским населением отошли к нам, что украинский народ воссоединился в едином государстве. Браты, как говорится, украинцы западных областей вошли в состав единого государства. Это была радость. Так же, видимо, и белорусы переживали. А с другой стороны, это была трагедия для поляков, которые потеряли эти области. Главная их трагедия — они потеряли государство, они потеряли столицу, которая была разрушена, одним словом, они потеряли все, что имели.

И вот Ванда Львовна, покойница теперь, я и сейчас ее вспоминаю самым добрым словом, правильно поняла нашу необходимость в результате сложившейся ситуации. Тогда складывалась неизбежность войны с Гитлером, и западные страны делали все для того, чтобы столкнуть Гитлера с Советским Союзом. Я считаю, что это был вынужденный союз, даже не союз, а вынужденный договор. Союз бывает между дружественными государствами. Подписывая этот договор, каждая сторона имела свои взгляды на него и преследовала свои цели. Этот договор приближал каждую страну к достижению своей цели. Гитлер хотел удержать нас

от участия в войне, пока он справится с Западом, а потом повернуть против нас, как это он и сделал. Сталин, видимо, имел в виду, что Запад навлекая Гитлера против нас, а подписывая договор, Гитлер направит свои силы против Запада. Гитлер увязнет в этой войне с западными державами, ослабнет, а мы сохраним свои силы и будем иметь возможность выбора, когда нам вступить в войну. Грубо говоря, каждый преследовал свои цели, договариваясь о подписании договора, но то, о чем думают государственные деятели, они не говорят. Говорят и пишут то, что требует ситуация сегодняшнего дня. Каждая страна, подписывая один и тот же документ, имела разные цели.

Мы столкнулись с живыми людьми: писателями, интеллигенцией, преподавателями, профессорами, инженерами и простыми людьми. Нам надо было объяснять, общий язык нам с поляками тогда было трудно найти. А Ванда Львовна нас понимала и искренне пошла с нами. Все, что она смогла сделать, она сделала, потому что была авторитетным и влиятельным человеком. Поляки ей верили, правда, не все. Но большинство ей верили, и тем самым она оказывала нам большую помощь в работе среди польского населения западных областей после того, как наши войска вышли на Буг.

Очень сложная ситуация была во Львове и других местах после того, как была распущена польская коммунистическая партия. Она была распущена после того, как было объявлено, что «врагами народа» оказались работники Коминтерна. Поэтому над ними была учинена расправа Сталиным. Там была еще коммунистическая партия Захидной Украины, то есть Западной Украины, которой руководил Центральный Комитет Украины. Когда я пришел секретарем ЦК, связи уже, по-моему, не было. В 1928 и 1929 годах у нас были связи с коммунистической партией западных областей. От Центрального Комитета Коммунистической партии Украины был выделен для руководства и связи товарищ Демченко, секретарь Киевского окружного партийного комитета. Я как его заместитель знал всю работу, которая проводилась. Ну, работа, это громко сказано, ее проводили местные люди, но связи все-таки были. Были ходоки, которые переходили границу, и наши агенты переходили, доставляя туда директивы.

Среди членов этой партии было много украинцев и евреев. В 1939 году нам дали из Москвы указание никого не признавать и на общих основаниях, и в индивидуальном порядке, принимать в ВКП(б) самых достойных. Эта директива фактически означала — никого не принимать.

Хотя Коммунистическая партия Польши и была распущена Коминтерном, но низовые партийные организации работали. Может быть, они не были извещены, а может быть, просто игнорировали этот роспуск. Гомулка много позже мне рассказывал, что он работал в то время в Дрогобыче и считал себя членом партии. Я не знаю, в каком составе там была партийная организация и была ли вообще. Наверное, отдельные лица считали себя коммунистами, и такие, как Гомулка, были. Мне Завадский, который стал председателем Государственного Совета в

Польше, рассказывал, что он сидел в Дрогобычской тюрьме, как коммунист. Среди коммунистов, членов бывшей польской компартии, было много и рабочих, и интеллигенции. Они хотели вступить в партию, но об этом не было и речи.

А вот бывших членов партии Западной Украины, по-украински, Коммунистическая партия Захидной Украины, нам разрешили принимать в индивидуальном порядке. Мы все-таки кое-кого принимали и не могли их не принимать, потому что мы видели, что это честные люди, которые представили нам доказательства своей работы в подполье. Таким образом, мы стали принимать их и создавать партийную организацию. Они нам были нужны. Они лучше знали местные условия. Политику компартии можно было проводить через выходцев из их рабочей среды. Вот с такими трудностями мы встретились, опять же в результате неправильной политики, которую проводил Сталин. Эта неправильная политика вытекала из правильной характеристики Сталина, которую дал ему Ленин в своем известном завещании.

Гитлер напал на Советский Союз 22 июня 1941 года в воскресенье, в три часа утра. Я ничего не могу сказать о поляках, потому что тогда было не до поляков. Как говорится в поговорке: не до жиру, быть бы живу. Сталин потерял веру в возможность выстоять против Гитлера. Как мне говорил Берия, в первые дни войны Сталин сказал:

— Все погибло. Ленин создал нам государство, мы его просрали, — и уехал на дачу.

Какой мог быть разговор, о какой-то политике в отношении Польши? Тогда на какое-то время все приостановили до начала 43-го года, когда легкие стали принимать какое-то количество воздуха, обогащенного кислородом надежды на победу. Во-первых, немцев остановили в 1941 году под Москвой. В конце 1942 года остановили его продвижение на Кавказ и уже в ноябре окружили крупнейшую группировку под Сталинградом. Судьбою мне было отведено место члена Военного совета Сталинградского фронта, поэтому я это отлично знаю. С командующим и командным составом я принимал непосредственное участие в работе по организации войск.

Я помню, как под Сталинградом товарищ Ульбрихт со своей группой из двух или трех человек вел пропаганду против немцев с переднего края через рупоры. Когда я встречался с Вальтером Ульбрихтом, он говорил:

— Сегодня на обед не заработал, никто не пришел, не сдаются немцы, дерутся еще.

И вдруг один перешел границу, сдался нам в плен. Я тогда шутил:

— Ну вот, Вальтер, один сдался из окруженной группировки и то поляк по национальности оказался.

Я допрашивал этого поляка. Тогда проводились мероприятия по созданию польских частей.

Я ему сказал:

— У нас формируются польские части. Пойдете воевать против немцев в эти польские части?

— Нет, — говорит.

— Как же? Польшу надо освобождать, а вы не хотите участвовать?

— Нет, — говорит, — не хочу.

— А кто же Польшу будет освобождать?

Он ответил:

— Русские будут освобождать.

Я не говорю о его взглядах. Они были ясны для каждого. Это был очень несознательный человек, и поэтому я сейчас о нем не хочу говорить. Я только напоминаю: тогда уже шло формирование новой польской армии. Меня прямо эти вопросы не касались. Слишком еще мы были загружены собственными делами. Мы окружили войска Паулюса, а на нас наседали Манштейн, который шел на выручку. Все силы были направлены на то, чтобы не прорвался Манштейн и не соединился с Паулюсом. Мы взяли его в окружение, хотели принудить сдаться или разгромить.

Польскими вопросами я тогда не занимался и не имел никакого отношения к этому делу. В 1944 году Первый Украинский фронт продвинулся до границ Западного Буга и до Карпатских гор. Мы, собственно, подошли к новой границе, которая сложилась в результате Договора Риббентропа — Молотова. Сталин мне порекомендовал меньше заниматься военными делами, а больше вопросами восстановления сельского хозяйства, промышленности и организацией административно-партийного аппарата на Украине. Все было разрушено. И тут я приобщился, вернее, меня приобщили, потому что этими вопросами занималась Москва, к формированию польских войск и польского руководства. Пошли звонки от Сталина и других, по его поручению, или вызывали в Москву. Некоторые польские коммунисты переходили границу, приходили в Киев, и я их встречал. Я им оказывал содействие, не раз их собирал и проводил с ними совещания. Потом сформировалось Войско Польское. Командующим был назначен польский генерал Берлинг, которого вернули из Сибири, из лагеря. Я с ним несколько раз встречался сначала у Сталина, а потом в Киеве. По-моему, штаб его в 1944 году стоял в Сумах. Он входил в состав Первого Белорусского фронта, которым командовал Рокоссовский. Это тоже не случайно. Рокоссовский — поляк по национальности. Рокоссовский — очень уважаем и поляками, и русскими, замечательный коммунист и прекрасный военачальник. Польский корпус первым должен был перейти границу вместе с нашими войсками. Было сформировано польское руководство. Временный комитет возглавляла Ванда Василевская.

Я много говорил Сталину о Василевской. Потом Сталин познакомился с ней. Она произвела на него тоже очень хорошее впечатление. Ей было оказано полное доверие с нашей стороны. Временный комитет был создан по инициативе польской общественности, но фактически он утверждался Сталиным. Он и содержался на нашей территории, и вооружался нашими средствами и нашим обмундированием. Без нашего содействия они ничего сделать не могли, но нам было выгодно иметь в этом руководстве людей верных и идейных наших союзников. Ванда Львовна от-

вечала всем этим качествам. В 1944 году наша армия заняла часть польской территории, в том числе город Люблин. Люблин — это большой город, когда-то он был столицей Польши. Правительство, которое к этому времени было сформировано, возглавлял товарищ Берут. Я не знаю, на каком участке переходил линию фронта Берут. Появился в нашем расположении и генерал, звание ему было присвоено еще во времена Пилсудского, Роля Жимерский. Мне рассказывали, что во времена Пилсудского он сидел в тюрьме. Ему Пилсудский почему-то не доверял. Я не знаю, в чем его обвиняли, я не уточнял, но мне говорили, что якобы его обвиняли в том, что он является агентом Советского Союза. Этот человек был нашим другом. Умный человек, с опытом. Я считаю, что доверие ему оказывали заслуженно. Я твердо сейчас не помню, кто продолжал возглавлять комитет (Берут или Василевская) — верховную власть Польши, которой было подчинено все, в том числе и армия, которой командовал генерал Берлинг.

Стали формировать правительственные органы Польши. Для расположения правительственных органов они избрали Люблин. Это правильно, так как территория — польская, бывшая столица Польши. Из Люблина они начали создавать нужные правительственные органы с тем, чтобы управлять территориями, которые были освобождены Советской Армией.

В правительственный орган от крестьян Польши входил Витас — известная фамилия. Я думаю, что она имеет глубокие исторические корни.

Его брат был известен в Польше, в международных кругах как лидер польского крестьянства. Конечно, он представлял польское кулацкое крестьянство, зажиточных, богатых людей. Он был членом сейма. В правительственные органы Польши после освобождения нашей армией Люблина входил не тот Витас, который являлся политиком, а его брат — человек тоже зажиточный, но до этого политикой не занимавшийся. Он имел свою мельницу, свое хозяйство и жил, как говорится, в свое удовольствие. Словом, он был богатым человеком. Естественно, он был против социализма и против коллективизации. В свое время, безусловно, он был против советской власти, но в то время он понимал, что это делается с поддержкой Советского Союза, и поэтому он вел себя соответственно в отношении нашей системы и нашего государства.

Представителем Советского Союза в польском правительстве был Булганин Николай Александрович. Сталин его освободил от обязанностей члена Военного совета Западного фронта и назначил особым уполномоченным. Как-то Булганин прилетал по делам польской армии в Киев. Произошло какое-то недоразумение. Он прилетел, позвонил мне. В это время в Киеве был Маленков. Сталин тогда очень обхаживал Берлинга и командование польской армии. Берлинг сообщил Сталину, что украинцы плохо относятся к польской армии. В это время польскую армию передвинули к границе Польши.

Сначала приехал Маленков, а через день прибыл Булганин. Я сказал: — Надо поехать встретить Булганина; он в Киеве никогда не был и не знает, куда ехать.

— Не следует, не стоит, — ответил Маленков, — приедет сам. Пошли кого-нибудь и его привезут.

Я попал в неловкое положение. Мне просто хотелось выразить уважение Булганину. У меня были дружеские отношения с ним. С другой стороны, мне не хотелось ставить в неловкое положение Маленкова: он отказался ехать. Тогда я послал человека, и Булганина привезли ко мне на квартиру. Почему же Маленков, который тоже дружил с Булганиным, в то время, когда я был секретарем Московского областного партийного комитета и городского партийного комитета Москвы, проявил такое недружелюбие? Потом мне стало ясно, в чем дело.

В 1943 году было предпринято несколько наступлений Западного фронта против немцев и эти наступления не имели успеха. Сталин возмущался этим. Как мне Маленков рассказывал, была назначена комиссия для проверки причин провала наступления Западного фронта против немцев в то время, когда Южные фронты и Воронежский, которым командовал в то время Ватутин, а я был членом Военного совета, мы еще в 1943 году заняли Киев и Житомир и продвинулись далеко на запад. Западный фронт стоял на месте, не мог продвинуться и терпел поражение при попытках организовать наступление. Западный фронт, как мне говорил Маленков, имел большие возможности. Он получал необходимое количество боеприпасов и оружия, потому что это — московское направление. Поэтому, как говорится, там ни перед чем не стояли, не жале-ли, а все давали Западному фронту в первую очередь. Это мы знали и чувствовали, и даже ревновали.

Тогда Сталин назначил комиссию. Комиссию эту возглавлял Маленков. Конечно, в эту комиссию были включены военные, потому что Маленков абсолютно ничего не понимал в военных вопросах. Комиссия была послана на фронт. Она провела следствие. Обвинили штаб Западного фронта в неумении командовать войсками и использовать материальные средства, которые давала Ставка для наступления. Командовал тогда этим фронтом Соколовский, милый человек, и, безусловно, знающий военное дело, а Булганин был членом Военного совета. Я не могу сказать об административных, распорядительных свойствах Соколовского, но как штабного человека я его очень высоко ценил.

При освобождении Соколовского и Булганина от должностей я не помню, наложили ли на них какое-то взыскание. Маленков мне говорил, что им записали даже выговор, но что-то не твердо у меня сохранилось в памяти. Маленков, зная, что он «нагадил» Булганину, соответственно строил свои отношения. Я не верил в объективность расследования и в компетентность Маленкова. Я знаю, что Маленков, как только приехал, то следствие вел так, как ему сказал Сталин. А Сталин, видимо, рвал и метал против Булганина. Следовательно, Маленкову надо было приехать на место и составить соответствующую записку.

Приехал Булганин. Берлинг приехал вместе с Булганиным. Тогда я узнал, в чем дело. Маленков мне сообщил, что он тоже приехал по этому же делу как главное лицо. Берлинг, как представитель польской армии, Булганин, как уполномоченный Советского правительства при польской

армии и при польском правительстве, представлял Украину. Берлинг сообщил Сталину, что украинцы плохо относятся к польским войскам.

Я спросил Берлинга:

— В чем выражается это отношение?

— Ну, — говорит, — украинцы выражали недовольство.

Я спросил:

— В чем это? Видимо, грабили? Армия всегда берет у крестьян. Потом, может быть, коней выпасали на посевах крестьян? Естественно, они будут выражать недовольство.

— Кроме того, вам надо иметь в виду, что западные области Украины долго находились в составе польского государства. Польское правительство вело неразумную национальную политику, дискриминировало украинцев, притесняло их. Поэтому они поляков не жаловали. Да этому история является свидетелем, сколько украинцы воевали против Польши еще со времен Богдана Хмельницкого.

Он чувствовал себя неловко и ответил:

— Знаете, я сам не ожидал такого разговора и этого не хотел. Я, собственно, никаких претензий не имею. Видимо, я необдуманно сказал. Как солдат я сам понимаю, что такие инциденты всегда бывают между войсками и гражданским населением.

Я очень хорошо относился к Берлингу. Я его знал и ценил как политическую фигуру и командующего польской армией, которая будет действовать вместе с советскими войсками. Я хотел укрепить наши отношения и расположить его к нам. Я ему часто посылал посылочки, какие-то украинские деликатесы, икру, которую получал из Москвы. Я проявлял внимание, поддерживал с ним связь.

Никакой остроты не было, никакой антипольской направленности не было, а тем более в украинском правительстве. Если и были какие-то разногласия, то они выражались в столкновениях украинских крестьян с поляками. Когда польские солдаты позволяли себе в отношении крестьян, где располагались эти части, травлю посевов, а возможно, кое-когда случался и грабеж. Со стороны польских солдат неприязнь к украинцам, безусловно, была, и это порождало столкновения. Заседание комиссии кончилось обедом, и солидным обедом с напитками, как положено для высоких представителей комиссии. Маленков был тогда почти не пьющий. Но Украина должна была проявить хлебосольство и оно было проявлено. На этом наша встреча и разбор дела закончились. Булганин улетел, по-моему, с Берлингом, и Маленков через какое-то время вернулся в Москву. Так произошло мое знакомство с командующим польской армией.

Когда мы перешли в наступление и наши войска освободили часть польской территории, Сталин захотел как-то смягчить осадок, который получился после подписания Договора Молотовым и Риббентропом и установления новой границы. Он хотел как-то притушить боль, а вернее, расположить к себе руководство польского государства и команду-

ющего польской армией. Сталин тогда пересмотрел границу, которая сложилась на основе договора Риббентропа — Молотова, сделал он это, я бы сказал, как-то неуклюже. Сталин — человек, который ни с кем не считался, ничего не признавал и ни с кем не советовался, а сам единолично принимал решения. Другой раз он не учитывал всех обстоятельств, которые необходимо было учитывать для решения того или другого вопроса. И тут он так решил вопрос о границе. Это был национальный вопрос и надо было посчитаться и с украинцами, и с белорусами. О белорусах я ничего не знал. В какой степени этим решением были затронуты и их интересы? А украинцы были недовольны. Сталин поставил меня, как Председателя Совета Народных Комиссаров Украины и секретаря Центрального Комитета, в довольно пикантное положение. В 1939 году воссоединение было торжественно отпраздновано и в Киеве, и в Москве, потом на сессии Верховного Совета. Национальные интересы украинцев были удовлетворены. Впервые в истории украинского народа Украина была воссоединена. Граница, установленная на основе Договора, подписанного Молотовым и Риббентропом, проходила несколько восточнее линии Керзона. Линия Керзона была предпочтительнее для украинского народа. Эта линия была определена Версальским договором. Советский Союз не был участником Версальского договора. Шла гражданская война, эту границу они определяли не для Советского Союза, а для бывшей России, то есть будущей России. Они не верили, что Советская власть может продержаться долго, надеялись, что она будет свергнута, поэтому для будущего правительства России определялась восточная граница. Эта линия приняла название Керзона, по фамилии тогдашнего министра иностранных дел Великобритании. Мы были против Керзона, как реакционера, агрессивного человека, консерватора, но линия его импонировала желаниям украинцев и русских. Украинцы считали, что эта линия удовлетворяет, этнографически соответствует границам. По этой линии Холм и другие районы отходили к Украине.

О новом решении этого вопроса я узнал во время сообщения об этом польским руководителям. Холм с районами снова отходил к Польше. Эти районы полностью, за исключением небольшого меньшинства польского населения, были заселены украинцами. Опять значительное количество украинцев отходило в состав польского государства.

Украинцы переживали. Опроса украинцев, конечно, не было, но интеллигенция, на которую опирался и Центральный Комитет Украины, и правительство, отражала чаяния своей нации. Она болезненно переживала и высказывала мне свое недовольство. Я был поставлен в положение, когда им сочувствовать не мог, потому что это сделал Сталин. С другой стороны, я не знал причин, почему Сталин делал это? Я знал аппетиты Сталина. Он, конечно, хотел, если было бы возможно, отхватить побольше территории от Польши и присоединить к Украине и Белоруссии. При подписании договора с Гитлером удовлетворялись национальные украинские запросы. А тут он пошел на уступки. И это создавало трудности. Правда, значительно позже польские товарищи, которые не вызыва-

ли у меня какого-либо недоверия, говорили, что поляки недовольны и этой новой границей, которая была определена Сталиным в 1944 году. Они хотели, чтобы граница проходила восточнее. Я спросил:

— Какие же основания? Ведь там украинское население.

— Да, — отвечали поляки, — этнических оснований нет, но во время войны Польши с РСФСР в 1920 году Ленин или в выступлении, или в письме заявил, что, если не будет войны, мы дадим Польше лучшие границы.

Я не помню этого документа, но и не отрицаю, возможно, был документ, какие-то директивы тогда давались Дзержинскому, который входил в состав Временного польского правительства. Я понимаю Ленина так: если прекратится война, то Советская Россия готова пойти на территориальные уступки. Это не означало, что Ленин не признавал принадлежности этих территорий Украине и Белоруссии.

Я потом дружески беседовал с Берутом на эти темы. Он попросил Сталина:

— Уступите нам Львов.

Сталин ушел от ответа:

— Вот Хрущев. Вы друзья, с ним эти вопросы и решайте.

Но я-то знал метод Сталина. Он посмотрел на меня, и я понял, что договоренности по этому вопросу никак не может быть. Он был против того, чтобы Львов отдавать, и понимал, что это за живое заденет Украину. Берут начал меня уговаривать:

— Товарищ Хрущев, поляки очень привыкли ко Львову, хорошо, если бы Львов входил в состав польского государства.

Я ответил:

— Товарищ Берут, так нельзя. Вы знаете — Пилсудский считал, что Киев должен входить в состав польского государства, и обосновывал это исторически: тем, что границы Польши проходили по Днепру. Поляки не снимали лозунг до самой войны, что Польша должна иметь свои земли от моря до моря. Мало ли какие желания были. А если украинцев спросить, то некоторые могли фантазировать, может быть, и Краков взять?

Он удивился:

— Ну что вы?

Я улыбнулся:

— Вот так же и я вам могу ответить. Что вы? Вы же претендуете на Львов.

Разговор велся с улыбочками, шуточками, но сквозь эту шутку проскальзывали желания, видимо, не самого Берута, а польского государства. Он хотел бы удовлетворить какие-то национальные запросы польского населения. Но я бы сказал, что в этом была националистическая окраска. Не в интересах Польши было затрагивать кровные интересы украинского народа. Всего, что могло послужить яблоком раздора между Польшей и Украиной, надо было всемерно избегать. Я очень уважал товарища Берута за то, что он понимал это, и поэтому не настаивал.

В результате установления новой границы, которая была передвинута на восток, надо было снимать наши партийные руководящие органы и местные органы и переносить охрану границы. Это было очень болез-

ненно. Уходя, украинское население буквально плакало. Этот шаг, сделанный Сталиным, был не в интересах Украины, это было ущемление государственных и национальных интересов.

Он хотел притупить боль, которая была нанесена договором, заключенным по установлению границы между Польшей и Советским Союзом. Вопрос с украинским населением, живущим на польской границе, Сталин решил просто — предложить им переехать на Украину. Поляки это приветствовали. Им это было выгодно. Польское население, жившее на Украине, если желало, могло переехать в Польшу, поляки соглашались их принять. Желающих было достаточно.

Такие же условия были оговорены Польшей в отношении белорусской границы и белорусского населения.

Сталин сказал о таком решении мне и Пономаренко, который тогда был Председателем Совета Народных Комиссаров Белоруссии и секретарем Центрального Комитета Коммунистической партии Белоруссии. Мы должны были войти в контакт с польским временным правительством, провести переговоры и создать условия обмена населением. Этот вопрос был уже не дискуссионным, а решенным. Мы получали указания, что мы должны были сделать, это вытекало из договора между Советским Союзом и польским государством. Я не знаю, был ли этот договор письменным или все происходило на основе словесной договоренности Сталина с представителями Временного польского правительства.

По телефону мы договорились с товарищем Пономаренко о дне встречи в Люблине. Нас встречал Булганин. Я прилетел из Киева, а Пономаренко — из Минска. Мы привезли с собой консультантов, которые должны были присутствовать при переговорах.

Поляки нас встретили очень хорошо. Тогда вообще настроение было приподнятое. Радость была общей от того, что наши войска продвигаются, что мы немцев бьем, предвкушали окончательную победу и полный разгром гитлеровской Германии. У польского руководства, я думаю, были те же интересы, что и у нас. Но у некоторых из них, которые не являлись коммунистами, был, конечно свой взгляд на события, потому что они стояли на позициях буржуазной Польши, а не социалистической.

Польша еще не объявила о своем пути развития. Каждая партия, исходя из своих позиций, ставила свои цели. Коммунисты стояли за то, что новая Польша должна быть социалистической. Ванда Львовна целиком и полностью их поддерживала. Она даже считала, что Польша должна быть не только социалистической, но и советской, входящей в состав Советского Союза. Она неоднократно заявляла мне об этом, я ей объяснял, что она неправильно понимает. Это могло оттолкнуть от нас какую-то часть поляков, даже тех, которые являются нашими друзьями. Но она стояла на своем и не раз мне говорила:

— Я поеду в Польшу только тогда, когда Польша будет одной из республик Советского Союза.

Несколько раз в смешанной комиссии представителей Белоруссии, Украины и Польши мы встречались для обсуждения. Никогда эти встречи ничем не омрачались. Вопросы практически все решались: и матери-

ального характера, и вопросы компенсации. Компенсация заключалась в том, какое имущество поляки вывозят с Украины и что привозят приезжающие украинцы. Вопрос о земле, конечно, не стоял. Земля не принималась во внимание как ценность и той, и другой стороной, но недвижимое имущество и личное имущество, а также скот учитывались. По-моему, Украина должна была доплатить, компенсировать Польше. Когда был подписан договор и мы приступили к реализации, то уполномоченный правительством Советской Украины при правительстве Польши был назначен Подгорный. Он в то время работал в украинском министерстве пищевой промышленности. Реализация договора шла через него.

Я помню обед, данный правительством Польши в честь представителей Украины и Белоруссии. На обеде роль тамады выполнял Роля Жимерский. На обеде он показал все свое генеральское превосходство над остальными. Он был очень весел и хорошо вел стол. Он произвел хорошее впечатление, но выделялся из всех присутствующих тем, что знал манеры высшего общества Польши. Остальные присутствующие были простыми людьми, пользовались своей терминологией. Когда украинцы поднимали бокал, то говорили: «Будь мо, будь мо!» — «Будем здоровы!». И примерно такая же застольная терминология была у белорусов, а его тост оформлялся более цветистой фразой. Он как бы демонстрировал свои познания в этике высшего польского общества. Потом был организован большой обед с привлечением широких кругов уже сложившегося польского руководства. Было созвано совещание представителей польского крестьянства. Это были настоящие крестьяне. Посоветовавшись с Булганиным и Берутом, я спросил:

— Как вы отнесетесь, если я позвоню в Киев и попрошу доставить к этому совещанию арбузы?

В Польше арбузы и дыни не выращивали.

Мы сошлись на том, что это будет хорошо расценено, и мы подсчитали, сколько нужно. В Люблин доставили один или два самолета, и мы условились, что каждому крестьянину и члену правительства мы дадим по арбузу или дыне, или то и другое. Витас поставил вопрос о том, чтобы представителям правительства арбузов не давать, а все раздать крестьянам. Я спросил:

— Почему вы, господин Витас, лишаете себя удовольствия, нас лишаете возможности угостить Вас? Попробуйте, какие замечательные продукты выращивают украинские колхозники. У нас есть замечательный сорт дыни «колхозница».

Он переспросил:

— «Колхозница»?

Потом, когда мы обедали, он опять вернулся к этому разговору. Он уточнил:

— Вот это «колхозница»?

Я ответил ему:

— Да.

— А почему она не красная?

Его острота сводилась к тому, что «колхозница» должна быть и по цвету красной. Я объяснил:

— Да, она не красная, а с желтоватым оттенком, но вкусная, ароматная, сладкая.

Это говорило о том, что в польском комитете были люди, которые занимали особую позицию к Советскому Союзу. Несмотря на его сдержанность, в мелочах проскальзывала колкость, направленная против советского государства, против Украины и вообще против Советов.

Я узнал, что недалеко от Люблина был лагерь не только польских заключенных, но и представителей западных стран. Немцы построили печи, в которых уничтожали заключенных. Как раз в то время работала комиссия, проводились раскопки могил, все это свидетельствовалось и активировалось.

Мы с Булганиным решили туда поехать.

Я видел зверства фашистов, и притом много, но вот специально сделанные печи я не видел. При раскопках из одних могил вынимали трупы, а некоторые только вскрывали. Так как вынимать было невозможно, потому что все разложилось, сгнило, трупы разваливались. Погода стояла жаркая, ходить было очень тяжело. Булганин буквально сбежал, он не смог вынести удушающий трупный запах. Я ходил и все смотрел, не подавал вида. Перед врачами и рабочими было несколько неудобно показаться белоручками и изнеженными, не выносящими трупного запаха.

Потом мы с Булганиным пошли посмотреть газовые камеры. Все было по-немецки продумано. Камеры имели внешний вид временных бань, с маленькими оконцами — глазком, как на тюремных дверях для наблюдения. Людей загоняли в камеры под видом того, что они идут туда принимать душ, мыться. Потом оттуда трупы брали в крематорий и сжигали в печах. Золы было много. В золе мы видели обгоревшие человеческие кости. Потом мы пошли в бараки. Были бараки-склады. В одном я видел огромное количество обуви: мужской и дамской. Комендант рассказывал мне, что все это немцы собирали, сортировали и увозили в Германию. В другом отделении было собрано огромное количество женских волос, срезанных кос. Одним словом, немцы хозяйственно, как на скотобойне, все сортировали: и человеческие остатки, и платья, и очки, и грешки, и другие предметы человеческого быта и туалета. Все это было рассортировано и по полочкам разложено. Это производило ужасное впечатление. Было как-то невообразимо, что это делали немцы, о культуре которых мы были такого высокого мнения. И вот какое конкретное проявление получила немецкая культура под руководством Гитлера. Потом мы с Николаем Александровичем Булганиным поехали в город Холм. Холм при царской России был губернским городом. А к этому времени уже было объявлено, что этот город и другие районы отходят к Польше.

Мы проехали по городу, посмотрели. Город небольшой, каких-либо особенностей не было, лишь православный собор имел историческую ценность.

Мы с Булганиным решили заехать и посмотреть. Нам открыл священнослужитель этого собора, старый человек. Его внешность была типичной для православных попов. Он показал нам весь собор и рассказал о его исторической ценности. Он назвал дату создания православного собора, но в истории были времена, когда поляки превращали его в костел, а потом православные опять превращали его в православную церковь. Он рассказывал нам это с такой грустью, с таким надрывом... Он знал, что советское правительство отдает Холм Польше, значит, опять придут ксендзы, изгонят из этой церкви православие, и снова будет господствовать католицизм.

Он явно апеллировал к нам, так как мы были в генеральской форме. Видимо, он считал, что мы можем оказать какое-то влияние на изменение положения дел и оставить город в составе Советского Союза.

Я это диктую мимоходом, но хочу отметить, как реагировали разные слои населения на отход этих территорий в состав польского государства.

Мы подтвердили ему, что эта территория отходит к польскому государству, а вопрос религии нас не касается, потому что в Советском Союзе церковь отделена от государства, государство не вмешивается во внутренние дела церкви.

Мы вернулись в Люблин. Люблин в моей памяти остался как хороший небольшой городок. Я не знаю, была ли там промышленность. Я несколько раз бывал в Люблине и встречался там с руководством уже зародившегося нового правительства Польши. Но когда все вопросы были решены, надобность в контактах отпала. Были созданы постоянные представительства Украины и Белоруссии при польском правительстве. Польской стороной были выделены лица, приехавшие в Киев и Минск, которые занимались аналогичными вопросами, что и наши представители: регистрацией польского населения, которое пожелало бы выехать в Польшу, и так далее. Вот это и считалось нормализацией наших добрососедских отношений и решением взаимных вопросов, касающихся наших двух государств.

Надобности выезжать в Люблин у меня больше не было, но я частенько встречался с поляками в Москве. Другой раз Сталин вызывал меня в Москву, видимо, специально, когда приезжали польские товарищи. Когда польские товарищи предъявляли претензии на те или другие населенные пункты или по другим вопросам, Сталин не хотел сам отказывать. Он вызывал меня для того, чтобы сказать:

— Решайте с Хрущевым. Вы его знаете, он вас знает, решайте. Если найдете возможность договориться, это и будет договоренностью.

Ну явно, когда Сталин намеревался что-то отдавать или изменять границу, так он меня не спрашивал. А когда нужно было в чем-то отказать, эту функцию переключал на меня, а сам наблюдал, как я это буду делать.

Был такой случай. После переговоров в Москве вне программы Берут поднял вопрос:

— Товарищ Сталин, во Львове была картина, созданная для панора-

мы. Она пользовалась большой популярностью у польского населения. Сейчас эта картина осталась во Львове, как бы нам ее получить?

Сталин сразу ответил:

— Договаривайтесь с Хрущевым. Как договоритесь, так и будет.

Я ответил Беруту:

— Картину вы можете получить в любое время. Она лежит где-то на складе, но во время оккупации склад был запущен. Мне говорили, что она очень попортилась, отсырела и требует большой работы реставраторов. Через некоторое время после того, как мы заняли Львов, мы ее сняли, чтобы она не служила местом паломничества польского населения. Направленность ее была антирусской, правда, действия, отраженные на картине, относились к царским временам. Во время польского восстания русские войска были разбиты. На полотне было отражено, как польские повстанцы ведут в плен русского генерала и другие эпизоды подобного характера.

Когда Львов стал украинским, население во Львове преобладало польское. Естественно, в сердцах польского населения историческое событие нашло свой отзвук. История переносилась на настоящую почву, и это не служило сближению между нашими братскими народами.

Я предупредил:

— Хотите — берите, но если вы хотите выставить панораму в Варшаве, то она сыграет сейчас отрицательную роль. Мы хотим братства с польским народом, эта картина будет призывом к борьбе против России, против русских.

Сталин занял позицию польских товарищей:

— Мы же ставим на нашей сцене «Ивана Сусанина», а это тоже борьба против поляков.

Я не сдавался:

— Да, верно, но в тот момент поляки были в Москве. А сейчас польскими посетителями панорамы это будет по-другому восприниматься. Возьмите, если желаете.

И они взяли. Я не знаю, выставили ли они ее для обозрения или нет. Мне это неизвестно.

Недавно польские товарищи, мой старый друг Вера Гостинская, мои хорошие приятели, которых я давно знаю, да и сейчас поддерживаем хорошие отношения, напомнили о рассказе Осубки-Моравского о том, как польская делегация просила картину и как Хрущев возражал против этого: «Правда ли это?»

Я пояснил:

— Неправда, я не возражал, а только объяснял, что к таким произведениям нужно подходить более внимательно, потому что они являются историческими, а та картина, правдиво отражая то время, могла быть использована националистическими элементами во вред нашим отношениям.

Сейчас, в 1968 году, это было подтверждено. На историческую тему в Варшаве был поставлен спектакль по поэме Мицкевича «Пан Тадеуш». Он проходил при антирусских выкриках и возгласах. Со сцены был при-

зыв к борьбе против оккупантов, которой раньше являлась Россия. Определенные слои населения проводили параллель. Польское правительство вынуждено было снять тот спектакль. Таким образом, предположения и мои опасения нашли свое подтверждение через столько лет. В спектакле тоже была историческая правда, но в настоящих условиях произошел совершенно неожиданный оборот для руководства и для Коммунистической партии Польши.

Война с гитлеровской Германией шла к концу. Наши войска наступали. Мы уже вышли за пределы польских земель и вступили на собственную германскую территорию. Польские войска участвовали в боях вместе с нами. Поляки на деле увидели, что мы действительно являемся друзьями, братьями польскому народу и проливаем свою кровь за освобождение польских земель, за освобождение польского народа.

В своих воспоминаниях я хотел бы коснуться взятия Варшавы. Когда наши войска вышли на Вислу и буквально подошли вплотную к Варшаве, там вспыхнуло восстание под руководством генерала Бур-Комаровского. Восстание было подготовлено польским правительством, находившимся в Лондоне. Возглавлял его Миколайчик, ярый антисоветчик и антикоммунист. Поэтому Черчилль его и приголубил. Правительство Миколайчика имело свои вооруженные силы на польской территории. Им приказывалось не оказывать содействия советским войскам, а сохранить свои силы, свое вооружение на будущее, на предстоящую борьбу уже с советскими войсками, с советским государством. Видимо, имелось в виду, что если советские войска вступят в Варшаву, то правительство, которое находилось в Лондоне, сразу же вернется и, таким образом, будет создано буржуазное правительство во главе с Миколайчиком. Но независимо от этого у нас были неблагоприятные условия для наступления на город. Чтобы подготовиться к форсированию реки, надо было иметь время подтянуть войска, надо сделать соответствующую подготовительную работу. По тем временам Висла считалась довольно крупной естественной преградой. Брать Варшаву в лоб, форсируя Вислу, было трудно. Такие атаки несут большие жертвы в войсках, чем обычно. Лучшее всего, если есть возможность организовать фланговый удар. Наши войска уже занимали плацдармы на юге от Варшавы. Нашим левым флангам надо было нанести удар и принудить немецкие войска уйти из Варшавы. Таким образом, освободить Варшаву без особых жертв.

Черчилль вместе с Миколайчиком потребовали захвата Варшавы до вступления советских войск. Таковы были их политические цели. Если не получится, то они рассчитывали, что советские войска войдут в Варшаву. Этого не произошло. Таким образом, немцы подавили варшавское восстание, взяли повстанцев в плен и сразу расстреляли. Захватили в плен и Бур-Комаровского. Сейчас трудно что-либо сказать, что это за фигура. Немцы, захватывая пленных, особенно генералов и людей, которые принимали восстания на оккупированных территориях, не щадили их. Бур-

Комаровский был взят в плен и остался в живых. После войны он проводил антипольскую, антисоциалистическую политику. Не знаю, жив ли он сейчас, но своей деятельностью давал чувствовать польскому социалистическому государству и за границей.

Когда нашими войсками была занята Варшава, это было, по-моему, в январе 1945 года, Сталин позвонил мне в Киев:

— Приезжайте, — сказал он, — есть вопросы к Вам.

Я приехал. В это время Сталин был неузнаваем, ходил, как павлин с распушенным хвостом. Это не первые дни войны, когда Сталин отказался от руководства. Теперь он считал, не войска, а он бьет гитлеровцев, что его гениальное руководство обеспечивает успехи советским войскам. Он забыл о тех временах, когда «готовил отпор» гитлеровской Германии. Сейчас горе-историки на всех языках лепечут о том, что Гитлер, мерзавец, обманул нас и неожиданно напал на нас. Это, конечно, глупый аргумент. Серьезные люди понимают, что никакого обмана не было. Какой обман? Как только Гитлер пришел к руководству, еще не власти, а к руководству партией, он написал свою программную книгу «Майн Кампф». В книге он поставил целью борьбу с коммунизмом и уничтожение Советской России. Поэтому с самого начала обмана никакого не было, а была пока дипломатическая игра. Потом он достиг своей цели, запугал Сталина и выбрал время для нападения. Всегда, если какая-то сторона готовится к столкновению, она сама выбирает время. В наше время война объявляется редко. Не нотами уведомляют, что «я иду на вы», а артиллерийские снаряды являются дипломатическим ультиматумом для страны, на которую подготовлено нападение. И я знаю, что Сталин очень хорошо эту дипломатию знал, и для него нападение не являлось обманом со стороны Гитлера. Сталин был испуган и деморализован. Он знал, что Гитлер нападет, безусловно, и поэтому мы еще не имели право держать свои границы неподготовленными.

В то время эти вопросы уже стали историей. Весь советский народ, да и все прогрессивные люди радовались, что наконец-то Гитлер получает возмездие и скоро с фашистской чумой будет покончено.

Я приехал в Москву по звонку Сталина. Он мне сказал, что заняли Варшаву. Варшаву надо восстанавливать, хотя бы что-то сделать и создать условия для жизни людей. У них ни электричество, ни водопровод, ни канализация не работают. Пекарни не работают. В руководстве люди неопытные, и им нужно помочь. У меня уже накопился опыт по восстановлению городов Украины, и мне нужно поехать в Варшаву и оказать им помощь.

Я был обрадован доверием и признанием наших успехов в восстановлении хозяйства на Украине после изгнания гитлеровских войск.

Я ответил, что с удовольствием поеду, и попросил разрешения взять с собой специалистов по коммунальному хозяйству.

— Да-да, конечно, я так и понимал, что вы возьмете с собой людей с тем, чтобы побыстрее восстановить коммунальное хозяйство Варшавы.

Инженеров-коммунальщиков я взял с Украины и из Москвы. Я тогда

хорошо знал московских инженеров-коммунальщиков. Мы отправились поездом. Приехали в Варшаву к вечеру. Правительство находилось в районе, который назывался Прагой.

Послом Советского Союза при польском правительстве был тогда, помоему, товарищ Лебедев. Я с ним раньше не был знаком, но разместился у него. Помещение было более сносное, чем все остальные.

Я встретился с товарищем Берутом и с Осубкой-Моравским. Осубка-Моравский был премьером польского правительства. К тому времени уже произошло объединение коммунистической партии и левой пэпэ-эсовской партии. Осубка-Моравский представлял ППС. Товарищ Берут выполнял функции президента и возглавлял Польскую рабочую партию.

Наши армейские чины и польские товарищи познакомили меня с состоянием городского хозяйства. На следующий день проехали по городу. Картина была ужасная. Буквально вся Варшава в руинах, сплошная груда развалин. А если что-то еще не совсем превратилось в мусор, то выглядело довольно печально. Разбитые секции (квартиры) с остатками людского скарба, которым пользовались жители. Видимо, много тысяч жителей нашли свое погребение под развалинами.

Я наблюдал такую картину: лежит куча щебня, а смотришь, из-под этой кучи выходят люди. Оказывается, дом разрушен, но осталось подвальное помещение. Люди как-то расчистили вход и превратили это подвальное помещение в жилье. Как они превратили? Это трудно себе представить. Просто жили там. Чтобы создать там какие-то удобства, у людей не было никакой возможности.

Наши специалисты взяли каждый свою отрасль для обследования: одни — насосную станцию, другие — канализационные сети, третьи — пекарни и другие службы городского хозяйства.

Инженеры по электростанциям меня обрадовали. Они установили, что турбины пригодны к запуску, только разбито здание и некоторые устройства электростанции. Можно запустить турбины и электроэнергии будет даже избыток, потому что промышленные предприятия разрушены и потребителей нет. Коммунальные службы станция с лихвой может удовлетворить.

Конечно, все делалось польскими специалистами. Привлекли рабочих Польши. Были случаи, когда привлекались к восстановлению и наши военные. Быстро принялись за дело. Я там был несколько дней. Докладывали мне, товарищу Беруту и Осубке-Моравскому.

Когда я понял, что мы накануне пуска турбины, в шутку сказал товарищу Беруту: «Инженеры говорят, что у вас будут излишки электроэнергии. Киев сейчас ощущает большой голод электроэнергии. Может, вы поделитесь за нашу услугу по восстановлению этих турбин?»

Он смеется:

— Да, мы готовы.

Конечно, это была шутка. Избытки электроэнергии у них были, но передать ее в Киев невозможно, это не картошка, которую перевозят в мешках.

Мы радовались, что водопровод скоро будет пущен, насосы исправны; если были какие-то поломки, то они будут быстро восстановлены. Стали восстанавливать водопроводную сеть. Она где-то была разрушена снарядами, а где-то прорвало водопроводные трубы от мороза. Это разводящие сети, а главные подземные коммуникации были в исправном состоянии или требовали для восстановления небольших усилий. Канализация тоже оказалась исправной. Все стали вводить в строй. Половина Варшавы получила электричество, водопровод и канализацию. С пекарней было проще: дали воинские походные пекарни. Они удовлетворяли потребности небольшого населения Варшавы, потому что люди после разгрома Варшавы Гитлером расползлись по провинции. Варшавяне начали расчищать город. Был организован воскресник. Польские товарищи готовились к нему. Меня товарищ Берут пригласил принять участие в воскреснике, взять лопаты и символически потрудиться над восстановлением.

Я ответил, что с удовольствием. В определенный час мы присоединились к отряду какого-то района и работали вместе с ними. Расчищали улицы, главным образом, от щебня разрушенных домов. Это было символическое участие по разбору развалин и расчистке варшавских улиц после изгнания немцев.

Мосты были разрушены все, но были наведены понтонные, и это не являлось препятствием для движения. Они вполне удовлетворяли и войсковые запросы, и гражданские. Железнодорожные мосты тоже были временно восстановлены. Поезда шли и подвозили все необходимое для войск с тем, чтобы успешно продолжать наступать, громить и добывать гитлеровских захватчиков.

Мне захотелось посмотреть Варшаву с воздуха. Я сказал об этом летчику Николаю Ивановичу Цыбину, с которым я летал всю войну. Мы поднялись в воздух, сделали несколько кругов на низкой высоте с тем, чтобы хорошо увидеть всю Варшаву. Варварство гитлеровских войск было совершенно ужасающим. Варшава была вся в руинах, за исключением правого берега, где была расположена часть Варшавы, которая называлась Прагой. Там довольно-таки большое количество зданий сохранилось, а на левобережной части, где была расположена основная часть города, все было в руинах, за исключением отдельных каких-то островков. Оставшиеся дома сохранились на окраине Варшавы, а центр был весь разрушен.

Особенно было разрушено варшавское гетто, куда немцы согнали еврейское население. Там бомбили с воздуха и разрушили все жилье. Видимо, под развалинами этих разрушенных домов было похоронено и население.

Мне захотелось поехать в Лодзь и познакомиться с этим городом. До революции Лодзь был очень известен в России. Эта часть Польши до первой мировой войны была в составе России, и лодзевские ситцы имели хорошую славу. Лодзевский пролетариат был революционный, проявлял классовую сознательность. Город считался крупным революционным рабочим центром.

Осубка-Моравский тоже выразил желание поехать. Я сказал, что мне тоже приятнее и веселее в компании с премьер-министром новой Польши.

Мы сели в машину и поехали. Я сейчас не могу сказать, сколько времени мы ехали. Погода была хорошая, морозная, но морозы западного характера, это не наши морозы. По дороге из Варшавы в Лодзь деревни и поселки, встречавшиеся на пути, не были разрушены. Это бросалось в глаза. Шоссейная дорога была вымощена клинкером. Клинкер тоже прекрасно выглядел, и не было никаких разрушений. Из этого я сделал вывод, что отступление немецких войск в этом направлении было поспешным. Не было навязано больших боев, и только этим я мог объяснить отсутствие разрушений, которые всегда несет война. Когда мы отбивали свою территорию, занятую немцами, все было разрушено. Здесь я этого не видел. Позже я видел разрушения на западной границе, там города, носившие явно немецкие названия были очень разрушены. Видно, шли упорные бои.

Итак, мы приехали в Лодзь. Проехали по городу. Знакомство было беглое. Больших разрушений в Лодзи не помню. Наверное, где-то и были, потому что когда наши войска продвигались и занимали Лодзь, то бомбили.

У меня эталоном были советские города и промышленные центры, которые мы отбивали у немцев. Я знаю, какие следы оставляли бои, если они завязывались в населенных пунктах и городах.

Мы прибыли в гостиницу. Она произвела на меня хорошее впечатление. По нашим стандартам, это богатая гостиница с хорошей архитектурой и хорошим художественным оформлением. Нам отвели номера, но мы должны были запастись собственным теплом. У нас была теплая одежда, нам собрали одеяла. Спать было хорошо, если принять во внимание военное время, мы все-таки жили под крышей, а если честно, то было холодно. Водопровод и канализация работали, отопление было, но отопления хватало только для того, чтобы не замерзала водопроводная сеть.

Меня пригласили на ужин в ресторан, хотя мы с собой захватили поест. Ресторан был, по нашим стандартам, я бы сказал, роскошный. За стандарт я беру гостиницу «Москва», а это у нас в то время был высший стандарт. Я не знаю, как и откуда появился генерал Роля Жимерский. Он присоединился к нашему ужину, и, таким образом, нас стало несколько человек. Нас двое с Осубкой-Моравским, Роля Жимерский и местные руководители из воеводства Лодзи. Я угостил всех селедкой из своих запасов. Такого не могло быть в Лодзи. Наша отличная селедка произвела впечатление. Роля Жимерский был тамадой, правда, стол был небольшой, поэтому особого искусства ведения стола и не требовалось. Все равно Роля Жимерский обязательно вносил какую-то приятную теплоту. У меня о нем остались хорошие воспоминания. Политических разговоров у нас, собственно, не было. Он полностью разделял наши взгляды, поэтому был самый приятный собеседник и приятный компаньон за ужином.

Местные руководители воеводства Лодзи нам рассказали, как проходили бои, как освобождался город, как идет восстановление. По-моему, никакие предприятия в Лодзи не работали, и город был полупустой. Оживления на городских улицах я не видел. Люди ходили, понунив голову, снабжение, видимо, было плохое. В общем, так выглядели все города, которые освобождались от гитлеровской оккупации. Мы проезжали некоторые районы города Лодзи, которые были обнесены колючей проволокой и соответствующими вышками для часовых. Видимо, это были концлагеря, где держали военнопленных. Вот, собственно, все мои небогатые впечатления, которые остались в памяти от посещения Лодзи. Но потом Лодзь восстановилась, и жизнь забила ключом. Сейчас она дает свою продукцию, видимо, является хорошим опорным пунктом в строительстве социализма на польской земле.

Я думаю, что мы только одну ночь ночевали в Лодзи, а потом утром проехали по городу, осмотрели и направились в Варшаву. В Варшаве меня ждала работа. Наши инженеры продолжали изучать город, и нужно было послушать их предложения по восстановлению самых необходимых городских агрегатов, с тем чтобы создать минимальные условия для жизни в освобожденной Варшаве.

В Варшаве я познакомился с польскими товарищами, ближе всех сошелся с товарищем Спихальским. Спихальский тогда был президентом Варшавы. В нашем лексиконе это председатель Варшавского совета, то есть голова руководящего органа Варшавы. Он имел архитектурно-художественное образование. Во время оккупации он выполнял какие-то функции в подполье, потом командовал частями вооруженных сил, подчиненных Коммунистической партии Польши. Фамилии других товарищей я в памяти не сохранил. Запомнился один архитектор: старше средних лет, коренастый, полный человек с французской бородкой. Он был назначен главным архитектором Варшавы, показывал свои проекты, какие-то художественные фантазии представлял на бумаге и говорил, как должна развиваться и восстанавливаться Варшава по его соображениям. Было приятно слышать, что люди уже думали о жизни, о Варшаве, о ее будущем и о ее архитектурно-художественном оформлении. Это не было обсуждением, просто человек набрасывал на ватмане и делился своими мыслями, как он считал нужным и полезным перестраивать Варшаву.

Мне был приятен сам процесс и направленность мысли, которая работала у строителей и архитекторов Варшавы. Шли кровавые бои, еще надо было закончить разгром немцев и создать условия для нормально-го мирного развития Варшавы и всей новой Польши.

Наш посол Лебедев довольно хорошо разбирался в обстановке. Он информировал меня о том, как налаживается жизнь и работа польских товарищей. Он недолго был послом, Сталин потом его заменил. По-моему, он превышал свои полномочия посла, навязывал свои взгляды, старался подчинить себе польское руководство. Если это было так, то это недопустимо, и Сталин поступил правильно.

На меня он произвел впечатление человека, который понимал свое дело, но действительно человека властного. Там я встретился с генера-

лом Шатиловым, но не знаю, какие функции он выполнял. Товарища Шатилова я знал хорошо. Когда шли бои на Курской дуге, он был начальником политотдела Воронежского фронта. Еще раньше я его знал по работе на предприятии Москвы, где он заведовал агитмассовым отделом в Сталинском районе. Потом он работал в агитмассовом отделе Московского горкома партии. Хороший товарищ и коммунист. В Польше были советские артисты, которые выступали в войсках с концертами в перерывах между боями. Среди них была артистка Московского Большого оперного театра Кругликова. Правда, она была артисткой, но в данном случае она была и женой Шатилова. Не знаю, по какому поводу она там была: как артистка или как жена генерала Шатилова.

Душой руководства во времена, когда я был в Варшаве, чувствовался товарищ Берут. К нему обращались, он принимал участие во всех вопросах, которые мы разбирали по городскому хозяйству. Других вопросов еще не было, потому что шел процесс освобождения Польши. Какие-то вопросы решались не в моем присутствии; я приехал с определенными заданиями и поэтому по времени я не имел возможности даже вникнуть, да и не было необходимости информировать меня по другим вопросам. Осубка-Моравский в то время на меня произвел среднее впечатление. Польские товарищи меня информировали, что он не ведущий политический деятель, не главное лицо ППСа — Польской социалистической партии. Он занимался вопросами кооперации, кажется сельской, и торговли. Он не производил впечатления человека, который содействовал социалистическому строительству, перестройке Польши на социалистической основе. У меня сложилось такое впечатление, хотя никаких конфликтов или каких-то намеков во время бесед, что он представлял какую-то особую точку зрения и оппозиционно настроен в отношении наших взглядов, я тоже не помню. Он как-то не располагал к себе. Вопрос политической направленности будущего польского государства мы не поднимали, а если они и поднимались Сталиным, только лишь с Берутом и Гомулкой, то есть с коммунистами. Объединение только произошло, и было неизвестно, как они себя поведут, поэтому этот вопрос и не затрагивался. Он откладывался на будущее и абсолютно правильно. Надо было достичь главной цели — разгромить врага, а потом уже решать вопросы польского государства: приступать к коренной перестройке, к социалистическому строительству. Это главная цель коммунистической партии.

Сейчас я не помню твердо, встречался ли я с товарищами Берманом и Минцем сразу же после освобождения Варшавы. Наверное, нет, так как они были в Москве. Это работники Коминтерна, известные в Советском Союзе старые коммунисты, преданные делу. По коренным польским кадрам Берман занимал неправильную позицию и потом это, как говорится, вышло боком для Польской Объединенной рабочей партии. Его позиция была осуждена нашей партией, но об этом я скажу в свое время. В первые дни освобождения они были опорой для наших работников; это были проверенные кадры. Берман, кажется, работал в аппарате Комин-

терна и был хорошо подготовленным коммунистом, понимал коммунистическое учение и был предан этому учению. Да и не только был, я думаю, что он таким и остался. Минц был хорошим экономистом. Берут на них опирался даже больше, чем следовало, я бы сказал, с некоторой даже излишней доверчивостью. Большую роль как экономист сыграл товарищ Минц. Потом он возглавлял Госплан Польши. Польские товарищи очень высоко оценили деятельность Минца, и я думаю, что эта оценка была правильной, он заслуживал такой оценки.

Как-то товарищ Берут мне сообщил:

— У нас есть товарищ Веслав Гомулка (подпольная его кличка была Веслав). Он сейчас болен, поэтому не может с вами встретиться. Если бы вы могли к нему поехать на квартиру, это было бы полезно и для него, и для вас. Вы с ним познакомитесь, он имеет очень большой политический вес.

Тогда он был секретарем Объединенной рабочей партии, но я сейчас не припомню, как распределялись функции, потому что ведущее положение тогда все-таки занимал Берут. Он, хотя выборов не было, выполнял функции президента Польши и являлся главой партии.

Когда Берут говорил о Гомулке, я чувствовал в его тоне большое уважение, следовательно, он тогда занимал довольно твердое ведущее положение в партийном руководстве Объединенной Польской рабочей партии.

Я с удовольствием согласился поехать к нему на квартиру. Мне дали проводника. Я сейчас, конечно, не помню, где он жил. Помещение было большое, неуютное и закопченное, потому что обогревались «буржуйками». Другого отопления не было. Стены закоптились, и не только стены, в комнате чувствовался дымок от отопления. Встретила меня женщина, по-моему, она занималась стиркой. Мне представили ее. Это была жена Гомулки. Потом мы хорошо узнали друг друга, и я относился к ней с большим уважением. Она очень хорошая женщина, коммунистка, по национальности — еврейка. Мы видели и чувствовали, что она была хорошей подругой товарищу Гомулке. Она и сейчас является его женой; живет и здравствует, как поляки в таком случае говорят: «Пусть сто лет живет».

Гомулка был на ногах, но щека была перевязана большой черной лентой или черным платком. В большой закопченной комнате с плохим освещением, в полумраке, предстал передо мной товарищ Гомулка. У него был флюс. Собственно, больше говорил он, а я слушал. Он рассказывал и о подпольной деятельности при немецкой оккупации, и о своей роли, которую он там играл. Он информировал о людях, которые входят в состав руководства, и о перспективах, которые имеет Объединенная рабочая партия. Мне он очень понравился. Понравился трезвостью ума, пониманием перспективы. Одним словом, то, что он излагал, не противоречило нашим взглядам. Я был очень доволен, что в польском руководстве имеются такие люди, на которых можно положиться, которые здраво представляют трудности и правильно определяют дальнейшее развитие польского государства, как социалистического. Появилось чув-

ство удовлетворения, что во главе движения стоят такие руководители, как Берут и Гомулка.

Я с ним распрощался. Врачи не рекомендовали ему выходить, и он не приходил на работу. Во время моего пребывания больше я с ним не встречался.

Кончилась моя деятельность в Варшаве. Я с удовольствием поработал и был удовлетворен, даже польщен, что мне пришлось на первом этапе мирного строительства с ограниченными возможностями, но внести свой вклад и заложить кирпичик в фундамент новой Варшавы, фундамент будущего, фундамент социалистического Польского государства. Я уезжал в Москву удовлетворенным. Мне было что доложить Сталину. Поручение Сталина, я считал, с лихвой выполнил. Варшава получила электрическую энергию, освещение, воду, стала работать канализация, организовали хлебопечение; без этих самых простых элементарных вещей жизнь человека в большом городе невозможна.

Я вернулся в Москву и доложил Сталину. Сталин был очень доволен. Это видно было, когда я ему докладывал, об этом он мне сказал:

— Хорошо, что мы вас послали. Вы помогли польским товарищам, поддерживайте с ними связь.

Я ответил, что связь-то у меня с ними ограниченная. Какая же связь Варшава — Киев? Связь у нас наладилась только по обмену населением, но для этих функций были свои уполномоченные, свои чиновники.

По предложению Сталина я написал записку, в которой описал свое знакомство с товарищем Гомулкой. Я писал, что Гомулка занимает ведущее положение и в будущем, видимо, сохранит его. Товарищ Берут на меня произвел особо теплое впечатление. Но я почувствовал его главный недостаток — мягкость. Он показался мне не совсем организованным человеком, не чувствовалось у него организаторской жилки. Его же мягкость, его человечность и безусловная убежденность коммуниста и такой человеческий подход к людям располагали к нему. Эти качества я чувствовал. И на всем протяжении короткой жизни товарища Берута они проявлялись при обсуждении вопросов, которые возникали между нашими государствами.

Сейчас, когда я в отставке, раз в год, по пути из Варшавы в Тбилиси, приезжает дочь Берута Кристина и останавливается у нас. Она вышла замуж за архитектора и живет в Грузии. Мы с Ниной Петровной принимаем ее, и эти встречи напоминают нам о хороших временах, когда был жив ее отец и наш друг.

Потом много-много раз я встречался у Сталина с польскими товарищами. Когда приезжали польские товарищи в Москву, меня тоже вызывали из Киева, поэтому многие проблемы, которые обсуждались, я знал. Я был только свидетелем, потому что все вопросы решал Сталин. Он изредка спрашивал (не советовался; он не имел такой привычки) в порядке разъяснения или справки о том или другом человеке или вопросе. Решал все он сам.

Гомулка окреп и занял одно из ведущих мест. Я говорю — одно из ведущих, все-таки главным лицом, доверенным у Сталина, на которое он

опирался, был Берут. Я думаю, что даже Гомулка в то время признавал Берута как руководителя, но, по-моему, все-таки свое доверие он выражал по-особому. Другие руководители действительно по существу признавали руководителем товарища Берута. Сталин поддерживал его. Я считаю, что Берут вполне заслуживал этого.

Война шла к концу. Я уже не помню, когда Миколайчик возвратился из Лондона, наверное, еще до окончания войны. Сталин был вынужден считаться с союзниками. Особенно Черчилль нажимал на Сталина, настаивал, что Миколайчик является другом Советского Союза. В письмах Сталину он писал о неправильном отношении к Миколайчику, что он с уважением относится и к Сталину, и к нашему государству, и на него вполне можно положиться как на главу польского государства. Он, собственно, выполнял эту роль в изгнании. Ему только оставалось переехать в Варшаву и занять место премьер-министра Польши.

Он вернулся в Варшаву. Видимо, Сталин тогда написал Черчиллю, что пройдут выборы, и тогда вопрос будет решен. После разгрома немцев пришло время выборов. Миколайчик и другие буржуазные деятели Польши были выставлены кандидатами. Проводился организованный персональный опрос населения, кому они доверяют и кого выдвигают в руководство.

В деревне влияние Миколайчика было очень высоко, да и не только в деревне. Польша тогда еще имела следы руководства Пилсудского, пэпзовского руководства. Было много людей, которые были настроены против Советского Союза из-за подписания договора Риббентропа — Молотова. Это оставило нехороший след. Какая-то часть польского населения не могла понять и, следовательно, не могла смириться с тем, что вроде Советский Союз с Гитлером обговорили начало войны, которая в первую голову обрушилась на Польшу. Таких людей тогда было много, и поэтому выборы были довольно сложными.

Ванда Львовна Василевская не принимала участия в выборах. После выборов она отказалась от руководства, потому что не были приняты ее условия. Она считала, что Польша должна стать частью Великого Советского Союза, одной из республик — Польской союзной социалистической республикой. Это была неправильная точка зрения, она была неприемлема и не была принята Сталиным. Нельзя было рубить с плеча такие крупные политические вопросы. Я думаю, что такие взгляды у нее были не только по политическим соображениям, но и по довольно сугубо личным вопросам. Она была так привязана к Корнейчуку, и это была ее последняя женская надежда найти опору. Поэтому перед ней встал вопрос: или Корнейчук, или Польша. И она для себя выбор сделала: Корнейчук, и отказалась уезжать.

Я ей прямо говорил:

— Ванда Львовна, может быть, вы уедете, война кончилась?

— Нет, я не уеду. Я уеду только тогда (она резко говорила), когда Польша будет социалистической, а в буржуазную Польшу я не поеду. Вы что, хотите меня выжить из Киева?

Это она уже шутила, так как знала мое отношение и уважение к ней. Таким образом, она выразила свое отношение и отказалась ехать в Польшу.

Отношения к ней там были неровные. Я считаю, что Берут к ней относился с очень большим уважением и симпатией, но со стороны товарища Гомулки я этого не почувствовал. К ней очень хорошо относились и товарищи Берман, Минц и другие товарищи. Она же относилась к руководству критически. Эта ее критическая струнка, по-моему, отражала какие-то недомолвки с Гомулкой. Конкретно я сейчас не могу вспомнить, в чем выражалось, да я, собственно, и не спрашивал; это ко мне не относилось. Я не хотел прокладывать какой-то борозды, но в моем уме фиксировался какой-то раскол и какое-то недоверие.

После выборов Ванда Львовна частенько ездила в Варшаву, потому что там осталась ее престарелая мать, которую она очень любила и с большой теплотой рассказывала о ней. Конечно, она встречалась и как политический деятель, и как писательница со своими друзьями, приводила свои впечатления о новой Польше.

Она рассказывала шутку о том, как проходили выборы. Поляки очень остро и метко могут шутить по текущим политическим моментам. На выборах получили абсолютное большинство кандидаты от Объединенной рабочей партии и крестьянской партии. Поляки говорят так: «Цой то есть за шкатулка? (это урна избирательная). Опускаешь Миколайчика, а вытаскиваешь Гомулку?»

Тут и рифма получилась, и острый политический смысл. Следовательно, польская интеллигенция, а я считаю, что это она сочиняла эти острые поговорки, не верила в объективность выборов, считала, что результаты были подтасованы коммунистами. Большинство голосовало за Миколайчика, а при подсчетах голосов большинство получил Гомулка. Запад, конечно, считал, что выборы прошли необъективно. Миколайчик получил меньшинство. Политика левых сил стала проводиться более направленно. Миколайчик занял какое-то место в правительстве, конечно, не ведущее. Когда он увидел, что Польша твердо встала на социалистическую основу, то сбежал и вернулся в Лондон.

Его бегство было признанием провала политической платформы. Он увидел, что польский народ после колебания в большинстве своем, особенно рабочий класс, занял твердую позицию на переустройство страны.

Я познакомился с Миколайчиком на приеме в его честь. Он прибыл из Лондона, и Сталин организовал обед. Было много приглашенных, не только сопровождающие Миколайчика, но и другие представители польского государства. На меня он не произвел впечатления ни внешне, ни блистательностью ума, хотя я с ним беседы лично не вел, но был свидетелем, как он перебрасывался фразами со Сталиным.

Он был старше среднего возраста, среднего роста, по-моему, лысоватый. Вид у него был довольно-таки заурядный, ничем не привлекающий внимания. Это мое впечатление, я не могу говорить о других. Может быть, обаяние человека зависит и от политической близости. У меня ничего родственного с ним не было, и я, заранее зная его

политические убеждения и его цели, этим и определял свое отношение к этой особе.

Я сейчас точно не помню, были ли какие-либо вооруженные проявления или восстания против существующего строя и против руководства сразу же после изгнания немцев? По-моему, не было.

На восточных окраинах Польши, которые примыкали к Украине, борьба была и довольно жестокая. Там воевали вооруженные отряды оуновцев (организация украинских националистов). Это было не польское население, а украинское. Руководили ими украинские националисты. Финансировали их, сбрасывали вооружение с самолетов и технически их обеспечивали, безусловно, американцы. В западных областях Украины шла очень жестокая борьба. Сначала руководил ими Степан Бандера, потом Мельник. Руководителей было много, потому что они гибли и сменяли один другого. Жестокая борьба унесла много жизней с той и с другой стороны. Польские вооруженные силы проводили операцию по наведению спокойствия на своей территории, а мы — в Карпатах. Там был убит хороший польский генерал Кароль Сверчевский. Он воевал на нашей территории в составе советских войск. Он участвовал в боях против Франко, был ближайшим другом маршала Малиновского. У Малиновского я с ним и познакомился. Вальтер — была его кличка по Испании. Он был убит террористами.

О сопротивлении руководству Объединенной рабочей партии я не слышал. Если бы оно было, я не мог не знать, потому что часто встречался с товарищем Берутом и Гомулкой. Это говорит о том, что польский народ устал от пилсудчины. Крестьянство проявило при голосовании непонимание, так как было введено в заблуждение, а скорее всего было напугано колхозами. Это было временное явление, и они быстро одумались и пошли за Объединенной рабочей партией.

Польские руководители разясняли, что они колхозы вводить не будут. Нужно отдать должное, что они и сейчас колхозов не имеют. Крестьяне, да и не только они, голосуют за кандидатов Объединенной рабочей партии; вместе с другими партиями в Польше сейчас существует коалиция партий на единой платформе строительства социалистического государства. Польша, по-моему, твердо встала на социалистический путь.

Мне не раз и не два приходилось присутствовать на беседах с польскими товарищами, которые проводил Сталин. Обсуждались конкретные вопросы, которые интересовали Польшу. Сталин очень хорошо относился и к Беруту, и к Гомулке. Хотя о Гомулке, как только делегация уехала, Сталин в узком кругу сказал:

— Что за человек, смотрю и не понимаю его? Он все время мне в глаза заглядывает и все записывает, все! Смотрит в глаза и ловит каждый звук. Что я скажу, он сейчас же — в блокнот.

Сталину, видно, это нравилось, но у него всегда было два чувства. Ему нравилось, что Гомулка так внимательно прислушивался к каждому его слову. Он делал вывод, что является божественным авторитетом. Он был человек тщеславный, хотя умел надевать маску безразличия. И в этом безразличии отражалось, так сказать, божественное величие, что

ему все равно, как к нему относятся, но он изрекает, безусловно, истину, которая не подлежит сомнениям. Независимо от отношения окружающих людей, они должны принимать это, потому что другой истины нет. Но он-то знал, как подкреплять свою истину. Кто ей не следовал, то следовал в могилу. Это он на деле показал в 1937-м, 1938-м и в другие годы, и в войну, и после войны.

С другой стороны, запись Гомулкой беседы он мог расценивать как действия агентов империализма, что он это делает по заданию иностранной разведки, чтобы информировать своих хозяев.

Полной противоположностью Гомулке был Берут. Он держал себя более свободно, относился к Сталину с уважением, внимательно, но без таких проявлений, как у Гомулки. Сталин к нему хорошо относился. Впрочем, что за человек Берут, не было.

Он, конечно, ко всем с подозрением относился. Как-то раз в нашем кругу он спрашивал о Беруте:

— Как Берут? Где он был? Как он скрывался? Кто у него жена и чем занимается? Как он сошелся с ней в подполье?

Особенно его интересовали жены руководителей, но это не привлекало внимания, потому что он с ними не виделся. Он считал, что через жен разведка вербует коммунистов. А раз задается вопрос, значит, недалеко до беды. Сразу последует поручение советникам при Беруте. Советники — это были люди, не мыслящие политически, а угодники, которые улавливали, что от них ждут. Оставалось только разведать и доказать, что это враг народа или чей-то агент — это одно и то же. К сожалению, очень много этой подлости было.

К моему большому удовлетворению такого с Берутом не произошло.

Когда немцы были разбиты, люди вышли из немецких лагерей, среди руководящих кадров появилась фамилия Циранкевича. О нем я получил первую информацию от Ванды Львовны Василевской. Она была очень высокого мнения о нем. Она была знакома с Циранкевичем до войны. Он был пэпэсовец и работал среди пэпэсовской молодежи.

Молодой, энергичный, способный, умный человек, перспективный политический деятель Польши.

Вскорости Осубка-Моравский был заменен на посту председателя Совета Министров Польской Республики товарищем Циранкевичем. Безусловно, это было согласовано со Сталиным. Я познакомился с товарищем Циранкевичем позже. Не помню, при жизни Сталина или после его смерти. Циранкевич на меня производил хорошее впечатление. Я к нему всегда относился с вниманием и уважением, и сейчас это отношение сохранилось. Правда, его положение было довольно незавидным. Со стороны коммунистов, ставших вождями польского государства, к нему не было абсолютного политического доверия. Всегда вокруг него была настороженность. Некоторые высказывались прямо:

— Неизвестно, кто он такой? Эта личность несколько загадочная.

Но все признавали, что он является представителем пэпэсовской части в объединенном руководстве, поэтому к нему было соответствующее отношение. Именно соответствующее, а не слияние душ на полити-

ческой основе. Это было результатом необходимой политической комбинации с тем, чтобы привлечь людей. Пэпээс была сильная и многочисленная партия.

О товарище Циранкевиче ходили всякие слухи, но, слава Богу, уже после смерти Сталина. Если бы это было при Сталине, то кончилось бы для товарища Циранкевича плохо. Циранкевич любил, как мне сам говорил, водить машину, ездить без шофера. Он умело и быстро ездил. Это тоже вызывало всякие разговоры. Одни говорили, что он ездит, потому что у него очень плохие отношения с женой, поэтому... Это я слышал даже от товарища Гомулки. Но товарищ Гомулка его высоко ценил и считал необходимым его присутствие в руководстве.

Кроме того, судачили, что фамилия его не Циранкевич, и его национальное происхождение тоже подвергалось сомнениям. До меня доходило, что он не поляк, а еврей. Циранкевич — это исправленная еврейская фамилия. Его отец имел какое-то торговое дело или мелкое предприятие. Одним словом, эта кандидатура появилась в результате соглашения, в результате комбинаций, и, видимо, товарищ Циранкевич, как умный человек, все понимал. Это накладывало какой-то отпечаток, и он больше молчал и высказывался, лишь когда чувствовал необходимость. Свое мнение он выражал четко; я никогда не слышал, чтобы сказанное им не соответствовало обсуждаемому вопросу.

Сталин благоволил к полякам. Чем могли, тем и помогли. Порой Сталин это делал в ущерб Советскому Союзу. Я имею в виду страшный голод на Украине в 1946 — 1947 годах, в результате бедственного неурожая 1946 года: Украина сдала добросовестно хлеб, все, что могла, но план все-таки не выполнила. У колхозов и колхозников были пустые закрома. Был голод, отмечались проявления людоедства, но один и не два случая.

А в это время хлеб, который был взят с Украины, посылался в Польшу. На Украине не было отрицательного настроения к Польше, потому что население не знало этого. Это знал узкий круг людей. Ванда Львовна Василевская, вернувшись из Варшавы, посмотрев, как живут варшавяне, рассказывала мне:

— Я посмотрела, они едят белый хлеб, ругают советское правительство, что мало дает белого хлеба, а вместо белого хлеба присылают черный, а поляки черный хлеб никогда не ели. Украинский хлеб посылается в Польшу, а тут люди пухнут с голоду и мрут.

Ну, в этом обвинить польское руководство и население нельзя. Они обращались с просьбой, им давали, они брали. О том, что происходило на Украине, они, безусловно, не знали. Да этого не знали и в нашей стране, этого не знают и сейчас. Кто мог знать? Знал это я, как первый секретарь Центрального Комитета и Председатель Совета Министров, знал это Сталин, знал кое-кто еще, которым я говорил. Но в результате того, что я ставил эти вопросы и настаивал, я сам попал в опалу. Несмотря на мое прямое обращение ввести карточную систему и общественное питание для крестьян, иначе они не смогут работать, получил резкое осуждение за то, что позволил себе написать клеветническую бумагу. Весной 1947 года, когда надо было выходить в поле, в Москве вынуждены были при-

знать мою правоту. Мы организовали общественное питание, потому что крестьяне буквально валились от ветра. А сколько их умерло!

Такой ущерб Сталин нанес украинскому народу, делая благое дело для поляков. Такое же положение было в Молдавии. Сталин послал в Молдавию Косыгина, он тогда был министром торговли и занимался вопросами карточек. Косыгин вернулся, доложил, что там люди голодают и страдают дистрофией. Сталин возмутился и тоже на него накричал, а потом до самой смерти, встречаясь с ним, в шутку говорил:

— Вот мой брат-дистрофик.

Косыгин тогда был очень худым. Так его некоторые и звали в те времена в узком кругу, естественно, подражая Сталину.

Было ли что-либо подобное в других республиках, я сказать не могу. Я рассматривал выделение средств и отправку зерновых в Польшу как замалчивание грехов, как говорили верующие, за соглашение, результатом которого стал раздел Польши. Да, собственно, это в какой-то степени наше соучастие в начале войны.

Приезжали польские товарищи и рассказывали Сталину в моем присутствии, что стала накаляться обстановка в польском руководстве. В руководстве возникли разногласия, Гомулка занял оппозиционное положение. Одни поддерживали Гомулку, а другие объединились вокруг Берута. Берман был влиятельным человеком, очень умным и опытным политиком. Он имел очень большое влияние на Берута. Сам он не выпирал своей фигуры, а действовал через Берута. Я даже думаю, что без его совета Берут не предпринимал ни одного политического шага. Минц занимался вопросами экономики; был человек заслуженный, уважаемый. Он был главным лицом, который определял экономические планы. В их группе был и Замбровский.

Это тоже старый политический деятель коммунистической партии. Во время гитлеровской оккупации был в подполье. Его обвиняли, что он имел какие-то сионистские наклонности. Он как коммунист не мог быть сионистом, но особое отношение к товарищам еврейской национальности проявлял. Иной раз и у нас на человека бросали незаслуженное обвинение в сионизме. Сионизм и антисемитизм — это родные братья.

Замбровского обвиняли в том, что он, как еврей, покровительствовал еврейским товарищам. А он заведовал кадрами в Центральном Комитете. Поэтому, как говорится, и карты в руки. Он продвигал, при равных условиях, на решающие участки — политические и экономические — в большей степени евреев, чем поляков.

Он не был сионистом, но все-таки имел неправильный взгляд и неправильно понимал свое положение. Это, конечно, вызывало раздражение у поляков. А нужно сказать, что среди поляков были сильные настроения антисемитского характера. Я дальше не буду распространяться, думаю, меня правильно поймут. Одним словом, создалось определенное отношение к Замбровскому. Я считаю такую политическую близорукость совершенно недопустимой, она чревата большими политическими жертвами. Такая политика действительно проводилась; к сожалению, такие ошибки польское руководство допустило. Гомулка, как более зрелый

политический руководитель, понимал, что это приведет к вредным последствиям, и свое мнение высказывал. Он — человек резкий, прямой и настойчивый, поэтому вступал в споры с Замбровским.

Одним словом, над Гомулкой начали сгущаться тучи. Сталина информировали о том, что Гомулка имеет неправильные взгляды по национальному вопросу. Проявляя антисемитизм, стал терять уважение среди руководящих кадров. Сталин сам был антисемит и к Гомулке хорошо относился, но все-таки Берут имел больше доверия у Сталина. Он его поддержал.

Я даже думаю, что главное для Сталина в вопросе о Гомулке — не антисемитизм. Если бы причина была только в этом, Сталин поддержал бы Гомулку. Однажды не публично, а в беседе товарищи из польского руководства подбросили Сталину информацию о том, что Гомулка занимает проюгославскую позицию. В то время с югославами были уже отношения порваны. Тито стал врагом народа в понимании Сталина, и весь огонь был направлен против него и против руководства Югославии. Если бы Сталин имел возможность и общую границу с Югославией, я убежден, что кончилось бы вторжением. Но тогда Сталин чувствовал слабость. Вооруженное вторжение можно было осуществить через Болгарию, но мы не были сильны. Кроме того, Сталин, я думаю, был не уверен, что это не вызовет вмешательства со стороны Америки. Конечно, не из-за симпатии американского империализма к Югославии, они стремились к достижению своей цели — расколу и разложению социалистического лагеря. В этих условиях они могли пойти на все. Сталин это, видимо, понимал и боялся войны с Америкой. У него дрожь еще не прошла после вторжения Гитлера в Советский Союз. Наша победа не заглушила чувства страха.

Симпатии политических деятелей изменились; Тито стал врагом, югославы «предали социализм и вернулись на путь капитализма». Это была выдумка, но она так пропагандировалась, что многие поверили в эту ложь Сталина. Об этом трубила вся печать. Миллионы людей питались этой пропагандой, и он сам поверил в это.

Есть притча: «Мулла шел по деревне, и его сначала один, а потом другой встречный спросили: «Что на другом краю деревни?» Сначала он отвечал, что ничего, а потом сказал, что там плов дают бесплатно. Туда побежали люди, чтобы плов получить. И когда он сам спросил: «Куда они бегут?» — ему ответили: «Там плов дают». Несмотря на то, что он сам это выдумал, поднял свою хламиду и вместе с другими бросился туда, чтобы получить бесплатно плов. Очень метко в народе подмечено, что другой раз в ложь и тот верит, кто ее выдумал. Так было с югославским вопросом.

Почему же на Гомулку пало такое подозрение? Потому что польская делегация, возглавлявшаяся Гомулкой, выезжала в Югославию. Поездка была до накала вражды, когда еще были внешне хорошие отношения, но черная кошка уже пробежала. Гомулка, естественно, там выступал. Он ездил туда не критиковать, а изучать опыт, поэтому говорил приятное для хозяев. Вернувшись домой, он, естественно, на собраниях говорил хорошее о Югославии, о Тито. До разрыва все говорили о Тито хорошо.

Когда в польском руководстве возникли разногласия, то другая сторона использовала и этот аргумент.

Момент зарождения враждебности и недоверия к Гомулке я не знаю. Видимо, Берут говорил со Сталиным один на один. Когда и как оно складывалось? Как подбрасывались Сталину эти вопросы, и в конце концов Сталин согласился на то, чтобы арестовать Гомулку?

Сталин был недоволен Гомулкой по двум вопросам: по еврейскому вопросу и по отношению к Югославии. Третий вопрос — это колхозы. Сталина информировали о том, что Гомулка занимает резко враждебную позицию против колхозов, что он не хочет создавать колхозы. В то время другие страны, которые встали на путь социалистического строительства, уже начинали конкретно проводить организационные мероприятия по созданию колхозов. Польша стояла вне этого движения. И это тоже приписывалось Гомулке. В какой-то степени, видимо, это было правдой, потому что товарищ Гомулка и сейчас сдержанно относится к колхозам. Если они и есть в Польше, то очень незначительное количество. Он пошел по другому пути: создал кружки, как он называл. Я сейчас не помню этих организационных форм, но должен признать, что, несмотря на отсутствие колхозов, крестьяне голосуют за кандидатов, которые выставляются Центральным Комитетом Объединенной рабочей партии Польши, и разногласий в семье и в парламенте нет. Положение в сельском хозяйстве у них хорошее. Они не только обеспечивают себя, в основном, всеми видами продуктов, но даже и экспортируют. Они стараются получить от нас как можно больше зерна. Но это не говорит о том, что они не удовлетворяют своих запросов. Это уже коммерческая сторона. По этому вопросу я не раз говорил с товарищем Гомулкой, когда он нажимал, чтобы больше получить у нас зерна для Польши. Они выращивают свиней и прекрасно готовят бекон. Бекон для них — это валюта. Они его продавали даже в Соединенные Штаты Америки. Был закрыт доступ даже нашим крабам, икре, а польский бекон они охотно покупали. И сейчас, когда я диктую, вспоминаю вкус и запах этого продукта. У меня набегают слюнки от воспоминаний об этом замечательном продукте.

Колхозы — это главный элемент социалистического строительства, особенно в понимании Сталина. Все знают, какое он придавал значение колхозам и как он их создавал. Об этом я скажу свое мнение особо, но это не относится к польскому вопросу. Колхозы стали последней каплей на политических весах в пользу Гомулки или против него. Вот, собственно, три обвинения, которые выдвигались против Гомулки.

Сталин не занимал ничью позицию или, вернее, он делал вид. Сталин другой раз умел терпеть и надевать маску. Особенно врезалась в память маска Сталина. Когда решался вопрос об аресте Якова Аркадьевича Яковлева. Это был очень крупный политический деятель: был заместителем в комитете Госконтроля, когда РКИ возглавлял Орджоникидзе, был у него правой рукой. Был наркомом земледелия; заведовал отделом сельского хозяйства Центрального Комитета. Он был доверенным лицом Сталина. Когда мы собрались на XV съезд, зиновьевская оппозиция готовилась

дать бой на этом съезде. Наша делегация приехала в Москву и разместилась в Каретном ряду, в Доме Советов. Это было общежитие. Делегаты спали буквально впокат на нарах. Предварительно к нам пришел Яковлев и информировал о сложившейся ситуации в руководстве Политбюро. Он проинформировал, что, видимо, выступят ленинградцы как оппозиция и потребуют, чтобы Зиновьев сделал доклад. Так оно и было. Это я говорю в доказательство, каким доверием пользовался Яковлев. Несмотря на это, когда в 1938 году нависла угроза над другими, пришла очередь и его. Я даже не знаю, в чем его обвиняли, но Пленум Центрального Комитета проходил остро. В перерыве я был около Сталина, к нам подошел Яковлев.

Сталин меня спросил:

— Вы куда собрались идти?

— Я обедать иду, перерыв...

— Пойдемте ко мне обедать.

И он меня пригласил, но я почувствовал, что это какое-то вынужденное приглашение. Почему он других не пригласил, а меня пригласил? Потом я понял, что пригласил он меня из-за Яковлева. Яковлев без приглашения пошел следом. Вот как проходил обед. Яковлев задавал какие-то вопросы, вел какую-то беседу, а Сталин ему спокойно отвечал. Ничего не предвещало опасности. А потом я узнал, что Яковлев арестован и как «враг народа» расстрелян. Вот — это Сталин. Это его умение маскироваться, даже вести беседу с жертвой, когда он уже запускает свои когти в сердце этой жертвы.

Я не заметил, когда начали сгущаться тучи над головой Гомулки. Потом от Сталина я узнал, что польские товарищи арестовали Гомулку. Я не знаю, одновременно с ним или позднее, но были арестованы товарищи Спихальский, Клишко, Лога Совинский — все они видные деятели, преданные делу рабочего класса. Они вели активную борьбу в рядах коммунистической партии в подполье, во время гитлеровской оккупации. Я называю только этих людей, других я просто не знаю. О том, что они арестованы, я узнал значительно позже, после смерти Сталина и даже после смерти товарища Берута. Польские товарищи нас не информировали, а мы не проверяли. Может быть, не было проявлено достаточно внимания, но я думаю, что это объяснялось тем, что мы не хотели вмешиваться во внутренние дела Польской республики.

Характерная черта Сталина, именно Сталина: он делал все хладнокровно. Я бы не сказал — обдуманно, потому что если бы он хорошо, глубоко обдумал, то он не делал бы тех ошибок, которые он делал. Это был результат какого-то особого характера, недоверия к людям.

Как-то я был в Москве у товарища Сталина. Он разговаривал по телефону с Берутом. Потом, переговорив, подошел к столу, за которым я сидел, рассказал, о чем они говорили, и вдруг сказал, что они арестовали Гомулку. Он сказал: «Не знаю, правильно ли они поступили, какие у них сомнения в отношении Гомулки?» Вроде он и сочувствовал (эти слова я слышал несколько раз), но с другой стороны, не проявлял интереса с тем, чтобы разузнать, разобраться, если сочувствуешь. Разобраться, видимо,

нужно было, потому что от него зависело, будет арестован Гомулка или нет. Сам Берут не сделал бы этого.

Единства среди польского руководства уже не было. Люди перестали высказывать свои мнения, перестали как раньше, в открытую, коллективом обсуждать проблемы и искать истинный путь дальнейшего развития. Собственная точка зрения загонялась вглубь, люди молчали, а следовательно, назревали всякие неожиданные события. Так всегда бывает, если нет возможности высказываться или обмениваться мнениями внутри партии. Это заставляет объединяться в какие-то группировки, которые начинают свою работу. Они выражаются по-разному, но все эти элементы раздирают единство, следовательно, ослабляют руководство. В народе сеются сомнения и прочее...

Я помню, когда определялись границы с Германией по Одеру-Нейсе, мы, конечно, тогда все радовались. Мы считали, что Польша получает такие выгодные границы на Западе. Поляки обосновывали исторически, что когда-то эти земли принадлежали Польше. Я полякам верил, сам я этих источников не знал, но у меня было одно желание, чтобы границы Польши были бы подальше отодвинуты на Запад. Я считал: рано или поздно, Польша все-таки будет социалистической и будет нашим союзником. Я сознаю, что у меня было желание, чтобы Польша когда-нибудь стала одной из республик Великого содружества социалистических стран, будет ли это называться Советский Союз или, может быть, это будет какое-то другое название, но я верил в это. Я просто хотел этого, но это совершенно не значит, что я организационно добивался чего-то подобного. Для этого, я считал, тогда условия совершенно не созрели, да и сейчас они еще не созрели. Но я верю, что они когда-нибудь созреют. Если в это не верить, значит, не быть коммунистом. Это не поглощение, нет, это содружество наций на социалистической основе. Потом это будет общество, которое будет проявлять свою деятельность на коммунистических началах, — это высокообразованное, высокоорганизованное общество, в котором нет эксплуатации, нет угнетения, и люди живут свободно. Я радовался: чем западнее установит свои границы Польша, тем лучше и для Польши, и для Советского Союза.

Когда в то время я проявлял интерес к Польше, как-то рассматривая более детально карту по Нейсе и Одеру, мое внимание было привлечено расположением города Щецина. Он расположен в дельте Одера, буквально на берегах Одера. Я когда-то спросил Сталина:

— Устанавливаются границы по Одеру, а вот Щецин... Он куда отходить будет? Будет ли отходить к Германии? Или Щецин войдет в состав польского государства?

Сталин проявил интерес. Я ему рассказал, как географически расположен этот город.

Потом я узнал, что Щецин был включен в состав польского государства. Почему тогда Сталин прямо не высказался? Сталин не высказался. Тогда он не был уверен, сможет ли он это сделать. Потом, видимо, он решил (тогда, собственно, Сталин определял это), потому что наши войска освободили город, выселили немцев и присоединили его к Польше.

Потом, когда я был в Польше, товарищ Гомулка предложил поехать в Щецин. Сейчас может возникнуть замечание, что это было в ущерб Германской Демократической Республике. Это, конечно, умное замечание, но только оно делается спустя двадцать пять лет, а тогда никакого разговора о ГДР не было. Не только не было, я думаю, что у Сталина в сознании не возникла такая мысль. Тогда еще Сталин верил, что будет единая Германия, и она будет социалистическая. Если бы в то время у Сталина было предположение, что будут ФРГ и ГДР, то Щецин, наверное, отошел бы к Германской Демократической Республике. Город располагался на левом берегу Одера, и товарищ Ульбрихт мог предъявить свои права на него. Тогда этого вопроса не существовало.

После смерти Сталина и Берута, когда пришел к руководству Гомулка, у меня лично сложились с ним хорошие отношения. Отношения между нашими руководящими органами тоже были хорошие. Я не раз бывал по приглашению польских друзей в Польше. Во время одного пребывания польские товарищи предложили поехать на западные земли Польши. Западные земли неохотно заселялись поляками. Они не хотели оставлять своих земель, на которых жили до войны, несмотря на то, что там были хорошие условия, земли были хорошие. Поляки не были уверены, что земли останутся за Польшей и не отойдут к Германии. Щецин был полупустым, он не был заселен, и туда люди шли неохотно. Были торжественные встречи, митинги, выступали польские товарищи, я выступал. Потом объявили о присвоении мне звания Почетного Гражданина города Щецина. Со мной это не было согласовано. Я ломал голову, почему они это сделали, предварительно меня не уведомив. Потом я пришел к заключению, по-моему, правильному, и спросил Гомулку:

— Присвоив мне Почетное звание Гражданина Щецина, вы сделали меня заложником? Этим вы хотели подтвердить, что город остается за Польшей, а польская нога твердо стоит на этих землях? Моя должность Председателя Совета Министров должна сыграть роль какого-то гарантийного чека и создать уверенность?..

Гомулка посмотрел на меня и улыбнулся. Он сказал, что просто из уважения... Явно он не подтвердил, но и не отрицал, что такое подсознательное желание у них было.

Я, собственно, был и не против, не потому, что это как-то теребило мои чувства и щекотало самолюбие. Это, конечно, честь, но я понимал потребность в этом. Если это успокаивало товарищей и укрепляло их уверенность, что эти земли останутся за Польшей, и Советский Союз как-то гарантирует границу, я готов был быть таким «козлом отпущения», если это было на пользу укрепления наших дружеских отношений, укрепления сознания, что завоевания, которые Польша получила в результате разгрома Гитлера, остаются навечно. Я готов был играть роль, которую мне отводили польские товарищи.

После того как граница была изменена и западные украинские земли отошли польскому государству со всем населением, люди не захотели переселяться со своих земель в Советский Союз, они не хотели оставить их. Там веками жили их предки. Они начали борьбу. Эта борьба была

направлена и против Советской Украины, и против Польши. Поляки были вынуждены принять вооруженные меры против них. Это была довольно кровавая война, она унесла много жизней. Потом польские товарищи решили всех украинцев, которые жили в этих районах и вели себя агрессивно в отношении польского государства, переселить на западные земли. Это тоже говорит о том, что поляки не хотели сами переселяться туда. Это нежелание, безусловно, было основано на неуверенности, что эти границы останутся навечно за Польшей.

Земли на востоке заселялись польским населением. Они были уверены, что Советский Союз не изменит своего решения, и поэтому земли, которые определялись границей на востоке Польши, граничащей с Советским Союзом, считали навечно польскими. У меня всегда были очень хорошие отношения с товарищем Берутом. Я его очень уважал, он был настоящим коммунистом. После смерти Сталина я стал Первым секретарем Коммунистической партии Советского Союза. Отношения с товарищем Берутом, Циранкевичем, Охабом и с другими товарищами, кто был тогда в руководстве, у меня сложились самые дружеские. Не совсем искренние складывались отношения с Замбровским. Он к нам, по-моему, не приезжал на отдых, и следовательно, я его плохо знал.

У меня возникал вопрос, за что все-таки сидит Гомулка? Я спрашивал товарища Берута:

— Расскажите, чтобы я понимал, в чем обвиняют Гомулку? Почему он сидит у вас в тюрьме?

Он посмотрел и улыбнулся:

— Товарищ Хрущев, если глубоко подумать, так я и сам не знаю, за что он сидит.

Я знал об официальных обвинениях. Берут тоже знал, что я знаю, и если я задал вопрос, видимо, меня это не удовлетворяло. Тем более что мы повернули наши отношения с Югославией. С товарищем Тито у нас стали самые хорошие дружеские отношения. Я говорю о конечном результате, а шли они болезненным путем, не сразу стали из холодных горячими. Я напомнил, что, видимо, Сталин согласился на арест Гомулки из-за его проюгославской линии. Сейчас это отпало или отпадало.

И я сказал:

— Тогда освободите. Если вы такого мнения...

Но, видимо, он был под сильным влиянием других. Берут был мягким человеком, а они это использовали и оказывали на него влияние. Это были очень влиятельные люди, поэтому Гомулка продолжал находиться в тюрьме.

Несколько раз, отдыхая в Крыму с товарищем Берутом, в спокойной обстановке я говорил:

— Гомулка сидит в тюрьме, а до нас доходят слухи, что в Польше есть силы, которые недовольны национальным составом высшего руководящего органа в партии и в правительстве. Определяют политику в значительной степени товарищи не польской, а еврейской национальности, хотя это люди достойные и не вызывают сомнения. Это касалось Бермана и Минца. Эти две фамилии у меня никакого сомнения не вызывали.

Сейчас я не знаю, какое положение они занимают, но я и сейчас считаю, что это честнейшие и преданные люди коммунистического движения, много сделавшие после разгрома немцев, когда создавалось государство социалистического уклада.

На это Берут со свойственной его характеру улыбкой посмотрел на меня и ответил:

— Товарищ Хрущев, вы знаете, как тяжело. Я сам понимаю, что это вызывает недовольство в каких-то польских кругах, но ведь Берман, вы знаете, умный человек. Если так говорить, все речи, документы, партийные и правительственные, которые мы принимаем, редактирует, главным образом, Берман, а по экономическим вопросам — Минц. Речи, которые я произношу, они тоже подвергаются их редакции. Я нуждаюсь в таких помощниках. Вы сами говорите, что это честные люди.

— Это верно, но это может породить семена антисемитизма. Потом вы встретитесь с трудностями, вам придется объяснять, почему в польском руководстве преобладают люди непольской национальности. Почему из польского населения вы не имеете возможности подобрать умных людей? Они отсутствуют? На такие вопросы вы не сможете дать вразумительного ответа и не справитесь с трудностями. Надо как-то изменить обстановку, привлечь товарищей польской национальности к руководству.

Такие разговоры возникали несколько раз. Работники нашего посольства докладывали, что дела так обстоят не только в центре, но и в воеводствах. На периферии выдвигаются кадры тоже непольской национальности. Это делает Замбровский, который сидит в ЦК на кадрах и определяет политику. Он подбирал и выдвигал людей.

Работая с Марголиным, я сталкивался с такими же явлениями. Это хороший товарищ, честный коммунист, прошедший подполье, член партии с 1913-го или 1914 года. Они были большими приятелями с Кагановичем по работе в подполье. Я с Марголиным познакомился во время учебы в Промышленной академии. Потом, когда меня избрали секретарем райкома на Красной Пресне, Марголина перевели на пост секретаря райкома партии Бауманского района. Там тогда русского духа в райкоме не было. Я в шутку говорил Кагановичу: «Только раввина нет. Надо раввина туда дать». Хотя все эти люди по политическим соображениям абсолютно верные и преданные делу коммунистического движения, но надо было считаться с национальным вопросом. Появлялись элементы антисемитизма, которые подогревались таким составом руководящих партийных и советских органов. Марголин когда-то мне сказал на даче:

— Знаете ли, когда я работал в Мелитополе секретарем окружного комитета, то евреи были для работы, а украинцев я выдвигал для вида.

Я просто был возмущен этим. Я, конечно, ничего ему не сказал. Не знаю, по каким соображениям он сбросил маску? Как такое мог сказать коммунист? Как так? Вот вам, семена и удобрение для произрастания сорняков антисемитизма в народе. На Украине я это видел, чувствовал и это пережил. Я считаю, что такое положение, такая политика рано или поздно приведет к плачевным последствиям.

Собственно, в какой-то степени слова Берута переплетаются с точкой зрения Марголина. Только Марголин это говорил несдержанно, демонстративно, а у Берута другой характер, но суть одна и та же в понимании национального вопроса, вернее, это непонимание национального вопроса.

О Марголине в свое время я уже диктовал. Он был выдвинут в Днепропетровский областной комитет и... расстрелян. Он был человеком честным и преданным делу партии, но Каганович — его друг по подполью, и слова в защиту не произнес. Я уже о Кагановиче говорил. Не знаю, на что он был способен в этом отношении. Это был трус, подхалим, холуй Сталина.

Так вот это продолжалось. Мы подошли к XX съезду Коммунистической партии Советского Союза. Уже много времени прошло после смерти Сталина, но мы чувствовали, ощущали потребность заглянуть, приподнять покрывало, которым прикрывались убийства, казни и аресты. После ареста, разоблачения и расстрела Берии наши оковы были несколько сняты, но мы были скованы преклонением перед Сталиным, боялись заикнуться о том, что казни не имели оснований. Мы считали, что было бы святотатством замахнуть на авторитет Сталина, усомниться и выразить недоверие его делам, которые он вел по очистке рядов партии, по укреплению советского государства.

В конце концов я предложил Президиуму ЦК создать авторитетную комиссию и посмотреть... Прежде чем прийти к такому выводу, я советовался с Генеральным прокурором Руденко, который был назначен после ареста Берии. Я его хорошо знал по Украине. В свое время он был прокурором Ворошиловградской области. На него тоже были довольно веские показания, я об этом знал. Потом мы его выдвинули прокурором Украины. После войны он участвовал в Нюрнбергском процессе. После ареста Берии надо было сменить прокурора, и я назвал товарища Руденко. Его все знали, особенно после Нюрнбергского процесса, не только в Советском Союзе, но и во всем мире. Поэтому эта кандидатура не встретила возражение и была утверждена.

Я вызвал его и спросил, были ли какие основания для проведения процессов над бывшими руководителями партии, такими, как Зиновьев, Бухарин, Каменев, Рыков и другими, меньшего ранга?

Он ответил:

— Я проявлял интерес и заглядывал в те материалы. Знаете, товарищ Хрущев, если руководствоваться только этими материалами, то они не дают никакого основания для ареста этих людей, а уж для казни — тем более. Следовательно, это было волевое решение. Я не обнаружил доказательств, думаю, что их вообще не было. Это делалось по указанию Сталина.

В те годы это было большим ударом для меня лично. У меня авторитет Сталина был очень высок, несмотря на некоторое недовольство. Я был недоволен тем или другим мероприятием, которое можно было бы проводить по-другому, а Сталин делал по-своему. Это может быть с каждым человеком, но не давало права сомневаться и подозревать Ста-

лина в том, что он арестовывал и убивал людей, преданных революции, объявляя их «врагами народа». Когда Руденко мне все рассказал, а я ему верил, то многое понял.

Тогда я предложил создать комиссию, возглавил ее Пospelов. Он был в то время секретарем Центрального Комитета. Мы знали его как старого большевика и близкого человека к Сталину. Много лет после войны он стоял во главе «Правды», был ее редактором.

Я считал, что он должен был разобраться в этом деле. Комиссия доложила о своей работе, и мы увидели страшную картину. Во время работы XX съезда после сделанного мною отчетного доклада Центрального Комитета съезду встал вопрос о том, что надо сказать съезду о преступлениях. Утаить преступления, о которых мы уже знали, я считал невозможным. Был большой спор, я об этом уже диктовал. Особенно отстаивали противоположную точку зрения Молотов, Ворошилов и Каганович. Но в конце концов они согласились; если промолчишь на съезде, то тайну все равно не удержать. Ситуация была такая же как, когда решался вопрос об освобождении крестьян от крепостной зависимости. Тогда было две точки зрения: одна точка зрения — не давать, а другие тоже стояли почти на этой точке зрения, но понимали: не дашь сверху, возьмут снизу. Этот аргумент я привел для консерваторов, которые стояли на позициях неизблемости авторитета Сталина. Именем Сталина прикрывались собственные имена. Они были соучастниками той мясорубки. Молотов, Каганович, Ворошилов — это самые близкие люди из той группы. Близким был также Микоян, но он оказался более гибким и согласился со мной. Я не знаю, знал ли Микоян о том, что невинные люди теряли головы, или не знал. Это мне трудно сказать. Никто не может знать, кроме него самого. Микоян понимал необходимость сказать, и это меня сближало с ним. Мой гнев, главным образом, был направлен против тех, кто затеял «драку» из-за того, что их могут привлечь к ответу. Я ответил: «Могут, могут. Тогда и ответим». Если будет суд, то примут во внимание, что мы сами искренне хотели разобраться и разоблачить преступления. И этим мы покажем, что нам можно доверять. Для Молотова, Ворошилова и Кагановича эти аргументы были слабыми; они-то многое знали о казнях, которые не имели оснований.

В конце концов решили сделать доклад, и он был сделан мною, хотя я предлагал его сделать Пospelову. Руководство высказалось, чтобы доклад был сделан тем же докладчиком, которым был сделан отчетный доклад. Это, видимо, было правильно по тому времени.

Доклад грянул громом в ясную погоду... Я не помню, было ли обсуждение доклада, а может быть, даже и не было, а была принята соответствующая резолюция. Мы сами еще оставались рабами Сталина, рабами его праха, поэтому давали определенную направленность. Сталина не было, но мы как-то выгораживали Сталина и подставляли под гнев народа Берию, Ежова и других. Но это были только палачи, которые выполняли грязную работу, а идеологом и направляющей силой этих палачей был Сталин. Без Сталина и их бы не было, а тем более они этого не сделали бы, особенно Ежов. Ежов сам по характеру был не способен на это, из

него сделали палача и пьянчужку, а он сначала был не таким. Я Ежова знал раньше.

Одним словом, этот вопрос уже мною освещался, я его только попутно затрагиваю. Потом мы решили зачитать доклад делегациям братских коммунистических партий. Наша детская наивность состояла в том, что мы разрешили увезти доклад с собой. Мы думали, что там будут свято храниться эти документы, мы не хотели, чтобы этот доклад стал достоянием буржуазной общественности.

Этот документ во время съезда мы дали и товарищу Беруту. Вскоре он умер, еще в Москве. Кажется, он заболел на съезде. Некоторые члены польской делегации хотели поспорить поляков с народами Советского Союза. Нам приписывали обвинение, что Берут умер в Москве при непонятных обстоятельствах, одним словом, бросали на нас тень. Да, он был слаб здоровьем, но если бы он в то время был в Варшаве, то, наверное, умер бы и там. Эта враждебная выдумка была направлена на то, чтобы охладить братские чувства польского народа, направить его гнев против Советского Союза. Заронить мысль, что Москва отвечает за эту смерть. Это была враждебная акция. Враждебные элементы даже смерть Берута хотели направить во вред братским отношениям.

Мы обменялись мнениями и пришли к выводу, что делегацию Советского Союза на похороны в Варшаву должен возглавить я. Я очень уважал Берута и сейчас сохраняю добрую память о нем. Кроме того, после похорон должен был решаться вопрос о том, кто заменит Берута. Для нас это был не праздный вопрос. Мы Польшу рассматривали как дружественное государство, хотели братских отношений между нашими народами и укрепления межгосударственных отношений. Она наш западный сосед, через Польшу начиналась не одна война. Все строится на людях; от того, кто будет возглавлять будущее руководство после смерти товарища Берута, зависело многое.

Похороны были соответствующие рангу государственного положения, которое занимал Берут. Народ искренне его оплакивал. Он верил Беруту и понимал, какую утрату понесла Польша. Но какая бы ни была горечь, вызванная смертью, она в конце концов проходит, потому что рождение и смерть человека — это естественный процесс. Живущие должны думать о жизни. Встал вопрос: кто займет пост первого секретаря.

Мы очень симпатизировали Завадскому. Он бывший рабочий, прошел тюремную школу Пилсудского, завоевал наше доверие и действительно был настоящим коммунистом, интернационалистом и большим другом Советского Союза. Его жена — тоже коммунистка и тоже верный наш друг, по-моему, прошла тюремную школу, она была еврейской национальности. Наши очень большие симпатии были на стороне Завадского.

Товарищ Охав тоже прошел большую школу подпольной борьбы в рядах коммунистической партии и тюрьму. И жена его человек не случайный в политике. Она тоже была коммунисткой, прошла тюрьму и тоже была нашим хорошим другом.

Вот, собственно, эти две кандидатуры котиrowались. Они оба

польской национальности, а это тоже имело большое значение. Возглавлять государство должен человек, принадлежащий к той нации, которая занимает в нем первое место. Иначе — возможно, но сложно. И когда особой необходимости нет, то на это идти нельзя, надо выдвигать человека — выходца из основной нации государства.

Стали обсуждать. Члены ЦК пришли к выводу, что первым секретарем они выдвигают товарища Охаба. У нас абсолютно никаких возражений не было. Во-первых, нас не спрашивали. Во-вторых, мы сами себя поставили в положение наблюдателей, чтобы нас не упрекали в том, что мы вмешиваемся во внутренние дела. Хотя мы хотели бы влиять на это и старались оказать влияние, но не грубо.

Был выдвинут Охаб, мы его приветствовали. Нам больше импонировал Завадский, но он категорически отказался от этого поста, так как был больным человеком. Завадский был выдвинут Председателем Президиума правительственных органов, это обязанность президента. Тогда или раньше был разделен пост секретаря и президента? Я думаю, что это было сделано после смерти Берута, но не ручаюсь. Это у меня не сохранилось в памяти, а справками я не пользуюсь. Да это и не имеет большого значения в данном случае.

Тогда же я беседовал со всеми членами руководства Польской Объединенной рабочей партии о Гомулке. Он сидел в тюрьме. Во время бесед я ссылался на то, что мне говорил Берут. Если говорить правду, он и сам не понимал, почему они держат Гомулку в тюрьме. Во время бесед я высказывал свое сочувствие Гомулке.

Меня все убеждали, приводя различные аргументы, что не стоит его освобождать. Говорили о том, что все-таки обвинения были, но они, так сказать, не сняты. Особенно меня в этом убеждали Замбровский и Охаб. На таких же позициях стоял Завадский и Циранкевич, я уже не говорю о Бермане и Минце. Одним словом, все руководство стояло на том, что освобождать Гомулку они не имеют оснований и не имеют желания. Я был искренне огорчен.

После доклада на XX съезде, где были вскрыты злоупотребления властью Сталиным, мы раздали копию доклада руководителям партий социалистических стран. Одна из копий попала в руки западных журналистов и была опубликована в печати. Мы узнали, что эта утечка произошла через Польшу, а потом узнали еще больше, в Польше этот документ размножили и продавали на рынке. Таким образом, это стало достоянием мировой общественности. Враги, конечно, подняли шум и начали пропаганду против коммунистических партий и социалистических стран. Особенно бурно это проходило в Польше, потому что все руководство польской коммунистической партии до войны было арестовано, уничтожено, расстреляно, а компартия Польши была распущена. Возмущение было не только тем, что погибли люди, а, я бы сказал, в большей степени началась пропаганда вообще против того строя, который сложился в Польше. Они хотели иного. Силы буржуазной пропаганды имели влияние. Миколайчик еще был жив и маячил перед глазами некоторых реакционных сил в Польше. Все это в сумме и было противопоставлено соци-

алистическому строю. Там были очень крупные волнения. Все это делалось под знаменем того, что были уничтожены люди, и в этом виноват Советский Союз. Конечно, если рассматривать Сталина как главу советского государства и главу Коммунистической партии Советского Союза, так это правильно. Мы объясняли, что это не суть коммунистического движения, а злоупотребления властью, но это отбрасывалось, а брался сам факт. Доказывалось, что факт этот вытекает из сути коммунистического движения и советского строя.

Волна раскачивалась и набирала мощь, особенно среди студенчества и интеллигенции. Это движение выступило за освобождение Гомулки. Мы знали, что происходит в Польше. Такой же процесс зародился и развивался в Венгрии. В Венгрии были такие же условия, как в Польше, хотя венгерская компартия не была распущена, но много людей было уничтожено. Был уничтожен Бела Кун, руководитель Коммунистической партии Венгрии, революционер, который первым поднял знамя восстания в 1919 году. Первая республика Советов была создана в Венгрии. Бела Кун был уничтожен как «враг народа». Естественно, силам, враждебным коммунизму, было выгодно взять на свое знамя Бела Куна как авторитетную личность среди рабочего класса, среди трудового народа и направлять движение против советской системы, против диктатуры пролетариата, против социализма и против коммунизма вообще.

Я пытался в то время от имени советского руководства как-то настоять на освобождении Гомулки. Но в то время уже складывались иные силы в Польше, которые выступали за его освобождение, требовали его освобождения. Руководство, которое было против освобождения, если хотело сохранить какой-то авторитет, хотя он уже был довольно подпорченным, должно было выпустить Гомулку. Правда, лучшее время для этого было уже упущено. Но и этого не было сделано. Повторило ошибку и новое руководство, сложившееся после Берута. Такая линия проводилась в результате ограниченного понимания развивающегося процесса.

Я сейчас вспомнил, как польская делегация во главе с товарищем Охабом, направляясь в Китай через Советский Союз, останавливалась в Москве. Конечно, я имел встречу с товарищем Охабом. Я не помню, кто его сопровождал в той поездке. Мы встречались один на один, переводчиков тоже не требовалось, потому что товарищ Охоб хорошо говорил по-русски, с польским, конечно, акцентом. Мы вполне друг друга понимали и «толмача» (переводчика) нам не требовалось. Во время встречи я опять вспомнил Гомулку. Его уже освободили из тюрьмы.

Охоб рассказал, что Гомулка физически очень слаб и нуждается в отдыхе. Я ему предложил:

— Не нашли бы возможным, и не согласился бы товарищ Гомулка провести отдых в Крыму? Мы ему создали бы соответствующие условия.

Мои слова произвели особое впечатление на Охаба; я это заметил. Его как-то передернуло. Не помню, что он мне ответил, но только не согласием.

Когда Охоб вернулся в Варшаву, там произошел бурный взрыв недовольства. Кое-где прошли демонстрации — и в Варшаве, и в других горо-

дах. Все бурлило, и все на антисоветской основе. Не всегда люди выходили на улицу, а варились внутри себя. Они требовали вывода советских войск из Польши, критиковали советскую политику, критиковали неравноправные договоры, неравноправные отношения между нашими странами. За силезский уголь, который Польша поставляла нам, было заплачено ниже мировых цен. Приводились факты, которые соответствовали действительности, а некоторые были выдуманы. То, что было сделано Советским Союзом, сколько крови было пролито, сколько людей жизнь отдали за освобождение Польши, это совершенно исчезло, об этом никто не вспоминал. Сколько Советский Союз дал Польше хлеба в самые тяжелые критические минуты. По-братски отрывал кусок хлеба от своего рта. Все хорошее в тот момент было вычеркнуто, никто об этом не говорил, вспоминали только о негативном.

Тут уж машина вражеской клеветы работала против нас, потому что Советский Союз является оплотом социалистического движения, и я бы сказал, мирового коммунистического движения. Поэтому враги свое острие направили против главных сил коммунистического мирового движения, против Советского Союза, против Коммунистической партии Советского Союза. Наши Вооруженные Силы находились на территории Польши, да и сейчас находятся там по Потсдамскому соглашению, а это соглашение и сейчас действует, поскольку не было подписано мирного договора. Но сейчас и дружеское соглашение существует между социалистическими странами, входящими в варшавский пакт. Согласно этому договору наши войска пребывают в некоторых социалистических странах. Я говорю в некоторых, потому что Варшавским договором было определено, что наши войска располагаются в Польской Республике, Венгерской Республике, в Германской Демократической Республике, в Румынии. В таких странах, как Болгария и Чехословакия, наших войск никогда не было. Кроме того, во главе польской армии стоял маршал Рокоссовский. Было известно, что маршал Рокоссовский является героем Советского Союза и большим патриотом Советского Союза, несмотря на то, что отсидел в свое время, едва избежал казни. Он был выпущен, когда началась вторая мировая война, и славно прошел свой боевой путь, командуя крупными вооруженными соединениями. Теперь он стоял во главе польских войск. Это тоже подогревало настроения против Советского Союза, против Рокоссовского. Его обвиняли, что он ставленник Сталина. Конечно, большинство поляков гордилось Рокоссовским и будет гордиться еще больше и в будущем. Рокоссовского туда послал действительно Сталин, но я отлично помню, что Берут очень просил порекомендовать командующего, который прошел войну и приобрел большой опыт. Лучшей кандидатуры, чем Рокоссовский, нельзя было желать, и Сталин назвал его. Берут был доволен. Когда вызвали Рокоссовского, это было при мне, он перед Сталиным сразу обмяк и просил, и умолял не посылать его. Он доказывал, что связан с Советским Союзом, с Вооруженными Силами Советского Союза.

Сталин нажал на него и доказывал необходимость принятия предложения. Он согласился, но просил Сталина об одном, с чем Сталин

согласился. Он хотел остаться гражданином Советского Союза и маршалом Советского Союза, оставить при себе регалии, которые он получил за боевые отличия. На эти условия Сталин охотно согласился и дал ему обещание, что будет так. На этом условии Рокоссовский принял предложение и стал маршалом Войска Польского. Мы, конечно, радовались. Я всегда с уважением относился к товарищу Рокоссовскому. Естественно, реакционные силы, которые всплыли в то время, правильно определяли, что Рокоссовский не поднимет руку против Советского Союза, что он не поведет войска против войск Советского Союза, что он является не только другом, но и гражданином Советского Союза. Он являлся маршалом Советского Союза, хотя польское правительство присвоило ему маршальское звание.

Как только антисоветские силы стали оказывать влияние на руководство, которое возглавлял Охаб, оно оказалось бессильным и не могло уже дальше определять политику. Его никто не слушал, когда оно обращалось к народу, а силы оно уже никакой не имело. Тогда же был выпущен на свободу польский генерал. Я не помню того генерала, но считал, что он был заключен неправильно, без всяких оснований. Когда он вышел на свободу, то, естественно, его энергия была использована врагами Советского Союза, и это определило его деятельность в новых условиях. Он был назначен министром внутренних дел и ему были подчинены какие-то войска. Я не знаю численности этих войск, они занимались внутренней охраной.

В данном случае они были использованы против той линии, которую проводил Охаб и его руководство.

Генерал привел войска буквально в боевое состояние. Собственно, он стал опорой нового, уже сложившегося руководства. Охаба сместили, или он сам подал в отставку, это не имеет значения. Гомулку выдвинули первым секретарем. Это не только не противоречило нашим желаниям, а наоборот. Но эта манипуляция была проведена под лозунгом смены просоветского руководства Охаба. Гомулка пришел, опираясь на силы, которые выступали против руководства, сложившегося после смерти Берута. Это движение стало чернить и Берута, и прошлое руководство. Это тоже, естественно, при Беруте эти люди попали в тюрьму, и, безусловно, с его согласия. Я не думаю, что он был инициатором, но он дал согласие на аресты, его руками это было сделано. Поэтому если рассматривать массовое проявление недовольства, то оно, обвиняя Берута, нашло правильный адрес.

Движение шло на большом подъеме антисоветской волны. Когда мы узнали об этом, то захотели присутствовать на заседании пленума ЦК, который собрался в Варшаве с тем, чтобы выслушать и дать объяснения. Важны были последствия изменений и будущие отношения между нашими государствами. Это нас особенно интересовало, наша огромная армия находилась и сейчас находится в Германской Демократической Республике, а все коммуникации проходят через Польшу. Помимо этого, в Польше стоял наш небольшой морской флот. Главные коммуникации шли по территории Польши по железной дороге, и если бы Польша выш-

ла из наших союзных отношений, то сложилась бы довольно сложная ситуация.

Мы позвонили в Варшаву и попросили разрешения встретиться с новым руководством и объяснить. Нам был дан ответ, что они нас примут в другое время. Мы были этим оскорблены. Оскорблены и тем, что поносятся Советский Союз, и тем, что поляки не принимали во внимание потерь, которые понес наш народ в борьбе за освобождение Польши. Складывалось впечатление, по печати и по высказываниям на митингах, что Польша рвет с нами. Мы настойчиво стали добиваться срочного визита.

Сейчас, оценивая события, я считаю, что мы погорячились, но это выяснилось потом. Надо было бы согласиться с Гомулкой. Гомулка рекомендовал пока не приезжать, а встретиться позже. Тогда это нас еще больше подзадорило. Мы все-таки поехали.

В состав делегации входил я, Микоян, кажется, Булганин и Конев. Делегация по тем временам была очень солидная. Конев был командующим войсками Варшавского договора, поэтому мы его и взяли с собой. Ситуация была такова, что мы были готовы опираться на армию, если возникнет угроза нашим коммуникациям. Наша армия в ГДР не могла быть отрезанной. Мы с этим никак не могли согласиться. Мы опирались на Потсдамское соглашение.

Когда мы прилетели на аэродром, нас встречала довольно большая группа польских товарищей. Там был Гомулка, Охаб, уже смещенный с поста первого секретаря, Циранкевич, были и другие товарищи. Был и командующий польскими войсками Рокоссовский. Нервы были взвинчены как у нас, так и у польских товарищей, поэтому как только поздоровались, начали перебрасываться фразами, и встреча вылилась в столкновение. Я бросил обвинения Охабу, считая, что это его рук дело, в том, что Гомулка был в тюрьме. Надо было раньше освободить Гомулку из тюрьмы. Конечно, я не говорил тогда Охабу, что Гомулка должен занять пост первого секретаря. Не мог первый секретарь Польши освободить человека, который, выйдя на свободу, должен занять его пост. Но это вытекало из наших слов, так как мы считали, что наиболее подходящий человек для такого поста — это Гомулка.

Перебросились фразами с другими товарищами и в самом отравленном настроении поехали в город. Нам отвели дворец, так называемый Бельведер, в котором мы останавливались и раньше, приезжая в Польшу. Этот дворец расположен в живописной местности и довольно вместительный. Дворец, говорят, занимал в свое время наместник русского царя в Польше, брат Николая I, Константин. Мы только, как говорится, пришли и поставили чемоданы. Начиналось заседание, и нас пригласили на него.

Заседание Президиума Объединенной рабочей партии Польши проходило очень бурно и в нашем присутствии. Мы тоже подавали реплики, которые не смягчали напряжение, а еще больше подливали масла в огонь. Правда, все, кто высказывался, говорили о сохранении дружеских отношений с СССР. Особенно на меня сильное впечатление произвел товарищ Завадский. При всех сложностях он оставался нашим самым

ближайшим другом, так он и умер, оставив глубокий след в памяти, как верный друг Советского Союза.

К нему товарищ Гомулка относился без уважения, это мне было понятно. Завадский занимал не последнее место в руководстве, поэтому Гомулка понимал, что в его аресте был виноват не только Берут, как все потом обвиняли Берута, но и другие руководители. Особую позицию на том заседании занимал Циранкевич. Он тоже высказывался за сохранение дружеских отношений, но выражал это по-особому. Он явно полностью ориентировался на Гомулку и осуждал то руководство, в котором состоял. Но всем было ясно, что руководящей роли он не играл, не имел влияния.

После смерти Сталина, когда Охаба выдвинули первым секретарем Центрального Комитета, у польского правительства возникло желание вывести Циранкевича из состава руководства. Я тогда доказывал, насколько мог, что нельзя этого делать, надо помнить, что их руководство сложилось, главным образом, из двух партий, из коммунистической и пэпэсовской партии. Товарищ Циранкевич представлял ППС, если вы его устранили, это будет развалом вашей коалиции. Организационно, может, и не будет развала, но большую часть Объединенной рабочей партии Польши вы восстановите против руководства. Кроме того, я считал, персонально товарища Циранкевича достойным того, чтобы он был в руководстве и занимал пост Председателя Совета Министров.

Тогда некоторые доказывали, что у него имеются слабости.

Я убеждал:

— Товарищи, вы же должны понять, что он себя ведет так, потому что не чувствует поддержки, вот и получается, вроде он проявляет нерешительность. Если бы товарищ Циранкевич имел возможность возглавить и реально занять первое место в правительстве при условии поддержки в партии и в народе, вы бы увидели, какие способности он проявил бы. Если вы его удалите, будет нанесен большой ущерб коммунистическим партиям всех социалистических стран.

Почему я его так ревностно защищал? Не только лишь из-за того, что с уважением относился к персоне товарища Циранкевича. Такое же положение было в Чехословакии. Там тоже сложилось объединенное руководство. Такое же положение было и в других партиях. В венгерском правительстве тоже были привлечены люди из других партий, рабочих, социал-демократических. Социал-демократические лидеры Запада говорили, что коммунисты пошли на конъюнктурное объединение, пока нуждаются в социал-демократах, а когда они укрепятся в стране, то выбросят лидеров социал-демократических партий. Мы хотели продемонстрировать обратное. Да, я не назвал Германской Демократической Республики, там было такое же положение. Там были очень сильные социал-демократы. Гроттеволь был лидером социал-демократов и тоже стал председателем Совета Министров Германской Демократической Республики.

Если бы Польша выбросила Циранкевича, то это отразилось бы на Германской Демократической Республике. Мы смотрели вперед и видели, что в рабочем движении будет создаваться что-то типа левого фрон-

та, объединение левых сил. И сейчас в некоторых странах объединяют усилия при выборах в парламент коммунисты и социал-демократы и получают довольно большие политические результаты. Поэтому это был вопрос принципиальный, он относился не только к Польше. Это было принципиальной политической линией коммунистического движения.

Польские товарищи поняли и согласились, и товарищ Циранкевич остался в составе руководства.

Я возвращаюсь к тому заседанию, которое началось в нашем присутствии. Приехав в Варшаву, мы посовещались с Рокоссовским и Коневым. Рокоссовский нам рассказал, что в Польше нарастают антисоциалистические и антисоветские силы. Чтобы воспрепятствовать развитию контрреволюционных сил, а мы их так оценивали, нужно будет опереться на Вооруженные Силы. Рокоссовский отдавал себя в наше распоряжение. Но когда конкретно он стал разбирать, какие части могут выполнить его распоряжение, а какие — и не выполнить, то ситуация оказалась не совсем хорошая. Конечно, мы превосходили в своих Вооруженных Силах поляков, но это же крайняя мера, мы к ней не хотели прибегать. С другой стороны, мы не хотели, чтобы Польша стала буржуазной.

Наше посольство нас информировало, что в Варшаве назревает чуть ли не восстание. Мы же обнаружили, что демонстрации проходят в поддержку нового руководства, которое складывалось во главе с Гомулкой. Это руководство не противоречило нашим желаниям. Для нас сложилась очень сложная ситуация, но мы все-таки отдали распоряжение маршалу Коневу на всякий случай подтянуть войска поближе к Варшаве. Они стояли на Западе. По-моему, одна или две дивизии были сняты и маршем двинулись к Варшаве.

Все пути подхода контролировало министерство внутренних дел. Министр сидел вместе с Гомулкой в тюрьме, поэтому он поддерживал его. Гомулка узнал о передвижении войск. Он подошел ко мне и очень нервно и прямо выразил свое недовольство. Я его уважал за его искренность. При первом знакомстве он произвел на меня такое же впечатление. Я уже об этом диктовал и об этом написал в записке Сталину.

Он сказал:

— Товарищ Хрущев, я имею сведения, что войска движутся к Варшаве. Я Вас прошу, я требую приказать, чтобы они вернулись в казармы. Может произойти непоправимое.

Он нервно встал. Подошел ко мне. Потом сел на место. Потом опять встал. Его глаза выражали не враждебность, а необыкновенную взволнованность. Я его в таком виде никогда больше не видел.

Я, конечно, уклонился от прямого ответа и сказал:

— Вы получаете неверную информацию...

Через несколько минут он опять подошел ко мне и сказал:

— Есть подтверждение — войска действительно движутся. Вы думаете, что Польша добивается того, чтобы разорвать дружеские отношения с Советским Союзом? Да кто это может допустить?! Вы знаете, товарищи, обратился он к нам, к советским представителям, — что в дружбе с Советским Союзом больше заинтересован польский народ, чем советский.

Мы же помним, что советский народ освободил Польшу в войне против гитлеровской Германии, что Польша при тех границах, которые она имеет, может существовать, только лишь опираясь на дружбу с Советским Союзом. Поэтому мы, поляки, нуждаемся в вашей дружбе больше, чем вы вынуждаетесь в нашей дружбе.

Все было сказано с таким жаром, искренностью, прямоотой и грубостью, что это тронуло меня. Его слова пробудили у меня чувства уважения и доверия. Это говорил коммунист, бывший рабочий, и он говорил искренни. И мы тоже так понимали. Настоящий поляк, который руководствуется интересами Польши, интересами рабочего класса, интересами укрепления социализма и его развития, так и должен рассуждать. Победы можно достигнуть, только объединив силы пролетариата, а в данной ситуации дружба между Советским Союзом и Польшей действительно больше была нужна Польше. Советский Союз нес большие издержки из-за этой дружбы. Хотя бы тем, что содержал свои войска на польской территории. Это стоило в два раза дороже, чем содержание войск на территории Советского Союза. Но это вопрос политический. Это вопрос не только сегодняшний, а вопрос и будущего. Поэтому затраты, с нашей точки зрения, для того времени были политически оправданы, хотя мы и несли экономический ущерб.

Был объявлен перерыв. Поляки, видимо, просто хотели, чтобы мы собрались отдельно, посоветовались и определили свое отношение к новому руководству и к его политике. Мы собрались, побеседовали между собой, и я высказал мнение, что нужно остановить движение наших танковых войск, но не возвращать их в казармы. Они должны расположиться на том рубеже, на котором находились на марше. Конечно, не в растянутом виде по дорогам, а собрав их группами.

Все согласились с этим, Конев сразу же отдал приказ войскам прекратить движение к Варшаве. Рокоссовский через Конева получил от нас то же указание. Я пользуюсь этим словом «указание», потому что в то время Рокоссовский нас больше слушался, чем свое правительство. Правительство находилось в переходном состоянии и не являлось для него авторитетом. Рокоссовский был коммунист, и он делал все для того, чтобы укрепить наши дружеские отношения. Он не мог позволить реакционерам прийти к власти, повернуть вспять дружескую политику между нашими братскими странами.

Потом мы узнали, что тогда Варшава готовилась к боям. На автомобильном заводе, самом крупном в Варшаве, раздавалось оружие, были созданы рабочие дружины, отряды. Одним словом, варшавяне, как нас информировали, готовились к обороне с тем, чтобы не допустить вступление советских войск в Варшаву.

Враги были разочарованы: мы не допустили столкновения. Это были бы роковые столкновения, они бы имели большие последствия. Потребовались бы годы для того, чтобы залечить эту рану. А у нас и так их в истории много, а эта была бы свежая, она была бы наиболее привлекательна для врагов Советского Союза, для врагов коммунизма, для врагов Польши.

Заседание продолжалось. Обсуждали вопросы, стоявшие на повест-

ке дня. Нам предъявляли претензии, бросали обвинения. Я сейчас не помню, кто выступал с этими обвинениями. Ну, это не столь важно. Главное обвинение — это то, что за уголь, который Польша поставляла в Советский Союз, мы не платили по мировым ценам. Мы спросили Микояна, который занимался этими вопросами:

— Так ли это?

Микоян подтвердил:

— Да, это было так.

Я заинтересовался, кто подписывал договор?

Договор подписали Циранкевич как глава польского государства и Микоян.

Я спросил:

— В чем же вы тогда обвиняете нас?

Они ответили:

— Что же мог сделать Циранкевич, если такой была директива Сталина?

— Если это была директива Сталина, — ответил я, — мы ее проверим и сообщим наше решение. Сейчас я не могу ничего сказать. Если это подтвердится, а Анастас Иванович не отрицает этого, то мы компенсируем ваши потери.

Возникли другие претензии экономического характера, но я существенных не помню. На угле они потеряли крупную сумму, потому что Польша давала много коксующегося, да и энергетического угля, пока наша угольная промышленность Донбасса еще не была восстановлена.

Если рассматривать объективно и учитывать, что Советский Союз давал Польше, то претензии нельзя было считать полностью обоснованными. Я уж не говорю о крови, которая цены не имеет. Все это отбрасывалось и забывалось, а вот это недоразумение взяли на шит.

Мы выступаем за равноправные договоры, поэтому и согласились на компенсацию без спора. Это была довольно солидная сумма, и мы ее компенсировали. Еще нас обвиняли в том, что Советский Союз навязал строительство металлургических заводов в Новой Гуте в районе Кракова. Сейчас завод в Кракове носит имя великого Владимира Ильича Ленина. К 100-летию Владимира Ильича Ленина там установлен памятник Ленину. А тогда это нам ставили в вину. Я помню, как Берут просил нас:

— Дайте нам кредиты, и мы с вашей помощью построим завод около Кракова. Краков — это вторая столица Польши, а когда-то была первой, там нет сильной пролетарской прослойки. В свое время там были пэпэзовские организации. Построив металлургический завод, мы создадим опору руководству новой Польши.

Нас критиковали и в Венгрии, и тоже за металлургический завод, который мы строили. Теперь он давно дает сталь для Венгерской Социалистической Республики. Если бы вместо того, чтобы кредитовать Польшу и Венгрию, мы эти средства израсходовали в Советском Союзе и поставляли бы необходимое количество стали этим странам, то экономически нам было бы выгоднее. Но такой подход не отвечал братским отношениям, тем самым создавались бы условия зависимости, ни экономичес-

ки, ни политически не укреплялись бы наши отношения. Поэтому их критика не имела оснований. Знаете, когда разгорятся страсти, тогда и кусок хлеба, который дается, другой раз обратно бросается в лицо тому, кто дает.

Позже, когда страсти улеглись, Гомулка говорил:

— Мы должны правильно понимать, что строительство этого металлургического завода — в интересах Польши. Это было помощью, поэтому обвинения выдвигались неправильные.

Но это он высказал уже в другое время. А тогда он учитывал волну гнева, которая поднялась. А может быть, в его сознании тоже имелась какая-то раздвоенность. Он понимал необходимость крепить дружбу, а с другой стороны, он, видимо, еще не пережил оскорбления, которые были лично ему нанесены с согласия Сталина.

С их стороны выдвигалось требование отвода войск. Об этом мы тоже договорились. Дивизии вернулись в казармы. Мы поверили Гомулке, что новое руководство будет продолжать политику укрепления дружеских отношений с Советским Союзом как по линии государственной, так и по линии партийной. Гомулка резко, крикливо и, я бы сказал, истерично заявил, что у нас общие интересы, общий враг — империализм Запада. Польша нуждается в дружбе с Советским Союзом больше, чем Советский Союз — с Польшей. Мы получили политический вексель и поверили человеку, который нам его дал.

Мы вернулись в Советский Союз. Польша продолжала бурлить. Это же не пыль, которую взял тряпочку, стер, и опять поверхность становится чистой. Нет. Наносы политической пыли и нарастают медленно, а уж когда они проявятся на предмете, который покрывается этой пылью, этой грязью, то остановить процесс и отчиститься, исправить отношения, вернуть дружбу сразу одним взмахом невозможно. Здесь требуется время. В конце концов процесс стал нормализоваться.

Советский Союз официально объявил, что признает несправедливость договоров и компенсирует недоплату.

Я спросил Микояна:

— Как это могло получиться?

Он ответил мне, что это было сталинское решение.

Я думаю, что Сталин тогда руководствовался тем, что мы кровь проливали за Польшу, поэтому Польша должна как-то и нам оказать помощь. В результате политики, которую проводил Советский Союз, польские границы были отодвинуты, и Польша получила дополнительную территорию. Хотя поляки правильно говорят, что когда-то эти земли принадлежали польскому народу, но это было когда-то. До разгрома гитлеровской Германии она не могла и мечтать о возвращении этих земель и воссоединении их в едином польском государстве. Польша получила территорию, за которую Советский Союз заплатил огромным количеством жертв. Видимо, Сталин этим руководствовался.

Хотя у нас самих экономическое положение было нелегким, мы признали задолженность и согласились ее выплатить. Мы с польскими товарищами все скрупулезно пересмотрели и где только нашли несправедливости, их выправили. Мировые цены были для нас индикатором,

лакмусовой бумажкой. По этой лакмусовой бумажке мы проверяли наши экономические отношения, выправляли. Если что-либо мы должны были доплатить, мы соглашались и доплачивали. Собственно, Польша имела большую задолженность перед нами, поэтому этот пересчет просто уменьшал ее.

После очень острых схваток, которые произошли между представителями советского государства и новым руководством, сложившимся после освобождения Гомулки и его прихода к власти, твердую позицию занимал Завадский. Он остался нашим другом в то время, когда другие отвернулись от нас или же колебались. Он таким же уверенным голосом говорил о необходимости дружбы с Советским Союзом.

Когда при первой встрече на аэродроме я спросил Охаба:

— Почему же вы позволили развиваться антисоветским настроениям?

Охаб совершенно растерялся и ответил:

— Что вы на меня нападаете? Меня самого уже отстранили.

Я еще не знал, что Гомулка уже был избран вместо Охаба.

Охаб все делал в порядке личной защиты, держался нетвердо на позициях сохранения дружеских отношений с Советским Союзом.

Циранкевич тоже не высказывался по этому вопросу. Он целиком и полностью был согласен с Гомулкой и поддерживал его, но предусмотрительно не высказывался громко или настойчиво и в его пользу.

Другие руководители: Замбровский, к примеру. Он враждебно к нам был настроен, и это вполне понятно. Мы Беруту рекомендовали назначить в ЦК коммуниста польской национальности, который бы занимался подбором и распределением кадров. Подбор кадров и национальный состав польских руководящих кадров в национальном отношении изменился бы, выдвинулись бы новые люди.

Положение в Польше стало нормализоваться. Но Гомулка был еще слаб. Он начал выступать, он активный человек. У него сложилось в связи с антисоветскими настроениями выгодное положение. Эта волна привела его к руководству. А теперь он заговорил о необходимости дружить с Советским Союзом. Это произвело странное впечатление. Некоторые стали его критиковать, но все же абсолютное большинство стало прислушиваться. Наши противники говорили о том, что мы с Гитлером заключили договор о разделе Польши. Аргументы выдумывать не нужно было, потому что они были налицо. Но этот шаг был искуплен кровью, пролитой советскими воинами за освобождение Польши. По вопросам экономического характера было сказано открыто, что руководители Советского Союза, правительство признает это и погашает. У нас имелись какие-то советско-польские общества. Мы сказали, что их ликвидируем. Именно ликвидируем, потому что мы встали на эти позиции, как только пришли к руководству после смерти Сталина. Таким образом, мы начали расчищать завалы, проторивать дорогу дружбы к сердцам поляков. Мы этого хотели, мы этого добивались, и польское руководство тоже шло по этому пути. Нужно отдать должное, что Гомулка твердо стоял за дружбу. Это были его убеждения. Он был прав, когда сказал в самый разгар спора, что дружба вот-вот сможет рассыпаться в прах. Наше вооруженное столкновение нанесло бы большой ущерб, и эта рана долго

кровоточила бы. Его слова, что «дружба полякам с Советским Союзом нужна больше, чем советским народам дружба с Польшей» — это, я считал, основная формула. И сегодня она правильна, но мы ее заменили формулировкой, что дружба в равной степени нужна двум народам. Мы в равной степени заинтересованы в объединении наших ресурсов — и военных, и экономических — в борьбе против империализма, против реваншистов Западной Германии и всех врагов социализма.

Прошло немного времени, и положение изменилось. К нам приехали польские товарищи. Мы их пригласили, чтобы продемонстрировать внешнему миру, что наши отношения нормализуются, и надежды врагов провалились, не оправдались. Но было у них и важное дело. В Польше сложилось тяжелое экономическое положение, и они вновь нуждались в нашей помощи. В период смутного времени они необдуманно хватали кредиты и не думали, что по этим кредитам нужно в срок платить. А откуда эти платежи изыскать? Одним словом, они пришли к нам.

Мы не стали полякам в глаз колоть вчерашним днем. Тот вчерашний день и нам был неприятен. В своей основе он был вызван сталинской довоенной и послевоенной политикой. Он хорошо относился к Польше, но его хорошее отношение — это не равноправное, товарищеское отношение, а покровительственное сверху, то есть делай, как я хочу. А если думаешь иначе, то и голову можно потерять. Вот такое сталинское понимание дружбы как между лицами, так и между странами.

У нас имелись свои трудности, но мы не хотели своего брата и товарища оставить в беде. Изыскали какие-то возможности и пришли к ним на помощь. Это еще больше расположило к нам новое руководство и Гомулку: несмотря на подпорченные отношения, мы все-таки подходили с классовых позиций. Классовые государственные интересы требовали оказания помощи для укрепления отношений. Так закладывались основы наших дальнейших братских связей.

В результате тех событий развалилось много колхозов. Помню один колхоз в Лодзинском воеводстве. Его председателем был крестьянин-поляк. Я бывал в том колхозе, оказывал ему помощь, посылал агрономов; мы учили их сеять кукурузу для силоса. Колхоз очень поднялся экономически, и заработная плата колхозников выросла. Меня интересовало, как же обстоят там дела? В каком они положении? Или колхоз уже не существует, развалился? Когда положение нормализовалось, нас пригласили в Польшу. Я возглавлял эту делегацию. Мне предложили поехать в Лодзинское воеводство и заехать в тот колхоз. Я был приятно поражен: колхоз так же хорошо работал, и тот же председатель оставался во главе него. Они по-братски приняли нашу делегацию.

А многие колхозы развалились. Со стороны Гомулки высказываний в пользу колхозов я не слышал. Поэтому обвинения, что он был против колхозов во времена жизни Берута и его руководства, видимо, имели под собой какое-то основания. Я никогда не вел с ним разговоров на эту тему, так как знал, что у него душа не лежит к колхозному строю. Он стоял на каких-то особых позициях. Они выразились в выдвинутой им идее — организации кружков. Если я правильно понимал, это бытовая коопе-

рация и сельскохозяйственные товарищества. На товарищеских началах они приобретали машины, удобрения, но обработка земли велась единолично каждым крестьянином. Излишки продуктов они продавали через эти же товарищества.

Но такие формы — не социалистические. Эти формы пропагандировались у нас в старое время. Частная собственность членов товарищества являлась неприкосновенной.

Но это внутренний вопрос. Если завязывалась беседа, то с нашей стороны задавались вопросы в порядке изучения их опыта. Я и сейчас тонкости конкретно себе не представляю. Возможно, потому, что я все-таки сторонник ленинского кооперативного плана. Я считаю, что он единственно правильный для крестьянства и оправдал себя, несмотря на большие извращения, которые имелись в Советском Союзе. Кооперирование происходило варварским способом, и мы потеряли много людей. Если наносное отвести и расчистить, то ленинский кооперативный план, безусловно, отвечает интересам беднейшего и середняцкого крестьянства. Это социалистический путь деревни к социализму. Он отвечает и интересам рабочего класса.

Наши отношения с Польшей с каждым годом крепили. Гомулка стал нашим верным другом и хорошим товарищем. У меня лично отношения с ним сложились самые теплые. Хотя другой раз по некоторым вопросам возникали разногласия. Это естественно, что в руководстве разных стран бывают разные подходы при решении того или другого вопроса. Если этого не будет, то не будет никакой демократии и проявления личностных особенностей.

Это нормально. Иначе возникает или культ, или подхалимство. И то, и другое вредно для добрососедских отношений и наносит большой вред делу, которому мы все служим.

Порой приходилось вести неприятные для нас разговоры, навязываемые польской стороной. После окончания работы всех комиссий стран-членов СЭВ, когда планы сверстаны и учтены взаимные интересы, вдруг раздавался звонок:

— Товарищ Хрущев, у нас есть вопросы. Мы бы хотели, если Вы разрешите, приехать и еще раз все обсудить.

Мы их приглашали, соблюдая вежливость, заранее осведомившись через СЭВ с какими вопросами они едут. Приезжающие в Москву делегаты доказывали, что у них тяжелое положение, они нуждаются в нашей помощи. Какие бывали просьбы?

Чаще всего — увеличить поставки железной руды. Наша рудная промышленность не удовлетворяла наших потребностей, она развивалась медленно, не всегда хватало руды и собственным металлургическим заводам. Заранее спланированные поставки в Польшу, в ГДР, в Чехословакию, в Румынию и Венгрию, мы выполняли. Это близкие нам страны, они не имели собственного железа или не покрывали своих потребностей. Нам было выгодно экспортировать излишки, но когда руды не хватало, то приходилось вести разговоры не совсем приятные для нас и для просителей. Наиболее настойчиво эти вопросы решал Гомулка. Чаще всего он просил изменить ас-

сортимент. Например, планировалась поставка руды с содержанием такого-то процента железа, а он просил ее заменить на руду с более высоким содержанием железа. Порой нам это доставляло трудности. Чаще всего нам приходилось все-таки изыскивать возможности и удовлетворять их запросы. Этим мы приносили себя в жертву нашей дружбе.

Аналогичные вопросы не один раз возникали о нефти. Естественно, что на нефти промышленности работать выгоднее, чем на каменном угле. Жидкое энергетическое топливо лучше, чем каменный уголь или торф. Даже если нам самим не хватало, мы чаще всего эти запросы удовлетворяли. Особенно неприятно было то, что просьбы повторялись каждый год. Мы их предупреждали, что рассматриваем дополнительные заявки последний раз и на следующий год просим самостоятельно выходить из положения за счет собственных ресурсов, но ничего не действовало.

Это касалось и поставок зерна. Польша, по сравнению с другими социалистическими странами, очень хорошо обеспечена пахотными земельными площадями на душу населения. Так же и Румыния. Плохо обеспечены Венгрия, ГДР и Болгария. Я помню статистику тех времен. Польское сельское хозяйство держалось на неплохом уровне, да и сейчас, по моим сведениям, оно находится в хорошем состоянии по сравнению с другими. Конечно, значительно ниже Запада. По сравнению с другими социалистическими государствами, польское сельское хозяйство неплохо удовлетворяет собственные запросы. Почему же они обращались к нам с просьбами? Я понимал, что это коммерция.

Иной раз я прямо говорил:

— Товарищ Веслав (а я часто его называл партийной кличкой), вы обращайтесь с просьбой не потому, что нечем кормить ваше население. Вы просите у нас увеличить поставки зерна, и это зерно превращаете в бекон, а потом отправляете его на экспорт.

Вначале он пытался отрицать, но мои аргументы были абсолютно неопровержимы, и он с улыбкой сдавался:

— Да, это так. У вас есть золото, которым вы расплачиваетесь с Западом. У нас его нет, и бекон — это наша валюта, это наше золото, без которого страна не может жить. Просим учесть это.

— Позвольте, — говорил я, — мы сами можем его делать. Вы думаете, мы не умеем откармливать свиней и продавать свиную продукцию на Запад?

Поляки изумительно приготавливали свой бекон и сбывали его на американском рынке. Даже когда там бойкотировали товары из социалистических стран, польский бекон они все-таки покупали из-за его высокого качества. Я-то считаю, что тут существовал и политический момент. Пропуская на свой рынок польские товары, они тем самым бросали яблоко раздора между социалистическими странами. Мы с пониманием относились к интересам Польши и поэтому их «не ревновали». Торговля была выгодна Польше, и они ею правильно пользовались. Мы этой выгоды не имели, но не потому что не хотели, а потому, что нас не допускали на американский рынок. По-моему, и сейчас су-

ществует запрет на торговлю между Соединенными Штатами и Советским Союзом.

Выручали поляков мы в ущерб своим потребностям. Я думаю, что меня поймут мои соотечественники. Другой раз для дружбы приходится делиться и последним куском. В данном случае мы их не от голода спасали, но нужды в Польше были существенные. Тем не менее я считал, что подобные экономические взаимоотношения не способствуют укреплению дружеских связей. Мы были этим недовольны и другой раз между собой говорили:

— Едет товарищ Гомулка, опять поляки потребуют зерно.

Для нас это было экономически не выгодно. А если не выгодно и все-таки делаешь, то от такой операции остается неприятный осадок, отзвучивающийся на отношениях между нашими странами. Такие же казусы случались и с другими видами торговли.

СЭВ тут сыграл свою большую роль. СЭВ для социалистических стран необходим, потому что он разрабатывает взаимные планы, регулирует, увязывает взаимные интересы, как поставок сырья, так и готовой продукции. Равноправная основа заключается в том, что каждая страна участвует в СЭВ по выгодному ей направлению кооперирования. Но очень часто СЭВ оказывал давление на нас в том, чтобы мы пошли на ту или другую операцию или договор, не всегда в равной степени выгодных для Советского Союза. Различные виды изделий из соцстран другой раз нам обходились дороже, чем если бы мы это производство организовали у себя, в своей стране.

Это тоже надо иметь в виду. Во-первых, по сравнению с другими странами мы обладали высоким техническим и научно-техническим уровнем. Мы имели возможность создавать лучшие конструкции, аппаратуру и машины. Я говорю, в сравнении с другими, но за исключением Чехословакии и ГДР. Я считаю, что эти две страны в то время находились на равном уровне с нами. Чехословакия даже в некоторых вопросах занимала более высокое техническое положение, чем наша промышленность.

Я не хочу сейчас говорить о конкретных фактах, хотя я их помню. Когда я уже стал пенсионером, промахи по некоторым вопросам валили на меня, мол, это Хрущев занимал такую позицию. Я не отрицаю, что порой занимал позицию в защиту интересов советского государства и советского потребителя. Если наши партнеры домогались больше наших возможностей.

Торговля должна быть взаимовыгодной. Такие основы и заложены в СЭВ. Но другой раз для Советского Союза это складывалось не так. Не одна Польша, но и другие страны выдвигали просьбы, превышающие наши возможности.

А не дать — испортятся отношения. В старое, капиталистическое время говорили: «Кредит портит отношения», но социалистический мир без кредита тоже не обходится.

Тогда я товарищу Гомулке и другим говорил:

— Вы поймите, мы поставляем зерно и Польше, и ГДР, и Чехословакии. Один раз, я помню, когда у нас образовались большие излишки, мы

поставляли его даже Румынии, правда, в порядке займа. Они нам его зерном и вернули. Были случаи, когда мы поставляли зерно Венгрии, чаще — Болгарии.

Когда развернулась целина, мы начали производить зерна выше наших потребностей в печеном хлебе и фураже. У нас появились запасы, но очень небольшие, а надо обязательно иметь хотя бы годовой запас. Во всяком случае, около годового запаса. В сельском хозяйстве всегда могут быть неожиданности, даже при высоком уровне ведения сельского хозяйства. Например, природные явления, которые от человека не зависят. У нас такое тяжелое положение создалось в 1963 году. По сообщениям печати, я вижу, что подобные явления повторяются и после 1964 года. Они так громко не звучат, но по рынку это видно: в провинции не хватает говядины. До меня дошел анекдот.

Вопрос: «Дойдет ли верблюд из Москвы до Владивостока?»

Я ответил:

— Что ж, может дойти, животное сильное.

— Нет, — говорят.

— Почему?

— Потому что его обязательно съедят в Свердловске.

Следовательно, в Свердловске нет говядины. Теперь это не секрет: брянские приезжают в Москву, стоят в очередях, скупают продукты. Да и в других провинциальных городах не хватает сельскохозяйственных продуктов, особенно говядины, яиц, молока и масла.

В те годы я апеллировал к сознанию наших союзников, наших друзей:

— Вот вы, Веслав, добиваетесь от нас увеличения поставок зерна. Вам это выгодно, но мы сами могли бы это зерно превратить в сало. Вы же знаете, что Советский Союз по потреблению мясных продуктов на душу населения стоит значительно ниже ГДР, Чехословакии и Польши. Польша в среднем потребляет на душу населения мяса больше, чем мы. Вы можете себе представить страну, которая победила, разбила врагов, поднялась из руин, а наши люди — победили, а питаются хуже побежденных стран? Это потому, что у нас всего не хватает. Главное — это подъем сельскохозяйственного производства. Мы находимся на слишком низком уровне, а объясняется наш низкий уровень в первую очередь культурой земледельцев, главным образом, за счет незначительного количества минеральных удобрений, которое мы производим. Следовательно, наш путь лежит через увеличение производства минеральных удобрений и через ирригацию. Нужно создать на случай засухи страховые площади — поливное хозяйство. Стоки наших рек, которые сбрасываются в моря, надо повернуть на поля, как рекомендуют ученые. Сейчас для этого имеются неограниченные возможности. Принудительно насосами можно подавать воду на любую высоту, поливать посевы и получать устойчивые высокие урожаи. Но пока мы этого не имеем и должны базироваться не на фантазиях, а на реальной действительности.

Однако, повторяю, сознавая, что нам для себя не хватает, приходилось, чтобы не портить отношения и для укрепления дружеских связей поступаться интересами своей страны в пользу того или другого нашего

друга, обращавшегося с просьбой. Но одно дело потребность в продовольственном зерне, а другое — когда это зерно превращают в валюту.

Во такие шероховатости появлялись в отношениях между руководителями стран СЭВ.

Я думаю, что и в дальнейшем, если каждая страна — участница СЭВ не будет рассматривать своего партнера как равноправного, а условия — взаимовыгодными, то рано или поздно это обязательно обернется обратной стороной. Вместо того чтобы укреплять взаимные отношения, они могут рассыпаться. Тому пример — Польша. Когда Советский Союз вынудил Польшу поставлять уголь, за который мы платили ниже мировых цен, то в Польше ситуация начала накаляться и там зазвучали враждебные голоса протеста. Мы вынуждены были признать протест и компенсировать недоплату.

Аналогичный случай у нас произошел и с румынскими товарищами. Румыны потребовали с нас валюту за дополнительную поставку химических ядов против жука-долгоносика, вредителя посевов свеклы. Мы вынуждены были заплатить. Они мотивировали это тем, что их яд — экспортный товар, за который они получают валюту.

Во время товарищеской беседы я сказал:

— Давайте, товарищи, построим наши экономические взаимоотношения так, чтобы не оставалось неприятного осадка. Давайте все дефицитные товары вынесем за скобки. Поставим дефицитные товары против дефицитных товаров, а излишки будем компенсировать валютными товарами или валютой.

— Да, давайте, это правильно! — воскликнул Деж.

Сразу стало совершенно ясно, что он не понимал и не знал, как складываются наши договоры по СЭВ. Председатель Госплана Румынии объяснил Дежу, что этого им делать нельзя, не выгодно. Тогда придется платить очень много валюты Советскому Союзу.

Затем я спросил Дежа:

— Вы знаете, сколько мы поставляем вам изделий из меди? А знаете ли вы, что в значительном количестве медь мы покупаем за границей и платим за нее валюту или золото? Вы нас, как говорится, прижали этими химическими ядами, которые у вас в излишке. Вы потребовали от нас валюту, и мы вам заплатим. А теперь платите валютой за медь, которую мы вам поставляем.

Я привел пример для иллюстрации. Это очень важный вопрос и нужно сказать, что отношения по некоторым позициям строятся для нас в убыток. Те, кто знает об этом, недовольны. Я не говорю о народе, потому что пока наша социалистическая система, наша советская демократия очень ограничивает информацию. У нас людям сообщается о главном, а другой раз и детали имеют существенное значение. К сожалению, наша демократия недоросла до деталей. Некоторые даже и не интересуются этим. А это очень существенно, потому что от этого зависят наши добрососедские отношения и удовлетворение собственных потребностей.

Я сейчас думаю, что бы еще написать представляющее интерес? По-

моему, я исчерпал все факты, которые, с моей точки зрения, заслуживали внимания. А так, если повторить общие фразы, то в мою бытность наши отношения со всеми социалистическими странами были хорошими, братскими. За исключением только Китая и Албании. По этому вопросу я уже диктовал свои соображения и не хочу повторяться. Они и сейчас остались такими, потому что китайцы и албанцы занимают совершенно другую позицию, с которой нельзя согласиться. Она не отвечает интересам социалистических стран и интересам наших народов.

В Польше, мы тогда считали, что после нашей поездки в какой-то степени возникла надежда на нормализацию отношений. Условием тут являлась поддержка товарища Гомулки и оказание материальной помощи. В Польше возникли очень большие экономические трудности. Мы вынуждены были пойти навстречу, хотя сами излишков не имели.

Попутно я вспомнил об обстоятельствах вывода наших войск из Румынии. Там стояли одна или две танковые дивизии и другие пехотные части. Однажды, вскоре после смерти Сталина, мы беседовали с румынскими товарищами...

Тогда военным министром Румынии, кажется, был товарищ Бондэраш. Этот человек очень хорошо относился к Советскому Союзу. Старый коммунист, он прошел румынскую тюрьму. Мы к нему испытывали абсолютное доверие.

— Как вы отреагируете, если бы мы попросили вас вывести свои войска из Румынии? — вдруг поднял он неожиданный вопрос.

Я, признаться, реагировал болезненно, даже несколько погорячился.

— Зачем это вы поднимаете вопрос? — набросился я на него.

Мы тогда еще находились под влиянием, навеянным сталинской политикой. Разговор происходил до 1956 года, еще до того, когда мы разобрались во всех злоупотреблениях властью, допущенных Сталиным. Мы еще преклонялись перед всем сталинским.

— Зачем это вам нужно? — повторил я.

— А зачем стоят эти войска? — говорит Бондэраш. — Мы граничим с социалистическими странами, у нас только море открыто туркам.

— Вот именно, — говорю я, — турки...

— Но вы же тут, рядом, — возразил он, — если нужно будет, сможете всегда оказать нам помощь.

— Да, легко сказать: оказать помощь, — никак не соглашался я. — Черное море открыто не только туркам. Босфор и Дарданеллы контролируются турками, и через них могут войти враждебные силы и совершить десантную операцию на территории Румынии.

Наши собеседники переглянулись. Видимо, они этот вопрос предварительно обсуждали.

— Ну ладно, если вы так считаете, то давайте оставим все, как есть, — вмешался товарищ Деж.

— Почему мы этот вопрос подняли? — рассказали они мне за ужином. — Помните, мы приезжали в Москву, и Молотов, когда обсуждалось положение в Румынии, в раздраженной форме бросил нам упрек: мол, вы держитесь только на наших штыках. Вас бы не хватило и на день, если вывести наши войска. Вы помните?

— Нет, я не помню, — еще больше удивился я.

Я действительно не вспоминаю этого разговора и сейчас. Но я верю им. Если они говорят, то, видимо, так и было сказано...

Так вот, мы хотели бы, чтобы вы не думали, что мы держимся только в результате того, что на территории Румынии находятся ваши войска, — продолжал Деж. — Мы проводим марксистско-ленинскую политику, и наш народ поддерживает нас как руководителей. Мы в этом уверены. Вот мы и хотели на практике это продемонстрировать. Вы можете вывести свои войска. Мы вас заверяем, что наша страна будет развиваться так же, как она развивается сейчас. Развитие в социалистическом направлении идет не в результате советского давления, а наш народ воспринимает марксистско-ленинское учение, как соответствующее его чаяниям и желаниям.

Мне такое разъяснение понравилось. Я поверил в искренность слов румынских товарищей. Прошло какое-то время. Наверное, год, а может быть, и полтора. Мы вернулись к вопросу вывода войск, когда стали искать возможности сокращения расходов на оборону и сокращения армии. Я вспомнил, что румынские товарищи ставили такой вопрос, и мы решили пойти им навстречу. Мы вывели свои войска. Румынские товарищи опираются не на чужеземные штыки, а на поддержку своего народа. Румынский народ идет по социалистическому пути, потому что это единственно правильный путь, отвечающий интересам трудового народа.

Вот, собственно, и все.

К ГЛАВЕ «ЧЕХОСЛОВАЦКИЙ СОСЕД»

Более конкретное и боевое знакомство произошло в 1943 году, когда они воевали в составе нашего Первого Украинского фронта.

Мне приятно еще раз вспомнить, я уже об этом диктовал, о наступлении в 1943 году под Киевом. То было славное наступление, но оно не было решающим, таким, как под Сталинградом. Я, как известно, в Сталинграде был членом Военного совета от начала и до конца этой эпопеи. На мою долю выпала честь, и мне приятно, что я был участником таких памятных исторических определяющих поворотных боев, которые вела наша Советская Армия под Сталинградом, а потом на Курской дуге. Я был членом Военного совета Воронежского фронта, а потом — Первого Украинского фронта. Когда мы продвинулись за Днепр и начались бои перед самыми октябрьскими торжествами 1943 года на Киевском направлении, с нами была и Чехословацкая бригада. Она была расположена на месте построенной сейчас Вышгородской гидроэлектростанции, в лесочке. Командовал тогда войсками 36-й армии генерал, а теперь маршал Москаленко. Мы

с Ватутиным имели свои блиндажи на командном пункте, он был выбран очень хорошо и близко к переднему краю, поэтому все было видно, как на ладони. И когда после артиллерийской подготовки, которая велась 2 часа, и на протяжении, кажется, пяти километров у нас было 307 артиллерийских стволов вместе с минометами на километр. Позже я видел район, который подвергся артиллерийской подготовке. Молодые посадки леса, сосны были вырублены, выкошены. Сначала левый фланг дал мало огня по переднему краю немецких войск. Тогда немцы решили атаковать нас со своего правого фланга, ударить по нашему левому флангу. Мы с Ватутиным, находясь в блиндаже, наблюдали, как пошли немцы, поднялись и пошли против нас. Но они не знали, что у нас там в засаде была Чехословацкая бригада. Сразу же было приказано генералу Свободе, он, по-моему, уже был генерал, получил орден Ленина из рук М.И. Калинина, контраковать немцев. Позднее эта бригада переформировалась в корпус и все время действовала в составе Украинского фронта, по-моему. Но я здесь не ручаюсь, кажется, так, до выхода за территорию Украины. Наша армия перевалила через Карпатские горы и освободила Закарпатскую Русь, теперь Закарпатскую область Украины.

Сталин тогда принял решение о применении пыток. Я уже рассказывал, как Каганович просил меня: «Ты постарайся найти решение о пытках. Его надо уничтожить. Я помню кусок бумаги, где рукой Сталина было написано, что арестованных надо подвергать избиению. Нас, мол, в тюрьме били, и нам не надо щадить наших врагов. Иначе они не сознаются. Мы все подписались».

Я потом искал его в секретариате ЦК и в секретных документах, но документа мы не нашли. Видимо, Сталин его еще раньше уничтожил. Я успокоил Кагановича, что такого документа нет. Хотя я и член Политбюро, но я этого документа не видел. Видимо, он был составлен и принят еще, когда я не был членом Политбюро. А кроме того, у Сталина не все члены Политбюро участвовали в голосовании по тем или иным вопросам. К тому же Политбюро заседало нерегулярно. Все голосовалось опросом. Сталин сам решал, какой документ кому голосовать, а кому нет. Поэтому за этот документ я не только не голосовал, но его и не видел и о нем не знал. О нем я узнал уже после смерти Сталина со слов Кагановича.

Я опять повторяю: у меня было достаточно оснований для сомнения в правильности заявления Новотного.

Часть VI

ОКНО В ТРЕТИЙ МИР

К ГЛАВЕ «ОТ ИНДИИ К АФГАНИСТАНУ, ИРАНУ И ВНОВЬ К ИНДИИ»

Кончились празднества. Настал день моего отлета. На аэродром меня приехали провожать Мао Цзэдун, Чжоу Эньлай, Лю Шаоци, Чень И, других не помню. Опять была проведена беседа. Эта беседа была организована и продумана. Наступательную, агрессивную позицию от имени китайской стороны занял Чень И, министр иностранных дел, маршал, человек влиятельный. Остальные молчали, редко какую реплику подавал тот или другой присутствующий из руководства китайской компартии. Мао Цзэдун тоже две-три реплики подал, конечно, против нашей политики, против меня и в защиту аргументации Чень-И. Аргументация та же, но она была выражена в более враждебных тонах, меньше сдержанности. Я считаю, что это все было заранее разыграно и определено, какую роль должен был сыграть Чень И. Он не позволял оскорбительного, но допускал выражения, осуждающие нашу политику и несогласие с ней.

Пока еще не затрагивалось руководство Советского Союза, но выражалось недовольство политикой, которую мы проводили, и позицией, которую мы заняли в военном конфликте между Китаем и Индией.

Прошло много лет. Время — лучший испытатель правильности позиций той или иной стороны. И я сейчас считаю, что в то время наша позиция была абсолютно правильной. Правильность нашего заявления, которое было объявлено через ТАСС, подтвердилась жизнью. Я определял тогда политику и сейчас не сожалею: это была единственно правильная позиция. Мы не пошли на объединение усилий с Китаем против Индии. Если бы мы это сделали, то преподнесли бы хороший «подарок» империалистическому миру и прежде всего Соединенным Штатам. Америка сразу же оказала бы помощь Индии, и, таким образом, мы с Китаем выглядели бы агрессорами. Мы могли дискредитировать политику социалистических стран, ибо не могло быть понятных людям объяснений, что эта война ведется в интересах справедливости. Это был каприз, больной каприз Мао Цзэдуна, а от нас потребовали идти в фарватере его политики. Начиная с конфликта между Индией и Китаем, он хотел выступить в роли человека, определяющего мировую политику.

Он брал на себя ответственность за судьбы мира.

Он хотел увлечь Советский Союз, а за ним и другие социалистические страны на путь, который будет определяться китайской компартией, то есть Мао Цзэдуном. Что для него партия? Для Мао Цзэдуна, как и для Сталина, не существовало партии. Что Сталин говорил, это и было словом партии и «ленинской» политикой. Так и Мао Цзэдун определил свою роль. И сейчас он стоит на тех же сталинских позициях вероломства и произвольного толкования положений марксистско-ленинского учения. Я очень доволен, что

мы тогда проявили разум и мужество, несмотря на то, что для нас это было большим испытанием в выборе точки опоры, в определении политики. Тогда мы еще не представляли, что потеряем дружбу с Китаем, но допускали, что наступит охлаждение в отношениях с Китаем, может быть, и больше, чем охлаждение. Но иначе мы теряли бы независимость в политике.

Затем Китай перенес политику, которую проводил в отношении Индии, на Советский Союз. Я верю, что пройдет какое-то время, и китайский народ даст правильную оценку всем событиям, поймет необходимость проведения правильной политики дружбы с народами Советского Союза и народами других социалистических стран. Мы не побоялись сказать истинную правду Китаю. Занятая нами позиция еще больше расположила Неру, индийское правительство и индийский народ к Советскому Союзу. Индия, конечно, достойно оценила нашу принципиальную позицию. Она вызвала еще большие симпатии со стороны индийского правительства .

Вспоминаю о тех, кто может сказать: а если бы этого не сделали? Если бы мы не заняли такой позиции? Если бы мы пренебрегли симпатиями Индии, то, может быть, сохранили дружеские отношения с Китаем? Китай все-таки социалистическое государство. Коммунистическая партия Китая прошла через огонь и воду и добилась кровью своих сынов победы. Велико было ее влияние в международной политике. Если все это взвесить, может быть, была сделана ошибка? Может быть, все это было сделано неправильно и надо было занять другую позицию?

Прошло много времени и сейчас легче судить; не требуется каких-то глубоких познаний и глубокого анализа. Если бы мы в том конфликте заняли прокитайскую позицию, то, следовательно, надо было, сказав А, говорить Б. Мы должны были бы приспособить свою внутреннюю, внешнюю и экономическую политику к их взглядам. Значит, встать на позицию большого скачка, должны были бы встать на позицию «пусть цветут все цветы». Потом мы должны были бы встать на позицию культурной революции. Что это значит? Это нам знакомо. Если у них это китайская культурная революция, то в Советском Союзе — это борьба с «врагами» народа. Это две стороны одной медали, разное изображение, но суть — одна: антинародная, вероломная политика, политика подчинения общества одному лицу. Это диктатура лица. Все делалось, прикрываясь фразой о диктатуре пролетариата. Мы такой позиции занять не могли, это было бы не во спасение наших дружеских отношений, не их укрепление. Что бы стало с нашей экономикой, если бы мы приняли китайскую позицию? Это — регресс. Это нас отбросило бы, как отбросило экономику Китая, на несколько лет назад, может быть, на десятилетия. И нам надо было бы тогда не вперед смотреть, смотреть-то можно. Мы вынуждены были бы приспособливаться к Китаю. Вот, собственно, если все взвесить, то иного разумного выхода из того положения не было. Мы приняли единственно правильное решение. Я и сейчас верю, что настанет дань, блеснет луч, который укажет путь китайцам. Видимо, Мао Цзэдуну он уже его не укажет. Мао Цзэдун уже не вернется к дружеским отношениям с Советским Союзом. Я не надеюсь. Братские отношения будут

восстановлены, когда Китай вернется и встанет твердо на позиции марксистско-ленинской теории, марксистско-ленинской практики в организации своего государства и в организации своей экономики.

И сейчас мне приятно читать в газетах заявление шахиншаха Ирана о дружественной политике в отношении нашей страны. Его надо было, если грубо говорить, заработать, на деле доказать нашу мирную политику. Даже шахиншах, который очень неприязненно относился к нам, в последнем заявлении, сделанном месяц тому назад, сказал, что граница Ирана с Советским Союзом — это граница с дружественным государством, и что у Ирана сейчас самые лучшие дружеские отношения с Советским Союзом. Советский Союз оказывает Ирану помощь экономическую, техническую и прочую.

С помощью Советского Союза Иран строит сейчас металлургический завод, строит другие заводы. Иран согласился поставлять в оплату газ в Советский Союз. Уже в этом году, буквально я сегодня по радио слушал, или заканчивается, или закончено строительство плотины на пограничной реке. Это тоже выражение дружеских отношений, потому что сделать такие сооружения на границе, когда отношения неустойчивы, невозможно. Никакого строительства не может быть. И если сегодня нет конфликтов, то они могут быть завтра. Все говорит о том, что закладывается основательный фундамент в укрепление дружественных отношений с Ираном.

Очень большое потепление в отношениях с Турцией, с Пакистаном. Пакистан долго не понимал нашей политики, неправильно ее оценивал, жил под давлением сил, которые ориентировались на Соединенные Штаты Америки. Теперь он все-таки понял и правильно оценил нашу миролюбивую политику. Наши инженеры, геологи в Пакистане нашли нефть, газ, другие полезные ископаемые. Это создает условия для развития экономики Пакистана, и на этой основе — подъем жизненного уровня народа. Вопросы наших расхождений на основе марксистско-ленинского учения — это классовые расхождения. Они остаются и они будут решаться, но не путем войны. Это внутренний вопрос каждого народа, каждой страны. Эти вопросы будет решать рабочий класс, трудовое крестьянство, трудовая интеллигенция. Наши симпатии на стороне тех прогрессивных сил, которые борются за победу коммунизма в каждой стране, в своей стране и во всех странах мира.

Это наша классовая позиция, она вытекает из учения, созданного Карлом Марксом, Энгельсом и развитого Лениным.

К ГЛАВЕ «ОБ ИНДОНЕЗИИ»

Мы тоже так встречаем гостей. Не всегда встреча на улице соответствует настроению и желаниям людей. В газетах описывается, что вышли люди. Нет, люди не вышли, а их вывели... У нас выводят заводы. Я слышал часто, что люди проявляют недовольство, особенно если

другой раз погода стоит ужасная. Прием официального гостя, которому мы по традиции обеспечивали такую встречу, не всегда совпадает с хорошей погодой. Да и в хорошую погоду такую массу людей выводить нехорошо. Меня коробило это, но я стал рабом сложившейся традиции. Создававшаяся схема не давала возможности изменить протокол встреч даже при желании. На самом деле собираться должны только желающие посмотреть на диковинку, представителя той или другой страны или, если хотят, выразить свои личные симпатии. У нас же партийные и профсоюзные организации выводят людей по команде, и им оплачивается стоимость времени, которое они теряют на встречу.

Так же происходило в Индонезии. Людей там труднее собрать, фабрик нет, партийных и профсоюзных организаций с дисциплиной, которая сложилась у нас, тоже нет. Поэтому Сукарно волновался, он хотел показать товар лицом. Было ли главным для него показать, как они встречают представителя Советской страны Хрущева? Я думаю, что он хотел мне продемонстрировать, как встречают президента Индонезии Сукарно, как стар и млад выходят на улицы. Когда мы проезжали, то шеренги были довольно жиденькими. В отдельных местах учителя вывели школьников. Взрослых собралось немного, но когда мы проезжали через деревни, народу собиралось больше. Мне не хотелось обидеть президента, но я порывался выразить ему сочувствие в том, что он зря потратил столько усилий. В таком деле надо людям предоставлять свободу. Пусть они свободно выражают свое отношение к гостю и к руководителям страны. У нас это делается с большим налетом бюрократизма. Я думаю, что рано или поздно с этим будет покончено. И правильно. Не поступают же так в капиталистических государствах, в которых я побывал. Там действительно люди свободно выходили, занимали свободные места и вели себя свободно, без всяких обязательных атрибутов, показывающих, что они организованы, другими словами, наняты, и поэтому кричат «ура» и машут флажками той страны, из которой прибыл гость. Во всяком случае это наемные встречальщики, потому что им будет заплачена заработная плата за то, что они вышли. Отдает нехорошим привкусом. Дома я с этим сталкивался, а здесь с подобной неприятностью встретился президент. Правда, у нас отсутствие людей быть не может, их выведут в порядке партийной, профсоюзной и административной дисциплины. А расхो-
дась, я знаю, они выражают недовольство.

В заключение я хотел бы отдать должное президенту Сукарно. Несмотря на то что после путча для него лично сложились очень тяжелые условия, он остался самим собой. Для Сукарно все это было и личной трагедией, нависла угроза его жизни. Сукарно фактически потерял возможность влиять на ход событий и определять политику, но он все-таки продолжал поддерживать Айдита, публично выступал и доказывал необходимость участия компартии в руководстве государством.

В сложившейся ситуации, особенно когда сгустились тучи вокруг его персоны, его позиция свидетельствовала о мужестве и прин-

ципиальности Сукарно. Сукарно сошел со сцены, но у меня сохранилось к нему уважение. Я считаю, что он сыграл положительную роль. Правда, многое в его тактике нам было непонятно и не со всем мы были согласны, но он буржуазный деятель. Он не был марксистом. Я не знаю, к какой политической партии он себя относил. По-моему, он оставался вне партий, как «высшее существо», как Бог Саваоф. Сейчас он находится в изоляции. Я не знаю, в какой форме: арест ли, тюрьма, но во всяком случае он лишен президентского звания и свободы передвижения.

К ГЛАВЕ «О ЕГИПТЕ»

Вдруг разразилась война. По-моему, Международный банк отказал Египту в кредитах на строительство Асуанской плотины. Они уже были обещаны. Тогда Насер национализировал Суэцкий канал. Компания по управлению Суэцким каналом отозвала всех своих специалистов и другой технический персонал. Насер обратился к нам с просьбой оказать помощь своими техническими кадрами. Мы послали туда своих лоцманов и других специалистов, которые требовались для нормальной эксплуатации Суэцкого канала.

Капиталистический мир, а особенно Франция, Англия считали, что Насер не справится, в результате они получают возможность оказывать давление на правительство Египта. Они быстро увидели, что Насер не будет идти в фарватере политики капиталистического мира, претендует на самостоятельность в деле развития египетского народа.

Тогда у нас с Насером были довольно сложные отношения. Мы оказывали Египту помощь, как народу, борющемуся за свою независимость, за освобождение от колонизаторов. Мы продавали им вооружение и всемерно содействовали их продвижению вперед. Но были у нас и большие разногласия в вопросах политической и идеологической линии. Насер стоял на позициях особого египетского пути. Я думаю, здесь немалым было влияние товарища Тито, который тоже объявил свой особый путь развития социализма в Югославии. Египетская же формулировка была особая, нам совсем непонятная. Но нам было хорошо понятно, что коммунисты, которые выявлялись Насером, все сидели в тюрьме. Коммунистическая партия была в подполье. С точки зрения нашей коммунистической идеологии, он проводил антикоммунистическую, реакционную политику. Нельзя сказать, что мы в Насере видели того, в ком, по нашему мнению, нуждался, египетский народ, но мы считали, что в то время более прогрессивного человека там не было. Он мог возглавить борьбу против колонизаторов, он — национальный герой из военных. Он пока не осознал, не выработал, каким путем будет развиваться Египет, какая цель будет поставлена. О научном социализме не было и речи, проскальзывали слова о каком-то национальном социализме. Я это говорю к тому, что у нас тогда с Насером не было взаимопонимания политического и идеологического характера. Мы считали, что для нас полезно, чтобы Египет утвердился как независимое государство, вышедшее из фарватера

империалистических держав Франции и Англии. Тогда они главным образом заинтересованы были в Египте.

Англия стала перебрасывать авиацию на Кипр и на другие острова в Средиземном море. Стало видно, что готовится война. Мы все-таки думали, что Англия и Франция не пойдут в открытую и объявят войну Египту. Но, к сожалению, как раз это и случилось, хотя мы и не ожидали войны, но предполагали, что это возможно.

Франция, Англия, Израиль напали на Египет. Это были последние дни октября. Грянула война. Египет стал защищаться. Он упорно защищался, но силы были неравные и в экономике, и в вооружении. Франция и Англия имели большой опыт, военные кадры, которые прошли большую войну против гитлеровской Германии. Опыт египетской армии ограничивался стычками кавалерии на верблюдах. Главным оружием были винтовки, автомат и пулемет.

Мы очень были встревожены. Боялись, что Египет может потерпеть поражение и это укрепит положение реакции на Ближнем Востоке.

Ирак тогда возглавлялся реакционным проанглийским правительством. Сирия занимала другую позицию, но тоже была далека от нас. У нас особых контактов с Сирией еще не было, но уже намечалось улучшение в отношениях. Мы понимали, что это будет зависеть от того, как станут развиваться события в Египте, в самой сильной, самой крупной среди арабских республик.

Мы собрались обсудить, какую нам занять позицию в этом конфликте. Когда мы с Булганиным были в Англии, в беседах с Иденом и Ллойдом, министром иностранных дел Великобритании, мы все время старались внушить им, что Ближний Восток, Египет настолько близок к нам, что если там разразится война, то нам трудно будет удержаться от того, чтобы не принять участия в конфликте. Мы призывали, что хорошо бы договориться об обеспечении мира на Ближнем Востоке.

Мы больше всего опасались вторжения в Египет иностранных войск. Мы имели в виду Англию и Францию. Их интересы очень затрагивались политическим развитием страны под руководством Насера. Он хотел проводить независимую внешнюю политику, политику в интересах Египта, а не в интересах бывших колонизаторов. Я уже не говорю об Израиле.

Война против Египта разворачивалась полным ходом.

Как только мы ликвидировали мятеж в Венгрии, перед нами встала задача оказания помощи египетскому правительству, президенту Насеру. Там шла война. Создались большие трудности для египетского правительства. Мы хотели прекратить эту войну.

Я считал, что Молотов наиболее опытный человек в вопросах международной политики. Он уже много лет пробыл министром иностранных дел.

Я позвонил Молотову, хотел узнать его мнение.

— Вячеслав Михайлович, я считаю, что нам сейчас надо обратиться с посланием к президенту Соединенных Штатов Эйзенхауэру и предло-

жить совместные действия против агрессивных сил, напавших на Египет, — сказал я ему.

— Ты считаешь, что Эйзенхауэр пойдет на соглашение с нами против Англии, Франции и Израиля? — возразил мне Молотов.

— Безусловно, не пойдет, — поддержал я его, — но мы тогда сорвем маску с правительства Соединенных Штатов и с президента Эйзенхауэра. Они выступают в печати, осуждают нападение Франции, Англии и Израиля на Египет. А как говорится, «Васька слушает, да ест». Война идет, и, безусловно, существует негласное согласование позиций. Одни с оружием в руках ликвидируют прогрессивное правительство президента Насера, а американское правительство в лице президента выступает якобы с осуждением агрессивной акции. Если бы они осуждали всерьез, если бы Соединенные Штаты протестовали полным голосом и Франция, Англия, Израиль поверили бы, что голос звучит действительно серьезно, что предупреждения могут перерасти в угрозу, то, конечно, правительства агрессоров посчитались бы с этим. А так просто распределены роли в спектакле, где разыгрывается ликвидация египетского революционного правительства. Своим предложением мы поставим президента США в затруднительное положение.

— Да, ты прав, — согласился Молотов. — Давай обсудим. Это будет полезная акция.

После совета с Молотовым я поставил вопрос на Президиуме ЦК. Сейчас же обзвонил всех его членов и попросил собраться в Кремле для обсуждения срочного вопроса о наших акциях против войны в Египте.

Собрались. Подготовили соответствующий документ. В послании президенту Соединенных Штатов мы предлагали объединить наши усилия против агрессии под флагом Объединенных Наций. Я обращаю внимание: под флагом Объединенных Наций. Нас проинформировали, что, когда президент Соединенных Штатов получил наше послание, он даже журналистам заявил: «Это немыслимо. Русские предлагают нам, Соединенным Штатам, вместе с ними выступить против Великобритании, Франции и Израиля. Это немыслимо».

Мы сами считали, что для Соединенных Штатов это немыслимо. Они не могли вместе с нами выступить против агрессоров, против своих союзников. Мы хотели сорвать с них маску миротворцев, борцов за справедливость, борцов против агрессии. Борцов на словах, а не на деле. Именно в этой роли выступал президент Соединенных Штатов Америки господин Эйзенхауэр. Мы показали, кто на словах, а кто на деле против агрессии. Через какое-то время после вручения послания президенту мы опубликовали его текст в печати. Одновременно мы составили письма в адрес премьер-министра Великобритании Энтони Идена, в адрес премьер-министра Франции Ги Молле, а также в адрес премьер-министра Израиля Бен Гуриона. Мы их предупредили, что, нападая на Египет, агрессоры рассчитывали, что он значительно слабее их. Он не имеет такой армии, не имеет такого оружия, как они. Однако есть страны, которые могут встать на поддержку Египта и оказать ему помощь, даже не посы-

лая своих войск. Одним словом, мы сделали намек. Поэтому мы предлагали прекратить военную агрессию против Египта.

Нам потом, спустя некоторое время, осведомленные люди рассказывали, как проходил процесс переговоров, согласования действий Ги Молле и Идена. Насколько это правильно, я полагаюсь на тех, кто меня информировал. Говорят, что Ги Молле в это время не уезжал из Совета Министров ночевать домой. Когда он получил наше послание, то буквально без штанов, в спальном белье подбежал к телефону звонить Идену.

В штанах ли он поднимал трубку или в кальсонах, сути не меняет. Главное, через 22 часа после получения нашего предупреждения, серьезного предупреждения, а не китайского, которые уже насчитываются тысячами, агрессия была прекращена.

Таким образом, цель, которая ставилась агрессорами — сломить сопротивление Египта, ликвидировать правительство, которое проводит независимую политику в интересах Египта и других арабских народов, борющихся против колониального рабства, — сорвалась. Это была большая победа Советского Союза, победа его авторитета и его мощи. Здесь Франция и Англия вынуждены были считаться с нами. Я не беру во внимание Израиль. Главное, эти две великие державы.

Здесь уместно напомнить, что когда мы с Булганиным были в Англии, то в беседе с господином Иденом и Сельвином Ллойдом, премьером и министром иностранных дел, мы предупреждали, что мы не можем оставаться нейтральными. Если конфликт разыграется, а он разыграется вблизи наших границ и затронет наши интересы. Мы просили это учесть. Мы им советовали: пусть страны развиваются по своему усмотрению, исходя из интересов своих народов.

Нам передавали, что к моменту отправки наших посланий в египетском правительстве создалось критическое положение. В Египте тогда еще имелись большие силы, желавшие свержения Насера. Они выступали против радикальной политики, которую тогда начал проводить Насер.

В арабской печати раздавались критические голоса в наш адрес: мол, Советский Союз не принимает мер и не подает руку помощи арабскому народу, подвергнутому нападению. Резко вырос авторитет Эйзенхауэра после того, как он публично сделал заявление с осуждением агрессии и потребовал ее прекращения.

Разница-то состояла в том, что когда Эйзенхауэр выступил с осуждением, то агрессивная акция продолжалась. Правительства Англии и Франции понимали, что это тактическая уловка президента Эйзенхауэра, которая не будет иметь никаких последствий. Когда же мы выступили со своим заявлением, то это была уже не игра с общественным мнением, а разговор всерьез. Правительства агрессоров сделали правильный вывод. Это была большая победа прогрессивных сил всех стран мира. Очень высоко поднялся авторитет Советского Союза и не только среди египетского народа, но и в других странах, которые освободились из колониальной зависимости или же вели борьбу за свое освобождение.

Я хотел бы еще добавить следующее. Когда создалось критическое положение в Польше и Венгрии, где антисоветские элементы поносили нашу партию и советский народ, что, конечно, создало для нас трудности, то дипломаты Англии и Франции, не первого ранга, встречаясь с сотрудниками наших посольств в своих столицах за чашкой кофе или за бокалом вина, высказывали такие мысли: «Ну что же, мы с пониманием относимся к трудностям, которые у вас возникли в Польше и Венгрии. А у нас трудности с Египтом. Давайте негласно договоримся: вы своими средствами ликвидируете свои трудности, но не мешайте и нам».

Видите, как империалисты хотели воспользоваться нашими трудностями и лишить нас возможности поднять голос в защиту борьбы египетского народа против колонизаторов, которые хотели вернуть свое господство в бывших колониях.

Но мы быстро справились со своими трудностями. Я уже говорил, как мы это сделали. В Польше большую роль сыграло новое руководство в лице товарищей Гомулки и Циранкевича. Мы справились с трудностями и в Венгрии. Таким образом, мы развязали себе руки и сейчас же подали голос в помощь египетскому народу. Этот голос оказался настолько мощным, что вынудил прекратить агрессию.

Мы были очень рады, что у Идена и Ги Молле хватило мужества прекратить войну.

Война Англии, Франции и Израиля против Египта в 1956 году для Советского Союза стала исторической вехой. До этого времени мы, Советский Союз, а тем более старая Россия, считали, что этот регион — вотчина Англии и Франции. Главным образом, Англии. Когда король Египта Фарук обратился к советскому правительству, к Сталину, с просьбой дать оружие для борьбы против Великобритании, Сталин отказал. При мне он высказал мнение, что это район влияния Великобритании, ее сфера влияния, и нам нечего совать туда свой нос. Он так сказал не потому, что не хотел совать нос, он очень хотел, но боялся получить по носу. Это было признанием нашей слабости и реальной силы Великобритании.

1956 год. Прошло всего несколько лет после этой просьбы. Тогда шла речь о секретной продаже оружия. Хотя секреты такого рода никогда долго не держатся, они всегда становятся известны тем государствам, от которых сделку берегут в секрете.

Мы же публично выступили против агрессоров. Мы сами пригрозили, заявили, что этот район близок к территории Советского Союза, и поэтому мы не можем оставаться безучастными, не можем оставаться нейтральными. Мы не преследовали эгоистичных или меркантильных интересов Советского Союза. Мы не хотели заменить Англию в Египте или в других арабских странах. Нет! Мы хотели помочь колониальным народам освободиться из-под рабской зависимости. Это — хорошая миссия. Это ленинская политика, реально внедрявшаяся в практику нашей дипломатии. Египет после этого еще больше сблизился с Советским Союзом. Еще больше проникся доверием и уважением к нашей политике, к нашей советской социалистической системе.

К ГЛАВЕ «ОТ СИРИИ ДО ЙЕМЕНА»

Политика Советского Союза завоевала признание у всех народов, которые борются за мир и прогресс, за свое освобождение от колонизаторов. В первую голову это относится к народам Ближнего Востока. Это было не вообще признание нашей политики и марксистско-ленинского учения. Они видели, что мы не преследуем целей обогащения своего государства за счет других, не преследуем целей эксплуатации человека человеком и государства государством, не только проповедуем, но и на деле стремимся сделать так, чтобы народы освобождались от колонизаторов, и все созданное трудом людей шло тем, кто создает эти ценности. Мы оказывали помощь не только советами и примером, но и поставками вооружения. Некоторым странам безвозмездно, а большинству стран по льготной цене. Мы оказывали помощь своими кадрами. Египет национализировал Суэцкий канал и у него не было кадров. Мы послали туда технический персонал, логистов. Мы оказывали помощь Йемену транспортными самолетами и летчиками, которые управляли этими самолетами, мы оказали конкретную помощь в борьбе йеменского народа против реакции, которая начала войну против восставшего народа. У нас с Йеменом тогда не было никаких связей и мы оказывали помощь Йемену через Египет.

Мы оказали помощь Ираку, когда Касем совершил военный переворот. Он был направлен в прогрессивную сторону, и мы его поддерживали на первом этапе. И это была поддержка не на словах, через печать и Объединенные Нации, но конкретная поддержка, выразившаяся в нажиме на агрессора с тем, чтобы его удержать, остановить, отбросить. Тем самым создавались возможности укрепления стран, которые вели борьбу за свою независимость.

Мы оказывали конкретную помощь Сирии, когда против нее готовилось организованное Соединенными Штатами Америки наступление со стороны Турции. Своей тактикой военного нажима мы заставили отступить, отказаться от интервенции, которая была уже организована, войска выведены на исходные позиции, и оставалось только дать сигнал — и танки двинутся.

Как нам это удавалось? Мы организовывали общественное мнение в нашей стране, организовывали мировую прогрессивную общественность на борьбу против империалистических захватнических государств, которые хотели сбросить прогрессивные правительства в арабских странах, и вернуть к руководству этими государствами реакционные силы, сотрудничавшие с колонизаторами. Но, как известно, реакционные силы не особенно поддаются влиянию и считаются со справедливостью. Пропаганда оказывает моральное давление. А где она мораль? Искать ее в империалистических кругах — пустая трата сил. Сам их строй аморален и воздействовать на них моральными средствами недостаточно. Такое воздействие имеет значение, но этого недостаточно.

Поэтому, когда Англия, Франция и Израиль напали на Египет и успешно продвигали свои войска, мы организовали общественное мнение,

предложили объединить наши военные усилия с Соединенными Штатами Америки против агрессоров, обратились в Организцию Объединенных Наций, к Эйзенхауэру. Мы создали условия, с которыми должны были считаться и Англия, и Франция, и Израиль. Мы не только предложили объединить с Соединенными Штатами Америки военные усилия против агрессоров, но обратились к своему народу с призывом оказать помощь Египту добровольцами. Началась запись танкистов и летчиков. Тем самым мы заставили общественность более энергично выразить протест и добиться соответствующих решений Объединенных Наций. Мы добились нажима со стороны Соединенных Штатов Америки на Англию, Францию и Израиль с целью отвода войск. Мы поставили конкретные условия: если этого не будет сделано, то Египет получит помощь не только вооружением, но и людьми, которые умеют владеть современным оружием. Все это вынудило буквально через 22 часа после вручения наших писем Англию, Францию и Израиль прекратить войну. А ведь до нашей акции были обращения, были протесты со стороны Соединенных Штатов Америки и лично Эйзенхауэра, со стороны Объединенных Наций. Но, как говорится, «а Васька слушает, да ест». Когда же мы возвысили свой голос и наряду с протестами пригрозили военными средствами, то тем самым оказали конкретную и реальную помощь Египту. Агрессор прекратил войну.

Чтобы оказать на него давление с целью скорейшего вывода войск и освобождения захваченных египетских территорий, мы заявили, что окажем конкретную военную помощь Египту, пошлем добровольцев и тем самым создадим реальный перевес сил в пользу Египта. Агрессор вынужден был посчитаться с этим, и война не только была прекращена, но были выведены войска с захваченных территорий.

Теперь посмотрим по этапам, как мы оказывали помощь против агрессии, которая намечалась в отношении Сирии. Мы также наряду с протестами, оказанием давления через печать и общественное мнение провели конкретную военную демонстрацию. Главным образом против Турции и Ирана. На Турцию мы оказали давление на границе на Кавказе, вместе с Болгарской Народной Республикой усилили нажим на болгаро-турецкой границе. Мы создали военное давление на советско-иранской границе. Таким образом, мы вынудили такого злобного человека, но умного нашего врага, непримиримого нашего врага, Даллеса, отказаться от этой операции. Он ею руководил со стороны Соединенных Штатов Америки.

Когда был совершен переворот в Ираке, мы также оказали давление на Англию и Соединенные Штаты, которые высадили воздушный и морской десант в Ливане. И тогда мы организовали общественность и провели военную демонстрацию, заставили отступить агрессивные силы. В результате прогрессивное движение в этих странах развивалось.

Египет очень динамично двинулся вперед в части политического устройства государства и общественной жизни. А Сирийская Республика получила возможность демократического развития, а главное, сохранила свою независимость.

Империалистические агрессоры тогда считаются с протестами, когда конкретно видят, что общественно-политическое давление может перерасти в военное, когда они поставлены перед конкретным выбором войны или мира. Таким путем мы добились отступления агрессивных сил и сохранения независимости этих стран. Наряду с проведением такой политики мы, насколько это было в наших силах, старались оказать влияние на египетское руководство с тем, чтобы они с большим пониманием относились к своему соседу Израилю и не пытались путем новой войны изменить сложившиеся границы. Я уже объяснял, почему мы это делали и как аргументировали.

Помню свою последнюю беседу с президентом Египта Насером в 1964 году. Он тогда согласился со мной и выразил понимание нашей точки зрения, но пояснил: «У нас сложная обстановка внутри страны и во всем арабском мире. Слишком чувствительные раны были нанесены арабам при создании Израильского государства. Арабы изгнаны со своих земель и сейчас находятся в очень тяжелом экономическом и политическом положении. Я был вынужден поддерживать моральный дух и время от времени делать выступления против агрессивной политики, какую проводит Израиль».

Я его понимаю, это абсолютно правильная политика. Я сейчас не могу понять, что же случилось? Для меня совершенно ясно, что Израиль напал на Египет, но одно непонятно, почему Египет потребовал вывода войск Объединенных Наций, которые находились на границе между Египтом и Израилем? Эти силы сдерживали агрессивные действия Израиля и для того и были поставлены, чтобы нейтрализовать агрессоров, исключить столкновения на границах. Одним словом, эти силы Объединенных Наций должны были создать условия, исключающие военные столкновения Египта с Израилем. Мне, повторяю, непонятно сейчас, какие цели преследовал Египет, когда он потребовал от Объединенных Наций, от У Тана, вывода этих войск. Мне опять же непонятно, какие цели преследовал Египет, когда закрыл в Красном море морской путь, который пользовался Израиль. Эти вопросы мне и сейчас непонятны.

Это использовал Израиль и открыл военные действия. Если Египет готовился к войне против Израиля, а только так можно расценить его шаги, то почему он тогда не создал условия мобилизационной готовности своей армии? Почему тем самым он облегчил положение Израиля? Буквально в шесть дней были разгромлены арабские государства, которые приняли участие в обороне своих границ: Египет, Иордания и Сирия. Эти вопросы мне непонятны. Пользуясь сведениями через печать, трудно это понять. Кроме грубого вопроса: чьи войска первыми вступили на чужую территорию и тем самым стали завоевателями? Тут нет никакого сомнения — это израильские войска и Израиль достиг своей цели. И вот уже сколько лет прошло после этой военной операции. Израиль удерживает эти территории, эксплуатирует их. Таким образом, создались очень тяжелые условия для Египта.

Я очень сожалею, но что я могу сделать? Только выразить сожаление. Я мучаюсь, не могу понять, как это могло быть допущено. Я срав-

ниваю, как вел себя Советский Союз в 1956 году, когда мы были в несколько раз слабее, чем в 1967 году. Почему мы тогда смогли оказать эффективную помощь Египту и отбросить войска Англии, Франции и Израиля, заставить их отойти на старые границы? Почему нам это не удалось в 1967 году, когда мы невероятно выросли в военной мощи, когда мы имели и имеем несравнимо более мощные ракетные, наземные и прочие силы?

Экономика наша совсем другая. Каждый прожитый год Советский Союз, его народ, кует богатства своей страны, наращивает и экономическую, и военную мощь. Несмотря на это, нам не удалось и не удастся до сих пор отбросить агрессивные силы, занявшие египетскую территорию. Более конкретных выводов я не могу сейчас сделать. Я только лишь повторяю, что агрессия Израиля против Египта в 1967 году показывает правильность моих взглядов: империалистические страны не поддаются только морально-политическому воздействию. Когда завоеватель, агрессор чувствует, что других средств, кроме митингов, к нему не будет применено, он слушает наши речи, читает наши выступления в печати и остается на захваченной территории Египта.

Конкретным примером этому может служить Вьетнам. Тогда произошел раскол, который был навязан коммунистическому миру Китаем. Я повторяю буквально слова Мао Цзэдуна. Китай дал понять американцам, что они смогут предпринять агрессивные шаги против Вьетнама. Когда американский журналист или писатель беседовал с Мао Цзэдуном, он поставил в упор вопрос:

— В мире считают, что Китай проводит агрессивную политику и хочет развязать войну. Правильно ли это?

Мао Цзэдун тогда повторил:

— Нет, войны мы не хотим, мы стоим на позиции мирного сосуществования и вступим в войну, только если нападут на территорию Китая.

Это звучит для уха диссонансом. Трудно понять такое заявление. Оно не вытекает из его политики. Но он конкретно выразился, что они будут воевать, только если произойдет прямое нападение на территорию Китайской Республики.

Когда я узнал о таком заявлении, у меня сразу же сжалось сердце, и я подумал, что это подталкивание американского империализма против Вьетнама. В скором времени американцы усилили агрессию в Южном Вьетнаме, а потом перешли к военным действиям против Северного Вьетнама. Американский империализм был ободрен заявлением Мао Цзэдуна.

Несмотря на военное и особенно материальное экономическое превосходство США в войне против Южного и Северного Вьетнама, они не смогли их сломить. А бомбардировки Северного Вьетнама были сильнейшие. Несмотря на это, вьетнамский народ организовал сопротивление под руководством своего президента, замечательного человека, товарища Хо Ши Мина. Американские агрессоры потерпели поражение и вынуждены были прекратить бомбардировку территории Северного Вьетнама. Правда, через печать видно, что США не строго придержи-

ются своих обязательств. Но все-таки массовые бомбардировки они прекратили.

Это говорит о морали? Нет.

Это говорит не о морали, а о силе Северного Вьетнама, его сопротивлении, которое вызвало большие потери агрессора как в людской силе, так и материальной части.

Я повторяю, только лишь соединения в одном направлении — морально-политического давления через мобилизацию мировой ответственности на агрессоров с конкретным сопротивлением военными средствами может остановить агрессора. Если рассматривать конкретно Вьетнам, то он не имел бы возможности оказывать военное сопротивление агрессии, если бы не было военно-экономической помощи со стороны Советского Союза. Если объявляют, что вьетнамская армия освобождения обстреляла аэродром США, то, естественно, эти ракеты сделаны не в джунглях Вьетнама. И это правильно, политика Советского Союза направлена на оказание помощи всем народам, борющимся за свою независимость, борющимся против агрессоров.

Поэтому сейчас ждать от Израиля благоразумных шагов без нажима на него вряд ли стоит.

Особенно после последней акции, когда Израиль нагло отверг все условия прекращения военных действий, которые предложил Египет с учетом интересов Израиля. Израиль их не принимает, потому что хочет, чтобы существующее положение сохранилось навечно. Они прямо говорят об этом. В пропагандистских целях они ставят условия: если мы будем вести переговоры напрямую с Египтом, то мы тогда найдем способ договориться. Но все факты показывают, что это пропагандистская уловка, а фактически Израиль встал на путь еще более агрессивный и хочет военными средствами, разрушениями, уничтожением вооруженных сил Египта вынудить его согласиться на подписание мирного договора на своих условиях. Вот, собственно, какой напрашивается вывод.

Снова я вспоминаю, как нам, Советскому Союзу, удалось отвести руку агрессора от Сирии. Используя все наши средства морально-политического и военного давления, нам также удалось остановить агрессию Англии, Франции и Израиля, которая уже началась против Египта. Нам удалось пресечь агрессию против йеменского государства. Нам удавалось оказывать конкретную помощь и в других случаях, когда освободительным силам угрожали империалистические силы.

Очень конкретный и, я бы сказал, классический случай столкновения непосредственно с США из-за Кубы. Если бы мы только протестовали против агрессии, которая затевалась США против Кубы, но не предприняли бы военного маневра, не вынудили их понять, что если они будут проводить агрессивную политику против Кубы, то это приведет к военному столкновению не только с Кубой, но и с Советским Союзом, мы не добились бы результата. Мы принудили покойного президента США Кеннеди дать слово, что он не будет готовиться сам и не будет поддерживать другие страны в агрессии против Кубы. Мне приятно сейчас вспом-

нить это былое время. А уже много лет прошло. Вспоминаю, как агрессивные силы и Китай издевались над Советским Союзом, над его политикой, считали ее неразумной, предрекали, что она даст возможность Америке обмануть Советский Союз и расправиться с Кубой, уничтожить Кубу как революционное независимое государство. Жизнь показала правильность нашей политики. Мы избежали войны с США, а мы ее не хотели. Мы выступили в интересах сохранения независимости Кубы и исключения интервенция со стороны США.

Сейчас я радуюсь за кубинский народ, читая в газетах о том, что Куба в этом году столетия со дня рождения нашего великого Ленина, памятным для всего прогрессивного человечества, поставила задачу произвести 10 миллионов тонн сахара.

Я помню последнюю нашу встречу с товарищем Фиделем Кастро. Нашу беседу с ним относительно сахарной сафры. Тогда мы обсуждали, какие технические средства для этого нужны. Такую задачу можно было решить только лишь с помощью техники. Мы поставили задачу нашим специалистам создать уборочные комбайны для сахарного тростника, реконструировать переработку сахарного тростника, реконструировать сахарные заводы с тем, чтобы этот источник дохода Кубе использовать до конца. Я сейчас радуюсь, что эта задача выполняется.

Я помню, как мы с товарищем Фиделем Кастро проводили эту беседу в Пицунде, как у него горели глаза, он буквально горел желанием, как можно скорее осуществить эту задачу. Это самый конкретный и реальный путь поднятия экономики Кубы.

Правда, я тогда указывал товарищу Фиделю Кастро, что на решение задачи, которую он ставит, может в какой-то степени повлиять международный сахарный рынок.

Я ему сказал:

— Невозможно предполагать, что подъем цен на сахар, происшедший после того, как американцы блокировали Кубу и исключили ее из международного рынка производства, сахара продлится долго. Это конъюнктурное, временное положение. Оно будет преодолено капиталистическим миром, к этому имеются все возможности.

Так оно и получилось, цены сейчас выровнялись. Я не знаю, какие сейчас мировые цены на сахарную продукцию, но, видимо, они стабилизировались. Те конъюнктурные, высокие цены, выгодные для Кубы, не могли держаться долго, потому что другие страны имели возможность расширить производство этого продукта и выравнивать цены на мировом рынке.

Но факт остался фактом. Независимая Куба, социалистическая Куба существует буквально перед раскрытой пастью хищного империализма Соединенных Штатов Америки. Она своим существованием пропагандирует новые возможности для латиноамериканских стран. Путь, который избрала Куба, сейчас уже начинают принимать другие народы латиноамериканских стран. Еще не в такой степени, как это сделала Куба, но новые шаги предпринимаются. Они стараются высвободиться от пут американских монополистов. Это конкретная демонстрация того, как реаги-

рует империализм, если призывать его к благоразумию и противопоставить ему силу. Он слов не понимает, он с ними не считается.

На этом я заканчиваю диктовку о странах Ближнего Востока, о нашей политике, которую там проводила наша партия, советское государство, когда я занимал свое положение в правительстве и руководстве Центрального Комитета. Я считаю, что этот период наглядно показывает, что это была правильная ленинская политика. Она приносила свои плоды и для нашего советского народа и для тех народов, которые стояли на позициях борьбы за мир, за мирное сосуществование и проводили внутреннюю независимую политику в своих странах.

К ГЛАВЕ «ОТНОШЕНИЯ С АФРИКАНСКИМИ СТРАНАМИ»

Записывая свои воспоминания об отношении к освободительному движению африканских, азиатских и латиноамериканских стран, я не могу не вспомнить о Египте. Наши отношения тоже складывались неровно, но наши симпатии всегда были на стороне всех народов, которые боролись и борются против колониального рабства. Мы не только сочувствовали борьбе против колонизаторов, но и помогали материально. Мы оказывали помощь оружием, главным образом, оружием. Когда начинается борьба, прежде всего приходится опираться на силу, на возможность принудить колонизаторов уйти. Если они этого не понимают, то путем вооруженных столкновений, путем вооруженной борьбы выбросить их из своей страны. Это было наглядно продемонстрировано на примере борьбы египетского народа, который возглавлял и возглавляется сейчас нашим хорошим другом и мною очень уважаемым человеком, президентом Гамаль Абдель Насером и его соратниками. У меня сохранились самые лучшие чувства и уважение к их борьбе, к народу и вождям египетского народа, которые ведут борьбу против колонизаторов за подъем жизненного уровня и построение в Египте общественной жизни на революционных социалистических основах.

БЕСЕДА С Н.С. ХРУЩЕВЫМ В КОМИТЕТЕ ПАРТИЙНОГО КОНТРОЛЯ

ЦК КПСС

По поручению ЦК КПСС, в связи с предстоящей публикацией в США и ряде других стран Запада «воспоминаний Н. С. Хрущева», 10 ноября т. г. в Комитете партийного контроля состоялась беседа с т. Хрущевым Н. С.

Во время этой беседы т. Хрущев вел себя неискренне, неправильно, уклонялся от обсуждения вопроса о своих неправильных действиях. Он утверждал, что никому не передавал свои мемуарные материалы для публикации.

Прилагаем стенографическую запись беседы с т. Хрущевым[...]

13. XI. 70.

А. Пельше

Совершенно секретно

Стенографическая запись беседы с т. Хрущевым Н. С.
в Комитете партийного контроля при ЦК КПСС 10 ноября 1970 года

Присутствовали: тт. Пельше А. Я. *, Постовалов С. О. **,
Мельников Р. Е. *** и т. Хрущев Н. С.

т. Пельше — По поручению Политбюро мы пригласили вас в Комитет партийного контроля, чтобы вы дали объяснение по одному внешнеполитическому вопросу, связанному с вашими мемуарами, которые могут принести нашей партии и стране большой политический ущерб. Вы, возможно, в курсе дела, а может быть, и нет. По сообщению нашего посла в США т. Добрынина, 6 ноября в Нью-Йорке представители американского журнально-издательского концерна «Тайм» официально объявили о том, что они располагают «воспоминаниями Н. С. Хрущева», которые будут вначале опубликованы в журнале «Лайф», начиная с 23 ноября, а затем выйдут отдельной книгой под названием «Хрущев вспоминает». Книга будет пущена в продажу 21 декабря. На днях по линии ТАСС получена информация о том,

* Пельше А.Я. — председатель КПК при ЦК КПСС.

** Постовалов С.О. — член КПК.

*** Мельников Р.Е. — член КПК.

что информационные агентства и иностранная печать широко муссируют эти сообщения о предстоящей публикации в США и ряде других стран Запада, в частности, в Англии, ФРГ, Франции, Италии, Швеции «воспоминаний Н. С. Хрущева».

Вы помните, что некоторое время тому назад у нас с вами была беседа у Андрея Павловича Кириленко, во время которой вам было сказано, что путь создания ваших мемуаров, связанный с вовлечением в это дело широкого круга людей, является непартийным. И тогда вы были предупреждены, что такой путь не исключает возможности утечки материалов. Вы видите, эта утечка материалов произошла и в этой связи вы должны понять, что вы несете всю полноту ответственности за это дело.

Мы хотели бы заслушать ваше объяснение по этому вопросу и ваше отношение к этому делу. Может быть, вы прямо скажете нам, кому передавали эти материалы для публикации за рубежом.

т. Хрущев — Я протестую, т. Пельше. У меня есть свои человеческие достоинства и я протестую. Я никому не передавал материал. Я коммунист не меньше, чем вы.

т. Пельше — Надо вам сказать, как они туда попали.

т. Хрущев — Скажите вы мне, как они туда попали. Я думаю, что они не попали туда, а это провокация.

т. Пельше — Вы в партийном доме находитесь.

т. Хрущев — Я никогда не был в Комитете партийного контроля. И в таком положении нахожусь впервые и в конце своей жизни, я уже не говорю деятельности. Деятельность моя окончена. И вы требуете от меня объяснения.

т. Пельше — Правильно.

т. Хрущев — Я вам объяснил.

т. Пельше — Вы ничего пока нам не объяснили.

т. Хрущев — Больше нечего объяснять. Никогда, никому никаких воспоминаний не передавал и никогда бы этого не позволил. А то, что я диктовал, я считаю это право каждого гражданина и члена партии. Я отлично помню, что я диктовал. Не все можно опубликовать в данное время.

т. Пельше — Это ваше мнение. У нас с вами был разговор, что тот метод, когда широкий круг людей привлечен к написанию ваших мемуаров, не подходит, что секреты, которые вами излагались, могут попасть за рубеж. И они попали. Это теперь нас очень беспокоит.

т. Хрущев — Если вы помните, мне другое тогда было сказано. Мне сказали, чтобы я не писал и не диктовал. А я сказал, что это Николай I запрашивал шифровки. Я был удивлен, что в моей партии, которой я отдал жизнь, мы вернулись к николаевским методам.

т. Поставалов — Это неудачное сравнение. Неправильное.

т. Хрущев — Со мной поступили как с Шевченко.

т. Поставалов — Зачем такую параллель проводить.

т. Хрущев — Я против такой параллели.

т. Пельше — Вы тогда этот совет не восприняли.

т. Хрущев — Нет. Пожалуйста, арестуйте, расстреляйте. Мне жизнь надоела. Когда меня спрашивают, я говорю, что я не доволен, что я живу. Сегодня радио сообщило о смерти де Голля. Я завидую ему. Я был честным чело-

веком, преданным. Как только родилась партия, я все время был на партийной работе.

т. Пельше — Это мы знаем. Вы скажите, как выйти из создавшегося положения?

т. Хрущев — Не знаю. Вы виноваты, не персонально вы, а все руководство. Если бы руководство было внимательным и разумным, оно бы сказала: т. Хрущев...

Вы помните, т. Кириленко спросил: вы диктуете? Я ответил, — да. Я понял, что, прежде чем вызывать меня, ко мне подослали агентов.

т. Пельше — То, что вы диктуете, знают уже многие в Москве.

т. Хрущев — Мне 77 год. Я в здравом разуме и отвечаю за все слова и действия. Я думал, что т. Кириленко даст мне людей, которым бы я диктовал.

т. Пельше — Почему вы раньше в ЦК не обратились? Когда вас вызвал т. Кириленко, уже было надиктовано много.

т. Хрущев — Откуда вы знаете? Вы говорите, что вы узнали по радио. Кто вам докладывает?

т. Пельше — Наш посол официально сообщил.

т. Хрущев — Это может быть провокация буржуазной прессы. Поскольку моя фамилия представляет сенсацию, может быть, они создали материал на меня.

т. Пельше — Как выйти из этого положения?

т. Хрущев — Не знаю. Я совершенно изолирован и фактически нахожусь под домашним арестом. Двое ворот, и вход и выход контролируются. Это очень позорно. Мне надоело. Помогите моим страданиям.

т. Пельше — Никто вас не обижает.

т. Хрущев — Моральные истязания самые тяжелые.

т. Постовалов — Вы говорите, что никому не передавали. Это очень важно в данной ситуации.

т. Хрущев — Я думаю, вы и т. Пельше отлично понимаете, что я никому не передавал и по своим убеждениям не могу передавать. Вы помните, т. Пельше, у т. Кириленко я сказал: если бы мне помогли.

т. Пельше — Вы этого не говорили. Вы сказали: когда я кончу, передам в ЦК.

т. Хрущев — Я этого не говорил. Тов. Кириленко предложил мне прекратить писать. Я сказал, — не могу, это мое право. Мы политические деятели. Я умру...

т. Пельше — Все умрем.

т. Хрущев — Председатель Верховного Совета, не помню его фамилии, умер.

т. Пельше — Игнатов?

т. Хрущев — Да, Игнатов. Неизвестно, кто раньше умрет. А он был дурак.

т. Постовалов — Дело не в этом, т. Хрущев.

т. Хрущев — Да, в этом.

т. Постовалов — Дело идет о серьезном положении, если материалы будут напечатаны. Они, наверное, будут напечатаны. А вы сами не знаете, как они туда попали.

т. Хрущев — Посла в США я очень хорошо знаю и очень его уважаю.

- т. Постовалов* — Тем более.
- т. Хрущев* — Он сообщил то, что сообщает печать. Я буржуазной печати никогда не верил, поэтому и говорю, что он сам ничего не знает. Может быть, своим вызовом сюда вы поможете мне скорее умереть.
- т. Пельше* — Мы не хотим, чтобы вы умирали. Живите на здоровье.
- т. Хрущев* — Я хочу смерти.
- т. Мельников* — Может быть, вас подвел кто-то?
- т. Хрущев* — Дорогой товарищ, я отвечаю за свои слова и я не сумашедший. Я никому материалы не передавал и передать не мог.
- т. Мельников* — Кому вы доверяли материалы? Ваши доверенные могли передать?
- т. Хрущев* — Нет.
- т. Мельников* — Вашими материалами пользовался не только сын, но и машинистка, которую вы не знаете, писатель беспартийный, которого вы также не знаете, и другие.
- т. Хрущев* — Это советские люди, доверенные люди.
- т. Мельников* — Всякие люди есть. Могли вас и подвести.
- т. Хрущев* — Я не верю, что материал попал американцам. Это утка, ложь, фабрикация. Я в этом уверен.
- т. Мельников* — Но если они будут опубликованы, вы будете отвечать.
- т. Хрущев* — Вы меня не пугайте. Я 76 лет отвечаю за свои действия. Вы меня ничем не запугаете.
- т. Мельников* — Вы не стучите и не кричите. Вы находитесь в КПК и ведите себя как положено.
- т. Хрущев* — И вы ведите себя как положено. Я член партии покамест и не лишайте меня права.
- т. Постовалов* — С вами никто плохо не говорит. Вам сообщили обстановку, которая сложилась в связи с вашими мемуарами. А вы кричите и стучите по столу.
- т. Хрущев* — Это нервы, я не кричу. Разное положение и разный возраст.
- т. Пельше* — Какие бы ни были возраст и нервы, но каждый член партии должен отвечать за свои проступки.
- т. Хрущев* — Вы, т. Пельше, абсолютно правы, и я отвечаю. Готов нести любое наказание, вплоть до смертной казни.
- т. Пельше* — КПК к смертной казни не приговаривает.
- т. Хрущев* — Практика была. Сколько тысяч людей погибло. Сколько расстреляно. А теперь памятники врагам народа ставят. Это меня радует и огорчает. Тому же Постышеву, Блюхеру, Станиславу Викторовичу Косиору.
- т. Пельше* — Это лишний разговор.
- т. Хрущев* — Это прямой разговор, он относится к нашей теме. Я тогда сказал т. Кириленко, вам и т. Демичеву, что стоял и стою на решениях XXII съезда партии и пока живу, буду сторонником этих решений. Убийц надо разоблачать. Они умерли, но если сейчас поднимать на пьедестал убийц, то, может быть, кое-кому тоже понравится повторить. Я против этого. На XX съезде партии я в отчетном докладе о культе личности ничего не сказал, а в процессе съезда решили об этом сказать отдельно. Материалы по этому вопросу были подготовлены комиссией под председательством т.

Поспелова. Но тогда получилось, что один доклад отчетный, а другой о Сталине. Если бы было два докладчика, то это могло породить разные мнения. Я согласился сделать и второй доклад.

т. Пельше — Этот доклад известен. Партия из этого сделала выводы. Но как выйти из того положения, которое сегодня сложилось?

т. Хрущев — *т. Пельше*, лучший выход из положения — это не создавать вокруг Хрущева то, что создано, а создать ему условия, на которые он имел право. Я считал и говорил, что в 65 и даже в 60 лет надо освобождать первые места для более молодого поколения.

т. Пельше — Но вы же не ставили этого вопроса.

т. Хрущев — Ставил.

т. Пельше — Не знаю.

т. Хрущев — Вы не знали потому, что другое положение занимали. Когда исполнилось Мжаванадзе 60 лет, я говорил ему: вас надо передвинуть председателем президиума Верховного Совета Грузии.

т. Пельше — Но не это является темой нашего разговора сегодня.

Если вы считаете, что это провокация агентства «Тайм», то вы могли бы сделать об этом заявление?

т. Хрущев — Меня никто не спрашивает.

т. Пельше — Вы могли бы заявить, что никаких мемуаров не писали...

т. Хрущев — Этого я не могу сказать, я диктовал.

т. Мельников — Вы их не написали?

т. Хрущев — Они еще не закончены. Я заболел.

т. Постовалов — Незаконченные мемуары не могли у вас заполучить агентства.

т. Хрущев — Как известно, в любом государстве авторы должны заключать договор с издательствами, которые и получают право на публикацию их материалов. Другого права нет.

т. Постовалов — Поэтому и надо из создавшегося положения найти выход. Нельзя ли так вам именно и действовать. Дать ответ врагам на их действия. Все это будет правильно и здраво.

т. Хрущев — Каждый сумасшедший считает, что он не сумасшедший. Я не считаю себя сумасшедшим. Может быть, вы по-другому оцениваете мое состояние.

т. Постовалов — Значит, по-здоровому и надо решать вопрос.

т. Хрущев — Я говорю, что в моих воспоминаниях есть такие сведения, которые являются секретными и которые не могут быть опубликованы ни при моей жизни и еще неизвестно когда после моей смерти. Хотя, вы знаете, вообще секретов не бывает. В сговоре по убийству Павла участвовал его сын Александр. И о том, что он убийца, знали все...

т. Постовалов — То, что вы написали, не является секретом?

т. Хрущев — Но время опубликования этих материалов должна была бы определить партия.

Наверное, многие верят, например, что войну в Корее начали американцы. Я-то знаю, что Ким Ир Сен ее начал. Я находился в это время у Сталина. Но этого не надо объявлять сейчас.

т. Мельников — Но вы же диктуете об этом.

т. Хрущев — Я диктую, потому что при мне это было. Я знаю об этом. Это мое право.

т. Постовалов — А если будет напечатано об этом?

т. Хрущев — Я говорю, этого не может быть, с моей точки зрения.

т. Пельше — Ваша диктовка проходила через многие руки на лентах и машинке и вы не можете дать гарантию, что она каким-то образом не попала туда, куда не следует. Вы отвечаете за то, что вы диктуете.

т. Хрущев — Это другой вопрос, т. Пельше. Вы хотите сказать, что я не должен писать.

т. Пельше — Вы за свои проступки должны отвечать.

т. Хрущев — Делайте, что вам положено.

т. Пельше — Если вы считаете, что делаете все в интересах нашей страны, то было бы целесообразно сейчас сделать заявление о том, что вы никаких материалов не писали и никому не передавали и что готовящаяся публикация ваших мемуаров является клеветой, фальшивкой.

т. Хрущев — Я повторяю, я хочу умереть честным человеком. То, что я написал, я никому не давал. Это точно.

т. Мельников — Но если они напечатают, это будет фальшивка?

т. Хрущев — С моей точки зрения, да. Вы тоже понимаете. Зачем так разговаривать, подцеплять и ловить меня на крючок. Я старый, кому я нужен. Никакой крючок на меня не действует. Поэтому я вам говорю, Зиновьев...

т. Пельше — Это вопрос другой.

Дайте нам ответ по существу поставленного перед вами вопроса. Надо сделать так, чтобы иностранцы в ближайшее время не опубликовали ваши воспоминания.

т. Хрущев — Я этих воспоминаний не знаю. Откуда они и что это за воспоминания.

т. Пельше — Речь идет о ваших воспоминаниях.

т. Хрущев — Вы говорите на основании заявления посла.

т. Пельше — Но 23 ноября, т. е. через 13 дней, они будут в печати. Сейчас они находятся в типографии.

т. Хрущев — Никто, и я этих мемуаров не видел.

т. Постовалов — Каково будет ваше отношение, если они появятся?

т. Хрущев — Вместе с вами возмущаюсь.

т. Постовалов — Этого мало.

т. Хрущев — Я готов заявить, что никаких мемуаров ни советским издательствам, ни заграничным я не передавал и передавать не намерен. Пожалуйста, напишите.

т. Постовалов — Если они написаны в черновике, ведь нельзя сказать, что они написаны.

т. Хрущев — Таких документов нет. Поэтому я считаю, что мои материалы изъяли. Эти методы нарушают ленинские нормы и порядки жизни партии. Я протестую, т. Пельше. Я прошу вернуть мои материалы.

т. Пельше — Напрасно протестуете. Вы говорите, есть материалы, которые нельзя публиковать. А если они гуляют по Москве?

т. Хрущев — Где они гуляют? Это говорит о том, что мы возвращаемся к сталинским шифровкам.

т. Пельше — Вам никаких шифровок не вручают.

т. Хрущев — Это материал мой и никто не имеет права брать его. Это николаевское время. Это полицейская расправа. Это возмутительная вещь.

т. Пельше — Возмутительная вещь. Ваши секретные материалы имеют широкое хождение и вы за это несете партийную и государственную ответственность.

т. Хрущев — Я готов на крест, берите гвозди и молоток.

т. Пельше — Эти фразы не нужны.

т. Хрущев — Это не фразы. Я хочу этого. Русские говорят: от сумы и тюрьмы не откажешься. Я всегда в другом положении был и за всю свою политическую деятельность в порядке допрашиваемого в партийных органах никогда не был.

т. Постовалов — Здесь вы находитесь не как допрашиваемый, а на беседе. С вами идет разговор о том, как быть. Но вы напрасно говорите, что это утка пущена. Ведь материалы находятся уже в редакции. Вы можете поверить послу.

т. Хрущев — Посла Добрынина я очень уважаю. Это самый умный посол за границей.

т. Постовалов — Поэтому надо думать, и прежде всего вам, какие в связи с этим нужно сделать заявления, а их придется делать, если вы говорите, что возмущаетесь.

т. Хрущев — Я только одно скажу, что все, что я диктовал, является истинной. Никаких выдумок, никаких усиления нет, наоборот, есть смягчения. Я рассчитывал, что мне предложат написать. Опубликовали же воспоминания Жукова. Мне жена Жукова позвонила и говорит: «Георгий Константинович лежит больной и лично не может говорить с вами, но он просит сказать ваше мнение о его книге. Вы, спросила она, читали?» Я говорю, не читал, но мне рассказывали люди. Я сказал, отвратительно и читать не могу то, что написано Жуковым о Сталине. Жуков честный человек, военный, но сумасброд. Жуков описывает эпизод, как был убит Ватутин и что в это время и я там был.

т. Постовалов — Вы же сказали, что не читали книгу.

т. Хрущев — Но мне рассказали.

т. Пельше — Как же вы можете судить о книге, которую не читали.

т. Хрущев — Описан эпизод такой.

т. Пельше — Вы не знаете, как он описан.

т. Хрущев — Вы как следует разговаривайте со мной. Я не болванка, чтобы дергать меня за ниточку. Я человек и имею свои достоинства. Вы пользуетесь своим положением. Но пока бьется мое сердце, я буду защищать человеческие достоинства.

т. Постовалов — Вы интересы партии должны защищать.

т. Хрущев — То, что я пишу, не расходится с интересами партии.

т. Постовалов — Речь идет не о Жукове.

т. Хрущев — Тов. Пельше не дал закончить мысль. Обрывать — это сталинский стиль.

т. Пельше — Это ваши привычки.

т. Хрущев — Я тоже заразился от Сталина и от Сталина освободился, а вы нет.

- т. Пельше* — Это вы не знаете.
- т. Хрущев* — Я имею право говорить.
- т. Пельше* — Я тоже имею право говорить.
- т. Хрущев* — Я не читал и читать не буду, противно. Я жене Жукова говорю, — как Жуков мог написать такой эпизод о гибели Ватутина? Будто Ватутин выскочил из машины и пулеметом прикрыл мою машину. Я говорю, Ватутин был ранен в пах, выскочить не мог, а самое главное в этом деле то, что Хрущева там не было. И во втором издании-то уже исправлено. А вы сказали, что я говорю неправду.
- т. Пельше* — Давайте думать, как исправить дело.
- т. Хрущев* — Вы сейчас сильнее меня и можете это сделать.
- т. Пельше* — По дипломатической линии не можем.
- т. Мельников* — Вы, *т. Хрущев*, можете выступить с протестом, что вы возмущены.
- т. Хрущев* — Я вам говорю, не толкайте меня на старости лет на вранье.
- т. Пельше* — Речь идет о том, что нужно сделать, чтобы уменьшить политический ущерб.
- т. Постовалов* — А мемуары были?
- т. Хрущев* — Я не могу сказать, что я не диктовал.
- т. Мельников* — Надо вам решать.
- т. Хрущев* — Сейчас материал этот надо вернуть.
- т. Пельше* — Это вопрос другой.
- т. Хрущев* — Я хотел обратиться к тов. Брежневу, а меня вызвали к вам. Ведь КПК орган репрессивный. Когда здесь сидел Шкирятов, сколько людей прошло...
- т. Постовалов* — Не то вы говорите. Ваш материал, как вы говорили, такой, который нельзя печатать много лет. А если он будет напечатан, какое возмущение это вызовет у советских людей.
- т. Хрущев* — Я возмущен.
- т. Постовалов* — Вокруг этого разговор идет. Каково ваше отношение?
- т. Хрущев* — Мое отношение самое партийное.
- т. Постовалов* — Таким оно и должно быть. Самое крайнее возмущение должно быть.
- т. Хрущев* — Согласен на любое. В моей деятельности я пользовался острым словом и умел пользоваться.
- т. Постовалов* — И его надо применить сейчас, чтобы помешать публикации.
- т. Хрущев* — Согласен. Это верно.
- т. Постовалов* — Если вы говорите, что возмущены до предела, то вам надо выступить по этому вопросу.
- т. Мельников* — Пока материал не опубликован, это могло бы сыграть какую-то роль.
- т. Хрущев* — Вы поймите, ведь документа никакого нет и я ничего не видел.
- т. Постовалов* — Вы тассовский материал тоже не видели?
- т. Пельше* — Когда уже собираются печатать материал, вы должны сказать, что я не собирался ничего писать и печатать.

т. Хрущев — Я пока нигде не читал.

В былые времена, мы, не будучи членами ЦК партии, я был секретарем Бауманского райкома, получали тассовский материал. Члены партии приходили и читали для ориентации о позиции наших врагов. Когда я был секретарем райкома партии в Донбассе, получали «Социалистический вестник». Ленин умер, но дух Ленина жил тогда.

т. Постовалов — Выходит, что вы нам не верите о том, что собираются делать с вашим материалом?

т. Хрущев — Вы сами ничего не видели.

т. Постовалов — Достаточно, что они передают по радио и телевидению. Против этого надо возмущаться.

т. Хрущев — Я возмущен.

т. Пельше — Нам сегодня стало известно, что американский журнально-издательский концерн «Тайм» располагает воспоминаниями Хрущева, которые начнут публиковаться там. Это факт. И вы должны сказать свое отношение к этому. Из сообщений видно, что американская печать, а также германская и английская раздули вокруг этого ажиотаж. Хотелось бы, чтобы вы определили свое отношение к этому делу, не говоря о существовании мемуаров, что вы возмущены этим и что вы никому ничего не передавали. Это в какой-то степени уменьшит интерес к публикации материалов и разоблачит ее организаторов.

т. Хрущев — Пусть запишет стенографистка мое заявление.

Из сообщений заграничной печати, главным образом, Соединенных Штатов Америки и других буржуазных европейских стран, стало известно, что печатаются мемуары или воспоминания Хрущева. Я возмущен этой фабрикацией, потому что никаких мемуаров никому я не передавал — ни издательству «Тайм», ни другим кому-либо, ни даже советским издательствам. Поэтому считаю, что это ложь, фальсификация, на что способна буржуазная печать.

т. Пельше — Если мы вам поможем в этом и предложим каналы, через которые можно было бы довести об этом до сведения американской печати, вы согласились бы использовать эти каналы?

т. Постовалов — Учитывая ваше возмущение.

т. Пельше — Допустим, к вам пришел бы корреспондент, вы могли бы ему повторить это?

т. Хрущев — Да. Если хотите пресс-конференцию могу провести. У меня еще хватит пороховницы и достоинств защитить честь своего мундира, честь нашей страны и партии.

Я знаю и повторяю вам, что ряд положений, которые имеются в этих диктовках, правдивы и за них я абсолютно ручаюсь.

т. Постовалов — Каким-то путем все же это утекло и вам надо подумать об этом.

т. Хрущев — Я возлагаю ответственность на тех товарищей, которые в этом деле не хотели мне помочь. Хотели окриком действовать, а это не приводит к добру.

т. Постовалов — Легче всего возложить ответственность на кого-нибудь.

т. Хрущев — Товарищи, которые со мной разговаривали, возложили ответственность на меня. Вы помните, *т. Пельше*, разговор у *т. Кириленко*. Записи тогда не было. Я сказал, если бы мне помогли, дали бы машинистку, ЦК получил бы эти материалы.

т. Пельше — То есть с самого начала вы действовали нелегально.

т. Хрущев — Не пугайте меня нелегальщиной. Нельзя упрощенно подходить.

т. Пельше — Что, разве бы вам не дали машинистки, если бы вы с самого начала обратились в ЦК?

т. Хрущев — Меня вызывали в ЦК.

т. Пельше — Это было в 1968 году.

т. Постовалов — А писать вы раньше начали.

т. Хрущев — Я тогда только что начал писать. И сразу же ко мне пришел молодой человек и я сразу догадался, что его приставили ко мне...

Никакого секрета подпольной диктовки не было и нет. Мне не помогли, не создали условий. Я думал, что это дело долгого времени и к диктовке долгое время возвращаться не буду. А знаете вы, сколько людей, которые встречаются со мной, спрашивают: «Вы записываете?» Я говорю — нет. «Вы должны записывать, как это ценно для нас». Не подумайте, что я хочу себя переоценить. Мы жили в одно время. Я около Сталина был. Это будет иметь большую ценность для поколений.

т. Постовалов — ЦК имеет партийные журналы. Есть ИМЛ. Они изучают и освещают историю партии. Мемуары — это совершенно другое дело.

т. Хрущев — Писал Попов историю. Хорошая история. Умный человек в Коминтерне работал. Сталин расстрелял. Пospelов — подхалим. Писал под диктовку Сталина. История все время обновляется, потому что ее пишут люди. Мемуары — это сугубо личное дело. И эту точку зрения вы у меня никогда не отберете. В мемуарах человек излагает свою точку зрения. Пишет о времени, в котором он жил.

т. Постовалов — Вы должны сохранять тайну.

т. Хрущев — Мне прямо сказали, не смейте писать. Я с этим не согласен.

т. Пельше — О том, что вы начали писать мемуары, вы должны сообщить в ЦК.

т. Хрущев — Я не сообразил. Вы тогда, *т. Пельше*, были и знаете, что я просил.

т. Пельше — Такой четкой просьбы у вас не было.

т. Хрущев — Как я мог просить, когда мне отказали. Я этого не мог представить. У меня нет дорожки органа, как ЦК. Я хочу закончить свою жизнь преданным ЦК и как могу служить на пользу своей партии, которой я отдал столько лет.

Правда, когда было 50 лет партии, выдавали медали хорошим людям, заслуженным людям. У меня спрашивали: «Вы получили? Ну получите». А я не получил.

т. Пельше — Это другой вопрос.

т. Хрущев — Это отношение к людям, отношение к членам партии,

которые прошли большой путь — путь гражданской войны, Отечественной войны, восстановления разрушенного, путь пятилеток. Когда я на Украине был первым секретарем, сколько сил отдал. В Москве и Московской области не меньше отдал сил. А почему разное отношение? Об этом вы сами подумайте. Я не хочу называть вещи своими именами. Я возмущен не потому, что не дали, а потому, что нет объективности, а есть субъективность.

Я хотел бы обратиться к вам, как председателю Комитета партийного контроля, чтобы вы встали на защиту честного члена партии.

т. Пельше — Мы еще будем разбираться с вопросом, о котором идет сегодня речь.

т. Хрущев — Не пугайте меня, я не боюсь. Сейчас у меня не жизнь, а страдание. Я завидую де Голлю. Здоровый был мужик. У меня сейчас тяжелая жизнь.

т. Мельников — А что тяжелого?

т. Хрущев — Когда уйдете на пенсию, тогда узнаете, что это адские муки.

т. Пельше — Всем это предстоит. Все уйдут на пенсию.

т. Хрущев — Меня лишили прав члена ЦК. Перестали приглашать на пленумы. Разве это достойно. Я звонил Малину*. Говорит — не могу. Все на пенсии. Шверник тоже на пенсии, лежит трупом. Но к нему совершенно другое отношение. Почему к нему одно, а ко мне другое отношение. Что я меньше других сделал для партии? Это создает для меня особые условия. Поживите моей жизнью.

Ничем вы меня не припугнете.

т. Пельше — Мы вас не собираемся ничем пугать.

т. Хрущев — Ничем. Потому, что все сейчас тяжело для меня.

т. Постовалов — Это вы не серьезно говорите.

т. Хрущев — Попробуйте. Узнаете.

т. Постовалов — Это несерьезный разговор.

т. Хрущев — *т. Пельше*, сколько казнили людей. Сколько у меня друзей казнили, вернейших членов партии. Сколько сейчас казнил Мао Цзэдун врагов культурной революции. Мао Цзэдун и Сталин.

т. Постовалов — Зря такую параллель проводите.

т. Хрущев — Сталин и Мао Цзэдун.

т. Постовалов — Не об этом сейчас разговор.

т. Хрущев — Три месяца отсидел в больнице на Грановского. Три месяца пролежал. Теперь начал ходить. Не знаю, что будет после приема у главного партийного врача. Что вы, *т. Пельше*, скажете про меня. Я вас не буду обсуждать ни при каких случаях.

Я смотрю — знакомое лицо. Где вы работали?

т. Мельников — В Узбекистане.

т. Хрущев — Я хочу сказать о базе, с которой снабжаются люди, получая лечебное питание. Я считаю, что это приносит огромный вред. Наши семьи, я тоже пользуюсь этим снабжением, не знают действительного положения вещей. Взять такой пример, что люди даже не могут купить укро-

* Малин В.Н. — заведующий общим отделом ЦК КПСС.

па. Это просто плохая организация торговли. В магазинах нет необходимых вещей. Нет мяса.

т. Пельше — В Москве есть.

т. Хрущев — Люди говорят: «Может верблюд добраться с Дальнего Востока до Москвы? Нет, не может — съедят».

т. Постовалов — А разве при вас не рассказывали таких анекдотов.

т. Хрущев — После меня прошло 6 лет. После смерти Сталина наша страна оказалась в тяжелом положении в оборонном отношении. Сейчас другое положение. Мы должны уделять больше внимания товарам народного потребления. Вот купите себе шапку. Вы ее не купите.

т. Постовалов — Вы по рассказам говорите. Я вот купил себе шапку, правда, не пыжиковую, а обыкновенную.

т. Хрущев — Что мне сказать. У нас очень много недостатков.

т. Пельше — Увеличилось потребление мяса на душу населения. Увеличилась заработная плата. Денег у народа стало больше. Жить стали лучше.

т. Хрущев — У вас рабочий день в 6 часов кончается? Ваша задержка не по моей вине.

т. Постовалов — Опять, зачем на других перекаладывать.

т. Пельше — Если бы вы уважали свой ЦК, то сразу же сообщили бы о своем решении писать мемуары.

т. Хрущев — ЦК лишил меня права присутствовать на пленумах. Сталин этого не позволял. Сталин прямо действовал — арестовывал как врага народа. Это факт. Я как член ЦК в годовщину Октября хотел прийти к Мавзолею, заказал машину, а мне «раб божий» сказал, что я вам не рекомендую туда ехать. Как это можно?

т. Пельше — Вы пожаловались бы.

т. Хрущев — Опять я виноват.

т. Пельше — Я не знаю, что вам сказали.

т. Хрущев — Я умер, а ваша совесть не может примириться с этим. Вера Засулич сообщила царскому суду, что она убила... Суд заслушал ее и оправдал. А ведь это был царский суд. Интересная вещь. Мне трудно объяснить, как это могло случиться.

т. Постовалов — Там все написано.

т. Хрущев — Как мог суд оправдать? Вы сами не юрист?

т. Постовалов — Нет.

т. Пельше — Партийный работник.

т. Хрущев — Партийными работниками бывают и юристы.

Я еще хочу спросить, как человек и член партии, как могли мы с такой мощью Египет, позволить его разбить?

т. Мельников — Борьба продолжается, Египет не разбит.

т. Хрущев — Тогда вы от меня ничего не слышали и мне ничего не говорили.

В 1956 г. мы были очень слабы в оборонном отношении. Я помню то самое тяжелое время в отношении Кубы. Мы выиграли сражение без боя. Мы правильно решили вопрос. Мне часто задают вопросы об агрессии Израиля. Я говорю, что я сейчас не все знаю, я — пенсионер.

т. Пельше — Беседу на этом закончим.

ДОКУМЕНТЫ

№ 1

РАСПОРЯЖЕНИЕ СОВЕТА МИНИСТРОВ СССР «О МЕРАХ ПО ОЗДОРОВЛЕНИЮ ОБСТАНОВКИ В ГДР» *

2 июля

Сов. секретно

*Утвердить прилагаемый проект
решения о мерах по оздоровлению
политической обстановки в ГДР.*

Председатель Совета Министров Союза ССР

Г. Маленков

Сов. Секретно

ПРИЛОЖЕНИЕ

К распоряжению Совета Министров СССР от 2 июня 1953 г. № 7 76-рс

“О мерах по оздоровлению политической обстановки в ГДР”

В результате проводимой неправильной политической линии в Германской Демократической Республике создалось весьма неблагоприятное политическое и экономическое положение¹.

Среди широких масс населения, в том числе среди рабочих, крестьян и интеллигенции существует серьезное недовольство проводимыми в ГДР политическими хозяйственными мероприятиями. Это находит наиболее явное выражение в массовом бегстве жителей ГДР в Западную Германию. Так, с января 1951 г. по апрель 1953 г. бежало в Западную Германию 447 тыс. человек, в том числе только за четыре месяца 1953 года — свыше 120 тыс. человек. Значительную часть бежавших составляют трудовые элементы. В числе бежавших в 1952 году: рабочих около 18 тыс.

* Орфография и стиль документов сохранены.

человек, крестьян-середняков и малоземельных, ремесленников и пенсионеров — около 9 тыс. человек, служащих и представителей трудовой интеллигенции — около 17 тыс. человек, домашних хозяек — свыше 24 тыс. человек. Из состава казарменной полиции сбежало в Западную Германию 8.000 человек. Обращает на себя внимание, что среди бежавших в Западную Германию в течение четырех месяцев 1953 года имеется 2.718 членов и кандидатов СЕПГ и 2.610 членов Союза свободной немецкой молодежи.

Главной причиной создавшегося положения нужно признать то, что, в соответствии с решением второй конференции СЕПГ, одобренным Политбюро ЦК ВКП(б), неправильно был взят курс на ускоренное строительство социализма в Восточной Германии без наличия необходимых для этого реальных как внутренних, так и международных предпосылок. Проводимые в связи с этим социально-экономические мероприятия, как-то: форсирование развития тяжелой промышленности, не обеспеченной к тому же сырьем, резкое ограничение частной инициативы, задевающее интересы широкого круга не крупных собственников как в городе, так и в деревне, и лишение продовольственных карточек всех частных предпринимателей и лиц свободной профессии, особенно — поспешное создание сельскохозяйственных кооперативов при отсутствии необходимой для этого почвы в деревне, привели к серьезным затруднениям в области снабжения населения промышленными и продовольственными товарами, к резкому падению курса марки, к разорению большого количества мелких собственников-ремесленников, кустарей и др. И настроили значительные слои населения против существующей власти. Дело дошло до того, что в настоящее время более 500 тыс. гектаров земли брошено и запущено, а бережливые немецкие крестьяне, обычно крепко привязанные к своему клочку земли, массами стали бросать землю, свое хозяйство и перебираться в Западную Германию.

Политическая и идеологическая работа, проводимая руководством СЕПГ, не отвечает задачам укрепления Германской Демократической Республики. В частности, были допущены серьезные ошибки в отношении духовенства, выразившиеся в недооценке влияния церкви среди широких масс населения и в грубом администрировании и репрессиях.

Следует признать также серьезной ошибкой недооценку политической работы среди интеллигенции. Этим в известной мере объясняются имеющие место среди значительной части интеллигенции колебания, неустойчивость и даже враждебные отношения к существующему строю.

Все это создает серьезную угрозу политической устойчивости Германской Демократической Республики.

Для исправления создавшегося положения необходимо:

1. Признать неправильным в нынешних условиях курс на форсирование строительства социализма в ГДР, взятый СЕПГ и одобренный Политбюро ЦК ВКП(б) в решении от 8 июля 1952 года.

2. В целях оздоровления политической обстановки в ГДР и укрепления нашей позиции как в самой Германии, так и в вопросе о Германии в международном плане, а также обеспечения и расширения базы массового движения за создание единой демократической, миролюбивой

независимой Германии рекомендовать руководству СЕПГ и правительству ГДР проведение следующих мероприятий:

а) прекратить искусственное насаждение сельскохозяйственных производственных кооперативов, не оправдавших себя на практике и вызывающих недовольство среди крестьян.

Тщательно проверить все существующие сельскохозяйственные производственные кооперативы и те из них, которые созданы на недобровольных началах, а также те, которые показали себя нежизненными, распустить. Иметь в виду, что в нынешних условиях в ГДР более или менее жизненной может быть лишь такая простейшая форма производственного кооперирования крестьян, как товарищества по совместной обработке земли без обобществления средств производства. Такие товарищества, при оказании им должной помощи, могут стать притягательным примером для крестьянства;

б) укрепить существующие и по мере возможности создавать новые машинно-прокатные станции, как главный рычаг воздействия на деревню и как основное средство помощи трудовому крестьянству в деле поднятия продуктивности сельского хозяйства.

Помимо помощи товариществам по совместной обработке земли машинно-прокатные станции должны обслуживать и индивидуальные крестьянские хозяйства на арендных началах;

в) отказаться от политики ограничения и вытеснения среднего и мелкого частного капитала, как от преждевременной меры. В целях оживления экономической жизни республики признать целесообразным широкое привлечение частного капитала в различных отраслях мелкой и кустарной промышленности, в сельском хозяйстве, а также в области торговли, не допуская при этом его концентрации в крупных размерах.

При рассмотрении материальных ресурсов предусматривать выделение частным предприятиям сырья, топлива, электроэнергии, а также предоставление кредитов. Пересмотреть существующую систему налогообложения частных предпринимателей, фактически убивающую у них стимул к участию в хозяйственной жизни, в сторону смягчения налогового пресса. Восстановить частным предпринимателям, а также лицам свободных профессий, снабжение по продовольственным карточкам;

г) пересмотреть пятилетний план развития народного хозяйства ГДР в сторону сокращения чрезмерно напряженных темпов развития тяжелой промышленности и резкого увеличения производства товаров массового потребления, а также полного обеспечения населения продовольствием с тем, чтобы в ближайший период можно было ликвидировать карточную систему снабжения продовольственными товарами;

д) провести необходимые мероприятия по оздоровлению финансовой системы и по сокращению административных и специальных расходов, а также по укреплению и повышению курса марки ГДР;

е) принять меры к укреплению законности и обеспечению демократических прав граждан, отказаться от жестких карательных мер, не вызываемых необходимостью. Пересмотреть дела репрессированных граждан с тем, чтобы были освобождены лица, привлеченные к ответственности без достаточных оснований. Под этим углом зрения вне-

сти соответствующие изменения в существующее уголовное законодательство;

ж) считать одной из важнейших задач СЕПГ широкое развертывание политической работы среди всех слоев населения, решительно искореняя элементы голого администрирования. Добиться такого положения, чтобы мероприятия Правительства были понятны народу и встречали поддержку среди самого населения.

Особое внимание уделить политической работе среди интеллигенции с тем, чтобы обеспечить поворот основных масс интеллигенции в сторону активного участия в проведении мероприятий по укреплению существующего строя.

В настоящее время и на ближайший период в центре внимания широких масс германского народа, как в ГДР, так и в Западной Германии, необходимо поставить задачи политической борьбы за восстановление национального единства Германии и за заключении мирного договора. Вместе с тем необходимо выправить и укрепить политическое и экономическое положение в ГДР и значительно усилить влияние СЕПГ в широких массах рабочих и в других демократических слоях города и деревни.

Считать неправильной проводившуюся в последнее время пропаганду необходимости перехода ГДР к социализму, которая толкает партийные организации СЕПГ к недопустимо упрощенным и торопливым шагам как в политической, так и в экономической областях.

Считать вместе с тем необходимым значительно поднять роль блока демократических партий и организаций, а также Национального фронта демократической Германии в государственной и общественной жизни ГДР.

з) решительно покончить с голым администрированием в отношении духовенства, прекратить вредную практику грубого вмешательства властей в дела церкви. Отменить все мероприятия, задевающие непосредственные интересы церкви и духовенства, как-то: конфискацию церковных благотворительных учреждений (богаделен и приютов), отбирание местными властями запущенных церковных земель, лишение церкви установленной дотации и т.д. Прекратить притеснения рядовых участников молодежной религиозной организации «Юнге Гемайнде», перенести центр тяжести на политическую работу среди них. Имея в виду, что репрессивные меры в отношении церкви и духовенства могут способствовать лишь усилению религиозного фанатизма остальных слоев населения и росту их недовольства, главным средством борьбы против редакционного влияния церкви и духовенства должна быть тщательно продуманная разъяснительная и культурно-просветительная работа. Основной формой антирелигиозной пропаганды следует признать широкое распространение среди населения научных и политических знаний.

3. Признать необходимым оказание ГДР экономической помощи со стороны Советского Союза особенно в области продовольственного снабжения.

4. Обязать Верховного Комиссара СССР в Германии т. Семенова и Главнокомандующего советскими оккупационными войсками т.Гречко устранить имеющиеся недостатки в осуществлении оккупационного ре-

жима советскими войсками. Принять меры к тому, чтобы пребывание советских оккупационных войск как можно меньше задевало непосредственные интересы гражданского населения, в частности, освободить все занятые советскими войсками помещения учебных заведений, больниц и культурных учреждений.

5. Исходя из того, что политическое и экономическое состояние ГДР является одним из важнейших факторов не только в решении общего вопроса о Германии, но и в мирном урегулировании основных международных проблем, в дальнейшем при определении общей политической линии на тот или иной период и при осуществлении каждого конкретного мероприятия по укреплению Германкой Демократической Республики нужно строго учитывать как реальные условия внутри ГДР, так и положение в Германии в целом и международную обстановку.

6. Учитывая, что в настоящее время главной задачей является борьба за объединение Германии на демократических и миролюбивых началах, СЕПГ и КПГ, как знаменосцы борьбы за национальные чаяния и интересы всего германского народа, должны обеспечить проведение гибкой тактики, направленной на максимальное разобщение сил своих противников и использование любых оппозиционных течений против продажной клики Аденауэра. Поэтому, поскольку социал-демократическая партия Западной Германии, за которой все еще продолжают идти значительные массы трудящихся, выступает, хоть и недостаточно последовательно, против соглашений, следует на данный период отказаться от оголтело враждебной позиции в отношении этой партии, пытаясь, где это возможно, организовывать совместные выступления против аденауэровской политики раскола и империалистического закабаления Германии.

1. Руководство ГДР в соответствии с решениями Второй конференции СЕПГ (9-12 июля 1952 г.), одобренными Политбюро ЦК ВКП(Б) взяло курс на «ускоренное строительство социализма». В результате этого курса резко ухудшился жизненный уровень населения, усилились политические репрессии. Одним из показателей серьезных недостатков в работе правительства ГДР стало массовое бегство жителей страны в Западную Германию.

Политическая и экономическая обстановка в ГДР была предметом обсуждения на нескольких заседаниях Президиума ЦК КПСС и Президиума Совета Министров СССР в апреле — мае 1953 г. в ходе обсуждения мер по исправлению в ГДР неблагоприятного политического и экономического положения развернулась острая полемика. 27 мая на заседании Президиума Совмина СССР было принято решение, согласованное со всеми участниками заседания. В проекте решения, рассмотренном членам Президиума Совмина СССР и Н. Хрущеву, комиссии в составе Г. Маленкова, Л. Берии, В. Молотова, Н. Хрущева и Н. Булганина было поручено в трехдневный срок выработать конкретные предложения. При их выработке следовало «исходить из того, что основной причиной неблагоприятного положения в ГДР является ошибочный в нынешних условиях курс на строительство социализма... В предложениях определить политические и экономические установки, направленные на то, чтобы: а) отказаться в настоящее время от курса на строительство социализма в ГДР и от создания колхозов в деревне». Все члены комиссии согласились с предложенным проектом решения, кроме Молотова, который 28 мая 1953 г. добавил к словам «строительство социализма» слово «ускоренное».

Позиция Берии в ходе дискуссии по германскому вопросу заключалась в пред-

ложении не форсировать образование сельскохозяйственных кооперативов по образцу советских колхозов, а ограничиться созданием товариществ по совместной обработке земли и машино-тракторных станций.

№ 2

ДЕКЛАРАЦИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВ СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК И ФЕДЕРАТИВНОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ ЮГОСЛАВИИ

Делегация Правительства СССР в составе члена Президиума Верховного Совета СССР и Первого секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущева, Председателя Совета Министров СССР Н.А. Булганина, первого заместителя Председателя Совета Министров СССР А.И. Микояна, председателя Комиссии по иностранным делам Совета Национальностей Верховного Совета, члена ЦК КПСС и главного редактора газеты «Правда» Д.Т. Шепилова, первого заместителя министра иностранных дел СССР А.А. Громыко, заместителя министра внешней торговли СССР П.Н. Кумыкина и делегация Правительства ФНРЮ в составе Президента ФНРЮ Иосипа Броз-Тито, заместителя председателя Союзного исполнительного вече (СИВ) Эдварда Карделя, заместителя председателя СИВ Александра Ранковича, заместителя председателя СИВ Светозара Вукмановича-Темпо, члена СИВ Миялко Тодоровича, государственного секретаря по иностранным делам ФНРЮ Кочи Поповича, заместителя государственного секретаря по иностранным делам ФНРЮ Велько Мичуновича вели в Белграде и на Брионах переговоры с 27 мая по 2 июня 1955 г. Во время переговоров, которые проходили в духе дружбы и взаимопонимания, был произведен обмен мнениями по международным проблемам, затрагивающим интересы СССР и ФНРЮ, а также были всесторонне рассмотрены вопросы политических, экономических и культурных отношений между обеими странами.

I

Исходной точкой переговоров было взаимное желание обоих Правительств, чтобы в интересах мирного решения международных вопросов и усиления сотрудничества между народами и государствами применялся метод переговоров.

Народы обеих стран и их вооруженные силы особенно развили свою дружбу и боевое сотрудничество в годы войны, которую они вели совместно с другими свободолюбивыми народами против фашистских завоевателей.

Оба правительства согласились предпринять дальнейшие меры для нормализации своих отношений и развития сотрудничества между двумя странами, будучи уверены в том, что это соответствует интересам народов обеих стран и является вкладом в дело уменьшения напряженности, а также в дело упрочения мира во всем мире. В ходе переговоров выявилось искреннее стремление. Правительства обеих стран к дальней-

шему развитию всестороннего сотрудничества между СССР и ФНРЮ, что находится в полном соответствии с интересами обеих стран, а также с интересами мира и социализма, и для чего в настоящее время существуют объективные условия.

При рассмотрении вопросов, о которых велись переговоры, и в целях укрепления доверия и сотрудничества между народами оба Правительства исходят из следующих принципов:

неделимости мира, на котором только и может основываться коллективная безопасность;

уважение суверенитета, независимости, территориальной неприкосновенности и равноправия между государствами в их взаимоотношениях и в отношениях с другими государствами;

признания народами вне зависимости от идеологических различий и различий в общественном устройстве, что подразумевает сотрудничество всех государств в области международных отношений вообще и в области экономических и культурных отношений в частности;

взаимного уважения и невмешательства во внутренние дела по любым причинам — экономического, политического или идеологического характера, — поскольку вопросы внутреннего устройства, различия общественных систем и различия конкретных форм развития социализма являются исключительно делом народов отдельных стран;

развития двустороннего и международного экономического сотрудничества и устранения всех тех факторов в экономических отношениях, которые затрудняют товарообмен и тормозят развитие производительных сил в мире и в рамках национальной экономики;

оказания помощи через соответствующие органы ООН, а также посредством других форм, которые находятся в соответствии с принципами ООН, как национальной экономике, так и экономически отсталым районам в интересах народов этих районов и в интересах развития мировой экономики;

прекращения любых форм пропаганды и дезинформации, а также других действий, которые сеют недоверие и так или иначе затрудняют создание атмосферы для конструктивного международного сотрудничества и мирного сосуществования между народами;

осуждения любой агрессии и любой попытки установить политическое и экономическое господство над другими странами;

признания того, что политика военных блоков усиливает международную напряженность, подрывает доверие между народами и увеличивает опасность войны.

II

Оба Правительства в своей политике исходят из принципов, выраженных в Уставе Организации Объединенных Наций, и согласны, что необходимо прилагать дальнейшие усилия для усиления роли и авторитета ООН, что нашло бы особое подтверждение в предоставлении Китайской Народной ее законного места в ООН. Имело бы также значение принятие в члены этой организации всех других государств, отвечающих требованиям Устава ООН.

Оба Правительства согласны в то, что все народы должны приложить новые усилия для достижения положительных результатов и соглашений в переговорах по таким существенным вопросам мира во всем мире, какими являются: вопрос сокращения и ограничения вооружений, а также запрещения атомного оружия, вопрос создания общей коллективной безопасности, в том числе основанной на договоре системы коллективной безопасности в Европе, вопрос использования атомной энергии в мирных целях.

В результате таких усилий была бы создана атмосфера. Которая одновременно позволила бы разрешить мирным путем такие первоочередные жгучие международные проблемы, как согласованное решение германского вопроса на демократической основе и в соответствии с желаниями и интересами немецкого народа, а также с интересами всеобщей безопасности, удовлетворение законных прав Китайской Народной Республики в отношении Тайваня.

Оба Правительства приветствуют результаты конференции в Бандунге как значительный вклад в идею международного сотрудничества, как поддержку усилий народов Азии и Африки по укреплению их политической и экономической независимости, и считают, что все это содействует укреплению мира во всем мире.

III

Полное внимание было уделено анализу отношений между двумя странами до настоящего времени и перспективам их дальнейшего развития. Учитывая, что в последние годы имело место значительное расстройство во взаимоотношениях, что наносило ущерб как обеим заинтересованным сторонам, так и международному сотрудничеству, — Правительства СССР и ФНРЮ, выражая свою решимость развивать свои будущие отношения в духе дружественного сотрудничества и опираясь на принципы, изложенные в Декларации, согласились о следующем:

1. Что они предпримут все необходимые меры для введения нормального договорного положения, на основе которого они будут регулировать и обеспечивать нормальное развитие отношений в целях расширения сотрудничества между двумя странами во всех областях, в которых заинтересованы оба Правительства.

2. О необходимости усиления экономических связей и расширения экономического сотрудничества между двумя странами.

С этой целью оба правительства согласились предпринять необходимые меры, которые бы ликвидировали последствия, возникшие в результате нарушения нормального договорного положения в экономических отношениях между двумя странами.

Они также согласились приступить к заключению необходимых договоров, которые будут регулировать и облегчать развитие экономических отношений в вышеуказанном направлении.

3. В целях развития культурных отношений оба Правительства выразили готовность заключить конвенцию о культурном сотрудничестве.

4. Придавая большое значение информированию общественности для развития дружественного сотрудничества между народами и желая,

чтобы общественность была точно и объективно информирована, оба Правительства согласились относительно необходимости заключения конвенции об информационной службе в духе решений ООН и на основе взаимности с точки зрения положения и привилегий органов этой службы на территории каждой договаривающейся стороны.

5. Поддерживая рекомендации ООН о развитии сотрудничества между всеми странами в деле использования атомной энергии в мирных целях, что представляет существенный интерес для упрочения мира и для прогресса во всем мире, оба Правительства согласились установить взаимное сотрудничество в этой области.

6. Оба Правительства согласились предпринять меры для заключения договоров в целях решения вопросов о гражданстве или соответственно о репатриации граждан одной из договаривающихся сторон, которые находятся на территории другой стороны. Оба Правительства согласны с тем, что договоры должны основываться на уважении принципов гуманности, а также на общепринятых принципах добровольности в отношении лиц, о которых идет речь.

Оба Правительства также согласны в отношении обеспечения прав на осуществление защиты граждан другой стороны на своей территории, подразумевая под этим и право граждан сохранить гражданство, которые они имели до прибытия на территорию другой договаривающейся стороны.

7. В духе миролюбивых принципов, изложенных в настоящей Декларации, а также ради лучшего взаимного ознакомления и понимания народов их стран, оба Правительства согласились, что они будут поддерживать и облегчать сотрудничество общественных организаций обеих стран путем осуществления контакта, обмена социалистическим опытом и свободного обмена мнениями.

8. Оба Правительства согласились приложить максимальные усилия для осуществления задач и постановлений настоящей Декларации в интересах дальнейшего развития взаимоотношений между двумя странами и в интересах развития международного сотрудничества и укрепления мира во всем мире.

За Правительство
Союза Советских
Социалистических Республик
председатель Совета
Министров СССР

Н.А. БУЛГАНИН

2 июня 1955 г.

За Правительство
Федеративной
Народной Республики
Югославии
президент ФНРЮ

И. БРОЗ-ТИТО

г. Белград

№ 3

ИЗ НЕПРОИЗНЕСЕННОЙ РЕЧИ МАРШАЛА Г.К. ЖУКОВА

Товарищу ХРУЩЕВУ Н.С.

Секретно

Посылаю Вам проект моего выступления на предстоящем Пленуме ЦК КПСС.

Прошу просмотреть и дать свои замечания.*

19 мая 1956 года

Г. Ж У К О В

№72 с

Секретно

Товарищи!

В своем выступлении я хочу доложить Пленуму ЦК ** состоянии и задачах военно-идеологической работы.

Главным недостатком во всей военно-идеологической работе у нас в стране до последнего времени являлось засилие в ней культа личности.

Должен отметить, что у некоторых товарищей имеется мнение о нецелесообразности дальше и глубже ворошить вопросы, связанные с культом личности, так как по их мнению углубление критики в вопросах, связанных с культом личности, наносит вред делу партии, нашим Вооруженным Силам, принижает авторитет советского народа и тому подобное.

Я считаю, что подобные настроения вытекают из несогласия с решением XX съезда партии, полностью одоббившего предложения, изложенные в докладе ЦК по ликвидации последствий культа личности. Если пойти по пути свертывания работы по ликвидации последствий культа личности, то мы не выполним тех решений, которые единодушно были приняты XX съездом партии. Мы не можем забывать, что культ личности и все то, что с ним было связано, принес нам много вреда и в деле обороны нашей страны. Мы обязаны из этого извлечь все необходимые уроки, продолжать настойчиво разъяснять антиленинскую сущность культа личности, преодолевая боязнь обнажения фактов, мешающих ликвидации культа личности.

Как известно, особенно широкое распространение культ личности приобрел в вопросах, связанных с Великой Отечественной войной.

Отдавая должное заслугам, энергии и организаторской деятельности Сталина, я должен сказать, что культ личности Сталина в освещении войны приводил к тому, что роль нашего народа, Партии и Правительства, наших Вооруженных Сил принижалась, а роль Сталина непомерно преувеличивалась (...)

* Имеются пометы: «Разослано: тов. тов. Булганину Н.А. и Шепилову Д.Т.»; «Хранить в архиве Президиума ЦК КПСС».

** Пленум ЦК, где предполагалось обсудить вопрос о культе личности Сталина, так и не состоялся.

На протяжении нескольких лет перед Отечественной войной советскому народу внушалось, что наша страна находится в постоянной готовности дать сокрушительный отпор любому агрессору. На все лады восхвалялась наша военная мощь, прививались народу опасные настроения легкости победы в будущей войне, торжественно заявлялось о том, что мы всегда готовы на удар врага ответить тройным ударом, что, несомненно, притупляло бдительность советского народа и не мобилизовало его на активную подготовку страны к обороне.

Действительное же состояние подготовки нашей страны к обороне в то время было далеким от этих хвастливых заявлений, что и явилось одной из решающих причин тех крупных военных поражений и огромных жертв, которые понесла наша Родина в начальный период войны.(...)

Огромный вред для Вооруженных Сил нанесла подозрительность Сталина по отношению к военным кадрам. На протяжении только четырех лет, с 1937 по 1941 гг., (наряду с большой степенью сменяемости в связи с арестами), в наших Вооруженных Силах дважды упразднялось единоначалие и вводился институт военных комиссаров, что сеяло недоверие к командным кадрам, подрывало дисциплину в войсках и создавало неуверенность у командного состава.

Слабые стороны в подготовке нашей страны и армии к войне, выявленные в ходе советско-финляндской войны и событий на Дальнем Востоке, не только не устранялись, но по-серьезному даже и не обсуждались ни в ЦК, ни в Совнаркоме, так как все эти вопросы находились в руках Сталина и без его указаний никто не мог принять какого-либо решения.

Вследствие игнорирования со стороны Сталина явной угрозы нападения фашистской Германии на Советский Союз, наши Вооруженные Силы не были своевременно приведены в боевую готовность, к моменту удара противника не были развернуты и им не ставилась задача быть готовыми отразить готовящийся удар противника, чтобы, как говорил Сталин, «не спровоцировать немцев на войну».

Знал ли Сталин и Председатель Совнаркома В. М. Молотов о концентрации гитлеровских войск у наших границ? — Да знали. Кроме данных, о которых на XX съезде доложил тов. Н. С. Хрущев, Генеральный штаб систематически докладывал Правительству о сосредоточениях немецких войск вблизи наших границ, об их усиленной авиационной разведке на ряде участков нашей приграничной территории с проникновением ее вглубь нашей страны до 200 километров. За период январь — май 1941 г. было зафиксировано 157 разведывательных полетов немецкой авиации.(...)

Примером полного игнорирования Сталиным сложившейся военно-политической обстановки и беспрецедентной в истории дезориентации нашего народа и армии является сообщение ТАСС, опубликованное в печати 14 июня 1941 г., т. е. за неделю до нападения фашистской Германии на Советский Союз. В этом сообщении указывалось, что «По данным СССР, Германия также неуклонно соблюдает условия советско-германского пакта о ненападении, как и Советский Союз, ввиду чего, по мнению

советских кругов, слухи о намерении Германии порвать пакт и предпринять нападение на СССР лишены всякой почвы, а происходящая в последнее время переброска германских войск, освободившихся от операций на Балканах, в восточные и северо-восточные районы Германии связана, надо полагать, с другими мотивами, не имеющими касательства к советско-германским отношениям».

Это заявление дезориентировало советский народ, партию армию притупляло их бдительность. Неудачи первого периода войны Сталин объяснял тем, что фашистская Германия напала на Советский Союз внезапно.(...)

Кроме неподготовленности страны к обороне и неполной подготовленности Вооруженных Сил к организованному отражению нападения противника, — у нас не было полноценного Верховного командования. Был Сталин, без которого по существовавшим тогда порядкам никто не мог принять самостоятельного решения, и надо сказать правдиво, — в начале войны Сталин очень плохо разбирался в оперативно-тактических вопросах. Ставка Верховного Главнокомандования была создана с опозданием и не была подготовлена к тому, чтобы практически взять в свои руки и осуществить квалифицированное управление Вооруженными Силами.

Генеральный штаб. Наркомат обороны с самого начала были дезорганизованы Сталиным и лишены его доверия.

Вместо того, чтобы немедленно организовать руководящую группу Верховного командования для управления войсками Сталиным было приказано: Начальника генерального штаба на второй день войны отправить на Украину, в район Тарнополя для помощи Командующему юго-западным фронтом в руководстве войсками в сражении в районе Сокаль, Броды; Маршала Б. М. Шапошникова послать на помощь командующему западным фронтом в район Минска, а несколько позже 1-го Заместителя начальника Генерального штаба генерала Н. Ф. Ватутина — на северо-западное направление.

Сталину было доложено, что этого делать нельзя, так как подобная практика может привести к дезорганизации руководства войсками. Но от него последовал ответ: «Что вы понимаете в руководстве войсками, обойдемся без вас». Следствием этого решения Сталина было то, что он, не зная в деталях положения на фронтах, и будучи недостаточно грамотным в оперативных вопросах, давал неквалифицированные указания, не говоря уже о некомпетентном планировании крупных контрмероприятий, которые по сложившейся обстановке надо было проводить(...)

Я уже говорил о подозрительности и недоверии к военным кадрам, которое проявлялось у Сталина в предвоенные годы. Всю вину за наши неудачи в начальный период войны он постарался возложить на личный состав Вооруженных Сил.

Был организован судебный процесс над командованием Западного фронта, по которому были расстреляны командующий войсками Павлов, начальник штаба Климовских, начальник связи Григорьев и ряд других генералов. Был обвинен в измене и переходе на сторону противника командующий армией Качалов, фактически погибший на поле боя при про-

рыве из окружения. Без всяких оснований были обвинены в измене и другие генералы, в силу сложившейся обстановки попавшие в плен, которые, возвратясь из плена, и по сей день являются честнейшими патриотами нашей Родины.

Был издан ряд приказов, в которых личный состав наших войск, особенно командиры и политработники, огульно обвинялся в малодушии и трусости. Уже после того, как наши войска показали себя способными не только обороняться, но и наносить серьезные удары по врагу, Сталин нашел нужным в одном из своих приказов написать: «Население нашей страны, с любовью и уважением относящееся к Красной Армии, начинает разочаровываться в ней, теряет веру в Красную Армию, а многие из них проклинают Красную Армию за то, что она отдает наш народ под ярмо немецких угнетателей, а сама утекает на восток».*

Таким приказом Сталин незаслуженно опорочил боевые и моральные качества наших солдат, офицеров и генералов. Как показывают действительные факты, наши солдаты и офицеры, части и соединения дрались, как правило, с исключительным упорством, не щадя своей жизни, нанося большие потери противнику.

Даже наши враги и те вынуждены были отметить боевую доблесть советских воинов в начальном периоде войны.

Вот что писал в своем служебном дневнике начальник Генерального штаба германских сухопутных сил генерал-полковник Гальдер: 24 июня — «Противник в приграничной полосе почти всюду оказывал сопротивление.

Следует отметить упорство отдельных русских соединений в бою. Имели место случаи, когда гарнизоны ДОТов взрывали себя вместе с ДОТами, не желая сдаваться в плен».

27 июня — Он отмечает, что русские войска и командование на Украине «действует хорошо и энергично» (...)

Многие здесь присутствующие знают, как возникали операции фронтов, как планировались, готовились и проводились наступательные операции наших войск, в последующем получившие название «Сталинские».

Надо быть неграмотным в военном деле, чтобы поверить в то, что один человек мог обдумать, рассчитать, распланировать и подготовить современную фронтовую операцию или операцию группы фронтов, проводимых на громаднейшем пространстве, с участием всех видов Вооруженных Сил и родов войск.

Был ли Сталин творцом вообще каких-либо операций? Да, к сожалению был. Об одной такой операции на XX съезде доложил тов. Н. С. Хрущев. По замыслу Сталина также планировалась и проводилась операция в Прибалтике в районе Либавы, которая безрезультатно повторялась несколько раз и, кроме тяжелых жертв, ничего не дала. За неудачи этой операции Сталин сменил трех командующих фронтами.

Исключительно безграмотно проводились операции севернее Варшавы, в результате которых погибли многие десятки тысяч наших людей.

* Подчеркнуто Г.К.Жуковым

Сталину неоднократно докладывали о том, что по условиям местности там нельзя проводить операцию, однако такие доводы отвергались как «незрелые» и операция многократно повторялась с одними и теми же результатами.

О непонимании Сталиным основ управления войсками можно многое рассказать из истории оборонительных сражений за Москву, но достаточно только небольшого факта, чтобы уяснить непонимание Сталиным способов управления войсками.

В тяжелый момент упорной борьбы, когда противник с ожесточением рвался к Москве, Берия доложил Сталину, что немцы захватили деревню Дедово и Красную Поляну. Сталин, вызвав к телефону меня и Н.А. Булганина, изругав как полагалось, приказал немедленно выехать мне в Дедово, а Н.А. Булганину в Красную Поляну и взять обратно эти деревни. Наши попытки доказать невозможность в такой тяжелый момент бросать командный пункт и управление войсками фронта, были встречены угрозой расстрела. И в то время, когда мы с Н.А. Булганиным брали эти деревни, не имеющие никакого значения, противник прорвал фронт в другом месте — в районе Нарофоминска, ринулся к Москве и только наличие резерва фронта в этом районе спасло положение.

Я не могу обойти молчанием и того, что Сталин принуждал представителей Ставки Верховного Главнокомандования и командующих фронтами без всякой к тому необходимости проводить наспех организованные операции, без достаточного материального и технического их обеспечения, что приводило к чрезмерно большому потерям.(...)

В идеологической работе нам нанесен большой морально-политический вред произволом бериевской шайки в отношении советских военнослужащих, которые в период Отечественной войны находились в плену у наших противников.

В силу обстановки, сложившейся в начале войны на ряде фронтов, значительное число советских военнослужащих нередко попадало в составе целых подразделений и частей в окружение и, исчерпав все возможности к сопротивлению, вопреки своей воле, оказалось в плену. Многие попадали в плен ранеными и контуженными.

Советские воины, попавшие в плен, как правило, сохраняли верность своей Родине, вели себя мужественно, стойко переносили лишения плена, издевательства гитлеровцев, нередко проявляли подлинный героизм. Многие советские военнослужащие, с риском для жизни бежали из гитлеровских лагерей и продолжали сражаться с врагом в его тылу в партизанских отрядах, или пробивались через линию фронта к своим войскам.

Однако, как вовремя войны, так и в послевоенный период в отношении бывших военнопленных были допущены грубейшие извращения советской законности, противоречащие ленинским принципам и самой природе советского строя. Эти извращения шли по линии создания по отношению к ним обстановки недоверия и подозрительности, а также ни на чем не основанных обвинений в тяжких преступлениях и массового применения репрессий.

При решении вопроса о судьбе бывших военнопленных не принима-

лись во внимание ни обстоятельства пленения и поведение в плену, ни факт бегства из плена, участие в партизанской борьбе и другое. Наши офицеры, попавшие в плен ранеными, мужественно державшиеся в плену, огульно лишались офицерского звания и без суда посылались в штрафные батальоны, наравне с лицами, совершившими преступления.

Некоторые советские и партийные органы до сих пор продолжают проявлять неправильное отношение к бывшим военнопленным, ничем себя не запятнавшим, относятся к ним с недоверием, устанавливают незаконные ограничения в отношении продвижения по службе, использования на ответственной работе, избрания депутатами в Советы депутатов трудящихся, поступления в высшие учебные заведения и другие, ущемляя их права и достоинство советских граждан.

Наиболее грубые извращения нарушений законных прав военнопленных были связаны с необоснованным привлечением их к уголовной ответственности. Значительное количество военнопленных, возвратившихся на Родину, было подвергнуто различным наказаниям, начиная со ссылки на спецпоселение и кончая высшей мерой наказания.

Советское законодательство предусматривает суровую ответственность за преднамеренную сдачу в плен, за сотрудничество с врагом и за другие преступления, направленные против Советского государства. Однако, из советских законов не вытекает, чтобы военнослужащий, попавший в плен вследствие ранения, контузии, внезапного захвата и при других обстоятельствах, независимых лично от военнослужащего, должен нести уголовную ответственность.

Незаконным репрессиям подвергались и те военнослужащие, которые помимо своей воли попав в плен, руководствуясь чувством воинского долга, бежали затем из плена и возвратились на Родину, проявляя при этом нередко личный героизм, подвергая свою жизнь опасности.(...)

Некоторая часть военнослужащих, попав в плен и зная о неизбежности для них репрессий на Родине, естественно не проявляли стремления к тому, чтобы бежать из плена. А по окончании войны угроза незаслуженных репрессий могла заставить некоторых военнослужащих отказаться от репатриации на Родину.

Неправильные действия местных органов власти, создание по отношению к бывшим военнопленным атмосферы недоверия, порождает среди них, членов их семей справедливые настроения обиды, бесперспективности, ощущение неправопорядка, отрицательно сказываются на их производственной, общественной деятельности.

Воспитывая военнослужащих в духе высокой стойкости, ненависти к врагу и презрения к плену, мы недостаточно популяризируем примеры доблестного поведения советских воинов в плену, примеры смелых побегов наших людей из плена.

Нужно снять с бывших военнопленных моральный гнет недоверия, реабилитировать незаконно осужденных, ликвидировать ограничения в отношении бывших военнопленных.(...)

ИЗ ДОКУМЕНТОВ О ВЕНГЕРСКОМ КРИЗИСЕ 1956 ГОДА

Венгерское восстание 1956 г. вошло в историю как наиболее серьезная в 1950-е годы попытка освобождения одной из стран восточноевропейского блока от режима сталинского образца. Вспыхнувшее 23 октября 1956 г. в Будапеште, стихийное восстание против тоталитарного режима, несмотря на оказанную венгерскому руководству «братскую помощь» СССР, в считанные дни смело с политической сцены прежние властные структуры. Власть на местах перешла к созданным в городах и районах революционным и национальным комитетам, на предприятиях — к рабочим советам. К концу октября в Венгрии, беспрецедентным в истории социалистического лагеря образом, фактически победила демократическая революция. Главные ее требования — восстановление национального суверенитета, т.е. прежде всего вывод советских войск с территории Венгрии, и проведение свободных парламентских выборов на многопартийной основе — были признаны не только Имре Надем, возглавившим 24 октября венгерское правительство, но и большинством обновленного руководства Венгерской партии трудящихся, включая ее первого секретаря Яноша Кадара.

Политика СССР, нацеленная не только на удержание Венгрии в рамках советского блока, но и с самого начала исходившая из неприятия слишком далеко идущих мер по реформированию ее политической системы, показала сторонникам «национального коммунизма» в разных странах, что любые попытки отхода от советской модели общественного устройства воспринимаются официальной Москвой как посягательство на ее ведущую роль в международном коммунистическом движении.

Назначенному на 4 ноября наступлению советских войск для подавления восстания, предшествовала операция по нейтрализации руководства венгерской армии. Правительство И. Надя в ноте, переданной 2 ноября, потребовало немедленно начать переговоры о выводе советских войск с территории Венгрии. Смешанная советско-венгерская комиссия собралась в здании парламента 3 ноября в 14 часов. Делегацию СССР возглавлял первый заместитель начальника Генштаба генерал армии М.С. Малинин, венгерскую — Ф.Эрдси. Участвовавший в переговорах посол Ю.В. Андропов назвал нереальными требования венгерского правительства о выводе войск в течение одной-двух недель. Обсуждение конкретных вопросов, связанных с выводом частей Советской Армии, поздно вечером 3 ноября по предложению советской стороны было перенесено на советскую военную базу Текел близ Будапешта. Примерно в полночь в зал заседания прибыл председатель КГБ СССР И.Д. Серов и объявил об аресте всех членов венгерской делегации, включая министра обороны П.Малтера и начальника Генштаба И. Ковача.

На рассвете 4 ноября до сведения личного состава советских войск в Венгрии был доведен приказ Главнокомандующего ОВС стран-участниц Варшавского договора маршала И.С. Конева, содержавший полити-

ческую оценку событий как контрреволюционного мятежа и поставивший перед войсками задачу «оказать братскую помощь венгерскому народу в защите его социалистических завоеваний в разгроме контрреволюции и ликвидации угрозы возрождения фашизма». Тем же днем, 4 ноября, датируется Обращение командования советских войск в Венгрии к венгерскому народу, подготовленное при участии МИД СССР. Этот документ, составленный в духе официальных установок Президиума ЦК КПСС, призван был разъяснить цель советского военного вмешательства населению Венгрии.

Военная операция с участием 17 советских дивизий, получившая условное название «Вихрь», была начата 4 ноября в 4.15 по средневропейском (в 6.15 по московскому времени. Общее командование осуществлял прибывший в Венгрию маршал И.С. Конев. Наряду с усиленным дополнительными (танковыми, военно-десантными, артиллерийскими) частями Особым корпусом, получившим задачу овладения Будапештом, были задействованы введенные из Прикарпатского военного округа 8-я гвардейская механизированная и 38-я армии по командованию генерал-лейтенантов А.Х. Бабаджаняна и Х.Д. Мамсурова. Общая численность советских военнослужащих, принимавших участие в операции, составляла около 60 тыс. человек, половина из которых сражалась в Будапеште.

С 4 ноября задача советских войск заключалась уже не в демонстрации силы и не в оказании помощи венгерской армии в наведении порядка, а в подавлении преданных правительству И. Надя и готовых отстаивать независимость Венгрии повстанческих отрядов и регулярных армейских частей. Некоторые формирования действующей армии (например, зенитно-артиллерийский полк в Дунапентеле) оказали серьезное сопротивление советским войскам. Отдельные военнослужащие и даже целые подразделения сражались в составе повстанческих отрядов¹. Но большинство венгерских солдат и офицеров в боях не участвовало. Некоторые командиры, сознавая огромный перевес советских войск в численности и боевой технике (достаточно сказать, что на венгерскую территорию было введено около 6000 танков), во избежание бессмысленного кровопролития отдали своим частям приказ о разоружении.

1. По современным данным, за весь период боев в октябре-ноябре 1956 г. потери советских войск составили 640 человек убитыми и 1251 человек ранеными. Приблизительно половина из этих потерь пришлась на период с 24 по 28 октября 1956 г. Среди венгерского населения в результате восстания и военных действий, по данным статистики — по всей видимости, не полным, — за период с 23 октября по 31 декабря 1956 г. погибло 2652 и было ранено 19226 человек.

*

Публикуемые ниже документы взяты из недавно вышедшей в издательстве «Росспэн» книги «Советский союз и венгерский кризис 1956 года» — Книга, в которой помещены более 200 документов, вышла небольшим тиражом.

№ 4

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО ЧЛЕНОВ ВЕНГЕРСКОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА «К ВЕНГЕРСКОМУ НАРОДУ»

4 ноября 1956 г.

НАШИ ПАТРИОТЫ! БРАТЬЯ РАБОЧИЕ И КРЕСТЬЯНЕ!

Мы, министры, бывшие члены правительства Надя Имре, Апро Антал, Кадар Янош, Кошша Иштван и Мюних Ференц, заявляем, что 1 ноября 1956 года, проявили инициативу по созданию Венгерского Революционного Рабоче-Крестьянского правительства².

Побудило (нас) сделать этот серьезный шаг сознание того, что внутри правительства Надя Имре, попавшего под влияние реакции и ставшего бездейственным, у нас не было больше способа противостоять против контрреволюционной опасности, проявляющейся все с большей силой и угрожающей уничтожением нашей Народной Республики, рабоче-крестьянской власти, наших социалистических завоеваний.

Они убили наших уважаемых борцов рабочего движения, которые в течение многих десятилетий боролись: «Мезе Имре, секретаря партийного комитета Будапешта, товарища Каламара, старого борца рабочего движения на Чепеле³. Сиклан Шандора, директор Музея военной истории. Кроме них они в массовом порядке уничтожали других общеуважаемых сынов рабочего класса и крестьянства.

Мы, как члены правительства, превратившегося в неспособное к действиям, не можем дальше бездействовать, чтобы под прикрытием демократии контрреволюционные террористы и бандиты зверски убивали наших лучших братьев рабочих и крестьян, в страхе держали наших мирных граждан, создали в стране анархию и на долгое время ввергли наш народ в иго контрреволюции.

Венгерские трудящиеся, патриоты, наши рабочие братья, товарищи!

Мы решили, что всеми нашими силами будем бороться против угрожающей опасности реакции, фашизма и против банд убийц народа.

Мы призываем всех верных сынов нашей Народной Республики, всех сторонников социализма, в первую очередь коммунистов, рабочих, шахтеров, лучших сынов крестьянства и интеллигенции поддержать все мероприятия Венгерского Революционного Рабоче-Крестьянского Правительства, всю народно-освободительную борьбу.

Апро Антал
Кадар Янош
Кошша Иштван
Мюних Ференц

4 ноября 1956 г., Будапешт

АПРФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 485. Л. 108-109 Перевод с венгерского

1. Открытое письмо, подготовленное одновременно с «Воззванием к венгерскому народу» Венгерского революционного рабоче-крестьянского правительства., передавалось начиная с 5 часов 05 минут по средневропейскому времени

на волне Сольнокского радио с территории Закарпатья, а также распространялось в виде листовки. Стилистически отредактированный русский текст опубликован в «Правде» 5 ноября 1956 г.

В 5 часов 20 минут, через 1 час после начала операции «Вихрь», по будапештскому радио выступил и. Надь со следующим обращением: «Говорит Имре Надь, председатель Совета Министров Венгерской Народной Республики. Сегодня на рассвете советские войска начали наступление на нашу столицу с очевидным намерением свергнуть законное демократическое венгерское правительство. Наши войска ведут бои. Правительство находится на своем посту. Я сообщаю эту весть народу страны и общественному мнению мира».

2. Из Перечисленных выше политиков А. Апро и И. Кошша не участвовали в создании Венгерского революционного рабоче-крестьянского правительства и услышали его первые документы только по радио. Члены нового правительства Д. Марошан, А. Апро, И. Кошша были доставлены в Сольнок 5 ноября, где встретились с Я. Кадаром, прибывшим туда накануне вечером. В полном составе правительство Кадара собралось 7 ноября в Будапеште.

3. Приведенные данные не соответствуют действительности. На Чепеле от рук повстанцев погибло два человека — председатель рабочего совета И. Каламар и один рабочий-стахановец.

№ 5

ИНФОРМАЦИЯ МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СССР В ЦК КПСС О ПОЛОЖЕНИИ В ВЕНГРИИ ПО СОСТОЯНИЮ НА 12.00 4 НОЯБРЯ 1956 Г.

4 ноября 1956 г.

Особая папка. Сов. секретно. Экз. № 1

В 6 часов 15 минут 4 ноября с.г. советские войска приступили к проведению операции по наведению порядка и восстановлению народно-демократической власти в Венгрии.

Действуя, по заранее намеченному плану, наши части овладели основными опорными пунктами реакции в провинции, какими являлись Дьер, Мишкольц, Дьендьеш, Дебрецев, другими областными центрами Венгрии.

В ходе операции советскими войсками заняты важнейшие узлы связи, в том числе мощная широкоэвещательная радиостанция в г. Сольнок, склады боеприпасов и оружия и другие важные военные объекты.

Советские войска, действующие в г. Будапешт, сломив сопротивление мятежников, заняли здания парламента, ЦР ВПТ, а также радиостанцию в районе парламента. Захвачены три моста через р. Дунай, связывающие восточную и западную части города, и арсенал с оружием и боеприпасами.

Ведь состав контрреволюционного правительства Имре Надя скрылся¹. Ведутся розыски.

1. Из состава кабинета министров в парламенте после занятия его советскими войсками находились госминистры З. Тильди и И. Бибо. Сам И. Надь, госминистр Г. Лошонци и группа сторонников Надя после начала боевых действий получили убежище в югославском посольстве, о чем Э. Кардель по дипломатическим каналам проинформировал советское руководство.

В г. Будапешт остался один крупный очаг сопротивления мятежников в районе кинотеатра «Корвин» (юго-восточная часть города). Мятежникам, обороняющим этот опорный пункт, был предъявлен ультиматум о капитуляции, в связи с отказом мятежников сдаться, войска начали штурм.

Основные гарнизоны венгерских войск блокированы. Многие из них сложили оружие без серьезного сопротивления. Нашим войскам дано указание возвратить к командованию венгерских офицеров, снятых мятежниками, а офицеров, назначенных взамен, арестовать.

С целью недопущения проникновения в Венгрию вражеской агентуры бегства главарей мятежников из Венгрии нашими войсками заняты венгерские аэродромы и прочно перекрыты все дороги на австро-венгерской границе.

Войска, продолжая выполнять поставленные задачи, очищают от мятежников территорию Венгрии.

*АПРФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 485. Л. 100-101. Подлинник. Экземпляр Н.С.Хрущева.
ЦХСД. Д. 89. Пер. 45. Док. № 23. Ксерокопия.*

№ 6

ИНФОРМАЦИЯ МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СССР В ЦК КПСС О ПОЛОЖЕНИИ В ВЕНГРИИ ПО СОСТОЯНИЮ НА 21.00 4 НОЧБР 1956 г.

4 ноября 1956 г.

Особая папка. Сов. секретно. Экз. № 1

В течение дня 4 ноября войска в Венгрии продолжали очищать населенные пункты от отдельных групп мятежников, продолжавших кое-где оказывать сопротивление.

В г. Будапеште нашими войсками полностью захвачены важнейшие правительственные здания и сопротивление мятежников в основном сломлено. В городе осталось два очага сопротивления — кинотеатр «Корвин» и площадь им. Москвы в западной части Буды.

В кинотеатре, который вместе с прилегающими зданиями занимает целый квартал, сосредоточено значительное количество повстанцев с танками и артиллерией.

Войскам поставлена задача произвести необходимую перегруппировку и полностью ликвидировать оставшиеся очаги сопротивления в Будапеште.

Во всех населенных пунктах, занятых нашими войсками, установлен комендантский порядок.

Ведется подсчет разоруженных мятежников и личного состава венгерских частей, а также захваченного оружия и боеприпасов.

Г. Жуков

*АПРФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 485. Л. 102. Подлинник. Экземпляр Н.С. Хрущева.
ЦХСД. Ф. 89. Пер. 45. Док. № 24. Ксерокопия.*

№ 7**ОБРАЩЕНИЕ КОМАНДОВАНИЯ СОВЕТСКИХ ВОЙСК
В ВЕНГРИИ К ВЕНГЕРСКОМУ НАРОДУ**

4 ноября 1956 г.

К ВЕНГЕРСКОМУ НАРОДУ! К ВЕНГРАМ — СОЛДАТАМ И ОФИЦЕРАМ!

К нам обращаются Командование Советских войск в Венгрии, солдаты и офицеры, такие же рабочие, крестьяне, интеллигенты, трудовые люди, как вы сами. Мы не для того находимся здесь, чтобы захватить вашу страну. Нам не нужна чужая земля и плоды чужого труда, у нас хватит своей земли и своих природных богатств.

Мы вступили в действие по зову сформировавшегося ныне Венгерского Революционного рабоче-крестьянского правительства, которое заявило нам, что в Венгрии бесчинствуют черные силы реакции. Они стремятся вернуть власть помещиков и капиталистов, отнять завоевания рабочих, землю у крестьян. Появилась реальная угроза возникновения фашизма.

Правительство заявило нам, что кабинет Надь Имре не хотел бороться с реакцией. Это способствовало тому, что вооруженные контрреволюционные банды начали убивать рабочих, верных патриотов, грабить и бесчинствовать. Кабинет Надь Имре развалился и фактически больше не существует. В стране царит хаос и антинародные силы безнаказанно творят свое гнусное дело.

В таком положении Венгерское Революционное рабоче-крестьянское правительство обратилось к Командованию советских войск в Венгрии с просьбой помочь ему в ликвидации контрреволюционных сил, в восстановлении порядка, внутреннего мира и спокойствия. Командование Советских войск и мы, советские солдаты и офицеры, готовы оказать эту помощь нашим венгерским братьям.

Мы глубоко уважаем свободолюбивый венгерский народ. Мы твердо убеждены, что трудящиеся Венгрии примут с таким же пониманием нашу помощь, как они поняли нас, когда мы в 1945 году освободили их от фашистского рабства, во имя чего мы вместе с вами понесли бесчисленные жертвы.

Трудящиеся Венгрии! Не верьте клеветникам, которые хотели бы противопоставить нас, ваших бескорыстных друзей, венгерскому народу. Мы являемся солдатами свободы и дружбы народов. Мы ведем борьбу за справедливое общее дело.

Мы обращаемся к солдатам и офицерам венгерской Армии, чтобы они действовали с нами плечом к плечу против разнуздавшихся сил реакции, за свободу и демократию.

Мы обращаемся ко всем венграм, любящим свою Родину, чтобы они, участвуя в общей борьбе, способствовали защите народной демократии и победе священного дела своей Родины, своего народа.

КОМАНДОВАНИЕ СОВЕТСКИХ ВОЙСК В ВЕНГРИИ

Помета: «Маршалу Жукову Г.К. Д. Шепилов».

АПРФ. Ф. 3. Оп. 64 Д. 485. Л. 88-89. Подлинник.

№ 8

**ТЕЛЕГРАММА Ю.В.АНДРОПОВА В МИД СССР
О ЗАНЯТИИ СОВЕТСКИМИ ВОЙСКАМИ ПАРЛАМЕНТА
В БУДАПЕШТЕ И ОТСУТСТВИИ СВЯЗИ С НОВЫМ
ВЕНГЕРСКИМ ПРАВИТЕЛЬСТВОМ**

4 ноября 1956 г.

Строго секретно

Снятие копий воспрещается. Экз. № 1

После того, как наши части вошли в Будапешт, нам удалось установить связи с товарищами Доби, Ронаи, Криштофом, Поиграцем и другими. Все они в момент занятия нашими войсками здания парламента находились там. Доби и Ронаи сказали, что они и другие товарищи хотели бы немедленно приступить к работе, но не решаются делать это, так как не знают, с чего начать, и опасаются наделать ошибок. С Кадаром, Апро и Мюннихом связей не имеют. Вообще отсутствие связи у наших друзей сказывалось сегодня очень сильно. В парламент, в будапештский горсовет и даже в посольство поступали многочисленные сигналы о том, что группы повстанцев хотят сдавать оружие, однако никто его в течение дня не принимал. В посольство звонили представители рабочих Чепеля и некоторых других предприятий и спрашивали, где им найти представителей нового правительства для того, чтобы получить от них необходимые указания. Имеется сообщение о том, что Надь Имре, Лошонци и Донат скрылись. Стараются скрыться и руководители повстанческих организаций. Из-за отсутствия связи между венгерскими товарищами и нашими войсками вылавливание главарей банд сегодня почти не проводилось. Дело усложняется еще и тем, что в течение всего дня не было нормальной связи со штабом наших войск в Текеле. По нашему мнению, было бы необходимо, чтобы товарищи Кадар, Мюнних и Апро как можно скорее прибыли в Будапешт для осуществления руководства.

Андропов

АВП РФ. Ф.059а. Оп. 4. П. 6. Д. 5. Л. 23-24. Расшифрованный текст.

№ 9

**ТЕЛЕГРАММА Н.П. ФИРЮБИНА ИЗ БЕЛГРАДА
В МИД СССР О ПРЕБЫВАНИИ И. НАДЯ С БЛИЖАЙШИМИ
СТОРОННИКАМИ В ПОСОЛЬСТВО ФНРЮ В БУДАПЕШТЕ
И ПОЗИЦИИ В СВЯЗИ С ЭТИМ И. БРОЗ ТИТО**

4 ноября 1956 г.¹

Строго секретно

Снятие копий воспрещается. Экз. № 12

Вне очереди. Особая

Кардель сообщил, что в ночь на 4 ноября они связались с Надь Имре, как это было договорено с товарищем Хрущевым².

Надь Имре, Санто Золтан и еще 11 венгерских коммунистов находятся в югославском посольстве в Будапеште³. Еще неизвестно, сказал Кардель, делал ли Надь Имре последнее заявление⁴ от имени правительства в Будапеште. Если он делал это заявление, то они, югославы, будут пытаться, чтобы он объявил, что сделал это под нажимом реакции. Они также намерены договориться с Надь Имре, чтобы он сделал заявление о том, что поддерживает правительство во главе с Кадаром в Сольноке.

По словам Карделя, такое заявление облегчило бы обсуждение венгерского вопроса в Совете Безопасности и признание правительства Кадара законным правительством. Кардель, по поручению Тито, просил запросить совета КПСС и Советского правительства. Продолжать ли дальнейшие переговоры с Надь Имре. Тито просил также Советское правительство передать правительству Кадара, чтобы не делать репрессий против тех коммунистов, которые не сразу заняли правильную линию в период последних событий в Венгрии.

Тито, по словам Карделя, просил также Советское правительство принять меры к защите югославского посольства от возможных нападений на него, особенно, если реакция узнает, что Надь, находящийся в посольстве, поддерживает правительство Кадара.

Н. Фирюбин

*АПРФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 485. Л. 105-106. Расшифрованный текст.
Экземпляр Н.С. Хрущева.*

ЦХСД. Ф. 89. Пер. 45. Док. № 25. Ксерокопия.

1. Получена в тот же день в 16 часов 30 минут, расшифрована и отпечатана в 18 часов 20 минут. Разослана членам и кандидатам в члены Президиума ЦК КПСС, секретарям ЦК, заведующему отделом ЦК по связям с иностранными компартиями, ответственными работниками МИД. Постановление по телеграмме — см. док. 10.

2. Имеются в виду переговоры Н.С. Хрущева и Г.М. Маленкова с югославским руководством на о. Бриони 2–3 ноября 1956 г.

3. Вместе с членами семей венгерских политиков в югославском посольстве 4 ноября получили убежище 43 человека. Трое из сторонников И. Надя укрылись на квартире военного атташе Югославии.

4. Текст заявления — в прим. 1 к док. 3.

№ 10

ПРОТОКОЛЬНАЯ ЗАПИСЬ ЗАСЕДАНИЯ ПРЕЗИДИУМА ЦК КПСС (К ПРОТОКОЛУ № 51)

4 ноября 1956 г.¹

Л. 35 — Присутствуют: Булганин, Ворошилов, Каганович, Маленков, Молотов, Первухин, Сабуров, Суслов, Хрущев, Жуков, Шепилов, Фурцев, Поспелов.

О ДЕЙСТВИЯХ И ОБСТАНОВКЕ В ВЕНГРИИ².

Шифровка т. Ранковичу от т. Маленкова и т. Хрущева (4 XI)³ 1) Ото-

звать тт. Микояна и Брежнева⁴. 2) Помощь оказать Венгрии⁵. 3) Активнее включиться в помощь Египту. Продумать ряд мероприятий. (м.б. демонстрацию у английского посольства). Шире в газетах.

Л. 35об — **т. Молотов** — по Венгрии подумать. Повлиять на Кадара, чтобы не пошла Венгрия по пути Югославии.

Они внесли поправку в Декларацию — осуждают клику Ракоши-Герэ⁶ — это может быть опасно. Мы должны убедить их, чтобы они воздержались от этого упоминания клики Ракоши-Герэ. Кадар призывает (1 X) к осуждению сталинизма⁷. Оставить название Венгерская партия трудящихся. Договориться с ними, предохранить их от перехода на югославские позиции.

Л.36 — **т. Молотов** — закрепить военную победу политическими.

т. Хрущев — не понимаю т. Молотова. Вреднейшие мысли вынашивает.

т. Молотов — одернуть надо, чтобы не командовал.

т. Булганин — осудить неправильную линию Ракоши-Герэ.

т. Хрущев: Декларация хорошая — действовать надо честно.

т. Шепилов — при редактировании они внесли: «клика Ракоши и Горе». мы даем легальные возможности опорочить весь 12-летний период работы ВПТ.

Л.36.об. **т. Шепилов** — надо ли порочить кадры? Завтра будет «клика Ульбрихта».

Т. Сабуров — если сами не поймем своих ошибок — тогда утопим дело. Наградить военных. Обеспечить семьи погибших.

Л. 34. V. ОБ ОЧИЩЕНИИ ВУЗОВ ОТ НЕЗДОРОВЫХ ЭЛЕМЕНТОВ⁸.

(Тт. Жуков, Хрущев, Фурцева, Первухин)

Фурцевой, Поспелову, Шепилову, Елютину внести предложение об очищении вузов от нездоровых элементов.

Л.34. IV ОБ ОТВЕТЕ т. КАРДЕЛЮ НА ТЕЛЕГРАММУ О НАДЬ ИМПРЕ⁹.

(Тт. Хрущев, Шепилов, Маленков, Суслов, Первухин, Ворошилов)

Утвердить текст ответа. Об указаниях совпослу в Венгрии¹¹. О поставке вопроса на сессии Ген. Ассамблеи о Венгрии¹². т. Кадару сказать, чтобы он отозвал вопрос из ООН¹³.

ЦХСД. Ф. Оп. 12. Д. 4006. Л. 34-36об. Автограф В.Н. Малина. Карандаш.

1. Листы 34–36об. подшиты в архивном деле в неверном порядке. При публикации порядок расположения листов восстановлен.

2. В оформленный протокол вопрос не включен.

3. По-видимому, речь идет о первом после переговоров на о. Бриони письме Хрущева и Маленкова югославским руководителям Тито, Карделю и Ранковичу, направленном 4 ноября 1956 г. Текст письма отсутствует среди материалов Президиума ЦК КПСС. Документ, датированный по времени получения 5 ноября, имеется в коллекции югославских архивных материалов в Венгрии (опубл.: Magyar-jugoszlav kapcsolatok, 1995, 163-166 о.); на русском опубликован В.Л.Мусатовым. В письме советских руководителей, по-видимому, еще не знавших о том, что И. Надь, и группа его сподвижников нашли убежище в югославском посольстве, говорилось: «Дорогие тт. Тито, Ранкович, Кардель! Сообщаем, что в Венгрии все было подготовлено и осуществлено так, как мы условились мы с вами во время

последней встречи. Венгерские товарищи создали Временное Революционное рабоче-крестьянское правительство во главе с премьер-министром Яношем Кадаром. Состав правительства, видимо, вам уже известен из сообщений по радио. Принято воззвание правительства к венгерскому народу, которое передается по радио. 4 XI к 12 часам дня по московскому времени контрреволюция в Венгрии разбита. Будапешт освобожден от реакционных банд. До настоящего времени сопротивляется лишь одна группа бандитов в кинотеатре, в ближайшее время и этот очаг, очевидно, будет подавлен... Коммунисты, рабочие, активисты и все те, кто стоит на позициях защиты завоевания рабочего класса, выходят из подполья и включаются в работу по восстановлению порядка. Перед новым руководством Венгерской Народной Республики сейчас стоит важнейшая задача — наладить нормальную политическую и хозяйственную жизнь страны с учетом осуждения и исправления ошибок прошлого. Посылаем вам горячий коммунистический привет. Не можем не сказать о том, что наша последняя беседа оставила у нас самое лучшее впечатление и показала единство взглядов в оценке событий и принятия необходимых мер в защите завоеваний социализма. Все это показывает наше единство и искреннее стремление обеих сторон крепить коммунистические связи. Горячий привет от наших друзей — членов президиума ЦК КПСС, Н.С.Хрущев, Г. Маленков». Полный текст документа см. в кн.: Мусатов В. «Предвестники бури». Политические кризисы в Восточной Европе (1956-1981). М., 1996. С. 64.

4. Миссия Микояна и Брежнева, которую они выполняли в рамках плана «мероприятий по Венгрии» 4 и 5 ноября (в эти дни оба отсутствовали на заседаниях), пока остается открытым вопросом. Никаких данных или свидетельств о том, что они сопровождали 4 ноября Кадара, вылетавшего в Сольнок, или Мюнниха, отправившегося в тот же день в расположение Особого корпуса в Текеле, не имеется.

5. Речь идет об оказании правительству Кадара экономической помощи. Постановление президиума ЦК «О срочной отгрузке товаров в Венгерскую Народную Республику — см. док. № 14.

6. Речь о «Воззвании к венгерскому народу», в которое при редактировании по настоянию Кадара была включена фраза об осуждении клики Ракоши-Герца.

7. Имеется в виду программное выступление Кадара по венгерскому радио 1 ноября 1956 г.

8. Поводом для обсуждения вопроса «Об очищении вузов от нездоровых элементов явились студенческие волнения и митинги в ряде вузов, участники которых протестовали против советского вооруженного вмешательства в дела Венгрии. Наведение порядка в студенческой среде было поручено КГБ СССР (см.: Бобков Ф.Д. КГБ и власть М., 1995. С. 144-145). Позднее комиссией под руководством Л.И.Брежнева было подготовлено закрытое письмо ЦК КПСС к партийным организациям «Об усилении политической работы партийных организаций в массах и пресечении вылазок антисоветских, враждебных элементов», утвержденное президиумом ЦК КПСС 19 декабря 1956 г.

9. Речь идет о телеграмме Н.П. Фирюбина из Белграда с изложением позиции югославского руководства по вопросу о группе И. Надя (см. док. 8).

10. Текст ответа — док. 10.

11. В оформленный протокол вопрос не включен.

12. 3 ноября 1956 г. в Совете Безопасности ООН рассматривался вопрос, связанный с телеграммой И. Надя от 1 ноября Генеральному секретарю ООН. Д. Хаммаршельду с просьбой о признании независимости Венгрии. 4 ноября по инициативе представителя США Совет Безопасности рассмотрел вопрос о советском вооруженном вмешательстве в дела Венгрии. В тот же день состоялось заседание чрезвычайной сессии Генассамблеи ООН, на которой была принята резолюция, осуждающая действия СССР.

13. 5 ноября в «Правде» была опубликована следующая телеграмма правитель-

ства Кадара Генеральному секретарю ООН Д. Хаммаршельду: «Венгерское Революционное Рабоче-Крестьянское Правительство заявляет, что обращения Имре Надя в ООН с просьбой о рассмотрении венгерского вопроса в Организации Объединенных Наций не имеют законной силы и не могут рассматриваться как обращения, направленные от Венгрии, как государства. Революционное Рабоче-Крестьянское Правительство категорически возражает против обсуждения как в Совете Безопасности, так и на Генеральной Ассамблее указанного вопроса, так как этот вопрос входит исключительно в компетенцию венгерской Народной Республики.

Премьер-министр Венгерского Революционного
Рабоче-Крестьянского Правительства

КАДАР Янош

Министр Иностранных Дел
Будапешт, 4 ноября 1956 г.»

ХОРВАТ Имре

Неизвестно, откуда была отправлена эта телеграмма. В Будапешт члены правительства Кадара были доставлены утром 7 ноября, где в тот же день принесли присягу председателю Президиума ВНР И. Доби.

№ 11

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПРЕЗИДИУМА ЦК КПСС О ТЕЛЕГРАММЕ Н.П. ФИРЮБИНА В БЕЛГРАД ПО ВОПРОСУ ОБ И. НАДЕ И ЕГО ГРУППЕ

4 ноября 1956 г.

Строго секретно

IV. ТЕЛЕГРАММА Т. ФИРЮБИНА ИЗ БЕЛГРАДА ОТ 4 НОЦБРЧ 1956 Г.
(т.т. Хрущев, Шепилов, Маленков, Суслов, Первухин, Ворошилов)

Утвердить прилагаемый проект телеграммы послу СССР в Белграде по вопросу о Наде Имре и его группе.

К пункту IV прот. № 51

*Сов. секретно
Вне очереди
Особая*

БЕЛГРАД
СОВПОСОЛ

На спец. ; 1059-1060. Сообщите т. Карделю, что в ЦК КПСС обменялись по этому вопросу. Мнение ЦК следующее:

Когда при встрече наших товарищей с Вами считалось целесообразным публичное заявление Надя Имре, он был премьером и его заявление могло бы облегчить поражение контрреволюции.

Наше мнение таково, что теперь никакого выступления Надя не требуется.

О югославском посольстве мы дали указание своим войскам проявить заботу.

Что касается дальнейшего пребывания Надя и его группы в посольстве, то эксцессы с ними могут быть не только со стороны реакции, но и со стороны революционных элементов. В связи с этим, а также имея в виду, что Венгерское Революционное рабоче-крестьянское правительство не имеет в настоящее время органов безопасности, было бы целесообразно поручить Надя и его группу нашим войскам для передачи Революционному рабоче-крестьянскому правительству в Сольноке.

*ЦХСД. Ф.3. 14. Д. 72. Л. 2, 7. Из протокола № 51. Оп. 64. Д. 485. Л. 103-104.
Выписка из протокола (П51/1У). ЦХСД. Ф.89.Пер. 45. Док. № 25.
Ксерокопия выписки.*

№ 12

ИНФОРМАЦИЯ МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СССР В ЦК КПСС О ПОЛОЖЕНИИ В ВЕНГРИИ ПО СОСТОЯНИЮ НА 21.00 5 НОЯБРЯ 1956 Г.

5 ноября 1956 г.

*Особая папка
Сов. секретно. Экз. № 1*

В течение 5 ноября советские войска в Венгрии продолжали выполнять задачу по восстановлению порядка в стране.

В г. Будапешт наши части вели бои по уничтожению групп мятежников, отказавшихся прекратить сопротивление.

В 15 часов после двухчасовой артиллерийской подготовки по кинотеатру «Корвин» начался штурм этого опорного пункта. Одновременно наши войска атаковали мятежников в районе площади имени Москвы.

Сопротивление мятежников в этих районах в основном сломлено. Здание кинотеатра «Корвин» горит: Продолжаются бои по уничтожению оставшихся групп, засевших в подвалах кинотеатра.

В ходе боев много мятежников уничтожено и до 70 человек захвачено. Среди захваченных один из видных руководителей мятежа Иштван Ковач¹.

Войска продолжают очищать город от мятежников.

Г. Жуков

*АПРФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 485. Л. 115. Заверенная копия. ЦХСД. Ф. 89. ПЕР. 45.
Док. № 27. Ксерокопия.*

1. Имеется в виду начальник Генштаба ВНА генерал-майор И. Ковач арестованный в ночь на 4 ноября в составе венгерской правительственной делегации на переговорах о выводе советских войск из Венгрии.

№ 13

ПРОТОКОЛЬНАЯ ЗАПИСЬ ЗАЯВЛЕНИЯ ПРЕЗИДИУМА ЦК КПСС (К ПУНКТУ VII ПРОТОКОЛА № 52)

5 ноября 1956 г.

Л. 40. О партии в Венгрии.
(Хрущев, Жуков, Молотов)¹

Хрущев: Сегодня этот вопрос не обсуждать. Старое название (ВПТ) не подойдет.

Но чтобы название отвечало содержанию — маркистско-ленинская.

т. Жуков — посоветоваться с секретарями обкомов.

т. Молотов — сохранить бы было важно старое название ВПТ.

т. Ворошилов — через ЦК провести совещание актива и посоветоваться о названии партии.

т. Маленков — сейчас не обсуждать.

т. Каганович — обсудить организованно, по существу.

ЦХСД. Ф. Оп. 12. Д. 1006. Л. 40-40об. Автограф В.Н. Малина. Карандаш. Опубл.: ИА. 1996, № 3. С. 114; ДК. 100. О.

1. Согласно оформленному протоколу, в обсуждении вопроса «О партии в Венгрии» участвовали также Н.А. Булганин и М.Г. Первухин. В протокол внесено постановление: «Отложить рассмотрение вопроса» (ЦХСД. Ф. 3. Оп. 14. Д. 73. Л.4). Вопрос был рассмотрен на следующем заседании.

№ 14

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПРЕЗИДИУМА ЦК КПСС «О СРОЧНОЙ ОТГРУЗКЕ ТОВАРОВ В ВЕНГЕРСКУЮ НАРОДНУЮ РЕСПУБЛИКУ»

5 ноября 1956 г.

Строго секретно

5. О срочной отгрузке товаров в Венгерскую Народную Республику¹.

Утвердить прилагаемый проект постановления Совета Министров СССР по данному вопросу.

К пункту 5 прот. № 52.

Сов. секретно

Совет министров СССР

Постановление

от « » ноября 1956 г.

Москва, Кремль

О СРОЧНОЙ ОТГРУЗКЕ ТОВАРОВ В ВЕНГЕРСКУЮ НАРОДНУЮ РЕСПУБЛИКУ

Совет Министров СССР Союза ССР постановляет:

1. В целях оказания братской помощи венгерским трудящимся обязать Министерство внешней торговли в недельный срок поставить в Венгерскую Народную Республику безвозмездно следующие товары:

зерна и муки — 50 тыс. тонн
мяса — 3 тыс. тонн
сливочного масла — 2 тыс. тонн
молочных консервов — 3 млн. банок
сахара — 5 тыс. тонн
цемента — 10 тыс. тонн
пиломатериалов — 10 тыс. кубометров
круглого строительного леса — 5 тыс. кубометров
стекла оконного — 300 тыс. кв. метров
кровельного железа — 1 тыс. тонн
проката черных металлов — 3 тыс. тонн

Обязать Министерство хлебопродуктов СССР, Министерство промышленности мясных и молочных продуктов СССР, Министерство торговли СССР, Министерство промышленности строительных материалов СССР, Министерство лесной промышленности СССР, Министерство черной металлургии СССР и Министерство промышленности продовольственных товаров СССР обеспечить срочную отгрузку в Венгерскую Народную Республику перечисленных выше товаров по заказ-нарядам Министерства внешней торговли.

Госэкономкомиссии СССР в суточный срок указать министерствам-поставщикам источники поставки указанных товаров.

2. Для восстановления работы промышленности и ремонта промышленных сооружений и жилищного фонда обязать Министерство внешней торговли досрочно отгрузить в Венгерскую Народную Республику материалы, сырье, топливо и другие товары, подлежащие поставке по плану 1956 года, — в 25-дневный срок, и товары, предусмотренные проектом плана на 1 квартал 1957 г., — в 2-месячный срок.

3. Обязать министерства-поставщики в порядке особого задания обеспечить отгрузку в Венгрию:

а) в 25-дневный срок материалы, сырье, топливо и другие товары по выданным заказ-нарядам министерства внешней торговли в счет плана 1956 года, но еще не отгруженным в Венгрию и текущем году;

б) в 2-месячный срок материалы, сырье, топливо и другие товары по заказ-нарядам Министерства внешней торговли авансом в счет плана 1957 года в количествах, предусмотренных проектом плана на 1 квартал 1957 г., а Госэкономкомиссии СССР в суточный срок указать министерствам-поставщикам источники поставки указанных товаров.

4. Обязать Министерство путей сообщения (т. Бещева) обеспечить внеочередную подачу вагонов под отгрузку товаров, перечисленных в пунктах 1, 2 и 3 настоящего постановления, по заявкам министерств-поставщиков и установить диспетчерский контроль за прохождением этих грузов в пути следования, а также за передачей вагонов на венгерскую территорию.

5. Обязать Министерство морского флота обеспечить внеочередную

погрузку и доставку судами в Венгрию грузов по заявкам Министерства внешней торговли.

6. Обязать Министерство здравоохранения СССР совместно с Министерством внешней торговли и Главным управлением гражданского воздушного флота при Совете Министров СССР в 3-суточный срок определить потребность по договоренности с представителями Венгерского правительства в медикаментах и отправить безвозмездно по назначению.

Председатель Совета Министров Союза ССР

Н. Булганин

Зам. Управляющего делами Совета Министров СССР

М. Смиртюков

№ 15

ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЯ Н.С. ХРУЩЕВА НА ИЮньСКОМ (1957) ПЛЕНУМЕ ЦК КПСС*

Хрущев. Товарищи, прежде чем перейти к сути дела, я хочу сказать, что главный огонь этой организованной группы Молотова, Маленкова, Кагановича и Шепилова был направлен против меня и против других членов и кандидатов в члены Президиума, против тех секретарей, которые отбивали атаки этой группы. И, несмотря на то, что это очень матерые волки, что они очень искусно владеют приемами ведения диспута с тем, чтобы разделять и бить поодиночке, несмотря на все их приемы, эти так называемые маршалы и фельдмаршалы, — не знаю почему они так называются, — проводились со своей тактикой и со своей политикой. Я потом скажу о каждом из них свое мнение.

В ходе работы настоящего пленума окончательно выявился факт существования антипартийной группы в составе Маленкова, Кагановича, Молотова, Шепилова. Это установлено неопровержимыми данными, а сегодня они сами это подтвердили, так что доказательства не нужны, тут, как говорится у прокурора, «подтверждается наличием материалов и признанием самих обвиняемых», без всякого физического или морального нажима, а вот встали перед сплошной стеной Пленума Центрального Комитета и дрогнули, не выдержали. Вот это сила. Эта сила сильнее всякой силы и всяких средств воздействия.

Я, товарищи, считаю, конечно, бог их знает, сами они знают, но мне думается, что идейным вдохновителем этого дела был Молотов. Организатором этого дела был Маленков. Подпевалой, как точильщик с пряхой для точки ножей, был Каганович. Для обоснования, для подведения теоретической базы — Шепилов.

Голоса. Правильно.

Хрущев. О Булганине. В оценке и организационных мероприятиях надо разделять, это нужно, но не столько нужно разделять ответствен-

* Печатается по направленной стенограмме с сокращениями.

ность, сколько тут, я бы сказал, надо исходить из политической целесообразности в этом вопросе.

Голоса. Правильно.

Хрущев. Николай Александрович, поверь, если бы у тебя хватило политической стойкости, если бы ты не был обывателем, если бы ты положил не свой вес, а вес твой в этой группе нуль, а твое положение в государстве их вдохновляло, — вот что они использовали.

Голоса. Правильно.

Хрущев. Они не уважают Булганина. Мы много десятков лет вместе работали, был момент, когда освобождали Маленкова и искали нового председателя. Тогда известное большинство настаивало, чтобы я принял на себя пост председателя Совета Министров. Этот вопрос больше всего выдвигал Молотов. Я говорил, что надо усилить работу в Центральном комитете партии, в партийных организациях, а мне Молотов говорит, что было бы хорошо несколько снизить роль партии.

Я не буду говорить и не буду повторять тех слов, которые были высказаны в адрес тов. Булганина. Каганович говорил, что это бухгалтер, а не политик, и вдруг он оказался в этой навозной куче. Нельзя быть беспринципным. Я потом скажу, что тебя толкнуло. Мы все время вели борьбу, и серьезную борьбу, с Молотовым. Чаще всего он восставал против того, что предлагалось, и необходимо было решать, но никогда Сабуров не поддерживал Молотова [...]

Какие задачи ставила антипартийная группа? Во-первых, изменение политической линии партии. Была у них платформа, она не написана, но что им стоит написать платформу, это то же самое, что кота подковать. Платформа у них была.

Во-вторых, изменение руководства партии, избранного пленумом Центрального комитета. Следовательно, антипартийная группа ставила перед собой задачу — свернуть партию, страну с ленинского пути, опорочить все достижения партии за последние годы как в экономическом и политическом развитии нашей страны, так и в области внешней политики.

В первый день пленума выступал тов. Каганович, и он здесь как африканский лев рычал на всю пустыню Африки. Сегодня он был битым котом, хвост поджал и — я не я, и лошадь не моя, и даже извозчик не я. Надо, товарищи, так делать, как крестьяне, — нашкодил кот — носом его в это место. Так что изволь отвечать, Лазарь Моисеевич [...]

Товарищи, я не отказываюсь от тех слов, которые я на Пленуме сказал, когда мы арестовали Берия и обсуждали его дело в этом зале. Что я говорил о Молотове? Лучших слов, которые я сказал, я просто не мог выразить. Я все сказал, на что был способен. Я говорил искренне, и Молотов может это подтвердить. Я уверен, что даже после того, что у нас произошло, он и сейчас не подвергнет сомнению мое искреннее отношение, мои искренние слова, направленные как к другу, и уважение к нему. А потом что получилось? Я об этом скажу потом.

Теперь в партии восстановлены ленинские нормы партийной жизни, партийной демократии. Регулярно собираются партийные собрания, свободно осуждают, люди критикуют друг друга еще, я считаю, недостаточ-

но. Но не надо зазнаваться, надо это развивать, надо еще больше оживать, еще больше активизировать деятельность каждого члена партии, каждого кандидата и комсомольца и нашей профсоюзной общественности. Товарищи, мы во всяком случае все сделали, чтобы снять преграды, ограничения, сковывание инициативы и тем более какого-либо страха. Этого уже нет, товарищи.

Как же они выступают сейчас с клеветническими речами? Пересмотрены тысячи дел об исключении из партии как врагов народа. За последние 3 года только Комитетом Партийного Контроля при ЦК КПСС было реабилитировано и восстановлено в партии 4626 человек, несправедливо исключенных ранее из партии по политическим обвинениям, из них членов партии с дореволюционным стажем 1058 человек, со стажем с 1918 — 1923 гг. — 1791 человек. Многие из этих коммунистов реабилитированы посмертно, товарищи.

Вот, тов. Молотов, вы говорите, что Хрущев стоял на пути награждения участников Октябрьской революции. Как не стыдно человеку говорить это. Никакими орденами из могилы их не вернешь, тов. Молотов, а в могилу вы их проводили, с вашим участием, и очень активным участием. Это для демагогии он говорил, чтобы протокол пошел по партийным организациям и видели — вот Молотов стоит на защите интересов старых революционных кадров, хочет награждать, но их не награждает кто-то. Демагогия, ясно это видно, и мы постараемся еще лучше разъяснить и разоблачить.

Возросла роль областных и краевых комитетов партии, центральных комитетов компартий союзных республик как подлинных руководителей местных партийных организаций. Это большое завоевание наше, товарищи. [...]

Восстановили социалистическую законность. С 1954 года реабилитировано более 232 тысяч человек, неправильно осужденных ранее по политическим обвинениям.

Т.т. Молотов и Маленков всегда возражали против этого. Разница только в том, что тот более смелее, а этот менее смело. Почему? Вот Берия, тот правильно понимал. Когда умер Сталин, он объявил амнистию уголовникам, а всех политических навечно оставить на месте, без права появления в местах, откуда они присланы. Почему он не миндальничал? Он знал, что как только они придут, то его задуют, или если это станет достоянием, такая несправедливость, которая против них была учинена, то хочешь не хочешь, а его арестуют. Молотов по-другому, более культурными средствами хотел этого, но добивался того же.

Исправлены допущенные ошибки о неправильном выселении населения из Чечено-Ингушской и Кабардино-Балкарской автономных республик, Калмыцкой, Карачаевской автономных областей. Это, товарищи, невероятный случай. Это трудно объяснить, какой был произвол. Я говорил Молотову, когда-то возражал против этого. Я убежден, товарищи, если бы украинцев не было 40 миллионов, он бы и их выслал. Но куда их вышлешь, их 40 миллионов? Это был произвол какой-то в стране. [...]

В вопросах сельского хозяйства, товарищи, усилия партии были направлены на увеличение производства технических культур, картофеля,

овощей, продуктов животноводства. Какие мероприятия были проведены? Освоение целинных и залежных земель. Вспомните, товарищи члены Президиума, когда мы обсуждали этот вопрос, как возражал Молотов. Это очень было трудно, с ним спорить невозможно. Нужно было длинные вести споры, а он говорит: не возражал. Зачем же мне выдумывать? Это же не только я говорю, но и Булганин говорит — союзник-то.

Не могу сказать, что Маленков возражал. Маленков знает, что Молотов возражал против целины.

Маленков. Против темпов.

Хрущев. Он сейчас верен своей группе. Что значит против темпов? Я должен сказать, что в этом деле черт попутал нашего уважаемого Климента Ефремовича. Он ведь тоже возражал (смех).

Голос. Слегка.

Хрущев. Мое отношение к Клименту Ефремовичу было, есть и будет хорошим, товарищеским, дружеским отношением, но это не значит, что не скажу...

Ворошилов. И я тебе скажу.

Хрущев. Без этого нельзя жить и работать. Он возражал. Потом интересное событие. Поехали вручать ордена. Мы летели в одном самолете: я в Узбекистан, а он в Казахстан. По возвращении оттуда он мне такие речи говорил и руку тряс. Послушай, что там казахи говорят. Как они радуются этим целинным землям. Потом строительство развернулось. Я ходил, замечательные квартиры.

Ворошилов. Хрущевский поселок.

Хрущев. Сейчас и культ.

Он мне говорит, а я сдержанно слушаю. Слушай, ты, ну старик сказал, ты не можешь забыть? Я говорю: я тебе ничего не говорил. Верно?

Ворошилов. Не говорил.

Хрущев. Когда ты говорил, мне было приятно, что Климент Ефремович хотя через 3 года сказал правду. Это радость нашего народа. Это успех нашей партии. Молодежь здесь неоценимую услугу нам оказала, наша советская комсомольская молодежь. Цари сколько лет старались освоить эти земли, и все разлеталось в прах. Мы с вами в 3 года сделали — 35 900 тысяч гектаров земли освоили. Это умопомрачительная цифра. Это героическая работа. [...]

Любой из участников антипартийной группы любит подчеркнуть ленинскую идею союза рабочего класса с крестьянством. Нужно не только подчеркивать, но и проводить в жизнь. Надо уметь понимать и проводить. Никто по-настоящему из вас не знал ни рабочего класса, ни крестьянства. Вы оторвались от рабочего класса, оторвались от колхозов и совхозов, оторвались от народа.

В колхозы надо ездить, но если будете ездить по-барски, то будут смеяться хуже, чем когда не ездите. Почему? Потому что когда приехал, то колхозники думают, что это приехал вождь, а когда слышат, что задают глупые вопросы, то будут говорить: а я думал, это вождь... Поехал Молотов в Воронежскую область вручать орден, сел обедать со свинарками. Казалось бы, это хорошо. А толк какой? Мне потом рассказывали колхозницы, которые с ним встречались, — я их знаю, фамилии назы-

вать не буду, — скажите, Вячеслав Михайлович, какое у вас впечатление о нашем колхозе? А он отвечает: ничего, но культура у вас низкая, ручнойников нет.

Товарищи, конечно, ручнойник относится к элементам культуры человеческого жилья. Но это ли главное? А он больше ничего не знает.

Выдвинута задача догнать и перегнать Соединенные Штаты Америки по производству мяса, молока и других продуктов на душу населения. Мы тогда условились, что это лозунг, а не директива для планирующих органов. И я сейчас считаю, что нельзя планировать, исходя из этого. [...]

Тут выступал дорогой Лазарь Моисеевич и кричал, где корма. Товарищ Каганович, Лазарь Моисеевич, а знаешь ли ты, о каких кормах идет речь? Я спорил с тобой, ты ведь раньше занимался сельским хозяйством. Помнишь, вводился сверххранний сев? Тогда кадры избивали на Украине, саратовского профессора Тулейкова заточили в тюрьму за применение мелкой пахоты, за бункер. Но сейчас тов. Мальцев предлагает это же. Возвращаемся к бункеру. Ты почитай свою речь, ты ведь был светилем в сельском хозяйстве, и я тебе по глупости аплодировал, а теперь я вижу, какой ты специалист в этом вопросе.

Лазарь Моисеевич, имей в виду, у нас все время не хватало рабочей силы в сельском хозяйстве, мы из города послали людей, и у нас сейчас избыток рабочей силы в сельском хозяйстве. И дальше, когда будут расти материальные возможности, а у нас к этому заложено, избыток рабочей силы будет еще больше выявляться. Почему? Потому что хотят больше выработать и больше заработать. Тогда один ничего не делал, а трое ему помогали, и людей не хватало. Теперь же они хотят создавать ценности, потому что они получают за создание материальных ценностей. [...]

Молотов и Каганович особенно активно атаковали ЦК КПСС перед XX съездом по таким исключительно принципиальным вопросам. Я напому о них, потому что о них достаточно говорилось в выступлениях членов ЦК, кандидатов и членов Ревизионной комиссии. О возможности предотвращения войны. Мы продемонстрировали предотвращение войны, нападение Англии и Франции на Египет. Наши силы, если мы разумно будем пользоваться ими, очень большие. О формах перехода к социализму, не знаю, помнят Молотов или Каганович, они особенно атаковали, когда готовились эти вопросы. По вопросу о контакте с другими, некоммунистическими партиями они утверждают, что это отход от ленинизма. Мы можем принять короля афганского, шаха иранского, что, нас убавится от этого? Есть такая пословица: в большом хозяйстве и веревочка пригодится. Контакты нужны. Там, где возможно, использовать противоречия, устанавливать контакты. Это только сектанты, каким является Молотов, иначе думают. Иван Степанович был раз невольным свидетелем, когда схватились с Молотовым во время 10-й годовщины со дня победы над Германией. Молотов говорит: фашисты — югославы. Тов. Молотов, если вам волю дать в руководстве, вы страну загубите, вы приведете ее на положение изоляции, и никто не может гарантировать, что вы совершите поступок, который может привести к авантюризму и развязать войну.

Голос. Правильно.

Хрущев. В этом отношении на него положиться нельзя. Он — догматик.

Молотов. Можно что угодно говорить.

Хрущев. Нет, надо говорить то, что есть, а мы это докажем.

Голос. Это было.

Хрущев. Еще какая борьба на Президиуме была! Видите, какой он человек?! Это — безнадежный сухарь. Скажите, тов. Молотов, признаете это? Югославы вели споры с итальянцами по городу Триест. Мы тогда не заключали мирного договора с Югославией. Мы так разодрались с югославами, что нам было потом безразлично, кому достанется Триест. В это время югославы договорились с итальянцами полюбовно, разрешили этот спор. Тов. Молотов, припомни свою позицию. Он подготовил документ с протестом в Центральный комитет с тем, чтобы выступить с ним против этого соглашения.

Молотов. Неверно это.

Хрущев. Ну, товарищ Молотов, нельзя же таким быть. Давайте лую комиссию соберем и проверим. Как не стыдно так говорить! Ведь есть документы.

Микоян. Помню, обсуждали, есть документы.

Хрущев. Мы говорим: тов. Молотов, какая вам разница, если два спорщика помирились и хотят договор заключить. Нам невыгодно, если они будут говорить: тут конфликт, тут русские, значит, они хотят напряжения, хотят войны. Товарищи, если не верите, я готов на самое тяжкое наказание, но такой разговор был. Это только нахалы, потерявшие совесть, могут так все отрицать. Я знаю, что я говорю. Вот, товарищи, и спорь с ним (шум в зале).

Товарищи, по вопросу идеологической работы. Вопрос пропаганды и агитации, коммунистического воспитания молодежи и детей, работы школ и вузов должен быть поставлен в центре внимания нашей партии. Воспитывать надо людей, больше проявлять заботы о развитии литературы и искусства. Среди писателей, товарищи, мы имеем еще таких людей, которые занимают не совсем правильную позицию, — Дудинцев, Казакевич, Алигер. Казакевич и Алигер — коммунисты, Дудинцев — беспартийный. Я читал Дудинцева. Я прямо вам скажу, с Микояном разговаривал о Дудинцеве, жулик написал очень сильно и правдиво. Некоторые вещи так сказал, ей-богу, я мог бы возомнить, что он слышал мою критику. Я так разражался и возмущался, выражал в такой форме недовольство.

Микоян. История мученика.

Хрущев. О добыче гидротехническим способом угля. Я таким языком излагал свое возмущение. Что главное у него? Он все отрицательные факты собрал в кучу, преподнес, и фон получился антисоветский. Вот в чем дело.

Как мы обличали сами себя по сельскому хозяйству, как мы обличали сами себя по культу личности, за злоупотребления и извращения политики. Но мы, товарищи, вскрывали недостатки и указывали пути лечения их и выхода из этого положения, которые способствовали укреплению нашей политики, нашего государства. Там все смешано с грязью.

Вот тов. Симонов сидит. С большим уважением к тов. Симонову отно-

шусь, но из песни слова не выкинешь. Он после съезда не потерял почву под ногами. Он допустил к печатанию Дудинцева в журнале, который он редактирует, и в своих выступлениях на литературных диспутах занимал неправильную позицию. Но это, товарищи, самый близкий человек в нашей партии. Он член Ревизионной Комиссии.

Я выражаю свое уважение и признание, доверяю человеку, но, товарищи, надо его поправить, надо сказать об этом. Алигер — член партии, но другого характера. Они фактически захватили в свои руки Московский Союз писателей. Что такое Московский Союз писателей? Что такое Московское Правление Союза писателей без московских писателей? Здесь жизнь, здесь писатели живут, творят, здесь творят политику. Товарищи, с этим шутить нельзя.

Голоса. Правильно.

Хрущев. Пошутили в Венгрии. Пошутили в Польше. Чем кончилось? А почему у нас не могли организовать подобный клуб Петефи? Почему у нас не могло кончиться тем, чем кончилось в Польше? Почему? Тов. Молотов, они твое имя использовали, когда вели диспуты. Твое имя использовали. Это на заседании, когда ты возражал.

Молотов. Я к этому не давал никаких поводов, а выступал против.

Хрущев. Я не говорю, что ты давал повод, я говорю, что было, а надо было положить конец.

Молотов. Это правильно.

Хрущев. Что сказал, когда разобрались, что не может быть веры полной.

Голоса. Правильно.

Хрущев. Мы не можем продолжать политику, которая сейчас проводится. Надо мобилизовать силы сейчас, которые стоят на партийных позициях, и организовать борьбу, а не примирение с теми, кто ведет борьбу против партии.

Голоса. Правильно.

Хрущев. Товарищи, ловко жулики сделали. Они бросили лозунг борьбы с лакировщиками, то есть с излишним преувеличением успехов.

Голос. Приукрашиванием.

Хрущев. Да. Казалось бы, неплохо. Мы сами против лакировки. Но они этим лозунгом поставили под удар всех писателей, которые положительно высказываются о деятельности нашей партии, о строительстве коммунизма.

Голоса. Правильно.

Хрущев. Товарищи, это уже охаивание. Так что мы должны смотреть. Я, товарищи, считаю, надо мобилизовать силы. Говорят, что недовольные были. А вот выступал тов. Кочетов, реплику давал тов. Корнейчук, написал записку тов. Симонов (он первый подал), Прокофьев с Кочетовым написали и другие товарищи. Вот, видите? Ко мне подходил не один писатель и руку жали. Шолохов подходил и другие. Мне рассказал Шолохов, что правильно сделали, что после этого мы уверенно будем себя чувствовать и развернем работу. И я призывал к писателям — развертывайте работу, найдите внутренние силы, которые стоят на позициях партии, которые вместе с партией будут бо-

роться со всеми антипартийными силами. И эти силы среди писателей есть, товарищи.

Константин Федин выступал на Секретариате. Это была очень плохая речь. Мы его там не критиковали. Федин выступил на известном обеде. Плохая речь. Но то, что Федин опубликовал в «Правде», я голосую обеими руками за этого Фебина. Федин поправился, когда почувствовал силу. Вы что хотите? Некоторые частные люди колеблются. Если они видят, что их поддерживают, у них появляется прилив сил.

Игнатов. Они боятся Алигер.

Хрущев. Говорят, что она слабая женщина, что я не проявил рыцарства к ней и напал на слабую женщину. Верно, я не воспитан в рыцарском духе, а так как главная заправка среди этой группы она, так поэтому мне все равно, женщина это или мужчина, но если попадешь под колесо, пожалуйста, отвечай. [...]

Товарищи, атаки антипартийной группы против линии нашей партии в вопросах внешней политики — это попытка сбить нас с правильного пути на путь обострения международного положения. Особенно рьяно пытался оклеветать нашу внешнюю политику Молотов. Я должен подчеркнуть, что речь идет не об отдельных вопросах внешней политики. Речь идет о коренных вопросах внешней политики, об осуществлении ленинской политики в внешнеполитических вопросах, о мирном сосуществовании социалистического и капиталистического лагеря. Это генеральная линия, намеченная XX съездом партии. Это линия на смягчение международной напряженности, на укрепление единства и сплоченности стран социалистического лагеря. Наша партия не могла добиться успеха в борьбе за мир и безопасность, не развенчав и не отбросив политику завинчивания гаек, главным вдохновителем которой был товарищ Молотов.

К каким печальным результатам привела эта политика. К разрыву дружеских отношений с Турцией и Ираном. Это буквально глупость. Мы помогли Кемаль — Паше. Турки принимали, как родного брата, Ворошилова, турки называли площадь именем Ворошилова. Вдруг кончилась война, мы написали ноту, что мы разрываем договор о дружбе и так далее. За что? Отдайте Дарданеллы. Слушайте, это только пьяный мог написать. Дарданеллы никакая страна не отдаст, если ты не будешь воевать за эту страну.

Вопрос об Иране. Взяли в Иране что сделали? Ввели свои войска и стали бурить скважины на нефть. Сталин руководил этим делом, подогревал Багирова, а когда запахло порохом и надо было или воевать, или уходить, Сталин говорил — уходите, пока не поздно, и мы ушли.

Мы же отравили настроения персам. Вот был их шах. Он говорил, что не может забыть, что мы хотели сделать. А кто в Министерстве иностранных дел был? Я не помню, но во всяком случае Молотов был одним из главных советников в вопросах международной политики у Сталина.

Громыко. Молотов был тогда в министерстве.

Молотов. А предложение это не мое.

Хрущев. Но ты полностью был согласен с этим.

Возьмите войну с Финляндией. Она нам дорого обошлась, возьмите

войну в Корее, которая до крайности обострила отношения СССР со странами.....

После смерти Сталина Молотов вновь оказался во главе Министерства иностранных дел. Он старался проводить политику, которая приводила к изоляции Советского Союза. Как Молотов пришел в МИД? Сейчас одного нет, другой сидит здесь, но он правды не скажет. Это решили Берия и Маленков. Чем они руководствовались? Это не так просто сделано, не случайно, все продумано. По существу международная политика Сталина — это политика Молотова. [...]

Все наши внешнеполитические решения не только не поддерживались, но и встречали активное сопротивление со стороны Молотова.

Возьмите позицию Молотова по формированию венгерского правительства. Это была ужасная вещь. Я Мюнхиха знаю с 1930 года, это — замечательный солдат, он воевал в Испании. Он верный товарищ и хороший коммунист, из военнопленных. Но ему 70 с лишним лет.

Голос. 72 года.

Хрущев. Это хороший товарищ, но не вождь.

Кадар из рабочих, был секретарем ЦК в подполье, — Ракоши его 5 лет держал в тюрьме. Знаете, какое настроение у Ракоши? Он думал: что они хотят от меня? Мы его пригласили в Москву, буквально вырвали из Будапешта, надо было немедленно решать вопрос. Нам Жуков говорит: у меня все готово, сегодня в 4 часа выступают войска. Он к этому времени занял аэродромы, склады с вооружением, уже половину дел сделал. А у нас правительства нет. Мы в это время с Маленковым выезжали, встречались с поляками, с болгарами, с румынами, с Тито. Приехали в 6 часов вечера, ночью собрались и стали обсуждать, кого назначить в правительство. Я сам раньше называл Мюнхиха, а когда послушал товарищей, когда поговорил с Тито, который знает и Кадара, то с Маленковым решили рекомендовать Кадара. Спрашиваем у других, какое настроение. Все соглашаются, что следует назначить Кадара. А Молотов — Мюнхиха.

Микоян. Он называл Хегедюша.

Хрущев. В Венгрии восстание, народ против него, хотели его повесить, и мы еле увезли его самолетом. И вдруг руководство, которое совершило такие ошибки, опять будет у власти. Это значит ума не иметь. Тогда он говорит — Мюнхиха. А вы знаете, Молотов умеет представить, скривился и начал говорить оскорбительные слова по адресу Кадара, что он паралитик.

Говорю: давайте спокойнее поговорим; большинство высказалось за Кадара.

И что же, мы не правильно сделали? Правильно.

Голоса. Правильно.

Хрущев. А если бы послушали Молотова? Тогда бы провалились в своей политике. Я потом Молотову говорил, почему я не верю Ракоши. Я не ручаюсь, что у него все в порядке. Он написал письмо в ЦК, что в партии было 900 тысяч, а сейчас 300 тысяч. 600 тысяч не идут в партию якобы потому, что его нет в партии. Это его сторонники. Надо иметь рассудок, чтобы так писать. Он у нас скрывался, а когда наши войска разгро-

мили контрреволюцию, то он как заяц. Помните, как в сказке, когда за зайцем гналась собака, он увидел дыру. Раз туда. Смотрит, там лисинята, он испугался, как положено зайцу, и говорит: лисиняточки, а где ваша мама? Наша мама за курочками пошла, а то бы ее съел. Видел ты какой! А ты дрожал, а то он готов был лису съесть (смех). Так и Ракоши. К нам приехал Кадар. Они все время боялись, что мы используем обстоятельства. Большинство кадров вернулось из тюрьмы. Думали потом Ракоши послал туда, а этих по шапке.

Приезжает к нам Кадар, идет прием, Молотов с ним беседует. Я не знал об этом, что он беседовал с венграми. Во время беседы он говорит: а почему бы вам не взять Гэре? Почему не взять Ракоши? А у тех и уши на макушке.

Ворошилов. Хегедюша.

Хрущев. Да. Пусть два-три года поживут в Москве, мы им создадим условия, тогда они укрепятся как вожди. Молотов загубит дело, если ему поручить. Политика Молотова может вести к обострению отношений между государствами, это авантюристическая политика. [...]

Когда приехал Тито, то Булганин разразился речью и сказал, что это ленинец. Если бы мы не осадили его, то было бы плохо. Булганину это была заноза в сердце. Если бы мы не осадили Булганина, то как бы мы смотрели в глаза членам партии. Или обед, который был устроен нами для югославов. Понимаете, за чашкой кофе Каганович такую подхалимскую речь закатил Тито, что лучше Тито нет человека. Я об этом тогда сказал, что так нельзя и нужно указать Кагановичу, что так нельзя себя вести. Мы еще не знаем, во что выльются наши связи с Тито, и нельзя такие речи говорить. Это же холуйство, негоже это для нас.

Теперь, были мы в Финляндии с Булганиным. Я ему об этом уже говорил. Пришли на ферму крестьянина. Есть такая поговорка: в доме повешенного не говорят о веревке. Приходим на ферму, вышли на пригорок, хозяин показывает свои земли, все хорошо, и вдруг Булганин говорит — замечательный наблюдательный пункт (смех в зале). Я ахнул, слушай, говорю, что ты говоришь, а он мне отвечает: ты гражданский, а я военный. Какой ты, к черту, военный.

Товарищи, вы представляете, мы воевали с Финляндией, мы приехали в гости, они нас исключительно дружелюбно встретили, а мы приходим, оказывается, выбирать командный пункт. Это что, для дружбы, что ли? Это обижает, оскорбляет их. Я не знаю, что теперь будет, с нами был министр иностранных дел и другие ответственные деятели.

Если все перечислить, я вам могу многое сказать, а вы мне баню припоминаете, вот и вам баня. Я сказал Молотову, что же он не использовал это против своего групповщика, а ведь это факт, это хуже, чем баня.

Если бы вы, товарищи групповщики, вразумели мудрости древних римлян и перед решением важнейших вопросов, как делали это римляне, сходили в баню и после бани приняли холодный душ, вы бы не вступили в антипартийную группу, вы бы не сидели в грязи.

Помните обращение нашего правительства, об этом уже говорилось, к правительствам Соединенных Штатов, Франции. Это классический номер. Это мне нравится, когда мы Соединенным Штатам, Эйзенхауэру,

предложили совместные действия против Англии и Франции, чтобы предотвратить войну в Египте. Мы сразу же, товарищи, сорвали покрывало с агрессоров. Египтяне говорили, что Советский Союз их бросил на произвол, только Америка защищает их в Совете Безопасности. И вдруг мы предлагаем совместные действия. Египетский народ ревел за Советский Союз. [...]

Молотов оторвался от жизни, не представляет себе, чего можно достичь при тех же материальных затратах, подняв народную инициативу. Благодаря широко развернувшейся народной инициативе развернулось жилищное строительство. Заложено на народной инициативе 1600 домов в восьмиквартирном исчислении, которые получают рабочие и служащие г. Горького. Они получают 2800 новых квартир сверх предусмотренных планом.

Вот один из примеров того, что дает нам народная инициатива. По любому принципиальному вопросу, который поднимался в последнее время Центральным Комитетом партии, Молотов занимал, как правило, отрицательную политику. Речь идет не о спорах по тем или иным вопросам, что принято решение, что он не против такого решения, что он за такое коллективное обсуждение, а речь идет о том, что по всем принципиальным вопросам Молотов занимал иную позицию, отстаивал другую точку зрения, чем Центральный Комитет партии.

Возьмите хотя бы вопрос сельского хозяйства, освоение целинных и залежных земель, установление более правильных заготовительных и закупочных цен, вопрос изменения порядка сельскохозяйственного налога и т.д. По этим и другим вопросам он с пеной у рта доказывал неправильность позиции Центрального Комитета.

Возьмите международные вопросы, которые были решены нами в последнее время. Возьмите австрийский вопрос, вопрос установления отношений с Югославией, вопрос укрепления дипломатических кадров и другие вопросы. Он не помог Центральному Комитету, а мешал нам в решении жизненно важных вопросов.

Недавно был решен вопрос о дальнейшем совершенствовании руководства промышленностью. Какую позицию занял в этом Молотов? Я должен заявить здесь Пленуму прямо — двурушническую позицию. Он направил в Центральный Комитет партии записку, в которой пытался противопоставить одобренные Центральным Комитетом партии мероприятия — свою молотовскую платформу.

Разве поступает так настоящий государственный деятель? Разве поступают так честные люди? И не случайно, что сам Молотов, видя шаткость своей позиции на заседании Президиума Центрального Комитета, где обсуждался вопрос о его записке, он заявил, что хочет взять оттуда свою записку, адресованную в ЦК КПСС.

Таковы лишь некоторые качества человека, который претендует на единственного толкователя и проводника ленинских идей.

О Кагановиче. Следует сказать особо о Кагановиче, о его роли в антипартийной группе.

Он произнес здесь довольно шумную и открыто групповую фракционную речь. Я говорю о первом выступлении.

Нет надобности говорить о всех тех вопросах, которые затрагивает в этой речи Каганович.

Остановлюсь на двух, трех местах его речи.

Товарищ Каганович с возмущением говорил, что должности никто не распределял, откуда вы это берете, с какого потолка, что это просто выдумка; а что сегодня он сказал, что сказал Сабуров, что сказал Первухин, что сказал Булганин?

Где же правда, где же честь, и какая уверенность у нас есть, что эту правду будет завтра говорить Каганович? Я уже не буду говорить о том, куда они хотели поставить меня, это дело ЦК.

Товарищ Каганович, наберитесь смелости, скажите хоть Пленуму Центрального Комитета правду.

Возьмите такой вопрос, как Каганович разработал предложение о создании троек. Этот вопрос Пленума остался без ответа.

Между тем в архиве ЦК имеется проект этого документа, написанный рукой Кагановича. Разрешите огласить этот документ. Вот этот документ, написанный рукой Кагановича. Товарищ Каганович, посмотрите и подтвердите, что это написано вашей рукой.

Каганович. Я часто писал под диктовку.

Хрущев. Я покажу членам ЦК, под какую диктовку ты писал. Этот документ о борьбе с антисоветскими элементами послан секретарям обкомов, крайкомов, ЦК. Вот что здесь написано: «Замечательно, что большая часть бывших кулаков и уголовников, высланных одно время из разных областей в северные и сибирские районы, а потом по истечении срока высылки отпущенных в свои области, являются главными зачинщиками всякого рода антисоветских и диверсионных преступлений как в колхозах, совхозах, так на транспорте и в некоторых отраслях промышленности. ЦК ВКП(б) предлагает всем секретарям областных и краевых организаций и всем областным, краевым и республиканским представителям НКВД взять на учет всех возвратившихся на родину кулаков и уголовников с тем, чтобы наиболее враждебные были арестованы и расстреляны... а остальные, менее активные, но все же враждебные элементы были бы высланы из пределов своего района под особое наблюдение НКВД. ЦК ВКП(б) предлагает в пятидневный срок представить состав тройки, равно как и количество подлежащих высылке. Сталин».

Это принято было 2 июля 1937 года. Это ваш документ, это ваша инициатива.

Первое время Сталин был против создания таких троек. Я сейчас документы имею. В архиве обнаружены следующие два документа. 9 декабря 1934 года Каганович направил из Челябинска следующую телеграмму:

«Сталину, Молотову, Жданову. Считал бы возможным предоставить право на один месяц тройке в составе Рындина (секретаря Челябинского обкома), Чернова и Шохина утвердить приговоры суда на высшую меру наказания. Прошу сообщить ваше мнение. Каганович».

Стали из Сочи на следующий день выслал Кагановичу, Молотову и Жданову телеграмму: «Не пойму, в чем дело. Если можете, лучше обой-

тись без тройки, а утверждать приговоры можно в обычном порядке. Сталин».

Это архивные документы. Ты сказал, что писал под диктовку, а вот этот документ написал в 1934 году. Чья эта идея? Кагановича, Молотова и других. Это они ввели в действие свои кровавые тройки.

Выступая на Пленуме, он ничего не сказал о своих ошибках, а ведь его ошибки — это немалые ошибки. Возьмем период, когда Каганович длительное время был секретарем Московского обкома. Многочисленные рапорты, приветствия были на имя Кагановича. И в это время было немало подписано смертных приговоров честным коммунистам. Есть список лиц, осужденных Военной коллегией в ноябре-декабре 1937 года. В этом списке фамилии 114 приговоренных к расстрелу с циничной резолюцией Кагановича: «Приветствую!» Как можно назвать такой бесчеловечный поступок!

Теперь Каганович так же, как Молотов и Маленков, когда заходит речь об истреблении сотен тысяч людей, ссылается на Сталина, но Сталин умер, и Каганович хочет уйти от ответственности. Каганович был самым ретивым подхалимом у Сталина...

ЦХСД, ф 2, оп. 1, д. 235, ил. 16 — 161. Подлинник.

О СОВЕТСКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

Китайская народная республика была провозглашена 1 октября 1949 г. Советский Союз первым признал КНР и установил с ней дипломатические отношения. Уже 16 декабря 1949 г. в Москву прибыла правительственная делегация КНР во главе с Мао Цзэдуном, а двумя месяцами позже (14.02.50 г.) состоялось подписание «Договора о дружбе, союзе и взаимопонимании» сроком на 30 лет. Им оформлялся военно-политический союз двух стран. Одновременно был подписан ряд экономических соглашений, согласно которым Советский Союз брал обязательства по оказанию Китаю помощи в строительстве и реконструкции 50 крупных промышленных объектов, а также предоставлял заем в 300 млн. долл. США на льготных условиях для закупок в СССР оборудования и материалов.

Объемы советско-китайской торговли постоянно росли. В 1953-57 гг. среднегодовая доля СССР во внешнеторговом обороте КНР превышала 50%. В свою очередь, объем торговли с Китаем составлял 20-25% внешнеторгового оборота нашей страны. В соответствии с соглашениями о советском техническом содействии в 1950-60-х гг. в Китай было направлено более 10 тысяч специалистов, а в СССР прошли обучение, научную подготовку около 11 тысяч китайских инженеров и техников, около тысячи ученых. Подготовленные в СССР китайские специалисты до сих пор занимают ведущие позиции в рядах инженерно-технической и научно-творческой интеллигенции Китая.

Результаты такого масштабного сотрудничества имели огромное значение для развития экономики КНР. В 1960 г. на предприятиях, спро-

ектированных или построенных при участии СССР, было выплавлено 30% китайского чугуна, 40% стали, произведено более 50% проката, 25% алюминия, 80% грузовых автомобилей, 90% тракторов, 55% паровых и гидравлических турбин и т.д.

Однако в 1956 г. в отношениях между двумя странами постепенно начало появляться напряжение. Китайское руководство выступило против курса на десталинизацию, выдвинутого XX съездом КПСС. Это недовольство отчетливо проявилось на расширенном пленуме ЦК компартии Китая в сентябре-октябре 1957 г. На пленуме лидер КПК Мао Цзэдун открыто признал идеологические расхождения с КПСС в оценке Сталина, выразив несогласие с тем, что личность Сталина «втаптывается в грязь». Защищая сталинизм, Мао Цзэдун критически высказался о поисках «мирного пути» развития социализма. С претензией на своеобразное идеологическое новаторство выступил китайский лидер и на внешнеполитической арене — Совещании представителей коммунистических и рабочих партий в Москве в ноябре 1957 г. Диссонансом на форуме прозвучало его заявление о том, что если в случае мировой ядерной войны «...половина человечества будет уничтожена, то еще останется половина, зато империализм будет полностью уничтожен и во всем мире будет лишь социализм, а за полвека или за целый век население опять вырастет, даже больше чем наполовину». Все это стало следствием формирующегося стремления Мао Цзэдуна на главенствующую роль в международном коммунистическом движении. Непреодолимый барьер в идеологической сфере между СССР и Китаем возник после принятия КПСС в конце 50-х годов концепции «общенародного государства». Это вызвало резкий протест лидеров КПК, неустанно подтверждающих свою приверженность доктрине «диктатуры пролетариата», законсервированной сталинским учением.

Идейная конфронтация, поучительство, нежелание прислушиваться и понимать другую сторону не могли не сказаться на всем объеме разносторонних отношений между двумя партиями и двумя странами. В 1960 году китайская сторона, ссылаясь на пересмотр народнохозяйственных планов, впервые не выполнила своих обязательств по поставкам в СССР крупных партий товаров. Не были введены в действие многие предприятия, построенные с помощью СССР и уже подготовленные к пуску. Быстрыми темпами началось сворачивание экономических и научно-технических связей. Резко сокращались культурные обмены. Ухудшилась обстановка на границе двух стран. Участились пограничные инциденты. В 1964 году Мао Цзэдун обнародовал «реестр» территориальных требований к СССР.

Все попытки советского руководства приостановить негативное развитие событий не дали результатов. В складывающихся условиях советским людям становилось все сложнее и сложнее работать в Китае. Поэтому в начале 60-х годов советская сторона приняла решение об отзыве находящихся в КНР специалистов. Эта во многом вынужденная акция произвела самое неблагоприятное впечатление не только на руководство КНР, но и на широкие слои китайского населения. В итоге развер-

нувшаяся полемика, взаимные укоры и недоверие неизбежно приняли острый характер.

В марте 1964 г. ЦК КПСС в обращении к руководству КПК внес предложения о прекращении открытой полемики и осуществлении мероприятий, направленных на укрепление единства мирового коммунистического движения на принципиальной марксистско-ленинской основе. ЦК КПСС предложил продолжить двустороннюю встречу делегаций КПСС и КПК, прерванную по настоянию китайских представителей в июле 1963 г.; созвать в июне — июле 1964 г. подготовительное совещание представителей 26 братских партий, составлявших Редакционную комиссию Совещания 1960 г.; провести, по согласованию с братскими партиями, новое международное Совещание. Но ЦК КПК отверг эти предложения, направив в адрес ЦК КПСС свое письмо от 7 мая 1964 г. Ниже публикуется ответ ЦК КПСС Центральному комитету КПК.

№ 16

ПИСЬМО ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА КПСС ЦК КОМПАРИИ КИТАЯ

от 15 июня 1964 г.

ЦЕНТРАЛЬНОМУ КОМИТЕТУ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ КИТАЯ

Дорогие товарищи!

Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза подучил ваше письмо от 7 мая, в котором содержится ответ на наше письмо от 7 марта с. г. В своем письме вы не только отвергаете все предложения КПСС и других марксистско-ленинских партий, направленные па преодоление трудностей в коммунистическом движении, но фактически отказываетесь встречаться с представителями партий, вести переговоры, обсуждать вместе с ними общие проблемы, волнующие коммунистов всего мира. Никогда еще ЦК КПК так откровенно не выражал своего пренебрежения к мнению братских партий, своего нежелания прислушаться к их голосу, участвовать в совместных поисках путей преодоления разногласий. Все содержание вашего письма, как и его грубый тон, говорит о том, что, вопреки многочисленным декларациям ЦК КПК о его стремлении не допустить раскола, отстаивать сплоченность, вы не хотите преодоления разногласий, на деле выступаете против единства международного коммунистического движения. Вы даже не пытаетесь скрыть, что ваша цель состоит в том, чтобы развязать себе руки для осуществления фракционной, раскольнической деятельности. Только так могут расценить ваше письмо марксистско-ленинские партии, озабоченные трудностями, возникшими в нашем движении.

Направляя вам письмо от 7 марта, ЦК КПСС исходил из того, что сложившееся в мировом коммунистическом движении положение требует

коллективного рассмотрения, совместной выработки целесообразных путей преодоления трудностей, достижения сплоченности всех братских партий. В этих целях мы предложили ускорить проведение встречи делегаций КПСС и КПК, созыв подготовительного Совещания представителей 26 партий и провести уже в этом году по согласованию с братскими партиями международное Совещание. Необходимыми условиями успешного осуществления этих мероприятий мы считали прекращение открытой полемики, отказ от всякого рода подрывной, раскольнической деятельности в социалистическом содружестве и коммунистическом движении, которая уже причинила нашему делу немалый ущерб. Мы считались с волей большинства братских партий, настойчиво выступающих за то, чтобы была проведена встреча представителей КПСС и КПК, созван международный коммунистический форум, который позволил бы в товарищеской обстановке, в братской семье коммунистов сообща обсудить возникшие проблемы, добиться устранения расхождений, вызванных раскольнической деятельностью руководства КПК.

Предложения ЦК КПСС, выдвинутые в письме от 7 марта, встретили активную поддержку в мировом коммунистическом движении. К настоящему времени подавляющее большинство братских партий уже высказалось за безотлагательный созыв Совещания. Некоторые партии, выступая в принципе за Совещание, в то же время делают оговорки относительно конкретных сроков его проведения, учитывая ваше противодействие созыву Совещания. Однако мы не знаем ни одной партии, кроме Компартии Китая и Албанской партии труда, руководство которой выступало бы против необходимости коллективных мер, направленных на преодоление трудностей в коммунистическом движении и укрепление его единства.

В письме от 7 мая ЦК КПК предлагает отложить Совещание на «4–5 лет или еще больше времени» и, более того, заявляет, что «лучше было бы даже не созывать его, чем созвать». Двустороннюю встречу, которую ЦК КПК еще недавно предлагал провести в октябре с. г., вы снова надолго откладываете, сопровождая свое согласие на нее такими оговорками, которые вызывают сомнение, заинтересована ли вообще китайская сторона в ее проведении.

Мы констатируем, таким образом, что ЦК КПК отказывается от своих собственных предложений. Руководители КПК долгое время изображали себя инициаторами скорейшего созыва Совещания, представляя дело так, будто КПСС противодействует этому. Когда Компартии Индонезии, Вьетнама и Новой Зеландии внесли зимой 1962 г. предложение о созыве Совещания, вы поддержали их предложение. Вы писали 7 апреля 1962 г., что созыв Совещания имеет «актуальное, положительное значение для преодоления ныне существующих разногласий между братскими партиями». В конце 1962 г. такая позиция ЦК КПК была публично подтверждена в выступлениях ваших делегации на съездах братских партий Венгрии и Чехословакии. Затем вы высказались за созыв Совещания в письмах к ЦК КПСС от 9 марта 1963 г. и 14 июня 1963 г. Наконец, в вашем письме от 29 февраля 1964 г. черным по белому писалось: «Компартия Китая неизменно выступает за

созыв Совещания представителей коммунистических и рабочих партий всех стран и активно его поддерживает».

Стоило, однако, ЦК КПСС и другим братским партиям поставить вопрос о Совещании на конкретную почву, как вы совершили поворот на 180 градусов. Крайняя противоречивость и нелогичность позиции ЦК КПК бросается в глаза каждому. Еще недавно вы горячо выступали за Совещание, даже гордились тем, что первыми поддержали предложение о его созыве, считая его полезным. Теперь руководители КПК заговорили совсем по-иному — оказывается, по их мнению, Совещание несвоевременно и даже грозит коммунистическому движению всевозможными бедами. Такие шатания можно объяснить, по-видимому, лишь тем, что ни раньше, ни теперь вы всерьез не думали о созыве Совещания, поскольку не могли рассчитывать на поддержку вашей идейно-политической платформы международным форумом коммунистов. Возникает законное предположение, что ЦК КПК мало волнуют проблемы сохранения и укрепления единства коммунистического движения и вопрос о Совещании он превращает в объект недостойной политической игры с целью создания дополнительных трудностей.

Хотя вы всячески бравируете своим безразличием к мнению других партий и заявляете, что не страшитесь их «решительного отпора», не деле вы боитесь прийти на международное коммунистическое Совещание, стремясь уклониться от честного и прямого разговора, от сопоставления своей ошибочной платформы с линией международного коммунистического движения.

Возражения, выдвинутые вами против созыва Совещания, совершенно несостоятельны. Вы утверждаете, что международное Совещание, как и встреча представителей КПК, и КПСС, лишь «приведет к тому, что вспыхнет ссора и все разойдутся, не достигнув каких-либо результатов», что «произойдет открытый раскол и каждый пойдет своей дорогой».

Ставить вопрос таким образом, заранее предрекать, что Совещание приведет к расколу, может только тот, кто сам решил вести дело к расколу. Действительно, если вести на Совещании линию на углубление разногласий, видеть его цель в том, чтобы кого-то осуждать, наклеивать оскорбительные ярлыки, бросать безответственные обвинения, то можно добиться не укрепления единства, а дальнейшего разобщения.

Но КПСС и те братские партии, которые на всех этапах разногласий последовательно выступают за новую международную встречу, решительно отвергают такую линию, сам такой подход к Совещанию. Для нас вопрос о Совещании неразрывно связан с проблемой сохранения и укрепления единства нашего движения. Мы исходим из того, что перед лицом разногласий, с которыми столкнулось коммунистическое движение, необходимо прежде всего сосредоточить усилия на выявлении того общего, что объединяет все братские партии, на поисках путей преодоления возникших трудностей. У братских партий нет лучшего метода преодоления разногласий и выработки общих позиций, чем коллективный обмен мнениями на международном форуме, позволяющем каждой партии полностью сохранять свою самостоятельность и вместе с тем активно участвовать в формулировании единой линии мирового коммунистического движения.

Разногласия и споры, разгоревшиеся в коммунистическом движении и наносящие ему немалый ущерб, затрагивают интересы всех без исключения партий, и потому каждая из них имеет право и несет обязанность внести свой вклад в обсуждение и решение актуальных проблем, в общее дело укрепления единства. Именно Совещание представит каждой партии возможность выслушать мнение всех сторон, откровенно и по-деловому изложить свою точку зрения с тем, чтобы она была учтена в дальнейшем при выработке совместной линии и общих решений.

Что касается КПСС, то, предлагая созыв Совещания, она имеет в виду — в полном соответствии с принципами, утвердившимися в коммунистическом движении после XX съезда КПСС, Московских совещаний 1957 г. и 1960 г., -проводить на нем линию на сплочение, нормализацию обстановки в нашем движении, на деловое обсуждение спорных вопросов, которое бы способствовало не углублению разногласий, а укреплению единства на принципиальной основе. По нашему глубокому убеждению, непреодолимых объективных препятствий на этом пути не существует. Нужно только, чтобы все участники международной встречи проявили хотя бы минимальную добрую волю, были готовы добросовестно выслушать и понять мнения других, искать пути к сплочению, а не к разобщению. Если представители всех партий проявят заинтересованность в преодолении трудностей, если делегация Компартии Китая придет на него с желанием искать взаимопонимания со всеми другими участниками, с конструктивной программой, как это считают необходимым КПСС и другие партии, то Совещание может стать поворотным пунктом в сторону укрепления сплоченности.

ЦК КПСС полностью отдает себе отчет в том, что расхождения, разделяющие ЦК КПК с другими братскими партиями, весьма серьезны и зашли далеко. В ходе публичной полемики в отношениях между партиями накопилось немало наносного, надуманного, мешающего взаимопониманию. Обнаружился и достиг большой остроты целый ряд принципиальных разногласий по важнейшим проблемам современности и политики мирового коммунизма. В связи с этим возможно, что как бы ни стремились к этому марксистско-ленинские партии, в ходе Совещания и не удастся сразу прийти к единому мнению по всем вопросам. Однако, по убеждению ЦК КПСС, и такой исход Совещания не будет означать раскола, который настойчиво предсказывают руководители КПК. И в этом случае мы видим возможность достигнуть на Совещании договоренности о том, чтобы компартии взяли на себя обязательства учесть мнение всех участников Совещания, всех марксистско-ленинских партии, добросовестно сотрудничать в тех областях, где выявится общность позиций и интересов, воздерживаться в дальнейшем от любых действий, усугубляющих трудности и доставляющих радость только классовым врагам. Спрашивается, почему при таком подходе Совещание должно привести к расколу или хотя бы ухудшить обстановку в коммунистическом движении?

Мы считаем предлагаемый нами порядок работы Совещания, полно-

стью отвечающий нормам и принципам взаимоотношений между коммунистическими партиями, вполне реальным.

Речь идет лишь о том, чтобы на деле проявить элементарную заботу о единстве, терпимость и добросовестность, которых коммунистические движения вправе ожидать от любого своего отряда. Если все братские партии, их руководители проникнутся чувством исторической ответственности за судьбы нашего движения, пониманием серьезности момента и возможных последствий раскола, то не может быть никаких сомнений в успехе Совещания.

Отстаивая идею новой международной встречи, ЦК КПСС исходит из того, что неопределимость в ней определяется не только интересами преодоления разногласий, какой бы важной самой по себе ни была эта задача. Коммунисты ни на одну минуту не могут забывать о лежащей на них ответственности в борьбе против империализма, за мир, демократию и национальную независимость, за успешное продвижение по пути социализма и коммунизма.

Со времени последнего международного Совещания прошло около четырех лет. За эти годы в мире произошло немало важных изменений, которые требуют изучения, обобщения и выводов. Значительных успехов за истекшие годы добилась мировая система социализма, выросла ее экономическая мощь, усилилось ее политическое и идейное влияние на мировое развитие. Страны социализма в своем большинстве завершают важный период своего развития и подходят к новым рубежам в строительстве нового общества. Задачи дальнейшего продвижения их по пути социализма и коммунизма все более настоятельно требуют совершенствования форм сотрудничества и взаимной помощи, обмена опытом, координации политических и экономических действий.

В международной обстановке еще более явно обозначились два противоположных курса — один направлен на сохранение мира, на мирное сосуществование, который проводят социалистические государства и который поддерживается подавляющим большинством человечества; и другой курс — курс на усиление международной напряженности и нагнетание военной угрозы, который проводится империалистической реакцией, возглавляемой «бешеными» в США и других империалистических державах. Истекшие годы показали, насколько верными были выводы компартий относительно возможности предотвращения войны, изоляции и разгрома сил, выступающих против мира.

За последнее время еще более наглядны стали свидетельства углубления общего кризиса капитализма, роста социальных и политических противоречий, раздирающих капиталистическую систему как внутри буржуазного общества, так и на международной арене. Много нового появилось в формах организации и методах борьбы рабочего класса капиталистических стран за свои непосредственные и конечные интересы. На завершающем этапе находится распад колониальной системы империализма. Особенно очевидной за последние годы стала неодолимая тяга освободившихся народов к социализму, их стремление стать на некапиталистический путь развития.

Перед революционным движением, перед борцами за дело мира и социализма открываются новые большие возможности, и нам, коммунистам, следует подумать, как лучше использовать эти возможности в интересах рабочего класса, всех народов.

Мы глубоко убеждены, что Совещание явилось бы как раз подходящим местом, где можно было бы коллективно проанализировать новые экономические и социально-политические явления и процессы, согласовать оценки и позиции, обогатить и конкретизировать в соответствии с ними общую политическую линию. Можно с удовлетворением констатировать, что правильность генеральной линии «мирового коммунистического движения, определенной в документах 1957 г. и 1960 г., полностью подтверждена жизнью и принесла новые успехи братским партиям. Вместе с тем назрела необходимость, собравшись вместе, подвести итоги пройденного этапа, обменяться опытом, пройти по всей совокупности проблем, встающих перед мировым коммунизмом, и в соответствии с происшедшими сдвигами в международной обстановке пополнить и развить идеи Декларации и Заявления, творчески рассмотреть и решить новые проблемы.

В свете всех этих задач становится особенно неприемлемым предложение ЦК КПК отложить созыв нового международного Совещания на длительный срок. Все говорит за то, что Совещание остается необходимым и созыв его нельзя откладывать в долгий ящик.

Самое же главное, по мнению ЦК КПСС, состоит в том, чтобы уже сегодня, независимо от конкретных сроков новой международной встречи, каждая марксистско-ленинская партия вносила свой вклад в то дело, которому призвано служить Совещание, — в дело укрепления единства рядов коммунистов всего мира, наращивания усилий в достижении общих целей. Важно сейчас, чтобы все братские партии еще более активно боролись за эти цели. Перед каждой братской партией стоят неотложные задачи — глубоко изучить сложившуюся в коммунистическом движении обстановку, принять конструктивное участие в обсуждении и поисках путей преодоления трудностей, во всех своих повседневных действиях исходить из интересов укрепления интернациональной сплоченности наших рядов. Это и есть практический способ доказать свою верность принципам и требованиям пролетарского интернационализма, всему духу марксизма-ленинизма. Одновременно это и самый лучший путь к тому, чтобы созвать и успешно провести международный коммунистический форум. Мы решительно против того, чтобы вопрос о сроках созыва Совещания стал предлогом для новых споров, камнем преткновения на пути к решению главных задач, стоящих перед коммунистическим движением. Однако мы решительно против того, чтобы откладывать Совещание на «4—5 лет или еще больше времени», как это предлагает ЦК КПК.

Такова наша позиция по основному вопросу, поднятому в последних письмах, которыми обменялись ЦК КПСС и ЦК КПК, — по вопросу о целях и перспективах нового международного Совещания.

В письме ЦК КПК от 7 мая затрагивается также ряд других проблем, как связанных с проведением международной встречи, так и не имеющих

щих к ней прямого отношения. К их числу относится, например, вопрос о процедуре созыва Совещания.

ЦК КПК утверждает, что в современных условиях никто не вправе созывать международные совещания, поскольку нет постоянного органа типа Коминтерна. Если исходить из демократических принципов, на которых построено коммунистическое движение, то нельзя не признать, что с такой инициативой может выступить любая партия или группа партии. В таком случае долг других отрядов коммунистического движения — внимательно рассмотреть и поддержать инициативу, если она направлена на пользу нашего общего дела. Что касается КПСС, то, как известно, братские партии возложили на нее особую ответственность в вопросе о созыве международных совещаний. Решение, принятое Совещанием 1957 г., гласит: «Поручить Коммунистической партии Советского Союза взять на себя функцию созыва Совещаний коммунистических и рабочих партии при консультации с братскими партиями». Это решение было принято единогласно при участии делегации Компартии Китая. Более того, т. Мао Цзэдун на вечернем заседании 14 ноября 1957 г. заявил, что «признание КПСС инициатором созыва Совещания необходимо».

Мы приводим эти факты в интересах восстановления истины, с тем чтобы не дать возможности превратить вопрос об инициативе созыва Совещания в новый предмет споров, в предлог для оттяжки назревшей международной встречи представителей братских партий.

Выдвигая одно за другим все новые препятствия на пути к Совещанию, ЦК КПК пишет о необходимости «большей подготовительной работы». Наша партия всегда считала и считает, что для успеха Совещания необходимо его тщательно подготовить. Именно с этой целью мы постоянно предлагали прекратить публичную полемику и отказаться от методов фракционной деятельности в рядах международного коммунистического движения.

По всему видно, что ЦК КПК понимает под подготовительной работой» нечто прямо противоположное, а именно — усиление фракционной, раскольнической деятельности и всемерное обострение полемики. Если говорить откровенно, то в этом, в сущности, кроются подлинные причины оттягивания китайским руководством созыва Совещания. В обстановке обостряющейся борьбы оно, судя по всему, рассчитывает сколачивать блок послушных Пекину партий и групп. Об этом говорит и тот факт, что теперь вы открыто добиваетесь приглашения за стол Совещания наемных вами единомышленников и различных странах.

Поскольку вопрос о составе участников Совещания ЦК КПК превращает сейчас также и предмет разногласия, мы считаем необходимым выразить к нему свое отношение. По нашему мнению, участвовать в Совещании могут те партии, которые принимали участие в Совещаниях 1957 и 1960 гг. и подписали их документы. Это тем более верно, что разногласия в коммунистическом движении касаются толкования Декларации и Заявления. Понятно, что правильное толкование может дать только форум тех партий, которые вырабатывали и подписали эти

документы. Решение о приглашении новых участников вправе выносить только само Совещание. За годы, прошедшие со времени последней международной встречи, в нескольких странах (в частности, в Африке) возникли партии, которые признают генеральную линию коммунистического движения, выраженную в Декларации и Заявлении, осуществляют ее на практике, являются признанными представителями рабочего движения своих стран. Естественно, что такие партии вправе рассчитывать на приглашение участвовать в новой международной встрече.

Когда же ЦК КПК ставит вопрос о приглашении новых участников на Совещание, он заботится вовсе не о таких партиях, а имеет в виду Созданные им самим антипартийные фракционные группы, громко именуемые «партиями». Однако эти группы, во-первых, не представляют рабочее движение своих стран, а искусственно насаждаются извне. Нельзя считать случайным совпадением тот факт, что антипартийные группы в Австралии, Бразилии, Бельгии, на Цейлоне и некоторых других странах появились как раз тогда, когда ЦК КИК развернул фракционную деятельность в рядах международного коммунистического движения. Во-вторых, эти группы ни в теории, ни на практике не придерживаются генеральной линии мирового коммунистического движения, определенной в Декларации и Заявлении. Наоборот, проповедуемые ими взгляды целиком выдают их как противников этой линии. В-третьих, они состоят из оппозиционных антипартийных элементов, исключенных из марксистско-ленинских партий и ведущих борьбу с законно избранными центральными комитетами, с испытанными и авторитетными руководителями этих партий. Для характеристики политической физиономии и состава этих групп показательны, что к ним примкнули троцкисты, анархисты, всякого рода ренегаты и отщепенцы. Надо прямо сказать, такие сторонники линии китайского руководства отнюдь не украшают его. Как бы вы ни старались изображать этих самозванцев «истинными революционерами», последние стоят вне коммунистического движения, и никаким силам не удастся втащить их в его ряды.

ЦК КПСС не может пройти мимо содержащихся и письмо ЦК КПК от 7 мая попыток ошельмовать испытанные марксистско-ленинские партии Австралии, Бразилии и Индии. Мы решительно отвергаем недостойные приемы, когда руководители одной партии — Компартии Китая — выступают с претензией на особое положение в коммунистическом движении, и право выносить приговор целым партиям и их руководителям, по своему произволу решать вопросы, о которых может судить только рабочий класс той или иной страны.

Если вы и дальше будете осуществлять такого рода «подготовительную работу» к Совещанию, то есть стремиться к дальнейшему разветвлению фракционной деятельности, то этим вы лишь еще раз подтвердите уже сложившееся мнение, что руководство КПК прямым путем ведет дело к расколу.

Стремление ЦК КПК обострить открытую полемику в коммунистическом движении давно стало очевидным. Развязанная им пропагандистская кампания переросла всякие рамки идеологической полемики и

превратилась в открытую политическую борьбу против марксистско-ленинских партий. Она не имеет ничего общего с выяснением истины, с разработкой насущных проблем теории и политики нашего движения. Все содержание, методы и тон ваших выступлений показывают намеренное стремление еще дальше расширять круг спорных проблем, возвращать подлинные позиции марксистско-ленинских партий, клеветать на их руководство, восстанавливать против него массы. Кому не ясно, что это — не полемика, а разжигание разногласий и вражды. Она расшатывает дружбу народов социалистических стран, сеет замешательство и недоверие в рядах революционного рабочего и национально-освободительного движения, ведет к компрометации мирового социализма. Тем самым лидеры КПК льют воду на мельницу агрессивных кругов империализма, которые, как известно, охотно помогают в распространении китайских пропагандистских материалов.

Мы по-другому понимаем подготовку к Совещанию. ЦК КПСС всегда выступал и выступает за то, чтобы в ходе подготовки творчески обсудить важные проблемы коммунистического движения, используя методы товарищеского обмена мнениями, предусмотренные Заявлением 1960 г. Дискуссию по тем или иным актуальным проблемам марксизма-ленинизма, вопросам стратегии и тактики нашего движения мы считаем нормальным и полезным делом. Такие дискуссии помогают двигать вперед марксистскую мысль, теснее связывать деятельность компартии с потребностями жизни, вырабатывать общие позиции в порядке подготовки встреч и совещаний. Однако враждебная коммунистическому движению пропагандистская кампания, развязанная ЦК КПК, ни в коей мере не может служить этим целям.

Вы грозитесь, что намерены дать ответ «на более чем две тысячи антикитайских статей и материалов», якобы опубликованных в советской печати, а также «на многочисленные постановления, заявления и статьи нескольких десятков братских партии». Другими словами, вы собираетесь вести публичную полемику до бесконечности. Видимо, это и составляет одну из ваших целей; вы начали полемику, вынудили братские партии давать отпор вашим неверным взглядам, а теперь под видом «ответов» собираетесь все дальше расширять политическую борьбу против марксистско-ленинских партий.

Выдвинутое в письме ЦК КПК от 7 мая предложение заключить соглашение между двумя партиями о публикации в своей печати материалов другой стороны как нельзя лучше разоблачает ваши планы. Оно направлено на дальнейшее разжигание полемики.

Мы хотели бы заметить в связи с этим, что, пока можно было надеяться, что дискуссия не выйдет за рамки принципиального обсуждения теоретических и политических вопросов, мы перепечатывали некоторые китайские материалы в своей прессе. Но когда стало очевидным, что речь идет не о принципиальной дискуссии, а о враждебной пропаганде, мы должны были подойти к этому вопросу иначе. Ни одна коммунистическая партия никогда не брала на себя обязательства перепечатывать, распространять и пропагандировать чуждые делу социализма клеветнические материалы. От кого бы такие материалы ни исходили, они помогают толь-

ко реакционным кругам империализма в их борьбе против мирового социализма.

Перепечатка статей, в которых нашей партии, нашей стране приписывается «сговор с американским империализмом», «измена революции», «реставрация» капиталистических порядков, не привела бы ни к чему другому, кроме подрыва в нашем народе чувства дружбы и братства с Компартией Китая и китайским народом, которые, конечно, не могут нести ответственности за нынешние действия своих руководителей. Помещая одну за другой такие статьи, советская печать была бы вынуждена отвечать на каждую из них. Тем самым полемика с китайским руководством стала бы основным содержанием всей идеологической жизни в нашей стране. А это значило бы отвлечь внимание партии и народа от главных задач — от задач коммунистического строительства, борьбы против империализма, помощи революционному рабочему и национально-освободительному движению. Ясно, что на это наша партия не пойдет.

Должны еще раз констатировать, что все ваши помыслы направлены на дальнейшее обострение полемики, на усиление фракционной деятельности, на отказ от коллективных методов обсуждения проблем, возникших перед коммунистическим движением. По всем вопросам, волнующим коммунистов мира, ЦК КПК занял позицию, идущую вразрез с общими интересами нашего движения, с интересами укрепления единства его рядов.

В этом свете полностью противоречат фактам слова о том, что ЦК КПК «неизменно стоит на позиции отстаивания сплоченности и борьбы против раскола», что он прилагает «неослабные усилия для устранения разногласий». Борьба за единство в нынешних условиях, как никогда, требует практических конструктивных действий. Однако ваши действия направлены на то, чтобы всеми силами и средствами затруднить преодоление разногласий и обострить обстановку. Негативный подход, которым пронизано все письмо ЦК КПК от 7 мая, полное нежелание пойти навстречу инициативе братских партий могут иметь только одно объяснение: китайские руководители не желают считаться с мнением и интересами подавляющего большинства коммунистических партий, ведут против них ожесточенную борьбу, преднамеренно добиваясь раскола коммунистического движения.

Для всех участников коммунистического движения ясно, что, откладывая на отдаленный срок международное Совецание, ЦК КПК рассчитывает за это время увеличить число своих сторонников, сделать их послушным орудием своей политики и таким образом попытаться создать для себя благоприятные условия на будущем Совецании. Не надо быть пророком, чтобы предсказать полный провал этих расчетов. У нас нет никаких сомнений в том, что, чем дальше, тем больше жизнь будет доказывать несостоятельность идейно-политической платформы и тактической линии, навязываемых руководителями КПК международному коммунистическому движению. Все более будут выявляться неблагоприятные цели, которые преследует китайское руководство, и раскрываться глаза у тех, кто был временно введен им в заблуждение. Разумеется, рас-

кольниковская деятельность ЦК КПК может нанести и уже наносит ущерб коммунистическому движению, и в особенности тем его отрядам, которые в сложных условиях капиталистических стран ведут борьбу за дело рабочего класса, против империалистической реакции. Но каждый шаг вперед в борьбе рабочего класса, каждый новый успех в развитии мировой социалистической системы будет наносить удар по ошибочным, оторванным от реальной действительности установкам китайского руководства, будет доказывать правоту и жизненность ленинского курса коммунистического движения.

В своем письме ЦК КПК затрагивает некоторые вопросы идейно-политических разногласий с КПСС и другими марксистско-ленинскими партиями. Наша партия уже не раз излагала свои позиции по этим проблемам. Поэтому мы не считаем нужным снова останавливаться на них в этом письме, тем более что ничего нового в ваших нападках не содержится. Вы уже давно пробавляетесь грубой бранью и наклеиванием ярлыков, подменяя этим добросовестное обсуждение вопросов, по которым у ЦК КПК есть особое мнение. ЦК КПСС решительно отмечает как явную клевету ваши безответственные утверждения о том, что КПСС якобы «всеми фибрами души стремится к союзу с американским империализмом», «выступает против национально-освободительного движения, против пролетарской революции», «замышляет крупный заговор — открытый раскол социалистического лагеря и международного коммунистического движения». Такие заявления лишь дискредитируют их авторов, тех, кто позволяет себе выступать с подобными злобными нападениями на первую страну победившего социализма, несущую главную тяжесть борьбы империализмом. На кого рассчитаны эти нелепые измышления? Неужели вы всерьез надеетесь найти простаков, которые поверили бы подобной клевете? Действительный смысл ваших утверждений состоит и том, что вы хотите ввести в заблуждение народные массы Китая, настроить их против советского народа — друга и брата китайских рабочих и крестьян. Все это только на руку империалистической реакции, которая спит и видит, как бы разобщить народы социалистических стран, посеять вражду между ними, столкнуть их друг с другом.

Подобными приемами вы стремитесь затемнить подлинную суть разногласий, которые действительно имеются у вас с нынешней политической линией международного коммунистического движения. Марксисты-ленинцы всего мира уже давно поняли, что китайские руководители разошлись с коммунистическим движением в таких коренных, жизненно важных проблемах, как вопросы о войне и мире, о мирном сосуществовании государств с различным общественным строем, о формах осуществления социалистической революции, о роли и путях развития национально-освободительного движения, о борьбе с идеологией и практикой культа личности и методах строительства социализма и коммунизма.

На всех перекрестках вы твердите, что являетесь непримиримыми противниками идеи XX съезда КПСС. Напрасно гордитесь этим, товарищи! Ведь это больше всего выдает вас как людей, которые стоят сегодня на отсталых позициях, давно отвергнутых жизнью, практикой всего мирового освободительного движения. XX съезд КПСС, по призна-

нию всего международного коммунистического движения, — и это закреплено в Декларации и Заявлении, — положил начало новому этапу в развитии нашего движения. Он стал символом творческого духа ленинизма, новой линии всего мирового коммунистического движения, символом поворота от идеологии и практики культа личности Сталина к ленинским принципам и нормам.

Именно этот поворот заложил предпосылки для новых успехов в борьбе против империализма, за мир и социализм, для роста авторитета и влияния мирового коммунистического движения, для его перехода в новое наступление на силы реакции и войны. Ожесточенные нападки на решения XX и XXII съездов КПСС, на положения и установки, закрепленные в Декларации и Заявлении, — это не что иное, как реакция консервативных сил в коммунистическом движении на творческий марксизм-ленинизм современной эпохи.

Вы, видимо, даже не замечаете, насколько само письмо ЦК КПК от 7 мая принизано идеологией культа личности. Ваше демонстративное пренебрежение к воле братских партии, ваше неприкрытое стремление уклониться от коллективного обсуждения возникших проблем, ваши методы ведения полемики путем нагромождения всякого рода политических инсинуации, самых фантастических обвинений, нетерпимость и озлобленность в отношениях с товарищами по общей борьбе — все это несет на себе неизгладимую печать практики культа личности.

Свой отход от общей линии коммунистического движения ЦК КПК пытается прикрыть священным для всех коммунистов флагом революции и борьбы против империализма. Но подлинную цену этой «революционности» показывают практические дела руководства КПК, вся его деятельность, направленная на разобщение революционных сил современности. В последнее время, например, стало особенно очевидным, какой смысл вкладывают руководители КПК в свою пресловутую теорию так называемой «промежуточной зоны», куда, наряду с Китаем, зачислены империалисты Японии, ФРГ, Франции и Англии. Насколько империалисты радуются проявлениям раскола в коммунистическом движении, в социалистическом лагере, заметно по их попыткам найти какие-то пути сближения с теми, кто вызывает к жизни такой раскол. Обратили ли руководители КПК внимание на то, что именно теперь, когда китайская пропаганда больше всего шумит о «революции» и «борьбе с империализмом», правящие круги этих держав проявляют особую готовность завязать более тесные отношения с Пекином. Да и американские империалисты, как об этом свидетельствуют многие заявления официальных лиц США, констатируют, что, несмотря на воинственный тон китайской пропаганды, Китай ведет себя «умеренно» и что поэтому Соединенным Штатам следует «держат дверь открытой» для возможного изменения отношений с Китаем.

Марксистам-ленинцам всего мира сегодня становится все более ясным, что «левые» 4)разы в устах лидеров КПК — всего лишь прикрытие великодержавных замыслов и гегемонизма, которые все более явно проявляются в их практических действиях на международной арене и в коммунистическом движении. Мы хотели бы предостеречь вас, товари-

щи, что путь, на который вы встаете, — это чрезвычайно опасный путь, это игра судьбами народа Китая, его революционными завоеваниями.

Вы пытаетесь изобразить критику ваших антиленинских взглядов и позиций как «аитикитайскую кампанию». Вам прекрасно известно, что во всех документах нашей партии особо подчеркиваются самые дружеские чувства советских коммунистов к китайскому народу, которому мы оказывали и впредь готовы оказывать всемерную помощь в строительстве социализма. ЦК КПСС не занимается разжиганием в своем народе недоверия, враждебных чувств к Китаю, к его великому народу, как и к народам всех других стран.

Именно потому, что мы дорожим дружбой советского и китайского народов, единством Коммунистической партии Советского Союза и Коммунистической партии Китая, интересами сплоченности всего мирового освободительного движения, мы не ослабляем усилий для нормализации отношения с КПК, несмотря на то, что китайское руководство все более откровенно демонстрирует свое нежелание улучшать эти отношения. Наши долготерпение и выдержка объясняются тем, что мы верны ленинским принципам интернационализма, смотрим в завтрашний день и верим в конечное торжество этих принципов в социалистическом содружестве и коммунистическом движении.

Мы вновь подтверждаем свою позицию в отношении необходимости созыва международного Совещания коммунистических и рабочих партий как надежного и проверенного метода обеспечения единства марксистско-ленинских партий. Мы предлагаем уже в ближайшее время условиться в принципе о том, что Совещание должно быть создано и что его не следует надолго откладывать, а по вопросу о конкретных его сроках, равно как о его повестке дня и составе, договориться в ходе дальнейших консультаций с братскими партиями.

ЦК КПСС считает, что на проведении подготовительного Совещания следовало бы сосредоточить на данном этапе главные усилия. Мы вновь подтверждаем свое предложение о том, чтобы подготовительное Совещание было создано в составе представителей 26 партий, утвержденных международным Совещанием компартии в качестве членов Редакционной комиссии в 1960 г. и представляющих интересы коммунистов всех основных районов мира. О конкретном сроке созыва этого Совещания считаем необходимым договориться с братскими партиями уже в самое ближайшее время.

ЦК КПСС по-прежнему выражает готовность провести двустороннюю встречу представителей КПСС и КПК в любой срок, о котором будет достигнута договоренность. Этот вопрос может быть решен в любое время по соглашению между КПСС и КПК.

Коллективный метод рассмотрения проблем коммунистического движения — это в настоящее время единственно верный, признанный всеми компартиями метод. Поэтому нельзя какой-либо партии, не порывая с интернационализмом, препятствовать созыву Совещания или единолично диктовать свои условия его проведения. Все партии равноправны и на демократических принципах, вытекающих из Декларации и Заявления, совместно решают вопросы, касающиеся всего нашего движения.

В заключение ЦК КПСС считает необходимым подчеркнуть, что Коммунистическая партия Советского Союза твердо будет идти ленинским курсом, намеченным ее XX и XXII съездами, последовательно проводить генеральную линию мирового коммунистического движения, выраженную в Декларации 1957 г. и Заявлении 1960 г. Перед нашей партией, перед всем советским народом стоит всемирно-историческая задача — построить коммунистическое общество. Вместе со всеми миролюбивыми силами мы несем ответственность за предотвращение мировой термоядерной войны, за победу дела мира, демократии, национальной независимости и социализма. Мы не пожалеем усилий в борьбе за решение этих великих задач современности.

С этих позиций мы подходим и к делу преодоления трудностей в мировом коммунистическом движении, укрепления единства его рядов. Интересы мирового коммунизма для нас превыше всего, и мы руководствуемся ими в своих отношениях с Компартией Китая, как и с любой другой партией.

ЦК КПСС хотел бы надеяться, что Центральный Комитет КПК со всей серьезностью отнесется к выдвинутому в этом письме предложению, еще раз взвесит все возможные последствия занятых им позиции и со своей стороны предпримет шаги, направленные не к расколу, а к сплочению со всеми марксистско-ленинскими партиями.

С братским приветом

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ
СОВЕТСКОГО СОЮЗА

15 июня 1964 г.

№ 17

ПИСЬМО Г.К. ЖУКОВА В ПРЕЗИДИУМ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА КПСС *

«___» марта 1965 г. **

Секретно

Прошло более семи лет после октябрьского Пленума ЦК КПСС 1957 года¹, на котором я был исключен из состава Президиума ЦК и членов ЦК КПСС.

А за что? Ясно было тогда, а теперь, тем более, что я оказался нежелательным человеком для Хрущева, который уже тогда держал курс на

* В марте 1965 г. бывший министр обороны СССР маршал Г.К. Жуков направил новому руководству партии и страны письмо с просьбой о политической реабилитации после состоявшегося 26 октября 1957 г. Президиума, а 28 — 29 октября — Пленума ЦК КПСС, где Жукова освободили от обязанностей министра обороны и вывели из состава Президиума ЦК и ЦК КПСС.

Маршал обвинялся прежде всего :

личную диктатуру в руководстве партией и государством, в чем он не мог рассчитывать на мою поддержку.

Для того чтобы убрать меня со своего пути, нужен был повод, и он был найден в некоторых моих ошибках по руководству Вооруженными Силами, которые (эти ошибки) при нормальном подходе могли быть устранены в текущем порядке.

Спрашивается — зачем надо было меня так дискредитировать и чернить мою многолетнюю работу в армии и в партии? Разве я не такой же преданный член партии и сын своего народа, как и другие?

Как известно, вся моя работа проходила под руководством и контролем партии, по заданиям партии, во имя народа и Родины.

Пошел 47-й год моего пребывания в партии, в рядах которой я всегда непоколебимо боролся за генеральную линию партии. Никакими иными чувствами, кроме безграничной любви к Родине, к партии, советскому народу я не руководствовался, когда отдавал все свои силы в строительстве Вооруженных Сил и в борьбе с врагами нашей Родины.

Естественно, в практической работе каждого человека могут быть те или иные ошибки. Были они и у меня.

Но разве такими методами их исправляют?

Мало того, что меня вывели из состава ЦК и Президиума ЦК, вопреки решению Пленума о предоставлении работы, меня уволили в отставку²,

I. В попытке вывода Вооруженных Сил из-под контроля ЦК КПСС (действия по ликвидации Высшего Военного Совета; ограничение функций Военных Советов; запрещение обращения военных коммунистов в ЦК; сокращение политорганов в армии и на флоте; запрещение Главному политическому управлению информировать ЦК о состоянии деятельности войск и пр.).

II. В присвоении функций ЦК (регламентирование деятельности армейских партийных органов в приказе № 0090 «О состоянии воинской дисциплины в Советской Армии и Военно-морском флоте и мерах по ее укреплению», принятом без ведома ЦК КПСС).

III. В сосредоточении в руках Министерства обороны необъятной власти с целью установления диктатуры (посягательство на пограничные войска КГБ и внутренние войска МВД; создание разведшколы без санкции ЦК).

Принявший постановление октябрьского Пленума 1957 г. «как коммунист», Г.К. Жуков, тем не менее, был не согласен с предъявленными ему обвинениями, считая, что сделанные им на посту министра обороны ошибки, неадекватны возложенному на него наказанию. Главными виновниками своего снятия маршал считал Первого секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущева, который «уже тогда держал курс на личную диктатуру в руководстве партией и государством», и своего заместителя Р.Я. Малиновского, ставшего затем министром обороны.

Особый интерес в письме Г.К. Жукова представляет упоминание о звонке Н.С. Хрущева опальному маршалу с предложением о дальнейшем сотрудничестве летом 1964 г., незадолго до снятия Первого секретаря ЦК КПСС со своего поста.

Письмо Г.К. Жукова в Президиум ЦК КПСС является одним из немногочисленных документов, позволяющих выяснить истинное отношение министра обороны к своей отставке на октябрьском Пленуме ЦК КПСС 1957 г. Документ находится в личном фонде Маршала Советского Союза ССР Г.К. Жукова в Российском Государственном Военном Архиве (РГВА).

^{**}Точная дата не установлена.

хотя я еще был полон сил и мог приносить Родине пользу. Меня подвергли всеобщему ostracismu. Больше года не давали мне возможности посещать партсобрания парторганизации, где я состоял на учете.

В течение семи лет я не был приглашен ни на один партактив, ни на одно торжественное заседание, посвященное Вооруженным Силам, ни на один парад или демонстрацию. Всюду был закрыт доступ. На мои вопросы о причинах следовал неизменный ответ: «Нет в списках».

Иначе говоря, меня превратили в политического мертвеца³. После, октябрьского Пленума 1957 года широким фронтом началось охаивание в моей военной деятельности, чем особенно увлекались отдельные военные³. Каких только грехов не приписывали мне, зная наперед, что я лишен возможности дать отпор. Увлечение таким опорачиванием моей деятельности нередко выходило за рамки личности и наносило ущерб престижу советского военного искусства. Не трудно понять, как злорадствовали по поводу этого наши противники.

Какими нервами я должен был обладать, чтобы читать и слышать по радио о той клевете, которая возводилась на меня?

И все же меня поддерживала вера в то, что так могут поносить меня лишь единицы, ничтожная доля людей.

Разве не является вопиющим нарушением устава КПСС тот факт, что я, находясь за пределами Родины, был лишен возможности присутствовать на активах, где обсуждалась моя работа, мое поведение, где формировалось крайне отрицательное мнение обо мне⁴. На Пленуме ЦК резолюция обо мне также принималась в моем отсутствии, и я не имел возможности сказать слова в свою защиту.

Наряду с правильными замечаниями в мой адрес, мне предъявили обвинение в нелояльном отношении к Хрущеву на том основании, что я не рекомендовал маршалам Гречко⁵ и Захарову⁶ устраивать Хрущеву встречи, не предусмотренные нашими воинскими уставами (тогда Хрущев еще не был главой Правительства⁷). Хрущеву это не понравилось, так как он стал привыкать к pompезным встречам, устраиваемым ему в других местах, к чему он скоро почувствовал вкус и принимал все это как должное.

На Пленуме Хрущев заявил, что ему в Хабаровске в 1955 году⁸ Малиновский⁹ сказал по секрету: «Берегитесь Жукова, это растущий Бонапарт, он опасный человек, ни перед чем не остановится».

Кто же мог всерьез признать меня за авантюриста, за бонапартиста? Я долго думал, на каком основании Малиновский сделал такое провокационное заявление?

До сих пор меня не оставляет мысль, что им руководили сугубо личные соображения.

И это не первый случай принесения меня в жертву провокации. В 1945 году Берия¹⁰ и Абакумов¹¹ доложили Сталину¹² сфабрикованное на меня дело «о нелояльном отношении маршала Жукова к Сталину». И тогда не захотели объективно и глубоко разобраться в клевете. Я был выведен из состава ЦК, снят с должности Главкома сухопутных войск и послан командовать округом. Лишь спустя 7 лет выяснилось, что это была преднамеренная клевета со стороны карьеристов и предателей¹³.

Летом 1964 года мне позвонил Хрущев.. В процессе разговора об октябрьском Пленуме 1957 года, он сказал: «Знаешь, мне тогда трудно было разобраться, что у тебя было в голове, но ко мне приходили говорили: «Жуков опасный человек, он игнорирует тебя, в любой момент он может сделать все, что захочет. Слишком велик его авторитет в армии, видимо, «корона Эйзенхауэра»¹⁴ не дает ему покоя».

Я ответил: «Как же можно было решать судьбу человека на основании таких домыслов?»

Хрущев сказал: «Сейчас я крепко занят. Вернусь с отдыха — встретимся и по-дружески поговорим»¹⁵.

Не знаю, какова степень искренности приведенных слов Хрущева, так как мне известно, что он непосредственно перед октябрьским Пленумом ЦК 1957 года лично занимался индивидуальной обработкой некоторых военных, прежде чем вынести вопрос на Пленум.

Я долго молчал, но дело дошло до того, что мои воспоминания к 20-й годовщине Победы над фашистской Германией отказались печатать под предлогом, что, якобы, имеется указание печатать мои статьи преждевременно.

Считаю, что за 46-летнюю работу в партии и активное участие в четырех войнах по защите Родины, я не заслужил такого к себе отношения.

Прошу исправить допущенную ко мне несправедливость и дать возможность принимать активное участие в общественной и партийной жизни страны.

Член КПСС с 1.3.1919 года

Г.К. Жуков.

РГВА. Ф. 41107, Оп. 2, Д. 3, Л. 24-28. Машинописная копия.

¹ Имеется ввиду пленум ЦК КПСС «Об улучшении партийно-политической работы в Советской Армии и Флоте», состоявшийся 28-29 октября 1957 г.

² Г.К. ЖУКОВ был уволен в отставку Постановлением Совета Министров СССР от 27 февраля 1958 г. на основании которого 4 марта 1958 г. министр обороны СССР издал приказ № 51. (РГВА. Ф. 41107. Оп.1. Д. 173. Л. 1,2.)

³ ПО ПОВОДУ искажения своей деятельности в официальной пропаганде, Г.К. Жуков неоднократно обращался в Президиум ЦК КПСС (См.: Маршал Г. К. Жуков: «Печать порочит мою деятельность» // Источник. — 1993. — № 5-6. — С. 153-156.; Письмо маршала Советского Союза Жукова Г.К. Первому секретарю ЦК КПСС товарищу Н.С. Хрущёву, члену Президиума ЦК КПСС А.И. Микояну от 27 февраля 1964 г. // Прибытков В. Аппарат. — Спб, 1995. — С. 112-115. и др.)

⁴ 19 ОКТЯБРЯ 1957 г., во время пребывания Г.К. Жукова с официальным дружеским визитом в Югославии и Албании, Президиум ЦК КПСС обсудил вопросы о состоянии партийно-политической работы в Вооружённых Силах и принял постановление «Об улучшении партийно-политической работы в Советской Армии и Флоте». Постановление дало высокую оценку Вооружённым Силам СССР, но крайне низко оценило уровень партполитработы в армии, не назвав конкретных виновников сложившейся ситуации. (ЦХСД. Ф. 2. Оп. 1. Д. 265. Л. 74)

В течении 22 — 23 октября 1957 г. в 14-ти военных округах в присутствии более 12 тысяч руководящих командиров и политработников прошли партактивы. Присутствующие единодушно одобрили постановление от 19 октября 1957 г.

Сведения о проведении партактивов Г.К. Жуков по секретным каналам получил, предположительно, 24 октября от начальника ГРУ Штеменко. Ознакомившись с этим сообщением министр обороны принял решение вернуться 26 октября в Москву и распорядился подготовить для него, по прибытии на аэродром, ряд информационных материалов, позволяющих сделать вывод обо всём произошедшем в его отсутствие и касающемся Вооружённых Сил (Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 261. Л. 38).

⁵ ГРЕЧКО А.А. (1903-1976) — кандидат в члены ЦК КПСС, в 1945-1953 гг. командующий войсками Киевского военного округа, с 1953 г. главнокомандующий Группой советских войск в Германии, в 1957—1967 гг. первый заместитель министра обороны СССР, одновременно Главнокомандующий Сухопутными войсками.

⁶ ЗАХАРОВ М.В. (1898-1972) Маршал Советского Союза, дважды Герой Советского Союза, в 1953-1957 гг. — командующий войсками Ленинградского Военного округа, с 1957 г. — главнокомандующий Группой Советских войск в Германии, член ЦК КПСС с 1961 г.

⁷ ХРУЩЕВ занял пост Председателя Совета Министров СССР в 1958 г.

⁸ ДАННЫХ о поездке Н.С. Хрущёва в 1955 г. в Хабаровск нет. Возможно, речь идёт о посещении Н.С. Хрущёвым и Н.А. Булганиным Дальнего Востока в октябре 1954 г., предпринятом по окончании официального визита в КНР.

⁹ МАЛИНОВСКИЙ Р.Я. (1898-1967) — Маршал Советского Союза, дважды Герой Советского Союза, в 1947-56 гг. главнокомандующий войсками Дальневосточного военного округа, в 1956-57 гг. — главнокомандующий Сухопутными войсками, в 1957-1967 гг. — министр обороны СССР. Член ЦК КПСС в 1956-67 гг.

¹⁰ БЕРИЯ Л.П. (1899-1953) — член Политбюро (Президиума) ЦК ВКП(б) — КПСС в 1946-1953 гг., нарком (министр) внутренних дел СССР в 1938-1945 гг. и в марте-июне 1953 г., одновременно в 1941—1946 гг. заместитель председателя Совнаркома СССР, а в 1946-1953 гг. заместитель, затем первый заместитель председателя Совета Министров СССР, маршал Советского Союза.

¹¹ АБАКУМОВ В.С. (1908-1954) — генерал-полковник, в 1946-1952 гг. — министр Государственной Безопасности СССР.

¹² СТАЛИН (ДЖУГАШВИЛИ) И.В. (1879-1953) — член партии большевиков с 1898, с 1922 г. — генеральный секретарь ЦК ВКП(б), 1941 г. — председатель Совета Народных Комиссаров (Совета Министров СССР) и Государственного Комитета Обороны, нарком обороны, верховный главнокомандующий, генералиссимус СССР.

¹³ РЕЧЬ ИДЕТ о так называемом деле Жукова, сфабрикованном МГБ СССР в 1946 г. В июне 1946 г. Г.К. Жуков был обвинён в принижении роли Верховного Главнокомандующего, сплочении вокруг себя «провалившихся и отстранённых от работы-начальников», противопоставлении себя командованию Советской Армии, а затем освобождён от должности главнокомандующего Сухопутными войсками и заместителя Вооружённых Сил и назначен командующим Одесским военным округом. В январе — феврале 1947 г. Г.К. Жуков выведен из числа кандидатов в члены ЦК ВКП(б) и переведён командующим Уральского военного округа. Были арестованы и репрессированы генералы так или иначе связанные с Жуковым: В.Н. Гордов, Г.И. Кулик, Ф.Т. Рыбальченко, В.В. Телегин и др.

¹⁴ ЭЙЗЕНХАУР Д.Д. (1890-1969) — генерал армии, с декабря 1943 г. — верховный главнокомандующий экспедиционными войсками союзников в Западной Европе, в 1953-61 гг. президент США от республиканской партии.

¹⁵ В беседе с журналистом Н.А. Светлишиным, Г.К. Жуков несколько иначе вспоминал о телефонном разговоре с Н.С. Хрущёвым летом 1964 г.: «В конце августа 1964 года на дачу мне позвонил Хрущев. Справившись о моем здоровье и настроении, он затем спросил, чем я занимаюсь. Я ответил, что пишу

воспоминания. «Ну и как далеко продвинулось это дело?» — поинтересовался Хрущев. Я сказал, что в принципе работа идет к концу, что уже готова рукопись объемом около 1000 страниц, но она нуждается в тщательном редактировании. «Это очень интересно, — с оживлением заметил Хрущев и добавил: — У тебя есть о чем поведать людям, важно только рассказать всю правду о минувшей войне». На это его пожелание я ответил, что в своей работе над мемуарами строго руководствуюсь двумя принципиальными положениями: во-первых, я считаю, что величие подвига нашего народа в войне против фашизма невозможно осмыслить без полной правды об этой войне; во-вторых, я убежден в том, что на легендах и мифах можно воспитать только бездушных фанатиков. Истинных же патриотов можно воспитать лишь исторической правдой. Как бы тяжела и подчас горька она ни была. Полуправда хуже лжи. Хрущев был полностью согласен со мной. После небольшой паузы он неожиданно заявил буквально следующее: «Досадно, но должен со всей откровенностью признаться, что в октябре 1957 года по отношению к тебе была допущена большая несправедливость, и в том, что тогда произошло, я тоже виноват. Оговорили тебя, а я поверил. Теперь мне ясно, что эту сшибку надо исправлять. На днях я еду на юг отдыхать. Как только вернусь в Москву, то сразу же займусь этим делом и, надеюсь, все поправим...» На эти его слова в шутовском тоне ответил: «Вы, Никита Сергеевич, — человек власть имущий, и вам виднее, как лучше поступить». Видимо, мой шутовской тон ему не понравился. На этом мы с ним попрощались...» (Светлишин Н.А. Крутые ступени судьбы: Жизнь и ратные подвиги маршала Г.К. Жукова. — Хабаровск, 1992. — С. 245-246).

СПРАВОЧНЫЙ МАТЕРИАЛ

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абакумов 681, 682
Аденауэр 186, 627
Айдит 372, 379, 386, 387,
388, 389, 598
Александр I 35
Али Сабри 1 424
Алигер 657, 666, 667
Амер 390, 404, 405, 414,
417, 418, 419, 423, 432, 434,
441, 449
Андреева 349
Андрес 204, 494
Андропов 3, 95, 96, 253, 259,
275, 297, 316, 388, 638, 647,
648
Антонеску 297, 310
Антонов-Овсеенко 106, 109, 112
Апро 261, 639, 640, 641, 644
Ареф 411, 413, 414, 415, 416,
417, 432
Ас-Саяль 413, 445
Аун Сан 340, 349, 355
Аурангзеб 339
Ахмед Фауд II 431, 445
Ахтырский 28
- Бабаджанян 639
Багдаш Халед 398, 399, 400,
401, 402, 432
Багиров 659
Бажан 99, 200, 489, 490
Балуку Бекир 96, 133, 135, 140
Бандера 202, 203, 248, 492, 561
Барак 285, 296
Барре 458
Бекр 432
Белишева 95, 96
Бен Белла 411, 412, 413, 414,
415, 416, 417, 432, 452, 453, 457
Бен-Гурион 269
Бенеш 285, 296
Берия 12, 24, 72, 101, 135,
148, 213, 251, 288, 406, 462,
464, 499, 511, 543, 554, 579,
586, 587, 617, 627, 635, 636,
653, 654, 659, 681, 683
- Берман 213, 218, 222, 231,
232, 233, 236, 499, 505, 512,
513, 556, 557, 560, 564, 571, 575
Берут 3, 4, 8, 105, 207, 210,
213, 214, 215, 216, 217, 218,
222, 223, 224, 225, 228, 229,
230, 231, 232, 236, 237, 240,
277, 496, 499, 500, 501, 502,
504, 505, 506, 507, 508, 509,
512, 513, 514, 515, 516, 518,
521, 540, 551, 555, 556, 557,
560, 563, 564, 567, 568, 569,
570, 572, 573, 575, 576, 578,
580, 581, 582, 585, 586, 587,
588, 589, 591, 595, 596, 598
Бещев 651
Бибо 641
Блюхер 614
Боднэраш 274, 302, 304, 315
Бонапарт 681
Боровский 191, 482
Боссе 191, 277, 481
Брежнев 456, 618, 645, 647
Булганин 41, 42, 59, 205, 206,
207, 209, 211, 212, 235, 284,
317, 321, 326, 327, 333, 343,
344, 345, 353, 355, 373, 393,
426, 466, 502, 503, 517, 540,
541, 542, 545, 546, 547, 548,
579, 600, 602, 627, 628, 631,
632, 635, 636, 645, 646, 650,
652, 653, 654, 661, 662, 682
Бумедьен 452, 453, 457
Бур-Коморовский 220, 221, 550,
551
Бухарин 108, 572
- Вальков 167
Ван Мин 29, 32, 100, 101
Василевская 8, 198, 199, 200,
201, 203, 204, 207, 218, 225,
226, 488, 494, 495, 498, 499,
500, 509, 510, 513, 514, 541,
545, 564, 567, 568
Ватутин 280, 541, 594, 617,
618, 634

Вельман 276
Винцер 186, 191
Витас 209, 210, 496, 540, 546
Ворошилов 125, 126, 146, 288,
290, 296, 300, 301, 354, 355,
368, 572, 573, 645, 646, 648,
650, 655, 659, 661
Вукманович 123, 139, 151, 152,
165, 166, 628

Галеб 400, 409, 410, 432, 434
Гальдер 635
Ганди 317, 320, 327, 328, 330,
334, 336, 345, 360
Гао Ган 28, 31, 33, 34, 35, 58
Генефельд 481
Георгиу-Деж 298, 315
Герек 248
Герхардсен 478
Герэ 3, 49, 53, 251, 252, 267,
646, 647
Гитлер 9, 29, 35, 82, 149, 168,
172, 196, 198, 204, 212, 215,
240, 277, 279, 287, 291, 297,
298, 398, 438, 464, 474, 475,
485, 486, 488, 493, 494, 503,
527, 536, 537, 538, 543, 547,
551, 553, 559, 565, 569, 585
Голиков 196, 486
Гомулка 3, 4, 52, 55, 80, 162,
164, 200, 203, 216, 217, 218,
219, 221, 222, 223, 227, 228,
229, 230, 231, 232, 233, 234,
235, 236, 237, 238, 239, 240,
241, 242, 243, 244, 245, 246,
248, 253, 256, 258, 273, 274,
396, 492, 493, 499, 501, 502,
504, 505, 506, 509, 510, 511,
512, 513, 514, 516, 517, 518,
519, 520, 521, 523, 524, 525,
526, 528, 529, 537, 538, 556,
557, 558, 559, 560, 561, 562,
563, 564, 565, 566, 567, 568,
569, 570, 575, 576, 578, 579,
580, 581, 584, 585, 586, 587,
588, 589, 592, 603
Гордов 683
Гостинская 508, 549

Готвальд 278, 279, 281, 282,
283, 284, 286, 287, 289, 295,
473, 474
Гречко 314, 315, 410, 429, 432,
441, 626, 680, 682
Грибоедов 362
Григорьев 634
Гроза 299, 300, 301, 315
Громыко 180, 371, 385, 411, 412,
628, 659
Гроттеволь 580
Гхош 83, 86, 111

Даллес 13, 116, 153, 404, 441,
442, 443, 447, 605
Дауд 351, 368
Даян 436
Де Голль 26, 168, 319, 449
Демченко 282, 296, 537
Десай 326, 329, 330, 331, 339
Джилас 124, 140, 141, 142
Джонсон 15, 19
Дзержинский 193, 484, 527, 544
Димитров 159
Доби 267, 275, 644, 648
Добрынин 611, 617
Донат 644
Дудинцев 657
Дэн Сяопин 50, 53, 54, 58, 74,
104, 254

Ежов 148, 195, 288, 535, 573, 574
Елютин 646
Епишев 167
Ершов 432

Жадов 495
Желтов 299, 315, 547
Живков 256
Жимерский Роля 207, 209, 210,
216, 495, 496, 499, 501, 502,
540, 546, 554
Жуков 25, 77, 78, 463, 472,
617, 618, 631, 642, 643, 645,
646, 649, 650, 660, 679, 681,
682, 683

Завадский 200, 231, 232, 233,

- 236, 238, 248, 515, 520, 538,
574, 575, 580, 585
Завенягин 278
Задонченко 535
Замбровский 229, 230, 231,
233, 240, 512, 513, 514, 521,
564, 565, 570, 571, 575, 585
Замчевский 167
Запотоцкий 284, 285, 287, 296
Засулич 622
Засядько 71, 83
Захаров 278, 279, 301, 680, 682
Зиновьев 106, 107, 108, 112,
567, 572, 616
Золтан 644
- Ибаррури 116, 122, 136
Иванов 104, 110, 126, 253, 264,
280, 319, 553, 583
Игнатов 613
Иден 269, 270, 319, 393, 394,
395, 396, 600, 601, 602, 603
Итон 93, 111
- Каганович 4, 288, 290, 531,
532, 533, 571, 572, 573, 594,
645, 650, 652, 653, 656, 661,
662, 663, 664
Кадар 3, 53, 251, 252, 259,
260, 261, 262, 266, 267, 268,
270, 271, 272, 273, 275, 479,
638, 639, 640, 641, 644, 645,
646, 647, 648, 660
Казакевич 657
Казаков 264, 275
Каламар 640, 641
Калинин 104, 594
Каменев 106, 107, 108, 112, 572
Кан Шен 254
Кардель 56, 80, 124, 140, 141,
142, 144, 149, 628, 641, 644,
645, 646, 648
Карл XII 34, 53, 440
Кармен 349
Касем 399, 400, 403, 432, 443,
604
Кастро 609
Качалов 634
- Кемаль-Паша 659
Кеннеди 14, 15, 180, 186, 475,
476, 608
Керзон 197, 208, 487, 503, 543
Кир 93, 111
Киров 60, 109, 188, 345, 348,
375, 379, 474, 532, 567, 609,
641, 658
Кислова 349
Климовских 634
Ковач 638, 649
Козловский 24, 462, 464
Конев 186, 238, 239, 255, 259,
291, 476, 477, 495, 519, 520,
579, 581, 582, 638, 639
Константин Павлович
(Великий князь) 236, 579
Корнейчук 199, 200, 203, 217,
218, 489, 490, 492, 504, 559,
658
Косиор 109, 531, 532, 533, 534,
614
Костюшко 224, 506, 507
Косыгин 59, 81, 311, 564
Кочетов 658
Кочубей 34, 53
Кошш 639, 640, 641
Криницкий 193, 248, 483, 530,
531, 535
Кристо 140
Криштоф 644
Кругликова 556
Крыленко 109
Кузнецов 74, 92, 111
Кулик 683
Кумыкин 628
Кун 249, 250, 576
Кутузов 336
- Лаврентьев 167
Ле Зуан 118, 119, 120, 121, 122
Ленарт 288, 296
Ленин 45, 58, 59, 85, 93, 98,
101, 104, 106, 107, 109, 110,
152, 228, 245, 282, 285, 353,
360, 413, 422, 431, 448, 457,
483, 509, 511, 527, 528, 531,
538, 544, 583, 594, 597, 609, 619

- Лесечко 311, 316
 Ли Сын Ман 465, 466, 469
 Ллойд 393, 600, 602
 Лога-Совиньский 248
 Ломинадзе 108
 Лошонци 641, 644
 Лука 299, 300, 301, 303, 315
 Лукашевич 248, 531
 Лумумба 385
 Лю Шаоци 20, 33, 48, 50, 54, 58, 86, 103, 104, 108, 116, 254, 255, 595
- Мазепа 34, 53
 Малетер 638
 Малик 374, 389
 Малин 621, 646, 650
 Калинин 638
 Малиновский 467, 561, 679, 680, 681, 682
 Мальцев 656
 Мамсуров 639
 Манштейн 539
 Мао Цзэдун 338, 363, 364, 382, 388, 461, 462, 463, 464, 465, 467, 468, 469, 471, 472, 595, 596, 607, 621, 664, 665, 671
 Марков 384
 Маркс 327, 360, 413, 416, 457, 528, 597, 676, 677
 Марошан 641
 Масарик 277, 295
 Маурер 311, 313, 314, 316
 Махир-паша 431
 Махно 297
 Мезе 640
 Мендес 116, 122
 Менон 320, 324, 338
 Мерецков 441
 Миколайчик 220, 221, 222, 497, 550, 559, 560, 576
 Микоян 3, 4, 11, 23, 30, 41, 50, 126, 146, 161, 235, 240, 241, 253, 254, 264, 313, 319, 454, 461, 463, 517, 522, 573, 579, 583, 584, 628, 645, 647, 657, 660, 682,
 Миндсенти 270
- Минц 218, 219, 228, 229, 230, 231, 233, 372, 374, 505, 512, 513, 556, 557, 560, 564, 571, 575
 Михай, король Румынии 298, 299, 315
 Мицкевич 225, 242, 508, 523, 550
 Модибо Кейта 454
 Молле 269, 270, 395, 396, 601, 602, 603
 Молотов 4, 15, 16, 31, 32, 125, 126, 146, 202, 207, 208, 221, 256, 260, 264, 288, 290, 303, 304, 319, 393, 394, 438, 485, 503, 504, 527, 533, 536, 539, 542, 543, 559, 573, 593, 600, 601, 627, 633, 645, 646, 650, 652, 653, 654, 655, 656, 657, 658, 659, 660, 661, 662, 663, 664
 Москаленко 594
 Мусатов 646, 647
 Мухаммед 368, 456
 Мюних 251, 259, 260, 261, 265, 266, 644, 647, 660
- Нагиб 431
 Надь 638, 639, 640, 641, 643, 644, 645, 646, 647, 648
 Насутион 372, 373, 375, 386, 387
 Нахимов 336
 Не Вин 346, 347, 348, 349
 Неру 82, 83, 84, 85, 86, 294, 303, 317, 318, 320, 321, 322, 323, 324, 325, 326, 328, 329, 330, 331, 336, 337, 338, 345, 353, 354, 355, 357, 358, 359, 360, 365, 366, 371, 380, 427, 596
 Николай I 236, 262, 579, 612
 Нкрума 454
 Новотный 55, 80, 245, 256, 285, 286, 287, 288, 289, 290, 293, 296, 314, 316, 528, 594
 Нури Саид 442
- Осубка-Моравский 210, 211, 213, 215, 218, 222, 224, 495, 499, 501, 505, 508, 552, 554, 556, 562

Охаб 231, 232, 233, 234, 235,
236, 248, 514, 515, 516, 517,
518, 570, 574, 575, 576, 577,
578, 579, 580, 585

Павлов 634

Пастухов 276, 278

Паукер 299, 301, 303, 315

Паулюс 298, 539

Первухин 179, 645, 646, 648,
650, 662

Петерс 109, 112

Петр I 439

Пик 475

Пикассо 337

Пилсудский 192, 193, 194, 195,
207, 221, 222, 225, 248, 482,
483, 484, 485, 495, 508, 509,
528, 530, 531, 534, 535, 536,
540, 544, 559, 574

Подгорный 209, 546

Поиграц 644

Пономарев 3, 50, 54, 254, 388

Пономаренко 209, 496, 545

Поп 276

Попович 149, 165, 166, 167, 628

Поскребышев 250

Посохин 161, 167

Поспелов 573, 615, 620,
645, 646

Постышев 109, 532, 614

Прасад 320, 322, 324, 338

Прибытков 682

Прокофьев 658

Прутков 428

Пузанов 167

Пушкин 34

Пэн Дэхуай 105

Радек 108

Радхакришнан 320

Ракоши 646, 647, 660, 661

Рамзес I 421

Ранкович 56, 81, 144, 145, 165,
166, 258, 260, 275, 628, 645, 646

Реденс 193, 194, 484, 530

Рерих 332

Риббентроп 196, 198, 202, 207,

208, 221, 485, 488, 503, 504,
527, 536, 539, 542, 543, 559

Римский-Корсаков 317

Ронаи 644

Руденко 572, 573

Рузвельт 281

Рыбак 203, 492

Рыбальченко 683

Рыков 108, 572

Рындин 663

Сабуров 645, 646, 653, 662

Сверчевский 561

Светлишин 683

Свобода 280, 284, 285, 286,
294, 594

Серов 4, 201, 202, 323, 329,
339, 440, 491, 638

Сиклан 640

Симонов 657, 658

Скарбек 192, 193, 482, 483, 484,
530, 531, 534, 535

Скрипка 441

Сланский 283, 285, 289, 296

Смиртюков 652

Совиньский 229

Соколовский 206, 541

Спыхальский 52, 213, 229, 232,
248, 512, 513, 516

Сталин 2, 3, 4, 7, 8, 9, 10, 11,

12, 14, 15, 16, 21, 22, 23, 24,

25, 26, 29, 30, 31, 32, 33, 34,

35, 36, 37, 40, 41, 45, 46, 48,

49, 51, 52, 57, 58, 71, 73, 79,

98, 99, 100, 101, 102, 103, 104,

106, 107, 108, 109, 110, 113,

114, 115, 122, 123, 124, 125,

126, 127, 133, 135, 137, 140,

141, 142, 144, 145, 146, 148,

149, 150, 151, 153, 154, 155,

159, 162, 163, 168, 169, 171,

178, 183, 193, 194, 195, 196,

197, 198, 203, 204, 205, 206,

207, 208, 209, 212, 214, 216,

217, 218, 219, 220, 221, 222,

223, 224, 226, 227, 228, 229,

232, 237, 240, 241, 246, 249,

250, 251, 252, 254, 255, 270,

- 271, 272, 273, 274, 282, 283,
284, 286, 287, 288, 289, 290,
291, 294, 295, 297, 298, 300,
301, 302, 303, 305, 317, 318,
319, 320, 336, 339, 355, 362,
369, 370, 389, 431, 435, 438,
457, 461, 462, 463, 464, 465,
466, 467, 468, 472, 473, 474,
475, 483, 484, 485, 486, 487,
488, 493, 494, 495, 497, 498,
500, 502, 503, 504, 505, 506,
507, 509, 510, 511, 512, 513,
515, 516, 518, 519, 522, 523,
528, 530, 531, 532, 533, 534,
535, 537, 538, 539, 540, 541,
542, 543, 544, 545, 548, 549,
551, 555, 556, 558, 559, 560,
561, 562, 563, 564, 565, 566,
567, 568, 569, 570, 572, 573,
574, 575, 576, 577, 578, 580,
581, 583, 584, 585, 586, 592,
593, 594, 595, 603, 615, 616,
617, 620, 621, 622, 632, 633,
634, 635, 636, 637, 646, 654,
659, 663, 664, 665, 676, 681, 682
Страментов 213, 499
Субандрио 374, 375, 376, 389
Суворов 336
Сукарно 318, 369, 370, 371, 373,
374, 375, 376, 377, 378, 380,
381, 382, 383, 384, 385, 386,
387, 388, 598, 599
Сунь Ятсен 27, 54, 65
Суслов 4, 50, 54, 125, 126,
146, 253, 254, 264, 645, 646, 648
Сырцов 108
Сытин 381
- Талейран 26
Телегин 683
Тельман 475
Тильди 641
Тимошенко 196, 486
Тито 9, 21, 51, 123, 124, 127,
134, 135, 139, 140, 141, 142,
143, 144, 145, 146, 147, 149,
150, 151, 152, 153, 154, 157,
158, 159, 160, 161, 162, 164,
165, 227, 257, 258, 259, 260,
272, 318, 370, 379, 391, 392,
398, 400, 404, 474, 509, 510,
565, 566, 570, 599, 628, 631,
644, 645, 646, 660, 661
Тодорович 628
Толстой 317, 324, 326
Тольятти 154, 279
Трумэн 286
Түлейков 656
Туре 449
Туряница 280
- У Ба Све 341, 342, 349
У Ну 144, 280, 301, 339, 340,
341, 342, 343, 346, 347, 348, 349
У Пейфу 28
У Тан 435, 440, 447
Ульбрихт 172, 173, 174, 175,
178, 179, 180, 186, 187, 188,
190, 646
Ушаков 336
- Фам Ван Донг 115, 122
Фаркаш 251, 252
Фарук, король Египта 270, 389,
390, 431
Федин 658
Фейсал II 432
Фирлингер 281, 296
Фирибин 645, 647, 648
Франко 253, 561
Фролов 276
Фурманов 278, 295, 408, 432
- Хайле Селассисие I 455, 458
Хаммаршельд 647
Хасан II 458
Хмельницкий 199, 206, 489,
530, 542
Хо Ши Мин 113, 115, 116, 117,
118, 119, 120, 121, 122, 607
Ходжа 96, 116, 127, 129, 130,
133, 134, 135, 136, 137, 138, 140
Хорват 140, 648
Хрулев 205, 495
Хрущев 2, 3, 4, 10, 17, 22, 25,
32, 71, 76, 110, 111, 117, 136,

140, 143, 163, 168, 184, 195,
222, 230, 231, 238, 239, 263,
266, 270, 271, 273, 277, 289,
304, 312, 321, 337, 368, 378,
379, 381, 415, 423, 426, 440,
461, 462, 471, 472, 505, 514,
519, 520, 533, 535, 544, 548,
549, 570, 571, 572, 581, 587,
589, 598, 611, 612, 613, 614,
615, 616, 617, 618, 619, 620,
621, 622, 627, 628, 631, 633,
635, 642, 644, 645, 646, 647,
648, 650, 652, 653, 654, 655,
656, 657, 658, 659, 660, 661,
663, 679, 680, 681, 682, 683

Цзян Цин 55, 80

Циранкевич 11, 52, 54, 218,
219, 233, 235, 236, 240, 256,
396, 495, 504, 505, 517, 522,
562, 563, 570, 575, 579, 580,
581, 583, 585, 603
Цыбин 257, 553

Чан Кайши 9, 23, 28, 29, 35,
58, 60, 61, 62, 81, 99, 100, 339,
365, 461, 463

Чаушеску 302, 314, 316

Чэнь И 595

Чепичка 284, 285, 286, 296

Червенков 66

Чернов 297, 299, 300, 616, 663

Чернышевский 108, 112

Чернявский 191, 481

Черчилль 13, 29, 220, 221, 249,
281, 438, 440, 497, 550, 559

Чжан Цзолин 28, 31

Чжоу Энълай 33, 39, 47, 48, 49,
51, 54, 58, 59, 61, 71, 82, 84,

86, 87, 104, 115, 121, 318, 348,
382, 467, 470, 595

Чжу Дэ 28, 31, 58, 81, 86, 104

Чингисхан 43

Чубарь 109

Шапошников 634

Шатилов 556

Шах-Джахан 339

Шверник 41, 621

Шелепин 41

Шепилов 126, 140, 146, 147,

628, 632, 643, 645, 646, 648, 652

Шербурка 486

Шермарк 458

Широкий 287, 288, 290, 296

Шолохов 658

Шохин 663

Штеменко 682

Штыков 467, 472

Эгбаль 369

Эйзенхауэр 17, 18, 82, 269, 319,

393, 394, 395, 397, 661, 681

Эль Бадр 413, 444, 445, 446

Энгельс 360, 457, 528, 597

Эрдси 638

Эрхард 177, 478, 191

Юдин 20, 21, 22, 72, 73, 74,
110, 123, 124, 143, 144, 145,
167

Юз 355

Ягода 288

Яковлев 197, 487, 566, 567

Якубовский 476

Яхья 432

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абхазия 161
 Австралия 432, 673
 Австрия 191, 265, 273, 301
 Австро-Венгрия 276, 287, 296, 481, 506
 Агра 339
 Аден 186, 444, 627
 Азербайджан 362
 Азия 11, 27, 44, 153, 171, 321, 630
 Акабский залив 435
 Албания 15, 16, 19, 32, 78, 95, 96, 106, 107, 133, 135, 136, 138, 141, 142, 143, 144, 145, 146, 147, 148, 150, 151, 153, 154, 155, 173, 204, 316, 473, 592, 682
 Александрия 402, 418, 419, 424
 Алжир 416, 432, 452, 457, 458
 Алма-Ата 47, 48
 Амстердам 376
 Амур, река 90
 Анапа 531
 Англия 29, 49, 65, 83, 108, 153, 175, 183, 184, 194, 195, 197, 276, 317, 327, 333, 350, 355, 356, 362, 366, 373, 385, 391, 392, 393, 394, 395, 396, 397, 403, 404, 410, 430, 433, 437, 441, 444, 445, 448, 454, 475, 599, 603, 604, 605, 606, 607, 608, 612, 656, 662, 677
 Аракс, река 369, 433
 Арарат, гора 85
 Армения 85
 Архангельск 439, 440
 Асуан, плотина (Ас - Сади аль Али) 391, 404, 405, 406, 407, 408, 409, 410, 411, 412, 416, 417, 418, 420, 422, 424, 425, 432, 434, 453, 599
 Атрек, река 111, 369
 Афганистан 167, 332, 350, 351, 352, 353, 359, 360, 361, 362, 368, 380, 426, 427, 428, 457
 Африка 11, 44, 131, 141, 204, 406, 449, 494, 630, 653, 677
 Багдад 399, 400, 403
 Баку 403
 Бали, остров 382, 383, 384
 Бандунг 318, 382, 630
 Бахмут (совр. Артемовск) 533
 Белград 51, 123, 143, 144, 145, 148, 149, 150, 157, 159, 167, 227, 271, 400, 510, 628, 631, 644, 647, 648
 Бельгия 19, 673
 Берлин 170, 171, 172, 174, 179, 180, 181, 182, 183, 191, 194, 207, 280, 291, 475, 476
 Берлин Западный 170, 171, 174, 176, 177, 178, 179, 181, 182, 183, 184, 186, 187, 475, 476
 Бессарабия 88, 297, 298, 299, 313, 314
 Биафра 432
 Бирма (совр. Мьянма) 318, 339, 340, 341, 342, 343, 344, 345, 346, 347, 348, 349, 353, 371, 380
 Ближний Восток 49, 131, 260, 270, 391, 393, 397, 402, 430, 442, 443, 600, 604, 610
 Богор (Бейтензорг) 377, 378, 380, 382, 383, 388, 389
 Болгария 9, 19, 24, 66, 67, 125, 127, 156, 159, 167, 171, 184, 189, 244, 258, 275, 277, 289, 310, 438, 441, 473, 526, 565, 577, 592, 594
 Бомбей 323, 326, 328, 329, 330, 331
 Борнео (Калимантан), остров 377
 Босфор, пролив 431, 592
 Бразилия 673
 Бриони, остров 257
 Броды 634
 Буг Западный, река 539
 Буда 642
 Будапешт 50, 51, 150, 154, 252, 253, 254, 255, 257, 258, 259, 260, 261, 263, 264, 265, 266, 268, 271, 275, 638, 639, 640, 641, 642, 644, 645, 647, 648, 649, 660
 Буковина 298
 Буковина Северная 297, 298
 Бухарест 136, 141, 146, 155, 256, 257, 260, 268, 299, 300, 309, 310, 311, 316
 Бхилаи (Бхилайнагар) 11
 Варшава 8, 51, 193, 198, 200, 202, 212, 213, 214, 215, 216, 217, 218, 220, 221, 225, 226, 227, 235, 237, 238, 239, 240, 242, 249, 253, 256, 482, 488, 489, 496, 497, 498, 499, 500, 501, 502, 504, 510, 515, 516, 517, 518, 519, 520, 521, 523, 524, 530, 533, 551, 552, 553, 554, 555,

- 556, 557, 558, 559, 560, 561, 562, 565,
576, 579, 580, 581, 583, 584, 585, 635
Вашингтон 19, 82, 83, 376
Вена 50, 180, 262
Венгрия 9, 19, 49, 50, 51, 52, 53, 127,
145, 153, 154, 156, 189, 228, 242, 243,
244, 249, 250, 251, 252, 253, 254, 255,
256, 257, 258, 259, 260, 261, 262, 263,
264, 265, 266, 268, 269, 270, 271, 272,
273, 274, 275, 276, 287, 296, 338, 393,
396, 438, 464, 479, 481, 506, 511, 524,
525, 526, 576, 583, 587, 588, 590, 600,
603, 638, 639, 641, 642, 643, 645, 646,
647, 648, 649, 650, 651, 652, 658, 660,
667
Винница 530
Висла, река 213, 220, 221, 499, 550
Владивосток 26, 38, 47, 90, 296, 469,
471, 481, 590
Воеводина 156
Вьетнам 113, 114, 115, 116, 117, 118,
119, 120, 121, 122, 138, 435, 607, 608, 667
Вьетнам Северный (ДРВ) 95, 112,
114, 115, 122, 138, 607, 608
- Гагра 161, 300, 467
Гана 453, 454, 455, 458
Гвинея 449, 450, 451, 454, 457
Герат 368
Германия 30, 47, 81, 123, 126, 168,
169, 172, 173, 174, 175, 176, 177, 178,
179, 180, 184, 185, 186, 189, 190, 191,
198, 202, 227, 235, 238, 241, 246, 248,
249, 273, 280, 286, 287, 292, 297, 299,
393, 438, 457, 474, 475, 476, 481, 488,
491, 494, 509, 517, 519, 525, 527, 528,
536, 545, 547, 550, 551, 568, 569, 582,
584, 600, 624, 625, 626, 627, 633, 634,
656, 682, 683
Германия Восточная (ГДР) 170, 171,
172, 173, 175, 177, 183, 190, 191
Германия Западная (ФРГ) 14, 160,
169, 170, 171, 173, 174, 175, 176, 177,
178, 179, 184, 187, 190, 475, 478, 479,
480, 525, 586, 623, 624, 626, 627, 634
Гиндукуш, хребет 368
Горький (совр. Нижний
Новгород) 662
Греция 19, 132, 249
Грузия 217, 331, 558, 615
- Дальний (совр. Далянь) 40, 53, 470
Дальний Восток 29, 46, 47, 89, 467,
469, 622, 633, 683
Дамаск 441
Дарданеллы, пролив 431, 592, 659
Дебрецен 641
Дедово 636
Дели 322, 323, 334, 339, 356, 367
Джакарта 371, 377, 379, 382, 386, 388
Днепр 203, 223, 484, 493, 544, 593
Днепродзержинск 194, 484
Днестр, река 297, 298
Добруджа 156
Донбасс 27, 67, 268, 355, 384, 511,
531, 532, 583, 619
Дрогобыч 203, 492, 493, 536, 537
Дубровник 160
Дунай, река 154, 159, 266, 272, 641
Дунапентели 639
Дунауйварош 276
Дьен Бьен Фу 116, 122
Дьендьеш 641
Дьер 641
- Европа 14, 19, 35, 112, 131, 133, 153,
160, 175, 177, 178, 318, 439, 478, 522,
630, 647, 683
Египет 389, 391, 392, 393, 394, 395,
396, 397, 398, 399, 401, 403, 404, 405,
406, 407, 408, 415, 429, 430, 431, 433,
434, 435, 439, 446, 447, 448, 599, 600,
601, 603, 604, 605, 606, 608, 622, 656
Екатеринодар 408
- Железные Ворота на Дунае 156, 308
Житомирская губерния 192
Житомирская область 482, 530
- Закарпатье 280, 281, 641
Закаспийский край 368
Запорожье 356, 357
Золотой берег 458
- Ивано-Франковск 536
Измаильская область 306
Израиль 49, 269, 392, 393, 394, 395,
396, 397, 415, 430, 434, 435, 436, 437,
438, 439, 440, 446, 447, 448, 456, 600,
601, 602, 603, 604, 605, 606, 607, 608,
622

- Индия 11, 45, 82, 83, 84, 85, 86, 102, 111, 317, 318, 320, 321, 322, 323, 325, 326, 327, 328, 329, 330, 331, 332, 333, 334, 335, 336, 337, 338, 339, 340, 345, 350, 351, 352, 353, 354, 355, 356, 357, 358, 359, 360, 364, 365, 366, 367, 368, 371, 380, 384, 391, 406, 425, 426, 427, 449, 464, 595, 596, 673
Индонезия 45, 318, 337, 346, 348, 358, 369, 370, 371, 372, 373, 374, 375, 376, 377, 378, 379, 380, 381, 383, 386, 387, 388, 389, 430, 598, 667
Инчхон (Чемульпо) 466
Иордания 448, 606
Иран 85, 167, 204, 361, 362, 363, 368, 369, 403, 428, 433, 441
Ириан Западный 374, 375, 376, 389
Испания 19, 122, 275, 422, 561, 660
Италия 19, 52, 123, 159, 178, 250, 612
- Йемен 411, 413, 416, 432, 444, 445, 446, 447, 448, 604
Йеменская Арабская Республика 447
Йеменское королевство 447
- Кабардино-Балкарская автономная республика 654
Кабул 350, 351, 352, 353, 360, 368, 427
Кавказ 180, 250, 538, 605
Кавказ Северный 179, 432, 531
Казахстан 470, 655
Каир 318, 431
Калимантан (ранее Бали), остров 377, 389
Калиновка 195, 535
Калмыцкая автономная республика 654
Калькутта 323, 337, 338, 339, 354
Каменец-Подольск (Каменец-Подольский) 195, 485, 530
Кандагар 368
Кантон 25, 462
Карачаевская автономная область 654
Карельский перешеек 438
Карпатские горы 281, 307, 539, 594
Карпаты 313, 561
Кашмир 330, 331, 332, 333, 334
Керала 331, 332
Киев 124, 142, 184, 192, 193, 195, 198, 200, 203, 205, 208, 209, 210, 213, 214, 217, 218, 223, 249, 281, 473, 480, 482, 483, 489, 493, 494, 495, 496, 499, 500, 504, 530, 531, 532, 533, 534, 539, 540, 541, 543, 544, 545, 546, 548, 551, 552, 558, 560, 593
Киевская область 482
Киевская губерния 192
Кипр 392, 600
Киргизия 352
Китай 9, 17, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 66, 69, 70, 71, 73, 74, 75, 76, 78, 79, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 89, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 97, 98, 99, 100, 101, 102, 103, 104, 105, 106, 108, 109, 110, 111, 115, 116, 117, 118, 119, 120, 121, 122, 126, 133, 134, 136, 137, 138, 139, 167, 234, 293, 294, 302, 310, 313, 318, 321, 338, 339, 348, 363, 364, 365, 366, 367, 368, 387, 388, 425, 454, 461, 462, 463, 464, 465, 467, 469, 470, 471, 472, 516, 518, 576, 592, 595, 596, 597, 607, 609, 664, 665, 667, 669, 672, 675, 676, 678, 679, 680, 681
Кишинев 298
Корея Северная (КНДР) 30, 35, 36, 37, 39, 40, 47, 116, 465, 466, 467, 468, 469, 615, 660
Корея Южная (Республика Корея) 36, 37, 40, 465, 466, 469
Краков 8, 19, 202, 223, 491, 529, 544, 583
Красная Поляна 636
Красное море 416, 417, 445, 447, 606
Крым 157, 160, 230, 234, 236, 281, 287, 361, 454, 473, 480, 516, 518, 570, 576
Куба 19, 450, 608, 609, 622
Кубань, река 283, 408
Курская губерния 195, 377, 429, 535
Кушка 360, 368
Кэмп-Дэвид 17
- Латвия 196, 298, 486
Ленинград (совр. Санкт-Петербург) 165
Либава 635
Ливан 432, 442, 443, 605
Ливия 429
Липки 51, 254

Литва 196, 298, 486
 Лодзь 215, 216, 501, 553, 554, 555
 Лондон 220, 221, 222, 352, 438, 497,
 550, 559, 560
 Луганск 289, 297
 Луксор 417
 Луцк 205, 494
 Львов 197, 198, 199, 200, 201, 202,
 203, 204, 222, 223, 224, 248, 279, 486,
 487, 488, 489, 490, 491, 492, 493, 505,
 506, 507, 536, 537, 544, 549
 Люблин 207, 209, 210, 211, 212, 217,
 220, 495, 496, 498, 502, 503, 504, 540,
 545, 546, 547, 548

Мадрас 323, 326, 327
 Малайзия 27, 377, 387, 389
 Мали 454, 455, 458
 Марокко 451, 456, 458
 Минск 209, 545, 548, 634
 Мишкоть 641
 Молдавия 298, 306, 312, 313, 314, 564
 Монголия (МНР) 19, 87, 88, 97, 470
 Монголия Внутренняя (КНР) 88
 Москва 8, 15, 19, 29, 31, 32, 33, 35,
 45, 46, 49, 51, 54, 55, 62, 63, 70, 83,
 84, 96, 100, 101, 107, 111, 112, 114,
 115, 117, 124, 140, 141, 143, 145, 148,
 149, 150, 153, 166, 168, 171, 180, 187,
 188, 192, 194, 196, 205, 207, 208, 213,
 217, 220, 222, 224, 226, 227, 231, 232,
 234, 236, 250, 252, 253, 256, 259, 260,
 261, 262, 264, 265, 266, 278, 280, 281,
 284, 288, 293, 301, 304, 305, 310, 332,
 336, 347, 348, 355, 372, 374, 375, 379,
 381, 385, 387, 400, 416, 425, 426, 431,
 432, 433, 435, 442, 444, 445, 455, 463,
 465, 467, 469, 476, 481, 482, 483, 484,
 492, 497, 498, 499, 502, 505, 507, 509,
 514, 515, 516, 531, 534, 537, 538, 539,
 541, 542, 543, 548, 549, 551, 552, 554,
 556, 558, 564, 567, 574, 576, 587, 590,
 593, 613, 616, 621, 622, 636, 638, 642,
 649, 650, 660, 661, 664, 665, 683, 684
 Москва-река 402
 Мурманск 471
 Мюнхен 279

Наро-Фоминск 636
 Нейсе, река 246, 568

Нигерия 409, 432
 Нидерланды 19, 167, 296, 371, 372,
 376, 389
 Нил, река 404, 410, 417, 419
 Новая Гвинея 376, 377, 389
 Нова-Гута 19, 246, 529
 Новая Зеландия 432, 667
 Новый Афон 161
 Норвегия 19, 478, 479

Одер, река 246, 568, 569
 Одесса 125, 473

Пакистан 45, 85, 318, 330, 331, 332,
 333, 334, 351, 360, 361, 366, 368, 426,
 432, 449, 597
 Памир, горный массив 92
 Париж 440
 Пастуховка 276
 Пекин 31, 38, 40, 41, 43, 44, 45, 46,
 47, 49, 51, 53, 57, 61, 62, 63, 71, 72,
 74, 83, 84, 86, 88, 89, 90, 91, 92, 93,
 94, 95, 96, 97, 98, 112, 118, 122, 126,
 256, 318, 348, 364, 365, 387, 388, 464,
 467, 470, 471, 672, 677
 Персия 362
 Пицунда 161, 168, 313, 314, 609
 Польша 8, 11, 19, 24, 49, 51, 52, 88,
 127, 145, 153, 162, 163, 164, 189, 192,
 193, 194, 195, 196, 197, 198, 199, 200,
 201, 202, 204, 205, 206, 207, 208, 209,
 210, 216, 217, 218, 220, 221, 222, 223,
 224, 225, 226, 227, 228, 230, 231, 232,
 233, 234, 235, 236, 237, 238, 239, 240,
 241, 242, 243, 244, 245, 246, 247, 248,
 249, 252, 253, 256, 270, 273, 274, 279,
 280, 282, 287, 289, 291, 295, 297, 313,
 338, 389, 396, 481, 482, 483, 485, 486,
 487, 488, 489, 491, 492, 493, 494, 495,
 496, 497, 502, 503, 504, 505, 506, 507,
 508, 509, 510, 511, 513, 514, 515, 517,
 518, 519, 520, 521, 522, 523, 524, 525,
 526, 527, 528, 529, 530, 531, 534, 536,
 537, 538, 539, 540, 542, 543, 544, 545,
 546, 547, 548, 550, 552, 553, 554, 555,
 556, 557, 559, 560, 561, 562, 563, 564,
 566, 568, 569, 570, 574, 575, 576, 577,
 578, 579, 580, 581, 582, 583, 584, 585,
 586, 587, 588, 589, 590, 591, 592, 603,
 658

- Порт-Артур (совр. Люйшунь) 40, 46, 47, 84, 470
 Прага 146, 213, 280, 286, 291, 292, 354, 552, 553
 Прибалтика 635
 Пусан 466
- Рангун 342, 343, 346, 348
 Рика, озеро 161
 Россия 31, 34, 53, 59, 88, 90, 91, 92, 111, 112, 169, 191, 192, 195, 245, 247, 262, 275, 277, 296, 297, 313, 325, 334, 355, 357, 362, 368, 473, 478, 481, 482, 503, 527, 528, 532, 535, 543, 544, 547, 549, 550, 551, 553, 603, 683
 Роуркал 368
 Румыния 9, 11, 19, 24, 127, 145, 154, 156, 167, 189, 245, 257, 273, 274, 275, 287, 296, 297, 298, 299, 300, 302, 303, 304, 306, 307, 308, 309, 310, 311, 312, 313, 314, 315, 316, 438, 464, 526, 528, 577, 587, 588, 590, 591, 592, 593
 Русь Закарпатская 281, 594
- Сабах 389
 Салоники 250
 Сана 444
 Саратов 193, 483, 530
 Саудовская Аравия 432, 446
 Свердловск (совр. Екатеринбург) 481, 590
 Севастополь 336
 Северный Ледовитый океан 75
 Серавака 389
 Сеул 466
 Сибирь 26, 41, 42, 43, 46, 69, 113, 160, 169, 204, 469, 539
 Синайский полуостров 439
 Сингапур 387, 389
 Синьцзян 23, 40, 84, 461, 463, 464
 Сирия 393, 398, 399, 400, 401, 402, 403, 409, 416, 432, 433, 434, 439, 440, 441, 442, 443, 448, 600, 604, 605, 606, 608
 Соединенные Штаты Америки 14, 15, 16, 17, 18, 19, 31, 37, 40, 45, 46, 47, 62, 64, 65, 76, 78, 82, 85, 93, 102, 112, 116, 121, 122, 126, 138, 145, 151, 153, 155, 156, 159, 168, 170, 171, 176, 177, 184, 186, 188, 189, 191, 244, 250, 262, 263, 269, 270, 287, 296, 334, 349, 350, 351, 352, 353, 359, 362, 364, 365, 366, 367, 368, 369, 373, 375, 376, 385, 394, 397, 402, 404, 426, 427, 428, 429, 430, 431, 432, 441, 442, 443, 447, 450, 468, 469, 475, 476, 477, 478, 479, 480, 510, 525, 526, 566, 589, 595, 597, 600, 601, 604, 605, 607, 608, 609, 611, 612, 613, 619, 647, 656, 664, 670, 677, 683
 Сокаль 634
 Соколово 280
 Сольнок 641, 645, 647, 649
 Сомали 455, 456, 458
 Сомали ленд (Совр. название Сомали) 458
 Сочи 300, 301, 321, 467, 663
 Средиземное море 128, 129, 392, 402, 600
 Средиземноморье 473
 Сталинград (совр. Волгоград) 79, 179, 438, 472, 493, 538, 593
 Сталинская область 71
 Стамбул 85, 431
 Станислав (совр. Ивано-Франковск) 203, 297, 492, 536
 Суданская Республика (совр. Судан) 458
 Судетская область 280
 Сумы 205, 494, 539
 Супой, озеро 480
 Сухуми 161
 Суэцкий канал 253, 391, 392, 404, 430, 433, 438, 599, 604
- Тёкёл 638, 644, 647
 Тайвань 62, 630
 Тернополь (совр. Тернополь) 196
 Тегеран 111, 362, 403
 Тель-Авив 438
 Тибет 85, 86, 111
 Тирана 130, 133, 134, 137
 Тирасполь 298
 Тихий океан 471
 Трансильвания 156, 276, 303
 Триест 657
 Тунис 429
 Туркменистан (совр. Туркмения) 419, 421
 Турция 19, 85, 111, 171, 178, 184, 304, 368, 431, 441, 442, 597, 604, 605, 659

- Ужгород 263
 Узбекистан 333, 419, 420, 421, 424, 621, 655
 Украина (УССР) 8, 31, 32, 53, 71, 124, 125, 142, 143, 159, 192, 196, 197, 198, 199, 203, 205, 206, 207, 208, 209, 212, 214, 222, 226, 247, 248, 279, 281, 282, 283, 296, 297, 311, 313, 356, 465, 482, 485, 486, 487, 488, 489, 492, 494, 495, 499, 500, 503, 505, 508, 511, 528, 530, 531, 532, 533, 534, 536, 537, 539, 542, 543, 544, 545, 546, 547, 548, 551, 552, 561, 563, 570, 571, 572, 594, 621, 634, 635, 656
 Украина Западная 196, 199, 200, 204, 225, 296, 486, 487, 488, 492, 493, 530, 536, 537, 538
 Улан-Батор 47, 87, 470
 Урал, горы 79, 472
 Уссури, река 89, 111
- Филиппины 432
 Финляндия 17, 147, 165, 196, 275, 298, 438, 486, 659, 661
 Франция 19, 49, 52, 76, 94, 114, 116, 122, 147, 168, 169, 176, 177, 178, 188, 189, 191, 250, 269, 270, 279, 291, 296, 297, 361, 385, 392, 393, 394, 395, 396, 422, 430, 432, 437, 440, 448, 449, 457, 599, 600, 601, 602, 603, 604, 605, 607, 608, 612, 656, 661, 662, 677
- Хабаровск 90, 681, 683, 684
 Хайнань 24, 25, 462, 464
 Ханой 115, 122, 458
 Харьков 192, 280, 482, 493, 533
 Ходейда 445
 Холм 208, 212, 503, 543, 547, 548
- Цаца, озеро 298
 Цейлон, остров (совр. Шри Ланка) 673
- Чепель 640, 641, 644
 Черемыш Черный 297
 Черновцы (Черновицы) 297, 300
 Черное море 195, 304, 373, 485, 592
 Чехия 277, 280
 Чехословакия 9, 19, 24, 80, 127, 145, 167, 184, 242, 243, 245, 256, 257, 273, 279, 280, 281, 282, 283, 284, 285, 286, 287, 288, 290, 291, 292, 293, 294, 295, 296, 297, 314, 316, 354, 474, 523, 525, 528, 577, 580, 587, 589, 590, 667
 Чечено-Ингушская автономная республика 654
- Шанское национальное государство (Бирма, совр. Мьянма) 341
 Шанхай 23, 28, 469
 Шерхан 368
- Эритрея 455
 Эстония 196, 298, 486
 Эфиопия 455, 456, 458
- Югославия 9, 16, 21, 51, 53, 56, 81, 123, 124, 125, 126, 127, 129, 130, 132, 134, 140, 141, 142, 143, 144, 145, 146, 147, 148, 149, 150, 151, 152, 153, 154, 155, 156, 157, 159, 160, 161, 162, 163, 165, 166, 167, 178, 189, 227, 256, 257, 258, 260, 268, 272, 275, 308, 316, 367, 370, 391, 392, 400, 402, 429, 473, 509, 510, 565, 566, 570, 599, 631, 645, 646, 657, 662, 682
 Юзовка 28, 191, 276, 278, 355, 481, 511, 533
- Ява, остров 371
 Яготин 480
 Ялта 281, 503
 Яньань 30
 Япония 9, 29, 30, 37, 40, 53, 100, 188, 468, 477, 478

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АКП — Алжирская Коммунистическая партия	КПГ — Коммунистическая партия Германии
АЛНС — Антифашистская лига народной свободы (Бирма)	КПК — Коммунистическая партия Китая
АНТАНТА — Тройственное (сердечное) согласие (Англия, Россия, Франция)	КПР — Коммунистическая партия Румынии
АПТ — Албанская партия труда	КПСС — Коммунистическая партия Советского Союза
БССР — Белорусская Советская Социалистическая Республика	КПФ — Коммунистическая партия Франции
ВКП — Венгерская коммунистическая партия	КПЧ — Коммунистическая партия Чехословакии
ВКП(б) — Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков)	КПЮ — Коммунистическая партия Югославии
ВНА — Венгерская народная армия	МВД — Министерство внутренних дел
ВПТ — Венгерская партия трудящихся	МГБ — Министерство государственной безопасности
ВСРП — Венгерская Социалистическая рабочая партия	МИД — Министерство иностранных дел
ГДР — Германская Демократическая Республика	МОССОВЕТ — Московский Совет депутатов трудящихся
ГЕНАССАМБЛЕЯ — Генеральная Ассамблея ООН	МТС — Машинно-тракторная станция
ГЕНШТАБ — Генеральный штаб	НАТО — Организация Северо-атлантического договора
ГОСКОНТРОЛЬ — Государственный контроль	ОАР — Объединенная Арабская Республика
ГОСПЛАН — Государственный плановый комитет	ОБКМ — Областной комитет
ГОССОВЕТ — Государственный Совет	ОВС — Объединенные вооруженные силы
ГОСХОЗ — Государственное хозяйство	ОГПУ — Объединенное государственное политическое управление
ГЭС — Гидроэлектростанция	ООН — Организация Объединенных Наций
ДОТ — Долговременная огневая точка	ПКНО — Польский Комитет национального освобождения
КГБ — Комитет государственной безопасности	ПОЛИТБЮРО — Политическое бюро
КНР — Китайская Народная Республика	ПОРП — Польская объединенная рабочая партия
КОЛХОЗ — коллективное хозяйство	ППС — Польская социалистическая партия
КОМИНТЕРН — III Коммунистический Интернационал	РГВА — Российский Государственный военный архив
КП(б)У — Коммунистическая партия (большевиков) Украины	РКП(б) — Российская Коммунистическая партия (большевиков)
КПИ — Коммунистическая партия Индонезии	

СЕАТО — Организация договора Юго-Восточной Азии	СФРЮ — Социалистическая Федеративная Республика Югославия
СЕПГ — Социалистическая единая партия Германии	ТАСС — Телеграфное агентство Советского Союза
СИБ — Союзное исполнительное вече (Югославия)	ТОЗ — Товарищество по обра- ботке земли
СКП — Сирийская Коммунисти- ческая партия	ФНРЮ — Федеративная Народ- ная Республика Югославия
СОВМИН — Совет Министров	ФНО — Фронт национального освобождения (Алжир)
СОВНАРКОМ — Совет народных комиссаров	ФРГ — Федеративная Республи- ка Германия
«СОВРУМ» — «Советско-румын- ское общество»	ЦК — Центральный Комитет
СССР — Союз Советских Социа- листических Республик	ЦСУ — Центральное статисти- ческое управление
США — Соединенные Штаты Америки	ЦХСД — Центр хранения совре- менной документации
СЭВ — Совет Экономической взаимопомощи	

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
-----------------------	----------

ВОСПОМИНАНИЯ

Часть V

Социалистическое содружество

По социалистическому пути	7
Мао Цзэдун	19
Дружба с Китаем после победы народной революции	32
Поворот в отношениях с Китаем	54
Дальнейшее ухудшение отношений с Китаем	82
Хо Ши Мин	113
Об Албании	122
Югославские проблемы	141
Проблемы Германии	168
Польский сосед	191
Венгерский сосед	249
Чехословацкий сосед	276
Румынский сосед	297

Часть VI

Окно в третий мир

По Индии	317
В Бирме	339
От Индии к Афганистану, Ирану и вновь к Индии	350
Об Индонезии	369
О Египте	389
Шестидневная война	433
От Сирии до Йемена	440
Отношения с африканскими странами	448

ПРИЛОЖЕНИЯ

Варианты магнитофонных записей воспоминаний	461
(Часть V. «Социалистическое содружество».	
Часть VI. «Окно в третий мир»)	
Беседа с Н.С. Хрущевым в Комитете партийного контроля	611
Документы	623

СПРАВОЧНЫЙ МАТЕРИАЛ

Именной указатель	687
Географический указатель	694
Список сокращений	700

*

ПОПРАВКА

На стр. 722 во второй книге воспоминаний Н.С. Хрущева «Время. Люди. Власть» в именном комментарии следует читать:
БЕКИЧ М. — югославский журналист, корреспондент загребской газеты «Виесник».

ISBN в этой же книге должен соответствовать следующим данным: ISBN 5-9000 36-05-7 (кн.2)
5-900036-04-9

Хрущев Никита Сергеевич

ВРЕМЯ. ЛЮДИ. ВЛАСТЬ

(Воспоминания)

ИЗДАТЕЛЬ

**Информационно-издательская компания
«МОСКОВСКИЕ НОВОСТИ»**

**Председатель издательского совета
А.Л.ВАЙНШТЕЙН**

**Главный редактор издания
Г.И.РЕЗНИЧЕНКО**

**Координатор издания
Г.Ф. РАБИН**

**Составление, выявление и обработка документов,
примечания, комментариев, именной и географический указатели
Ю.А. Абрамова, А.В.Новиков, А.В. Пыжиков, Г.И.Резниченко,
Н.С.Хрущев-младший.**

Редакторы В.С. Воробьева, Е.В. Кузина

Художник Г.И. Максименков

Фоторедактор П.М. Кримерман

Технический редактор А.Г. Бухаров

Корректоры: Л.В. Прудникова, Н.Ю. Железкова, М.В. Поляева, В.И. Машнова, В.И. Ужегова

Компьютерный набор: Е.В. Кирова, О.Н. Бессонова, Е.В. Савкина,

Е.Е. Орехова, Е.Ю. Мышонкова, Т.В. Серегина

Макет: Е.Н. Киселева, М.Л. Аринушкин

ИИК «Московские новости», Москва

ЛР 100032 от 03.06.97 г.

Сдано в печать 31.03.1999 г. Формат 60 x 90^{1/16}. Объем 45 п.л. Гарнитура Юниверс.

Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Тираж 3000. Зак № 497

Типография №2 РАН

Москва, Шубинский пер., 6